

Российская академия наук
Институт психологии

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ЕЕ ОТРАСЛЕЙ

Ответственные редакторы:

*Т. В. Дробышева, Т. П. Емельянова, Т. А. Нестик,
Н. Н. Хащенко, А. Е. Воробьева*

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва — 2023

УДК 159.9.018

ББК 88

А 43

Все права защищены.

Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Редколлегия:

*А. Е. Воробьева (отв. ред.), Т. В. Дробышева (отв. ред.),
Т. П. Емельянова (отв. ред.), Т. А. Нестик (отв. ред.), А. В. Сухарев,
С. В. Тихомирова, Е. В. Тугарёва, Н. Н. Хашенко (отв. ред.)*

А 43 Актуальные проблемы современной социальной психологии и ее отраслей.

Сборник научных трудов / Отв. ред. Т. В. Дробышева, Т. П. Емельянова, Т. А. Нестик, Н. Н. Хашенко, А. Е. Воробьева. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. — 893 с.

doi: 10.38098/conf_23_0468

ISBN 978-5-9270-0468-3

УДК 159.9.018

ББК 88

В книге, представляющей собой сборник научных трудов отечественных исследователей социальной психологии и ее прикладных отраслей, рассматриваются наиболее актуальные теоретико-методологические проблемы современной науки, приводятся результаты эмпирических исследований в области не только социальной, но и экономической, политической психологии, организационной психологии и психологии управления, социальной психологии города, истории социальной психологии. Впервые предметом анализа становится научная деятельность конкретного научного подразделения — Лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН, отмечающей свой полувековой юбилей. В книге приведены результаты актуальных социально-психологических и экономико-психологических исследований, которые проводятся сотрудниками лаборатории. Намечены новые перспективные направления исследований в области социальной и экономической психологии. Отдельный раздел сборника посвящен научно-исследовательской и организационной деятельности выдающегося отечественного ученого — академика РАН и РАО — А. Л. Журавлева, который три десятка лет возглавлял лабораторию социальной и экономической психологии ИП РАН. В статьях, составляющих этот раздел, приводятся результаты историко-психологических исследований, раскрывающих вклад ученого в методологию отечественной психологии, социальную и промышленную психологию, психологию управления. Подчеркивается перспективность ранее разработанных А. Л. Журавлевым подходов и концепций, в частности коллективного субъекта, совместной деятельности, коллективных форм организации труда и др.

Книга предназначена для социальных психологов, интересующихся историей и современным состоянием отечественной науки и практики, а также для представителей смежных наук, ориентированных на взаимодействие с социальной психологией.

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2023

ISBN 978-5-9270-0468-3

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	13
Дробышева Т. В. Развитие социально-психологических проблем в научной деятельности лаборатории ИП РАН: историко-психологическое исследование.	15
Белопольский В. И., Костригин А. А. Этапы творческого пути А. Л. Журавлева: библиометрический анализ.	37
Нестик Т. А. Перспективные направления исследований в отечественной социальной психологии	47
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В РАБОТАХ СОТРУДНИКОВ ЛАБОРАТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН	
Воробьева А. Е. Отношение к радикализации потребительского поведения	63
Емельянова Т. П. Социальная солидарность в период пандемии COVID-19: социально-психологические аспекты.	70
Ларионов И. В., Дробышева Т. В. Феномен социально-психологической пресыщенности молодых горожан условиями проживания в мегаполисе: обоснование и результаты исследования.	77
Лебедев А. Н., Гордякова О. В., Гагарина М. А., Панфилова А. С. Ценностно-аффективная поляризация российского общества: проблема и новые методы исследования феномена	84
Миллер Л. В. Социальная психология в системе научного знания и практики оказания медико-психологической помощи пациентам с аутоагрессивным поведением.	90
Позняков В. П., Поддубный С. Е. Личностные предикторы перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям	99
Сухарев А. В. К проблеме разработки единого языка описания механизма развития индивидуального и коллективного субъекта.	105
Тарасов С. В., Дробышева Т. В. Интегративный подход в исследовании полузакрытых учебных групп: обоснование и концептуальные представления	113

Тихомирова С. В. Коллективные переживания: социально-психологические функции и механизмы формирования. . .	121
Тугарёва Е. В. Взаимосвязь социально-психологических индикаторов и уровня выраженности «материализма» в контексте исследования экономического поведения	128
Тугарёва Е. В. Личностные и социально-психологические детерминанты эффекта «мое финансовое положение лучше, чем у других» в условиях пандемии COVID-19	136
Хашченко В. А., Хашченко Н. Н. Новое измерение материализма личности: опросник ценностного материализма	144

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. Л. ЖУРАВЛЕВА КАК ПРЕДМЕТ
ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Грачев А. А. Вклад А. Л. Журавлева в отечественную промышленную социальную психологию.	157
Гаврина Е. Е. История сотрудничества по прикладной юридической психологии Академии ФСИН России и Института психологии РАН .	167
Жалагина Т. А. Роль личности в развитии отечественной психологии: А. Л. Журавлев – ученый, организатор, наставник	174
Зобков В. А. Психология отношения человека к жизнедеятельности: история сотрудничества Института психологии РАН и вузов г. Владимира	188
Калинин И. В. Потенциал поведенческого подхода А. Л. Журавлева в исследовании стиля руководства	201
Ковалева Ю. В. Академик А. Л. Журавлев – организатор и научный руководитель семинара ИП РАН «Актуальные направления психологических исследований».	209
Костригин А. А. Проблемы методологии психологии в работах А. Л. Журавлева	218
Мазилев В. А., Слепко Ю. Н. Проблема интеграции в психологии: А. Л. Журавлев как методолог отечественной психологической науки	232
Позняков В. П. Разработка А. Л. Журавлевым проблем психологии совместной деятельности и ее коллективного субъекта (1980—начало 2000-х годов).	245
Тихонова Э. В. К истории создания и применения «Методики определения индивидуального стиля руководства» А. Л. Журавлева	259

Фролова С. В. Роль А.Л. Журавлева в развитии социальной психологии
в Саратовской научной школе 266

Холондович Е. Н. Анатолий Лактионович Журавлев:
важнейшие этапы научного творчества 274

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ЕЕ ПРИКЛАДНЫХ ОТРАСЛЕЙ

Власов Н. А. Трансформация системы основных
социально-психологических понятий
в отечественной психологической науке 287

Криулина А. А. Будущее социальной психологии
в междисциплинарном измерении 294

Леонов И. Н. Проект материалистической социальной психологии
М. А. Рейснера 301

**Почебут Л. Г., Безносов Д. С., Чикер В. А., Недошивина М. А.,
Ларькина В. А.** Понятие и проблемы социального капитала
в современной науке 308

Слабинский В. Ю. Еще раз о терминах «отношение» и «аттитюд»:
к 130-летию со дня рождения В. Н. Мясищева 314

Слепко Ю. Н. Проблемы социальной психологии
колхозного крестьянства в работах В. В. Новикова 320

Стоюхина Н. Ю. Русский писатель и «реалист-психолог»
П. Д. Боборыкин 327

Стоюхина Н. Ю., Миронов Д. В. Деятельность первых педологов
Чувашской Республики по изучению представлений
о социальных явлениях у школьников 336

Южанинова А. Л. Историческая транспектива
судебной социально-психологической экспертологии
как прикладной отрасли социальной психологии 345

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Акопов Г. В., Акопян Л. С. Внутренняя коммуникация личности
в предметном поле социальной психологии 355

Антоненко И. В. Факторы социального и личностного доверия:
социально-психологический анализ 362

Артемцева Н. Г. Созависимость и позитивные ресурсы личности
в условиях эмиграции 370

Васильева С. В., Микляева А. В. Ценностные предикторы конструктивного патриотизма старших подростков	375
Вега Гевара Г. И., Фахрутдинова Л. Р. Особенности переживания учебной деятельности латиноамериканских студентов в российских вузах	381
Власюк Е. Н., Мироненко И. А. Проблема рассогласования нормативных и личностных ценностей у сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации	389
Володина А. С., Дудичева Е. А., Смирнов А. А. Взаимосвязь вузовской адаптированности и терминальных ценностей студентов	394
Воронцова Т. А., Артамонова А. Г. Особенности конструирования возраста незнакомого человека: влияние факторов возраста, гендера, типа представленности объекта восприятия	401
Воскресенская Н. Г. Оценка киногероев зрителями с разными ценностными ориентациями.	409
Дёмин А. Н. Отношение к скорости социальных процессов: измерение и первые эмпирические результаты	415
Капцов А. В. Уровневая модель самоопределения личностных ценностей школьников	420
Кашапов М. М. Ресурсное мышление как когнитивный предиктор конструктивной конфликтной компетентности личности.	425
Константинов В. В., Путилова Н. В. Динамика изменений характеристик идентичности иностранных студентов в условиях получения высшего образования	432
Корниенко Н. А. Ценностно-смысловое измерение личности в изменяющемся обществе	440
Лобанова Т. Н., Бедрий В. О. Взаимосвязь личностных особенностей работников с индивидуальными и групповыми интересами.	448
Лопухова О. Г., Панов В. И. Экопсихологический взгляд на развитие самосознания в условиях трансформирующегося общества	458
Малышев И. В. Влияние когнитивных возможностей на социально-психологические характеристики личности студентов.	467
Пищик В. И., Шабукаева М. Р. Связь нарциссизма личности и установок принадлежности к культуре студентов различных национальностей.	475
Портнова А. Г., Парфенова Д. А. Взаимосвязь ассертивности и психологических характеристик личности студентов медицинского вуза	480

Саенко А. Ю., Кисляков П. А. Психологический барьер как фактор отношения личности к беспилотному транспорту	487
Синельникова Е. С., Колесник Е. А. Осмысленность жизни и копинг-стратегии в юношеском и зрелом возрасте	493
Татарко А. Н. Гражданская идентичность и ментальное здоровье россиян: роль психологических стратегий совладания в условиях санкционной политики	498
Титова О. И. Теоретическая концепция гендерного типа личности.	503
Узянова Ю. С., Воронцова Т. А. Подходы к пониманию феномена объективации Другого.	511
Фахрутдинова Л. Р. Структурно-функциональная организация переживания субъекта в психологическом консультировании военнослужащих	516
Филенко И. А., Богомаз С. А., Атаманова И. В., Левицкая Т. Е. Базисные убеждения и психологическое здоровье современной молодежи: медиационный анализ взаимодействий с учетом фактора пола	522
Хазова С. А., Чернова А. И. Взаимосвязь когнитивного компонента Я-концепции подростков с их понятийными способностями	530
Ширков Ю. Э. Пространство психологии конфликта в перспективе уточнения проблем и поиска решений	537
Ян Ибо, Леганькова О. В. Концепты «друг» и «не друг» у студентов как показатели личностной социализации (на примере КНР)	545
Yldasheva M. B. Empirical indicators of loneliness experience.	551

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ МАЛЫХ ГРУПП И МЕЖГРУППОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Александрова И. С. О некоторых вопросах межпоколенной передачи семейного опыта на примере психологического отказа от материнства.	557
Алигаева Н. Н. Вынужденная миграция как механизм реконструирования социокультурной идентичности	564
Бушина Е. В., Каримова А. М. Буллинг по этническому признаку: универсальные и культурно-специфические причины.	569
Воробьева А. Е., Данилина М. С. Предрассудки по отношению к мужчинам у разных групп российских женщин	575
Екимчик О. А. Фаббинг и диадический копинг в близких партнерских отношениях	582

Елизаров С. Г. Мотивационно-ценностная включенность как социально-психологическая основа взаимоотношений и взаимодействия малой учебной группы с социальными средами образовательных организаций различных типов	588
Еремина Л. И. Влияние совместного творчества на развитие учебной группы.	595
Колиниченко И. А., Никулина С. А. Групповая идентичность беременных женщин с оптимальным и неоптимальным типом отношения к беременности	601
Комаров В. В. Динамика развития потенциальных свойств группы	609
Кузьменкова О. В. Психологическое содержание миграционных намерений молодежи (на примере Оренбургского региона).	618
Ларина Г. Н., Сарычев С. В. Социально-психологические аспекты свободы в открытых и полужакрытых подростковых группах	625
Логвинова М. И., Сарычев С. В. Исследование диспозиционного и социального оптимизма представителей молодежных субкультур просоциальной направленности (в условиях приграничного региона).	630
Муращенкова Н. В. Эмпирическая верификация мультигрупповой модели социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи Белоруссии, Казахстана и России.	637
Панов В. И., Лидская Э. В. Коммуникативное развитие старшеклассников с точки зрения эконпсихологической типологии субъект-средовых взаимодействий.	644
Совмиз З. Р. Феномен групповой мотивации в социальной психологии малых групп: обзор научных исследований	653
Толочек В. А. Латентные социальные группы: феномен и перспективы исследования	660
Шамионов Р. М. Аффективные факторы дискриминационных установок	667

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Гайворонская А. А. Социальные представления о коррупции у студентов, получающих медицинскую специальность.	675
Гайдар К. М. Специальная военная операция: опыт социально-психологического анализа.	679

Дейнека О. С., Аскарлова М. Е., Максименко А. А. Образ армии у представителей разных поколений россиян	690
Карнышев А. Д., Иванова Е. А. Экономическая этнопсихология о проблемах и перспективах индигенизации и многополярного мира в азиатском регионе	697
Махмутова Е. Н., Воронина Р. Н. Психология формирования предпринимательских компетенций студентов в образовательной среде университета	705
Михайлова О. Б., Фаренникова Е. С. Ценностные ориентации и отношение к деньгам у российских и китайских студентов: кросс-культурное сравнение	713
Мурзина Ю. С., Захватова С. А. Будет ли доверие в семейном бизнесе способствовать устойчивости предприятия?	721
Неверов А. Н., Неверова А. В. Экономическая психология на пути к единой теории экономического поведения: задачи, вызовы, контекст	730
Солдатова Г. У., Ветлинская М. В. От экономического посредничества к новой профессии: есть ли институт медиации в России?	737

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Алдашева А. А., Первачева О. А., Рунец О. В. Функции ценностно-смысловых регуляторов в профессиональном взаимодействии.	749
Антонова Н. В. Разработка программы психологического сопровождения цифровой трансформации организации	757
Блинова Е. Е. Субъективное благополучие молодых сотрудников организации.	765
Болотова А. К., Чеврениди А. А., Захарова А. К. Временная перспектива и прокрастинация как социально-психологический индикатор лидерской компетентности менеджеров	769
Васильева И. В. Представления о профессиональном общении сотрудников полиции на начальном этапе профессионализации	779
Деревянко О. И., Финькевич Л. В. Ролевой конфликт личности в организационном контексте: обзор метааналитических исследований.	784
Курьез П. С., Штроо В. А. Факторы психологической готовности персонала к цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации	792

Махнач А. В. Мироззренческий компонент в структуре жизнеспособности специалистов помогающих профессий	800
Прохорова М. В. Мотивация трудовой деятельности на этапе спада бизнеса: возрастные аспекты	809

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ГОРОДА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Баранова В. А. Возможности применения метода «Коллаж» для анализа городского пространства	817
Кружкова О. В., Робин С. Д., Ауэр А. А. Восприятие и запоминание вандално нанесенных текстов в условиях лабораторного эксперимента: половозрастные особенности	824
Нагорнова А. Ю., Нагорнова С. Ю. Социально-пространственная изоляция неапонцев (гайдзинов) в Токийском мегаполисе	832
Озерина А. А. Теоретико-эмпирическая модель городской идентичности.	837
Потапова Ю. В., Маленова А. Ю., Маленов А. А., Потапов А. К. Установки о городе омских студентов: приверженность, привязанность, миграция.	842

ПСИХОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ

Гостев А. А. Аксиологические аспекты в системном изучении информационно-психологических войн.	851
Карпов А. В. Цифровизация как детерминанта социализации личности в изменяющемся обществе	859
Колхонен А. Ю., Мироненко И. А. Баланс сил Эроса и Танатоса в контексте современной тенденции нарастания угрозы ядерной войны.	867
Лямин Д. П. Некоторые социально-психологические особенности феномена «виртуальное государство»	872
Семёнов В. Е. Полиментальность и многообразие идеологий в аспекте российской идентичности	877
Шмидт Д. А. Мотивация пользования сервисами онлайн-знакомств	884

*Посвящается 50-летию Лаборатории
социальной и экономической психологии
Института психологии РАН
и 75-летию академика РАН и РАО
А. Л. Журавлева*

Предисловие

Современная отечественная социальная психология является не только инструментом познания человека как социального субъекта, малых групп, организаций и общества в целом, но и «действующим лицом» в решении назревших общественных проблем. Настоящий сборник научных трудов представляет широкий круг теоретических и эмпирических работ, посвященных научному осмыслению острых социально-психологических вопросов современной жизни российского общества. Турбулентность в политической сфере, глобальные угрозы, кризисы в международных отношениях, экономические санкции, дефицит социального доверия, инновации в сфере технологий, глобальная цифровизация в профессиональной и быденной жизни — эти вызовы небезразличны как для психологического здоровья людей, так и для общественного благополучия в целом. Активно и своевременно проводимые социально-психологические исследования, а также внедрение их результатов могут оказать действенную помощь в решении назревших проблем. В то же время включенность в разработку новых задач стимулирует развитие фундаментальной науки, ее понятийного аппарата, концептуальных идей и методологических подходов. Сочетание научной актуальности и общественной значимости поднимаемых проблем в полной мере свойственно трудам, включенным в настоящий сборник. Авторы статей являются представителями разных научных коллективов и школ, продуктивно работающих в рамках отечественной социальной психологии.

Особое место в сборнике уделено работам сотрудников лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН, отмечающей свой полувековой юбилей. В книге представлены итоги социально-психологических и экономико-психологических исследований, которые проводятся сотрудниками лаборатории и их коллегами, которые ранее работали в этом научном подразделении. Отдельные статьи сборника раскрывают историю научной деятельности лаборатории за 50 лет и намечают перспективные направления исследований в области социальной и экономической психологии.

Специальный раздел сборника посвящен научно-исследовательской и организационной деятельности выдающегося отечественного ученого — академика РАН и РАО — Анатолия Лактионовича Журавлева, который около тридцати лет возглавлял лабораторию социальной и экономической психологии Института психологии РАН. Статьи этого раздела раскрывают огромный вклад ученого в развитие отечественной социальной психологии, прослеживаются важнейшие этапы его научного творчества. Подчеркивается ведущая роль А.Л. Журавлева в изучении психологических особенностей личности и деятельности различных категорий руководителей, психологических методов и стилей ру-

ководства, в разработке концепций совместной деятельности и коллективно-го субъекта. Показан вклад ученого в отечественную социальную, экономическую, промышленную психологию, психологию управления и организационную психологию. Отмечена роль А. Л. Журавлева в организации и поддержке деятельности подразделений и кафедр социальной психологии в российских университетах, а также значимость его деятельности как наставника, научного руководителя молодых ученых.

Сборник состоит из девяти разделов, объединяющих научные статьи, которые представляют результаты исследований в рамках важнейших направлений современной отечественной социальной психологии и ее прикладных отраслей. В частности, в них затрагиваются актуальные проблемы социальной психологии личности, малых групп и межгрупповых отношений, психологии управления и организационной психологии, поднимаются вопросы методологии и истории науки, психологии массовых явлений, глобальных процессов и сетевых сообществ. Отдельные разделы сборника посвящены изучению проблем экономической и политической психологии, социальной психологии города.

Разнообразие тематики работ, представленных в настоящем сборнике, дает представление не только об основных направлениях отечественных исследований в области современной социальной психологии, но и о подходах к пониманию психологических проблем личности в обществе, жизнедеятельности больших и малых групп, а также психологического состояния общества в целом.

Редколлегия сборника научных трудов

Историко-психологический анализ развития социально-психологических проблем в научной деятельности лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН*

Т. В. Дробышева

доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория социальной и экономической психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия, drobyshevavt@ipran.ru

Статья посвящена истории формирования и развития научной проблематики в деятельности лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН. Динамика социально-психологических проблем анализируется во взаимосвязи с изменениями в социальных и экономических условиях жизни российского общества. Выделены основные этапы в развитии научной проблематики в лаборатории. Показано, что характерной чертой деятельности научного подразделения ИП РАН является широкий спектр и фундаментальность разрабатываемых социально-психологических проблем. Оценивается вклад деятельности лаборатории в развитие отечественной науки и ее прикладных отраслей. Подчеркивается интегративный подход в изучении социально-психологических проблем, объединяющий работы сотрудников, выполненные в гуманитарной и естественно-научной парадигмах. Намечены перспективные направления исследований в деятельности научного подразделения ИП РАН.

Ключевые слова: история психологии, социальная психология, экономическая психология, психология управления, периоды (этапы) развития социальной психологии, лаборатория социальной и экономической психологии, Институт психологии РАН, социально-психологические проблемы личности и группы.

Возросший в последние годы интерес исследователей к анализу системы детерминации развития отечественной социальной психологии объясняется потребностью научного сообщества в осмыслении ранее накопленного знания с позиции современного состояния психологической науки в целом. Опубликованные в разных научных изданиях историко-психологические исследования насчитывают не один десяток работ, ориентированных на историческую реконструкцию разных периодов в развитии отечественной социальной психологии. Данная задача решается посредством психологического анализа вклада деятельности ученых, научных подразделений и организаций в теорию

* Работа подготовлена и опубликована в рамках Государственного задания № 0138-2023-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

и методологию российской науки, ее методическое оснащение, а также в прикладные отрасли социальной психологии (Белопольский и др., 2020; Журавлев, Мироненко, 2015; Зверева, Носкова, 2016; Свенцицкий, Гуриева, 2021; Семенов и др., 2017; и др.).

Проблема организации и выполнения такого рода работ определяется не столько поиском ракурса анализа, выявлением предмета исследования, выбором соответствующего материала и методического инструментария для его изучения, сколько включением уже полученных фактологических данных в общий ход истории развития науки, пониманием аутентичности, национальных особенностей отечественной социальной психологии.

Важным аспектом историко-психологических исследований науки является изучение закономерностей и факторов развития ее проблемного поля. В истории отечественной науки выделяется несколько этапов, каждый из которых объясняется детерминацией условиями жизнедеятельности общества в конкретный исторический период времени (Парыгин, 2006; Свенцицкий, 2004; Социальная психология, 2002, 2023; и др.). Зависимость социально-психологической проблематики от состояния макросоциальной среды в целом, характера протекания общественных процессов, политических событий и идеологических установок, экономической модели развития общества, а также нужд общественной практики в тот или иной исторический период является одной из характерных черт отечественной социальной психологии. Другая ее особенность – некоторая противоречивость в развитии – объясняется открытостью, практической близостью изучаемой феноменологии аналогичным социально-психологическим явлениям, разрабатываемым в американской и европейской социальной психологии. Третья – приверженностью своим научным школам, четвертая – способностью к интеграции разных парадигмальных подходов.

Выявленные особенности можно проследить на примере анализа динамики социально-психологических проблем в научной деятельности конкретного научного подразделения – лаборатории социальной и экономической психологии РАН. *Целью* настоящего исследования стало проведение анализа социально-психологических проблем в деятельности конкретного научного подразделения на разных этапах его развития. *Объект исследования* – научная деятельность лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН, *предмет исследования* – проблемы социальной психологии, разрабатывавшиеся сотрудниками научного подразделения в течение 50 лет. В качестве *метода* применялся качественный анализ текста исследовательского интервью, выполненного с целью выявления этапов развития данного подразделения института. *Фактологический материал* включал: воспоминания и представления о научной жизнедеятельности одного из основателей лаборатории – академика РАН А. Л. Журавлева, руководившего научным подразделением около 30 лет (Дробышева, Журавлев, 2018); научные публикации сотрудников лаборатории, в разные годы принимавших участие в ее работе; отдельные издания – сборники научных трудов лаборатории – результаты ее междисциплинарных и межрегиональных проектов; публикации других исследователей – специалистов в области социальной психологии.

Предпосылки развития социально-психологического направления исследований в деятельности научного подразделения ИП РАН

История становления и развития научного подразделения – лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН – насчитывает почти 50 лет. Дата ее основания в декабре 1973 года связана с предшествующей реорганизацией сектора философских проблем психологии Института психологии Академии наук СССР (ИП АН СССР), из которого выделился «Сектор социальной психологии»; позже он был переименован в лабораторию социальной психологии ИП АН СССР (там же).

Объективной предпосылкой к организации отдельного научного подразделения в структуре Института психологии Академии наук, с целью изучения социально-психологических проблем, явилась в том числе развернувшаяся на Втором съезде Общества психологов СССР (1963 год) острая дискуссия о необходимости оформления социальной психологии как относительно самостоятельной научной отрасли (Кузьмин, 1963; Парыгин, 1965; Платонов и др., 1963). Впоследствии К. К. Платонов, интегрировав свои представления о предмете и методах социальной (в терминах автора – общественной) психологии, ее основных понятиях и феноменах, не только обозначил границы ее предметного поля как самостоятельной отрасли психологии, но и наметил перспективные направления социально-психологических исследований (Платонов, 1971, 1972).

Безусловно, выделение специфики предметного поля стало возможным благодаря сложившимся к этому периоду общим методологическим основаниям психологических исследований, осмысленным отечественными учеными с позиции философии; принципам детерминизма, историзма, связи сознания и деятельности, развития и др. (Методологические и теоретические проблемы психологии, 1969).

Значимыми факторами формирования собственно социально-психологической проблематики в ИП АН СССР явились научные и практические результаты многолетних исследований трудовых коллективов производственных (и прежде всего промышленных) предприятий, СМИ и пропаганды, молодежных организаций, полученные сотрудниками лабораторий Ленинградского государственного университета (лаборатория социально-психологических проблем под руководством Е. С. Кузьмина) (Голубева, Кузьмин, 1965; Кузьмин, 1967) и Курского государственного педагогического института (лаборатория социальной психологии при кафедре психологии, руководитель – Л. И. Уманский) (Уманский, 1977; Чернышев и др., 2019). В период с 1962 по 1973 г. коллективы упомянутых лабораторий уделяли много внимания освоению известных и разработке новых вариантов социально-психологических методов (контент-анализ, интервью, анкета, социометрия, анализ отдельных случаев, экспертные оценки) и методик, а также процедур, техник и приемов естественного формирующего эксперимента (см.: Дробышева и др., 2020; Свенцицкий и др., 2018; Семенов и др., 2017; Чернышев и др., 2016), тем самым решая проблему развития методического инструментария социально-психологических исследований.

Кроме того, к началу 1970-х годов американская и европейская социальная психология уже имели статус востребованной и перспективной научной

дисциплины с широким спектром возможностей прикладного применения ее знаний. Разрабатывались теоретические подходы, концепции, методы, изучались новые социально-психологические явления. Опыт зарубежных коллег в области социальной психологии оказал существенное влияние на становление и развитие социально-психологических исследований в ИП АН СССР.

Наконец, важным условием развития данного направления в деятельности Института стал опыт проведения социально-психологических исследований в непродолжительный, но значимый период работы сектора философских проблем психологии (сентябрь 1972 г.—декабрь 1973 г.). Именно к этому времени относится начало разработки теории и методологии социальной психологии, концепции регуляции социального поведения, исследований коллектива, социальной установки и других социально-психологических феноменов (Зотова, 1975; Шихирев, 1971; и др.).

Развитие социально-психологической проблематики в деятельности лаборатории социальной психологии ИП РАН на разных этапах ее развития

На первом этапе развития деятельности научного подразделения (1970-е годы) руководство института поставило перед сотрудниками сектора спектр задач, соответствовавших актуальному состоянию социальной психологии в стране. Речь шла, с одной стороны, о теоретическом оформлении социальной психологии как научной дисциплины, с другой — об эмпирическом изучении ее предметного поля и практической востребованности результатов исследований. Так, с целью обсуждения фундаментальных проблем социальной психологии — теоретических представлений о предмете и объекте, системе понятий и методах, теоретико-методологических подходах и концепциях социальной психологии, ее связей с общественной практикой — в Институте проводился специальный научный семинар (Методологические проблемы..., 1975). В течение двух лет его работы обсуждались вопросы о системообразующих понятиях социальной психологии, принципе опосредованности, деятельности, общении и социальных нормах как объектах социально-психологического исследования; был описан социально-психологический подход к изучению личности; изложена концепция диспозиционной регуляции социального поведения, а также представления о ценностном механизме регуляции этого поведения; затрагивались методологические проблемы изучения больших социальных групп, развития социально-психологических исследований за рубежом и т. п. Таким образом, работой этого семинара было положено начало формированию социально-психологической проблематики, характерной для деятельности ИП АН СССР и релевантной общему состоянию социальной психологии в стране и мире.

В этот период деятельности сектора социальной психологии на разных уровнях анализа (теоретическом, эмпирическом и практическом) решались и более конкретные задачи. Так, под руководством К. К. Платонова продолжались исследования проблемы коллектива, его взаимодействия с личностью, проблемы межличностных отношений (Коллектив и личность, 1975). Следует отметить, что данная тематика работ доминировала в деятельности научного

подразделения до конца 1970-х годов. В это же время по инициативе Е. В. Шороховой началась активно разрабатываться проблематика социальной психологии личности и межличностных отношений (Социальная психология личности, 1979). В рамках этого направления поднимались вопросы теоретических и методологических оснований социальной психологии личности, определялась специфика социально-психологического подхода в ее изучении, проходили становление прикладные направления исследований, формулировалось предметное поле, предлагались социально-психологические методы исследования личности. В этот период сотрудниками лаборатории большое внимание уделялось и разработке вопросов личностной детерминации общения, эта тема работы была органично включена в направление научной деятельности всего Института (Психологические исследования общения, 1985, с. 185–191, 207–218). Наряду с этим в лаборатории выделилось самостоятельное направление исследований социально-психологических механизмов регуляции социального поведения, прежде всего механизмов нормативной регуляции (Бобнева, 1978; Психологические механизмы..., 1979; Психологические проблемы..., 1976), которое впоследствии получит развитие в исследованиях экономического поведения личности, ее духовно-нравственных основ.

В эти же годы перед коллективом подразделения была поставлена задача научно-практического характера, связанная с развитием исследований психологии трудовых производственных коллективов. Сотрудниками изучались актуальные проблемы руководства и управления трудовыми коллективами (Журавлев и др., 1976; Ломов, Журавлев, 1978; и др.), адаптации личности работника в первичном трудовом коллективе (Журавлев, Рубахин, 1976; Зотова, 1975; Кряжева, 1980; Методология и методы..., 1977, с. 173–188; Психологические механизмы..., 1979, с. 219–232), социально-психологического климата коллектива (Социально-психологический климат..., 1979), социальной психологии труда в историческом аспекте (Казаков, 1978).

Еще одна специальная задача в деятельности лаборатории включала анализ состояния и динамики развития зарубежных исследований, прежде всего в американской и западноевропейской социальной психологии. Ее решение давало возможность сотрудникам лаборатории ориентироваться в мировом исследовательском опыте с целью сопоставления получаемых результатов, разработки новых феноменов, методов и приемов исследования, поиска альтернативной методологии и т. п. (Рошин, 1980; Шихирев, 1979).

Подводя итоги этого периода, отметим, что в деятельности научного подразделения сформировались такие направления исследований, как психология коллектива и руководства, социальная психология личности, история социальной психологии труда. В работах сотрудников затрагивались социально-психологические проблемы психологии общения, психологии управления, политической психологии. В процессе сравнительного анализа работ в отечественной и зарубежной социальной психологии шел поиск своего места в мировой науке и обретение научной аутентичности.

В период 1980-х годов (*второй этап* в развитии научного подразделения) в Институте психологии получили широкое распространение комплексные целевые программы (КЦП), в рамках которых строилась деятельность основ-

ных научных подразделений. В 1981 г. руководством института была утверждена Комплексная целевая программа деятельности сектора социальной психологии. Тематика программы была связана с разработкой ключевой проблемы жизнедеятельности группы – проблемы совместной деятельности (Совместная деятельность, 1988). Часть программы была реализована сотрудниками в рамках конкретного научно-практического направления исследований совместной деятельности на примере коллективных бригадных форм организации труда, которые тогда активно внедрялись на производстве (Бригадная форма организации труда..., 1988; Социально-психологические проблемы производственного коллектива, 1983; Социально-психологические проблемы бригадной формы..., 1987; Социально-психологические факторы..., 1987).

Прикладные аспекты социально-психологических проблем были определены потребностью общества в решении новых задач по совершенствованию управления народным хозяйством (Психологические проблемы повышения эффективности..., 1981). В связи с этим в лаборатории продолжились эмпирические исследования в области организационной психологии, социальной психологии управления, промышленной социальной психологии (Прикладные проблемы..., 1983, с. 173–202, с. 281–294; Социально-психологические резервы..., 1989; и др.).

Сотрудниками научного подразделения активно разрабатывались социально-психологические проблемы психологии труда, в частности поднимались вопросы аттестации руководителей производственных коллективов, механизмов регуляции внутригруппового поведения, отношений в трудовом коллективе, межгрупповых и семейных отношений и др. (Журавлев, Тугарева, 1989; Прикладные проблемы..., 1983, с. 99–116; Социальная психология и общественная практика, 1985; Сушков, 1983).

Не меньшую значимость в этот период представляла проблема выявления психологических характеристик этнических общностей. В рамках научной деятельности лаборатории предпринималась попытка описать предметную область этнопсихологических исследований, рассматривались вопросы этнического сознания личности, межэтнических отношений, методов и приемов измерения этнических стереотипов (Прикладные проблемы..., 1983). Вопросы психологии больших социальных групп разрабатывались на примере крестьянства как социальной группы (Зотова и др., 1983). Затрагиваемые исследователями проблемы в рамках вышеперечисленных тем в дальнейшем получили развитие на новом уровне их анализа.

В середине 1980-х годов изучение личности в условиях «ускорения социально-психологического развития общества» («перестройки») социально-психологические и нравственные аспекты ее изучения снова становятся востребованными (Проблемы психологии личности, 1982; Социально-психологические и нравственные..., 1988; Тугарева, 1989; и др.). В работах лаборатории рассматривались социально-психологические проблемы образа жизни и активности личности, поднимался вопрос о ее нравственном и политическом развитии (ныне – политическая социализация), анализировались проблемы ее самосознания и мотивации и т. п. (Проблемы психологии личности, 1982; Психология личности и образ жизни, 1987; и др.).

В этот период методические вопросы социальной психологии не ограничивались проблемой расширения спектра методов и приемов, характерных для данной отрасли психологии. Наряду с приращением методического аппарата, проверкой его валидности решалась общая проблема использования математических методов в социально-психологических исследованиях (Паповян, 1983). Спустя десятилетия можно утверждать, что актуальность этого направления научной деятельности стала возрастать год от года.

Итак, к концу 1980—началу 1990-х годов в деятельности лаборатории сложились два основных направления исследований — в области психологии межгрупповых отношений и психологии малых групп и коллективов. Проблемы социальной психологии личности также присутствовали в работах сотрудников лаборатории. В этот же период продолжилась работа в направлении историко-психологического анализа личностных и групповых феноменов.

Третий этап в развитии социально-психологической проблематики в деятельности лаборатории (1990-е годы) был связан с разработкой нового научно-прикладного направления работ, возникшего в ответ на происходящие в стране радикальные социально-экономические трансформации. Впоследствии это привело даже к изменению названия научного подразделения на «Лабораторию социальной и экономической психологии». Стержневое направление исследований определялось проблемой изучения социально-психологической динамики личности и группы в условиях социально-экономических изменений в нашей стране, а конкретные темы работ концентрировались вокруг нее. Среди них — социально-психологические эффекты изменений форм собственности в организациях, на промышленных предприятиях, в том числе в условиях приватизации; проблемы безработицы, деловой активности женщин, супружеских отношений в семьях с разным экономическим положением и др. (Динамика социально-психологических явлений..., 1996; Социально-психологическая динамика..., 1998; Социальная психология экономического поведения..., 1999).

Проблемы совместной трудовой деятельности и руководства также получили новое направление изучения в ракурсе организационно-экономических изменений в стране (Психология совместной жизнедеятельности..., 2001; Совместная деятельность..., 1997; Социально-психологические исследования руководства..., 1999). В частности, если ранее в большей степени изучалась совместная деятельность первичного трудового коллектива, то в 1990-е годы феномен совместной деятельности стал «узким» для объяснения совместной жизнедеятельности личности и группы, поэтому феномен совместности стал изучаться в ракурсе взаимодействия личности с группой, межгруппового взаимодействия малых групп.

Не менее важным результатом научной деятельности лаборатории в 1990-е годы стало формирование новых направлений и разделов социальной психологии как научной дисциплины, а также ее междисциплинарных связей и отраслей. Теоретические и историко-психологические исследования Е. В. Шороховой, А. Л. Журавлева и их коллег послужили основаниями для разработки проблем социальной психологии личности, психологии предпринимательской деятельности, психологии рекламы, психологии отношений к собственности и других направлений социальной и экономической психологии (Журавлев, Позняков,

1995; Лебедев, Боковиков, 1995; Социальная психология экономического поведения, 1999; Социально-психологические исследования руководства..., 1999; Тугарева, 1995, 1996; Tougareva, Orrewal, 1992; и др.). В ряду междисциплинарных исследований выделились кросс-культурные и гендерные аспекты изучения предпринимательства, руководства, отношения к собственности, экономической политике государства, отношений руководителей и исполнителей (там же). Продолжилось изучение межэтнических и межнациональных отношений (Социальная психология экономического поведения, 1999, с. 208–212; Социально-психологические исследования межнациональных..., 1993), отношений в семье (Левкович, 1990).

Формирование новых разделов социальной психологии и ее междисциплинарных областей сопровождалось разработкой соответствующего методического инструментария, представленного в трех сборниках научных трудов (Методики социально-психологической диагностики..., 1990; Социально-психологические методы..., 1990; Методики социально-психологического исследования...1995); продолжилась работа в направлении решения проблемы аппаратных и программных средств анализа данных (Совместная деятельность..., 1997, с. 106–114).

Итогом деятельности лаборатории в конце 1990-х годов стало новое научное направление исследований – социальная психология экономического поведения (Социальная психология..., 1999). В работах сотрудников были описаны социальные группы как новые объекты социально-психологических исследований: предприниматели, деловые женщины, безработные, руководители приватизированных предприятий, вьетнамские крестьяне и представители малых народностей в условиях экономических реформ, многие из которых впоследствии стали изучаться более глубоко. К концу 1990-х годов в лаборатории стали интенсивно развиваться междисциплинарные исследования.

Четвертый этап в развитии научной деятельности лаборатории (примерно с 2000 по 2013 г.) был обусловлен происходившими в стране событиями, связанными с последствиями дефолта 1998 г., сменой политических лидеров страны в 2000 г., экономическим кризисом 2008–2009 гг., выборами Президента РФ 2012 г. Окончание периода 2013 годом объясняется тем, что именно к этому году были опубликованы последние монографии сотрудников лаборатории, включавшие результаты исследований, выполненных в первое десятилетие нового века. В лаборатории продолжились ранее сложившиеся тематические направления исследований, ориентированные на анализ социально-психологической динамики в связи с радикальными изменениями в обществе (Журавлев, 2011; Проблемы экономической психологии, 2004, 2005; Тугарева, 2009, 2010; и др.).

Уже к концу нулевых годов *экономическая психология* в стране стала оформляться как новая междисциплинарная отрасль психологической науки (Проблемы экономической психологии, 2004, 2005). Этому способствовали в том числе исследования сотрудников лаборатории, разрабатывавших новые экономико-психологические феномены: нравственная регуляция экономического поведения (Журавлев, Купрейченко, 2003), динамика ценностного сознания в изменяющихся макро- и микроэкономических условиях (Журавлева, 2006; Журавлев,

Дробышева, 2010; Проблемы экономической психологии..., 2004), экономическая социализация личности (Дробышева, 2013).

Сформировалось новое научное направление исследований феноменов *экономического самосознания личности* – субъективного экономического благополучия, экономической идентичности (Хашенко, 2004, 2012), экономического самоопределения (Журавлев, Купрейченко, 2007 и др.) и др. Продолжилось всестороннее изучение проблем социальной психологии предпринимательства, экономического поведения, психологии рекламы (Журавлев, Позняков, 2012; Лебедев, 2004; Лебедев-Любимов, 2002, 2008; Позняков, 2000; Проблемы экономической психологии, 2005; Тугарева, 2009; и др.).

В середине нулевых годов в научной деятельности лаборатории возрос интерес к проблематике актуальных макросоциальных проблем российского общества, которые, в отличие от ранее изучавшихся в русле естественнонаучной парадигмы, разрабатывались в контексте гуманитарного подхода (Журавлев, Емельянова, 2009; Емельянова, 2006; Емельянова, Дробышева, 2013; и др.). Данное направление работ явилось предпосылкой к дальнейшему изучению проблем больших социальных групп на новом этапе и уровне их анализа.

Результаты научного труда лаборатории не ограничивались проблемами экономической и макросоциальной психологии. Разрабатываемые лабораторией в первое десятилетие нового века социально-психологические проблемы экологического сознания (Хашенко, 2002), безопасности жизнедеятельности (Соснин, Нестик, 2008), этнического самосознания и менталитета (Резников, 2005; Сухарев, 2008), управления совместной деятельностью (Журавлев, Нестик, 2010), отношения к времени в организациях и малых группах (Нестик, 2011) и др. продемонстрировали актуальность и перспективность их изучения в будущем.

Накопленный более чем за 10 лет нового века эмпирический материал способствовал окончательному оформлению концепций и подходов, разрабатывавшихся сотрудниками лаборатории: психологические отношения субъектов экономической деятельности; психология маркетинговых коммуникаций; исследования нравственно-психологических факторов экономического самоопределения; конструирование социальных представлений, их приложение к исследованию природы различных социальных групп; изучение ценностной детерминации ранней экономической социализации личности; анализ роли актуального экологического сознания в жизнедеятельности личности и группы; социально-психологические факторы принятия решения в условиях социального выбора; роль жизненных ценностей в социальном планировании в организации; групповое отношение к времени; этнофункциональная парадигма в исследовании менталитета; социально-психологические факторы макросоциальных явлений (терроризма, коррупции и др.); ценностно ориентационные характеристики различных этносов; проблема нравственного самоопределения современной молодежи.

Примерно к 2013 г. были завершены исследования периода 2000-х годов, которые оформились в виде большой серии монографических изданий (Дробышева, 2013; Емельянова, 2006; Журавлев, 2011; Журавлев, Купрейченко, 2003, 2007, 2012; Журавлев, Нестик, 2010; Журавлев, Позняков, 2012; Купрейченко, 2008; Купрейченко, Воробьева, 2013; Лебедев-Любимов, 2002; Нестик, 2011; Позня-

ков, 2010; Проблемы экономической психологии, 2004, 2005; Резников, 2005; Сухарев, 2008; Хашенко, 2012).

Изменение социально-психологической проблематики в научной деятельности лаборатории на современном (*пятом*) этапе ее жизнедеятельности начиная с 2014 г. связано с разработкой предметного поля прежде всего макросоциальной психологии, которая стала активно развиваться в нашей стране в связи с нарастанием роли глобальных процессов и острых геополитических отношений. Экономическая интеграция европейских стран, мировой экономической кризис 2014–2016 гг., активный обмен технологиями между странами и резкий скачок в развитии цифровых технологий, всемирная пандемия COVID-19 – эти и другие эффекты глобальных вызовов и рисков актуализировали новые направления исследований (Влияние пандемии на личность и общество..., 2021; Журавлев и др., 2016; Нестик, Журавлев, 2018; Человек в условиях..., 2020).

Ключевой темой научной деятельности подразделения стала совместная жизнедеятельность разных социальных групп, в первую очередь больших сообществ, в условиях неопределенности, трудности прогнозирования будущего, экстремальных условиях жизни общества. Заметим, что проблемы социетального анализа социально-психологических явлений, которые ранее присутствовали в тематике работ лаборатории локально, на современном этапе ее развития стали изучаться в ракурсе сразу двух парадигмальных подходов – естественнонаучного и гуманитарного. По нашему мнению, такая методологическая интеграция способствует более глубокому и всестороннему психологическому анализу социальных явлений, порождаемых быстро изменяющейся средой. Данное суждение подтверждается исследованиями коллективных переживаний, коллективных чувств (Емельянова, 2016а; Емельянова, Дробышева, 2018; Тихомирова, 2021), когнитивных феноменов обыденного сознания представителей больших социальных групп, разрабатываемых в лаборатории (Дробышева и др., 2019; Емельянова, 2016б; Емельянова, Дробышева, 2013, 2019; Нестик, 2014; и др.), их поведения (Воробьева, Акбарова, 2020; и др.).

Методологическое приращение социально-психологического знания, определяющее вклад сотрудников научного подразделения в развитие фундаментальной науки, связано в том числе с разработкой новых концепций и подходов, в частности концепции коллективной памяти (Емельянова, 2019), которая, наряду с другими более ранними подходами (Сухарев, 2008), раскрывает культурно-историческую детерминацию российского менталитета.

В современных условиях развития российского общества перспективным направлением исследований явилось изучение социально-психологических механизмов формирования отношения россиян к глобальным рискам, вызовам и угрозам в обществе, а также массового поведения больших социальных групп (Грачев, 2015; Журавлев и др., 2016; Нестик, Журавлев, 2018; Резников, 2014; Соснин, 2018; и др.). Актуальность тематики обусловлена поиском критериев формирования больших социальных групп, выделением глобальных форм больших групп, новых форм проявления массовости. В этом контексте изучение информационного пространства как особой среды жизнедеятельности разных социальных групп, социально-психологических механизмов обмена информацией, психологических особенностей сетевых сообществ и т. д. явля-

ется перспективным с позиции развития научного знания (Воробьева, Скипор, 2020; Каплин, Тихомирова, 2017).

Исследование макросоциальных явлений осуществляется при сохранении интереса к традиционно разрабатываемым в лаборатории проблемам социальной психологии личности и группы, решаемым как в ранее сформировавшихся, так и в новых тематических направлениях работ – предпочитаемых форм досуга, психологических отношений к разным социальным явлениям, патристических чувств, субъективного экологического благополучия, социализации личности в семьях с наемным работником и в учебной группе полузакрытого типа (Воробьева, Акбарова, 2019; Дробышева, Романовская, 2016; Дробышева, Тарасов, 2021; Позняков, Вавакина, 2016; Тарасов, 2023; Тихомирова, 2018; Хашенко, 2017; и др.).

В последние годы в научной деятельности лаборатории оформилось новое прикладное направление работ, ориентированное на изучение социально-психологических феноменов, порождаемых взаимодействием горожан и предметно-пространственной, социальной, природной среды мегаполиса – особенностей его восприятия и свободного времяпрепровождения, ресурсов жизнеспособности горожан, их социально-психологической пресыщенности условиями проживания в городе, социально-психологического и субъективного экологического благополучия личности в мегаполисе (Боброва, Тихомирова, 2018; Воробьева, Акбарова, 2019; Дробышева, Войтенко, 2017; Дробышева, Емельянова, 2020; Дробышева, Ларионов, 2021; Ларионов, 2023; Социально-психологические исследования города, 2016; Хашенко, 2018). Данные исследования на разных уровнях анализа – личностном, групповом, социальном – раскрывают особенности обыденного сознания и поведения горожан в мегаполисе.

Разрабатываемое сотрудниками лаборатории направление исследований негативных социальных явлений – терроризма, коррупции, угрозы распространения и применения ядерного оружия, технологий (Журавлев и др., 2016; Журавлев, Нестик, 2016; Соснин, 2015) – в период активного распространения вируса COVID-19 получило дополнительный вектор развития, направленный на изучение психологических последствий пандемии и способов совладания с ними (Влияние пандемии..., 2021).

В условиях экономической нестабильности резко возрастает интерес к изучению экономико-психологических явлений, порождаемых динамичной средой. Предметное поле отечественной экономической психологии, сформировавшееся в 1990-е годы прошлого века и первое десятилетие века нового, на современном этапе дополнено изучением не только личностных (Воробьева, Овчинников, 2019; Дробышева, 2021; Хашенко, 2016), но и групповых феноменов (Емельянова, Дробышева, 2015, 2018, 2019). Развивающийся в лаборатории подход, основанный на психологии отношений, разработанной прежде всего В. Н. Мясищевым, развитой Б. Ф. Ломовым и Е. В. Шороховой, а также А. Л. Журавлевым и В. П. Позняковым, успешно реализован в изучении делового партнерства (Позняков, Вавакина, 2016), а концепция экономической социализации получила развитие через анализ закономерностей и механизмов изменения экономического субъекта в течение всей жизни (Дробышева, 2023; Дробышева, Журавлев, 2018).

Интенсивное становление и развитие социально-психологической проблематики в области экономической психологии в период 1990-х годов, к сожалению, вытеснили на периферию исследовательских интересов лаборатории проблемы истории отечественной социальной психологии. Выполнявшиеся историко-психологические исследования локально затрагивали частные вопросы динамики экономико-психологических явлений в конкретные исторические периоды (см.: Шорохова, 1996, 1998, 1999; и др.). На современном этапе развития научной деятельности подразделения интерес к проблемам истории социальной и экономической психологии резко возрос, что свидетельствует о потребности в понимании ранее полученного знания и его осмыслении на новом уровне анализа (Дробышева и др., 2020; Журавлев, Мироненко, 2015; Журавлев, Позняков, 2017; Свенцицкий и др., 2018; Семенов и др., 2017; Чернышев и др., 2016).

Заключение

Завершая анализ развития социально-психологической проблематики в деятельности конкретного научного подразделения, следует заметить, что сложившаяся к настоящему времени геополитическая и экономическая ситуация в развитии российского общества на фоне общей смены вектора глобальных изменений в мировой экономике, переноса внимания к национальным интересам, по всей видимости, повлияет и на содержание будущих исследований в анализируемом научном подразделении. Можно лишь предположить, что на новом уровне развития отечественной социальной психологии снова станут более востребованными проблемы не столько макросоциальной, сколько *микросоциальной психологии* — исследования личности, ее взаимодействия с социальной средой, становления и развития разных социальных групп, межличностных и межгрупповых отношений и др.

Выполненное исследование намеренно не было ограничено только прошлыми историческими периодами и включало современный этап в развитии научного творчества лаборатории. Такое изложение фактологического материала преследовало конкретную цель — сопоставить тематическое и методологическое разнообразие, выявить повторяемость тем в разных условиях развития российского общества, а также общие перспективные тенденции, реализованные к настоящему времени.

Анализ показал, что характерной чертой научной деятельности лаборатории является широкий спектр и фундаментальность разрабатываемых социально-психологических проблем, представленных в докторских и кандидатских диссертационных исследованиях, в специальных научно-исследовательских проектах, в монографиях и сборниках научных трудов. Вклад лаборатории в развитие отечественной науки связан в том числе со становлением и развитием ее новых прикладных отраслей — психологии управления, психологии предпринимательства, промышленной, организационной, экономической, экологической, кросс-культурной, этнической и политической психологии; новых междисциплинарных областей исследований — социальной и экономической психологии труда, нравственной регуляции экономической активности; экономической психологии развития; отдельных разделов науки — социальной

психологии личности, психологии малых и больших социальных групп, психологии массовых явлений.

На разных этапах развития социально-психологической проблематики в лаборатории два ее ключевых направления – макросоциальная и микросоциальная психология никогда не конкурировали между собой. Доминирование того или иного направления в научной деятельности во многом определялось социальным заказом, востребованностью в обществе научных знаний о закономерностях и механизмах социального поведения личности и группы, больших общностей, что свидетельствует о социальной релевантности научных разработок лаборатории.

Смена монопарадигмальности в исследовательских подходах на интеграцию гуманитарной и естественнонаучной парадигм отражает общую тенденцию в развитии мировой психологической науки, которая в новом веке успешно реализовалась в исследованиях лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН.

В целом анализ динамики социально-психологических явлений в работах научного подразделения показал, что развитие представлений о них характеризуется тремя взаимосвязанными процессами – прогресса, стагнации и регресса. В первом случае речь идет о планомерном поэтапном приращении знания о социально-психологических явлениях, во втором – о его накоплении для объяснения изучаемых явлений на ином уровне анализа и, наконец, в третьем – о редукции старого знания с целью поиска нового. Обнаруженная в процессе анализа преемственность в развитии социально-психологической проблематики в научной деятельности лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН позволяет строить предположения о дальнейшем развитии не только исследовательских тем, но и самого подразделения как коллективного субъекта научного труда.

Литература

- Белопольский В. И., Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Первые годы научной деятельности Сектора социальной психологии в Институте психологии АН СССР // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 3 (19). С. 197–226.
- Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1978.
- Боброва Е. А., Тихомирова С. В.* Психологическое значение дома как фактор принятия решения об энергосберегающей реновации домовладения // Мир науки. 2018. Т. 6. № 6. С. 83.
- Бригадная форма организации труда в разных видах трудовых коллективов (социально-психологические особенности) / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Институт психологии АН СССР, 1989.
- Воробьева А. Е., Овчинников Я. В.* Механизмы социальной перцепции молодежью товаров категории премиум и их рекламы // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 3. С. 76–89.
- Воробьева А. Е., Акбарова А. А.* Социально-психологические типы досуговой активности пожилых людей (на примере жителей московского региона) // Вестник

- Тверского государственного университета. Сер. «Педагогика и психология». 2019. № 1 (46). С. 89–99.
- Воробьева А. Е., Акбарова А. А.* Личностные факторы досуговой активности молодежи // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 1. С. 55–64.
- Воробьева А. Е., Скипор С. И.* Психолог в социальных сетях: этика, безопасность и приемлемость // Экопсихологические исследования-6: экология детства и психология устойчивого развития / Отв. ред. В. И. Панов. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; Курск: Университетская книга, 2020. С. 443–447.
- Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / Отв. ред. Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев, А. Е. Воробьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Голубева Н. В., Кузьмин Е. С.* Опыт изучения производственных коллективов // Социология в СССР. Т. 2. М.: Мысль, 1965. С. 234–256.
- Грачев А. А.* Психологические основания макросоциального проектирования: мотивационные характеристики человека // Наука. Культура. Общество. 2015. № 4. С. 105–114.
- Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- Дробышева Т. В.* Экономическая социализация личности: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Дробышева Т. В.* Экономико-психологическая зрелость личности в разных условиях вторичной экономической социализации: разработка проблемы и результаты исследований // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 40–49.
- Дробышева Т. В.* Психология экономической социализации: основные формы и детерминанты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023.
- Дробышева Т. В., Войтенко М. Ю., Дробышева М. М.* Образ своего поколения в представлениях разных групп россиян (на примере поколений «беби-бумеров», «X» и «Миллениум») // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3 (51). С. 220–230.
- Дробышева Т. В., Войтенко М. Ю.* Факторы социально-психологического благополучия личности в мегаполисе: представления детей о городе проживания // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1 (5). С. 169–189.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л.* Вторичная экономическая социализация: постановка проблемы и перспективы исследования // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 61–71.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л.* К истории становления и развития лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН (по материалам интервью) // Социальная и экономическая психология. В 2 т. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. Т. 1. С. 11–44.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л., Чугунова Э. С.* История отечественной прикладной социальной психологии: развитие отношений фундаментальной науки и практики (по материалам интервью с Э. С. Чугуновой) // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 90–123.

- Дробышева Т. В., Емельянова Т. П.* Жизнеспособность горожан: содержание понятия, теоретические и эмпирические возможности его применения // Известия Саратовского университета. Новая сер. «Акмеология образования. Психология развития». 2020. Т. 9. № 3 (35). С. 232–240.
- Дробышева Т. В., Ларионов И. В.* Связь социально-психологической пресыщенности и социальных представлений о мегаполисе в разных группах молодежи // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 4 (24). С. 151–175.
- Дробышева Т. В., Романовская М. А.* Особенности социально-психологических свойств личности в зависимости от условий ранней социализации в семье // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2016. № 3 (43). С. 83–97.
- Дробышева Т. В., Тарасов С. В.* Подход к исследованию рефлексивности учебной группы: теоретические предпосылки и концептуальные представления // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Проблемы высшего образования». 2021. № 3. С. 21–25.
- Емельянова Т. П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Емельянова Т. П.* Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016а. Т. 1. № 1. С. 3–22. URL: <http://soc-econompsychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (дата обращения: 16.02.2023).
- Емельянова Т. П.* Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016б.
- Емельянова Т. П.* Коллективная память о событиях отечественной истории. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Емельянова Т. П., Дробышева Т. В.* Образ будущего благосостояния в обыденном сознании россиян // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 16–32.
- Емельянова Т. П., Дробышева Т. В.* Конструирование социальных проблем в СМИ и в представлениях граждан (на примере бедности) // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 39. С. 1. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/568> (дата обращения: 10.02.2023).
- Емельянова Т. П., Дробышева Т. В.* Комплексное исследование коллективных переживаний социальных проблем: количественные и качественные методы // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 166–175.
- Емельянова Т. П., Дробышева Т. В.* Структура социальных представлений у лиц разного возраста, потерявших работу // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 124–134.
- Журавлев А. Л.* Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* Ценностные ориентации личности в разные исторические периоды развития российского общества // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 5–16.
- Журавлев А. Л., Емельянова Т. П.* Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.

- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Социально-психологическое пространство личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Журавлев А. Л., Мироненко И. А.* Вклад Б.Д. Парыгина в возрождение отечественной социальной психологии (к 85-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 117–124.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психология управления совместной деятельностью: новые направления исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 35–47.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Деловая активность предпринимателей: методы оценки и воздействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Социально-психологическая динамика личности и группы в условиях экономических реформ в России // Наука. Культура. Общество. 2017. № 2. С. 5–17.
- Журавлев А. Л., Рубахин В. Ф., Шорин В. Г.* Индивидуальный стиль руководства производственным коллективом. М.: Изд-во Института управления народным хозяйством, 1976.
- Журавлев А. Л., Тугарева Е. В.* Программа социально-психологического обследования выборов хозяйственных руководителей // Выборы руководителей на предприятиях железнодорожного транспорта: Учеб. пособие / Под ред. М. А. Шевандина, Б. А. Левина, А. В. Рыжова, М., 1989. С. 103–120.
- Зверева Т. В., Носкова О. Г.* Психологическое наследие К. К. Платонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Зотова О. И.* Развитие теории коллектива в советской науке // Коллектив и личность. М.: Наука, 1975. С. 28–42.
- Зотова О. И., Новиков В. В., Шорохова Е. В.* Особенности психологии крестьянства: прошлое и настоящее. М.: Наука, 1983.
- Казаков В. Г.* Социально-психологический аспект в советской психологии труда 1917–1936 гг.: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1978.
- Каплин С. Н., Тихомирова С. В.* Ценностные ориентации и стратегии жизни участников в структуре мировоззренческих чувств участников групп интернет-активистов помогающей направленности // Вестник Университета Российской академии образования. 2017. № 5. С. 29–37.
- Коллектив и личность / Под ред. К. К. Платонова и др. М.: Наука, 1975.
- Кряжева И. К.* Социально-психологические факторы адаптированности личности: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1980.

- Кузьмин Е. С.* Методы социальной психологии // Тезисы докладов на II съезде Общества психологов СССР. Вып. 5. М., 1963. С. 20.
- Кузьмин Е. С.* Основы социальной психологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967.
- Купрейченко А. Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Купрейченко А. Б., Воробьева А. Е.* Нравственное самоопределение молодежи. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Ларионов И. В.* Связь переживаний и стилей поведения в структуре социально-психологической пресыщенности горожан условиями жизни в мегаполисе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 1 (65). URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4773.
- Лебедев А. Н., Боковиков А. К.* Экспериментальная психология в российской рекламе. М.: Академия, 1995.
- Лебедев-Любимов А. Н.* Психология рекламы. СПб.: Питер, 2002.
- Лебедев А. Н.* Психология рекламной коммуникации в изменяющемся обществе. Дис. ... докт. психол. наук. М., 2004.
- Лебедев-Любимов А. Н.* Психология в маркетинге. Coolbrand-стратегия. СПб.: Питер, 2008.
- Левкович В. П.* Особенности супружеских взаимоотношений в разнонациональных семьях // Психологический журнал. 1990. № 2. С. 25–35.
- Ломов Б. Ф., Журавлев А. Л.* Психология и управление. М.: Знание, 1978.
- Методики социально-психологической диагностики личности и группы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Хашенко. М.: Институт психологии АН СССР, 1990.
- Методики социально-психологического исследования личности и малых групп: сборник научных трудов / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1969.
- Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1975.
- Методология и методы социальной психологии: Сборник статей / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1977.
- Нестик Т. А.* Отношение к времени в малых группах и организациях. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Нестик Т. А.* Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 3–13.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Паповян С. С.* Математические методы в социальной психологии. М.: Наука, 1983.
- Парыгин Б. Д.* Социальная психология как наука. Л.: ЛГУ, 1965.
- Парыгин Б. Д.* История отечественной социальной психологии // Методология и история психологии. 2006. № 2. С. 5–20.
- Платонов К. К.* Что изучает общественная психология. М.: Знание, 1971.
- Платонов К. К.* О системе психологии. М.: Мысль, 1972.
- Платонов К. К., Шорохова Е. В., Мансуров Н. С.* Проблемы общественной психологии // Вопросы психологии. 1963. № 5. С. 73–82.

- Позняков В. П.* Психологические отношения субъектов экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000.
- Позняков В. П.* Программы и методики социально-психологического исследования российских предпринимателей. М.: Изд-во МосГУ, 2010.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Психология делового партнёрства: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Прикладные проблемы социальной психологии: Сборник статей / Отв. ред. Е. В. Шорохова, В. П. Левкович. М.: Наука, 1983.
- Проблемы психологии личности: Советско-финский симпозиум: Сборник / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1982.
- Проблемы экономической психологии. В 2 т. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. Т. 1.
- Проблемы экономической психологии. В 2 т. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. Т. 2.
- Психология личности и образ жизни: Сборник статей / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1987.
- Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Социум—Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.
- Психологические исследования общения / Отв. ред. Б. Ф. Ломов, А. В. Беляева, В. Н. Носуленко. М.: Наука, 1985.
- Психологические механизмы регуляции социального поведения / Отв. ред. М. И. Бобнева, В. В. Шорохова. М.: Наука, 1979.
- Психологические проблемы повышения эффективности деятельности производственных коллективов: тезисы докладов научно-практической конференции / Под ред. О. И. Зотовой, Е. В. Таранова, Е. В. Шороховой. Курган, 1981.
- Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Отв. ред. Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева. М.: Наука, 1976.
- Резников Е. Н.* Методические проблемы этнической психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Резников Е. Н.* Психологический облик русских (на материале исследования жителей Костромской области). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Роцин С. К.* Западная психология как инструмент идеологии и политики. М.: Наука, 1980.
- Свенцицкий А. Л.* Социальная психология: учебник. М.: ТК «Велби»—Прспект, 2004.
- Свенцицкий А. Л., Гуриева С. Д.* Дорога длиною в полвека: первой отечественной кафедре социальной психологии – пятьдесят лет // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 1. С. 84–93.
- Свенцицкий А. Л., Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* История и опыт социально-психологической школы факультета психологии Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета (интервью с А. Л. Свенцицким) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 1 (9). С. 93–122.
- Семенов В. Е., Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* История и опыт социально-психологической школы НИИКСИ Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета (интервью с В. Е. Семеновым в связи с 75-летием

- со дня рождения) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. № 2. С. 197–229.
- Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений / Отв. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Совместная деятельность: методология, теория, практика / Отв. ред. А. Л. Журавлев, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1988.
- Соснин В. А. Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке: Монография. М.: Форум, 2015.
- Соснин В. А. Психология массового поведения. М.: Инфра-М, 2018.
- Соснин В. А., Нестик Т. А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения / Отв. ред. Е. В. Шорохова, О. И. Зотова. М.: Наука, 1979.
- Социально-психологические проблемы производственного коллектива / Отв. ред. Е. В. Шорохова и др. М.: Наука, 1983.
- Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда / Отв. ред. Е. В. Шорохова, А. Л. Журавлев. М.: Наука, 1987.
- Социально-психологические факторы эффективности деятельности бригад / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Институт психологии АН СССР, 1987.
- Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова, В. П. Левкович. М.: Институт психологии АН СССР, 1988.
- Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Социально-психологические исследования межнациональных отношений / Под ред. П. Н. Шихирева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993.
- Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Социально-психологические исследования города / Отв. ред. Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Социально-психологические методы практической работы в коллективе: диагностика и воздействие / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Хашенко. М.: Институт психологии АН СССР, 1990.
- Социально-психологические резервы повышения эффективности деятельности трудового коллектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Институт психологии АН СССР, 1989.
- Социальная психология личности / Отв. ред. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1979.
- Социальная психология и общественная практика / Отв. ред. Е. В. Шорохова, В. П. Левкович. М.: Наука, 1985.
- Социальная психология экономического поведения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1999.
- Социальная психология: Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.

- Социальная психология: Учеб. пособие / Под общ. ред. А.Л. Журавлева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2023.
- Сухарев А. В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Сушков И. Р. Межгрупповые отношения в производственной организации: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1983.
- Тарасов С. В. Социально-психологические факторы групповой рефлексивности учебной группы (на примере групп открытого и полузакрытого типа) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 2 (66). URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4888/ (дата обращения: 03.06.2023).
- Тихомирова С. В. Любовь к родине как мировоззренческое переживание личности // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Т. 2. № 3. С. 126–154.
- Тихомирова С. В. Ценностно-смысловые значения в переживаниях праздника 9 Мая // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. № 6. С. 48.
- Тугарева Е. В. Нравственные аспекты выборов руководителей // Новое мышление и пути нравственного развития человека. Новгород. 1989. Ч. 1. С. 248–249.
- Тугарева Е. В. Соотношение психологических процессов принятия и отвержения альтернатив в ходе социального выбора: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Тугарева Е. В. Соображения справедливости при заключении экономической сделки и взаимоприемлемость деловых партнеров // Исследования закономерностей и процессов в моделях экономических систем. Сборник работ авторов, получивших гранты Московского отделения Российского научного фонда и Фонда Форда. III вып. М., 1996. С. 81–95.
- Тугарёва Е. В. Мотивация и наблюдаемое поведение: данные экспериментальных исследований поведения в ультимативных сделках // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 2. С. 79–96.
- Тугарёва Е. В. Решение о выборе: соотношение и характер процессов принятия и отвержения альтернатив // Материалы итоговой научной сессии Института психологии РАН (11–12 февраля 2010 г.). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 279–290.
- Уманский Л. И. Методы экспериментального исследования социально-психологических феноменов // Методология и методы социальной психологии. М.: Наука, 1977. С. 54–71.
- Хащенко В. А. Экономическая идентичность личности: психологические детерминанты формирования // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 32–49.
- Хащенко В. А. Психология экономического благополучия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Хащенко В. А. Личность и группа в системе экономических и управленческих отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Хащенко Н. Н. Социально-психологические факторы жизнедеятельности личности на экологически неблагоприятных территориях: Чернобыльский след: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.

Хашченко Н. Н. Субъективное экологическое благополучие в различных социальных группах и условиях жизнедеятельности: программа исследования // Пензенский научный вестник. 2017. Вып. 2. URL: <https://psychology-news.ru/2017/2-11> (дата обращения: 10.02.2023).

Хашченко Н. Н. Актуальное состояние экологического сознания личности в условиях крупного мегаполиса // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 907–914.

Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ / Отв. ред. Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.

Чернышев А. С., Журавлев А. Л., Дробышева Т. В. Теоретический и практический опыт научной школы Уманского–Чернышева в связи с его 80-летием и 45-летием кафедры психологии Курского государственного университета // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4 (4). С. 223–255.

Чернышев А. С., Сарычев С. В., Елизаров С. Г., Лобков Ю. Л., Беспалов Д. В. Социально-психологическая лаборатория курского государственного университета: история создания и тенденции развития // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 4. С. 95–106.

Шихирев П. Н. Исследования стереотипа в американской социальной науке // Вопросы философии. 1971. № 5. С. 168–175.

Шихирев П. Н. Современная социальная психология США. М.: Наука, 1979.

Шорохова Е. В. К истории исследования предпринимательских общностей в России // Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996. С. 144–151.

Шорохова Е. В. Динамика психологии личности и групп в условиях НЭПа // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. С. 81–106.

Шорохова Е. В. Психологические особенности социально-экономических преобразований в сельском хозяйстве России в 20–30-е годы XX века // Социальная психология экономического поведения. М.: Наука, 1999. С. 28–55.

Tougareva E., Oppewal H. A three-person ultimatum game to investigate effects of differences in need, sharing rules and observability on bargaining behavior // Journal of Economic Psychology. 1992. V. 13. P. 203–213.

Historical-psychological analysis of socio-psychological problems development in laboratory of social and economic psychology lab's scientific work of IP RAS

T. V. Drobysheva

doctor of psychology, leading researcher, Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, drobyshevav@ipran.ru

The article is devoted to the history of the formation and development of scientific issues in the Laboratory of Social and Economic Psychology of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Dynamic of social-psychological problems is ana-

lyzed in connection with changes in social and economic conditions of Russian society living. Main stages of scientific problematic development in laboratory are highlighted. It is shown that specific feature of laboratory scientific activity is variety and fundamentality of researching social-psychological problems. Contribution of IP RAS scientific department activity in development of Russian science and its applied branches is estimated. An integrative approach is emphasized in the study of socio-psychological problems, which combines works of employees performed in the humanitarian and natural science paradigms. New promising areas of research in IP RAS department scientific activity are highlighted.

Keywords: history of psychology, social psychology, economic psychology, psychology of management, periods (stages) of social psychology development, laboratory of social and economic psychology, Institute of psychology, RAS Institute of Psychology, socio-economic problems of personality and group.

Этапы творческого пути А. Л. Журавлева: библиометрический анализ*

*В. И. Белопольский**, *А. А. Костригин***

* доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия, vbelop@mail.ru

** кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия, artdzen@gmail.com

Был проведен библиометрический анализ публикационной активности А. Л. Журавлева за 1975–2022 гг. Выделено 4 этапа его научной деятельности на основе должностного статуса: 1975–1987, 1988–2001, 2002–2017, 2018–2022 гг. В рамках библиографического анализа изучался полный перечень его работ и определялись показатели количества публикаций по периодам, типам, соавторам. Тематический анализ проводился на корпусе заголовков оригинальных теоретических и эмпирических публикаций, по результатам которого были выявлены наиболее частотные психологические термины и ключевые словосочетания в различных периодах его научного творчества. Анализ цитирований позволил определить динамику показателей востребованности работ А. Л. Журавлева в целом и обращения к публикациям отдельных периодов в частности.

Ключевые слова: история психологии, А. Л. Журавлев, библиография, библиометрический анализ, цитирования.

Актуальной задачей современных историко-психологических исследований является библиометрический и наукометрический анализ творчества выдающихся ученых прошлого (Белопольский, Костригин, 2023; Галкина и др., 2022; Зверева, Носкова, 2016; Зуев, 2020; Левченко, 2020; Рыбачук, 2013; Тютюнник, 1986).

В 2023 г. отмечается 75-летний юбилей академика РАН и научного руководителя Института психологии РАН Анатолия Лактионовича Журавлева, и к этой дате вышли в свет публикации, в которых оценивается его вклад в различные отрасли психологии (Костригин, 2023; Нестик, 2023; Позняков, 2023а, б; Позняков и др., 2023). Особый интерес представляют работы, в которых проводится количественный анализ публикаций А. Л. Журавлева (Китова, 2023; Олейник, 2023). Однако эти исследования пока еще немногочисленны, и в них анализируются работы либо в отдельных научных областях, либо без использования системы библиометрических показателей. В данной статье нами была предпринята попытка объективного определения научного вклада

* Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием № 0138-2023-0001.

А. Л. Журавлева путем библиометрического анализа его публикаций на протяжении всей его научной биографии.

Материалы и методы исследования

В качестве *объекта* исследования выступает полная библиография работ А. Л. Журавлева за 1975–2022 гг. *Предметом* исследования являются количественные показатели научной продуктивности, типов публикаций, тематики исследований, цитируемости работ на протяжении всей его научно-исследовательской деятельности, а также в отдельные ее периоды. *Исходным материалом* исследования является корпус заголовков опубликованных А. Л. Журавлевым монографий, статей, тезисов, научно-популярных, учебно-методических и публицистических работ. Возможность использования корпуса заголовков научных работ для библиометрического и тематического анализа была обоснована и подтверждена в наших предыдущих работах (Белопольский и др., 2022, 2023).

В исследовании были сформированы два корпуса работ А. Л. Журавлева:

- 1) полный список трудов ученого, который включает в себя различные типы публикаций: монографии, статьи в журналах, статьи в книгах, тезисы, разные другие публикации (публицистические работы, предисловия, введения, послесловия, заключения, некрологи, комментарии, дискуссионные статьи, главы в учебниках, учебно-методические работы, интервью) — всего 1189 работ (этот перечень составлен на основе библиографического указателя трудов А. Л. Журавлева (Анатолий Лактионович Журавлев..., 2018) и авторской страницы в электронной библиотеке eLibrary.ru);
- 2) список оригинальных теоретических и эмпирических работ, которые представляли собой самостоятельные исследования автора: только монографии, статьи в журналах, статьи в книгах — всего 697 работ. Отметим, что, по сравнению с библиометрическим анализом публикаций А. В. Брушлинского (Белопольский, Костригин, 2023), в этом исследовании авторы подошли более дифференцированно к вступительным статьям в книгах: те статьи, которые были вводного и обзорного характера и небольшого объема, были отнесены к предисловиям и введениям, а те, которые представляли собой полноценное теоретико-методологическое введение к коллективной монографии или сборнику научных трудов и имели большой объем, были включены в группу статей в книгах. Кроме того, из списка статей в журналах и сборниках были исключены повторявшиеся публикации.

При анализе публикационной активности А. Л. Журавлева использовался хронологический подход, на основе которого изучение библиометрических показателей проводилось с учетом периодов научной деятельности ученого. Эти периоды были выделены на основании критерия принципиальной смены должностного статуса.

- *I период: 1975–1987 гг.* (обучение в аспирантуре и начало работы в Институте психологии АН СССР: младший, старший и ведущий научный сотрудник);
- *II период: 1988–2001 гг.* (работа в Институте психологии АН СССР (РАН): заведующий лабораторией социальной (позднее — социальной и экономи-

- ческой) психологии; хотя формально заведующим лабораторией социальной психологии А. Л. Журавлев стал 1 июня 1987 г., фактически его публикации в новом должностном статусе начали выходить только в 1988 г.);
- *III период: 2002–2017 гг.* (работа в Институте психологии РАН: директор Института);
 - *IV период: 2018–2022 гг.* (работа в Институте психологии РАН: научный руководитель Института (с января 2018 г.) и заведующий (с декабря 2018 г.) лабораторией истории психологии и исторической психологии).

В исследовании использовались методы библиографического и тематического анализа, анализа цитирований. К корпусу 1 (полный список трудов) применялся библиографический анализ, с помощью которого выявлялись показатели количества публикаций в разные периоды научно-исследовательской деятельности ученого, количества публикаций различных типов, количества уникальных и частотных соавторов. При изучении корпуса 2 (оригинальные работы) использовался тематический анализ (с помощью сервиса Sketch Engine) заголовков публикаций, определялись частоты психологических терминов (словосочетаний из 2–3 слов) за весь анализируемый период научного творчества А. Л. Журавлева и ключевые термины (словосочетания из 2–3 слов) подкорпусов библиографии ученого по различным периодам.

К обоим корпусам применялся анализ цитирований (на основе показателей Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)): определялась общая динамика количества цитирований всех работ, выявлялось количество цитирований оригинальных исследовательских работ по периодам.

Результаты исследования

Библиографический анализ. По результатам анализа было определено количество публикаций А. Л. Журавлева за 4 периода его научно-исследовательской деятельности. Всего (за 48 лет) он опубликовал 1189 работ, которые распределились по периодам следующим образом: I (13 лет) – 102 публикации, II (14 лет) – 184, III (16 лет) – 648, IV (5 лет) – 255. Наиболее продуктивным этапом научного творчества А. Л. Журавлева в абсолютных показателях являлись годы, относившиеся к его работе в качестве директора Института психологии РАН. Сам статус организатора науки стимулировал А. Л. Журавлева участвовать в различных научных мероприятиях и изданиях, высказывать свою позицию по многим фундаментальным и прикладным вопросам, инициировать и включаться в разработку перспективных научных направлений. Кроме того, согласно нашему предыдущему исследованию, с середины 2000-х годов наблюдался резкий рост количества изданий Института психологии РАН (Белопольский и др., 2022). Таким образом, период директорства А. Л. Журавлева соответствовал возрастанию научно-исследовательской деятельности не только его личной, но и в целом всей организации.

По *типам публикаций* А. Л. Журавлева выявлена следующая *динамика*: монографии – всего 17 (по периодам соответственно: 3-2-11-1), статьи в журналах – 325 (9-14-205-97), статьи в книгах – 470 (36-71-249-114), тезисы – 166 (46-49-55-16), публицистические работы, предисловия, введения, послесловия, заключения,

некрологи, комментарии, выступления на круглых столах, главы в учебниках, интервью – 211 (8-48-128-27). По всем типам наивысшие абсолютные показатели приходится на период 2002–2017 гг. При этом распределение разных публикаций в I–IV периоды в целом соответствует общей динамике работ.

Для уточнения значимости каждого периода и типа публикаций в научном творчестве А. Л. Журавлева был вычислен относительный *среднегодовой показатель* его научной продуктивности, учитывающий определенное неравенство выделенных периодов (особенно периода IV). Были получены следующие данные: в среднем А. Л. Журавлев публиковал 24,8 работы в год (по периодам, соответственно: 7,8–13,1–40,5–51,0), монографий – 0,4 (0,2–0,1–0,7–0,2), статей в журналах – 6,8 (0,7–1,0–12,8–19,4), статей в книгах – 9,8 (2,8–5,1–15,6–22,8), тезисов – 3,5 (3,5–3,5–3,4–3,2), других работ – 4,4 (0,6–3,4–8,0–5,4). На основе этих значений можно сделать *вывод*, что наиболее продуктивными этапами его научного творчества являлись следующие: по всей совокупности – IV и III, монографиям – III, IV и I, статьям в журналах – IV и III, статьям в книгах – IV и III, тезисам – I и II, вступительным, публицистическим и учебно-методическим работам – III и IV. Также можно сделать общий вывод, что по среднегодовым показателям с учетом типов оригинальных исследований (монографиям, статьям в журналах и книгах) публикационная активность А. Л. Журавлева продолжает увеличиваться и в текущем периоде его научно-исследовательской деятельности. Это можно объяснить появлением больших возможностей заниматься именно исследовательской, а не административной работой; кроме того, им были предложены и организованы крупные проекты по теории и методологии психологии, истории психологии и исторической психологии, в которых А. Л. Журавлев принимал активное участие.

Еще одним библиографическим показателем является *количество соавторов* трудов А. Л. Журавлева. Установлено, что за все время у автора было 227 соавторов (в среднем – 4,73), в I период – 26 (2,0), II – 67 (4,8), III – 124 (7,8), IV – 66 (13,2). Динамика количества соавторов в целом соответствует росту общего количества публикаций, наибольшее значение также относится к 2002–2017 гг. Причинами могли выступать высокий научно-организационный статус, способствовавший участию А. Л. Журавлева в различных научно-исследовательских проектах, сотрудничеству со многими сотрудниками Института психологии РАН, а также внешними исследователями. Однако если обратиться к среднегодовым показателям, то количество соавторов в последний период 2018–2022 гг. более чем в полтора раза превышает значение предыдущего периода. Это также можно объяснить большей вовлеченностью А. Л. Журавлева в научно-исследовательские проекты, чем это было в периоды его работы директором Института психологии РАН.

К наиболее частотным соавторам относятся: по всем публикациям – А. Б. Купрейченко (111), Т. А. Нестик (93), Д. А. Китова (78), А. В. Юревич (73), В. П. Позняков (54); в I период – О. И. Зотова (11), В. Ф. Рубахин (8), В. Ю. Самсонов (5), В. А. Хашенко (4), В. Д. Шленсковой (4); II – В. П. Позняков (28), Н. А. Журавлева (14), В. А. Хашенко (12), Е. В. Тугарева (7), В. А. Сумарокова (5); III – А. Б. Купрейченко (107), Т. А. Нестик (71), А. В. Юревич (57), Д. В. Ушаков (36),

Т. В. Дробышева (28), Е. А. Сергиенко (28); IV – Д. А. Китова (70), Т. А. Нестик (22), А. А. Костригин (18), А. В. Юревич (16), И. А. Мироненко (13).

Среди соавторов можно выделить 4 их категории: учителей (В. Ф. Рубахин), коллег (О. И. Зотова, Д. А. Китова, А. А. Костригин, Е. А. Сергиенко, В. А. Сумарокова, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич), учеников (Т. В. Дробышева, Н. А. Журавлева, А. Б. Купрейченко, Т. А. Нестик, В. П. Позняков, В. Ю. Самсонов, Е. В. Тугарева, В. А. Хашенко, В. Д. Шленской), внешних исследователей (И. А. Мироненко). Чаще всего А. Л. Журавлев проводил совместные исследования с коллегами и своими учениками, что говорит о его направленности на внутреннее научно-исследовательское сообщество, существовавшее и существующее в Институте психологии РАН (АН СССР), и поддержание корпоративных научных связей.

Важной особенностью перечня наиболее частотных соавторов является то, что на каждом этапе их состав почти полностью обновлялся (за исключением Т. А. Нестика и А. В. Юревича в III и IV периодах), что свидетельствовало также о смене ведущих научных интересов А. Л. Журавлева. Последнее подробнее будет показано далее при тематическом анализе его публикаций.

Тематический анализ. На основе заголовков публикаций оригинальных теоретических и эмпирических работ А. Л. Журавлева (второй корпус) был проведен анализ ведущих тем его научно-исследовательской деятельности. Выявлены следующие наиболее *частотные термины* за все годы его научного творчества (представим только те, которые встречались 10 и более раз): «социальная психология» (42), «Институт психологии» (31), «экономическая психология» (21), «психологическая наука» (20), «российское общество» (19), «нравственная элита» (14), «самоопределение личности» (12), «ориентация личности» (12), «совместная деятельность» (12), «тенденция развития» (12), «перспектива исследований» (11), «экономическое сознание» (11), «научное творчество» (11), «российский предприниматель» (11), «стиль руководства» (11), «направление исследований» (11), «экономическая социализация» (10).

Среди *ведущих направлений* научно-исследовательской деятельности А. Л. Журавлева выделяются социальная психология, экономическая психология, методология психологии и перспективы ее развития, психология нравственности, психология личности, история психологии, психология управления. Спектр психологических проблем, исследованием которых занимался А. Л. Журавлев, очень велик и показывает широту не только личных научных интересов автора, но и курировавшихся им научно-организационных проектов (прежде всего, по методологии и истории психологии). Кроме того, стоит отметить наличие областей разного уровня дисциплинарного развития: от самого общего – методологии психологии, социальной психологии, психологии личности, истории психологии до более узкого и специального – экономической психологии, психологии управления, психологии нравственности.

Наконец, отдельно обратим внимание на термин «Институт психологии», который не может быть отнесен к какой-либо отрасли или направлению, но показывает высокий интерес А. Л. Журавлева к развитию научно-исследовательского центра, которым он руководил в течение 16 лет. Прежде всего, это словосочетание встречалось в отчетных публикациях о деятельности Института психологии РАН, а также в историко-психологических работах, посвящен-

ных его функционированию и развитию на протяжении всего периода жизнедеятельности.

Представим также *тематику исследований* А. Л. Журавлева в разные периоды его научного творчества согласно ключевым словам. Таковыми в I период были следующие: «промышленное предприятие» (19,86), «индивидуальный стиль руководства» (18,99), «социалистическое соревнование» (18,99), «качества личности руководителя» (17,48), «метод руководства» (17,48), «производственный коллектив» (17,48), «проблема бригадной формы» (17,48), «психологическая служба» (17,48), «психологическая устойчивость» (17,48), «эффективность руководства» (14,93). На раннем этапе своего творчества специальное внимание он уделял вопросам психологии руководства и управления, личности руководителя, организации работы трудовых коллективов, взаимодействия внутри коллективов.

Во II период к ключевым словосочетаниям относились: «деловая активность» (8,79), «процесс адаптации» (8,22), «условие жизнедеятельности» (8,22), «загрязненная территория» (7,61), «качества руководителя» (7,61), «органы власти» (7,61), «отношение предпринимателей» (7,61), «психология трудового коллектива» (8,22), «современный российский предприниматель» (7,61), «социально-психологический метод» (7,61), «социально-психологическое исследование выборов» (7,61), «социально-экономический феномен» (7,61) «экономическая политика» (7,61), «экспертная оценка» (7,61). В 1988–2001 гг. оригинальными темами исследований А. Л. Журавлева были психология деятельности предпринимателей, социально-психологические особенности деятельности личности и группы в условиях экономических и экологических изменений, совместная деятельность трудовых коллективов и управление ими, методы исследования руководителей и групп.

Ключевыми терминами III периода были «самоопределение личности» (1,83), «тенденция развития» (1,83), «социальное самоопределение» (1,80), «экономическое самоопределение» (1,80), «организационная психология» (1,79), «отечественная экономическая психология» (1,79), «программа исследования» (1,79), «фундаментальная психология» (1,79), «научная деятельность Института» (1,78), «корпоративная память» (1,77), «социально-психологическое пространство» (1,77), «психологическая практика» (1,75), «самоопределение субъекта» (1,75), «современное российское общество» (1,75). В годы работы директором Института психологии РАН новизна исследований А. Л. Журавлева отразилась в изучении проблем методологии психологии и тенденций ее развития, самоопределения личности в разных социальных и экономических условиях, вопросов организационной психологии и различных психологических феноменов в организации, состоянии и перспектив экономической психологии, итогов деятельности Института психологии РАН, содержания категории социально-психологического пространства личности, оценки макропсихологического и социально-психологического статуса современного российского общества и различных его компонентов (ценностей, нравственных элит и др.).

В 2018–2022 гг. среди ключевых словосочетаний были «история психологии» (2,96), «особенности отношения» (2,93), «глобальный риск» (2,91), «отношение населения» (2,91), «образ Петра» (2,87), «социальная сеть» (2,87),

«Институт психологии» (2,81), «автоматизированный анализ» (2,73), «информационное пространство» (2,73), «лаборатория истории психологии» (2,73), «материалы интервью» (2,73), «Психологический журнал» (2,73), «социальный конфликт» (2,73). На текущем этапе оригинальными темами работ А. Л. Журавлева стали история психологии, в том числе история научно-исследовательской деятельности Института психологии РАН и проведение интервью с крупными современными психологами, историческая психология, отношение разных групп к социальным явлениям, обсуждение итогов деятельности лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН, наукометрический анализ публикационной активности авторов и организаций в информационном пространстве «Психологического журнала», проблемы автоматизированного анализа текстов и сообщений в психологических исследованиях.

Таким образом, в каждом периоде научного творчества А. Л. Журавлева появлялись новые темы, что демонстрировало его постоянный исследовательский поиск, введение в научный оборот оригинальных терминов и проблем, обоснование перспективных направлений исследований.

Цитирование работ А. Л. Журавлева. Востребованность работ А. Л. Журавлева во временной перспективе оценивалась на основе количества их цитирований (по данным РИНЦ от 26.10.2023). Выявлена в целом возрастающая динамика цитирований работ автора: менее 100 ежегодных цитирований до 1998 г., затем значительный рост до более 1000 цитирований по 2013 г. и резкий пик в 2014–2016 гг. (от 2097 до 4763). В последние годы наблюдается постепенное снижение цитирований, в том числе до 1177 в 2022 г. Увеличение показателей до 2016 г. может быть связано как с развитием баз данных, так и большей доступностью публикаций автора. Уменьшение цитирований может быть объяснено выбором им новой тематики исследований (методологии психологии, истории психологии, исторической психологии, наукометрии в психологии), которая в настоящее время пока не является научно-исследовательским трендом, а частично связано, возможно, со сменой официального статуса.

При анализе количества цитирований оригинальных исследовательских работ по периодам научного творчества А. Л. Журавлева были выявлены следующие показатели: I – 1002, II – 2243, III – 10836, IV – 1524. Наиболее востребованными являются публикации А. Л. Журавлева в период его работы директором Института психологии РАН. Это связано, во-первых, со статусом самого автора (он выполнял роль крупного научного организатора), во-вторых, с повышением фундаментальности его работ (методологической и историко-психологической тематикой) и появлением острых, социально значимых тем (психологических проблем общества, макросоциальных и глобальных феноменов в психологии др.).

Отметим также, что работы А. Л. Журавлева с наибольшим количеством цитирований (по данным РИНЦ от 26.10.2023) были опубликованы именно в III периоде: «Психология совместной деятельности» (2005) – 664, «Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы)» (2004) – 471; совместно с А. Б. Купрейченко «Нравственно-психологическая регуляция экономической активности» (2003) – 440, совместно с А. Б. Купрейчен-

ко «Экономическое самоопределение. Теория и эмпирические исследования» (2007) — 407, «Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы» (2009) — 279. Среди работ разных типов наиболее востребованными являются монографии А. Л. Журавлева, а по тематике — его социально-психологические, психолого-управленческие, экономико-психологические исследования.

Заключение

Проведенный библиометрический анализ публикаций А. Л. Журавлева показал количественную динамику публикаций и тематики исследований на протяжении его научно-исследовательской деятельности в период с 1975 по 2022 г. Были сформулированы важные факторы изменений его публикационной активности и научных интересов — смена должностного статуса, включенность в разработку как социально значимых проблем (социальной, экономической и экологической психологии, психологии личности, психологии нравственности), так и более конкретных профессиональных вопросов (методологии психологии, истории психологии, исторической психологии, наукометрии в психологии). При этом наше исследование нельзя считать полностью завершенным, поскольку плодотворная научно-исследовательская деятельность Анатолия Лактионовича продолжается и дает возможности для осмысления его новых достижений.

Литература

- Анатолий Лактионович Журавлев. Библиография научных трудов: к 70-летию со дня рождения / Авт.-сост. В. И. Белопольский, Е. Н. Аксамит, О. В. Шапошникова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Белопольский В. И., Костригин А. А.* Этапы творческого пути А. В. Брушлинского: библиометрический анализ // Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук, 12–14 октября 2023 г., Москва / Отв. ред. Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова, А. В. Махнач, Г. А. Виленская, Н. Н. Казымова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 58–64.
- Белопольский В. И., Костригин А. А., Журавлев А. Л.* Годы, люди, книги: научно-издательская деятельность Института психологии РАН (1972–2021). Ч. 1. Научно-организационные и библиометрические аспекты // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 6. С. 5–17.
- Белопольский В. И., Костригин А. А., Журавлев А. Л.* Годы, люди, книги: научно-издательская деятельность Института психологии РАН (1972–2021). Ч. II. Тематические и лингвистические аспекты // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 1. С. 5–15.
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Яков Александрович Пономарев: некоторые результаты наукометрического анализа творческого наследия // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 1. С. 117–128.

- Зверева Т. В., Носкова О. Г.* Психологическое наследие К. К. Платонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Зуев К. Б.* Наукометрический анализ творческого наследия Б. Ф. Ломова // Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 340–362.
- Китова Д. А.* Публикационное пространство российской науки: опыт анализа индивидуальных индексов (к юбилею А. Л. Журавлева) // Психологическая газета. 2023. URL: <https://psy.su/feed/11375>.
- Костригин А. А.* Основные направления психологических исследований Анатолия Лактионовича Журавлева: к 75-летию со дня рождения // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 4 (133). С. 103–114.
- Левченко О. И.* Библиометрический анализ научных трудов ученого (на примере изучения научного наследия академика Юрия Андреевича Осипьяна) // Румянцевские чтения-2020: Материалы Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 1. М.: Пашков дом, 2020. С. 467–472.
- Нестик Т. А.* Перспективные направления социально-психологических исследований (к 75-летию со дня рождения А. Л. Журавлева) // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. Т. 16. № 3. С. 9–25.
- Олейник Ю. Н.* История психологии как сфера профессиональных интересов А. Л. Журавлева (к 75-летию со дня рождения). Ч. I. Наукометрический анализ публикаций // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 5. С. 88–102.
- Позняков В. П.* Флагман отечественной психологии (к 75-летию академика РАН А. Л. Журавлева) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2023а. Т. 8. № 2 (30). С. 140–164.
- Позняков В. П.* О вкладе А. Л. Журавлева в разработку проблем психологии управления // Современные направления исследований в психологии: вызовы третьего десятилетия XXI века: материалы международной научно-практической конференции. Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 2023б. С. 104–111.
- Позняков В. П., Козлов В. В., Мазилев В. А., Слепко Ю. Н.* Системообразующий актер Анатолий Лактионович Журавлев: юбилейные заметки // Методология современной психологии. 2023. № 18. С. 8–15.
- Рыбачук В. П.* Библиометрический портрет академика Владимира Ивановича Вернадского: известность в мире // Библиотеки национальных академий наук: проблемы функционирования, тенденции развития. 2013. № 11. С. 22–33.
- Тютюнник В. М.* Академик И. Л. Кнунянц: ученый и человек (наукометрический анализ к 80-летию со дня рождения и 60-летию научной деятельности) // Журнал Всесоюзного химического общества им. Д. И. Менделеева. 1986. Т. 31. № 3. С. 354–357.

Stages of creative path of A. L. Zhuravlev: bibliometric analysis

V. I. Belopolsky, A. A. Kostrigin***

** doctor of psychological sciences, principal researcher, Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, vbelop@mail.ru*

*** candidate of psychological sciences, research associate, Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, artdzen@gmail.com*

The article provides a bibliometric analysis of the publication activity of A. L. Zhuravlev for 1975–2022. Four stages of his scientific activity were identified based on his official status: 1975–1987, 1988–2001, 2002–2017, 2018–2022. As part of the bibliographic analysis, a complete list of his works was studied and indicators of the number of publications were determined by period, type, and co-authors. Thematic analysis was carried out on a corpus of titles of original theoretical and empirical publications, the results of which revealed the most frequent psychological terms and key phrases by periods of his scientific work. Analysis of citations made it possible to determine the dynamics of indicators of demand for A. L. Zhuravlev's works in general and reference to publications of certain periods in particular.

Keywords: history of psychology, A. L. Zhuravlev, bibliography, bibliometric analysis, citations.

**Перспективные направления исследований
в отечественной социальной психологии
(к 75-летию со дня рождения А. Л. Журавлева)***

Т. А. Нестик

доктор психологических наук, заведующий лабораторией социальной
и экономической психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия,
nestikta@ipran.ru

Внутренняя логика развития социальной психологии как науки, а также быстрые изменения в обществе, влияющие на ее предметное поле, требуют обсуждения актуальных научных проблем и перспектив дальнейших социально-психологических исследований, многие из которых связаны с развитием научных направлений, инициированных А. Л. Журавлевым и его учениками: психология управления, совместной деятельности и коллективного субъекта; психология нравственности; экономическая психология; социальная психология города; исследования психологического состояния российского общества; исследования отношения человека к новым технологиям и влияния технологий на социально-психологические феномены; психология ядерного сдерживания и стратегической безопасности, психология глобальных рисков, глобальная психология, психология геополитических отношений; междисциплинарный подход в социально-психологических исследованиях. В рамках каждого из направлений намечены перспективы дальнейших исследований, с учетом происходящих в России социальных, экономических и технологических изменений.

Ключевые слова: А. Л. Журавлев, социальная психология, перспективные направления исследований, совместная жизнедеятельность, коллективный субъект.

В любой науке есть люди, чей труд на многие годы вперед определяет перспективные направления исследований, позволяет научному сообществу увидеть и сформулировать научные проблемы, требующие решения. Именно к таким ученым можно отнести Анатолия Лактионовича Журавлева, академика Российской академии наук, академика Российской академии образования, профессора, научного руководителя Института психологии РАН, отметившего в этом году свой 75-летний юбилей.

Анатолий Лактионович родился 9 июня 1948 г. в селе Новые ключи Петровского района Куйбышевской области в семье служащего. Получив психологическое образование на факультете психологии Ленинградского госу-

* Первоначальный вариант этой статьи был опубликован в журнале «Теоретическая и экспериментальная психология». 2023. № 3 (16). С. 9–24. doi: 10.11621/ТЕР-23–17.

дарственного университета (1967–1972 гг.) и опыт работы ассистентом кафедры общей психологии Ярославского государственного университета (1972–1973 гг.), с 1973 г. по настоящее время он трудится в Институте психологии РАН. За эти годы Анатолий Лактионович прошел путь от аспиранта до младшего научного сотрудника (1976 г.), старшего научного сотрудника (1981 г.), ведущего научного сотрудника (1986 г.), а затем на протяжении 30 лет (с 1987 по 2016 г.) он возглавлял лабораторию социальной и экономической психологии и 15 лет являлся директором Института психологии РАН (с 2002 по 2017 г.).

В 1999 г. А. Л. Журавлев защитил докторскую диссертацию на тему «Психология совместной деятельности в условиях организационно-экономических изменений». В 2001 г. ему было присвоено ученое звание профессора, в 2004 г. он был избран членом-корреспондентом РАО, в 2008 г. – членом-корреспондентом РАН, в 2016 г. – действительным членом РАО и РАН.

За эти годы Анатолий Лактионович внес огромный вклад в развитие социальной и экономической психологии в нашей стране. Его работы, посвященные трудовым группам, психологии управления и совместной деятельности, заложили основы для изучения феномена коллективного субъекта в меняющихся социальных условиях. По инициативе Анатолия Лактионовича в Институте психологии РАН сложились направления исследований, активно развивающиеся сегодня силами сотрудников лаборатории социальной и экономической психологии: психология нравственности, психология экономической социализации и экономических ожиданий, психология коллективного творчества и управления знаниями, психология социальных явлений и массового поведения, психология сетевых сообществ, социальная психология города, макропсихология и исследования динамики психологического состояния общества, психология отношения личности и группы к новым технологиям, психология глобальных процессов и другие направления. Продолжая традиции своих учителей Б. Ф. Ломова, К. К. Платонова, В. Ф. Рубахина и Е. В. Шороховой, Анатолий Лактионович уделяет большое внимание теоретико-методологическим проблемам и понятийному аппарату отечественной социальной психологии, изучению ее истории и прогнозированию ее перспективных направлений развития (Дробышева, 2023; Журавлев..., 2018; Позняков, 2023).

Анатолий Лактионович Журавлев ведет большую научно-издательскую и общественную работу, являясь главным редактором «Психологического журнала» (с 2003 г.) и членом редколлегии многих научных журналов, членом Президиума Российского психологического общества, основателем и заведующим кафедрой социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета, деканом факультета психологии ГАУГН, членом бюро Отделения общественных наук РАН (с 2017 г.).

А. Л. Журавлевым подготовлено 25 кандидатов и 8 докторов психологических наук. Все мы чувствуем его неоценимый вклад в качестве наставника, готового всегда выслушать, помочь советом и контактами, подтолкнуть к постановке новых задач и к более комплексному рассмотрению научных проблем, которые мы разрабатываем. Для множества российских психологов Анатолий Лактионович является Учителем и старшим Другом, который продолжает объединять собой разные научные направления, помогает сове-

том, поддерживает в окружающих исследовательское любопытство, энтузиазм и оптимизм.

Не претендуя на охват всех линий развития отечественной социальной психологии, намеченных А. Л. Журавлевым, мы сосредоточим внимание на нескольких инициированных им научных направлениях и некоторых его идеях, наметив перспективы их дальнейшей разработки.

Одним из важнейших вкладов Анатолия Лактионовича в российскую психологическую науку стало формирование *психологии управления* как самостоятельной научной отрасли (Журавлев, 2004; Журавлев, Ломов, 1978; и др.). В центре его исследовательского внимания многие годы находились психологические особенности личности и деятельности различных категорий руководителей, психологические методы и стиль руководства. В серии работ Анатолием Лактионовичем разработаны концепции *совместной деятельности и коллективно-го субъекта*, оказавшие существенное влияние на отечественную социальную психологию (Журавлев, 2005, 2018; и др.).

В условиях стремительных социально-экономических и технологических изменений чрезвычайно эвристичным оказывается намеченный А. Л. Журавлевым подход к изучению совместности и совместной жизнедеятельности как интегральных социально-психологических феноменов, изучение которых позволяет раскрыть взаимосвязь парциальных (таких как общение, межличностные отношения, лидерство и т. д.). Переход к социальному взаимодействию, которое разворачивается в смешанной реальности, опосредовано киберфизическими системами и включает нечеловеческих агентов, таких как искусственный интеллект, делает особенно перспективными идеи А. Л. Журавлева о совместной деятельности с неполной структурой, осуществляемой без полного понимания совместных целей, без осознаваемого всеми конечного результата, реализуемой за счет связей между индивидуальными деятельностями, но при отсутствии реальных совместных действий. Данный подход особенно перспективен при изучении совместной жизнедеятельности участников крупных бизнес-экосистем, а также формирующихся метавселенных – децентрализованных киберпространств для взаимодействия людей через аватары, имеющих свою экономику и охватывающих разные сферы жизни – работу, учебу и досуг. Выявление социально-психологических факторов эффективности совместной жизнедеятельности и групповой жизнеспособности в таких экосистемах – все более перспективная область исследований. Особое внимание в этой связи заслуживает вопрос о том, как возможно управление совместной деятельностью не через прямое взаимодействие руководителя и подчиненного или одного члена группы с другим, а через совместное проектирование «цифровой платформы» (и одновременно – социально-психологического пространства) с использованием алгоритмов, облегчающих и провоцирующих те или иные потенциальные взаимодействия в сообществе.

Другое, по-прежнему актуальное направление исследований – изучение социально-психологических факторов успешности управления совместной деятельностью в условиях неопределенности. Среди феноменов, которые требуют дальнейших исследований в этой связи, можно назвать коллективное творчество и совместную импровизацию, обмен знаниями, групповую

осознанность, групповую рефлексивность. Особое значение приобретает изучение предпосылок перспективной, т. е. направленной в будущее, групповой рефлексивности. В условиях переживания трудноконтролируемой угрозы (в том числе эпидемиологической, экономической, военной, климатической) повышается вероятность управленческих ошибок, связанных с катастрофизацией (переоценка вероятности и тяжести негативных исходов), «позитивными иллюзиями» (сверхоптимизм, переоценка группой своего контроля над ситуацией) и «туннельным мышлением» – представлением об отсутствии альтернатив, которое ведет к эскалации приверженности ранее принятым групповым решениям. Эти обстоятельства повышают востребованность исследований, направленных на прояснение психологических механизмов, лежащих в основе готовности личности и группы рассматривать разные сценарии при прогнозировании коллективного будущего – будущего своего проекта, организации, отрасли, профессии, региона, страны и мира в целом.

Саморефлексивность – один из трех важнейших признаков коллективного субъекта, выделяемых А. Л. Журавлевым, наряду с взаимосвязанностью членов группы и способности проявлять различные формы совместной активности по отношению к себе и другим социальным объектам. Все еще открытым остается вопрос о том, может ли группа не быть субъектом или всякая ли группа является субъектом, но с разной степенью выраженности субъектности? Можно предположить, что в условиях быстрых макроэкономических и социально-политических изменений сама по себе активность без рефлексии повышает подверженность членов группы манипуляциям и для превращения группы в коллективный субъект решающее значение приобретает именно саморефлексивность, т. е. способность группы анализировать совместный опыт, признавать достижения и ошибки, опираться на извлеченные уроки при выработке новых совместных целей, норм и правил (Журавлев, Нестик, 2010; Нестик, Журавлев, 2019).

В этой связи чрезвычайно важным становится дальнейшее прояснение социально-психологических предпосылок целенаправленности коллективного субъекта. В частности, в условиях «непонятного завтра» большое значение имеет уточнение психологических функций, предпосылок и эффектов миссий и видения будущего, т. е. публично декларируемого образа желаемого будущего первичных трудовых коллективов, организаций, сообществ и государства. Нужны дальнейшие эмпирические исследования, чтобы установить, как наличие отчетливого образа желаемого будущего влияет на совместную деятельность и коммуникации в разных типах организационной культуры, готовность членов группы следовать этическим нормам, доверие к организации (сообществу, государству) и межгрупповые отношения. Мы по-прежнему мало знаем и о том, как различия в процессах формирования образа желаемого будущего, в частности поведение руководителей при формировании лидерского и командного видения, сказываются в дальнейшем на эффективности совместной деятельности.

Одним из перспективных направлений изучения психологических механизмов, лежащих в основании проявления коллективной субъектности в условиях неопределенности и переживания угрозы существованию группы, является изучение феномена социального оптимизма. Анализ существующих теоретичес-

ких подходов в этой области и наши эмпирические исследования позволяют выделить две группы механизмов, лежащих в основании социального оптимизма. Во-первых, это ожидание благополучного исхода наблюдаемых событий, опирающееся на конструктивное совладание и позитивные иллюзии и позволяющее защитить позитивную самооценку членов группы. Во-вторых, опирающаяся на групповую идентификацию и доверие вера в способность членов своей группы совместными усилиями справиться с трудностями, облегчающая постановку и реализацию амбициозных коллективных целей. Требуется уточнения вклад этих компонентов социального оптимизма в разные типы субъектности, разные формы совместной активности: внутригрупповое взаимодействие, групповое поведение, групповое самопознание, а также межгрупповое взаимодействие. Необходимо прояснить взаимовлияние социального, экономического и технологического оптимизма, а также их предпосылки и эффекты в условиях переживания трудноконтролируемой внешней угрозы.

Одним из все более актуальных направлений дальнейших исследований становится изучение особенностей проявления коллективной субъектности в закрытых группах, отличающихся жесткими групповыми нормами и социальной депривацией, т. е. ограничением связей членов группы друг с другом и с широким социальным окружением. Большое значение для преодоления текущих и будущих социальных кризисов представляет определение механизмов коллективного совладания, а также способов поддержки групповой рефлексивности в таких условиях.

Отдельное и чрезвычайно перспективное направление исследований — изучение механизмов, лежащих в основе субъектности крупных сетевых сообществ, больших социальных групп, а также общества и человечества в целом. Особый интерес здесь представляют ситуации, когда субъектность проявляется в осознании ответственности своей группы перед другими общностями, в том числе жителями других стран, предшествующими и будущими поколениями.

В этой связи перспективным, мало изученным в социальной психологии феноменом является историческое и социальное воображение, определяемое историками и социологами (Р. Коллингвудом, Ч. Миллсом, П. Штомпкой, З. Бауманом и др.) как способность личности связать события своей жизни с культурно-историческим контекстом, с индивидуальными и совместными действиями членов общества. Оно дает возможность посмотреть на мир глазами других людей, увидеть не только то, что происходит, но и что может произойти — «возможное будущее», а также оно тесно связано с развитием способности к социальному экспериментированию и сотрудничеству. Выявление социально-психологических факторов, под воздействием которых формируется и проявляется социальное воображение как индивидуальная и групповая характеристика, — задача будущего, имеющая важное теоретическое и прикладное значение, особенно в связи с разрешением межгрупповых конфликтов, а также выстраиванием коммуникаций в постконфликтных, поляризованных обществах.

Мы все еще мало знаем о том, какую роль в становлении коллективной субъектности играют коллективные переживания и механизмы коллективного совладания, а также об их вкладе в конструирование коллективной памяти и коллективного образа будущего.

Важное значение для выделения общих и частных характеристик группового субъекта имеют исследования проявлений субъектности в новых или еще мало изученных социальных группах, таких как «бомжи», «новые беспризорные», обманутые вкладчики, квалифицированные инвесторы, волонтеры, правозащитники, вынужденные эмигранты, различные категории участников СВО, беженцы и жители регионов, пострадавших в ходе военных действий и др.

При непосредственном участии Анатолия Лактионовича были проведены оригинальные исследования в области *психологии нравственности*, ориентированные на изучение феноменов доверия, социально-психологического пространства, социально-психологической зрелости личности, нравственного самоопределения, нравственной элиты (Журавлев, Костригин, 2023; Журавлев, Купрейченко, 2003; Журавлев, Юревич, 2010; и др.). Сотрудниками ИП РАН ведется разработка системно-эволюционного подхода в психологии морали и нравственности, проблем морального состояния российского общества и нравственных аспектов экономической активности, психологических механизмов духовно-нравственного воспитания и развития личности, психологии духовности. Среди перспективных направлений исследований, востребованность которых будет расти в ближайшие годы, можно отметить изучение механизмов отчуждения личностью моральной ответственности за действия своей группы, а также динамики моральных эмоций, таких как гордость, стыд, вина, страх, презрение, ненависть, гнев и злорадство, сострадание. Мало изученным остаются феномены индивидуального и группового нравственного выбора, а также социально-психологические механизмы группового решения моральных дилемм при переживании внешней угрозы и влияние на такие решения опыта переживания коллективной травмы. Требуется дальнейшие исследования для уточнения того, как групповая поляризация, чувство утраты контроля и вера в конспирологические теории влияют на нравственно-психологические характеристики личности и группы.

В качестве руководителя лаборатории социальной психологии А. Л. Журавлев внес значимый вклад в становление отечественной *экономической психологии*, организовав серию исследований динамики социальной психологии личности и группы в условиях радикальных экономических изменений (Журавлев, 2004; Социальная психология экономического поведения, 1999; и др.). К числу перспективных направлений исследований в данной области можно отнести изучение социально-психологических предпосылок экономического патриотизма в предпринимательском и потребительском поведении (например, предпочтения отечественных товаров при возможности приобрести зарубежные), а также динамики экономического оптимизма и пессимизма в условиях кризиса. Большой интерес представляют экспериментальные исследования изменения экономических ожиданий в зависимости от воображаемых сценариев развития ситуации и с учетом разделяемых личностью ментальных моделей экономики. Внедрение цифрового рубля, развитие экономики обмена и формирование крупных бизнес-экосистем будут способствовать возвращению интереса исследователей к психологии денег и готовности россиян использовать новые финансовые инструменты, а также к изучению психологических аспектов конвертации разных форм капиталов — социального, человеческого, финансового.

Открываются новые перспективы для использования социально-психологического подхода в изучении долгового поведения. Переход банковских экосистем к модели человекоцентричности неизбежно приведет к превращению кредитных отношений из финансовых в нечто большее, в отношения, развивающие человеческий потенциал и повышающие капитализацию банков как посредников в обмене ресурсами между участниками экосистемы. А значит, будут меняться и подходы к управлению задолженностью, в значительно большей степени будет учитываться не только психологические характеристики заемщиков, но и широкий «ковёр» межличностных и межгрупповых отношений, в который вплетены цели, под которые берется кредит.

Пенсионные реформы, стимулирование предпринимательского и инвестиционного поведения граждан повышают актуальность изучения социально-психологических факторов долгосрочной ориентации при принятии экономических решений. Ожидаемая масштабная структурная трансформация российской экономики будет стимулировать внимание социальных психологов к исследованиям в области первичной и вторичной экономической социализации, восприятия экономического неравенства (межличностного, межгруппового, межрегионального) и доверия к государству как экономическому регулятору.

Необходимы дальнейшие исследования для изучения вклада коллективного образа будущего в экономическое поведение и демографические процессы на разных стадиях экономических, социально-политических и климатических кризисов. Наконец, все более очевидна необходимость в комплексных экономико-психологических лонгитюдных исследованиях для включения в экономические прогнозы оценки возможного влияния психологического состояния общества на потребительское, кредитное, сберегательное, инвестиционное и трудовое поведение россиян.

А. Л. Журавлев вместе со своими учениками внес существенный вклад в развитие отечественной *социальной психологии города* (Журавлев, Дробышева, 2016; и др.). По-прежнему актуальными остаются направления, разработка которых уже активно ведется российскими социальными психологами, таких как изучение механизмов ментальной репрезентации города в обыденном сознании проживающих в нем представителей разных социальных групп, конструирования территориальной идентичности горожан и ее связи с психологическим благополучием, реализацией базовых ценностей, соблюдением социальных норм, протестным поведением; изучение специфических социально-психологических эффектов, порождаемых условиями жизнедеятельности людей в мегаполисе, таких как «знакомый незнакомец», сочетание отчужденности и толерантности, сниженного социального контроля, феномена пресыщенности. К перспективным направлениям исследований в данной области можно также отнести изучение механизмов субъектности городских сообществ, специфических для больших городов форм гражданского участия (например, совместная защита исторических памятников и лесопарковых зон, участие в решении вопросов городского развития через цифровые платформы «Активный гражданин», домовые чаты и др.).

В связи с ростом социального неравенства можно ожидать возвращения социальных психологов к изучению элитных анклавов и этнических гетто,

межэтнической напряженности в городах, гендерных и межпоколенческих конфликтов, различных форм проявления нетерпимости. Большое значение для развития социальной психологии города будут иметь исследования динамики психоэмоционального состояния и психологического благополучия разных категорий горожан на основании их цифровых следов, лицевой экспрессии и походки пешеходов, поведения автоводителей. В условиях «надзирающего капитализма» одним из перспективных направлений исследований является также изучение социально-психологических факторов готовности горожан скрывать или, напротив, инвестировать свои персональные данные в развитие городских сервисов, основанных на технологиях искусственного интеллекта.

По инициативе А. Л. Журавлева разрабатываются основы макропсихологического подхода к изучению социальных явлений, ведутся исследования динамики *психологического состояния российского общества* (Журавлев, Емельянова, 2009; Журавлев, Кольцова, 2017; Журавлев, Ушаков, 2009; Журавлев, Юревич, 2012; и др.). Одним из перспективных направлений в этой области, актуальность которого будет расти в ближайшие годы, связано с изучением механизмов жизнеспособности общества в условиях геополитических, экономических, технологических и природных кризисов. В этой связи будут все более востребованными исследования, посвященные мнемоническим войнам и конструированию инклюзивного образа будущего, поддержке социального оптимизма, поиску оснований для консолидации в условиях появления новых форм социального неравенства. Одновременно с этим растет актуальность изучения роли ресентимента, коллективной ностальгии и коллективного нарциссизма в динамике психологического состояния общества.

Наряду с уточнением структуры психологического состояния общества, требуются дальнейшие теоретико-эмпирические исследования для построения типологии психологических состояний крупных социальных групп и общества в целом. Необходимы лонгитюдные исследования для уточнения связи между психологическими процессами на различных уровнях социально-психологического анализа (внутриличностном, межличностном, групповом, межгрупповом, социетальном). Такие исследования позволят определить степень пластичности тех или иных характеристик психологического состояния общества, а также социально-психологических механизмов, которые могут выступать в роли медиатора, ускорять или замедлять изменение характеристик психологического состояния общества под влиянием политических и экономических изменений.

Большое значение для дальнейшего развития макропсихологических исследований будут иметь корпусные исследования, позволяющие изучать динамику психологического состояния общества по лингвистическим маркерам – на основании автоматизированного анализа текстов XX–XXI вв. Такие исследования могут пролить свет на культурные и психологические механизмы, обеспечивающие жизнеспособность обществ в период крупных исторических потрясений. Не менее перспективными могут быть исследования психологического состояния общества на основании психолингвистического анализа сообщений в социальных сетях и динамики поисковых запросов,

а также через анализ языковых процессов смыслообразования — изучения изменений языковой личности, проявляющихся в ассоциативно-вербальной сети.

А. Л. Журавлев уделяет большое внимание проблемам *отношения человека к новым технологиям и влияния технологий на социально-психологические феномены* (Журавлев, Китова, 2019; Журавлев, Нестик, 2019; и др.). Особую актуальность данные исследования приобретают в связи с многократно ускорившимся внедрением технологий искусственного интеллекта в повседневную жизнь нашего общества, а также обострением проблемы дефицита гуманитарной экспертизы при оценке новых технологий и принятии научно обоснованных государственных решений. И здесь чрезвычайно перспективной представляется идея А. Л. Журавлева о зональности взаимодействия психологических и непсихологических механизмов поведения: по-видимому, использование искусственного интеллекта будет менять эти зоны. Так, например, использование генеративного ИИ в качестве персонального помощника может изменить культуру эмоций, стирая различия в способах их проявлении в зависимости от контекста, деиндивидуализируя и рационализируя поведение, ориентируя пользователей на социальные нормы — воображаемое большинство, на запросах и текстах которого ИИ будет обучаться. С другой стороны, в силу способности к глубокой персонализации, личные помощники на основе больших языковых моделей могут усиливать влияние психологических механизмов на определенные сферы поведения. Можно ожидать изменений пластичности личности и группы, когда одни наши характеристики станут более изменчивыми и проектируемыми, а другие, напротив, более стабильными на протяжении жизни. Включение больших языковых моделей, аналогичных GPT-4, в платформы для командной работы могут повысить групповую структурированность, согласованность и рефлексивность — способность группы или сообщества анализировать ход проекта или дискуссии, извлекать уроки из совместного опыта, оценивать коллективные эмоциональные состояния, взаимодополнительность и вклад различных участников в общий результат. Это означает, что социально-психологическая диагностика должна будет учитывать не только «цифровые структуры выбора», поддерживающие работу команды, но и место ИИ в распределении ролей, его влияние на межличностное доверие и эмоциональное состояние команды. Иными словами, формируется новая область социально-психологического проектирования и консультирования организаций и сообществ, дополненных ИИ. Одной из ключевых задач в этой связи является превращение искусственного интеллекта из орудия дегуманизации и отчуждения в фасилитатора диалога между людьми и в конечном счете — в средство преодоления техногуманитарного дисбаланса.

А. Л. Журавлев стал вдохновителем разработки таких новых для российской науки направлений, как *психология ядерного сдерживания и стратегической безопасности, психология глобальных рисков, глобальная психология, психология геополитических отношений* (Журавлев и др., 2016, 2020; Нестик, Журавлев, 2018; и др.). К сожалению, растет актуальность исследований психологических механизмов ядерного сдерживания в условиях конвенционального военного конфликта. Отдельной задачей в рамках данного направления явля-

ется выявление социально-психологических факторов, лежащих в основе легитимации применения стратегического и тактического ядерного оружия в российском обществе, а также в общественном мнении других ядерных держав. Эти исследования приобретают особое значение в связи с изменениями в восприятии ситуации и в мотивации политического и военного руководства ядерных стран, которые происходят в результате изменения баланса стратегических сил, вызванного развитием высокоточного и космического оружия, оптико-электронной разведки, наращиванием ядерного потенциала Китая, вероятностью распространения ядерного оружия и изменения географии его размещения.

В рамках психологии глобальных рисков одной из все более актуальных проблем является изучение механизмов формирования отношения личности и группы к изменению климата, а также прогнозирование его психологических последствий (Нестик, Журавлев, 2020). Психология не только может пролить свет на то, почему остаются незамеченными постепенно накапливающиеся изменения, ведущие к глобальной катастрофе, но и должна предложить социально-психологические технологии повышения коллективной рефлексивности в отношении источников глобальных рисков (Человек в условиях глобальных рисков, 2020). Социальные психологи должны найти ответы на вопросы о том, как повысить значимость глобальной идентичности без разрушения национальной гордости и патриотических чувств; как облегчить объединение граждан различных государств для решения глобальных проблем, снизив при этом их подверженность вере в конспирологические теории, манипулятивному воздействию со стороны политических и экономических элит, различных пропагандистских машин, создаваемых государствами и террористическими организациями.

А. Л. Журавлев многократно подчеркивает *междисциплинарность* как атрибутивную характеристику психологии, которая позволяет решать комплексные научные проблемы (Журавлев, 2002; Журавлев, Костригин, 2023; и др.). Один из факторов, подстегивающих рост числа междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований, является изменение методов исследований в социальной психологии и смежных с ней отраслях наук о человеке и обществе. Среди таких тенденций особое значение приобретает формирование аналога мегасенса в социогуманитарных науках — центров анализа и прогнозирования культурных и социальных процессов на основании больших данных и технологий искусственного интеллекта. Одним из чрезвычайно перспективных междисциплинарных направлений социально-психологических исследований является применение генеративного искусственного интеллекта для мультиагентного моделирования динамики межличностного и группового взаимодействия, создания искусственных сообществ и цифровых двойников.

В целом можно сделать вывод о том, что коллективную субъектность можно рассматривать как интегральный феномен, связывающий перспективные направления исследований в социальной психологии. Работы А. Л. Журавлева, его соавторов и учеников заложили надежный фундамент для дальнейшего развития выделенных в этой статье перспективных направлений исследований. В заключение хотелось бы от имени друзей, коллег и учени-

ков Анатолия Лактионовича Журавлева еще раз пожелать ему здоровья, счастья, новых успехов в его многогранной научной и организационной деятельности.

Литература

- Дробышева Т. В.* Развитие научной проблематики в лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН: историко-психологическое исследование // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 3. С. 61–70.
- Журавлев А. Л.* Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Журавлев А. Л.* Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–88.
- Журавлев А. Л.* Экономическая психология в контексте современной психологической науки // Проблемы экономической психологии. Т. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 3–24.
- Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* Город как объект социально-психологического исследования (вместо предисловия) // Социально-психологические исследования города / Отв. ред. Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 5–23.
- Журавлев А. Л., Емельянова Т. П.* Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.
- Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5–17.
- Журавлев А. Л., Ломов Б. Ф.* Психология и управление. М.: Знание, 1978.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Проблема нравственности в психологической науке // Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 5–12.
- Журавлев А. Л.* Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий современной психологии. Отв. ред.: А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 116–161.
- Журавлев А. Л., Китова Д. А.* Социально-психологические факторы экономического развития российского общества в условиях цифровых технологий // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 4 (16). С. 6–42.
- Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Междисциплинарный подход в психологии // Научные подходы в современной отечественной психологии / А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко и др.; отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 293–313.
- Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Предпосылки формирования научного направления психологии нравственности в Институте психологии РАН в советский и пост-

- советский периоды // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2023. Т. 8. № 1 (29). С. 6–54.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психология управления совместной деятельностью: Новые направления исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 35–47.
- Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Ковалева Ю. В., Смирнов А. А.* Психологические факторы развития геополитических отношений: субъекты, механизмы, тенденции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 5–13.
- Журавлев Анатолий Лактионович. Библиография научных трудов: К 70-летию со дня рождения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Влияние изменения климата на человека: психологический анализ // Психологический журнал. 2020, Т. 41. № 5. С. 99–109.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Групповая рефлексивность // Разработка понятий в современной психологии. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 400–418.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Позняков В. П.* Флагман отечественной психологии (к 75-летию академика РАН А. Л. Журавлева) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2023. Т. 8. № 2 (30). С. 140–164. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document1155.pdf>.
- Социальная психология экономического поведения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1999.
- Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ: Коллективная монография / Под ред. Т. А. Нестика, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.

Perspective directions of research in Russian social psychology (on the 75th anniversary of the birth of A. L. Zhuravlev)

T. Nestik

*doctor of psychological sciences, head of the Laboratory of Social and Economic Psychology,
Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, nestikta@ipran.ru*

The internal logic of the development of social psychology as a science, as well as rapid changes in society affecting its subject field, require discussion of current scientific

problems and prospects for further socio- psychological research, many of which are related to the development of scientific directions initiated by A. L. Zhuravlev and his colleagues: psychology of management, joint activity and collective subject; psychology of morality; economic psychology; social psychology of the city; studies of the psychological state of Russian society; studies of attitudes to new technologies and the influence of technologies on socio-psychological phenomena; psychology of nuclear deterrence and strategic security, psychology of global risks. In each of these areas, the prospects for further research are outlined, taking into account the social, economic and technological changes in Russia.

Keywords: A. L. Zhuravlev, social psychology, promising directions of research, joint life activity, collective subject.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ В РАБОТАХ СОТРУДНИКОВ
ЛАБОРАТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ
И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН**

Отношение к радикализации потребительского поведения*

А. Е. Воробьева

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник
лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН, Москва,
Российская Федерация, aevorobieva@yandex.ru

Работа посвящена изучению отношения к новому феномену потребительского поведения (потребительскому экстремизму) и факторам, определяющим это отношение. Потребительский экстремизм рассматривается как проявление радикализации общества, одна из форм бытового экстремизма. Факторы позитивного отношения к потребительскому экстремизму отчасти совпадают с факторами, побуждающими к подобной форме поведения, поэтому представляют исследовательский интерес в отсутствие доступа к непосредственному изучению феномена. Выявлены факторы, способствующие позитивному отношению к потребительскому экстремизму: мстительность, упорство, высокий уровень доходов. Чувствительность к справедливости с позиции нарушителя связана как с позитивным, так и с негативным отношением к потребительскому экстремизму в зависимости от конкретного случая.

Ключевые слова: потребительский экстремизм, поведение потребителей, радикализация общества, права потребителя, чувствительность к справедливости, мстительность, упорство, обидчивость.

Введение

В экономической психологии подробно изучены механизмы принятия решения потребителем, типы потребительского поведения, мотивация потребительского поведения, роль личностных и групповых факторов в потреблении, однако есть ряд феноменов, которые пока изучены слабо: стратегии избавления от товара, потребительский экстремизм, этическое потребление, стыд от покупок (*köpskam*), фриганство и т. д.

В условиях трансформации и кризиса многих социальных институтов наблюдается радикализация общества, нарастают проявления различных форм экстремизма. Представители различных социальных групп транслируют радикальные взгляды, нетерпимость к иному, используют крайние способы отстаивания своей позиции. Экстремизм распространился на область культуры, морали, экологии и т. д. Так как непосредственное изучение экстремизма за-

* Работа выполнена по Госзаданию № 0138-2021-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

труднено по объективным причинам, исследователю доступен анализ косвенных данных, отношения к экстремизму и т. п. Отношение к экстремизму является одним из факторов, способствующих распространению подобной формы поведения в обществе. Факторы позитивного отношения к экстремизму отчасти совпадают с факторами, побуждающими людей к подобной форме поведения для отстаивания своей позиции.

В психологии экстремизма ряд разновидностей (политический, религиозный, национальный) изучены достаточно подробно, а некоторые — крайне мало (бытовой, экологический, антиглобалистский, социальный, сексуальный, институциональный, моральный и т. д.). Бытовой экстремизм понимается как агрессивное поведение, реализуемое как способ самоутверждения (Попов, Попова, 2008), либо как антисоциальное поведение, направленное на достижение частных целей (Волкова, 2021), проявление агрессивности и экспансивности, нетерпимости и максимализма (Юркин, 2010). Одной из форм бытового экстремизма является потребительский экстремизм (для обозначения этого явления иногда используется термин «потребительский терроризм», «потребительский рэкет» и еще реже — «бытовой экстремизм»). Термин является дискуссионным, некоторые авторы предлагают отказаться от использования понятия «экстремизм» по отношению к данной форме поведения и говорить о «злоупотреблении правами потребителя» или «недобросовестном поведении потребителя» (Нилов, 2018). Потребительский экстремизм трактуется как злоупотребление потребителями в отношении товаров и услуг с использованием своего привилегированного положения на рынке с целью причинения вреда, обращения в свою пользу имущества предпринимателей путем обмана или злоупотребления (Шевяхова, 2018).

Большинство известных классификаций потребительского поведения рассматривают его лишь в контексте принятия решения о покупке того или иного товара, не рассматривая других мотивов поведения потребителя. На сегодняшний день не существует ни одной теории потребительского поведения, которая включала бы в свою типологию такой тип потребительского поведения, как потребитель-экстремист.

Потребитель не является пассивным участником заключения сделки с продавцом, который устанавливает правила, а выступает как активный субъект данного взаимодействия. С развитием идеологии потребления и законов, защищающих потребительские права, потребитель получил не только защиту и определенные гарантии от продавца, но и определенную власть соответственно. А осознание подобной власти является одним из предикторов жалоб со стороны потребителей (Bhuiyan, Al-Enazi, 2013). А. Н. Цильмак в одной из своих работ дает классификацию основных типов «жалобщиков» (Цильмак, 2014). Среди прочих упомянут меркантильный. Основным мотивом судебных тяжб у такого человека является мотив наживы, личной выгоды, которую он в отдельных случаях даже не скрывает.

В юридической литературе потребительский экстремизм определяется как поведение, направленное на получение материальной выгоды. С психологической же точки зрения необходимо учесть не столько реальное, сколько воспринимаемое нарушение прав потребителя, и соответственно получение

не только материальной, но и психологической «выгоды» в виде переживания собственной правоты, «торжества справедливости» и т. п. Субъективное восприятие ситуации и персонала как враждебных, готовность использовать любые, даже крайние и чрезмерные варианты поведения для отстаивания своих интересов, наличие определенных черт личности способствуют реализации этого поведения. Данный феномен потребительского поведения является смежным для целого ряда отраслей психологии: экономическая психология (поведение потребителей), психология экстремизма (бытовой экстремизм), клиническая психология (кверулянтство), психология личности (мстительность, обидчивость, чрезмерная потребность в отстаивании психологических границ личности и т. д.), социальная психология (чувствительность к справедливости, стратегии поведения в конфликте и т. д.).

Нами потребительский экстремизм рассматривается как крайняя форма реализации потребителем своих прав (в континууме пассивность – отстаивание своих прав – экстремизм) в условиях радикализации общества, которая может быть вызвана некоторыми особенностями личности (в том числе психическими патологиями) в сочетании с определенными характеристиками ситуации воспринимаемого нарушения прав потребителя.

Цель исследования

Анализ психологических факторов отношения к радикализации поведения потребителей.

Гипотезы

1. При оценивании потребительского экстремизма в случае возврата дорогостоящего товара и претензии по услуге больше склонны одобрять поведение потребителя респонденты с более высоким уровнем доходов.
2. При оценивании потребительского экстремизма в случае проявления конфликтности отношение к поведению потребителя у респондентов будет различаться в зависимости от пола и возраста.
3. Чувствительность к справедливости с позиции жертвы и с позиции наблюдателя, мстительность, обидчивость и упорство связаны с отношением к случаям потребительского экстремизма.

Выборка

106 чел. в возрасте от 18 до 60 лет. Из них до 30 лет – 56 чел. (30 женщин, 26 мужчин), старше 30 лет – 50 чел. (30 женщин, 20 мужчин).

Методики

1. Авторская анкета для изучения отношения к потребительскому экстремизму, состоящая из описания 4 случаев потребительского экстремизма, опубликованных в российских интернет-СМИ в период с 2013 по 2019 г.

(случаи отобраны по принципу лаконичности, понятности, представления разных ситуаций. Первый содержал ситуацию попытки возврата дорогостоящего товара, несмотря на предложенное дилером решение проблемы, второй — претензию по выполненной услуге, не вполне соответствующей пожеланиям клиента в силу их неэтичности, третий — попытка явного использования потребителем жалобы как способа материального самообеспечения, четвертый — проявления высокой конфликтности и принципиальности личности в ситуации оказания ей услуги надлежащего качества, соответствующей внутренним нормам организации, но не кастомизированной под запрос клиента по принципиальным соображениям), отношение к каждому из которых нужно оценить по 5 биполярным шкалам: 1) Этот случай научит организацию уважать потребителей. — Этот случай ничего не изменит в работе организации (когнитивный компонент); 2) Сочувствую потребителю. — Не сочувствую потребителю (эмоционально-оценочный компонент); 3) Я поступил бы так же. — Я бы так не поступил (конативный компонент); 4) Одобряю поведение потребителя. — Осуждаю поведение потребителя; 5) Потребитель поступил правильно. — Потребитель поступил неправильно (ценностно-смысловой компонент).

2. Опросник «Чувствительность к справедливости» (А. А. Адамян, С. К. Нартова-Бочавер, М. Шмитт).
3. Диагностика «шкалы мстительности и обидчивости» (Е. П. Ильин, А. П. Ковалев).
4. Шкала «Упорство» (методика GRIT A. Duckworth) в русской 10-пунктной адаптации (Т. О. Гордеева, Е. Н. Осин, Е. А. Орёл, А. О. Сычев и др.).

Сбор данных осуществлялся методом онлайн-опроса при помощи Google Forms. Никакое вознаграждение за прохождение опроса не предусматривалось.

Обработка данных проводилась с помощью Statistica v. 10: применялись непараметрические критерии различия (Манна–Уитни) и связи (Кендалла), так как не все показатели имели нормальное распределение.

Результаты

Более высокий уровень дохода оказался статистически значимо связан с позитивным отношением к ситуации проявления конфликтности личности в ситуации оказания ей услуги ненадлежащего качества, что означает одобрение подобного поведения ($r=0,23$), их готовность поступить также в подобной ситуации ($r=0,19$) и уверенность в том, что данный конфликт способен позитивно повлиять на политику организации в отношении потребителей ($r=0,23$). Также обнаружено наличие прямой линейной взаимосвязи между возрастом участников исследования и осуждением ($r=0,36$) проявления конфликтности в поведении потребителя в ситуации оказания услуги ненадлежащего качества, а также сомнением в том, что описанный случай приведет к улучшению в работе организации с потребителями ($r=0,24$).

Не было обнаружено статистически значимых различий в отношении мужчин и женщин к потребительскому экстремизму как в более младшей, так и в более старшей возрастной группе.

Выявлена взаимосвязь между показателями шкалы «упорство» и позитивным эмоциональным и оценочным компонентом отношения к поведению потребителя в ситуации проявления им конфликтности в случае оказания услуги ненадлежащего качества ($r=0,21$). Респонденты с более высокими показателями по шкале «обидчивость» менее склонны полагать, что отстаивание потребительских прав может изменить политику компании ($r=0,21$). Более высокие показатели по шкале «мстительность» коррелируют с мнением, что отстаивание потребительских прав может заставить организацию больше уважать права потребителей ($r=0,21$) и сочувствием потребителю-экстремисту ($r=0,28$).

Значимая взаимосвязь между чувствительностью к справедливости и оценками кейсов была обнаружена только у респондентов, придерживающихся позиции нарушителя в ситуации несправедливости: в случае возврата товара респонденты с меньшей вероятностью поступили бы так же ($r=0,27$); в ситуации претензии по качеству услуги склонялись к тому, что этот случай научит организацию уважать права потребителей ($r=0,31$), одобряли поведение потребителя ($r=0,3$); в ситуации потребительского терроризма как способа материального обеспечения больше уверены в том, что этот случай ничего не изменит в работе организации ($r=0,29$).

Обсуждение результатов

Было выявлено, что факторами, способствующими позитивному отношению к потребительскому экстремизму, являются: мстительность, упорство, высокий уровень доходов. Это отчасти согласуется с типологией «жалобщиков», предложенной А. Н. Цильмак, в которой мстительность и упорство – характерные черты подтипов устойчивого ригидного типа «жалобщиков»: застревающего и фанатичного (Цильмак, 2014).

Факторами, способствующими негативному отношению к потребительскому экстремизму, оказались обидчивость, старший возраст. Обида как способ реагирования может рассматриваться как форма пассивной агрессии, а обида как эмоциональное переживание может быть отнесена к классу астенических эмоциональных переживаний. Потребительский экстремизм предполагает активные агрессивные действия по отношению к производителю или продавцу, что плохо сочетается с обидчивостью.

Фактором, показавшим противоречивое отношение к потребительскому экстремизму, оказалась чувствительность к справедливости с позиции нарушителя. Чувствительность к справедливости с позиции нарушителя относится к категории просоциальной чувствительности и обычно характеризуется склонностью восстанавливать справедливость даже ценой личных потерь. Вероятно, потребительский экстремизм рассматривается респондентами с чувствительностью к справедливости с позиции нарушителя как чрезмерная реакция на нарушение прав потребителя, которая не столько восстанавливает справедливость, сколько создает дисбаланс сил в пользу потребителя.

Такие факторы как пол, чувствительность к справедливости с позиции жертвы, чувствительность к справедливости с позиции свидетеля, чувствительность к справедливости с позиции бенифициара оказались не связанными

ми с отношением к потребительскому экстремизму. По данным зарубежных исследований (Gerlach et al., 2012; Schmitt et al., 2005, 2010) чувствительность к справедливости с позиции жертвы положительно связана с макиавеллизмом, мстительностью, завистью, недоверием к людям, паранойей, враждебностью. Поэтому отсутствие связи чувствительности к справедливости с позиции жертвы и отношения к потребительскому экстремизму на российской выборке требует дополнительного анализа.

Заключение

Потребительский экстремизм рассматривается как крайняя форма реализации потребителем своих прав в условиях радикализации общества. Данный феномен анализируется пока только в рамках юридических наук. Не обнаружено психологических классификаций потребителей, описывающих подобный тип поведения. С позиций психологической науки предлагается учитывать не столько реальное, сколько воспринимаемое нарушение прав потребителя, и, соответственно, получение не только материальной, но и психологической «выгоды».

Эмпирическое исследование показало, что факторами, способствующими позитивному отношению к потребительскому экстремизму, являются: мстительность, упорство, высокий уровень доходов. Факторами, способствующими негативному отношению к потребительскому экстремизму, оказались обидчивость, старший возраст. Фактором противоречивого отношения к потребительскому экстремизму является чувствительность к справедливости с позиции нарушителя. Факторами, не связанными с отношением к потребительскому экстремизму, оказались пол, чувствительность к справедливости с позиции жертвы, свидетеля и бенифициара.

Литература

- Волкова Л. В.* Причины и условия, способствующие вовлечению российских граждан в террористическую деятельность. 2021. URL: https://minstroy.kbr.ru/upload/medialibrary/923/psih_extrem.pdf (дата обращения: 19.11.2020).
- Нилов И. Л.* Возникновение потребительского экстремизма // Евразийская адвокатура. 2018. № 5 (36). С. 21–25.
- Попов О. В., Попова О. О.* Причины и особенности экстремизма в молодежной среде. Меры противодействия молодежному экстремизму // Научные ведомости БелГУ. Сер. «Философия. Социология. Право». 2008. № 4 (44). Вып. 3. С. 110–117.
- Цильмак А. Н.* Психологическая характеристика типов жалобщиков // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 20 (349). Сер. «Экономика». Вып. 40. С. 125–130.
- Шевяхова А. С.* Потребительский экстремизм // Современные инновации. 2018. № 5 (27). С. 40–43.
- Юркин И. Н.* Сущность и особенности проявлений молодежного экстремизма // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Философские науки». 2010. № 2. С. 83–88.

- Bhuiyan S. N., Al-Enazi A. E.* Perceived consumer power and consumer complaint behavior: the direct and indirect influences of consumer awareness of their rights // *Advances in Global Business Research*. 2013. V. 11. № 1. P. 248–254.
- Gerlach T. M., Allemand M., Agroskin D., Denissen J. J. A.* Justice sensitivity and forgiveness in close interpersonal relationships: The mediating role of mistrustful, legitimizing and pro-relationship cognitions // *Journal of Personality*. 2012. № 80. P. 1373–1413.
- Schmitt M., Baumert A., Gollwitzer M., Maes J.* The justice sensitivity inventory: Factorial validity, location in the personality facet space, demographic pattern, and normative data // *Social Justice Research*. 2010. V. 23. P. 211–238.
- Schmitt M., Gollwitzer M., Maes J., Arbach D.* Justice sensitivity: Assessment and location in the personality space // *European Journal of Psychological Assessment*. 2005. V. 21. P. 202–211.

Attitude towards radicalization of consumer behavior

A. E. Vorobieva

PhD, senior researcher of laboratory of social and economic psychology of the Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, aeVorobieva@yandex.ru

The work is devoted to the study of attitudes towards a new phenomenon of consumer behavior (consumer extremism) and the factors that determine this attitude. Consumer extremism is seen as a manifestation of the radicalization of society, one of the forms of domestic extremism. The factors of a positive attitude towards consumer extremism partly coincide with the factors that encourage such a form of behavior, therefore they are of research interest in the absence of access to a direct study of the phenomenon. Factors contributing to a positive attitude towards consumer extremism are identified: vindictiveness, perseverance, high income. Sensitivity to justice from the position of the offender is associated with both positive and negative attitudes towards consumer extremism, depending on the specific case.

Keywords: consumer extremism, consumer behavior, radicalization of society, consumer rights, sensitivity to justice, vindictiveness, perseverance, resentment.

Социальная солидарность в период пандемии COVID-19: социально-психологические аспекты

Т. П. Емельянова

доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии
РАН, Москва, Россия, t_emelyanova@inbox.ru

Отмечается, что понятие солидарности стало особенно востребованным в период пандемии, так как, будучи понятием интегральным, помогало описать разноплановые явления, способствующие противостоянию угрозам. Приводятся доказательства ослабления общественной солидарности применительно к условиям повышенного риска заражения COVID-19. Выделяются виды социальной солидарности. Ставится вопрос о необходимости определения социально-психологического содержания этого явления. Приводятся данные о «низовой» помогающей активности в период пандемии. Выдвигается тезис о подчеркнуто самодеятельном характере волонтерства, дававшего возможность людям проявить свою субъектность и таким образом преодолеть собственную тревогу. На основе данных литературы предлагается схема выделения социально-психологических компонентов и проявлений коллективной и межличностной солидарности в период пандемии.

Ключевые слова: социальная солидарность, пандемия COVID-19, помогающее поведение, доверие, личная инициатива, угрозы здоровью.

Пандемия COVID-19 в своей интенсивной фазе ощущалась как угроза непреодолимой силы подавляющим большинством людей, порождая тревогу, страх и чувство незащищенности. Отечественные и зарубежные исследователи подвергали анализу разнообразные аспекты проявлений массовых негативных переживаний. Были выделены индивидуально-психологические и социально-психологические факторы, усугубляющие подобные переживания, а также их психологические последствия (Влияние пандемии на личность и общество, 2021; Лункин, 2020; Решетников и др., 2020; Цариценцева, Елфимова, 2021; Goodwin et al., 2020; Hou et al., 2020a; и др.).

В поисках «противоядия» дистрессу, ощущению беспомощности, которые переживались в разгар пандемии, исследователи обращались к опыту успешного противостояния страху и тревоге. Анализировались такие средства, как следование привычному распорядку дня (Goodwin et al., 2020; Hou et al., 2020a), просмотр некоторых программ на ТВ (Маховская, 2021), физическая нагрузка, хобби, общение (даже по телефону) с приятными людьми (Савина, Баранова, 2021; Vokhan et al., 2021; Hou et al., 2020) и др. Однако особое место в этом перечне занимают действия, связанные с помощью людям, жесты бескорыст-

ного участия с проявлением сочувствия и поддержки другим, в том числе через социальные сети.

При анализе состояния общества периода пандемии новое звучание получило понятие социальной солидарности (Лункин, 2020; Маховская, 2021; Решетников и др., 2020; Сердюков, 2022; и др.). Исследователи сходились во мнении, что без консолидации общества как проявления солидарности на всех уровнях успешная борьба с пандемией не была бы возможной. Объединение усилий массы людей требовалось в нескольких направлениях: соблюдение масочного режима, социальной дистанции и гигиенических требований, временная изоляция, вакцинация и т. п. Доверие властям и представителям медицинского сообщества, понимание глобального характера бедствия, забота об общем благе, общее ощущение причастности к борьбе с пандемией, сознательное соблюдение ограничений – все эти условия были возможны только при достаточном уровне общественной солидарности.

Понятие солидарности стало особенно востребованным в период пандемии, так как, будучи понятием интегральным, могло описать разноплановые явления, способствующие противостоянию угрозам. Понятие солидарности разрабатывалось преимущественно в социологической науке. Оно имеет двухсотлетнюю историю трактовок и интерпретаций (обзор см.: Гофман, 2013; Кармадонов, Ковригина, 2018), начиная с французской социологии XIX века. Так, А. Б. Гофман перечисляет 12 разных аспектов в понимании социальной солидарности, среди которых «социальная интеграция», «субъективная взаимная симпатия, сочувствия, сопереживание, консенсус социальных акторов», «общая социальная (групповая) идентичность акторов» Автор отмечает: «В различных теоретических интерпретациях мы постоянно наблюдаем выдвижение на первый план одних форм, разновидностей или аспектов за счет других, их смешение и вместе с тем – многочисленные попытки их аналитического различения, сопоставления и противопоставления» (Гофман, 2013, с. 108). Подобная размытость феноменологии солидарности приводит исследователей к выводу о том, что «социальная солидарность описывается, по сути, через свои эпифеномены: институциональное доверие, эмпатию и альтруизм, социальное неравенство, социальная мобилизация, гражданский активизм и др. (общность ценностей, социальной идентичности и плотности сетей взаимодействия)» (Кармадонов, Ковригина, 2018, с. 17).

В качестве оппозиции явлению солидарности выдвигается феномен аномии (М. А. Крупский, Н. Н. Мещерякова, Д. Г. Геращенко и др.), который позволяет понять состояние общества со слабо развитой солидарностью и рассматривается как в той или иной степени присущий большинству современных обществ. Так, Н. Н. Мещерякова, в частности, показывает, что «аномия российского общества, с одной стороны, связана с глобальной трансформацией общественной системы в России в 1990-е годы, с другой стороны, ее провоцируют неразрешенные проблемы общества сложившегося, с третьей – ситуацию в российском обществе осложняют глобальные вызовы современности» (Мещерякова, 2015, с. 20). Автор, анализируя причины общественной аномии, находит, что неравномерность и турбулентный характер развития современного российского общества приводит к появлению ряда факторов, провоцирующих

социальную аномию — «высокий уровень бедности, неэффективность региональных и местных властей, межнациональная напряженность в ряде регионов, ярко выраженная социальная дифференциация, ценностно-нормативный вакуум и др.» (там же, с. 20). М. К. Зверев, А. Б. Гофман и другие авторы также подчеркивают, что проблема солидарности в современном российском обществе стоит очень остро (Гофман, 2013; Зверев, 2009). Можно с уверенностью предполагать, что глобальный вызов, которым явилась пандемия, обострил проблему социальной солидарности в обществе. А. В. Решетников с соавторами прямо указывают на ослабление социальной солидарности применительно к условиям повышенного риска заражения, на фоне изолированного проживания и слабых социальных связей в соседских общинах города (Решетников и др., 2020, с. 141). По результатам изучения гражданской солидарности петербуржцев во время пандемии, Б. В. Сердюков приходит к выводу о редукции эмпатии в структуре солидарности жителей Петербурга, что привело к росту индивидуалистских настроений (Сердюков, 2022, с. 360). Отмечены и характерные черты в нарушении санитарных требований преимущественно в общественных местах и в отношении посторонних людей (Тхостов и др., 2021, с. 328), что может говорить о недостаточной степени социальной консолидации и ответственности.

Между тем ряд авторов (Р. Н. Лункин, И. С. Семенов, О. И. Маховская и др.) отмечают явления, не вписывающиеся в общую картину усилившейся общественной аномии. В период самоизоляции эти авторы говорят о важных изменениях в сознании и поведении людей: «всплеск благотворительности и социального служения, появление разного рода волонтерских проектов» (Лункин, 2020, с. 122). Эта тенденция была отмечена как в странах Западной Европы, так и в России — пандемия пробудила чувства социальной солидарности и, в частности, признаки личной активности с гуманитарной направленностью.

Кажущееся противоречие между этими двумя тенденциями имеет объяснение. Солидарность не носила массового характера в виде заботы об общественном благе. Наблюдавшееся стремление поддержать других людей, которые тяжело переживали экстремальную ситуацию, выразалось именно на межличностном, «низовом» уровне. Действенное проявление сочувствия, видимо, помимо чисто гуманистических устремлений, помогало людям проявить свою субъектность, ощутить возможность встать «над ситуацией» и, таким образом, преодолеть собственные страхи. Ключевой особенностью такого волонтерства был его неформальный характер. Здесь можно наблюдать важную социально-психологическую черту действий волонтеров — подчеркнутую независимость от официальных государственных требований и рекомендаций. Заметим, что государственные антиэпидемические правила рекомендовали ограничить социальные контакты между людьми, под угрозой санкций требовалась максимальная самоизоляция в пределах квартиры. Другими словами, волонтеры не только шли на риск, связанный со своим здоровьем, но и действовали вопреки установленным требованиям. Вероятно, им принципиально важно было проявление свободы воли, а не следование регламенту и правилам. Выраженный субъектный характер таких действий проявлялся в личной инициативности, целенаправленности и бескорыстии.

Формирование волонтерских групп активно происходило в странах Западной Европы (там же). Согласно результатам опроса Антикризисного социологического центра в России самыми распространенными видами помощи были покупка продуктов, вынос мусора и психологическая поддержка тех, кто оказался в самоизоляции в одиночестве (Опрос: четверть россиян помогала окружающим, 2020). Такие жесты человеческой солидарности свидетельствуют об огромном потенциале гражданской активности, который в обычной ситуации общественной аномии, свойственной современным обществам, не может проявиться по различным объективным и субъективным причинам. Жесты солидарности имели порой неожиданную форму (Маховская, 2021). И. С. Семенов называет это явление «креативной солидарностью», которая «помогает в том числе в преодолении дефицита межличностного доверия и доверия государству, которое усугубляет карантинные меры и будущую неопределенность» (Семенов, 2020). Между тем степень разделяемости чувства солидарности в период пандемии нельзя назвать высокой, скорее, можно говорить об эпизодах на фоне всеобщего испуга, стремления «оуклится», закрыться в капсуле близкого окружения и страха нежелательных контактов, недоверия СМИ, медицине и властям. Б. В. Сердюков приводит данные опроса петербуржцев, согласно которым помощь нуждающимся соседям и близким людям оказывали только 2,3% всех опрошенных (Сердюков, 2022).

Используя понятие социальной солидарности, необходимо иметь в виду его интегративный характер — понятие употребляется в разных контекстах, для разного уровня анализа в него вкладывается разное содержание. В социальных науках затрагиваются (явно или латентно) несколько видов социальной солидарности: глобальная, гражданская, коллективная и межличностная. Для дальнейшей работы с понятием «социальная солидарность» необходимо обсудить возможность его операционализации. Многозначность и размытость этого понятия позволяет предполагать возможность его использования не только в социологических, политологических, но и в социально-психологических исследованиях. Опираясь на упоминавшиеся трактовки социальной солидарности (Гофман, 2013), можно выделить ее социально-психологическое содержание.

Обобщая многочисленные наблюдения и научную аналитику (Влияние пандемии на личность и общество, 2021; Лункин, 2020; Маховская, 2021; Семенов, 2020; Сердюков, 2022; и др.), представляется возможным расширить понимание социально-психологических компонентов и проявлений социальной солидарности в период пандемии. Важнейшими компонентами солидарности на коллективном и межличностном уровнях выступают социальные чувства (эмпатия, социальный оптимизм, сочувствие, сопереживание); социальные установки и убеждения (альтруизм, гуманистические установки, глобальное и институциональное доверие, социальная ответственность, нравственные ориентации, установка на помощь другим, толерантность к неопределенности), уверенность в себе, психологическое благополучие. Социально-психологические компоненты глобальной и гражданской видов солидарности также, безусловно, могут быть выделены с привлечением дополнительных междисциплинарных источников.

Результаты опросов, проведенных в период пандемии, свидетельствуют о том, что социальная солидарность на коллективном и межличностном уровнях подвергалась мощному давлению внешних обстоятельств, связанных с угрозой здоровью и жизни. Тревога и страх провоцировали вспышки ксенофобии, межгрупповую напряженность и поиск врагов, что негативно сказывалось на проявлении социальной солидарности. Страх и неизвестность породили социально-психологический симптомокомплекс, включавший конспирологические установки, снижение уровня институционального доверия (Нестик, 2021), явления дегуманизации в межгрупповых отношениях, замкнутость, недоверие в социальных контактах (Баранова, Савина, 2021) и др.

Перспективным представляется направление исследований, которые позволили бы раскрыть социально-психологические механизмы проявления субъектных качеств, побуждающих людей проявлять великодушие, объединяться, организовывать акции поддержки, оказывать помощь в условиях реальных угроз здоровью. Пандемия тем самым поставила перед исследователями новые вопросы о психологическом потенциале социальной солидарности.

Литература

- Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / Отв. ред. Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев, А. Е. Воробьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. doi: 10.38098/fund_21_0442.
- Гофман А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник. Сб. науч. трудов / Ред. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 97–167.
- Зверев М. К. Особенности социальной солидарности в современном российском обществе: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Иркутск, 2009.
- Кармадонов О. А., Ковригина Г. Д. Неочевидность солидарности: проблема эмпирического изучения трудно верифицируемых социальных состояний // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 14–23. doi: 10.31857/S013216250002154-2.
- Лункин Р. Н. Неформальная солидарность на фоне пандемии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 4. С. 122–128 doi: 10.15211/vestnikieran42020122128.
- Маховская О. И. Стратегии и тактики информирования населения в начале пандемии в России: психологический потенциал солидарности // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / Отв. ред. Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев, А. Е. Воробьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 400–419. doi: 10.38098/fund_21_0442_14.
- Мещерякова Н. Н. Особенности аномии в современном российском обществе: синергетический подход: Автореф. дис. ... докт. социол. наук. М.: МГИМО, 2015.
- Нестик Т. А. Переживание эпидемиологической угрозы россиянами как социально-психологический феномен: результаты серии эмпирических исследований // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / Отв. ред. Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев, А. Е. Воробьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 19–125. doi: 10.38098/fund_21_0442_02.

- Опрос: четверть россиян помогла окружающим во время пандемии коронавируса. ТАСС. 21.04.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8294805> (дата обращения: 04.08.2023).
- Первушина О. Н., Фёдоров А. А., Дорошева Е. А.* Переживание пандемии COVID-19 и толерантность к неопределенности // *Reflexio*. 2020. Т. 13. № 1. С. 5–20. doi: 10.25205/2658-4506-2020-13-1-5-20.
- Решетников А. В.* и др. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 138–143. DOI 10.31857/S013216250009481–2.
- Савина О. О., Баранова В. А.* Анализ опыта жизни в период самоизоляции у студентов во время пандемии (апрель и октябрь 2020 г.) // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / Отв. ред. Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев, А. Е. Воробьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 217–245. doi: 10.38098/fund_21_0442_06.
- Семененко И. С.* Гражданская солидарность и самоорганизация против коронавируса. Актуальные комментарии. ИМЭМО РАН. 15.05.2020. URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/grazhdanskayasolidarnostyi-samoorganizatsiya-protiv-koronavirusa> (дата обращения: 04.08.2023).
- Сердюков Б. В.* Гражданская солидарность в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 340–365. doi: 10.21638/spbu12.2022.403.
- Тхостов А. Ш., Солдатова Г. У., Рассказова Е. И.* Тревога и мониторинг информации в ситуации пандемии: приверженность медицинским рекомендациям и их нарушения // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / Отв. ред. Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев, А. Е. Воробьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 311–327. doi: 10.38098/fund_21_0442_09.
- Цариценцева О. П., Елфимова М. М.* Особенности переживания жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, в контексте жизнестойкости личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 191–201. doi: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201.
- Bokhan T. et al.* COVID-19 and Subjective Well-Being: Perceived Impact, Positive Psychological Resources and Protective Behavior Psychology // *Journal of the Higher School of Economics*. 2021. V. 18. № 2. P. 259–275. doi: 10.17323/1813-8918-2021-2-259-275.
- Goodwin R., Hou W. K., Sun S., Ben-Ezra M.* Quarantine, distress and interpersonal relationships during COVID-19 // *General Psychiatry*. 2020. № 33 (6). e100385. doi: 10.1136/gpsych-2020-100385.
- Hou W. K. et al.* Regularizing daily routines for mental health during and after the COVID-19 pandemic // *Journal of Global Health*. 2020. V. 10. № 2. 020315. doi: 10.7189/jogh.10.0203151.
- Hou W. K. et al.* Probable anxiety and components of psychological resilience amid COVID-19: A population-based study // *Journal of Affective Disorders*. doi: 10.1016/j.jad.2020.12.127.

Social solidarity during the COVID-19 pandemic: socio-psychological aspects

T. P. Emelyanova

ScD in psychology, professor, principal researcher in the Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, t_emelyanova@inbox.ru

The article notes that the concept of solidarity became especially in demand during the pandemic, as being an integral concept, it helped to describe diverse phenomena that contribute to countering threats. Evidence is provided of the weakening of social solidarity in relation to conditions of increased risk of infection with COVID-19. The types of social solidarity are distinguished. The question is raised about the need to determine the socio-psychological content of this phenomenon. Data are provided on “grass-roots” helping activity during the pandemic. A thesis is put forward about the emphatically amateur nature of volunteering, which made it possible for people to show their subjectivity and thus overcome their own anxiety. Based on literature data, a scheme is proposed for highlighting socio-psychological components and manifestations of collective and interpersonal solidarity during a pandemic.

Keywords: social solidarity, COVID-19 pandemic, helping behavior, trust, personal initiative, health threats.

Феномен социально-психологической пресыщенности молодых горожан условиями проживания в мегаполисе: обоснование и результаты исследования*

И. В. Ларионов, Т. В. Дробышева***

* аспирант, младший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН, Москва, Россия, ivlar16@gmail.com

** доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН, Москва, Россия, tdrobysheva@mail.ru

Статья посвящена разработке нового в социальной психологии феномена — социально-психологическая пресыщенность горожан условиями проживания в мегаполисе. Сформулировано понятие, выполнена его операционализация, выделены эмпирические показатели, описана функциональная направленность феномена. Проанализировано содержание аффективного и конативного компонентов социально-психологической пресыщенности, их взаимосвязь; описаны явления городской среды как источники пресыщенности в группе молодежи; выделены стили социального поведения, ориентированные на снижение интенсивности переживаний социально-психологической пресыщенности.

Ключевые слова: социально-психологическая пресыщенность, социальная психология мегаполиса, социальная психология города, социальное поведение.

За последние несколько лет проблемы взаимодействия человека и окружающей среды стали приоритетными в разных отраслях отечественной науки и практики, что объясняется нарастающими процессами урбанизации, изменяющими образ жизни горожан (Философия города, 2012). Ключевые направления исследований, разрабатываемые в отечественной психологии, затрагивают проблемы восприятия городской среды, ее влияния на социально-психологическое, эмоциональное благополучие горожан, их психическое и психологическое здоровье (Габидуллина, 2012; Капцевич, 2022; и мн. др.). Исследователи отмечают, что предметно-пространственная среда и экологическая ситуация в городе выступают в качестве факторов, усиливающих выраженность городской стресса, тревоги, психических расстройств (Барковская, Назарова, 2014). В данном контексте проблемы социальной жизни горожан чаще всего определяются как источники психологического благополучия либо неблагополучия жителей мегаполиса. В частности, специалисты отмечают связь особенностей

* Исследование подготовлено в рамках Госзадания № 0138-2023-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

социальной жизни и самореализации горожан, предпочитаемых ими форм досуга, специфики коммуникативных процессов в городской среде (Зачесова, 2017; Литвина и др., 2017).

Ежедневно повторяющиеся ситуации городской жизни: длительные поездки на транспорте на работу и обратно, большие скопления людей в местах общественной жизни (магазины, поликлиники, центры досуга и т. п.) и связанные с этим нарушения психологической приватности, повышенный уровень информатизации городской среды – эти и другие явления мегаполиса приводят к перегрузке психики горожанина и проявляются в его устойчивых, чаще всего негативных, эмоциональных переживаниях, вызванных конкретными явлениями городской среды. Ст. Милгрэм писал, что человек в большом городе сталкивается с таким интенсивным потоком информации, который он не в состоянии обработать. В такой ситуации у него включаются защитные механизмы, направленные на снижение воздействия. Это проявляется в ограничении поля внимания, его фокусировке на субъективно значимых явлениях, неэмоциональном восприятии окружающих людей (Milgram, 1977). По мнению Г. Зиммеля, избыток возможностей, которые предоставляет мегаполис горожанам, повышенный уровень активности его коммуникативной и информационной среды способствуют переживанию горожанами состояния «блазириванности» (пресыщенности), выраженного в неэмоциональном, обезличенном восприятии явлений городской среды как механизме защиты, предохраняющем психику горожан от перегрузки (Зиммель, 2002).

Вышеприведенные признаки перегрузки психики, вызванные пресыщенностью условиями городской жизни, согласуются с нашими представлениями о социально-психологической пресыщенности горожан условиями жизни в мегаполисе (СПП). С позиции разрабатываемого нами подхода данный феномен определяется как состояние, порождаемое взаимодействием личности (группы) и социальной, предметно-пространственной среды мегаполиса; оно проявляется в эмоциональных и поведенческих реакциях горожан на избыток коммуникативных, информационных и предметно-пространственных стимулов городской среды. Среда мегаполиса формирует представления об условиях проживания в городской среде различной модальности – как позитивные (обилие альтернатив выбора, развитая инфраструктура, широкий круг возможностей и т. д.), так и негативные (избыток социальных контактов, отсутствие приватности, обезличенное общение, транспортные проблемы и т. д.), рассматриваемые нами в качестве источников СПП. Навязанный характер условий проживания в мегаполисе вызывает амбивалентные эмоциональные переживания – источники СПП воспринимаются одновременно и как угроза психологическому благополучию, и как важные средства реализации жизненных целей и планов.

По нашему мнению, в ситуации хронической перегруженности стимулами окружающей среды СПП выполняет функцию сигнала, предохраняющего психику от угрозы городского стресса (функция антиципации). Так, в случае умеренно выраженного состояния социально-психологической пресыщенности личность (группа) выбирает конструктивные стратегии поведения в мегаполисе. В такой ситуации интенсивность эмоциональных переживаний, вызванных

явлениями городской среды, умеренная, а их модальность имеет как негативную, так и позитивную направленность. Чрезмерно выраженное состояние СПП должно сигнализировать личности о необходимости кардинального изменения стиля поведения в связи с усилением интенсивности переживаний негативной модальности. Здесь выбор стратегий поведения будет носить иной характер — наряду с конструктивными стратегиями актуализируются стратегии ухода, избегания контакта с навязываемыми городом условиями жизни. Все они направлены на преодоление угрозы психологическому благополучию и здоровью горожан. По всей видимости, при умеренной выраженности переизбытка, выбор стратегий обусловлен социально-психологическими ресурсами личности (городская идентичность, ценностные ориентации), так как осознание важности условий городской жизни приводит к выбору конструктивных стратегий и стилей поведения. Выбранные стратегии поведения позволяют горожанам снижать интенсивность проявлений СПП. Таким образом реализуется защитная функция СПП.

Результаты эмпирического исследования, проведенного на молодежной выборке от 19 до 30 лет (N=346), позволили описать спектр явлений городской среды, выступающих в роли источников СПП, выявить аффективные и конативные проявления изучаемого феномена, их взаимосвязь.

На первом этапе работы подтвердили предположение о том, что роль источников СПП городской молодежи выполняют явления информационной, предметно-пространственной и социальной среды мегаполиса, а именно: однообразие условий жизни в городе, высокий темп жизни, переизбыток самой разной информации, включая рекламу, вынужденные контакты с большим числом чужих людей, а также обилие альтернатив выбора мест свободного времяпрепровождения, информации, товаров и услуг (Дробышева, Ларионов, 2018). Показано, что последние из упомянутых выше явлений городской среды как источники СПП характерны для молодежной группы респондентов, поскольку они, в силу возраста и формы занятости (учеба), ориентированы на поиск разнообразных способов структурирования свободного времени, реализацию потребности в контактах со значимыми людьми в городе. В представлениях респондентов, монотонное повторение пространственно-временного паттерна «дом—работа/учеба—дом» в условиях мегаполиса негативно отражается на их возможностях реализовать коммуникативные потребности. Высокий темп жизни в большом городе вызывает трудности поддержания непосредственных (т. е. лицом к лицу) контактов молодых горожан со значимыми другими. Как следствие, вынужденные контакты с незнакомыми людьми в общественных местах, насыщенность информационной среды города (различные виды рекламы, PR-акции и т. д.) воспринимаются ими как угрожающие качеству их жизни. В то же время среди преимуществ жизни в мегаполисе молодые люди отмечали те условия, которые позволяют им самореализоваться и предоставляют широкие возможности проведения досуга. Итогом работы на этом этапе стал список явлений городской среды, обозначенных самими респондентами как источники СПП: «Реклама в городе», «Много разной информации», «Маркетинговые акции (промоутеры, флаеры, громкоговорители)», «Избыток альтернатив выбора товаров (сетевые, интернет-магазины)

и досуга», «Вынужденное общение», «Много контактов в течение дня», «Высокий темп жизни», «Перенаселенность города», «Разные проявления моды», «Однообразии условий жизни».

С целью изучения аффективных проявлений СПП респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале выраженность эмоциональных переживаний (беспокойство, тревога; разочарование; апатия, скука; раздражение; радость, воодушевление; отвращение; вера, надежда; удивление, интерес), вызванных вышеперечисленными источниками социально-психологической пресыщенности в городской среде. Результаты исследования подтвердили предположение о противоречивом характере эмоционального компонента СПП: выделенные в работе источники СПП порождают амбивалентные эмоциональные переживания, определяющие выбор личностью стратегий социального поведения в городской среде (Дробышева и др., 2022). В частности, в группе молодых участников исследования были выражены как позитивные, так и негативные эмоциональные переживания, из них повышенный уровень наблюдался относительно разочарования, апатии, скуки, отвращения и раздражения. Переживания тревоги, удивления, интереса, радости были выражены умеренно.

В дальнейшем на основе полученных результатов сконструировали авторский опросник «Эмоциональные переживания явлений городской жизни». Данный опросник был построен по типу решеток Келли, в котором по вертикали перечислялись эмоциональные переживания, по горизонтали – явления городской среды как источники этих переживаний. Респондентам предлагалось по 5-балльной шкале оценить степень выраженности каждого из переживаний, вызванных конкретным явлением городской среды. Проверка согласованности пунктов по α Кронбаха показала его высокую надежность ($\alpha=0,94$, $st. dev.=1,01$, $mean=2,6$).

Изучение конативных проявлений СПП в группе молодых горожан также включало несколько этапов работы. Так, в начале исследования для выявления предпочитаемых стратегий поведения, ориентированных на снижение интенсивности переживания СПП, применялся авторский опросник, построенный по типу «незавершенных предложений». Респондентам предлагалось описать их типичное поведение в ситуациях столкновения с явлениями городской среды как источниками СПП. Все варианты ответов были проанализированы с помощью контент-анализа. Матрица включала 24 категории ответов. Частотный анализ позволил выявить наиболее упоминаемые из них по каждой ситуации. Последующий анализ показал, что основные стратегии поведения в группе респондентов направлены на совладание с пресыщенностью, вызванной обезличенным общением и избыточностью информационных стимулов в городской среде. Среди наиболее выраженных способов совладания с навязанными контактами молодые люди (58% выборки) отмечали, что они склонны вежливо, а иногда и резко прервать утомившую их беседу. В таких ситуациях им хочется уединиться, закрыться от внешнего мира. Часть респондентов (44,8%) указала, что, возвращаясь домой, они переключаются на любимое дело или уединяются (26,4%). Выявили, что при столкновении с избытком информации в городе молодые люди стараются оградить себя от рекламы, так как она вызывает у них только негативные эмоциональные переживания (59%).

Безусловно, информационное пространство в городской среде не ограничено рекламой. Жители мегаполиса, преодолевая большие расстояния, чаще всего заняты поиском информации в гаджетах. Однако более половины участников исследования, фиксируя пресыщенность информационными стимулами, отмечали, что, переживая признаки СПП, они готовы прервать поиск нужной информации в интернете (61%), чтобы восстановить психологическое равновесие. В такой момент они стараются переключить внимание на другие объекты городской среды. Данные результаты согласуются с представлениями С. Милгрэма об информационной перегрузке горожан. Напомним, что такое поведение Милгрэм рассматривал как механизм защиты.

Полученные данные о спектре конативных проявлений СПП использовали для организации авторского опросника «Стратегии совладания с социально-психологической пресыщенностью в мегаполисе». Однако на поисковом этапе работы мы столкнулись с проблемой ограниченности совокупности стратегий поведения, выделенной на молодежной выборке. Их изучение на более возрастной выборке показало необходимость расширить репертуар поведения. В связи с этим была заново проведена работа по выделению стратегий поведения, характерных в том числе для более старшей группы участников исследования (N=100; от 30 лет и старше). Опросник дополнили, включив новые стратегии поведения, предложенные респондентами. В итоговый вариант для оценки предпочитаемых стратегий поведения горожан из общего списка были отобраны 22 стратегии. Проверка по α Кронбаха также показала высокую надежность опросника ($\alpha=0,84$, st. dev.=1,1, mean=3,2).

На следующем этапе работы решалась задача изучения структуры (системы связей) между аффективными и конативными проявлениями СПП, вызванными конкретными явлениями городской среды. С целью выявления внутренней согласованности элементов в модели СПП пресыщенности условиями проживания в мегаполисе применяли метод конфирматорного факторного анализа. Данный анализ проводился с использованием программы Amos v. 22. Выполненный статический анализ показал, что наилучшие показатели соответствия эмпирическим данным выявлены у двухфакторной модели. Ковариации ошибок показывают высокую степень взаимосвязанности аффективного и конативного компонентов СПП ($\chi^2=529,6$; CMIN=2,2; GFI=0,9; CFI=0,95; RMSEA=0,06, $R_{close}=0,04$). Содержательный анализ полученной модели показал, что в факторе аффективных проявлений наблюдается связь всех переживаний друг с другом (Ларионов, 2022). Последующий анализ проверки согласованности модели показал, что корреляционные плеяды в конативном компоненте СПП образуют блоки стратегий поведения, указывающие на их смысловые различия, что в дальнейшем было подтверждено результатами конфирматорного факторного анализа. Всего в модели было выделено 5 факторов, объединяющих разные стратегии поведения. Их содержательный анализ позволил описать 5 стилей поведения респондентов: «Поиск новых впечатлений»; «Использование возможностей мегаполиса»; «Стремление к одиночеству»; «Ограничение общения»; «Уход от вынужденных контактов». Данные стили направлены на различные способы совладания с СПП – от использования возможностей и новых впечатлений до стремления уйти от контактов с источниками СПП путем

ограничения общения и взаимодействия с другими людьми. Содержательно стили поведения могут быть классифицированы как неконструктивные (уход, избегание источников СПП) и конструктивные, проявляющиеся в разных видах активности в городской среде. Последнее выразалось в том числе и в поиске возможности остаться наедине с собой. По всей видимости, потребность в самоизоляции в городской среде выполняет роль ресурса восстановления, поддержания, подкрепления психологического благополучия разных жителей мегаполиса. Данный факт согласуется с данными и других авторов (Воловикова, Кретьова, 2020).

Заключение

Полученные в работе эмпирические результаты исследования СПП молодых горожан условиями проживания в мегаполисе подтвердили ряд наших предположений. Во-первых, о разнообразии источников СПП – явлений не только предметно-пространственной, но и социальной среды города. Во-вторых, об амбивалентности эмоциональных переживаний, вызванных этими источниками. В-третьих, о стилях социального поведения в городе, связанных с эмоциональными переживаниями СПП. В работе эмпирически подтверждена структура СПП. Показано, что все аффективные элементы образуют тесные связи между собой, а конативные (стратегии совладания) интегрированы в стилевые характеристики. Оба структурных компонента, посредством связей между эмоциональными переживаниями и стилями поведения, образуют целостную систему. В ходе исследования были сконструированы авторские опросники, направленные на изучение явления СПП условиями проживания в мегаполисе на разных возрастных группах горожан.

В направлении развития исследования важной задачей видится разработка: методических материалов по совладанию с выраженными проявлениями СПП для практико-ориентированных специалистов (психологов, социальных работников, сотрудников метрополитена); психологических тренингов с разными категориями населения, направленных на повышение психологического благополучия в городской среде современного мегаполиса.

Литература

- Барковская А. Ю., Назарова М. П.* Стресс-факторы в социокультурном пространстве современного большого города // Известия ВолгГТУ. 2014. № 5 (132). С. 37–42.
- Габидулина С. Э.* Психология городской среды. М.: Смысл. 2012.
- Дробышева Т. В., Ларионов И. В.* Пресыщенность молодежи условиями проживания в мегаполисе: результаты эмпирического исследования // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3 № 3 (11). С. 112–129.
- Дробышева Т. В., Ларионов И. В., Тарасов С. В.* Особенности социально-психологической пресыщенности условиями жизни в мегаполисе в разных группах горожан // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Педагогика и психология». 2022. № 3 (60). С. 51–60. doi: 10.26456/vtpsyed/2022/3/051.
- Зачесова И. А.* Интенциональные характеристики городской среды мегаполиса // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: ре-

зультаты и перспективы развития М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2017. С. 1314–1320.

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. С. 23–34.

Ларионов И. В. Связь переживаний и стилей поведения в структуре социально-психологической пресыщенности горожан условиями жизни в мегаполисе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 1. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4773/ (дата обращения: 28.07.2023).

Литвина С. А., Кружкова О. В., Муравьева О. И., Богомаз С. А. Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов // Вестник НГПУ. 2017. № 1. С. 63–80. doi: 10.15293/2226-3365.1801.05.

Философия города / Отв. ред. В. В. Афанасьева, А. Г. Лазерсон, С. П. Позднева и др. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2012.

Капцевич О. А. Смысловые аспекты восприятия различных типов жилых зданий по результатам ассоциативного эксперимента // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 1. С. 103–121. doi: 10.17759/exppsy.2022150107.

Воловикова М. И., Кретова Л. А. Деревня как ресурс жизнестойкости жителей мегаполиса // Международная научная конференция «Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен», посвященная 65-летию юбилею В. Н. Дружинина 2020. С. 719–727.

Social-psychological satiety of young city dwellers with living conditions in a metropolis: phenomenon, justification and research results

*I. V. Larionov**, *T. V. Drobysheva***

** PhD student, junior researcher, laboratory of social and economic psychology of IP RAS, Moscow, Russia, ivlar16@gmail.com*

*** doctor of psychological sciences, leading researcher, Laboratory of Social and Economic Psychology, IP RAS, Moscow, Russia, tdrobysheva@mail.ru*

The article is devoted to the development of a new phenomenon in social psychology – social-psychological satiety of city dwellers with the living conditions in a megacity, from the standpoint of systemic and subject-activity approaches. The concept is formulated, its operationalization is performed, empirical indicators are identified, and the functional orientation of the phenomenon is described. The content of affective and conative components of socio-psychological satiety is described and analyzed, the styles of social behavior aimed at preventing extreme manifestations of socio-psychological satiety are highlighted.

Keywords: social-psychological satiety, social psychology of the megacity, social psychology of the city, social behavior.

Ценностно-аффективная поляризация российского общества: проблема и новые методы исследования феномена*

*А. Н. Лебедев**, *О. В. Гордякова***, *М. А. Гагарина****, *А. С. Панфилова****

* доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН, лаборатория психологии личности, Москва, Россия, lebedev-lubimov@yandex.ru

** кандидат психологических наук, Московский институт психоанализа, профессор кафедры социальной психологии, Москва, Россия, o_gordyakova@mail.ru

*** кандидат психологических наук, доцент департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия, mgagarina224@gmail.com

**** кандидат технических наук, научный сотрудник Института психологии РАН, лаборатория психологии и психофизиологии творчества, Москва, Россия, panfilovaas@ipran.ru

Рассматривается актуальная для современной социальной и политической психологии проблема ценностно-аффективной поляризации российского общества. Проанализированы некоторые традиционные и новые методы изучения феномена. Утверждается, что ценностно-аффективная поляризация общества напрямую не связана со многими объективными факторами, например с уровнем материального благополучия граждан, а представляет особый социально-психологический феномен. Достоверно установлено, что динамика ценностно-аффективной поляризации зависит от психологических установок граждан, которые формируются под влиянием средств массовой информации и коммуникации, которые в настоящее время во многом обеспечивают политическую стабильность российского общества.

Ключевые слова: групповая поляризация, ценностно-аффективная поляризация, пропаганда, тесты имплицитных политических установок, предвзятость подтверждения.

Феномен поляризации социальных групп активно изучается социологами, политологами и социальными психологами в течение последних пятидесяти лет (Moscovici, Zavalloni, 1969). Одной из основных научных проблем в настоящее время является подробное описание механизма поляризации, в частности того, как именно и почему она возникает и принимает аффективную форму

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, грант № 23-18-00422 «Ценностно-аффективная поляризация населения России и проблема предотвращения психологической нестабильности российского общества».

в одних случаях и почему не возникает или остается на уровне ценностной поляризации в другом. То есть до сих пор не совсем понятно, почему, например, разнообразие ценностных ориентаций (мировоззрений, мнений, представлений, суждений и пр.) в большой группе начинает распределяться именно в двух противоположных направлениях. Достоверно установлено лишь то, что поляризация общества во многом зависит от психологических установок, которые формируются под влиянием средств массовой информации и коммуникации, и, прежде всего, телевидения и интернета (Chomsky, Herman, 2003). Также установлено, что ценностно-аффективная поляризация напрямую не связана со многими объективными факторами, например с уровнем материального благополучия граждан, а представляет особый социально-психологический феномен (Лебедев, 2023).

Как известно, исследования групповой поляризации в социальной психологии проводятся с начала 1970-х годов (Moscovici, Zavalloni, 1969). Групповой поляризацией стали называть явление, когда в процессе дискуссии ее участники не могут выработать какое-то усредненное мнение и объединяются в противостоящие группы меньшего размера по принципу единомыслия, поэтому противостояние групп, не имеющих общей истории развития, обычно поляризацией не называют.

Феномен поляризации проявляется во многих странах, но имеет отличия (Лебедев, Гордякова, 2021). В частности, в США чаще всего изучается «аффективная поляризация», которая является частью поляризации политической и возникает вследствие особого влияния на жизнь американцев двух основных политических партий, интенсивно использующих средства массовой информации и коммуникации для продвижения своих идей и завоевания приоритетов в обществе.

Так, например, J. N. Druckman, S. Klar, Y. Krupnikov, M. Levendusky и J. В. Ryan утверждают, что аффективная поляризация в США проявляется не только в политике, но и на бытовом уровне. Авторы отмечают, что она играет значительную роль в том, сколько времени люди проводят с семьями, с кем работают, встречаются и даже вступают в брак. Показано, что американцы выбирают политическую партию в соответствии с семейными традициями, т. е. она обнаруживается в тех сферах, которые напрямую не связаны с политикой (Druckman et al., 2021).

Как показывают исследования, в России психологическая поляризация общества обычно проявляется по отношению к власти и чаще всего — к первому лицу. В разные периоды истории она принимала и скрытые формы, и враждебные, вызывая социальные конфликты. Поэтому, как утверждает, например, Г. В. Осипов, динамику данного феномена необходимо контролировать в рамках деятельности организаций, отвечающих за социальную политику общества, например средств массовой информации и коммуникации (Осипов, 2005).

Первоначально феномен групповой поляризации (в рамках теории С. Московичи) рассматривался как сугубо когнитивный. Однако в настоящее время, особенно при изучении больших социальных групп, внимание исследователей привлекают прежде всего эмоциональные факторы, вызывающие поляризацию мнений (Лебедев, 2023).

Феномен групповой поляризации изучался одновременно с так называемым феноменом «меньшинства—большинства» (Moscovici, Lage, 1969), т. е. группа рассматривалась как состоящая из трех подгрупп: две подгруппы поляризованного «меньшинства» и инертное «большинство». В соответствии с теорией С. Московичи, меньшинство более активно, чем большинство, и поэтому оно обладает более сильным влиянием на общество. Однако меньшинство в борьбе за приоритеты в группе способно одержать победу, лишь когда действует слаженно и учитывает особенности мышления и потребности большинства членов группы. В процессе такого противостояния последние выбирают ту подгруппу меньшинства, которая внушает им больше доверия, обеспечивает безопасность, защиту и надежду на стабильное будущее. При этом моральные требования здесь особой роли не играют. Этот подход сохранился и в настоящее время (Лебедев, Гордякова, 2021). Из теории С. Московичи следует, что большинство в группах (особенно больших) чаще всего состоит из людей, мышление которых опирается не на научные, а на социальные и обыденные представления (Емельянова, 2016).

Длительная ценностная поляризация часто формирует политически противоположный тип мировоззрения у представителей противодействующих сторон и заставляет смотреть на мир тенденциозно и некритично по отношению к событиям, касающимся власти и моральных норм. Человек, осознанно занявший позицию одной из поляризованных подгрупп и публично заявивший об этом, как пишет С. Московичи, от своей позиции практически никогда не отказывается и лишь «убеждается в собственной правоте».

Иррациональность мышления в условиях поляризации группы приводит к возникновению многочисленных когнитивных искажений. В результате аффективной поляризации когнитивные процессы работают неадекватно. Объясняя иррациональность мышления людей в условиях групповой поляризации, исследователи часто используют понятие предвзятости подтверждения (confirmation bias) — тенденции человека отдавать предпочтение информации, которая согласуется с его взглядами и игнорировать ту, которая им противоречит. Также при изучении групповой поляризации на аффективной стадии огромное внимание уделяется высшим социальным эмоциям (self-conscious emotions). К ним относят: чувства собственного достоинства, стыда, гордости и др.

Для изучения феномена поляризации в мировой науке применяются различные методы. Так, в США для этого широко используют аппаратные методы и прежде всего fMRI. Если верить американским ученым, в исследованиях выявляются существенные нейropsychологические и даже нейроанатомические различия у представителей двух основных политических партий США — республиканской и демократической. Так, утверждается, что либералы имеют увеличенный объем серого вещества в передней поясной коре, а консерваторы — увеличенный объем серого вещества в миндалевидном теле. Консерваторы демонстрируют более сильную реакцию на ситуации угрозы и конфликта. Напротив, либералы склонны искать новизну и неопределенность. Демократы более политически либеральны, но в большей степени склонны к риску, чем республиканцы, которые чаще политически консервативны. Исследова-

тели объясняют это тем, что люди, имеющие различные нейрофизиологические особенности, выбирают и соответствующим этим особенностям политические партии (Jost et al., 2003).

Эмпирические исследования феномена ценностно-аффективной поляризации затруднены в силу того, что люди (как лояльные, так и нелояльные власти), переживая за личную безопасность, не желают публично выражать свою точку зрения по наиболее важным вопросам политической жизни общества. Часто многие граждане и сами не могут определиться в том, какую позицию они занимают или должны занять по вопросам, в которых, например, из-за информационной неопределенности, разбираются недостаточно хорошо.

Для представителей поляризованного меньшинства характерно то, что мнения и ценностные суждения у них оказываются хорошо скоррелированными, а средние значения таких суждений в этих группах очень часто значительно различаются. Это создает условия для разработки надежных и валидных методик, которые позволяют проводить репрезентативные исследования на основе лабораторных экспериментов. В таком случае можно не только моделировать и изучать мышление и поведение представителей значительных по размерам поляризованных групп, но и прогнозировать динамику ценностно-аффективной поляризации и мировоззрения людей в обществе в целом.

Одной из основных практических задач на сегодняшний день является разработка новых исследовательских методик и методов, опираясь на которые можно было бы прогнозировать процесс поляризации групп и соответствующее поведение людей для устранения конфликтов и дестабилизации общества (Лебедев, Гордякова, 2021). Сегодня для исследований данного феномена в социальной и политической психологии чрезвычайно востребованными оказываются проективные и полупроjektивные тесты, а также методики, оценивающие имплицитные (скрываемые или неосознаваемые) политические установки. В рамках проекта РФ по теме «Ценностно-аффективная поляризация населения России и проблема предотвращения психологической нестабильности российского общества» группой исследователей Института психологии РАН, Московского института психоанализа и Финансового университета при Правительстве РФ была разработана методика на основе IAT (Implicit Association Test). Методика позволяет изучать имплицитные политические установки респондентов, что необходимо для проведения исследований как с помощью массовых опросов, так и, например, фокус-групповых дискуссий. Причем это происходит без нарушения принципа анонимности респондентов.

В экспериментальных условиях методика показала высокую корреляцию результатов тестирования респондентов с их ответами на прямые вопросы. Известно, что все существующие сегодня варианты IAT оценивают степень ментальной связи между целевыми парами значений – атрибутами с категориями. Данные тесты измеряют силу ассоциации между парами понятий, обозначаемых как категория и атрибут (Лебедев, Гордякова, 2021; Токарева, Дофман, 2014). Целью нашего эмпирического исследования было проанализировать влияние социально значимых событий, происходящих в России (а именно специальной военной операции и частичной мобилизации), на изменение отношения респондентов поляризованных групп к возможным событиям в будущем.

Исследование проводилось в 2022 г., в период с января по декабрь. В целом в исследовании приняли участие 508 чел. разных профессий (экономисты, юристы, психологи, инженеры, педагоги, врачи, а также студенты бакалавриата технических и гуманитарных вузов Москвы) в возрасте от 21 до 65 лет ($\mu=39$), 80% – женщины, 20% – мужчины. Для каждого этапа исследования группы проходили процедуру выравнивания по полу, возрасту, образованию, уровню доходов и др. Исследование проводилось в формате Google Forms, анонимно, без фиксации личных данных (номера телефона и почтового адреса) для максимального снижения эффекта социальной тревожности.

На первом этапе, в январе 2022 г., респонденты оценивали деятельность государственных структур (Государственной Думы и Правительства РФ), российских и зарубежных политиков (действующих и недействующих), российских журналистов. Оценка проводилась по 5-балльной шкале от -2 (негативное отношение) до $+2$ (положительное отношение). В результате анализа полученных оценок респонденты были поделены на три группы: «лояльные власти», «относительно нейтральные» и «негативно относящиеся к деятельности власти» («нелояльные»).

В исследовании было показано, что после вышеуказанных событий существенно менялись ответы респондентов из однородных по составу групп (Лебедев, 2023). Анализ результатов показал также, что объявление частичной мобилизации интенсифицировало оценки респондентов по предлагаемым вопросам в полярных группах. Качественное изменение произошло только по одному вопросу в группе «нелояльных» респондентов. Если до частичной мобилизации 26% респондентов этой группы считали себя патриотами, 39% затруднились ответить и 35% не считали себя таковыми, то после объявления частичной мобилизации уже 50% респондентов отнесли себя к патриотам, 31% затруднились ответить и 19% заявили, что не считают себя таковыми ($U=367$; $p<0,05$).

Кроме этого, за обследованный период времени увеличилось количество ответов респондентов на вопросы о снижении уровня их доходов, а также увеличилось количество ответов о недоверии российским СМИ, которые освещают события на территории Украины. После объявления частичной военной мобилизации оно увеличилось с 47 до 66% (U -критерий Манна–Уитни = 5975,5; $p<0,007$). На первый взгляд, такие результаты представляются парадоксальным, но тем не менее они получают вполне убедительное объяснение в рамках теории ценностно-аффективной поляризации (Лебедев, Гордякова, 2021). В частности, это связано с ростом негативного отношения к гражданам России за рубежом.

Исследование позволило получить большое количество данных о феномене ценностно-аффективной поляризации, разработать представление о механизме поляризации и описать основные факторы, которые влияют на характер трансформации ценностной поляризации в поляризацию аффективную.

Литература

- Емельянова Т. П. Социальные представления: теория, история и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Лебедев А. Н. Аффект неопределенности и ценностно-аффективная поляризация больших социальных групп // Ученые записки Института психологии РАН. 2023. Т. 3. № 1 (7). С. 3–17.

- Лебедев А. Н., Гордякова О. В.* Феномен групповой поляризации в политологии и политической психологии США и Европы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 4 (24). С. 123–150.
- Осинов Г. В.* Социология и государственность: Достижения, проблемы, решения. М.: Вече, 2005.
- Токарева Г. В., Дорфман Л. Я.* Тесты на определение имплицитных процессов // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Психология». 2014. Т. 7. № 3. С. 22–31.
- Chomsky N., Herman E. S.* Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. N. Y.: Knopf Publishing Group, 2003.
- Druckman J. N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J. B.* Affective polarization, local contexts and public opinion in America. // Nature Human Behavior. 2021. V. 5. P. 28–38.
- Jost J. T., Glaser J., Kruglanski A. W., Sulloway F. J.* Political conservatism as motivated social cognition // Psychological Bulletin. 2003. V. 129. № 3. P. 339–375.
- Moscovici S., Lage E., Naffrechoux M.* Influence of a consistent minority on the responses of a majority in a color perception task // Sociometry. 1969. V. 32. № 4. P. 365–380.
- Moscovici S., Zavalloni M.* The group as a polarizer of attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 1969. V. 12. № 2. P. 125–135.

Value-affective polarization of Russian society: the problem and new methods of studying the phenomenon

A. N. Lebedev, O. V. Gordyakova**, M. A. Gagarina***, A. S. Panfilova*****

** doctor of psychology, leading researcher at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of Personality Psychology, Moscow, Russia, lebedev-lubimov@yandex.ru*

*** candidate of psychological sciences, Moscow Institute of Psychoanalysis, Professor of the Department of Social Psychology, Moscow, Russia, o_gordyakova@mail.ru*

**** candidate of psychological sciences, associate professor of the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, mgagarina224@gmail.com*

***** candidate of technical sciences, researcher at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of Psychology and Psychophysiology of Creativity, Moscow, Russia, PanfilovaAS@ipran.ru*

The article deals with the problem of value-affective polarization of Russian society, which is topical for modern social and political psychology. Some traditional and new methods of studying the phenomenon are also analyzed. It is argued that the value-affective polarization of society is not directly related to many objective factors, for example, with the level of material well-being of citizens, but represents a special socio-psychological phenomenon. It has been reliably established that the dynamics of value-affective polarization depends on the psychological attitudes of citizens, which are formed under the influence of mass media and communication, which currently largely ensure the political stability of Russian society.

Keywords: group polarization, value-affective polarization, propaganda, tests of implicit political attitudes, confirmation bias.

Социальная психология в системе научного знания и практики оказания медико-психологической помощи пациентам с аутоагрессивным поведением*

Л. В. Миллер

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отделения суицидологии Московского научно-исследовательского института психиатрии — филиала ФГБУ «НМИЦ ПН им В. П. Сербского» Минздрава России, Москва, Россия, lmill1@yandex.ru

Освещается важность интеграции психологических знаний в системе оказания медико-психологической помощи пациентам с аутоагрессивным поведением. Показана роль социально-психологических характеристик личности, которые, при их выявлении и использовании, служат опорой в восстановлении жизнедеятельности. В исследовании приняли участие находящиеся на стационарном лечении подростки, проявляющие аутоагрессию. Изучались мировоззренческие установки и копинг-стратегии подростков. Определены основные мишени кризисного психологического вмешательства в системе оказания медико-психологической помощи подросткам с аутоагрессивным поведением. Выполнена оценка результатов использования экзистенциального анализа (в частности, логотерапии В. Франкла).

Ключевые слова: социальная психология, аутоагрессивное поведение, подростки, логотерапия, смысловые ориентации, мировоззрение, копинг-стратегии.

Научно-практическая значимость результатов исследований в области медицины во многом обусловлена взаимообогащением естественных и гуманитарных, фундаментальных и прикладных наук. Психологические, в том числе социально-психологические аспекты в медицине учитывались еще на этапе ее развития. Первые научные психологические исследования в сфере медицинской практики берут свое начало в трудах ученых конца XVIII—начала XX в. В настоящее время потребность в использовании и получении новых психологических знаний в процессе терапии пациента остается актуальной. Знания о психологических явлениях (закономерностях, процессах, свойствах, состояниях) наиболее ярко представлены в психосоматической медицине и психоте-

* Исследование выполнено при поддержке государственного задания «Изучение клинических, личностно-психологических, социальных и эпидемиологических характеристик суицидального поведения у детей и подростков, разработка модели его профилактики и раннего выявления, а также комплексной медико-психолого-социальной суицидологической помощи несовершеннолетним» (AAAA-A19-119031390109-1).

рапии. Психологические знания являются дополнительным ресурсом при более широком подходе к заболеванию и лечению болезни (Карвасарский, 2002). Особая роль в психическом восстановлении больного отводится психотерапии, являющейся точкой пересечения медицины, психологии (общей, клинической, социальной, возрастной, психологии личности и др.), философии, социологии, педагогики и пр. Отмечается интердисциплинарный характер психотерапии и отнесение ее к медицинской специальности, сфере компетенции медицины, основанной на психологических методах воздействия (клинико-психологических вмешательствах) (там же).

Социально-психологический аспект лечебного процесса находит свое отражение в понимании личности пациента, его мировоззрения, в определении методов терапевтического вмешательства, определении оптимального стиля взаимодействия. Социально-психологические аспекты заложены в организации здравоохранения. Специалисты уделяют внимание стилям управления и взаимодействия с пациентом, групповой динамике в медицинских коллективах, профилактике профессионального выгорания.

В соответствии с Приказами Министерства образования РФ № 686 от 02.03.2000 г. «Об утверждении государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования», в котором утверждена специальность «клиническая психология», Министерства науки и высшего образования РФ от 01.02.2022 г. № 89 «Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам ординатуры и программам ассистентуры-стажировки», объектом клинической психологии является человек с трудностями адаптации и самореализации, связанными с его физическим, социальным и духовным состоянием, особыми условиями жизни и деятельности, экстремальными и кризисными ситуациями. Предметом профессиональной деятельности клинического психолога выступают психические процессы и состояния, особенности личности и межличностные отношения человека, а также социально-психологические феномены, проявляющиеся в различных областях человеческой деятельности.

Основной проблемой пациентов с высоким суицидальным риском является нарушение работоспособности, взаимодействия с социумом (подросткам сложнее концентрировать внимание на уроках, учиться, общаться с друзьями, рушатся их представления о будущем; взрослым сложно выполнять трудовые функции, вносить вклад в сохранение хороших отношений с близкими людьми). Помощь такому больному в системе медико-психологических мероприятий, направленных на предотвращение аутоагрессивного, в том числе суицидального поведения (на разных этапах его развития) проявляется в кризисном психотерапевтическом/психологическом вмешательстве, которое в большей степени носит интегративный характер. Каждая форма психического расстройства накладывает свой отпечаток на проявления психики, затрагивая мотивационный аспект поведения, процесс и результат жизнедеятельности, ресурсы личности. При оказании психологической помощи акцент делается на взаимодействии со здоровой частью личности, на общих со-

циально-психологических закономерностях, что и у здорового человека. Это может являться отправной точкой для восстановления психологического благополучия пациента.

В нашем ранее проведенном исследовании подростков было установлено, что для старшеклассников вопросы о жизни и смерти, смыслах, связанных с их существованием, представляют особую значимость. Озабоченность подростка вопросами смысла, формирования своей позиции к происходящему на фоне трудности удовлетворения социальных потребностей повышает суицидальный риск (Миллер, 2022). Проблема аутоагрессивного поведения заключается в парадоксальном проявлении деструктивной активности, направленной на саморазрушение. Развитие симптоматики психических расстройств усугубляет ситуацию, что указывает на необходимость оказания комплексной медико-психологической помощи. Аутоагрессивное поведение представлено как несуицидальными, так и суицидальными актами. Несмотря на то, что уничижение, нанесение себе вреда (например, в виде порезов и других повреждений) не всегда переходит в осознанное поведение, направленное на убийство себя, эти проявления аутоагрессии со временем могут становиться более выраженными, опасными и даже закончиться уходом из жизни как по неосторожности либо в результате неконтролируемого состояния, так и (при дальнейшем развитии суицидального состояния) более осознанным целенаправленным суицидальным актом.

При взаимодействии с социальным миром, в отношениях с другими, проявляется духовный (ноэтический) компонент личности. В настоящее время, в процессе проведения научно-практической работы не только в психологии, но и в медицине, этому аспекту уделяется все больше внимания. К методу, который в первую очередь обращен к вопросам осмысленности жизни, свободы выбора, сохранения уважения и достоинства личности, относится и экзистенциальное направление, в частности логотерапия В. Франкла. В рамках экзистенциального подхода В. Франкл рассматривал логотерапию как философию разумной жизни. Анализируя научно-практический вклад В. Франкла в решение проблемы психического здоровья, Г. Гуттман отмечает установленную В. Франклом связь между психиатрией, философией и психологией, которые необходимо рассматривать в неразрывном единстве. Без привлечения философско-мировоззренческой составляющей психотерапевтические усилия остались бы бесплодны (Гуттман, 2016). Логотерапевтическая модель личности включает физическое (соматическое), психическое и духовное/ноэтическое (смысловое) измерение, каждое из которых пересекается с сознательным, предсознательным и бессознательным уровнями структуры личности. Духовность (с греческого языка – разум, дух) определяется В. Франклом не как сверхъестественное или религиозное измерение, а как антропологическое и онтологическое. Духовное (ориентированное на смысл) составляют высшие ценности человека, на которые человек ориентируется в своей жизнедеятельности. Поиск человеком смысла своего бытия, стремление к смыслу в меньшей степени являются признаками болезни, фрустрация же этого стремления может привести к ноогенному неврозу (Франкл, 1990).

Программа и этапы исследования

Целью исследования стало выявление особенностей смысложизненного и духовного (ноэтического) компонентов мировоззрения подростков с аутоагрессивным поведением, их копинг-стратегий, а также оценивалась эффективность психологического консультирования с использованием логотерапии. В работе был сделан акцент на анализе социального функционирования, межличностных отношениях подростков, определения ими себя в мире, своего вклада в восстановление и развитие.

Исследование проводилось в Научно-практическом центре профилактики суицидов и опасного поведения несовершеннолетних ФГБУ НМИЦ ПН им. В. П. Сербского Минздрава России, в рамках научно-исследовательской деятельности по оказанию медико-психолого-социальной помощи несовершеннолетним, в детском отделении МНИИ психиатрии. В работе приняли участие 42 подростка с аутоагрессивным поведением (41 жен. пола и 1 муж.) от 12 до 18 лет (средний возраст – 14,8 года, стандартное отклонение – 1,96) с разными видами аутоагрессивного поведения: несуицидальные самоповреждения – 26,2% (11 чел.), пассивные суицидальные мысли – 33,3% (14 чел.); активные суицидальные мысли и планы (без намерений) – 14,3% (6 чел.); суицидальные намерения – 9,6% (4 чел.); активные суицидальные мысли с суицидальными попытками – 16,6% (7 чел.). Аутоагрессивное поведение имело следующие формы: самоуничужение, самопорезы (царапание), нанесение ожогов горячими предметами и льдом; удары, укусы и другое, используемые, в основном для снятия невыносимых переживаний, а также с целью «почувствовать себя живым», удержаться от суицида. Формы суицидальных самоповреждений, совершаемых с различными целями (от привлечения внимания до истинных суицидальных намерений): самопорезы; самоотравление лекарственными препаратами (назначенными или взятыми из домашней аптечки), моющими средствами; самоутопление и другое. Отмечалось наличие проблем в межличностных отношениях, снижение работоспособности, сложность определения или потеря смысла жизни (из-за симптоматики) и другое. Исследование проводилось в 3 этапа: на *первом этапе* работы выявлялись особенности мировоззренческих установок подростков, склонных к аутоагрессивному поведению, определяли психотерапевтические «мишени» и возможности использования логотерапии, уточнялся методический инструментарий исследования. На *втором этапе* – до терапевтического вмешательства – было проведено эмпирическое исследование смысложизненной составляющей мировоззрения и копинг-стратегий подростков. На *третьем этапе* работы выявлялись социально-психологическую динамику (мировоззренческих установок и копинг стратегий) подростков как результат психотерапевтического вмешательства с использованием логотерапии.

Логотерапия проводилась на всех этапах с каждым подростком в индивидуальной форме. В процессе оказания психологической помощи осуществлялась попеременная диагностика, направленная как на выявление проблем, так и ресурсов личности. При необходимости использовались другие психотерапевтические направления, способствующие достижению логотерапевтичес-

ких целей: когнитивно-бихевиоральная терапия (уровень произвольных, поверхностных мыслей), психодрама, философское консультирование (техника наивных вопросов), саморегуляция и т. п. Частота встреч с пациентом — 2 раза в неделю на протяжении всего пребывания в стационаре. Количество сессий с каждым подростком варьировалось от 3 до 6 (до выписки), среднее значение — 5.

Использовались методики: «Шкала безнадежности» («Hopelessness Scale» А. Т. Веck; «Тест смысложизненных ориентаций» (Д. А. Леонтьев) — адаптация теста «Цель в жизни» («Purpose-in-Life Test» — PIL J. S. Crumbaugh, L. T. Maholik); «Шкала экзистенции» («Existenzskala» А. Längle et al.), адаптированная к русской выборке И. Н. Майниной; «Тест жизнестойкости» («Hardy Survey» S. R. Maddi) в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Расказовой; «Индикатор копинг-стратегий» (адаптация теста «Coping Strategy Indicator» — CSI J. H. Amirkhan); «Способы совладающего поведения» — адаптация и стандартизация теста («Ways of Coping Questionnaire» — WCQ S. Folkman, R. S. Lazarus) Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык, М. С. Замышляевой, стандартизированный в НИПНИ им. Бехтерева; «Опросник совладания со стрессом» («Assessing coping strategies» — COPE, C. S. Carver, M. F. Scheier, J. K. Weintraub) (в адаптации П. А. Иванова, Н. Г. Гаранян); «Шкала субъективного ощущения одиночества» («Loneliness Scale UCLA», D. Russell et al.).

Результаты эмпирического исследования

На первом этапе работы были выявлены наиболее значимые потребности подростков с аутоагрессивным поведением, которые им не всегда удается удовлетворить: уважение, принятие, сохранение достоинства личности, свобода воли (выбора действий, предпочтений). На фоне формирования собственной позиции к различным аспектам жизнедеятельности проблемы возникают не только в случаях, когда подросток чувствует давление извне, но и при неправильном определении им своих границ свободы и ответственности, в ситуациях отсутствия достаточного жизненного опыта, неумения делать более точные прогнозы своих решений и действий. В результате у подростка появляется недовольство собой и окружающими, снижается самооценка. Значимой для данной категории пациентов является тема влюбленности, эмоциональных отношений, «предательства» и отвержения. В их поведении часто наблюдается доминирование импульсивности, неуправляемых эмоций, что приводит к ухудшению их состояния и отношений с другими. Выявлено, что подростки с аутоагрессивным поведением имеют сложности в соотношении своих интересов, способностей и возможностей с требованиями и ожиданиями других людей, общества в целом. Для них характерно дистанцирование в отношениях с социальным окружением. Достаточно часто они сообщают психологу, что не видят смысла в жизни или в том, что они делают.

Пример из опыта работы с пациентом. *Девушка-подросток не видела смысла во взаимодействии с другими, считая других и их разговоры неинтересными для себя (так же как и себя для них), при этом чувствуя себя одинокой и ненужной («Я думаю, что я неинтересна другим, мешаю им», «Мне неинтересны темы*

разговоров девочек»). В разговоре с психологом она сообщила, что делает рисунки вымышленных ею людей и ей было бы интересно говорить со сверстниками о персонажах своих рисунков. Специалист обратил ее внимание на социальную направленность рисунков. На следующей сессии девушка решила показать психологу свои рисунки, которые отражали характер каждого персонажа. Затем она высказала свое желание рассказать о них. Благодаря тому, что подросток доверился специалисту, у психолога появилась возможность познакомиться с богатым внутренним миром пациентки, акцентировать ее внимание на этом, а у самой девушки — лучше осознать факт, что она может быть интересна другим. С принятием и осознанием себя как личности приходит и принятие других с их внутренним миром, большее чувство свободы и уверенности во взаимодействии с ними, открытость миру. Мотивация общения данной пациентки с другими людьми изменилась в лучшую сторону, что отразилось на ее поведении со сверстниками.

В ходе работы с подростками были получены результаты, которые позволили конкретизировать программу эмпирического исследования и подтвердили возможность использования логотерапии в практико-ориентированной части исследования.

На втором этапе выявлены различия в исследованных феноменах у подростков с разными формами самоповреждения. Обнаружено, что у пациентов с суицидальными самоповреждениями, по сравнению с их сверстниками с не-суицидальными самоповреждениями, более выражено переживание чувства одиночества, безнадежности и менее выражены — смысло-жизненные ориентации. Также для них характерно использование менее эффективных стратегий решения проблемной ситуации и совладания со своим эмоциональным состоянием. Показатели экзистенции (полнота жизни, причастности) и жизнестойкости в обеих группах выражены слабо. В процессе исследования выделены три фактора (вида) индивидуально-личностных особенностей, характеризующих в большей степени мировоззренческую составляющую, ценностную сферу личности (объясняющие 92,6% случаев): 1) ноэтический компонент мировоззрения (60,2%); 2) жизнестойкость (22,5%); 3) смысло-жизненные ориентации, целеполагание (9,9%).

Посредством кластерного анализа выделили 2 группы подростков и описали наиболее предпочитаемые ими копинг-стратегии, определили психотерапевтические задачи для практической работы с ними. *Первую группу* составили подростки преимущественно с суицидальными мыслями. Обнаружено, что они реже используют адаптивные стратегии (принятие ответственности, положительная переоценка) и механизмы психологической защиты (субъективное снижение значимости ситуации, реагирование по типу уклонения: отрицание проблемы, фантазирование, отвлечение), им сложнее контролировать свое эмоциональное состояние. Психологическая помощь в этом случае должна быть направлена на поиск возможностей, которые подросток не замечает, на выявление сильных сторон личности, постановку целей, определение способов их достижения. Следует мотивировать подростка на взаимодействие с врачом, выявить триггеры, суицидальные и антисуицидальные факторы. *Вторая группа* включала подростков, использующих более адаптивные стратегии (на уровне тенденции), такие как принятие ответственности, поло-

жительная переоценка. Им несколько чаще удается контролировать свое эмоциональное состояние, однако достигается это за счет подавления эмоций, использования механизмов психологической защиты. В следствии этого в ситуациях, связанных с сильными переживаниями, они демонстрируют разные виды самоповреждения. Для того чтобы преодолеть трудности, им необходимо изменить свое отношение к происходящему. В данном случае психотерапевтические действия психолога направлены на развитие духовного (ноэтического) компонента личности пациента, оказание помощи в актуализации его сильных сторон, в обучении более конструктивным способам совладания, в усилении ресурсов личности.

На третьем этапе работы было проведено сравнительное исследование динамики социально-психологических характеристик личности пациентов. Оно показало, что в результате оказания медико-психологической помощи у подростков наблюдалось снижение интенсивности переживания безнадежности и одиночества (при $p \leq 0,05$). В их случае безнадежность была связана (в особенности при депрессивной симптоматике) с беспокойством о своем состоянии, проявляющемся в отсутствии желания и сил выполнять повседневные дела, ухудшении когнитивных функций и соответственно — школьной успеваемости, в потере интересов и социальном отчуждении. Безусловно, полученные результаты можно объяснить воздействием медикаментозных средств. Однако на снижение выраженности чувства безнадежности и одиночества могли оказать влияние и социальные контакты с другими подростками в отделении. Также следует учитывать внимание со стороны персонала стационара, вовлеченность пациентов в различные виды развивающей деятельности.

В ходе работы выявлены изменения отдельных показателей ноэтической составляющей мировоззрения. В частности, возросли оценки показателя «Исполненность», на уровне тенденции — показателей «Самотрансцендентность» (способность не только получать от мира, но и самому быть полезным миру) и «Персональность» (открытость миру). Пациенты, принимавшие участие в исследовании, сообщали, что они лучше осознали свои сильные стороны, изменили в лучшую сторону представления о себе и близких, определили некоторые новые цели, научились понимать и принимать свои эмоции, а также управлять ими. По нашему мнению, выявленные изменения объясняются в большей степени использованием логотерапевтических принципов в работе с подростками. Рефлексируя, они стали указывать на позитивные изменения в предпочтениях адаптивных копинг-стратегий. Склонность к избеганию стала менее выраженной, в то время как активный копинг, наоборот, — более выраженным. Он проявился в планировании способов решения проблем, их разрешении, в выборе продуктивных стратегий адаптации, направленности на принятие жизненных трудностей и личностный рост. Подростки, принимавшие участие в работе, стали активнее использовать внешние ресурсы, например социальную и инструментальную поддержку. Данный факт свидетельствует о снижении установок пациентов на дистанцирование от мира, большего его принятия. В работе были выявлены значимые различия (при $p < 0,05$) в исследованных характеристиках до и после проведения психотерапии.

Заключение

Подростковый и юношеский возраст характеризуется актуализацией вопросов о жизни и смерти, смысле жизнедеятельности. На фоне их сниженных возможностей удовлетворения социальных потребностей и/или в силу заболевания подростки могут не обрести смысл жизни, вследствие этого возрастает риск суицидального поведения. В данном случае психотерапевт акцентирует внимание пациента на его социальном функционировании, межличностных отношениях, определении себя в мире, своих усилиях в процессе саморазвития. Обращение к ноэтическому компоненту личности находит отражение в раскрытии духовного потенциала исследованных подростков – обретении ими чувства принадлежности к миру, осознании своих способностей, сильных сторон, достоинства личности, ее уникальности, а также в использовании ими конструктивных способов решения проблем.

Результаты эмпирического исследования и практической работы с подростками продемонстрировали снижение в их поведении аутоагрессивных тенденций, уход от суицидальных мыслей. Помощь подростку с развивающимся суицидальным поведением в рамках пребывания в стационаре определяется как кризисная, особенно если речь идет об остром суицидальном состоянии. С целью получения более выраженных изменений в психике и поведении пациентов требуется большее количество встреч с психологом и/или медицинское вмешательство для снижения тяжести психических расстройств. Решение проблемы аутоагрессивного поведения, более полноценного восстановления психики пациента, связано с актуализацией больших ресурсов (временных, человеческих, экономических и т. п.). В таком случае необходима работа в рамках внутриведомственного и межведомственного взаимодействия организаций как до начала лечения подростка в стационаре, так и после. Иными словами, для решения данной проблемы необходим комплексный подход к профилактике аутоагрессивного поведения на всех этапах развития личности, находящейся под влиянием разных институтов социализации (семьи, образовательных учреждений, неформальных компаний, трудовых коллективов, сообществ, СМИ, Интернета и др.).

Литература

- Гуттман Г. Предисловие к первому изданию // В. Франкл. Логотерапия и экзистенциальный анализ: Статьи и лекции. Пер. с нем. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 9–15.
- Клиническая психология: Учебник / Под ред. Б. Д. Карвасарского. СПб.: ИД «Питер», 2002.
- Миллер Л. В. Логотерапия в системе оказания медико-психологической помощи подросткам с аутоагрессивным поведением // Социальная и клиническая психиатрия. 2022. Т. 2. С. 59–72.
- Франкл В. Логотерапия и экзистенциальный анализ: Статьи и лекции. Пер. с нем. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Social psychology in the system of scientific knowledge and practice of providing medical and psychological assistance to patients with autoaggressive behavior

L. V. Miller

candidate of psychological sciences, senior researcher at the Department of Suicidology of the Moscow Research Institute of Psychiatry – a branch of the Federal State Budgetary Institution “National Medical Research Center for Psychiatry named after V. P. Serbsky” of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia, lmill1@yandex.ru

The article highlights the role of integrating psychological knowledge into the system of providing medical and psychological care to patients with autoaggressive behavior. The role of socio-psychological aspects is shown, which, when identified and used, serve as a support in the restoration of the life activity of the individual. The study involved adolescents undergoing inpatient treatment who exhibit autoaggression. The empirical study included the study of worldview aspects and coping strategies used by adolescents, identification of the main targets of crisis psychological intervention in the system of medical and psychological care, evaluation of the results of the use of existential analysis (in particular, V. Frankl's logotherapy).

Keywords: socio-psychological phenomena and regularities, non-suicidal and suicidal autoaggressive behavior, adolescents, logotherapy, meaning, meaning-life orientations, worldview, coping strategies.

Личностные предикторы перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям*

В. П. Позняков, С. Е. Поддубный***

** доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института психологии РАН, Москва, Россия, rozp_v@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, ассоциированный научный сотрудник
Института психологии РАН, Москва, Россия, serpodd@mail.ru*

Представлены результаты исследования личностных особенностей молодых людей, мужчин и женщин, партнеров в парах близких отношений различного статуса. В результате исследования удалось выявить и проанализировать личностные особенности, выступающие в качестве предикторов перехода молодых людей от добрачных отношений (отношений регулярных встреч без совместного проживания и отношений незарегистрированного брака) к семейно-брачным отношениям. Для нахождения личностных предикторов был применен множественный линейный пошаговый дискриминантный анализ. Результаты дискриминантного анализа свидетельствуют, что изучаемые показатели являются надежными предикторами готовности партнеров к переходу к семейно-брачным отношениям.

Ключевые слова: социальная психология, личность, близкие отношения, партнерство, романтические отношения, незарегистрированный брак, официальный брак, семейно-брачные отношения.

Статья продолжает серию публикаций, посвященных изложению результатов теоретико-эмпирических исследований *личностных факторов* перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям (Поддубный, Позняков, 2023; Poznyakov et al., 2023). Настоящее исследование выполнено в рамках реализации научного проекта «Личностные предикторы перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям» (Позняков и др., 2022). Актуальность исследования обусловлена тем, что в последние годы в нашей стране, как и во многих других странах мира, происходят серьезные изменения в сфере семейно-брачных отношений (см., например: Психологические исследования..., 2013; Психологические проблемы семьи..., 2012; Психологические проблемы современного..., 2012). Широкое распространение получили новые, альтернативные, по сравнению с традиционной, модели супружеских и семейных отношений. Растет число незарегистрированных браков как в России, так и в других странах. Увеличивается количество разводов, неполных семей, в которых имеется только один родитель. Выявление и анализ личностных факторов, способствующих

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, грант № 22-28-00356.

переходу молодых людей от добрачных отношений и отношений незарегистрированного брака к семейно-брачным отношениям, является важной и актуальной научной проблемой.

Программа и методика исследования

Цель исследования — выявить и проанализировать личностные особенности, выступающие в качестве предикторов перехода молодых людей (мужчин и женщин) от добрачных отношений (отношений регулярных встреч без совместного проживания и отношений незарегистрированного брака) к семейно-брачным отношениям. Основной *гипотезой* исследования является предположение о том, что личностные особенности (черты личности, базисные убеждения, ценностные и межличностные ориентации) молодых людей, состоящих в разных формах близких партнерских отношений, могут служить предикторами их перехода к семейно-брачным отношениям.

Для нахождения личностных предикторов перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям был применен множественный линейный пошаговый *дискриминантный анализ*. В качестве независимых переменных выступали первичные показатели, полученные с помощью следующих методик. Методика диагностики намерений и ожиданий С. Е. Поддубного (Поддубный, Позняков, 2018), 5-факторный личностный опросник Л. Голдберга в адаптации К. В. Сугоняева (Универсальная психодиагностическая система..., 2014), Опросник ценностей С. Шварца в адаптации В. Н. Карандашева (Карандашев, 2004), Опросник межличностных ориентаций — методика FIRO В. В. Шутца в адаптации А. А. Рукавишников (Рукавишников, 1992), Шкала базисных убеждений Р. Янофф-Бульман в адаптации М. А. Падун и А. В. Котельниковой (Падун, Котельникова, 2008). Всего проанализировано 27 показателей.

В исследовании принимали участие 170 гетерогенных по полу пар (мужчина и женщина) в возрасте от 18 до 35 лет: 46 пар (27%) состояли в романтических отношениях более трех месяцев (1-я группа), 55 пар (33%) состояли в гражданском браке более трех месяцев (2-я группа), 69 пар (40%) состояли в официальном браке более трех месяцев (3-я группа). Общий объем выборки — 340 чел., из них — 170 мужчин и 170 женщин. Математико-статистическая обработка проводилась с помощью пакета прикладных программ Statistica v. 8.0.

Результаты исследования

По результатам анализа были получены классификационные функции и матрицы классификации. Число классификационных функций в данном случае равно числу статусных групп. Такие функции представляют собой уравнения, содержащие числовую константу и весовые коэффициенты для каждой переменной. Классификационные функции, с одной стороны, предназначены для определения того, к какой совокупности (статусной группе) каждый респондент может быть наиболее вероятно отнесен. С другой стороны, показатели, входящие в состав классификационных функций, являются предикторами, так как с их помощью можно не только группировать респондентов, но и про-

гнозировать их статус, в частности переход к семейно-брачным отношениям. С этой целью для каждого респондента рассчитываются значения по каждой функции. Величина значения служит основанием принятия решения о соответствии показателей данного респондента признакам той или иной статусной группы, что, в свою очередь, дает возможность отнесения его по исследуемым данным к соответствующей статусной группе.

Проводился поиск таких функций, которые бы максимально предсказывали долю респондентов, отнесенных к категории зарегистрированного брака. По результатам анализа, были получены классификационные функции, позволяющие отнести респондентов к группам с разным статусом отношений. Переменные, входящие в состав классификационных функций, на наш взгляд, являются предикторами, так как с их помощью можно прогнозировать переход молодых людей к семейно-брачным отношениям.

Качество классификационных функций оценивается на основе анализа матрицы классификации, которая содержит число (процент) респондентов, корректно (правильно) классифицированных – попавших в свои статусные группы, т. е. в группы, к которым они фактически относятся. В данном случае важен процент отнесения респондентов к категории супружеских пар, так как он свидетельствует о наличии у респондентов, отнесенных к данной группе, личностных особенностей, свойственной этой группе. Отнесение респондентов, состоящих в романтических отношениях и отношениях зарегистрированного брака (сожительства), к категории супружеских пар может говорить о перспективности их перехода в данный статус. В частности, применительно к задаче исследования – выявлению предикторов перехода респондентов к семейно-брачным отношениям, эти значения являются основанием прогноза их перехода из групп с добрачным статусом отношений к отношениям зарегистрированного брака.

Полученные в результате дискриминантного анализа классификационные функции (предикторы) статистически значимы (значение лямбда Уилкса равно 0,839, значение F-статистики с числом степеней свободы (10,666) равно 6,09, уровень значимости (p) F-критерия меньше 0,0000).

Анализ классификационных функций показал, что наиболее значимыми (относительно других статусных групп) для отнесения респондентов к категории романтических отношений являются показатели Намерений в нематериальной сфере (Я НМ), для отнесения к категории отношений сожительства – Ценность Власти (ЦВ) и Убеждение в справедливости окружающего мира (Спр.), а к категории супружеских – Намерения в материальной сфере (Я М) и Убеждение в ценности собственного «Я» (СО). Другими словами, партнеры, состоящие в романтических отношениях, готовы отдать друг другу больше нематериальных и меньше материальных ресурсов, по сравнению с другими парами.

Для сожительствующих партнеров, по сравнению с другими респондентами, более значима ценность Власти, у них также более выражено Убеждение в справедливости окружающего мира, но менее выражено Убеждение в ценности собственного «Я».

Для респондентов, состоящих в зарегистрированном браке, по сравнению с другими респондентами, более всего выражено Намерение поделиться ма-

териальными ресурсами и Убеждение в ценности собственного «Я». Для них менее значима ценность Власти, у них наименее выражено Намерение поделиться с партнером нематериальными ресурсами и Убеждение в справедливости окружающего мира.

Классификационная функция для отнесения респондентов к категории супружеских пар имеет вид:

$$F3=0,50*Я М+3,54*Я НМ+1,48*ЦВ+1,35*СО+0,66*Спр.–29,15.$$

Анализ матрицы классификаций показал, что максимальный процент корректных (правильных) совпадений (82,6%) наблюдается у пар, состоящих в супружеских отношениях, что свидетельствует о высокой диагностической способности выявленных личностных показателей для данного типа отношений.

Вместе с тем 50,0% респондентов, состоящих в отношениях сожительствва, и 52,2% респондентов, состоящих в романтических отношениях, отнесены к категории супружеских отношений, что говорит о правомерности рассмотрения намерений (в материальной и нематериальной сфере), а также личностных особенностей – ценностей и базисных убеждений в качестве предикторов перехода к супружеским отношениям.

Таким образом, в результате исследования установлено, что предикторами перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям являются Базисные убеждения (в справедливости окружающего мира и ценности собственного «Я»), Готовность поделиться с партнером материальными и нематериальными ресурсами, а также ценность Власти – социальный статус, доминирование над людьми и ресурсами.

Заключение

В результате исследования были выявлены личностные особенности молодых людей, состоящих в близких партнерских отношениях разного статуса (отношения регулярных встреч без совместного проживания, незарегистрированный брак, или сожителство, зарегистрированный брак). С помощью множественного линейного пошагового дискриминантного анализа выявлены личностные особенности, выступающие в качестве предикторов перехода от добрачных отношений к семейно-брачным. Результаты дискриминантного анализа свидетельствуют, что исследуемые показатели являются надежными предикторами готовности партнеров к переходу к семейно-брачным отношениям. *Практическая значимость* результатов исследования состоит в том, что они могут быть использованы для научного обоснования практических рекомендаций для руководителей и специалистов, занимающихся поддержкой и развитием института семьи в современном российском обществе, а также в практике индивидуального и семейного консультирования. *Перспективы* дальнейших исследований авторы связывают с выявлением и анализом личностных особенностей мужчин и женщин, состоящих в близких отношениях разного статуса, которые могли бы также послужить предикторами готовности партнеров к переходу к семейно-брачным отношениям.

Литература

- Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб., 2004.
- Падун М. А., Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 4. С. 98–106.
- Поддубный С. Е., Позняков В. П. Методика диагностики намерений и ожиданий в ситуации социального обмена с партнером по близким эмоциональным отношениям // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 4. С. 178–202.
- Поддубный С. Е., Позняков В. П. Личностные особенности мужчин и женщин, партнеров в парах с разным статусом близких отношений // Методология современной психологии. 2023. № 18. С. 335–342.
- Позняков В. П., Поддубный С. Е., Панфилова Ю. М. Личностные факторы перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям: замысел и программа эмпирического исследования // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 3 (126). С. 144–150.
- Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.И. Ляшенко, В.Е. Иноземцева, Д.В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Рукавишников А. А. Опросник межличностных отношений. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1992.
- Универсальная психодиагностическая система «Мультитсихометр»: Метод. руководство. Т. 1. М.: ООО «Информационные психотехнологии», 2014.
- Poznyakov V. P., Poddubny S. E., Panfilova Yu. M. Personality features that contribute to transition of young people from unregistered marriage to marital relations // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2023. 20 (2). P. 229–243. doi: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-229-243.

Personal predictors of the transition of young people to family and marriage relations

V. P. Poznyakov*, S. E. Poddubny**

* ScD (psychology), professor, leading research fellow, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, pozn_v@mail.ru

** candidate of psychological sciences, associate professor, associate researcher at the Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, serpodd@mail.ru

The results of the study of the personal characteristics of young people, men and women, partners in couples of close relationships of different status are presented. As a result of the study, it was possible to identify and analyze personal characteristics that act as predictors of the transition of young people from premarital relationships (relation-

ships of regular meetings without cohabitation and relationships of unregistered marriage) to marital relations. Multiple linear step-by-step discriminant analysis was used to find personality predictors. The results of the discriminant analysis indicate that the studied indicators are good predictors of the partners' readiness to transition to marital relations.

Keywords: social psychology, personality, close relationships, partnership, romantic relationships, unregistered marriage, official marriage, marital relations.

К проблеме разработки единого языка описания механизма развития индивидуального и коллективного субъекта*

А. В. Сухарев

доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии
РАН, Москва, Россия, zavor753@mail.ru

Представлен анализ результатов теоретических, эмпирических и экспериментально-психологических исследований развития индивидуального и коллективного субъекта с позиций философско-антропологической концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса. Операционализация данной методологии для психологической науки позволяет обосновать предположение, что механизмом повышения уровня развития и степени адаптированности индивидуального и коллективного субъекта может являться степень этноинтегрирующего синтеза хаотизирующих компонентов архаики и космоизирующих компонентов премодерна и модерна.

Ключевые слова: этнофункциональный подход, развитие, адаптация, хаос, космос, архаика, премодерн, модерн.

Введение

Разработка единого языка описания развития индивидуального и коллективного субъекта, исходя из имеющихся теоретических и экспериментальных положений современной психологической науки, на наш взгляд, вряд ли может быть продуктивной и способствовать получению неочевидных, ранее неизвестных результатов. Во-первых, несмотря на философско-методологическую (*парадигмальную*) общность подходов в исследовании индивидуального и коллективного субъекта, нарастающая специализация научного знания, теоретические инструменты и понятийный аппарат психологии личности и социальной психологии существенно различаются. Во-вторых, философско-методологическая общность данных подходов все же остается в рамках достаточно давно устоявшейся парадигмы, предполагающей использование вполне определенных объяснительных моделей. В исследованиях отмечается, что имеющаяся парадигма в социальной психологии уже не в состоянии отвечать вызовам времени и получать действительно новые результаты, так необходимые *в условиях современного системного кризиса* (Шихирев, 1993). Как отмечал П. Н. Шихирев,

* Работа выполнена по Госзаданию № 0138-2021-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

для разработки новой парадигмы, помимо прочих условий, необходима новая базовая наука как источник объяснительных моделей (там же). При этом в качестве единицы психического в новой парадигме он предлагал использовать понятие *психического образа* (там же). В философском смысле мы понимаем образ как отграниченную часть пространства – материального, психического, трансцендентного, виртуального и пр.

В связи со сказанным выше целью настоящей статьи была разработка теоретико-методологических оснований единого психологического языка для описания и прогноза развития *образной сферы* (термин А. А. Гостева) индивидуального и коллективного субъекта (или «языка описания развития субъекта»).

Теоретико-методологические и эмпирико-экспериментальные основания исследовательского подхода

Для нашего исследования существенно представление о развитии системы представлений или образной сферы субъекта, имеющей регулятивную функцию в его поведении (А. А. Гостев, А. Ф. Ломов и др.). Субъект рассматривается в качестве *индивидуального* (личность) и *коллективного* (общество) (Журавлев, 2009), а образная сфера субъекта – как основа его *ментальности*.

На индивидуальном уровне привычная для нас в психологии и психиатрии *естественно-научная* парадигма (где базовыми являются биологические науки – физиология, нейронаука и пр.), все психические явления и процессы достаточно успешно редуцирует к процессам биохимическим, нейронным и пр., например, на основе аналогий нейронных и психических процессов. При возникновении проблем, связанных с социогуманитарными вызовами, помимо попыток математического моделирования социальных процессов, попытки объяснения их причин с позиций физиологии, генетики и пр. нельзя считать вполне удовлетворительными (Э. Геккель, В. М. Бехтерев, И. П. Павлов, Л. А. Орбэли, А. И. Карамян, Э. Кандель и др.).

В области социальной психологии правомерно рассматриваются ее *гуманитарно-философские* основания начиная от взглядов Платона, Аристотеля, Гегеля, вплоть до О. Конта, Э. Дюркгейма и современных ученых. Важно, что новая парадигма должна иметь, прежде всего, гуманитарную формулировку, допускающую, конечно, формализацию и использование математического описания и моделей.

Для достижения цели, сформулированной в начале статьи, на философском уровне мы исходим, прежде всего, из *принципа единства микро- и макрокосма*. На основе данного принципа был разработан ряд философских и социально-философских концепций (Н. Кузанский, Г. Лейбниц, Г. Спенсер и др.). В истории психологии наиболее известным *гуманитарным* походом, проливающим свет на возможность существования единого психологического языка описания развития индивида и общества, является психоанализ. Работы в данном направлении представлены как самим З. Фрейдом, так и его последователями – К. Юнгом, Ж. Деверо, К. Леви-Строссом, Э. Эриксеном, Т. Хаусшильдом и др. Центральным психическим образом в психоанализе был Эрос и позднее – Танатос (влечение к смерти). В русле античных философских основ западноев-

ропейской науки (П. П. Гайденко и др.) Фрейд рассматривал Эрос и смежные образы как энергизирующий компонент поведения субъекта.

С одной стороны, *гуманитарные науки* в качестве группы базовых для новой парадигмы необходимы потому, что они в значительной мере оперируют образами, играющими регулятивную роль в поведении гуманитарных систем. С другой стороны, для решения задач социальной психологии должны использоваться гуманитарные «теории среднего уровня» (Р. Мертон), являющиеся промежуточными между частными теориями для повседневных исследований и общими философско-методологическими конструкциями. В качестве таких базовых наук мы использовали *этнологию* и *культурологию*, в процессе синтезирования которых с психологической наукой была разработана *этнофункциональная методология* в психологии, явившаяся первым шагом в разработке новой парадигмы (Сухарев, 2008; и др.). С позиций этнологии *этничность* характеризует человека и общество по максимально широкому спектру параметров: ландшафтно-климатическим, антропо-биологическим, культурно-психологическим и др. (Ю. В. Бромлей, Л. Н. Гумилев, В. И. Козлов).

В рамках этнофункционального подхода в психологии произвольные психические образы наделяются *этнической функцией: этноинтегрирующей и этнодифференцирующей*, которыми наделяются природно-географические, религиозно-мифологические и др. представления, а *нейтральной функцией* наделяются естественно-научные и абстрактные общепсихологические представления. *Этническая функция культуры* – понятие, использовавшееся в *этнологии* и *культурологии*. В нашей концепции этнической функцией наделяются не только явления культуры, но и природно-ландшафтные, антропо-биологические и трансцендентные представления (мифологические и религиозные). Также здесь постулируются методологические принципы *этнофункциональной системности, развития, детерминации и субъектности*, на основании которых осуществлены развернутые эмпирические и экспериментальные доказательства концепции в области общей, педагогической, клинической, криминальной и др. областях психологии в различных возрастных группах, а также в области исторической психологии (Сухарев, 2008, 2017; и др.). Особое значение мы придаем экспериментальным результатам, подтверждающим обусловленность повышения показателей уровня нравственности и уровня репродуктивного и креативного интеллекта в процессе этнофункциональной психотерапии (Сухарев и др., 2019; Сухарев, Чулисова, 2013; и др.). Этнофункциональный подход позволяет системно и в развитии описывать субъекта и его ментальность, выявлять *ранее неизвестные* признаки и предикторы поведения субъекта и искажений его развития в широком диапазоне – в области психического и психосоматического здоровья, криминального поведения, изменения показателей уровня интеллекта, нравственности и пр. Например, в качестве признаков и предикторов могут выступать: этническая функция ландшафтно-природных, мифологических и религиозных представлений, субъективно воспринимаемый возраст возникновения первых представлений о природе и др. Именно получение спектра новых, эмпирических, экспериментальных и *ранее неизвестных* и даже *парадоксальных* результатов на совершенно новом теоретико-методологи-

ческом основании является подтверждением того, что данный подход может иметь *парадигмальный* характер (Т. Кун).

Следующий шаг в разработке настоящей парадигмы был обусловлен тем, что полученные результаты часто имели *междисциплинарное* значение. В частности, в исторической науке применение данного подхода было осуществлено совместно с В. В. Мильковым и Р. А. Симоновым (Сухарев, 2017, с. 116–137; и др.), в области психиатрии совместно с И. Л. Степановым, Е. А. Брюном (Сухарев, 2008, с. 177–193, 193–207, 249–259, 329–363; и др.), в области антропологии с Н. И. Халдеевой (там же, с. 125, 148) и в других науках о человеке. В связи с этим возникла проблема разработки единой концепции для описания и прогноза поведения субъекта в различных, как *психологических*, так и *не психологических*, сферах его жизнедеятельности. Такой философско-антропологический подход был сформулирован как концепция *этнофункционального синтеза хаоса и космоса* (Сухарев, 2022). При ее разработке мы исходили из необходимости выбора наиболее обобщенных базовых понятий. Научные понятия хаоса и космоса, как показывают исследования, являются максимально обобщенными — помимо античной философии они в той или иной форме представлены во всех известных культурах (Е. М. Мелетинский, С. А. Токарев, А. А. Маслов, М. А. Можейко и др.). Важным моментом в современной науке о хаосе и космосе является представление об их взаимодействии как *хаосе и порядке* (И. Р. Пригожин, В. П. Бранский, В. С. Степин и др.). Если в естественнонаучной области И. Р. Пригожин писал о возникновении порядка из хаоса применительно к природным системам, то В. П. Бранский выдвинул совершенно новое радикальное положение — о *синтезе хаоса и порядка*, которое он применил в социально-гуманитарной сфере, а именно к структуре общества. Данный синтез он понимал как телеологический идеал и в то же время условие развития общества, например, как одновременное наличие в социуме конструктивных (порядок) (образование, идеологических институтов) и деструктивных элементов (хаос), т. е. увеселительных заведений и т. п.

С наших позиций, для социогуманитарных систем необходим учет образных компонентов ментальности, имеющих регулятивную функцию для субъекта. Тогда редуцированное представление о хаосе (деструкция) и порядке, может быть рассмотрено в виде соотношения хаоса и космоса, включающих не только их динамические характеристики, но также их представления (образы): мифологические, религиозные, научные. Тогда формула «синтез хаоса и порядка» будет выглядеть как «*синтез хаоса и космоса*». При этом собственно синтез, понимаемый в качестве идеала и смысла развития, в данной формуле можно обозначить как *Логос* (Гераклит, Филон Александрийский, П. А. Флоренский и др.).

На основании принципа единства микро- и макрокосма и результатах психологических исследований индивидуального субъекта с позиций этнофункционального подхода, была предпринята попытка формулирования базового универсального тезауруса для описания развития как индивидуального, так и коллективного субъекта с позиций концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса. Для этого, помимо расширенного понимания этнологического понятия этнической функции, были использованы культурологические

представления о соотношении понятий «архаика» и «модерн». В культурологии ментальность *архаики* характеризуется геолокальностью и трактуется как приоритет природы, магического мышления, родовых отношений (Л. Леви-Брюль). Архаике традиционно противопоставляется ментальность *модерна*, характеризующаяся приоритетом научного знания, верой в технологический прогресс, регламентацией бытия, тенденцией к универсализму и т. п. (У. В. Болотова, Р. Бульман, Э. Гидденс и др.). Мы также вводим представление о ментальности *премодерна*, характеризующей приоритет мировых религий (христианство, мусульманство и др.). Современную ментальность *постмодерна* мы понимаем как *электику* компонентов архаики, премодерна и модерна, порождающую нравственную безосновность (Э. Гидденс и др.).

С позиций концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса, наиболее выраженной этнической функцией наделен компонент архаики (природно-ландшафтные, природно-анимистические и др. представления). В то же время данный компонент наделен выраженной *хаотизирующей* функцией. Относительно *космизирующей* функцией наделен компонент премодерна (религиозные представления мировых религий) и наиболее выраженной космизирующей функцией наделен компонент модерна (научные представления). В данной структуре понятий, в частности, компонент премодерна, по отношению к модерну, также наделен относительно хаотизирующей функцией и т. д.

Степень синтеза компонентов ментальности можно операционализировать. Например, применительно к образной сфере индивидуального субъекта относительно низкая степень синтеза может характеризоваться отсутствием в его ранних воспоминаниях этноинтегрирующих сказочно-анимистических и религиозных представлений (вторичных образов), а более высокая степень – их наличием. В частности, исследования показывают, что низкая степень синтеза может обуславливать различные проявления психической, психосоматической, социально-нравственной и др. дезадаптированности. В наших исследованиях показано, что повышение выраженности компонента постмодернизма в целом играет дезадаптирующую роль и препятствует *психологическому созреванию* (А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко) субъекта (Сухарев, 2008, 2022; и др.).

Важным теоретико-экспериментальным результатом было выявление *системообразующей* роли этноинтегрирующих природных и природно-анимистических (т. е. архаических хтонических) представлений в развитии и степени адаптированности субъекта (Сухарев, 2008, 2022; и др.). В продолжение европейской научной традиции мы ориентируемся здесь на базовые космогонические представления о первопотенциях хаоса (А. Ф. Лосев). В отличие от центрального психоаналитического представления об Эросе, в качестве определяющей поведение субъекта в нашей концепции обоснована роль этноинтегрирующих хтонических представлений – образов природы, флоры, фауны, мифологических образов, олицетворениях природных стихий и явлений (там же). Важным отличием от «эротической» энергии в психоанализе является то, что хтонические представления помимо их энергизирующей роли геолокальны (природно специфичны), т. е. направленность энергии субъекта в существенной мере определяется их этнической функцией.

Результаты исследований ментальности коллективных субъектов

Также были осуществлены исследования на уровне коллективного субъекта, прежде всего в рамках *гуманитарного подхода*. Был осуществлен сравнительный анализ развития ментальности русского, китайского, латиноамериканского, немецкого, английского и французского коллективных субъектов. Результаты исследования показали определяющую роль этноинтегрирующей архаики как необходимой основы для повышения степени синтеза всех компонентов ментальности субъекта и связь этого повышения с *непсихологическими* показателями социально-гуманитарного и социально-экономического развития соответствующих стран (Сухарев, 2017, 2022, с. 184–233; и др.).

Был осуществлен ряд сравнительных *эмпирических* исследований ментальности коллективных субъектов различных стран мира. Во-первых, сопоставление результатов гуманитарных исследований и математического анализа эмпирических данных показало их взаимную дополнительную и непротиворечивость. Во-вторых, было установлено, что имеет место аналогия между связью повышения степени синтеза этноинтегрирующей архаики, преמודерна и модерна (хаотизирующих и космизирующих компонентов) и повышением уровня *психологической и непсихологической адаптированности* индивидуального и коллективного субъекта. Данная аналогия проявилась, в частности, в том, что в странах с самыми высокими темпами социально-экономического развития в интернет-запросах наиболее приоритетной была тема «Знание» (характеристика модерна), по сравнению с темой «Бог» (характеристика преמודерна) и темой «Природа» (характеристика архаики) (Сухарев, 2021, 2023; и др.). При этом на индивидуальном уровне было показано, что повышение степени синтеза этноинтегрирующих компонентов архаики и преמודерна обусловило повышение уровня репродуктивного и креативного интеллекта (Сухарев и др., 2019). На коллективном уровне в качестве условного показателя интеллекта мы рассматривали качество госуправления (Сухарев, 2021, 2023).

Также были получены результаты эмпирических компаративных исследований качества элит, воспроизводства населения, заболеваемости и др. у коллективных субъектов разных стран, подтверждающих положение о роли степени синтеза этноинтегрирующих компонентов архаики, преמודерна и модерна в повышении уровня психологической адаптированности и *психологической зрелости* коллективного субъекта. В целом исследования показали, что представления архаики играют существенную роль в развитии коллективного субъекта.

Заключение

Таким образом, был подведен краткий итог исследований развития ментальности индивидуального и коллективного субъекта с позиций концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса. Исследования показали, что в качестве единого языка описания развития и степени адаптированности индивидуального и коллективного субъекта может быть предложена модель, опирающаяся на компоненты архаики, преמודерна и модерна в его ментальности с учетом их этнической, хаотизирующей и космизирующей функций. При этом в ка-

честве механизма повышения степени адаптированности и уровня психологической зрелости субъекта может рассматриваться этноинтегрирующий синтез данных компонентов, как операционализация концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса. Для прикладных целей выделены показатели степени данного синтеза.

Литература

- Бранский В. П.* Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // *Общественные науки и современность.* 1999. № 6. С. 117–127.
- Журавлев А. Л.* Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // *Психологический журнал.* 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
- Сухарев А. В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Сухарев А. В.* Развитие русской ментальности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Сухарев А. В.* Эмпирическое компаративное исследование ментальности России и стран с различными показателями уровня и темпов социально-экономического развития // *Вестник славянских культур.* 2021. Т. 62. С. 120–128. doi: 10.37816/2073-9567-2021-62-120-128.
- Сухарев А. В.* Развитие субъекта: Логос, космос и хаос. М.: Когито-Центр, 2022.
- Сухарев А. В.* Анализ взаимосвязи социально-психологических и социально-экономических характеристик стран мира с позиций концепции синтеза хаоса и космоса // *Ученые записки Института психологии Российской академии наук.* 2023. Т. 3. № 1. С. 33–44. doi: 10.38098/proceedigs_2023_03_01_04.
- Сухарев А. В., Чулисова А. П.* Этнофункциональная коррекция образной сферы личности осужденных за насильственные преступления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Сухарев А. В., Тимохин В. В., Выдрин Е. А., Шапорева А. А.* Роль значений этнической функции представлений личности в изменении показателей уровня интеллекта // *Экспериментальная психология.* 2019. Т. 12. № 2. С. 47–60. doi: 10.17759/exppsy.2019120204.
- Шихирев П. Н.* Эволюция парадигмы в современной социальной психологии: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1993.

On the problem of developing unified language for describing the mechanism of development of an individual and collective subject

A. V. Sukharev

doctor of psychology, professor, leading researcher at the Laboratory of Social and Economic Psychology of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, zavor753@mail.ru

The paper presents an analysis of the results of theoretical, empirical and experimental psychological studies of the development of an individual and collective subject from the standpoint of the philosophical and anthropological concept of the ethno-functional synthesis of chaos and cosmos. The psychological operationalization of this method-

ology allows us to substantiate the assumption that the mechanism for increasing the level of development and the degree of adaptation of an individual and collective subject may be the degree of ethno-integrating synthesis of chaotic components of archaic and cosmizing components of premodern and modern.

Keywords: ethno-functional approach, development, adaptation, chaos, cosmos, archaic, premodern, modern.

Интегративный подход в исследовании полузакрытых учебных групп: обоснование и концептуальные представления*

С. В. Тарасов, Т. В. Дробышева***

* магистр психологии, аспирант, младший научный сотрудник, лаборатория социальной и экономической психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия. sementarasovvas@gmail.com, tarasovsemv@ipran.ru

** доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория социальной и экономической психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия, drobyshevav@ipran.ru

Приводятся результаты теоретического исследования интегративного подхода с целью его применения в изучении социально-психологического феномена – полузакрытая учебная группа. В работе изложены концептуальные представления авторов о полузакрытой группе, приводятся критерии, признаки полузакрытости. Раскрывается понятие полузакрытой учебной группы. Приведены критерии дифференциации «открытой—полузакрытой—закрытой» группы. Изложены обобщенные результаты цикла эмпирических исследований, выполненных на полузакрытых группах. Намечены перспективы развития исследований в направлении формирования предметного поля психологии полузакрытых групп.

Ключевые слова: интегративный подход, целостность, системность, полузакрытые учебные группы, межличностные отношения, суверенность психологического пространства, групповая рефлексивность.

Введение

Проблемы исследования полузакрытых учебных групп (к ним относят учеников кадетских корпусов, спортивных и хореографических училищ, православных школ и гимназий и т. п.), чаще всего становятся предметом изучения таких отраслей психологии, как педагогическая, психология личности и развития (возрастная) (Джумаев, Пронина, 2018; Уманская и др., 2019; и др.). Отдельные вопросы социализации личности в условиях полузакрытых групп рассматриваются и с позиции социальной психологии (Левченко, Станоева, 2020; Перченко, 2019; и др.). Однако и в этом случае специалисты акцентируют внимание прежде всего на личностных характеристиках учащихся, в то время как групповые

* Работа подготовлена в рамках Государственного задания № 0138-2023-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

феномены остаются вне их интересов. Такая ситуация во многом объясняется недостаточной разработанностью теоретико-методологических оснований для проведения подобных работ, отсутствием единых критериев в выделении границ полузакрытой группы, определением ее свойств, трудностью описания признаков полузакрытости, а также сложившимся подходом к трактовке «закрытой группы» с позиций ограничения физического пространства личности и т. п. Напомним, что в последнем случае объектом изучения становятся воспитанники интернатов для «социальных» и реальных сирот, несовершеннолетние правонарушители (Кондратьев, 2005, 2011; и др.).

В направлении решения вышеперечисленных проблем наиболее важной задачей, по нашему мнению, является выбор и обоснование теоретико-методологического подхода в изучении феномена «полузакрытая группа» и формулирование на его основе концептуальных представлений. Решение данной задачи стало основанием для *цели* теоретического исследования — обосновать целесообразность применения интегративного подхода для изучения свойств полузакрытой учебной группы и на его основе сформулировать концептуальные представления.

Обоснование применения интегративного подхода в исследовании конкретного социально-психологического феномена

Предваряя изложение концептуальных представлений в изучении полузакрытой учебной группы, следует обосновать выбор интегративного подхода как общенаучного методологического основания в исследовании конкретных свойств полузакрытой учебной группы, особенности его применения в области психологии. Как и большая часть сформировавшихся в психологической науке подходов, интегративный происходит из философской науки. Философы отмечают, что сутью данного подхода на уровне общенаучной методологии выступает интеграция как процесс выстраивания сущностных связей между различными элементами, ориентированных на целостность как результат. Онтологически интегративный подход стоит на принципе холизма — целое есть всегда большее чем простая сумма его частей. Гносеологической основой данного подхода выступает ориентация на согласованность как на критерий истинности (Сычев, 2013). «Между частями целого существует не простая суммативная зависимость, а система разнородных связей: горизонтальных, вертикальных, структурных, генетических, функциональных, каузальных и следственных. В этом случае любой объект может рассматриваться как часть и как целое, т. е. с точки зрения его положения в системе, элементом которой он является, и с точки зрения его внутренней структуры» (там же, с. 100). Также исследователями отмечается, что интегративные исследования обладают рядом общих характеристик: прикладной направленностью, проблемной ориентированностью, междисциплинарностью, необходимостью учета гуманитарных и экологических последствий применения новых знаний и т. д.

На уровне общепсихологической методологии истоки интегративного подхода лежат в традициях и работах Ленинградской психологической школы.

Опираясь на комплексный подход Б. Г. Ананьева, его принципы целостности и мультидисциплинарности в познании психологии человека, в 1980-е годы В. Н. Панфёровым был предложен интегративный подход к исследованию психологии человека и социального взаимодействия людей. Так же как и на общенаучном уровне, основной задачей исследователя выступила интеграция разных междисциплинарных и внутридисциплинарных подходов с целью построения комплексной и согласованной модели изучения психического (Панфёров, Безгодова, 2015). Его ключевые принципы – это целостность, холизм, т. е. несведение общего к отдельным элементам структуры, комплексность рассмотрения человека во множестве вариаций его отношений (субъект–субъект, субъект–объект, субъект–предмет и др.), динамичность структуры, полидетерминация, синтез не только психологических парадигмальных оснований, но и включение философских, экономических, политических и т. д., отвечающих задачам исследователя.

Применимость данного подхода в изучении социально-психологических феноменов будет заключаться в создании целостной и мультидисциплинарной модели, включающей для познания психологии групп и коллективов не только психологические теории и концепции, описывающие их становление и развитие, но также учет имеющихся подходов к изучению личности в коллективе, теорий развития личности, социологических теорий, направленных на описание групп, философских и образовательных подходов. По отношению к полузакрытым учебным группам интегративный подход, по нашему мнению, будет состоять в объединении положений системного, субъектно-деятельностного, системно-субъектного, метакогнитивного, социогенетического и персонологического подходов. Качественным наполнением будет служить синтез идей, рассматриваемых в концепциях системной детерминации психики и деятельности, совместной деятельности, организованности, надежности и свободы группы, коллективного/группового субъекта, динамической функциональной структуры личности, суверенности психологического пространства. А также представления об образовательной, организационно-образовательной среде и социально-психологическом феномене «закрытости».

Полузакрытая учебная группа как предмет социально-психологического исследования: концептуальные представления

Полузакрытая учебная группа понимается нами как сообщество людей (учеников), формирующееся на основе их принадлежности к определенному типу образовательных учреждений (чаще всего с ранней профессиональной направленностью). Характерными признаками полузакрытой группы, с нашей точки зрения, являются ее объективные (специфика организационно-образовательной среды) и субъективные (социальная идентичность, высокая мотивация принадлежности к ней членов группы, общность ценностей и др.) характеристики. Дифференцируя данный тип групп от открытого и закрытого, в качестве критерия рассматривают степень свободы принятия решения любым членом группы о своей принадлежности к ней, при условии добровольного

принятия и соблюдения строгих внутригрупповых (внутриорганизационных) правил (устав, распорядок дня, стиль отношений, предписания и т. д.). «Полузакрытые» группы (воспитанники кадетского корпуса, спортивная команда, курсанты военного вуза, послушники духовной семинарии и др.), в отличие от «открытых», отличаются ограничениями входа и выхода из группы. Вход в группу носит добровольный характер, так как группа является референтной для личности, а цели и задачи групповой деятельности соответствуют интересам и потребностям личности в актуальный период ее развития. Однако он затруднен тем, что потенциальный член группы также должен соответствовать требованиям этой группы, т. е. обладать набором знаний, умений, навыков и способностей, необходимых для выполнения поставленных задач. В первую очередь речь идет о специальных (парциальных) способностях (музыкальных, хореографических, физических, духовных и т. п.). В процессе вступительных экзаменов потенциальный член группы проходит ряд «испытаний» для подтверждения соответствия его способностей и возможностей целям и задачам деятельности группы. Кроме собеседования и общеобразовательных предметов он сдает специальные (знание Библии, гибкость, пластичность, физическую подготовленность и т. п.). Выход из полузакрытой группы осложнен, но также является добровольным. Трудность выхода зависит от разных факторов: внутренних (психологических) и внешних (социальных) обязательств личности перед группой, нежелания группы лишиться своего члена, сложности самой процедуры выхода по финансовым и др. причинам. В данных группах, как и в «закрытых» (реальные и социальные сироты, несовершеннолетние преступники, заключенные исправительных учреждений и т. д.), предписания жестко закреплены в виде устно и письменно оформленных правил и норм поведения, которые не предполагают какого-либо отклонения от них членов группы. Заметим, что полузакрытые и закрытые группы имеют сходство по критериям: иерархичности и ригидности групповой структуры, доминирования императивного стиля общения.

Основываясь на данном определении и критериях дифференциации, можно предположить, что учебные группы полузакрытого типа и члены этих групп будут обладать спецификой проявления индивидуальных, социально-психологических и групповых характеристик.

Таким образом, основные принципы интегративного подхода находят место и в исследовании психологии полузакрытых групп. Принцип целостности проявляется в подходе к группе как к коллективному субъекту. Принцип комплексности позволяет рассмотреть не только группу как субъект деятельности, но и субъект-субъектные отношения членов группы, субъект-объектное и предметное взаимодействие, субъект-средовые отношения, проявляющиеся как на уровне адаптации, идентичности личности, так и динамики группы. Принцип множественности, «наложения» детерминант проявляется в том, что на формирование и дальнейшее развитие группы влияют индивидуальные (психофизиологические и психофизические характеристики), социально-психологические (личностные и групповые характеристики), организационные и макрофакторы (пандемии, войны, экономические, политические кризисы и т. д.).

Результаты исследований полузакрытых учебных групп с позиций интегративного подхода

Обобщая цикл наших исследований, выполненных в рамках авторской концепции полузакрытых учебных групп, отметим, что они были направлены на изучение специфики межличностных отношений учащихся полузакрытых групп, социально-психологических факторов суверенности психологического пространства и групповой рефлексивности. Результаты исследования межличностных отношений показали, что у кадетов более выражены показатели волевой и эмоциональной саморегуляции поведения. Для них характерно переживание внутриличностного конфликта, порождаемого противоречием между необходимостью соблюдать задаваемые извне строгие правила и нормы поведения в образовательном учреждении и личными интересами учащихся. Дружеские отношения в исследованных группах кадетов отличаются более удаленной дистанцией, их представления о товариществе менее эмоционально окрашены (Дробышева и др., 2018). Сопоставляя полученные данные с результатами других авторов, заметим, что данная специфика порождается организационно-образовательной средой кадетского корпуса. В частности, в процессе воспитания учеников, основанном на традициях отношения «командир—кадет», уважения и подчинения, выражения собственного мнения и учета мнений товарищей, привития с раннего возраста чувства ответственности за свои поступки, ответственности за товарищей и др. (Додова, Константиныди, 2015; Юдин, 2011). Основанием для исследования факторов суверенности психологического пространства учащихся полузакрытых учебных групп выступило предположение о переживании угрозы безопасности психологического пространства в условиях организационно-образовательной среды кадетского корпуса (ограничение свободы личности в самовыражении, выборе окружения, отсутствие возможности побыть одному, навязывание общности формы одежды и т.д.). Результаты наших исследований показали, что кадеты в большей степени, чем члены открытых групп, переживают депривацию суверенности психологического пространства. Они позволили расширить понимание проблемного поля путем выделения социально-психологических факторов суверенности – личностных (мотивация обучения, образ группы, ценностные ориентации) и групповых характеристик (сплоченность, структура группы, групповые нормы) (Дробышева и др., 2020; Тарасов, Дробышева, 2021).

Развивая сформулированный в стенах нашей лаборатории подход к группе как субъекту совместной деятельности (Журавлев, 2009), было выполнено исследование группового свойства – рефлексивности. По нашему мнению, специфика его проявления имеет важное значение для характеристики полузакрытой группы наряду с вышеприведенными. В рамках этого подхода способность группы к саморефлексии рассматривается как наивысший уровень развития субъектности группы и отдельный ее тип, не всегда присущий тем или иным группам (там же). С позиции метакогнитивного подхода к личности рефлексивность трактуется как свойство, рефлексия – как процесс, а рефлексирование – как состояние; при этом все они являются тремя модусами одного и того же явления (Карпов, 2003). В рамках нашего подхода группо-

вая рефлексивность трактуется как способность группы на основе совместного критического осмысления прошлого опыта анализировать смысл групповой деятельности, оценивать групповые ресурсы и возможности, необходимые для построения плана групповой деятельности, реализации ее целей и задач (Дробышева, Тарасов, 2021). Проведенные исследования социально-психологических факторов групповой рефлексивности в группах открытого (учащиеся колледжей) и полузакрытого типа (учащиеся кадетских корпусов и православных гимназий) показали: группы полузакрытого типа обладают более выраженной групповой рефлексивностью, а ее социально-психологическими факторами – психологическая атмосфера и суверенность психологического пространства личности (Тарасов, 2023).

Заключение

Проведенный анализ показал, что интегративный подход включает разные уровни анализа – общенаучный, общепсихологический и конкретно-психологический. Основными его принципами являются холизм, целостность, динамичность структуры, полидетерминация, синтез не только психологических парадигмальных оснований, но и включение философских, экономических, политических и др. принципов. За счет этого возможно построение согласованной исследовательской модели, интерпретация и обобщение результатов изучения социально-психологических феноменов. Применение интегративного подхода в исследовании полузакрытых учебных групп состоит в синтезе теорий и концепций, отражающих не только групповой (коллективный субъект, организованность, надежность, свобода), но также личностный, социально-психологический, педагогический и социологический уровни познания. Проведенные на базисе данного подхода исследования специфики социально-психологических (личностных и групповых) характеристик полузакрытых групп позволили не только соотнести и дополнить уже имеющиеся результаты, но также и обозначить пути дальнейшего развития. К последним можно отнести исследование соотношения индивидуального и группового субъекта, развития групповой субъектности данного типа групп, эффективности совместной деятельности, организованности, надежности, рефлексивности, процессов рефлексии и саморефлексии.

Литература

- Джумаев Х. Ш., Пронина А. Н.* Особенности духовно-нравственных ценностей обучающихся православных гимназий и общеобразовательных школ // Психология образования в поликультурном пространстве. 2018. № 4 (44). С. 114–124.
- Додова Л. М., Константиныди Л. Ю.* Роль образовательной среды в личностно-психологическом становлении воспитанников кадетских корпусов // Евразийский союз ученых. 2015. № 6 (15). С. 54–56.
- Дробышева Т. В., Тарасов С. В., Сахарова Е. Ю.* Межличностные отношения подростков в разных условиях социализации (на примере кадетов и учащихся общеобразовательной школы) // Институт психологии Российской академии на-

ук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 4 (12). С. 108–127. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2018/t3-4/s18-04-06.html> (дата обращения: 02.06.2023).

Дробышева Т. В., Тарасов С. В., Войтенко М. Ю. Факторы суверенности психологического пространства личности в учебных группах полузакрытого типа (на примере учащихся военного вуза) // Ученые записки Курского государственного университета. 2020. № 4 (56). С. 307–317. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3837 (дата обращения: 02.06.2023).

Дробышева Т. В., Тарасов С. В. Подход к исследованию групповой рефлексивности: теоретические предпосылки и концептуальные представления // Вестник ВГУ. Сер. «Проблемы высшего образования». 2021. № 3. С. 21–25.

Журавлев А. Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.

Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 45–57.

Кондратьев М. Ю. Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб.—М.: Питер, 2005.

Кондратьев М. Ю. Специфика группообразования и отношений межличностной значимости подростков воспитанников интернатных учреждений для реальных и «социальных» сирот // Развитие личности. 2011. № 3. С. 94–110.

Левченко А. В., Станоева Ю. П. Особенности социально-психологической дезадаптации у воспитанников учреждений интернатного типа // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66 (2). С. 319–323.

Панфёров В. Н., Безгодова С. А. Методология интегрального синтеза в психологической науке // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 20–33.

Перченко Е. Л. Особенности социально-психологической адаптации курсантов с разным уровнем суверенности психологического пространства // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 7. С. 63–69. doi: 10.24411/2304-120X-2019-12027.

Сычев А. А. Философско-методологические основания интегративного подхода // Регионология. 2013. № 4 (85). С. 99–102.

Тарасов С. В., Дробышева Т. В. Суверенность психологического пространства личности в полузакрытой учебной группе: личностные и групповые факторы // Актуальная психология. Научный вестник. Ереван: ЕГУ, 2021. № 2 (9). С. 334–342. doi: 10.46991/SBMP/2021.4.2.334.

Тарасов С. В. Социально-психологические факторы групповой рефлексивности учебной группы (на примере групп открытого и полузакрытого типа) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 2 (66). С. 312–323. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4888 (дата обращения: 10.06.2023)

Уманская И. А., Тихомирова Е. В., Каменский П. И. Самоэффективность и совладающее поведение учащихся кадетского корпуса // Вестник Костромского государственного университета. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2019. Т. 25. № 1. С. 112–115

Юдин В. В. Кадетское образование: понятие, содержание, значение // Вестник ОГУ. 2011. № 11 (130). С. 247–254.

An integrative approach in the research of semi-closed study groups: rationale and conceptualisations

S. V. Tarasov, T. V. Drobysheva***

**master of psychology, postgraduate student, junior researcher, Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, tarasovsemv@ipran.ru*

***doctor of psychology, leading researcher, Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, drobyshevatv@ipran.ru*

The article presents findings from the theoretical study of integrative approach to study a socio-psychological phenomenon – a semi-closed study group. The authors describe their ideas about a semi-closed group and give criteria of semi-closure. The concept of a semi-closed study group is revealed. The authors explain the criteria for differentiating an “open—semi-closed—closed” group. Generalised results of a series of empirical studies carried out on semi-closed groups are described. Prospects for the development of research in the direction of the formation of the subject field of psychology of semi-closed groups are outlined.

Keywords: integrative approach, integrity, systematicity, semi-closed study groups, interpersonal relations, sovereignty of psychological space, group reflexivity.

Коллективные переживания: социально-психологические функции и механизмы формирования

С. В. Тихомирова

кандидат психологических наук, научный сотрудник, ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия, tihomirovasv@ipran.ru

В статье объясняются причины роста интереса научной психологии к проблеме коллективных переживаний, обоснована научная актуальность, даны авторские определения индивидуального переживания и коллективных переживаний. Основные социально-психологические функции коллективных переживаний: социальная сплоченность, формирование образа будущего, формирование и коррекция общественной морали, психотерапевтическая, прогностическая и регуляторная функции. Перечислены социально-психологические функции формирования коллективных переживаний: механизм групповой идентификации и социально опосредованные формы самосознания, зависимость от большинства, превращение из технологических платформ общения, опосредованного высокотехнологичными средствами, в особенную социальную среду.

Ключевые слова: коллективные переживания, большие группы, переживание как процесс, переживание как состояние, переживание радости.

Сегодня актуальность проблемы психологического переживания растет лавинообразно, при этом в последнее десятилетие рост числа научных публикаций по теме переживаний в мировой психологической науке превышает рост отечественных исследований. Это не значит, что интерес к различного рода переживаниям падает в отечественной психологии, просто для западной науки это более новая тематика, а в отечественной психологической науке переживание изучается более длительный период. Начало теоретического этапа развития категории переживание можно отнести к периоду 1930–1940-х годов, в первую очередь в трудах С.Л. Рубинштейна и Л.С. Выготского (Выготский, 2000; Рубинштейн, 2002). Однако сегодняшняя социальная реальность имеет особенности, и в рамках данного теоретического исследования мы обозначим только две самые главные. Во-первых, исследователи отмечают, что баланс индивидуального/социального в человеке сдвинулся в пользу социального. Современная личность подвергается сильнейшему влиянию со стороны больших групп и общества в целом. Порой это влияние можно назвать давлением, претерпевая которое личность уже страдает от нехватки защитных механизмов. Во-вторых, наблюдается уплотнение социального времени. Категория социального времени введена в научный обиход социологами Питиримом Сорокиным и Робертом Мертоном. Социальное время общества можно считать аналогом субъективно-

го времени личности. Социальное время не тождественно конвенциональному, договорному, которое отсчитывается колебаниями атома в Палате мер и весов. Оно измеряется насыщенностью временных интервалов, в которых активность людей создает общество. Насыщенность событиями и поступающей информацией растет благодаря двум факторам:

- 1) стремительно разворачивающемуся экономическому кризису и вызванной им социальной турбулентности;
- 2) техническому прогрессу, прежде всего развитию информационных технологий и социально-психологическим последствиям их применения.

Однако парадокс заключается в том, что, несмотря на растущие возможности получения и обработки информации, способность анализировать информацию, принимать адекватные решения и справляться с насущными проблемами человеку все сложнее. Высказываются мнения, что даже первобытный человек успешнее справлялся со своими жизненными задачами, по сравнению с современным. Все меньше времени остается на переживание события и обстоятельства личной и общественной жизни, и все больше времени требуют переживания коллективные. В связи с вышесказанным изучение коллективных переживаний приобретает особую важность.

В изучении индивидуальных переживаний мы пользуемся авторским определением: *переживание — это психический процесс проживания человеком субъективно значимых явлений окружающей среды и собственного внутреннего мира в единстве когнитивных, эмоциональных и конативных процессов, создающий уникальную субъективную картину мира человека и формирующий жизненный опыт, включающий более устойчивые психологические структуры личности: социальные установки, отношения, ценностные ориентации, представления, чувства, мировоззрение, духовно-нравственные ориентиры человека* (Тихомирова, 2020).

В научных исследованиях психологическое переживание можно рассматривать и как процесс, и как состояние. Выбор точки зрения зависит от того, что именно интересует исследователя в каждом отдельном переживании. У переживания есть предмет переживания, начало и есть конец. Если исследователю больше интересна динамика на протяжении всего переживания, то можно говорить о процессе переживания. Если же имеет место исследование всего переживания в целом, то мы говорим о состоянии переживания. Здесь уместна аналогия с физическими процессами, когда кипение воды можно рассматривать как процесс, и тогда можно выделять стадии. Например, формирование пузырьков, их всплытие, бурление и затухание. Если же внутренняя динамика не столь интересна, то рассматривается состояние кипения — вода кипит. То же самое при изучении эмоциональных переживаний болельщиков Олимпиады в Сочи в 2014 г., когда сначала изучалось состояние переживаний болельщиков в целом, а потом было предложено посмотреть динамику переживаний на протяжении всей Олимпиады, при этом наложив на одну шкалу времени уровень и модальность эмоциональных переживаний и событийный ряд.

Существуют два подхода к пониманию коллективных переживаний:

- коллективное переживание — это сумма индивидуальных переживаний членов большой группы;

— коллективные переживания — это разделяемые членами большой социальной группы переживания; в этом случае коллективные переживания являются надындивидуальными.

В наших теоретических и эмпирических исследованиях мы придерживаемся второго подхода.

Так же как и индивидуальное, коллективное переживание имеет предмет переживания, и каждое конкретное коллективное переживание ведет к формированию или коррекции более устойчивых социально-психологических свойств группы, а именно групповых ценностных ориентаций, убеждений, намерений или активностей, социальных представлений, социальных установок, мировоззренческих чувств и пр. Есть основания полагать, что коллективный опыт обладает большей устойчивостью, чем индивидуальный опыт, полученный в результате индивидуального переживания. Причина такой устойчивости заключается в надындивидуальной природе коллективных переживаний.

Социально-психологические механизмы формирования коллективных переживаний начали изучаться относительно недавно. Однако многое можно понять из теоретических положений Э. Дюркгейма о *коллективном сознании* (Дюркгейм, 1996): у человека существуют две формы сознания: индивидуальное сознание, которое опирается на индивидуальность и уникальность человека, и коллективное сознание, опирающееся на общие духовно-нравственные ценности, убеждения и верования, которые являются общими для группы или общества. Развивая эту идею, Б. Риме, профессор психологии Католического университета Левена в Бельгии, полагает, что две части сознания переживания, коллективная и индивидуальная, могут синхронизироваться в одном переживании (Rimé, 2019).

Индивидуальная составляющая сознания отвечает за поведение, контроль внимания, постановку целей, адаптивность и обработку информации. Коллективная составляющая сознания, по мнению Б. Риме, опирается на глубокие привязанности к членам семьи, друзьям и обществу. Из этих связей получают общественно принятые культурные знания. Наедине с собой человек пользуется индивидуальным сознанием.

Но если люди испытывают синхронность со значимой группой, то возникает состояние, которое Б. Риме описывает как выравнивание, и различие между собой и другими исчезает, и человек чувствует включенность и свою социальность.

Следующим похожим механизмом формирования коллективных переживаний можно назвать *зависимость от большинства*. Ряд социально-психологических экспериментов В. Мухиной (эксперимент с белой и черной пирамидками и др.) показал, что у людей есть потребность соглашаться с большинством, быть «как все». Возможно, так проявляется одна из граней врожденной человеческой социальности. В качестве испытуемых В. Мухина выбрала пятилетних детей и студентов. В эксперименте был только один человек, не знавший об условиях опыта, остальные участники были подставными, с которыми заранее договорились. В случае с малышами группа состояла из четырех человек, со взрослыми — из восьми. Мухина считала, что такого количества людей достаточно, чтобы убедить одного в любой, даже самой абсурдной мысли.

Еще одним механизмом можно было бы назвать эмоциональное заражение, но современные исследования показали, что этот механизм намного сложнее, чем его описал Г. Лебоном. Густав Лебон объяснял поведение человека в толпе как сходное с инстинктивным поведением животного, когда определяющими факторами являются импульсивность, потеря личности, неспособность обдумывать собственные действия, не критичность, повышенная чувствительность. Исследователь Michael Tomasello наблюдал за поведением детей человека и шимпанзе, он заметил, что человекообразные обезьяны разделяют умение ставить цели и добиваться результата с человеческими малышами, но животные не умеют ставить коллективные цели, а именно это умение позволяет людям сотрудничать и делиться психологическими переживаниями (Tomasello, 2019). Люди делятся эмоциями и мыслями и делают это разнообразными путями. Сегодня уже не получится объяснить этот обмен только низкоуровневыми процессами эмоционального заражения и неосознанного подражания, которые провоцирует анонимная толпа. Коллективные переживания могут объяснить многие события. Например, когда мы исследовали переживания болельщиков Олимпиады 2014 г. в Сочи, то наблюдали, как болельщики разделяли радость победы вместе со спортсменами-победителями, причем даже если никогда спортсмены и болельщики не встречались, даже если Олимпиаду болельщики смотрели по телевизору. Социально-психологический механизм коллективных переживаний радости заключается в идентификации себя с командой или страной, за которую выступает сборная олимпийская команда. Другое дело, если мы наблюдаем не болельщиков, а команду спортсменов, тогда радость победы после многих лет тренировок будет совершенно иной. В итоге очевидно, что механизмы эмоционального заражения и подражания недостаточны для объяснения коллективных переживаний радости или конфликта. Нам потребуется более *сложный социально-психологический механизм групповой идентификации и социально опосредованные формы самосознания.*

И еще один социально-психологический механизм возникновения коллективных переживаний связан с развитием современных информационных технологий, особенно соцсетей и мессенджеров. Особенностью современного развития технологий стало их *превращение из технологических платформ общения, опосредованного высокотехнологичными средствами, в особую социальную среду.* В настоящее время социальные сети обладают не меньшим влиянием, чем традиционные средства массовой информации, такие как телевидение и печатные периодические издания. Хотя последние уже имеют электронные ресурсы, позволяющие получить все технологические и иные преимущества.

Для более полного понимания феномена коллективных переживаний необходимо изучить их социально-психологические функции.

Коллективные переживания, по аналогии с индивидуальными переживаниями, формируют коллективный опыт, состоящий из коллективных знаний, социальных представлений, убеждений, верований и пр.

Социально-психологические функции коллективных переживаний невозможно представить в виде законченного списка, поскольку разнообразие по предмету и способу проживания их слишком велико. При этом сама природа коллективных переживаний динамична и в самом процессе пережива-

ния может претерпевать изменения. Например, коллективное переживание гордости по поводу технологического достижения может достаточно быстро перерасти из радости в переживание высокомерия или даже необоснованного превосходства.

Коллективные переживания по аналогии с индивидуальными можно рассматривать в виде традиционной трехкомпонентной модели как имеющие когнитивные, аффективные и конативные компоненты. Ввиду отсутствия аффективного компонента значение имеет модальность каждого переживания, которое при этом необходимо рассматривать в динамике.

Поэтому в данной работе мы выделим наиболее общие социально-психологические функции коллективных переживаний, которые должны быть конкретизированы и исследованы с использованием эмпирического материала в дальнейших работах.

Часто встречающейся социально-психологической функцией является *формирование социальной сплоченности общества*, а также членов коллектива или группы. При изучении праздника как социально-психологического феномена функция интеграции общества была самой очевидной, при этом важно было, какой именно праздник изучается. В праздниках «День Победы с Бессмертными полком» и «Новый год» наиболее ярко выражена функция сплочения общества. Также стоит отметить, что исследование праздника позволило выделить 16 социально-психологических функций.

Формирование образа будущего также можно выделить как функцию коллективных переживаний. Советский период развития нашей страны показал, что коллективное переживание будущего в образе коммунизма обеспечило позитивный настрой в работе на несколько десятилетий, а также позволило победить в Великой Отечественной войне. *Формирование и коррекция общественной морали* – важная функция коллективных переживаний. Общественные мораль, ценностные ориентации и духовно-нравственные ориентиры формируются в общении и совместной деятельности. Влияние оказывает также культура: писатели и поэты, художники, театр, кино, СМИ и интернет-сообщества, интернет-активисты, школьное воспитание, религия, общественные организации, деятельность волонтеров и пр.

Психотерапевтическая функция заключается в коллективных способах совладания с трудными жизненными ситуациями. Коллективные переживания часто имеют психотерапевтический эффект. В наших исследованиях такой эффект был обнаружен при исследовании праздника, а также в молодежной группе поклонников корейской музыкальной группы BTS. Если от феномена праздника ожидался психотерапевтический эффект, то корейская молодежная группа BTS стала неожиданностью. Тем не менее, молодые исполнители сами прошли через трудности молодежной социализации и смогли с помощью своей музыки помочь молодежи многих стран. 155 респондентов девочек-подростков из российских городов ответили на вопрос, как изменилась их жизнь после участия в группе поклонников BTS. Нам удалось классифицировать их ответы: «появился интерес к изучению иностранных языков», «нашла новые увлечения (танцы, пение, мода)», «изменилось мышление (мир стал ярким)», «повышение стрессоустойчивости», «обрела уверенность в себе», «нашла новые знакомства,

круг общения», «расширение кругозора», «обрела толерантность к другим людям, народам, культурам», «появилась целеустремленность в достижении целей», «любовь к себе, принятие себя», «участвую в благотворительности», «готова следовать за своей мечтой».

Коллективные эмоции далеко не всегда приносят радость и пользу сотрудничества. Сегодня они стали также и средством для разжигания ненависти, вражды и даже военных конфликтов. Новые исследования продемонстрировали важность изучения коллективных переживаний в динамике трудноразрешимых конфликтов и межгруппового насилия.

Прогностическая функция коллективных переживаний острых политических ситуаций может стать *регуляторной*.

Psychological Science опубликовал статью Е. Гальперина и соавт., в которой автор говорит, что регулирование переживаний влияет на межгрупповые эмоции, а не только на внутриличностные и что возможно внешнее регулирование эмоционального, когнитивного и конативного компонент переживаний, которое позволило изменить политические установки (Halperin, 2012).

Е. Гальперин и его коллеги обнаружили, что израильские евреи, находившиеся в условиях когнитивной переоценки, меньше поддерживали агрессивную политику и больше поддерживали примирительную политику, по сравнению с участниками в контрольном состоянии. Результаты затем воспроизвели в ответ на реальное событие — заявку Палестины на признание ООН в 2011 г. Длительность влияния тренинга на подход участников к конфликту составила 5 месяцев.

«Если вы хотите предсказать поддержку израильцами или палестинцами очень жестких политических компромиссов в контексте их конфликта, тогда вам следует выйти за рамки изучения идеологий, интересов и ценностей, чтобы проанализировать их переживания по отношению к своей собственной группе и другим группам», — пишет Е. Гальперин.

Изменение основных оценок людьми других групп (например, другая группа зла по своей природе и не способна к переменам) может уменьшить коллективную ненависть к чужим группам, что приведет к увеличению поддержки значимых политических компромиссов. Далее автор сделал замер через 6 месяцев после того, как 508 израильских евреев приняли участие в семинарах по переоценке отношения, участники семинаров заняли более обнадеживающее и примирительное отношение. Важно отметить, что участники сохраняли эти изменения в течение 6-месячного периода роста межгрупповой напряженности и конфликтов в регионе.

Заключение

Коллективные переживания остаются актуальным направлением исследований современной социальной психологии. Концепция коллективных переживаний упорядочивает все проведенные ранее социально-психологические исследования, объясняет причинно-следственные связи между устойчивыми и динамичными феноменами, а также прогнозирует новые исследования. Несмотря на методологические трудности их изучения, мировая психологическая

наука находит нестандартные подходы к изучению коллективных переживаний. Данная статья выделяет основные социально-психологические механизмы формирования и функции коллективных переживаний, она является теоретической основой планируемой серии исследований коллективных переживаний.

Литература

Выготский Л. С. Психология. М.: Эксмо, 2000.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1996.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.

Тихомирова С. В. Индивидуальное переживание как психологический феномен: структура, типы, функции, методы исследования // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 6. Т. 8. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/114PSMN620.pdf> (дата обращения: 01.08.2023).

Halperin E., Porat R., Tamir M., Gross J. J. Can emotion regulation change political attitudes in intractable conflicts? From the laboratory to the field // Psychological Science. 2012. № 24 (1). P. 106–111. doi: 10.1177/0956797612452572.

Rimé B. Collective emotions and social resilience in the digital traces after a terrorist attack / M. Tomasello, D. Garcia, B. Rimé // Psychological Science. 2019. № 30 (4). P. 617–628.

Tomasello M. Becoming Human: A Theory of Ontogeny. Cambridge: Harvard University Press, 2019.

Collective experiences: socio-psychological functions and formation mechanisms

S. V. Tikhomirova

PhD, researcher, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, tihomirovasv@ipran.ru

The article explains the reasons for the growing interest of scientific psychology in the problem of collective experiences, substantiates the scientific relevance, and gives the author's definitions of individual experiences and collective experiences. The main socio-psychological functions of collective experiences: social cohesion, formation of an image of the future, formation and correction of public morality, psychotherapeutic, prognostic and regulatory functions. The socio-psychological functions of the formation of collective experiences are listed: the mechanism of group identification and socially mediated forms of self-awareness, dependence on the majority, transformation from technological platforms of communication mediated by high-tech means into a special social environment.

Keywords: collective experiences, large groups, experience as a process, experience as a state, experience of joy.

Взаимосвязь характеристик «материализма» личности и уровня его выраженности в контексте исследования экономического поведения*

Е. В. Тугарёва

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН, Москва, Россия, tougareva@yandex.ru

Проверялась взаимосвязь характеристик «материализма» личности подхода Р. Белка — «зависть к другим» и «несправедливость в обменных отношениях» с уровнем выраженности «материализма» по методике М. Ричинс—С. Доусона. «Зависть к другим» и «несправедливость в обменных отношениях» у Р. Белка диагностируется методом самоотчета (опросником). В данном исследовании, проведенном в условиях пандемии COVID-19, в целях измерения уровня зависти к другим были сформулированы собственные четыре утверждения (адекватные контексту COVID-19), степень согласия с которыми испытуемым предлагалось оценить. Прямые утверждения включали слово «завидую», в обратных утверждениях были составлены формулировки без его использования. Для диагностики степени несправедливости в обменных отношениях была использована модель экономической игры «Диктатор». Результаты исследования показали, что уровень выраженности материализма, измеренный с помощью методики М. Ричинс—С. Доусона, имеет прямую корреляцию с используемыми в данном исследовании показателями, отражающими уровень зависти к другим и степень несправедливости в обменных отношениях. Это позволяет добавить характеристики «зависть к другим» и «несправедливость в обменных отношениях» к выявленному нами ранее симптомокомплексу характеристик, дифференцирующих людей с высоким и низким уровнем материализма.

Ключевые слова: экономическое поведение, материализм, отношения обмена, зависть, несправедливость, справедливость, игра «Диктатор».

Термин «материализм» («materialism») трактуется в Оксфордском словаре английского языка (2018) как «предпочтение того, что является материальным за счет духовных и других ценностей; тенденция рассматривать материальную собственность и физический комфорт как более важные и желательные, чем духовные ценности; образ жизни, основанный на материальных интересах».

Существует два концептуальных подхода к исследованию данного феномена, в которых теоретический концепт операционализирован и предложены

* Работа подготовлена в рамках Государственного задания № 0138-2023-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

методики по диагностике данной экономико-психологической характеристики. Первый, более ранний, подход был разработан Р. Белком (Belk, 1984, 1985). Он предложил три индикатора материализма: собственнический инстинкт, зависть к другим и несправедливость в обменных отношениях.

Более поздний подход М. Ричинс и С. Доусона рассматривает материализм как ценностную ориентацию человека (Richins, 2004, 2017; Richins, Dawson, 1992). В этом подходе в качестве индикаторов материализма предложены следующие: центрация на приобретении (потреблении), восприятие денег и собственности как символов успеха и статуса, получение позитивных эмоций (удовольствия) от потребления.

Обе методики учитывают как индивидуально-психологический уровень феномена, так и социально-психологический уровень. В обеих методиках индивидуально-психологические индикаторы (у Ричинс–Доусона это центрация на потреблении и получение удовольствия от потребления, у Белка – собственнический инстинкт) напрямую связаны с ядром феномена – отражают приоритетность материальной стороны жизни, ее особую ценность для человека. Социально-психологические индикаторы (у Ричинс и Доусона это приписывание деньгам и собственности дополнительного социально-психологического смысла статуса и успешности в обществе, у Белка зависть к другим и несправедливость в обменных отношениях) имеют скорее вторичный характер, являются дополнением или следствием индивидуально-психологических. Они, скорее, являются сопутствующими (взаимосвязанными с ядром феномена) психологическими характеристиками человека, которому свойственно «материалистичное» отношение к миру. Если расширение смыслового поля того, что представляет особую ценность для человека, является более очевидным и закономерным, то зависть к другим и несправедливость в обменных отношениях требуют дополнительной верификации в плане их дифференцирующего веса для феномена материализма. Например, несправедливость в обменных отношениях может проявляться как у людей, для которых материальная сторона жизни является приоритетной ценностью, так и у людей, не центрированных на материальной стороне жизни. В последнем случае детерминанты такого «несправедливого» поведения в отношении других людей могут быть иными.

Под дифференцирующим весом мы подразумеваем наличие прямой взаимосвязи изменения этих показателей (степени зависти к другим и степени несправедливости в обменных отношениях) с изменением уровня материализма, что подтверждало бы, что данные показатели действительно могут интерпретироваться как характеристики, дифференцирующие людей по уровню материализма.

Наши собственные исследования на российской выборке проводились с использованием методики М. Ричинс и С. Доусона (краткий обзор результатов см.: Тугарёва, 2009, 2010; Slepenco, Tougareva, 2005). Этот выбор был обусловлен тем, что данная методика по своему содержанию является более согласующейся с теоретическим конструктом авторов и с определением самого феномена, а также имеет более высокую согласованность ответов на утверждения, которые входят в каждую из трех шкал измерения. Операционализация же теоретического конструкта в методике Р. Белка не вполне удачная. Формулировки утверждений

в методике Р. Белка не все согласуются с его теоретическим конструктом, часть из них вызывает вопросы. По данным из публикаций самого Р. Белка, оказывается, что внутренняя согласованность шкал измерения является невысокой.

Однако поскольку результаты исследований, проводимых с использованием как одной методики, так и другой методики, показывают аналогичные, не противоречащие друг другу результаты, то это дает основание предположить, что методики измеряют взаимодополняющие и взаимосвязанные аспекты одного и того же феномена. Таким образом, измерив уровень выраженности материализма с помощью одной методики, например, более надежной и валидной М. Ричинс – С. Доусона, можно предположить, что людям с высоким уровнем материализма будут свойственны проявление зависти и несправедливость в обменных отношениях.

Цель исследования: верифицировать социально-психологические характеристики «зависть к другим» и «несправедливость с обменных отношениях» как индикаторы уровня выраженности материализма.

Гипотеза: показатель уровня выраженности материализма, измеряемый с помощью методики М. Ричинс–С. Доусона, будет иметь прямую корреляцию с показателями, отражающими уровень зависти к другим и степень несправедливости в обменных отношениях, измеренными любыми адекватными методическими приемами.

Поскольку пандемия COVID-19 внесла свои коррективы в изначальную программу исследования, то поставленные задачи решались в рамках более широкого исследования экономического поведения на уровне домашнего хозяйства в условиях пандемии.

Исследование проводилось в онлайн-формате с мая 2020 г. по конец февраля 2021 г. В анкету онлайн-опроса были включены вопросы на фиксацию широкого круга социо-демографических характеристик, отношения к ситуации пандемии и мерам, предпринимаемым правительством, оценки своего поведения, ожиданий и т. п. Также были включены вопросы, методики и методические приемы, направленные на изучение потребительского поведения, сберегающего поведения, одалживающего поведения, помогающего поведения.

В целях измерения уровня зависти к другим были сформулированы четыре утверждения, степень согласия с которыми испытуемым предлагалось оценить. Прямые утверждения включали слово «завидую», в обратных утверждениях мы постарались составить формулировки без его использования. Данные утверждения использовались в одном блоке более широкого набора утверждений, направленных на описание своего поведения, чувств и др. в условиях пандемии. Утверждения предъявлялись испытуемым в случайном порядке.

Для диагностики степени несправедливости в обменных отношениях была использована модель экономической игры «Диктатор». Людям предлагалось принять решение о распределении денег между собой и другим человеком в контексте распределения дополнительной денежной выплаты в ситуации пандемии. Вопрос формулировался так: «Если бы у вас сейчас была возможность распорядиться дополнительной денежной выплатой в размере 12000 руб. при условии, что эти деньги надо разделить между вами и любым другим гражданином РФ. При этом решение о том, как разделить эти деньги, предостав-

ляется именно вам. Какое вы примете решение о том, как разделить эти деньги?» Шкала распределения денег варьировала от абсолютно эгоистического распределения (все себе) до абсолютно альтруистического распределения (все другому) с шагом в 1000 руб.

Для измерения уровня выраженности материализма использовалась методика М. Ричинс—С. Доусона.

Дополнительные методики:

- индекс потребительских настроений — ожидания изменения в краткосрочной перспективе (3 месяца) своей личной экономической ситуации, ситуации в стране и в мире;
- субъективная оценка степени неопределенности экономической ситуации для себя в целом (показатель — ответ на 7-балльной шкале оценки от минимально до максимально неопределенной).
- субъективная оценка тяжести экономических последствий для себя и для страны в целом (2 показателя — ответы по 7-балльным шкалам оценки от минимально до максимально тяжелых);
- потребность приобрести или сделать то, на реализацию чего у респондента не хватает сейчас денег (показатель — ответ по 7-балльной шкале оценки от «абсолютно нет» до «очень многое»);
- желание — это приобрести или сделать прямо сейчас, не откладывая на потом (показатель — ответ по 7-балльной шкале оценки от «совсем не хочу» до «очень хочу»);
- уровень сбережений на момент начала пандемии (показатель — ответ по шкале с интервалами сумм сбережений);
- методика экспресс-диагностики типов поведения покупателей Е. В. Тугарёвой;
- методика диагностики ожидаемых негативных состояний в случае «залезания в долги» Е. В. Тугарёвой (Тугарёва, 2018).

Всего в проводимом исследовании приняло участие 263 чел., из которых 220 чел. ответили на большую часть вопросов блока по изучению экономического поведения в условиях пандемии. Однако поскольку методика измерения уровня выраженности материализма М. Ричинс—С. Доусона находилась в конце опроса и не все участники исследования ее заполнили, то в данной статье представлен анализ данных по выборке участников исследования, прошедших весь опрос целиком.

Выборка включает 188 чел., граждан РФ. Из них: 26,06% (49 чел.) мужчин и 73,94% (139 чел.) женщин; возраст — от 18 до 71 года (медиана — 39 лет); 77,13% имеют высшее образование или ученую степень; разных сфер занятости и профессиональной деятельности; 55,85% проживают семьей из нескольких поколений и 27,66% семьей из двух человек (супруги без детей и других родственников); проживающие в основном в условиях отдельной квартиры (77,13%) или загородного дома (15,96%).

Распределение выборки по показателю субъективной оценки своего социального положения и показателю уровня дохода на члена семьи близки к нормальному.

Корреляционный анализ выявил значимые взаимосвязи по трем из четырех утверждений, которые рассматривались как методический прием измерения показателя «зависть к другим». Несмотря на то, что факторный анализ по всем 4 утверждениям показал, что они действительно складываются в один фактор, но процент объяснения этой факторной модели составляет всего 53% и имеет низкую внутреннюю согласованность. Факторная модель по 3 значимым утверждениям объясняет уже 65%. Однако только факторная модель с включением двух прямых утверждений дает 84% объяснения и α Кронбаха=0,81.

Результаты по модели экономической игры «Диктатор» показали следующее.

Распределение решений, как разделить деньги между собой и любым другим гражданином РФ, повторило уже выявляемый нами ранее результат (на российской выборке), что большинство предпочитает в этой ситуации делить деньги пополам. Новым для ситуации пандемии оказалось усиление альтруистического спектра ответов.

Корреляционный анализ Спирмена между показателем уровня выраженности материализма и показателем решения о распределении денег (где 1 – всё себе, а 13 – всё другому) показал обратную корреляцию: чем выше уровень материализма, тем более эгоистическим является распределение денег и, наоборот, чем ниже уровень материализма, тем более альтруистическим является распределение ($R=-0,125$, $p<0,08$).

Дифференцирующая разница по уровню материализма в трех группах респондентов: эгоистического спектра распределения денег (среднее значение материализма равно 48,8), равного распределения (среднее значение материализма равно 47,7) и альтруистического распределения денег (среднее значение материализма равно 44,4) – оказывается более резкой между эгоистической и альтруистической группой (критерий Краскела–Уоллиса: $H(2, N188) = 3,804770$, $p=0,149$; Медианный тест, общая медиана = 48,0, $\chi^2 = 4,864$, $cc=2$, $p=0,08$).

Корреляционный анализ не выявил взаимосвязи между оценками в отношении мер, предпринимаемых правительством, и уровнем выраженности материализма.

Значимые взаимосвязи выявлены по ряду показателей поведения и отношения к ситуации пандемии, ожиданий, мотивационных аспектов покупательского поведения и уровня сбережений на момент начала пандемии (см. таблицу далее; приведены значимые корреляции и на уровне тенденций).

С возрастанием уровня материализма повышается субъективная оценка степени неопределенности экономической ситуации для респондента, у материалистов более негативные ожидания изменений своей личной экономической ситуации в течение 3 месяцев, их субъективная оценка тяжести экономических последствий для себя выше, они психологически тяжелее переносят пандемию, они считают, что во многом им приходится себе отказывать, но в то же время считают снятие временных ограничений в стране преждевременным. Материалисты вступили в пандемию с наименьшим количеством сбережений, но у них выше потребность в приобретении товаров, на которые не хватает денег, и выше желание эти товары купить.

Нами, на основании предыдущих исследований, предполагалось, что будет выявлена взаимосвязь между уровнем материализма и показателем выражен-

ности экономически-рационального типа поведения покупателей. Предыдущие результаты показывали, что экономически рациональный тип более выражен у нематериалистов, а для материалистов более характерен эмоциональный/ межличностно-ориентированный и попустительский типы. Однако в данном исследовании взаимосвязи экономической рациональности в покупках и уровнем выраженности материализма не выявлено. Вероятно, это связано с особенностями поведения в условиях пандемии, ведь респонденты описывали свое поведение при совершении покупок в условиях жестких ограничительных мер. Вероятно, эти условия поспособствовали тому, что даже материалисты скорректировали свое поведение в сторону экономической рациональности.

Также не было выявлено взаимосвязи между уровнем выраженности материализма и показателем выраженности ожидаемых негативных состояний в случае залезания в долги.

Анализ различий (t-критерий) в выраженности материализма у мужчин и женщин показал, что в данной выборке у женщин материализм выше (среднее – 48,5), чем у мужчин (среднее – 44,9) ($p < 0,035600$), хотя различия по фактору пола выявлялись нами ранее не на всех выборках.

Анализ взаимосвязи с другими социо-демографическими характеристиками показал, что с возрастом уровень материализма снижается ($R = -0,297$, $p < 0,000034$), возрастает у тех, кто живет за счет средств других членов семьи и снижается у тех, кто, наоборот, финансово содержит семью ($R = -0,163$, $p < 0,025070$). Также выявлено, что выраженность материализма снижается с возрастанием среднемесячного дохода на каждого члена семьи респондента, но выраженность материализма при этом не взаимосвязана с субъективной оценкой уровня своего социального положения.

Заключение

Результаты исследования подтверждают выдвинутую нами гипотезу. Показатель уровня выраженности материализма, измеренный с помощью методики М. Ричинс—С. Доусона, имеет прямую корреляцию с используемыми в данном исследовании показателями, отражающими уровень зависти к другим и степень несправедливости в обменных отношениях. Это позволяет добавить характеристики «зависть к другим» и «несправедливость в обменных отношениях» к выявленному нами ранее симптомокомплексу характеристик, дифференцирующих людей с высоким и низким уровнем материализма, и дает полное основание рассматривать концептуальные подходы Р. Белка и М. Ричинс—С. Доусона как взаимодополняющие.

В соответствии с нашими предыдущими исследованиями, данное исследование показало, что материалисты сильно мотивированы на потребление, в том числе и потому, что деньги и материальные блага являются для них средством регулирования своих межличностных отношений. Материалистам свойственно сравнивать себя по этому критерию с другими, и не случайно, что они завидуют людям, у которых более комфортные условия жизни и материальное благополучие. Повышенная эмоциональность и тревожность, неспособность сберечь деньги, склонность залезать в долги, в совокупности с неспособ-

ностью их возвращать, делает материалистов особенно уязвимыми в условиях кризисных ситуаций, каковой и является пандемия. Для них стрессогенность пандемии особенно высока. Ситуация пандемии воспринимается ими как ситуация с высокой степенью неопределенности, что приводит к более негативным ожиданиям в отношении изменения своей личной экономической ситуации и тяжести последствий пандемии для себя. Надо отметить, что несмотря на то, что потенциально материалисты представляют «группу риска» с точки зрения возможных финансовых проблем в качестве последствий пандемии, они оказались способны к самоограничению и способны скорректировать свое экономическое поведение в сторону экономической рациональности. Это дает основание сделать позитивный прогноз относительно их способности справиться с кризисной ситуацией.

Для нематериалистов ситуация пандемии является менее стрессогенной как с психологической, так и с экономической стороны, а в отношении других людей они склонны действовать просоциально, в отличие от эгоистичности материалистов.

Характеристики «зависть к другим» и «несправедливость в обменных отношениях» дополняют выявленный нами ранее симптомокомплекс характеристик, дифференцирующих людей с высоким и низким уровнем материализма.

Ситуация пандемии оказывает влияние на людей именно с высоким уровнем материализма. Они испытывают больший психологический стресс от неопределенности ситуации и негативных ожиданий изменения своей личной экономической ситуации, вынуждены сдерживать себя. Однако материалисты оказались способны скорректировать свое экономическое поведение в сторону большей экономической рациональности, что позволит им избежать возможных финансовых проблем и справиться с ситуацией.

Люди с низким уровнем материализма воспринимают ситуацию пандемии более спокойно и уравновешенно, меньше думают о своем финансовом положении и склонны помогать другим выйти из этой кризисной ситуации. Свойственное им и в допандемические времена более рациональное экономическое поведение они демонстрируют и в ситуации пандемии.

Литература

- Тугарёва Е. В.* Восприятие мира материальных ценностей как фактор экономического поведения // Инновационный потенциал психологии в развитии человека XXI века: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции 25–27 июня 2009 г. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2009. С. 35–38.
- Тугарёва Е. В.* Восприятие мира материальных ценностей как фактор экономического поведения // X Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 3 кн. / Отв. ред. Е. Г. Ясин. М.: ИД Высшей школы экономики, 2010. Т. III. С. 190–194. URL: <http://publications.hse.ru/chapters/95104856>.
- Тугарёва Е. В.* Ожидаемое негативное психологическое состояние как предиктор долгового поведения // Личность в эпоху перемен: mobilis in mobili: Материалы Международной научно-практической конференции 17–18 декабря 2018 г. / Под ред. Е. Ю. Патяевой, Е. И. Шлягиной. М.: Смысл, 2018. С. 247–248.

- Belk R. W.* Three scales to Measure Constructs Related to materialism: reliability, validity and relationships to measures of happiness // *Advances in Consumer Research*. 1984. V. 11. P. 291–297.
- Belk R. W.* Materialism: Trait aspects of living in the material world // *Journal of Consumer Research*. 1985. V. 12. P. 265–280.
- Materialism // *OED Online*. Oxford University Press. July 2018. URL: <http://www.oed.com/view/Entry/114925>.
- Slepenko O., Tougareva E.* Additional characteristic traits to a portrait of materialists // *Proceedings of the 30th Annual Congress IAREP “Absurdity in the Economy”*. Prague, Czech Republic, September 21–24, 2005.
- Richins M. L.* The Material Values Scale: Measurement Properties and Development of a Short Form // *Journal of Consumer Research*. 2004. V. 31. № 1. P. 209–219.
- Richins M. L.* Materialism pathways: The processes that create and perpetuate materialism // *Journal of Consumer Psychology*. 2017. V. 27. № 4. P. 480–499.
- Richins M. L., Dawson S.* A consumer values orientation for materialism and its measurement: Scale development and validation // *Journal of Consumer Research*. 1992. V. 19. № 3. P. 303–316.

The relationship between the characteristics of a person’s “materialism” and the level of its expression in the context of the study of economic behavior

E. V. Tougareva

PhD (Psychology), senior research fellow, Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Moscow, tougareva@yandex.ru

The study tested the relationship between the socio-psychological indicators of “materialism” from R. Belk’s approach “envy of others” and “unfairness in exchange relations” with the level of expression of “materialism” according to the method of M. Richins–S. Dawson. “Envy of others” and “unfairness in exchange relations” are diagnosed by R. Belk’s method of self-report (questionnaire). In this study, conducted in the context of the COVID-19 pandemic, in order to measure the level of envy of others, four statements of their own (adequate to the context of COVID-19) were formulated, the degree of agreement with which the subjects were asked to assess. Direct statements included the word “envy”, in the opposite statements wording was drafted without using it. To diagnose the degree of unfairness in exchange relations, the model of the economic game “Dictator” was used. The results of the study showed that the level of materialism, measured using the method of M. Richins–S. Dawson, has a direct correlation with the indicators used in this study, reflecting the level of envy of others and the degree of injustice in exchange relations. This allows us to add the characteristics of “envy of others” and “unfairness in exchange relations” to the symptom complex of characteristics that differentiate people with a high and low level of materialism, which we identified earlier.

Keywords: economic behavior, materialism, exchange relations, envy, unfairness, fairness, “Dictator” game.

**Личностные и социально-психологические детерминанты эффекта
«мое финансовое положение лучше, чем у других»
в условиях пандемии COVID-19***

Е. В. Тугарёва

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН, Москва, Россия, tougareva@yandex.ru

Представлены результаты исследования эффектов «мое финансовое положение лучше, чем у других», «мое финансовое положение такое же, как у других», «мое финансовое положение хуже, чем у других» в условиях пандемии COVID-19. Анализируются психологические и социально-психологические особенности людей, у которых данные эффекты проявляются, в частности, уровень материализма и поведение в распределительных отношениях (игра «Диктатор»). Анализируется взаимосвязь экономических и психологических детерминант данных эффектов. Выявлены принципиально различные паттерны оценок «Я—Страна—Мир» в индексе потребительских настроений. В группе «Лучше, чем у других» ожидается, что личная ситуация окажется стабильной, а в стране и мире ухудшится. В группе «Так же, как у других» ожидания одинаково негативные для себя, для страны и для мира. В группе «Хуже, чем у других», немного негативный прогноз для себя сочетается с позитивным прогнозом для страны и мира.

Ключевые слова: Better-than-average effect, эффект «лучше, чем у других», эффект «хуже, чем у других», эффект «так же, как у других», просоциальное поведение, материализм, игра Диктатор, социально-психологические детерминанты, паттерны оценок «Я—Страна—Мир» в индексе потребительских настроений.

В исследовании экономического поведения на уровне домашнего хозяйства в условиях пандемии 2020—2022 гг. был обнаружен интересный факт. Данные по использованной методике выявления индекса потребительских настроений (ICS), в которой фиксируются ожидания человека относительно динамики их личной экономической ситуации, экономической ситуации в стране и в мире в ближайшей перспективе (у нас было в течение 3 месяцев), показали, что в целом по выборке исследования большинство респондентов ожидало, что их личная экономическая ситуация останется стабильной, а вот ситуация в стране и в мире станет хуже или намного хуже. Другими словами, люди демонстрировали уверенность в их личной экономической ситуации и воспринимали ее как более хорошую, чем у других людей в стране и мире.

* Работа подготовлена в рамках Госзадания № 0138-2023-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

Аналогичный эффект был выявлен в исследовании, проведенном на выборке в Швеции и Великобритании в 2020 г. (в условиях пандемии COVID-19) (Barraffem et al., 2020). В этом исследовании единственным отличием в используемой методике индекса потребительских настроений был период временной перспективы — 6 месяцев. Авторы отмечают, что оценка перспективы экономической ситуации по всем трем измерениям (личное домохозяйство, страна, мир) была негативной, но вместе с тем была выявлена группа людей, которые оценивали свои личные экономические перспективы более позитивно, по сравнению с перспективами страны и мира. Этот эффект оказался более выражен в Швеции, чем в Великобритании. Авторы статьи впервые ввели новый термин, отражающий данный феномен — «financial better-than-average effect».

Авторы изучали данный эффект в связи с показателями субъективного экономического благополучия и финансового невежества (безграмотности). Они выявили, что пессимизм в отношении личной экономической ситуации и финансовое невежество взаимосвязаны с низким субъективным экономическим благополучием. Этой взаимосвязи нет, когда речь идет о пессимизме в отношении экономической ситуации в стране и мире. Авторы в данном исследовании рассматривают эффект «financial better-than-average» как личностный фактор, опосредующий их субъективную оценку своего экономического благополучия в контексте пандемии, т. е. во времена повышенного стресса и турбулентности.

Сравнение результатов нашего исследования с исследованием зарубежных коллег показало, что в России эффект «financial better-than-average» выражен сильнее. Есть и некоторые отличия в прогнозах наших респондентов относительно страны и мира. В России респонденты в целом давали более негативный прогноз развития экономической ситуации в стране, чем в мире.

В нашем исследовании мы используем немного иной термин для обозначения данного феномена, а именно, «мое финансовое положение лучше, чем у других», поскольку данный эффект совсем необязательно связан с реальными доходами человека и его реальной экономической ситуацией относительно средней экономической ситуации других людей по стране и миру. Скорее, этот эффект отражает субъективную уверенность человека в своих экономических перспективах, по сравнению с перспективами других людей.

Поскольку ранее в исследованиях финансового поведения эффект «мое финансовое положение лучше, чем у других» специально не изучался, то данное направление исследования является весьма актуальным и перспективным. В данном исследовании анализируются психологические и социально-психологические особенности людей, у которых эти эффекты проявляются, в частности, уровень материализма и поведение в распределительных отношениях (игра «Диктатор»). Выбор именно этих экономико-психологических характеристик обусловлен следующими соображениями. Материализм, как показывают наши предыдущие исследования, характеристика, которая во многом определяет экономическое поведение человека в целом, его восприятие мира и других людей (Тугарёва, 2009, 2010; Slepenco, Tougareva, 2005). Наши данные по исследованию поведения в распределительных отношениях показывают, что для российской выборки в целом в большей степени характерно стремление к справедливому распределению, чем в западных странах, что может объ-

яснить тот факт, что эффект «лучше, чем у других» более выражен именно в нашей стране (Тугарёва, 1996, 2009, 2012; Fehr et al., 2014; Tougareva, 2010; Tougareva, Orpewal, 1992). Поэтому, логично предположить, что между данным феноменом и особенностями поведения в распределительных отношениях есть взаимосвязь.

Характеристика теоретической модели исследования

Эффект «мое финансовое положение лучше, чем у других»/эффект «мое финансовое положение хуже, чем у других» является субъективным личностным фактором, определяющим индивидуальные различия в психологии экономического поведения человека в целом и в контексте различных экономических ситуаций, в частности в условиях пандемии. Он взаимосвязан с индивидуальными личностными и социально-психологическими характеристиками человека, в частности с его ценностными ориентациями и установками во взаимодействии с другими людьми. Индивидуальная выраженность эффекта «мое финансовое положение лучше, чем у других» обусловлена как личностными и социально-психологическими характеристиками, так и ситуационными факторами. Возможно, проявление данного эффекта во многом ситуационно зависимо. В ситуациях экономического кризиса и турбулентности индивидуальная выраженность данного эффекта может усиливаться у людей с нематериальными ценностными ориентациями и просоциальным типом взаимодействия с другими людьми.

Формулировка теоретической гипотезы

Выраженность эффекта «мое финансовое положение лучше, чем у других» обусловлена личностными и социально-психологическими характеристиками человека, такими как ценностные ориентации, особенности восприятия других людей и отношения к ним, а также типом взаимодействия с другими людьми. Нематериальные ценностные ориентации человека и просоциальный тип поведения во взаимодействии с другими людьми способствуют проявлению данного эффекта. Выраженность данного эффекта может быть динамичной и зависеть от ситуационных факторов.

В исследовании проверялись следующие эмпирические гипотезы.

Гипотеза 1: Выраженность эффекта «мое финансовое положение лучше, чем у других» взаимосвязана с уровнем выраженности материализма и просоциальным экономическим поведением людей. У нематериалистов данный эффект проявляется сильнее. Люди, у которых данный эффект выражен сильнее склонны действовать просоциально по отношению к другим людям в экономическом взаимодействии.

Гипотеза 2: В ситуации пандемии возможно как проявление эффекта «мое финансовое положение лучше, чем у других», так и проявление эффекта «мое финансовое положение хуже, чем у других». Группы людей, которым свойственны эти два противоположных эффекта по-разному воспринимают ситуацию пандемии и демонстрируют различия в экономическом поведении в ситуации пандемии.

Гипотеза 3: Выраженность эффекта «мое финансовое положение лучше, чем у других» в период стабильной экономической ситуации может быть не связана с уровнем доходов человека и его субъективной оценкой своего социально-экономического статуса, однако в ситуации высокой экономической неопределенности, каковой является ситуация пандемии COVID-19, фактор дохода и субъективного экономического статуса будут положительно взаимосвязаны с этим эффектом.

Дизайн исследования

Выборка: 279 чел Из них 70 мужчин (25,09%) и 209 женщин (74,91%), возраст – от 18 лет до 71 года (средний возраст – 39,9 года, медиана – 39,5), преимущественно с высшим образованием, с нормальным распределением выборки по уровню дохода и субъективной оценке своего социального статуса.

Исследование проводилось в онлайн-формате с использованием составленной в соответствии с программой исследования анкетой. Распространение анкеты проводилось через размещение ее в соцсетях и в других доступных аудиториях.

Анкета включала в себя следующие методики, показатели по которым использовались в рамках данного исследования:

- вопросы по сбору социо-демографических данных;
- показатель уровня дохода респондента;
- показатель субъективной оценки социально-экономического статуса респондента;
- индекс потребительских настроений (ожидания относительно дальнейшей динамики экономической ситуации) на уровнях личного домохозяйства, страны, мира;
- показатель оценки динамики изменения своих доходов;
- показатель субъективной оценки степени неопределенности экономической ситуации;
- показатели субъективной оценки степени тяжести экономических последствий для себя и для страны в целом;
- блок оценок отношения к мерам, предпринимаемым правительством;
- блок оценок переживания ситуации пандемии и своего финансового поведения в этот период;
- Методика измерения уровня материализма М. Ричинс и С. Дэвсона (в адаптации Е. В. Тугарёвой);
- игра «Диктатор». Измеряемый показатель – характер предложенного испытуемым распределения денег между сторонами сделки (собой и другим человеком) от эгоистического до просоциального и альтруистического;
- показатели оценки продолжительности пандемии и времени осознания опасности COVID-19 для себя и своих близких;
- показатель потребности в деньгах («Есть ли у вас в настоящее время что-либо, что вы хотели бы приобрести или сделать, но на реализацию этого у вас не хватает сейчас денег?»);

- показатель желания приобрести то, на что не хватает денег («Как велико ваше желание это приобрести или сделать прямо сейчас, не откладывая на потом (см. предыдущий вопрос)?»).

Результаты

В целом результаты по методике Индекса потребительских настроений показали, что респонденты ожидают, что их экономическая ситуация на уровне их личного домохозяйства останется без изменений или немного хуже. По стране и миру их ожидания менее оптимистичные, особенно в отношении России. По России преобладают оценки «станет немного хуже» и «станет намного хуже». В отношении мира преобладают оценки «станет немного хуже». Очевидно преобладание эффекта «мое финансовое положение лучше, чем у других».

Для дальнейшего анализа данного эффекта были введены 2 дополнительных показателя. Первый — «Интенсивность эффекта лучше/хуже, чем у других»: разница между оценкой динамики экономической ситуации на уровне личного домохозяйства и оценкой динамики экономической ситуации в России. Второй — группирующая переменная «лучше/равно/хуже», где 1 присваивалась респондентам, у которых по первому показателю были положительные значения (группа «Лучше, чем у других», в нее попали 168 чел. из выборки), 2 присваивалась респондентам, у которых разница равнялась нулю (группа «Так же, как у других», 90 чел.) и 3 присваивалась респондентам с отрицательными значениями по первому показателю (группа «Хуже, чем у других», 21 чел.). Группа «Лучше, чем у других» оказалась наиболее представленной, а группа «Хуже, чем у других» наименее представленной.

Далее был проведен корреляционный анализ Спирмена для анализа взаимосвязи показателя «Интенсивность эффекта лучше/хуже, чем у других» с другими измеряемыми показателями, а также Однофакторный дисперсионный анализ и T-test Стьюдента для анализа различий между группами респондентов по интересующим нас показателям.

Вначале было проанализировано, есть ли различия в выраженности показателя «Интенсивность эффекта лучше/хуже, чем у других» в зависимости от социодемографических характеристик респондентов. Различий по полу и образованию выявлено не было, но есть взаимосвязь на уровне $p < 0,08$ с возрастом респондентов (ρ Спирмена — 0,105). Выраженность эффекта «Лучше, чем у других» снижается с возрастанием возраста респондента.

Взаимосвязи показателя «Интенсивность Эффекта лучше/хуже, чем у других» с показателями оценки продолжительности пандемии и времени осознания опасности COVID-19 для себя и своих близких нет. Также не выявлено взаимосвязи с показателем субъективной оценки степени неопределенности текущей экономической ситуации для себя в целом.

Выявленные значимые взаимосвязи показателя «Интенсивность Эффекта лучше/хуже, чем у других» показали, что люди, у которых проявляется эффект «мое финансовое положение лучше, чем у других», действительно чувствуют себя более экономически благополучными, ниже оценивают степень тяжести

экономических последствий пандемии для себя и своей семьи, при этом выше оценивая степень тяжести экономических последствий для страны в целом. Они критично относятся к мерам господдержки в стране, не испытывают психологической тяжести от ситуации пандемии, в экономической жизни ведут себя свободно, ни в чем себе не отказывают и не экономят, не испытывают потребности брать кредиты, не строго соблюдают меры предосторожности и ограничения в период пандемии.

Выявлена положительная взаимосвязь эффекта «мое финансовое положение лучше, чем у других» с динамикой изменения уровня дохода, субъективной оценкой своего социально-экономического статуса и уровня дохода.

Также был проведен однофакторный дисперсионный анализ различий между группами «Лучше, чем у других», «Так же, как у других» и «Хуже, чем у других» по шкалам Индекса потребительских настроений и по показателям материализм и решение в игре «Диктатор».

Анализ различий между группами «Лучше, чем у других», «Так же, как у других» и «Хуже, чем у других» выявил значимые различия между группами в оценках прогноза изменения экономической ситуации для себя, для страны и для мира. Выявлены принципиально различные паттерны оценок «Я—Страна—Мир» в индексе потребительских настроений.

В группе «Лучше, чем у других» ожидается, что личная ситуация окажется стабильной, а в стране и мире ухудшится. В группе «Так же, как у других» ожидания одинаково негативные для себя, для страны и для мира. В группе «Хуже, чем у других», немного негативный прогноз для себя сочетается с позитивным прогнозом для страны и мира.

Анализ различий между группами «Лучше, чем у других», «Так же, как у других» и «Хуже, чем у других» не выявил различий между всеми тремя группами. Однако графическое представление распределения ответов по этим показателям показал, что группа «Хуже, чем у других» является максимально разнородной по данным показателям, а две другие группы — однородные и действительно имеют свои значимые отличия.

В группе «Лучше, чем у других» уровень материализма стабильно ниже, и входящие в нее принимают более просоциальные решения при распределении денег в игре «Диктатор». В группе «Так же, как у других» уровень материализма стабильно выше, и входящие в нее принимают менее просоциальные (или более эгоистические) решения в игре «Диктатор».

Заключение

Эффект «мое финансовое положение лучше, чем у других» отражает субъективно воспринимаемое экономическое благополучие человека, чувство психологического комфорта и отсутствия необходимости себя в чем-то сдерживать и ограничивать в экономической сфере, ощущение стабильности своего финансового положения, по сравнению с ситуацией в стране и мире.

Выявлены принципиально различные паттерны оценок «Я—Страна—Мир» в индексе потребительских настроений в группах «Лучше, чем у других», «Так же, как у других» и «Хуже, чем у других». В группе «Лучше, чем у других» ожида-

ется, что личная ситуация окажется стабильной, а в стране и мире ухудшится. В группе «Так же, как у других» ожидания одинаково негативные для себя, для страны и для мира. В группе «Хуже, чем у других» немного негативный прогноз для себя сочетается с позитивным прогнозом для страны и мира.

В группе «Лучше, чем у других» уровень материализма стабильно ниже, и входящие в нее принимают более просоциальные решения при распределении денег в игре «Диктатор». В группе «Так же, как у других» уровень материализма стабильно выше, и входящие в нее принимают менее просоциальные (или более эгоистические) решения в игре «Диктатор». Группа «хуже, чем у других» неоднородна по уровню материализма и степени просоциальности/эгоистичности экономического взаимодействия.

Исследование данных феноменов будет продолжено. В частности, будет проведена проверка предположения, что преобладание в обществе людей, для которых характерно восприятие ситуации в соответствии с паттерном «мое финансовое положение лучше, чем у других» может служить индикатором консолидации общества, т. е. будет сопровождаться просоциальным и благожелательным и отношением к другим с усилением чувства общности и единения с другими.

Литература

- Тугарёва Е. В.* Соображения справедливости при заключении экономической сделки и взаимоприемлемость деловых партнеров // Исследования закономерностей и процессов в моделях экономических систем: Сборник работ авторов, получивших гранты Московского отделения Российского научного фонда и Фонда Форда. III вып. М., 1996. С. 81–95.
- Тугарёва Е. В.* Восприятие мира материальных ценностей как фактор экономического поведения // Инновационный потенциал психологии в развитии человека XXI века: Материалы межрегиональной научно-практической конференции 25–27 июня 2009 г. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2009. С. 35–38.
- Тугарёва Е. В.* Мотивация и наблюдаемое поведение: данные экспериментальных исследований поведения в ультимативных сделках // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 2. С. 79–96.
- Тугарёва Е. В.* Восприятие мира материальных ценностей как фактор экономического поведения // X Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 3 кн. / Отв. ред. Е. Г. Ясин. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2010. Т. III. С. 190–194.
- Тугарёва Е. В.* Динамика решений в двусторонних экономических сделках // Экономическая психология в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции 22–24 ноября 2012 г. М.: Экон-Информ, 2012. С. 204–206.
- Barrafrem K., Västfjäll D., Tinghög G.* Financial well-being, COVID-19 and the financial better-than-average-effect // Journal of Behavioral and Experimental Finance. 2020. V. 28. № 100410. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jbef.2020.100410>.
- Fehr E., Tougareva E., Fischbacher U.* Do high stakes and competition undermine fair behaviour? Evidence from Russia // Journal of Economic Behavior & Organization. 2014. V. 108. P. 354–363. doi: 10.1016/j.jebo.2013.09.005.

Slepenko O., Tougareva E. Additional characteristic traits to a portrait of materialists // Proceedings of the 30th Annual Congress IAREP «Absurdity in the Economy». Prague, Czech Republic, September 21–24, 2005.

Tougareva E., Oppewal H. A three-person ultimatum game to investigate effects of differences in need, sharing rules and observability on bargaining behaviour // *Journal of Economic Psychology*. 1992. V. 13. P. 203–213. doi: 10.1016/0167-4870(92)90030-B.

Tougareva E. Methodological Error of Experimental Economics: It Is Wrong to Judge about Motivation of Economic Behaviour Relying Only on Observed Behaviour // X Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 3 кн. / Отв. ред. Е. Г. Ясин. М.: ИД Высшей школы экономики, 2010. Т. II С. 155–162.

Personal and socio-psychological determinants of the effect of “my financial situation is better than others” in the context of the COVID-19 pandemic

E. V. Tougareva

PhD (Psychology), senior research fellow, Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Moscow, tougareva@yandex.ru

The results of a study of the effects of “my financial situation is better than others”, “my financial situation is the same as others”, “my financial situation is worse than others” in the context of the COVID-19 pandemic are presented. The author analyzes the psychological and socio-psychological characteristics of people in whom these effects are manifested, in particular, the level of materialism and behavior in distributive relations (the Dictator game). The relationship between the economic and psychological determinants of these effects is analyzed. Fundamentally different patterns of assessments “I–Country–World” in the consumer sentiment index have been revealed. In the “Better than others” group, it is expected that the personal situation will be stable, while the situation in the country and the world will deteriorate. In the “same as others” group, expectations are equally negative for oneself, for the country, and for the world. In the “worse than others” group, a slightly negative outlook for oneself is combined with a positive outlook for the country and the world.

Keywords: better-than-average effect, “better than others” effect, “worse than others” effect, “same as others” effect, prosocial behavior, materialism, Dictator game, socio-psychological determinants, “I–Country–World” assessment patterns in the consumer sentiment index.

Новое измерение материализма личности: опросник ценностного материализма

*В. А. Хащенко**, *Н. Н. Хащенко***

* доктор психологических наук, главный научный сотрудник, ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия, valery.khashchenko@gmail.com

** кандидат психологических наук, научный сотрудник, ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия, nadin-khash@yandex.ru

Анализируются подходы и методики измерения материализма личности, их преимущества и недостатки. Рассматривается новое измерение материализма, которое постулирует возможность определения его значимости в системе ценностей, составляющих единый мотивационный континуум. Значимость материальных ценностей (измерение материализма) определяется через моделирование ситуации выбора мотивационных целей: предпочтение или отказ от базовых ценностей личности ради получения материальных благ (богатства, финансовой выгоды). Представлена шкала из 22 пунктов, а также психометрические данные, подтверждающие ее надежность и валидность.

Ключевые слова: материализм, опросник ценностного материализма, психодиагностика, базовые ценности.

Материализм личности представляет собой сложный, многогранный феномен, имеющий особый набор признаков и проявляющийся на разных уровнях. В самом широком смысле материализм связан с тенденцией рассматривать материальные блага и физический комфорт важнее духовных ценностей. На социетальном уровне материализм проявляется как стремление к материальным благам, накоплению, росту доходов и богатства. В терминах экономики, материализм — это ценность, обычно относящаяся к стремлению индивида или общества в целом к собственному материальному благополучию. Как индивидуальный феномен материализм «маркирует» человека, который высоко ценит материальные объекты (Larsen et al., 1999) и стремится к обладанию имуществом (Belk, 1984). Существует многообразие теоретических подходов к пониманию психологической сущности материализма. Материализм как личностное проявление анализируется как аттитюд, верование, стиль жизни, потребность, эмоциональное состояние (настроение), как черта личности и ценность, мотивационная цель и др. (Ahuvia, Wong, 1995; Belk, 1984; Chang, Arkin, 2002; Kasser, Ryan, 1996; Richins, 2004). Последние годы актуализировались исследования детского и подросткового материализма как особого феномена формирующейся личности (Bottomley et al., 2010; Goldberg et al., 2003; Oprea et al., 2014; Schor, 2004). Вышесказанное подчеркивает многомерную природу материализма. От-

мечается недостаток надежных и валидных методик изучения материализма как психологического фактора экономического поведения личности.

Методики измерения материализма

Измерение материализма используется для обозначения различий в поведении и ценностных ориентациях личности, в проявлениях заботы индивида о материальных вещах, конкурентоспособности и упоре на получение личной выгоды, а не на благополучии окружающих людей. Несовершенства существующих шкал материализма подняли вопрос о пересмотре этих измерений. В психологической науке разработан ряд инструментов для измерения материализма личности. Остановимся на наиболее известных методиках.

Шкала материализма как черты личности Р. Белка (Belk, 1984). Материализм представляет собой устойчивую предрасположенность личности наделять высшей значимостью материальную сторону своей жизни. Материализм как общая черта (центральная диспозиция) личности включает ансамбль трех частных черт (вторичных диспозиций): собственничество, жадность и зависть (Belk, 1984). Отмечен ряд недостатков, связанных со шкалой материализма Белка: наличие априорно негативных черт личности, низкая валидность и надежность шкал – коэффициент надежности альфа для всего диапазона шкалы от 0,54 до 0,73 (Richins, Dawson, 1992; Scott, 2009; и др.), а также слабая воспроизводимость ее трехфакторной структуры. Разработан отечественный опросник диспозиционного материализма (Карпинский, Кисельникова, 2019).

Материализм как потребительская ценность (Richins, Dawson, 1992). Является наиболее применяемым инструментом. Материализм рассматривается как базовое убеждение индивида в важности владения материальными благами в жизни. Опросник содержит три шкалы: «Центрированность» – приобретение как важнейшая цель жизни, «Успех» – как необходимый атрибут жизни, «Счастье» – как способ достижения счастья. Существуют краткие формы опросника (в том числе адаптированные на российской выборке) (Richins, 2004; Хашченко, 2016). Критика методики также сосредоточена на недостаточной консистентной надежности и слабой воспроизводимости ее структуры. В. Ларсен и др. (Larsen et al., 1999) отмечают, что шкала материализма разработана с неявным предположением, что материализм влечет за собой отрицательные эмоции. Вместе с тем продуктивность теоретических представлений о материализме как индивидуальной ценности породило разработку различных ее модификаций: шкалы состояния материализма (Chang, Arkin, 2002), шкалы потребности в материальных ресурсах (Mowen, 2000), четырехфакторный опросник материализма (Trinh, 2012). На основе концептуализации материализма М. Ричинс разработан вариант методики для оценки материализма детей возрасте от 6 до 8 лет (Opree et al., 2011). Доказано, что ее можно использовать для изучения различий в материализме на разных этапах развития детского материализма (Van der Meulen et al., 2018).

Индекс стремлений (Kasser, Ryan, 1996). Методика основана на теории самодетерминации Э. Дейси и Р. Райана (2000). Материализм оценивается как функция от выраженности внутренних и внешних целей. Внутренние цели (лич-

ностный рост, отношения, сообщество) относятся к целям, которые по своей сути приносят внутреннее удовлетворение. Внешние (финансовый успех, известность, внешность) — к целям, зависящим от внешнего одобрения или вознаграждения. Материалисты движимы внешними целями, такими как финансовый успех, деньги, общественное признание, привлекательный внешний вид. Опросник включает 35 утверждений. Отвечающий должен оценить каждое по степени важности представленной в ней мотивационной цели, вероятности ее достижения в будущем и степени, в которой она уже достигнута. Шкалы опросника соответствуют выделенным базовым мотивационным целям: финансовый успех, известность, внешность, личностный рост, отношения, сообщество и здоровье. Недостатки измерения материализма: эмпирические данные не подтверждают четкость отнесения стремлений к внутренним или внешним целям: *финансовый успех* (богатство), например, может быть *внутренней целью*, если доминирует мотивация самодетерминации. Отмечается также высокая подверженность структуры опросника кросскультурным влияниям. Разработан адаптированный русскоязычный вариант методики (Василенко, 2011).

Инструментальный материализм и терминальный материализм (Csikzentmihalyi, Rochberg-Halton, 1981) Данная методика предназначена для измерения материализма у детей и молодежи. В теоретической основе методики предположение о том, что в зависимости от цели потребления выделяют два типа материализма: инструментальный материализм относится к приобретению и владению материальными объектами, которые имеют потенциал средства для достижения других целей безопасности, долголетия и счастья, и, наоборот, терминальный материализм относится к приобретению и владению материальных объектов ради них самих (ibid.). Опросник для измерения инструментального и терминального материализма разработан К. Скотт (Scott, 2009). Конструкт терминальный материализм определяется ею как значимость материальных благ в получении социального статуса — «нравится иметь продукты, которые демонстрируют мой статус», а инструментальный материализм рассматривается как значимость материальных благ как ресурса выполнения задач — «материальные блага важны для меня прежде всего потому, что они помогают мне выполнять работу». Опросник в целом включает 9 пунктов: четыре на оценку инструментального материализма и пять — терминального. Скотт сообщает о надежности измерительных шкал, их структурной и конструктивной валидности.

Шкала монетарных установок (Yamauchi, Templer, 1982). Материализм измеряется с помощью определения установок на деньги. Данный подход согласуется с концептуализацией материализма, осуществленной другими учеными, которые атрибутируют стремление к финансовому успеху к признакам материализма (Kasser, Ryan, 1993; Tatzel, 2003). Шкала монетарных установок состоит из 29 пунктов и объединяет четыре фактора: недоверие/тревога — беспокойство по поводу переплаты и недостаточности денег; накопление/время — учет денег и составление бюджета; власть/престиж — стремление к деньгам влечет за собой положительный социальный статус; качество — желание заплатить больше, чтобы получить лучшее. Однако полагают, что отношение

к деньгам и индивидуальный материализм это связанные, но все же разные конструкты (Tatzel, 2003).

Недостатком шкалы отношения к деньгам является ее узость концептуализации материализма. Как отмечалось ранее, материализм влечет за собой стремление к обладанию имуществом и богатству.

Существуют также методики измерения подросткового и молодежного материализма. В области исследований экономической социализации получены убедительные доказательства, что материализм формирующейся личности имеет существенные отличия от его проявлений во взрослом возрасте.

Подростковая шкала материализма (Goldberg et al., 2003). Голдберг и соавт. упомянули четыре причины разработки шкалы «подросткового» материализма: ориентированность молодежи на покупки; реакция молодежи на маркетинговые инициативы; различия между молодежью и их родителями в потреблении товаров и др., например, природу их счастья. Методика измерения представляет собой шкалу из 10 пунктов, которые включают несколько айтемов из опросников Белка и Ричинс. Ряд авторов отмечают недостатки шкалы: проблему ее размерности, т.е. является ли она действительно одномерной (Bottomley et al., 2010), низкую надежность и ограниченную сферу применения.

Шкала вовлеченности потребителя (Bottomley et al., 2010; Schor, 2004). Для понимания специфики материализма подростков нужно сосредоточиться на особенностях их потребительского поведения. Под феноменом потребительской вовлеченности понимается влияние масс-медиа на поведение детей, которое определяет их вовлеченность в культуру потребления. Шор предложил одномерную шкалу потребительской вовлеченности, которая включает 16 пунктов (Schor, 2004). Позднее шкала была доработана Боттомли и др., авторы обосновали ее трехмерную структуру: ориентация потребительского поведения («Я хочу заработать много денег, когда вырасту»), финансовая неудовлетворенность («Я бы хотел, чтобы мои родители давали мне больше денег на траты») и «брендовая осознанность» («Мне нравится одежда популярных марок») (Bottomley et al., 2010). Недостатки шкалы связаны с низкой внутренней надежностью субшкал.

Шкала материализма Москиса и Черчилль (Moschis, Churchill, 1978). Данная методика упомянута в обзоре в силу ее исторического значения: авторы первыми ввели понятие материализма в практику исследований потребительских предпочтений в процессе экономической социализации подростков. Материализм определяется как ориентация на имущество и деньги ради счастья и прогресса. Отмечается низкая надежность 6-пунктовой шкалы, также ее слабая концептуализация – шкала измеряет не материализм, а отношение к материализму (Richins, Dawson, 1992).

Метод

Концептуальная модель измерения ценностного материализма (ЦМ). Несмотря на концептуальные и психометрические недостатки разработанных шкал материализма, их применение способствовало углублению понимания роли материализма в жизни человека. Но популярное мнение, что материализм личности

определяется высокой значимостью (или важностью), которое придает человек материальным благам (Belk, 1884), имуществу (Richins, 2004) или внешним целям, деньгам и славе (Kasser, Ryan, 1996), видится слишком упрощенным, так как является ли человек материалистом определяется не значимостью для него материальных ценностей, а целью и характером мотивов, с которыми он их использует (Srivastava et al., 2001). Это же замечание справедливо к распространенному тезису о «плохом» и «хорошем» материализме. Понятие материализма требует новой концептуализации и измерения.

Нами предлагается подход к концептуализации материализма личности, в основе которого лежит интеграция идей концепции материализма как ценностного конструкта, теории индивидуальных базовых ценностей Ш. Шварца (Шварц и др., 2012) и концепции мотивационных целей Кайзера и Райна (Kasser, Ryan, 1996). Определение материализма как ценностного феномена согласуется с представлениями о том, что он отражает ценность, которую человек придает материальным основаниям жизни для достижения желаемой цели, включая счастье, саморазвитие, безопасность, самопреодоление и т. п., отражает устойчивый мотивационный смысл поведения или существования, который лично предпочтительнее иного смысла поведения или состояния существования. Ключевой вопрос для понимания подхода: как материальные устремления человека связаны с характером его базовых отношений с миром, включены в мотивационный контекст его поведения как побудительная детерминанта. Материализм определяется как мера «материального» измерения ценностного сознания человека, по аналогии с моральным измерением сознания, но не противоположно ему.

Под ценностным сознанием понимается система базовых ценностей, формирующая единый мотивационный континуум личности, состоящий из связанных мотивов и осознанных целей. Список ценностей операционализирован посредством теории базовых ценностей Ш. Шварца, который определяет их как внеситуативные цели, организованные в согласованную основополагающую систему – мотивационный континуум, отличающийся по своей субъективной значимости для одного человека или какой-то группы, и в силу этой значимости в той или иной степени служащий ведущими мотивационными принципами (Шварц и др., 2012, с. 45). Под ценностным материализмом понимается степень выраженности стремления к материальным благам как цели в мотивационном континууме личности, определяемом содержанием связанных базовых ценностей личности. Понятие «ценностного материализма» (ЦМ) операционализировано как ценностный приоритет материальной выгоды в сознании личности относительно мотивационных конструктов разного порядка. Этот подход позволяет не только раскрывать мотивационно-ценностные основания материализма на континууме ценностей, но и оценивать силу и устойчивость различных ценностей и соответствующих типов мотивационных тенденций относительно влияния материальных целей. Данная концептуализация материализма как многомерного явления позволяет измерять материализм относительно базовых аспектов мотивации личности.

Методика. В основе построения шкалы ЦМ оценка приоритета материальной выгоды относительно единой системы базовых ценностей человека («цен-

ностного сознания»). Процедура измерения ЦМ предполагает оценку степени согласия с суждениями, содержащими возможные варианты поведения, связанные с готовностью человека поступиться или пренебречь наиболее важными ценностями (асpekтами) жизни ради личной материальной выгоды (богатства, денег). Опросник ЦМ в соответствии с исходной теоретической моделью включает ряд измерений. Оценивается выраженность материализма относительно разных мотивационных конструкторов: первичных ценностей, базовых ценностей, ценностей высшего порядка (Сохранение, Открытость к изменениям, Самоутверждение и Самопреодоление) и метаценностей – направленных на социальные или индивидуальные цели, на защиту и избегание тревоги или саморазвитие и свободу. Опора на количественные показатели преобладания ценности материализма относительно отдельных ценностей весьма относительна, интерпретация данных в большей степени должна ориентироваться на качественные характеристики ценностного профиля преобладания материальных ценностей над одними или другими группами ценностей и в меньшей степени – на абсолютные величины. Подобное многомерное ценностное измерение материализма дает возможность исследователю работать с тем набором ценностей, который больше всего подходит для его целей. Исследователь может выбирать уровень «материального» измерения ценностного сознания в зависимости от характера решаемых им задач.

В пилотажный вариант шкалы ЦМ было отобрано 30 первичных ценностей, отражающих то же мотивационное содержание (в терминах мотивационной цели), что и базовые ценности (по Ш. Шварцу). Первичный отбор пунктов обеспечивался экспертными процедурами: оценкой и отнесением пунктов к базовой ценности. Задачи экспертизы осуществляли три специалиста-психолога. Они оценивали пункты опросника по критерию содержательного соответствия базовой ценности, а также корректность их формулировок с точки зрения понимания респондентом. По ее итогам были отсеяны шесть суждений (формулировки мотивационных целей), вызвавшие разногласия экспертов. Отобранные суждения формулировались как прямые пункты, что является преимуществом для методик диагностики материализма. При конструировании первичной версии опросника утверждение априорно включалось в ту базовую ценность, к которой его отнесли эксперты.

В качестве шкалы измерения ответов респондентов используется 5-балльная шкала оценок Лайкерта – значения от «совершенно не согласен» до «полностью согласен» с оцениваемым утверждением. Результат по всем шкалам вычисляется в процентах. Для этого «сырые» баллы по каждой шкале переводятся в стандартную процентную шкалу с диапазоном значений от нуля до 100% по формуле: («сырой» балл по шкале – 1 / число пунктов шкалы – 1) × 100. При формулировании инструкции для респондентов мы учитывали установленный факт, что прямые измерения материализма восприимчивы к социально желательным ответам (Richins, 2004; Mick, 1996).

Процедура психометрической проверки. Опросник прошел проверку по следующим процедурам: оценку различительной силы пунктов опросника (корреляционный анализ), оценку надежности шкалы (расчет коэффициентов α Кронбаха), оценку структурной и конструктивной валидности.

Структурная валидность опросника определялась с помощью процедур факторного (метод главных компонент) и конфирматорного анализа (техника GLS). Конструктивная валидность опросника производилась с привлечением двух групп критериальных методик. Первую группу составили методики, в которых материализм операционализирован в качестве ценностной ориентации: Шкала материальных ценностей (Richins, Dawson, 1992) в адаптации В. А. Хашенко (Хашенко, 2016), а также как дополнительные краткие (15 и 9 пунктов) формы данного опросника (Richins, 2004). Вторую группу образовали методики измерения целевой направленности личности, многие из которых, выступают коррелятами, предикторами и последствиями материализма: Опросник субъективного экономического благополучия (Хашенко, 2011), Шкала удовлетворенности жизнью (Хашенко, 2012), Опросник базовых ценностей Ш. Шварца (Шварц и др., 2013).

Выборка. В целях апробации первичной версии опросника было обследовано 184 чел. в возрасте от 17 до 59 лет (средний возраст – 22,7 года), в том числе 92 чел. – мужчины и 92 – женщины.

Результаты

Психометрические свойства опросника. По величине показателя дискриминативности отобранные 22 пункта обнаружили приемлемый уровень корреляции «пункт – шкала» в диапазоне от 0,40 до 0,87. Средние выборочные значения по этим пунктам располагаются в диапазоне 2,18–3,71 балла. Судя по значениям асимметрии, модуль которых не превышает 0,80, и теста на нормальность распределения, распределение баллов по пунктам шкалы имеет умеренную степень отклонения от нормального распределения. Распределение показателя общей шкалы материализма (сумма по 22 пунктам) оказалось нормальным ($K-S d=0,079$, $p>0,20$; Lilliefors $p<0,01$), значения показателя асимметрии (skewness) близки к нулю (–0,18).

Надежность опросника ЦМ. Консистентная надежность 22 утверждений (общая шкала) определялась путем расчета коэффициентов α Кронбаха. Полученные данные продемонстрировали очень высокую надежность: для всей шкалы он равен 0,96, по методу расщепления шкалы – 0,98. Средняя интеркорреляция между пунктами составила 0,57. В обследованной выборке выраженность ЦМ в относительно низкой степени зависит от социально-демографических характеристик испытуемых. Вариативность данного личностного свойства ограничивается в основном изменчивостью отдельных его составляющих, а не общего уровня и проявляется в превосходстве мужчин над женщинами по материализму сравнительно ценности Безопасности ($p=0,002$), меньшей значимости денег относительно ценностей Конформизма и Традиции у семейных респондентов ($p=0,04$), усиления уровня материализма с возрастом относительно ценностей Универсализма и Традиции ($p=0,05$ и $p=0,02$).

Структурная валидность опросника ЦМ. В результате факторного анализа 22 пунктов было выбрано однофакторное решение, охватывающее 57% дисперсии переменных. Оценка структурного соответствия данной структуры модели эмпирическим данным осуществлялась с помощью конфирматорного

факторного анализа. В качестве альтернативной однофакторной рассматривалась двухфакторная модель, в которой пять пунктов вошли во второй фактор. С эмпирическими данными согласно совокупности индексов лучше согласуется однофакторная модель: $\chi^2/df=1,6$, $RMSEA=0,069$, $SRMR=0,06$, $CFI=0,90$, $AIC=4,25$.

Конструктная валидность опросника ЦМ. В целом полученные связи подтверждают конструктную валидность опросника ЦМ. Установлено, что статистические связи между общим баллом ЦМ и частными показателями материализма по базовым ценностям наблюдаются только по шкале успеха опросника материализма М. Ричинс. Корреляции между общими шкалами методик наблюдаются только в группе респондентов с высоким уровнем ЦМ. Корреляции между ЦМ, шкалами и общими шкалами разных форм опросника (12, 15, 9 пунктов) были равны 0,41, 0,33, 0,40, соответственно (на уровне значимости $p \leq 0,02$). Наблюдаются слабые отрицательные связи между субъективным благополучием личности и показателями общего уровня ЦМ и шкал ЦМ относительно базовых ценностей. Среди доменов субъективного благополучия ожидаемо значимо с показателями опросника ЦМ отрицательно коррелирует удовлетворенность материальным благополучием. Между СЭБ и общим уровнем ЦМ прямые значимые связи не установлены. Среди базовых ценностей значимо связаны с общим уровнем ЦМ только четыре из них: Безопасность, Конформизм, Традиция и Универсализм.

Обсуждение результатов

По итогам разработки Опросника ЦМ стоит отметить, что результаты проверки его конструктной валидности в целом согласуются с современными концептуальными представлениями и данными исследований о взаимосвязях материализма с другими психологическими переменными. Установлено, что измеряемые шкалы опросника ЦМ:

- 1) положительно коррелируют с общим уровнем выраженности и составляющими материализма как потребительской ценности;
- 2) отрицательно коррелируют с общим уровнем удовлетворенности жизнью как когнитивным компонентом субъективного благополучия;
- 3) положительно коррелирует с негативным аффектом (экономического беспокойства) как эмоциональным компонентом субъективного экономического благополучия;
- 4) отрицательно коррелируют с частными проявлениями субъективного благополучия в других сферах (доменах) жизни, прежде всего, с удовлетворенностью материальными условиями жизни и безопасностью;
- 5) отрицательно коррелируют с ценностями Сохранения: Конформизмом, Безопасностью и Традицией.

Выявлен также примечательный факт, что общий уровень ЦМ коррелирует позитивно с общим уровнем субъективного экономического благополучия, а также уровнем выраженности его компонентов — экономического оптимизма, благосостояния, субъективной адекватности дохода, только у группы респондентов

с высоким уровнем материализма. Очевидно, что регуляторная функция материализма не сводится только к отрицательным влияниям на различные аспекты субъективного благополучия человека. В случае когда экономическая направленность ценностей (деньги, богатство) принимает существенное значение, оно сопровождается ведущими ценностями саморазвития, готовности развивать собственные идеи и способности. Подтверждением данного предположения служат позитивные связи материализма и ценностей Открытости (0,36, при $p < 0,001$).

Выводы

1. Верифицирована однофакторная структура Опросника ценностного материализма, показана консистентная надежность опросника, а также конструктивная валидность.
2. Для лиц с выраженным материализмом характерен более низкий уровень удовлетворенности жизнью, субъективного благополучия в других сферах жизни.
3. Выявлено, что высокий материализм положительно коррелирует с негативным аффектом (экономическим беспокойством) как эмоциональным компонентом субъективного экономического благополучия.
4. При высоких значениях материализма характерен высокий уровень субъективного экономического благополучия, а также его когнитивных компонентов.
5. Высокий уровень материализма отрицательно связан с выраженностью базовых ценностей: Конформизмом, Безопасностью и Традицией, положительно с ценностью Открытости изменениям.

Литература

- Василенко Т. Д.* Телесность и субъективная картина жизненного пути личности: Дис. ... докт. психол. наук. Курск, 2011.
- Карпинский К. В., Кисельникова Н. В.* Концептуальные основы и психометрическая разработка // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 1. С. 104–117.
- Хашченко В. А.* Адаптация русскоязычной версии опросника ориентации на материализм // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 2. С. 79–98.
- Хашченко В. А.* Психология экономического благополучия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Хашченко В. А.* Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 1. С. 106–127.
- Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
- Ahuvia A., Wong N.* Materialism: Origins and Implications for Personal Well-Being // European Advances in Consumer Research / Ed. F. Hansen. Provo, UT: Association for Consumer Research, 1995. V. 2. P. 172–178.

- Belk R. W.* Three Scales to Measure Constructs Related to Materialism: Reliability, Validity, and Relationships to Measures of Happiness // *Advances in Consumer Research* / Ed. T. C. Kinnear. Provo, UT: Association for Consumer Research, 1984. V. 11. P. 291–297.
- Bottomley P. A., Nairn A., Kasser T., Ferguson Y. L., Ormrod J.* Measuring childhood materialism: Refining and validating Schor's consumer involvement scale // *Psychology and Marketing*. 2010. V. 27. № 7. P. 717–739.
- Chang L., Arkin R. M.* Materialism as an attempt to cope with uncertainty // *Psychology and Marketing*. 2002. V. 19. № 5. P. 389–406.
- Csikszentmihalyi M., Rochberg-Halton E.* *The Meaning of Things: Domestic Symbols and the Self*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Goldberg M. E., Gorn G. J., Peracchio L. A., Bamossy G.* Understanding materialism among youth // *Journal of Consumer Psychology*. 2003. V. 13. № 3. P. 278–288.
- Kasser T., Ryan R. M.* Further examining the American dream: Differential correlates of intrinsic and extrinsic goals // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. V. 22. № 3. P. 280–287.
- Larsen V., Sirgy J. M., Wright N. D.* Materialism: The construct, measures, antecedents and consequences // *Academy of Marketing Studies Journal*. 1999. V. 3. № 2. P. 78–110.
- Mick D. G.* Are studies of dark side variables confounded by socially desirable responding? The case of materialism // *Journal of Consumer Research*. 1996. V. 23. № 2. P. 106–119.
- Moschis G. P., Churchill G.* Consumer socialization: A theoretical and empirical analysis // *Journal of Marketing Research*. 1978. V. 15. № 4. P. 599–609.
- Mowen J. C.* *The 3M model of Motivation and Personality: Theory and Empirical Applications to Consumer Behavior*. Boston: Kluwer Academic, 2000.
- Oprea S. J., Buijzen M., van Reijmersdal E. A., Valkenburg P. M.* Development and validation of the material values scale for children (MVS-c) // *Personality and Individual Differences*. 2011. V. 51 (8). P. 963–968.
- Richins M. L.* The Material Values Scale: Measurement Properties and Development of a Short Form // *Journal of Consumer Research*. 2004. № 31 (1). P. 209–219.
- Richins M. L., Dawson S. A.* Consumer Values Orientation for Materialism and its Measurement: Scale Development and Validation // *Journal of Consumer Research*. 1992. V. 19. № 3. P. 303–314.
- Tatzel M.* The art of buying: Coming to terms with money and materialism // *Journal of Happiness Studies*. 2003. V. 4. № 4. P. 405–435.
- Trinh V. D., Phau I.* A New Set of Measurements for the Materialism Scale // ANZMAC Annual Conference Proceedings. University of South Australia, Australia. 2012. URL: <https://ssrn.com/abstract=2202342> (дата обращения: 01.08.2023).
- Scott K.* Terminal materialism vs. instrumental materialism: Can materialism be beneficial?: Unpublished doctoral dissertation. Norman: University of Oklahoma, 2009.
- Schor J. B.* *Born to Buy*. N. Y.: Scribner, 2004.
- Srivastava A., Locke E. A., Barthol K. M.* Money and subjective well-being: It's not the money, it's the motive // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001. V. 80. P. 959–971.
- Van der Meulen H., Kühne R., Oprea S. J.* Validating the Material Values Scale for Children (MVS-c) for Use in Early Childhood // *Child Indicators Research*. 2018. V. 11. P. 1201–1216.
- Yamauchi K. T., Templer D. I.* The development of a money attitude scale // *Journal of Personality Assessment*. 1982. V. 46. № 5. P. 522–528.

A new dimension of personality materialism: The Value Materialism Questionnaire

V.A. Khashchenko, N.N. Khashchenko***

** doctor of science (Psychology), assistant professor, chief scientific researcher, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, valery.khashchenko@gmail.com*

*** PhD (Psychology), scientific researcher, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, nadin-khash@yandex.ru*

The article analyzes approaches and methods of measuring personal materialism, their advantages and disadvantages. A new dimension of materialism is considered, which postulates the possibility of determining its significance in the system of values that make up a single motivational continuum. The significance of material values (materialism dimension) is determined through modeling the situation of choosing motivational goals: preference or rejection of basic values of personality for the sake of obtaining material benefits of interest (wealth, financial gain). The scale was tested on a sample of 184 people. A 22-item scale is presented, as well as psychometric data confirming its reliability and validity.

Keywords: materialism, value materialism questionnaire, psychodiagnostics, basic values.

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
А. Л. ЖУРАВЛЕВА КАК ПРЕДМЕТ
ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Вклад А. Л. Журавлева
в отечественную промышленную социальную психологию***

А. А. Грачев

доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной
психологии Института психологии РАН, Москва, Россия, agrat50@mail.ru

Рассматривается научный вклад ученого, академика РАН А. Л. Журавлева в актуальную область прикладной психологии – промышленную социальную психологию. Обсуждается значение для промышленной социальной психологии двух его концепций – управленческого взаимодействия и совместной деятельности. Показано, что концепция управленческого взаимодействия позволила определить характеристики функциональной организации деятельности руководителя, требования к личности руководителя, факторы формирования стиля руководства и характеристики исполнительской деятельности. Прикладное значение концепции совместной деятельности состоит в обосновании двух групп равнозначных факторов, детерминирующих совместную деятельность, – организационно-экономических и социально-психологических, условий функционирования и оптимизации этих факторов. Эта концепция позволяет осуществить психологическую поддержку руководителя и трудового коллектива.

Ключевые слова: история психологии, промышленная социальная психология, концепция управленческого взаимодействия, стиль руководства, исполнительская деятельность, концепция совместной деятельности, организационно-экономические факторы, социально-психологические факторы, зональная концепция.

А. Л. Журавлев, в отличие от некоторых академических ученых, прошел путь от прикладной науки к науке фундаментальной, осуществив значительный вклад на разных уровнях психологии. При этом он начинал свой научный путь в академическом учреждении (Институте психологии АН СССР) как прикладной ученый, положив начало отечественной социальной психологии управления в области промышленного производства.

Промышленное производство – *основное поле* деятельности психологов труда, управления, организационных психологов: именно там обнаруживаются феномены, определяющие проблемные и предметные поля этих отраслей прикладной психологии. Промышленную социальную психологию можно охарактеризовать как использование социально-психологического знания на про-

* Исследование выполнено по Госзаданию № 0138-2022-0010 «Регуляция профессионального взаимодействия в условиях организационных и технологических вызовов».

мышленном предприятии. В этом отношении промышленная социальная психология выступает в виде важного раздела прикладной социальной психологии.

В отечественной социальной психологии исследования, выполненные на промышленном предприятии, больше всего, пожалуй, связаны с лабораторией социальной психологии НИИКСИ и кафедрой социальной психологии Ленинградского государственного университета (Промышленная социальная психология, 1982; Русалинова, 2009). Эти исследования выполнялись в рамках хозяйственных договоров на базе научно-производственного объединения «Светлана», начиная с 60-х годов XX в. и в значительной степени повлияли на становление современной отечественной социальной психологии труда, управления, организационной психологии.

Значительную роль сыграло в этом становлении появление в 1970–1980-х годах социологических служб, требующее, кроме социологического, социально-психологического знания (диагностика и формирование взаимоотношений, структуры и динамики первичных групп, психологических особенностей руководства).

Кроме того, и сама психология пришла к необходимости практических приложений. Определив свое место в области авиации и космоса, психология искала себя в промышленности и образовании. Именно к работе в промышленности и был в значительной степени готов Институт психологии АН СССР, а в связи с востребованностью, в первую очередь, социально-психологического знания в этом отношении большую роль стал играть сектор социальной психологии этого института. В связи с этим сектор социальной психологии (зав. сектором Е. В. Шорохова) Института психологии постепенно стал вторым центром развития промышленной социальной психологии в СССР. Что существенно, это развитие воплотилось в форме участия Института в формировании социально-психологической службы производственного объединения «Курганприбор», которая стала основой для разработки и апробации использования психологического знания на промышленном предприятии.

Эта работа началась с защиты генеральным директором ПО «Курганприбор» Е. В. Тарановым в 1976 г. кандидатской диссертации, посвященной социально-психологическим проблемам адаптации молодого рабочего. А следующим шагом этого взаимодействия стало осмысление опыта использования социально-психологического знания в руководстве предприятием (Журавлев, Таранов, 1979).

Наконец, в 1980 г. социальная психология в объединении «Курганприбор» получила организационное оформление в виде *социально-психологической службы*, работавшей в непосредственном взаимодействии с Институтом психологии АН СССР.

Представление о содержании взаимодействия службы с сектором социальной психологии этого Института дает список совместно решаемых *задач*:

- разработка проекта гуманистически-ориентированной системы социального управления промышленным предприятием;
- разработка типового проекта гуманизированной организационной среды предприятия, подразделения;

- разработка системы диагностики и обучения руководителей;
- разработка и внедрение типовой системы социально-психологической адаптации молодых рабочих;
- разработка и подбор методик диагностики и оптимизации социально-психологического климата;
- разработка типовой системы психологической подготовки к внедрению бригадных форм труда и сопровождения бригад;
- разработка типовой системы реализации и развития социальной активности работника промышленного предприятия.

Конечно, практически все сотрудники сектора были включены в эту работу. Однако наиболее тесное взаимодействие в этом плане по объективным показателям происходило с А.Л. Журавлевым. И неслучайно он вошел в число авторов основного пособия для работников психологических и социологических служб (Служба социального развития предприятия, 1989).

Уже в то время в работах Журавлева явно проявились основания двух концепций, сыгравших значительную роль в становлении отечественной промышленной социальной психологии: концепции управленческого взаимодействия и концепции совместной деятельности. Формирование этих концепций в значительной степени было обусловлено *качествами* А.Л. Журавлева как ученого:

- открытость научному опыту, высокая степень принятия разных научных концепций;
- потребность в концептуализации, ведущая к стремлению построить психологическую картину мира как по вертикали, так и по горизонтали;
- стремление к совместной научной деятельности (как с коллегами, так и с учениками).

Поскольку эти качества проявлялись и продолжают проявляться постоянно, они в значительной степени формируют научную атмосферу в коллективе ученых (в нашем случае — в Институте психологии).

Несмотря на то, что две указанные концепции связаны друг с другом, имеет смысл рассмотреть их как относительно самостоятельные.

Концепция управленческого взаимодействия

В 1970-х годах А.Л. Журавлев стал одним из ведущих специалистов в области психологии управления. Уже в его кандидатской диссертации, посвященной стилю руководства производственным коллективом, в значительной степени была представлена психологическая концепция управленческого взаимодействия (Журавлев, 1976), ориентированная на практическое использование. Эта концепция позволила определить как характеристики функциональной организации деятельности руководителя (Журавлев, 1978б), так и требования к личности руководителя (Журавлев, 1982, 1988) и факторы формирования стиля (Журавлев, 1983). А логическую завершенность концепции управленческого взаимодействия придает модель исполнительской деятельности (Журавлев, 2007а), которая позволяет не только охарактеризовать ее структурно-динами-

ческие особенности, но и обосновать типы исполнителей, что позволяет руководителю использовать индивидуальный подход к подчиненным.

Концепция управленческого взаимодействия позволила определить *достоверные связи* стиля руководства с такими значимыми с прикладной точки зрения характеристиками трудового коллектива, как социально-психологический климат (Журавлев, 1979) и социальная активность коллектива (Журавлев, 1978а).

Последовательная реализация концепции управленческого взаимодействия дала основания для разработки ряда авторских опросников, составивших методическую основу концепции и имевших важное практическое значение. И неслучайно его *авторский опросник*, позволяющий определить стиль руководителя, приобрел широкую популярность не только среди исследователей, но и, может быть в большей мере, у практических психологов и социологов.

Безусловное достоинство этого опросника состоит в том, что в его основе лежит модель деятельности руководителя, позволяющая оперировать с достаточно полной совокупностью решаемых им вопросов (Журавлев, 1976, 1979; и др.).

В нашей практике применения этого опросника были получены теоретические результаты, показывающие связь характеристик стиля с показателями организационной среды, удовлетворенностью работника и показателями его психофизиологического состояния. Так, ожидаемо наиболее благоприятным в разных аспектах оказался *коллегиальный стиль*, предполагающий как благоприятное состояние работника, так и его высокие оценки посильности требований со стороны руководителя, условий для участия в принятии решений, высокую удовлетворенность работника разными компонентами труда, включая взаимодействие по горизонтали и вертикали. Показательно и то, что этот стиль предполагает проявление высокого *уровня субъектности* трудового коллектива (готовность к сотрудничеству, к взаимопомощи, проявление чуткости и внимательности по отношению друг к другу, активности в обсуждении и принятии управленческих решений), низкий уровень конфликтности и благоприятный социально-психологический климат.

Обнаружилась и специфика воздействия *директивного стиля*, который оказался связан с непосильностью требований со стороны руководителя, с низкой оценкой возможности проявлять в работе инициативу и творческий подход, с низким интересом к работе, с неудовлетворенностью взаимоотношениями по вертикали и высоким уровнем конфликтности. К тому же директивный стиль предполагает неблагоприятное состояние работника, неблагоприятный социально-психологический климат и низкий уровень субъектности трудового коллектива. Наконец, *попустительский стиль* связан с неопределенностью должностных обязанностей, непосильностью требований со стороны руководителя и нерегулярностью его оценки, с неудовлетворенностью разными сторонами труда – оплатой, условиями, организацией. Он, так же как и директивный, связан с неблагоприятными психофизиологическими состояниями работников и низким уровнем субъектности коллектива.

Коллегиальный стиль в модели Журавлева может служить некоторым эталоном принятия управленческих решений, поэтому возможно применение обсуждаемого опросника не только для диагностики, но и в *активном социально-психологическом обучении* (целесообразность этого подтверждена нами в процессе

проведения организационных тренингов). Так, утверждения, используемые в опроснике, могут прорабатываться с руководителем/руководителями в зависимости от выраженности их в конкретном профиле. В этом случае методика диагностики может использоваться в качестве воздействующей, обучающей и корректирующей. Такой подход к построению методики соответствует общей направленности А. Л. Журавлева как ориентированного на практику ученого: он, рассматривая в своих работах методы социальной психологии, не ограничивается способами измерения, диагностики, но определяет группу опосредованных методов руководства (Журавлев, Таранов, 1979) и, наконец, общую группу методов воздействия. При этом классификация Журавлевым методов воздействия настолько обоснована, что находит свое выражение и в учебных пособиях по социальной психологии (Социальная психология, 2002). Большое значение имеет и разработка экспертных методов оценки руководителей, имеющих широкое практическое применение (Журавлев, 1990).

Все это позволило реализовать методическую часть концепции в рабочих программах диагностики руководителей, нашедших свое выражение в процедурах аттестации, выбора руководителей и обучающих программах (Журавлев, 1985, 2007б; Журавлев, Тугарева, 1990а, б; и др.).

Выраженная ориентация А. Л. Журавлева на научное взаимодействие позволила развить концепцию управленческого взаимодействия с помощью учеников, изучивших методы руководства при рассогласовании управленческого взаимодействия в условиях бригадной и индивидуальной форм организации труда (Ширяев, 1985), влияние социально-психологических свойств совета бригады на эффективность управления производственным коллективом (Хашенко, 1986), согласованность представлений о совместной деятельности управленческого коллектива (Оконешникова, 1991), динамику представлений о себе участников совместной управленческой деятельности (Колесникова, 1994), отношение работников к руководителям на предприятиях с разными формами собственности (Сивашенко, 2003).

Концепция совместной деятельности

Концепция управленческого взаимодействия, в которой в качестве составляющих выступал как руководитель, так и участники делового взаимодействия, получила свое дальнейшее развитие в концепции совместной деятельности. И две монографии, в которых обе концепции нашли свое воплощение, вполне можно отнести к основам прикладной социальной психологии (Журавлев, 2004, 2005).

При этом концепция совместной деятельности, выступающей системообразующим фактором формирования, функционирования и развития трудового коллектива, имеет более общий характер (А. Л. Журавлев намеренно использует понятие трудового коллектива, имея в виду широкое содержание понятия коллективности (В. М. Бехтерев, французская социальная психология), означающее *совместность* и связанные с ней феномены).

Формирование концепции совместной деятельности стало логическим развитием концепции управленческого взаимодействия, изначально социально-психологической, поскольку в основе лежит базовое понятие социальной

психологии — *понятие взаимодействия*. В соответствии с этим совместная деятельность понимается как форма взаимодействия, к которой применим системный подход, предполагающий определение структуры и динамики деятельности (Журавлев, 1988, 1990).

Концептуальность Журавлева проявилась не только в использовании системного подхода к совместной деятельности, но и в анализе предметного поля этой деятельности. Данный анализ начинался с обсуждения феномена трудового соревнования, позволявшего представить коллектив как субъект совместной деятельности (Журавлев, Зотова, 1981; Журавлев и др., 1977).

Показательны в этом отношении работы учеников Журавлева, защитивших кандидатские диссертации по проблемам первичной производственной адаптации молодых рабочих на промышленном предприятии (Безносиков, 1986), группового планирования совместной деятельности производственной бригады (Лебедев, 1987), межгрупповых отношений в новых экономических условиях деятельности трудового коллектива (Позняков, 1991).

Научные работы А. Л. Журавлева и выполненные под его руководством конкретные эмпирические исследования имели большое прикладное значение в плане развития концептуальной основы промышленной социальной психологии и внесли большой вклад в разработку системы психологической поддержки внедрения бригадных форм организации труда, актуальных для СССР 1980-х годов. Это нашло свое отражение в вышедших в 1987 и 1989 гг. двух сборниках научных трудов: «Социально-психологические факторы эффективности деятельности бригад» и «Бригадная форма организации труда в разных видах трудовых коллективов (социально-психологические особенности)», в которых он выступил ответственным редактором. Научная ценность этих сборников состояла в том, что они: а) в значительной степени отражали уже сформировавшуюся к тому времени концепцию совместной деятельности, реализованную в работах авторов этих сборников; б) полностью соответствуют прикладному подходу, в котором методы диагностики сочетались с практическими методами воздействия. Такой же подход был использован и в вышедшей под редакцией А. Л. Журавлева, П. Н. Шихирева и Е. В. Шороховой коллективной монографии «Совместная деятельность: Методология, теория, практика» (1988 г.).

Думается, что прикладная ценность концепции совместной деятельности (концепция управленческого взаимодействия обсуждалась выше) заключается в *двух положениях*.

1. Принципиальное отличие совместной деятельности от индивидуальной: взаимодействие в процессе совместной деятельности включает индивидуальные деятельности в общую систему как компоненты, преобразуя эти компоненты в соответствии с требованиями совместной деятельности. При этом такие преобразования могут быть а) предметно-направленными, изменяющими содержание деятельности, б) субъектно-направленными — изменяющими характеристики субъекта/субъектов совместной деятельности и в) организационно-направленными — изменяющими организацию совместной деятельности.

Такое представление позволяет обосновать *структуру* совместной деятельности, предполагающую реализацию следующих *этапов*: целостное

вание и целеполагание, мотивообразование и мотивирование, групповые действия по отношению к предмету, групповое оценивание индивидуальных вкладов и общих конечных результатов.

Эти компоненты и этапы могут лежать в основе как управления совместной деятельностью (несложно представить себе соответствующие технологии), так и системы подготовки руководителя и самого трудового коллектива к совместной деятельности.

2. Выделение двух групп равнозначных *факторов*, детерминирующих совместную деятельность — организационно-экономических и социально-психологических. Реальное взаимодействие этих факторов зависит как от внешних условий, так и от потенциала самой группы, что позволяет выделить *тип* взаимодействия факторов (так называемую концепцию зонального взаимодействия).

Одно из практически значимых следствий, вытекающих из этого положения: в разных условиях взаимодействия действуют разные совокупности факторов. Прикладная задача, которая с этим связана, состоит в определении комплексов: а) условий/ситуаций совместной деятельности; б) факторов — организационно-экономических и социально-психологических; в) управляющих воздействий, оптимизирующих обе группы факторов.

А еще одно следствие состоит в том, что возрастание потенциала коллектива, связанное с социально-психологическими факторами, повышает как *уровень субъектности коллектива*, так и его относительную независимость от организационно-экономических факторов.

Таким образом, обе концепции — управленческого взаимодействия и совместной деятельности — имеют выраженный прикладной потенциал, апробированы в эмпирических исследованиях на промышленных предприятиях, что являлось редкостью в 1980-е и 1990-е годы (и тем более сейчас). К сожалению, прикладной потенциал этих концепций раскрыт далеко не полностью в связи с кризисом отечественной промышленности в указанные годы, что отмечает и сам А. Л. Журавлев (Дробышева, Журавлев, 2019). В этом отношении остается лишь надеяться на будущее.

Можно было бы предположить, что А. Л. Журавлев, утративший в связи с кризисом свою основную для 1970–1980-х годов исследовательскую базу — промышленное производство — встретится с большими трудностями в своем дальнейшем профессиональном развитии. Но этого не произошло, благодаря выраженным и постоянно развивавшимся личностным качествам Журавлева-ученого (см. выше), которые позволили найти себя как на более высоком научном уровне, так и на других профессиональных полях, подтвердив тем самым свою зональную концепцию. Эти же качества ему удалось сформировать и у многих своих учеников.

Литература

Безносиков В. Н. Динамика первичной производственной адаптации молодых рабочих на промышленном предприятии: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1986.

- Бригадная форма организации труда в разных видах трудовых коллективов (социально-психологические особенности) / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Институт психологии АН СССР, 1989.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л.* Развитие профессиональных интересов ученого как объект психобиографического анализа (на материале интервью) // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 78–93.
- Журавлев А. Л.* Стиль и эффективность руководства производственным коллективом: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1976.
- Журавлев А. Л.* Стиль руководства и принципы организации социалистического соревнования в производственном коллективе // Психологические аспекты человеческой деятельности. М.: Институт управления народным хозяйством, 1978. С. 45–52.
- Журавлев А. Л.* Функциональная организация деятельности руководителя производственного коллектива // Психологические аспекты человеческой деятельности. Часть 1. Инженерная психология и психология труда / Под ред. Б. Ф. Ломова и др. М.: Институт управления народным хозяйством, 1978. С. 51–62.
- Журавлев А. Л.* Стиль руководства для управления социально-психологическим климатом производственного коллектива // Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения / Отв. ред. Е. В. Шорохова, О. И. Зотова. М.: Наука, 1979. С. 134–145.
- Журавлев А. Л.* Об изучении личности руководителя производственного коллектива // Проблемы психологии личности. Советско-финский симпозиум. М.: Наука, 1982. С. 74–82.
- Журавлев А. Л.* Факторы формирования стиля руководства производственным коллективом // Социально-психологические проблемы производственного коллектива / Отв. ред. Е. В. Шорохова, Е. С. Кузьмин и др. М.: Наука, 1983. С. 101–115.
- Журавлев А. Л.* Социально-психологические проблемы аттестации руководителей производственных коллективов // Социальная психология и общественная практика / Отв. ред. Е. В. Шорохова, В. П. Левкович. М.: Наука, 1985. С. 27–37.
- Журавлев А. Л.* Роль личности руководителя в организации совместной деятельности коллектива // Совместная деятельность: методология, теория, практика. Коллективная монография. М.: Наука, 1988. С. 123–138.
- Журавлев А. Л.* Роль системного подхода в исследовании психологии трудового коллектива // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 6. С. 53–64.
- Журавлев А. Л.* Методика экспертной оценки личностных качеств руководителя производственного коллектива // Социально-психологические методы практической работы в коллективе: диагностика и воздействие / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Хашенко. М.: Институт психологии АН СССР, 1990. С. 85–107.
- Журавлев А. Л.* Принципы системного подхода в исследовании психологии трудового коллектива // Принцип системности в психологических исследованиях / Под ред. Д. Н. Завалишиной, В. А. Барабанщикова. М.: Наука, 1990. С. 114–131.
- Журавлев А. Л.* Психология управленческого взаимодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

- Журавлев А. Л.* Социально-психологический анализ исполнительской деятельности // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 6–16.
- Журавлев А. Л.* Социально-психологические проблемы аттестации руководителей производственных коллективов // Психологические основы профессиональной деятельности: Хрестоматия / Под ред. В. А. Бодрова. М.: Пер Сэ, 2007. С. 685–693.
- Журавлев А. Л., Зотова О. И.* Некоторые социально-психологические аспекты организации социалистического соревнования на промышленном предприятии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 94–103.
- Журавлев А. Л., Зотова О. И., Новиков В. В.* Социально-психологические вопросы организации социалистического соревнования в производственном коллективе // Вопросы психологии. 1977. № 5. С. 61–73.
- Журавлев А. Л., Таранов Е. В.* Социально-психологические основы опосредованных методов руководства // Психологические механизмы регуляции социального поведения / Отв. ред. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1979. С. 287–304.
- Журавлев А. Л., Тугарева Е. В.* Программа социально-психологического исследования выборов руководителей трудовых коллективов // Методики социально-психологической диагностики личности и группы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Хашенко. М.: Институт психологии АН СССР, 1990а. С. 191–208.
- Журавлев А. Л., Тугарева Е. В.* Психологические факторы принятия решения о выборе руководителя из нескольких кандидатур // Практическое мышление: функционирование и развитие / Отв. ред. Д. Н. Завалишина. М.: Институт психологии АН СССР, 1990б. С. 68–75.
- Колесникова М. Е.* Динамика представлений о себе участников совместной управленческой деятельности: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994.
- Лебедев А. Н.* Влияние группового планирования на эффективность совместной деятельности производственной бригады: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1987.
- Оконешникова О. В.* Согласованность представлений о совместной деятельности управленческого коллектива как фактор ее эффективности: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1991.
- Промышленная социальная психология / Под ред. Е. С. Кузьмина, А. Л. Свенцицкого. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
- Русалинова А. А.* Проблемы промышленной социальной психологии: Избранные научные труды (1964–2008 гг.). СПб.: СПбГУ, 2009.
- Сиващенко Е. Н.* Отношение работников к руководителям на предприятиях с разными формами собственности: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Московский гуманитарный университет, 2003.
- Служба социального развития предприятия: Практическое пособие / Под ред. Б. Ф. Ломова, В. Н. Иванова. М.: Наука, 1989.
- Совместная деятельность: Методология, теория, практика / Под ред. А. Л. Журавлева, П. Н. Шихирева, Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1988.
- Социальная психология: Учеб. пособие / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.
- Социально-психологические факторы эффективности деятельности бригад / Под ред. А. Л. Журавлева. М.: Институт психологии АН СССР, 1987.

Позняков В. Н. Динамика межгрупповых отношений в трудовом коллективе в условиях организационно-экономического нововведения: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1991.

Хашенко В. А. Влияние социально-психологических свойств совета бригады на эффективность управления производственным коллективом: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1986.

Ширяев С. А. Методы руководства при рассогласовании управленческого взаимодействия в условиях бригадной и индивидуальной форм организации труда: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1985.

A. L. Zhuravlev's contribution to domestic industrial social psychology

A. A. Grachev

Sc. D. (psychology), professor, leading research officer, Laboratory of labor, ergonomics, engineer and organization psychology, FSFES Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, agrat50@mail.ru

The article discusses the scientific contribution of academician A. L. Zhuravlev to the relevant field of applied psychology – industrial social psychology. The significance for industrial social psychology of its two concepts – managerial interaction and joint activity is discussed. It is shown that the concept of managerial interaction made it possible to determine the characteristics of the functional organization of the activity of the head, the requirements for the personality of the head, the factors of the formation of the leadership style and the characteristics of executive activity. The applied significance of the concept of joint activity consists in substantiating two groups of equivalent factors determining joint activity – organizational-economic and socio-psychological, conditions of existence and optimization of these factors. This concept allows you to provide psychological support to the manager and the workforce.

Keywords: history of psychology, industrial social psychology, concept of managerial interaction, leadership style, performance activity, concept of joint activity, organizational and economic factors, socio-psychological factors, zonal concept.

История сотрудничества по прикладной юридической психологии Академии ФСИН России и Института психологии РАН

Е. Е. Гаврина

кандидат психологических наук, доцент, начальник факультета психологии и пробации Академии ФСИН России, г. Рязань, Россия, gawrina_elena@mail.ru

С позиции истории в статье показаны основные направления сотрудничества Академии ФСИН России и Института психологии Российской академии наук. Среди них выделяются: создание журнала «Прикладная юридическая психология»; организация регулярных научных мероприятий – совместного Всероссийского семинара «Прикладная юридическая психология», Всероссийского симпозиума «Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития», международных научно-практических конференций, проводимых психологическим факультетом Академии ФСИН России в рамках Международного пенитенциарного форума; написание коллективных монографий и научных статей.

Ключевые слова: история психологии, Академия ФСИН России, Институт психологии Российской академии наук, Всероссийский семинар «Прикладная юридическая психология».

Творческое сотрудничество федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (далее – Академия ФСИН России) с федеральным государственным бюджетным учреждением науки «Институт психологии Российской академии наук» (далее – ИП РАН) началось в 2004 г. с приходом в Академию ФСИН России доктора психологических наук, уже состоявшегося специалиста высшей квалификации Дмитрия Владиславовича Сочивко.

С первых дней работы в Академии Дмитрий Владиславович публично заявил о необходимости информировать научную общественность об исследованиях, проводимых в области юридической психологии сотрудниками психологического факультета Академии ФСИН России, привлекая к их проведению наиболее компетентных ведущих ученых по изучаемым темам. Для реализации этой идеи он предложил начать сотрудничество с Институтом психологии Российской академии наук. В то время реализация этой идеи представлялась почти невозможной в связи с тем, что сотрудниками Академии ФСИН России проводились исследования в области пенитенциарной психологии без привлечения гражданских специалистов и были ориентированными на практику. Благодаря научному опыту Дмитрия Владиславовича и активной поддержке директора ИП РАН того времени, члена-корреспондента РАО А.Л. Журавлева в 2005 г. появился договор о творческом сотрудничестве между Академией

ФСИН России и ИП РАН, в рамках которого предусматривалось проведение совместных научных исследований, конференций и возможность защищать диссертационные исследования сотрудниками Академии в диссертационных советах ИП РАН.

Одним из итогов творческого союза Академии и ИП РАН было создание журнала «Прикладная юридическая психология». Первый его номер вышел в декабре 2007 г. под учредительством Академии ФСИН России и автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования «Высшая школа психологии» (далее — Высшая школы психологии). Идея создания данного журнала принадлежала Д. В. Сочивко, которую также поддержали директор ИП РАН А. Л. Журавлев (в настоящее время занимает должность научного руководителя ИП РАН) и ректор Высшей школы психологии, заведующая лабораторией математической психологии ИП РАН кандидат психологических наук, доцент Татьяна Николаевна Савченко (в настоящее время является ведущим научным сотрудником лаборатории психологии познавательных процессов и математической психологии ИП РАН).

В 2008 г. журнал «Прикладная юридическая психология» вошел в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ, в которых должны были публиковаться основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. В 2019 г. в учредители журнала вошел ИП РАН.

Главным редактором журнала с периода его создания и до 2021 г. был Д. В. Сочивко. К глубокому нашему прискорбию, 8 октября 2021 г. Дмитрий Владиславович после продолжительной болезни ушел из жизни. В настоящее время главным редактором журнала является Т. Н. Савченко, заместителем — начальник факультета психологии и пробации Академии ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент Елена Евгеньевна Гаврина.

В 2009 г. Дмитрий Владиславович высказал пожелание об освещении актуальных исследований в области юридической психологии не только в журнале «Прикладная юридическая психология», но и в рамках живой дискуссии теоретиков и практиков. Для решения этого вопроса А. Л. Журавлев, Т. Н. Савченко и Д. В. Сочивко после подробного обсуждения предложили ежегодно организовывать и проводить на базе ИП РАН научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» по междисциплинарным исследованиям в современной психологии России. Реализация этого проекта началась с проведения 20 мая 2010 г. первого семинара, посвященного проблематике становления личности человека в условиях ее развития в правовом поле. Организаторами семинара выступили Академия ФСИН России, ИП РАН и Высшая школа психологии. Ведущими семинара были Д. В. Сочивко и Т. Н. Савченко.

Со вступительным словом на первом заседании семинара выступил директор ИП РАН, член-корреспондент РАН, профессор А. Л. Журавлев. Анатолий Лактионович отметил: «...состав участников семинара свидетельствует о том, что его тема вызвала одновременный интерес у представителей не только научных и образовательных, но и практических организаций» (Журавлев, 2010, с. 11). Он подчеркнул, что большой интерес к теме семинара объяснялся актуальностью рассматривавшихся вопросов:

- злободневностью прикладных проблем юридической психологии, вызванных сложнейшими задачами, связанными с модернизацией российской экономики в целом и реформами системы МВД России в частности;
- междисциплинарным характером решаемых юридической психологией вопросов, пограничных, прежде всего, между психологической наукой и юриспруденцией, а также социологией, наукой управления, политологией, конфликтологией и др.;
- тем, что прикладная юридическая психология характеризуется ярко выраженной практической ориентацией научных разработок, которые изначально имеют научно-практический характер (Журавлев, 2010, с. 11).

В своем вступительном слове докладчик презентовал журнал «Прикладная юридическая психология», указав на то, что общее название семинара и журнала вполне закономерно, обозначил его общие и специальные задачи, подчеркнул, «что ожидания по отношению к новому журналу большие и, надеюсь, оправданные» (там же, с. 12).

Анатолий Лактионович обратил внимание участников и на то, что место для проведения данного семинара — академический Институт психологии РАН — было выбрано не случайно. В функции ИП РАН, согласно Уставу РАН, входит разработка «фундаментальных и прикладных проблем современной науки, в частности психологической. Это обусловлено в первую очередь острой необходимостью разрабатывать научные основы модернизации современной экономики и всякого рода реформирования современного российского общества, включая систему МВД России. Для решения сформулированной таким образом задачи участие специалистов Института психологии РАН вполне уместно» (там же).

Именно Анатолий Лактионович предложил проводить семинары один раз в полугодие, сделать их тематическими, а реализацию запланированной темы (проблемы) осуществлять «в соответствии с общенаучным методологическим принципом единства теории, эксперимента и практики, который был обоснован Б. Ф. Ломовым применительно к решению психологических задач» (там же, с. 13).

Наибольший интерес в научном сообществе вызвали следующие темы заседаний семинара: «Проблемы методологии и методического инструментария юридической психологии», «Исследование личности сотрудников правоохранительных органов ФСИН России», «Психология терроризма», «Проблемы массового сознания: управление и манипулирование на границе правового поля», «Психология межэтнических конфликтов и миграционная преступность», «Патриотическое воспитание как ресурс декриминализации российского общества», «Криминальное поведение: социально-психологические детерминанты», «Психология коррупции: проблемная область и методология исследований», «Открытая и скрытая агрессия как детерминанты разных форм преступного поведения», «Куда уходит детство: проблемы суицидального поведения в молодежной среде», «Психологические последствия киберсоциализации личности», «Цифровизация общества: психологические проблемы личности, репутационная безопасность и правовая ответственность», «Современный имидж правоохранительных органов: мифы и реалии».

Содержание обсуждения многих вопросов, которые рассматривались на семинаре «Прикладная юридическая психология», было предупреждением о возможных негативных последствиях для российского общества. Стоит только вспомнить доклад «Использование образа врага украинскими СМИ и его влияние на отношение к России и русским», сделанный в 2014 г. доктором психологических наук Татьяной Ивановной Пашуковой. Все, о чем она предупреждала в своем докладе, воплотилось в жизнь в наши дни.

Научные доклады, прозвучавшие на семинаре на тему «Куда уходит детство: проблемы суицидального поведения в молодежной среде», не только вызвали широкий резонанс в профессиональном сообществе, но и были доведены до президента Российской Федерации В. В. Путина, на основании чего были внесены поправки в Уголовный кодекс РФ, давшие возможность возбуждать уголовные дела и привлекать к уголовной ответственности лиц, склоняющих детей к совершению суицида. Кроме того, через СМИ граждане Российской Федерации были предупреждены о способах доведения детей до суицида с помощью интернет-групп суицидальной направленности.

За годы работы семинара сложился творческий коллектив из числа постоянных участников, среди которых хотелось бы выделить идеологов этого мероприятия — А. Л. Журавлева, Т. Н. Савченко, Д. В. Сочивко. От Института психологии РАН активное участие в работе семинара принимали А. В. Юревич, Г. М. Головина, А. А. Грачев, В. А. Соснин, Д. А. Китова, А. В. Сухарев, А. А. Гостев, В. А. Афиногенова и др.; от Академии ФСИН России — Е. Е. Гаврина, Т. А. Симакова, Е. А. Щелкушкина, Р. М. Воронин, С. В. Горностаев, Н. А. Полянин, Д. А. Донсков, А. М. Лафуткин, А. В. Молоствов и др.

Огромную благодарность хочется выразить постоянным участникам семинара, которые не просто своими выступлениями в дискуссиях, но и докладами на актуальные темы обогащали научные мероприятия: М. Г. Дебольскому, С. Н. Ениколопову, А. В. Пищелко, И. В. Блинниковой, В. М. Позднякову, С. В. Гарнику, Е. Г. Дозорцевой, Ф. С. Сафуанову, С. К. Бондыревой, Д. М. Плоткину, протоиерею Роману, В. А. Плешакову, В. Ф. Енгальчеву.

Высокий статус проводимого мероприятия подтверждается участием в нем в разные годы начальников Академии ФСИН России Александра Яковлевича Гришко и Александра Александровича Крымова, начальника Самарского юридического института ФСИН России Романа Анатольевича Ромашова, первого заместителя начальника управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России Фёдора Игоревича Ушакова, декана психологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, академика РАО, профессора Юрия Петровича Зинченко, заместителя декана факультета психологии по учебно-методической работе МГУ им. М. В. Ломоносова, академика РАО, профессора Николая Николаевича Нечаева, заместителя начальника Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктора психологических наук, профессора Сергея Николаевича Федотова, генерального директора Интернационального центра спасения детей от киберпреступлений Сергея Владимировича Пестова, профессора Академии МВД Республики Беларусь, доктора психологических наук, профессора Александра Николаевича Пастушени, старшего советника юсти-

ции, старшего помощника прокурора Рязанской области, кандидата юридических наук Дмитрия Матвеевича Плоткина.

Ряд исследований, результаты которых излагались и обсуждались на заседаниях семинара, были проведены в рамках грантов, поддержанных РГНФ и Правительством Рязанской области.

По итогам проведенных семинаров были подготовлены коллективные монографии и научные статьи, авторами которых стали сотрудники Академии ФСИН России, ИП РАН, а также представители других образовательных организаций и научно-исследовательских институтов.

Особую популярность среди научного сообщества получили такие монографии, как: Журавлев и др., 2020; Научные подходы..., 2023; Образ Петра I..., 2022; Психологические исследования в интернет-пространстве..., 2020; Психология нравственности, 2010; Психология повседневного и травматического стресса..., 2016; Психология суицидального терроризма..., 2012; Социально-психологические исследования коррупции..., 2017; Сочивко, 2015; Человек в условиях глобальных рисков..., 2020; и мн. др.

В настоящее время в состоянии подготовки к печати находится коллективная монография «Современный имидж правоохранительных органов: мифы и реалии», подготовленная по итогам семинара 2022 г.

В рамках реализации творческого договора между Академией ФСИН России и Институтом психологии РАН в 2006 г. сотрудниками Академии совместно с заместителем директора по общим вопросам ИП РАН, кандидатом психологических наук А. К. Боковиковым была подготовлена монография (Сочивко и др., 2006).

Необходимо отметить, что сотрудники Института психологии РАН знакомы научному сообществу с результатами своих фундаментальных и прикладных исследований в области юридической, общей и педагогической, социальной и экономической психологии через опубликование научных статей в журнале «Прикладная юридическая психология». Наиболее активное участие в публикациях приняли такие авторы, как А. Л. Журавлев, А. В. Юревич, Т. Н. Савченко, Д. А. Китова, В. А. Соснин, А. В. Сухарев, Г. М. Головина, В. Б. Рябов, Т. А. Нестик, А. Н. Воронин, М. И. Воловикова, А. М. Борисова, А. С. Баканов.

Еще одним проектом творческого сотрудничества Академии ФСИН России и Института психологии РАН является проведение совместных ежегодных научных мероприятий на базе Академии ФСИН России: Международной научно-практической конференции «Воспитательная, социальная и психологическая работа в уголовно-исполнительной системе» (с 2022 г. название конференции изменено на «Современная пенитенциарная практика: воспитательная, социальная и психологическая работа». Проводится с 2013 г.) и Всероссийского симпозиума «Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития» (проводится с 2019 г.). Представители ИП РАН регулярно принимают непосредственное участие в разработке научных программ данных мероприятий, выступают руководителями секций, готовят научные статьи в сборники материалов конференций, приглашают для участия в работе секций ведущих ученых России, представляющих самые разные отрасли психологии.

В свою очередь, сотрудники Академии ФСИИ России принимают активное участие в научных мероприятиях, проводимых на базе Института психологии РАН, публикуются в сборниках научных трудов, материалах соответствующих конференций, журналах института.

Творческий союз Академии ФСИИ России и Института психологии РАН длится 18 лет! Надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество во благо психологической науки и практики.

Литература

- Журавлев А. Л.* Вступительное слово // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 11–14.
- Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Ковалева Ю. В., Смирнов А. А.* Психологические факторы развития геополитических отношений: субъекты, механизмы, тенденции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Научные подходы в современной отечественной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023.
- Образ Петра I в обыденном и научном сознании: анализ социальных сетей и научных источников. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022.
- Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. doi: 10.38098/soc.2020.89.12.001.
- Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке / Под ред. А. Л. Журавлева. М.: Форум, 2012.
- Социально-психологические исследования коррупции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова, В. А. Соснин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Сочивко Д. В.* Криминально-правовой инфантилизм. М.: Высшая школа психологии; Рязань: Академия ФСИИ России–РГМУ им. И. П. Павлова, 2015.
- Сочивко Д. В., Гаврина Е. Е., Боковиков А. К., Белокуров Г. И.* Подсознание личности террориста / Под общ. ред. Д. В. Сочивко. М., 2006.
- Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.

History of cooperation in applied legal psychology

E. E. Gavrina

candidate of psychological sciences, associate professor, head of Psychology and Probation Department of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, gawrina_elen@mail.ru

The article reveals the main directions of cooperation between the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia and the Institute of Psychology of the Russian Academy of Science from the historical point of view. The result of the cooperation stands out for the creation of the “Applied Legal Psychology” journal; the organization of an-

nual scientific events for All-Russian seminar “Applied Legal Psychology”, All-Russian symposium “Psychology of the XXI century: challenges, searches, vectors of development”, International scientific-practical conferences held by the Psychology Department of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia the framework of the International Penitentiary Forum; moreover it represents the joint writing of collective monographs and scientific articles.

Keywords: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, All-Russian Seminar “Applied Legal Psychology”, Applied Legal Psychology Journal.

**Роль личности в развитии отечественной психологии:
А. Л. Журавлев – ученый, организатор, наставник**

Т. А. Жалагина

доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой
«Психология труда и клиническая психология», Почетный работник высшего
профессионального образования Российской Федерации, Тверь, Россия

Статья посвящена роли личности в истории развития психологической науки – профессору, академику РАН и академику РАО, научному руководителю Института психологии РАН, главному редактору «Психологического журнала» РАН, Почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации Анатолию Лактионовичу Журавлеву. Анализ профессиональной деятельности известного ученого выполнен лишь в одном аспекте – на основе рассмотрения истории сотрудничества Института психологии Российской академии наук и Тверского государственного университета. Выявлены основные исторические вехи 30-летнего научного сотрудничества с выделением ключевых событий. Представлены совместные научные мероприятия, которыми являлись научные конференции, коллективные монографии, сборники научных трудов, также совместные статьи в отечественных и зарубежных изданиях в области психологии труда, социальной психологии, психологии управления. Акцент делается на значении профессионально важных и личных качеств ученого – А. Л. Журавлева, к которым относятся: неординарное мышление, чувства долга и ответственности как перед коллективом ученых ИП РАН, так и перед российской психологической общественностью. А. Л. Журавлев – настоящий патриот дела психологии, которому он служит всю свою жизнь. Также рассматриваются компетенции, лежащие в основе высочайшего профессионализма ученого: способность к критическому анализу и объективной оценке современных научных достижений, генерирование новых идей при решении исследовательских и практических задач, владение культурой научного исследования в области психологии, способность к разработке новых способов исследования и их применению в самостоятельной научно-исследовательской деятельности, готовность организовать работу исследовательского и педагогического коллектива. В конце статьи делается вывод о том, что А. Л. Журавлев является крупным ученым и большим человеком, вся деятельность которого является профессионально мотивированной движущей силой развития науки, что, в свою очередь, определяется всеобъемлющей преданностью психологической науке, которой он посвятил всю свою жизнь.

Ключевые слова: ученый, А. Л. Журавлев, монография, коллективный субъект труда, совместная деятельность, социальная психология, психология управ-

ления, психология труда, Институт психологии РАН, Тверской государственный университет, научное сотрудничество.

Развитие социума на всех этапах становления человечества всегда сопровождалось доминированием научных исследований в различных областях, в том числе в психологии. Этот факт подтверждается тем, что психология, как наука о человеке и его душе, всегда опережала развитие многих других научных направлений. Объяснить это можно только с позиции *личностно-ориентированного подхода* и роли конкретной личности, способствующей реализации поставленных научных целей и достижению конкретного жизненно-важного результата.

Таким образом, мы подошли к главной теме нашей статьи, связанной с ролью личности в истории развития психологической науки. И эта личность — Анатолий Лактионович Журавлев — доктор психологических наук, профессор, академик РАН и академик РАО, научный руководитель Института психологии РАН, специалист в области социальной, организационной и экономической психологии, психологии личности, труда и управления, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Член Президиума Российского психологического общества, Член Президиума Федерации психологов образования России, Член Президиума научно-методического совета по психологии УМО университетов Российской Федерации, главный редактор «Психологического журнала» РАН и журнала «Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология», член редколлегии «Российского психологического журнала», журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика», лауреат премии С. Л. Рубиншейна РАН, руководитель лаборатории истории психологии и исторической психологии ИП РАН и др.

Весь научный и жизненный путь ученого связан с постоянным научным сопровождением создания и развития различных направлений в разных областях психологии — управленческой, организационной, психологии личности и труда, социальной и экономической, психологии образования и подготовки субъекта труда к профессиональной деятельности, а в последние примерно два десятилетия — методологии и истории психологии, а также наукометрии в психологии.

Деятельность ученого постоянно направлена на углубление теоретико-методологических оснований указанных областей, исследование новых научных направлений и методов — историко-психологических, теоретико-методологических, психолого-педагогических. В процессе научных исследований разрабатывались научные подходы и новые концепции, парадигмы, на основании которых производился анализ реально новых общественно значимых явлений в сложившейся современной ситуации с целью изучения возможностей формирования личностных, социально-психологических и научно ориентированных предпосылок к их осмыслению и использованию в различных видах научной деятельности.

По мнению А. Л. Журавлева, появление большого разнообразия видов труда при сопровождающих этот процесс изменениях создании организационных, социально-психологических и профессиональных условий привело к взаимно-

му пересечению предметных полей таких психологических отраслей, как: психология труда, организационная психология, психология управления. Таким образом, сформировалась ситуация, вызвавшая потребность выхода на новые варианты системного подхода к изучению субъекта труда и управления, в том числе и как «коллективного субъекта труда», с опорой на современные теоретико-методологические подходы с последующим этапом практических разработок психологами различных видов и форм профессиональной деятельности (Современные тенденции развития..., 2015).

Институт психологии РАН под административным (2002–2018 гг.) и научным (с января 2018 г.) руководством А. Л. Журавлева, на протяжении многих лет уделял особое внимание развитию российской психологии управления. А. Л. Журавлев выделяет следующие характеристики процесса *становления психологии управления*: высокая степень зависимости от уровня востребованности знаний со стороны общественной практики; мощный поток специалистов из разных отраслей психологии и смежных социальных и технических наук; использование готовых исходных принципов, основных понятий, концептуальных схем, инструментария исследований, разработанных в других отраслях науки; использование регулярно проводимых научно-практических конференций как основной формы профессиональной рефлексии состояния и перспективы развития отрасли (Современные проблемы..., 2002).

Именно такие наиболее значимые направления психологических исследований, как психология труда и управления, являются основой сотрудничества между ИП РАН и Тверским государственным университетом – факультетом психологии, которое на протяжении более 35 лет осуществлялось именно благодаря А. Л. Журавлеву.

Особого внимания в области психологии управления заслуживают важнейшие труды А. Л. Журавлева. Целесообразно остановиться на нескольких из них, оказавших особое влияние на профессиональное восприятие значимости данных научных материалов. Монография «Психология совместной деятельности» (Журавлева, 2005) является актуальной и по сей день, так как посвящена теоретическим, эмпирическим и практическим проблемам совместной деятельности на основании проведенного ученым научного анализа в глубоком историческом контексте.

Главным достоинством монографии является представленная динамика развития исследований по изучаемым проблемам посредством совокупности психологических феноменов, описываемых таким понятием, как «совместная деятельность». А. Л. Журавлевым представлены различные формы совместной деятельности, причем в разных трудовых коллективах и с разной профессиональной направленностью. Именно на основании этого создана *динамическая концепция совместной деятельности и коллективного субъекта труда*. Его особой заслугой является то, что впервые в истории психологии представлена библиография источников по исследованию психологии совместной деятельности. Развитие современной психологии труда, управления и в целом психологии было бы затруднено или практически невозможно без разработанных концептуальных оснований указанных понятий. А. Л. Журавлев осуществил принципиальные изменения в области дальнейшего развития психологии труда

и управления. Ни один научный труд не обходится без ссылок на обоснованно введенные и тщательно научно обоснованные понятия «совместная деятельность» и «коллективный субъект» труда (Журавлев, 2005; и др.).

Коллективный труд (Социальная психология труда..., 2010), подготовленный под совместным редактированием с Л. Г. Дикой, играет особую роль в истории развития психологической науки. Понятие «социальная психология труда» на сегодняшний день еще не приобрело всеобъемлющий статус научной категории, но развитие современного состояния психологии труда и управления свидетельствует о необходимости признания данного статуса. Научная деятельность в части написания работ по психологии труда и психологии управления затрагивает как социально-психологические аспекты профессиональной деятельности, так и социально-экономические изменения, произошедшие за последние три десятилетия. Таким образом, с учетом совместных трудовых и управленческих отношений просматривается обоюдная заинтересованность в совместных исследованиях по указанной проблематике и выделения отдельной психологической области (или направления) под названием «социальная психология труда». Важность данного научного издания неоспорима, авторам и соредакторам удалось соединить два направления психологии труда, причем наиболее значимых, и создать необходимый раздел психологии с точки зрения единого проблемного поля, хорошо соотносящихся друг с другом концептуальных, практически ориентированных и эмпирических оснований и самое главное — обоснование психологической тенденции создания актуальных направлений в качестве нового приобщенного «знания» (там же).

Монография «Психология управленческого взаимодействия» (Журавлев, 2004), наряду с огромной значимостью теоретических, эмпирических и прикладных исследовательских задач психологии управления, представляет научный анализ в двух контекстах — историческом и современном, причем на основании взаимодействия субъектов деятельности в иерархически организованных системах. Представлено скрупулезное исследование как деятельности организации, так и личности руководителя в качестве субъекта управленческого труда. Самое значимое и перспективно обозначенное в этой работе — это рассмотрение вышеуказанных феноменов в новых социально-экономических условиях, характеризующихся наличием ситуаций риска и нестабильности в трудовых отношениях. Работа имеет серьезное, актуальное на сегодняшний день теоретико-методологическое и прикладное значение, заключающееся в том, что в ней представлены различные формы работы с персоналом организаций, такие как: аттестация кадров, психологическая оценка, выборы сотрудников на конкурсной основе. Помимо этого — дополнительная психологическая подготовка и активные методы обучения. Высоко значимая, в том числе и практико-ориентированная, книга предназначена для психологов различных научных направлений: экономическая психология, политическая психология, психология труда, организационная психология, психология управления. Ценность этого труда заключается в том, что ее можно использовать для работы со студентами, преподавателями, представителями различных направлений деятельности в смежных как социальных, так и экономических областях. В качестве приме-

ра можно указать на следующие специальности: муниципальное управление, менеджмент организации, управление персоналом, политология, социология управления и другие (там же).

Некоторый анализ представленных монографий исследователя, организатора, методолога и наставника А. Л. Журавлева в таких аспектах психологии труда и управления, как профессиональная деятельность и ее регуляция, профессиональная среда, становление, развитие, адаптация и социализация субъекта труда и др., свидетельствует о возможности крупных положительных изменений в социуме с учетом достижения реальных целей и задач с опорой на результаты эмпирических исследований известного ученого.

На основании проведенных и проводимых А. Л. Журавлевым теоретических и прикладных исследований можно сделать предположение об эффективном взаимодействии фундаментальной и прикладной психологии путем создания на разных уровнях новых теоретико-методологических подходов, концепций, теорий. Именно это послужит толчком к проведению теоретико- и практико-ориентированных научных исследований с учетом мировых достижений, а также выстраивания перспектив сотрудничества на уровне научного сообщества.

Вклад А. Л. Журавлева в развитие психологической науки в Тверском государственном университете — на факультете психологии

Весь жизненный и профессиональный путь А. Л. Журавлева является отражением истинного служения психологической науке, что способствует развитию образовательных психологических технологий в разных областях психологической подготовки.

В данном разделе статьи речь пойдет о совместной научной деятельности Института психологии Российской академии наук и факультета психологии Тверского государственного университета. Плодотворное сотрудничество началось с 1988 г., когда директором ИП АН СССР работал член-корреспондент АН СССР Б. Ф. Ломов. На начальном этапе оно осуществлялось в виде отдельных совместных публикаций тверских психологов с учеными Института психологии АН СССР. Проводились также семинары для аспирантов и молодых ученых, круглые столы, конференции разного уровня, в том числе с участием и под руководством А. Л. Журавлева.

История более тесного сотрудничества Института психологии Российской академии наук с факультетом психологии Тверского государственного университета относится к началу XXI в. после назначения (февраль 2002 г.) на должность директора ИП РАН доктора психологических наук, профессора А. Л. Журавлева. Научное сотрудничество с Институтом психологии РАН под научным руководством А. Л. Журавлева продолжается и по сей день. Традиционно проводятся Международные конференции по проблемам психологии труда, организационной психологии и психологии управления, организаторами которых выступают Институт психологии РАН и факультет психологии Тверского государственного университета.

Научные труды А. Л. Журавлева в области психологии труда и инженерной психологии, социальной и экономической психологии, психологии управ-

ления и безопасности, такие как: «Нравственно-психологическая регуляция экономической активности», «Психология управленческого взаимодействия», «Психология совместной деятельности», «Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования» и многие другие – являются неоценимым вкладом в развитие психологической науки и серьезной научной базой для дальнейших исследований в самых разных областях психологии (Журавлев, 2004, 2005; Журавлев, Купрейченко, 2003, 2007, 2012; и др.).

Профессиональным психологам хорошо известно, что научные интересы А. Л. Журавлева концентрируются не только в области психологии управления, организационной психологии и психологии труда, но и социальной и экономической психологии, психологии личности, методологии и истории психологии, области изучения закономерностей развития современных психологических исследований, формирования нового психологического знания и др. Автором разработана психологическая концепция совместной деятельности и ее коллективного субъекта, что способствовало применению системного подхода (Б. Ф. Ломов) в рамках экономической и социальной психологии, а также психологии труда и управления.

Современная психология – это одна из наиболее интенсивно развивающихся областей науки. В 20-х годах XXI в. мы гораздо больше знаем о психических процессах, состояниях и свойствах, чем некоторое время назад. В психологии постоянно появляются и совершенствуются новые приемы исследования, методики и процедуры, усиливается роль и значение эмпирических исследований и научно-исследовательского поиска. Расширяется область явлений, которые становятся предметом изучения психологии. Научно-исследовательскую деятельность можно считать попыткой реализации научного поиска, способствующего расширению границ познания, открытию новых закономерностей психологии и расширению психологических знаний.

Со стороны Тверского государственного университета инициаторами тесного научного сотрудничества стали тверские психологи – доктора наук Георгий Викторович Телятников, Алексей Фёдорович Шикун, Хаим Ицкович Лейбович. По сути, они являются основателями факультета психологии Тверского государственного университета. Их вклад в развитие психологической науки Тверского региона связан с психологией труда, управленческой и организационной психологией. Г. В. Телятников инициировал выделение наиболее значимых аспектов в развитии психологии управления и психологии труда. Свое место, благодаря ученому, в парадигме психологии управления нашли психологические средства и условия психологического воздействия, которые были включены им в предметное поле психологии труда. Именно благодаря Г. В. Телятникову были заложены основы формирования научных связей в области психологии труда и управления (Телятников, 2002; и др.).

Продолжая говорить о предметном поле психологии труда, необходимо вспомнить Алексея Федоровича Шикуну – выдающегося ученого-психолога Тверского края (подробнее см.: Журавлев, Жалагина, 2017). Будучи высокопрофессиональным психологом в области управления кадрами, он внес большой вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов-психологов Тверской области. А. Ф. Шикун – первый председатель диссертационного со-

вета по специальности 19.00.03 — психология труда, инженерная психология, эргономика Тверского государственного университета.

Хаим Ицкович Лейбович — также один из известнейших ученых-психологов факультета психологии Тверского государственного университета. Будучи участником Великой Отечественной войны, он внес значительный вклад в анализ и обобщение ее опыта, разработку особо важных проблем развития военного искусства, повышение научного уровня управления структурами противовоздушной обороны на основе использования современных достижений науки и техники. Именно благодаря таким ученым-психологам, как Г. В. Телятников, А. Ф. Шикун и Х. И. Лейбович, было положено начало научно-психологического сотрудничества между Институтом психологии РАН, возглавляемым в тот период Анатолием Лактионовичем Журавлевым, и Тверским государственным университетом.

Сотрудничество осуществлялось по самым актуальным направлениям психологической науки: «Духовно-нравственный потенциал профессионала», «Теоретико-методологические подходы к решению психологических вопросов взаимодействия человека с робототехникой», «Психология безопасности профессиональной деятельности», «Психологические аспекты управления социальным капиталом и профессиональным здоровьем», «Психические (функциональные) состояния и регуляция в профессиональной деятельности», «Глобальные риски и вызовы организационной среды», «Психологические исследования лидерства и корпоративной культуры», «Психология виртуальной организации» и многие другие.

Но главным направлением сотрудничества всегда оставались психология труда, организационная психология и психологи управления, о чем уже было сказано в первой части статьи.

Наиболее необходимой и значимой с позиции развития современных технологий является коллективная монография (Психология труда, организации и управления..., 2021). В данной работе представлены научные исследования сотрудников Тверского государственного университета, Института психологии РАН и других образовательных и научных организаций. Исследования посвящены рассмотрению и осмыслению теоретико-методологических аспектов психологии труда и управления, организационной психологии в новых социальных условиях современного мира. Материалы монографии отражают общую тенденцию развития психологической науки первой четверти нового тысячелетия, учитывающей современные очно-дистанционные технологии профессиональной деятельности субъектов труда.

Указанная и другие совместные монографии являются отражением постоянного развития психологической науки с позиции раскрытия роли всех компонентов социально-психологического знания в решении проблем становления и развития субъекта труда как представителя социума и как сложившуюся личность, способную к реализации соответствующих профессиональных функций.

Коллективные монографии, совместно выпускаемые под научным руководством академика РАН А. Л. Журавлева, имеют огромное значение для развития психологической науки не только нашей страны, но и зарубежья. Благодаря таким научным трудам можно с уверенностью констатировать, что как науч-

ный, так и практический интерес к проблемам становления личности как субъекта труда в новых социальных условиях, в том числе широкой цифровизации, остается и будет оставаться чрезвычайно актуальным на протяжении нескольких десятилетий, так как будет требовать рассмотрения все новых видов профессиональной деятельности, выявления и создания соответствующих условий их становления и развития с целью продолжения и психологического сопровождения инновационного развития социума.

Подготовленные коллективные монографии имеют огромное научно-образовательное и социально-экономическое значение, так как могут быть использованы для успешной реализации профессиональной деятельности не только представителями психологических направлений, но и субъектами труда, работающими в сферах управления и бизнеса.

В результате сотрудничества наших организаций и в рамках указанных направлений были подготовлены и выпущены многие крупные монографии, краткая характеристика которых представлена ниже: авторская монография «Психологическое обеспечение преодоления профессиональной деформации личности преподавателя вуза» является результатом труда Т. А. Жалагиной в период подготовки докторской диссертации, которая была завершена благодаря А. Л. Журавлеву (Жалагина, 2004); «Психология, управление, бизнес: проблемы взаимодействия» (2016); «Субъект труда и организационная среда: проблемы взаимодействия в условиях глобализации» (2019); «Психология труда, организации и управления в условиях цифровой трансформации общества» (2021).

Наряду с монографиями регулярно выходили в свет совместные статьи по наиболее актуальным направлениям психологии труда и управления: «Психолого-социальное сопровождение управления трудовым процессом – залог успешности профессиональной деятельности» (Жалагина, 2017); «Взаимодействие субъекта труда и организационной среды как предмет психологического исследования в условиях глобальных изменений (вместо введения)» (Жалагина и др., 2019); «Теоретико-методологические проблемы психологии управления в трудах Г. В. Телятникова» (Жалагина, 2019).

Большое значение имеют статьи, опубликованные в «Психологическом журнале» РАН, индексируемые в Web of Science и Scopus. Можно упомянуть только некоторые из них: «Психология на пути интеграции науки и практики» (Жалагина, Короткина, 2012), «Глобальная психология: от истории к перспективам развития» (Жалагина, Короткина, 2019), «Технологические инновации в процессе развития социума – от плюсов и минусов к консенсусу» (Жалагина, 2021).

Особого внимания заслуживают совместно проведенные конференции Института психологии Российской академии наук и Тверского государственного университета, по материалам которых издавались сборники научных трудов: Психология труда и управления в современной России: организация, руководство и предпринимательство: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию факультета психологии и социальной работы (2014); Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (2015); Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований: Материалы

Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию А. Ф. Шикун (2017); Психология труда и управления как ресурс развития общества в условиях глобальных изменений: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию факультета психологии Тверского государственного университета (2018); Психология труда, организации и управления в условиях современных технологий: состояние и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции (2–4 июня 2020 г.) (2020).

Все указанные научные труды, как коллективные монографии, так и статьи, были опубликованы во многом благодаря непосредственному организующему участию А. Л. Журавлева – человека, всю свою жизнь посвятившего служению психологической науке, системе образования РФ, непосредственно – Институту психологии РАН. Огромный опыт исследовательской работы, профессионально важные качества научного руководителя, наставника, организатора крупных научных проектов в разных регионах Российской Федерации, включая Тверской государственный университет, умение видеть и предвидеть основополагающие мотивы движения по пути созидания и важных научных достижений – всё это присуще Анатолию Лактионовичу Журавлеву.

Сложившееся практически 35-летнее сотрудничество Института психологии Российской академии наук и факультета психологии Тверского государственного университета имеет большое значение для дальнейшего развития психологической науки как в нашей стране, так и зарубежом.

Не могу не сказать отдельное спасибо Анатолию Лактионовичу лично от себя. В моей научной судьбе он сыграл первостепенную роль. В процессе написания докторской диссертации «Психологическая профилактика профессиональной деформации личности преподавателя вуза» (2004) мне была оказана неоценимая помощь в виде научных консультаций и бесед по выбранному направлению исследований, что способствовало формированию необходимых научных компетенций, на основании которых была закончена докторская диссертация и успешно защищена. Именно благодаря защите докторской диссертации я впоследствии стала деканом факультета психологии Тверского государственного университета, заведующей кафедрой «Психология труда и клиническая психология», которую возглавляю и по сей день, а также председателем диссертационного совета по психологии труда и педагогике, который также продолжает функционировать. За период работы нашего диссертационного совета с 2008 г. было защищено более 100 кандидатских и докторских диссертаций, что свидетельствует о серьезном вкладе в развитие психолого-педагогического направления в Российской Федерации. И все это реализуется благодаря человеку, преданному делу всей своей жизни, обладающему качествами настоящего руководителя, эффективного помощника и наставника, отличающегося высоким уровнем общечеловеческой и психологической культуры и предвидением будущих результатов, к которым он стремится и ведет других за собой – Анатолию Лактионовичу Журавлеву.

Низкий Вам поклон, Анатолий Лактионович лично от меня, Вашей последовательницы, и от всего нашего коллектива психологов Тверского государственного университета. Вы являетесь не только координатором психологичес-

кой активности нашего вуза, но и вдохновителем открытия новых направлений деятельности для многих наших коллег. Надеемся, что и в дальнейшем плодотворная совместная деятельность между Тверским государственным университетом и Институтом психологии Российской академии наук будет успешно продолжена.

Заключение

Проведенный научно- и практико-ориентированный анализ совместной деятельности Института психологии РАН и факультета психологии Тверского государственного университета, которая осуществлялась на протяжении более 35 лет под руководством известного ученого, организатора и наставника А.Л. Журавлева, свидетельствует, прежде всего, как об огромной роли личности ученого в истории развития науки и образования, так и о существенных научных результатах российской психологической науки, достигнутых благодаря высококвалифицированной исследовательской и организаторской деятельности ученого.

Проведенный экскурс в историю сотрудничества Института психологии РАН и Тверского государственного университета, анализ и сопоставление конкретных событий этого плодотворного сотрудничества позволяет оценить вклад А.Л. Журавлева в качестве иницилирующего начала, проективно и субъективно определяющего совместную деятельность коллективного субъекта труда. Результативно завершенные процессы деятельности нацелены на сохранение и передачу психологического знания следующим поколениям исследователей. Роль ученого А.Л. Журавлева в этом творческом процессе неопределима и многогранна! В основе этой многогранности следует выделить личностные качества руководителя, обладающего такой силой убеждения, на основании которой выстраиваются совместные научные направления, способствующие достижению социально значимых научных целей, иницилирующие создание новых научных направлений исследований и таким образом служащие основой приращения нового психолого-социального и педагогико-ориентированного знания.

Именно таким образом организована профессиональная деятельность Анатолия Лактионовича Журавлева, ученого, всей своей жизнью демонстрирующего реализацию следующих универсальных профессиональных компетенций: способность к критическому анализу и объективной оценке современных научных достижений, генерирование новых идей при решении исследовательских и практических задач, владение культурой научного исследования в области психологии, способность к разработке новых методов исследования и их применению в самостоятельной научно-исследовательской деятельности, готовность организовать работу исследовательского и педагогического коллектива. Также – способность проектировать и осуществлять комплексные научные исследования, в том числе – междисциплинарные, на основе системного научного мировоззрения, способность принимать мотивированное решение в нестандартных ситуациях и готовность нести ответственность за их последствия.

Анатолий Лактионович привносит в нашу профессиональную жизнь новые понятия и смыслы, проявляет профессионализм высочайшего уровня, со-

пряженный с реализацией огромнейшего потенциала созидателя, конструктора будущего нашей психологической науки.

Мы, ученики крупного ученого, всегда с нетерпением ждем появления каждого нового научного произведения, чтобы в очередной раз проникнуть в глубину мыслей, идей, причинно-следственных связей с целью научно-психологического развития и дальнейшего совершенствования нашей профессиональной деятельности.

Все сказанное свидетельствует о высочайшем профессионализме ученого, который примером своей научной деятельности и жизни иллюстрирует преданность делу, которому он служит, — делу процветания и постоянного совершенствования наукоемких технологий, развития целостной системы научного психологического знания, направленного на решение задач сохранения и плодотворного развития как психологической науки в целом, так и отдельных научных коллективов — подлинных коллективных субъектов труда.

Именно благодаря такой деятельности, которую реализует профессор, академик РАН и академик РАО А. Л. Журавлев, можно быть уверенными в том, что мы с вами будем продолжать развивать идеи психологии, определяя их в качестве источника будущего развития как науки, так и общества.

Литература

- Жалагина Т. А.* Психологическая профилактика профессиональной деформации личности преподавателя вуза: Дис. ... докт. психол. наук. Тверь, 2004.
- Жалагина Т. А.* Психолого-социальное сопровождение управления трудовым процессом — залог успешности профессиональной деятельности // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 2. С. 185—200.
- Жалагина Т. А.* Теоретико-методологические проблемы психологии управления в трудах Г. В. Телятникова // Историческая преемственность в отечественной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 235—246.
- Жалагина Т. А.* Технологические инновации в процессе развития социума — от плюсов и минусов к консенсусу // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 2. С. 122—126.
- Жалагина Т. А., Журавлев А. Л., Журавлева Е. А.* Взаимодействие субъекта труда и организационной среды как предмет психологического исследования в условиях глобальных изменений (вместо введения) // Субъект труда и организационная среда: проблемы взаимодействия в условиях глобализации / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. А. Жалагиной, Е. Д. Короткиной, Е. А. Журавлевой. Тверь: Изд-во Тверск. гос. ун-та, 2019. С. 4—10.
- Жалагина Т. А., Короткина Е. Д.* Глобальная психология: от истории к перспективам развития // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 3. С. 119—123.
- Жалагина Т. А., Короткина Е. Д.* Психология на пути интеграции науки и практики // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 137—140.
- Журавлев А. Л.* Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

- Журавлев А. Л.* Актуальных проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Журавлев А. Л.* История создания Института психологии РАН (Института психологии Академии наук СССР): Лекция. М., 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dJNAZdGqgxo> (дата обращения: 28.08.2023).
- Журавлев А. Л., Жалагина Т. А.* 90-летию выдающегося ученого – Шикуну Алексея Фёдоровича, посвящается // Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследования. Тверь: Изд-во Тверск. гос. ун-та, 2017. С. 10–15.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Социально-психологическое пространство личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психология профессионала: личность, деятельность, организация: коллективная монография / Под ред. Т. А. Жалагиной, Л. Ж. Каравановой, Е. Д. Короткиной. Тверь: Изд-во Тверск. гос. ун-та, 2014.
- Психология труда и управления в современной России: организация, руководство и предпринимательство: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию факультета психологии и социальной работы. Тверь: Изд-во Тверск. гос. ун-та, 2014.
- Психология труда и управления как ресурс развития общества в условиях глобальных изменений: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию факультета психологии Тверского государственного университета. Тверь: Изд-во Тверск. гос. ун-та, 2018.
- Психология труда, организации и управления в условиях современных технологий: состояние и перспективы развития: Материалы Международной научно-практической конференции 2–4 июня 2020 г. Тверь: Изд-во Тверск. гос. ун-та, 2020.
- Психология труда, организации и управления в условиях цифровой трансформации общества. Тверь: Изд-во Тверск. гос. ун-та, 2021.
- Психология, управление, бизнес: проблемы взаимодействия: коллективная монография. Тверь: Изд-во Тверск. гос. ун-та, 2016.
- Психология управления в современной России: процессы труда и организации: Материалы Международной научно-практической конференции. Тверь: Изд-во Тверск. гос. ун-та, 2012.
- Психология управления в современной России: теория, эмпирические исследования, практика: Материалы Международной научно-практической конференции. Тверь: Изд-во Тверск. гос. ун-та, 2010.
- Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований: к 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ, доктора психологических наук, профессора Алексея Федоровича Шикуну: Материалы Международной научно-практической конференции студентов, магистров, аспирантов, молодых ученых и их наставников, Тверь, 25 апреля 2017 г. Тверь: Изд-во Тверск. гос. ун-та, 2017.
- Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии: Сборник материалов Международной научно-практической

кой конференции (Москва, 15–16 октября 2015 г.). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Современные проблемы психологии управления: Сборник научных трудов / Отв. ред. Т. П. Емельянова, А. Л. Журавлев, Г. В. Телятников. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.

Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Социальная психология труда. Теория и практика. Т. 1 / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Субъект труда и организационная среда: проблемы взаимодействия в условиях глобализации. Тверь: Изд-во Тверск. гос. ун-та, 2019.

Телятников Г. В. Соотношение методологии, теории и практики психологии управления // Современные проблемы психологии управления / Отв. ред. Т. П. Емельянова, А. Л. Журавлев, Г. В. Телятников. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 18–35.

The role of the person in the development of Russian psychology:

A. L. Zhuravlev – scientist, enlightener, mentor

T. A. Zhalagina

doctor of psychology, professor, head of the department of Labor Psychology and Clinical Psychology, Tver State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

The article is devoted to the role of the individual in the history of the development of psychological science – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the Psychological Journal of the Russian Academy of Sciences, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation Anatoly Laktionovich Zhuravlev. The analysis of the professional activity of the outstanding scientist was carried out on the basis of a review of the history of cooperation between the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences and Tver State University. The main historical milestones of 30 years of scientific cooperation are highlighted with the highlighting of key events. Joint scientific events are presented, which are scientific conferences, collective monographs, collections of scientific papers. Also joint articles in domestic and foreign publications in the field of labor psychology, social psychology, management psychology. The emphasis is on the importance of professionally important and personal qualities of an outstanding scientist – A. L. Zhuravlev, which include: extraordinary thinking, a sense of duty and responsibility both to the team of scientists from the IP RAS, and to the entire Russian psychological community. A. L. Zhuravlev is a true patriot of the cause of psychology, whom he has served all his life. The competencies underlying the highest professionalism of a scientist are also considered: the ability to critically analyze and objectively evaluate modern scientific achievements, generate new ideas in solving research and practical problems, master the culture of scientific research in the field of

psychology, the ability to develop new educational research methods and their application. in independent research activities, readiness to organize the work of the research teaching staff. At the end of the article, it is concluded that A. L. Zhuravlev is a scientist and a man with a capital letter, whose entire activity is a professionally motivated driving force in the development of science, which, in turn, reflects a comprehensive dedication to the cause of psychology, to which he devoted his whole life.

Keywords: scientist, A. L. Zhuravlev, monograph, collective subject of labor, joint activity, social psychology, psychology of management, psychology of labor, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Tver State University, scientific cooperation.

**Психология отношения человека к жизнедеятельности:
история сотрудничества Института психологии РАН
и вузов г. Владимира**

В. А. Зобков

доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Гуманитарного института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» (ВлГУ), Владимир, Россия, zobkov@gmail.com

Широкую известность в психологии приобрели подход и теория отношений, разработанные в научных трудах Владимира Николаевича Мясищева (1893–1973). Они получили признание и пользуются авторитетом как в отечественной науке, так и за рубежом, наполняясь новым содержанием, свидетельствующим об их развитии. В настоящее время разрабатывается теория психологических отношений, сосредоточенная на исследованиях взаимоотношений в экономической, предпринимательской деятельности в социальной и экономической психологии, теория, ориентированная на исследования отношения человека к жизнедеятельности, социальной действительности. Научный потенциал этих теорий в настоящее время не исчерпан. На это указывают итоги регулярно проводимых конференций. На основе анализа публикаций в материалах конференций, проходивших в г. Владимире вначале на базе ВГПУ, а потом ВлГУ, рассматриваются современное состояние проблемы отношения человека к жизнедеятельности и перспективные пути ее развития. В данной статье сфера рассмотрения психологических отношений касается в основном исследований, выполненных сотрудниками Института психологии Российской академии наук (ИП РАН), потому что это головной институт, курирующий проблематику региональных психологических школ и направлений. Их работы, как правило, отражают методологию развития данной проблематики, перспективные направления исследований психологии отношений. В статье показано, что основным научным куратором и координатором конференций традиционно выступал Журавлев Анатолий Лактионович. Перечень научных направлений планировавшихся конференций, начиная с 2008 г., обязательно согласовывался с членом-корреспондентом РАН А. Л. Журавлевым. По итогам проходивших конференций издавались сборники научных трудов, отражавших состояние проблемы психологии отношений и перспективные пути ее развития. А. Л. Журавлев являлся ответственным редактором большинства сборников конференций.

Ключевые слова: история психологии, В. Н. Мясищев, психология отношений, жизнедеятельность, современное состояние, перспективы развития исследований отношений, сотрудники ИП РАН, А. Л. Журавлев.

Психология отношений, обозначенная В. М. Бехтеревым и получившая развитие в трудах А. Ф. Лазурского и В. Н. Мясищева, является предметом обсуждения на различных конференциях до настоящего времени. Так, в г. Владимире, начиная с 2001-го года, проводятся конференции (Психология отношений..., 2001), посвященные проблеме психологии отношений. В 2023 г. состоялась 12-я, посвященная 130-летию со дня рождения В. Н. Мясищева (Психология отношений..., 2023). За прошедшие 22 года менялись названия конференций, тематические разделы, но объединяющим понятием выступала «психология отношения».

Феномен «психология отношения» входит в содержание взаимосвязи людей, определяя ее продуктивность; содержание групповых и межгрупповых отношений, влияя на их взаимосвязь; содержание отношения человека к деятельности, самому себе; содержание отношения к действительности, Родине, способствуя пониманию и решению национальных и межнациональных вопросов. Проблемные вопросы психологии отношений рассматривались на методологическом и теоретическом уровне на всех конференциях, проводимых в г. Владимире, и в значительной мере связаны с работами сотрудников Института психологии РАН (ИП РАН), в частности с работами академика РАН А. Л. Журавлева.

Отношение, рассматриваемое как «вязь» – связь (Сушков, 1999), объединяющая людей и предметы в единое целое, широко представлено на психолого-социальном уровне проводимых конференций, и в значительной мере работами профессора В. П. Познякава, его аспирантами, сотрудниками ИП РАН, что будет показано ниже. Проблема психологии воспитания, столь актуальная в настоящее время, рассматривалась и, можно предположить, что в значительной мере решается, благодаря исследованиям, представленным в разделах конференций «Психология отношения к деятельности субъектов образования», а также в работах В. А. Зобкова (Зобков, 2018, 2021; и др.). В его работах отношение понимается как «ношение» внутреннего содержания человека, приобретенного им в процессах воспитания, обучения, взаимодействия с миром людей и вещей. Отношение – это не синоним «связи», а на основании сформированного отношения – как Я-отношение, «внутренние условия», через которые осуществляется индивидуальная, избирательная и с определенного возраста осознанная связь человека с объектами, предметами, людьми, социальной действительностью.

Проведенные конференции в определенной мере отражают современный уровень развития проблемы «психологии отношений», ориентируют научное сообщество на теоретико-эмпирические исследования психологических отношений в различных сферах социальной действительности.

Современное состояние проблемы отношения человека к жизнедеятельности

Современное состояние проблемы отношения человека к жизнедеятельности рассмотрено на основании анализа научных работ, представленных на конференциях с 2001 по 2023 г. Акцент сделан на работах сотрудников ИП РАН, так как автор публикации считает, что эти работы в значительной ме-

ре отражают уровень именно современного развития проблемы психологии отношений.

В содержание первой региональной конференции (Психология отношений..., 2001) входило рассмотрение четырех разделов: 1) Методологические проблемы психологии отношения человека к деятельности (15 работ); 2) Отношение к деятельности в системе образования (63 публикации); 3) Отношение к деятельности в психологии труда и экономической психологии (15 статей); 4) Отношение к деятельности в различных областях социальной действительности (20 работ).

В первом разделе конференции «Методологические проблемы психологии отношений человека к деятельности» содержатся важнейшие публикации А. Б. Купрейченко «Изучение психологического отношения личности в русле системного подхода» (Психология отношений..., 2001, с. 18–21) и В. П. Познякова «К вопросу о понимании и видах психологических отношений» (Психология отношений..., 2001, с. 28–31), которые в теоретическом плане ориентировали направления последовавшей дискуссии.

Опираясь на системный подход, получивший наибольшее развитие в трудах Б. Ф. Ломова (подробнее см.: Барабанщиков и др., 2018; и др.), А. Б. Купрейченко в данной публикации представила систему детерминант психологических отношений нравственности и наметила наиболее актуальные проблемы эмпирических исследований психологических отношений нравственности: определение иерархии детерминант, например, этнических и социальных факторов, а также сравнение влияния гендерной и профессиональной принадлежности, гендерной и возрастной; особенности отношений нравственности людей различных профессий; как влияет на психологические отношения нравственности личности ее принадлежность одновременно к нескольким социальным группам с различным отношением к соблюдению нравственных норм.

В. П. Позняков в названной выше статье приводит в наиболее общем виде группирование психологических отношений: отношения личности к различным сторонам окружающего мира (или личностные отношения), межличностные отношения, отношения между личностью и группой (как личности к группе, так и группы к личности) и межгрупповые отношения. Автор отмечал, что названные виды отношений, в свою очередь, могут быть представлены психологическими феноменами, характеризующимися разной степенью выраженности когнитивной, эмоциональной и поведенческой сторон. Позняков подчеркивал, что данный подход был разработан в ходе и на основании результатов многочисленных эмпирических исследований психологических отношений субъектов экономической деятельности и его теоретическая состоятельность подтверждена результатами этих исследований.

В третьем разделе конференции «Психология отношения к деятельности в психологии труда и экономической психологии» представлены две публикации сотрудников Института психологии РАН: 1) А. Л. Журавлев и Н. А. Журавлева «Ценностные ориентации личности и ее отношение к деньгам» (Психология отношений..., 2001, с. 195–197) и 2) В. П. Позняков и О. И. Титова «Гендерные аспекты отношений предпринимателей к конкуренции и партнерству» (там же, с. 200–202). Следует указать, что сотрудники ИП РАН в данной конференции принимали заочное участие.

На второй научно-практической конференции (Психология отношений..., 2003) очное участие в работе конференции приняла А. Б. Купрейченко с научным докладом «Психологическое отношение к соблюдению нравственных норм как многомерное динамическое явление» (там же, с. 49–52), в котором были частично изложены результаты ее кандидатской диссертации (2001).

В третьей научно-практической конференции (Проблема отношений..., 2004) приняли заочное участие В. П. Позняков и В. Л. Хромова со статьей «Отношение к табакокурению у курящих и некурящих мужчин и женщин» (Проблема отношений..., 2004, с. 210–213), Е. Н. Резников, В. А. Садов, Н. В. Колиогло, Н. П. Фетискин с публикацией «Эмпирическая валидизация метода описания межличностных отношений русских (на примере жителей Костромской области)» (там же, с. 213–216). Публикации сотрудников ИП РАН входили в четвертый раздел сборника «Психология отношений в социальной сфере».

В 2007 г. была издана коллективная монография «Психология отношений человека и психическая регуляция деятельности» под редакцией А. Л. Журавлева и В. А. Зобкова (Психология отношений..., 2007), состоящая из двух частей: «Методологические и теоретические основания психологического исследования отношения человека к деятельности» и «Проблема отношений человека к деятельности в образовании и производстве». Предисловие к монографии написано профессорами А. Л. Журавлевым и В. А. Зобковым (там же, с. 3–4).

В первой части коллективной монографии представлены публикации сотрудников Института психологии РАН А. Л. Журавлева и А. Б. Купрейченко «Исследование гуманизации управленческих отношений в организации как научно-практическое направление в современной психологии» (там же, с. 7–21) и Т. А. Нестика «Отношение группы к времени: социально-психологический анализ» (там же, с. 42–61). Во второй части была опубликована статья В. П. Познякова и О. И. Титовой «Психологические отношения российских предпринимателей к партнерству и конкуренции» (там же, с. 177–197).

Важным событием в деятельности психологического сообщества Владимирского региона явилось установление договорного творческого сотрудничества между Институтом психологии РАН и Владимирским государственным университетом (ВлГУ) на период с 2008 по 2013 гг. Договор был подписан с одной стороны директором ИП РАН А. Л. Журавлевым и с другой – ректором ВлГУ В. В. Морозовым. Результатом этого сотрудничества стал первый межрегиональный (Москва – ИП РАН, Владимир – ВлГУ, Иваново – ИвГУ, Кострома – КГУ) методологический семинар, прошедший в г. Владимире 25 сентября 2009 г. По итогам семинара был опубликован сборник научных трудов, который можно приравнять к коллективной монографии (Психология отношений..., 2009). В сборнике широко представлены научные труды сотрудников ИП РАН, занимавшихся исследованиями проблем психологических отношений. Это следующие статьи: А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик и Н. В. Никитенко «Обмен знаниями в организации и роль психических отношений» (там же, с. 4–25), Т. А. Нестик «Отношение к времени как характеристика организационной культуры» (там же, с. 97–120), В. П. Позняков «Концепция психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов жизнедеятельности» (там же, с. 121–149), В. П. Позняков и В. Л. Хромова «Сравнительные исследо-

вания отношения к табакокурению у мужчин и женщин» (там же, с. 150–172). В 2013 году успешно выполнявшийся договор о творческом сотрудничестве сотрудников ИП РАН и ВлГУ был продлен до 2018 г.

К результатам коллективного творческого договора также можно отнести дважды подаренные А. Л. Журавлевым в фонд библиотеки ВлГУ большие подборки новейших научных трудов ученых ИП РАН, которые по-прежнему используются в учебной деятельности студентов и в педагогической – преподавателей.

Сотрудники Института психологии РАН приняли активное (заочное) участие в работе VII Научно-практической конференции по психологии отношений. Материалы конференции опубликованы в сборнике научных трудов (Ценностные трансформации..., 2010). В содержание первого его раздела «Методологические и теоретические проблемы психологии отношения человека к жизнедеятельности» вошли статьи по актуальным темам А. Л. Журавлева и Т. А. Нестика «Совместное творчество с позиций психологии отношений» (там же, с. 11–15), Т. А. Нестика «Отношение к времени как категория экономического сознания» (там же, с. 41–44), В. П. Познякова «Пространство и время психологических отношений человека» (там же, с. 49–52).

В пятом разделе этого же сборника «Социальная активность современной молодежи: основные формы, механизмы и пути воздействия» содержится статья В. П. Познякова и В. Л. Хромовой «Отношение молодежи к курению (различия между мужчинами и женщинами)» (там же, с. 274–276).

В 2013 г. состоялась VIII Международная научно-практическая конференция «Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы» (Психология отношения..., 2013). В работе данной конференции сотрудники ИП РАН приняли активное очное участие. Профессор В. П. Позняков выступил на пленарном заседании с докладом «Состояние и перспективы развития социальной психологии с позиций теории психологических отношений человека». В докладе был сделан краткий экскурс в историю развития понятий «отношение», «психологическое отношение», а также рассмотрен многоуровневый подход к исследованию психологических отношений людей (внутриличностный, межличностный и межгрупповой) как субъектов совместной жизнедеятельности, что, по его мнению, является существенным вкладом в развитие теории психологических отношений человека и перспективным направлением дальнейших исследований в социальной психологии (там же, с. 30–38). На секционных заседаниях с докладом «Взаимосвязь отношения к деловому партнеру и обобщенной оценки образа делового партнера» выступила ассоциированный сотрудник Т. С. Вавакина (там же, с. 134–138), а также соискатель ИП РАН В. Л. Хромова. Ее доклад назывался «Феномен отношения к табакокурению у курящих и некурящих мужчин и женщин» (там же, с. 330–333).

В сборнике научных докладов (Психология отношения..., 2016) под редакцией А. Л. Журавлева, В. А. Зобкова, В. П. Познякова содержатся публикации А. Л. Журавлева и Т. А. Нестика по принципиально новой проблеме «Психологические особенности глобальных рисков и отношение к ним в обществе» (там же, с. 12–17), а также В. П. Познякова и Т. С. Вавакиной «Принципы и нормы социального взаимодействия как факторы психологического отно-

шения российских предпринимателей к деловому партнерству» (там же, с. 39–43). С названной совместной темой доклада выступил на пленарном заседании конференции профессор В. П. Позняков.

В 2018 г. (11–13 июля) во Владимире состоялась X-ая конференция по психологии отношений, посвященная 125-летию со дня рождения В. Н. Мясищева (подробнее о нем см.: Журавлев и др., 2018; Позняков, Журавлев, 2018; и др.). По ее итогам был подготовлен сборник научных трудов по актуальным проблемам психологических отношений. А. Л. Журавлев, В. А. Зобков, В. П. Позняков и А. В. Зобков выступили ответственными редакторами этого сборника (Современное состояние..., 2018).

В первом его разделе «Методологические и теоретические проблемы отношения человека к жизнедеятельности» представлены статьи сотрудников ИП РАН Л. А. Журавлевой «Некоторые направления исследований психологии отношений» (там же, с. 13–18), А. Л. Журавлева и В. П. Познякова «В. Н. Мясищев о взаимоотношении и взаимодействии между людьми как центральных понятиях социальной психологии» (там же, с. 18–26), а также В. П. Познякова «Представления В. Н. Мясищева о социально-психологических явлениях» (там же, с. 60–68).

На пленарном заседании конференции с докладом «Представления В. Н. Мясищева о социально-психологических явлениях» выступил профессор В. П. Позняков. На секционных заседаниях были заслушаны сообщения его учеников: Т. С. Вавакиной «Основные характеристики партнерских отношений» и Ю. М. Панфиловой «Направленность во взаимодействии с партнером как фактор перспективности отношений незарегистрированного брака».

Очередная конференция по проблемам отношения человека к жизнедеятельности состоялась во Владимире (ВлГУ) 11–13 июля 2021 г. А. Л. Журавлев выступал в роли научного координатора программы конференции и ответственного редактора сборника научных трудов, подготовленного по ее итогам (Психология отношения..., 2021).

От Института психологии РАН в данной конференции приняли участие профессор В. П. Позняков, выступивший с докладом «Представления К. К. Платонова о психологических отношениях как феномене и понятии социальной психологии» (там же, с. 37–41), и Т. С. Вавакина «Взаимосвязь ценности партнерских взаимоотношений и эффективности партнерства» (там же, с. 133–136).

В сборнике представлены работы академика РАН А. Л. Журавлева и профессора Д. А. Китовой по остроактуальной теме «Эмоциональные особенности отношения населения к коронавирусной инфекции» (там же, с. 95–101), В. П. Познякова, С. Е. Поддубного и Т. С. Вавакиной «Деловая активность российских предпринимателей с разным типом экономического самоопределения» (там же, с. 212–216).

Ведущим координатором научной программы XII конференции, посвященной 130-летию со дня рождения В. Н. Мясищева, выступал академик РАН А. Л. Журавлев (Психология отношения..., 2023). На пленарном заседании конференции выступили с докладами профессор В. П. Позняков «К вопросу об исследованиях А. Л. Журавлева социально-психологических проблем экономических преобразований в российском обществе» (там же, с. 252–257) и С. Е. Поддубный

«Личностные особенности молодых людей, состоящих в близких отношениях разного статуса» (там же, с. 248–251). На секционных заседаниях с сообщениями выступили П. В. Позняков «Социально-психологические типы экономического самоопределения российских предпринимателей» и О. И. Титова «Роль гендерного типа личности в отношениях мужчин и женщин».

По выделенным публикациям сотрудников ИП РАН на конференциях и научном семинаре можно обозначить уровень развития проблемы психологических отношений в ее методологическом содержании, а также в области социальной психологии. Перечень публикаций указывает также на то, что на сегодняшний день нельзя утверждать, что существует стройная и завершенная теория психологических отношений. Перспективы дальнейших исследований психологических отношений человека к жизнедеятельности как триединству отношений к себе, деятельности, другим людям, а также исследований по социально-психологическому направлению, медицинской психологии и психотерапии отношений связываются, на наш взгляд, с разработкой общей методологии, структуры, психологических механизмов, функций, видов, содержательно-динамических характеристик жизнедеятельности и многообразной социальной действительности.

Научно-практические издания конференций по проблеме отношения человека к деятельности, жизнедеятельности, социальной действительности активно используются в учебно-образовательном процессе ВлГУ по подготовке психологов-бакалавров, магистров, в частности, по дисциплинам «Методологические проблемы психологии», «Общая психология», «Психология личности», «Педагогическая психология», «Социальная психология», а также в подготовке аспирантов.

Перспективы развития психологии отношения человека к жизнедеятельности

На конференции, посвященной 130-летию со дня рождения В. Н. Мясищева, в докладе «Перспективные линии развития отношения человека к жизнедеятельности» В. А. Зобков выделил несколько перспективных направлений психологических исследований отношения человека к жизнедеятельности.

Во-первых, отметил Зобков, триединство отношения человека к жизнедеятельности (отношения к себе, деятельности и другим людям) может не только объяснять то, почему остаются незамеченными постепенно накапливающиеся изменения в триединстве, ведущие к гармонии или дисгармонии индивида, личности, субъекта деятельности, но и важно предложить психолого-педагогические технологии повышения эффективности и надежности деятельности и поведения человека в различных ситуациях объективной действительности. В связи с этим пристального изучения требуют содержательно-динамические характеристики, обуславливающие функционирование и развитие триединства отношений на различных этапах возрастного развития человека (Психология отношения..., 2023, с. 8–17).

Исследование содержательно-динамических характеристик, отражающих психолого-педагогическую направленность воспитательных воздействий, позволит сформировать целостное представление об индивидуальных (0–6–

7 лет), личностных (6–7–21–22 года) и субъектных (от 21–22 – до прекращения трудовой и общественной деятельности) формах психологических отношений, о переходах из индивидуальной формы, протекающей по эмоциональному, эмоционально-волевому пути, в личностную, осуществляющуюся по интеллектуальному, интеллектуально-волевому пути, и далее – в субъектную форму, протекающую по коммуникативному, эмоционально-коммуникативному пути. Вскрыть взаимодействие на обозначенных путях развития отношений, взаимосвязи и взаимопереходы эмоциональных, интеллектуальных, коммуникативных, волевых содержательно-динамических характеристик, определяющих отношение к себе, деятельности, другим людям и в целом отношение к жизнедеятельности на определенном возрастном этапе и индивидуальный стиль поведения. Это позволит также выявить пути становления и соотношения содержательно-динамических характеристик с особенностями развития мотивационно-самооценочной сферы в различных возрастных периодах.

Человек – существо биосоциальное, поэтому важным аспектом решения перспективных направлений развития отношений человека является рассмотрение соотношения свойств нервной системы (СНС) и биологических предпосылок темперамента с прижизненно формируемыми содержательно-динамическими характеристиками. Важно также показать, как по-разному входит это «биологическое начало» в индивидуальные, личностные и субъектные уровни отношения человека к жизнедеятельности, в формирование индивидуального стиля деятельности и поведения, связанного с разными чувствительностью, эмоциональностью, работоспособностью, подвижностью, реактивностью и другими особенностями темперамента и свойств СНС. Это даст возможность определять нормативный уровень развития отношения и личности в целом, а также выявлять отклонения от нормативного развития, осуществлять коррекцию и психологическую помощь.

Во-вторых, особое значение приобретают исследования влияния эмоций на становление и проявление отношений к жизнедеятельности. До сих пор эффекты эмоциональных переживаний изучались преимущественно в рамках психических состояний, тогда как влияние эмоций на развитие триединства отношений остается мало изученным.

В-третьих, отмечено, что мы недостаточно понимаем влияние социальной действительности на развитие содержательно-динамических характеристик триединства отношений человека к жизнедеятельности, приемлемость тех или иных способов предупреждения отклонений от нормативного развития.

Выше было представлено развитие отношений, идущее от человека. Однако объективная действительность, общественные отношения оказывают существенное влияние на внутренний потенциал человека, приводя к видоизменениям содержательно-динамических характеристик, мотивационно-самооценочной сферы, ослаблению связей СНС, что может негативно сказываться на отношении к жизнедеятельности, формировании индивидуальных и групповых неврозов.

В-четвертых, требуют дальнейшего изучения психологические закономерности триединства отношения человека к жизнедеятельности, обуславливаю-

щие коллективное взаимодействие в малых и больших социальных группах, объединенных на основе ценностей, идеалов, смыслов.

Наконец, для психодиагностики триединства отношений требуется разработка и апробация диагностических технологий, включая лабораторные (аппаратурные) методики.

Представленные выше перспективные линии развития исследований отношения человека к жизнедеятельности могли бы составить содержание нового раздела психологии (например, «Психология отношения человека к жизнедеятельности»), с одной стороны, сохраняющего лучшие традиции отечественной науки (И. М. Сеченов и И. П. Павлов, Б. Г. Ананьев и Б. М. Теплов, В. Д. Небылицин и В. С. Мерлин, В. М. Русалов и др.), а с другой, соответствующего самым современным данным о развитии отношений и личности (Б. Ф. Ломов, В. Н. Мясищев, К. К. Платонов, Е. В. Шорохова, а также А. Л. Журавлев, В. А. Зобков, В. П. Позняков и др.).

Важными и требующими дальнейшего изучения и теоретического анализа вопросами психологии отношений являются обозначенные Т. А. Нестиком связи между отношением личности и группы к времени и их отношением к различным феноменам и категориям экономического сознания, таким как собственность и деньги, богатство и бедность, деловое партнерство и др. (Ценностные трансформации..., 2010, с. 41–44), а также роли введенных в психологию отношений В. П. Позняковым категорий пространства и времени (там же, с. 49–52). Вкладом в развитие теории психологических отношений человека и перспективным направлением дальнейших исследований в социальной психологии, по мнению В. П. Познякова, является многоуровневый подход в исследовании психологических отношений людей (внутриличностный, межличностный и межгрупповой) как субъектов совместной жизнедеятельности (Психология отношения..., 2013, с. 30–38).

В научной публикации члена-корреспондента А. Л. Журавлева и профессора РАН Т. А. Нестика «Психологические особенности глобальных рисков и отношение к ним в обществе» (Психология отношения..., 2016, с. 12–17) содержатся несколько новых и перспективных направлений психологических исследований отношения человека к глобальным рискам, которые являются остро актуальными в настоящее время и, вероятно, будут таковыми в ближайшем будущем.

Перспективными работами, с нашей точки зрения, являются исследования психопрофилактики и психокоррекции отношений, неврозов, возникающих в изменяющихся социальных условиях (пандемии, СВО, зарубежных санкций, терактов и др.). По инициативе академика РАН А. Л. Журавлева, в содержание научных программ XI и XII конференций включалось направление «Психологические вопросы отношения человека к технологиям искусственного интеллекта», однако ни одной заявки на доклад по этой тематике не было подано, что прежде всего указывает на сохраняющиеся перспективы данного раздела исследований в контексте психологии отношений.

Конечно, для реализации этих перспективных линий изучения развития отношения человека к жизнедеятельности, современной социальной действительности требуется создание специальных постоянно действующих кол-

лектив, может быть, научного центра по психологии отношений, который бы занимался как научно-исследовательской и научно-организационной, так и научно-педагогической, научно-издательской и просветительской деятельностью.

Заключение

Научные исследования психологических отношений обоснованно связывают с научной деятельностью, творчеством и именем В. Н. Мясищева, который одним из первых предпринял психологические исследования отношений личности и добился в этом направлении значительных результатов (см., например: Исурина и др., 2021; Карпова и др., 2020; Позняков, Журавлев, 2018; и др.). Время, прошедшее с тех пор, убедительно подтвердило высокую важность и настоятельную необходимость научной разработки психологической теории отношений. Вместе с тем, какой бы ни была научная теория, она, соотносясь со временем, изменяющимися социальными условиями, дополняется, развивается, сохраняя истоки. Проводимые в г. Владимире (ВлГУ) научно-практические конференции также подтверждают это. Итогом каждой конференции является как обогащение научной теории психологических отношений, так и ознакомление научного психологического сообщества, а также практиков, чья деятельность связана с воспитанием и обучением детей, учащейся молодежи, с достижениями и перспективными направлениями развития этой теории. Хотелось, чтобы студенческая молодежь, родители, воспитатели ДООУ, учителя, педагоги ввели в круг своих обязанностей постоянное ознакомление с научно-практическими публикациями в сборниках конференций. Конференции проводятся не ради самих мероприятий, а для сообщества людей, заинтересованных в понимании функционирования и развития общества.

Итоговые результаты конференций, как правило, публиковались и публикуются в центральных психологических журналах и, в частности, в «Психологическом журнале», электронном журнале ИП РАН «Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология». Значительную помощь в организации и оформлении публикаций осуществляет академик РАН А. Л. Журавлев. Говоря об Анатолии Лактионовиче, следует отметить, что его деятельности свойственна общественная направленность, проявляющаяся в работе для людей. Результативность его труда в значительной мере предопределена «степенью его отданности окружающим» (Добролюбов, 1962). Поэтому, благодаря его вниманию к проблемам развития региональных психологических школ, отдельных психологов, в котором проявляется искренность и желание помочь, у него постоянно повышается уровень творческих возможностей, переживания счастья как ученого отдающего и свершающего.

В 50-летний юбилейный год лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН, заведующим которой Анатолий Лактионович был практически в течение 29 лет, а также в связи с его 75-летним юбилеем желаю ему крепкого здоровья, семейного благополучия, неиссякаемой творческой энергии, снижения от сверхнормативного (10 баллов) до нормативного уровня (6–7 баллов по 10-балльной оценочной шкале) выраженности личностно-субъектной ответственности в выполнении трудовых и других общественных дел.

Литература

- Барбанищikov В. А., Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* Системное исследование психического в работах Б. Ф. Ломова // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 3. С. 5–13.
- Добролюбов Н. А.* О значении авторитета в воспитании (Мысли по поводу «Вопросов жизни» г. Пирогова) // Н. А. Добролюбов. Собр. соч. В 9 т. Т. 1. М.—Л., 1962.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Журавлев А. Л., Зобков В. А., Зобков А. В., Позняков В. П.* Биографический очерк В. Н. Мясищева // Современное состояние и перспективы развития психологии отношения человека к жизнедеятельности: Сборник научных трудов, посвященных 125-летию со дня рождения В. Н. Мясищева. Владимир—М.: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2018. С. 7–8.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Социальная психология российских предпринимателей: Концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Зобков В. А.* Генезис отношения человека к жизнедеятельности. Владимир: Транзит Икс, 2016.
- Зобков В. А.* Генезис отношения человека к себе. Владимир: Калейдоскоп, 2018.
- Зобков В. А.* Психология развития и воспитания отношения человека к другим людям: Учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2021.
- Исурина Г. Л., Карпова Э. Б., Журавлев А. Л.* Психологическая концепция отношений В. Н. Мясищева: учение о неврозах и психотерапия // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 2. С. 36–44.
- Карпова Э. Б., Исурина Г. Л., Журавлев А. Л.* Психологическая концепция отношений В. Н. Мясищева: основы и содержание // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 5–14.
- Позняков В. П.* Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Позняков В. П.* Самоопределение российских предпринимателей: ценностные и смысложизненные ориентации. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023.
- Позняков В. П., Журавлев А. Л.* Значение работ В. Н. Мясищева для развития социальной психологии // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 59–68.
- Проблема отношений в жизнедеятельности человека: сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции / Отв. ред. В. А. Зобков. Владимир: ВГПУ, 2004.
- Психология отношений: материалы региональной научно-практической конференции / Отв. ред. В. А. Зобков. Владимир: ВГПУ, 2001.
- Психология отношений и психическая регуляция деятельности: сборник материалов научно-практической конференции / Отв. ред. В. А. Зобков. Владимир: ВГПУ, 2003.
- Психология отношения человека к жизнедеятельности: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В. А. Зобков. Владимир: Собор, 2006.
- Психология отношений человека и психическая регуляция деятельности / Под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Зобкова. М.—Владимир: Собор, 2007.

- Психология отношений: XXI век: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2008.
- Психология отношений: полисистемный субъектно-деятельностный подход: материалы методологического семинара / Сост. В. А. Зобков, А. Л. Журавлев, Н. П. Фетискин. М.—Владимир—Кострома: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2009.
- Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию со дня рождения В. Н. Мясищева. Владимир—М.: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2013.
- Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Зобков, В. П. Позняков. Владимир—М.: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2016.
- Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы: Сборник научных трудов / Под ред. В. А. Зобкова, А. Л. Журавлева, А. В. Зобкова. Владимир—М.: Шерлок-Пресс, 2021.
- Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы: Сборник научных трудов / Под ред. В. А. Зобкова, В. П. Познякова, А. В. Зобкова. Владимир—М.: КопиА-Сервис, 2023.
- Современное состояние и перспективы развития психологии отношения человека к жизнедеятельности: сб. науч. тр., посвященный 125-летию со дня рождения В. Н. Мясищева. Владимир—М.: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2018.
- Сушков И. Р. Психология взаимоотношений. М.: Академический проект—Изд-во «Институт психологии РАН»; Екатеринбург: Деловая книга, 1999.
- Ценностные трансформации в психологии отношений: теория, социальная практика и перспективы: Материалы VII Международной научно-практической конференции / Отв. ред. В. А. Зобков. Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та—ВИПКРО—Собор, 2010.

Psychology of a person's attitude to life: history of cooperation of Institute of psychology of RAS and Vladimir higher education institutions

V. A. Zobkov

candidate of psychological sciences, professor, professor of Department "Personality psychology and special pedagogy", Vladimir State University, Russia, zobkov@gmail.com

The approach and theory of relations developed in the scientific works of Vladimir Nikolaevich Myasishchev (1893–1973) became widely known in psychology. This approach and theory has been recognized and enjoys authority both in domestic science and abroad, being filled with new content indicating their development. Currently, a theory of psychological relations has emerged, focused on the research of relations in economic, entrepreneurial activity in social psychology, a theory focused on the research of a person's attitude to life, to reality. However, the potential of these theories is not currently exhausted. This is indicated by the results of the conferences held. Based on the analysis of publications in the collections of conferences held in Vladimir, first on the basis

of VSPU, and then VISU, examines the current state of the problem of human attitude to life, promising ways of its development. In this article, the scope of consideration of psychological relations concerns mainly the research carried out by the staff of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (IP RAS), because it is the main institute overseeing the problems of regional psychological schools and directions. Their works, as a rule, reflect the methodology of the development of this problem, promising areas of development of the psychology of relationships. The article shows that the main curator and coordinator of the conferences was Anatoly Laktionovich Zhuravlev. The list of conference directions, starting from 2008, was necessarily coordinated with A. L. Zhuravlev. Following the results of the conferences, collections of scientific papers reflecting the current state of the problem of psychology of relations and promising ways of its development were published. A. L. Zhuravlev was the responsible editor of most conference collections.

Keywords: history of psychology, V. N. Myasishchev, psychology of relations, vital activity, current state, prospects for the development of psychological relations, employees of IP RAS, A. L. Zhuravlev.

Потенциал поведенческого подхода А. Л. Журавлева в исследовании стиля руководства

И. В. Калинин

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУВО
Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия, sokramento@mail.ru

Версия зарубежных авторов истории развития теории стиля руководства через призму линейности — от теории личностных черт через поведенческий подход к ситуационному — рассмотрена как упрощающая действительность. Утверждается, что поведенческий подход не потерял своей актуальности, а его отечественный вариант в прочтении А. Л. Журавлева содержит мощные теоретические, эмпирические и инструментальные возможности для их творческого осмысления. Выделяются некоторые тенденции, в направлении которых может происходить развитие теоретических и диагностических возможностей изучения стиля руководства. Отмечается, что поверхностное знакомство с отечественными разработками может привести к их недооценке и излишней переоценке возможностей зарубежных подходов.

Ключевые слова: история психологии, психология управления, стиль руководства, поведенческий, профильный и ситуационный подходы к стилю руководства.

В мировой психологической литературе при обсуждении проблемы лидерства и руководства, а также тесно связанным с ними понятием «стиль» имя Курта Левина занимает достаточно значимое место. Однако в зарубежной психологии при обсуждении проблемы стиля руководства его подход все чаще вытесняется различными ситуационными вариантами: «вероятностным подходом» Ф. Фидлера, моделью «психологической зрелости исполнителя» П. Херси и К. Бланшара, концепцией «путь—цель» Митчела и Хауса, моделью принятия решений руководителем Врума—Йеттона (Мескон и др., 2002; Шеклтон, 2003) и др., которые считаются в настоящий момент более прогрессивными. Отдавая дань уважения ситуационным подходам, все же приходится с сожалением констатировать, что теории Курта Левина при этом отводится роль лишь прошедшего этапа, не вполне соответствующего современной действительности.

Согласно нашим представлениям, такой взгляд можно расценивать как упрощенный, по следующим причинам.

Во-первых, не все что приходит на смену, является лучше того, что было до этого. Подтверждение этому можно найти как в истории человечества, так и в ее более локальной сфере: истории науки, и в частности, в истории психо-

логии. Например, известные павловские сессии и попытки объяснить все психологическое через законы психофизиологии. Этой участи не избежала и социальная психология, а также дисциплины прикладного характера: психология управления, психология менеджмента, управленческая психология, организационная психология и т. д.

Во-вторых, ситуационные теории повторяют тот же самый путь, который в свое время прошла теория лидерских черт. Именно выделение все новых и новых черт личности привело в последующем к заключению о противоречивости этой теории, поскольку обнаружилось, что лидеры и руководители могут быть как эффективными, так и неэффективными при наличии у них одних и тех же черт. В ситуационных теориях главный акцент теперь переносится на понятие «ситуация», в которой, также как и ранее в понятии «личность» начинают выделяться различные параметры, в специфическом сочетании которых каждый из авторов видит ту самую панацею, которая неминуемо решит проблему успешности и эффективности руководителя. Другими словами, теоретический и практический тупик, в который попала теория лидерских черт, сменил своего носителя и переместился из сферы личности в сферу, казалось бы, по отношению к ней внешнюю, соотносимую с понятием «ситуация». Это так называемое «казалось бы» связано с тем, что теперь «личность» через различные манипуляции оказалась включенной в «ситуацию» как одна из ее составляющих. Например, «отношение между руководителем и подчиненными» в подходе Фидлера или «психологическая зрелость исполнителя», устанавливаемая через сочетание у подчиненных диагностируемых «желания работать (параметр «хочу»)» и «фактически умения работать» (параметр «могу»)» в концепции Херси и Бланшара. Возникает закономерный вопрос: чем это кардинально отличается от формулы действия человека в поле сил, которую предложил Курт Левин в рамках динамической психологии. Здесь уместна жесткая аналогия с «отмыванием денег», правда, в последнем случае следует иметь в виду «теоретическое отмывание понятия ситуация». Возможно и сходство с тем, что в американской психологии, как отмечалось рядом отечественных и зарубежных авторов, первоначально И. П. Павлова обозначили как первого бихевиориста, но позднее мнение изменилось, и теперь в своем большинстве его относят к предшественникам бихевиоризма (Ярошевский, 1996; Ruiz et al., 2003; Windholz, 1983). По-видимому, в отношении ситуативного компонента теории Курта Левина произошло подобное.

В-третьих, ни понятие «Авторитарный», ни понятие «Демократический» из ситуационных теорий стиля руководства не исчезли, несмотря на используемые синонимичные обозначения. И хотя в отношении «либерального стиля» сложилась несколько иная ситуация, общей тенденции это не меняет. Апелляция к терминам «директивный» и «автократический» не меняют суть понятия «авторитарный», так же как «делегирующий» и «коллегиальный» суть понятия «демократический», притом что привнесение (или изъятие) некоторых семантических нюансов не отменяется. Наличие и того и другого стиля, как правило, обнаруживается, когда те или иные создатели своего варианта ситуационной теории доходят до момента воздействия на подчиненных. Тут оказывается, что вся словесная, теоретическая и эмпирическая эквилибристика сводится

к тому, чтобы обоснованно отразить в рекомендациях, какой стиль, «авторитарный», «демократический» или «либеральный», нужно выбрать, чтобы при том или ином сочетании ситуационных параметров, специфических для каждого из подходов, добиться требуемой эффективности. Получается, что в плане рекомендаций авторитарный, демократический или либеральный стили сохраняют себя как конечный результат.

В-четвертых, заметим, что на этапе рекомендаций определенная часть сторонников ситуационного подхода используют только два из выделенных К. Левиным (и названных нами выше) стилей, очень редко апеллируя к третьему – либеральному. В отношении последнего из выделенных ранее стилей, не только в зарубежной, но и в отечественной психологии сложилась интересная ситуация.

Как известно, первоначально в подходе Курта Левина выделялось только два стиля: авторитарный и демократический. Выделение третьего стиля – либерального – произошло несколько позже благодаря определенному стечению обстоятельств. Обращение на него внимания и включение в экспериментальную схему привело в последующем к большой понятийной неразберихе, освещение которой заслуживает отдельного обсуждения. Здесь же отметим только то, что с введением либерального стиля континуально-биполярная логика (либо авторитарный, либо демократический), к которой на этапе рекомендаций прибегают некоторые представители ситуационного подхода оказывается разрушенной.

Попытка размещения либерального стиля по критерию «жесткость–мягкость» в линейном варианте сталкивается с существенными трудностями. Как показали наши многолетние исследования, при вопросе респондентам «Как бы вы (испытуемые) разместили три стиля – Авторитарный, Демократический и Либеральный – по степени жесткости на числовой прямой?», результаты в определенной части оказались вполне ожидаемыми, однако некоторая часть из них вызвала определенное недоумение. Поскольку данный вопрос задавался нами среди прочих с шагом приблизительно в 8–10 лет начиная с 1990-х годов, то мы могли наблюдать, как меняется положение указанных трех стилей на шкале «жесткость–мягкость». Приблизительно до 2016 г. положение авторитарного стиля всегда оказывалось неизменным. В указанный период он всегда оценивался респондентами как самый «жесткий». Относительно двух других стилей положение не было столь статичным: демократический и либеральный стиль менялись местами. В одних случаях в крайнее правое положение попадал демократический стиль, но в подавляющем числе случаев на его месте оказывался либеральный. В целом эмпирически вскрытый факт отражает и теоретические разногласия (например: Мескон и др., 2002; Шеклтон, 2003). Заметим, что, согласно канонам политических наук, либеральный режим оценивается чаще всего лишь как способ смягчения режима авторитарного, значит, исходя из этой логики, стиль либеральный должен помещаться между стилем авторитарным и стилем демократическим. Но отмеченный выше эмпирически установленный факт предполагает дальнейшее изучение и обсуждение.

Возвращаясь к ситуационному подходу, отметим, что отказ некоторых его представителей от троичности выделенных К. Левиным стилей (по принци-

пу «нет стиля — нет проблем»), низведение их на уровень рекомендаций до bipolarного варианта облегчает понимание специфической конструкции того или иного ситуационного подхода, но вряд ли возводит сам ситуационный подход на новый уровень, претендующий на осмысление чего-то, чего бы не было заложено в подходе Курта Левина. Поэтому появляется противоречивое отношение к попыткам некоторых авторов выстраивать логику развития истории изучения проблемы стиля руководства по принципу добавления на определенном временном промежутке какого-то еще одного фактора, который якобы свидетельствует о переходе осмысления проблемы на иной качественный уровень. Представляется, что ситуационный подход является всего лишь конкретизацией в различных вариантах тех мыслей, которые в свое время высказывал Курт Левин.

По нашему мнению, отдельного внимания заслуживает вариант теоретической, эмпирической и инструментальной конкретизации понятия «стиль руководства», предложенный в исследованиях А. Л. Журавлева и его коллег (Журавлев и др., 1976; Журавлев, Рубахин, 1976), который можно обозначить как «тихую революцию» в противовес громогласным заявлениям некоторых приверженцев ситуационного «подхода» о начале новой эры в изучении стиля руководства. Если представители ситуационного подхода в своем большинстве, как отмечалось выше, отказались на уровне рекомендаций от попыток включения в состав для выбора либерального стиля, то в работах А. Л. Журавлева обнаруживается несколько другой подход. Номинально либеральный стиль был изменен на попустительский. Несмотря на некоторое отступление от предложенного К. Левиным и Р. Липпитом классического названия стилей, это позволило сохранить в исследовании принцип троичности. При этом название «попустительский» в советский период российской истории оказалось не только более удачным для понимания отечественными руководителями смыслового содержания названного стиля, но и в большей степени соответствующим ментальности советского управленца.

Новизной в рамках подхода А. Л. Журавлева явился отказ от «привязывания» субъекта управления только к одному из стилей по принципу «либо—либо» и переход к варианту, в большей степени соответствующему современной действительности, который, по нашему мнению, можно называть профильным. Утверждается, что руководителя следует рассматривать не только с позиций одного стиля — либо авторитарного, либо демократического, либо попустительского, а с точки зрения одновременной неповторимой композиции всех трех названных стилей. Профильная трактовка трехкомпонентности стиля руководства позволяет пойти достаточно далеко, обнаруживая при этом точки роста для дальнейшего развития внутри самой этой трактовки.

Согласно профильному подходу, среди этих стилей доминирующим может являться любой из них, а два других будут находиться по отношению к нему в подчиненном положении. Эта мысль А. Л. Журавлева представляется нам заслуживающей особого внимания не только потому, что позволяет через количественные индексы индивидуально нюансировать тройственную сущность стиля руководителя, но и потому что позволяет посмотреть на стиль с точки зрения особой пространственной конфигурации.

Если использовать логику гештальт-подхода к личности руководителя, то можно продолжить: подчиненные стили могут создавать для доминирующего в профиле стиля руководства свой специфический фон, вступая при этом в рамках данного фона в различные взаимодействия между собой. Слово «фон» использовано здесь далеко не случайно. Нам представляется, что авторитарный стиль на фоне доминирования среди подчиненных стилей попустительского компонента отличается от авторитарного стиля, где среди подчиненных стилей доминирует демократический компонент. Аналогичные допущения оправданы и в случае доминирования либо демократического, либо попустительского стилей на фоне подчиненных им компонентов. В принципе, это напрямую следует и из подхода А.Л. Журавлева, однако рассмотрение трехкомпонентности стиля руководства сквозь призму гештальт-психологии добавляет к сказанному и нечто новое.

Например, движение в направлении известного в гештальт-психологии правила «хорошей фигуры» выдвигает на первый план следующий вопрос: каким образом должны сочетаться указанные компоненты и в какой конфигурации друг в отношении друга они должны находиться, чтобы соответствовать правилу «хорошей фигуры»? Как известно из гештальтистского направления, для того, чтобы выделиться из общего фона или других объектов и восприниматься в качестве целостной фигуры, те или иные объекты (компоненты) должны находиться на равном расстоянии друг от друга, а также соответствовать требованиям симметричности, повторяемости, контрастности и т.д. Другими словами, каким образом должны соотноситься авторитарный, демократический и попустительский компоненты, чтобы при наличии различной интенсивности проявления каждого из них не нарушать цельности стиля руководства, а также связанной с ней эффективности. Ранее в наших работах был поставлен вопрос: не является ли разбалансированность компонентов стиля вообще и стиля руководства в частности фактором, позволяющим констатировать отсутствие стиля у того или иного субъекта, а также обсуждаемого чаще всего в сфере искусства проявления феномена «бесстильности»? Что или кто гармонизирует эти компоненты, в одном случае приводя их в соответствие с правилом «хорошей фигуры», а в другом случае — к прямо противоположному результату?

Сохранение в подходе А.Л. Журавлева трехкомпонентности стиля руководства дает возможности и иного плана, поскольку позволяет креативно рассмотреть комбинаторику взаимоотношений компонентов стилей руководства, и с позиций теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера, и теории когнитивного консонанса Ф. Хайдера, и трансактного анализа Э. Берна. Даже ролевой подход, несмотря на жесткую критику взглядов Курта Левина со стороны Дж. Морено, как одного из ярких представителей интерактивного подхода, позволяет через понятие «актуальной роли» добавить целую гамму новых смысловых оттенков. Метафорически выражаясь, та часть весьма уважаемых ситуационных теорий, которые отказались от принципа тройственности стилей, «вместе с водой выплеснули и ребенка».

Дополнительные возможности для развития профильного подхода к стилю руководства в варианте трехкомпонентности дает и анализ фрагментов из неопубликованной рукописи К. Бирта и Г. Прилвитца (Birth, Prillwitz, 1959),

на которую ссылаются в своей работе Т. Гибш и М. Форверг (Гибш, Форверг, 1972), а также воспроизводит в учебнике по социальной психологии Г. М. Андреева (Андреева, 1988).

Согласно К. Бирту и Г. Прилвитцу при анализе стилей руководства, выделенных Куртом Левиным, оказалось возможным выделить две их неотъемлемые стороны: формальную и содержательную. Под формальной стороной следует понимать то, как руководитель коммуницирует с исполнителями, а под содержательной – то, что он делает в процессе взаимодействия с ними. В первом приближении может создаться впечатление, что формальная и содержательная сторона жестко связаны друг с другом и также жестко сопряжены с конкретным стилем. Однако авторы поясняют: демократические цели могут достигаться авторитарными средствами, т. е. формальная и содержательные стороны каждого из трех стилей могут вести себя в отношении друг друга достаточно подвижно, образуя разнообразные бинарные сочетания: Авторитарно-Демократический (АД), Демократически-Авторитарный (ДА), Авторитарно-Попустительский (АП), Попустительски-Авторитарный (ПА), Демократически-Попустительский (ДП), Попустительски-Демократический (ПД). Некоторые стили, которые отражают эти обозначения, только на первый взгляд являются одинаковыми. Первая буква соответствует формальной стороне обозначаемого стиля, а вторая – содержательной стороне другого обозначаемого стиля. Таким образом, стиль АД будет значить, что руководитель дает авторитарные указания, хотя деятельность осуществляется согласно содержательной стороне демократического стиля. В то же время стиль ДА будет обозначать, что руководитель демонстрирует мягкую форму общения, однако деятельность, которую он осуществляет по своему процессу, будет соответствовать содержательной стороне более жесткого авторитарного стиля. Таким образом, мы получаем описание поведенческих реакций руководителя, которые достаточно сложно отнести к какому-то конкретному «чистому» варианту, поскольку изначально в его составе присутствуют стороны различных стилей!

Этот принцип лег в основу создания нами с 1990 г. методики псевдоэкспертной оценки стиля руководства. Мысль о возможности создания методики, построенной на трудности отнесения таких ситуаций к какому-то конкретному стилю, была подсказана Ю. В. Синягиным. В процессе работы с методикой руководителю предлагается отнести поведенческую форму реагирования, содержащую в своем составе содержательную сторону одного стиля и формальную сторону другого стиля, к какому-то одному из них. В инструкции респонденту сообщается, что в настоящий момент ведется разработка новой методики и он среди других выбран в качестве эксперта по определению того, какому стилю руководства соответствует та или иная поведенческая форма реагирования руководителя на конкретную ситуацию. На самом деле, выступая в качестве «эксперта», руководитель сам является испытуемым, что дает возможность посмотреть, к какому стилю тяготеет сам ставящий свою оценку.

На начальном этапе разработки методики предлагалось 18 ситуаций, каждая из которых имела по 6 вариантов поведенческих реакций: АД, ДА, АП, ПА, ДП, ПД. Например, один из вариантов реагирования формулировался так: ру-

ководитель достаточно жестко критикует подчиненного в процессе выполнения им поставленной задачи, однако при оценке на аттестационном мероприятии дает ему высокую оценку за выполненную работу (стиль АД). В другом случае: «Руководитель всегда вежлив и мягок в общении с подчиненным, однако резко критикует его на групповом обсуждении результатов» (стиль ДА). Предположим, руководитель оценил стиль АД как Авторитарный (А), т. е. более мягкий стиль как более жесткий. Это означает, что, видимо, он сам придерживается более мягких стандартов, т. е. в данной ситуации склонен к демократическому стилю. И наоборот, если стиль оценивался как Демократичный (Д), то считалось, что руководитель обнаруживает склонность в данной ситуации к более авторитарному стилю.

Заключение

В настоящий момент остается с сожалением констатировать незаслуженно слабый интерес современных практиков в области психологии управления как к уже существующим наработкам российских авторов в рамках теории и диагностики стиля руководства, так и к тем потенциальным точкам роста, которые в них содержатся: 1) привлечение возможностей общепсихологического подхода и теоретического потенциала различных отечественных и зарубежных теорий личности; 2) творческое переосмысление динамического варианта профильного подхода А. Л. Журавлева с позиций выделения формальной и содержательной сторон стиля руководства; 3) использование ситуаций затруднения в определении стиля руководства для создания новых психодиагностических инструментов и т. д.

Литература

- Андреева Г. М.* Социальная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
- Гибш Т., Форверг М.* Введение в марксистскую социальную психологию. М.: Прогресс, 1972.
- Журавлев А. Л., Рубахин В. Ф.* Проблема «человеческого фактора» в управлении // Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Отв. ред. Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева. М.: Наука, 1976. С. 41–63.
- Журавлев А. Л., Рубахин В. Ф., Шорин В. Г.* Индивидуальный стиль руководства производственным коллективом. М.: ИУНХ, 1976.
- Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента. М.: Дело, 2002.
- Шеклтон В.* Психология лидерства в бизнесе. СПб.: Питер, 2003.
- Ярошевский М. Г.* Наука о поведении: русский путь. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Birth K., Prillwitz G.* Führungsstile und Gruppenverhalten von Kindern // Z. Psychol. 1959. № 163.
- Windholz G.* Pavlov's position toward American behaviorism // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1983. V. 19. № 4. P. 394–407.
- Ruiz G., Sánchez N., De la Casa L. G.* Pavlov in America: A heterodox approach to the study of his influence // The Spanish Journal of Psychology. 2003. V. 6. № 2. P. 99–111.

The potential of A. L. Zhuravlev's behavioral approach in the study of leadership style

I. V. Kalinin

candidate of psychological sciences, associate professor of the Department of Psychology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Russian State University. A. N. Kosygin (Technology. Design. Art), Moscow, Russia, sokramento@mail.ru

The version of foreign authors of the history of the development of the theory of leadership style through the prism of linearity – from the theory of personality traits through a behavioral approach to situational – is considered as a simplifying reality. It is argued that the behavioral approach has not lost its relevance, and its domestic version as read by A. L. Zhuravlev contains powerful theoretical, empirical and instrumental possibilities for their creative comprehension. Some trends are highlighted, in the direction of which the development of theoretical and diagnostic possibilities for studying the leadership style can take place. It is noted that a superficial acquaintance with domestic developments can lead to their underestimation and excessive overestimation of the possibilities of foreign approaches.

Keywords: history of psychology, management psychology, leadership style, behavioral, profile and situational approaches to leadership style.

**Академик А. Л. Журавлев — организатор и научный руководитель
семинара ИП РАН «Актуальные направления
психологических исследований»***

Ю. В. Ковалева

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН, Москва, Россия

На основе воспоминаний академика А. Л. Журавлева реконструируется история возникновения и функционирования семинара Института психологии РАН «Актуальные направления психологических исследований» в 2010–2020 гг., организатором и бессменным руководителем которого он являлся, будучи директором института. Приводятся внешние факторы истории возникновения семинара, обсуждается внутренняя мотивация директора ИП РАН при организации данной формы научной работы. Показаны результаты библиометрического (докладометрического) анализа работы семинара. Подчеркивается, что основная заслуга в устойчивом функционировании семинара и его высоких результатах принадлежит Анатолию Лактионовичу Журавлеву, который с самых первых дней относил его к приоритетным формам научной работы института. Изложенные факты подтверждают *событийность* семинара как значения данного мероприятия для всего института в сложное историческое время. Одновременно с этим в работе семинара присутствуют признаки становления коллективной субъектности участников семинара, что является подтверждением концепции, разработанной А. Л. Журавлевым.

Ключевые слова: А. Л. Журавлев, Институт психологии РАН, семинар «Актуальные направления психологических исследований», научное событие, коллективный субъект, библиометрический анализ, докладометрический анализ.

В основу работы положены воспоминания Анатолия Лактионовича Журавлева о фактах, связанных с организацией семинара «Актуальные направления психологических исследований», который проходил в Институте психологии РАН с апреля 2010 г. по февраль 2020 г., а также о достижениях и трудностях, возникавших в процессе его работы, о замыслах, которым посчастливилось реализоваться. А. Л. Журавлев был основателем и бессменным руководителем семинара на протяжении всего времени его работы, и в связи с 75-летием Анатолия Лактионовича представляется важным подчеркнуть его вклад в организацию данного мероприятия, вошедшего, как представляется, в историю института.

* Работа выполнена в соответствии с Госзаданием № 0138-2023-0001.

В конце 2022 г. Анатолий Лактионович выдвинул идею, что ряд мероприятий института может быть изучен и описан как научные события, вклад которых можно оценить с помощью новых для психологии наукометрических и библиометрических методов (Белопольский и др., 2022, 2023; Костригин, Журавлев, 2022). Для истории психологии *научное событие* является новым объектом изучения, по сравнению с исследованием развития *психологического познания, научных коллективов и персоналий*. Можно назвать лишь несколько работ такого типа: это исследование научной конференции в Ленинградском университете в 1947 г. (Журавлев, Почебут, 2021), Первого съезда по педагогической психологии в России (Стоюхина, Башук, 2019), Павловской сессии (Стоюхина, Журавлев, 2021), научных конференций в целом (Олейник, 2017).

Такое научное событие, как *семинар*, на данный момент еще не рассматривалось в историко-психологических работах. Тем не менее, такие научные формы работы на протяжении значительного периода времени существовали в Институте психологии РАН, отличались высоким интересом и поддержкой научных сотрудников и внесли свой вклад в научную жизнь института, который может и должен быть зафиксирован и оценен.

Предыстория и история создания семинара

В предыстории создания семинара можно выделить внешние и внутренние факторы, оказавшие влияние на его возникновение.

К внешним факторам относится то, что в начале нулевых годов во властных структурах, соответствующих министерствах и самой Академии наук стало складываться особое отношение к статусу *научной степени доктора наук* — значимость докторских степеней стала принципиально повышаться. О докторских степенях стала говорить как о «национальном достоянии России». Вместе с тем к этому моменту во многих институтах, включая и ИП РАН, по ряду, в том числе объективных причин, количество докторов наук значительно уменьшилось, что побуждало институты предпринимать усилия по стимулированию подготовки докторских диссертаций и их защиты.

Ко внешнему фактору можно отнести и роль заместителя академика-секретаря Отделения общественных наук Вячеслава Николаевича Кузнецова, который после своего избрания в 2002 г. на эту должность вел систематическую индивидуальную работу с директорами институтов — в том числе и с А. Л. Журавлевым, ставшим директором ИП РАН в тот же год. В личных беседах Кузнецов прямо отмечал отдельные обстоятельства, которые, по его мнению, снижали академический статус нашего института. К таковым в первую очередь относилось явно недостаточное количество докторов наук (в начале 2002 г. их было 20 чел.).

Необходимость изменить эту ситуацию звучала как требование, что подвигло А. Л. Журавлева к поиску разных форм работы с перспективными сотрудниками. В первую очередь была разработана институтская политика по подготовке и защитах докторских диссертаций наиболее опытных кандидатов наук,

давно работавших в институте и имевших большие заделы исследовательского материала. За период в 7–8 лет были защищены работы И. О. Александровым, Б. Н. Безденежных, В. И. Белопольским, М. И. Воловиковой, А. Н. Ворониным, А. А. Гостевым, Л. Г. Дикой, Т. П. Емельяновой, В. А. Кольцовой, А. Н. Лебедевым, А. А. Обозновым, В. П. Позняковым, Т. В. Тарабриной, Н. Е. Харламенковой, Д. В. Ушаковым и целым рядом других известных ученых. Однако в нулевые годы данная категория сотрудников преимущественно защитила докторские квалификационные работы и необходимо было думать о дальнейших перспективах подготовки таких диссертаций, которые открывают новые научные направления. Тогда и возник замысел создания семинара для «продвинутых» кандидатов наук с целью их профессионального развития, создания условий для широкого обсуждения результатов их исследований и помогающей атмосферы для продвижения индивидуальных научных тем.

В начале 2010 г. началась работа по подготовке семинара. Его научным руководителем стал директор ИП РАН А. Л. Журавлев, его заместителем – зав. лабораторией психологии развития Е. А. Сергиенко, а координатором семинара (позднее эта позиция станет называться ученым секретарь семинара) – Ю. В. Ковалева. Ю. В. Быховец, Г. А. Виленская и Т. А. Кубрак также в первые два года выступали координаторами семинара и выполняли функции по информированию сотрудников ИП РАН, помощи докладчикам в подготовке материалов и рецензировании. К концу 2011 г., когда семинар набрал силу и показал устойчивую работу, эти функции остались закрепленными только за ученым секретарем.

Первоначальное название семинара звучало как «Актуальные *проблемы* психологических исследований», но в ноябре 2010 г. на шестом заседании семинара стал называться «Актуальные *направления* психологических исследований», что придало ему более общий смысл, поскольку затрагивало не только «проблемы», но и фундаментальные линии научных работ сотрудников.

Семинар сразу получил статус *общейинститутского* и имел классический академический формат: доклад, вопросы, рецензии и обсуждение. За всю историю Института психологии еще только один семинар «Методологический семинар ИП РАН» имел такой же статус, однако он не проводился с такой регулярностью, как семинар «Актуальные направления...», который проходил ежемесячно, пропуская только летние месяцы – июль и август. Еще один семинар был близок по статусу – это «Экспертный семинар ИП РАН», проводившийся также регулярно, начиная с января 2005 г., но он имел надлабораторный, но не общейинститутский статус, который подразумевал хотя и добровольное, но все-таки желательное участие всех лабораторий в его работе. К выполнению этого условия семинар шел некоторое время, не все лаборатории сразу включились в его систематическую работу, но уже в 2011 г. в нем участвовало больше половины лабораторий института.

Первое заседание семинара состоялось 29 апреля 2010 г., на нем выступил Т. А. Нестик, тогда еще кандидат наук, с докладом «Обмен знаниями и корпоративная память в современной организации», рецензентом доклада был к. п. н. В. А. Соснин.

Периоды функционирования и развития семинара и его организационных форм

В работе семинара можно выделить три периода.

- С апреля 2010 г. до начала 2014 г.
- С начала 2014 г. до мая 2015 г.
- С мая 2015 г. до его завершения к марту 2020 г. (началась пандемия COVID-19).

Периоды работы семинара отличались своими целями и организационными формами участия лабораторий и рецензирования.

Для первого периода цель была обозначена четко – это было мероприятие с участием «продвинутых кандидатов». Участие всех лабораторий подразумевалось и приветствовалось, но никаких обязательных норм пока введено не было. Ведущую роль в проведении семинара на себя сразу взяли три лаборатории – социальной и экономической психологии, психологии развития и психологии посттравматического стресса, ими было выполнено шесть из первых семи докладов в 2010 г. В 2010 и 2011 гг. к работе подключились лаборатории психологии личности (уже в 2010 г.), психологии и психофизиологии творчества, психологии речи и психолингвистики и психологии труда, что составило 7 лабораторий из 14, действовавших тогда в Институте. В 2012 г. присоединились лаборатории инженерной психологии, психологии способностей и психологии познавательных процессов и т. д.

Начиная с шестого семинара в 2010 г. была установлена норма в две рецензии на доклад, при этом вторым рецензентом обязательно должен был быть сотрудник другой лаборатории (первые пять заседаний проходили с одним рецензентом, который мог быть и из лаборатории докладчика, что довольно быстро стало не устраивать организаторов). В такой форме семинар просуществовал до начала 2014 г.

Необходимо отдельно отметить, что с первого года существования семинара его значимость поддерживалась дирекцией в форме годовых стимулирующих надбавок – дифференцированную премию получали докладчики, рецензенты и рядовые участники, работавшие в не менее трех заседаниях семинара годового цикла. Нельзя не сказать, что это имело реальный стимулирующий эффект.

Начало второго периода работы семинара относится к концу 2013 г. и началу 2014 г. В конце 2013 г. в проведение семинара опять вмешались внешние обстоятельства – произошел ряд реформ на государственном уровне, и институт был передан ФАНО РФ. Фактически это был период формирования новых государственных структур и вертикалей, которые стали определенным принципом устройства всей страны (Ковалева, 2021). Все это выдвинуло новые требования к работе организации в целом – теперь результаты работы сотрудников, выполнявшие под грифом государственного задания, должны были быть публично доложены и обсуждены на специально организованных открытых мероприятиях в самих научных учреждениях. Это новое обстоятельство обсуждалось Анатолием Лактионовичем в беседах с заведующими лабораториями, из которых стало очевидно, что организация еще одного семинара для выполнения таких требований невозможна, а в работе существовавшего семинара для продвинутых кандидатов назрел определенный кризис, так как почти

все сотрудники с таким неформальным статусом уже выступили на семинаре, и им было нужно время для реализации следующих этапов работы – каждый год или даже раз в два года выступать крайне трудоемко, так как от докладчиков ожидалось крупные результаты исследований.

В начале 2014 г. семинар был реорганизован, сохранив свое название. Он стал семинаром для придания публичности сотрудниками лабораторий, не только кандидатов наук, но и докторов (рассматривался и вариант участия аспирантов), научных итогов своих исследований в рамках лабораторной темы, поддержанной госзаказом. Второй период существования семинара, с начала 2014 г. по май 2015 г., можно назвать периодом поиска нового формата, в котором бы были заинтересованы лаборатории и который одновременно удовлетворял бы внешним требованиям. Так, в этот период перед основным докладчиком выступали заведующие лабораториями – подразумевалось, что они должны были очень кратко доложить результаты разработки общелабораторной темы и вписать в них содержание заслушиваемого доклада. Однако в большинстве случаев эти условия не выполнялись – заведующие были больше ориентированы на развернутый доклад, а краткого резюме у них не складывалось. Также этот период был переходным для осознания заведующими необходимости полноценной систематической работы на семинаре – и постепенно пришло понимание, что у лаборатории появилась новая форма регулярной работы – отчета на семинаре о новых результатах научного коллектива.

К маю 2015 г. все эти условия были достигнуты и семинар вступил в свою окончательную, просуществовавшую до его завершения (в марте 2020 г.) организационную форму: обязательный ежегодный доклад от лаборатории и три рецензии, где третья рецензия отводилась внешнему эксперту. Это условие, несмотря на трудность исполнения, почти всегда реализовывалось. Помимо этого была введена позиция еще одного заместителя руководителя семинара, которую заняла Н. Е. Харламенкова.

В мае 2015 г., т. е. после пяти лет работы, в документации института по инициативе его директора А. Л. Журавлева появились «Положения о постоянно действующем отчетно-аналитическом семинаре Института психологии Российской академии наук», где были сформулированы его цели, задачи, положения о руководстве и докладчиках, периодичности проведения, участниках семинара и их информационном обеспечении, экспертов семинара, его регламенте, требования к материалам докладов и рецензий, финансовом обеспечении. Таким образом, семинар был институционализирован как научное мероприятие, имевшее официальный статус и представлявшее результаты работы подразделений организации.

Семинар за все время своего функционирования привлекал к себе внимание очень многих сотрудников, которые практически после каждого заседания обращались к его руководителям, прежде всего к Анатолию Лактионовичу, со своими соображениями, оценками, пожеланиями. Кулуарное обсуждение было фактически еще одной стороной работы, позволявшей его организаторам корректировать какие-то элементы в регламенте семинара, обращать внимание на процедуру его проведения. Анатолий Лактионович уделял этому огромное внимание и значительный объем времени.

Некоторые результаты наукометрического (докладометрического) анализа работы семинара

В качестве объекта исследования выступили *документы семинара*, в которых были зафиксированы посещения семинара сотрудниками, имена докладчиков и рецензентов. Были проанализированы следующие показатели: количество индивидуальных докладов и рецензий, а также количество докладов по годам и по лабораториям. Оценивалась мера участия отдельных исследователей в качестве докладчиков и рецензентов, стабильность работы семинара и вклад лабораторий в его проведение.

Всего за *десять лет* функционирования семинара состоялось 97 его заседаний, на которых было соответственно прочитано 97 докладов. 2010 г. — год начала работы семинара, был «неполным» — семинар открылся в апреле, и всего за этот год было прочитано 7 докладов, таким же неполным годом оказался и 2020 г. — год закрытия семинара из-за карантинной обстановки в связи с Ковид-19 — тогда было прочитано 2 доклада. В 2015 и 2017 гг. по рабочим причинам не состоялось по одному заседанию семинара. Итого: $90+7+2-2=97$ заседаний.

В работе семинара за все время его проведения приняло участие более 100 сотрудников института, среднее количество присутствующих на заседаниях варьировалось от 30 до 40 чел.

В качестве докладчиков выступил 71 сотрудник института. Трое — М. И. Воловикова, Т. В. Дробышева и Д. В. Люсин — сделали по четыре доклада, четверо — Т. П. Емельянова, Е. А. Никитина, В. П. Позняков и А. Н. Харитонов — сделали по три доклада, 17 сотрудников — по два доклада и 47 — по одному, при этом было сделано 16 совместных докладов.

Рецензентами докладов семинара выступили 64 сотрудника института. При этом самыми «высокорейтинговыми» оказались: профессора А. А. Грачев (11), Н. Е. Харламенкова (8) и А. А. Обознов (8). По шесть рецензий выполнили Е. А. Сергиенко и Т. В. Дробышева, пять и четыре рецензии выполнили по пять сотрудников, три — 11, две — 15 и по одной — 23 сотрудника. 18 сотрудников сторонних организаций выполнили 19 рецензирования, из таких организаций можно назвать МГУ им. М. В. Ломоносова, ВШЭ, РАНХиГС, ПИ РАО, МГППУ, РФФИ, Институт психоанализа и другие научные и учебные заведения.

В заседаниях семинара приняли участия все лаборатории ИП РАН. Самыми активными участниками стали следующие лаборатории: Социальной и экономической психологии — 14 докладов; Психологии труда (были объединены все доклады лаборатории со старым и новым названиями, так как большинство докладчиков были из прежней лаборатории психологии труда) — 11; психология развития — 11; психологии и психофизиологии творчества — 11; психология личности — 10; психологии речи и психолингвистики — 9. Остальные лаборатории сделали от шести до двух докладов.

Таким образом, полученные данные могут позволить оценить стабильность, систематичность работы семинара и вклад сотрудников и лабораторий института в его проведение: семинар проходил с апреля 2010 г. по февраль 2020 г. включительно. До стажа ровно в десять лет не хватило одного заседания. Из 100 возможных и предполагавшихся по регламенту заседаний за десять лет

было проведено 97, т. е. было использовано 97% возможностей его функционирования, что, несомненно, является очень высоким показателем.

Статистика индивидуального участия позволяет выделить костяк активных докладчиков и рецензентов, а участие некоторых является в своем роде выдающимся. При этом следует учитывать, что самые активные участники в нескольких случаях выступали с инициативой представления своего доклада, а некоторые рецензенты своим глубоким и перспективным анализом пользовались особой популярностью у докладчиков, которые хотели видеть их в таком качестве на своем докладе — к числу таких сотрудников относился профессор А. А. Грачев.

То же самое можно сказать об участии лабораторий, которое лежало в основе проведения семинара — шесть лабораторий организовало от 9 до 14 докладов, что говорит об особо ответственном и заинтересованном отношении руководителей лабораторий к этому мероприятию, понимании его важности для общеинститутской работы, прикладывавших организационные усилия для мотивирования своих сотрудников, развития кооперативных отношений внутри лабораторий, чьи сотрудники разделяли значимость этого научного события, видели очевидные позитивные возможности семинара и использовали их для обсуждения и продвижения тем своих исследований.

Заключение

Описанные факты свидетельствуют в пользу того, что семинар явился исключительным событием в истории Института психологии РАН — его возникновение оказалось тесно связано с событиями государственного масштаба — реформами Правительства РФ и Российской академии наук, созданием новых министерств (агентств), проявлением нового отношения к научным кадрам, новыми требованиями к работе научных учреждений. Так сложилось, что именно данное научное мероприятие сфокусировало на себе решение многих сложных задач, вставших перед институтом в целом.

Развитие самого семинара проходило постепенно, при этом его организаторы, в первую очередь академик Журавлев, осознававшие основные проблемы, которые решались с его помощью, планомерно и терпеливо формировали его организацию, всегда подчеркивая его значимость, которая постепенно стала понятной и заведующим лабораториями и рядовым сотрудникам.

Необходимо подчеркнуть, что основная заслуга в устойчивом функционировании семинара и его высоких результатах принадлежит Анатолию Лактионовичу Журавлеву, который с самых первых дней относил семинар к приоритетным формам научной работы института. Благодаря социальному опыту Журавлева, стилю его руководства и вниманию к участникам (лабораториям в целом и сотрудникам в частности), работа семинара стала не просто ответом на веяния и требования времени, а мероприятием, востребованным самими сотрудниками, вызывавшим у них интерес, упрочивавшим и расширявшим внутриинститутскую коммуникацию, предоставлявшим возможность для взаимодействия, совместной активности, инициативы и самопроявления. Можно предполагать, что на основе семинара формировался фактически коллек-

тивный субъект научной деятельности. Известно, что «коллективный субъект» является одним из значимых научных «детищ» Анатолия Лактионовича (Журавлев, 2018).

Таким образом, можно утверждать, что изложенные результаты подтверждают *событийность* семинара как значения данного мероприятия для всего Института в сложное историческое время и одновременно как высокие результаты работы *Ученого* — наглядно проявившее себя на практике подтверждение концепции коллективного субъекта, разработанной академиком Журавлевым.

Литература

- Белопольский В. И., Костригин А. А., Журавлев А. Л.* Годы, люди, книги: научно-издательская деятельность Института психологии РАН (1972–2021). Ч. I. Научно-организационные и библиометрические аспекты // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 6. С. 5–17.
- Белопольский В. И., Костригин А. А., Журавлев А. Л.* Годы, люди, книги: научно-издательская деятельность Института психологии РАН (1972–2021). Ч. II. Тематические и лингвистические аспекты // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 1. С. 5–15.
- Журавлев А. Л.* Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 116–161.
- Журавлев А. Л., Почебут Л. Г.* Направления и проблемы развития отечественной психологии в послевоенные годы (по материалам конференции в Ленинградском университете 1947 г.) // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 2. С. 88–97.
- Ковалева Ю. В.* История разработки понятия «большие социальные группы». Ч. 4. Современный этап развития социальной психологии (с 2000 г. по настоящее время) // Институт психологии Российской Академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 3. С. 6–48. doi: 10.38098/ipran.sep_2021_23_3_01.
- Костригин А. А., Журавлев А. Л.* Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению методологии психологии в 2002–2021 гг. // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 99–120.
- Олейник Ю. Н.* Научные конференции как индикатор развития области знания (на примере конференций по истории психологии) // Ананьевские чтения — 2017: Преемственность в психологической науке: В. М. Бехтерев, Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов: Материалы Международной научной конференции 24–26 октября 2017 г. / Отв. ред. Л. А. Головей, А. В. Шаболатас. СПб.: Айсинг, 2017. С. 413–414.
- Стояхина Н. Ю., Башук Е. Н.* Первый съезд по педагогической психологии в России: жажда реформ // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 6 (111). С. 87–100.
- Стояхина Н. Ю., Журавлев А. Л.* «Павловская» сессия: новое прочтение // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 5. С. 49–58.

**Full member of RAS A. L. Zhuravlev – organizer and permanent head of the seminar
“Actual directions of psychological research”**

Yu. V. Kovaleva

PhD (psychology), senior researcher, laboratory of the history of psychology and historical psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Based on the memoirs of full member of RAS A. L. Zhuravlev, the history of the emergence and functioning of the seminar of the Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences “Actual Directions of Psychological Research”, the organizer and permanent leader of which he was, being the director of the institute, was reconstructed. External factors of the history of the seminar were presented, the internal motivation of the director of the IP RAS when organizing this form of institute work was discussed. The results of the bibliometric (report) analysis of the workshop work were shown. It was emphasized that the main merit in the stable functioning of the seminar and its high results belongs to Anatoly Laktionovich Zhuravlev, who from the very first days attributed it to the priority forms of scientific work of the institute. It was argued that the above facts confirm the event of the seminar as the significance of this event for the entire institute in a difficult historical time. At the same time, the seminar contains signs of the formation of collective subjectivity of the seminar participants, which is a confirmation of the concept developed by A. L. Zhuravlev.

Keywords: Anatoly Laktionovich Zhuravlev, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, seminar “Actual Directions of Psychological Research”, scientific event, collective subject, bibliometric analysis, reportometric analysis.

Проблемы методологии психологии в работах А. Л. Журавлева*

А. А. Костригин

кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия, artdzen@gmail.com

Анализируются исследования А. Л. Журавлева по проблемам методологии психологии. Среди них выделяются научные направления реализации принципа междисциплинарности в психологии, взаимодействия фундаментальной и практической психологии, систематизации понятий и подходов в современной российской психологии. Раскрываются взгляды А. Л. Журавлева на эти методологические вопросы. Описываются характеристики научно-исследовательской деятельности А. Л. Журавлева в области методологии психологии: междисциплинарная методологическая ориентация, коммуникативный (совместный) стиль разработки научных проблем, развитие представлений ученого по рассматриваемым вопросам на протяжении многих лет его научной карьеры.

Ключевые слова: история психологии, персоналия, А. Л. Журавлев, методология психологии, междисциплинарность, фундаментальная психология, прикладная психология, понятия, подходы.

Введение

В связи с 75-летним юбилеем Анатолия Лактионовича Журавлева проводится анализ и обсуждение его вклада в различные отрасли психологии и его роли в развитии современной российской психологии в целом (Анатолий Лактионович..., 2018; Костригин, 2023; Мазилев, 2020; Позняков, 2023а, б; Позняков и др., 2023). Кроме исследований по вопросам отдельных отраслей психологии (социальной психологии, экономической психологии, психологии управления и др.), важными представляются его работы по проблемам *теории и методологии психологии*.

Данная тема является особенно актуальной в связи с функционирующими теоретико-методологическими проектами (Научные подходы..., 2023; Психологическое знание..., 2018; Разработка понятий..., 2018) и проводящимся историко-психологическим анализом становления и развития методологии в Институте психологии РАН (Белопольский и др., 2021; Журавлев, Сергиенко, 2021; Костригин, Журавлев, 2022), к научной школе которого принадлежит А. Л. Журавлев. Возникает необходимость определения вклада в методологию психологии в целом и школу методологии психологии Института психологии РАН

* Работа выполнена в соответствии с Госзаданием №0138-2023-0001.

в частности не только выдающихся психологов Института прошлого (подробнее см.: *Выдающиеся ученые...*, 2017; и др.), но и современных ведущих исследователей, к которым относится А. Л. Журавлев.

Обоснованием значимости методологических разработок А. Л. Журавлева могут выступить вместе с качественной оценкой его работ и количественные показатели, которые сегодня становятся важным элементом *наукоедческого и персонологического анализа* в истории психологии (Журавлев, Костригин, 2023б). Так, по результатам библиометрического анализа изданий Института психологии РАН по методологии психологии за 2002–2021 гг., было определено, что А. Л. Журавлев внес наивысший совокупный авторский и редакторский вклад (20: 8 раз был автором статей и 12 – редактором) в подготовку методологических изданий Института психологии (Костригин, Журавлев, 2022, с. 104). Таким образом, он является одним из ведущих методологов в *научно-исследовательском сообществе* по методологии психологии на базе Института психологии РАН, которое обладает всероссийским статусом.

Среди *направлений* теоретико-методологических исследований А. Л. Журавлева можно выделить следующие: особенности реализации принципа междисциплинарности в психологии, вопросы взаимодействия фундаментальной (теоретической, исследовательской, академической) и практической (прикладной) психологии, разработка системно-сетевой организации понятий современной психологии, анализ состояния научных подходов в современной российской психологии и выделение критериев их описания. Кроме того, он занимался методологией отдельных отраслей психологии: *социальной психологии* (определением предмета и объекта, совокупности ключевых понятий, структуры отрасли, анализом взаимодействия социальной психологии со смежными науками, рассмотрением перспектив внедрения результатов социально-психологических исследований в общественную практику, обсуждением современных тенденций развития исследований по социальной психологии), *психологии управления* (описанием предмета и объекта, структуры отрасли, введением различий в понимании управления как воздействия и взаимодействия), *экономической психологии* (анализом предмета, методологических принципов, содержания и структуры отрасли, классификацией направлений исследований, определением основных объектов, понятий и феноменов), *истории психологии* (выявлением основных факторов ее развития, обсуждением сотрудничества учебного и исследовательского направлений в истории психологии, развитием персонологического и наукометрического подходов) и др.

В данной статье ставится *цель* анализа проблем общей методологии психологии, разработавшихся А. Л. Журавлевым. Методологические вопросы отдельных отраслей психологии (социальной и экономической психологии, психологии управления, истории психологии и др.) могут быть рассмотрены в отдельной работе, так как они имеют другие методологические основания.

Принцип междисциплинарности в психологии

Важной характеристикой психологии на современном этапе ее развития является ее *междисциплинарность*, взаимодействие с другими науками, что способст-

вует возникновению новых подходов, теорий, концепций, методов и предметов исследования. Эту особенность психологии на рубеже XX–XXI вв. отмечали разные исследователи (Акопов, Иванова, 2002; Асмолов, 1999; Борзенков, Юдин, 2002; и др.), однако один из наиболее разработанных вариантов описания междисциплинарности в психологии осуществил А. Л. Журавлев.

В первой своей работе по этой теме он обозначил междисциплинарность как *характерную особенность психологии* на рубеже XX–XXI вв., ее *атрибутивным качеством* (Журавлев, 2002). По его мнению, это было обусловлено внутренними, внешними и практическими факторами функционирования психологии: во-первых, психология достигла такого состояния, при котором она может предлагать смежным наукам собственные концепции и методы; во-вторых, смежные науки сами испытывают потребность в использовании психологических знаний для решения своих задач; в-третьих, психология вовлекается в решение сложных проблем, которые имеют междисциплинарный характер. Разработка психологией своих внутренних задач (прежде всего, изучения психики, которая изначально имеет междисциплинарные свойства) требует применения принципа междисциплинарности на различных уровнях психологического исследования. А. Л. Журавлев предложил *классификацию уровней* междисциплинарности в психологии: *внутрипсихологический* (на границах различных отраслей психологии), *внешнепсихологический* (на границах с другими науками, когда последние входят в психологию) и *внепсихологический* (в виде вхождения психологии в структуру других наук). Кроме того, междисциплинарность в психологии выражается в формулировании и решении фундаментальных проблем междисциплинарного характера – психофизической, психофизиологической, психосоциальной, а также выделенных автором психозволюционной, психоисторической, психогенетической, психоморфологической и др.

Наконец, *истоками* междисциплинарных исследований в российской психологии А. Л. Журавлев обозначил работы В. М. Бехтерева, Б. Г. Ананьева, Б. Ф. Ломова, А. В. Брушлинского, их комплексные, системные и субъектные идеи. Вклад представителей Ленинградской психологической школы и выдающихся ученых Института психологии АН СССР (РАН) в разработку междисциплинарности признавался А. Л. Журавлевым ведущим; именно в последнем, когда Анатолий Лактионович исполнял обязанности директора Института, была проведена одна из знаковых конференций по данной проблематике – «Психология: современные направления междисциплинарных исследований» (октябрь 2002 г.) (Психология..., 2003), подтвердив тем самым приоритетный социальный и научно-организационный статус Института в развитии данной фундаментальной проблемы психологии.

Анализируя динамику творчества А. Л. Журавлева, необходимо отметить *развитие представлений* А. Л. Журавлева о междисциплинарности. Так, в следующей работе им были описаны *ограничения* междисциплинарных исследований в психологии: установка на проведение только междисциплинарных исследований и отрицание узко специализированных, редукция и упрощение психического до феноменов других наук, «вмешательство» других наук в теорию и методологию психологии, универсализация психологического исследо-

вания, трудность организации междисциплинарных работ, сложность объединения некоторых наук и др. (Журавлев, 2003). В статье 2007 г. автор разделил внутривнутрипсихологическую междисциплинарность на *внутри- и межотраслевую*: к первой он отнес исследования на границах разных научных разделов, направлений, проблем и тем внутри конкретной отрасли психологии, а ко второй — работы на границах различных отраслей (например, социально-экономическая, социально-экологическая психология, социопсихолингвистика и др.) (Журавлев, 2007). Кроме того, в этой же публикации он ввел термин «*междисциплинарная релевантность*» психологии, понимаемый как перспективность эффективного использования достижений одной науки другими. Наконец, в недавней работе он совместно с А. А. Костригиным проанализировал соотношение различных *форм* междисциплинарности (мульти-, меж- и трансдисциплинарности) и описал их характеристики в психологических исследованиях: в рамках реализации мультидисциплинарности психология входит в другие науки, но сохраняет свою дисциплинарную идентичность (например, инженерная психология); применение собственно междисциплинарности выражается в объединении с другими науками вокруг определенного объекта и предмета изучения (например, нейронауки); принципы трансдисциплинарности позволяют выводить психологические концепции на уровень общей философии науки (психоанализ, когнитивная наука, теория функциональных систем, психосемантика и др.) (Журавлев, Костригин, 2023а).

Дополнительно к общим вопросам реализации принципа междисциплинарности в психологии А. Л. Журавлев занимался его обоснованием в отдельных отраслях психологии — экономической психологии (Журавлев, 2009), социальной психологии труда (Журавлев, Купрейченко, 2010), глобальной психологии (Журавлев, Ковалева, 2018), психологии личности (Журавлев, Харламенкова, 2019), а также при изучении различных психологических проблем — дискурса (Журавлев, Павлова, 2007), психологической безопасности (Журавлев, Табраина, 2012) и др.

Разработка А. Л. Журавлевым проблемы междисциплинарности в методологии психологии происходила как на обобщенном, так и конкретно-отраслевом уровне, что говорит о широком охвате данной тематики ученым. Это позволило ему перейти в своих методологических исследованиях с уровня принципа междисциплинарности на уровень *междисциплинарного подхода* (Журавлев, Костригин, 2023а). Кроме того, происходившая динамика его представлений (в том числе с учетом современных подходов к междисциплинарности в философии науки) свидетельствует о развитии его методологической позиции, которая, возможно, будет в дальнейшем продолжать изменяться.

Взаимодействие фундаментальной и практической психологии

Проблема *взаимоотношений фундаментальной и практической психологии* разрабатывалась А. Л. Журавлевым совместно с Д. В. Ушаковым в 2010-е годы. Их работы и вызванные ими отклики (Жалагина, Короткина, 2012; Орлов, 2012; Розин, 2012; Юревич, 2012) свидетельствовали о новом этапе дискуссии вокруг взаимодействия теории и практики в психологии, которое в различные исто-

рические периоды имело разный статус (от слияния до отчуждения) (Журавлев, Ушаков, 2011; Журавлев и др., 2015). Содержанием публикаций А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова было всестороннее рассмотрение вариантов взаимоотношений фундаментальной и практической психологии с позиций объединения нескольких философских и методологических подходов.

Прежде всего, авторы рассмотрели *процессы и механизмы развития* теоретической и практической психологии применительно к человеческой практике (Журавлев, Ушаков, 2011а). Уже здесь ими была показана неразрывная связь этих ветвей психологии: сначала разрабатываются представления об устройстве мира и конкретно психики, затем на основе этих представлений создаются объекты и технологии, отвечающие практическим потребностям, наконец, проводится проверка эффективности данных объектов и технологий. Так как и теоретическая, и практическая психология в конечном итоге стремятся к тому, чтобы их знания и методы были максимально эффективны, то обе ветви психологии развиваются по схожим процессам, и на некоторых этапах последних они очень тесно взаимодействуют. Однако при использовании одной области психологии принципов другой могут возникать трудности: субъективность и специфичность представлений о психике, конструктивистская природа психологических технологий, обуславливающая расхождение с реальностью (даже в практической психологии), трудность объективной оценки эффективности применения психологических технологий.

Далее авторы проанализировали соответствие теоретической и практической психологии *типам научных знаний (А и В)*, используемым при организации практического воздействия. А-данные получаются в искусственных экспериментальных ситуациях и используются для моделирования явлений, они широко применимы в теоретической психологии, однако могут быть востребованы и в практике. Пересечение теоретической и практической психологии на основе А-данных названо ими *А-взаимодействием*: в различных отраслях прикладные задачи решаются с помощью экспериментально разработанных теоретических концепций описания и объяснения конкретных психических процессов, состояний и свойств (Журавлев, Ушаков, 2011а). В-данные представляют собой сведения о результатах практического применения устройств или технологий: интеграция теоретической и практической психологии по этому основанию (*В-взаимодействие*) может выражаться, например, в доказательной психологической практике, при которой применение психологических методик и технологий происходит на основе данных экспериментальных исследований (Журавлев, Ушаков, 2011б). Оба вида взаимодействия имеют достоинства и ограничения, однако специфика применения двух типов данных в теоретической и практической психологии свидетельствует о самостоятельности этих ветвей психологии и необходимости дальнейшего поиска перспектив их взаимодействия и интегрирования.

В другой работе А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков показали собственно значение данной проблемы для методологии психологии: характер связей между фундаментальной психологией и практикой выступает *индикатором развития* психологического знания в целом, а также демонстрирует *востребованность* психологии со стороны других наук и общества, вовлеченность в решение мак-

ропсихологических проблем (Журавлев, Ушаков, 2011в). Также в этой статье авторами был детальнее раскрыт (предложен он был частично в другой работе: Журавлев, Ушаков, 2011а) тезис о двух подходах к анализу современной *несогласованности* фундаментальной и практической психологии: по особенностям знаний (согласно концепции Я. А. Пономарева), которые используются в них, и по принципам их конструирования (на основе идей В. М. Розина). Фундаментальная психология использует знания эмпирического типа, а практическая – действенно-преобразующего. Для решения частных и локальных задач эмпирические знания широко используются в практике, но при обращении к целостному в человеке их уже недостаточно: поэтому в практике фундаментальные концепции выступают только как вспомогательные. Говоря об особенностях конструирования концепций и технологий в разных ветвях психологии, авторы отметили, что ведущей причиной их размежевания выступают разные способы конструирования реальности, человека, наконец, самой психики. Кроме того, А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков рассмотрели мало востребованный вопрос обратного обогащения фундаментальной психологии практикой: последняя поставляет первой новые идеи, которые, возможно, не согласуются с существующими психологическими моделями, но могут выступить источниками будущих психологических проектов.

Еще одним методологическим аспектом проблемы взаимоотношений фундаментальной и практической психологии в работах А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова выступил их *парадигмальный анализ* (Журавлев, Ушаков, 2012а). Эти ветви психологии имеют как сходные, так и различающиеся парадигмальные особенности: среди сходств авторами было отмечено наличие исследовательских традиций, среди различий – уже описанные выше разные типы знаний, использующиеся в теории и практике. Таким образом, парадигмальный анализ лишь частично снимает противоречия и неопределенности при рассмотрении взаимодействия фундаментальной и практической психологии.

Итогом нескольких работ по вопросам взаимодействия фундаментальной и практической психологии А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова стали, во-первых, организация специального издания – сборника научных трудов «Взаимоотношения исследовательской и практической психологии» (2015) под редакцией А. Л. Журавлева и А. В. Юревича, а во-вторых, определение *перспектив* взаимоотношений этих ветвей психологии. Авторы предложили пути совершенствования А- и В-взаимодействия: первый выражается в перестройке стратегий научного моделирования в психологии (в частности с использованием целостных моделей психики и больших данных) и повышении «наукоемкости» практики, второй – в развитии методов доказательной психологической практики, повышении информативности исследований и оптимизации работы практикующих специалистов (Журавлев, Ушаков, 2015, 2018).

Проведенный А. Л. Журавлевым и Д. В. Ушаковым комплексный анализ проблемы взаимодействия фундаментальной и практической психологии характеризовался применением философских, методологических и науковедческих подходов. Рассмотрение этих проблем психологии с терминологических, структурных, содержательных, концептуальных, парадигмальных и прогностических

тических позиций обеспечило не только собственно всестороннюю разработку вопроса, но и активизацию научного сообщества (Журавлев, Ушаков, 2012б), что свидетельствовало о высокой значимости данной темы.

Системно-сетевая организация понятий современной психологии

От принципов проведения психологических исследований (на основе междисциплинарного подхода) и анализа структуры психологической науки (соотношения теории и практики) в конце 2010—начале 2020-х годов. А.Л. Журавлев обратился к проблемам систематизации *категориально-понятийного аппарата* психологии. Данная тематика частично присутствовала в публикационном пространстве (Еремеев, 2006; Ключко, 2016; Куликов, 2013; Чуприкова, 2015; и др.), однако именно под научным руководством А.Л. Журавлева (совместно с Е.А. Сергиенко) был осуществлен масштабный проект по систематизации и концептуализации основных понятий современной психологии. Идея данного проекта возникла в августе 2016 г. (по данным личного интервью с А.Л. Журавлевым), а уже в 2018 г. вышел первый том сборника научных трудов «Разработка понятий современной психологии», далее в 2019 и 2021 гг. были изданы второй и третий тома. На основе работ современных исследователей, раскрывших содержание основных понятий российской психологии, А.Л. Журавлев и Е.А. Сергиенко описали характеристики самого понятийного поля психологической науки.

В первой работе по этой теме авторы обосновали трудность решения данной задачи, начиная даже с самого простого — определения точного термина («понятия» или «категории») (Журавлев, Сергиенко, 2018). По их мнению, наиболее целесообразным на текущем этапе развития психологии является оперирование именно понятиями, так как многие из них еще не достигли того уровня обобщения, на котором их можно было бы признать категориями. В процессе подчеркнуто уважительной полемики с известными методологами прошлого (Л.И. Анцыферовой, К.К. Платоновым, А.В. Петровским, Я.А. Пономаревым, М.Г. Ярошевским) и современными специалистами (М.С. Гусельцевой, Т.Д. Марцинковской, В.А. Петровским и др.), а также анализа понятий, представленных прежде всего в работах ученых Института психологии РАН, А.Л. Журавлев и Е.А. Сергиенко обосновали, что понятия (и их совокупности) в психологии на современном историческом этапе обладают следующими *характеристиками*: отражение ими конкретного подхода или научной школы, а также их взаимопроникновение; сетевой принцип их организации (пластичность системы понятий и отсутствие в ней центризма); эпистемология латентности (имплицитный и субъектный (авторский и ориентированный на категорию субъекта) принцип в разработке понятий); антиномичность (обоснование понятия через противопоставление другому); интегративность и междисциплинарность; изменение содержания понятий по сравнению с предыдущими историческими периодами и др.

Обобщая все понятия, представленные в трех томах коллективного труда «Разработка понятий современной психологии», А.Л. Журавлев и Е.А. Сергиенко построили *сеть современных понятий*: узловыми метапонятиями были

признаны «индивидуальный субъект» и «коллективный субъект», другие же были организованы на основе отраслевой иерархии и наличия связей между собой — это понятия общей теории психологии и различных фундаментальных и прикладных отраслей (Журавлев, Сергиенко, 2022). Авторы показали, что операционализированное на данный период понятийное поле современной психологии имеет *системно-сетевую организацию*, которая обладает всеми признаками актуальных разработок в области философии науки, эпистемологии и методологии.

Разрабатывая «систему-сеть» психологических понятий, А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова и Г. А. Виленская показали современный статус психологии — она перешла к *постпостнеклассическому (метамодернистскому) этапу*, который характеризуется сетевой неструктурированностью, принципом антиномий, эпистемологией сложности и латентностью (Журавлев и др., 2019, 2021). Это было ими обосновано на конкретных примерах понятий и отраслей: в отличие от других исследователей, авторы имели крупнейший массив материалов, собранный в многолетних коллективных трудах ученых Института психологии РАН.

Систематизация научных подходов современной психологии

Продолжением проблематики систематизации психологических понятий стал анализ А. Л. Журавлевым современных психологических *подходов*. Рассмотрение актуальных психологических подходов всегда является значимой проблемой, особенно в последние годы (Баксанский, Самойлова, 2013; Василюк и др., 2017; Мазилев, 2013), однако проект А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко и их коллег имел более широкий охват как по тематике, так и по участвовавшему научному коллективу. Данный проект имел схожие черты с предыдущим в творчестве А. Л. Журавлева: он осуществлялся совместно с другими исследователями, прежде всего с Е. А. Сергиенко и Г. А. Виленской, и выражался в виде нового крупного коллективного труда «Научные подходы в современной отечественной психологии» (2023). Во вступительной главе А. Л. Журавлевым с коллегами были рассмотрены взаимосвязи и взаимоотношения различных ведущих психологических подходов и предложены критерии их описания.

В первую очередь, авторы показали, что научные школы и подходы на современном этапе развития психологии от противостояния друг другу переходят к *открытому взаимодействию*, а их внутренние положения характеризуются динамичными изменениями (Журавлев и др., 2023), в частности их ведущих понятий (что было обосновано А. Л. Журавлевым и Е. А. Сергиенко при анализе понятийного аппарата психологии). Далее авторы ввели *критерии*, по которым возможно сравнение различных подходов: ведущее понятие подхода, конкретизирующие понятия, методологические принципы и ведущие методы (там же, с. 19). Авторы сравнили несколько групп подходов и выявили их общие черты. Так, общепсихологические подходы характеризуются междисциплинарностью, наличием среди ведущих и конкретизирующих понятий «деятельности» и «культуры». Общенаучные подходы в психологии также обладают междисциплинарностью, а их спецификой является оперирование понятиями «ресур-

сов», «сети», «энергии» и «информации». В группе конкретно-психологических подходов наблюдаются поиски теоретико-эмпирических оснований, интегративные тенденции в осмыслении ведущих понятий и антиномичность последних, акцент на социокультурных факторах. Подходы в прикладной психологии базируются на общепсихологических и/или общенаучных подходах и используют более конкретные понятия. На основе анализа данного спектра подходов А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко и Г.А. Виленская пришли к выводу о том, что разделение подходов является условным. Все они взаимодополняют друг друга, опираются на общетеоретические и методологические принципы науки, а в некоторых случаях даже расширяют их.

Кроме того, предложенная авторами *схема описания* подходов через ключевые понятия показала свою релевантность: специфику подходов демонстрируют не только ведущие понятия, но и конкретизирующие; дополнительно раскрывают особенности подходов и ведущие методы. По этим параметрам А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко и Г.А. Виленская показали не только состояние современных подходов в психологии, но и выявили свойства психологической науки в целом: как и в предыдущем разделе, здесь психология предстает соответствующей метамодернизму, сетевому принципу и другим актуальным разработкам в области философии и методологии науки. Психология функционирует «через многообразие при взаимопроникновении разных подходов, различия которых создают единое пространство нашей науки» (Журавлев и др., 2023, с. 96).

Заключение

Особенностями научных исследований А.Л. Журавлева в области методологии психологии являются направленность на сопоставление и систематизацию ее различных компонентов (понятий и подходов), поиск между ними связей, а также разработка принципов и путей совершенствования взаимодействия как различных ветвей психологии (фундаментальной и практической), так и конкретных исследований (принцип междисциплинарности). Во всех этих темах А.Л. Журавлев демонстрирует *междисциплинарную методологическую ориентацию*, выражающуюся в стремлении интегрировать между собой направления исследований, понятия, подходы и ветви психологии.

Еще одной важной характеристикой научно-исследовательской деятельности А.Л. Журавлева является коллективное изучение многих проблем методологии психологии: основные вопросы он анализирует совместно с другими исследователями (даже тему междисциплинарности в самой недавней работе), что свидетельствует о его *коммуникативном стиле разработки научных проблем*. Это характерно не только для методологии психологии, но и для других отраслей психологии, которыми ученый занимается на протяжении своей научной карьеры. Дополнительным выражением этой особенности является направленность А.Л. Журавлева на *координацию научного сообщества* по тем вопросам, в изучение которых он включается: итогом этого становятся коллективные монографии и сборники научных трудов, подготовленные под его научной редакцией и не только отмеченные выше, но и другие.

Наконец, представляет интерес отсутствие «застывших» позиций А. Л. Журавлева по многим методологическим проблемам, периодическое возвращение к ним, спустя определенное, нередко продолжительное время, и *развитие взглядов*: на протяжении свыше 20 лет (2002–2023 гг.) разрабатывались вопросы междисциплинарности, около 10 лет (2011–2018 гг.) – проблемы взаимодействия фундаментальной и практической психологии и примерно 7 лет (2016–2022 гг.) – систематизации понятий современной психологии. Вероятно, можно ожидать продолжения осмысления современных подходов в психологии, фактически начатое только в 2022 г. Таким образом, темы методологических исследований остаются надолго в творчестве А. Л. Журавлева, а если и происходят изменения, то не самих тем, а личности ученого. Это, согласно Н. А. Бердяеву, сущностная характеристика мыслителя: «Личность есть неизменность в изменении. Это одно из существенных определений личности. Изменения происходят в одном и том же субъекте. Если субъект подменяется другим субъектом, то нет в настоящем смысле и изменения. Изменение разрушает личность, когда оно превращается в измену. Философ совершает измену, если меняются основные темы его философствования, основные мотивы его мышления, основополагающая установка ценностей» (Бердяев, 1995, с. 5). Обращаясь к прежним темам своих исследований и не оставляя в своем творчестве интересующие его вопросы, А. Л. Журавлев развивает себя и обогащает психологическую науку.

Литература

- Акопов Г. В., Иванова Т. В.* Ментальность: провинциальная ментальность современной России (опыт междисциплинарных исследований) // Мир психологии. 2002. № 1. С. 224–238.
- Анатолий Лактионович Журавлев. Библиография научных трудов: к 70-летию со дня рождения / Авт.-сост. В. И. Белопольский, Е. Н. Аксамит, О. В. Шапошникова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Асмолов А. Г.* XXI век: психология в век психологии // Вопросы психологии. 1999. № 1. С. 3–12.
- Баксанский О. Е., Самойлова В. М.* Современная психология: теоретические подходы и методологические основания. В 3 т. Т. 1. Методология современной психологии. М.: URSS, 2013.
- Белопольский В. И., Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Зарождение системного подхода в Институте психологии АН СССР в 1972–1973 гг. // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 36–45.
- Бердяев Н. А.* О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Царство Духа и царство Кесаря / Сост. и послесловие П. В. Алексеева; подготовка текста и прим. Р. К. Медведевой. М.: Республика, 1995. С. 4–162.
- Борзенков В. Г., Юдин Б. Г.* Человек как объект комплексного, междисциплинарного исследования: методологические аспекты // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. 4. № 3–4. С. 10–36.
- Василюк Ф. Е., Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г., Петровский В. А., Пружинин Б. И., Шедрина Т. Г.* Методология психологии: проблемы и перспективы. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Выдающиеся ученые Института психологии РАН / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Еремеев Б. А.* Основные понятия психологии (из опыта профессиональной рефлексии) // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. № 1. С. 41–54.
- Жалагина Т. А., Короткина Е. Д.* Психология на пути интеграции науки и практики // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 137–140.
- Журавлев А. Л.* Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–88.
- Журавлев А. Л.* Особенности междисциплинарных исследований в психологической науке // Психология: современные направления междисциплинарных исследований: материалы научной конференции, посвященной памяти Андрея Владимировича Брушлинского, члена-корреспондента РАН, доктора психологических наук, профессора, 8 октября 2002 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Табрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. С. 7–20.
- Журавлев А. Л.* Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 15–32.
- Журавлев А. Л.* Междисциплинарность экономической психологии и критерии оценки ее состояния // Психология в экономике и управлении. 2009. № 1. С. 11–17.
- Журавлев А. Л., Ковалева Ю. В.* Глобальная психология: основные подходы к пониманию // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 201–209.
- Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Междисциплинарный подход в психологии // Научные подходы в современной отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023а. С. 293–313.
- Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Наукометрический подход в психологии // Научные подходы в современной отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023б. С. 440–458.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Отечественная социальная психология труда: некоторые тенденции развития // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 6. С. 18–29.
- Журавлев А. Л., Павлова Н. Д.* К междисциплинарной проблематике дискурса (вместо предисловия) // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 6–11.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А.* Вместо введения. Современные понятия в психологической науке: попытка анализа // Разработка понятий современной психологии. Т. 2. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 5–59.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А.* Анализ современных понятий в психологии. Ч. II. Разработка современных понятий учеными Института психологии РАН // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 5–15.

- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А.* Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института психологии РАН) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5–14.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А., Виленская Г. А.* Вводная глава. Современные подходы в отечественной психологии: единство в разнообразии // Научные подходы в современной отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 7–96.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А., Харламенкова Н. Е., Виленская Г. А.* Понятия современной психологии: содержание, взаимосвязи, место в системе (вместо предисловия) // Разработка понятий в современной психологии. Т. 3. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 7–59.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А., Харламенкова Н. Е., Виленская Г. А.* Системно-сетевая организация понятий современной психологии (вместо предисловия) // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 5–55.
- Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В.* Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–21.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Теория и практика психологии: взаимодействие и противоречия // Вестник практической психологии образования. 2011а. № 2 (27). С. 15–20.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Исследование психологической практики как путь ее сближения с фундаментальной психологией // Вестник практической психологии образования. 2011б. № 3 (28). С. 17–21.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011в. Т. 32. № 3. С. 5–16.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Фундаментальная психология: пути к практике // Наука. Культура. Общество. 2011г. № 4. С. 21–32.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Теоретико-экспериментальная и практическая психологии: две разные парадигмы? // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012а. С. 158–177.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Теория и практика: взгляды с разных сторон (ответ на комментарии) // Психологический журнал. 2012б. Т. 33. № 2. С. 127–132.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Пути и принципы взаимодействия теоретико-экспериментальной психологии и практики // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 18–70.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Теоретико-экспериментальная психология и практика: новые горизонты // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 30–41.

- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В.* Академическая психология и практика: история отношений и современные проблемы (вместо предисловия) // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 7–17.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Вместо предисловия. Междисциплинарный, системный, динамический подход Л. И. Анцыферовой: история, состояние, перспективы // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 11–20.
- Лочко В. Е.* О понятийном аппарате постнеклассической психологии // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ч. 1 / Отв. ред. В. С. Белгородский, О. В. Кашеев, В. В. Зотов, И. В. Антоненко. М.: МГУДТ, 2016. С. 128–133.
- Костригин А. А.* Основные направления психологических исследований Анатолия Лактионовича Журавлева: к 75-летию со дня рождения // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 4 (133). С. 103–114.
- Костригин А. А., Журавлев А. Л.* Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению методологии психологии в 2002–2021 гг. // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 99–120.
- Куликов Л. В.* Общенаучные категории в отечественной психологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013.
- Мазилов В. А.* Перспективы парадигмального синтеза в современной психологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. С. 186–194.
- Мазилов В. А.* Заметки об Анатолии Лактионовиче Журавлеве // Факультет психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. К 50-летию юбилею факультета психологии / Отв. ред. А. А. Карпов. Ярославль: Филигрань, 2020. С. 283–302.
- Научные подходы в современной отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023.
- Орлов А. Б.* Психологическая практика как предмет фундаментальной психологии // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 124–126.
- Позняков В. П.* К вопросу об исследованиях А. Л. Журавлевым социально-психологических проблем экономических преобразований в российском обществе // Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы / Под ред. В. А. Зобкова, В. П. Познякова, А. В. Зобкова. Владимир–М.: КопиА-Сервис, 2023а. С. 252–257.
- Позняков В. П.* Флагман отечественной психологии (к 75-летию академика РАН А. Л. Журавлева) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2023б. Т. 8. № 2 (30). С. 140–164.
- Позняков В. П., Козлов В. В., Мазилов В. А., Сленко Ю. Н.* Системообразующий актер Анатолий Лактионович Журавлев: юбилейные заметки // Методология современной психологии. 2023. № 18. С. 8–15.
- Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Психология: современные направления междисциплинарных исследований: материалы научной конференции, посвященной памяти Андрея Владимировича Брушлинского, члена-корреспондента РАН, доктора психологических наук, профессора, 8 октября 2002 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.

Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Розин В. М. Комментарии к статье А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова «Фундаментальная психология: проблемы и тенденции взаимодействия» // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 119–123.

Чуприкова Н. И. Психика и психические процессы: система понятий общей психологии. М.: ЯСК, 2015.

Юревич А. В. Исследовательская и практическая психология: еще раз о «схизисе» // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 127–136.

Problems of methodology of psychology in the works of A. L. Zhuravlev

A. A. Kostrigin

candidate of psychological sciences, researcher, Laboratory of the History of Psychology and Historical Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, artdzen@gmail.com

The article analyzes the studies of A. L. Zhuravlev on problems of methodology of psychology. Among them are the directions of analysis of the implementation of the principle of interdisciplinarity in psychology, the interaction of fundamental and practical psychology, the systematization of concepts and approaches in modern Russian psychology. The views of A. L. Zhuravlev to these methodological questions. The characteristics of A. L. Zhuravlev in the field of methodology of psychology: interdisciplinary methodological orientation, communicative style of developing scientific problems, development of the scientist's ideas on the issues under consideration over many years of his scientific career.

Keywords: history of psychology, personalia, A. L. Zhuravlev, methodology of psychology, interdisciplinarity, fundamental psychology, applied psychology, concepts, approaches.

Проблема интеграции в психологии: А. Л. Журавлев как методолог отечественной психологической науки

*В. А. Мазилов**, *Ю. Н. Слепко***

* доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия, v.mazilov@yspu.org

** доктор психологических наук, доцент, декан педагогического факультета, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия, slepko@inbox.ru

Обсуждается проблема интеграции в психологии, включающая в себя два взаимосвязанных аспекта: интеграцию психологического знания и интеграцию психологического сообщества. Интеграция психологического знания представляет собой одну из вечных проблем. Утверждается, что, несмотря на многочисленные исследования, различные подходы к решению, специальные конференции, существенного прорыва в решении не достигнуто. Формулируется тезис, согласно которому решение проблемы интеграции – вопрос будущего, когда сформируются соответствующие условия. Утверждается, что работы А. Л. Журавлева и научных исследовательских коллективов, созданных в последние годы, создают необходимые условия для будущей интеграции психологического знания.

Ключевые слова: психология, история психологии, психологическое знание, интеграция знания в психологии, А. Л. Журавлев, Институт психологии РАН.

Интеграция как проблема психологии

Среди методологических проблем современной психологии особое место занимает проблема интеграции. Относясь к числу «вечных» проблем, она по-разному представляется психологам различных школ, направлений, подходов и ориентаций (Мазилов, 2007; Слепко, Мазилов, 2018; Mazilov, 1997). В целостности психики никто и никогда серьезно не сомневался, однако эта целостность и ее устройство представлялись разным психологам существенно по-разному. «Восстановить» в теории (в логосе) психику в ее целостности – до сих пор не достигнутая цель психологии.

Проблема интеграции в психологии обсуждается с давних пор. При желании можно объявить отцом интеграции в психологии Великого Стагирита, причем, подчеркнем, отцом умной интеграции, поскольку древний грек полагал, что интегрировать стоит не все, а лишь то, что для этого, несомнен-

но, подходит. Обратимся к первым строкам второй главы знаменитого трактата Аристотеля «О душе»: «Приступая к исследованию души, необходимо вместе с тем при возникновении трудных вопросов, которые подлежат выяснению в дальнейшем, принимать во внимание мнения о душе, высказанные предшественниками, чтобы позаимствовать у них сказанное правильно и избежать всего, что ими сказано неправильно» (Аристотель, 1976, с. 375). Проблема интеграции, как можно видеть, в IV в. до н. э. уже существовала, хотя еще не было ни науки психологии, ни самого термина «психология».

Для современной психологической науки характерно активное декларирование ценностей интеграции – интеграции как достаточно широкого сообщества психологов, так и непосредственной интеграции психологического знания (Мазиллов, Слепко, 2017).

Необходимость интеграции обсуждается и объявляется как на уровне отдельных отраслей психологического знания, так и на уровне всего корпуса общепсихологического знания. Интеграция в психологии рассматривается как одно из ведущих средств не только решения накопившихся методологических, теоретических, экспериментальных проблем и трудностей, но и как ключевой фактор дальнейшего развития психологии как самостоятельной научной дисциплины (см.: Мазиллов, 2008; Слепко, 2023; и др.). Однако противоречие современного этапа в развитии психологии состоит в том, что при высокой актуальности интеграционных процессов их реальное осуществление идет крайне медленно (Мазиллов, 2008, 2017). Это может быть связано с целым рядом причин.

Во-первых, наличием не вполне адекватных установок в отношении понимания механизмов, технологии и средств интеграции у психологов-исследователей.

Во-вторых, отсутствием необходимого методологического аппарата для разработки технологии взаимодействия разных подходов к исследованию проблем психологии.

В-третьих, отсутствием позитивных примеров демонстрации обоих видов интеграционных процессов – в психологическом сообществе и психологическом знании.

Проблема обсуждается с тех давних пор, существует великое множество публикаций, посвященных этой важной и вечно актуальной проблеме, ежегодно проводятся конференции по проблеме интеграции (Интеграция..., 2020, 2021, 2022, 2023). Предложен целый ряд подходов, направленных на реализацию интеграции научного знания в психологии (см.: Карицкий, 2022, 2023).

Поскольку число работ по интеграции год от года множится, но реально *радикального* или, мягче, сколько-нибудь существенного прогресса пока не зафиксировано. Как мы полагаем, в настоящее время проблема интеграции психологического знания в сколько-нибудь существенном масштабе решена быть не может. Главная причина, почему проблема не может быть решена в настоящее время, состоит, на наш взгляд, в том, что для ее эффективного решения требуются *согласованные действия* многих членов психологического сообщества. Это, как можно полагать, в настоящее время практически неосуществимо. Очевидные трудности в решении проблемы заставили пересмотреть временные перспективы – в настоящее время возможно лишь *создание усло-*

вий для масштабной интеграции (Мазилов, 2023). Иными словами, осязаемый прогресс в разработке проблемы интеграции возможен только как результат *коллективных усилий* представителей психологического сообщества, поскольку проблема интеграции психологического знания имеет *когнитивную природу*, но ее решение может быть достигнуто только во взаимодействии психологов, т. е. находится, скорее, *в плоскости социальной*.

До той поры, когда будут созданы условия для интеграции, ставить вопрос о собственно интеграции психологического знания преждевременно. На наш взгляд, для *создания условий* для широкой интеграции психологического знания большое значение имеют работы А. Л. Журавлева и научных коллективов, работающих под его руководством. Именно поэтому считаем важнейшими и работающими на будущее психологической науки инициативы Института психологии РАН, направленные на исследование понятий, систематизацию научных подходов в психологии, что рассматривается нами как необходимая пропедевтическая работа по *интеграции научного сообщества*, что в перспективе сделает возможной *интеграцию психологического знания*.

А. Л. Журавлев как исследователь проблемы интеграции

Настоящая статья посвящена постановке вопроса о вкладе А. Л. Журавлева в методологию психологической науки, т. е. в исследования и разработку лишь одной проблемы психологии.

А. Л. Журавлев – выдающийся российский психолог, «флагман отечественной психологии» (по удачному выражению В. П. Познякова (Позняков, 2023)), известный специалист в области социальной, организационной, экономической, исторической психологии, методолог и историк психологии, доктор психологических наук (1999), профессор (2001). А. Л. Журавлев многолетний (трижды избранный) директор Института психологии РАН (2002–2018), научный руководитель ИП РАН (с 2018 г.), член Президиума Российского психологического общества (с 2002 г.), вице-президент Федерации психологов образования России (с 2004 г.), член Президиума научно-методического совета по психологии УМО университетов РФ (с 2003). Анатолий Лактионович главный редактор «Психологического журнала» РАН (с марта 2003 г.), а также главный редактор журнала «Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология» (с конца 2015 г.), член редакционных коллегий и редакционных советов ряда ведущих отечественных психологических журналов (см.: Позняков и др., 2023).

Во многих работах, посвященных творчеству А. Л. Журавлева (см., например: Костригин, 2023; Позняков, 2023а, б; Позняков и др., 2023; и др.), справедливо отмечаются его исследования в области методологии социальной и экономической психологии, исторической психологии, психологии управления, психологии труда, макропсихологии и др., что справедливо и понятно. Работы А. Л. Журавлева настолько многообразны (в РИНЦ зафиксировано более тысячи публикаций) и посвящены различным актуальным и значимым психологическим проблемам, что исследования автора, посвященные методологии психологии, философским и методолого-теоретическим вопросам общей

психологии часто не анализируются специально. Сам ученый, однако, отмечал в интервью еще 2008 г. (к его 60-летию), что методолого-теоретические вопросы психологической науки занимают его все больше. В частности, на вопрос «Вы в чем себя лучше ощущаете: вы – теоретик, вы – концептуалист, вы – методолог, вы – экспериментатор? Где вы себя видите в большей степени реализованным, а может, везде одинаково?» А. Л. Журавлев отвечает: «Нет. Одинаково я себя не оцениваю. Все-таки есть разные периоды профессиональной биографии, биографии, прежде всего, как исследователя, а это объединяет все – и теоретические исследования, и эмпирические, и экспериментальные, и практико-ориентированные исследования – это все *исследования*. <...> могу сказать, что особенно в последний период, в связи с возрастом, опытом, наличием интересных учеников, работающих по разным направлениям, стремление к обобщению, потребность в обобщении, в теоретическом осмыслении – все это стало занимать меня значительно больше. Если вначале это появилось на уровне социальной психологии (где-то в 1990-е годы), то в последние 6–7 лет – на уровне психологической науки в целом. Я подчеркиваю – не психологии в целом, а психологической науки в целом, так как наша психология стоит на трех китах: на психологической науке, психологическом образовании и психологической практике» (Луков, Журавлев, 2008, с. 98). Полагаем, что исследование методологических воззрений А. Л. Журавлева, их динамики и влияния на психологическую науку весьма актуально.

Не подлежит сомнению, что работы А. Л. Журавлева как методолога психологии и наследника традиций Б. Г. Ананьева, Б. Ф. Ломова, В. Н. Мясищева, К. К. Платонова, С. Л. Рубинштейна и др. в самом скором будущем будут детально проанализированы и обобщены. Понятно, что в рамках одной статьи невозможно дать обзор и анализ большого числа методолого-психологических исследований автора, поэтому ограничимся более скромной задачей и попытаемся проследить методологические решения ученого и его вклад в разработку проблем интеграции психологии.

Как нам представляется, в разработке *проблемы интеграции в психологии* А. Л. Журавлевым можно выделить несколько этапов. Конечно, выделение этапов почти всегда условно, но в данном случае трудность состоит еще и в том, что заявленная автором тематика продолжала им развиваться и в более поздние периоды, когда появлялись важные дополнения и уточнения. Начало выделенных нами этапов датируется по первым публикациям.

Обозначим эти *этапы*.

- Коллективный субъект (начиная с 1999 г.).
- Междисциплинарные связи психологии (начиная с 2002 г.).
- Междисциплинарные исследования в психологии и их методология (начиная с 2007 г.).
- Макропсихология и ее методология (начиная с 2009 г.).
- Взаимоотношения (и поиск путей интеграции) академической и практической психологии (начиная с 2011 г.).
- Глобальные процессы и глобальная психология (начиная с 2017 г.).
- Современный этап – новые проекты (начиная с 2018 г.).

Остановимся с минимальной степенью подробности (более полный анализ потребовал бы иного формата публикации) лишь на некоторых работах А. Л. Журавлева, уделив большее внимание лишь последнему современному этапу. Несомненно, что между этими работами существует преемственность и может быть прослежена определенная логика развития проблематики. Кроме того, уместно заметить, что указанный список тем, естественно, не является полным: к примеру, было бы уместным включить сюда и работы по исторической психологии, истории психологии, наукометрии в психологии и др.

Концепция коллективного субъекта А. Л. Журавлева широко известна, поэтому не будем здесь ее анализировать (Журавлев, 2009). Отметим лишь, что она нашла широкое применение и в психологии научной деятельности, и в исследованиях больших социальных групп, современных сообществ, и в истории психологии. Особенно следует подчеркнуть, что работы А. Л. Журавлева в этом направлении открывают новые перспективы для понимания процессов, происходящих в самом психологическом сообществе, что является необходимым условием его интеграции.

Междисциплинарные связи психологии и междисциплинарные исследования в психологии и их методология. На этих направлениях исследований стоит остановиться более подробно, поскольку работы этого этапа имеют, на наш взгляд, определяющее значение для дальнейшей деятельности по интеграции психологии.

По исследованиям А. Л. Журавлева, наиболее значимые методолого-психологические результаты в этой области состоят в следующем (Журавлев, 2007):

- Будущее и перспективы развития психологии непосредственно зависят от ее междисциплинарных связей.
- Взаимодействие психологии с другими науками осуществляется через конкретные отрасли психологической науки.
- Психология синтезирует достижения других смежных с ней наук.
- Психология осуществляет интеграцию данных о человеке на уровне конкретно-научного знания.
- Могут быть выделены наиболее перспективные зоны для организации междисциплинарных исследований: с общественными науками через социальную психологию, с естественными — через психофизику, психофизиологию, сравнительную психологию, с медицинскими науками — через медицинскую (клиническую) психологию, патопсихологию, нейропсихологию и др., с педагогическими — через психологию развития, педагогическую психологию и др., с техническими — через инженерную психологию и т. д.
- Наиболее эффективными междисциплинарными подходами можно считать те, которые были осуществлены в конце XX—начале XXI столетия и привели к формированию отраслей психологии. Имеются в виду следующие отрасли психологической науки: инженерная психология (психология!) как техническая специальность, клиническая психология как медицинская, социальная психология как социологическая, психофизиология как медицинская и биологическая специальность.

- Междисциплинарность в психологии неизбежна, принципиально междисциплинарными, по сути, являются попытки понять природу психического.
- Неправомерно понимание, что междисциплинарные исследования — единственная форма исследований в психологии.
- Неизбежны издержки, т. е. негативные для психологии следствия междисциплинарных исследований (например, редукция психического к непсихическому).
- Чрезвычайно важной является идея уровней междисциплинарности психологии.
- Могут быть выделены долгосрочные перспективы для организации и проведения междисциплинарных исследований. Необходимо разрабатывать и учитывать результаты исследования целого ряда других проблем, например: психоэволюционной, психоисторической, психогенетической, психоморфологической и т. д., содержание которых далеко не исчерпывается тремя более известными (психофизической, психофизиологической и психосоциальной) проблемами. Можно предположить, что в перспективе названные и некоторые другие (например, психохимическая) станут одними из наиболее актуальных направлений исследований природы психического.
- Могут быть выделены сложности и трудности междисциплинарных исследований (плюралистичность знания, что вызывает сложности его интеграции; междисциплинарные исследования характеризуются низкой совместимостью используемых языков разных наук; программы междисциплинарных исследований включают разные методы, при этом нередко различного уровня их разработанности и т. д.).

Могут быть выделены *уровни* междисциплинарных исследований.

1. Первый — *внутрипсихологический* — подразумевает исследования тех проблем, которые возникают на границах различных психологических направлений и отраслей. В рамках внутрипсихологического уровня могут быть выделены подуровни: а) это отраслевой, а точнее, внутриотраслевой уровень, к которому можно отнести исследования на границах разных научных разделов, направлений, проблем или тем, но внутри конкретной отрасли психологии; б) это межотраслевой уровень исследований, сформировавшийся на границах самых разных отраслей психологии.
2. Второй уровень — *внешнепсихологической* междисциплинарности — подразумевает исследования, пограничные с другими науками: медициной, физиологией, техническими науками, лингвистикой, историей, экономикой, социологией, педагогикой, наукой управления, политологией, этнологией, экологией и т. д.
3. Третий уровень междисциплинарности — *внепсихологический*, имеющий некоторую специфику, характерную именно для психологии: она не только успешно функционирует на границах с другими науками, но и отдельные ее отрасли полностью «внедрились» в ряд наук, реально став их структурными составляющими и даже специальностями (в этом принципиальное отличие психологии).

Эти исследования закладывают основу для проведения как масштабных междисциплинарных исследований в психологии, так и создают *когнитивные условия для интеграции психологического знания* (Mazilov, 2020).

Взаимоотношения (и поиск путей интеграции) академической и практической психологий. В большом цикле работ, выполненных совместно с Д. В. Ушаковым (см., например: Журавлев, Ушаков, 2011, 2012; и др.), была показана специфика теоретико-экспериментальной психологии и психологии практико-ориентированной, что, несомненно, является важнейшим направлением на пути преодоления «схизиса» (Ф. Е. Василюк) между этими разными ветвями психологического знания.

Глобальные процессы и глобальная психология. Рассматривая противостояние складывающейся в последние 25 лет мировой глобальной психологии и психологии российской (Журавлев и др., 2018), авторы делают важные для темы статьи выводы. А. Л. Журавлев, И. А. Мироненко и А. В. Юревич отмечают: «Вместе с тем российская психология может и должна сохранить свою особенность, специфичность, потому что именно благодаря своей уникальности, она во многом может быть интересна и полезна, а значит – востребована. Здесь уместно вспомнить одну из закономерностей социальной психологии, в соответствии с которой в процессе группового взаимодействия по мере становления общности, растет как интеграция группы, т. е. сближение участников по ряду характеристик, так и дифференциация, в ходе которой каждый ее член выполняет свою специфическую роль» (Журавлев и др., 2018, с. 65). Авторы продолжают: «В сети глобальной науки российская психология может занять достойное место, обладая серьезным теоретико-методологическим базисом и знанием психологических особенностей одного из крупнейших современных обществ» (там же, с. 66).

Современный этап исследований А. Л. Журавлева по проблеме интеграции в психологии

В самое последнее время произошло несколько важных событий, имеющих, на наш взгляд, непосредственное отношение к решению проблемы интеграции психологического знания. Как мы полагаем, важная роль в создании условий для масштабной интеграции принадлежит Институту психологии РАН и его научному руководителю А. Л. Журавлеву, по инициативе которого был успешно осуществлен целый ряд перспективных проектов.

Преимущества коллективных действий представителей психологического сообщества: 1) исследования отдельных ученых, как правило, не имеют необходимого резонанса; 2) объем исследований, проводимых большими научными коллективами, значительно превышает возможности отдельного ученого; 3) совместные исследования способствуют лучшему взаимопониманию отдельных исследователей и др.

Как нам представляется, именно в последние несколько (точнее 5–7) лет в Институте психологии РАН под научным руководством А. Л. Журавлева и совместно с Г. А. Виленской, Т. А. Нестиком, Е. А. Сергиенко, Д. В. Ушаковым, Н. Е. Харламенковой, А. В. Юревичем и другими реализованы фундаменталь-

ные программы, имеющие непосредственное отношение к интеграции, причем в самых разных аспектах этой многоплановой проблемы.

Цикл работ, посвященных прогнозу развития психологической науки и практики (Журавлев и др., 2016, 2018; и др.). Значение этих исследований переоценить трудно. Кроме того, что результаты исследований ориентируют в ближайших и долгосрочных перспективах, подчеркнем вклад этих работ в формирование философии психологии как той части психологического знания, которая должна определять стратегии и ориентиры психологической науки.

В известном смысле продолжением, дополнением и развитием данного проекта является обширный цикл интервью с ведущими отечественными психологами о будущем психологии, которые были опубликованы во многих номерах журнала «Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология». Эти материалы содержат важнейшие данные для прогноза развития тех или иных областей психологии и чрезвычайно важны для решения проблемы интеграции.

Большое значение для интеграции психологии имело издание серии сборников научных трудов «Психологическое знание...» под редакцией А. Л. Журавлева и А. В. Юревича, а также Д. В. Ушакова (Психологическое знание..., 2018, 2021, 2023), в которых большим коллективом авторов обсуждались вопросы структуры, генезиса, истоков, этапов исследования и других проблем психологического знания, что крайне необходимо для осуществления его интеграции.

Речь идет также об издании трехтомного масштабного исследования (см.: Разработка понятий..., 2018, 2019, 2021). В 2018–2021 гг. было осуществлено поистине уникальное издание – коллективный труд сотрудников лабораторий Института психологии РАН, в котором представлено фактически все многообразие проводимых ими исследований (там же). Нельзя не отметить, что осуществление этого монументального проекта является, вероятно, лучшим подтверждением концепции коллективного субъекта и тезиса о возможности реального функционирования коллективного субъекта: осуществить подобного рода объемную работу (напомним, в трех томах сборника проанализировано огромное количество теоретических, эмпирических и используемых в практической психологии понятий, а также их взаимосвязи) под силу только целому научному коллективу, объединенному общей целью. По объему проделанной работы проект следует признать уникальным, даже в историческом смысле. Всего в трехтомном издании проанализировано 70 понятий – как традиционных для психологии и хорошо известных в психологическом сообществе, так и новых, вошедших в психологический лексикон относительно недавно. Уникальность издания состоит в том, что авторами проведен не только подробный анализ содержания каждого понятия, но и раскрывается история его появления в психологии, определяются межпонятийные отношения и взаимосвязи. В целом можно с уверенностью утверждать, что в издании представлены не только результаты работы сотрудников лабораторий института, но и дается целостный срез современного состояния теоретических, методологических, прикладных исследований в отечественной психологической науке. Представляется, что такая работа – случай беспрецедентный в отечественной психоло-

гии. Тщательное выявление взаимоотношений психологических понятий — важнейший шаг к интеграции психологического знания.

Проект уже успел получить широкую поддержку и одобрение со стороны российских психологов (Гришина, Костромина, 2023; Корнилова, 2023; Мазилев, Слепко, 2023; Марцинковская, 2023; Попов, Устин, 2023; Сергеев, 2023; и др.).

В текущем 2023 г. в издательстве Института психологии РАН вышел из печати уникальный коллективный труд «Научные подходы в современной отечественной психологии» (Научные подходы..., 2023). В книге представлена широкая совокупность научно-исследовательских подходов, реализуемых в современной российской психологии. Впечатляет как значительный объем книги, так и то, что по полноте представленности различных научных подходов в современной психологии издание по сути может рассматриваться как энциклопедия реальной методологии отечественной психологической науки, что делает обозримой под одной обложкой практически всю палитру методологических возможностей современной российской психологии. Объемистому тому (книга включает 759 с.) предпослана подробная вводная глава (Журавлев и др., 2023) объемом более 90 книжных страниц, в которой содержится сопоставительный анализ включенных в книгу материалов. В результате тщательного анализа выявлены «точки соприкосновения» различных методологических подходов, сходства и различия между ними. Представляется, что это беспрецедентный вклад в разработку проблемы методологии психологии в целом и ее интеграции, в частности, а книге можно предсказать долгую жизнь и высокую популярность в психологическом сообществе.

Нельзя не упомянуть и еще один проект, осуществленный Институтом психологии РАН. Речь идет о подготовке и издании крупного труда «Методология советской психологии в период открытого кризиса: Антология» (Методология советской психологии..., 2022). Его составители и ответственные редакторы — Н. Ю. Стоюхина, А. А. Костригин, А. Л. Журавлев. Данная книга содержит методологические исследования отечественных авторов, в том числе и малоизвестных сегодня, и существенно расширяет научные представления о разнообразии методологических поисков в отечественной психологической науке в 1920—1930-е годы. Хочется надеяться, что это первая часть, за которой последуют тома, раскрывающие многообразие методологических изысканий в более поздние периоды советской и российской психологии. Значение этой работы для проблемы интеграции психологического знания, на наш взгляд, состоит в первую очередь в том, что она, расширяя представления о методологических поисках, создает возможность лучше понять развитие методологических идей в более поздние периоды истории, включая современный этап.

Хотя формально все перечисленные работы не направлены непосредственно на решение проблемы интеграции, но нам представляется, что важность и значение этих исследований для интересующей нас проблемы переоценить трудно. Стоит специально подчеркнуть, что все эти публикации подготовлены коллективами авторов под научным руководством А. Л. Журавлева. И несомненно, стоит еще раз отметить, что все эти объемные книги увидели свет в издательстве Института психологии РАН, который является, на наш взгляд,

лидером в разработке проблемы интеграции психологического знания. Вероятно, стоит лишний раз заметить, что сколько-нибудь ощутимый прогресс в разработке проблемы интеграции возможен только как результат коллективных усилий представителей психологического сообщества, поскольку проблема интеграции психологического знания имеет когнитивную природу, но ее решение может быть достигнуто только во взаимодействии профессиональных психологов, т. е. находится, скорее, в плоскости социальной.

Литература

Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975.

Гришина Н. В., Костромина С. Н. К проблеме эволюции понятийного аппарата психологии: от прошлого к будущему // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 3. С. 99–105.

Журавлев А. Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 15–32.

Журавлев А. Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.

Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В. Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 55–74.

Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В. Глобальные вызовы и будущее психологии: развитие психологической науки и практики в цифровом обществе // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 698–713.

Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А., Виленская Г. А. Вводная глава. Современные подходы в отечественной психологии: единство в разнообразии // Научные подходы в современной отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 7–98.

Журавлев А. Л., Мироненко И. А., Юревич А. В. Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 57–70.

Журавлев, А. Л., Ушаков Д. В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.

Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Теоретико-экспериментальная и практическая психология: две разные парадигмы? // Парадигмы в психологии. Наукоедческий анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 158–177.

Интеграция в психологии: теория, методология, практика: материалы III национальной научно-практической конференции с международным участием. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020.

Интеграция в психологии: теория, методология, практика: сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2021.

Интеграция в психологии: теория, методология, практика: сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022.

- Интеграция в психологии: теория, методология, практика: сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023.
- Карицкий И. Н.* Методологическая интеграция психологии // Интеграция в психологии: теория, методология, практика. Сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ярославль: ЯГПУ, 2022. С. 18–23.
- Карицкий И. Н.* Психология в поиске своего единства // Интеграция в психологии: теория, методология, практика: сборник статей VI Всероссийской конференции с международным участием. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. С. 34–44.
- Корнилова Т. В.* Проблема соотношения понятий в системно-сетевом подходе к психологическому знанию // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 2. С. 128–131.
- Костригин А. А.* Основные направления психологических исследований Анатолия Лактионовича Журавлева: к 75-летию со дня рождения // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 4 (133). С. 103–114.
- Луков В. А., Журавлев А. Л.* Анатолий Лактионович Журавлев: «Психология находится в центре всей современной системы наук // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2. С. 94–111.
- Мазилев В. А.* Интеграция научного знания в психологии // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 427–458.
- Мазилев В. А.* Интеграция психологического знания. Ярославль: МАПН, 2008.
- Мазилев В. А.* Интеграция психологического знания: идеалы, проблемы и перспективы // Интеграция в психологии: теория, методология, практика: сборник статей VI Всероссийской конференции с международным участием. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. С. 47–56.
- Мазилев В. А., Сленко Ю. Н.* Интеграция в психологии // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2017. № 1. С. 67–75.
- Мазилев В. А., Сленко Ю. Н.* Проблема понятийного пространства современной психологии // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 3. С. 93–98.
- Марцинковская Т. Д.* Новые методологические подходы современной психологии в цифровом обществе // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 2. С. 132–136.
- Методология советской психологии в период открытого кризиса: Антология / Сост. и отв. ред. Н. Ю. Стоюхина, А. А. Костригин, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022.
- Научные подходы в современной отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. 759 с.
- Нестик Т. А.* Интервью о будущем психологии. URL: <http://www.ipras.ru/cntnt/rus/media/on-layn-bibliote/intervu-o-budush.html> (дата обращения: 02.06.2023).
- Позняков В. П.* Флагман отечественной психологии (к 75-летию академика РАН А. Л. Журавлева) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2023а. Т. 8. № 2 (30). С. 140–164.
- Позняков В. П.* К вопросу об исследованиях А. Л. Журавлевым социально-психологических проблем экономических преобразований в российском обществе //

- Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы / Под ред. В. А. Зобкова, В. П. Познякова, А. В. Зобкова. Владимир—М.: КопиА-Сервис, 2023б. С. 252—257.
- Позняков В. П., Козлов В. В., Мазиллов В. А., Слепко Ю. Н.* Системообразующий актор Анатолий Лактионович Журавлев: юбилейные заметки // *Методология современной психологии*. 2023. № 18. С. 8—15.
- Попов Л. М., Устин П. Н.* Сетевой и трансдисциплинарный подходы как возможность расширения понятийного состава психологии // *Психологический журнал*. 2023. Т. 44. № 1. С. 127—132.
- Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Психологическое знание: стадии исследовательского процесса / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023.
- Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Разработка понятий в современной психологии. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Разработка понятий современной психологии. Т. 3 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Сергеев С. Ф.* Перспективы сетевого подхода в психологии // *Психологический журнал*. 2023. Т. 44. № 1. С. 133—136.
- Слепко Ю. Н.* Коммуникативная методология: от теории к технологии интеграции психологии // *Интеграция в психологии: теория, методология, практика: сборник статей VI Всероссийской конференции с международным участием*. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. С. 80—87.
- Слепко Ю. Н., Мазиллов В. А.* Особенности современной интеграции психологического знания и психологического сообщества // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2018. № 5. С. 127—142.
- Mazilov V. A.* About Methodology of Russian Psychology of Today // *Psychological Pulse of Modern Russia*. Moscow—Jaroslavl: International Acad. of Psychology, 1997. P. 126—134.
- Mazilov V. A.* Methodology of complex and interdisciplinary researches in modern psychology // *Main Issues of Pedagogy and Psychology: Scientific Periodical*. 2020 (1). P. 29—45.

The Problem of Integration in Psychology: A. L. Zhuravlev as a Methodologist of Russian Psychological Science

V. A. Mazilov, Y. N. Slepko

**doctor of psychological sciences, professor, head of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after. K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia, v.mazilov@yspu.org*

***doctor of psychological sciences, associate professor, dean of the Faculty of Pedagogy, Yaroslavl State Pedagogical University named after. K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia, slepko@inbox.ru*

The article is devoted to the discussion of the problem of integration in psychology, which includes two interrelated aspects: integration of psychological knowledge and integration of psychological community. Integration of psychological knowledge is one of the eternal problems. It is argued that despite numerous studies, different approaches to the solution, special conferences, no significant breakthrough in the solution has been achieved. The thesis is formulated, according to which the solution of the problem of integration is a matter of the future, when the appropriate conditions are formed. It is stated that the works of A. L. Zhuravlev and scientific research teams created in recent years create the necessary conditions for future integration of psychological knowledge.

Keywords: psychology, history of psychology, psychological knowledge, integration of knowledge in psychology, A. L. Zhuravlev, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.

**Разработка А. Л. Журавлевым проблем психологии
совместной деятельности и ее коллективного субъекта
(1980—начало 2000-х годов)***

В. П. Позняков

*доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института
психологии РАН, Москва, Россия, rozni_v@mail.ru*

Статья посвящается 75-летию выдающегося российского психолога, доктора психологических наук, академика РАН, академика РАО Анатолия Лактионовича Журавлева. Представлен анализ вклада А. Л. Журавлева в разработку проблем психологии совместной деятельности и ее коллективного субъекта в период 1980—начала 2000-х годов — начиная с работы над проблемами психологии совместной деятельности и до защиты докторской диссертации (1999 г.) и назначения директором Института психологии РАН (2002 г.). Рассматривается динамика развития представлений Журавлева о совместной деятельности и ее коллективном субъекте. Отмечается, что характерной особенностью научной деятельности Журавлева является сочетание преемственности, приверженности традициям отечественной психологической науки в разработке рассматриваемых проблем с инновационностью авторских подходов и направлений исследований.

Ключевые слова: А. Л. Журавлев, социальная психология, история психологии, совместная деятельность, коллективный субъект.

В рамках данной статьи, посвященной 75-летию юбилею академика РАН и РАО, научного руководителя Института психологии РАН (с 2018 г. по настоящее время) Анатолия Лактионовича Журавлева, продолжается историко-психологический анализ его научной деятельности и вклада в разработку различных отраслей психологической науки, новых научных проблем и направлений исследований (см., например: Костригин, 2023; Позняков и др., 2023; и др.). В предыдущих публикациях мы рассмотрели вклад А. Л. Журавлева в разработку проблем психологии управления и социально-психологических проблем экономических преобразований в российском обществе (Позняков, 2023а, б; и др.). Данная статья завершает цикл публикаций, посвященных историко-психологическому анализу научной деятельности А. Л. Журавлева в период с середины 1970-х годов (работа над кандидатской диссертацией (1974—1976 гг.), начало работы в секторе социальной психологии ИП АН СССР — с августа 1976 г.) и до окончания 1990—начала 2000-х годов (защита докторской диссертации (1999 г.) и избрание на должность директора Института психологии РАН — 2002 г.).

* Работа выполнена в соответствии с Госзаданием № 0138-2023-0001.

Психология совместной деятельности

В 1980-е годы научные интересы А. Л. Журавлева концентрируются на проблеме психологии совместной деятельности (СД). Важным фактором, определившим направление научной работы Журавлева в этот период, явилось (на этот факт он сам указывал в одном из интервью) утверждение в июле 1981 г. Комплексной целевой программы деятельности сектора социальной психологии, тематика которого была связана с разработкой широкого круга психологических проблем СД (Дробышева, Журавлев, 2018, с. 20). По поручению научного руководителя сектора Е. В. Шороховой, А. Л. Журавлев принимал непосредственное участие в разработке ключевых идей этой программы и ее реализации, будучи ответственным исполнителем. Результаты этих исследований частично были опубликованы в коллективной монографии (Совместная деятельность: методология..., 1988), одним из ответственных редакторов которой выступил Журавлев, совместно с П. Н. Шихиревым и Е. В. Шороховой. Важным направлением исследований, выполненных в рамках реализации указанной программы, явилась серия научно-практических исследований СД в рамках коллективных форм организации труда на примере так называемой бригадной его формы. Результаты этих исследований, в которых принимали активное участие ученики и последователи Журавлева, были опубликованы в нескольких коллективных изданиях, ответственным редактором которых также выступал Журавлев совместно с Шороховой (Бригадная форма организации труда..., 1989; Социально-психологические факторы..., 1987; Социально-психологические проблемы..., 1987). Важно подчеркнуть, что именно в рамках этого научного направления исследований оформилась идея коллективного субъекта СД, которая будет рассмотрена позднее.

Итоги многолетних теоретико-эмпирических исследований А. Л. Журавлева, посвященных психологии СД, наиболее полно представлены в его фундаментальной монографии (Журавлев, 2005), заслуживают специального анализа историков психологии. Однако уже в рассматриваемый (более ранний) период научной деятельности А. Л. Журавлев опубликовал ряд статей, посвященных социально-психологическим проблемам СД. Он провел историко-психологический анализ развития концепции СД в отечественной (Журавлев, 1992, с. 5–21) и зарубежной (Журавлев, 1999а, с. 31–39) социальной психологии. Важным теоретическим вкладом А. Л. Журавлева в разработку проблем СД и ее коллективного субъекта является обоснование необходимости применения *системного подхода* к исследованиям психологии коллектива (Журавлев, 1988а, с. 53–64). Опираясь на результаты многочисленных эмпирических исследований трудовых коллективов, выполненных в секторе (с 1986 г. — лаборатории) социальной психологии ИП РАН под его руководством и при непосредственном участии, А. Л. Журавлев приходит к выводу об ограниченных возможностях анализа преимущественно характеристик межличностных отношений, общения и близких к ним феноменов при исследовании трудовых коллективов. *Системообразующим фактором* и ведущим основанием системообразования и развития трудового коллектива является *совместная деятельность* его участников. Поэтому применение принципа системности в исследованиях психологии трудовых коллективов обуславливает необходимость разработки социально-психологи-

ческой концепции СД с позиций системного подхода (Журавлев, 1999а, с. 39–48). Развивая теоретические представления о СД своего учителя Б. Ф. Ломова, Журавлев формулирует авторские представления об основных признаках СД, ее психологической структуре и динамических особенностях, а также о роли взаимодействия в структуре СД и его видах (Журавлев, 1988б, с. 19–36; и др.). В качестве основных *видов взаимодействия* участников СД в трудовом коллективе, в зависимости от направленности этого взаимодействия, автор выделяет взаимодействие, направленное на изменение предмета совместного труда, или предметно-направленное взаимодействие, взаимодействие, направленное на изменение характеристик субъектов совместной деятельности, или субъектно-направленное взаимодействие, и взаимодействие, направленное на изменение организационно-управленческих характеристик жизнедеятельности группы, или организационно-направленное взаимодействие. В структуре СД Журавлев выделяет три наиболее типичных стратегии поведения ее участников по отношению к партнерам: содействие, противодействие и уклонение от взаимодействия, взаимное соотношение которых позволяет выделить семь социально-психологических типов взаимодействия.

Разработка А. Л. Журавлевым проблем психологии СД в этот период была тесно связана с продолжением исследований в рамках *психологии управления*. Применительно к проблемам психологии управления вклад Журавлева в разработку проблем СД связан, прежде всего, с анализом роли личности руководителя и стиля руководства в организации СД. В частности, в главах коллективной монографии, посвященной психологии СД (*Совместная деятельность: методология...*, 1988), написанных Журавлевым, представлены результаты эмпирических исследований, посвященных выявлению психологических свойств личности руководителей, как факторов эффективности руководства коллективом. Анализируя взаимосвязь личности руководителя и стиля руководства коллективом, автор делает важное теоретическое обобщение: «Стиль руководства, являясь характеристикой деятельности и поведения руководителя в коллективе, выступает как бы опосредующим фактором во взаимосвязях психологических свойств личности и деятельности. Психологические свойства личности руководителя оказывают свое влияние на его деятельность прежде всего, через формирующее воздействие на стиль руководства. В свою очередь, складывающийся своеобразный «рисунок» деятельности руководителя, проявляющийся в ее стиле, выдвигает определенные требования к формированию и развитию свойств личности» (Журавлев, 1988в, с. 165). А поскольку разные компоненты стиля руководства по-разному влияют на его производственную и социально-психологическую эффективность, учет личностных предпосылок формирования тех или иных компонентов стиля может способствовать решению важной практической задачи формирования стилей руководства коллективом, наиболее соответствующих конкретным условиям выполнения СД.

Проблемы СД и ее коллективного субъекта разрабатывались А. Л. Журавлевым не только в теоретико-методологическом и историческом аспектах, но и в эмпирическом и прикладном их планах. В середине 1980-х годов в рамках исследований социально-психологических проблем коллективной (бригадной) формы организации труда под научным руководством А. Л. Журавлева был

выполнен целый ряд теоретико-эмпирических исследований психологических проблем этой формы организации труда и управления совместной трудовой деятельностью первичного коллектива, результаты которых были представлены в коллективных научных трудах (см.: Бригадная форма организации труда..., 1989; Социально-психологические факторы..., 1987; Социально-психологические проблемы..., 1987; Социальные психологические резервы..., 1989; и др.).

Проблемами психологии СД Журавлев продолжал активно заниматься и в 1990-е годы, выступая научным руководителем теоретико-эмпирических исследований своих многочисленных учеников и сотрудников лаборатории. В последующий период научного творчества Журавлев неоднократно возвращался к проблеме СД (Журавлев, 1992, 1993, 1995, 1997, 1998; и др.). Он выступил ответственным редактором двух сборников научных трудов, посвященных разработке проблем психологии СД (*Совместная деятельность: методы исследования...*, 1992; *Совместная деятельность в условиях...*, 1997). В представленных в этих сборниках статьях рассматривались теоретические и методологические вопросы исследования совместной деятельности малых групп. Был проведен историко-теоретический анализ становления и перспектив развития исследований СД в отечественной социальной психологии. Представлены некоторые методические приемы исследования и управления совместной деятельностью малых групп, а также результаты конкретных исследований личности, группового принятия решений, межгруппового сравнения и др. Обозначены новые, перспективные проблемы и направления исследований психологии СД в изменяющихся социально-экономических условиях. Динамика СД проанализирована в тесной связи с организационно-управленческими и экономическими изменениями, в условиях конфликтного взаимодействия в группе и под влиянием экстремальных факторов.

Итоги теоретико-эмпирических исследований Журавлева в области психологии СД в период 1980–1990-х годов были подведены в его докторской диссертации, опубликованной в форме научного доклада в 1999 г. (Журавлев, 1999а), а более развернуто представлены в фундаментальной монографии в 2005 г. (Журавлев, 2005).

Логика научного поиска и разработка новых социально-психологических проблем привели Журавлева к расширению проблемного поля теоретико-эмпирических исследований. В частности, это было связано с переходом к анализу социально-психологических проблем *совместной жизнедеятельности* (Журавлев, 1997а; Журавлев, Чередняк, 2001; и др.) и исследованию не только трудовых коллективов, но и других социальных объектов, в том числе больших социальных групп современного российского общества (жителей, проживающих на радиоактивно зараженных территориях, предпринимателей и др.). Это развитие позволило Журавлеву более широко представить и проблему психологии коллективного субъекта.

Психология коллективного субъекта

Разработка проблемы психологии *коллективного субъекта* является одним из ключевых направлений научного творчества А.Л. Журавлева в области со-

циальной психологии. Интересно проследить динамику развития представлений Журавлева о коллективном субъекте. Первые обращения к этому феномену и понятию были связаны с разработкой проблем психологии управления (см., например: Журавлев, 1976; Журавлев, Рубахин, 1977; и др.). Излагая авторские представления о предмете и задачах психологии управления, в качестве одного из перспективных направлений исследований Журавлев отмечал необходимость изучения коллектива не только как объекта, но и как *субъекта управления* (Журавлев, 1976; Ломов, Журавлев, 1978; и др.). Эта дихотомия, предполагавшая рассмотрение коллектива и как объекта, и как субъекта, послужила одним из теоретических обоснований необходимости и целесообразности использования понятия «коллективный субъект». Не случайно, что одно из первых теоретико-эмпирических исследований, объектом которого выступал коллективный субъект, или коллектив как субъект, выполненное В. А. Хашенко под научным руководством А. Л. Журавлева, было посвящено исследованию именно коллективного субъекта управления (Хашенко, 1988, с. 88–98; и др.). В рамках этого исследования, конкретным эмпирическим объектом которого выступали коллективы советов бригады, активно создававшиеся и функционировавшие в середине 1980-х годов, в период проведения организационно-управленческих нововведений, связанных с внедрением бригадной формы организации труда, автором были сформулированы представления о социально-психологических свойствах, параметрах и показателях коллективного субъекта управления совета бригады и о социально-психологических типах коллективного субъекта управления. Позднее в работах А. Л. Журавлева эти представления получили свое развитие и конкретизацию применительно не только к коллективным субъектам управления, но и к коллективным субъектам самых различных видов совместной деятельности. Справедливости ради следует отметить, что представления А. Л. Журавлева о коллективе как субъекте управления отнюдь не сводились к анализу деятельности коллективных органов управления и самоуправления на уровне первичных трудовых коллективов. В историческом плане анализа этой проблемы он рассматривал варианты *управленческого взаимодействия*, в рамках которого в качестве объекта воздействия выступала в том числе личность, отдельный член коллектива, а в качестве субъекта – коллектив. В качестве примера подобных исследований обычно приводят педагогический опыт А. С. Макаренко и разработанный им принцип параллельного воздействия, при котором воздействие (в данном случае воспитательное) исходит одновременно и от формального лидера – педагога, руководителя, и от рядовых членов коллектива. Другим примером анализа коллектива как субъекта управления, который также рассматривается в работах Журавлева, является практический опыт исследования и формирования управленческих команд. Именно опыт исследования и формирования управленческих команд убедительно подтвердил базовое теоретическое положение С. Л. Рубинштейна, сформулированное еще в 1920-е годы, о том, что любая индивидуальная деятельность субъекта, по сути, всегда является деятельностью совместной. Руководитель коллектива любого уровня всегда одновременно является исполнителем по отношению к вышестоящему руководителю и коллегой, партнером по отношению к другим руководителям своего уровня, а процесс

управления организациями, состоящими из большого числа первичных коллективов, всегда предполагает совместное, коллективное осуществление функций управления.

В монографии «Психология управленческого взаимодействия» (2004), которая в значительной степени является итоговой в отношении теоретико-эмпирических исследований А. Л. Журавлева, выполненных в 1970–1990-е годы в области психологии управления, автор дает краткую характеристику отдельных направлений исследований в психологии управления, сложившихся в рассматриваемый период. В качестве одного из таких направлений он выделяет «психологические проблемы трудового коллектива как объекта и субъекта управления». По мнению А. Л. Журавлева, именно данное направление исследований оказалось хорошо интегрированным и в социальную психологию, и психологию управления одновременно, что во многом способствовало оформлению социальной психологии управления в качестве самостоятельного научного направления. В качестве примера введения этого названия (социальная психология управления) автор ссылается на известную монографию ленинградского психолога А. Л. Свенцицкого (Свенцицкий, 1975). При этом А. Л. Журавлев характеризует данное направление как неоднородное и даже «контрастно развивающееся» применительно к разработке отдельных проблем, указывая на его недостаточную продвинутость: «Слабая разработанность, а точнее сказать, чрезвычайная неразработанность, характеризует важнейшую и относительно самостоятельную часть данного направления – это психологические проблемы трудового коллектива как субъекта управления» (Журавлев, 2004, с. 78–79). В связи с этим важно отметить, что, по моему мнению, именно данная дихотомия: рассмотрение трудового коллектива и как объекта, и как субъекта управления, во многом повлияла на теоретическую позицию А. Л. Журавлева при разработке понятия «коллективный субъект». В шестой главе монографии «Психология совместной деятельности» (2005), специально посвященной проблеме коллективного субъекта в современной психологии, автор отмечает, что в разных ее разделах понятие «коллективный субъект» используется в нескольких значениях или смыслах. В частности, «коллективный субъект» и «коллектив как субъект» могут трактоваться одинаково, и тем самым первое становится лишь гносеологическим смыслом коллектива. Поэтому, когда имеется в виду онтологическое значение, то используются понятия «коллектив», «группа», а когда гносеологическое значение, то «коллективный (групповой) субъект» или «коллектив (группа) как субъект». Эти понятия используются как альтернатива коллективу (группе) как объекту. «В наиболее яркой форме такое понимание коллективного субъекта встречается в психологии управления (хотя и не только в ней), оперирующей понятиями «коллектив как субъект и объект управления» (в более широком смысле – воздействия), т. е. в контексте гносеологического противопоставления субъекта и объекта. Однако в той же психологии и социологии управления, отмечает далее А. Л. Журавлев, «коллектив как субъект управления (воздействия) рассматривается и в ином, онтологическом смысле этого понятия, т. е. как социальная единица, обладающая способностью к реальному управлению и самоуправлению» (Журавлев, 2005, с. 165).

В качестве второго и, на мой взгляд, более фундаментального основания разработки А.Л. Журавлевым проблемы коллективного субъекта выступили его исследования психологии совместной деятельности. Именно в рамках этого направления исследований сложились основные (первоначальные) концептуальные представления автора о коллективном субъекте. Важным теоретическим положением С.Л. Рубинштейна, послужившим исходным моментом в развитии представлений А.Л. Журавлева о коллективном субъекте совместной деятельности, явилось положение о психическом как процессе и о процессуальном характере деятельности, как специфическом предмете психологического исследования. Применительно к исследованиям СД, по мнению А.Л. Журавлева, речь должна идти о социально-психологических процессах, совокупность которых и определенная последовательность позволяет выделять и описывать различные особенности и формы ее организации (Журавлев, 1988б, с. 30). Сами же эти процессы представляют собой различные виды взаимодействия участников СД, которое, в свою очередь, определяется общими целями, мотивами, способами организации СД и ее общими результатами.

Опираясь на теоретические положения об изначально совместном характере деятельности субъектов, представленные в работах С.Л. Рубинштейна и Б.Ф. Ломова, А.Л. Журавлев обосновал и сформулировал авторские представления о динамических особенностях СД и ее коллективного субъекта, согласно которым СД реализуется и разворачивается в совокупности *социально-психологических процессов* взаимодействия ее участников, выделяемых в соответствии с основными отличительными признаками. «Предмет специального социально-психологического анализа СД составляют процессы группового целе- и мотивообразования, распределения и интеграции (объединения) индивидуальных деятельностей в группе, процессы их согласования и координации, управляющих воздействий (управления), а также группового оценивания результатов СД» (Журавлев, 1988б, с. 31). В соответствии с установленными динамическими особенностями СД А.Л. Журавлев выделяет *основные характеристики субъекта*: целенаправленность, мотивированность, уровень целостности (интегрированности), структурированность, согласованность, управляемость, результативность (продуктивность), а также пространственные и временные особенности условий жизнедеятельности субъекта (там же, с. 32–35).

Проблема коллективного субъекта, изначально сформулированная в работах А.Л. Журавлева применительно к исследованиям совместной трудовой деятельности, получила в его трудах дальнейшее развитие применительно к характеристике самых разных (больших и малых, организованных и неорганизованных) общностей. Этому способствовало повышение научного интереса к проблеме субъекта в психологической науке, явно обозначившееся в конце 1990–начале 2000-х годов. В сентябре 1999 г. в Институте психологии РАН была проведена Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти выдающегося отечественного психолога С.Л. Рубинштейна (Индивидуальный и групповой субъекты..., 1999). В рамках этой конференции А.Л. Журавлев выступил с докладом, посвященным анализу основных подходов к пониманию коллективного субъекта в психологии (Журавлев, 1999б). По материалам конференции была подготовлена и издана коллективная мо-

нография, посвященная проблеме субъекта в психологической науке (Проблема субъекта в психологической науке, 2000). В ней отмечалось, что именно С. Л. Рубинштейн впервые осуществил методологический анализ этой проблемы. Существенный вклад в ее разработку внесли ученики и последователи С. Л. Рубинштейна: К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. В. Знаков, Е. А. Сергиенко и другие сотрудники Института психологии РАН. В этой коллективной монографии А. Л. Журавлев опубликовал статью, посвященную психологическим особенностям коллективного субъекта (Журавлев, 2000). Сама постановка проблемы коллективного (или группового) субъекта была новаторской и творческой и породила не только внимание и интерес, но и многочисленные дискуссии в научном сообществе. Обсуждению проблем психологии индивидуального и группового (коллективного) субъекта была посвящена специальная коллективная монография, вышедшая в свет в 2002 г. (Психология индивидуального и группового субъекта, 2002). Это была последняя монография, ответственным редактором которой выступил ученик и последователь С. Л. Рубинштейна А. В. Брушлинский, трагически скончавшийся незадолго до этого. В этой монографии А. Л. Журавлев публикует статью, в которой развернуто формулирует основные положения своей авторской концепции психологии группового субъекта, которая приобретает относительно заверченный вид (Журавлев, 2002).

Вышеназванные публикации издавались незначительными тиражами и сегодня представляют собой библиографическую редкость. Поэтому при историко-психологическом анализе теоретических представлений А. Л. Журавлева о коллективном субъекте, сложившихся в рассматриваемый исторический период, более целесообразно обратиться к тексту его монографии «Психология совместной деятельности» (Журавлев, 2005). Второй раздел этой монографии озаглавлен «Психология коллектива как субъекта совместной деятельности», что прямо указывает на то, что проблема коллективного субъекта первоначально формулировалась А. Л. Журавлевым в рамках разработки психологии совместной деятельности. Однако содержательный анализ шестой главы, специально посвященной психологии коллективного субъекта, указывает на то, что в процессе разработки проблемы коллективного субъекта А. Л. Журавлев постепенно выходит за рамки его (коллективного субъекта) рассмотрения только как субъекта совместной деятельности, тем более совместной трудовой деятельности коллектива, которая на протяжении многих лет была основным объектом теоретико-эмпирических исследований автора, его учеников и последователей.

Во введении к рассматриваемой публикации А. Л. Журавлев обосновывает необходимость и целесообразность использования понятия «коллективный субъект», связывая их, прежде всего, с потребностями дальнейшего развития психологической теории групп и коллективов в современной психологии, в частности, с необходимостью дифференциации и спецификации многочисленных групповых явлений, выступающих объектами психологических исследований. В качестве важного достоинства использования понятия «субъект» применительно к анализу психологических характеристик не только индивида, но и группы (в более широком понимании — человеческих общностей самого

различного масштаба и формы их жизнедеятельности) автор указывает на то, что «понятие „субъект“ позволяет выделять *общее в психологических свойствах* (курсив автора) личности, малой и большой группы и общества в целом... Следовательно, понятие и феномен „коллективный субъект“ исходно характеризуется качествами интегративности и универсальности» (Журавлев, 2005, с. 163). В качестве основания практической актуальности разработки феномена и понятия «коллективный субъект» автор указывает на перспективность его использования применительно к анализу и решению практических социальных проблем самого разного масштаба (от геополитических проблем макро-социального характера до внутригрупповых проблем, возникающих в жизнедеятельности малых и микрогрупп).

Анализируя различные подходы к пониманию коллективного субъекта, сложившиеся в отечественной психологии в конце 1990—начале 2000-х годов, А. Л. Журавлев заключает, что «в современной социальной психологии не только не существует общепринятого понимания „коллективного субъекта“, но отсутствует даже какое-либо толкование, которое получило бы достаточно широкое распространение» (Журавлев, 2005, с. 169–170). В частности, автор отмечает наличие разных точек зрения и по поводу определения понятия субъект и качества *субъектность* применительно к их групповому (коллективному) носителю, и по поводу определения понятий «коллектив» и «коллективный» применительно к субъекту. Сам А. Л. Журавлев полагает, что для социальной психологии разработка понятия «коллективный субъект» сможет внести принципиально новое содержание в представления о субъекте, сложившиеся в общей теории психологии, прежде всего, в контексте «коллективного (совместного)» и его (субъекта) «коллективности (совместности)».

Далее А. Л. Журавлев излагает собственные концептуальные представления о психологии коллективного (группового) субъекта. Во-первых, он формулирует авторские представления об *основных признаках* коллективного субъекта (далее – КС), *уровнях субъектности и психологических типах* КС. В качестве важнейших свойств группы, которые могут выступать в качестве критериев ее определения как КС, автор выделяет взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе, способность группы проявлять различные формы совместной активности, т. е. выступать как единое целое по отношению к другим социальным объектам, в том числе по отношению к себе самой, и способность группы к саморефлексии. В качестве основного, ведущего признака КС, по отношению к которому взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе является необходимым условием, А. Л. Журавлев выделяет способность проявлять совместные формы активности, а способность группы к саморефлексии может, по его мнению, рассматриваться как одна из форм проявления совместной активности. В таком случае субъектность, как взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе, автор предлагает обозначать как *потенциальную субъектность* или *предсубъектность* (здесь и далее – курсив автора), субъектность как совместную активность – как *реальную* (в отличие от потенциальной) *субъектность*, а субъектность как групповую саморефлексивность, как более сложный признак, далеко не всегда характеризующий конкретную группу – как *рефлексирующую субъектность*. В таком слу-

чае наличие у конкретной естественной группы тех или иных перечисленных признаков позволяет говорить о различных типах субъектности и ее уровнях.

Следующим важным теоретическим положением, выдвинутым А. Л. Журавлевым при разработке проблемы КС, является выход за рамки рассмотрения этого феномена исключительно в рамках совместной деятельности и рассмотрение человеческих групп (общностей) в качестве субъектов *совместной жизнедеятельности* или *совместной активности*, различные проявления которой, например, познание, общение, отношения могут выходить за рамки только совместной деятельности. Соответственно, значительно расширяется диапазон реальных естественных групп (человеческих общностей), которые могут рассматриваться в качестве коллективных субъектов. Это могут быть группы самого различного количественного состава, от диады до больших социальных групп и даже общества в целом. Одновременно автор определяет и границы субъектности человеческих общностей, приводя примеры таких реальных групп, которые не обладают или не в полной мере обладают свойствами, соответствующими признакам или критериям субъектности.

Заключение

Историко-психологический анализ разработки А. Л. Журавлевым проблем психологии совместной деятельности и ее коллективного субъекта показал, что первоначальные истоки обращения А. Л. Журавлева к рассматриваемой тематике были связаны с его теоретико-эмпирическими исследованиями в области психологии управления во второй половине 1970-х годов. В этот период Журавлев формулирует представления о коллективе как объекте и субъекте управления, о взаимосвязи стиля руководства и эффективности управления совместной деятельностью трудового коллектива. В 1980-е годы психология совместной деятельности находится в центре научных интересов А. Л. Журавлева. Он формулирует авторские представления об основных признаках совместной деятельности и ее психологической структуре, о роли взаимодействия в структуре совместной деятельности, дает характеристику динамических особенностей совместной деятельности и ее коллективного субъекта. В 1990-е годы теоретико-эмпирические исследования психологических особенностей совместной деятельности А. Л. Журавлева и его учеников проводятся в условиях организационно-экономических изменений. Результаты этих исследований позволяют ему выявить целый ряд особенностей динамики социально-психологических, личностных и групповых, феноменов совместной деятельности в изменяющихся организационно-экономических условиях и сформулировать концептуальные представления о «зональном» характере взаимодействия социально-психологических и организационно-экономических факторов.

В конце 1990—начале 2000-х годов А. Л. Журавлев продолжает разработку проблемы психологии коллективного субъекта. Он рассматривает основные подходы, сложившиеся в тот период, к пониманию коллективного субъекта, излагает собственные концептуальные представления о психологии коллективного (группового) субъекта, в частности, формулирует авторские представления об основных признаках коллективного субъекта, уровнях субъектности

и психологических типах коллективного субъекта. В последующие годы научного творчества, детальный анализ которого выходит за рамки данной статьи, А.Л. Журавлев продолжал и продолжает разрабатывать проблему коллективного субъекта. Он формулирует проблему и намечает основные направления исследований психологии больших социальных групп как коллективных субъектов (Журавлев, 2007; Журавлев, Емельянова, 2009), развивает и конкретизирует представления об основных признаках, уровнях и психологических типах коллективных субъектов (Журавлев, 2009). Характеризуя коллективный субъект как феномен и понятие современной психологии, Журавлев делает вывод о том, что исследования психологии коллективного субъекта являются важным и перспективным направлением становления субъектной парадигмы в социальной психологии (Журавлев, 2018, с. 120).

Исключительно большое внимание, которое уделял (и продолжает уделять) академик РАН А.Л. Журавлев феномену и понятию КС, обусловлено исключительной важностью этого феномена и понятия в современной системе психологического знания. Подобно тому как категория индивидуального субъекта психических явлений, начало разработки которой было заложено в трудах С.Л. Рубинштейна, послужила одним из основных теоретических и методологических принципов современной отечественной психологии, категория коллективного субъекта, разрабатываемая в трудах А.Л. Журавлева, является, по моему мнению, одним из основных теоретических и методологических принципов современной отечественной социальной психологии. Ярким подтверждением этого тезиса является то, что по результатам системно-сетевого анализа понятий современной психологии, проведенного ответственными редакторами трехтомного издания «Разработка понятий современной психологии», именно эти понятия (индивидуальный и групповой (коллективный) субъект) занимают центральную позицию в системе современного психологического знания (Журавлев, Сергиенко, 2018).

Литература

- Бригадная форма организации труда в разных видах трудовых коллективов (социально-психологические особенности) / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии АН СССР, 1989.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л.* К истории становления и развития лаборатории социальной и экономической психологии // Социальная и экономическая психология. Ч. 2 / Отв. ред. Ю. В. Ковалева, Т. А. Нестик. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 11–46.
- Журавлев А. Л.* Стиль и эффективность руководства производственным коллективом: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1976.
- Журавлев А. Л.* Роль системного подхода в исследовании психологии коллектива // Психологический журнал. 1988а. Т. 9. № 6. С. 53–64.
- Журавлев А. Л.* Совместная деятельность как объект социально-психологического исследования // Совместная деятельность: методология, теория, практика / Отв. ред. А.Л. Журавлев, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1988б. С. 19–36.
- Журавлев А. Л.* Взаимосвязь личности руководителя и стиля руководства в условиях совместной деятельности // Совместная деятельность: методология, теория,

- рия, практика / Отв. ред. А.Л. Журавлев, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1988в. С. 151–166.
- Журавлев А. Л.* Развитие концепции совместной деятельности в отечественной социальной психологии // Совместная деятельность: методы исследования и управления / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1992. С. 5–21.
- Журавлев А. Л.* Социальная психология личности и малых групп: некоторые итоги исследования // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 4. С. 4–15.
- Журавлев А. Л.* Социально-психологические исследования совместной деятельности малых групп // Труды Института психологии РАН. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995. Т. 1. С. 134–153.
- Журавлев А. Л.* Введение // Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997а. С. 4–5.
- Журавлев А. Л.* Развитие концепции совместной деятельности в современной отечественной психологии // Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997б. С. 6–15.
- Журавлев А. Л.* Социально-психологическая динамика в изменяющихся экономических условиях // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 3. С. 8–16.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности в условиях организационно-экономических изменений: Дис. в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора психол. наук. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999а.
- Журавлев А. Л.* Понимание «коллективного субъекта»: основные подходы в психологии // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе. К 110-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна: Тезисы докладов к Международной научно-практической конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999б. С. 68–70.
- Журавлев А. Л.* Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000. С. 133–151.
- Журавлев А. Л.* Развитие концепции совместной деятельности в отечественной психологии // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Социум; Изд-во ИП РАН, 2001. С. 6–15.
- Журавлев А. Л.* Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 51–81.
- Журавлев А. Л.* Психология управленческого взаимодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Журавлев А. Л.* Большие социальные группы как коллективные субъекты: постановка проблемы и направления исследований // Проблемы субъектов в постнеклассической науке: Препринт / Под ред. В. И. Аршинова, В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. С. 12–16.

- Журавлев А. Л.* Коллективный субъект: основные признаки, уровни, психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
- Журавлев А. Л.* Коллективный субъект: феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 116–161.
- Журавлев А. Л., Емельянова Т. П.* Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.
- Журавлев А. Л., Рубахин В. Ф.* Психология управления как отрасль психологической науки // Психологические концепции совершенствования управления производственной организацией: Материалы симпозиума. Тарту: ТГУ, 1977. С. 24–27.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А.* Современные понятия в психологической науке // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 5–62.
- Журавлев А. Л., Чердыняк Ю. В.* Совместная жизнедеятельность трудового коллектива в условиях частичного сокращения персонала // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Социум; Изд-во ИП РАН, 2001. С. 125–136.
- Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе. К 110-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна: Тезисы докладов к Международной научно-практической конференции / Отв. ред. М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Костригин А. А.* Основные направления психологических исследований Анатолия Лактионовича Журавлева: к 75-летию со дня рождения // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 4 (133). С. 103–114.
- Ломов Б. Ф., Журавлев А. Л.* Психология и управление. (Серия «Наука и управление». Вып. 7). М.: Знание, 1978.
- Позняков В. П.* Флагман отечественной психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2023а. Т. 8. № 2 (30). С. 140–163.
- Позняков В. П.* К вопросу об исследованиях А. Л. Журавлевым социально-психологических проблем экономических преобразований в российском обществе // Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы / Под ред. В. А. Зобкова, В. П. Познякова, А. В. Зобкова. Владимир—М.: КопиА-Сервис, 2023б. С. 252–257.
- Позняков В. П., Козлов В. В., Мазилев В. А., Слепко Ю. Н.* Системообразующий актер Анатолий Лактионович Журавлев: юбилейные заметки // Методология современной психологии. 2023. № 18. С. 8–15.
- Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000.
- Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Социум—Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.
- Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Пер Сэ, 2002.
- Свенцицкий А. Л.* Социально-психологические проблемы управления. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.

- Совместная деятельность: Методология, теория, практика / Отв. ред. А.Л. Журавлев, П.Н. Шихирев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1988.
- Совместная деятельность: Методы исследования и управления / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1992.
- Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1987.
- Социально-психологические резервы повышения эффективности деятельности трудового коллектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии АН СССР, 1989.
- Социально-психологические факторы эффективности деятельности бригад / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1987.
- Хашченко В.А.* Исследование коллективного субъекта управления // Совместная деятельность: Методология, теория, практика / Отв. ред. А.Л. Журавлев, П.Н. Шихирев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1988. С. 88–98.

A. L. Zhuravlev's development of problems of psychology of joint activity and its collective subject (1980s—early 2000s)

V. P. Poznyakov

Sc. D. (psychology), professor, leading research fellow, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, pozn_v@mail.ru

The article is dedicated to the 75th anniversary of the outstanding Russian psychologist, Doctor of Psychological Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences Anatoly Laktionovich Zhuravlev. The article presents an analysis of A. L. Zhuravlev's contribution to the development of the problems of the psychology of joint activity and its collective subject in the period of the 1980—early 2000s, i. e. starting with work on the problems of the psychology of joint activity and up to the defense of his doctoral dissertation and appointment as director of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. The dynamics of the development of Zhuravlev's ideas about joint activity and its collective subject is considered. It is noted that a characteristic feature of Zhuravlev's scientific activity is a combination of continuity, adherence to the traditions of domestic psychological science in the development of the problems under consideration with the innovation of the author's approaches and research directions.

Keywords: Anatoly Laktionovich Zhuravlev, social psychology, history of psychology, joint activity, collective subject.

К истории создания и применения «Методики определения индивидуального стиля руководства» А. Л. Журавлева

Э. В. Тихонова

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и практической психологии Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, г. Арзамас, Россия,
tikhonova-eleonora@inbox.ru

Представлен материал, раскрывающий с историко-психологической точки зрения процесс создания А. Л. Журавлевым «Методики определения индивидуального стиля руководства». Описываются основные этапы ее разработки — от возникновения идеи и сбора эмпирического материала до создания теоретической модели и описания типологии индивидуальных стилей руководства, их характеристик. Представлен анализ существующих вариантов и модификаций Методики. Аргументируются причины ее актуальности на протяжении более 4 десятилетий (с 1976 г.) и востребованности профессиональным сообществом психологов как надежного психодиагностического инструмента проведения исследований в области социальной и организационной психологии, психологии труда и управления, психологии личности и других отраслей психологической науки. Анализируется динамика научных интересов А. Л. Журавлева в изучении проблемы стиля руководства в течение 1970–1980-х годов, намечаются направления дальнейших историко-психологических исследований творчества ученого.

Ключевые слова: история психологии, методика А. Л. Журавлева, первый (краткий) вариант, второй (полный) вариант, третий (сокращенный) вариант, типология стилей руководства.

Известная и ставшая уже классической «Методика определения индивидуального стиля руководства» (далее — Методика) — в научной литературе часто встречается еще одно название данной методики — «Опросник ИСР». Аббревиатура ИСР означает «Индивидуальный стиль руководства», первоначально она являлась результатом научных исследований, которые проводил тогда еще начинавший свою деятельность молодой ученый Анатолий Лактионович Журавлев во время работы над кандидатской диссертацией по теме «Стиль и эффективность руководства производственным коллективом» (Журавлев, 1976а, б).

16 ноября 1973 г. А. Л. Журавлев был зачислен на заочное отделение аспирантуры Института психологии АН СССР. Его научным руководителем стал профессор Владимир Фёдорович Рубахин (1921–1984) — советский ученый, доктор психологических наук, специалист в области психологии труда и инженерной

психологии. С 1973 по 1975 г. — зам. директора по научной работе, а с 1976 г. — научный консультант Института психологии АН СССР (Журавлев, Костригин, 2021, 2022). На тот период стоял остроактуальный вопрос изучения психологических аспектов управления. В связи с этим была определена тема и задачи, к выполнению которых и приступил аспирант Журавлев (подробнее см.: Даргын-Оол, Журавлев, 2005).

Научное исследование выполнялось на базе двух крупных производственных предприятий: сначала — на комбинате технических тканей «Красный Перекоп» в г. Ярославле, широко известном тем, что на нем начался трудовой путь Валентины Терешковой — первой женщины-космонавта. Комбинат представлял собой 2 идентичные фабрики по 7 цехов в каждой. Именно там проводился сбор первичного эмпирического материала по изучению стиля деятельности руководителей низового и среднего звеньев производства (сменные и старшие мастера, начальники цехов и их заместители), который и послужил основой для создания методики.

После перевода в ноябре 1974 г. на очную форму обучения в аспирантуре Института психологии АН СССР А. Л. Журавлев продолжил начатое исследование уже в Москве на Карачаровском механическом заводе.

Одним из итогов проведенной масштабной работы стал первый (краткий) вариант методики, который получил научное обоснование в упоминавшейся выше кандидатской диссертации А. Л. Журавлева. Широкому профессиональному сообществу методика была представлена в работе «Индивидуальный стиль руководства производственным коллективом», опубликованной в издательстве Института управления народным хозяйством (ИУНХ) при Совете министров СССР (Журавлев и др., 1976).

Созданию Методики предшествовала разработка *теоретической модели* индивидуального стиля руководства, в которой описаны ведущие методы руководства, способы принятия решений, типичные формы поведения руководителя — всего было выделено 16 *параметров руководства*, которые выявлялись эмпирическим путем (анализ литературы, беседы с руководителями, экспертные оценки, изучение отдельных случаев и т. п.) (Журавлев, 1976б). К каждому параметру предлагалось 3 варианта наиболее *типичных форм поведения руководителя* по тому или иному параметру руководства, из которых надо было выбрать один, наиболее соответствующий тому, кого оценивали.

Следует подчеркнуть, что важнейшее значение имело не только появление методики как специального психодиагностического инструмента для определения стиля руководства, но и разработка типологии индивидуальных стилей, их характеристика. Всего А. Л. Журавлевым было выделено и описано 7 основных типов индивидуального стиля руководства: директивный, коллегиальный, пассивного невмешательства, директивно-коллегиальный, директивно-пассивный, коллегиально-пассивный, смешанный (там же; и др.).

Научная разработка А. Л. Журавлева в полной мере соответствовала актуальным тенденциям 1970-х годов, когда в нашей стране активно изучалось влияние стиля руководства на эффективность трудовой деятельности коллектива. Эффективность определялась по следующим показателям: производственно-экономическим, социальным, социально-психологическим (психоло-

гический климат, взаимоотношения в коллективе, особенности общения его членов и т. п.), интегральным. К последним, в частности, относились показатели организации трудового соревнования в первичных коллективах, например, влияние стиля руководства на особенности организации соревнования (Журавлев, 1977, 1978).

Второй (полный) вариант методики был подготовлен в 1978 г. в результате проведения А. Л. Журавлевым дополнительных научных исследований на Опытном ремонтно-механическом заводе, относившемся к ведомству Мосремстроймаш. Доработанный и расширенный опросник был представлен автором в сборнике научных трудов «Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения» (Журавлев, 1979). Второй вариант отличается от первого прежде всего полнотой. Теоретическая модель методики оставалась той же, но в нее были включены дополнительные параметры руководства (в первом варианте их было 16, а в новой версии – 27) и типичные варианты поведения руководителей по этим параметрам (5 способов для каждого параметра). Респонденту (эксперту) предлагалось оценить деятельность конкретного руководителя по таким параметрам, как, например: распределение полномочий между руководителем и исполнителями, действия руководителя в критической ситуации, особенности общения руководителя с исполнителями, продуктивность работы коллектива в отсутствие руководителя, контроль деятельности исполнителей, характер приказов руководителя и т. д. По результатам определялся преобладающий стиль руководства. В данном варианте методики также приводилась таблица с соотношением стиля руководства и таких профессионально значимых качеств, как профессиональная компетентность, организаторские качества, педагогические качества руководителя, социально-психологические качества коллектива (особенности общения, социально-психологического климата и т. п.).

Несколько позже появился третий (сокращенный) вариант «Методики определения стиля руководства коллективом». В. П. Захаров, известный специалист в области психодиагностики, в тот период сотрудник кафедры социальной психологии Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, пропустил методику через процедуру математико-статистической проверки на валидность, надежность и другие критерии достоверности опросника и создал третий (сокращенный по отношению ко второму) вариант, получивший название «Методика определения стиля руководства трудовым коллективом» под двойным авторством – В. П. Захарова (автор формы) и А. Л. Журавлева (автор содержания). Эта версия опросника была впервые опубликована в книге «Методики социально-психологической диагностики личности и группы», изданной Институтом психологии АН СССР в 1990 году (отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Хашенко).

Основу третьего варианта Методики (как и в первом (кратком) варианте) составляют 16 параметров руководства, отражающих различные стороны взаимодействия руководителей и исполнителей. Каждый параметр включает три наиболее типичных способа поведения руководителя, обозначенные буквами А, Б, В. Респонденту (или эксперту) предлагается внимательно прочесть все три утверждения по каждому параметру и выбрать одно из них, которое в на-

ибольшей степени соответствует его мнению о руководителе. Главные отличия третьего варианта Методики заключались в том, что формулировка самого параметра отсутствовала (вероятно, в целях упрощения процедуры тестирования), а также изменились особенности формы представления теста: варианты характеристик (утверждения) стали подаваться в виде карточек (опросных листов), которые можно было использовать в том числе при проведении автоматизированного тестирования. Форма обработки результатов тоже изменилась, получив вид матрицы, куда заносились полученные значения. Типология представлена тремя основными стилями: директивный, попустительский (пассивного невмешательства) и коллегиальный.

Менее известная попытка перевести методику в аппаратный вариант ее проведения принадлежит профессору Ивановского государственного университета Р. Б. Гительмахеру (1937–1998), доктору психологических наук, профессору, специалисту в области социальной психологии и психологии управления, который в 1980-е годы разработал автоматизированный вариант применения методики на специальном аппарате-проекторе. Возле каждого ответа (утверждения) размещались специальные кнопки, испытуемому надо было выбрать вариант ответа и нажать на соответствующую кнопку. Скорость сбора первичной информации и обработки значительно повысилась. Кроме того, большое значение имел тот факт, что работники низового и среднего звеньев управления на научно-производственных предприятиях, для которых изначально была предназначена методика А. Л. Журавлева, не любили работать с бумажным вариантом теста, в связи с этим Р. Б. Гительмахером была учтена и использована психологическая готовность данной категории специалистов работать с экспериментальной аппаратурой.

Наибольшее распространение и применение на практике имел, конечно, второй (полный) вариант методики. Именно на его основе были сделаны многочисленные модификации для определения стиля руководства в разных сферах общественной жизни: сельском хозяйстве, научно-производственных предприятиях, воинских коллективах, даже спортивных командах и т. д.

В 1980-е годы шел активный процесс создания на советских предприятиях социально-психологических служб (см., например: Боровик и др., 1986; Журавлев, Зотова, 1982; Самсонов, Журавлев, 1983; Служба социального развития..., 1989; и др.), в работе которых методика А. Л. Журавлева была одной из широко применяемых.

По рекомендации А. Л. Журавлева, данная методика не подходит для определения стиля руководства высшего управленческого звена, поскольку разрабатывалась для оценки руководителей низового и среднего звеньев управления предприятием. Однако на практике методика широко применяется без жесткой привязки к уровню руководства. В частности, ее часто используют в качестве основы для написания характеристики на руководителей самого разного уровня во время проведения их аттестации, при обосновании перевода на более высокие руководящие должности, определении необходимости повышения управленческой квалификации и т. д.

«Методика определения индивидуального стиля руководства» А. Л. Журавлева давно получила признание профессионального сообщества психологов,

причем как теоретиков, так и практиков, став надежным психодиагностическим инструментом проведения исследований в области социальной и организационной психологии, психологии труда и управления, психологии личности и других отраслей психологической науки. Она традиционно входит в относительно полные и авторитетные собрания психологических методик (опросник и тестов), например, в состав лучших психодиагностических инструментов (Лучшие психологические тесты..., 1992; и др.) и в содержание современных учебных пособий по социальной психологии и психологии управления (Методы и методология..., 2023).

Причинами того, что методика остается актуальной и востребованной на протяжении многих десятилетий (с 1976 г., т. е. около 50 лет), на наш взгляд, являются следующие: во-первых, то, что ее теоретическая модель имеет прочный эмпирический фундамент (проверялась управленческой практикой, была основана на изучении реального опыта управленческой деятельности), в результате чего автору удалось выделить достаточно полную и валидную совокупность объективных показателей деятельности руководителя; во-вторых, при разработке методики использовался важный критерий отбора – признак типичности, повторяемости форм (способов) поведения, реакций руководителей, в результате чего были исключены все редко встречающиеся, «экзотические» их варианты, а методика стала универсальной и удобной для применения в разных сферах управления; в-третьих, тест имеет четкую структуру, обладает высокой достоверностью и позволяет получить тонко дифференцирующие показатели, выявляющие индивидуальные особенности стиля руководства. Примечательным является и то, что методика может использоваться как для традиционной диагностики, так и для самодиагностики руководителя.

Разработка более общей проблемы стиля руководства в научных трудах А. Л. Журавлева в 1980-е годы получила продолжение в исследовании системы факторов формирования стиля руководства производственным коллективом (Журавлев, 1983). Было показано, что важнейшим фактором, оказывающим воздействие на стиль руководства, является личность руководителя (Журавлев, 1988а). Более того, проанализировано влияние взаимосвязи личности руководителя и стиля его руководства на совместную деятельность коллектива, в частности на показатели ее эффективности (Журавлев, 1988б). А. Л. Журавлеву с соавторами принадлежит одно из первых в Советском Союзе исследований вопроса о влиянии фактора пола на формирование стиля руководства производственным коллективом (Журавлев и др., 1989).

Таким образом, анализ динамики научных интересов А. Л. Журавлева показывает, что в 1970-е годы его исследования были направлены на проблему управления трудовыми коллективами (в результате чего и появился широко известный «Опросник ИСР»), в 1980-е годы проблематика сместилась в область психологии совместной деятельности трудовых коллективов, а в 1990-х годах А. Л. Журавлев обратился к изучению особенностей социально-психологического развития личности и малых групп в интенсивно изменявшемся российском обществе (Журавлев, 1997, 1999; и др.). Однако отмеченные научные направления представляют собой относительно самостоятельные задачи для дальнейших историко-психологических исследований.

Литература

- Боровик В. С., Журавлев А. Л., Крылова Н. В.* Проблемы «службы человека» на производстве // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 1. С. 154–160.
- Даргын-Оол Ч. К. О., Журавлев А. Л.* Анатолий Лактионович Журавлев: «Историю не перепишешь» // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 4. С. 96–103.
- Журавлев А. Л.* Стиль и эффективность руководства производственным коллективом: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1976а.
- Журавлев А. Л.* Стиль и эффективность руководства производственным коллективом: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1976б.
- Журавлев А. Л.* Стиль руководства и организация соревнования // Социально-психологические аспекты социалистического соревнования / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1977. С. 112–148.
- Журавлев А. Л.* Стиль руководства и принципы организации социалистического соревнования в производственном коллективе // Психологические аспекты человеческой деятельности. М.: Изд-во ИУНХ, 1978. С. 45–52.
- Журавлев А. Л.* Стиль руководства для управления социально-психологическим климатом производственного коллектива // Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения. М.: Наука, 1979. С. 134–145.
- Журавлев А. Л.* Факторы формирования стиля руководства производственным коллективом // Социально-психологические проблемы производственного коллектива / Отв. ред. Е. В. Шорохова, Е. С. Кузьмин, О. И. Зотова, В. Е. Семенов. М.: Наука, 1983. С. 101–115.
- Журавлев А. Л.* Влияние личности руководителя на стиль руководства коллективом // Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова, В. П. Левкович. М.: Институт психологии АН СССР, 1988а. С. 109–116.
- Журавлев А. Л.* Взаимосвязь личности руководителя и стиля руководства в условиях совместной деятельности коллектива // Совместная деятельность: методология, теория, практика: Коллективная монография / Отв. ред. А. Л. Журавлев, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1988б. С. 151–167.
- Журавлев А. Л.* Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений в обществе // Труды Института психологии РАН / Отв. ред. А. В. Брушлинский, В. А. Бодров. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 123–129.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности в условиях организационно-экономических изменений: Дис. ... докт. психол. наук. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Журавлев А. Л., Зотова О. И.* Психологическая служба промышленного предприятия: поиски, решения // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 1. С. 155–158.
- Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Основные направления инженерно-психологических исследований В. Ф. Рубахина // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 3. С. 159–180.
- Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Психологическое наследие В. Ф. Рубахина (к 100-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 1. С. 127–136.
- Журавлев А. Л., Рубахин В. Ф.* Индивидуальный стиль руководства коллективом // Психология управления. В 2 ч. Ч. 2 / Под общ. ред. Б. Ф. Ломова. М.: Знание, 1976. С. 17–32.

- Журавлев А. Л., Рубахин В. Ф., Шорин В. Г.* Индивидуальный стиль руководства производственным коллективом. М.: Изд-во ИУНХ, 1976.
- Журавлев А. Л., Хащенко В. А., Хащенко Н. Н.* Влияние фактора пола на формирование стиля руководства производственным коллективом // Социально-психологические резервы повышения эффективности деятельности трудового коллектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Институт психологии АН СССР, 1989. С. 113–125.
- Лучшие психологические тесты для профотбора и профориентации / Отв. ред. А. Ф. Кудряшов. Петрозаводск: Петроком, 1992.
- Методы и методология социально-психологических исследований: Учеб. пособие / Отв. ред. Л. Г. Почебут, С. Д. Гуриева, В. А. Чикер. СПб.: Питер, 2023.
- Самсонов В. Ю., Журавлев А. Л.* Организационные формы и направления работы психологической службы ПО «Электростальтяжмаш» // Социально-психологическая служба промышленного предприятия: теория, опыт, практика / Под ред. Е. В. Таранова, Ю. М. Забродина. Курган, 1983. С. 51–59.
- Служба социального развития предприятия: практическое пособие. М.: Наука, 1989.

To the history of the creation and application of the “Methodology for determining the individual style of leadership” of A. L. Zhuravlev

E. V. Tikhonova

candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor of the Department of General and Practical Psychology of the Arzamas Branch of Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Arzamas, Russia, tikhonova-eleonora@inbox.ru

The article presents material that reveals from a historical psychological point of view the process of creating A. L. Zhuravlev “Methods for determining the individual style of leadership”. The main stages of its development are described – from the emergence of an idea and the collection of empirical material to the creation of a theoretical model and the description of the typology of individual leadership styles, their characteristics. An overview of the existing variants and modifications of the Procedure is provided. The reasons for its relevance over the decades and the demand by the professional community of psychologists as a reliable psychodiagnostic tool for conducting research in the field of social and organizational psychology, labor and management psychology, personality psychology and other branches of psychological science are analyzed. The dynamics of scientific interests of A. L. Zhuravlev in the study of the problem of leadership style during the 1970s–1990s is analyzed, the directions of further historical and psychological research of the scientist’s work are outlined.

Keywords: history of psychology, A. L. Zhuravlev’s method, first (short) version, second (full version), third (abbreviated) version, typology of leadership styles.

Роль А. Л. Журавлева в развитии социальной психологии в Саратовской научной школе

С. В. Фролова

доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой
общей и консультативной психологии Саратовского национального
исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия, frolovasv71@mail.ru

Рассматривается вклад академика РАН, профессора Анатолия Лактионови-
ча Журавлева в развитие социальной психологии в Саратовском регионе по-
средством анализа и осмысления значения ряда историко-психологических
фактов и событий, связанных с его научной деятельностью. Анализируется
многогранность организующей, координирующей, просветительской, мето-
дологической роли А. Л. Журавлева, имеющей иницилирующее, протективное,
«катализирующее», фасилитирующее значение в развитии социальной психо-
логии в Саратовской научной школе. Делается вывод о том, что процесс науч-
ного производства в деятельности А. Л. Журавлева предстает как профессио-
нальное и социальное творчество ученого, мотивируемое служением «живому»
психологическому знанию, переживаемому в качестве некоего «обобщенного
субъекта», обладающего особыми логическими требованиями и экзистенци-
альными нуждами в преодолении возникающих трудностей на пути своего со-
хранения и развития.

Ключевые слова: социальная психология, Саратовская психологическая
школа, фактор личности ученого, развитие психологического знания, научное
и социальное творчество, Институт психологии РАН, Саратовский государст-
венный университет им. Н. Г. Чернышевского, А. Л. Журавлев.

Роль ученого в развитии науки может иметь множество различных сторон,
проявляющихся в связи с теми или иными решаемыми задачами, условиями
или действующими обстоятельствами. Качество влияния ученого возможно
дифференцировать по степени и масштабу распространения его воздействия
в пространстве и времени; затрагиваемому предметному содержанию проблем-
ного научного поля; осуществляемым смысловым, концептуальным, мировоз-
зренческим, ценностным, организационным функциям; целенаправленности
и спонтанности; ориентированности на сохранение традиций и привнесение
инноваций; создаваемому научному продукту (теории, метода, накоплению
научных фактов и т. д.).

Действие *фактора личности ученого* на процесс развития психологическо-
го знания может быть сознательное и бессознательное; локальное (региональ-

ное, отраслевое, в рамках коллектива отдельной научной или образовательной организации и т. д.) или глобальное; имеющее влияние на текущий момент или приобретающее историческое значение и распространяющееся на ряд поколений ученых; ограничивающее, сдерживающее или инициирующее (стимулирующее) дальнейший рост.

Анатолий Лактионович Журавлев и будучи директором Института психологии РАН и руководителем лаборатории социальной и экономической психологии, и сегодня, возглавляя лабораторию истории психологии и исторической психологии ИП РАН, делал и продолжает делать очень многое для развития психологического знания не только в стенах института, но и далеко за его пределами.

Саратовская научная психологическая школа обрела в лице Анатолия Лактионовича Журавлева вдохновителя, просветителя, инициатора и организатора многих научных проектов, сопряженных с самыми разными областями психологического знания, среди которых особое место занимают социально-психологические исследования. Помимо искреннего желания выразить огромную благодарность, *целью* данной статьи является анализ ряда историко-психологических фактов и событий, связанных с научной деятельностью А. Л. Журавлева и осмысление их значения для развития социальной психологии в Саратове.

Началом достижения поставленной цели может служить описание важных предпосылок взаимодействия А. Л. Журавлева с Саратовской научной школой посредством сотрудничества с отдельными ее представителями, формировавшихся в течение длительного времени и уже имеющих большую свою историю, к которой он неоднократно и публично выражал свое глубокое уважение.

Становление сотрудничества ИП РАН и саратовской психологической школы

Общая социальная ситуация развития науки в СССР в 1960–1970-е годы способствовала возникновению нового этапа в развитии отечественной психологии. Как отмечал Алексей Алексеевич Понукалин (1938–2016), один из пионеров в становлении высшего психологического образования в Саратовском регионе, в 1960–1970-е годы «развитие теоретической и прикладной психологии достигло высокого уровня в силу востребованности психологического знания в обеспечении эффективной работы оборонных систем страны» (Понукалин, 2012, с. 3). Особенное значение придавалось подготовке специалистов и научно-технических разработок в области инженерной психологии.

Так совпало, что в 1971 г. параллельно с выходом Постановления Президиума Академии наук СССР (от 16.12.1971 г. под № 1079) об организации Института психологии Академии наук СССР (Журавлев, 2021) было открыто и отделение по специальности «психология» в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского (Южанинова, Фролова, 2023). И совсем вскоре после этих событий начала складываться история сотрудничества Института психологии Академии наук СССР, правопреемником которого стал Институт психологии Российской академии наук, и Саратовской психологической школы.

Одним из первых крупных научно-организационных последствий открытия психологического отделения в Саратовском государственном университете (СГУ) явилось создание в 1972 г. лаборатории инженерной психологии,

призванной решать задачи, не уступавшие по своей масштабности и техническим требованиям физическим лабораториям. Возглавить такую научно-образовательную структуру было поручено выпускнику физического факультета А. А. Понукалину. Решение сложных научных проблем в области инженерной психологии способствовало знакомству А. А. Понукалина с Юрием Михайловичем Забродиным (1940–2021), возглавившим в Институте психологии АН СССР в 1972 г. лабораторию психофизики, а с 1975 по 1987 г. работавшим в нем заместителем директора по научной работе. При руководящем участии Ю. М. Забродина в лаборатории инженерной психологии СГУ разрабатывались проблемы биофизики, психоакустики, проектирования специальных приборов, изучались сложные вопросы, связанные с психологией космоса, восприятием шумов в акустических условиях кабины космического летательного аппарата, разрабатывалась теория и практика программ психологической поддержки и разгрузки для космонавтов (Понукалин, 2012, с. 4, 6). Под руководством Ю. М. Забродина в конце 1970–начале 1980-х годов в ИП АН СССР были защищены кандидатские диссертации трех представителей Саратовской психологической школы: А. А. Понукалина, Рашида Хасьяновича Тугушева (1940–2008), возглавлявшего кафедру психологии СГУ с 1988 по 2008 г., и Владимира Витальевича Козачи (1948–2004) (Южанинова, 2018, с. 298, 303).

Сложившийся в 1970–1980 гг. опыт сотрудничества Саратовской научной школы и Института психологии АН СССР послужил опорой для возрождения заложенных традиций и построения новых направлений взаимодействия в первое десятилетие XXI в. при самом непосредственном участии Анатолия Лактионовича Журавлева, начиная с периода его вступления в должность директора ИП РАН (февраль 2002 г.).

Роль А. Л. Журавлева в развитии социальной психологии в Саратове

С конца 1980-х годов в Саратовской научной школе, несмотря на широкий спектр интересов, центральные устремления все больше стали смещаться в сторону развития социальной психологии. Примечательно то, что докторские исследования А. А. Понукалина и В. В. Козачи стали выполняться на границе с социологией. Саратовская научная школа пополнилась новыми кадрами, рассматривавшими предмет психологии в качестве расширявшегося до макропсихологических явлений или изучавшими их влияние на жизнь индивидов. Были защищены докторские диссертации по социальной психологии Раилем Мунировичем Шамионовым (в 2002 г.) и Людмилой Николаевной Аксеновской (в 2008 г.).

Примечательным оказывается тот факт, что работы саратовских коллег по социальной психологии не оставались без внимания А. Л. Журавлева, руководившего в то время лабораторией социальной и экономической психологии и являвшегося директором ИП РАН. По воспоминаниям профессора Л. Н. Аксеновской (из беседы с ней), участвовавшей регулярно с 1997 г. в научных конференциях по проблематике социальной и организационной психологии, проводимых на базе ИП РАН, она однажды была очень приятно изумлена, когда в ходе одного из секционных заседаний А. Л. Журавлев обратился к ней и ска-

зал, что он читал ее труды по психологии управления в организации и ссылался на них, когда готовил свою книгу по управленческому взаимодействию. Ее искренне потрясло то, что ученый, в ведении которого находился процесс решения стольких больших и важных научных, организационных, административных задач большого коллектива, призванного осуществлять в стране производство нового психологического знания высочайшего уровня, был не только в курсе работ отдельных авторов, выполнявших свои исследования географически далеко за пределами возглавляемого им института, но и подробно их читал и знал в деталях.

Профессор Р. М. Шамионов (из беседы с ним) отмечает очень важную роль А. Л. Журавлева в организации науки в Саратовском регионе. Прежде всего, это касается оказания саратовским коллегам методической помощи в освоении достижений фундаментальных научных отечественных школ социальной психологии и психологии субъекта, а также развития дальнейших исследований в опоре на созданную в них теоретико-методологическую базу. Сотрудничество с ИП РАН, осуществляемое при непосредственных контактах и организационных решениях А. Л. Журавлева, во многом служит необходимой поддержкой в функционировании диссертационного совета на базе СГУ, в котором производятся защиты по результатам исследований, выполненных в области социальной психологии.

Огромный научно-редакционный опыт А. Л. Журавлева помогает в развитии публикационной активности представителей Саратовской психологической школы, чьи работы регулярно издаются в сборниках научных трудов, журналах ИП РАН, и прежде всего, в научном журнале «Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология». Взаимодействие с представителями коллектива ИП РАН под научным руководством А. Л. Журавлева способствует совершенствованию деятельности двух саратовских журналов объединенной группы «Известия Саратовского университета», выходящих в формате серий «Акмеология образования. Психология развития» и «Философия. Психология. Педагогика», публикующих работы в том числе по социальной психологии. Здесь же была представлена публикация А. Л. Журавлева совместно с М. И. Воловиковой по новому научному направлению – психология нравственности (Воловикова, Журавлев, 2018).

Библиотеки факультета психологии и факультета психолого-педагогического и специального образования регулярно пополняются новейшими книгами, вышедшими в издательстве ИП РАН. При каждом удобном случае приехавшим с разными задачами в ИП РАН сотрудникам СГУ (в числе которых была неоднократно и я) Анатолий Лактионович старается передать очередную новую партию опубликованных научных трудов. Эти книги активно используются преподавателями и их учениками при создании теоретико-методологической базы новых психологических и социально-психологических исследований, разработке и актуализации лекционных материалов учебных дисциплин, проведении научно-методологических семинаров с аспирантами.

Значительным вкладом А. Л. Журавлева в развитие Саратовской научной школы являлась организация для ее представителей возможностей прохождения научных стажировок на базе ИП РАН. СГУ несколько раз направлял своих

преподавателей для этих целей в ИП РАН. Благодаря участию А.Л. Журавлева, в 2011 и 2012 гг. в возглавляемой им тогда лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН прошли стажировки по актуальным направлениям социальной психологии доцентов психологического факультета СГУ А.Ал. Понукалина-младшего и С.В. Фроловой.

Мое знакомство с Анатолием Лактионовичем произошло как раз во время моей первой стажировки в лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН в 2011 г. И уже тогда я смогла впечатлиться той невероятной плотностью времени, с которой живет, трудится, творит Анатолий Лактионович. Будучи директором Института психологии и руководителем научной лаборатории, работая над новыми монографиями, сборниками, статьями, занимаясь редакторской деятельностью, организуя научные конференции и регулярно действующие семинары, проводя многочисленные деловые встречи, совещания и заседания, он обязательно находил возможность лично пообщаться с каждым, кто приезжал издалека в Институт психологии, и проявлял глубокий интерес к тому, как протекает деятельность научных коллективов в разных городах России.

И первая, и вторая (в 2012 г.) мои стажировки в лаборатории социальной и экономической психологии были призваны решать ряд важных задач, связанных с подготовкой докторской диссертации «Социально-психологическая концепция приверженности личности стране», начало которой положило исследование психологических и социально-психологических факторов возникновения эмиграционных намерений. Руководителем моей первой стажировки выступал доктор психологических наук, профессор А.В. Сухарев, благодаря работам которого мне открылись перспективы использования метода сбора субъективного анамнеза для изучения роли ранних впечатлений от восприятия различных аспектов культуры в формировании личности и социального поведения взрослого человека.

По завершении стажировки Анатолий Лактионович рассмотрел вопрос о предоставлении возможности выступить мне с докладом на заседании лаборатории с целью обсуждения промежуточных результатов проводимого мной исследования и получения очень важного, опытного, экспертного мнения сотрудников научного коллектива. И он принял решение провести такое мероприятие, несмотря на плотный график работы лаборатории и на уже предпусковой период (30 июня). Заседание шло несколько часов, хотя стояла знойная жара. Все присутствовавшие принимали активное участие в обсуждении доклада. По итогам работы мной были приняты очень ценные конструктивные замечания. Конечно же, это заседание было одним из многочисленных в жизни научного сообщества, но оно свидетельствует об очень многом: особом образе жизни его представителей, соответствующем той организационной культуре и традициях, которые во многом формируются, поддерживаются и охраняются личностной силой их руководителя, всецело преданного делу всей своей жизни и верящему в значение подобных рабочих многочасовых встреч и дискуссий (как особых форм научного и социального творчества) для непрерывного процесса производства научного знания, несмотря даже на отсутствие видимого их результата в обозримых перспективах.

Спустя полтора года, благодаря организующим и координирующим действиям А.Л. Журавлева, мне удалось получить разрешение на прохождение еще одной стажировки в лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН для решения новых, открывшихся задач в крупном исследовательском проекте. Основным научным итогом второй стажировки, руководителем которой выступил доктор психологических наук, профессор А.А. Грачев, стало начало концептуализации нового понятия приверженности личности стране, послужившее в дальнейшем основой для построения ряда базовых теоретических положений докторской диссертации.

Продвинуться в дальнейшем разрешении ряда сложных вопросов в определении онтологического статуса, атрибутивного, структурного и функционального анализа феномена приверженности личности стране помогли научные работы и идеи А.Л. Журавлева, посвященные концепции социально-психологического пространства личности (Журавлев, Купрейченко, 2012) и развитию теории В.Н. Мясичева о психологических отношениях в современной социальной психологии (Журавлев, Позняков, 2018; Карпова и др., 2020).

Апробацией результатов моего диссертационного исследования послужило их обсуждение еще на одном заседании лаборатории социальной и экономической психологии, только уже спустя девять лет (2020 г.) после первого приезда в ИП РАН. Все описанные факты показывают важную роль участия сотрудников лаборатории социальной и экономической психологии и лично Анатолия Лактионовича Журавлева в длительном процессе подготовки моей докторской диссертации.

Подводя итоги анализа описанных выше фактов и исторических событий, можно с уверенностью отметить многогранность *организующей, координирующей, просветительской, методологической роли* Анатолия Лактионовича Журавлева в развитии социальной психологии в Саратовском регионе, имеющей *иницирующее* (запускающее активную организационную и содержательную научную деятельность, построение новых теоретических концепций), *«катализирующее»* (способствующее взаимодействию участников научного сообщества и пробуждающее потенциал для новых исследовательских поисков), *фасилитирующее* (помогающее в решении значимых задач) и *протективное* (благоприятствующее осуществлению важных для сохранения и развития группового субъекта процессов) *значение*.

Заключение

В качестве *факторов развития науки* выделяются ее внутренняя логика изменения, социальная ситуация и личность ученого (Марцинковская, 2002). Все эти факторы в то или иное историческое время могут по-разному соотноситься и взаимодействовать между собой, определяя магистральные направления, качество, интенсивность, социальную востребованность и другие параметры развития науки. Особым вариантом интеграции трех основных групп факторов может являться деятельность обладающего особыми личными качествами (прекрасного владения научной мыслью, силой убеждения, способностью выстраивать сотрудничающие отношения и эмоционально заражать научным

интересом, умелого использования накопленного профессионального опыта, заслуженного авторитета и признания) ученого, иницилирующая активность индивидуальных и групповых научных субъектов, направленная не на удовлетворение своих собственных потребностей и осуществление вынашиваемых индивидуальных планов и даже не столько на рост благополучия целых исследовательских коллективов и достижение ситуативных, социально значимых прагматических целей, сколько на нужды и логические требования самого научного знания, переживаемого в качестве некоего «обобщенного субъекта». Это профессиональное и социальное творчество ученого, мотивируемое служением «живому» научному знанию, не имеющему пространственных и временных границ (подобно «живому знанию» в работе С. Л. Франка (2016, с. 633, 639)), но сталкиваемому с экзистенциальными трудностями на пути его постижения целыми поколениями исследователей.

Вариант такой интеграции различных факторов развития психологического знания в виде инициации запуска процессов научного и социального творчества целых коллективов ради служения самому психологическому знанию можно наблюдать в целостной системе профессиональной деятельности Анатолия Лактионовича Журавлева, множество примеров проявления которой были описаны в тексте данной статьи.

Анализ ряда историко-психологических фактов и событий, связанных с научной деятельностью А.Л. Журавлева и взаимодействием с Саратовской научной школой посредством сотрудничества с отдельными ее представителями, показывает многогранность его организующей, координирующей, просветительской, методологической роли, имеющей иницилирующее, протективное, «катализирующее», фасилитирующее значение в развитии социальной психологии в Саратовском регионе. И остается удивительной загадкой то, как, несмотря на высокую плотность времени жизни, наполненной решением многочисленных задач, ему удается владеть ее стремительным потоком и при этом быть постоянно включенным в необъятный поток жизни целого профессионального сообщества, причем с легкостью преодолевая границы пространства и даже времени!

Литература

- Воловикова М. И., Журавлев А. Л. Характеристики нравственной элиты и современные представления о порядочном человеке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. № 1. С. 44–48.
- Журавлев А. Л. История создания Института психологии РАН (Института психологии Академии наук СССР): Лекция. М., 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dJNAZdGqgxo> (дата обращения: 18.11.2021).
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Социально-психологическое пространство личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П., Значение работ В. Н. Мясищева для развития социальной психологии // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 59–68.
- Карпова Э. Б., Исурина Г. Л., Журавлев А. Л. Психологическая концепция отношений В. Н. Мясищева: основы и содержание // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 5–14.

- Марцинковская Т.Д. История психологии: Учеб. пособие для студ. вузов. М.: ИЦ «Академия», 2002.
- Понукалин А.А. Психологическая школа Ю.М. Забродина в СГУ // Проблемы современной психологии: теория, практика, эксперимент: Материалы Юбилейной научно-практической конференции молодых ученых. Саратов: ИЦ «Наука», 2012. С. 3–16.
- Франк С.Л. Предмет знания. М.: Директ-Медиа, 2016.
- Южанинова А.Л. История саратовской психологической школы в лицах. Саратов: ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2018.
- Южанинова А.Л., Фролова С.В. К 50-летию открытия отделения по специальности «психология» в Саратовском государственном университете: история возникновения и научно-организационные последствия // История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии «VII Московские встречи», 01–03 июня 2021 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Ю.В. Ковалева, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 707–718.

A. L. Zhuravlev's Contribution to the Development of social psychology in Saratov scientific school

S. V. Frolova

Sc. D. (psychology), head of the department of general and counseling psychology, Federal state financed educational institution "Saratov State University", Saratov, Russia, frolovasv71@mail.ru

The article focuses on the versatile role that Anatoly Laktionovich Zhuravlev, the academician of the Russian Academy of Science, Professor, played for the development of Saratov scientific school, makes inferences about this role from the analysis and interpretation of a range of significant historical and psychological facts and events related to his research. The author analyzes A. L. Zhuravlev's multi-facet organizing, coordinating, educational, methodologically forming activity that has initiating, protective, "catalyzing", facilitating significance for developing social psychology of psychology in Saratov region. The researcher concludes that A. L. Zhuravlev's research process was a combination of professional and social creativity triggered by his devotion to "live" psychological knowledge that was considered a "generic subject", having its logical requirements and existential needs to overcome any difficulties for its maintenance and development.

Keywords: social psychology, Saratov psychological school, scientific and social creativity, personality factor of a scientist, development of psychological knowledge, the Institute of Psychology of the Russian Academy of Science, Saratov State University, A L. Zhuravlev.

**Анатолий Лактионович Журавлев:
важнейшие этапы научного творчества***

Е. Н. Холодovich

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия, holelena@bk.ru

Представлены основные этапы научной, научно-организационной и преподавательской деятельности академика РАН, доктора психологических наук, профессора, научного руководителя Института психологии РАН Анатолия Лактионовича Журавлева. Его путь в российской психологии насчитывает более 50 лет, подавляющая часть которых, с 1974 г. по настоящее время, отдана служению Институту психологии АН СССР/РАН. В статье дается периодизация его научной деятельности, которая включает несколько этапов: изучение психологических проблем деятельности и личности руководителя, стиля руководства и управления, исследование психологических феноменов первичных коллективов промышленных предприятий, а также исполнительской деятельности; разработка концепции совместной деятельности и коллективного субъекта, его свойств и состояний; изучение динамики социальной психологии личности и группы в условиях радикальных экономических изменений в российском обществе и др. Журавлев стоял у истоков оформления экономической психологии в научную дисциплину. В настоящее время он разрабатывает проблемы методологии и теории психологической науки, истории психологии и др.

Ключевые слова: А. Л. Журавлев, научная, научно-организационная и педагогическая деятельность, социальная психология, психология управления, экономическая психология, коллективный субъект, динамика социальной психологии личности и группы, методология и теория психологии, история психологии.

Анатолий Лактионович Журавлев – известный ученый, первый в истории действительный член Российской академии наук по специальности «психология» (2016 г.). Он автор свыше 900 научных работ. Этапы научной деятельности А. Л. Журавлева впечатляют: руководство лабораторией социальной и экономической психологии с июня 1987 до февраля 2016 г.; с февраля 2002 до января 2018 г. директор Института психологии РАН; действительный член Российской академии наук и Российской академии образования с 2016 года; главный редактор «Психологического журнала» РАН с марта 2003 г. и электронного журнала «Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология» с 2016 г.; член редколлегий и редсоветов многих журналов социо-

* Работа выполнена по Госзаданию № 0138-2023-0001.

гуманитарного направления («Институт психологии РАН. Организационная психология и психология труда», «Национальный психологический журнал» при МГУ им. М. В. Ломоносова, «Российский психологический журнал» при РПО, «Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика», «Психология и психотехника», «Психолог», «Психология. Экономика. Право», «Знание. Понимание. Умение» при МосГУ, «Экспериментальная психология» при МГППУ, «Личность. Культура. Общество» при ИФ РАН и др.); с января 2018 г. научный руководитель ИП РАН и руководитель лаборатории истории психологии и исторической психологии. Имеет многочисленные награды: медаль РСФСР «За трудовое отличие» (1986), медаль «В память 850-летия Москвы» (1997), знак «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (2003), золотую медаль Н. Н. Моисеева «За заслуги в образовании и науке» (2003), Премию имени С. Л. Рубинштейна РАН (2005), орден «Служение и честь» I степени МосГУ (2005), медаль им. Г. И. Челпанова I степени «За вклад в развитие психологической науки» (2007), медаль «За укрепление авторитета российской науки» (2008), почетную медаль «А. П. Чехов 1860–1904» Союза писателей России (2011), премию имени Л. С. Выготского РАО (2018), медаль «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы» Московского отделения Союза писателей России (2021) и др.

С 2012 г. член Бюро Отделения общественных наук РАН, член Научного совета при Отделении общественных наук РАН по изучению динамических явлений в современном российском обществе, член экспертных комиссий РАН по присуждению Медалей им. М. М. Сперанского (в области права), Премий им. М. М. Ковалевского (в области социологии) и С. Л. Рубинштейна (в области психологии).

Председатель специализированных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций при Институте психологии РАН (2000–2022) и при МосГУ (2003–2015).

Член экспертного совета по педагогике и психологии ВАК РФ (2003–2014).

Круг научных интересов А. Л. Журавлева поражает своим масштабом: теория и методология психологической науки, социальная психология, экономическая психология, психология личности, психология труда и управления, история психологии, наукометрия в психологии и другие отрасли!

Анатолий Лактионович Журавлев родился 9 июня 1948 г. в селе Новые Ключи Петровского района Куйбышевской области. Отец, Лактион (Галактион) Павлович Журавлев, столяр по профессии, после тяжелого ранения в 1942 г. поселился в селе Новые Ключи Куйбышевской области, так как родная деревня Новая Мильча под Гомелем (деревня, населенная преимущественно старообрядцами, выходцами из московского региона) была оккупирована немцами. Мать – Полина Кузьминична Журавлева – родилась в селе Новые Ключи. В 1959 г. семья переезжает в г. Гомель. В этом городе Анатолий Лактионович учился и получил первое профессиональное образование: в 1967 г. окончил с красным дипломом Гомельский машиностроительный техникум по отделению «Обработка металлов резанием» и параллельно закончил гомельскую областную очно-заочную среднюю школу. Именно преподаватели этих двух учебных заведений сформировали у него любовь к русскому языку и литературе,

русской культуре в целом и российской истории, с одной стороны, а с другой, конкретность мышления, наблюдательность, склонность к точности и определенности. Проходя 6-месячную производственную практику (июль 1966 — январь 1967 г.) на Гомельском заводе тракторных пусковых двигателей, по специальности «токарное дело», в инструментальном цехе, где работали мастера высокой квалификации, специалисты разных областей, где выпускали единичную продукцию, требующую точности, он наблюдал за организацией производства, и в нем впервые проснулся интерес к организации совместного труда! Именно гомельский период стал для него ключевым и в самоопределении как профессионала. Еще подростком (в начале 7-го класса обучения в 8-летней школе № 20) он был уверен в том, что будет заниматься наукой. Выбор же специальности, хотя и был непростым, между техническими и гуманитарными науками, глубокая склонность и интерес к изучению человека стал решающим.

В 1967 г. Журавлев поступил в Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова на факультет психологии, недавно открытый и проводивший второй набор. При поступлении в университет его интересы колебались между биологией человека и антропологией, с одной стороны, и психологией, с другой, поэтому, поступив на факультет психологии, кафедру общей психологии под руководством Б. Г. Ананьева, он прежде всего увлекся изучением зоопсихологии и сравнительной психологии, физиологии высшей нервной деятельности и происхождением человека. Результатом стала дипломная работа, выполненная под руководством доцента Ю. Г. Трошихиной, «Запоминание объектов по различным признакам у обезьян и детей» (1972). Для ее написания на первом этапе (II и III курсы) Журавлев проводил экспериментальные исследования приматов (макак-резусов), изучал также их поведение, присутствовал на операциях в Институте экспериментальной патологии и терапии Минздрава СССР в г. Сухуми. На втором этапе (IV и V курсы) изучал детей дошкольного возраста г. Ленинграда (младшая, средняя и старшая группы детского сада). Целью работы стало изучение мнемических функций, формирующихся в филогенезе и онтогенезе (запоминание различных признаков объектов — четырех физических характеристик воспринимаемых объектов: местоположения, цвета, формы и величины). Результаты этой работы были включены в монографию и докторскую диссертацию Юлии Георгиевны Трошихиной «Филонтогенез мнемической функции» (Трошихина, 1979).

После окончания университета в 1972—1974 гг. Журавлев работал ассистентом кафедры общей психологии Ярославского государственного университета. Именно там началась его педагогическая деятельность. В 1973 г. он поступил на заочное, а через год перевелся на очное отделение аспирантуры Института психологии АН СССР. В 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию «Стиль и эффективность руководства производственным коллективом», в 1999 г. докторскую диссертацию «Психология совместной деятельности в условиях организационно-экономических изменений», профессор с 2001 г.

Анатолий Лактионович служит в стенах Института психологии Российской академии наук 50 лет: в 1974—1976 гг. — аспирант очного отделения; в 1976—1981 гг. — младший научный сотрудник; в 1981—1986 гг. — старший научный

сотрудник; в 1986—1987 гг. — ведущий научный сотрудник; в 1987—2016 гг. — заведующий лабораторией социальной (позднее — социальной и экономической) психологии; в 2000—2002 гг. — зам. директора по науке; в 2002—2018 гг. — директор Института. С 2018 г. — научный руководитель ИП РАН, руководитель лаборатории истории психологии и исторической психологии, а также научного направления «Социальная, экономическая и политическая психология».

Как уже было отмечено, одним из важных направлений его научной биографии еще на ранних этапах становится педагогическая деятельность, которую он осуществлял в Ярославском государственном университете. В 1990-е годы при Институте психологии был создан Высший психологический колледж, позднее преобразованный в Высшую школу психологии. Здесь Анатолий Лактионович преподавал с 1993 г., продолжительное время читал курс лекций по социальной психологии и спецкурс по психологии управления, осуществлял научное руководство выпускными (дипломными) работами. На факультете психологии ГАУГН А. Л. Журавлев является деканом в течение 20 лет. В стенах этого учебного заведения до 2002 г. Анатолий Лактионович читал общепрофессиональный курс лекций по социальной психологии.

В 1993 г. Анатолий Лактионович стал одним из инициаторов, наряду с профессором А. В. Иващенко и доцентом Ю. Н. Олейником, создания факультета психологии в Институте молодежи (МосГУ). В основу создания факультета была заложена идея объединения усилий образовательного учреждения и института по разработке фундаментальных и прикладных проблем психологии, что способствовало подготовке высокопрофессиональных специалистов в этой области, их сотрудничество продолжается и в настоящее время. Здесь Журавлев возглавил кафедру социальной и этнической психологии. В течение ряда лет (1977—1980 гг.) Анатолий Лактионович читал курс психологических методов руководства в Институте управления народным хозяйством при Совете министров СССР для руководителей высшего звена.

Опыт преподавательской деятельности аккумулирован в издании учебного пособия «Социальная психология» (2002), созданного совместно с его учениками и коллегами по лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН В. П. Позняковым, В. А. Хашенко, Е. Н. Резниковым, С. К. Рошиным, В. А. Сосниным и его учителем Е. В. Шороховой (Социальная психология..., 2002). Под его научным руководством подготовлено свыше 20 кандидатов и 8 докторов наук, которые, в свою очередь, подготовили 27 кандидатов наук. Это говорит об активном развитии научной школы в области социальной и экономической психологии, психологии труда и управления.

В 1970-е годы А. Л. Журавлев изучал психологические проблемы деятельности и личности руководителя, организации и управления. С полной уверенностью его можно назвать одним из основателей отечественной психологии управления как отрасли психологической науки: им разработаны психологические основы концепции управленческого взаимодействия, предложена модель стиля руководства трудовым коллективом, психологические типы стиля руководства. Результаты этой работы были изложены в книге А. Л. Журавлева, В. Ф. Рубахина, В. Г. Шорина «Индивидуальный стиль руководства производственным коллективом» (Журавлев и др., 1976).

В 1979 г. А. Л. Журавлев предложил второй вариант авторского опросника для определения индивидуального стиля руководства, получившего многочисленные модификации. Первый вариант опросника был создан и апробирован в процессе подготовки кандидатской диссертации в 1974–1975 гг. Сокращенный же вариант опросника (под редакцией А. Л. Журавлева и В. П. Захарова) включен в методическое руководство по диагностике социально-психологических явлений «Методы и методология социально-психологических исследований» (Методы и методология..., 2023).

В 1970–1980-е годы он активно участвовал в организации и развитии психологической и социальной службы промышленных предприятий: «Курган-прибор» (стала одной из ведущих служб страны того времени), Карачаровский механический завод, Опытный ремонтно-механический завод «Мосремстрой-маш», Московский инструментальный завод «Калибр».

В 1980-е годы основным предметом научных исследований А. Л. Журавлева являлись психологические феномены трудовой деятельности первичных коллективов промышленных предприятий. Он проявил интерес и к исследованиям исполнительской деятельности: ее структуре и личности исполнителя. Результатом этого стало формулирование психологической концепции совместной деятельности и ее коллективного субъекта – концептуальная модель совместной деятельности, ее отличительные признаки и формы организации, структура, предложена типология совместной деятельности и ее влияние на трудовой коллектив. В дальнейшем это способствовало применению Журавлевым системного подхода в рамках социальной, экономической и организационной психологии.

На этом же этапе продолжились его разработки оригинального подхода в области психодиагностики стиля руководства и управления социально-психологическим климатом трудового коллектива. Результаты этих работ представлены в коллективной монографии «Совместная деятельность: Методология, теория, практика», где аккумулированы научные итоги деятельности сектора социальной психологии ИП АН СССР в данном направлении за период около десяти лет (Совместная деятельность..., 1988).

В 2005 г. выходит индивидуальная монография А. Л. Журавлева «Психология совместной деятельности», которая включала в себя результаты многолетних теоретических, эмпирических и практических разработок феномена совместной деятельности, в которой показаны различные формы ее организации и социально-психологические особенности ее изучения, обоснована целостная концепция совместной деятельности и коллективного субъекта и др. (Журавлев, 2005).

Под руководством Журавлева реализуются исследования коллективного субъекта, его свойств и состояний, проявляющихся на различных по своим характеристикам группах. Эти исследования сделали возможным предложить различные способы переориентирования современной практической психологии: переход от коррекции отклонений к позитивному развитию жизнедеятельности людей в социальных группах и выявлению их ресурсов.

В 1990-е годы в сферу научных интересов ученого входит динамика социальной психологии личности и группы в условиях радикальных экономичес-

ких изменений в российском обществе. Под его научным руководством были проведены конкретные исследования социально-психологических закономерностей становления и развития российских предпринимателей, полученные результаты обобщены в совместных с В. П. Позняковым публикациях, в частности в отдельном издании «Деловая активность предпринимателей: методы оценки и воздействия» (Журавлев, Позняков, 1995). Изучение различных форм изменений ценностных ориентаций личности, социальных представлений об экономических явлениях, отношений к собственности нашли свое отражение в коллективной монографии «Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений» (Социально-психологическая динамика..., 1998). В ней были представлены результаты исследования, выявившие параллели в динамике социальной психологии личности и группы в российском обществе в 1990-е годы и в период НЭПа в 1920-х годах. Итогом 20 лет работы в этом направлении, начиная с января 1992 г., стала монография «Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений» (Журавлев, Позняков, 2012).

Журавлев внес весомый вклад в становление в нашей стране экономической психологии, по сути, он является одним из инициаторов ее оформления как значимой научной дисциплины в системе психологического знания. На начальном этапе была представлена теоретическая концепция в сборнике научных трудов 1999 г. «Социальная психология экономического поведения». Эта коллективная работа была отобрана на конкурс к 275-летию Российской академии наук, вызвав интерес не только у психологов, но и социологов, и экономистов своим междисциплинарным содержанием. Результаты экономико-психологических исследований, выполненных при непосредственном участии А. Л. Журавлева и под его научным руководством, были представлены затем в двухтомном коллективном труде «Проблемы экономической психологии» (2004, 2005). В нем предлагается концепция зонального взаимодействия социально-психологических и социально-экономических феноменов, место новой научной дисциплины в системе наук, очерчен ее междисциплинарный статус, раскрыты новые научные направления: нравственно-психологическая регуляция экономической активности личности и социальной группы, экономическое самоопределение индивидуального и группового субъекта в новой социально-экономической среде и др. (Проблемы экономической психологии, 2004, 2005). В книге представлен срез многосторонних исследований состояний человека и группы в условиях экономических реформ с начала 90-х годов XX в., в целом состояние экономической психологии и т. д.

Одной из важнейших научных проблем, которая решалась Журавлевым в период 2000-х годов, является феномен «самости», в котором наиболее ярко проявляются психологические характеристики личности и группы. «Самость», по мнению Журавлева, выступает как действенное начало в человеке, определяющее его действия и поступки, отношения и представления, деятельность и поведение в целом. Исследование данного феномена шло активно в 2000-е годы на примере разных видов самоопределения: его понимание и теоретическое осмысление. Изучалось соотношение самоопределения с другими феноменами «самости» — самоутверждением, саморазвитием, самооценкой, самореализаци-

ей, самодетерминацией и др. С точки зрения К. К. Платонова, «самость» — это суть личности. Журавлев же обосновал феномен «самости» в качестве важнейшей характеристики группы, наряду с личностью, прежде всего, в форме групповой саморефлексии.

С 2000-х годов А. Л. Журавлев активно развивает методологию и теорию психологической науки (Костригин, Журавлев, 2022), что отражено в выполненных совместно с известными коллегами (В. А. Кольцовой, А. В. Юревичем, Е. А. Сергиенко) большой серии работ: «Теория и методология психологии» (2007), «Методология комплексного человекознания» (2008), «Прогресс в психологии» (2009), «Субъектный подход в психологии» (2009), «Парадигмы в психологии» (2012), «Взаимоотношения исследовательской и практической психологии» (2015), «Принцип развития в современной психологии» (2016). Этому направлению в настоящее время он уделяет большое внимание. С его активным участием подготовлены и изданы «Психологическое знание» в 3 томах (2018, 2019, 2022), «Новые тенденции и перспективы психологии» (2019), организован и реализован совместно с Е. А. Сергиенко 3-томный труд «Разработка понятий современной психологии» (2018, 2019, 2021) на основе обобщения исследований ИП РАН, отражающий системно-сетевую организацию современных понятий в психологической науке. В этих работах огромное значение имеет анализ соотношения фундаментальных и прикладных направлений науки, исследовательской и практической психологии, проблемы развития психологического знания, категориального строя современной психологии и т. д.

Совместно с ведущими учеными Журавлев сумел сохранить Институт психологии РАН и его коллектив в непростое для науки время реформ РАН и взаимодействия с ФАНО РФ и даже вывести его на новый уровень научной работы, реализовать ряд крупных научных проектов, развить научно-исследовательскую и научно-издательскую деятельность и др. При его непосредственном участии проводятся оригинальные исследования по психологии некоторых остро актуальных социальных явлений современного общества в целом. Начиная с 2010-х годов, выполнены циклы работ по психологии нравственности, проявлениям коррупции, распространению терроризма, социально-психологическим проблемам города, ведется изучение процессов, имеющих глобальный характер: массовое сознание и поведение, психологические факторы геополитических отношений, социально-психологические факторы стратегической стабильности и ядерного сдерживания и др.

Еще одна сфера научных интересов А. Л. Журавлева, активно развиваемая им в настоящее время, — история психологии и историческая психология. Это, во-первых, реализация персонологического подхода в истории психологии (Журавлев, 2022а, б). Им выполнены историко-психологические исследования научного творчества свыше 20 персоналий, среди которых преимущественно его учителя: Б. Г. Ананьев, Л. И. Анцыферова, В. Г. Афанасьев, В. М. Бехтерев, В. А. Бодров, А. В. Брушлинский, Е. А. Будилова, Е. А. Климов, В. Ю. Крылов, Е. С. Кузьмин, Б. Ф. Ломов, В. Н. Мясищев, К. К. Платонов, Я. А. Пономарев, В. А. Пономаренко, В. Ф. Рубахин, Е. В. Шорохова и др. Во-вторых, история зарождения и развития научных организаций, раскрытая на примере анализа 50-летнего пути Института психологии РАН. В-третьих, исследование науч-

ных событий, значимых для развития психологической науки в целом: значение Всесоюзной конференции университетских психологов на базе ЛГУ (1947 г.), дискуссии о предмете социальной психологии конца 1950—начала 1960-х годов, роли «Павловской сессии» (1950 г.) в становлении послевоенной психологии, влияния «Совещания по психологии» 1952 г. на ее дальнейшее развитие и др. В-четвертых, Журавлев принимает непосредственное участие в становлении наукометрического подхода в историко-психологических исследованиях (Костригин, Журавлев, 2022). В-пятых, он также активно участвует в формировании современного психологического сообщества историков психологии и исторических психологов, способствует развитию истории психологии в различных регионах России (Владимир, Казань, Нижний Новгород, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Тверь, Ярославль и др.).

В конце 2018 г. А. Л. Журавлев возглавил лабораторию истории психологии и исторической психологии РАН в трудный для нее период, когда ушла из жизни ее основатель профессор В. А. Кольцова. Журавлеву удалось вдохнуть в лабораторию новую научную жизнь и задать вектор активного развития (Журавлев, Холондович, 2022). На базе лаборатории работает семинар «История психологии в лицах и событиях», регулярно проходят открытые заседания лаборатории, на которых сотрудниками и приглашенными специалистами обсуждаются актуальные проблемы истории психологии и исторической психологии.

Являясь последователем Московско-Ленинградской школы психологии, Анатолий Лактионович помнит и чтит своих университетских и институтских учителей: Б. Г. Ананьева, Б. Ф. Ломова, В. Н. Мясищева, Е. С. Кузьмина, В. Ф. Рубахина, Е. В. Шорохову, К. К. Платонова, Я. А. Пономарева, Л. И. Анцыферову и др. Он заботится о сохранении и приумножении бесценного наследия, оставленного нам блестящим поколением этих ученых. Ему принадлежит заслуга по разработке и активному внедрению в психологическую науку системного и комплексного подходов, представлений о коллективном субъекте, значимости междисциплинарных исследований в психологической науке, на примере анализа стадий развития психологии управления и экономической психологии им выделены универсальные критерии становления прикладных отраслей психологии, рассмотрены социально-психологические аспекты проблем геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI в., геополитических отношений в современном мире, массового сознания и поведения, противодействия коррупции, социальных конфликтов в обществе, глобальных рисков, влияния пандемии на личность и общество и др. По каждому из перечисленных научно-практических направлений им были организованы крупные исследования и реализована подготовка и издание авторских и коллективных монографий.

А. Л. Журавлев — личность с большими организаторскими и управленческими способностями, умением принимать взвешенные решения, с высоким социальным интеллектом, которая берет на себя ответственность и руководство новыми научными направлениями в сложных условиях, например: психологические проблемы становления предпринимательства в реформируемой российской экономике, психологические механизмы адаптации населения к проживанию на радиоактивно загрязненной территории в результате аварии

на ЧАЭС, динамика интереса к информации о коронавирусе у населения России, психологические особенности поведения личности и группы в условиях глобальных рисков разного содержания. Ему присущ обширный уровень знаний, необыкновенная эрудиция и широкий круг интересов в различных направлениях науки и культуры. Научное мышление Журавлева характеризуется основательностью, историчностью, системностью и необыкновенной широтой анализируемых вопросов. Его отличает высокий уровень обобщений, умение интегрировать различные идеи и находить рациональное зерно в неочевидных проектах и результатах начинающихся исследований, чувствовать логику развития науки и требования исторического времени. Глубокий и строгий анализ, с вниманием к самым незначительным, но очень значимым деталям, сочетается с целостностью охвата и видения проблемы. По мнению М. Г. Ярошевского, именно способность к дифференциации и интеграции отличает творческое мышление научных лидеров, каковым и является А. Л. Журавлев в ИП РАН. Вызывает уважение его способность чувствовать и слышать людей, распознать в них скрытые возможности и ресурсы, воспитывать и обучать молодых ученых. Он является ярким представителем научной школы Института психологии РАН, достойным продолжателем научных идей Б. Г. Ананьева и В. Н. Мясищева, Е. С. Кузьмина и К. К. Платонова, Б. Ф. Ломова и Е. В. Шороховой. Он болеет всей душой за отечественную науку и делает всё, что в его силах, для ее продвижения!

Литература

- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Журавлев А. Л.* Воспоминания о Е. В. Шороховой: личность ученого (к 100-летию со дня рождения) // Ярославский педагогический вестник. 2022а. № 4 (127). С. 108–116.
- Журавлев А. Л.* Воспоминания о профессоре В. С. Филатове и моем распределении в Ярославский госуниверситет // Вестник ЯрГУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2022б. Т. 16. № 3. С. 524–542.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Деловая активность предпринимателей: методы оценки и воздействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* О взглядах Б. Ф. Ломова на проблемы социальной психологии // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 1. С. 8–14.
- Журавлев А. Л., Рубахин В. Ф., Шорин В. Г.* Индивидуальный стиль руководства производственным коллективом. М.: ИУНХ, 1976.
- Журавлев А. Л., Холондович Е. Н.* Основные направления научно-исследовательской работы лаборатории Истории психологии и исторической психологии ИП РАН в 2017–2021 гг. // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 4. С. 5–14.
- Костригин А. А., Журавлев А. Л.* Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению методологии психологии в 2002–2021 гг. // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 134–155.

- Методы и методология социально-психологических исследований: Учеб. пособие / Под ред. Л. Г. Почебут, С. Д. Гуриева, В. А. Чикер. СПб.: Питер, 2023.
- Проблемы экономической психологии. Т. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев и А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Проблемы экономической психологии. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев и А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Почебут Л. Г., Журавлев А. Л.* К 60-летию дискуссии о предмете социальной психологии // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 3. С. 99–109.
- Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергеевко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Совместная деятельность: методология, теория, практика / Отв. ред. А. Л. Журавлев и др. М.: Наука, 1988.
- Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред.: А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Социальная психология экономического поведения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1999.
- Социальная психология: Учеб. пособие / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.
- Теория и методология психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Трошихина Ю. Г.* Филонтогенез мнемической функции: Дис. ... докт. психол. наук. Л., 1979.

Anatoly Laktionovich Zhuravlev: the most important stages of scientific creativity

E. N. Kholondovich

PhD, senior research officer, head of the laboratory of history of psychology and historical psychology, Federal State Financed Establishment of Science Institute of psychology, Russian Academy of sciences, Moscow, Russia

The article presents the main stages of the scientific, scientific-organizational and teaching activities of Anatoly Laktionovich Zhuravlev, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Psychology, Professor, Scientific Director of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. His path in Russian psychology spans more than fifty years, the vast majority of which, from 1974 to the present, has been devoted to serving the Institute of Psychology of the USSR Academy of Sciences/RAS. The article gives a periodization of his scientific activity, which includes several stages: the study of the psychological problems of the activity and personality of the leader, the style of leadership and management, the study of the psychological phenomena of the primary teams of industrial enterprises, as well as performing activities; development of the concept of joint activity and the collective subject, its properties and states; the study of the dynamics of the social psychology of an individual and a group in the context of radical economic changes in Russian society, etc. Zhuravlev stood at the origins of the formation of economic psychology into a scientific discipline. Currently, he is developing problems of methodology and theory of psychological science, the history of psychology, etc.

Keywords: A. L. Zhuravlev, scientific, scientific-organizational and pedagogical activity, social psychology, management psychology, economic psychology, collective subject, dynamics of social psychology of personality and group, methodology and theory of psychology, history of psychology.

**МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
И ЕЕ ПРИКЛАДНЫХ ОТРАСЛЕЙ**

Трансформация системы основных социально-психологических понятий в отечественной психологической науке

Н. А. Власов

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики, Российский государственный социальный университет, Россия, Москва, vlasovna@rgsu.net

Рассмотрена трансформация системы основных понятий отечественной социальной психологии с начала XX в. по настоящее время. Выделены базовые концепты социальной психологии дореволюционного периода («душевные явления», «группа», «психология толпы», «психология классов и сословий», «психология народов»), науки 1920-х годов («поведение», «психические процессы», «коллектив», «класс», «группа», «масса», «толпа»), 1960–1990 гг. («личность», «групповая деятельность», «общение», «социальная группа», «коллектив») и современного этапа («личность», «деятельность», «группа», «общение», «социальное состояние», «атрибуция», «социальные верования» и «аттитюды») развития этой науки в нашей стране и показаны их изменения в зависимости от трансформации идеологического, философско-научного и конкретно-научного уровней контекста ее возникновения и развития.

Ключевые слова: история психологии, история понятий, концептуальная история, социальная психология, система психологии.

Введение

Как известно, понятие (концепт) является закрепленным в языке конструктом, объединяющим ряд объектов на основании общности их признаков. В работах М. С. Роговина, К. К. Платонова, А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского обосновывается значимость изучения понятийно-категориального аппарата психологии как стратегии саморефлексии этой науки.

Продолжая известную мысль Л. Витгенштейна о том, что границы нашего языка означают границы нашего мира (Витгенштейн, 2010), можно утверждать, что лишь то в науке существует, что находит отражение в соответствующих понятиях, а в силу того, что основной целью любой науки является познание реальности, то, следовательно, наука «видит» то, что закреплено в используемых ей концептах. Модное нынче в социально-гуманитарных дисциплинах слово «оптика» предполагает использование различных «линз», в роли которых и выступают понятия. Таким образом, понятия становятся теми призмами, через которые в глазах ученых преломляется реальность и отражается в создаваемых ими моделях.

Как и иные элементы языка, понятия не имеют навсегда закрепленных значений. В работах немецкой школы истории понятий (Р. Козеллек и др.) показано, что на семантический аспект концептов влияют социально-политические условия их возникновения и существования. Изменения политического строя, культуры и общества в целом порождают трансформацию значений понятий, демонстрируя их социальную обусловленность. Представители Кембриджской школы истории политической мысли (Дж. Покок, К. Скиннер и др.) в своих работах показывают небольшую роль автора в вопросах генерации смыслов концептов: интеллектуал как бы «конденсирует» то, что присутствует с общим социальным полем его эпохи. В этом смысле влиятельные тексты, хоть и созданы конкретными людьми, выражают коллективное мнение тех или иных общественных групп и зачастую существуют затем уже в некотором отрыве (порой значительном, как это было в случае марксизма в нашей стране) от авторского замысла. Как тут не вспомнить про «смерть автора» Р. Барта...

Однако вернемся к психологии, а точнее, к социальной психологии. Как известно, этот раздел современной «науки о душе» имел драматичную историю в нашей стране – почти 30-летний перерыв с начала 1930-х до конца 1950-х годов. Как и в случае с психологией вообще, сложность ее пути была связана с идеологическими причинами (Парыгин, 2003). Да, социальной (или общественной, коллективной) психологии пришлось непросто, она фактически была запрещена в годы сталинизма, но ей в чем-то повезло больше, чем, скажем, педологии или психотехнике.

Исторический путь социальной психологии нашел свое отражение в системе используемых ей понятий. Можно проследить ее трансформацию на четырех основных этапах развития этой отрасли психологической науки в нашей стране: дореволюционный период, 1920-е годы, 1960–1990 гг. и с 1991 г. по настоящее время. В данной статье мы рассмотрим в самом общем виде, как видоизменялась система базовых социально-психологических понятий в зависимости от трансформации социально-политического, философско-научного и конкретно-научного уровней контекста ее развития.

Система понятий социальной психологии в дореволюционной России

Годом «рождения» социальной психологии как отдельной дисциплины принято считать 1908 г., когда одновременно в Великобритании и США вышли книги с соответствующими названиями. В царской России западные нововведения воспринимались с некоторым отставанием, поэтому в учебниках по психологии А. Ф. Лазурского и Г. И. Челпанова данный раздел психологической науки не упоминается (зато упоминаются зоопсихология, психология ребенка, физиологическая и патологическая психология).

Однако в книге «Психология без всякой метафизики» А. И. Введенского, второе издание которой вышло в Петрограде в 1915 г., выделена коллективная психология, «изучающая те видоизменения, которым подвергаются душевные явления у большей или меньшей группы лиц оттого, что они соединились в одно организованное или неорганизованное целое (психология толпы, психология классов и сословий, психология народов и т. п.)» (Введенский, 1915, с. 5). В этом

определении мы можем увидеть ряд базовых понятий социальной психологии, как они тогда виделись автору (и, если опираться на точку зрения представителей Кембриджской школы истории политической мысли, ряду других психологов). Эти понятия — «душевные явления», «группа», «психология толпы», «психология классов и сословий», «психология народов». Связность указанных концептов достигается за счет того, что социальная психология изучает «душевные явления» общностей людей — «групп», «толп», «классов и сословий» и «народов», причем эти общности также оказываются связанными между собой по принципу включения одной в другую.

Почему ученый выделил именно такие понятия? «Душевные явления» как объект изучения являлись общепризнанным в отечественной психологии того времени, в то время как познание сущности души было отдано на откуп философии и теологии. «Психология толп» и «психология народов» были позаимствованы у французских (Г. Тард, Г. Лебон, О. Кабанес) и немецких (В. Вундт) ученых, соответственно. Идеологические веяния времени нашли отражения в двух понятиях — «психологии классов и сословий» (социализм с его классово-вой борьбой) и «психологии народов» (национализм, всплеск которого пришелся в указанные годы с началом Первой мировой войны).

Система понятий социальной психологии в 1920-е годы

В 1920-е годы и в начале 1930-х социальная психология довольно активно развивалась в СССР. Согласно К. Н. Корнилову, существуют коллективные формы поведения (причем он поведение трактует явно расширительно, включая в него, например, симпатию и чувство вражды), «которые возникают и осуществляются в коллективе, а также поведение различных коллективов в целом и изучает социальная психология» (Элементы социальной психологии, 1930, с. 3).

Б. Е. Варшава и Л. С. Выготский указывают, что «социальная психология — массовая психология, изучающая психологию социальных групп путем исследования социального содержания психических процессов и социальных форм поведения» (Варшава, Выготский, 2008, с. 201). Авторы указывают, что социальная психология, опирающаяся на теорию исторического материализма, трансформируется в классовую психологию, которая «исследует психологию общественных классов, общественное поведение человека в условиях классового расслоения общества» (там же, с. 108). В том же источнике дается и определение понятия «коллективная психология»: «...изучает коллективное поведение массы, толпы, общественных группировок, организаций и т. д.» (там же).

Суммировав вышеизложенное, получаем систему понятий социальной психологии 1920-х годов, в которой увязанными воедино оказываются такие концепты, как «поведение», «психические процессы», «коллектив», «класс», «группа», «масса», «толпа». Как и в дореволюционный период, понятия образуют как бы две большие группы, связанные между собой и внутри себя — это психические явления («поведение», «психические процессы») и общности («коллектив», «класс», «группа», «масса», «толпа»). Однако есть и отличия: понятие «душевные явления» заменяется понятиями «поведение», «психические

процессы» (ясное дело, откуда в материалистическом Советском Союзе может быть «душа?»), исчезает также концепт «психология народов», видимо, по причине его идеологического несоответствия духу времени (если народы равны, то и их психологии должны быть равны, — тогда «психология народов» как вариант сравнительной психологии теряет смысл).

1920-е годы были годами марксистской перестройки психологии. На уровне идеологии марксизм, вскоре названный марксизмом-ленинизмом, занял доминирующее положение, что видно в использовании таких понятий в социальной психологии, как «исторический материализм». Коллективизм и классовый подход выходят на передний план в различных науках, не только в психологии. Наконец на уровне самой психологии, в которой в двадцатые годы развернулись бои между идеализмом и марксизмом, закончившиеся победой последнего, центральным, узловым понятием (категорией) стало «поведение» (Богданчиков, 2014), что видно и в случае социальной психологии.

Начиная с 1930-х годов и по конец 1950-х социальная психология будто исчезает — ее не столько запрещают напрямую, как это было в случае с педологией, сколько обходят молчанием. Так, в ряде немногочисленных в те годы учебников среди различных отраслей психологической науки она не упоминается вовсе.

Система понятий социальной психологии в 1960–1990-е годы

Возрождение отечественной социальной психологии началось в конце 1950-х годов, однако первые полноценные монографии стали выходить уже в шестидесятых. В работе «Социальная психология как наука» Б. Д. Парыгин вводит ряд базовых для этой науки понятий — «личность», «групповая деятельность», «общение», «социальная группа» (Парыгин, 1965, 1971). В монографии Е. С. Кузьмина «Основы социальной психологии» к ним добавляется концепт «коллектив» (характерный для предыдущего этапа развития социальной психологии в нашей стране и входящий в состав более широкого понятия «группа»). В целом, указанные базовые понятия встречаются также и у других ученых (А. А. Бодалев, К. К. Платонов, Г. М. Андреева и др.), и они относятся именно к социальной психологии.

Системный характер «сетки» предложенных базовых понятий обеспечивается связями между ними: индивид становится «личностью» в результате «общения» и «деятельности» в «социальной группе», «общение» (людей) возможно лишь между «личностями» в «группе», зачастую в процессе «деятельности», «деятельность» же осуществляется «личностями» в том числе при помощи «общения» между членами «группы», а «группа» состоит из «личностей», осуществляет совместную «деятельность» (особенно если речь идет о «коллективе»), которое невозможно представить без «общения».

Если сравнить эту систему социально-психологических понятий и систему 1920-х годов, то сложно не заметить разительные перемены в ее составе: к «социальной группе» и «коллективу» добавились концепты «деятельность» («поведение» после рефлексологической и реактологической дискуссий перестало быть узловым понятием, а благодаря трудам С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева на передний план в отечественной психологии после окончания Ве-

ликой Отечественной войны вышел именно этот концепт), «личность» (в сталинские годы это понятие слишком отдавало... персонализмом) и «общение» (как еще один вид социального поведения, «скрепляющего» отдельных людей в группы, а также под влиянием активно развивавшейся в те годы теории информации и кибернетики), зато исчезло понятие «класс» (в эпоху «развитого социализма» декларировалось существование бесклассового общества).

Современная система понятий отечественной социальной психологии

Анализ современных (выпущенных в 2000-х годах) работ, в особенности учебников (Гулевич, Сариева, 2023; Парыгин, 2003) и словарей (Энциклопедический психологический словарь-справочник, 2021), позволяет увидеть существенное расширение системы базовых понятий российской социальной психологии после 1991 г. Как и ранее, мы можем встретить такие концепты, как «личность», «деятельность», «группа», «общение». Однако в учебнике Б. Д. Парыгина добавлено понятие «состояние» (в объем которого входят в том числе понятия «общественное настроение» и «социально-психологический климат») (Парыгин, 2003), в учебнике О. А. Гулевич и И. Р. Сариевой присутствует концепт «социальное познание» (связан с понятиями «социальная категоризация», «атрибуция», «ценности», «социальные верования» и «аттитюды») (Гулевич, Сариева, 2023).

Изменения в системе понятий отечественной социальной психологии были вызваны общими социально-политическими изменениями в стране, переходом от горбачевской перестройки к либерализации «лихих 90-х». Отказ от идеологии марксизма-ленинизма и диалектического и исторического материализма в науке привели к потере ориентиров в социальных и гуманитарных дисциплинах, наиболее идеологически зависимых и «нагруженных». Еще вчера «самая передовая» советская наука, в том числе психологическая, оказалась перед проблемой интеграции в мировое научное сообщество, следствием чего стало изменение исследовательских акцентов, проявившееся в системе базовых понятий.

Столь родной для многих советских социальных психологов концепт «коллектив» теряет свою значимость, встречается в литературе все реже (кажется, это теперь анахронизм, рудимент советских времен). Настроения в обществе меняются, происходят социальные взрывы в 1991 и 1993 гг. — и это находит отражение в таких понятиях, как «общественное настроение» и «социально-психологический климат». Наконец, влияние западной социальной психологии, особенно французской и американской, проявляется в выходе на передний план таких концептов, как «социальная категоризация», «атрибуция», «ценности», «социальные верования» и «аттитюды» (не то чтобы в отечественной психологии эти предметные поля не разрабатывались — нет, конечно, разрабатывались, но на передний план выходили не всегда, и для их обозначения могли использоваться иные термины). Таким образом, отечественная социальная психология оказалась чутким барометром постперестроечных изменений в обществе и науке, что видно на примере изменения в системе ее базовых понятий.

Заключение

В статье была рассмотрена трансформация системы основных понятий отечественной социальной психологии.

Российская дореволюционная социальная психология оперировала понятиями «душевные явления», «группа», «психология толпы», «психология классов и сословий», «психология народов», что отражало и дух времени (социалистические настроения в обществе), и идеологию (свойственный православии идеализм), и влияние западной науки (французской и немецкой психологии).

Система понятий советской социальной психологии 1920-х годов включала в себя такие концепты, как «поведение», «психические процессы», «коллектив», «класс», «группа», «масса», «толпа», она также несла на себе отпечаток времени – попытки марксистской перестройки психологии на основе поведенческого подхода, коллективизма как элемента социалистической идеологии и обострения классовой борьбы и т. п.

Для системы понятий социальной психологии 1960–1990-х годов было свойственно «пробуждение» после почти тридцатилетней «спячки» (которая, впрочем, была не столько «спячкой», сколько скрытой от глаз внутренней работой), что и привело к выдвиганию на передний план таких концептов, как «личность», «групповая деятельность», «общение» при сохранении значимости понятия «коллектив», что говорит и об идеологической преемственности, и о расширении предметного и проблемного полей данной дисциплины.

Современная система понятий отечественной социальной психологии зародилась в 1990-е годы в ходе катастрофических изменений в советском обществе, трансформации его в постсоветское. Как и во многом другом, в отечественных социальных и гуманитарных науках видна попытка интеграции отечественных и зарубежных методологических подходов и теорий; теряет свое значение несущий марксистский отпечаток концепт «коллектив», зато приобретают значимость такие понятия, как «атрибуция», «социальные верования» и «аттитюды».

Очевидно, что в столь небольшой по объему статье невозможно дать развернутый и глубокий анализ изменений в системе понятий отечественной социальной психологии за весь XX век, но даже на примере такого малого количества понятий (из десятков возможных) было показано, что базовые концепты, используемые этой дисциплиной, были и остаются зависимыми от идеологического, философско-научного и конкретно-научного уровней контекста ее возникновения и развития.

Литература

- Богданчиков С. А.* История советской психологии. 1920–1930-е гг. М.: Директ-Медиа, 2014.
- Варшава Б. Е., Выготский Л. С.* Психологический словарь. СПб.: Тропа Троянова, 2008.
- Введенский А. И.* Психология без всякой метафизики. Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1915.
- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: АСТ, 2010.
- Гулевич О. А., Сариева И. Р.* Социальная психология: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2023.

- Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.
- Парыгин Б. Д. Социальная психология как наука. Л.: ЛГУ, 1965.
- Парыгин Б. Д. Социальная психология (учебное пособие). СПб.: СПбГУП, 2003.
- Элементы социальной психологии. Сборник статей / Под ред. К. Н. Корнилова. М.: Издание бюро заочного обучения при М. П. И., 1930.
- Энциклопедический психологический словарь-справочник: 1000 понятий, определенных, терминов / Под ред. С. Л. Кандыбовича, А. Д. Короля, Т. В. Разиной. Минск: Харвест, 2021.

Transformation of the system of basic socio-psychological concepts in Russian psychological science

N. A. Vlasov

PhD psychol. sci., associate prof. of Department of Psychology, Conflictology and Behavioral Sciences, Russian University of State for Social, Moscow, Russia, vlasovna@rgsu.net

The article briefly discusses the transformation of the system of basic concepts of Russian social psychology from the beginning of the twentieth century to the present. The basic concepts of social psychology of the pre-revolutionary period (“mental phenomena”, “group”, “crowd psychology”, “psychology of classes and estates”, “psychology of peoples”), 1920s (“behavior”, “mental processes”, “collective”, “class”, “group”, “mass”, “crowd”), 1960–1990 (“personality”, “group activity”, “communication”, “social group”, “collective”) years and the current stage (“personality”, “activity”, “group”, “communication”, “social condition”, “attribution”, “social beliefs” and “attitudes”) of the development of this science in our country and shows their changes depending on the transformation of ideological, philosophical, scientific and specifically-scientific levels of the context of its origin and development.

Keywords: history of psychology, history of concepts, conceptual history, social psychology, system of psychology.

Будущее социальной психологии в междисциплинарном измерении

А. А. Кriuлина

доктор психологических наук, профессор, профессор Курского государственного университета, г. Курск, Россия, anitim@list.ru

Перспективные направления исследований в социальной психологии анализируются в контексте развития всего научного познания и постнеклассического его этапа. Предложены четыре человекосоразмерных объекта междисциплинарных исследований, задающие векторы актуальных социально-психологических исследований в ближайшем будущем. Содержательное описание каждого направления включает проблемное поле приложения усилий социальных психологов, а также возможности решения названных проблем в виде их предпосылок или прототипов.

Ключевые слова: междисциплинарная интеграция, постнеклассическая наука, человеческий капитал, городское пространство, социальные представления.

Обоснованный анализ будущего социальной психологии, на наш взгляд, возможен только в контексте будущего самой науки. Идею о единой науке будущего К. Маркс высказал еще в 1844 г., определив на долгие годы вперед контекст развития всего научного познания, в том числе и психологического. «Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука» (цит. по: Кедров, 1985, с. 12).

Разделяя эту идею, философ Б. М. Кедров определил механизм ее реализации, выявляя разные виды интеграции наук, считая, что тенденция к интеграции становится доминирующей. Так, цементацию, фундаментацию и стержнизацию, характерные для естественных наук, он назвал внутренним синтезом наук, подкрепив свои идеи конкретными примерами. Научная и методологическая эрудиция Б. М. Кедрова позволили ему также изучить взаимосвязи естественных, гуманитарных и технических наук, которые он назвал внешним синтезом. Заметим, что современными синонимами двух видов синтеза являются понятия «внутридисциплинарный синтез» и «междисциплинарный синтез» («междисциплинарная интеграция»).

Предсказание обозримого будущего социальной психологии целесообразно делать на основе парадигмы В. С. Степина – классика, неклассика, постнеклассика. Как показали его исследования научной рациональности, в ходе четвертой глобальной научной революции родилась новая постнеклассическая наука, сменившая предыдущие два этапа – неклассический и классический. Наряду с продолжающимися дисциплинарными исследованиями начались междис-

циплинарные и проблемно-ориентированные исследования (Степин, 2012). В современной психологии сосуществуют все три вида научной рациональности: классическая, неклассическая, постнеклассическая. Поскольку обозримые во времени прогнозы будущего социальной психологии связаны с постнеклассическим ее этапом, целесообразно научный анализ поместить в междисциплинарный контекст. Итак, рассмотрим по порядку перспективные для социальной психологии объекты междисциплинарного исследования, задающие и определяющие содержание новых ее направлений. Начнем с самого актуального объекта, который имманентно входит в другие анализируемые объекты.

Система образов как объект междисциплинарного исследования.

Приоритет разработки данного направления принадлежит А. А. Гостеву. Достигнутые им успехи в данном направлении обусловлены эрудицией ученого, определяемой достаточно большим объемом знаний в разных областях науки. Внутри психологии – это социальная психология, психология религии, психология личности, трансперсональная психология, духовно-ориентированное психологическое консультирование. За пределами психологии – философия, теология, культурология, политика. Это означает, что А. А. Гостев является носителем как внутридисциплинарного психологического знания, так и междисциплинарного знания.

Объем данной статьи не позволяет перечислить все богатство поднятых и решенных А. А. Гостевым проблем. Поэтому основное внимание сконцентрируем на проблемах социальной психологии, имеющих непосредственное отношение к заявленной теме статьи. Анализируя образную сферу человека (ОСЧ), автор уделяет внимание и образам социального восприятия. Он выделяет следующие значимые для их исследования проблемы: изучение субъективной формы представлений о социальной реальности, особенности перевода понятий в образную форму на основе личностной значимости объекта отражения, опора социальных представлений на мифологические образы (признание реальности мифов) и символику глубинных областей психики человека.

Не менее значимой для социальной психологии является проблема психоманипуляции сознанием человека, анализ которой представлен в четырех главах монографии из восьми. Выделены искажения ОСЧ, возникающие под влиянием разных каналов манипуляции сознанием человека: Интернета, ТВ, рекламы и политического пиара. Глубокий анализ последствий манипуляции психикой людей позволил автору разработать концепцию контрманипулятивных духовно-нравственных ресурсов человека. В этом огромная заслуга и ощутимый вклад А. А. Гостева как в социальную психологию, так и в психологическую науку в целом.

Вместе с тем изучение ОСЧ, как следует из текста заключительной главы и послесловия монографии А. А. Гостева, остается открытым для продолжения начатых им масштабных по количеству и глубоких по проникновению в суть проблем исследований, включая и систему образов, отражающих идеологические и социально-психологические явления беспокойной современности. Автор называет несколько актуальных для социальной психологии проблем,

которые требуют более тщательной их разработки социальными психологами: раскрытие механизмов психоманипуляции, изучение индивидуального нравственного фильтра информационного потока, выявление компенсаторных способностей человека противостоять информационной осаде новых западных технологий (Гостев, 2008).

К сказанному добавим, что проблемное поле психоманипуляций для исследования социальными психологами может быть расширено за счет включения недостаточно полно изученных двух видов негативного воздействия на психику людей: моббинг во взрослых сообществах и буллинг в подростковой среде. Их причины выявлены, признаки жертв моббинга и буллинга подробно описаны в научных источниках, последствия негативных воздействий тоже осознаны учеными. По-прежнему не разработаны контрмеры противостояния воздействию и меры профилактики моббинга и буллинга.

Перейдем к анализу второго перспективного для социальной психологии и ряда других наук объекта исследования.

Городская реальность как объект междисциплинарного исследования

На первом педагогическом Форуме Российского профессорского собрания в 2020 г. в числе приоритетных направлений развития России было названо изучение комфортной среды проживания наряду с исследованиями человеческого капитала и экономического роста. Все три направления актуальны и интересны для социальных психологов, поэтому важно проанализировать возможности методологически грамотного подхода к их исследованию. Обратимся к первой проблеме.

Ее анализ требует уточнения используемых ключевых понятий «пространство» и «среда», которые иногда употребляются как синонимы. Понятие «среда» по объему содержания является родовым по отношению к понятию «пространство». Поэтому имеет смысл пространство городской среды анализировать как единокорпусную целостность, а его компоненты называть средами. Понимая городскую реальность как пространство жизнедеятельности людей, целесообразно в качестве его компонентов выделить следующие среды: природную, искусственную рабочую и жилую среду, информационную, социальную и внутреннюю среду каждого горожанина «с ее телесным и духовным содержанием». Внутренняя среда, наряду с другими средами, вошла в определение экологической психологии, которое в 1989 г. предложил Л. А. Китаев-Смык во вступительной статье к монографии М. Черноушека «Психология жизненной среды» (Китаев-Смык, 1989). Перечисленные компоненты городского пространства образуют систему, в которой необходимо выявить системообразующую среду.

Согласно определению, системообразующим компонентом является тот, который оказывает влияние на все другие компоненты. В той или иной мере все компоненты городского пространства могут оказывать влияние друг на друга. В этом плане они примерно равны. По качеству и разнообразию влияния внутренняя среда намного превосходит другие компоненты. Во-первых, это обусловлено особой способностью человека к самопроектированию, остальные компоненты городского пространства в реальности проектируются по замыслу

лу людей, возникающему, развивающемуся и хранящемуся в сознании человека, в его образной сфере. Во-вторых, в пользу системообразующего статуса внутренней среды свидетельствует такая характеристика объектов междисциплинарного изучения, как их «человекосоразмерность».

Следующая проблема, требующая решения, – разработка обобщенных и частных критериев оценки результатов проектирования каждой среды. Обобщенными критериями для всех сред могут послужить безопасность и комфорт горожан (подтвердили свою эффективность в эргономическом проектировании), а также эстетичность проектируемых сред – признанный и широко применяемый в разных видах дизайна критерий. Проблемой частных критериев займются представители разных дисциплин, участвующих в междисциплинарном анализе. Далее встанут вопросы о взаимосвязи общих и частных критериев, об иерархии частных критериев для оценки проектов конкретных сред городского пространства.

Надежной научной опорой для продолжения изучения городской реальности служит исследование Т. В. Дробышевой и А. Л. Журавлева, посвященное истории вопроса. Авторы изучили и обобщили более 40 отечественных и зарубежных психологических исследований городской среды, выделив общие проблемы изучения: восприятие города, образ города как фактор идентичности горожан, изучение социальных групп городских жителей. Третья проблема определена как перспективное направление социальной психологии (Дробышева, Журавлев, 2016). Как видим, в исследованиях городской реальности используется понятие «образ», что открывает перспективу создания социальными психологами системы таких образов, изученных разными исследователями.

Обратимся к описанию третьего объекта, представляющего научную и практическую ценность для исследования социальными психологами в содружестве с представителями других наук.

Человеческий капитал как объект междисциплинарного исследования

Особый интерес представляет понятие «человеческий капитал», которое неоднозначно трактуется психологами и экономистами. Более того, в текстах оно упоминается наряду с другими видами капитала: социальным, интеллектуальным и культурным. Взаимосвязь между названными понятиями не установлена, поэтому представляет собой одну из перспективных задач для социальной психологии.

В исследовании, выполненном коллективом авторов, содержится предложенная ими психологическая концепция человеческого капитала. Они считают, что психологическую основу человеческого капитала составляют четыре способности: жизнеспособность (характеризует человека как индивида), работоспособность (является свойством человека как субъекта деятельности), способность к инновациям (характеристика человека как личности), способность к обучению (свойство человека как индивидуальности) (Бурикова и др., 2009).

Предложенная концепция нашла свое аргументированное продолжение в эмпирическом исследовании, выполненном в двух регионах РФ. Получены одинаково низкие результаты измерения уровня развития четырех спо-

собностей, которые приближаются к половине максимального их значения. Выделены дополнительные характеристики исследуемых способностей: жизнеспособность исследователи соотнесли с образом жизни человека, работоспособность — с жизненной позицией, способность к инновациям — с мировоззрением, способность к обучению — с картиной мира (Бурикова и др., 2009).

Понятия «человеческий капитал» и «человеческое богатство» — синонимы, что служит аргументом в пользу гипотезы о том, что предысторией психологической концепции человеческого капитала следует считать теорию человеческого богатства К. Маркса. Данную теорию открыл венгерский философ Атила Агг при более углубленном изучении его экономических рукописей. Оказалось, что в рукописях наряду с критикой буржуазной политической экономики содержатся гениальные догадки К. Маркса, опередившие время, о том, что подлинным богатством является всестороннее развитие человека труда, совершенствующего свои способности при наличии достаточно количества свободного времени.

Особый интерес для анализируемого будущего направления социальной психологии представляет монография, в которой А. В. Махнач глубоко и всесторонне изучил и представил научное описание жизнеспособности как объекта междисциплинарных исследований (Махнач, 2016). Работа выполнена с позиций социально-психологической парадигмы. Полагаем, что этой работой положено начало перспективному для социальной психологии направлению по междисциплинарному изучению еще трех способностей, составляющих основу человеческого капитала.

Наконец, необходимо рассмотреть еще одну проблему, от решения которой зависит успех продвижения в изучении уже описанных трех перспективных объектов междисциплинарного исследования, задающих новые направления социальной психологии.

Язык интерпретации результатов междисциплинарных исследований как объект междисциплинарного исследования

Значимость научного языка как эффективного языка коммуникации ученых, участвующих в междисциплинарном исследовании, на первый взгляд, является очевидной. Однако существуют определенные трудности его создания, на которые следует обратить внимание. Одна из них заключена в смыслах и значениях применяемых понятий: «Ведь в психологии не только все слова заняты, но и за каждым словом стоит целое поле значений и смыслов» (Мунипов, Зинченко, 2001, с. 339). Подтекст высказывания в неявном виде содержит призыв к осмыслению и последующему обобщению поля значений и смыслов ключевых понятий междисциплинарных исследований. Полагаем, что данная трудоемкая работа — дело будущего, хотя попытки составить словари социально-психологических терминов предпринимались и раньше.

Вторая трудность заключена в отсутствии «периодической таблицы общего психологического языка», которую Д. А. Леонтьев в интервью о будущем психологии обозначил в качестве условия сохранения психологии как самостоятельной науки (Леонтьев, 2021). Создание общего языка междисциплинарных

исследований является частным случаем названной проблемы. Заметим, что ее решение вполне реально, так как существует прототип в виде модели рефлексивного синтеза категорий общей персонологии. Модель создана В. А. Петровским для применения в практической работе психолога-консультанта (Петровский, 2009).

Реализация междисциплинарной интеграции на практике поставит не только вопрос о приемлемом и понятном для представителей разных наук языке интерпретации получаемых результатов, но и о реальной прибавке в содержании используемых категорий и понятий. В качестве примера рассмотрим понятия «средства труда» и «регуляторы социального поведения», употребляемые в экономике и в психологии, но наполняемые при этом принципиально разным содержанием. Можно предположить, что будущее этих понятий — в их синтезе, за счет которого содержание понятий обретет большую полноту.

Как правило, в экономике анализируются объективные или вещественные *средства труда*, понимаемые как орудия производства: оборудование, машины, механизмы, инструменты, приспособления и другие орудия труда. Набор таких средств можно существенно обогатить, добавляя в их общий арсенал изучаемые в социальной психологии средства делового общения, соотносимые с тремя его сторонами: средства, используемые для взаимопознания (когнитивные процессы), для коммуникаций (речевые и неречевые средства) и для взаимодействия (формы организации разных видов совместной деятельности).

Полноту содержания понятия «*регуляторы социального поведения*» может обеспечить синтез их видов, разработанных в разных научных областях: психологии, этике, экономике, юриспруденции и этнологии. В психологии наиболее полный перечень регуляторов содержит система, предложенная Е. А. Климовым, включающая в себя образы объектов, образы субъекта или профессиональное самосознание, надситуативные регуляторы. К этическим регуляторам относятся семь принципов ведения дел в России, благодаря которым в 1920-е годы Россия входила в пятерку великих мировых держав. К этническим регуляторам социального поведения принято относить автостереотипы и гетеростереотипы. Ко всему многообразию следует добавить правовые нормы социального поведения, степень осознания и применение которых в жизни позволяет идентифицировать законопослушных граждан и правонарушителей.

Как следует из простого перечисления множества регуляторов социального поведения, объем работы по их обобщению и установлению взаимосвязей и взаимозависимостей предстоит большой. О сложности проблемного поля, задаваемого понятием «регуляторы социального поведения», свидетельствуют факты их пересечения в реальной жизни, например, разрушение нравственности «через массированное воздействие на людей эстетикой безобразного и этикой бессовестного» (Гостев, 2008, с. 342).

Подведем итог выполненному исследованию. На постнеклассическом этапе развития социальной психологии перспективными ее направлениями могут стать междисциплинарные научные исследования сложных человекосоразмерных объектов. В результате выполненного анализа к ним отнесены: образы, многокомпонентное пространство города, человеческий капитал в формате четырех способностей, язык интерпретации результатов, полученных в междис-

циплинарных исследованиях и язык коммуникации участвующих в них ученых. Важно помнить, что первый объект имманентно присущ остальным трем описанным объектам. Степень изученности названных объектов существенно различается. В то же время общей их характеристикой является способность к саморазвитию и открытость к продолжению социальными психологами начатых междисциплинарных исследований в содружестве с представителями других научных областей.

Литература

- Бурикова И. С., Коновалова М. А., Пушкина М. А., Юрьев А. И.* Опыт психологического измерения человеческого капитала. СПб.: Центр гуманитарных технологий, 2009.
- Гостев А. А.* Психология и метафизика образной сферы человека. М.: Генезис, 2008.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л.* Город как объект исследования в социальной психологии: к истории вопроса // Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 196–213.
- Интервью с Д. А. Леонтьевым о будущем социальной психологии // Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 3 (7). С. 228–251.
- Кедров Б. М.* Классификация наук. Кн. 3. Прогноз Маркса о будущем науки. М.: Мысль, 1985.
- Китаев-Смык Л. А.* Вступительная статья // М. Черноушек. Психология жизненной среды. М.: Мысль, 1989. С. 3–24.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Мунипов В. М., Зинченко В. П.* Эргономика: человекоориентированное проектирование техники, программных средств и среды. М.: Логос, 2001.
- Петровский В. А.* Логика «Я»: персонологическая перспектива. М.: Изд-во САМГУ, 2009.
- Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 5–17.

The future of social psychology in an interdisciplinary dimension

A. A. Kriulina

doctor of psychology, professor, professor of Kursk State University, Kursk, Russia, anitim@list.ru

Promising areas of research in social psychology are analyzed in the context of the development of all scientific knowledge and its post-non-classical stage. Four human-sized objects of interdisciplinary research are proposed, which set the vectors of actual socio-psychological research in the near future. A meaningful description of each direction includes the problem field of applying the efforts of social psychologists, as well as the possibilities of solving these problems in the form of their prerequisites or prototypes.

Keywords: interdisciplinary integration, post-non-classical science, human capital, urban space, social representations.

Проект материалистической социальной психологии М. А. Рейснера

И. Н. Леонов

кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии, конфликтологии и психоанализа ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск, Россия, inleonov@mail.ru

Представлен анализ ключевых положений проекта социальной психологии, разработанного отечественным ученым М. А. Рейснером в 1920-е годы. Социальная психология рассматривается как наука, изучающая идеологические и материальные основания формирования специфических классовых психологий и связанных с ними типов общественных группировок. Раскрывается становление взглядов ученого, последовательность постановки исследовательских задач и ход их решения, позволивший от вопросов функционирования государства и права перейти к проблемам социальной психологии. В работе описаны три ключевые формы функционирования идеологий с соответствующими техниками: мистическая, формально-эстетическая и рациональная.

Ключевые слова: история психологии, социальная психология, психологическая теория права, марксизм, М. А. Рейснер, идеология, социальная символика, психология классов.

Вопросы о том, как организуется социальная жизнь людей и каким закономерностям подчиняется, являются ключевыми для социальной психологии. На протяжении более века развития науки ученые разных стран и научных школ давали на них свои ответы (см., например: Соснин и др., 2014; Социальная психология, 2002; и др.). В 1920-е годы в отечественной науке М. А. Рейснером (1868—1928) был разработан проект социальной психологии, в котором проблемы языка и социальной символики, их роль в конституировании аффективных переживаний и упорядочивании социальных отношений были обозначены и предложена исследовательская программа.

Сегодня на наследие ученого чаще обращают внимание представители юридических наук, фокусируясь на его теории государства и религии, однако более поздние взгляды еще не получили достаточного освещения, а ведь именно к середине 1920-х годов ученому удалось обобщить наработки в единой концепции социальной психологии, представлявшей синтез психологической теории права, марксизма, психоанализа и рефлексологии.

Социальная психология в проекте М. А. Рейснера должна была стать наукой, исследующей психические явления человека как члена общества (Рейснер, 1924). Он отмечал, что психология человека должна рассматриваться не идеалистически, а в контексте материально-экономических отношений, создающих условия

для ее формирования и функционирования: «психология представляет собою промежуточный процесс между производством, с одной стороны, и идеологической, а в более широком смысле, культурной надстройкой — с другой» (Рейснер, 1925б, с. 31). *Психология человека* — это продукт культуры, специфичных практик, созданных людьми на основе существующих отношений производства в конкретную эпоху. К *задачам* такой науки ученый относит: 1) выяснение связи между биологическими факторами и социальной психологией человека (социально приобретенными качествами и формирующей их культурной средой); 2) исследование социальных психологий различных эпох; 3) анализ форм идеологий; 4) изучение типов общественной группировки при помощи идеологий (класс, профессия, школа и т. п.); 5) изучение феноменов социального вырождения. Практикой такой науки должна стать разработка *рациональной психотехники* педагогики, экономики, управления, политики и т. п. для организации общественной жизни людей.

М. А. Рейснер не был психологом, он получил юридическое образование в Императорском Варшавском университете, а затем преподавал право в Томском, Санкт-Петербургском и Московском университетах. Он был активным общественным деятелем — после Октябрьской революции принимал участие в разработке Декрета о суде, Декрета об отделении церкви от государства, был автором одного из проектов первой Конституции, одним из инициаторов создания Социалистической академии общественных наук и Русского психоаналитического общества. В Социалистической академии им был создан кабинет по исследованию религиозной идеологии, он руководил кружком социальной психологии, принимал участие в работе психоневрологического раздела секции естественных и точных наук. Почему же вопросы социальной психологии стали играть такую важную роль во взглядах ученого?

Еще во время обучения в университете под влиянием А. Л. Блока у М. А. Рейснера появляется интерес к осмыслению природы государства и права. Он обнаруживает существование множества внутренне логичных, но несовместимых между собой концепций, каждая из которых в свою эпоху предлагала свой взгляд на естественного человека, естественное право и идеальное устройство государства. В своей автобиографии он отмечает, что уже тогда им была сформулирована задача, которой он посвятил свою жизнь: «...нахождение объективного закона, который делал, во-первых, необходимым построение тех или иных систем мировоззрения и, во-вторых, ставил такие мировоззрения в резкую противоположность друг другу» (Рейснер, 1989, с. 193).

В 1903 г. М. А. Рейснер обратился к изучению марксизма, что позволило приблизиться к решению поставленной ранее задачи. Высоко оценивая данный подход, он отмечал в нем недостаток — не совсем ясно, как на основе материально-экономических отношений возникает надстройка, в том числе и государство. В ответе на этот вопрос ему помогла психологическая теория права Л. И. Петражицкого (Рейснер, 1908). Согласно Л. И. Петражицкому (подробнее о нем см.: Гильманов, 2022; и др.), каждый человек обладает интуитивным правом — субъективным представлением о том, по каким нормам действовать и как должно быть организовано взаимодействие. Оно переживается как связанность воли, проявляется в чувстве долга и императивных эмоциях, требую-

щих воплощения индивидуальных норм и сопротивления чуждым. При общении людям удастся создать упорядочивающее совместную жизнь *коллективное право*, которое затем кодифицируется в официальное право — закон. Однако М. А. Рейснер пытается найти материалистические основания интуитивного права и модифицировать теорию Л. И. Петражицкого на основе марксизма. Это приводит к заключению, что именно экономические отношения на базе способа производства лежат в основе возникновения психологического интуитивного права. В попытке осмыслить те отношения, в которые включены и которые не зависят от их воли, люди в силу своих способностей создают определенные нормы, правила и идеалы, адекватные условиям. Они выкристаллизовываются в *идеологии* как «совокупности идей, принципов, норм и идеалов, подлежащих к воплощению в общественной деятельности человека» (Рейснер, 1918, с. 9), имеющей свою материальную репрезентацию в социальной символической — ритуалах, произведениях, законах, практиках общественной жизни и т. п. Человек рождается не в вакууме — он уже размещен в определенной идеологии и развивается, испытывая на себе ее перформативное влияние через практики воспитания, обучения и труда. Это выражается в формировании идеалов, способов их достижения и преодоления препятствий, блокирующих воплощение идеалов в жизнь. Несколько позже это находит более четкую артикуляцию в *концепции общественного человека* (Рейснер, 1925б). М. А. Рейснер отмечал, что невозможно говорить о психологии абстрактного идеального человека вне времени, но психология и идеология не совпадают — «последняя противостоит первой в качестве внешнего социального аппарата» (там же, с. 31).

Развитие человека — это путь преодоления конфликтов между наличными способами функционирования и предъявляемыми социальными требованиями, а психология человека — это эффект приспособления (сначала пассивного, затем — активного) к идеологии и, в свою очередь, к определенным способам производства, оказывающих давление через идеологию. Источник активности М. А. Рейснер видит в теле человека, но в момент рождения, в силу отсутствия врожденных инстинктов, эта активность не дифференцирована. По мере социализации она обретает конкретные формы, модифицируется в существующих отношениях производства и идеологии: «никакая предусмотрительность, бережливость и трудолюбие не могут стать психическими свойствами населения, если они, во-первых, не требуются системой производства, а во-вторых, если нет в наличности материальных средств, при помощи коих было бы возможно создать соответствующие центры социальных раздражителей с их устойчивой и систематической работой» (Рейснер, 1924, с. 40).

По мере развития отношений производства и разделения труда происходит все большая дифференциация людей по отношению к производственному основанию. Так возникают классы и соответствующие им идеологии, а вместе с ними и соответствующие классовые психологии. М. А. Рейснер описывает классовую психологию босяков, крестьян, пролетариев, мелкой и крупной буржуазии. Индивидуальная психология отдельного человека, таким образом, отражает в себе индивидуальную историю социализации, но упорядоченную в соответствии с типичной для класса идеологией. Классовые идеологии, в силу разных оснований возникновения, могут отличаться по ключевым идеа-

лам, вплоть до несовместимости. Как же людям удастся создать общую идеологию? Ученый отмечал, что возникновение *общей идеологии* — это следствие конфликта. При диктатуре одного класса его идеология навязывается другим классам, часто оказываясь несовместимой с типичным для этого класса образом жизни. Так возникает ложное сознание, усиливается отчуждение, а для поддержания порядка требуются все более жестокие законы и усиление карающей функции государства. В силу отчуждения от производства в этих классах на базе нереализованных идеалов возникают идеологии, сходные по содержанию, но более примитивные по своей форме. Такой сценарий будет типичен для любого общества диктатуры, неважно, пролетариата или буржуазии. Более приемлемым способом построения общей идеологии М. А. Рейснер видит компромисс между идеологиями классов, выражающийся в возникновении *идеологии второго порядка*, созданной имеющими хорошую подготовку представителями существующих классов, однако это потребует серьезных интеллектуальных и политических усилий. В связи с этим ученый выступал против политики красного террора, введения новой экономической политики, возрождавшей капиталистические отношения, а также против диктатуры необразованного пролетариата. Его проект первой конституции описывал новое общество как республику коммун, а более развернуто взгляды на возможное устройство общества были отражены в работе «Государство буржуазии и Р. С. Ф. С. Р.».

Особое внимание М. А. Рейснер уделял исследованию идеологий, описывая их с точки зрения формы, присущих техник и формируемого способа представления. В 1920-е годы М. А. Рейснер обратился к *психоанализу* с целью осмысления психологических механизмов, лежащих в основе функционирования идеологии. Важными для него оказались предложенные З. Фрейдом идеи разделения психического функционирования на сознательное (ориентирующееся на принцип реальности) и бессознательное (ориентирующееся на принцип удовольствия), роли вытеснения и сублимации, а также принцип онтогенеза как повторения филогенеза (Рейснер, 1925а). Им было описано три метода идеологических построений: мистический, формально-эстетический и рациональный. Такое разделение основано на способе противостояния силе стихий — от фантазийного до реального активного преобразования действительности.

Мистические идеологии характерны для раннего периода развития человечества и охватывают времена анимизма, фетишизма, тотемизма и религий. Типичным для обществ, построенных на такой идеологии, является низкий уровень производственных сил, что не позволяет ни познать, ни кардинально преобразовать окружающий мир. Ключевыми отношениями являются семейно-родственные, в соответствии с которыми выстраивается общество (клан, род, община) и осмысляется окружающий мир — как проявление воли высших сил, действующих по подобию человека, а отношения между силами природы осмысляются в виде отношений между родственниками. Сталкиваясь с силами природы и не имея сил и средств для их преодоления, изобретаются магические средства, позволяющие подчинить себе природу в фантазии. Так появляются характерные для культа фетиши, доминирует магическое мышление.

Общественная жизнь упорядочивается через табу без рационального обоснования, но внушающие ужас и страх. Основным механизмом, задействованным в психологическом развитии человека, является вытеснение — те способы функционирования, которые были доступны ребенку в семье, по мере взросления ограничиваются табу и запретами, а энергия вытесненных влечений канализируется через вызывающие яркие переживания (от восторга до ужаса) практики культов и религий. Условием возникновения данной идеологии является благодатная природа, способная предоставить все необходимое. По мере развития производственных сил и появления частной собственности социальные ограничения становятся сильнее, а вместе с тем и возрастает роль культов в жизни общества. Сословие религиозных идеологов (жрецы, шаманы и др.) занимает важнейшую роль, выполняя функцию посредника, с помощью которого люди ориентируются во внешнем мире, так «реальный хаос земли принимает форму закономерного порядка задолго до получения истинного знания» (Рейснер, 1925б, с. 94), а основными техниками становятся индивидуальное и массовое внушение и гипноз, обращенные к вытесненным желаниям людей. Мистические идеологии ориентируют человека на снятие напряжения и получение удовольствия через доступные идеологические практики здесь и сейчас, но не на контакт с реальностью и ее преобразование. Так воспитывается послушный человек, некритично относящийся к существующим табу и исполняющий предписанные идеологией требования, а при столкновении с трудностями ищущий авторитета и ориентирующийся на «магические» практики.

Формально-эстетические идеологии возникают на базе мистических из-за появления необходимости активного преобразования окружающей среды для выживания. Для решения этой задачи общественный человек оказывается вынужден найти форму (способ) решения. Однажды найденный способ затем не подвергается рациональному и критическому осмыслению, а идеализируется, занимает положение образца или шаблона, придающего устойчивость и однообразие работе человеческого коллектива. Так возникают формы трудовых процессов и поведения — скотоводства, охоты, земледелия, войны, семейного быта и т. д., создаются способы организации отдельных действий и способы, упорядочивающие совместную активность людей (формы, вырабатывающие формы). Они удерживаются традицией как идеал культуры. Слабым местом такой идеологии является сильная ригидность из-за идеализации найденных форм, что делает общественного человека нечувствительным к условиям, в которых найденные формы перестают выполнять функцию: «тем же объясняется слишком часто отсталое хозяйство с допотопной сохой, которое ведется только потому, что так заповедовали деды, а соха вместе с сивкой-буркой является предметом упроченной и сентиментальной привязанности» (Рейснер, 1925б, с. 98). Еще одной угрозой в такой идеологии является потеря производственной цели в деятельности и вырождение ее в игру — процесс реализации формы оказывается важнее достижения цели. В таком обществе ключевая роль отводится изобретателям, творчество и талант которых позволяет найти формы, лежащие в основу процесса производства. Основной психологической техникой данной идеологии является подражание.

Рациональным идеологиям присуще создание идей на основе опыта и наблюдений, активное устремление к внешнему миру, его познание, закрепляющееся в системе рациональной символики, и активное воздействие на мир с учетом обратной связи. Появление такой идеологии связано с возникновением серьезных препятствий (бесплодная почва, холодный климат и т. п.), от которых невозможно ни уйти в мир фантазий, ни преодолеть их идеализированными способами. Кроме того, должна присутствовать определенная периодичность и закономерность в давлении природы, что позволяет его зафиксировать, предвидеть и спланировать работу по преодолению сил стихий. Слово здесь теряет свою мистическую силу и становится орудием рационального отношения к миру. Ключевую роль в таком обществе играют ученые, врачи, инженеры, создается и поддерживается инфраструктура, обеспечивающая их деятельность (институты, лаборатории, библиотеки, музеи — все, что позволяет сохранять и использовать накопленный коллективный опыт).

В классовом обществе, отмечает М. А. Рейснер, из-за разделения труда и отчуждения определенных классов, наличия дистанции и непреодолимых границ между ними может существовать ситуация, когда классы живут посредством разных идеологий. Низшие, вытесненные на периферию, — в мистической форме, а высшие, доминирующие, — в формально-эстетической или рациональной. Одни и те же идеи и содержания могут приобретать кардинально разный смысл, будучи размещенными в разных идеологических формах. Кроме того, кардинальное изменение способов производства, экономические и социальные потрясения могут стать причинами трансформации идеологии, а этот процесс может быть как прогрессивным, так и регрессивным. Исследованию развития идеологий М. А. Рейснер посвятил свои последние работы: был проведен анализ идеологий восточных теократий (Рейснер, 1927), а также намечен более масштабный проект — он стремился отследить развитие идеологий Европы от античности до XX в. (Рейснер, 1929). К сожалению, этот проект так и не был завершен в связи со смертью ученого.

Заключение

В прошлом веке М. А. Рейснер создал проект новой науки, предметное поле которой не ограничивалось областью непосредственного общения человека, а включало обширный социально-культурный контекст. В 20-е годы XXI в., во времена возрастающей неопределенности, появления новых технологий, вновь меняющихся труд человека, распространения геймификации, разделения труда, технофобии, усиления поиска авторитетов и т. д. (подробнее об этом см.: Психологические исследования..., 2020; Социально-психологическая оценка рисков..., 2017; Человек в условиях..., 2020; и др.) знакомство с научным наследием М. А. Рейснера полезно в рациональном осмыслении этих феноменов. Какую форму обретет новая «идеология», позволив справиться с этой неопределенностью, — мистическую, формально-эстетическую или рациональную? И насколько общество окажется способным включиться в преобразование окружающего мира или уйдет в мир фантазий, сконструированных уже современными технологиями?

Литература

- Гильманов С. А. Л. И. Петражицкий, психология и гуманитарное знание: суждения современников // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 2 (26). С. 170–210.
- Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Рейснер М. А. Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. СПб.: Общественная польза, 1908.
- Рейснер М. А. Государство. Ч. 1: Идеология и метод. М.: Социалистическая академия общественных наук, 1918.
- Рейснер М. А. Социальная психология // Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат». Т. 41. Ч. 1. М.: Мосполиграф, 1924. С. 65–80.
- Рейснер М. А. Социальная психология и учение Фрейда // Печать и революция. 1925а. № 3. С. 54–69; № 5–6. С. 133–150.
- Рейснер М. А. Проблемы социальной психологии. Ростов-н/Д.: Буревестник, 1925б.
- Рейснер М. А. Идеологии Востока. М.: Госиздат, 1927.
- Рейснер М. А. История политических учений. Т. 1. М.: Госиздат, 1929.
- Рейснер М. А. Рейснер Михаил Андреевич (автобиография) // Деятели СССР и Октябрьской революции. Автобиографии и биографии. М.: Книга, 1989. С. 623–624.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л., Красников М. А. Социальная психология: Учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Форум, 2014.
- Социальная психология: Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.
- Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное / Под общ. ред. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск, 2017.
- Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.

The project of materialistic social psychology by M. A. Reissner

I. N. Leonov

candidate of psychological sciences, associate professor of the Department of Clinical Psychology, Conflictology and Psychoanalysis Udmurt State University, Izhevsk, Russia, inleonov@mail.ru

The article provides an overview of the key positions of social psychology project developed by M. A. Reissner in the 1920s. Social psychology is considered as a science that studies ideological and material foundations of specific class psychologies and related types of social groupings. The paper reveals the formation of scientist's views, the sequence of research tasks settings and the course of their solution, which made it possible to move from issues of state and law functioning to the problems of social psychology. The paper describes three key forms of ideologies functioning with appropriate techniques: mystical, formal-aesthetic and rational.

Keywords: history of psychology, social psychology, psychological theory of law, Marxism, ideology, M. A. Reissner, social symbolism, psychology of classes.

Понятие и проблемы социального капитала в современной науке*

*Л. Г. Почебут**, *Д. С. Безносков***, *В. А. Чикер****,
*М. А. Недошивина*****, *В. А. Ларькина******

* доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия, ludmila.pochebut@gmail.com

** кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский институт психологии и социальной работы (СПбГИПСР), Санкт-Петербург, Россия, don_bizon@inbox.ru

*** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия, vchiker@yandex.ru

**** кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии, там же, nedoshivina@gmail.com

***** инженер-исследователь факультета психологии, там же, vic.larkina@gmail.com

Рассмотрены основные теории социального капитала общества. В теории П. Бурдье объединены сетевой и ресурсный подходы к пониманию социального капитала. Изучая исторические причины экономических различий между северными и южными регионами Италии, Р. Патнэм пришел к выводу о том, что источниками глубоких различий является исторически сложившийся различный уровень социального капитала. Проанализировав уровень развития социального капитала в современных США, Р. Патнэм отметил значительное снижение его уровня, отсутствие способности граждан объединяться в добровольные ассоциации. Это является одним из свидетельств коллапса демократических принципов. В настоящее время необходимы разработка комплексной теории социального капитала общества и социально-психологическое сопровождение его развития. Мы рассматриваем экономический, правовой и политический социальный капитал и разработали методику измерения уровня его развития в различных организациях.

Ключевые слова: социальный капитал общества, исследовательские подходы, социально-психологические компоненты социального капитала.

В настоящее сложное время важной задачей развития российского общества является консолидация в политической, идеологической, экономической, образовательной сферах. Наиболее значимым показателем зрелости общества выступает уровень консолидации его социального капитала. Проблемы социального капитала широко освещаются в зарубежной и отечественной со-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 23-28-00107.

циологической и экономической науках. В социальной психологии теория социального капитала разработана недостаточно. В методологическом плане наблюдается небольшое количество апробированных и надежных методик, пригодных для измерения уровня развития социального капитала в различных социальных объединениях. В области практического обеспечения и сопровождения консолидации социального капитала работа социальных психологов только начинается. В связи с этим наиболее важной является проработка теоретических, методологических проблем его изучения, а также подготовка методического инструментария, необходимого в практической работе по повышению положительного влияния социального капитала на развитие общества и по профилактике негативных эффектов, возникающих при завышенном уровне его развития.

Понятие и основные компоненты социального капитала

Феномен социального капитала стал активно изучаться в зарубежной науке в конце 1970-х годов. Впервые системный анализ этого понятия дал П. Бурдьё. Он понимал социальный капитал как объединение реальных и потенциальных ресурсов, обеспечивающих включение человека в сетевые отношения взаимных обязательств (Бурдьё, 2005). Автор считал, что для создания социальной солидарности члены общества должны получать взаимную выгоду от сотрудничества. Посредством социального взаимодействия в социальной сети люди получают возможность свободно обмениваться своими ресурсами. Так, по мнению П. Бурдьё, конструируется социальное пространство. Социальный конструкт представляет собой сеть группового и индивидуального взаимодействия. К формам социального капитала он относил: социальные сети, социальные нормы и доверие людей друг к другу (Бурдьё, 2005). Для образования и наращивания социального капитала необходимо соблюдение определенных условий. Во-первых, люди должны обладать способностями и возможностями создания социальных групп. Во-вторых, в группах должен сложиться явно выраженный консенсус. В-третьих, члены групп должны обладать схожими диспозициями (Бурдьё, 2005). П. Бурдьё предлагал использовать понятие «габитус». Это система социальных диспозиций, организующих социальное пространство, объединяющих людей и составляющих их социальный капитал.

Опираясь на идеи, высказанные П. Бурдьё, мы предлагаем рассматривать габитус системы диспозиций социального капитала как состоящий из четырех основных диспозиций: взаимное доверие людей, приверженность целям и ценностям своей группы, соблюдение социальных норм, создание и поддержание репутации своей группы и ее членов (Почебут и др., 2018).

Первое эмпирическое исследование социального капитала провел Р. Патнэм, специалист в области социологии и экономики. В 1996 г. он издал книгу «Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии». Р. Патнэм совместно со своими коллегами проанализировали и сравнили исторические причины глубоких отличий между экономическим состоянием северных и южных регионов Италии. Авторы пришли к выводу, что отличия коренятся в разных уровнях развития социального капитала. Социальный ка-

питал, по мнению Р. Патнэма, — это исторические традиции социального взаимодействия, основанные на нормах взаимности и доверия, создании добровольных экономических ассоциаций, активном участии граждан в решении политических вопросов. В северных регионах Италии такие традиции сложились давно, а в южных регионах этого не произошло. Традиции способствовали зарождению гражданского общества и развитию высокого уровня социального капитала. Патнэм конкретизировал понятие «социальный капитал». Он понимал его как особую социальную организацию, обладающую собственными принципами, нормами и структурой, что позволяет координировать действия ее сотрудников. Социальный капитал позволяет людям добиваться совместных целей, что невозможно при его отсутствии. Накопленный социальный капитал проявляет устойчивость и переходит из одной ситуации в другую.

В 2000 г. Р. Патнэм повторил свое исследование в США. В книге «Боулинг в одиночку: крах американского сообщества» он констатировал коллапс американского гражданского сообщества, утрату доверия людей друг к другу и к власти, неспособность создавать добровольные сообщества (Putnam, 2000). На ранних этапах развития американского государства именно способность людей добровольно вступать в различные объединения и доверять друг другу и создала экономическую мощь США. В начале XXI в., по-видимому, эта способность была утрачена, что доказывают последние политические и экономические события. Р. Патнэм поставил суровый диагноз, и, как показало время, во многом он был прав. Он описал тенденции снижения социального капитала, ослабление социальных связей, отсутствие возможностей для распространения необходимой информации, использование ложной информации в средствах массовой коммуникации, отсутствие доверия к власти у определенной части населения, несоблюдение общепринятых норм и правил (что в последнее время ярко проявляется в судебной системе США). Последствиями такого коллапса социального капитала является ухудшение социального и психологического благополучия людей, рост транзакционных издержек в результате снижения доверия, отсутствие взаимной поддержки.

Американский ученый Дж. Коулман в статье «Капитал социальный и экономический», опубликованной в 1996 г., описал смену парадигмы развития современного общества с экономической на социальную, поскольку взаимоотношения людей приобретают все большее значение. По его мнению, понятие «капитал» вышло за пределы своего первоначального смысла. Оно стало трактоваться расширительно. Дж. Коулман описал четыре основных вида капитала. Во-первых, это капитал физический — машины, производственное оборудование, заводы и пр. Во-вторых, капитал финансовый, имеющий огромное значение в современном мире. В-третьих, капитал человеческий, как способности, умения и навыки людей, позволяющие им эффективно трудиться и взаимодействовать с окружающими. В-четвертых, капитал социальный, проявляющийся во взаимоотношениях членов общества, основанный на взаимном доверии при обмене различного рода ресурсами (Коулман, 2001).

Кроме описанных Дж. Коулманом четырех видов капитала, можно говорить об экономическом капитале как системе оптимальных и устойчивых экономических связей; о правовом капитале как о высоком уровне доверия к власти

и правоохранительной системе, приверженности государственному и международному праву; о политическом капитале как уровне развития и соблюдения демократических принципов, ориентации на справедливое принятие решений, свободу выражения мнений и т. д.

Все виды капитала тесно взаимосвязаны. Нарушения в одном из видов капитала приводят к проблемам и трудностям в других видах. Так, разрушение социального капитала приводит к серьезным нарушениям финансового капитала, так как утрачивается доверие людей к финансовой системе. Серьезные проблемы возникают и в политическом капитале. Возникновение недоверия к власти, к ее способности справиться с финансовыми и иными актуальными общественными проблемами. В сфере человеческого капитала разрушение социального капитала сказывается на системе образования, которая оказывается не в состоянии подготовить высококвалифицированных специалистов.

Ценность социального капитала состоит в том, что он является связующим звеном между разными видами капитала и представляет собой общественное достояние. Р. Патнэм отмечал, что финансовый, физический или человеческий капитал принадлежат частным лицам. Социальный капитал, напротив, затрагивает взаимоотношения всех людей. Его часто называют отношенческим или релятивистским капиталом, поскольку он объединяет людей в единую общность. Разрушение устойчивой системы взаимоотношений между людьми приводит к финансовым потерям, невозможности получить хорошее образование и медицинское обслуживание, использовать современные научно-технические достижения (например, пользоваться современными компьютерами или автомобилями).

Подходы к исследованию социального капитала

В исследованиях социального капитала применяются три основных подхода: сетевой, ресурсный и социально-психологический. Наиболее распространен сетевой подход, которого придерживались П. Бурдьё, Дж. Коулман, А. Портес, М. Грановеттер и др. Так, П. Бурдьё считал, что социальная сеть представляет собой социальное поле, в котором люди распределяются в соответствии с их статусами. Статус человека определяется совокупностью полезных связей, которые и образуют его социальный капитал (Бурдьё, 2005). Дж. Коулман отмечал, что все члены сети добровольно и ответственно выполняют свои обязательства (Коулман, 2001, с. 122–139). А. Портес понимал социальный капитал как возможность людей распоряжаться ресурсами определенной социальной сети на основании своего членства в ней. Это особенность сети отношений, которая не зависит от индивидуальных качеств человека. В социальной сети у людей возникают взаимные ожидания взаимодействия и доверия (Portes, 1998). М. Грановеттер рассматривал социальную сеть как устойчивую совокупность социальных связей и взаимоотношений (Granovetter, 1974).

Ресурсный подход обычно объединяется с подходом сетевым. Так, Н. Лин определяет социальный капитал как ресурс, находящийся в социальных сетях. Благодаря социальным сетям человек имеет свободный доступ к ресурсам партнера и пользуется ими (Lin, 2000).

Социально-психологический или коммуникационный подход основан на идее о том, что социальный капитал является продуктом коммуникаций между людьми и определяет их взаимоотношения. Например, Р. Берт определял социальный капитал как дружеские контакты между людьми. Благодаря таким контактам человек может использовать свой человеческий или финансовый капитал. Р. Берт отмечает, что в процессе коммуникации человек получает информацию, распространяет ее среди других людей и таким образом информация циркулирует в обществе. Социальный капитал осуществляет функции посредничества, способен преобразовываться в другие виды капитала (Burt, 1997).

Заключение

Мы придерживаемся социально-психологического подхода и определяем социальный капитал как единое смысловое пространство, объединяющее и сплачивающее людей на решение актуальных задач. Социальный капитал возникает на основе доверия, приверженности общественным целям, соблюдении норм взаимности, ответственности, справедливости, создании и поддержании репутации своей группы (Почебут и др., 2018, с. 47–71). В целях методического обеспечения эмпирических исследований социального капитала организаций нами разработана методика диагностики социального капитала. Методика позволяет оценить четыре основных компонента социального капитала: взаимное доверие людей, приверженность целям и ценностям общества, соблюдение социальных норм и создание и поддержание репутации своей социальной системы (Почебут и др., 2022, с. 62–79).

Литература

- Бурдые П.* Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
- Коулман Д.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 122–139.
- Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.
- Почебут Л. Г., Чикер В. А., Волкова Н. В.* Социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации: концепция и аспекты исследования // *Организационная психология*. 2018. Т. 8. № 2. С. 47–71.
- Почебут Л. Г., Чикер В. А., Кузнецова И. В., Гуриева С. Д., Безносков Д. С., Волкова Н. В., Яничева Т. Г.* Психологическая диагностика социального капитала организации // *Социальная психология и общество*. 2022. Т. 13. № 3. С. 62–79.
- Burt R. S.* A Note on Social Capital and Network Content // *Social Networks*. 1997. V. 19. № 4. P. 355–373.
- Granovetter M.* Getting a Job: A Study of Contracts and Careers. Cambridge: Harvard University Press, 1974.
- Lin N.* Social Capital: A Theory of Social Structure in Action. N. Y., 2000.
- Portes A.* Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // *Annual Review of Sociology*. 1988. V. 24. № 1. P. 1–24.

Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N. Y.: Simon & Schuster, 2000.

The concept and issues of social capital in modern science

*L. G. Pochebut**, *D. S. Beznosov***, *V. A. Chiker****, *M. A. Nedoshivina*****, *V. A. Larkina******

** doctor of psychology, professor, professor of the Department of Social Psychology, St Petersburg State University (SPbSU), St Petersburg, Russia, ludmila.pochebut@gmail.com*

*** PhD, associate professor, associate professor of the Department of Social Psychology, St Petersburg Institute of Psychology and Social Work (SPbGIPSR), St Petersburg, Russia, don_bizon@inbox.ru*

**** PhD, senior researcher, associate professor of the Department of Social Psychology, St Petersburg State University (SPbSU), St Petersburg, Russia, vchiker@yandex.ru*

***** PhD, senior lecturer, Department of Social Psychology, St Petersburg State University (SPbGU), St Petersburg, Russia, nedoshivinama@gmail.com*

****** research engineer, Department of Psychology, St Petersburg State University (SPbSU), St Petersburg, Russia, vic.larkina@gmail.com*

The article considers the main theories of the social capital of society. P. Bourdieu's theory combines network and resource approaches to understanding social capital. Studying the historical causes of economic differences between the northern and southern regions of Italy, R. Putnam came to the conclusion that the sources of deep differences lie in the historically established different levels of social capital. After analysing the level of development of social capital in the modern United States, R. Putnam noted a significant decrease in its level, the lack of the ability of citizens to unite in voluntary associations. This is one of the signs of the collapse of democratic principles. Currently, it is necessary to develop a comprehensive theory of the social capital of society and socio-psychological support for its development. We consider economic, legal and political social capital and have developed a methodology for measuring the level of its development in various organisations.

Keywords: social capital of society, research approaches, socio-psychological components of social capital.

**Еще раз о терминах «отношение» и «аттитюд»:
к 130-летию со дня рождения В. Н. Мясищева**

В. Ю. Слабинский

кандидат медицинских наук, ректор Автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования «Петербургская школа психотерапии и психологии отношений», slabinsky@yandex.ru

Рассмотрен вклад В. Н. Мясищева в российскую психологию. Показана история возникновения и развития термина «отношение» в контексте истории социальной психологии. Проанализировано смысловое сходство терминов «отношение» и «аттитюд» и показана структурная идентичность этих понятий. Введены в научный оборот два новых архивных документа — лекции В. Н. Мясищева, прочитанные для специалистов Всемирной организации здравоохранения в 1965 и 1970 гг. На примерах показано, что в публикациях на английском языке для перевода термина «отношение» В. Н. Мясищев использовал именно термин «аттитюд» и в тексте своих статей дифференцировал понятия «attitude» и «relations». В заключении сделано предположение, что приведенная в статье новая информация облегчит интеграцию наследия В. Н. Мясищева в контекст мировой психологической науки. Следствием чего, в частности, может стать новое прочтение классических работ В. Н. Мясищева после анализа контекстов использования им в зарубежных публикациях понятий «attitude» и «relations».

Ключевые слова: аттитюд, психология отношений, отношения, социальная психология, история психологии, методология психологии, социальная установка, теоретические и методологические проблемы.

Владимир Николаевич Мясищев (11.07.1893—04.10.1973), доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент АПН СССР, по праву считается одним из ведущих отечественных психологов, внесших значительный вклад в развитие сразу нескольких направлений психологической науки. Кроме того, В. Н. Мясищев являлся крупным организатором, долгие годы он руководил Психоневрологическим институтом им. В. М. Бехтерева, который, благодаря его усилиям, не только сохранился, но и стал ведущим научным заведением по данной проблематике в мире. Большой вклад внес В. Н. Мясищев и как представитель Минздрава СССР во Всемирной организации здравоохранения, где пользовался большим авторитетом и уважением зарубежных коллег.

Свои занятия на основном рабочем месте В. Н. Мясищев совмещал с деятельностью в Ленинградском государственном университете, где был профессором, заведующим кафедрой психологии философского факультета и на протяжении ряда лет — членом ученого совета данного факультета. Не случайно,

благодаря в том числе и большим личным усилиям самого Владимира Николаевича, был открыт факультет психологии в 1966 г.

Отдельно следует отметить личный вклад В. Н. Мясищева в сохранение дореволюционного научного наследия, возрождение и развитие советской и российской психологической науки. Ученик В. М. Бехтерева и А. Ф. Лазурского — В. Н. Мясищев обеспечил связь поколений между отечественной психологией дореволюционного и советского периодов. Важно подчеркнуть, что В. Н. Мясищев отдал много сил сохранению и дальнейшей разработке ключевой концепции Петербургской школы психологии — концепции «отношения». В нашей стране идея и категория психологических отношений способствовали становлению принципиально новых представлений о предмете психологии, ее научно-методологических основах и перспективах развития (Журавлев, Позняков, 2018, с. 59–60). Являясь единственным учеником, допущенным к работе с архивом А. Ф. Лазурского (мы до сих пор не знаем содержание данного архива в полном объеме), В. Н. Мясищев воспринимал концепцию «отношение» как некую универсалию в психологической науке. Неслучайно Владимир Николаевич утверждал, что психологические отношения человека представляют целостную систему связей личности с различными сторонами действительности (Тузова, 2018, с. 15).

В. Н. Мясищев был разноплановым ученым, к сожалению, в настоящее время больше исследованы и проанализированы его работы, в которых понятие «отношение» рассматривается в контексте медицинской психологии и психотерапии (Исурина и др., 2021; Слабинский, Воишева, 2018).

Между тем и это предопределяет *актуальность* данной статьи, как справедливо отмечают А. Л. Журавлев и В. П. Позняков, вклад В. Н. Мясищева в становление и развитие отечественной социальной психологии до сих пор мало изучен и недостаточно представлен в научных публикациях (Журавлев, Позняков, 2018, с. 59–60). Одна из ведущих специалистов в данном вопросе Е. В. Левченко пишет еще более категорично: «Понятие отношения является в этой области психологического знания одним из основных, однако широко распространено употребление его как интуитивно очевидного. Идея отношения не достигает уровня проблематизации, так как не ставится и не рассматривается проблема психосоциального отношения. Вопреки приведенным декларациям, в языке социальной психологии отношение не достигает уровня социально-психологической категории, поскольку реальное использование соответствующего термина ограничено лишь рамками всего двух важных, но не всеохватывающих проблем социальной психологии — межличностных и межгрупповых отношений. Ни при обсуждении истории социальной психологии, ни при анализе ее методологических проблем термин „отношение“ не используется, соответствующее понятие не работает» (Левченко, 2003, с. 253).

Нам видится, что одной из причин сложившейся ситуации является недостаточная интеграция наследия В. Н. Мясищева в контекст зарубежных работ по социальной психологии. Поэтому *целью* настоящей статьи является уточнение терминов «отношение» и «аттитюд» в рамках использования этих терминов самим В. Н. Мясищевым. Дело в том, что в отечественной психологии начинает складываться традиция (как пример — учебник Т. В. Слотиной «Психология

отношений», 2023) — при рассмотрении идей В. Н. Мясищева дифференцировать данные понятия как совершенно независимые феномены или (как пример — фундаментальные статьи Э. Б. Карповой, Г. Л. Исуринной и А. Л. Журавлева, 2020, 2023 гг.) не поднимать данный вопрос вовсе.

По нашему мнению, для В. Н. Мясищева термины «отношение» и «аттитюд» в научном контексте выступали *синонимами*. Приведем несколько аргументов в пользу данного утверждения.

Психологическую концепцию «отношения» предложил Александр Федорович Лазурский в период дружбы и сотрудничества с заведующим кафедрой общественной (социальной) психологии Психоневрологического института Семеном Людвиговичем Франком. Д. А. Леонтьев предлагает выделять в жизнетворчестве А. Ф. Лазурского два периода, до и после 1912 г.: «первый этап можно назвать “характерологическим”, а второй — “психосоциальным”» (Леонтьев, 2008). Знакомство А. Ф. Лазурского и В. Н. Мясищева и их общение пришлись на так называемый «психосоциальный» период, поэтому неслучайно, что в статье, посвященной столетию со дня рождения своего учителя, В. Н. Мясищев делает акцент именно на социальной плоскости отношений: «Подчеркивание им (А. Ф. Лазурским. — В. С.) значения отношений личности к действительности и важной роли воздействия окружающей человека среды, в том числе — что особенно важно — социальной среды в формировании личности, было несомненно прогрессивным и вносило новую, свежую струю в изучение проблемы личности» (Мясищев, Журавель, 1974).

Понятие «аттитюд» было введено социологами Уильямом Томасом и Флорианом Знанецки в 1918 г. уже после смерти А. Ф. Лазурского. Ф. Знанецки родился и защитил докторскую степень в Российской империи на территории современной Польши.

Нам доподлинно неизвестно, знал ли Ф. Знанецки работы А. Ф. Лазурского, но определенные смысловые сходства в содержании научных конструктов двух этих ученых, прежде всего акцент на значимом воздействии социальной среды на личность, позволяют сделать такое предположение.

В свою очередь, В. Н. Мясищев после смерти отца некоторое время жил с семьей в Варшаве, вследствие чего знал польский язык и испытывал к польским ученым особенно теплое отношение. Скажем сразу, что в работах на русском языке термин «аттитюд» В. Н. Мясищев не использовал.

Однако из всех западных методов психотерапии В. Н. Мясищев наиболее близкими к своему пониманию психотерапии как инструмента реституции здоровых и реконструкции нарушенных отношений личности называл два, одним из которых была психотерапия К. Роджерса. Для описания своего метода К. Роджерс ввел термин «кларификация» — помощь пациенту в «прояснении своих чувств, включая природу своих страхов, объектных отношений, *аттитюдов* (выделено нами. — В. С.), различный выбор действий и т. д.» (Rogers, 1942, p. 148).

Определение аттитюда, данное Олпортом в 1935 г., может использоваться для определения термина «отношение» В. Н. Мясищева — «состояние психонервной готовности, сложившееся на основе опыта и оказывающее направляющее и (или) динамическое влияние на реакции индивида относительно всех объектов или ситуаций, с которыми он связан» (Allport, 1935, p. 821–822). Со-

впадают «аттитюд» и «отношение» и структурно. В 1942 г. М. Смит выделил когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты аттитюда, эти же компоненты Б. Д. Карвасарский и Г. Л. Исурина описывают в «отношении».

Столкнувшись с необходимостью перевода своих работ на английский язык, В. Н. Мясищев мог бы настоять на кальке с русского языка, в таком случае термин «otnoshenie» (отношение) занял бы свое место в ряду слов «sputnik» (спутник), «chernozem» (чернозем), «dacha» (дача) и др., или же, подобно французскому социологу Жильберу Дюрану, мог бы изобрести новое слово. Напомним, что Ж. Дюран под влиянием С. Л. Франка развивал идеи В. М. Бехтерева и А. А. Ухтомского. Решая задачу передать смысл понятия «отношение», Ж. Дюран изобрел два новых термина — «траект» (от *лат.* *tras* — через или между, *jacere* — бросать, кидать, метать) и «имажинер» (от *фр.* *l'imaginaire* — первичный процесс, состоящий из воображаемого, воображающего, воображения и самого процесса воображения одновременно). Однако В. Н. Мясищев предпочел третий вариант — использование уже существовавшего термина.

Ученик В. Н. Мясищева В. А. Журавель обращает внимание на то, что при печати своих работ на английском языке учитель настаивал на переводе понятия «психология отношений» как «psychology of attitudes». Другой ученик В. Н. Мясищева В. А. Мурзенко на вопрос «Какую книгу можно прочесть для лучшего понимания термина „отношение“?» указывал работу У. Томаса и Ф. Знанецки «Польские крестьяне в Европе и Америке».

Кроме того, можно обратить внимание, что статьи В. Н. Мясищева 1950–1960-х годов в целом находятся в мейнстриме зарубежных исследований аттитюдов.

В завершение приведем две работы В. Н. Мясищева — лекции для сотрудников Всемирной организации здравоохранения, опубликованные в 1965 и 1970 гг. В обеих работах В. Н. Мясищев для пояснения сути психологии отношений использует термин «attitude». Более того, в работе 1970 г. В. Н. Мясищев дифференцирует понятия «attitude» и «relations», что дает нам все основания утверждать, что он хорошо понимал разницу между переводом на английский язык термина «отношение» и понятия «отношение» в бытовом смысле. Приведем этот фрагмент дословно:

«From this, follows that the attitude and relation of the doctors to the patients must be such that is win over the patients respect and trust» («Из этого следует, что аттитюд и отношение врачей к пациентам должно быть таким, чтобы завоевать уважение и доверие пациентов») (Myasishchev, 1970).

Заключение

История возникновения и развития термина «отношение» в отечественной научной традиции (А. Ф. Лазурский, С. Л. Франк, В. Н. Мясищев) в контексте истории социальной психологии, особенно истории изучения аттитюдов, открывает перед исследователями новые горизонты. Нами введены в научный оборот два новых архивных документа — лекции В. Н. Мясищева, прочитанные для специалистов Всемирной Организации Здравоохранения в 1965 и 1970 гг. На примерах показано, что в публикациях на английском языке

для перевода термина «отношение» В. Н. Мясищев использовал именно термин «аттитюд» и в тексте своих статей дифференцировал понятия «attitude» и «relations». Проанализированы некоторые смысловые сходства терминов «отношение» и «аттитюд» и показана структурная идентичность этих понятий. Уверены, что приведенная в статье новая информация облегчит включение наследия В. Н. Мясищева в контекст мировой психологической науки. Следствием чего, в частности, может стать новое (в русле не только социальной психологии) прочтение классических работ В. Н. Мясищева после анализа контекстов использования им в зарубежных публикациях понятий «attitude» и «relations».

Литература

- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Значение работ В. Н. Мясищева для развития социальной психологии // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 59–68.
- Исурина Г. Л., Карпова Э. Б., Журавлев А. Л.* Психологическая концепция отношений В. Н. Мясищева: учение о неврозах и психотерапия // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 2. С. 36–44.
- Карпова Э. Б., Исурина Г. Л., Журавлев А. Л.* Психологическая концепция отношений В. Н. Мясищева: основы и содержание // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 5–14.
- Карпова Э. Б., Исурина Г. Л., Журавлев А. Л.* Прошлое и настоящее творческих достижений В. Н. Мясищева (к 130-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 4. С. 113–123.
- Левченко Е. В.* История и теория психологии отношений. СПб.: Алетейя, 2003.
- Леонтьев Д. А.* Теория личности А. Ф. Лазурского: от наклонностей к отношениям // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 4. С. 7–20.
- Мясищев В. Н., Журавель В. А.* На пути к созданию теории личности (К 100-летию со дня рождения А. Ф. Лазурского) // Вопросы психологии. 1974. № 2. С. 32–42.
- Слотина Т. В.* Психология отношений: Учебник для вузов стандарт третьего поколения. СПб.: Университет Герцена, 2023.
- Слабинский В. Ю., Воищева Н. М.* Рождение и развитие психотерапевтического метода (к 125-летию со дня рождения В. Н. Мясищева) // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 5.
- Тузова О. Н.* Проблема самоотношения личности в теории отношений В. Н. Мясищева // Проблемы современного педагогического образования: Сборник научных трудов. Сер. «Педагогика и психология». Вып. 60. Ч. 1. Ялта: РИО ГПА, 2018. С. 483–485.
- Myasishchev V. N.* Neurosis their prevention and treatment. WHO Inter regional travelling seminar on the Organization of Mental Health Services. Moscow, 1965.
- Myasishchev V. N.* Contemporary problems of neuroses and the in psychotherapy. WHO Inter regional travelling seminar on the Organization of Mental Health Services. Moscow, 1970.
- Allport G. W.* Attitudes // The Handbook of Social Psychology. Worcester: Clark University Press, 1935. P. 798–844.
- Rogers C. R.* Counseling and Psychotherapy. Boston: Houghton Mifflin, 1942.

Once again about the terms “relations” and “attitude” on the 130th anniversary of the birth of V. N. Myasishchev

V. Y. Slabinskiy

MD, rector of the Autonomous Non-Commercial Organization for Supplementary Vocational Education “Petersburg School of Psychotherapy and Psychology of Attitudes”, St Petersburg, Russia, slabinsky@yandex.ru

The article considers V. N. Myasishchev's contribution to Russian psychology. The author shows the origin and development history of the term “relation” in the context of social psychology's history. The article gives analysis of conceptual convergence of the terms “relation” and “attitude” and shows their structural identity. The author introduces two new archival documents into scientific discourse: V. N. Myasishchev's 1965's and 1970's lectures for World Health Organization experts. Given examples prove that V. N. Myasishchev used the term “attitude” for publications in English and differentiated the concepts of “attitude” and “relations” in his articles. The paper concludes with a suggestion that the new information given in the article will facilitate the integration of V. N. Myasishchev's legacy into the international sphere of psychological science. In particular, a new interpretation of V. N. Myasishchev's classic works after the analysis of the context of using the terms “attitude” and “relations” in his foreign publications is a possible consequence.

Keywords: attitude, psychology of attitudes, relations, social psychology, history of psychology, methodology of psychology, social attitude, theoretical and methodological issues.

Проблемы социальной психологии колхозного крестьянства в работах В. В. Новикова

Ю. Н. Слепко

доктор психологических наук, доцент, декан педагогического факультета,
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Россия, slepko@inbox.ru

Обсуждается зарождение социально-психологических исследований в Ярославской психологической школе в 60-е годы XX в. Обосновывается, что данный процесс шел параллельно возрождению социально-психологической проблематики в отечественной психологии в рассматриваемый период. Показано, что у истоков социально-психологических исследований в Ярославле стояли В. С. Филатов и В. В. Новиков, внесшие значительный вклад в развитие ярославской психологической школы. На примере исследований В. В. Новикова показано, что важную роль в разработке социально-психологической проблематики в Ярославле сыграло получение Ученым советом педагогического института права проведения защит кандидатских диссертаций по психологии (1966). Одной из первых защищенных в совете диссертаций была работа В. В. Новикова, посвященная социально-психологическому анализу формирования коллективизма у колхозного крестьянства (1967). Дается краткая характеристика основных идей и результатов исследований, выполненных В. В. Новиковым на материале изучения колхозов Ярославской, Костромской и Рязанской областей.

Ключевые слова: социальная психология, история психологии, Ярославская психологическая школа, В. С. Филатов, В. В. Новиков, коллективизм, колхоз.

В истории отечественной психологии период конца 1950—начала 1960-х годов определяется как время возрождения социально-психологических исследований (подробнее см.: Журавлев, Почебут, 2019; и др.), предметом которых стала проблематика религиозного сознания общества, структура общественных отношений, психология коллектива и мн. др. (А. Г. Ковалев, Е. С. Кузьмин, Б. Д. Парыгин, Л. А. Петровская, К. К. Платонов, А. Л. Свенцицкий, Е. В. Шорохова и др.). В это же время шло активное развитие многих других направлений и отраслей отечественной психологии — педагогической психологии, психологии обучения, инженерной психологии, психологии труда, психологии личности и др. На этом фоне новое дыхание приобрела и Ярославская психологическая школа, усилиями В. С. Филатова возрожденная после вынужденного перерыва в 1930—1940-х годов (Мазиллов, Слепко, 2022).

Приход в 1946 г. В. С. Филатова на кафедру психологии Ярославского педагогического института стал определяющим для ярославской психологии со-

бытием. В институте было открыто отделение логики и психологии (1946), аспирантура по психологии (1949), лаборатория психологии труда (1964); начали проводиться всесоюзные конференции по проблемам психологии труда, трудового обучения и воспитания личности (1961–1970); наконец, в 1966 г. Ученый совет института получил право проведения защит кандидатских диссертаций по психологии. За неполные десять лет существования совета в нем прошли защиты более 30 кандидатских диссертаций, в том числе молодых представителей Ярославской психологической школы: Ю. П. Вавилова, Н. П. Воронина, Ю. К. Корнилова, Г. А. Мурашева, В. В. Новикова, А. Г. Поддубного, В. Д. Шадрикова, В. Ф. Шевчука, В. Н. Шеминова. Вместе с более ранними защитами в Москве и Ленинграде Н. П. Ерастова, В. В. Карпова, М. М. Рыбаковой и А. В. Филиппова в 1950–1960-е годы был очерчен круг научно-исследовательских проблем и вопросов, определивших на долгое время неповторимое лицо кафедры психологии Педагогического института и Ярославской психологической школы. Речь идет о разработке проблем психологии труда и инженерной психологии, психологии обучения и воспитания, профессионального самоопределения и профессиональной ориентации, психологии мышления и др.

Особое место среди разрабатываемых кафедрой психологии Педагогического института проблем занимали социально-психологические исследования, входившие в пространство научных интересов В. С. Филатова. Социально-психологическая проблематика разрабатывалась им на протяжении всей научной деятельности в контексте изучения психологии речи школьника, развития личности и характера, профессионального развития педагога, формирования производственного коллектива и др. Что еще более важно, научные интересы В. С. Филатова легли в основу развития социально-психологических исследований уже на факультете психологии Ярославского государственного университета. Это направление развития Ярославской психологической школы было продолжено одним из его известных учеников – Виктором Васильевичем Новиковым (1935–2014), о чем важно сказать подробнее.

Конечно, говорить о биографии, личности и деятельности В. В. Новикова нет острой необходимости. Этому посвящены специальные работы, опубликованные его учениками и коллегами за последние 10–15 лет. Подробно описана биография и библиография работ В. В. Новикова (Козлов и др., 2016а, б, в, 2017); опубликованы обобщающие работы о его личности и деятельности (Козлов, 2010); представлены воспоминания коллег и учеников (Базиков, Мазилев, 2016; Журавлев, 2022). Отдельно необходимо сказать, что усилиями В. В. Козлова и других учеников были опубликованы 12 томов избранных произведений В. В. Новикова (Новиков, 2005; и др.), содержание которых представляет несомненный интерес и для историков психологии, и для всех, кто занимается разработкой проблем социальной психологии. В целом же следует заключить, что в настоящее время личность и деятельность В. В. Новикова имеют весьма широкое и подробное научное, справочно-биографическое и библиографическое описание. Между тем ранние социально-психологические исследования В. В. Новикова представляют особый интерес по целому ряду причин. Они не только отражают многообразие научных исследований кафедры психологии Педагогического института, но и хорошо иллюстрируют актуальную

проблематику возрождавшейся отечественной социальной психологии (также см.: Почебут, Журавлев, 2019; и др.). Кратко поясним сказанное.

Как уже было отмечено, в 1966 г. Ученый совет Ярославского педагогического института получил право проведения защит кандидатских диссертаций по психологии. Редкий для провинциального (тем более педагогического) вуза случай стал закономерным итогом 20-летнего развития кафедры психологии под руководством В. С. Филатова. За это время были налажены тесные контакты с ведущими отечественными психологами (А. В. Брушлинским, Н. Ф. Добрыниным, Е. А. Климовым, В. Н. Колбановским, Б. Ф. Ломовым, К. К. Платоновым, В. Ф. Рубахиным, Е. В. Шороховой и др.; сам В. С. Филатов защищал кандидатскую и докторскую диссертации под руководством С. Л. Рубинштейна), установлены научные и образовательные связи с психологическими и педагогическими учреждениями и организациями страны (НИИ АПН СССР, классические, педагогические, профильные вузы); молодая психологическая школа в Ярославле приобрела всесоюзную известность благодаря исследованиям в области психологии труда и инженерной психологии, педагогической психологии, психологии обучения и воспитания личности; открытая при кафедре лаборатория психологии труда стала головной для Министерства просвещения РСФСР.

В это время, развивая идеи В. С. Филатова, в аспирантуре при кафедре психологии обучался В. В. Новиков, избравший темой своей кандидатской диссертации изучение «Основных факторов формирования коллективизма у колхозного крестьянства» (На материале конкретного социально-психологического исследования, проведенного в Ярославской, Костромской и Рязанской областях)» (Новиков, 1967). В. В. Новиков стал первым из молодых ярославских психологов — учеников В. С. Филатова, кто защитил кандидатскую диссертацию в открытом при институте диссертационном совете. К моменту защиты В. В. Новиков уже имел опыт научно-исследовательской работы, связанной с изучением личности сельского механизатора, влияния настроения на продуктивность работы коллективных хозяйств, анализом вопросов профориентации сельской молодежи, с разработкой методики социально-психологического исследования сельскохозяйственного коллектива и др.

Установленные кафедрой психологии тесные научные контакты с российским психологическим сообществом позволили пригласить в качестве оппонентов диссертации известных отечественных психологов — Е. В. Шорохову и Н. Ф. Добрынина; в качестве ведущей организации выступил Рязанский педагогический институт в лице заведующего кафедрой психологии В. И. Селиванова.

В основу диссертации были положены исследования В. В. Новикова, посвященные проблемам формирования коллектива у колхозного крестьянства, становления черт личности колхозника, профориентации сельских школьников и др. Собственно это и стало основной проблемой исследования, связанной с решением задачи выявления социально-психологических факторов формирования коллективизма у колхозников. В качестве последних автор рассматривал «совместный труд, сочетание материальных и моральных стимулов и мотивов к труду, расширение объема прав и функций самоуправления, а также хорошего настроения» (Новиков, 1967, с. 4). Объяснение функциональ-

ной роли названных факторов производилось В. В. Новиковым на материале сравнительного анализа производственных коллективов двух типов — городских промышленных предприятий (Ярославский завод топливной аппаратуры и обувная фабрика «Североход» г. Ярославля) и сельских коллективных хозяйств (колхозов) в Ярославской, Костромской и Рязанской областях. Заметим, что завод топливной аппаратуры и обувная фабрика в Ярославле на долгие годы стали экспериментальной площадкой для исследований проблем психологии труда и инженерной психологии, проводимых на кафедре психологии Педагогического института.

Необходимо специально отметить масштаб проведенного исследования — за шестилетний период эмпирического исследования автор смог организовать обследование 10 производственных коллективов объемом более 10 тысяч рабочих и колхозников в возрасте от 17 до 60 лет.

Обращает на себя внимание и методическая база исследования, в особенности если сравнивать ее с аппаратом современных эмпирических исследований. Сегодня редкая эмпирическая диссертация обходится без использования тестов, опросников и т. п. методов исследования. Конечно, появление в отечественной психологии стандартизированных методик дало свои положительные плоды, в том числе по сближению исследовательских процедур и планов с мировыми стандартами. Однако в большинстве диссертационных исследований, проводившихся на кафедре психологии Педагогического института (в том числе и в исследованиях В. В. Новикова), ведущим методом был психологический анализ деятельности, требовавший применения методов наблюдения (длительное, включенное), интервью, беседы, анкетного опроса, анализа продуктов деятельности, изучения документации, сбора и обобщения независимых характеристик. Использование указанной совокупности методов психологического анализа деятельности (включая методы моделирования и эксперимента) на долгие годы стало визитной карточкой Ярославской школы психологии, в предмет исследований которой входило изучение психологических закономерностей профессионального обучения, повышения производительности и эффективности труда, выполнения трудовых операций разной степени сложности и т. п. На примере исследований В. В. Новикова видно распространение методов психологического анализа деятельности на предмет социально-психологических исследований.

Проведенное В. В. Новиковым социально-психологическое исследование проблемы формирования коллективизма у колхозного крестьянства позволило получить следующие основные результаты.

Во-первых, была психологически обоснована опосредствующая роль сельскохозяйственного производственного коллектива в формировании личности крестьянина. По мнению В. В. Новикова, важнейшую роль в этом процессе должно приобретать преобразование производственного коллектива из объекта воспитания в его субъект.

Во-вторых, было установлено влияние сочетания моральных и материальных стимулов, а также мотивов труда на повышение эффективности производственной деятельности. На наш взгляд, данный результат является весьма интересным, отражающим сложность и неоднозначность идеологических

форм и методов воздействия на производительность труда в социалистическом обществе. Обращая внимание на роль форм социалистического соревнования в последнем (движение за звание бригад и ударников коммунистического труда, присвоение Красных знамен и т. п.), В. В. Новиков акцентировал внимание и на важном значении хозрасчетных заданий, перевыполнение которых поддерживалось материальным стимулированием сельскохозяйственных бригад.

В-третьих, помимо сказанного, важное место в росте производительности труда занимало повышение самостоятельности и автономности сельскохозяйственных производственных коллективов в планировании производства, размещении сельхоз культур, составлении севооборотов и т. п. Это позволило снизить негативное влияние бюрократического контроля на всех этапах производства сельхозпродукции.

В-четвертых, важнейшим субъективным фактором повышения производительности труда и эффективности воспитания коллективизма выявлено хорошее настроение и оптимизм членов производственного коллектива. Автор пишет, что «стимулируя их деятельность, способствуя активному участию в общественной жизни, хорошее настроение служит и действенным средством воспитания, мощным фактором перестройки всего внутреннего мира человека» (Новиков, 1967, с. 19).

Обобщая, отметим, что, несмотря на требуемые идеологически выверенные формулировки и обобщения, В. В. Новиковым были сделаны действительно интересные психологически обоснованные выводы о роли объективных и субъективных факторов в формировании коллективизма у колхозного крестьянства и повышении производительности труда. Конечно, прошедшее от рассматриваемого периода истории отечественной психологии время накладывает свой отпечаток на востребованность полученных В. В. Новиковым результатов. Однако, на наш взгляд, основные идеи диссертационного исследования (о сочетании объективных и субъективных факторов в повышении производительности труда, о роли настроения в этом процессе и др.) не потеряли своей актуальности и научной значимости. Помимо сказанного, работа В. В. Новикова (как и диссертации других молодых ярославских психологов 1960-х годов) хорошо иллюстрирует включенность Ярославской школы психологии в разработку актуальных проблем отечественной психологии в 1960–1970-е годы (о последнем подробнее см. соответствующий раздел об истории психологии в книге: Психология, 2000; и др.). Нельзя не обратить внимание и на высокий уровень организации научно-исследовательской работы, позволявший получать репрезентативные данные, формулировать обобщающие, научно значимые выводы и заключения; еще раз отметим, что методика психологического анализа деятельности на долгие годы стала фирменным знаком Ярославской школы психологии в разработке проблем психологии труда, инженерной психологии, социальной и педагогической психологии, психологии обучения и воспитания и др.

Заключение

Проведенные В. В. Новиковым социально-психологические исследования позволили в дальнейшем реализовать накопленный опыт научно-исследова-

тельской работы в других областях научной деятельности. Так, им была организована работа сектора социально-психологических исследований Центра НОТ Миннефтехимпрома СССР, заведующим которым он был в 1972–1988 гг. На материале работы в Центре НОТ им была подготовлена докторская диссертация на тему «Социально-психологические проблемы управления (на материалах отраслевой службы Миннефтехимпрома СССР)», защищенная в 1981 г. в Институте психологии АН СССР. В последующем опыт социально-психологических исследований, опыт управления научно-исследовательскими коллективами позволил В. В. Новикову создать кафедру социальной и политической психологии в Ярославском государственном университете, создать хорошо известную сегодня Международную академию психологических наук (1992), организовать работу кандидатского (1994) и докторского (1997) диссертационных советов и др.

Литература

- Базиков М. В., Мазиллов В. А.* «Человек на все времена». Интервью с В. А. Мазилловым, посвященное 80-летию со дня рождения В. В. Новикова // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 5. С. 147–163.
- Журавлев А. Л.* Воспоминания о профессоре В. С. Филатове и моем распределении в Ярославский госуниверситет // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Сер. «Гуманитарные науки». 2022. Т. 16. № 3 (61). С. 524–542.
- Журавлев А. Л., Почебут Л. Г.* К 60-летию дискуссии о предмете социальной психологии в России // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 3. С. 99–109.
- Козлов В. В.* Патриарх российской психологии. Краткий справочник результатов творческой, научной и учебной деятельности профессора Ярославского государственного университета В. В. Новикова. М.–Ярославль: ИП РАН–ЯрГУ–МАПН, 2010.
- Козлов В. В., Мазиллов В. А., Фетискин Н. П., Костригин А. А.* Новиков Виктор Васильевич: данные библиографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016а. № 5. С. 104–121.
- Козлов В. В., Мазиллов В. А., Фетискин Н. П., Костригин А. А.* Новиков Виктор Васильевич: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016б. № 5. С. 31–40.
- Козлов В. В., Мазиллов В. А., Фетискин Н. П., Костригин А. А.* Новиков Виктор Васильевич: фотографии // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016в. № 5. С. 210–220.
- Козлов В. В., Мазиллов В. А., Фетискин Н. П., Костригин А. А.* Новиков Виктор Васильевич: данные библиографии #2 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 1. С. 48–68.
- Мазиллов В. А., Слепко Ю. Н.* Филатов Василий Степанович: методолог, психолог, организатор науки. Ярославль: РИО «ЯГПУ», 2022.
- Новиков В. В.* Основные факторы формирования коллективизма у колхозного крестьянства: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 1967.
- Новиков В. В.* Социальная психология и экономика. Избр. произведения в 12 т. / Гл. ред. В. В. Козлов. Т. 12. Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2005.

Психология: Учебник для технических вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2000.

Почебут Л. Г., Журавлев А. Л. Становление отечественной социальной психологии в начале 1960-х годов // Историческая преемственность в отечественной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 315–321.

Problems of social psychology of the collective farm peasantry in the works of V. V. Novikov

Y. N. Slepko

doctor of psychology, docent, dean of the Pedagogical Faculty, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia, slepko@inbox.ru

The article discusses the origin of socio-psychological research in the Yaroslavl psychological school in the 60s. 20th century It is substantiated that this process was parallel to the revival of socio-psychological problems in Russian psychology in the period under review. It is shown that V. S. Filatov and V. V. Novikov, who made a significant contribution to the development of the Yaroslavl psychological school. On the example of V. V. Novikov, it is shown that an important role in the development of socio-psychological problems in Yaroslavl was played by the receipt by the Academic Council of the Pedagogical Institute of the right to defend candidate dissertations in psychology (1966). One of the first dissertations defended in the council was the work of V. V. Novikov, devoted to the socio-psychological analysis of the formation of collectivism among the collective farm peasantry (1967). The article gives a brief description of the main ideas and results of research carried out by V. V. Novikov on the material of studying the collective farms of the Yaroslavl, Kostroma and Ryazan regions.

Keywords: social psychology, history of psychology, Yaroslavl psychological school, V. S. Filatov, V. V. Novikov, collectivism, collective farm.

Русский писатель и «реалист-психолог» П. Д. Боборыкин

Н. Ю. Стоюхина

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления
Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний
Новгород, Россия, Natast0@rambler.ru

Рассматриваются некоторые произведения из литературного творчества русского писателя Петра Дмитриевича Боборыкина (1836–1921). Их выбор обусловлен тем, что на страницах этих произведений встречаются факты, события, люди, представляющие интерес для психологов, поэтому мы считаем П. Д. Боборыкина перспективным для изучения как в истории психологии, так и в исторической психологии. Произведений, которые нам показались интересными и важными, не так много, но большое значение имеют воспоминания и автобиографическая проза «В путь-дорогу!». Они ценны своими портретами французских и английских философов, с которыми П. Д. Боборыкин встречался, а также автобиографическими деталями. Интересен большой очерк «Русский Шеффилд» о нижегородском селении Павлово, где жили и работали кустари-замочники; как писатель Боборыкин был многогранен: ученый-краевед, этнопсихолог, антрополог, психолог труда, гигиенист. Ряд статей Боборыкина в журнале «Вопросы философии и психологии» до сих пор ожидают внимания историков психологии и философии.

Ключевые слова: история психологии, историческая психология, русский писатель, философы-позитивисты, П. Д. Боборыкин, литературное творчество, психология в гимназиях.

Открытие новых имен в результате историко-психологических исследований происходит не так уж часто, а это является специальной задачей истории психологии (см., например: Журавлев и др., 2016; Олейник, Журавлев, 2023; и др.). Чаще всего имеют место открытия-припоминания, когда психолог — ученый, исследователь — когда-то работал, а потом, в силу драматических исторических обстоятельств, пропал из «зоны видимости» — перестал печататься, выступать, на него перестали ссылаться, а потом и имя его растворилось в непрерывном жизненном потоке. Но бывает, что знание о новом имени в истории психологии приходит с неожиданной стороны, например из художественной литературы. Так бывает после внимательного прочтения произведений и знакомства с биографией писателя, когда он предстает историческим психологом, зафиксировав знание о конкретных исторических личностях или событиях. Согласимся с Е. Н. Холондович в том, что «сегодня нет единой формы изучения личности в истории. Если ранее подобные исследования укладывались в описательную

модель, представляющую собой сбор фактологического материала об изучаемом историческом деятеле вне зависимости от динамики в жизни общества, исторических событий, которые предшествовали жизни человека или которые он пережил, то сегодня все чаще перед учеными встает вопрос: кого изучать и как?» (Холондович, 2023, с. 852).

Имя русского писателя, публициста, мемуариста, драматурга, критика и переводчика Петра Дмитриевича Боборыкина (1836–1921), кажется, не нуждается в популяризации – о нем писали много, но мы попробуем привлечь внимание к той части его творчества, которая откроет для историков психологии новые интересные и важные детали (Стоюхина, 2019).

Пётр Дмитриевич Боборыкин родился в Нижнем Новгороде в дворянской семье. В любой статье о нем – а написано о нем много, мы сошлемся только на свежую публикацию А. А. Тесли (Тесля, 2023б) – обязательно будет отмечена его плодотворность как писателя, многожанровость, долгая творческая жизнь и введение в массовый оборот слова «интеллигенция». Русский писатель, народоволец и врач С. Я. Елпатьевский (1854–1933) писал о нем: «...к Боборыкину было не совсем справедливое отношение со стороны критики и читающей публики. Насмешливое «Пьер Бобо» с большой и разносторонней эрудицией в области литературы, театра, искусства вообще. И он был настоящий литератор – только литература занимала всю жизнь его ум и сердце» (Елпатьевский, 1928, с. 156).

Петр Дмитриевич позаботился еще при жизни об автобиографии, написав подробные воспоминания (Боборыкин, 2005) и автобиографический роман «В путь-дорогу!» (Боборыкин, 1864), поэтому мы только отметим, что после окончания нижегородской гимназии он поступил в Казанский университет на юридический факультет, но, не доучившись, в 1855 г. перевелся в Дерптский университет на отделение химии, а в 1857 г. перешел на медицинский факультет. В 1860 г., не завершив образования, переехал в Петербург, где в 1861 г. в Петербургском университете сдал экзамен на степень кандидата права. Осознав свое призвание – быть литератором, стал писать. Он – автор множества романов, пьес, критических очерков. Из обширного творческого наследия писателя, представляющего большой интерес, в первую очередь, все же для литературоведов, нам показались важными некоторые работы П. Д. Боборыкина, в которых можно обнаружить новое историко-психологическое знание.

Их у него не так много, но для истории психологии они представляют определенный интерес, поэтому остановимся на них подробнее.

Сразу отметим его интересные воспоминания, подробные, насыщенные описаниями и оценками реальных исторических фигур, с кем довелось встречаться П. Д. Боборыкину. Возможно, прав был С. Я. Елпатьевский, писавший: «П. Д. Боборыкин пришелся не ко двору в русской литературе. Его время, начиная с 60-х гг., когда он начал писать, было время ломки всех сторон русской жизни, русская литература была полна гнева и скорби, зовов новой жизни, была полна великих проблем русской души и русской жизни, а Боборыкин был бытописатель, чуждый скорби, того, чем болела литературная русская душа. Он был европеец. Не только потому, что долго жил за границей, не только по своим привычкам и навыкам, – как Золя, он ежедневно аккуратно писал по утрам,

с 10 часов до 12 часов, — но и в значительной мере по своей психологии. И у него была одна черта, определявшая всю его литературную физиономию, неодолимая тяга к новому, к уловлению только что зарождающегося. Он был во власти этого нового и стремился с фотографической точностью поскорее зафиксировать все новое, и в этой поспешной работе по необходимости было больше фотографий, чем портретной живописи» (Елпатьевский, 1928, с. 155).

Среди множества исторических личностей в воспоминаниях встречаются философы и психологи. Так, писатель описал встречу с К. Д. Кавелиным (1818—1885), преподававшим в Санкт-Петербургском университете гражданское право — «побочный предмет» (Боборыкин, 2005, с. 208) для студента Боборыкина. Профессора Кавелина боялись как экзаменатора, поэтому материал пришлось зубрить. На экзамене перед ним отвечал студент Скалон, впоследствии кавалерийский генерал, он хотел получить за свой ответ «пятерку», и «Кавелин порядочно-таки „пронимал“ его, заставил брать второй билет; прохаживался и по всему предмету. Все мы, чаявшие свой очереди, сейчас почуяли, что ответом в несколько минут тут не отвертеться» (там же, с. 213). Боборыкин описал К. Д. Кавелина как «очень крепкого, средних лет и небольшого роста мужчину, с красными щеками, еще не седой, живой в движениях. Он носил — после какой-то болезни — на голове шелковую скуфью. Глаза его, живые и блестящие, зорко и экзаменаторски взглядывали на вас» (там же). Петр Дмитриевич сдал экзамен, правда возразив профессору, но в результате положительную отметку получил. Позже, после смерти А. И. Герцена, Петр Дмитриевич стал сближаться с Кавелиным, найдя у них сходство «по всему облику, фигуре, манерам, а главное, голосу и языку истых москвичей и одной и той же эпохи. Кавелин рано сблизился с Герценом, и тот стал его большой симпатией до их разрыва, случившегося на почве политических взглядов» (там же).

Вскоре Боборыкин начал путешествовать по Европе, как он писал, «провел в „чужих краях“ более пяти лет, с сентября 1865 по январь 1871 года» (там же, с. 368). Франция произвела на тридцатилетнего литератора большое впечатление: «Париж я полюбил» (там же, с. 386). Привлекательность Парижа он объяснял тем, что повсюду можно было видеть «картины довольства, во всех слоях общества, в бедном люде, в рабочих, в ремесленниках. Все это пользовалось жизнью гораздо легче, веселее, чем у нас, имело более крупный заработок, тратило гораздо меньше, чем у нас в обеих столицах» (там же, с. 387). В общем, Петру Дмитриевичу казалось, что «вы живете в демократическом государстве, где и трудовой люд не чувствует себя отверженными париями. Кроме того, значились и тогда до семи миллионов крестьян-собственников» (там же, с. 388).

Во Франции Боборыкин вел активную жизнь; живя в Латинском квартале, он много читал, посещал публичные лекции известных ученых, встречался с ними, наблюдал и записывал. На страницах его воспоминаний можно найти портреты французских философов-позитивистов: Э. Литтре (Émile Maximilien Paul Littré; 1801—1881), И. Тэна (Hippolyte Adolphe Taine; 1828—1893); английских философов и социологов: Г. Спенсера (Herbert Spencer; 1820—1903), Дж. С. Милля (John Stuart Mill; 1806—1873). Д. Г. Льюис (George Henry Lewes; 1817—1878) и Т. Рибо (Théodule Ribot; 1839—1916) стоят особняком в творчестве Боборыкина.

В 1880 г., через два года после смерти Льюиса, на русском языке вышла его книга «Изучение психологии. Ее предмет, область и метод», где Боборыкин был редактором перевода и автором этюда «Льюис как психолог», который посвятил верной спутнице Д. Г. Льюиса – писательнице Мэри Энн Эванс, творившей под псевдонимом Джордж Элиот (Боборыкин, 1880). 20-страничный этюд наполнен уважением и любовью к английскому философу и психологу и заслуживает внимательного прочтения. Боборыкин писал, что за последние 25 лет никто не стал настолько своим человеком для образованных читателей, как Льюис; его работы «Физиология обыденной жизни», «История философии» «заставили массу публики заинтересоваться такими вопросами, которые до тех пор были достоянием небольших кружков или читателей-специалистов» (там же, с. XI). Особенность Льюиса была в том, что «все, чего он ни касался, принимало у него живую характерную форму, во всем сквозил пытливый, смелый, обширный ум, не страдавший той склонностью к компромиссам, какая дается английским воспитанием... в этом человеке общеевропейец преобладал над англичанином. Он даже и по внешности не имел британского типа. Выражение лица, голос, манера говорить, жесты, умственные привычки, идеи, общественные симпатии, вкусы – все это было скорее континентальное, а уже никак не чисто английское» (там же, с. XII). Высшее общество и учено-литературный мир Лондона не любили философа за его резкость и искренность. Боборыкин отмечает новизну, оригинальность психологических взглядов Льюиса: он «указал на необходимость ввести в психологию *социальный фактор*. В нескольких местах посмертного своего сочинения говорит он, что на психологию нельзя уже смотреть как на науку об индивидуальном человеческом духе, чем до сих пор ограничивались: и шотландская школа, и немецкая метафизическая, и новейшая опытно-физиологическая <...>. Его взгляд расширяет пределы психологии, устанавливает ее связь с социологией, дает возможность наблюдать над целыми рядами общественных фактов с целью исследования проявлений коллективного ума, коллективного чувства и коллективной воли» (там же, с. XXIV). Льюис также расширил функции, характеризующие психическую жизнь. Он настаивал на том, чтобы признать «чувствование» общим психическим фактом, а не ограничивать объект индивидуальной психологии термином «сознание». «Без чувствования нет душевной деятельности, но очень часто чувствование, по некоторым физиологическим причинам, не доходит до нашего сознания. Из совокупности чувствований, как сознательных, так и бессознательных, и того, что Льюис обозначает термином опыт, и состоит вся душевная жизнь человека, взятого единично и коллективно» (там же, с. XXV). При этом он остался позитивистом и считал психологию отраслью биологии. Верный последователь Конта, он был убежден в биологическом начале психологии.

В 1881 г. библиотека русскоязычных психологических книг пополнились еще одним переводом книги французского психолога и педагога, члена Французской академии Т. Рибо «Современная английская психология (опытная школа)», где П. Д. Боборыкин был также редактором перевода и написал небольшой критический очерк (Боборыкин, 1881), но не столько о Рибо, сколько о своем отношении ко всей иностранной литературе по философии и психологии, и подчеркнул, что «книга Рибо послужит даровитым, ясным, отчетливым и беспри-

страстным изложением успехов опытной английской психологии новейшего времени, т. е. XIX века. Автор сам говорит в предисловии, что и во Франции эта английская школа очень мало была известна» (там же, с. VII).

На протяжении многих лет П. Д. Боборыкин был действительным членом Психологического общества, состоящего при Императорском Московском университете, туда входили не только философы и психологи, но и писатели, критики (например, Ю. И. Айхенвальд) (Костригин, 2023). На страницах журнала были опубликованы несколько его статей на различные темы (Боборыкин, 1893, 1894, 1895, 1899, 1900). Примерно в 1909 или 1910 г. он выступал в Психологическом обществе с докладом, где пропагандировал положительные идеи в противовес мистической и идеалистической философии, ставшей модной в обществе и культивировавшейся в университете (Мельгунов, 2003, с. 185). Об этом вспоминал русский историк, публицист, издатель и политический деятель С. П. Мельгунов (1879–1956): «Сию я в редакции, как вдруг появляется после доклада П. Д. Боборыкин. В таком состоянии я еще никогда его не видел. Буквально багровый — я думал, что с ним сейчас сделается удар. <...> Что случилось? Б. еле пришел в себя и заявляет, что ушел с заседания, не дождавшись окончания прений, — так он был возмущен тем, что там происходило, и поведением председателя Л. М. Лопатина, который не считал нужным даже остановить» (Мельгунов, 2003, с. 187). Оказывается, во время выступления сидящий напротив человек делал смешливые гримасы, паясничал, кривлялся. Это был Бердяев. Постепенно Боборыкин успокоился и стал смеяться. Между тем оппоненты были довольны, ведь «докладчик, разбитый в прениях по всем правилам искусства академической науки, бежал с поля битвы. <...> Патентованные философы, конечно, несколько свысока отнеслись к любительству и постарались ловить докладчика на терминологии, не возражая по существу. Довольно обычный прием. Тут Боборыкин был слабее своих противников, несмотря на свое образование, и схоластическими приемами нетрудно было обнаружить методологические ошибки. Но академические жрецы были довольны и этой легкой победой. Надо сказать, что позитивизм самого Боборыкина был своего рода фетиш и, как всякий фетиш, становился отчасти сам метафизикой» (там же).

В 1899 г. в журнале «Вопросы философии и психологии» вышла статья П. Д. Боборыкина, важная для вскоре начавшегося (в 1905 г.) преподавания психологии в гимназиях, предварительно прочитанная в виде доклада в Философском обществе при Санкт-Петербургском университете 26 января 1899 г. В это время автор жил в центре университетского Парижа — в Quartier latin, и «часто проводил параллель между умственным развитием французских юношей.. и наших гимназистов» (Боборыкин, 1899, с. 113). Главное отличие французского гимназического преподавания он видел в том, что «последний год французский гимназист проводил в классе философии» (там же, с. 114). О важности этого предмета говорит то, что «молодой человек, держащий... на аттестат зрелости, даже при блистательных отметках в греческом и латинском языках, не мог получить степени бакалавра, дающей право на поступление в университет или в другие высшие школы, не получив удовлетворительные отметки по философии и не только за устные ответы но также и за письменные работы» (Боборыкин, 1899, с. 116), которыми он занимался в последний год в классе

философии. Но вдруг в первой половине 1890-х годов в еженедельном издании «Revue bleue» один бойкий журналист «выпустил сразу целый заряд обличений против «класса философии» в лицеях и колледжах Франции... под тревожным заглавием «Une classe à supprimer» (там же), где потребовал уничтожить этот ненужный класс. В обществе вспыхнули споры, и на защиту философии в колледжах встали известные ученые: Т. Рибо, Э. Бутру (Étienne Émile Marie Boutroux; 1845–1921), П. Жане (Paul Alexandre René Janet; 1823–1899), И. Тэн, А. Фулье (Alfred Jules Émile Fouillée, 1838–1912). Дискуссия была весьма полезна для всего общества, так как обсуждались программа, учебники и главное — цель преподавания философской пропедевтики для юношества. И Боборыкин задался вопросом: «...неужели нет повода желать, чтобы и у нас, в наших средних учебных заведениях, давалась хотя бы некоторая подготовка философского характера?» (там же, с. 141). Он отметил с горечью, что в последние годы «степень общего развития начитанности и умственного интереса, обращенного на самые ценные нравственные приобретения человека... оказывалась весьма незначительной» (там же), что молодые люди выходят в жизнь без какого-либо мыслительного и этического багажа. Во время учебы в гимназиях никто не говорит им «о каких-либо устоях того, что называется мирозерцанием, кто приохочивает их к усвоению себе тех руководящих мерил и путей, без которых в одиночку... немислимо составить себе какое-нибудь credo?» (там же, с. 142), и выходят они с равнодушием и злобой ко всему тому, что оставляло суть их гимназического обучения-муштровки. Между тем философию и психологию преподают в семинариях и женских гимназиях, а мужские гимназии обижены в этом смысле. Статья, оканчивавшаяся вопросами к обществу о перспективах введения философии и психологии в гимназии и университеты, сыграла определенную роль в преподавании психологии.

Среди большого числа написанных им художественных и публицистических произведений хочется отметить большой очерк «Русский Шеффилд», опубликованный в 1877 г. О павловских кустарях, изготовлявших ножи, ножницы, замки и работавших в очень тяжелых условиях, писали в то время Н. Ф. Анненский, В. Г. Короленко, П. И. Мельников и др., но Петр Дмитриевич дал очень подробное описание быта разных слоев кустарей-замочников, распорядка дня, технологию изготовления различного скобяного товара, возможности получения сырья, ценообразование изделий, и даже описал типы жителей крупного селения Павлова, как по внешнему виду, так и психологические. В этом очерке он выступил в нескольких ролях: ученый-краевед, этнопсихолог, антрополог, психолог труда, гигиенист. И слышится сочувственный, симпатизирующий своим героям голос автора: «...павловцы по умственному складу бойки и любознательны. Нынешним летом всякий грамотный и не сбившийся с пути мастер интересовался политическими новостями и слухами о войне, о зверствах в Болгарии, о добровольцах. Грамотность без дальнейшего удовлетворения развивающегося мозга дает только повод чересчур уже забытым или беспорядочным, сбившимся с пути голякам кричать против ненужных расходов на школу» (Боборыкин, 1877, с. 379). В конце произведения он объяснил свою цель: «...соединить в одну картину и реальные подробности павловского житья-бытья, и первенствующие вопросы этого трудового муравейника» (там же, с. 393),

может быть, кто-то, приняв близко к сердцу нужды и судьбу павловцев, привлечет к нему общий интерес, найдет «средства изменить павловские порядки, дать каждому кустарю менее тяжелый и более прочный кусок хлеба» (там же, с. 394). Он же хотел сопоставить «русский Шеффилд» с английским, но пока параллели не получилось, картина в Павлово очень невеселая.

Русский литературовед Д. Н. Овсянко-Куликовский (1853–1920) высоко оценил талант П. Д. Боборыкина, назвав его «признанным и большим художником-наблюдателем и бытописателем» (Овсянко-Куликовский, 1910, с. 368). Он выделил важные и индивидуальные черты его творчества, присущие только Петру Дмитриевичу, постоянно подчеркивая его психологичность: «набросав рисунок, наметив несколько черт, он спешит дальше — и переходит от видимости вещей к их смыслу, от внешнего человека к внутреннему. Черты внешности, которые он так экономно воспроизводит, почти всегда имеют у него определенное психологическое значение. В самом способе рисовать внешность сказывается не рисовальщик, а психолог» (там же, с. 369). Д. Н. Овсянко-Куликовский продолжал: П. Д. Боборыкин — «реалист-психолог. В каждом выведенном лице он стремится установить и осветить различные черты, из которых складывается его психика: тут и признаки наследственной классовой психологии, и навыки среды, и черты, создавшиеся под влиянием воспитания и обстоятельств личной жизни. Психология пола и возраста занимает видное место в романах и повестях Боборыкина, и многие фигуры, им созданные, бесспорно являются ценным документом для психолога» (там же). Именно поэтому «лицо не только стоит перед нами „как живое“, но оно объяснено, оно, можно сказать, исчерпано до дна души, до сокровенных помыслов и инстинктивных побуждений. Изобразительные приемы искусства здесь сочетались с глубокой интуицией прирожденного психолога и с методической точностью натуралиста» (там же, с. 370). Другая особенность, придававшая художественному дарованию Боборыкина большую ценность, — это его «разносторонность или широта района, на который простирается действие его психологической интуиции» (там же). Овсянко-Куликовский отмечал, что не так просто понимать людей; когда автору это удается, то говорят, что писатель умеет истинно художественно воспроизводить такую-то среду, часто ссылаясь на знакомство автора со средой, например, он рос в ней. Но случай П. Д. Боборыкина — иной: «...дворянин по происхождению, из старинной помещицкой семьи, интеллигент по преимуществу, он воспроизводит купцов, мещан, интеллигентов-разночинцев, актеров, актрис, балетных танцовщиц, акушерок, гувернанток, бонн, прислугу — так, что читателю... прежде всего бросаются в глаза сила и проницательность психологической интуиции писателя» (там же, с. 371).

Литература

- Боборыкин П. Д.* В путь-дорогу!.. Роман в 6 кн. СПб.: Тип. Внутренней стражи и Э. Арнгольда, 1864.
- Боборыкин П. Д.* Русский Шеффилд (очерк села Павлова) // Отечественные записки. 1877. Т. ССXXX. Отд. I. С. 77–104, С. 305–346; Т. ССXXXI. Отд. I. С. 5–60, С. 345–394.

- Боборыкин П. Д.* Льюис как психолог // Д. Г. Льюис. Изучение психологии. Ее предмет, область и метод (продолжение «Вопросов о жизни и духе»). Редакция перевода и этюд «Льюис как психолог» П. Д. Боборыкина. М.: Издание книгопродавца А. Ланг, 1880. С. XI–XXXV.
- Боборыкин П. Д.* От редактора перевода // Рибо Т. Современная английская психология (опытная школа). Редакция перевода и критический этюд П. Д. Боборыкина. М.: Изд. К. Т. Солдатенкова, 1881. С. V–XXVI.
- Боборыкин П. Д.* Красота, жизнь и творчество // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. I (16). С. 71–108; Кн. II (17). С. 30–62.
- Боборыкин П. Д.* Формулы и термины в области прекрасного // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. II (22). С. 97–120.
- Боборыкин П. Д.* Природа красоты // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. I (26). С. 89–114.
- Боборыкин П.* Философия в гимназиях // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. II (47). С. 113–145.
- Боборыкин П. Д.* О ниществе // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. IV (54). С. 539–547.
- Боборыкин П. Д.* За полвека. Воспоминания. М.: Захаров, 2005.
- Елпатьевский С. Я.* Нижний Новгород (из воспоминаний) // Красная Новь. 1928. Кн. 4. С. 128–163.
- Журавлев А. Л., Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* Изучение отечественной и мировой психологической мысли: результаты и перспективы исследований // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы Всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи» / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 7–15.
- Костригин А. А.* Философско-психологическая литература в обзорах Ю. И. Айхенвальда // История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии «VII Московские встречи» 01 июня – 03 июня 2021 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Ю. В. Ковалева, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 472–482.
- Мельгунов С. П.* Воспоминания и дневники / Составление, примечания и подготовка текста Ю. Н. Емельянова. М.: Индрик, 2003.
- Овсянко-Куликовский Д.* К пятидесятилетию литературной деятельности П. Д. Боборыкина // Вестник Европы. 1910. Ноябрь. С. 368.
- Олейник Ю. Н., Журавлев А. Л.* История отечественной психологии: коммуникативно-организационные и содержательно-тематические аспекты развития (вместо введения) // История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии «VII Московские встречи» / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Ю. В. Ковалева, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 11–31.
- Первалова Е. В.* Блеск и нищета «Русского Шеффилда»: «рабочий вопрос» в цикле очерков «Село Павлово» («Московские ведомости», 1872 г.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 222–237.

- Стоюхина Н. Ю.* Некоторые проблемы изучения биографий в историко-психологических исследованиях // Историческая преемственность в отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитоновна, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 119–128.
- Тесля А. А.* Предисловие // Боборыкин П. Д. Скорбная братия: драма в пяти актах. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2023а. С. 7–9.
- Тесля А. А.* «Люди сороковых годов» и «новые люди»: новооткрытая пьеса П. Д. Боборыкина о русских «шестидесятых» // П. Д. Боборыкин. Скорбная братия: драма в пяти актах. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2023б. С. 10–40.
- Холондович Е. Н.* Исследование исторической личности в социогуманитарных науках // История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии «VII Московские встречи» 01 июня–03 июня 2021 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Ю. В. Ковалева, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 852–859.

The Russian writer and “realist-psychologist” P. D. Boborykin

N. Yu. Stoyukhina

PhD, associate professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, natas0@rambler.ru

This article discusses some of the literary works of the Russian writer Petr Dmitrievich Boborykin (1836–1921). The choice is due to the fact that on the pages of these works there are facts, events, people of interest to the historian of psychology, so we consider P. D. Boborykin is promising for studying both in the history of psychology and historical psychology. There are not so many works that seemed interesting and important to us, and memoirs and autobiographical prose “On the road!” are of great importance. They are valuable for their portraits of French and English philosophers, with whom P. D. Boborykin also met with autobiographical details. Of interest is the large essay “Russian Sheffield” about the Nizhny Novgorod city of Pavlovo, where handicraftsmen-lockkeepers lived and worked; as a writer, Boborykin was multifaceted: a local historian, ethnopsychologist, anthropologist, labor psychologist, and hygienist. A number of Boborykin’s articles in the journal “Issues of philosophy and psychology” still await the attention of historians of psychology and philosophy.

Keywords: history of psychology, historical psychology, Russian writer, positivist philosophers, P. D. Boborykin, literary creativity, psychology in gymnasiums.

Деятельность первых педологов Чувашской Республики по изучению представлений о социальных явлениях у школьников

Н. Ю. Стоюхина, Д. В. Миронов***

* кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления
Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, natast0@rambler.ru

** студент Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, natast0@rambler.ru

Рассматривается деятельность педолого-педагогического кабинета Чувашского научно-исследовательского института по изучению представлений о социальных явлениях у школьников. 18 августа 1930 г. был создан Чувашский комплексный научно-исследовательский институт, где, среди прочих отделов и кабинетов, был педолого-педагогический кабинет. Сотрудников было двое: на ставку и на 0,5 ставки. Несмотря на малочисленность, до своего закрытия в 1933 г. педологи Чувашии изучили различные стороны детских представлений о социальных явлениях: результаты антирелигиозного воспитания в школе и пионеротрядах; высказывания учащихся и пионеров о колхозах; постановку интернационального воспитания в школе и пионеротрядах; участие детей в физическом труде и высказывания о труде; работу учащихся и пионеров в сельском хозяйстве; технический кругозор детей; опыт политехнизации школы и школ крестьянской молодежи; современный учебник; второгодничество и отсев из школы; физическое развитие детей дошкольного возраста; собрание словарного материала детей и подростков; историю народного образования среди чувашей и т. д. К написанию статьи привлечен архивный материал.

Ключевые слова: история психологии, советская педология, педология национальных меньшинств, представления о социальных явлениях, Чувашский комплексный научно-исследовательский институт, педолого-педагогический кабинет, психология ребенка.

Тяга к педологии в СССР колоссальная
и у массового учебно-воспитательного работника,
и у широких слоев населения.

А. Б. Залкинд

Историография вопросов создания и развития советской «педологии национальных меньшинств», как называлась одна из отраслей «науки о детях», возникшая в результате усилий советского государства по включению «отсталого» населения, проживавшего на окраинах страны, где пересеклись социальный

реформизм, политическое переустройство с имперской цивилизационной миссией (Byford, 2016, p. 75), описана пока слабо (Курек, 2004; Стоюхина, Абдукадилова, 2023; Byford, 2016). На сегодняшний день, пожалуй, самой полной работой по истории педологии национальных меньшинств является статья А. Ясницкого (Ясницкий, 2013), несмотря на сугубо библиографический характер работы. В ней автор показывает степень изученности психологии детей разных национальностей по регионам Советского Союза. Например, татарские и узбекские дети оказывались в центре внимания педологов чаще, а армянские, казахские и другие дети — реже. Причиной тому была немногочисленная армия педологов, изучавших детей «национальных окраин», организационная несостоятельность молодой педологической отрасли, материальные ограничения, которые испытывали организаторы научных экспедиций.

В центре нашего внимания оказались немногочисленные работы по изучению психического развития чувашского ребенка, проведенные заведующим педолого-педагогическим кабинетом Чувашского научно-исследовательского института М. Е. Ефимовым, а также работы чувашских педагогов, выполненные под руководством того же М. Е. Ефимова. Этой статьей мы начинаем изложение результатов исследования работы чувашских педологов.

Сначала — немного о Республике Чувашия рубежа 1920–1930-х годов. Чувашская автономная область была организована в 1920 г., в 1925 г. была преобразована в Чувашскую Автономную Социалистическую Республику, с 1929 г. по 1936 г. она входила одной из составляющих в Нижегородский край, затем значилась как Чувашская Автономная Советская Социалистическая Республика, а с 13 февраля 1936 г. стала называться Чувашской Республикой. В начале 1930-х годов ЧАССР активно развивалась, имея районы торфоразработок, построив электростанции, заводы по производству силикатного и красного кирпича, черепичный, клинкерный, лесопильный, деревообрабатывающий заводы, столярно-мебельную фабрику и т. д. (Львов, Карбовец, 1930).

Промышленно-экономический подъем региона стимулировал и культурное его развитие. «17 августа 1930 г. секретариат Чувашского обкома ВКП(б) обсудил состояние научно-исследовательской работы в республике и постановил реорганизовать Чувашский совет науки и культуры в научно-исследовательский институт» (Касимов, 2018, с. 80), что и произошло 18 августа 1930 г. «Институт создавался с целью «непосредственного участия в социалистическом строительстве Чувашской АССР и ускорения его темпов», перед ним ставились следующие *основные задачи*: «изучение естественных богатств края, его экономики, культуры и быта населения, выполнение научно-исследовательских работ в соответствии с планами хозяйственного и культурного строительства края, подготовка научных кадров, популяризация новейших достижений науки и техники и содействие введению их в практику социалистического строительства в Чувашской АССР» (там же). Руководство нового института столкнулось с главной проблемой — отсутствием кадров: «...с большим трудом удалось буквально „наскрести“ кадры сотрудников института, закрыв к концу 1930 г. основные штатные единицы, и то почти исключительно по социально-гуманитарному направлению, тогда как наиболее актуальные с точки зрения текущей внутренней политики (т. е. связанные с народным хозяйством Чувашии,

проведением коллективизации и индустриализации) должности оказались вакантными» (там же, с. 81). В институте были открыты отдел промышленности и экономики, кабинет недр, вод и лесов, отдел сельского хозяйства, кабинет почвоведения и химизации, кабинет языка и литературы, научная библиотека и педолого-педагогический кабинет (там же). В конце 1930 г. среди должностей по штатному расписанию — «Зав. педолого-педагогическим кабинетом (0,5 ст.)» и «Педолог (1 ст.)», в кабинете числились Зав. кабинетом педологии М. Е. Ефимов (с 12 ноября, по совместительству) и Психотехник П. П. Юркин (с 12 ноября, по совместительству) соответственно занимаемой должности (там же).

К сожалению, обращение в Государственный исторический архив Чувашской Республики не помогло в раскрытии личности М. Е. Ефимова и его коллег, но удалось узнать другие важные факты.

По нашему мнению, доклад А. Б. Залкинда на Первом Всероссийском педологическом съезде, проходившем 27 декабря 1927 г. — 3 января 1928 г. в Москве, лег в основу создания и деятельности педолого-педагогического кабинета Чувашского комплексного НИИ. А. Б. Залкинд писал: «В педологическую работу проникает, наконец, планирование взамен полной недавней бессистемности» (Залкинд, 1929, с. 32); он ожидал, что съезд сформирует общую платформу, учтет основные группы рассеянных по всему СССР педологов. «Хаос <...> «самотек» исследований, грубая диспропорция различных частей научной работы с выпячиванием зачастую наименее ценных вопросов, — все это должно заместиться планирующей, организованной работой, включенной в повседневную педагогическую практику и ею питающейся» (там же, с. 32). А. Б. Залкинд говорил и о кадровой проблеме в советской педологии, и, надо сказать, что все, сказанное им, соответствует описываемой нами ситуации в Чувашской Республике: получить педологическое образование практически невозможно — только-только организуются педологические отделения в некоторых педагогических институтах; штатно зафиксированного места педолога в учреждениях соцвоса (социального воспитания) пока нет. При этом «на рынке труда скитаются несколько сот окончивших педологическую подготовку и постепенно теряют квалификацию» (там же, с. 49).

Педолого-педагогический кабинет Чувашского НИИ был создан 12 ноября 1930 г. Ввиду того что Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе от 25 августа 1931 г. стало для всех советских школьных работников важным рубежом работы, то и Ефимов в своих отчетах соблюдал это временное деление. Тематический план на 1931 г. состоял из тем: изучение постановки антирелигиозного воспитания в школе 1 ступени и в пионеротрядах; изучение высказываний учащихся и пионеров о колхозах; изучение постановки интернационального воспитания в школе 1 ступени и в пионеротрядах; изучение участия детей в физическом труде и высказываний о труде; изучение работы учащихся и пионеров по дереву; изучение работы учащихся и пионеров в сельском хозяйстве как в школе, так и в колхозе; изучение технического кругозора детей; изучение опыта политехнизации школы 1-й ступени и школ крестьянской молодежи; изучение современного учебника; изучение второгодничества и отсева из школы; изучение физического развития детей дошкольного возраста; собрание словарного материала детей и подростков; история народного образования

среди чувашей (Государственный исторический архив Чувашской Республики. Р-782. Оп. 1. Д. 59. Л. 135). Как мы видим, темы этих исследований были неоригинальны, истоки их лежат в докладе А. Б. Залкинда на педологическом съезде (Залкинд, 1928), и повторяли они хорошо известные педологические исследования (А. Ананьина «Социальный опыт наших детей и источник его возникновения», 1930; М. Ф. Беляев «Типы социальных высказываний у подростков и юношей», 1929; А. М. Гельмонт «Дети и политика», 1929; С. О. Лозинский «Суждения детей о бедности и богатстве», 1929; В. Мерлин «К эволюции социального мировоззрения у детей», 1928; С. М. Ривес «Религиозность и антирелигиозность в детской среде», 1930; и т. д.). Все же мы считаем их весьма важными для молодой, только становящейся педологии в Чувашии (Стоюхина, 2014).

На кабинет выделили всего 1,5 ставки, т. е. один человек работал на ставку, а заведующий М. Ефимов работал на полставки по совместительству в течение 1931 г. Несмотря на такую малочисленность, с момента создания кабинета и до Постановления 1931 г. главной задачей педологов было изучение социально-политических и учебных представлений детей относительно всех сторон жизни (Ефимов, 1931).

А. Т. Чупраков исследовал вопросы антирелигиозного воспитания на примере учащихся двух сельских чувашских школ весной 1931 г. Автор обнаружил три группы детей с установками относительно религии – антирелигиозные, религиозные и колеблющиеся, т. е. занимающие среднее положение между первой и второй группой. В результате школьной антирелигиозной работы количество религиозных детей по мере пребывания в школе убывало, но даже после 6-летнего обучения среди учащихся встречались религиозные. Автор рекомендовал усилить антирелигиозную работу как в школе, пионеротряде, так и среди населения и обратил внимание на методику ведения этой работы.

Студент Чувашского педагогического института М. Сироткин по приглашению педолого-педагогического кабинета провел исследование детских представлений о В. И. Ленине. Материал требовался для педагогической выставки, проведенной в начале 1930 г., посвященной десятилетию Чувашской Республики. Автор выяснил, что Ленин в представлениях детей выглядит революционером, вождем трудящихся, освободителем трудящихся и национальных меньшинств от капитализма, учителем в деле просвещения трудящихся, борцом за социализм и т. д. Педагогам и педологам рекомендовалось много рассказывать детям о Ленине, формируя «светлый образ» вождя мирового пролетариата. На той же педагогической выставке были представлены собранные тем же студентом М. Сироткиным материалы, раскрывавшие представления сельских детей о Советской власти. Высказываясь по вопросам политики, экономики, культурного и колхозного строительства, большинство учащихся характеризовали советскую власть положительно, как власть трудящихся, оказывавшую помощь бедноте и ликвидировавшую купечество как класс, порой допускали замечания и недовольство, что, по мнению автора, «объясняется классовой борьбой и недостаточным политвоспитанием в школе» (Государственный исторический архив Чувашской Республики. Р-221. Оп. 1. Д. 671. Л. 83). Сироткин рекомендовал усилить политвоспитание в школе, вести усиленную работу среди взрослого населения.

Заведующий кабинетом М. Е. Ефимов в рамках Общества изучения Чувашского края изучал физическое развитие учащихся чувашских школ, материал он начал собирать еще с 1928 г. Им было собрано множество антропологических данных и представлено в отдельной статье.

Тема «Дети и труд» была одной из важнейших в советской педологии, в частности изучалось участие сельских и деревенских детей в сельскохозяйственном труде. Этот материал собирался и разрабатывался М. Е. Ефимовым. На примере 370 школьников обоего пола он утверждал, что дети бедноты втягивались во многие виды сельскохозяйственных работ раньше детей середняков, например, девочки из бедноты боронить начинали с 11–12 лет, а дети середняков — с 12–13 лет; пахать плугом девочки бедноты начинали с 12 лет, середняков — с 14 лет. Сравнение труда девочек и мальчиков выглядело так: большинство мальчиков пашут плугом в 18-летнем возрасте, девочки в 14 лет, боронить мальчики начинают в 12 лет, девочки — в 13 лет, молотить цепом мальчики и девочки начинают в 10–12-летнем возрасте.

М. Е. Ефимов также собрал высказывания о труде учащихся школ I ступени и школ повышенного типа. Автор пришел к выводу, что некоторые учащиеся еще не изжили «старый купецко-эксплуататорный взгляд на физический труд» (там же, л. 85), и рекомендовал учителям серьезнее проработать эту тему среди учеников и родителей.

Особой заботой педологов и педагогов было изучение понимания школьниками первой ступени ШКМ (школы колхозной молодежи) технических явлений, например, как передается энергия водяной и ветряной мельницами. Этим занимался А. Т. Чупраков в течение 1931 г. Обследованием было охвачено 499 учащихся. Изучив детские чертежи и рисунки, он выяснил, что, по мере пребывания в школе и увеличения возраста, школьники лучше понимают механизмы передачи энергии водяной и ветряной мельниц. Автор дал педагогам ряд рекомендаций по политехнизации школы и наметил задачу — выяснить причины развития технического кругозора учащихся.

Эти результаты были оформлены в виде статей и изданы в журнале «Халӑха вӗрентес ӗҫ» («Народное просвещение»). Чувашские педологи писали статьи и на русском языке. Педолог-педагог С. В. Васильев работал со школьниками по освоенному ими предметному материалу, изучив при этом опыт применения тестов по естествознанию. На примере 289 учащихся городских школ и школ колхозной молодежи с помощью тестов, предложенных Институтом методов школьной работы, но недостаточно проверенных на практике, он выявил знания учащихся старших групп I ступени по естествознанию, технике, технологии и сельскому хозяйству; обнаружил слабые места в работе школ по естествознанию и наметил пути устранения таковых. Выяснилось, что почти нет разницы в успеваемости по естествознанию у городских и сельских школьников; имевшиеся же различия были обусловлены преподаванием конкретных учителей и наличием оборудования, низким уровнем знаний и представлений у учащихся об измерительных приборах, машинах и т. д. В области изучения естествознания учителя мало использовали опыты, больше подавали материал в форме беседы. Исследование закончилось выводами и методическими указаниями по улучшению работы по естествознанию в школе и по-

литехнизации школы.

Способность к литературному творчеству чувашских детей С. В. Васильев проверил, взяв за основу сочинения и разбив их по содержанию. Оказалось, что школы мало обращают внимание на общее развитие детей; в содержании дети отражали: колхозное строительство (18%), механизацию сельского хозяйства (14%), ратификацию (12%), ликвидацию неграмотности (14%), переделку всего быта на коллективных началах (16%) и т. д. По мнению С. В. Васильева, дети в подавляющем большинстве воодушевлены бодрым настроением, полны симпатии к новым началам жизни (там же, л. 86).

Этот же исследователь проанализировал рисунки чувашских детей и пришел к выводу: 77% рисунков детей изображали движущиеся предметы, среди которых были автобусы, машины, аэропланы и пароходы. Такое явление автор объяснил окружающей жизнью и особенностями возраста. В то же время учащиеся рисовали целые предметы и совсем не рисовали отдельных частей предмета, не умели пользоваться перспективой даже в старших группах и т. д.

М. Е. Ефимов изучил формирование математических навыков в 13 школах I ступени и пришел к выводам: навыки вычитания были сформированы лучше, чем навыки сложения; сильный рост навыков шел на третьем году обучения; существовала большая разница по успеваемости среди учащихся различных школ, хотя работа велась по одной и той же программе; в области усвоения математических навыков не было различий между детьми бедноты, детьми середняков и зажиточной частью деревни; не было различий успеваемости между мальчиками и девочками.

После выхода Постановления ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе от 25. VIII.1931 г. работа кабинета была перестроена, о чем писал М. Е. Ефимов в отчете: «желательно скорее прикрепиться к центральным учреждениям, чтобы иметь руководство с одной стороны и повысить квалификацию повседневной практической научной работы; включиться в план работы Института Научной педагогики национальностей; дооборудовать кабинет; больше связываться с общественностью; оказать помощь в школе Чебоксарской ФЗС» (Государственный исторический архив Чувашской Республики. Р-1515. Оп. 1. Д. 455. Л. 29).

Педологи продолжили проводить исследования по воспитанию и обучению трудных детей в детдомах; методике изучения фабрик и заводов; использованию элементов политехнизма в практике работы деревенского учителя; применению социалистического соревнования и ударничества в чувашских школах как метода воспитания социалистического отношения к труду и учебе; постановке пионерской работы в лагерях ЧАСР; изучению орфографических ошибок учащихся-чуваш по русскому языку; изучению словарного материала школьников и подростков. Эти работы были даже закончены, но их издание не состоялось ввиду отсутствия полиграфической базы и прекращения выхода педагогического журнала «Халӑха вӗрентес ёс» («Народное просвещение»). В единственном номере за 1933 г. напечатали статьи по физическому развитию детей-чувашей М. Е. Ефимова и по профконсультации А. Т. Чупракова.

Сотрудники педолого-педагогического кабинета продолжали расширять связь с учительством, выезжая с выступлениями на учительские конференции в разные районы республики и на конкретные обследования. В соответствии

с требованиями времени, «вскрывались извращения в работе школ в области методов преподавания... изживался метод проектов, насаждавшийся даже некоторыми работниками Наркомата просвещения и газетой „Красная Чувашия“. В журнале и в выступлениях работников сектора этим извращениям был дан отпор...усилилось внимание по изучению методов работы школ» (там же).

М. Е. Ефимов справедливо указывал на негативные стороны в работе кабинета: «...участие кабинета в социалистическом строительстве далеко недостаточное. Мы еще не можем обслуживать все политические компании и революционные праздники и т. д. К числу недостатков надо отнести и то, что мы сейчас почти ничего не можем сказать в отношении политехнизации школ первой ступени... Недостаточно вовлечены в работу кабинета учительство и пионерработники. По плану намечено 15 тем работы. Из этого количества 5 тем совершенно не затронуты, среди которых имеются первоочередные вопросы.

Привлекаемые работники со стороны не всегда соглашались работать по той или иной теме, а всю работу выполнять исключительно 1¹/₂ штатными единицами кабинет фактически не может. В работе кабинета имеется и ряд других недостатков, как-то консультационная работа для массы отсутствовала, только консультировались учителя, когда работники кабинета выезжали на места. Кабинет еще находился в стадии организации» (Ефимов, 1931, с. 149).

В 1933 г. изменился состав педолого-педагогического кабинета: также имелся только один штатный сотрудник (Меценатов) и один — по совместительству (Данилов). Из внештатных сотрудников принимали участие и выполняли работы С. В. Васильев, О. А. Андреев, И. С. Семенов, М. Е. Ефимов. Завершение деятельности педолого-психологического кабинета было связано с закрытием самого научно-исследовательского института: «На объединенном заседании сотрудников ЧНИИ совместно с представителями Наркомпроса РСФСР, Госплана СССР, Нижегородского краевого научно-исследовательского института и Центрального бюро краеведения РСФСР в мае 1932 г. также отмечалось, что в конце 1932 г. Чувашский комплексный научно-исследовательский институт должен разделиться на такие отраслевые институты: НИИ промышленности и экономики; НИИ социалистического земледелия; НИИ марксистско-ленинской педагогики; НИИ культуры и быта; НИИ краеведения; Чувашский филиал древесины от Московского института древесины. Строились грандиозные планы, что в дальнейшем, по мере укрепления этих институтов и на их базе, отдельные секторы названных институтов будут преобразованы в филиалы научно-исследовательских институтов края и РСФСР» (Касимов, 2018, с. 102). Какие-то институты удалось создать, но не все, причинами были нехватка кадров и «возобладание в центральных органах власти тенденции на сокращение и укрупнение научно-исследовательских институтов» (там же, с. 103).

Заключение

Подобные исследования деятельности первых педологов Советского Союза нам представляются чрезвычайно важными. Во-первых, это малоизвестные страницы истории отечественной педагогической психологии; во-вторых, если говорить об истории нацменпедологии, то это совсем неизвестные

страницы; в-третьих, на примере подобных небольших кабинетов удобно наблюдать буквально пошаговое выстраивание организационной деятельности от начала и до конца их существования. Нашими перспективными задачами становятся: поиск и уточнение имен и биографий конкретных деятелей педолого-педагогического кабинета Чувашской Автономной Социалистической Республики; поиск упомянутых в данной работе статей на чувашском языке (с дальнейшим прочтением), подробный и тщательный их анализ; изучение возможных связей кабинета с другими подразделениями Института, а также учреждениями ЧАССР.

Литература

- Государственный исторический архив Чувашской Республики. Р-221. Оп. 1. Д. 671. ЛЛ. 81–89.
- Государственный исторический архив Чувашской Республики. Р-782. Оп. 1. Д. 59. ЛЛ. 134–138.
- Государственный исторический архив Чувашской Республики. Р-1515. Оп. 1. Д. 455. ЛЛ. 27–35.
- Ефремов М. Е.* Работа педолого-педагогического кабинета Чувашского научно-исследовательского института // Педология. 1931. № 7–8. С. 147–149.
- Залкинд А. Б.* Педология в СССР // Основные проблемы педологии в СССР (По тезисам Первого Всероссийского педологического съезда 27/ХП-1927 г.-3/І-1928 г.). М.: Издание оргбюро съезда, 1928.
- Залкинд А. Б.* Педология в СССР. М.: Работник просвещения, 1929.
- Касимов Е. В.* Чувашский комплексный научно-исследовательский институт: от создания до реорганизации (1930–1933 гг.) // Чувашский гуманитарный вестник. 2018. № 13. С. 77–106.
- Курек Н.* История ликвидации педологии и психотехники в СССР. СПб.: Алетейя, 2004.
- Львов П., Карбовец Н.* Карта пятилетки Нижегородского края 1928/29–1932/33. Объяснительный текст. Нижний Новгород: Нижегородское краевое изд-во, 1930.
- Стояхина Н. Ю.* Доминанта социального воздействия в советской педологии 1930-х гг. // Педагогический журнал. 2013. № 5–6. С. 51–76.
- Стояхина Н. Ю.* Изучение эффективности идеологического воздействия в советской школе в начале 1930-х гг. // В мире научных открытий. Социально-гуманитарные науки. 2014. № 11.1 (59). С. 495–522.
- Стояхина Н. Ю.* Социально-политическое воздействие на детей: из истории педологических исследований // Психолого-педагогический поиск. 2014. № 4 (32). С. 83–93.
- Стояхина Н. Ю., Абдукадилова Л. Ю.* Национальный вопрос и метод тестов в советской педологии конца 1920-х годов: узбекский опыт // История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии «VII Московские встречи», 01 июня–03 июня 2021 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Ю. В. Ковалева, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023.

Ясницкий А. Библиография основных советских работ по кросс-культурной психоневрологии и психологии национальных меньшинств периода коллективизации, индустриализации и культурной революции (1928–1932) // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2013. № 3. С. 97–113. URL: <http://www.psyanima.ru/journal/2013/3/2013n3a6/2013n3a6.pdf>.

Byford A. Imperial normativities and sciences of the child: The Politics of Development in the USSR, 1920s–1930s // *Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве*. 2016. № 2. С. 71–124.

The activities of the first pedologists of the Chuvash Republic for the study the representations of social phenomena in schoolchildren

*N. Yu. Stoyukhina**, *D. V. Mironov***

** PhD, associate professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, natast0@rambler.ru*

*** student, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, natast0@rambler.ru*

The activity of the pedological and pedagogical office of the Chuvash research institute for the study of the psychology of schoolchildren is considered. On August 18, 1930, the Chuvash comprehensive research institute was established, where, among other departments and offices, there was a pedagogical office. There were two employees: full-time and part-time. However, before their closure in 1933, pedologists of Chuvashia studied: the organization of anti-religious education in schools and pioneer brigades; statements of students and pioneers about collective farms; setting up international education at school and pioneer detachments; participation of children in physical labor and statements about labor; the work of students and pioneers in agriculture; technical outlook of children; experience in the polytechnicalization of schools and schools for peasant youth; modern textbooks; repeating and dropping out of school; physical development of preschool children; collection of vocabulary material for children and adolescents; the history of public education among the Chuvash etc. Archival material was used to write the article.

Keywords: history of psychology, Soviet pedology, pedology of national minorities, Chuvash Comprehensive Research Institute, pedological and pedagogical office, child psychology.

Историческая трансспектива судебной социально-психологической экспертологии как прикладной отрасли социальной психологии

А. Л. Южанинова

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии личности Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, juzhaninova-alla@yandex.ru

Исследуется актуальное состояние, ретроспектива и проспектива судебной социально-психологической экспертологии как научно-практической отрасли социальной психологии, возникшей на пересечении судебной и социальной психологии, судебной экспертологии и процессуального права. Реализуя принципы междисциплинарности и исторической трансспективы, проанализированы две традиции применения социально-психологических знаний в судебной экспертологии: как элемент в психологических экспертизах и как самостоятельное социально-психологическое экспертное исследование. В формирующемся ныне классе судебной психологической экспертизы предложено выделять самостоятельный род социально-психологической экспертизы, имеющий специфику предмета, методологии и требующий активной теоретико-прикладной разработки.

Ключевые слова: история социальной психологии, судебная экспертология, междисциплинарность, судебная социально-психологическая экспертиза, научно-прикладная отрасль, историческая трансспектива.

В истории отечественной социальной психологии конец прошлого века ознаменован появлением признаков новой междисциплинарной научно-прикладной отрасли – *судебной социально-психологической экспертологии*, возникшей на пересечении социальной психологии и сферы права (судебно-психологической экспертологии как элемента системы теории судебных экспертиз и судебно-следственной практики).

Судебная психологическая экспертиза (СПЭ) представляет собой ведущую форму использования психологии при осуществлении правоохранительной и правоприменительной деятельности в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу и имеющих психологическую природу, а ее выполнение судебным психологом-экспертом является научно-практическим психологическим исследованием конкретной проблемы и ее разрешением. Возникшая на стыке психологии и такого юридического направления, как теория судебных экспертиз, судебно-психологическая экспертология представляет прикладное междисциплинарное научное направление, а как психологическая область в настоящее время включает разработку экс-

пертных технико-психологических, педагого-психологических, социально-психологических и других ответвлений.

Междисциплинарность — атрибутивная характеристика современной психологии — проявляется в наиболее интенсивном развитии научных отраслей, формирующихся на стыках психологического знания с другими науками (Журавлев, 2003; Журавлев и др., 2017). К такого рода отрасли относится и новое направление — судебная социально-психологическая экспертология. При ее формировании прослеживается реализация выделенных А. Л. Журавлевым *трех уровней* междисциплинарности (Журавлев, 2003): *внешнепсихологический* проявил себя в возникновении данного направления как ответа на насущные задачи судебной и следственной практики, а также в регламентации процессуальным правом; *внутрипсихологический* — в развитии судебной социально-психологической экспертизы (ССПЭ) в контексте социальной психологии и теории СПЭ как отрасли судебной психологии; *внепсихологический* — во включении социально-психологической экспертологии, сохранившей свою принадлежность психологии, в общую теорию судебных экспертиз как правовую науку.

Чтобы понять логику эволюционирования научного направления, важно учесть *принцип исторической преемственности* и в единстве прошлого и настоящего прогнозировать будущее (Журавлев, 2003; Историческая преемственность..., 2019; и др.). Опираясь на принципы междисциплинарности и исторической транспективы, рассмотрим процесс развития СПЭ как структурного компонента СПЭ.

Тенденции развития судебно-психологической экспертологии

Впервые в России проведенная в 1883 г. как «экспертиза чувств и впечатлений» (по определению А. Ф. Кони), в 1920–1930-е гг. СПЭ применялась для установления достоверности свидетельских показаний, наличия умысла или неосторожности при совершении преступления, его мотива, социальной опасности личности субъекта деликта, что выходило за пределы компетенции психолога. Резкая критика допущенных теоретических и методических *экспертно-психологических ошибок* привела к прекращению разработки данного научного судебно-экспертологического направления и проведению СПЭ, в результате определение особенностей психики и поведения субъекта, имеющих юридическое значение, стало осуществляться правоприменителями самостоятельно или с помощью судебных экспертов-психиатров. И только с середины 1960-х годов, благодаря работам А. В. Дулова, М. М. Коченова, А. Р. Ратинова и других ученых, наступил период возрождения СПЭ. Позже вышли в свет фундаментальные работы по экспертно-психологической проблематике М. М. Коченова, О. Д. Ситковской, Л. П. Коньшевой, И. А. Кудрявцева, Ф. С. Сафуанова, В. Ф. Енгальчева, Л. В. Алексеевой, в которых была представлена методология, теория и методика СПЭ на основании современных достижений психологии. Вследствие этого отдельные виды экспертиз (экспертиза личности обвиняемого, несовершеннолетних правонарушителей, свидетелей и потерпевших; экспертиза аффекта и иных эмоциональных состояний) стали считаться традиционными. В 2000-х гг. появились новые виды экспертиз: СПЭ по делам о взяточничестве,

по признакам мошенничества в деятельности организаций (бизнес-клубов); СПЭ при разоблачении инсценировок несчастных случаев и самоубийств; при расследовании ДТП; бандитизма, дел о вымогательстве, шантаже и других преступлениях, совершаемых с помощью психологического воздействия, и др.

В настоящее время СПЭ представляет собой разветвленную сеть видов экспертиз как по уголовным, так и гражданским делам, а перечень вопросов, относящихся к компетенции СПЭ, постоянно растет по мере развития психологии и ее научных отраслей, судебной экспертологии, общей теории права, а также развития общества и российского законодательства. Знаковым явлением представляется выделение и постепенное расширение круга судебных экспертиз, связанных с исследованиями социально-психологической проблематики.

История и актуальное состояние судебно-экспертных социально-психологических исследований

Изначально СПЭ возникла как экспертиза индивидуально-психологических особенностей субъектов юридически значимого поведения. Первые попытки использования социальной психологии в экспертной практике были связаны с осознанием недостаточности для установления истины по делу информации только об индивидуальной психической деятельности и целесообразности исследования социально-психологических параметров. Первый такой опыт был связан с консультативной деятельностью специалиста в области психологии, сотрудника Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности М. М. Коченова при расследовании преступной деятельности группы, совершившей серию убийств, краж, разбойных нападений в г. Балашове Саратовской области в конце 1960-х годов. Психологом были установлены особенности социально-психологической обстановки в селе накануне создания банды, психологические характеристики направленности личности и мотивации преступной деятельности участников группы, социально-психологические особенности самой группы (структура, устойчивость, организованность, характер взаимоотношений ее членов). Исследование психологом личностных свойств членов группировки, анализа их поступков, а также внутригрупповых процессов, распределения ролей при совершении преступлений и индивидуального смысла действий каждого позволили следователю дифференцированно подойти к вопросу об уголовной ответственности участников группы (Коченов, 2010, с. 254–323). В приведенном примере прослеживается появление новых граней использования психологии в правоохранительной деятельности и формировании межпредметной области благодаря привлечению специальных социально-психологических знаний.

Термин же «судебная социально-психологическая экспертиза» впервые был использован в 1999 г. сотрудниками Отдела юридической психологии НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ в методических рекомендациях «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды». Этот документ был разработан в целях повышения качества расследования противоправных деяний, связанных с возбуждением

национальной, расовой или религиозной вражды, их точной квалификации, для чего предлагалось привлекать экспертов, профессионально владеющих специальными познаниями в области социальной психологии и лингвистики (Об использовании..., 1999).

Позже Е. Н. Волков судебную экспертизу, применяемую по делам о вовлечении людей в мошеннические или авторитарно-тоталитарные группировки, о влиянии СМИ на сознание избирателей, о недобросовестной рекламе, назвал социально-психологической, поскольку, по мнению автора, целостный и полноценный доказательственный характер экспертизы по данным категориям дел мог обеспечить лишь социально-психологический подход, по отношению к которому другие методы являлись дополнительными (Волков, 2004).

Типичной для судебной социально-психологической практики является исследование *криминальной групповой деятельности*. В литературе экспертиза по делам о групповых преступлениях называется по-разному: судебно-психологическая экспертиза, судебно-психологическое исследование преступной группировки, экспертиза социально-психологических особенностей членов преступной группы, экспертное исследование с применением социально-психологических методов. Представляется, что психологическое исследование, объектом которого является группа, предметом — ее социально-психологические свойства, а в качестве инструментария используются социально-психологические методы, должно называться социально-психологическим, а судебная экспертиза в таком случае обозначаться как социально-психологическая (Южанинова, 2012).

В последние годы появились работы по анализу возможностей ССПЭ при ее использовании по делам о взяточничестве, по признакам мошенничества, при расследовании дел о вымогательстве, шантаже и других преступлениях, совершаемых с помощью психологического воздействия (Южанинова, 2008), а также материалам экстремистской направленности (Ратинов и др., 2005). По гражданским делам социально-психологические экспертные исследования проводятся при установлении фактов унижения чести, достоинства и деловой репутации (Южанинова, 2009).

Установление наличия социально-психологических экспертиз, проводимых в настоящее время в государственных экспертных учреждениях, возможно через анализ содержания сайта Российского Федерального Центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ. Отмечено, что СПЭ проводятся в Центре в двух направлениях: исследование психологии человека и информационных материалов. Понятие ССПЭ не используется, все экспертизы названы психологическими, однако некоторые из них в предмет исследования включают социально-психологическую проблематику. Так, из 8 категорий дел, относящихся к исследованиям психологических особенностей человека, социально-психологические элементы предмета экспертизы, отмеченные в рекомендуемом экспертном задании, названы дважды (25%): при признании сделок недействительными и по делам, связанным со спором на право воспитания ребенка. Психологическому исследованию по второму направлению в 8 случаях из 14 (57%) рекомендовано устанавливать «социально-психологическую направленность информационных материалов (коммуникативных действий)».

Таким образом, проведение ССПЭ не предусмотрено перечнем предлагаемых услуг в РФЦСЭ; при исследовании человека социально-психологический аспект в психологической экспертизе предусмотрен только по ограниченному числу гражданских дел, при исследовании же информационных материалов – в половине категорий дел (Психологическая экспертиза, 2023).

Таким образом, несмотря на преимущественную тенденцию обозначать экспертизы социально-психологической направленности психологическими, к настоящему времени обозначился круг дел, по которым фактически проводится ССПЭ. Следует обратить внимание на то, что, с одной стороны, уже имеется 25-летний опыт применения данного вида экспертиз, а с другой, современные крупные учебные пособия по социальной психологии не включают в себя даже упоминания ССПЭ, когда говорится о развитии многообразных прикладных направлений в социальной психологии (см., например: Социальная психология, 2023).

Перспектива социально-психологического направления в судебной экспертологии

Вслед за А. Р. Шляховым в судебной экспертологии по степени общности и субординации судебные экспертизы принято делить на следующие *уровни*: классы (типы), которые делятся на роды, а последние – на виды, дифференцируемые на разновидности (или группы). Традиционно СПЭ входит в качестве родовой в класс «медицинские и психофизиологические экспертизы», наряду с такими родами судебных экспертиз, как медицинская, судебно-психиатрическая и комплексная психолого-психиатрическая экспертизы. Однако бурное развитие в последнее время судебно-психологической экспертологии дает основание выделять СПЭ не как род, а как самостоятельный класс под названием «Психологические экспертизы», включающий роды судебно-психологической и патопсихологической экспертиз (Холопова, 2004). В другом варианте предлагается такой класс представлять тремя родами экспертиз: психологической (экспертиза психических процессов, свойств и состояний индивида), психофизиологической и психолингвистической (Секераж, 2004).

Разделяя мнение ученых, выделяющих СПЭ как самостоятельный *класс* в системе судебных экспертиз, полагаем, что в настоящее время класс психологической экспертизы может быть представлен следующими *родами*: психологическая экспертиза индивида (исследование психических процессов, состояний и свойств); психологическая экспертиза психики несовершеннолетнего; медико-психологическое исследование индивида в комплексной психолого-психиатрической экспертизе; социально-психологическая экспертиза (экспертиза группы и социально-психологических феноменов). В ближайшее время в соответствии с закономерностью постепенного расширения судебно-экспертной компетенции количество видов СПЭ и ее разновидностей неизбежно будет расти.

В теории судебных экспертиз те из них, которые еще не имеют четко выраженного деления на классы и роды, отнесены к формирующимся экспертизам. Следует согласиться с мнением ученых, считающих, что, по сравнению с та-

кими судебными экспертизами, как медицинская или психиатрическая, СПЭ пока не имеет столь отлаженной структуры. Вместе с тем в настоящее время наблюдается тенденция обособления СПЭ в самостоятельный класс, предпринимаются первые попытки определить роды данной экспертизы, разрабатывается дифференциация СПЭ на предметные виды и разновидности. Выделение ССПЭ в качестве рода в классе психологических экспертиз ставит задачи разработки психологами ее теоретико-методологических и методических основ с учетом принципа междисциплинарности, причем всех основных уровней.

Заключение

За последние полвека в судебно-экспертной практике сложились две традиции применения социально-психологических знаний: в психологических экспертизах, предмет которых включает и социально-психологический компонент; в виде самостоятельного социально-психологического экспертного исследования. Исторически первая форма появилась раньше, однако по значимости для науки и практики второе направление представляется более актуальным и перспективным. Постепенное расширение круга уголовных и гражданских дел, требующих проведения ССПЭ, дает основание выделять в формирующемся ныне классе СПЭ самостоятельный род ССПЭ, имеющий специфику предмета, методологии, методики и требующий активной теоретико-прикладной разработки. На практике это позволит осуществлять научно обоснованную подготовку экспертов-психологов соответствующей специализации и создавать профильные судебно-экспертные центры для проведения ССПЭ.

Литература

- Волков Е. Н.* Методология и структура социально-психологической экспертизы по ситуациям влияния // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». Вып. 1 (3). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. С. 115–125.
- Журавлев А. Л.* Особенности междисциплинарных исследований в психологической науке (вместо предисловия) // Психология: современные направления междисциплинарных исследований. Материалы Научной конференции, посвященной памяти А. В. Брушлинского, 8 октября 2002 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. С. 7–20.
- Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В., Головей Л. А.* Междисциплинарные исследования в психологии: история и современность // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 2700–2707.
- Историческая преемственность в отечественной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Коченов М. М.* Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. М.: Генезис, 2010.
- Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды: Методические рекомендации

Генеральной прокуратуры РФ № 27-19-99 от 29.06.1999. URL: <https://rusexpert.ru/public/biblioteka-pdf/1.42MetRekGenProk1999.pdf> (дата обращения: 19.07.2023).
Психологическая экспертиза. URL: <http://www.sudexpert.ru/possib/psych.php> (дата обращения: 19.07.2023).

Рапинов А. Р., Кроз М. В., Рапинова Н. А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. А. Р. Рапинова. М., 2005.

Секераж Т. Н. Проблемы классификации судебной психологической экспертизы // Актуальные проблемы теории и практики судебной экспертизы: Материалы Международной конференции «Восток–Запад: партнерство в судебной экспертизе». Нижний Новгород, 2004. С. 230–233.

Социальная психология: Учеб. пособие для вузов. М.: Инфра-М–Форум, 2023.

Холопова Е. Н. Судебно-психологическая экспертиза: теоретические, правовые и организационные основы. Калининград, 2004.

Южанинова А. Л. Возможности судебно-психологической экспертизы противозаконного психического воздействия // Вестник психотерапии. 2008. № 26 (31). С. 77–88.

Южанинова А. Л. Предмет и методологические принципы судебного социально-психологического экспертного исследования преступной группы // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Вып. 3. С. 99–103.

Южанинова А. Л. Психолого-юридические критерии унижения чести и достоинства граждан и социально-психологическая судебная экспертиза // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Вып. 4. С. 100–104.

Historical transsperspective of judicial socio-psychological expert science as an applied branch of social psychology

A. L. Yuzhaninova

PhD in psychological sciences, associate professor, associate professor of the Department of Personality Psychology of the Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, juzhaninova-alla@yandex.ru

The article examines the current state, retrospective and prospective of judicial socio-psychological expert science as a scientific and practical branch of social psychology that arose at the intersection of judicial and social psychology, judicial expert science and procedural law. Realizing the principles of interdisciplinarity and historical transsperspective, two traditions of the application of socio-psychological knowledge in psychological expertise are analyzed: as an element in psychological expertise and as an independent socio-psychological expert study. It is proposed to single out an independent kind of socio-psychological expertise in the currently emerging class of judicial psychological expertise, which has the specifics of the subject, methodology and requires active theoretical and applied development.

Keywords: history of social psychology, judicial expert science, interdisciplinarity, judicial socio-psychological expertise, scientific and applied branch, historical transsperspective.

**СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ
В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ**

Внутренняя коммуникация личности в предметном поле социальной психологии

Г. В. Акопов, Л. С. Акопян***

* доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Самарского филиала Московского городского педагогического университета, Самара, Россия, akopovgv@gmail.com

** доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, Самара, Россия, akolubov@mail.ru

Обсуждается явление внутренней коммуникации личности (ВКЛ). Дается обоснование включения соответствующей проблематики в предметное содержание социальной психологии. Приводится комплексное определение понятия ВКЛ, объединяющее явления эгоцентрической и внутренней речи, внутреннего диалога и иной интрасубъектной знаково-символической коммуникации. Выявлена эмпирическая структура ВКЛ. В диагностическом плане социально-психологическими характеристиками ВКЛ могут служить: широта «самоудвоенных» Я; предпочитаемые виды, формы и средства внутренней коммуникации; доминирующие психические процессы и стимулирующие психические состояния (когнитивные, эмоционально-волевые); авторские (субъектные) позиции внутреннего диалога и др. Множественность субъектных проявлений ВКЛ атрибутируется участниками опроса в образах самого себя, какого-либо реального субъекта, «себя другого», высшего существа и др. Фиксируется качественная специфика образа «Я» (реальное, истинное, в прошлом, будущем и др.); выделяются характерные для студенческой молодежи ментальные эго-установки в соотношении с образами реального, идеального и истинного Я, а также в отношении к реальным и виртуальным другим.

Ключевые слова: личность, общение, внутренняя речь, внутренний диалог, интрасубъектная коммуникация, самосознание, образ «Я», самоудвоенное «Я», самоотношение.

Тема внутренней коммуникации личности (ВКЛ) не является традиционной для социальной психологии. Уникальное понятийное обозначение ВКЛ мы находим в одной из первых переведенных на русский язык книг по социальной психологии. Автор, Т. Шибутани, связывает соответствующее явление с процессами сознания и самосознания (Шибутани, 1969, с. 154–161), получившими научное признание в англоязычной постбихевиоральной парадигме. В когнитивно ориентированной социальной психологии интенсивно и широко изучались явления внутренней атрибуции, внутреннего оправдания, «независимого

и взаимозависимого представления» о своем «я»; теории самосознания, когнитивного диссонанса, каузальной атрибуции, самовосприятия, зеркального «я» и др. (Аронсон и др., 2002, с. 148–154). Следует отметить, что возникшая в связи с этими и другими релевантными исследованиями новая отрасль — когнитивная психология, а в англоязычных работах также «когнитивная социальная психология», как правило, обходятся без привязки к категории сознания и к неявным проявлениям самосознания в формах внутренней речи.

В отечественной социальной психологии понятие внутренней коммуникации личности также не используется, хотя в рамках темы общения акцентируются вопросы, связанные с внутренним диалогом, что не покрывает всего потенциала возможных теоретических и иных приложений ВКЛ (Акопов, Белоус, 2021). Другое основание включения ВКЛ в предмет социально-психологических исследований предоставляет соответствующая проблематика личности. Определяя две линии, оформляющие специфику понятия личности в социальной психологии, А.Л. Журавлев, В.А. Соснин и М.А. Красников выделяют общепсихологическую и социальную основы. Авторы справедливо полагают, что «определение личности должно помочь сориентироваться в огромном, пока (добавим от авторов настоящей статьи, что и сегодня) еще недостаточно систематизированном потоке знаний о социально-психологической природе человека» (Журавлев и др., 2006, с. 52–54). Существенной в этом плане является также мысль А.Л. Свенцицкого о том, что «как бы мы ни определяли личность, ее понимание в любой современной концепции исходит из тенденции видеть в самом индивиде главный источник регуляции собственного поведения человека как носителя сознания и самосознания (Свенцицкий, 2003, с. 68).

В контексте данной статьи общепсихологическая линия исследований личностной активности в формах внутренней речи не только у детей, но и у взрослых разных социальных и иных статусов, несомненно, может быть включена в академическое и прикладное поле социальной психологии. Это подтверждает весьма масштабный обзор по проблематике внутренней речи, выполненный В. Alderson-Day и Ch. Fernyhough. Авторами констатируется широкий спектр функций внутренней речи: саморегуляция, «социальное понимание», осознание, планирование и прогнозирование, принятие решений и др. (Alderson-Day, Fernyhough, 2015).

Социологическая линия в социальной психологии, как отмечают Е. П. Белинская и О. А. Тихомандрицкая, задавая «многомерность» представлений о личности, определяет «возможность изучения социального через анализ структур индивидуального самосознания» (Белинская, Тихомандрицкая, 2001, с. 14).

Анализируя проблематику общения, О. В. Соловьева дополняет известную триаду уровней общения: межличностный, внутригрупповой и межгрупповой — уровнем связности «межличностной и внутриличностной реальностей человеческого существования» (Соловьева, 2002, с. 68–69), что расширяет понятие интеркоммуникации, дополняя его понятием интракоммуникации (ссылка также на понятие «коммуникативное состояние», введенное А. У. Харашем). Отметим синонимичность понятий «интракоммуникация» и «внутренняя коммуникация личности», первое более экономно в словоупотреблении и нередко встречается в психологических текстах, к недостаткам можно

отнести потерю связи с явлением внутренней речи и, соответственно, общепсихологического ракурса. Понятие «внутриличностная коммуникация» рассматривается также как предмет социологической науки, в частности, в работе А. М. Пивоварова (Пивоваров, 2006).

Как уже отмечалось, в современной психологии достаточно широко исследуется феномен внутренней речи. В иницилирующих работах Л. С. Выготского, Ж. Пиаже и др. явление внутренней речи у детей прямо либо косвенно связано с общением (социальный контекст). В весьма масштабном обзоре проблемы внутренней речи у детей и взрослых коммуникативная функция отмечается наряду с когнитивной, регулятивной и др. (Alderson-Day, Fernyhough, 2015).

Отталкиваясь от общепсихологического плана внутренней речи в привязке к мышлению, мы амплифицируем это понятие, определяя ВКЛ как явление более широкого порядка, включающее внутреннюю речь, внутренний диалог, а также иные релевантные формы ментальной активности в качестве составных частей в тех случаях, когда отчетливо представлены два или более ментальных («субъективная реальность» или «внутренний мир личности») субъекта, включая саму личность. Во внутреннем общении в качестве партнера может выступать реальный или виртуальный субъект, вовлекаемый в смысловое пространство исходного субъекта. Внутренняя коммуникация личности (интракоммуникация) не сводится исключительно к внутреннему диалогу, который исследуется как механизм функционирования самосознания в работах А. В. Визгиной, Г. В. Дьяконова, Л. Г. Дмитриевой, И. С. Кона, Г. М. Кучинского и др. Личность раскрывается как в пространстве внешне выраженных, межличностных коммуникативных актов, так и во внутренних коммуникациях, посредством которых она поддерживает и развивает ментальные, регуляционные, прогнозные и иные структуры собственного «Я».

Пусковыми механизмами ВКЛ, как правило, являются: неопределенность, связанная с содержанием и способами удовлетворения тех или иных потребностей, а также необходимость «преодоления критических ситуаций» (Гримак, 1991). Потребностно-мотивационная сторона внутренней коммуникации личности проявляется в намерениях как формах актуализации интенционального сознания. Исследование ВКЛ предполагает обращение к широкому кругу взаимосвязанных с ней феноменов, таких как особенности сознания личности и ее смысловой сферы, самосознания, рефлексии; традиционные особенности общения в исходной культурной среде; новые социально-сетевые и роботизированные средства и формы общения. Данное направление исследований ВКЛ соответствует социально-коммуникативной парадигме сознания, операционализируемой в двухфакторной модели, позволяющей осуществлять эмпирическую верификацию выдвигаемых положений (Акопов, 2019).

Одним из инструментальных средств изучения специфики ВКЛ в сравнении с внешней коммуникацией является сконструированный нами опросник, позволяющий определять наличие либо отсутствие самого факта внутренней коммуникации в повседневной жизни респондента, а также различные типы, формы, средства и функции ВКЛ. В результате опроса раскрываются такие особенности ВКЛ, как: «место» внутренней коммуникации во внутрен-

нем мире субъекта; виды и формы активности, актуализируемые в процессах внутренней коммуникации; продолжительность ВКЛ; доминирующие психические процессы (память, мышление, воображение и др.); авторские позиции «субъектов» внутреннего диалога и др. Современный эмпирический материал подтверждает структуру средств внутренней речи у детей, выявленную Л. С. Выготским (Alderson-Day, Fernyhough, 2015). Состав этих средств расширен на выборке взрослых (Акопов, Белоус, 2021). В исследованиях 2019–2021 гг. большая часть (от 90 до 100%) участников согласна с утверждением, что у всех людей в определенных ситуациях имеет место внутренняя коммуникация; значительная часть (порядка 98%) замечает, т. е. осознает, что пребывает в состоянии внутриличностного общения, при этом данное явление актуализируется у половины участников опроса постоянно («всегда»). По продолжительности ВКЛ оценивается участниками опроса в зависимости от ситуаций и может измеряться секундами (2% от числа участников), минутами (46%), часами (34%). Некоторые респонденты отмечают, что данное состояние может продолжаться днями (17%). Фиксируя партнеров по общению во внутреннем диалоге, участники чаще всего отмечают «общение с самим собой» (47%), «общение с каким-либо реальным лицом» (35%), «общением со своим другим Я» (19%), «общение с неопределенным лицом» (12%), «общение с вымышленным лицом» (10%) (превышение 100% связано с возможностью выбора более одного варианта ответов).

Выбирая качественные характеристики образа Я в процессах внутренней коммуникации, участники отмечают чаще всего присутствие «Реального Я» (в долях единицы, если за единицу принять соответствующий выбор всех участников обследованной группы от общего числа 48 чел.), что составляет 0,65, в то время как: «Идеальное Я» – 0,29, «Противоположное Я» – 0,08. Участники опроса могли выбрать также такие характеристики, как: «Истинное Я» – 0,48, «Я для себя» – 0,43 и «Я для других» – 0,21, а также «Я в прошлом» – 0,27 и «Я в будущем» – 0,18.

Интересно отметить, что образ идеального Я имеет место в процессах ВКЛ значительно реже в сравнении с реальным и истинным Я; значительно отличаются ранги (значимость) образов Я для себя и для других. Отметим, что образ себя в будущем менее представлен в процессах ВКЛ в сравнении с образом себя в прошлом. Обратим также внимание на незначительную представленность противоположного образа себя, что, по нашему мнению, можно связать с непротиворечивостью внутренней картины образов Я в сознании участников обследованной выборки; можно заключить, что представление о себе и самоотношение в данной выборке носят достаточно целостный характер.

Возвращаясь к идентификации ВКЛ, следует заметить, что мы определяем понятие внутренней коммуникации личности (ВКЛ) как содержательное комплексирование понятий: «эгоцентрическая речь» и «внутренняя речь» (Ж. Пиаже, Л. С. Выготский Ж., Н. И. Жинкин, Е. Н. Соколов, Т. Н. Ушакова, Н. Т. Ерчак и др.), «общение с собой» (Л. П. Гримак), «внутренний диалог» (А. В. Визгина, Г. М. Кучинский, А. В. Россохин и В. Л. Измагурова и др.) по критерию более или менее отчетливой субъект-субъектной (включая «самоудвоенного субъекта») ориентированности процесса передачи и приема сигналов, знаков, симво-

лов, информации, эмоций, переживаний и намерений. «Второй» субъект в этой дуальности может быть как реальным, так и виртуальным, идеализированным. Средствами реальной (материализованной) или воображаемой (викарной) передачи могут выступать речевые потоки, телесные микро- и макродвижения; визуальные, слуховые, кинесические образы (ощущения). Возможны образы иных модальностей: интонационно-звуковые и фрагментарно-речевые сигналы. В кодовых обозначениях, по Н. И. Жинкину, во внутренней речи (в нашей версии – коммуникации) реализуется «определенный язык».

Исходным психическим процессом, представленным в ментальных явлениях ВКЛ, выступают информационный, эмоциональный, интенциональный обмен субъекта с самим собой либо с ментально оформленным другим субъектом. На определенных уровнях сознания «инструментами» обмена могут выступать также интроспекция и рефлексия. Функциональное определение интроспекции как исключительно перцептивного процесса (ментальное самонаблюдение), на наш взгляд, весьма ограничено без коммуникативного аспекта. Взаимосвязь внутреннего диалога с рефлексией эмпирически исследована А. В. Россохиным и В. Л. Измагуровой (Россохин, Измагурова, 2008).

В отсроченных по времени проявлениях инсайта (немгновенный инсайт, по А. В. Брушлинскому), а также вдохновения, творческого озарения – ВКЛ можно реципрокно идентифицировать по функции предвосхищения, обусловленного неосознаваемой субъектом процессуальностью механизмов прайм-эффектов. Во всех случаях, в контексте категории «внутренний мир личности» или «субъективная реальность», основополагающим является вопрос о субъекте (ах) осознанной vs неосознаваемой активности личности, а именно: кто является «истинным» субъектом активности – целеполагающий человек или нейрокognитивно оснащенный мозг человека. В современной науке о сознании (Акопов, 2019) вопросы процессуальной и содержательной функций ВКЛ можно соотносить с так называемой трудной проблемой сознания и ее нейрокognитивными решениями (одно из новых – связано с явлениями «нейрогиперсети» и понятием «когнитом», предложенным К. В. Анохиным, а в философском и психологическом измерениях с дуальной, по М. Велмансу, атрибуцией сознания от 1-го либо 3-го лица). Явление ВКЛ, в определенных случаях выступающее в форме диалога, несет в себе как вполне определенные содержательные характеристики, раскрываемые с позиций «Первого лица», т. е. самого «приватно» коммуницирующего индивида (эгоцентрическая речь, общение с самим собой), так и с позиций «Второго лица» (реальный либо виртуальный образ другого субъекта общения), а также «Третьего лица», т. е. исследователя, в качестве которого может выступать и сама «исходная» личность, мотивированная в области научных психологических исследований.

Заключение

Социально-психологические исследования ВКЛ (интракоммуникация) преимущественно определяют новые возможности решения проблемы органической взаимосвязи внутреннего и внешнего миров человека. В широком междисциплинарном плане это новая конкретизация проблемы «мозг и сознание» в логике

недизъюнктивности осознаваемых и бессознательных процессов, реализуемой посредством многообразия «языков сознания», обеспечивающих непрерывность разноуровневой коммуникативной связи. В унитарном психологическом плане амплифицируется понятие общения (коммуникация) посредством содержательного объединения общепсихологической и социальной линий в логике взаимосвязи и взаимообусловленности макро-, мезо- и микроуровневой коммуникации — включением в микроуровень внутренней коммуникации (интракоммуникация) личности. В более узком плане, ВКЛ в спектре базовых понятий социальной психологии личности позволяет нивелировать границы когнитивной ориентации, приближаясь к единому корпусу социально-психологических знаний. В практическом плане психологическая работа с процессами, содержанием, средствами и иными атрибутами внутренней коммуникации позволяет развивать способности социального понимания, самопонимания и эмпатии; саморегуляции и самоконтроля; познания, самопознания и самосозидания; планирования, прогнозирования и построения отношений Я–Другой (другие); регуляции самоотношения и самоопределения во внутреннем и внешнем мирах, что является приоритетной проблемой не только субъективного благополучия, но и в связи с психологическими вызовами глобальной конфронтации, цифровизации, искусственного интеллекта и других направлений изменения всех форм жизнедеятельности современного человека.

Литература

- Акопов Г. В.* Категория сознания в современной психологии. Самара: Изд-во ООО «Порто-принт», 2019.
- Акопов Г. В., Белоус А. В.* Внутренняя коммуникация личности: типы сознания и осознания // Ученые записки Института психологии РАН. 2021 Т. 1. № 2. С. 79–85.
- Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р.* Социальная психология. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. С. 148–154.
- Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А.* Социальная психология: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2001.
- Гримак Л. П.* Общение с собой. М.: Политиздат, 1991.
- Журавлев А. Л., Соснин В. А., Красников М. А.* Социальная психология: Учеб. пособие. М.: Форум–Инфра-М, 2006.
- Пивоваров А. М.* Внутрличностная коммуникация как предмет социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 4. С. 50–65.
- Россохин А. В., Измагурова В. Л.* Взаимосвязь внутреннего диалога и рефлексии: опыт эмпирического исследования // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 105–120.
- Свенцицкий А. Л.* Социальная психология: Учебник. М.: ТК «Велби», 2003.
- Соловьева О. В.* Общение: традиционные исследования и новая проблематика // Социальная психология в современном мире: Учеб. пособие для вузов / Под ред. Т. Л. Алавидзе, Г. М. Андреева, Е. В. Антонюк и др. М.: Аспект-Пресс, 2002. С. 61–75.
- Ушакова Т. Н.* Проблема внутренней речи // Вопросы психологии. 1985. № 2. С. 39–51.
- Шибутани Т.* Социальная психология. М.: АСТ; Ростов-н/Д.: Феникс, 1999.
- Alderson-Day B., Fernyhough Ch.* Inner speech: development, cognitive functions, phenomenology and neurobiology // Psychological Bulletin. 2015. V. 141 (5). P. 931–965.

Internal communication of personality in the subject field of social psychology

G. V. Akopov, L. S. Akopyan***

** doctor of psychological sciences, professor, chief researcher of the Samara Branch of the Moscow City Pedagogical University, Samara, Russia, akopovgv@gmail.com*

*** doctor of psychological sciences, associate professor, professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Samara State University of Social Sciences and Education Samara, Russia, akolubov@mail.ru*

The article discusses the phenomenon of internal communication of the individual (ICP). The substantiation of the inclusion of the relevant issues in the subject content of social psychology is given. A comprehensive definition of the concept of ICP is given, combining the phenomena of egocentric and internal speech, internal dialogue and other intrasubject sign-symbolic communication. The empirical structure of ICP. In diagnostic terms, the socio-psychological characteristics of ICP can serve as: the breadth of “self-dual” selves; preferred types of forms and means of internal communication; dominant mental processes and stimulating mental states (cognitive, emotional-volitional); author’s (subject) positions of internal dialogue, etc. The multiplicity of subjective manifestations of ICP is attributed by the survey participants in the images of themselves, some real subject, “the other self”, the supreme being, etc. The qualitative specificity of the “I” image (real, true, past, future etc.) is fixed.; The mental ego-attitudes characteristic of students are distinguished in relation to the images of the real, ideal and true Self, as well as in relation to real and virtual others.

Keywords: personality, communication, inner speech, inner dialogue, intrasubject communication, self-awareness, self-image, self-attitude.

Факторы социального и личного доверия: социально-психологический анализ

И. В. Антоненко

доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», кафедра психологии, Москва, Россия, ivantonenko@mail.ru

Рассмотрены основные подходы к исследованию доверия. Представлена концепция доверия как эквивалентного социально-психологического отношения, выделены основные структурные элементы и механизмы порождения доверия. Произведена классификация видов доверия. Определены основные группы факторов доверия. Описано семь уровней социальной среды, с которых действуют средовые и ситуационные факторы доверия. Показано конкретное проявление этих факторов в процессе формирования доверия. Развернут механизм развития доверия на основе социально-психологических практик.

Ключевые слова: социальное доверие, личностное доверие, факторы доверия, уровни социума, психологическая практика, эффективное общество.

Введение

Доверие является социально-психологическим феноменом и проявляется в социальном пространстве, как при межличностном общении, так и при взаимодействии различных социальных групп. С середины 1950-х годов отмечается существенный рост внимания к проблематике доверия в различных гуманитарных и социальных науках, прежде всего в психологии и социологии. Данная акцентуация проблемы доверия обусловлена тем, что значение доверия в социальной и личной жизни в последние десятилетия только возрастает, вместе с тем во всех социальных сферах наблюдается рост недоверия, а уровень доверия и недоверия в обществе предопределяют его эффективность в различных отношениях. Многие специалисты подчеркивают не только важность эмпирических исследований доверия, разработки его концепций, но и создание прикладных инструментов для увеличения доверия и взаимопонимания в обществе. В связи с этим существенно выделение ведущих факторов доверия и их практико-ориентированная гуманитарная трансформация.

Краткий обзор психологических исследований доверия

В зарубежной психологической науке наиболее важные исследования доверия представлены работами таких авторов, как Э. Аронсон, И. Атватер, Д. Биг-

герстафф, Д. Бирн, Р. Бэрн, Р. Вердербер, Д. С. Витакер, П. Глассер, К. Даффи, Б. Джонсон, Н. Керр, Дж. Коттлер, Х. Кутсурэс, С. Линдсколд, А. Г. Маслоу, Н. Миллер, Н. Ошероу, М. Палуди, Э. Пратканис, Д. Пруйт, К. Р. Роджерс, Д. Рубин, К. Рудестам, Дж. Рэмпел, Дж. А. Симпсон, Р. Харрис, М. Суджан, Х. К. Сунг, П. Уолтерз, У. Уэйс, С. Файн, Э. Фромм, С. Хассен, Р. Б. Хейз, К. Ховлэнд, Дж. Холмс, Х. Хуанг, Р. Чалдини, Э. Шостром, Э. Эриксон, Т. Ямагиши и др. Наиболее значимые работы по изучению доверия в отечественной психологии осуществили И. В. Антоненко, А. В. Белянин, Н. В. Гришина, Д. М. Данкин, А. Л. Журавлев, В. П. Зинченко, И. С. Кон, В. Н. Куницына, А. Б. Купрейченко, В. И. Лебедев, И. В. Мерсиянова, А. Н. Моховиков, А. И. Наумов, Л. Г. Почебут, Н. В. Самоукина, Д. М. Сафина, А. В. Сидоренков, Т. П. Скрипкина, В. А. Сумарокова, А. Г. Титаренко, В. А. Чикер и др.

В своих исследования Э. Эриксон показал, что у человека существует определенный уровень базового доверия к миру, которое формируется в течение первого года жизни и определяет другие его социальные взаимодействия. Ряд психологов, деятельность которых была тесно связана с психологическим консультированием и терапией (Дж. Коттлер, А. Г. Маслоу, К. Р. Роджерс, К. Рудестам, Э. Шостром) на основе своего опыта утверждают, что доверие представляет собой самую главную основу консультирования, психотерапии и раскрытия личностного потенциала. Такие социальные психологи, как Э. Аронсон, Р. Вердербер, Э. Пратканис, Р. Харрис, исследуют актуальную проблему способов фабрикации доверия, которые в настоящее время стали весьма изощренными и эффективными в политике, экономике, управлении и криминальной сфере. Э. Фромм свое внимание направил на существенный недостаток доверия в межличностном взаимодействии и между социальными группами. В то же время в последнее время значительная часть исследователей занялась изучением психологических основ доверия, доверия как ведущего фактора интеграции общества, доверия между этносами, доверия как основы психологической безопасности, проблемы доверия к техническим устройствам, в том числе к искусственному интеллекту и робототехническим системам (Антоненко, 2006, 2023; Аронсон, Пратканис, 2008).

Д. М. Данкин, прежде всего, специализируется на доверии в международных отношениях, указывает на универсальный характер доверия и разграничивает личностную форму доверия (trust) и институциональную (confidence). В то же время он выстраивает трехмерную модель доверия, основные измерения которой – когнитивное, эмоциональное и волевое. В. П. Зинченко анализирует ведущие факторы в онтогенезе доверия, он впервые рассматривает вещные и природные детерминанты доверия, в качестве определения доверия он дает формулировку: «...аффективное предвосхищение и оценка смысла событий», также автор исследовал роль базисного доверия в выработке способностей самоуправления и управления. А. Б. Купрейченко занималась вопросами доверия и недоверия в жизнедеятельности человека, социальных групп, организаций и общества, указывала на то, что данные феномены «в высокой степени независимы друг от друга», могут существовать у отдельной личности одновременно в связи с одним явлением, разбирала общие и отличительные признаки доверия и недоверия, полагала, что доверие и недоверие являются

психологическими отношениями и связывает их с нравственными отношениями. В. И. Лебедев исследовал особенности доверия в экстремальных условиях, его основной интерес составила проблема роли доверия в формировании единства и скоординированности экипажей высоко сложной современной техники (Антоненко, 2006; Зинченко, 20021; Купрейченко, 2008).

Основной исследовательский интерес И. В. Мерсияновой направлен на проблему доверия и недоверия в гражданском обществе. Автор отмечает дефицит межличностного и институционального доверия в России, определяет доверие как ожидания, исследует функции доверия и недоверия в гражданском обществе. И. В. Мерсиянова также указывает на значительную роль доверия в формировании социальной базы гражданского общества. Л. Г. Почебут и В. А. Чикер, прежде всего, занимаются изучением психологии доверия в организации, анализируют основные подходы к исследованию доверия, рассматривают процесс установления доверия в организации и вклад доверия в развитие организации и создание ее социального капитала. Т. П. Скрипкина в качестве основных целей своих многочисленных исследований по доверию рассматривает: «показать место, роль, функции доверия как целостного социально-психологического явления». Автор также анализирует виды доверия, пристальное внимание уделяет экспликации феномена доверия к себе, а доверие к другому понимается как условие социально-психологического отношения и общения. Т. П. Скрипкиной охвачен широкий круг проблематики доверия, в частности: психологические особенности доверия в разном возрасте, гендерные особенности доверия, взаимодоверие как основание общения, доверие как основание толерантности, доверие в педагогике, управлении, криминальной среде и др. (Антоненко, 2006; Мерсиянова, 2013; Почебут, Чикер, 2017; Скрипкина, 2000).

Доверие как эквивалентное социально-психологическое отношение

Доверие является не только внутриличностным психическим образованием, но и представлено в системе социально-психологических отношений личности. Соответственно, оно имеет структуру отношения, основными элементами которого являются: субъект, объект, отношение, деятельность, среда, условия, факторы, ситуация, механизм порождения доверия/недоверия, свойства отношения доверия, функциональный орган доверия, перцептивное, интерактивное и коммуникативное содержание, функции доверия (Антоненко, 2006).

Субъектом доверия выступают отдельная личность, та или иная социальная группа (малая, средняя, большая), социальная организация, в целом социум. Объектом доверия, в зависимости от конкретной ситуации, являются отдельные индивиды, группы, организации, социум, те или иные социальные явления, вещи, информационные продукты. На стороне субъекта доверие формируется и проявляется в ситуации доверия через специфическое психическое образование – функциональный орган. Ситуация доверия является актуальной субъективной репрезентацией (обусловленной совокупностью действующих факторов) текущей объективной ситуации как релевантной доверию. Доверие как отношение имеет две стороны: с одной стороны, собственно, доверие субъекта, а с другой, объектное отношение (отношение объекта к субъекту), в соот-

ветствии с которым и формируется определенный уровень доверия/недоверия. В этом смысле, доверие является встречным объектному, вторичным и эквивалентным отношением. Доверие тем самым обладает прогнозирующим характером относительно поведения и деятельности его объекта. Но субъектное отношение может быть неэквивалентным объектному: если субъектное отношение существенно непропорционально в сторону большего доверия, то это доверчивость, если — в сторону меньшего, то это недоверчивость. Таким образом, доверие является направленным эквивалентным социально-психологическим отношением от субъекта доверия к его объекту (Антоненко, 2006).

Были выделены основные виды доверия: частное, генерализованное, личностное, межличностное, предметное, абстрактное, социальное. Частное и генерализованное доверие являются обобщениями разного уровня: частное основано на личном опыте доверия к отдельным людям и конкретным социальным явлениям, генерализованное — к социальным группам и классам социальных явлений. Личностное доверие — это доверие личности к другим людям, конкретным явлениям и классам явлений. Межличностное — доверие между людьми, предметное — по отношению к конкретным предметам и явлениям, абстрактное — к социальным группам. Социальное доверие — это генерализованное доверие между социальными группами. Личностное доверие формируется в личном опыте конкретного индивида по отношению к обстоятельствам его жизни: людям, предметам и социальным явлениям, с которыми он сталкивается, в том числе в форме субъективных обобщений. В частности, уровень личностного доверия к людям может определяться стилевыми особенностями одежды, выраженностью в ней определенных культурных слоев. Социальное доверие (обычно его называют институциональным) производно от совокупной деятельности общества в целом или, в частном случае, определенного социального пространства (большой социальной группы, социального слоя и т. п.), оно представляет собой интегративное проявление системы имеющихся устойчивых социальных отношений (Антоненко, 2006, с. 234–246, 2023; Антоненко, Карицкий, 2017).

В целом, концепт доверия как направленного эквивалентного социально-психологического отношения развертывается в социально-психологическую концепцию доверия, в частности представленную динамической моделью. В этой модели отражен ряд социально-психологических и психологических механизмов порождения доверия/недоверия в процессе осуществления совместной деятельности. Взаимодействие субъекта и объекта доверия в ходе совместной деятельности имеет своими результатами, с одной стороны, объектное отношение с определенными характеристиками, с другой — некоторую степень успешности самой деятельности. Степень успешности деятельности выступает далее фактором, который корректирует деятельность, оказывает воздействие на субъектов деятельности и их взаимоотношения, на объектное отношение и на доверие. Таким образом, основным детерминантом доверия является объектное отношение, хотя свой вклад вносят и другие факторы. В то же время актуальное доверие и особенности взаимоотношений действуют на все другие элементы социальной ситуации, в которой осуществляется совместная деятельность. Представленная динамическая модель доверия представляет со-

бой его полную социально-психологическую экспликацию, в которой отражены все фундаментальные структурные и динамические элементы доверия (Антоненко, 2006).

Факторы доверия

Существуют четыре основных группы факторов доверия: те, которые определяются особенностями самого субъекта, — субъектные; обусловленные свойствами объекта — объектные; характеризующие социальную среду — средовые и присутствующие в конкретной ситуации доверия — ситуационные. Все группы факторов проявляются и в личностном, и социальном доверии, только в разном соотношении (там же, с. 255–256).

Субъектные факторы доверия — основные типовые и индивидуальные характеристики субъекта доверия, в том числе уровень базового доверия, глубинные установки, потребности, интересы, личный опыт, ментальная картина мира, привычные паттерны эмоционального и поведенческого проявления, стереотипы восприятия и т. п. Поскольку объект доверия, будучи личностью или социальной группой, также выступает в качестве субъекта (в том числе проявляя объектное отношение), то для него, как носителя объектных факторов, значение имеют те же свойства, что и у субъекта доверия, только развернутые по отношению к субъекту доверия, в том числе релевантные ситуации доверия. Всякая конкретная ситуация доверия актуализирована в определенной социальной среде: глобальной среде (весь мир), макросреде (данный социум в целом), субмакросреде (социальная сфера), мезосреде (социальный институт), субмезосреде (элемент социального института, специфичный деятельности субъекта), микросреде (организация или другая часть социального пространства, в которой развертывается ситуация доверия) и субмикросреде (компоненты внешней среды непосредственно присутствующие в ситуации доверия). Те условия на всех уровнях внешней среды, которые достаточно постоянны, являются факторами среды. Ситуационные факторы доверия характеризуются как имеющие временный, текущий характер, они специфичны только для данной ситуации доверия, хотя могут относиться к любому уровню среды. Все факторы классифицируются на психологические (базовое доверие, психологический характер, потребности, интересы, стереотипы восприятия и поведения и др.) и непсихологические (физиологические характеристики, социальная стабильность, финансовое состояние, юридическое обеспечение, условия безопасности и т. п.).

Конкретная ситуация актуализированного личностного доверия в случае межличностного взаимодействия выглядит следующим образом. Начнем со средовых и ситуационных факторов. Например, факторами глобальной среды могут быть: экономический подъем, застой, спад или кризис, стабильность или нестабильность международных отношений, климатическая стабильность или погодные катаклизмы и т. д. Для макросреды: социальная стабильность или нестабильность, устойчивость или неустойчивость социальных институтов в целом, макропсихологические характеристики общества, уровень социального доверия и др. Для субмакросреды, если взять, например, экономичес-

кую сферу: состояние экономики, спектр экономических отраслей, развитость торговли, достаточность банковской сферы, полнота и доступность финансовых инструментов, психологические характеристики этой сферы и пр. Для мезосреды (торговля): широта представленности уровней торговли (сверхкрупный опт, крупный опт, средний опт, мелкий опт, розница), заполненность и насыщенность ниш, развитость логистики, квалификация менеджеров, сотрудников и продавцов, психологические аспекты и т. п. Для субмезосреды (торговля продуктами питания): ассортимент, логистика, сбалансированность рынка, психология и пр. Для микросреды (торговая организация): ассортимент, логистика, особенности рынка, квалификация продавцов, психология и иное. Для субмикросреды (коммерческий отдел торговой организации или ситуация переговоров): квалификация продавцов, спектр используемых коммерческих и финансовых инструментов, связи на рынке, обычные риски, психология и пр., пр. Ситуационные факторы качественно могут быть теми же самыми, только если средовые являются константными на каком-то промежутке времени, то ситуационные, наоборот, подвижны и определяют текущую ситуацию, скажем, участие или неучастие в переговорах третьей стороны, актуальный валютный курс, новые риски, бодрость или усталость переговорщиков и мн. др. Субъектные и объектные факторы доверия, собственно, разобраны выше. Как было сказано, субъекты переговоров своими личностными характеристиками, уровнем базового доверия, характером, ментальностью, имеющимися способностями, навыками, умениями и компетенциями определяют наряду со средовыми и ситуационными факторами степень актуального доверия (Антоненко, 2006; Антоненко, Карицкий, 2017; Журавлев, Юревич, 2009).

Социальное доверие, в сущности, конституируется теми же факторами, что и личностное, но если в одном и том же обществе или одной и той же социальной среде личностное доверие имеет достаточно широкий спектр проявлений, то социальное доверие является обобщением доминирующих проявлений личностного доверия, для его количественной оценки характерно использование параметров: нормальное распределение, среднее значение, стандартное отклонение и область значений, отличающаяся от среднего на число, меньшее, чем одно стандартное отклонение. То есть в частных случаях личностное доверие может существенно отличаться от социального. Если личностное доверие – это результат личного опыта индивида, то социальное – опыт социальных групп и общества в целом. Если личностное доверие определяет жизнь отдельной личности, то социальное – жизнь больших социальных групп и всего социума. В конкретных ситуациях может разворачиваться коллизия и конфликт носителей нестандартного личностного доверия и социального доверия какой-то группы.

Поскольку общество с высоким социальным доверием является более эффективным, то актуально стоит практическая задача повышения уровня доверия в российском обществе. Прямой путь к этому – практическая деятельность по трансформации конкретных факторов доверия. Основная проблема в том, что большинство факторов доверия – средовых, ситуационных, объектных и частично субъектных не могут быть изменены быстро и относительно малыми усилиями. По сути, все это требует существенной трансформации

общества, социальных сфер, институтов, организаций, групп, изменения существующих социальных практик и значительных ресурсов. Для социальной психологии в наличной ситуации имеется лишь небольшая ниша для направленного воздействия и гуманитарной трансформации общества, роста взаимопонимания и социального доверия, что, правда, опосредовано может вызвать позитивные изменения и в других сферах. Речь идет о социально-психологических практиках, особенно групповых, в том числе в больших группах, ресурс которых значительно наработан в России за последние 30 лет. Прежде всего, это практики личностного развития, роста, формирования и тренировки навыков и умений саморегуляции, личностной самоактуализации, но востребован также весь спектр психопрактической работы: профилактика, консультирование, терапия, различные виды помощи, противостояние деструктивным практикам воздействия и манипулирования. Полноценная и целостная личность уверена в себе, имеет хороший уровень энергии, разбирается в других людях, социально активна, солидарна с другими и доверяет миру и обществу. Более широкое распространение психологических практик во всех сферах и на всех уровнях общества позволит начать медленный процесс гуманитарной трансформации российского общества (Антоненко, 2006; Антоненко, Карицкий, 2017; Журавлев, Юревич, 2009; Мерсиянова, 2013).

Заключение

Рассмотренный материал позволяет сделать ряд выводов. Социальное и личностное доверие в общем виде детерминировано субъектными, объектными, средовыми и социальными факторами. Каждая группа этих факторов подразделяется на психологические и непсихологические. Факторы действуют на уровнях организации общества: глобальном, макросреды, субмакросреды, мезосреды, субмезосреды, микросреды, субмикросреды и проявляются в конкретной ситуации доверия. Общество с высоким уровнем доверия более эффективно, чем с низким. Факторы доверия формируют определенный уровень личностного и социального доверия. Направленная модификация факторов в ходе социальных и психологических практик позволяет повысить уровень личностного и социального доверия в обществе и сделать его более гуманным и эффективным.

Литература

- Антоненко И. В.* Социально-психологическая концепция доверия. М.: Флинта—Наука, 2006.
- Антоненко И. В.* Психологический критерий интеграции социума // Интеграция в психологии: теория, методология, практика: Сборник статей VI Всероссийской конференции с международным участием / Под науч. ред. В. А. Мазилова. Ярославль: ЯГПУ, 2023. С. 93—100.
- Антоненко И. В., Карицкий И. Н.* Социальная психология моды в ее генезисе // Перспективы психологической науки и практики: Сборник статей Международной научно-практической конференции / под ред. В. С. Белгородского и др. М.: РГУ им. А. Н. Косыгина, 2017. С. 420—426.

- Аронсон Э., Пратканис Э. Современные технологии влияния и убеждения. Эпоха пропаганды. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. (ред.) Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Зинченко В. П. Психология доверия. Самара: Изд-во СИОКПП, 2001.
- Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Мерсиянова И. В. Доверие и недоверие в гражданском обществе // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2013. С. 170–197.
- Почебут Л. Г., Чикер В. А. Психология доверия в организации // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 6. С. 65–76.
- Скрипкина Т. П. Психология доверия. М.: Академия, 2000.

Factors of social and personal trust: socio-psychological analysis

I. V. Antonenko

doctor of psychology, associate professor, department professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Russian State University named after A. N. Kosygin (Technology. Design. Art), Department of Psychology, Moscow, Russia, ivantonenko@mail.ru

The main approaches to the study of trust are considered. The conception of trust as an equivalent socio-psychological relationship is presented, the main structural elements and mechanisms for generating trust are identified. The classification of types of trust is made. The main groups of trust factors are determined. Seven levels of the social environment are described, from which environmental and situational factors of trust operate. The specific manifestation of these factors in the process of trust formation is shown. A mechanism for the development of trust based on socio-psychological practices has been deployed.

Keywords: social trust, personal trust, factors, levels of society, psychological practice, effective society.

Созависимость и позитивные ресурсы личности в условиях эмиграции*

Н. Г. Артемцева

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории познавательных процессов и математической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия, artemcevang@ipran.ru

Созависимость рассматривается как адаптивный механизм, помогающий человеку выживать в непростых условиях, приспосабливаясь к ситуации, которую невозможно изменить. Именно в ситуации миграции созависимость становится ресурсом, способствующим эффективному функционированию человека, являющегося эмигрантом. Выделяются и описываются характерные особенности созависимого поведения и его связь с такими позитивными ресурсами личности, как жизнестойкость и адаптация к новой социокультурной среде. В ходе эмпирического исследования получены интерпретируемые значимые взаимосвязи «Профиля созависимости» с другими использованными методиками, измеряющими жизнеспособность и адаптацию к новой культурной среде. Полученные результаты указывают на то, что созависимость является позитивным ресурсом личности в эмиграции.

Ключевые слова: созависимость, ресурс, личность, жизнеспособность, адаптация, миграция, социокультурная среда.

В условиях современного ритма жизни человек подвергается большому количеству самых разнообразных стрессовых ситуаций. Одной из подобных ситуаций может быть миграция человека в другую для него социокультурную среду. Во времена все больших процессов глобализации и международной мобильности, где каждый тридцатый человек является мигрантом по той или иной причине, эта группа людей является тем контингентом, который часто попадает в стрессовые и кризисные ситуации, из которых порой бывает очень сложно выйти. Особенно остро вопросы, связанные с эффективным функционированием личности в обществе и успешной адаптацией к динамично изменяющимся условиям среды, встают в последние годы, в связи с современными процессами глобализации и интенсификацией миграционных потоков по всему миру. В связи с этими явлениями поиск именно позитивных ресурсов личности является необходимым условием для сохранения благополучия и поддержания жизнеспособности любого человека, и в особенности мигранта.

В последнее время наблюдается возрастающий интерес к исследованию феномена созависимости. Однако авторы описывают это состояние как негативное, мы же полагаем, что созависимость, являясь адаптивным механизмом

* Работа выполнена в соответствии с Госзаданием № 0138-2023-0006 № ЕГИСУ НИОКТР 121041500254-5.

(Артемцева, 2018), может выступать в качестве позитивного ресурса личности, способствующего жизнестойкости личности в трудных жизненных условиях, в частности при адаптации личности к новой социокультурной среде.

Позитивные ресурсы личности мы рассматриваем как потенциал, возможности и умения, которые помогают личности совладать и выживать в непростых новых условиях жизни. К таким ресурсам можно отнести жизнеспособность, адаптивность и созависимость.

С целью проверки *гипотезы, что существует взаимосвязь созависимости и позитивных ресурсов личности: жизнеспособности и адаптивности*, — было проведено эмпирическое исследование.

В исследовании приняли участие 83 чел., мужчины и женщины, являющиеся российскими эмигрантами, проживающими в странах Европы и Ближнего Востока (Австрия, Венгрия, Словакия, Польша, Чехия, Испания, Италия, Франция, Ирландия, Греция, Великобритания, Кипр, Турция, Израиль, среди других). 89% имеют высшее образование, 69% из них работают в стране проживания. Исследование было проведено онлайн.

Респондентам предлагалось заполнить форму с демографическими данными и три опросника: 1) «Профиль созависимости» (Артемцева, 2017); 2) Методику «Адаптация личности к новой социокультурной среде» Л. В. Янковского (см.: Почебут, 2012); 3) Методику «Жизнеспособность личности» (Нестерова, 2017). Опросники были оформлены в виде тестов на платформе Google. Docs. Для статистической обработки данных применялся коэффициент корреляции Пирсона (Statistica v. 7.0).

Анализ показателей «Профиля созависимости», позволяет говорить о том, что вся выборка, и мужчины, и женщины, являются в той или иной степени созависимыми, что хорошо согласуется с нашим положением о том, что в современном мире все люди так или иначе имеют склонность к созависимости, и она в разной степени выражена в каждом человеке (Артемцева, 2017).

В результате корреляционного анализа показателей созависимости и жизнеспособности была выявлена обратная связь между уровнем созависимости и шкалой эмоционального контроля и саморегуляции ($r = -0,32$ при $p \leq 0,05$). Будучи эмигрантом и подвергаясь в этом положении повышенной тревожности и стрессу, созависимый, вероятно, полагается на мнения и одобрение других в попытке найти поддержку и подтверждение своим мыслям, чувствам, действиям и переживаниям. Скорее всего, для этого он также будет демонстрировать более конформные стили поведения в стремлении быть принятым и включенным. Прямая взаимосвязь эмоционального контроля и саморегуляции с высказыванием «Профиля созависимости» «Я верю, что большинство людей не способны позаботиться о себе» ($r = 0,24$ при $p \leq 0,05$) указывает на то, что созависимый может реализовывать самоактуализацию через заботу о других людях, что дает чувство нужности и востребованности, особенно в ситуации эмиграции, когда поиск и расширение социальных контактов особенно важен для эффективного преодоления стресса в таких условиях.

В результате анализа взаимосвязи между созависимостью и типами адаптации были выявлены корреляции по шкалам интерактивности ($r = 0,29$ при $p \leq 0,05$); ностальгии ($r = 0,52$ при $p \leq 0,05$); депрессивности ($r = 0,30$ при $p \leq 0,05$) и отчуж-

денности ($r=0,24$ при $p \leq 0,05$). Правила, ценности и устои, которые определяют границы нормы, передаются и усваиваются нами через культуру в многочисленных ее формах и трансляциях. Эти ценности, нормы, установки выполняют адаптивную функцию — принимая и используя их, человек приспосабливается к функционированию в окружающей среде, переживает чувство сопричастности с ней. Ситуация эмиграции ставит человека лицом к лицу не только с бюрократическими или административными трудностями, но и с новой системой ценностей, новыми понятиями нормы через традиции, ценностные ориентации, особенностями поведения, мировоззрения и т. д., что заставляет его искать новые способы взаимодействия и реагирования. Изначально повергая человека в состояние шока, такие условия далее помогают ему расширять понимание вещей, границы знакомого ему мира, развивать толерантность к альтернативным мнениям. Ни один человек не проходит период адаптации к новой социокультурной среде бессимптомно. Интерактивность можно охарактеризовать как стремление человека к активному социальному взаимодействию — установлению контактов с представителями принимающей культуры, частоте и качестве таких контактов. Высокие оценки по этой шкале соответствуют принятию мигрантом новой среды, активному вхождению в нее, расширению социальных связей, критичности к собственному поведению, готовности к самоизменениям и интеграции новой культуры в собственную идентичность, направленности на сотрудничество с другими, контролю за собственным поведением с учетом норм, ролей и социальных установок данного общества (Почебут, 2012).

Между созависимостью и интерактивностью была выявлена исключительно положительная корреляция. Умеренная сила прямой корреляции была выявлена между шкалой интерактивности и высказыванием № 10 из «Профиля созависимости»: «Я спокоен и очень эффективен в чьей-либо критической ситуации» ($r=0,33$ при $p \leq 0,05$), а также корреляция была выявлена значимая положительная корреляция с целым рядом других высказываний из опросника ($0,20 < r < 0,29$ при $p \leq 0,05$). Все эти высказывания отражают паттерны поведения с целью быть востребованным и нужным. Как известно, личность самоактуализируется именно через социальные взаимоотношения и деятельность, жизнь приобретает смысл, когда мы можем приносить пользу своим близким, друзьям, членам семьи, значимым другим. Вероятно, что через такие характеристики созависимости, как желание помогать другим, предугадывать и исполнять их желания, оказывать услуги и дарить подарки, радуя и помогая им, человек актуализирует свою ценность и значение в жизни других. Не требуя ничего взамен, такие люди являются «идеальными» и «незаменимыми» друзьями и партнерами. Возможно, поэтому созависимые личности могут приобретать социальные связи и достаточно быстро и довольно охотно впитывать новые модели поведения, ориентируясь на других в новом окружении.

Корреляции оценок по шкале депрессивности прослеживаются с оценками множества высказываний опросника на созависимость и по общему показателю. Действительно, депрессивные состояния эмигрантов, скорей всего, вовсе не исключение из правил. Кардинальные изменения, к которым невозможно быть полностью готовым, не могут не сказаться на психическом и физическом здоровье эмигранта, и созависимый человек тому не исключение. Проходя через различные стадии адаптации, человек рано или поздно сталкивается

с чувством подавленности, беспомощности, отчаяния, тоски и тревоги. Вероятно, что, в силу определенных характеристик, созависимые личности могут быть подвержены таким состояниям более остро, особенно на начальных периодах адаптации. Такие характеристики включают то значение, которое созависимый придает взаимодействию с другими, важность других, их мнений по отношению к созависимому. Можно предположить, что созависимым, да и эмигрантам в общем, тяжело спрогнозировать реакцию окружающих и тяжело принять ее, если она очень сильно отличается от тех реакций, которые человек обычно получал от окружения у себя на Родине. Люди в разных странах по-разному реагируют на предложения о помощи или на простой интерес к делам другого. Получая неожиданные реакции в ответ на попытки наладить общение и дружбу, человек, который видит особую ценность в социальном взаимодействии и поддержке и желает интегрироваться, не может не огорчаться. Порой в таких ситуациях, когда необходимо соглашаться с окружением в качестве компромисса, ради преодоления статуса «чужака» нужно будет скрыть или не показывать своих чувств, решив напряжение и тревогу слезами в подушку, «выплакивая» таким образом ощущение отвергнутости и неприятия, которые на самом деле могут быть интервальным периодом влияния различия культур вообще, а не неприятием личности как таковой.

В результате корреляционного анализа оценок высказываний профиля созависимости и шкалы ностальгии и отчужденности также были получены прямые корреляции умеренной силы выраженности по целому ряду высказываний и по общему показателю созависимости. Ностальгический тип адаптации охарактеризован потерей связи с предыдущей культурой и трудностями найти себя в новой. Чувство смятения, ощущение, что человек «не на своем месте». Отчужденность определяется через низкую самооценку, озабоченность своей идентичностью и новым статусом, ощущением покинутости, неспособности удовлетворить свои потребности. Вероятно, созависимый человек, видящий ценность во взаимодействии с другими, как бы теряет смысл жизни, сталкиваясь с изменением окружения, а также с отличными от привычных способами отношений. Непонимание новой культуры общения созависимым человеком порождает трудности в общении. Созависимый чувствует, что он сделал что-то не так или что-то не то сказал, из-за чего у него складывается впечатление отвергнутости и непонимания. Эффективная адаптация характеризуется не только принятием и ассимиляцией норм и ценностей новой культуры, но интеграцией нового в существующий контент и эффективное их сочетание и использование. Нет ничего плохого в том, чтобы искать одобрения и позитивной реакции от других, однако, как и в других случаях, важно находить ту тонкую грань, где такого рода социальное взаимодействие будет способствовать адаптации без вреда самооценке и уверенности человека, чересчур озабоченного и фиксированного на мнении других.

Заключение

Таким образом, в результате нашего исследования было показано, что паттерны созависимости могут быть использованы как способ межличностных отношений в неопределенных сложных жизненных ситуациях. Если акцен-

тирывать внимание на таких характеристиках созависимости, как настойчивость, неутомимость и страстность в попытке изменять неудовлетворяющие условия или готовность приспособливаться к тем условиям, которые изменить в конкретный момент невозможно, то созависимость вполне может выступать в качестве позитивного ресурса. Социальная желательность, присущая созависимым, играет в ситуации адаптации к новой среде решающую роль, а именно – принятие системы ценностей и норм поведения данной среды. Направленность во вне и ориентированность на других у созависимых личностей может носить характер приспособления к социальным требованиям и нормам в новой социокультурной среде. Важным моментом выявленных взаимосвязей может быть влияние длительности проживания в другой стране и уровня знания языка и на созависимость, и на позитивные ресурсы личности, что является перспективной целью дальнейших исследований.

Литература

- Артемцева Н. Г.* Созависимость как способ социально-психологической адаптации // Научно-практический журнал «Человек. Искусство. Вселенная». М.: Центр развития человека, 2018. С. 120–124.
- Артемцева Н. Г.* Феномен созависимости: общее, типологическое, индивидуальное. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Нестерова А. А.* Разработка и валидизация методики «Жизнеспособность личности» // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 93–108.
- Почебут Л. Г.* Кросс-культурная и этническая психология: Учеб. пособие. СПб.: Питер, 2012.

Codependence and positive resources of the individual in the conditions of emigration

N. G. Artemtseva

PhD (psychology), senior research associate, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Laboratory of Cognitive Processes and Mathematical Psychology, Moscow, Russia, artemcevang@ipran.ru

Codependency is seen as an adaptive mechanism that helps a person survive in difficult conditions, adapting to a situation that cannot be changed. It is in the situation of migration that co-dependence becomes a resource that contributes to the effective functioning of a person who is an emigrant. The characteristic features of codependent behavior and its connection with such positive resources of the individual as resilience and adaptation to a new socio-cultural environment are singled out and described. In an empirical study interpretable significant relationships were obtained between the “Codependency Profile” and other used methods that measure viability and adaptation to a new cultural environment. The results obtained indicate that codependency is a positive resource for a person in emigration.

Keywords: codependency, resource, personality, viability, adaptation, migration, sociocultural environment.

Ценностные предикторы конструктивного патриотизма старших подростков*

С. В. Васильева*, А. В. Микляева**

* кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, vivatvsv@mail.ru

** доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и социальной психологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, a.miklyaeva@gmail.com

Цель исследования заключается в выявлении ценностных ориентаций, являющихся предикторами конструктивного патриотизма у старших подростков. Конструктивный патриотизм понимается в логике концепции Р. Шатца и соавт. как эмоциональная привязанность к своей стране, определяющая готовность действовать на ее благо, и противопоставляется слепому патриотизму. Представлены результаты опроса 159 подростков в возрасте 15–18 лет (73,6% девушек), проведенного с использованием подростковой версии Опросника конструктивного патриотизма, краткой версии Ценностного опросника С. Шварца и анкетирования, направленного на получение социально-демографической информации. С помощью регрессионного анализа установлено, что в число ценностных предикторов конструктивного патриотизма, объясняющих 26% дисперсии этого показателя, входят универсализм ($\beta=0,22$) и стимулирование ($\beta=0,28$), а также гедонизм ($\beta=-0,25$), в то время как предиктором слепого патриотизма, который объясняет 21% дисперсии показателя, является ценность традиции ($\beta=0,42$). Обсуждаются возможности использования полученных результатов для совершенствования психолого-педагогической работы по формированию конструктивных патриотических установок в подростковой среде.

Ключевые слова: патриотизм, патриотические установки, конструктивный патриотизм, слепой патриотизм, ценности, ценностные предикторы, подростки, старший подростковый возраст.

На фоне существенного роста интереса к проблемам патриотизма усиливается актуальность исследований, направленных на изучение его социально-психологических предикторов. Такие исследования важны для понимания механизмов формирования конструктивных патриотических установок, которые наиболее интенсивно развиваются в подростковом и юношеском возрасте в контексте ста-

* Авторы выражают искреннюю признательность И. А. Горьковой за помощь в организации сбора эмпирических данных. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00482.

новления социальной идентичности личности (Микляева, Румянцева, 2009). Согласно концепции Р. Шатца и соавт., конструктивный патриотизм отражает привязанность к собственной стране и заботу о ее благополучии с ориентацией на соблюдение прав и благосостояние ее граждан, в отличие от другой формы патриотизма – слепого патриотизма, заключающегося в привязанности к своей стране на фоне отсутствия готовности совершать действия, направленные на поддержание и укрепление благополучия страны и населяющих ее людей (Schatz et al., 1999). Слепой патриотизм ориентирован на национальный консерватизм, тогда как конструктивный патриотизм связан с ориентацией на развитие страны на основе конструктивной (деятельностной) критики (Sekerdej, Roccas, 2016), что определяет его тесные взаимосвязи с различными формами просоциального поведения (Rupar et al., 2021).

Исследования ценностных оснований конструктивных патриотических установок, осуществляемые на протяжении последних десятилетий в разных странах, чаще всего в качестве теоретико-методологического основания опираются на теорию базовых человеческих ценностей Ш. Шварца. Так, например, на материале опроса итальянской выборки было показано, что слепой патриотизм положительно коррелирует с ценностями безопасности, конформизма, традиции и власти, а также отрицательно взаимосвязан с ценностями универсализма, самостоятельности, стимуляции и гедонизма (Schwartz et al., 2010). Несколькими годами позже итальянскими исследователями было подтверждено, что слепой патриотизм положительно коррелирует с ценностью традиции и отрицательно с ценностью универсализма, а также обнаружено, что для конструктивного патриотизма характерны обратные описанным выше корреляции (Livi et al., 2014). Исследователи из Турции обнаружили, что ценности достижений, традиции и конформизма (особенно при посредничестве ценности власти) положительно предсказывают слепой патриотизм, в то время как стимулирование и универсализм являются его отрицательными предикторами; при этом ценности безопасности и универсализма предсказывают конструктивный патриотизм прямо, тогда как ценность традиции – с отрицательным знаком (Yazıcı, 2022). В другом исследовании, также проведенном с привлечением турецкой выборки, было показано, что конструктивный патриотизм соотносится с ценностями стимулирования, самостоятельности, универсализма и доброты (Elban, Aslan, 2023). Аналогичные данные были получены польскими исследователями (Sekerdej, Roccas, 2016).

Обобщая представленные выше данные, можно сделать вывод о том, что имеющиеся эмпирические результаты указывают, в первую очередь, на взаимосвязи конструктивного патриотизма с ценностями роста, которые могут характеризоваться как индивидуалистической, так и социальной ориентацией. Однако следует отметить, что, по мнению многих исследователей, эти взаимосвязи носят культурно-специфичный характер (Schwartz et al., 2010; Yazıcı, 2022), что определяет значимость задачи выявления ценностных ориентаций, являющихся предикторами конструктивного патриотизма, с использованием данных, полученных с привлечением российской выборки. В нашем исследовании эта задача решалась на основе анализа данных, полученных при обследовании выборки респондентов старшего подросткового возраста.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 159 подростков в возрасте 15–18 лет (73,6% девушек), учащиеся общеобразовательных школ (61,6%) и ссузов (38,4%). Исследование проводилось на базе образовательных организаций, в которых обучаются подростки, во внеучебное время. Респонденты привлекались к участию в исследовании на добровольной основе.

Для сбора эмпирических данных использовались: подростковая версия Опросника конструктивного патриотизма (Васильева, Микляева, 2023), включающая шкалы «слепой патриотизм» и «конструктивный патриотизм» ($\min=5$, $\max=35$); краткая версия Ценностного опросника С. Шварца (Lindeman, Verkasalo, 2005), $\min=1$, $\max=8$; анкетирование, с помощью которого была получена информация социально-демографического характера (пол, возраст, место учебы).

Статистическая обработка результатов проводилась с помощью пакета прикладных статистических программ Statistical10.0 и включала расчет описательных статистик ($M\pm S$), корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона, r) и регрессионный анализ (коэффициент детерминации R^2 , коэффициент регрессии β).

Результаты и обсуждение

Согласно полученным результатам, в обследованной выборке конструктивные патриотические установки преобладают над слепым патриотизмом ($25,49\pm 5,83$ и $15,50\pm 6,24$, соответственно), что соответствует полученным нами ранее данным (Васильева, Микляева, 2023). Ведущие места в иерархии ценностей занимают ценности самостоятельности ($6,82\pm 1,51$), универсализма ($6,53\pm 1,61$) и безопасности ($6,47\pm 1,84$), в числе наименее значимых респонденты отметили ценности власти ($4,17\pm 2,13$), традиции ($4,67\pm 2,09$) и конформности ($5,05\pm 2,10$), ценности стимулирования ($6,34\pm 1,65$), доброты ($6,25\pm 1,73$), гедонизма ($6,06\pm 1,79$) и достижений ($5,06\pm 2,101$) оказались в ценностном рейтинге на промежуточных позициях. Сходство ценностных профилей подростков, принявших участие в исследовании, с ценностными предпочтениями подростковых выборок, привлекавшихся к участию в исследованиях других авторов (обзор см.: Микляева и др., 2021), позволяет с некоторой долей осторожности предполагать, что полученные в нашем исследовании данные о взаимосвязях между содержанием патриотических установок и ценностными ориентациями могут быть экстраполированы за пределы опрошенной группы респондентов.

Корреляционный анализ позволил зафиксировать положительную взаимосвязь ($r=0,36$) между показателями конструктивного и слепого патриотизма, отмечаемую и другими исследователями (Schatz et al., 1999), а также выявить их взаимосвязь с ценностями, как общие для показателей конструктивного и слепого патриотизма, так и различающие их. Общими взаимосвязями оказались положительные корреляции шкал конструктивного и слепого патриотизма с показателями ценностей власти ($r=0,24$ и $r=0,19$ при $p<0,05$ для шкал конструктивного и слепого патриотизма соответственно), традиции ($r=0,28$

и $r=0,45$ при $p<0,05$ соответственно) и конформности ($r=0,26$ и $r=0,34$ при $p<0,05$, соответственно). Помимо этого для показателя конструктивного патриотизма были обнаружены корреляции с ценностями, не отмеченные для показателя слепого патриотизма, а именно с ценностями гедонизма ($r= - 0,18$ при $p<0,05$), достижения ($r=0,29$ при $p<0,05$), стимулирования ($r=0,39$ при $p<0,05$), самостоятельности ($r=0,32$ при $p<0,05$), универсализма ($r=0,40$ при $p<0,05$), доброты ($r=0,264$ при $p<0,05$) и безопасности ($r=0,40$ при $p<0,05$).

Регрессионный анализ показал, что структура ценностных предикторов показателей конструктивного и слепого патриотизма различается. Для показателя конструктивного патриотизма была получена регрессионная модель со следующими характеристиками: $R^2_{\text{скоррект.}}=0,26$; $F(6, 15)=10,11$; $p<0,000$. В число ценностных предикторов конструктивного патриотизма вошли показатели универсализма ($\beta=0,22$ при $p<0,02$) и стимулирования ($\beta=0,28$ при $p<0,02$), а также гедонизма ($\beta=-0,25$ при $p<0,02$). Характеристики регрессионной модели, полученной для показателя слепого патриотизма, оказались в целом сходными с моделью предикторов конструктивного патриотизма: $R^2_{\text{скоррект.}}=0,21$; $F(4, 15)=11,42$; $p<0,000$. При этом значимым ценностным предиктором слепого патриотизма оказалась ценность традиции ($\beta=0,42$ при $p<0,01$).

Корреляты и предикторы слепого патриотизма, полученные в нашем исследовании, в целом совпадают с теми, которые были описаны зарубежными исследователями (Livi et al., 2014; Schwartz et al., 2010; Yazıcı, 2022) и соотносятся с ценностями самозащиты, в первую очередь с ценностью традиции. Показатель конструктивного патриотизма продемонстрировал множество значимых корреляций с ценностями, однако наиболее существенными из них, согласно результатам регрессионного анализа, оказались ценности универсализма, стимулирования и гедонизма, которые характеризуют ценности роста. Вклад в конструктивный патриотизм ценностей стимулирования и универсализма был отмечен и в зарубежных исследованиях (Elban, Aslan, 2023; Sekerdej, Rossas, 2016), однако ранее не обсуждалась ценность гедонизма как отрицательный предиктор конструктивного патриотизма. Наше исследование показало, что ценность гедонизма как следования собственным желаниям вносит негативный вклад в показатель конструктивного патриотизма, однако при этом нельзя утверждать, что предикторами конструктивного патриотизма являются исключительно социально-ориентированные ценности роста в связи со значимым позитивным вкладом в него ценности стимуляции. Вопрос о роли гедонизма в формировании конструктивного патриотизма является дискуссионным, поскольку полученный в нашем исследовании результат может отражать особенности подростковой выборки и/или специфику используемого инструмента измерения конструктивного патриотизма, предполагающего учет только тех форм реализации конструктивных патриотических установок, которые релевантны возможностям подростков (Васильева, Микляева, 2023).

Заключение

В нашем исследовании было установлено, что предикторами конструктивного патриотизма являются такие ценности роста, как универсализм и стимулиро-

вание, тогда как слепой патриотизм поддерживается ценностями самозащиты, прежде всего ценностью традиции. В целом, ценностный континуум «индивидуалистическая ориентация—социальная ориентация» в меньшей степени опосредует формирование конструктивного патриотизма, чем континуум «рост—самозащита». Эти результаты указывают на важность укрепления индивидуалистически и социально ориентированных ценностей роста в подростковой среде в контексте решения задачи создания ценностных предпосылок для формирования конструктивных патриотических установок.

Литература

- Васильева С. В., Микляева А. В.* Опросник конструктивного патриотизма (подростковая версия): психометрические характеристики // Психология человека в образовании. 2023. № 3. С. 458—472.
- Микляева А. В., Проект Ю. Л., Хороших В. В.* Мета-аналитическое исследование ценностного самоопределения российского студенчества на различных этапах информатизации общества // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 958—975. doi: 10.21603/2078-8975-2021-23-4-958-975.
- Микляева А. В., Румянцева П. В.* Структура социальной идентичности личности: возрастная динамика // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 5 (83). С. 129—133.
- Elban M., Aslan S.* The role of constructive patriotism in the relationship of basic human values and active citizenship for emerging adults in Türkiye // BMC Psychology. 2023. V. 11. Article 206. doi: 10.1186/s40359-023-01233-z.
- Lindeman M., Verkasalo M.* Measuring Values with the Short Schwartz's Value Survey // Journal of Personality Assessment. 2005. V. 85 (2). P. 170—178. doi: 10.1207/s15327752-jpa8502_09.
- Rupar M., Jamróz-Dolińska K., Kołeczek M., Sekerdej M.* Is patriotism helpful to fight the crisis? The role of constructive patriotism, conventional patriotism, and glorification amid the COVID-19 pandemic // European Journal of Social Psychology. 2021. V. 51. P. 862—877. doi: 10.1002/ejsp.2777.
- Schatz R. T., Staub E., Lavine H. G.* On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism // Political Psychology. 1999. V. 20 (1). P. 151—174. doi: 10.1111/0162-895X.00140.
- Schwartz S. H., Caprara G. V., Vecchione M.* Basic personal values, core political values and voting: A longitudinal analysis // Political Psychology. 2010. V. 31 (3). P. 421—452. doi: 10.1111/j.1467-9221.2010.00764.x.
- Sekerdej M., Roccas S.* Love vs loving criticism: Disentangling conventional and constructive patriotism // The British journal of social psychology. 2016. V. 55 (3). P. 499—521. doi: 10.1111/bjso.12142.
- Yazıcı F.* The values predicting patriotism attitudes in Turkey // Current Psychology. 2022. V. 41. P. 135—145. doi: 10.1007/s12144-019-00559-5.

Value predictors of constructive patriotism in adolescence

S. V. Vasileva, A. V. Miklyaeva

** candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor of the Department of General and Social Psychology of the Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, vivatvsv@mail.ru*

*** doctor of psychological sciences, associate professor, professor of the Department of General and Social Psychology of the Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, a.miklyaeva@gmail.com*

The purpose of the study is to identify value orientations that are predictors of constructive patriotism in adolescence. Constructive patriotism is interpreted according to the R. Shatz's et al. concept of patriotism as an emotional attachment to one's country, which determines the willingness to act for its benefit, and is opposed to blind patriotism. The paper presents the results of a survey of 159 adolescents aged 15–18 (73,6% of girls) conducted with the use of the adolescent version of the Constructive Patriotism Scale, a short version of the Short Schwartz's Value Survey and questionnaires for collecting socio-demographic information. The regression analysis showed that the value predictors of constructive patriotism, explaining 26% of the variance, include universalism ($\beta=0,22$), power ($\beta=0,19$) and stimulation ($\beta=0,28$), as well as hedonism ($\beta=-0,25$), while the predictor of blind patriotism, which explains 21% of the variance, is the value of tradition ($\beta=0,42$). The authors discuss the opportunities of using these results to improve psychological and pedagogical work on the formation of constructive patriotic attitudes in adolescence.

Keywords: patriotism, patriotic attitudes, constructive patriotism, blind patriotism, values, value predictors, adolescents.

Особенности переживания учебной деятельности латиноамериканских студентов в российских вузах

Г. И. Вега Гевара, Л. Р. Фахрутдинова***

* аспирант Казанского федерального университета (КФУ), Казань, Россия,
irenevegapsicologia@gmail.com

** доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей психологии
Института психологии и образования Казанского федерального университета
(КФУ), Казань, Россия, liliarf@mail.ru

Рассматриваются культурно-исторические и социально-психологические факторы, оказывающие влияние на учебную деятельность латиноамериканских студентов в российских вузах. Цель исследования — изучить динамику переживания учебной деятельности иностранных латиноамериканских студентов в российских вузах в условиях влияния социально-психологических и культурно-исторических различий. Выявлено, что на переживание учебной деятельности латиноамериканских студентов в российских вузах оказывают влияние культурно-исторические и социально-психологические различия, связанные с проявлениями социального поведения, гендерными стереотипами, ценностями и стилем общения. Учебная деятельность латиноамериканских студентов может носить деструктивный, травмирующий характер, поскольку студенты не справляются с вызовами различий культурно-исторической среды и социально-психологическими факторами образовательного пространства российских вузов.

Ключевые слова: переживание, учебная деятельность, образовательное пространство российского вуза, иностранная латиноамериканская студенческая молодежь, культурно-исторические и социально-психологические факторы обучения иностранных студентов.

В последнее десятилетие все больше иностранных студентов выбирают Россию в качестве места для получения высшего образования. Эта тенденция объясняется разнообразием учебных программ, привлекательными академическими стандартами и культурным разнообразием, которые предлагают российские университеты. Однако адаптация к новой среде может быть довольно сложным процессом и чревата определенными проблемами для иностранных студентов.

Необходимо обратить внимание на динамику переживания учебной деятельности иностранных студентов в ситуации адаптации к образовательной среде в российских вузах. Интеграция в новую культурную и образовательную среду требует от учащихся преодоления языковых, социальных, академических и культурных барьеров. Процессоры адаптации в этом контексте — это

умственные и эмоциональные механизмы, которые иностранные студенты используют для адаптации к новым условиям.

Исследования в этой области актуальны, поскольку успешная адаптация иностранных студентов способствует межкультурному образованию, укрепляет академические связи между странами и обогащает образовательный опыт всех студентов. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы для разработки эффективных программ и мер по поддержке иностранных студентов в процессе адаптации.

Нами исследуется внутренний, субъективный план социальной ситуации учебной деятельности в условиях адаптации иностранных студентов к образовательной среде в российских вузах. Мы опирались на концепцию структурно-динамической организации переживания субъекта Л. Р. Фахрутдиновой (Фахрутдинова, 2012). Согласно представлениям Л. С. Выготского, единственным входом во внутренний мир человека является переживание, которое является внутренним планом социальной ситуации развития. С. Л. Рубинштейн считал переживание «самой плотью» внутреннего мира человека. Л. Р. Фахрутдинова в своих исследованиях описывает переживание как онтологическую реальность субъективного мира, его субстанциальность, материю, «овеществленность» психических феноменов (Фахрутдинова, 2012).

Проблема исследования состоит в недостаточности знаний в области психологии переживания учебной деятельности иностранных студентов в культурно-образовательном пространстве учреждений высшего образования Российской Федерации, динамики процесса переживания в данных ситуациях, социально-психологических и культурно-исторических факторов, влияющих на переживание учебного процесса иностранными латиноамериканскими студентами.

Цель исследования – изучить динамику переживания учебной деятельности иностранных латиноамериканских студентов в российских вузах в условиях влияния социально-психологических и культурно-исторических различий.

Объектом исследования выступают переживания субъекта, *предметом* – взаимосвязь характеристик переживания учебной деятельности иностранных студентов и социально-психологических факторов, влияющих на их адаптацию к культурно-образовательному пространству в российских вузах.

Адаптация иностранных студентов к зарубежной академической среде является широко изучаемой темой в области высшего образования. В случае иностранных студентов в России культурные, социальные и языковые факторы особенно влияют на адаптационный опыт. За прошедшие годы были проведены исследования, направленные на лучшее понимание динамики переживания учебной деятельности и разработку теоретических подходов, которые могут направлять деятельность, а также программы поддержки этих студентов.

Важным исследованием в этой области является исследование О. А. Ивановой и В. М. Петрова, которые изучали опыт адаптации иностранных студентов в российских университетах (Иванова, Петров, 2017). Используя качественную методологию, они провели углубленные интервью с иностранными студентами из разных стран и проанализировали проблемы, с которыми они столкнулись во время адаптации. Результаты показали, что языковой барьер,

культурные различия и отсутствие сетей поддержки были одними из основных проблем, влияющих на переходный период учащихся.

Для понимания адаптации иностранных студентов в России было использовано несколько концептуальных основ. Одним из наиболее актуальных подходов является теория социокультурной адаптации. Утверждается, что адаптация людей к новым культурным контекстам основана на взаимодействии между индивидуальными факторами, такими как личные навыки и социальные ресурсы, и контекстуальными факторами, такими как культурные и социальные характеристики принимающей среды (Берри, 1997). Теория социокультурной адаптации обеспечивает полезную основу для понимания того, как иностранные студенты адаптируются к университетской жизни в России и как на них влияют культурные и социальные аспекты страны.

Другим важным теоретическим подходом является модель стресса и социальной поддержки, предложенная Р. Лазарусом и С. Фолкманом. Эта модель предполагает, что адаптация людей опосредуется их когнитивной оценкой стрессовых событий и доступных ресурсов социальной поддержки (Lazarus, Folkman, 1984). В контексте иностранных студентов в России эта модель может быть применена для понимания того, как они воспринимают проблемы и сталкиваются с ними во время адаптации, а также важности сетей социальной поддержки в их опыте. Студенты, которые находятся в стране, отличной от их собственной, будут окружены средой, отличающейся от той, к которой они привыкли, и в этой ситуации гораздо больше иностранцев, которые хотят иметь лучшее будущее, поэтому это основная причина, побуждающая латиноамериканских студентов мигрировать. Мы должны учитывать, что различия между нормами, убеждениями, обычаями, ролями и ценностями, разделяемыми в их культуре и культуре принимающей стороны, могут привести к так называемому культурному шоку.

Переход от одной культуры к другой, в частности от традиционного, коллективистского и иерархического общества, вызывает культурный шок и требует больших усилий для адаптации и понимания новых культурных традиций принимающей страны (Басабе, Злобина, Паэс, 2004).

Исследователями выделены основные социально-психологические факторы, влияющие на учебную деятельность иностранных студентов в российских вузах.

Культурный шок. Латиноамериканские студенты в России сталкиваются с культурным шоком, различиями в нормах, ценностях и обычаях. Н. Басабе, А. Злобиной и Д. Паэс изучались причины и последствия культурного шока в жизни иммигрантов и то, как этот опыт может повлиять на их психологическое и эмоциональное благополучие. Полученные результаты позволили получить ценную информацию о проблемах и переживаниях иммигрантов при адаптации к новой культурной и социальной среде (Басабе, Злобина, Паэс, 2004).

Социальная поддержка. Социальная поддержка как со стороны местных сверстников, так и со стороны других иностранных студентов является ключевым фактором успешной адаптации студентов в другой стране. Е. Кузнецова исследовала взаимосвязь между социальной поддержкой и адаптацией иностранных студентов в России. Изучалось, как социальная поддержка, по-

лучаемая иностранными студентами, влияет на процесс академической, социальной и эмоциональной адаптации. Полученные результаты подчеркнули важность социальной поддержки в улучшении адаптационного опыта иностранных студентов в России (Кузнецова, 2018).

Языковые барьеры. Трудности в овладении русским языком могут влиять на способность общаться и адаптироваться к академической и социальной среде. В исследовании В. Ковалева рассматривался уровень владения русским языком студентами и то, как это связано с их интеграцией в академическую и социальную среду. Полученные результаты подчеркнули важность преодоления языковых барьеров для успешной адаптации в России (Ковалев, 2016).

Культурная идентичность. Культурная идентичность является важным аспектом адаптации латиноамериканских студентов в стране с другой культурой. М. Иванова показала, как латиноамериканские студенты обсуждают свою культурную самобытность в контексте России. В исследовании использовались подробные интервью для изучения опыта и стратегий, используемых студентами для поддержания своей культурной самобытности при адаптации к другой культуре. Результаты позволили получить представление о разговорах об идентичности и о том, как это влияет на адаптацию латиноамериканских студентов в России (Иванова, 2019).

Ожидания и мотивации. Первоначальные ожидания и мотивации студентов при выборе России в качестве страны для получения образования, могут повлиять на их процесс адаптации. Ожидания и мотивации латиноамериканских студентов при выборе России в качестве учебного заведения изучались С. Поповым. С помощью опросов и интервью выяснялись причины выбора и то, какие ожидания влияют на процесс адаптации в России. Результаты позволили получить представление о факторах, влияющих на выбор России в качестве учебного заведения, и о том, как это может повлиять на адаптацию латиноамериканских студентов (Попов, 2017).

Динамика переживания учебной деятельности, в том числе кросс-культурные исследования динамики переживания учебной деятельности российских и китайских подростков, представлена в трудах Л. Р. Фахрутдиновой и ее учеников (Фахрутдинова, 2012; Fachrutdinova, Sabirov, 2017).

В проведенном нами исследовании предпринята попытка дополнить представления о факторах социально-психологических и культурно-исторических различий, выявленных в процессе обучения латиноамериканских студентов в российских вузах, влияющих на переживание ими учебной деятельности.

С помощью опросника культурно-социальных факторов, влияющих на учебную деятельность латиноамериканских студентов в российских вузах, а также опросника переживания учебной деятельности Л. Р. Фахрутдиновой (Фахрутдинова, 2012) было обследовано 60 латиноамериканских студентов, обучающихся в вузах г. Казани.

Результаты и их обсуждение

В процессе исследования были выявлены следующие социально-психологические факторы.

Иерархическая дистанция: респонденты проявили тенденцию приписывать местной культуре черты меньшей иерархической дистанции: в латиноамериканских культурах типичный сценарий — это сценарий достоинства и уважения. Проявление критики, подтрунивания в образовательном пространстве российских вузов воспринимаются латиноамериканскими студентами как неуважение к достоинству человека.

Индивидуализм/Коллективизм: групповое мнение латиноамериканских студентов отражает, что русская культура воспринимается ими как более индивидуалистическая, и именно это различие вызвали наибольшее столкновение и создание наиболее персонализированных контактов, основанных на свободном выборе человека, наряду с самыми поверхностными отношениями. Для латиноамериканцев контакт с помощью приветствия может иметь большое значение. В России личное пространство остается более отдаленным и сокращается, по мере того как дружеские отношения становятся более тесными.

Иерархический коллективизм: актуализируется значимость связей с референтной группой, особенно с семьей в случае латиноамериканцев, чувство одиночества и отсутствия чувства принадлежности к семье; дистанция обостряет потребность в поддержке семьи у латиноамериканских студентов.

Дружба: важность, придаваемая межличностным связям, дружбе и привязанности к другим людям. Это измерение выявляет различия в восприятии российской культуры латиноамериканской молодежи. Например, эквадорские иммигранты утверждают, что, переехав в Россию, они больше всего ценят дружбу (в латиноамериканских культурах высока лояльность к расширенной семье и родственным связям). Дружеские связи компенсируют чувство одиночества и ослабление семейных связей латиноамериканских студентов в российском обществе.

Общительность: общительность и близость в отношениях. Это стало важной опорой для латиноамериканских иностранных студентов в освоении нового опыта проживания и обучения в России. Именно в друзьях находят они поддержку. Потребность в аффилиации на чужбине усиливается.

Мужественность/Женственность: с точки зрения латиноамериканских студентов в России женщина воспринимается всеми как более независимая и свободная. Напротив, мужчины здесь воспринимаются как более инструментальные и «менее теплые и ласковые», коммуникативный стиль воспринимается ими как более внушительный и жесткий, в то время как в Латинской Америке мужчины считаются более косвенными в выражении несогласия (см. ниже) и мягкими.

Выразительность/Косвенный стиль: латиноамериканские студенты проявили большую степень избегания прямого выражения несогласия, предпочитая использовать другие способы его выражения, например, использование невербальных сигналов (жесты, молчание и т. д.). Латиноамериканские студенты больше проявляют косвенный стиль несогласия по сравнению с российскими студентами, склонными к более прямому, выразительному проявлению своих чувств и мнений.

Избегание неопределенности: с точки зрения латиноамериканских студентов, российские студенты проявили более низкую степень терпимости к культур-

ным различиям, в то время как для латиноамериканцев, для их родной культуры, более привычно иметь дело с культурным разнообразием и более высокой степенью терпимости к отличиям. Образовательной среде российских вузов свойственна неопределенность, размытость отношения к культурным отличиям, культурные различия не вызывают такого же интереса и признания, как в латиноамериканской среде.

Достижение: латиноамериканские студенты считают, что в России наблюдается общество с чертами сильной конкуренции и рациональности протестантской этики. Выделяться, превосходить других, чтобы добиться личного успеха. Обладать культурным талантом и изучать несколько языков. Данная тенденция является культурным отличием от латиноамериканских традиций, связанных с католическими ценностями.

Формализм: латиноамериканские студенты воспринимают российское общество как общество, где характерно излишнее соблюдение формальных норм общества, таких как: соблюдение законов, строгость, пунктуальность и серьезное отношение ко времени, что ставит перед латиноамериканскими студентами сложную задачу личностной трансформации, пересмотра всей системы самоконтроля, в связи с необходимостью соблюдения формальных законов и правил.

Исследование характеристик переживания учебной деятельности показало деструктивный характер переживания учебной деятельности, преобладание негативных оценок телесных и эмоциональных характеристик переживания учебной деятельности, а также слабую отрефлексированность учебной деятельности, проявляющуюся через когнитивные характеристики переживания учебной деятельности. Динамика переживания учебной деятельности латиноамериканских студентов характеризуется деструктивным характером процесса переживания. В целом выявлено разрушительное, травмирующее воздействие ситуации обучения в российских вузах для латиноамериканских студентов, что показывает необходимость помощи для адаптации иностранных студентов из Латинской Америки в российских вузах.

Заключение

Исследования показали, что на переживание учебной деятельности латиноамериканских студентов в российских вузах оказывают влияние социально-психологические факторы, связанные с различием культурно-исторических оснований российских и латиноамериканских образовательных пространств. Данные социально-психологические факторы связаны с такими феноменами, как иерархическая дистанция, большой индивидуализм и склонность к конкурентным отношениям и личным достижениям, большая степень неопределенности в отношении культурных различий российских студентов, отличие в гендерных стереотипах поведения в сторону андрогинности российских женщин и маскулинности, брутальности российских мужчин, более строгое соблюдение законов и правил в российском обществе в сравнении со странами Латинской Америки. Исследования выявили более острую потребность в дружеских, семейных, родственных отношениях и общении латиноамериканских студентов в сравнении с российскими студентами. Российская студенческая среда, с точ-

ки зрения латиноамериканских студентов, не обогащена тем родом дружеских отношений и общения, которая востребована латиноамериканскими студентами, для которых ценность эмоциональных привязанностей определялась ими как самая важная в их жизни. Исследование характеристик переживания учебной деятельности латиноамериканских студентов показало, что учебная деятельность латиноамериканских студентов может носить деструктивный, травмирующий характер, поскольку студенты не справляются с вызовами различий культурно-исторической среды и социально-психологическими факторами образовательного пространства российских вузов.

Таким образом, на переживание учебной деятельности латиноамериканских студентов в российских вузах оказывают влияние культурно-исторические и социально-психологические различия, связанные с проявлениями социального поведения, гендерными стереотипами, ценностями и стилем общения.

Успешная интеграция иностранных студентов способствует продвижению межкультурного образования и укрепляет академические связи между разными странами. Для более эффективной адаптации важно продолжение исследований в этой области. Также важно способствовать созданию благоприятной и понимающей среды, которая содействует адаптации, личностному и академическому росту всех иностранных студентов в России.

Литература

- Базабэ Н., Злобина А., Паэс Д.* Культурный шок: Латиноамериканские студенты в России сталкиваются с культурным шоком из-за различий в нормах, ценностях и обычаях // Журнал социальной психологии. 2004. Т. 19. № 2. С. 187–202.
- Берри Дж. У.* Иммиграция, аккультурация и адаптация // Прикладная психология. 1997. Т. 46. № 1. С. 5–34.
- Иванова М.* Культурная идентичность: Переговоры о культурной идентичности являются важным аспектом адаптации латиноамериканских студентов в стране с другой культурой // Журнал исследований культурной идентичности. 2019. Т. 12. № 4. С. 321–336.
- Иванова О. А., Петров В. М.* Адаптация иностранных студентов в российских университетах: проблемы и перспективы // Международные образовательные исследования. 2017. Т. 10. № 2. С. 1–10.
- Ковалев И.* Языковые барьеры: трудности с освоением русского языка могут повлиять на способность общаться и адаптироваться в академической и социальной среде // Исследования в области образования. 2016. Т. 22. № 3. С. 67–82.
- Кузнецова Е.* Социальная поддержка: Социальная поддержка, как со стороны местных товарищей, так и со стороны других иностранных студентов, является ключевым фактором успешной адаптации студентов в иностранной стране // Международный журнал мультидисциплинарных исследований. 2018. Т. 5. № 1. С. 45–56.
- Попов С.* Ожидания и мотивации: Начальные ожидания и мотивации студентов при выборе России в качестве академического направления могут повлиять на их процесс адаптации // Журнал исследований высшего образования. 2017. Т. 9. № 2. С. 123–138.

Фахрутдинова Л. Р. Структурно-динамическая организация переживания субъекта: Дис. ... докт. психол. наук. Казань, 2012.

Fachrutdinova L. R., Sabirov T. N. Cross-Cultural studies of structural and dynamic features of learning experiences among Russian and Chinese teenagers // Helix. 2017. V. 8 (1). P. 2527–2530. doi: 10.29042/2018-2527-2530.

Lazarus R., Folkman S. Stress, Appraisal and Coping. N. Y.: Springer, 1984.

Features of the “perezhivanie” (experiencing) of educational activities of Latin American students in Russian universities

G. I. Vega Gevara*, L. R. Fahrutdinova**

* graduate student of Kazan Federal University (KFU), Kazan, Russia,
irenevegapsicologia@gmail.com

** doctor of psychology, associate professor, professor of the Department of General Psychology, Institute of Psychology and Education, Kazan Federal University (KFU), Kazan, Russia,
liliarf@mail.ru

This study examines the cultural-historical and socio-psychological factors that influence the educational activities of Latin American students in Russian universities. The purpose of the study is to study the dynamics of the “perezhivanie” (experiencing) of educational activities of foreign Latin American students in Russian universities under the influence of socio-psychological and cultural-historical differences. It was revealed that the “perezhivanie” of educational activities of Latin American students in Russian universities is influenced by cultural, historical and socio-psychological differences associated with manifestations of social behavior, gender stereotypes, values and communication style. The educational activities of Latin American students can be destructive and traumatic, since students cannot cope with the challenges of differences in the cultural and historical environment and the socio-psychological factors of the educational space of Russian universities.

Keywords: “perezhivanie” (experiencing), bodily, emotional, cognitive characteristics of experience. educational activities, educational space of a Russian university, foreign Latin American students, cultural, historical and socio-psychological factors in the education of foreign students.

Проблема рассогласования нормативных и личностных ценностей у сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

Е. Н. Власюк, И. А. Мироненко***

* аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия, vlasuk_elena@list.ru

** доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии
Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия,
i.mironenko@spbu.ru

Рассматриваются вопросы рассогласования нормативных и личностных ценностей у лиц, выполняющих задачи исполнительной власти как представителей малых групп. Именно несоответствие норм и ценностей вызывает кризис идентичности. Интерес к проблеме трансформации кризиса идентичности определяется состоянием современного мира, основными характеристиками социальных процессов в обществе — нестабильность, неоднозначность, сложность, неопределенность.

Ключевые слова: кризис идентичности, нестабильность, неоднозначность, сложность, неопределенность, адаптированность.

Внимание к актуальным проблемам исследования рассогласования нормативных и личностных ценностей у сотрудников уголовно-исполнительной системы возросло по различным причинам, а именно: трудности адаптации в условиях пенитенциарного учреждения, трудности социализации и нестабильности в уровнях мотивации избегания неудач и уровне мотивации достижения. Указанные факторы, как правило, приводят личность к кризису идентичности. В работах Т. Г. Стефаненко рассматривается кризис социальной идентичности, Н. М. Лебедевой изучены смысловые аспекты кризиса идентичности, Н. А. Самойлик считает, что важно разделять кризисы идентичности и нормативные кризисы возрастного развития, рассматривать кризис идентичности как отдельную категорию.

Интерес к проблеме трансформации кризиса идентичности определяется состоянием современного мира, основными характеристиками социальных процессов в обществе — нестабильность, неоднозначность, сложность, неопределенность. Интенсификация контактов и взаимодействия между людьми разных культур, полиэтничность многих стран усиливают социальную динамику. Специфика социальных процессов приводит человека к необходимости подстраивать систему индивидуальных ценностей к актуальной ситуации ценностных сдвигов. Мир стремительно меняется, так же как и представления человека о самом себе и своем месте в новой реальности.

В истории науки существует традиция обращения к проблеме идентичности. На границе XIX и XX вв. о значимости и взаимосвязи двух сторон идентичности — социальной и личностной упоминается в работах Э. Дюркгейма, У. Джемса. В работах отечественных психологов Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, И. С. Кона проблематика идентичности соотносится с понятием самосознания личности.

Кризис идентичности — это особая ситуация сознания, когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определяет себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность. Кризис идентичности фокусируется на определенных сферах, затрагивая значимые аспекты жизни человека.

В настоящее время несмотря на то, что результаты изучения данного феномена широко представлены на теоретическом уровне, в литературе и в практической работе психологов, актуальность проблемы не только сохраняется, но и усиливается спецификой социальных процессов.

Особой категорией лиц, которые вынуждены переживать кризис идентичности, являются сотрудники учреждений уголовно-исполнительной системы, которые, находясь на изолированной территории, ощущая негативное влияние криминальной среды, постоянно испытывают эмоциональные нагрузки, стрессы, в том числе и из-за повышенной ответственности за характер и результаты своей служебной деятельности. Социальная ситуация в «закрытых» учреждениях оказывает влияние на формирование мыслей, чувств и ценностей, что подтверждается тюремным экспериментом Ф. Зимбардо 1971 г.

В условиях пенитенциарного учреждения социальная ситуация подчинения оказывает прямое воздействие на изменение мыслей, чувств и поведение сотрудника. С целью нейтрализации негативных последствий феномена кризиса идентичности, рассогласования нормативных и личностных ценностей и оптимизации служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы необходимо структурировать особенности проявления данного феномена.

С целью изучения особенностей проявления кризиса идентичности как рассогласования нормативных и личностных ценностей личности сотрудника уголовно-исполнительной систем были использованы следующие методики исследования: методика Т. Элерса «Методика избегания неудач», методика «Fundamental Interpersonal Relation Orientations», автор-разработчик — В. Шутц и методика «Диагностика социально-психологической адаптации личности», авторы-разработчики — К. Роджерс и Р. Даймонд. Обработка и анализ полученных данных проводились при помощи программ Microsoft Excel и Statistica с использованием корреляционного анализа (коэффициент корреляции) и факторного анализа (метод главных компонент).

В исследовании приняло участие 84 чел., из них 42 сотрудника, осуществляющих работу в условиях жесткой регламентации, 42 — лица, не ограниченные режимными рамками трудовой деятельности. 100% составили сотрудники мужского пола, в возрасте от 23 лет до 51 года. 61% — имеют среднее образование, 24% — среднее профессиональное, 15% — высшее. 83% — не состоят в браке, 14% — состоят в браке, 3% — разведены. Гендерные особенности не рассматривались в рамках данного исследования.

Проведенное исследование по методике «Мотивация избегания неудач» в группе сотрудников, осуществляющих работу в условиях жесткой регламентации, показало следующие результаты: у 64% преобладает мотивация избегания неудач (высокий уровень), у 9% – средний уровень, у 27% – низкий уровень.

Проведенное исследование по методике «Мотивация избегания неудач» в группе лиц, не ограниченных режимными рамками трудовой деятельности, показало, что у 45% преобладает мотивация избегания неудач (высокий уровень), у 18% – средний уровень, у 37% – низкий уровень.

Итак, наблюдаются значимые различия в группах по уровню мотивации, а именно – в группе сотрудников, осуществляющих работу в условиях жесткой регламентации, мотивация избегания неудач преобладает. Данные особенности связаны с условиями иерархии служебной деятельности, а также необходимостью соблюдения четких алгоритмов деятельности.

Проведенное исследование по методике «Фундаментальные ориентации в межличностных отношениях» в группе сотрудников, осуществляющих работу в условиях жесткой регламентации, показало, что у данной категории выражено аффективное стремление к установлению контактов, доверительных отношений. Также при помощи наблюдения и беседы у сотрудников, несущих службу в жестко регламентированных условиях, отмечается перенос социальных отношений из обыденной жизни на служебные отношения. Выражено стремление установить дружеские связи.

Проведенное исследование по методике «Фундаментальные ориентации в межличностных отношениях» в группе лиц, не ограниченных режимными рамками трудовой деятельности, позволило установить, что данная категория лиц ориентирована на влияние и координацию в социальных отношениях. Диапазон варьирования этой потребности – от желания доминировать над другими, оказывать на них влияние, быть авторитетом, принимать ответственные решения – до желания подчиняться, избегать ответственности, быть контролируемым. То есть сотрудники, не ограниченные режимными рамками трудовой деятельности, склонны проявлять различные социальные роли в зависимости от ситуации. Практически отсутствует аффективное стремление к установлению дружеских взаимосвязей.

Проведенное исследование по методике «Диагностика социально-психологической адаптации личности» в группе сотрудников, осуществляющих работу в условиях жесткой регламентации, показало высокий уровень адаптированности у 9% испытуемых, у 35% – средний уровень, у 56% – низкий уровень адаптированности. Уровень принятия себя: низкий – 31%, средний – 35%, высокий – 34%. Уровень принятия других: низкий – 41%, средний – 32%, высокий – 27%. Эмоциональный комфорт (оптимизм, уравновешенность): низкий уровень – 69%, средний уровень – 2%, высокий уровень – 10%. Ожидание внутреннего контроля: низкий уровень – 4%, средний уровень – 24%, высокий уровень – 25%. По шкале «доминирование» получены следующие результаты: низкий уровень – 61%, средний уровень – 21%, высокий уровень – 18%. По шкале «уход в себя»: низкий уровень – 15%, средний уровень – 13%, высокий уровень – 72%.

Проведенное исследование по методике «Диагностика социально-психологической адаптации личности» в группе лиц, повторно пребывающих в пенитенциарном учреждении, показало высокий уровень адаптированности у 56% испытуемых, у 37% – средний уровень, у 7% – низкий уровень адаптированности. Уровень принятия себя: низкий – 39%, средний – 28%, высокий – 33%. Уровень принятия других: низкий – 35%, средний – 27%, высокий – 38%. Эмоциональный комфорт (оптимизм, уравновешенность): низкий уровень – 59%, средний уровень – 16%, высокий уровень – 25%. Ожидание внутреннего контроля: низкий уровень – 25%, средний уровень – 34%, высокий уровень – 41%. По шкале «доминирование» получены следующие результаты: низкий уровень – 23%, средний уровень – 33%, высокий уровень – 44%. По шкале «уход в себя»: низкий уровень – 19%, средний уровень – 42%, высокий уровень – 39%.

Обработка и анализ результатов при помощи корреляционного анализа показали, что в группе исследуемых, осуществляющих работу в условиях жесткой регламентации, имеется положительная корреляция по параметрам «аффект» и «уход от проблем», «мотивация избегания неудач» и «контроль», «аффект (автономность)» и «принятие себя», отрицательную: «автономность» – «принятие других», «адаптивность» – «ожидание внутреннего контроля».

В группе исследуемых, не ограниченных режимными рамками трудовой деятельности, имеется положительная корреляция по следующим параметрам: «адаптированность» – «принятие себя», «принятие себя» – «принятие других», «эмоциональный комфорт (оптимизм, уравновешенность)» – «включение (требуемое)», отрицательную: «адаптированность» – «уход от проблем», «мотивация избегания неудач» – «эмоциональный комфорт (оптимизм, уравновешенность)».

Факторный анализ позволил получить следующие результаты в группе лиц, осуществляющих работу в условиях жесткой регламентации: фактор № 1 «первичная адаптация» – требуемое поведение, включенность, уход от проблем; фактор № 2 «социализация в пенитенциарном учреждении» – включение, принятие других, эмоциональный комфорт (оптимизм, уравновешенность); фактор № 3 «субъективное восприятие пенитенциарного учреждения» – мотивация избегания неудач, контроль, адаптированность.

Факторный анализ позволил получить следующие результаты в группе лиц, не ограниченных режимными рамками трудовой деятельности, фактор № 1 – аффект (требуемый), контроль (автономность), адаптированность; фактор № 2 – выраженное поведение, доминирование, принятие других; фактор № 3 – контроль (общий), включенность, принятие себя.

Заключение

Таким образом, полученные данные дают основание сделать вывод, что у сотрудников, осуществляющих работу в условиях жесткой регламентации, уровень рассогласования нормативных и личностных ценностей связан с адаптационными способностями, с высоким уровнем мотивации избегания неудач, уходом от проблем, аффективными установками на дружественные взаимоотношения.

У лиц, не ограниченных режимными рамками трудовой деятельности, уровень рассогласования нормативных и личностных ценностей выражен в меньшей степени, выражено стремление к принятию себя и других, выше среднего уровня эмоционального комфорта.

Полученные результаты целесообразно использовать при оптимизации психологической работы с личным составом, ротации кадров и дифференциации по специфике выполняемых задач.

Литература

Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект-Пресс, 2004.

Асмолов А. Г. Личность: психологическая стратегия воспитания // Образование. 2002. № 1. С. 17–32.

Мухина В. С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). 4-е изд., испр. и доп. М.: Национальный книжный центр, 2014.

The problem of mismatch of normative and personal values among employees of the penitentiary system of the Russian Federation

*E. N. Vlasuk**, *I. A. Mironenko***

** graduate student, St Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, vlasuk_elen@list.ru*

*** doctor of psychology, professor, Department of General Psychology, St Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, i.mironenko@spbu.ru*

The article deals with the issues of mismatch of normative and personal values among persons performing the tasks of executive power, as representatives of small groups. It is the discrepancy between the norms of values that causes an identity crisis. Interest in the problem of identity crisis transformation is determined by the state of the modern world, the main characteristics of social processes in society – instability, ambiguity, complexity, uncertainty.

Keywords: identity crisis, instability, ambiguity, complexity, uncertainty, adaptability.

Взаимосвязь вузовской адаптированности и терминальных ценностей студентов*

*А. С. Володина**, *Е. А. Дудичева***, *А. А. Смирнов****

* студент, Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия, anna8.volodina@yandex.ru

** студент, Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия, dudicheva.k@gmail.com

*** кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия, asmirnov1970@bk.ru

Представлены результаты анализа взаимосвязей и взаимовлияния социальной адаптации и терминальных ценностей студентов-первокурсников, а также различия доминирующих терминальных ценностей на разных уровнях адаптированности к учебе в вузе. В процессе исследования были использованы методики «Адаптация студентов к вузу» М. С. Юркиной и «Опросник терминальных ценностей» (ОтеЦ) И. Г. Сенина. Выборку составили 80 первокурсников ЯрГУ им. П. Г. Демидова разных факультетов. Установлены основные терминальные ценности, которые способствуют повышению уровня социальной адаптации, а также рассмотрены базовые качества для низкого, среднего и высокого уровней социальной адаптированности студентов.

Ключевые слова: социальная адаптация, ценностные ориентации, терминальные ценности, общественная жизнь, семейная жизнь, учебная деятельность, уровни адаптации.

Введение

Учащиеся, приходящие на первый курс, зачастую мало знакомы с системой обучения в высшем учебном заведении, так как предыдущие проблемы, с которыми они сталкивались в процессе обучения, отличаются по ряду параметров от тех трудностей, которые существуют в вузе. Навыки, которые были усвоены в школе, не всегда бывают полезными при работе на занятиях в университете. Поэтому и возникает ряд таких проблем, как неопределенность в правильности выбора профессии, несамостоятельность, отсутствие организации оптимального режима работы и отдыха, коммуникативные барьеры и т. д. В начале адаптации студента эти факторы ограничивают заинтересованность в обучении.

* Исследование выполнено за счет средств Программы развития ЯрГУ до 2030 г., проект № GM-2023-4 «Программа для психологической диагностики и выявления зон риска девиантного поведения в образовательных учреждениях».

Из этого следует необходимость научиться управлять адаптацией студентов, опираясь на их внутренние характеристики, качества, ценности и цели. Стоит учитывать, какие элементы влияют положительно, а какие, наоборот, затрудняют процесс адаптации.

А. А. Смирнов и Н. Г. Живаев в структуре вузовской адаптации выделяют три взаимосвязанных звена: социальное, профессиональное и дидактическое (Смирнов, Живаев, 2009). Первое звено рассматривается как социализация студента в общество вуза, принятие новой социальной роли. К этому может относиться общение со сверстниками, участие в традициях, процесс привыкания к новой социальной роли и способности успешно взаимодействовать с обществом. Социально-психологическая адаптация – вхождение личности в малую группу, формирование отношений с другими, выработка ценностных ориентаций, достижение единства руководства и членов группы. В группе личность обязана осваивать социальные роли, вырабатывать социальные установки и позиции. Социально-психологическая адаптация позволяет индивиду адекватно воспринимать себя и устанавливать свои социальные связи (Казанская, 2011).

Программа исследования

Целью данного исследования выступает изучение взаимосвязи адаптированности студентов первого курса в высшем учебном заведении и терминальных ценностей. Объект исследования – вузовская адаптация студентов первого курса. Предмет исследования – взаимосвязь вузовской адаптированности и терминальных ценностей. Общая гипотеза: существует связь между социальной адаптацией, как компонента вузовской адаптации, и терминальными ценностями. Были использованы методики «Адаптация студентов к вузу» М. С. Юркиной и «Опросник терминальных ценностей» (ОтеЦ) И. Г. Сенина. Выборку составили 80 первокурсников ЯрГУ им. П. Г. Демидова разных факультетов. Статистическая обработка проводилась с помощью рангового критерия корреляции Спирмана и структурных весов А. В. Карпова (2021). Для обработки полученных данных использовался Psychometric Expert v. 8.

Результаты и обсуждение

Социальная адаптированность студентов-первокурсников представляет собой достаточно сложный элемент вузовской адаптации: студенту необходимо принять новую социальную роль, понять, какая ответственность на него возлагается, освоить условия и требования, выдвигаемые вузом, а также преодолеть период, во время которого студент находится в поиске своего профессионального места. С другой стороны, социально-психологическая адаптированность определяется ценностной ориентацией студента: в зависимости от его приоритетных целей и мотивов, обучающийся будет вливаться в те или иные социальные группы, отчего также будет зависеть вузовская адаптация и социальная адаптация как компонент вузовской адаптации.

В ходе обработки результатов мы выявили, что самые сильные связи социальной адаптации имеются с креативностью. Коэффициент корреляции здесь

положителен и равен 0,37. Вероятно, это связано с тем, что студент образует новые социальные контакты и принимает новые роли, основываясь на данных ему возможностях и стремлениях преобразовать окружающую действительность для лучшего процесса адаптации.

Также на основе анализа полученных данных была выявлена связь социальной адаптации с развитием себя, общественной жизнью, профессиональной жизнью и духовным удовлетворением. Большое число связей между социальной адаптацией и терминальными ценностями объясняется тем, что для успешного завершения процесса социального приспособления к вузу необходимо глубже понимать свои индивидуальные особенности и совершенствовать личностные характеристики, руководствуясь морально-нравственными принципами. При поступлении в вуз и дальнейшей адаптации студент опирается на желаемую для него профессиональную деятельность и общественно-политические убеждения.

При анализе корреляционных связей было выявлено взаимовлияние сферы общественной жизни (0,64) и сферы семейной жизни (0,62) с социальной адаптацией. Из этого следует, что для успешной социальной адаптации студента требуются хорошие взаимоотношения с семьей, благополучный микроклимат внутри семьи и доступное всестороннее участие студента в общественной жизни университетского общества. Значимость роли семьи отражается также в финансовой поддержке и в особенностях воспитания (Сергеева, Воскресенко, 2008). Возможно и то, что семья задает мотивацию студента получить высшее образование, считая, что это является необходимым для хорошей жизни человека.

В ходе исследования были определены структурные индексы, которые позволяют выделить базовые качества для всех трех уровней социальной адаптированности. Для низкого уровня базовыми являются такие качества, как сфера обучения, сохранение собственной индивидуальности и креативность. Для среднего уровня характерны следующие качества: сфера общественной жизни, развитие себя и активные социальные контакты. Для высокого – сфера семейной жизни, активные социальные контакты и сфера профессиональной жизни.

При рассмотрении корреляционных отношений базовых качеств внутри различных групп было выявлено, что в группе с низким уровнем социальной адаптированности есть взаимовлияние между сферой обучения и социальной адаптацией (прямое влияние социальной адаптации равно 0,88, обратное равно 0,87). Это может быть объяснено полным включением студента в процесс учебы и игнорированием социальной жизни вуза: студент меньше времени отводит на построение значимых внутриучебных контактов, тем самым он становится менее интересным и заметным для социума внутри группы, что может привести к внутренним переживаниям и неудовлетворению потребностей. А также может быть и то, что студентам с низкой социальной адаптированностью сложнее продолжать обучение, так как не произошло принятие своей новой социальной роли и обязанностей, что влияет на дезадаптированность студента не только в социально-психологической сфере, но и в дидактической. Также социальная адаптированность оказывает взаимовлияние и на сохранение

собственной индивидуальности (прямое – 0,93, обратное – 0,9). Это объясняется нежеланием студента менять свои принципы, устои и взгляды при контакте с другими студентами, таким образом он стремится сохранить индивидуальность. Это препятствует повышению социальной адаптации, ведь приспособление к общественной жизни вуза включает в себя не только коммуникации со сверстниками и преподавателями, но и усвоение обычаев и традиций, принятых в данном коллективе. Важно отметить и то, что низкий уровень социальной адаптированности оказывает влияние на сохранение собственной индивидуальности: отсутствие включенности в социум ведет к тому, что студент считает необязательным стараться что-то изменить в себе, подстраиваться под коллектив, так как он не является частью сплоченной группы, студент начинает отвергать это группу и замыкается в себе, акцентируя внимание только на своих ценностях и убеждениях.

Социальная адаптация оказывает большее влияние на креативность, чем креативность на нее (прямое – 0,89, обратное – 0,73). Процесс социализации студента в группе отражается желанием студента вносить различные изменения как в новые, так и в старые сферы жизни. Получая новый опыт, студент разнообразит свою жизнь. При низком уровне социальной адаптированности данный процесс затрудняется. Влияние креативности на адаптированность объясняется нахождением группы по интересам внутри вуза и стремлением к чему-то новому в жизни, за счет чего процесс адаптации проходит быстрее. Но, в случае если студент не был готов к тому образу студента, который предполагался вузом, и если студент не смог найти единомышленников, уровень социальной адаптированности будет низким.

Для группы со средним уровнем социальной адаптации было выявлено, что общественная жизнь оказывает влияние на социальную адаптацию (0,76). Студент стремится стать частью коллектива, проявляет личный интерес к работе в команде, уделяет внимание созданию новых взаимоотношений. Совокупность данных действий ведет к более успешному принятию новых социальных ролей и повышению уровня социальной адаптации. Для повышения уровня социальной адаптации студенту необходимо проявлять активность и инициативность к другим членам данной группы (Пономарев и др., 2017). За счет коммуникаций со студентами и преподавателями учащийся стремится и к реализации уже имеющихся возможностей, а также к открытию и развитию в себе потенциала.

Для группы с высоким уровнем социальной адаптации было выявлено взаимовлияние сферы семейной жизни и социальной адаптации (сила влияния социальной адаптации на семейную жизнь положительна и равна 0,64, в то время как семейная жизнь влияет на социальную адаптацию с силой равной 0,71). Такое взаимовлияние может быть объяснено следующим образом: студент-первокурсник, оказавшись в новой, незнакомой среде, крайне сильно нуждается в поддержке и опоре, которую ему может оказать именно семья. Комфортный микроклимат внутри семьи может оказать существенное влияние на способности адаптации студента. Важно и то, что, по большей части, именно внутри семьи студент формирует представления о мире и о том, к чему стоит стремиться. С другой стороны, адаптация также имеет некоторое влияние

на семейную жизнь студента. Это может проявляться в моментах, когда адаптация к вузу проходит тяжело и требует большого количества эмоциональных ресурсов, тем самым у студента не остается сил на поддержание благоприятных отношений с семьей.

Кроме того, для группы с высоким уровнем социальной адаптации характерно наличие взаимовлияния активных социальных контактов и социальной адаптации (социальная адаптация влияет на социальные контакты с силой 0,75, социальные контакты оказывают влияние на социальную адаптацию с силой 0,74). Наличие таких связей можно объяснить тем, что, выстраивая множество контактов с другими людьми, студент с большей вероятностью найдет близких по духу людей, что способствует комфортному существованию человека в группе и повысит возможности адаптации. В то же время, когда человек находится в процессе адаптации, он неизбежно контактирует с окружающими людьми. Можно сказать, что чем более адаптирован человек, тем больше у него знакомств и, как следствие, социальных контактов.

Также у группы с высоким уровнем адаптации обнаружено наличие взаимовлияния социальной адаптации и сферы профессиональной жизни (при этом социальная адаптация влияет на профессиональную жизнь с силой 0,72, а профессиональная жизнь влияет на социальную адаптацию с силой 0,79). Это объясняется тем, что при контакте с другими членами профессионального общества происходит обмен знаниями, опытом, обсуждение интересов относительно квалификации, вследствие чего формируется более конкретное и четкое понимание мотивов, целей и желаний студента. Студент приобретает еще большее стремление к получению профессии, что и способствует успешной социальной адаптации. Кроме того, вливаясь в университетское общество, адаптируясь к нему, студент получает множество информации относительно будущей профессии, что может дать толчок к развитию профессиональной сферы жизни.

Доминирование некоторых терминальных ценностей стимулирует повышение эффективности социально-психологической адаптации (Логинова, 2009). При сравнении низкой и средней групп мы выявили, что растут следующие показатели: креативность, развитие себя, достижения, духовное удовлетворение, сфера профессиональной жизни и сфера общественной жизни.

При сравнении среднего и высокого уровня возрастают следующие показатели: активные социальные контакты, развитие себя, достижения, духовное удовлетворение, сфера профессиональной жизни.

Креативность показывает стремление человека к реализации своих возможностей и внесению в жизнь чего-либо нового, следовательно, это также отражает его готовность к изменениям и самосовершенствованию, что позволяет успешно адаптироваться. Сфера общественной жизни показывает стремление студента к созданию благоприятных взаимоотношений с другими людьми. Таким студентам легче даются контакты с коллективом вуза, они в большей степени идут на уступки и быстрее становятся частью группы, что упрощает социальную адаптацию.

Развитие себя, достижения, духовное удовлетворение и сфера профессиональной жизни трактуются как желание студента ставить перед собой цели к самосовершенствованию и выполнять их, причем не только в социаль-

ном, но и профессиональном аспекте обучения. Студент, который понимает, что для получения профессионального образования, а также внутреннего равновесия и спокойствия, необходимо на первом курсе пройти адаптацию к новой среде, старается как можно лучше приспособиться к новшествам и в дальнейшем удовлетворить свои потребности и задачи.

Наличие данных ценностных ориентаций у студента облегчает процесс приспособления студента к новой учебной среде, а их доминирование способствует повышению эффективности социально-психологической адаптации.

Заключение

Установлено, что социальная адаптация студентов первого курса взаимосвязана с терминальными ценностями (креативностью, развитием себя, общественной жизнью профессиональной жизнью и духовным удовлетворением).

Выявлено взаимовлияние социальной адаптации и следующих терминальных ценностей: сфера общественной жизни и сферой семейной жизни. Это объясняется тем, что в силу возраста студенту важна поддержка и микроклимат внутри семьи, а также важно его собственное участие в социальной жизни вуза.

Подробно рассмотрены различные уровни социальной адаптированности. Для низкого уровня базовыми качествами выступают интуиция, сфера обучения и сохранение собственной индивидуальности. Базовые качества среднего уровня: сфера общественной жизни, развитие себя и активные социальные контакты. Для высокого уровня характерны такие качества, как сфера семейной жизни, активные социальные контакты и сфера профессиональной жизни.

Обнаружены доминирующие терминальные ценности, которые способствуют повышению уровня социальной адаптации. К ним относятся: креативность, развитие себя, достижения, духовное удовлетворение, активные социальные контакты, сфера профессиональной жизни и сфера общественной жизни.

Выявленные закономерности можно применить для работы со студентами-первокурсниками, которые испытывают затруднение при вузовской адаптации, а также полученные результаты могут стать базой для создания методик и способов повышения показателей вузовской адаптации учащихся.

Литература

- Казанская В. Г.* Подросток: социальная адаптация: Книга для психологов, педагогов и родителей. СПб.: Питер, 2011.
- Логинова Е. И.* Ценностные ориентации как фактор нервно-психической и социально-психологической адаптации студентов-первокурсников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. «Социология». 2009. Вып. 3. Ч. 2. С. 107–111.
- Пономарев П. А., Пономарева А. П., Штильников Д. Е.* Социально-психологическая адаптация студентов-первокурсников// Психологические науки: теория и практика: Материалы V Международной научной конференции (г. Москва, июнь 2017 г.). М.: Буки-Веди, 2017. С. 38–42.
- Сергеева С. В., Воскресасенко О. А.* Основные направления педагогического сопровождения адаптации студентов-первокурсников к образовательному процес-

су вуза // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 3. С. 137–144.

Смирнов А. А., Живаев Н. Г. Психология вузовской адаптации: Учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2009.

University adaptability and terminal values

*A. S. Volodina**, *E. A. Dudicheva***, *A. A. Smirnov****

** student, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, anna8.volodina@yandex.ru*

*** student, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, dudicheva.k@gmail.com*

**** candidate of psychological sciences, associate professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, asmirnov1970@bk.ru*

The article shows the results of analysis of interrelation and interaction between social adaptation and terminal values, as well as differences of dominant terminal values at different levels of social adaptation. Methodological foundations of the work were the following methods: “Adaptation of students to the university” by M. S. Yurkina and Questionnaire of terminal values by I. G. Senin. The sample was made by the first-year students of P. G. Demidov Yaroslavl State University. The number of the subjects: 80 people. The basic terminal values that contribute to increasing the level of social adaptation have been established, and the basic qualities for low, medium and high levels of social adaptation of students have been considered.

Keywords: social adaptation, terminal values, first-year students, social life, family life, educational activity, levels of adaptation, psychological faculty, value orientation, professional life.

Особенности конструирования возраста незнакомого человека: влияние факторов возраста, гендера, типа представленности объекта восприятия*

Т. А. Воронцова, А. Г. Артамонова***

* кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Академия психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия, shkurko@sfedu.ru

** старший преподаватель кафедры психологии управления и юридической психологии, Академия психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия, alartamonova@sfedu.ru

Целью исследования стало выявление гендерно-возрастных особенностей конструирования возраста незнакомого человека на основе восприятия его лица (портретной фотографии) и телосложения (ростовой фотографии). В качестве основного метода выступила процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» Т. А. Воронцовой. Движения глаз субъектов восприятия отслеживались с помощью айтрекера Gazepoint GP3 Eye Tracker. Результаты: количество фиксаций при рассматривании портретной фотографии значительно больше, чем при рассматривании ростовой фотографии вне зависимости от гендерно-возрастных характеристик объекта восприятия; время рассматривания лиц женщин и зрелых взрослых значительно больше, чем их ростовых фотографий; количество фиксаций и время рассматривания лиц женщин значительно больше, чем лиц мужчин; лиц зрелых людей — значительно больше, чем молодых лиц; описан «треугольник интереса» (лоб, переносица, глаза, нос, верхняя губа) при определении возраста человека по портретной фотографии. Полученные результаты обсуждаются в контексте коммуникативного подхода к исследованиям восприятия.

Ключевые слова: возраст, воспринимаемый возраст, внешний облик, лицо, телосложение, социальное восприятие, мужчины, женщины, возрастные группы, окулomotorная активность.

Введение

Исследование посвящено выявлению гендерно-возрастных различий в конструировании воспринимаемого возраста незнакомого человека в тех ситуациях, когда ему доступна для восприятия как фотография лица, так и фотография

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-01763 в Южном федеральном университете. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-01763>.

целостного внешнего облика (ростовая фотография). Воспринимаемый возраст рассматривается как феномен социального познания, как возраст, «приписанный человеку (объекту восприятия) другим человеком (субъектом восприятия, оценщиком) в результате восприятия его внешнего облика» (Шкурко, Лабунская, 2018, с. 450).

Выдвижение гипотез предварил анализ современных работ, посвященных влиянию различных компонентов внешнего облика и типа его представленности для субъекта восприятия на конструирование им воспринимаемого возраста незнакомого человека, который позволил сделать ряд выводов.

Во-первых, лицо изучено в большей степени, особенности телосложения — в меньшей с точки зрения вклада в восприятие возраста. Значительный массив работ посвящен выявлению элементов и характеристик лица, которые вносят наибольший вклад в восприятие возраста (Nkengne et al., 2008; Russell et al., 2014; и мн. др. работы). Также изучено влияние выражения лица объекта восприятия (Voelkle et al., 2012) и улыбки (Ganel, 2015) на оценку его возраста. Лишь некоторые работы обращаются к особенностям телосложения, к изображениям людей в полный рост для оценки возраста (Шкурко, Николаева, 2015; Nielsena et al., 2015).

Во-вторых, практически отсутствуют работы, в которых сравниваются особенности конструирования возраста незнакомого человека на основе восприятия его лица (портретных фотографий) и телосложения (ростовых фотографий).

В-третьих, технологии айтрекинга пока еще мало используются при изучении воспринимаемого возраста (см., например: Kurosumi et al., 2021), при этом что доказано (Шкурко, Николаева, 2015), что процесс восприятия возраста недостаточно осознаваем субъектом восприятия.

В-четвертых, мало известно о механизмах конструирования воспринимаемого возраста незнакомого человека, при этом в отечественной науке накоплен значительный объем исследований психологических особенностей человека по изображению его лица и теоретических моделей их анализа и интерпретации (Барабаншиков, 2015). Как показано в обзоре А. А. Демидова и К. И. Ананьевой, перцептивная задача, стоящая перед наблюдателем, является одним из важнейших факторов его окуломоторной активности, при этом нами не обнаружено работ российских психологов, которые бы изучали ее особенности при решении такой перцептивной задачи, как определение возраста незнакомого человека (Демидов, Ананьева, 2015).

Проведенный анализ позволил обосновать актуальность и научную новизну исследования, целью которого стало выявление особенностей окуломоторной активности (числа фиксаций и времени рассматривания) при конструировании возраста незнакомого человека на основе восприятия его лица (портретной фотографии) и телосложения (ростовой фотографии).

Гипотезами исследования выступили следующие предположения: 1) воспринимаемый возраст, сконструированный на основе восприятия лица (портретной фотографии) и фигуры (ростовой фотографии), вероятно, будет различаться; 2) число фиксаций / время восприятия лица (портретной фотографии) и фигуры (ростовой фотографии) незнакомого человека при конструировании возраста будут иметь значимые различия; различия, вероятно, могут быть

опосредованы гендерно-возрастными характеристиками объекта восприятия; 3) фиксации взгляда субъекта восприятия при конструировании возраста незнакомого человека на основе восприятия его лица (портретной фотографии) и фигуры (ростовой фотографии) возможно, будут сконцентрированы на его лице вне зависимости от доступности для восприятия особенностей телосложения объекта восприятия.

Методология и методы

Исследование выполнено в рамках методологии отечественной психологии социального познания Г. М. Андреевой, А. А. Бодалева, социальной психологии внешнего облика В. А. Лабунской, коммуникативного подхода к исследованию когнитивных процессов в общении В. А. Барабанщикова. В качестве основного метода выступила процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» Т. А. Воронцовой (Шкурко, Николаева, 2015). Субъектам восприятия был предложен для оценки возраста комплект портретных / ростовых фотографий восьми человек (по одному мужчине и женщине на каждый из возрастных интервалов 20–30 лет, 31–40 лет, 41–50 лет, 51–60 лет). Движения глаз субъектов восприятия отслеживались с помощью айтрекера Gazepoint GP3 Eye Tracker; количество фиксаций и время рассматривания, а также сосредоточение фиксаций на определенных областях («тепловые карты») были получены с помощью Gazepoint Analysis UX Edition (v. 6.8.0) x64. В выборку субъектов восприятия вошли 76 чел. – 38 мужчин в возрасте 21–59 лет ($M_{\text{возр.}} = 28,84$ года) и 38 женщин в возрасте 21–59 ($M_{\text{возр.}} = 28,79$ года).

Результаты

Для доказательства первой гипотезы мы провели сравнительный анализ воспринимаемого возраста, приписанного «моделям» на основе восприятия их лица (портретной фотографии) и фигуры (ростовой фотографии) по критерию Уилкоксона. Проведенный анализ показал значимые различия воспринимаемого возраста, приписанного на основании восприятия портретной и ростовой фотографии. Специфика обнаруженных различий в восприятии возраста оказалась опосредована гендерно-возрастными особенностями объекта восприятия: 1) при оценке возраста мужчины (возрастной интервал – 20–30 лет) воспринимаемый возраст, приписанный по портретной фотографии больше, чем по ростовой; при оценке возраста женщины этого же возрастного интервала, наоборот, воспринимаемый возраст, приписанный по портретной фотографии меньше, чем по ростовой; 2) при оценке возраста мужчины (возрастной интервал – 31–40 лет) воспринимаемый возраст, приписанный по портретной фотографии меньше, чем по ростовой; при оценке возраста женщины этого возрастного интервала – так же наоборот. Сходные тенденции, не зависящие от гендера, обнаружены при восприятии более старших по возрасту «моделей»: 1) при восприятии возраста и мужчины и женщины возрастной группы 41–50 лет воспринимаемый возраст, приписанный по портретной фотографии меньше, чем по ростовой; 2) при восприятии возраста мужчины и женщины

самой старшей возрастной группы (51–60 лет) воспринимаемый возраст, описанный по портретной фотографии больше, чем по ростовой.

Для проверки второй гипотезы нами был проведен сравнительный анализ количества фиксаций и времени рассматривания портретной и ростовой фотографии при определении возраста изображенных на них незнакомых людей по критерию Уилкоксона; также подсчитаны среднее количество фиксаций и время рассматривания при определении возраста незнакомого человека. Проведенный анализ показал, что в среднем участники исследования рассматривают портретную фотографию незнакомого человека 6,24 с и делают 13 фиксаций, делая заключение о его возрасте; и 6,04 с и 11 фиксаций, рассматривая ростовую фотографию. Критерий Уилкоксона, примененный к данным, полученным по фиксациям участников исследования относительно каждой «модели», показал в 100% случаев преобладание отрицательных рангов над положительными, что свидетельствовало о том, что количество фиксаций при оценке возраста на основе портретной фотографии преобладает над аналогичным показателем при рассматривании ростовой фотографии. Относительно времени рассматривания перед тем, как участники делали вывод о возрасте незнакомого человека, какой-либо общей закономерности нами не обнаружено, что позволило предположить влияние дополнительных факторов, в качестве которых в данной работе выступают гендерно-возрастные особенности объектов восприятия.

Для дополнительной проверки второй гипотезы нами было подсчитано общее количество фиксаций и общее время восприятия каждым участником исследования: 1) всех портретных и всех ростовых фотографий; 2) всех женских и всех мужских портретов / ростовых фотографий; 3) всех портретов и ростовых фотографий молодых (возрастной интервал – 20–40 лет) и зрелых (41–60 лет) взрослых. К полученным показателям применен критерий Уилкоксона. Сравнивались количество фиксаций и общее время рассматривания в следующей последовательности: «лицо»/«фигура»; «лицо»/«лицо»; «фигура»/«фигура».

Поведенный анализ показал значимые различия количества фиксаций при решении задачи на определение возраста незнакомого человека на основе восприятия портретной и ростовой фотографии как на общем массиве фотографий, так и отдельно по мужским/женским фотографиям, а также фотографиям молодых и зрелых «моделей»: количество фиксаций при рассматривании портретной фотографии значимо больше, чем при рассматривании ростовой фотографии.

Относительно времени рассматривания на общем массиве фотографий была обнаружена тенденция ($p=0,077$) к большему времени рассматривания лица, чем изображения, содержащего целостный внешний облик, которая на статистически достоверном уровне проявилась при сравнении женских портретных и ростовых фотографий ($p=0,055$), а также портретных и ростовых фотографий зрелых взрослых ($p=0,033$). То есть нами обнаружено, что субъекты восприятия значительно больше времени рассматривают фотографии лица женщин и зрелых взрослых (41–60 лет), чем фотографии их целостного внешнего облика (ростовые фотографии).

Интересные данные получены при сравнении количества фиксаций и времени рассматривания лиц женщин и мужчин, а также молодых и зрелых взрослых при принятии решения об их возрасте: данные показатели значительно более интенсивны при восприятии женских (по сравнению с мужскими) и зрелых лиц (по сравнению с молодыми).

Эта же тенденция обнаружена и при восприятии фигур (ростовой фотографии) мужчин и женщин, молодых и зрелых взрослых, при этом необходимого уровня статистической достоверности ($p=0,01$) достигает сравнение количества фиксаций при восприятии ростовой фотографии мужчин и женщин: при рассматривании женских ростовых фотографий количество фиксаций субъекта восприятия значительно больше, чем при рассматривании мужских ростовых фотографий.

Для доказательства третьей гипотезы использована функция визуализации программы Gazerpoint Analysis UX Edition (v. 6.8.0). На каждую фотографию оцениваемой модели из программы выгружены обобщенные «тепловые карты» взглядов, отражающие цветом (от голубого, означающего единичные фиксации и незначительный интерес, до красного, означающего максимальное сосредоточение фиксаций и соответственно максимальный интерес) концентрацию фиксаций взглядов участников исследования, что позволило выявить обобщенные зоны интереса при определении возраста незнакомого человека, а также сравнить зоны интереса при решении задачи на определение возраста человека при восприятии его портретной и ростовой фотографии.

Анализ полученных данных показал, что наибольшая концентрация взглядов при определении возраста незнакомого человека сосредоточена на его лице вне зависимости от доступности для восприятия особенностей телосложения. Более подробный анализ «тепловых карт» показывает, что при определении возраста на портретной фотографии взгляды субъектов восприятия концентрируются в треугольнике, захватывающем лоб, переносицу, глаза, нос, верхняя губа, в ряде случаев с фиксацией на левом глазе объекта восприятия. При восприятии ростовой фотографии часть лица, входящая в область наибольшего интереса (красная зона), составляет примерно 2/3 левой верхней части лица объекта восприятия и захватывает волосы, лоб, ухо, нос, глаза (с предпочтением левого глаза); следующая по концентрации взглядов желтая зона включает в себя уже левую щеку, скулу, губы и подбородок.

Заключение

Гипотезы исследования доказаны. Обобщение полученных данных позволило сделать следующие выводы.

1. Возраст, приписанный модели на основании восприятия ее портретной фотографии и возраст, приписанный при восприятии ростовой фотографии, значимо различается; эти различия опосредованы гендерно-возрастными характеристиками объекта восприятия. Наиболее интересные данные, на наш взгляд, получены относительно восприятия возраста более старших «моделей»: воспринимающий субъект «омолаживает» и мужчин, и женщин

возрастной группы 41–50 лет при восприятии лица и, напротив, «старит» людей самой старшей возрастной группы, приписывая им «по лицу» больше лет, чем «по фигуре». Можно предположить, что в конструировании возраста людей самой старшей возрастной группы участвуют как лицевые признаки старения (на портретном фото они представлены крупным планом), так и характеристики телосложения, особенности позы «моделей». «Модели» самой старшей возрастной группы имеют нормальный индекс массы тела, прямую осанку и динамичную позу, что снижает их воспринимаемый возраст при восприятии по ростовой фотографии.

2. Важнейшие характеристики окулomotorной активности (число фиксации, время рассматривания) при определении возраста по портретной и ростовой фотографии имеют значимые различия. Так, количество фиксации при рассматривании портретной фотографии значительно больше, чем при рассматривании ростовой фотографии вне зависимости от гендерно-возрастных характеристик объекта восприятия. Время рассматривания лица и фигуры в целом различается на уровне тенденции ($p=0,077$): время рассматривания лица больше, чем изображения, содержащего целостный внешний облик, при этом с учетом гендерно-возрастных характеристик объектов восприятия эта закономерность выглядит следующим образом: субъекты восприятия больше времени рассматривают фотографии лица женщин и зрелых взрослых (41–60 лет), чем фотографии их целостного внешнего облика (ростовые фотографии).
3. Количество фиксации и время рассматривания лиц женщин значительно больше, чем лиц мужчин; лиц зрелых людей — значительно больше, чем молодых лиц; количество фиксации при восприятии ростовой фотографии женщин также значительно больше, чем ростовой фотографии мужчин. Это означает, что для воспринимающего субъекта определение возраста женщины является более сложной задачей, чем мужчины; определение возраста зрелого человека — более сложная задача, чем молодого.
4. Наибольшая концентрация взглядов при определении возраста незнакомого человека сосредоточена на его лице вне зависимости от доступности для восприятия особенностей телосложения. Зона наибольшего интереса при восприятии портретной фотографии составляет треугольник (лоб, переносица, глаза, нос, верхняя губа); при восприятии ростовой фотографии включает 2/3 левой верхней части лица объекта восприятия и захватывает волосы, лоб, ухо, нос, глаза.

Полученные данные подтверждают сделанный ранее на основе опросных методов (Шкурко, Николаева, 2015) вывод о том, что лицо, как средоточие физического, социального внешнего облика и экспрессивного поведения, является наиболее значимым элементом внешнего облика при восприятии возраста другого человека. Также в исследовании отчасти подтверждены результаты, полученные в зарубежных работах (Kurosumi и др., 2021), а именно тот факт, что при восприятии возраста другого человека наблюдатель концентрируется прежде всего на областях глаз, носа и рта. В нашем исследовании показано, что область рта при предъявлении портретной фотографии входит в зону

наибольшего интереса только верхней губой, является точкой, замыкающей «треугольник интереса», куда, в первую очередь, входят нижняя часть лба, переносица, глаза, нос. Но ведь именно в нижней части лица сосредоточены возрастные маркеры возраста, такие как, например, «морщины марионетки», овал лица и т. п., при этом мы не видим, что «треугольник интереса» смещается вниз по мере увеличения возраста модели. На наш взгляд, полученные данные можно объяснить только исходя из коммуникативного подхода к исследованиям восприятия, развиваемого Б. Ф. Ломовым и В. А. Барабанщиковым. В процессе определения возраста незнакомого человека наблюдающий субъект как бы вступает в коммуникацию с ним, превращая его в этом мини-акте общения из объекта восприятия в субъекта общения, вглядывается в его глаза и центральную область лица, а не скользит взглядом по маркерам возраста, собирая их, как пазл, для того, чтобы сделать обоснованный вывод о его возрасте. Процесс восприятия возраста другого человека — это многофакторный процесс, в котором познающий субъект представлен как личность во всем своем многообразии (Барабанщиков, 2015). Перспективами данного исследования является дальнейший анализ зон интереса при конструировании возраста незнакомого человека, а также обращение к «фактору субъекта восприятия» — изучению того, как характеристики воспринимающего субъекта влияют на конструирование им возраста других людей, а также выявлению механизмов этого конструирования. Выводы, сделанные в данной работе, позволяют рассматривать механизмы общения и социального познания (например, идентификация, эмпатия, сравнение, атрибуция и т. д.) в качестве базовых механизмов конструирования воспринимаемого возраста незнакомого другого.

Литература

- Барабанщиков В. А. (ред.). Айтрекинг в психологической науке и практике. М.: Когито-Центр, 2015.
- Демидов А. А., Ананьева К. И. Окуломоторная активность при восприятии лиц // Айтрекинг в психологической науке и практике / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М.: Когито-Центр, 2015. С. 64–77.
- Шкурко Т. А., Николаева Е. Г. Компоненты внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 78–90. doi: 10.17759/sps.2015060406.
- Шкурко Т. А., Лабунская В. А. Почему мы выглядим моложе или старше своих лет: поиск психологических детерминант // Известия Саратовского университета. Новая сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 450–457. doi: 10.18500/1819-7671-2018-18-4-450-456.
- Ganel T. Smiling makes you look older // Psychonomic Bulletin and Review. 2015. V. 22. Iss. 6. P. 1671–1677. doi: 10.3758/s13423-015-0822-7.
- Kurosumi M., Mizukoshi K., Hongo M., Kamachi M. G. Does age-dynamic movement accelerate facial age impression? Perception of age from facial movement: Studies of Japanese women // PLoS One. 2021. V. 16. Iss. 8. doi: 10.1371/journal.pone.0255570.
- Nielsena B. R., Linneberg A., Christenseng K., Lyng J., Schwarza F. P. The Influence of Clinical Experience and Photographic Presentation on Age Assessment of Women // Gerontology. 2015. V. 62. Iss. 2. doi: 10.1159/000438825.

- Nkengne A., Bertin C., Stamatas G. N., Giron A., Rossi A., Issachar N., Fertil B.* Influence of facial skin attributes on the perceived age of Caucasian women // *Journal of the European Academy of Dermatology and Venereology*. 2008. V. 22. Iss. 8. P. 982–991.
9. *Russell R., Sweda J. R., Porcheron A., Mauger E.* Sclera color changes with age and is a cue for perceiving age, health and beauty // *Psychology and Aging*. 2014. V. 29. Iss. 3. P. 626–635.
- Voelkle M. C., Ebner N. C., Lindenberger U., Riediger M.* Let me guess how old you are: Effects of age, gender and facial expression on perceptions of age // *Psychology and Aging*. 2012. V. 27. Iss. 2. P. 265–277.

Features of oculomotor activity in the construction of the age of an unfamiliar person: the influence of factors of age, gender, type of representation of the object of perception

*T.A. Vorontsova**, *A. G. Artamonova***

** PhD in psychology, associate professor, chair of Social Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, shkurko@sfedu.ru*

*** senior lecturer, chair of Management Psychology and Legal Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, alartamonova@sfedu.ru*

The aim of the study was to identify gender-age features of constructing the age of an unfamiliar person based on the perception of his face (portrait photography) and physique (height photography). The main method was the procedure of “Photovideopresentation of appearance” by T.A. Vorontsova. The eye movements of the subjects of perception were tracked using the Gazepoint GP3 Eye Tracker. Results: the number of fixations when looking at portrait photography is significantly greater than when looking at a growth photograph, regardless of the gender and age characteristics of the object of perception; the time of looking at the faces of women and mature adults is significantly longer than the growth photos; the number of fixations and the time of looking at the faces of women is significantly more than the faces of men; the faces of mature people – significantly more the “triangle of interest” (forehead, bridge of nose, eyes, nose, upper lip) is described when determining a person’s age from a photo of a face. The results obtained are discussed in the context of a communicative approach to perception research.

Keywords: age, perceived age, appearance, face, physique, social perception, men, women, age groups, oculomotor activity.

Оценка киногероев зрителями с разными ценностными ориентациями

Н. Г. Воскресенская

кандидат психологических наук, доцент кафедры социально-политических коммуникаций, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (ФГБОУ ВПО ННГУ), Нижний Новгород, Россия, navoskr@mail.ru

Исследование направлено на изучение роли ценностных ориентаций современной молодежной аудитории в их восприятии киногероев. В исследовании приняло участие 210 студентов нижегородских вузов в возрасте 18–22 лет ($M=19$, $SD=1,590$). В качестве методов использовались авторская методика изучения кинопредпочтений, методика ценностного профиля личности С. Шварца, модифицированная методика уровня соотношения ценности и доступности Е. Н. Фанталовой. Выявлено, что высокая значимость зрительских ценностей по сравнению с ценностями киногероев характерна для любителей спокойного реалистичного кино. Высокая значимость ценностей киноперсонажей характерна для любителей динамичного кино. При этом киногерои этих фильмов обладают ценностями, которые в жизни могут конфликтовать, а в медийной реальности разрешаются с помощью сверхспособностей и артефактов.

Ключевые слова: виртуальная доступность, игровое кино, киногерой, киновыбор, молодежная аудитория, ценностный конфликт, ценностные ориентации, компенсаторный механизм.

Являясь одной из популярных форм проведения досуга, игровое кино стимулирует к осмыслению, пониманию и внутреннему принятию увиденного, как подтверждая ценностные позиции зрителя, так и влияя на них через механизмы идентификации с любимыми персонажами (Курбак, 2020; Яновский, 2012; Landreville, La Marre, 2013; Riddle et al., 2011). Использование киноиндустрией цифровых технологий усиливает вовлеченность зрителей в кинореальность: появляется возможность делиться понравившимся произведением в цифровых сетях, свершать такие действия, как ремикширование, комментирование, шеринг, проигрывание сюжета в видеоиграх, созданных на основе кинопроизведения и т. д. (Бакулев, 2019). Это происходит в ситуации неверифицируемости реального мира с дискредитировавшими себя современными коммуникативными технологиями, что оказывает влияние на мыслительные процессы молодежи, переводя область смыслов в область чувственно осваиваемого восприятия (Фортунатов, Воскресенская, 2021). Оценочность начинает преобладать над аргументированностью, а эмоциональность и эпатажность киногероев становится особо притягательной, пусть даже реализация их поведенческих стратегий возможна лишь в виртуальных мирах. Влияние на ки-

новыборы социально-психологических характеристик зрителей достаточно подробно освещено в современных исследованиях (например: Воскресенская, 2015; Курбак и др., 2020; Rubin, 1986). Оно носит значимый характер, и его нельзя не учитывать при анализе особенностей восприятия киногероев в современных реалиях. Жанровое многообразие игрового кино, способное удовлетворить самые разные потребности аудитории, позволяет не просто на время погрузиться в желаемый виртуальный мир с идеальными киноперсонажами, но впоследствии найти в интернет-просторах единомышленников-фанатов среди других зрителей, что усиливает воздействие понравившегося контента.

Пластичности ценностных структур молодежи, обусловленных освоением новых социальных ролей, делает их особо подверженной внешнему воздействию. Просмотр кинофильмов здесь может становиться не просто способом проведения досуга, но также носить компенсаторный характер, помогая смягчить травмирующие последствия социализации, наладить отношения с самим собой и со средой либо, наоборот, избежать неприятного столкновения с реальностью (Соковиков, Цукерман, 2021). Несмотря на то, что компенсаторная роль игрового кино практически не подлежит сомнению, экспериментальные исследования данного феномена затруднены, так как компенсаторный механизм относится к проявлению защитных механизмов психики, так же трудно поддающихся осознанию, как и ценностные конфликты, способные их спровоцировать.

В основу данного исследования лег подход С. Шварца, где ценности рассматриваются как мотивационные цели, служащие руководящими принципами в жизни, которые могут конфликтовать между собой (Schwartz, Bilsky, 1990). Для оценки взаимосвязей ценностных ориентаций зрителей с их отношением к понравившимся киногероям была взята методика уровня соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах Е. Н. Фанталовой, позволяющая оценить роль ценностных конфликтов в функционировании компенсаторных механизмов в кинопросмотре, проявляемых как разрешение этих конфликтов в виртуальной реальности, параметры которой задаются самим зрителем через выборы кинофильмов по жанровым характеристикам и субъективному восприятию полюбившихся киногероев с позиции ценностного подхода (Фанталова, 2013).

Цель исследования: изучение роли ценностных ориентаций молодежной аудитории, свершающим киновыборы, в их оценках жизненных позиций любимых киногероев.

Задачи:

- изучить взаимосвязь особенностей соотношения ценностных профилей зрителей и их киногероев;
- проанализировать специфику восприятия киногероев зрителями с разными ценностными профилями с точки зрения возможного конфликта мотивационных целей.

Гипотеза. Существует взаимосвязь ценностных ориентаций зрителей с их киновыборами и особенностями идентификации с киноперсонажами. При этом в восприятии киноперсонажей проявятся ценностные конфликты зрителей, специфика которых будет связана со зрительскими киновыборами.

Выборку составили 210 студентов нижегородских вузов, из них 118 девушек и 92 юноши в возрасте 18–22 года.

В качестве методов исследования использовался авторский опросник киновыборов, апробированный в предыдущих исследованиях (Воскресенская, 2015). Для изучения характеристик фильмов (отечественный, импортный, динамичный, спокойный, реалистичный, фантастичный, веселый, грустный, страшный) вопрос звучал следующим образом: «Если вам хочется отдохнуть и посмотреть художественный фильм, то что вы выберете? Вам будут предложены 35 комбинаций пар. Каждый раз выбирайте из пары то, что на Вас окажет более сильное воздействие при выборе жанра». Для анализа ценностного восприятия применялась методика ценностного профиля личности С. Шварца (Карандашев, 2004), где оценку зрители делали два раза: отвечая на вопрос «Какие качества нравятся вам в киногероях?», а затем оценивая себя: «Какие качества характерны для вас?», что позволило сгруппировать ценности на десять блоков в соответствии с общностью их целей (мотивационные типы, по С. Шварцу: «Конформность», «Традиции», «Доброта», «Универсализм», «Самостоятельность», «Стимуляция», «Гедонизм», «Достижения», «Власть», «Безопасность»). Для исследования влияния ценностных ориентаций зрителей на восприятие киногероев использовался обобщенный индекс расхождения (Иц_вд) ценностей зрителей (Цн) и виртуальной доступности данных ценностей (ВДн), рассчитываемый как разница между значимостью ценностных позиций зрителей и ценностных позиций любимых персонажей (методика Фанталовой, 2013).

Результаты исследования

Проверка результатов индекса расхождения ценностных ориентаций зрителей и их любимых персонажей выявил, что среднее значение по индексу равно 0,14, стандартное отклонение – 0,538, а само распределение существенно не отличается от нормального (уровень значимости по z-значению Колмогорова–Смирнова равен 0,200). По результатам индекса расхождения исследуемая выборка была разделена на три подгруппы:

- 1-я подгруппа (34,8% от выборки с диапазоном расхождения от 0,30 до 1,58) значимость личностных ценностей ставит выше ценностей любимых персонажей, таким образом, персонажи не являются ярко выраженными объектами идентификации;
- 2-я подгруппа (46,2% от выборки с диапазоном расхождения –0,28 до 0,29) отличается тем, что оценка привлекательности героев зависит от совпадения их ценностей с ценностями самих зрителей;
- 3-я подгруппа (19% от выборки с диапазоном расхождения от –1,20 до –0,29) склонна идеализировать киногероев, завышая ценность их внутренних качеств.

Статистически значимые корреляции по киновыборам и ценностным профилям были обнаружены лишь при сравнении первой группы с третьей, где более выражены различия в восприятии киногероев через призму собственных ценностных ориентаций.

Так, первая подгруппа чаще отдает предпочтение реалистичным фильмам со спокойным повествованием ($p < 0,05$, по Пирсону), что характерно для жанров драма и мелодрама. В данной группе зрителей выявлено отрицательное отношение к риску и приключениям (мотивационный тип «Стимуляция», $p < 0,01$) и ориентация на формирование доверительных отношений в межличностных коммуникациях (мотивационный тип «Доброта», $p < 0,05$). Специфика зрительского ценностного профиля находит отражение в особенностях восприятия киноперсонажей. Любимый киногерой, как и зритель, ориентирован на межличностное взаимоотношение (мотивационный тип «Доброта», $p < 0,05$). У данной группы вызовут отторжение выдающиеся способности киногероя (мотивационный тип «Достижения», $p < 0,01$), стремление жить в свое удовольствие (мотивационный тип «Гедонизм», $p < 0,01$), любовь к риску (мотивационный тип «Стимуляция», $p < 0,01$). Их герои не участвуют в спасении страны или мира и не добиваются всеми возможными и невозможными способами сохранения общественного порядка (мотивационный тип «Безопасность», $p < 0,05$). Киногерои — это обычные люди со своими проблемами, радостями и горестями.

Третья группа отличается любовью к динамическому повествованию ($p < 0,01$). В обрисовке ценностного профиля привлекательных киноперсонажей наблюдается конкретизация того, чем именно герой привлекает к себе внимание. При этом данная группа зрителей наделяет своих героев достаточно большим количеством ценностей, входящих в такие конфликтующие между собой мотивационные типы, как «Традиции»—«Стимуляция» и «Безопасность»—«Самостоятельность», где вступают в противоречие ценности, направленные на изменения, с консервативными ценностями. Так, при характеристике привлекательного киногероя зрители отмечают его деятельный характер, стремление к новизне, умение рисковать, любовь к приключениям (мотивационный тип «Стимуляция», $p < 0,05$); способность придумывать что-то новое, быть изобретательным, поступать по-своему, самому решать, что делать, быть свободным в планировании и выборе своей деятельности (мотивационный тип «Самостоятельность», $p < 0,01$). Но при этом герой также должен защищать страну с ее устоями (мотивационный тип «Безопасность», $p < 0,01$) и следовать усвоенным с детства традициям (мотивационный тип «Традиции», $p < 0,05$).

Заключение

Исследование подтвердило предположение о взаимосвязи ценностных ориентаций зрителей на их киновыборы, а в группе зрителей, отдающих предпочтение фильмам с динамическим сюжетом, проявилось стремление к идеализации персонажа, проявляемой не только за счет стремления завязать значимость их внутренних качеств, но и наделять киногероев широким спектром ценностей, чьи мотивационные цели в реальной жизни могут конфликтовать.

Исследование показало уместность применения методики уровня соотношения ценности и доступности Е. Н. Фанталовой для анализа роли ценностных ориентаций молодежной аудитории, свершающим киновыборы, в их оценках жизненных позиций любимых киногероев. Выявлено, что смещение индекса расхождения в сторону усиления значимости зрительских ценностей по срав-

нению с ценностями киноперсонажей характерно для любителей реалистичного и спокойного кино. Это позволяет зрителю наблюдать за жизнью героев отстраненно, оценивая значимость собственных ценностных выборов. Смещение индекса расхождения в сторону усиления ценностей киноперсонажей характерно для любителей динамичного кино. Здесь киногерои обладают ценностями, которые в жизни могут конфликтовать, а в виртуальной реальности успешно разрешаются с помощью сверхспособностей и артефактов, что позволяет зрителю проживать полную жизнь в кинореальности.

Литература

- Бакулев Г. П.* Кинематографические медиа в цифровой культуре // Вестник ВГИК. 2019. Т. 11. № 1 (39). С. 8–14.
- Воскресенская Н. Г.* Социально-психологическая характеристика любителей определенных киножанров // Вопросы психологии. 2015. № 2. С. 78–87.
- Карандашев В. Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.
- Кубрак Т. А.* К вопросу о постсобытийном кинодискурсе и создаваемой им дискурсивной реальности // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. Коломна, 2020. С. 197–200.
- Соковикова С. С., Цукерман В. С.* Компенсаторный механизм культуры: заметки на полях работы А. Я. Флиера // Вестник культуры и искусств. 2021. Т. 1 (65). С. 53–63.
- Фанталова Е. Б.* Диагностика ценностей и внутренних конфликтов в общей и клинической психологии // Клиническая и специальная психология. 2023. № 1. URL: <http://www.psyjournals.ru/psyclin> (дата обращения: 25.03.2023).
- Фортунатов А. Н., Воскресенская Н. Г.* Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0 // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Литературоведение. Журналистика». 2021. Т. 26. № 2. С. 276–285.
- Яновский М. И.* Проблема изменения Я-концепции под влиянием просмотра кинофильма // Вопросы психологии. 2012. № 1. С. 92–99.
- Landreville K. D., La Marre H. L.* Examining the Intertextuality of Fictional Political News // Media Psychology. 2013. V. 3. № 16. P. 347–369.
- Riddle K., Potter W. J., Metzger M. J., Nabi R. L., Linz D. J.* Beyond Cultivation: Exploring the Effects of Frequency, Recency, and Vivid Autobiographical Memories for Violent Media // Media Psychology. 2011. V. 14. № 2. P. 168–191.
- Rubin A. M.* Uses, gratifications and media effects research // J. Bryant, D. Zillman (Eds). Perspectives on media effects. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1986. P. 281–301.
- Schwartz S. H., Bilsky W.* Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. № 58 (5). P. 878–891.

Evaluation of movie characters by viewers with different value orientations

N. G. Voskresenskaya

*associate professor, docent Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN),
Nizhni Novgorod, Russia, navoskr@mail.ru*

This study is aimed at studying the role of value orientations of the youth audience and their influence on the perception of movie characters. The study involved 210 students of Nizhny Novgorod universities aged 18–22 years ($M=19$, $SD=1590$). The methods used were the author's method of film selections, the method of the value profile of the personality of S. Schwartz, the modified method of the level of the ratio of value and accessibility by E. N. Fantalova. It is revealed that the high importance of spectator values in comparison with the values of movie heroes is characteristic for fans of realistic and calm cinema. The high importance of the values of movie heroes is characteristic of fans of dynamic cinema. At the same time, movie heroes have values that can conflict in life.

Keywords: virtual accessibility, feature films, movie hero, perception, youth audience, value conflict, value orientations, compensatory mechanism.

Отношение к скорости социальных процессов: измерение и первые эмпирические результаты*

А. Н. Дёмин

доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и социологии управления, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия, andreydemin2014@yandex.ru

Работа посвящена актуальной, но малоизученной в психологии проблеме скорости социальных процессов. Используется междисциплинарный подход (теории П. Вирильо, Х. Розы) при обсуждении проблемы. Констатируется, что в отечественной психологической литературе неизвестны инструменты, непосредственно измеряющие те или иные аспекты скорости социальных процессов. Для восполнения этого дефицита разработан опросник «Отношение к скорости социальных процессов». В ходе апробации (N=521) выделена и подтверждена структура опросника. Он включает две шкалы: осознание социального ускорения (когнитивный компонент) и неприятие социального ускорения (аффективный компонент). Шкалы коррелируют с технофилией, технофобией, технопессимизмом, гибкостью личности в трудовой сфере. Неприятие социального ускорения отрицательно коррелирует с уровнем профессиональной идентичности и положительно — с восприятием барьеров карьерного развития. Установлено, что работающие выпускники демонстрируют существенно более высокий уровень осознания и эмоционального притяжения социального ускорения по сравнению с работниками зрелого возраста.

Ключевые слова: скорость социальных процессов, общество ускорения, отношение к скорости, осознание социального ускорения, неприятие социального ускорения.

Проблема скорости социальных процессов активно обсуждается представителями разных наук. К настоящему времени оформились оригинальные социально-философские и культурологические подходы к изучению скорости и ускорения, среди которых выделяются теория кинематического общества П. Вирильо и теория социального ускорения Х. Розы.

Поль Вирильо — французский мыслитель, разработчик «дромологии» (от *gr. dromos* — бег, путь), в которой скорость осмысливается с опорой на идеи феноменологии, физики, истории, политики, психологии и других наук. Согласно П. Вирильо, мы живем в мире, который завершает систему, на протяжении нескольких веков отдававшей ключевую роль скорости техник зрительной и ре-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-00885.

чевой коммуникации (Вирильо, 2004). Скорость обеспечивается совокупностью технологий, которые П. Вирильо называет «машиной сокращения времени» (Virilio, 1999, p. 69). В их число входят аудиовизуальные, телекоммуникационные, компьютерные технологии, они делают объекты доступными восприятию независимо от пространственной удаленности. Доминирующей скоростью в современном мире стала скорость света, но возникает вопрос: в какие формы облекается скорость, достигшая своих физических границ? П. Вирильо высказывает эвристичную идею о том, что технологии становятся чем-то физически ассимилируемым, своего рода питанием для человеческой расы посредством динамических вставок, имплантов, к которым можно отнести дополнительные хранилища памяти и т. п. (Armitage, 1999, p. 49). Таким образом человеческое тело превращается в носителя скорости и ускорения, оно не является чем-то внешним по отношению к скорости. Другая ключевая фигура — современный немецкий теоретик Хартмут Роза. С его точки зрения, ускорение является нередуцируемой сущностной характеристикой современности, помогающей понять фундаментальные трансформации в обществе. Социальное ускорение в определенной степени является самодвижущимся процессом за счет взаимодействия трех форм ускорения: технологического, ведущего к сокращению времени в сферах транспорта, связи и производства; ускорения социальных изменений, в результате которого увеличивается скорость распада опыта (например, в позднем модерне профессии меняются быстрее, чем поколения); ускорения темпа жизни (повышенный дефицит свободного времени и увеличение количества действий в единицу времени) (Rosa, 2003).

Х. Роза утверждает, что термин «общество ускорения» применим только в том случае, если технологическое ускорение и ускорение темпа жизни действуют одновременно (Rosa, 2003, p. 10). При этом с личностью наиболее тесно связана последняя форма ускорения. П. Вирильо и Х. Роза работают в одной проблемной области, но разными инструментами. Для первого это понятия-образы, раскрывающиеся в творческом потоке сознания, у второго — более строгий аналитический подход, последовательное различение, соотнесение и соподчинение понятий. Оба автора делают явной, доступной анализу новую социальную темпоральность, где-то намекая, где-то прямо указывая на сочетания и взаимозависимости скорости, технологий, социальных структур и повседневных действий. Это — теоретический базис, который можно и нужно использовать при изучении психологии скорости.

Зарубежные авторы отмечают дефицит конкретных эмпирических исследований и данных, касающихся скорости социальных действий и процессов (Bergener, Santarius, 2021; Ulferts et al., 2013), что достаточно парадоксально, поскольку в повседневной жизни мы фиксируем распространенность данных феноменов. Й. Бергенер и Т. Сантариус утверждают, что в настоящее время нет надежного инструмента для эмпирического измерения фактического темпа жизни простым и понятным способом. Они предложили Шкалу общего ускорения (General Acceleration Scale, GAS), проведя операционализацию четырех стратегий ускорения темпа жизни Х. Розы для сферы досуга (Bergener, Santarius, 2021). В отечественной психологической литературе нам неизвестны инструменты, непосредственно измеряющие те или иные аспекты скорости социаль-

ных процессов. Для восполнения этого дефицита разработан опросник «Отношение к скорости социальных процессов».

Отношение к скорости — аспект субъективного времени, под которым мы, вслед за Т. А. Нестиком, понимаем совокупность психологических отношений к объективным временным отношениям; психологические отношения включают «особенности восприятия, переживания, осмысления и организации времени» (Нестик, 2014, с. 10). Разработка методики осуществлялась на выборке 521 чел., средний возраст — 31,5 года (минимальный — 21, максимальный — 45), из них 48,8% мужчин, 65,6% имели высшее образование. На первом этапе формировался список суждений (пунктов опросника), раскрывающих отношение человека к скорости социальных процессов. Каждое суждение предлагалось оценить, используя пять вариантов ответа от «полностью согласен» (5) до «совсем не согласен» (1) (шкала Лайкерта). Для выявления пунктов, обладающих наилучшими измерительными свойствами, была проведена их проверка на соответствие нормальному распределению. Исходя из значений асимметрии и эксцесса, было отобрано 12 пунктов, для которых распределение баллов имеет слабую или умеренную степень отклонения от нормального распределения. На втором этапе оставшиеся пункты были подвергнуты факторному анализу (эксплораторный и конфирматорный), проведен анализ его результатов, определены психометрические свойства опросника (внутренняя и ретестовая надежность; подробнее см.: Дёмин, Степанова, 2023). Итоговый вариант опросника включает две шкалы: осознание социального ускорения (когнитивный компонент) и неприятие социального ускорения (аффективный компонент).

Приведем первые эмпирические результаты использования методики.

Установлены тесные корреляции шкал опросника с показателями отношения к технологиям (Солдатов и др., 2021), которые в целом подтверждают теоретические соображения П. Вирильо и Х. Розы о взаимосвязи социальной скорости и технологий (Rosa, 2003; Virilio, 1999). По-видимому, осознание социального ускорения поддерживается технофилией и блокируется технопессимизмом. Закономерно, что технофилия уменьшает неприятие социального ускорения, а технофобия и технопессимизм, напротив, усиливают неприятие. Технорационализм не имеет статистически значимых связей со шкалами разрабатываемого опросника. Судя по содержанию пунктов, включенных в соответствующую шкалу методики Г. У. Солдатовой с соавторами, речь идет об утилитарном использовании технологических новинок плюс их ценовая доступность. Если соотносить это содержание со шкалами нашего опросника, то они, действительно, лежат в разных плоскостях.

Также установлены корреляции шкал опросника с гибкостью личности в трудовой сфере (Дёмин, Киреева, 2022). Они свидетельствуют о том, что осознание и принятие ускоряющих технологий способствуют адаптации к обновляемым условиям труда и организационным изменениям, равно как и наоборот. Такие взаимозависимости можно рассматривать как проявление более общих закономерностей в соотношении гибкости личности и технологий. Получены результаты о том, что неприятие социального ускорения отрицательно коррелирует с уровнем профессиональной идентичности и положительно — с восприятием барьеров карьерного развития ($p=0,001$ в обоих случаях; исполь-

зовалась адаптированная на русский язык методика «My Vocational Situation» Д. Холланда, Д. Готтфредсона, П. Пауэр).

Сравнение выпускников вузов и колледжей, имеющих стаж работы 2–3 года, и работников зрелого возраста 30–45 лет показало, что молодые и зрелые работники отличаются друг от друга осознанием социального ускорения (у молодых показатель выше: $p=0,01$) и в эмоциональной оценке скорости (у зрелых работников показатель неприятия социального ускорения существенно выше: $p=0,0001$). Это согласуется с результатами исследований межпоколенческих различий при взаимодействии с технологиями. Например, родители и дети имеют разные структуры отношения к технологиям в аспекте технофилии и технопессимизма (Солдатова и др., 2021, с. 178). При планировании дальнейших исследований можно предположить, что предприниматели будут отличаться от наемных работников своим отношением к скорости, поскольку они чаще сталкиваются с новизной социальных и трудовых обстоятельств. Другое предположение касается профессиональной принадлежности человека, например, можно ожидать, что представители профессий информационного типа будут отличаться от представителей других профессий, поскольку они непосредственно способствуют ускорению социальных процессов.

Заключение

Создание опросника делает вклад в разработку психологического подхода к междисциплинарной проблеме социальной скорости и ускорения. Эмпирические результаты свидетельствуют о конвергентной и критериальной валидности опросника. Он позволяет проводить экспресс-диагностику отношения человека к скорости социальных процессов и тем самым изучать важный аспект адаптации человека к социальным и технологическим изменениям.

Литература

- Вирильо П.* Машина зрения / Пер. с фр. А. В. Шестаковой. М.: Наука, 2004.
- Дёмин А. Н., Куреева О. В.* Экспресс-диагностика гибкости личности в трудовой сфере // Мир науки. Педагогика и психология. Т. 10. № 5. URL: <https://www.mir-nauki.com/PDF/11PSMN522.pdf>.
- Дёмин А. Н., Степанова А. В.* Отношение к скорости социальных процессов: разработка новой методики оценки ее валидности // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20. № 2. С. 41–57.
- Нестик Т. А.* Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Дорохов Е. А.* Психодиагностика технофобии и технофилии: разработка и апробация опросника отношения к технологиям для подростков и родителей // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 4. С. 170–188.
- Armitage J.* From modernism to hypermodernism and beyond: An interview with Paul Virilio // Theory, Culture & Society. 1999. V. 16. № 5–6. P. 25–55.
- Bergener J., Santarius T.* A pace of life indicator. Development and validation of a General Acceleration Scale // Time & Society. 2021. V. 30. № 3. P. 273–301.

- Rosa H. Social Acceleration: Ethical and Political Consequences of a Desynchronized High-speed Society // *Constellations*. 2003. V. 10. № 1. P. 3–33.
- Ulferts H., Korunka C., Kubicek B. Acceleration in working life: An empirical test of a sociological framework // *Time & Society*. 2013. V. 22. № 2. P. 161–185.
- Virilio P. “Indirect Light”, Extracted from “Polar Inertia” // *Theory, Culture & Society*, 1999. V. 16. № 5–6. P. 57–70.

Attitudes towards the speed of social processes: Measurement and first empirical results

A. N. Diomin

ScD (psychology), professor of the Department of Social Psychology and Sociology of Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kuban State University; Krasnodar, Russia, andreydemin2014@yandex.ru

The article is devoted to the current but understudied problem in psychology: the speed of social processes. The interdisciplinary approach (theories of P. Virilio, H. Rosa) is used when discussing the issue. It is stated that in the domestic psychological literature there are no known instruments that directly measure one or another aspect of the speed of social processes. The Attitudes Towards the Speed of Social Processes inventory was developed to fill this deficit. The structure of the inventory is set apart and confirmed. It includes two scales: awareness of the social acceleration (the cognitive component) and rejection of the social acceleration (the affective component). The scales correlate with technophilia, technophobia, technopessimism, flexibility of the individual at the labour sphere. Rejection of social acceleration correlates negatively with the level of professional identity and positively with the perception of career development barriers. It has been established that graduates of vocational educational institutions demonstrate a significantly higher level of awareness and emotional acceptance of social acceleration compared to advanced-age workers.

Keywords: speed of social processes, acceleration society, attitudes towards the speed, awareness of social acceleration, rejection of social acceleration.

Уровневая модель самоопределения личностных ценностей школьников

А. В. Капцов

доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогической и прикладной психологии, Московский городской педагогический университет, Самарский филиал, г. Самара, Россия, avkaptsov@mail.ru

Развиваются основные положения уровневой модели самоопределения, предложенной А. Л. Журавлевым, на примере личностных ценностей школьников, начиная с десятилетнего, и заканчивая семнадцатилетним возрастом. Предложено два варианта построения уровневой модели: 1) на основе системных характеристик элементов; 2) на основе выраженности характеристик. Эмпирически доказано, что при системном построении модели, в которой элементы модели связаны между собой, диапазон теоретических изменений целостности от 0 до 1 (показатели – коэффициенты корреляции) фактически сужается до 0,7 – устойчивая составляющая и менее 0,3 – динамичная составляющая. Значения взаимосвязей, выходящие за указанные границы, свидетельствуют о фальсификации и недобросовестности испытуемых. Первая модель нашла свое применение в определении стадий становления субъектности. Вторая уровневая модель – через выраженность характеристик – в определении структуры личностных ценностей школьников. Эмпирически установлены границы устойчивой составляющей до 0,8–0,9, а динамичной – менее 0,2–0,3.

Ключевые слова: уровневая модель, устойчивая составляющая, динамичная составляющая, границы составляющих.

Школьные годы характеризуются важным и ответственным этапом становления ценностно-смысловой сферы личности, которая в дальнейшем определяет качество будущей жизни.

Концептуальные основы построения и исследования уровневой модели самоопределения личности были заложены А. Л. Журавлевым (Журавлев, Купрейченко, 2007), в которой в общем виде выделены формально-динамические и содержательные элементы самоопределения. «Главными основаниями для выделения этих компонентов самоопределения послужили различия в степени устойчивости во времени образующих самоопределение психологических феноменов и различные функции, которые они выполняют в жизни субъекта» (Журавлев, Купрейченко, 2007, с. 48). Устойчивая составляющая самоопределения «ценностно-нравственный стержень» – объединяет в себе представление о принципах устройства мира и организации человеческого сообщества (там же, с. 49). Динамичная и пластичная составляющая самоопределения – «оболочка», включает представления личности об окружающем социально-психоло-

гическом пространстве, ее ценности, цели и мотивы различных этапов жизни, знания об актуальных способностях и своих возможностях на каждом жизненном этапе. Кроме того, «оболочка» включает в себя психологическую (мотивационную) готовность личности к определенным действиям, связанным, с достижением желаемой позиции в системе социальных отношений на каждом этапе жизни. Ее содержание динамично, поскольку отражает ценностные и мотивационные особенности текущего этапа жизнедеятельности субъекта, а кроме того, пластично, так как частично изменяется в соответствии с внешними условиями (там же). Авторы допускают существование определенной «переходной зоны» между «стержнем» и «оболочкой», что и было подтверждено нашими исследованиями (Капцов, 2010, 2018).

Наиболее важным элементом самоопределения исследователи считают ценностную сферу. Так, по мнению Д. В. Каширского, ценностная сфера школьников начинает формироваться с одиннадцатилетнего возраста (Каширский, 2002, с. 414) и в дальнейшем проходит период как взлетов, так и падений (Карпушина, Капцов, 2009). Наши эмпирические исследования с помощью методики АНЛ4.4 (Аксиологическая направленность личности вариант 4.4 (Капцов, 2014) показали, что достаточно надежно личностные ценности диагностируются уже с десятилетнего возраста. Особенностью уровневой модели личностных ценностей, в генезисе своего развития, является то, что базируется она на теоретических предположениях и недостаточно, по мнению автора, подкреплена эмпирическими данными на конкретных выборках школьников. Для устранения имеющегося пробела знаний было проведено эмпирическое исследование в двух аспектах.

Цель исследования состояла из двух аспектов: 1. Представление аксиосферы школьников как системы. Гипотеза: коэффициент целостности аксиосферы как системы, состоящей из устойчивой и динамичной составляющих системы имеют соотношения: устойчивая составляющая – более 0,6, а динамичная – менее 0,3. Выборка исследования – школьники 5, 6 и 9 классов в количестве 580 чел. Используемый диагностический инструментарий – тест аксиологической направленности личности АНЛ4.4 и опросник стадий субъектности школьный вариант ОСС-Ш.

2. Диагностика устойчивости как дополнительной характеристики каждой из диагностируемых ценностей. Гипотеза: существует прямая корреляционная взаимосвязь между устойчивостью как самостоятельной характеристикой, например, ценности сферы образования и успешностью обучения. Выборка исследования – школьники 5 классов по 122 чел. Используемый диагностический инструментарий – тест аксиологической направленности личности АНЛ4.4 с дополнительными шкалами устойчивости личностных ценностей.

Результаты исследования

Первый аспект – это представление «стержневой» составляющей и «оболочки» в виде системы, в которой каждая ценность взаимосвязана с другими ценностями в виде некоторой иерархической структуры. При этом мы выходим на понятия «целостность», «связность» (Панов, Капцов, 2021).

Коэффициент целостности системы (на примере становления стадий субъектности учащихся) характеризует степень монолитности или разобщенности стадий выполнения действий внутри системы. Теоретически коэффициент целостности системы может принимать значения от 0 до 1. При наличии затруднений в применении тех или иных стадий либо из-за низкого уровня мотивации коэффициент целостности системы снижается. Между кластером учащихся с устойчивой составляющей порядка 0,6 и стадией субъектности «мастер» имеется взаимосвязь с успешностью обучения порядка 0,4. Эмпирические исследования взаимосвязи успешности обучения и коэффициента целостности показали, что у последних наблюдается некоторое оптимальное значение в диапазоне от 0,3 до 0,7. Исследования проводились на случайной выборке 580 чел. (учащиеся 5, 6 и 9 классов, 48% мальчики). Для диагностики стадий становления субъектности использовался авторский опросник ОСС-Ш (опросник стадий субъектности школьный вариант), прошедший все необходимые процедуры психометрической проверки (значения альфа Кронбаха находятся в пределах от 0,63 стадия «творец» до 0,82 – стадия «критик») (Волкова, Капцов, 2021).

Второй аспект уровневой модели был исследован на испытуемых средней школы. Для этого опросник АНЛ4.4 был модифицирован, в частности, инструкция для испытуемых была дополнена вопросом: «...с оценкой важности суждения оцените ее частоту двумя оценками: если суждение важно *почти всегда*, то поставьте во второй строке бланка знак плюс (+), если суждение важно *от случая к случаю*, то поставьте знак минус (-)». В результате тестирования мы получили шкалы ценностей в интервальных шкалах (восемь шкал) и восемь шкал дихотомической шкалы частоты использования ценностей, которая пропорциональна устойчивости соответствующих ценностей.

Эмпирические исследования уровневой модели личностных ценностей учеников 5 класса методом поперечных срезов в течение трех лет показали, что ценность образования имеет устойчивую составляющую ценностей в пределах 75–83%, что при объеме выборки по 122 ученика в каждом срезе (всего 350 чел.), изменения составляющей являются статистически незначимыми. В лонгитюдных исследованиях изменений личностных ценностей учеников средних школ Самарской области проведенных силами педагогов-психологов Регионального социопсихологического центра под руководством Т. Н. Ключевой в период с 2016 по 2021 г. (общее число обследованных более 18 тыс. чел.) выявлено наличие ценностного кризиса в возрасте 13–15 лет, что, возможно, объясняет отсутствие статистической взаимосвязи при динамичной составляющей устойчивости. При этом обнаружены различные тенденции в выборках мальчиков и девочек, переживающих ценностный кризис. Одновременно с переживанием ценностного кризиса происходят неоднозначные изменения в структуре уровневой модели личностных ценностей. Минимум выраженности личностных ценностей наблюдается в возрасте 14 лет у девочек и в 15 лет у мальчиков.

Заключение

В результате проведенных исследований:

1. Предложено два варианта структуры уровневой модели самоопределения а) на основе структурной зависимости элементов и их корреляционной взаимосвязи; б) на основе выраженности характеристик.
2. Первый вариант уровневой модели апробирован на системе стадий становления субъектности обучающихся, а второй вариант модели – на уровневой модели личностных ценностей обучающихся.
2. Эмпирически подтверждено, что уровневая модель самоопределения состоит из устойчивой составляющей, динамичной составляющей и переходной зоны.
4. Эмпирически на выборках учащихся средних школ Самарской области определены ориентировочные границы уровневой модели самоопределения: в частности, устойчивая составляющая самоопределения имеет границу в 0,7, а динамичная составляющая – на уровне 0,2, что согласуется с данными исследований стадий становления субъектности школьников; при исследовании границ уровневой модели личностных ценностей выявлена устойчивая составляющая модели порядка 0,8–0,9, а динамичная составляющая статистически не определена.
5. Лонгитюдные исследования динамики изменения личностных ценностей школьников Самарской области, проживающих как городской, так и сельской агломерации, в диапазоне от 10 до 17 лет выявили наличие ценностного кризиса в женской выборке около 14 лет, а в мужской – около 15 лет, в результате которого происходит обесценивание сформировавшихся ценностей, т.е. уменьшение выраженности ценностей, а затем после переживания кризиса восстановление ценностей до прежнего уровня.

Литература

- Волкова Е. С., Капцов А. В.* Особенности факторов становления субъектности и способов выполнения учебных действий учащихся старших классов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Психология». 2021. № 1 (29). С. 42–63.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Экономическое самоопределение. Теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Капцов А. В.* Динамика формирования ценностной сферы учащихся среднего звена школы // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии: Материалы IV Международной научной конференции / Отв. ред. В. В. Гриценко. Смоленск: СГУ, 2014. Т. 1. С. 184–186.
- Капцов А. В.* Модель ценностной системы психосоциального человека // Социальная и экономическая психология. Ч. 1. Состояние и перспективы исследований / Отв. ред. Т. А. Нестик, Ю. В. Ковалева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 52–57.
- Капцов А. В.* Тест аксиологической направленности школьников АНЛ4.4: Руководство по интерпретации результатов диагностики. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2013.
- Капцов А. В.* Устойчивость личностных ценностей: сущность и детерминанты // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Психология». 2010. № 1 (7). С. 50–69.

Карпушина Л. В., Капцов А. В. Психология ценностей российской молодежи: монография. Самара: Изд-во «Самарский научный центр РАН», 2009.

Каширский Д. В. Генезис системы ценностей человека и ценностно-смысловая природа кризиса 17 лет // Педагогический университетский вестник Алтая. 2002. № 2. С. 410–416.

Панов В. И., Капцов А. В. Структура стадий становления субъектности обучающихся: связность, целостность, формализация // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 4. С. 91–123. doi: 10.17759/pse.2021260408.

Level model of self-determination of personal values of schoolchildren

A. V. Kaptsov

doctor of psychology, associate professor, professor of the Department of Pedagogical and Applied Psychology, Moscow City Pedagogical University, Samara Branch, Samara, Russia, avkaptsov@mail.ru

The report develops the main provisions of the level model of self-determination proposed by A. L. Zhuravlev, on the example of the personal values of schoolchildren, from the age of ten to the age of seventeen. Two options for constructing a level model are proposed: 1) based on the system characteristics of the elements; 2) based on the severity of characteristics. It is shown on the results of empirical studies that in the system construction of a model in which the elements of the model represent correlation coefficients between themselves, the range of theoretical integrity changes from 0 to 1, in fact, in practice narrows to 0,7 – a stable component and to 0,2 – a dynamic component. The values of relationships that go beyond the indicated boundaries indicate falsification and dishonesty of the subjects. The first construction model has found its application in determining the stages of the formation of subjectivity. The second level model, through the severity of characteristics, has found its application in determining the personal values of schoolchildren. Empirically, the boundaries of the stable component are set to 0,8–0,9, and the dynamic component – up to 0,2–0,3.

Keywords: level model, stable component, dynamic component, component boundaries.

Ресурсное мышление как когнитивный предиктор конструктивной конфликтной компетентности личности*

М. М. Кашанов

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики
и педагогической психологии, Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия, smk007@bk.ru

Обосновано понимание ресурсности мышления в качестве предиктора изменения конструктивной конфликтной компетентности личности. Возникающие в ходе изменений отклики способствуют реализации творческого потенциала и выполняют определенные инструментальные функции в развитии субъекта и повышения эффективности его деятельности. Такой подход позволяет целенаправленно определять перспективные линии исследования и формирования ресурсного мышления субъекта в условиях напряженного межличностного взаимодействия.

Ключевые слова: мышление, ресурсность мышления, субъект, личность, конфликт, конфликтная компетентность, межличностное взаимодействие.

Одним из вызовов для гуманитарных наук, обусловленным социальными потребностями общества, является нарастающее дробление в области понимания ресурса личности. Оптимизировать, уравновесить данную тенденцию может синтез разнообразных подходов (философского, акмеологического, социологического, педагогического, синергетического, андрагогического, филологического, психологического) с целью построения методологического описания ресурсности мышления как единой реальности, разные компоненты которой выделяются и исследуются в рамках данных подходов (И. А. Кибальченко, Т. В. Эксакусто; И. П. Краснощеченко; В. А. Мазилев, А. А. Костригин).

Оптимальным «языком» подобной интеграции является методология субъектно-деятельностного подхода, ведущего свое начало из работ С. Л. Рубинштейна и развитого в 1970–1980-е годы в трудах К. А. Абульхановой, а в 1990-е – А. В. Брушлинского. Данный подход интенсивно продолжает развиваться, конкретизироваться и уточняться в современных исследованиях, прежде всего, в теоретических работах Л. И. Анцыферовой, В. А. Бодрова, М. И. Воловиковой, А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко, М. А. Холодной и др.

А. Л. Журавлев, обобщая идеи С. Л. Рубинштейна, подчеркивает, что активность фактически выступает генеральным, атрибутивным, неотъемлемым качеством (признаком) как индивидуального, так и коллективного субъекта.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00602.

Особое внимание автор уделяет реализации субъектного подхода в контексте исследования группового (или коллективного) субъекта, причем субъектные свойства выявляются на группах принципиально разного объема (численности): от диад и первичных трудовых коллективов до больших социальных групп.

В этой связи А. Л. Журавлев подчеркивает необходимость обозначения современной тенденции, заключающейся в том, что и объекты психологических исследований становятся более «психологизированными», т. е. более «нагруженными» психологическими феноменами, характерными и значимыми для них. В этом смысле можно говорить о тенденции возрастания «субъективизированности» объектов исследования в современной психологии.

Исследуя самоопределение в контексте проблемы «самости», А. Л. Журавлев подчеркивает, что именно в феномене «самости» наиболее ярко проявляются субъектные характеристики личности и группы, составляющие активное, действенное начало в человеке, во многом определяющие особенности его действий и поступков, отношений и общения, деятельности и поведения, других форм активности и в целом жизнедеятельности человека (Журавлев, 2005).

В ходе исследования закономерностей функционирования группового субъекта в современных противоречивых условиях А. Л. Журавлев и А. А. Вахин рассматривают противоречие как объективно существующее, но не всегда осознаваемое, внешне проявляемое состояние социальной системы, при котором рассогласованы интересы, цели, ценности ее элементов или связи между ними. Противоречие всегда лежит в основе конфликта. Но конфликт, в отличие от противоречия, есть внешняя, субъектная форма проявления противоречия, т. е. противоположающееся взаимодействие субъектов по поводу противоречия (Журавлев, Вахин, 2001).

А. Л. Журавлев подчеркивает, что расширяющиеся исследования позитивных психологических явлений инициируют процесс переориентации и современной практической психологии: от основных задач исправления, коррекции, профилактики и т. п. различных недостатков, отклонений и аномалий она должна переходить к задачам по стимулированию, развитию счастливой, успешной и осмысленной жизнедеятельности людей. Это должно происходить через проявление, раскрытие и развитие сильных, ресурсных сторон человека, реализацию имеющихся у человека позитивных качеств, достоинств и добродетелей (Журавлев, 2005).

Данный подход позволяет осуществить междисциплинарный синтез в понимании психологической природы ресурсности мышления и избежать при этом редуccionизма и элиминативизма. Для этого необходимо выяснить, как соотносятся исследования, проведенные в рамках субъектно-деятельностного подхода, с мейнстримом мировой науки.

Становление личности происходит в процессе организации ею своей деятельности. Управление личностью своей активностью предполагает мобилизацию ресурсов в соответствии с мотивацией, результатом и целью деятельности (Абульханова, 2007). Учет процессов, описанных К. А. Абульхановой, применим не только к познанию ситуации социализации, но и к пониманию профессионализации, которую трудно представить без рассмотрения мышления в профессиональном и жизненном опыте, о чем свидетельствуют результаты иссле-

дования Е. В. Конева (Конева, 2011). При этом В. В. Знаков обращает внимание на то, что «ситуация» жизнедеятельности должна рассматриваться как ключевое звено в технологии познания свойств фрагментов социальной действительности, в том числе – в понимании возможных траекторий их эволюции (Знаков, 2020). Прогнозирование развития ситуации не является самоцелью. Учет показателя психологической зрелости возможен, по мнению Е. А. Сергиенко, в континууме согласования задач личности и интегративных возможностей субъекта (Сергиенко, 2013).

Осознание своей ресурсности, умений, знаний помогает личности выйти на новый уровень самореализации, предоставляет субъекту расширенные возможности достижения целей деятельности, благодаря высокой степени активности, мобилизации интеллектуальных и энергетических ресурсов, необходимых для преодоления деструктивных психических состояний и ситуаций. Исследованию психологических особенностей ресурсности личности посвящены работы Б. Г. Ананьева, В. А. Бодрова, Э. Ф. Зеера, Е. А. Климова, В. Е. Клочко, А. К. Марковой, Г. В. Ожигановой, И. В. Серафимович, Н. В. Суриной, Э. Э. Сыманюк, В. Д. Шадрикова, Б. А. Ясько, А. В. Bakker, R. F. Baumeister, E. M. Earnest, S. Folkman, B. J. Hall, S. E. Hobfoll, C. Huang, T. B. Kashdan, R. S. Lazarus, M. P. Leiter, J. Loewinger, W. B. Schaufeli, K. R. Solomon, T. W. Schultz.

Пониманию интегральных возможностей субъекта способствует рассмотрение ресурсности мышления в качестве предиктора. Термин «предиктор» (predict – прогнозировать, предсказывать) может подразумевать два различных значения, иметь «широкий» и «узкий» контекст. В «широком» смысле понятие «предиктор» – это исходная характеристика индивида и его окружения, по которой осуществляется попытка предсказать другую (искомую) характеристику того же индивида. В «узком» смысле появляются дополнительные ограничения, которые могут быть связаны с количественным выражением и оценкой статистической достоверности прогноза. При использовании регрессионного анализа как метода построения прогноза можно установить, что предикторами являются такие независимые переменные, изменения которых приводят к изменениям других зависимых переменных – откликов. По характеру прогнозируемых эффектов выделяют четыре основных вида предикторов: межуровневые (в структуре индивидуальности), онтогенетические, профессиональные, клинические (Н. Дрейпер, Г. Смит).

В предиктивной аналитике, сфера применения которой в настоящее время достаточно широка (экология, медицина, экономика, социология, психология и др.), предикторы рассматриваются как независимые переменные, влияющие на переменную величину и учитываемые при прогнозе ее будущего значения. Реализация принципов и ряда методов предиктивного подхода представлена в психологических исследованиях (В. И. Долгова, Ю. А. Рокицкая, А. А. Саломатов, Т. М. Корякина, Е. А. Наумцева, В. А. Штроо, С. В. Чигарькова и др.).

Таким образом, проведенный теоретический анализ понимания психологии ресурсов, позволил разработать авторский подход к исследованию ресурсности мышления специалиста. Реализация данного подхода позволила установить, что ресурс связан с механизмом компенсации, поэтому профессиональная успешность может с возрастом не снижаться (Кашапов, 2020; Кашапов и др.,

2018, 2023). Особое внимание в данном подходе обращается на инструментальную функцию ресурсного мышления в реализации профессионального развития личности. Рассмотрение ресурсов в качестве функции способствует выявлению средств расширения и приумножения личностных и когнитивных ресурсов субъекта. Так, выявление закономерностей динамики ресурсности мышления социальных работников, педагогов, врачей на стадиях профессионализации позволяет расширить границы понимания опыта субъекта и реализовывать потенциальные возможности (Кашапов, 2020). Выделены основные характеристики ресурсного мышления профессионала: наделенность определенным смыслом, восполняемость (воспроизводимость), гибкость, респонзивность, селективность, целостность осмысления (нахождение новых смыслов в познаваемой и преобразуемой ситуации). Обосновано, что ресурсное мышление профессионала служит метаресурсом как общим запасом жизненных сил, определяющим общее состояние работоспособности человека. Реализация метаресурса делает возможным самоуправление деятельностью, выполняемой субъектом, на основе максимального использования ментальных ресурсов.

На основании обобщения эмпирических и теоретических результатов можно сформулировать следующие основные положения разработанных нами концептуальных характеристик ресурсного мышления как когнитивного предиктора конструктивной конфликтной компетентности личности (Кашапов и др., 2018).

1. Ресурс — условие, позволяющее с помощью конструктивных преобразований получить желаемый результат. Ресурсность — способность адекватно мобилизовать возможности для достижения цели. Ресурсность мышления — интеллектуальная способность к осмыслению, т. е. к нахождению новых смыслов в происходящем с целью трансформации условий проблемной ситуации в средства ее позитивного разрешения. Дискретность, расщепление процесса осмысления возникает на таком этапе жизненного пути, когда мотивация на самореализацию не поддерживается ресурсами или находит и реализует их лишь в частичных преобразованиях. В таких изменяющихся обстоятельствах (точках бифуркации) профессиональной деятельности возможно либо снижение, либо повышение уровня ценностно-смыслового отношения к профессии. В условиях кризисной ситуации возникает точка неустойчивого равновесия, бифуркации, что меняет вектор развития и процесс приобретает индетерминированный характер, который порождает неожиданные пути развития и открывает новые потенциальные возможности.

Точка бифуркации создает возможность выбора: «акме» (движение к пику, к росту, к расцвету) и «катэ» (падение, упадок, катастрофа). В этом случае особую роль играет ресурсность мышления как высший психический познавательный метапроцесс, выступающий психическим ресурсом реализации творческой активности субъекта в осознании, формулировании и достижении жизненных целей. Такая активность обеспечивается реализацией целостной системы познавательно-преобразовательной деятельности, а также целенаправленным участием в системе самых разных процессов, явлений и уровней психики, являющихся средствами ее реализации.

2. Ресурсное мышление — мышление, обеспечивающее нахождение и реализацию опорных точек в собственном опыте и в условиях окружающей среды (социальной, образовательной, профессиональной, организационной). В процессе взаимодействия со средой происходит аксиологическая (ценностная) трансформация собранной и проанализированной информации в знания, умения, навыки, привычки, отношения. Трансформация характеризуется когнитивным преобразованием устаревших ценностей на новые, современные; иррациональных на рациональные.
3. Ресурсное мышление — это интеллектуальное умение человека находить различные способы творческого разрешения проблем в физической, психологической, личностной, социальной и духовной сферах профессиональной деятельности и жизнедеятельности в целом. Ресурсность мышления, характерная для творчески мыслящих профессионалов, проявляется в продуктивной генерации идей при решении проблемы и обеспечивает возможность проявления конструктивной активности в конфликтных ситуациях.

Творческое разрешение конфликта требует особых качеств. При разрешении конфликта проявление ресурсности мышления означает принятие конфликтной ситуации такой, какая она есть в настоящий момент. Стереоскопичность ее познания способствует осмыслению перспектив ее развития, что позволяет выявить новые возможности совладания с ней. Экспликация этих возможностей характеризуется принятием проблемы. При этом появляется возможность адекватного ее осознания, что означает предпосылку успешного решения коммуникативной проблемной ситуации. На этом этапе разрешения конфликта важны такие особенности ресурсности мышления, как способность изменять восприятие ситуации таким образом, чтобы видеть ее латентные стороны. Такой подход создает возможность прогнозировать вероятные выходы из ситуации посредством реализации оригинальных, нестандартных решений.

Следовательно, роль ресурсности мышления в разрешении конфликтов заключается в нахождении неординарных решений, способности ревизовать привычные схемы поведения, рассмотрении проблемы с разных точек зрения, изменении восприятия и понимания ситуации. Творческий подход к разрешению конфликта способствует оптимальному его разрешению, трансформации латентных возможностей в актуальные. Объективированные возможности позволяют прогнозировать, предвосхищать конфликтные ситуации и заблаговременно разрабатывать варианты их решения.

Реализация ресурсности мышления способствует повышению эффективности рефлексии совершенных ошибок с целью выделения ключевых элементов их возникновения, что создает основу профилактики неоптимальных решений конфликтов. Творческий подход к разрешению конфликта повышает адаптацию человека к трудностям.

В проведенном исследовании директора образовательных организаций (N=240) характеризовали конфликтную компетентность через комплекс личностных качеств, необходимых при конструктивном межличностном взаимодействии. К числу таких качеств руководители относят гибкость мышления и поведения, толерантность, способность к рефлексии, эмоциональную устой-

чивость, честность, наличие чувства юмора, аналитический склад ума, способность к эмпатии, открытость и доброжелательность, способность достижения консенсуса, креативность, готовность к саморазвитию и самореализации, уверенность в себе, решительность и инициативность, коммуникабельность.

В качестве основы понятия «конфликтная компетентность» руководители рассматривают различные категории: умение, способность, личностные качества. В целом, у специалистов отсутствует единое мнение относительно содержания понятия «конфликтная компетентность», его сущности и функциональной значимости в профессиональной деятельности руководителя образовательной организации. Выделенные руководителями качества личности, составляющие основу конфликтной компетентности, во многом способствовали их функциональному представлению о структуре конфликтной компетентности, что позволило дифференцировать восемь основных подсистем, характеризующих данную компетентность (Кашапов и др., 2023).

Созданию принципиально новых коммуникативных сетей способствует процесс переструктурирования управленческих отношений руководителя в организацию совместного делового партнерства по долгосрочным интересам. Особое значение имеет процесс переакцентировки, децентрации мышления руководителя с одной системы управленческих ценностей на другую, которая и закрепляет ресурсность мышления в коммуникативном пространстве.

Заключение

Ресурсное мышление как когнитивный предиктор конструктивной конфликтной компетентности личности обладает следующими свойствами.

1. Расширяет возможности субъекта деятельности посредством проявления гибкости, динамичности, ценностно-смысловой ориентированности, возможности эффективно взаимодействовать в ситуации конфликта и преодолевать стресс.
2. Повышает продуктивность профессиональной деятельности и внутреннюю удовлетворенность от работы за счет интеграции возможностей психики и окружающей среды, мобилизации ресурсов личности, что способствует изменению функциональной системности,
3. Снижает риски возникновения дисфункциональных, деструктивных конфликтных ситуаций, что увеличивает возможности рефлексивных, саморегулятивных, творческих и высших духовных способностей. Конструктивная конфликтная компетентность характеризуется направленностью личности на опорные, ресурсные точки в ходе разрешения конфликта с сохранением позитивных межличностных отношений. Ресурсное мышление в качестве когнитивного предиктора конструктивной конфликтной компетентности личности служит средством прогнозирования развития ситуации и выбора адекватных средств ее оптимального решения.

Литература

Абульханова К. А. Личность как субъект деятельности // Психологические основы профессиональной деятельности. М.: Пер Сэ, 2007. С. 119–124.

- Журавлев А. Л., Вахин А. А.* Социально-психологические аспекты исследования конфликта // Современная конфликтология в контексте культуры мира. Материалы I Международного конгресса конфликтологов. Сер. «Социальные конфликты: экспертиза прогнозирование, технологии разрешения» / Под ред. Е. И. Степанова. М.: Едиториал УРСС, 2001. С. 357–372.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Знаков В. В.* Психология возможного: Новое направление исследований понимания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Кашапов М. М., Филатова Ю. С., Кашапов А. С.* Когнитивные компоненты творческого процесса в конфликте. Ярославль: Индиго, 2018.
- Кашапов М. М.* Понимание ресурсности в контексте профессионализации мышления субъекта // Методология современной психологии. 2020. № 11. С. 116–130.
- Кашапов М. М., Лукина А. С., Махновец С. Н.* Структурно-уровневая организация конфликтной компетентности в профессиональной деятельности руководителя // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. «Психология». 2023. Т. 13. № 2. С. 261–278. doi: 10.21638/spbu16.2023.209.
- Конева Е. В.* Мышление в профессиональном и жизненном опыте. Ярославль: ЯрГУ, 2011.
- Сергиенко Е. А.* Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 5–16.

Resource thinking as a cognitive predictor of constructive conflict competence of a person

M. M. Kashapov

doctor of psychology, professor, head of the Department of Pedagogy and Educational Psychology, Yaroslavl State University P. G. Demidova, Yaroslavl, Russia, smk007@bk.ru

For the first time, the article substantiates the understanding of the resourcefulness of thinking as a predictor (independent variable), changes in which lead to changes in the dependent variable (constructive conflict competence of the Personality). The responses arising in the course of such changes contribute to the realization of creative potential and perform certain instrumental functions of the subject's development and increase the efficiency of his activity. This approach makes it possible to purposefully determine promising lines of research and formation of the resourcefulness of the subject's thinking in conditions of intense interpersonal interaction.

Keywords: thinking, resourcefulness of thinking, subject, personality, conflict, conflict competence, interpersonal interaction.

Динамика изменений характеристик идентичности иностранных студентов в условиях получения высшего образования

В. В. Константинов, Н. В. Путилова***

* доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общая психология» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», г. Пенза, Россия, konstantinov_vse@mail.ru

** аспирант кафедры «Общая психология» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», г. Пенза, Россия, natalia-p@bk.ru

Представлены результаты эмпирического исследования динамики изменений идентичности иностранных студентов в условиях получения высшего образования. Характеристики идентичности иностранных студентов показаны в своеобразии видов (ролевой, ценностный, кризисный) и стилей (информационный, нормативный и диффузный) идентичности. Система отношений, общение и опыт вхождения иностранного студента в новую деятельность и среду порождает идентичность. Изучена временная динамика изменений характеристик идентичности иностранных студентов в условиях получения высшего образования. Динамика отражает скачкообразное развитие как личностного, так и социальных компонентов идентичности. Детерминантами формирования идентичности иностранного студента стали: характеристики идентичности, адаптационный потенциал, интерактивность, личностные и групповые ценности, эмоциональные переживания пребывания в среде.

Ключевые слова: идентичность, ценности, адаптация, аккультурация, поликультурная идентичность, ценностно-смысловая сфера личности, иностранные студенты.

Студенческая мобильность и процессы глобализации актуализировали новые вызовы и ограничения, поставили новые цели преодоления трудностей в вопросах интеграции студентов в поликультурном мире. Время миграционных сломов стало подсвечивать проблемы интеграции иностранных студентов в контексте социокультурной, лингвокультурной, социальной, академической, языковой, психофизической, психологической адаптации в условиях профессионального обучения. Развитие поликультурной образовательной среды, стремительные процессы миграции породили необходимость системного обращения к вопросам сопровождения процессов формирования идентичности иностранных студентов.

Методологическую и теоретическую основу исследования составили работы, посвященные изучению видового своеобразия, структуры, факторам формирования идентичности в работах Е. П. Белинской, М. Берзонски, П. Бергера, Е. В. Валиулиной, А. Е. Войсунского, И. Гоффмана, В. В. Гриценко, У. Джейм-

са, Л. М. Дробижевой, Л. А. Емельянова, З. А. Жаде, А. Е. Жичкиной, Ю. Е. Зайцевой, М. В. Заковоротной, Н. Л. Ивановой, О. Кернберга, Х. Кохута, Ж. Лакана, Н. М. Лебедевой, З. Х. Лепшоковой, Р. Д. Лэйнга, Т. Лукмана, Дж. Марсиа, Т. Д. Марцинковской, Дж. Мида, А. В. Парамуза, С. В. Рыжовой, Е. Л. Солдатовой, Г. У. Солдатовой, Т. Г. Стефаненко, А. Тэшфела, Дж. Тернера, З. Фрейда, Э. Фромма, Л. Б. Шнейдер, В. А. Шорохова, Э. Эриксона, Д. Г. Янченко, М. Н. Kuhn, W. Meeus, Т. McPartland и других авторов; исследования, посвященные становлению идентичности иностранных студентов в условиях поликультурной образовательной среды в работах И. В. Анциферовой, А. Ардила, О. В. Масловой, И. А. Новиковой, Д. А. Шляхтой, О. К. Агилара, М. В. Бабаевой, А. И. Максутовой, Л. И. Бадаловой, Д. А. Баязитовой, В. В. Богуславской, Р. И. Хандожко, Л. Ш. Болтаевой, Т. Г. Бохан, М. В. Шабаловской, Ю. В. Бородич, О. В. Терехиной, А. Л. Ульянич, Г. В. Гнездилова, К. А. Вахлаевой, Е. А. Густовой, И. А. Гребенниковой, А. Х. Даудова, А. А. Андреева, В. А. Шорохова, Д. Г. Янченко, С. В. Илькевича, С. Камчыбековой, Е. И. Колтунова, В. Г. Грязевой-Добшинской, Ю. А. Дмитриевой, Н. В. Маркиной, Ц. Чжи, Е. С. Набойченко, Ф. Г. Ловпаче, Е. Д. Максимчук и других; системный подход в психологии в работах К. А. Абульхановой-Славской, Л. И. Анциферовой, Б. Ф. Ломова, А. В. Ганзена, В. Д. Шадрикова, А. В. Карпова, В. А. Петровского и др. авторов.

В плане теоретической концептуализации понятия «идентичность», мы опирались на следующие положения (Стефаненко, 2009; Шнейдер, 2023; Эриксон, 2006):

- идентичность – категория субъективная, описывающая ощущение похожести и одновременно целостности личности, которое возникает в результате стихийных процессов личностного созревания;
- идентичность – категория социального соотнесения и присоединения личности через признаки тождественности к социально обобщенным группам, которые рожают одновременно чувство целостности и тождественности с представителями своей группы и дифференциации или непринятия с представителями другой – антагонистической группы.

Понимание динамики показателей идентичности личности опирается на поэтапное развитие инстанций, которые обеспечивают целостное формирование идентичности личности, создают на разных уровнях эмоциональную стабильность, фундаментальное базовое доверие к миру, развитие социальных качеств, развитие нравственных и ценностных инстанций (Солдатова, 2007).

Процессуальность идентичности свидетельствует о сложности и многослойности показателей идентичности, которые влияют на построение итоговой структуры, становление ценностно-рефлексивной позиции субъекта, связаны с ростом индивидуализированных стратегий поведения, способов освоения типизированных социально значимых форм поведения (Berzonsky et al., 2013; Meeus, 2011).

В условиях современного проживания повседневности идентичность личности претерпевает изменения и это связано с усложнением и повышением скорости социализации. Ресоциализация, вынужденная трансформация новых ценностей и установок как отдельно взятого общества, так и локальных групп

способствует выработке новых правил вынужденной социализации мигрантов. Изменчивость показателей социализации свидетельствует об особых требованиях к личности, вынуждает ее, в разных аспектах отсроченного развития, формировать показатели идентичности. Веер видов идентичности предъявляет требования к развитию и формированию гибких структур идентичности, обеспечивающих адаптацию, ресоциализацию в условиях транзитивности (Марцинковская, 2018).

В связи с этим актуальность исследования становления показателей и динамики изменений идентичности иностранных студентов является очевидной. В рамках проведенного исследования основной целью было изучить динамику трансформации характеристик идентичности иностранных студентов в условиях принимающего сообщества.

Были использованы следующие методы исследования: теоретический анализ литературы, наблюдение, психодиагностическое тестирование, математико-статистические методы, интерпретационные методы.

Методики исследования: опросник «Аспекты идентичности» (Aspects of Identity, AIQ-IV), разработанный под руководством Дж. Чика, опросник стилей идентичности М. Берзонски (в адаптации Е. П. Белинской, И. Д. Бронина), ценностный опросник Ш. Шварца (в адаптации С. В. Реттгес), культурно-ценностный дифференциал (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова), методика «Переживание кризиса личностью (ППК)» (С. В. Духновский), методика «Адаптация личности к новой социокультурной среде» Л. В. Янковского, «шкала аккультурации в России» (ШАР) (И. А. Новикова, А. Л. Новиков, Д. А. Шляхта), индекс жизненного стиля (LSI, Р. Плутчик, Г. Келлерман, Х. Р. Конт), методика «Мотивация аффилиации» в модификации М. Ш. Магомед-Эминова. В выборочную совокупность включены студенты, граждане Таджикистана и Кыргызстана, в количестве 406 чел. Возрастной диапазон испытуемых – от 18 до 31 года.

Логика исследования была такова, что первые замеры показателей идентичности были сделаны на этапе, предшествующем миграции студентов. Далее исследование было разделено на этапы на каждом последующем курсе обучения в высшем учебном заведении.

Изучены характеристики идентичности иностранных студентов на разных этапах адаптации в условиях получения высшего образования и пребывания в условиях принимающего сообщества. Определено соотношение видов идентичности в выборке иностранных студентов. Установлено соотношение личностных и социальных форм идентичности. В аспектах идентичности проявляются такие содержательные показатели, как коллективные аспекты идентичности, отражающие значимость у иностранных студентов переживаний в отношении принадлежности к этносу, культуре, религии и семье. В обследованной нами выборке студентов преобладали представители мусульманской религии, они ориентированы в условиях аккультурационных стратегий идентифицировать себя через компоненты религиозной и культурной идентичности, которые составляют ценностный центр адаптации в условиях принимающего сообщества.

В иерархии идентичности значимой является реляционная идентичность. Система межличностных взаимоотношений выступает ресурсом и опорой

для адаптации иностранцев в условиях пребывания в чужой стране. Большая часть студентов, приезжающих для образовательных целей, параллельно решает вопрос с профессиональной занятостью, приобретая возможность работать и трудоустроиться в условиях частичной занятости. В поликультурном сообществе иностранные студенты сохраняют межличностную приверженность в отношении выстраивания межличностных отношений в рамках своей этнической группы. Этот факт является двояким: с одной стороны, данные аспекты идентичности затрудняют интеграцию иностранных студентов, с другой стороны, опираясь на ценности поддержания межличностных отношений внутри своей этнической группы, создают ядро идентичности.

Компоненты социальной идентичности для иностранных студентов также являются актуальными. Внутригрупповая социальная категоризация происходит через устойчивые социальные и психологические роли в сообществе, которые постепенно осваивает иностранный студент в условиях учебно-профессиональной и иной социальной деятельности. Становление личностной идентичности претерпевает изменения, она отражает своеобразие личностных характеристик, значимость личностных установок и ценностей, глобальной оценки собственной личности в рамках интеграционных процессов.

Временная динамика изменений характеристик идентичности иностранных студентов в условиях получения высшего образования представлена неравномерным развитием как личностных, так и социальных компонентов идентичности. Статистически достоверно установлены закономерности динамики: нарастание зрелых и разнообразных форм идентичности, сохранение двойственной идентичности: на первичном этапе, предшествующем миграции, и на первых курсах сочетаются социальные и коллективные виды идентичности (отражающие идентификационные характеристики через этнические, национальные, групповые характеристики), на втором и третьем курсе двойственность сочетает в себе характеристики коллективной, социальной и реляционной идентичности (нарастание характеристик социального взаимодействия внутри социально-профессиональной группы, отражающее значимость межличностных отношений, социальной оценки, принадлежности к семье и этносу).

Увеличение балльных значений и рост описательных характеристик в отношении своей идентичности у иностранных студентов свидетельствует о процессе трансформации. Трансформация характеристик идентичности на протяжении периодов обучения в высшей школе свидетельствует о раскрытии новых внутренних ресурсов личности, развитии личностных новообразований, свойств, поведенческого репертуара, позволяющего стать плацдармом к освоению новых сфер, личностным потенциалом для успешной социализации и адаптации в новых условиях образовательного и профессионального процесса. Появление новых характеристик идентичности (профессиональной идентичности), связанных с трудовой деятельностью, значительно характеризует процесс становления идентичности студента, начиная с конца второго, начала третьего курса обучения. Динамика идентичности предполагает незавершенный статический анализ показателей, поэтому данные характеристики находятся в постоянном изменении. Характеристики и содержание идентичности определяется социальной ситуацией развития, закономерностями идентифи-

кационного процесса, влиянием внешних обстоятельств и внутригрупповых процессов. В отношении динамики стилей идентичности наблюдается гетерохронный процесс, который свидетельствует о разнонаправленности и разновременности становления.

В результате сравнительного анализа также получены значимые различия по динамике проявлений стилей идентичности. На первичном срезе, предшествующем миграции и первом курсе обучения, ярче проявлена диффузность идентичности, чем на последующих курсах ($p \leq 0,01$). Несовпадение внутренних переживаний своей идентичности, характеристик, проявленных как в личной жизни, так и в учебно-профессиональной, социальной, в сфере межличностных отношений, приводит к осознанию несовпадения и кризису идентичности. Необходимость принятия новых социальных ролей, несовпадение ролевых ожиданий вызывают трудности в адаптации к новому репертуару ролей и статусу.

Наращение показателей информационного стиля сравнительно достоверно проявляется от курса к курсу. Данный факт свидетельствует о становлении зрелых форм идентичности и развитии ценностно-смысловой системы, осознанной реализации своих способностей в условиях реальных отношений и деятельности. Сравнительное замедление к 3-му курсу показателей информационного стиля связано с кризисными проявлениями данного периода – кризисом профессионального самоопределения студента ($p \leq 0,01$).

Наиболее проявлен в динамике, начиная с этапа, предшествующего миграции, нормативный стиль идентичности. Постепенное нарастание показателей значительно отличается от первичного среза до значений, полученных на 4-м курсе обучения ($p \leq 0,05$). Динамика значения свидетельствует о первичной установленной системе нормативной приверженности в отношении ценностей, традиций, установок и последующей динамики стиля в условиях поступления и обучения в высшем учебном заведении.

Проведена факторизация характеристик идентичности иностранных студентов. Выделено 3 фактора – вида идентичности иностранных студентов:

- «ролевая идентичность» (дисперсия 27,9%) – обеспечивает динамику социально-статусных и ролевых позиций студента. Иностранные студенты стремительно осваивают систему социальных ролей, предписанную в контексте учебно-профессиональной деятельности. Однако в условиях освоения данной идентичности они ситуативно принимают идентификационные характеристики, далее трансформируют их, в ситуации взаимодействия приобретают субъектность. Данные признаки на разных уровнях обеспечивают им психологическую устойчивость. Конструктивная интеграция в условиях поликультурного сообщества, освоение новых видов деятельности позволяют приобрести и усвоить групповые ценности, соотносить с личностными ценностями, отделить идеальный образ *Я* от реального образа. В условиях формирования ролевой идентичности основополагающими ценностями личностного порядка становятся «универсализм», «достижения» а на уровне групповых ценностей – «направленность на взаимодействие»;
- «ценностная идентичность» (дисперсия 17,1%) – характеризуется вариативным рядом идентичностей, которые отражают специфику включения

личности в социальные отношения и систему самоотождествления на личностном и групповом уровнях. Информационный стиль идентичности описывает идентичность иностранных студентов с позиции активного информационного и познавательного поиска решения задач самоопределения. В условиях личностных, социальных и культурно-национальных отношений ими реализуются собственные стратегии идентификации, которые прошли этапы отвержения, принятия и индивидуализации. Личностные ценности «достижения» и «стимуляция» сочетают в себе личностные и социальные маркеры, ориентированные на достижение успеха индивида в условиях социального оценивания, а также ценности спонтанности и активности, которые мотивируют личность развиваться и двигаться в направлении проживания глубинных смыслов и новизны;

- «кризисная идентичность» (дисперсия 10,52%) — проявляется в разветвленной, но парадоксальной схеме идентичностей. Этническая и религиозная идентичности составляют основу центрации личности. Однако кризисные проявления в личностных показателях идентичности свидетельствуют о выстраивании уникальной идентичности, но невозможности эту идентичность представить и отстоять в системе значимых взаимоотношений. Подвижность личностной идентичности и ее специфичность, отличность от идентичности других противопоставляет индивида на уровне понимания, не приносит ему признания. Диффузный статус идентичности иностранных студентов свидетельствует о кризисном периоде, в процессе которого студенты не делают никакого выбора, не исследуют идентификационные характеристики, негативно оценивают свои достоинства и подчеркивают недостатки, прибывают в одиночестве. Возможность построения идентификационного интроекта отсутствует, потому что они принимают решение не делать никакого выбора, избегать возможности даже негативного выбора идентификационных характеристик. Ценности безопасности и конформности на базовом уровне обеспечивают удовлетворение потребностей.

Заключение

В ходе эмпирического исследования была изучена динамика идентичности иностранных студентов. Характеристики и содержание идентичности определяются социальной ситуацией развития, закономерностями идентификационного процесса, влиянием внешних обстоятельств и внутригрупповых процессов. В отношении динамики стилей идентичности наблюдается гетерохронный процесс, который свидетельствует о разнонаправленности и одновременности становления. Получены статистически достоверные различия по всем курсам обучения, по видам и стилям идентичности. Динамика отражает скачкообразное развитие как личностного, так и социальных компонентов идентичности. Статистически достоверно получены результаты, отражающие различия в изменении видов идентичности от курса к курсу, формирование зрелых стилей идентичности. Соотношение показателей личностной и социальной идентичности обуславливаются репертуаром ролей и показателями социально-психо-

логической интегрированности личности в обществе, а также показателями личностной зрелости.

Факторизация видов идентичности свидетельствует об особой комбинации видов идентичностей, наборе личностных и групповых ценностей, которые обеспечивают консолидацию идентичности, а также важным в этой связи является эмоционально-оценочный компонент, который позволяет на разных уровнях принять идентичность иностранного студента в условиях получения высшего образования.

Литература

- Марцинковская Т. Д.* Идентичность в транзитивном и виртуальном пространстве // Вестник РГГУ. Сер. «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 11–20.
- Солдатова Е. Л.* Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007.
- Стефаненко Т. Г.* Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2009. № 2. С. 3–17.
- Шнейдер Л. Б.* Психология идентичности: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023.
- Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис: Учеб. пособие / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых; пер. с англ. А. Д. Андреева и др. 2-е изд. М.: Флинта и др., 2006.
- Berzonsky M., Soenens B., Luyckx K., Smits I., Papini D., Goossens L.* Development and Validation of the Revised Identity Style Inventory (ISI-5): Factor Structure, Reliability, and Validity // *Psychological Assessment*. 2013. V. 25. Iss. 3. P. 893–904.
- Meeus W.* The study of adolescent identity formation 2000–2010: A review of longitudinal research // *Journal of Research on Adolescence*. 2011. № 21 (1). P. 75–94. doi: 10.1111/j.1532-7795.2010.00716.x.

Dynamics of changes in identity characteristics foreign students in terms of higher education

V. V. Konstantinov, N. V. Putilova***

** doctor of psychology, professor and head of the Department of General Psychology, Penza State University, Penza, Russia, konstantinov_vse@mail.ru*

*** post-graduate student, Penza State University, Penza, Russia, natalia-p@bk.ru*

The article presents the results of an empirical study of the dynamics of changes in the identity of foreign students in the conditions of higher education. The characteristics of the identity of foreign students are presented in the originality of types (role, value, crisis) and styles (information, normative and diffuse) of identity. The system of relations, communication and experience of a foreign student entering a new activity, and the environment generates an identity. The temporal dynamics of changes in the characteristics of the identity of foreign students in the conditions of higher education has been studied. The dynamics reflects the spasmodic development of both personal and social components of identity. The determinants of the formation of the identity of a for-

eign student were: identity characteristics, adaptive potential, interactivity, personal and group values, emotional experiences of being in the environment.

Keywords: identity, values, adaptation, acculturation, multicultural identity, value-semantic sphere of personality, foreign students.

Ценностно-смысловое измерение личности в изменяющемся обществе

Н. А. Корниенко

профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры «Технология обучения психологии и педагогики» Новосибирского государственного аграрного университета, Новосибирск, Россия, na.kornienko2012@yandex.ru

Исследуется ценностно-смысловое измерение личности, ее внутренний мир, принадлежащий к тем многозначным понятиям, которые распространены и в сфере научного, в частности методологического и философского знания, и в сфере обыденного сознания. Потребности, внутренний мир личности зависят от внешнего мира, в котором личность живет и действует. Но, кроме этого, в личности есть некая точка опоры, позволяющая ей встать в независимую позицию по отношению к внешнему миру и всем его требованиям. Эту точку опоры образуют личностные ценности, так как они связывают внутренний мир личности с жизнедеятельностью общества и отдельных социальных групп. В акмеологии ценности и ценностные ориентации — особенно для подрастающего поколения — выступают в двух модальностях — реальных, настоящих ценностей, которыми уже руководствуется личность, и будущих ценностей — идеалов. Исследование ценностно-смысловых измерений личности нами проводилось в изменяющихся социально-экономических условиях, начиная с 1992 г. до настоящего времени. Динамика ценностных ориентаций личности за 30 лет показала, что ценностное поле личности в Сибирском регионе подвижно и поддается целенаправленному воздействию.

Ключевые слова: личность, индивидуальность, ценности, смыслы, логотерапия, динамика, социализация, ретроспектива ранговых оценок.

Исследования структуры и динамики ценностных ориентаций (ЦО) детей и подростков, детерминированных «внешними» социальными факторами, как верно подчеркивают А. Л. Журавлев и Т. В. Дробышева, стали наиболее активно проводиться с конца 1980-х годов. До периода «перестройки» и «радикальных экономических изменений», т. е. с 1970-х и до середины 1980-х годов, в подобных исследованиях в основном освещались различные аспекты соотношения общественных и личностных ценностей (Журавлев, Дробышева, 2010, с. 5).

Разделяем точку зрения Л. Н. Журавлевой в том, что динамика ценностных ориентаций у человека обусловлена изменениями в его умственном развитии, эмоциональном развитии, в социальном опыте человека, в характере ведущего вида деятельности. А система ценностных ориентаций личности не остается неизменной на протяжении всей жизни человека, включая и зрелый возраст (Журавлева, 2017).

Ценностные ориентации – сложный социально-психологический феномен, характеризующий направленность и содержание активности личности, являющийся составной частью системы ее отношений, определяющий общий подход человека к миру, к себе, придающий смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам.

Разделяем мнение В. Франкла о том, что смыслы и ценности нельзя передать, на них нельзя указать, им нельзя обучить – они должны быть пережиты. Первый вопрос, который задал В. Франклу профессор Смит, был: «Можем ли мы, и если можем, то как в процессе обучения в университете передавать студентам ценности или дать им нечто вроде смысла?» На это В. Франкл ответил, что «ценности мы должны пережить. Также мы не можем и сообщить смысла жизни нашим студентам. Что мы можем им дать с собой в путь – это один лишь пример, пример собственной отдачи нашему делу научных исследований» (Франкл, 1990, с. 47).

Автор полагает не только то, что ценности каждый раз рождаются заново в акте индивидуально-личностного переживания, но и то, что они не существуют как смысловые и помимо этого переживания. Франкловская логотерапия не берет на себя ответственность за обнаружение смысла чьей-либо конкретной жизни, поскольку нельзя за самого человека ничто пережить. Логотерапия, по В. Франклу, не дает ответы, а выступает в роли катализатора поиска этих ответов. И главным таким условием является для нее создание у пациентов смысловой установки (веры), что смыслы (той или иной жизненной ситуации или самой жизни) уже есть и всегда есть и что надо лишь их обнаружить. Иными словами, убежденности в реальности смыслов (т. е. логоса мира смыслов), их независимом (от сознания и осознания) существовании, их доступности (Франкл, 1990, с. 122).

Как правильно отмечает А. А. Пископпель, «поиск смысла – это такая работа души, которая ведет к изменению самой личности человека: способствует личностной зрелости, формированию человека аксиологически ориентированного» (Пископпель, 2001, с. 118).

Проблема ценностных ориентаций должна быть решена с позиции целостного, системного подхода к изучению человеческой индивидуальности, что выражает наиболее прогрессивную тенденцию современной науки. Этот подход максимально близок нашему пониманию ценностных ориентаций, основанному на теории интегральной индивидуальности (Мерлин, 1986, с. 56).

Исследования ценностных ориентаций личности с помощью методики М. Рокича нами проводились в изменяющихся социально-экономических условиях, начиная с 1992 г. и до настоящего времени, включая 2019 г. На разных выборках студентов с общим охватом 4 тыс. студентов, т. е. за последние 30 лет. Представленные результаты исследований показали, что ценностное сознание личности в период радикальных социально-экономических преобразований в обществе характеризовалось значительными изменениями. За прошедшие 20 лет, начиная с 1992 г. (1995, 2005, 2007, 2008, 2012, 2019 гг.), в ценностных приоритетах сибирских студентов состоялся переход от ориентации на самоутверждение, личностный рост, достижения положительного социально-психологического самочувствия и альтруистические ценности к более выражен-

ной направленности на ценности личной жизни, достижение делового успеха и высокого материального благосостояния.

Мы выявили ретроспективу ранговых оценок с тенденцией повышения и стабилизации терминальных ценностей. Отмечаем разнохарактерную ретроспективу ранговых оценок с тенденцией повышения стабилизации терминальных ценностей.

Наше исследование показало, что выявлена ретроспектива ранговых оценок с тенденцией к понижению или скачкообразное изменение терминальных ценностей (резко вверх и резко вниз ценностей: «здоровье», «наличие хороших и верных друзей», «счастливая семейная жизнь», «любовь», «свобода»).

В новых социально-экономических условиях направленность личности на самоутверждение постепенно перестала входить в структуру наиболее значимых жизненных приоритетов. Так, от «среза» к «срезу» все менее значимой для респондентов становилась ценность «творчество», которая переместилась с 5-го ранга в 1992 г. на 16-й в 1995 г., в 2005 г. на 17-й, а в 2007, 2012, 2019 гг. на 18 ранг. В результате социально-экономических преобразований в обществе менее значимым для сибирских студентов стало стремление к достижению положительного социально-психологического самочувствия. Так, ценности «счастье других» и «уверенность в себе» также претерпели существенные изменения с тенденцией понижения ранга альтруистической ценности «счастье других» с 5-го в 1992 г. до 18-го в 1995 г., а в 2007, 2012 и 2019 гг. ценность «уверенность в себе» опустилась с 5-го в 1992 г. до 8-го ранга в 2012 г.

Таким образом, результаты нашего исследования показали, что в массовом сознании студентов произошло некоторое снижение значимости альтруистической стратегии поведения, традиционной для российской ментальности и направленной на обеспечение благополучия для других людей.

В исследуемые периоды нами выявлена ретроспектива ранговых оценок 10 терминальных ценностей студентов с тенденцией понижения ранга. Это ценности «здоровье», «счастливая семейная жизнь», «любовь», «материально обеспеченная жизнь», «уверенность в себе», «развитие», «свобода», «красота природы и искусства», «развлечения», «творчество».

К 1995 г. достоверно снизилась в ряду жизненных ценностей и значимость активной деятельной жизни — со 2-го на 9-е место, в 2012, 2019 гг., по-видимому, в связи со снижением общего темпа жизни, в условиях экономического роста. Ценность «материально обеспеченная жизнь» стала для студентов менее значимой в 2012 г. по сравнению с 1992 г. Она переместилась со 2-го ранга на 6-й в 2012 г., а в 2019 г. поднялась на 5-й ранг. Значительно опустились ранги ценностей «познание» и «развитие» с 4-го и 5-го соответственно до 11 ранга в 2012 г. Так, в 2005 и 2007 гг. ценность «познание» опустилась до 13-го ранга, в то время как ценность «развитие» снизилась до 10-го ранга, в 2012 г. до 11-го ранга, а в 2019 г. поднялась на 6-й ранг. Ценность «развлечения» с 6-го ранга в 1992 г. опустилась до 17-го в 1995 г., в 2005 г. до 18-го, в 2007 г. поднималась до 15-го, а в 2012 г. опустилась до 16-го.

Ценность «красота природы и искусства» с 1 ранга в 1992 г. опустилась до 16-го в 2012 г. К 1995 г. данная ценность опустилась до 15-го, а в 2005 г. сместилась на 17-й, в 2007 и в 2012 гг. на 16-й ранг.

Наш анализ показал, что в период социально-экономических преобразований в обществе наблюдалось смещение общих акцентов в ценностных ориентациях от направленности на личностный рост и альтруистические ценности. Так, к 1995 г. значимость жизненной мудрости с 5 ранга снизилась до 13-го, в 2005 г. и 2007 г. опустилась до 11-го ранга, а в 2012 г. поднялась до 7-го ранга, а в 2019 г. вновь поднялась до 10 ранга.

В период исследования для студентов Сибирского региона возросла значимость ценности «здоровье» с 5-го в 1992 г. до 1-го в 2012 г. Причем 1-й ранг ценность «здоровье» сохранила в 1995, 2005 и в 2007 гг., в 2012 и 2019 г. этот 1-й ранг сохранился. Следующей ценностью с тенденцией повышения ранга является «наличие хороших и верных друзей» с 7-го в 1992 г. до 2-го в 2012 г, а в 2019 г. опустилась на 3-й ранг.

Что касается данной ценности, то повышение ранга происходило постепенно, в 1995 г. – 3-й ранг, в 2005, 2007 гг. – 4-й ранги, в 2012 г. – 2-й ранг, а в 2019 г. – 3-й ранг.

Практически мало изменились ранги ценностей «общественное признание» и «продуктивная жизнь», они имеют по-прежнему низкие ранги: 12-й в 2019 г. опустился до 14 ранга, и 9-й соответственно, но выявлена тенденция повышения ранговых оценок данных ценностей. К 1995 и 2005 гг. ранг ценности «общественное признание» опустился до 14-го в 2007 и в 2012 гг. поднялся до 12-го, а в 2019 г. опустился до 14-го ранга. Что касается ценности «продуктивная жизнь», то ее ранг переместился с тенденцией понижения ранга с 8-го до 11-го в 1995 г., до 12-го в 2005 г., до 13-го в 2007 и в 2012 гг., а в 2019 г. опустилась до 11-го ранга. Мы отмечаем тенденцию повышения ранга ценности «продуктивная жизнь» до 9-го ранга, который в 2019 г. опустился до 11-го ранга.

В период исследования для студентов Сибирского региона возросла значимость достижения делового успеха, ранг ценности «интересная работа» переместился с 10-го в 1992 г. на 4-й в 2012 г. От «среза» к «срезу» рос приоритет ценности «интересная работа», в 1995 г. – 9-й, в 2005 г. и 2007 г. – 8-й ранги. В 2012 г. произошло серьезное повышение ранга ценности «интересная работа» до 4-го, в 2019 г. опустился до 7-го ранга. Обращает внимание «счастливая семейная жизнь». Ее ранг повысился по сравнению с 1992 г. с 9-го до 4-го в 2012 г. К 1995 г. значимость этой ценности возросла до 6-го ранга, а в 2005 г. и 2007 г. до 3-го ранга. И в 2012 г. вновь произошло повышение ранга ценности «счастливая семейная жизнь» до 4-го ранга, а в 2019 г. – 4-й ранг сохранился.

Наш анализ изменения динамики инструментальных ценностных ориентаций – средств достижения целей в жизни показал, что ценностное сознание в период социально-экономических преобразований в обществе характеризовалось значительными изменениями.

Выявили ретроспективу ранговых оценок с тенденцией к повышению и стабильности инструментальных ценностей; ретроспективу ранговых оценок с тенденцией к повышению и стабильности инструментальных ценностей; ретроспективу ранговых оценок с тенденцией к понижению инструментальных ценностей.

Нами выявлена и представлена ретроспектива ранговых оценок 7 инструментальных ценностей студентов с тенденцией повышения ранга. Это ценнос-

ти «воспитанность» в 2019 г. — 1-й ранг, «жизнерадостность» — 2-й ранг, «образованность» — 3-й ранг, «ответственность» — 4-й ранг, «аккуратность» — 5-й ранг, «исполнительность» опустилась в 2019 г. до 12 ранга, «терпимость» поднялась на 8 ранг в 2019 г., «рационализм» опустился в 2019 до 14-го ранга, «непримиримость к недостаткам» поднялась в 2012 до 10-го ранга, «высокие запросы» опустились до 17 ранга.

Самыми приоритетными ценностями для студентов в 2012 г. обозначились ценности «воспитанность» — 1-й ранг, по сравнению с 16-м в 1992 г., аккуратность — 2-й, несмотря на значительные его понижения в 1995 г. и в 2005 г. — 9-й, но в 2007 г. повысился до 6-го, а в 2012 г. до второго ранга. Возросла значимость ценности «ответственность» и сохранила 4-й ранг в 2012 г. на уровне 1992 г., несмотря на тенденцию снижения ее ранга в 1995 г. до 7-го, в 2005 г. ее ранг поднимался до 1-го, в 2007 г. опустился до 3-го, а в 2012 г. опустился до 4-го. Обращает на себя внимание ценность «исполнительность». Так, от «среза» к «срезу» с 15 ранга в 1992 г. ранг перемещался на 16 в 1995 г., в 2005 г. на 11-й, в 2007 г. на 10-й, а в 2012 г. ранг ее повысился до 5-го.

Претерпел серьезные изменения ранг ценности «образованность». Так, 1-й ранг ее в 1992 г. постепенно снижался в 1995 г., 2005 и в 2007 г. до 2-го, а в 2012 г. до 5-го ранга. В ценностном сознании опрошенных постепенно возрастал и ранговый «вес» ценности «чуткость» с 18 в 1992 г., в 1995 и 2005 гг. до 13-го, в 2007 г. — 16-й, но в 2012 г. ранг снизился до 17-го.

Особый интерес представляют результаты, раскрывающие, как в динамике ценностных ориентаций личности отражаются условия острого экономического кризиса в обществе. Результаты исследования свидетельствуют о том, что резкие изменения социально-экономических условий жизнедеятельности, связанные с кризисами 1992–1993 и 1998 гг., сопровождались ярко прослеживаемой динамикой в структуре ценностных ориентаций студентов.

Следует отметить, что значимость преобладающей части ценностей, обнаруживших динамику в посткризисном «срезе» 1999 г., продолжала изменяться и в следующем, относительно стабильном в социально-экономическом плане периода («срез» 2005 г.). Это свидетельствует о долговременности и выраженности отсроченных последствий экономической дестабилизации в обществе, проявляющихся в ценностном сознании студентов, что может объясняться его инерционными процессами.

Проследим все выявленные тенденции динамики ценностных ориентаций. Динамика ценностных ориентаций респондентов в период после острого социально-экономического кризиса была выявлена в 1995, 2005, 2012 гг. В исследуемые периоды выявлена ретроспектива ранговых оценок 12 инструментальных ценностей студентов с тенденцией понижения ранга. Это ценности «честность», «воспитанность», «ответственность», «широта взглядов», «образованность», «чуткость», «самоконтроль», «эффективность в делах», «независимость в суждениях», «твердая воля», «смелость в отстаивании своего мнения», «жизнерадостность». В эти периоды динамика ценностных приоритетов характеризуется прежде всего переходом от направленности на этические ценности (честность, воспитанность, исполнительность, ответственность) на ценности прагматические. Так, в иерархии инструментальных ценностей студентов «чест-

ность» поднимается с 6-го в 1992 г. до 5-го, в 2005 г. до 4-го, в 2007 г. опускается до 6-го, а в 2012 г. до 10-го ранга, «воспитанность» с 16-го в 1992 г. поднимается до 1-го ранга в 1995 г., в 2005 г. опускается до 3-го, в 2007 г. повышается до 1-го и в 2012 г. первый ранг сохраняется у ценности «честность». Ценность «исполнительность» с 15-го ранга в 1992 г. опускается в 1995 г. до 16-го, в 2005 г. поднимается до 11-го, в 2007 г. до 10-го, а в 2012 г. поднимается до 5-го ранга. Ценность «ответственность» претерпела изменения от «среза» к «срезу». Если в 1992 г. она имела 4-й ранг, то в 1995 г. она опустилась до 7-го, в 2005 г. поднималась до 1-го, 2007 г. опустилась до 3-го, а в 2012 г. она поднялась до 4-го, как и в 1992 г., т. е. сохранила 4-й ранг. Обращают на себя внимание ценности «аккуратность» и «твердая воля». Так, аккуратность со 2-го ранга в 1992 г. опускалась в 1995 г. и 2005 г. до 9-го, в 2007 г. поднималась до 6-го, а в 2012 г. поднялась до 2-го ранга, как и в 1992 г. сохранила 2-й ранг. Что касается ценности «твердая воля», то ее ранг 2-ой в 1992 г. опускался до 9-го в 1995 г., в 2005 г. поднялся до 8-го, в 2007 г. опускался до 9-го, а в 2012 г. опустился еще ниже, до 10-го ранга.

Резкие изменения в динамике ценностного сознания происходят с ценностями «эффективность в делах»: с 4-го ранга в 1992 г. она опускается до 14-го в 1995 г., в 2005 и 2007 гг. поднимается до 12-го, а в 2012 г. до 15 ранга. Ценность «независимость» в суждениях постепенно претерпела изменения: с 4-го в 1992 г. поднималась до 3-го в 1995 г., в 2005 г. до 5-го опускалась, в 2007 г. поднималась до 4-го. А в 2012 г. опустилась до 6-го ранга, т. е. ниже ранга 1992 г.

Ценность «жизнерадостность» со 2-го ранга в 1992 г. постепенно опускалась в 1995 г. до 4-го, в 2005 г. до 5-го, в 2007 г. поднялась до 4-го, в 2012 г. опустилась до 5 ранга.

Произошли серьезные изменения в динамике ценностных ориентаций «самоконтроля», «рационализма». Ценность «самоконтроль» с 3-го ранга в 1992 г. резко опустилась в 1995 и 2005 гг. до 8-го ранга, в 2007 г. поднялась до 7, а в 2012 г. резко опустилась до 10 ранга. Ценность «рационализм» резко опускалась от «среза» к «срезу», с 6-го ранга в 1992 г. до 12-го в 1995 г., в 2007 опустилась до 13-го и в 2012 г. поднялась до 10-го ранга. Ценность «терпимость» с 4-го ранга в 1992 г. резко опускалась в 1995 г. до 11-го, в 2005 г. до 16-го, в 2007 г. до 14-го, а в 2012 г. поднялась до 12-го ранга.

Претерпели небольшие изменения ценности «непримиримость к недостаткам» и «высокие запросы». Так, высокие запросы с 15-го ранга в 1992 г. опустилась до 17-го в 1995 и 2005 гг., в 2007 г. поднялась до 16-го, а в 2012 г. резко поднялась до 12 ранга, по сравнению с 1992 г.

Таким образом, мы отмечаем, что ценностное поле молодежи подвижно и поддается целенаправленному воздействию. В рамках организованной учебной деятельности достигнута значимая положительная динамика в области терминальных ценностей реальной структуры ценностей, нормативных ценностей и ценностей как индивидуальных приоритетов. Полученные нами данные показывают возможные пути оптимизации процесса межпоколенной преемственности в направлении сохранения ценностей русской культуры в ценностном поле молодежи.

Наше исследование показало, что выявлена разнохарактерная ретроспектива ранговых оценок с тенденцией к понижению инструментальных ценнос-

тей: «воспитанность» (резко упала в 1995 г. и не поднимается), «исполнительность» (с 1995 г. падает на 10 ед., а в 2019 г. поднимается на 6 ед.), «аккуратность» (имела достаточно высокое значение до 2005 г., и потом стабильное снижение на 4 ед.), «высокие запросы» (имела стабильный характер до 2007 г. и в 2012 г. имела резкое падение, а в 2019 г. поднялась).

Как показало наше исследование, эмоционально-нравственное развитие личности, ценностно-смысловое измерение личности в изменяющемся обществе зависит от степени эмоционального принятия усваиваемых личностью ценностей, норм, взглядов, носителями которых являются субъективно значимые люди.

С психологической точки зрения, ценности являются основным средством сознания и самосознания для поддержания чувства самоуважения и собственного достоинства.

В нашем исследовании прослеживается динамика отношения школьников и студентов к общечеловеческим ценностям с учетом вышеназванных функций. Полученные данные показывают, что в 70-е годы. более всего подростки ценили в человеке честность, товарищество, доброту, скромность, правдивость и т. п., т. е. речь шла о примате духовных ценностей над материальными, общественных интересов над индивидуальными. В настоящее время заметна переоценка ценностей. Предпочтение отдается (особенно в старшем подростковом возрасте) материальным потребностям (деньги, вещи), индивидуальным интересам (как стать здоровым, богатым, знаменитым и т. п.). Если ранее такая ситуация квалифицировалась только как негативная, то сейчас однозначно отрицательно оценивать ее нельзя. Более того, она свидетельствует о действительном процессе перестройки духовного мира, захватившем все население, в том числе и подростков (Корниенко, 2020).

Типология ценностей отражает чувства и убеждения личности в том, что является важным и значимым для нее. Исходя из этого, можно заключить, что в самосознании личности присутствуют значимые ценности, т. е. ценности, осознаваемые как специфические для нее, отличающие ее от других. По нашему мнению, ценности являются основным средством сознания и самосознания и обладают сильными аффективными возможностями воздействия на поддержание у личности чувства самоуважения и собственного достоинства. Ценности как духовно-нравственные образования представляют собой переживания, связанные с тем, что личность берет от жизни, как она осмысливает ситуации посредством позиции, которую занимает (Франкл, 1990, с. 93). Выявленные ценности мотивируют поведение личности в каждой конкретной ситуации и выступают механизмом ее эмоционально-нравственного развития.

Ценностные ориентации испытуемых подвержены значительной динамике изменений во времени. Очевидно разное ценностное начало переживаний личности учащихся-подростков и студентов.

Литература

Журавлев А. Л., Дробышева Т. В. Ценностные ориентации формирующейся личности в разные периоды развития российского общества // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 5–16.

Журавлева Л. Н. Динамика ценностных ориентаций в процессах личностного развития современного школьника // Актуальные аспекты современной науки: Сборник Материалов XVI-й Международной научно-практической конференции. Липецк, 31 августа 2017 г. / Отв. ред. Е. М. Мосолова. Липецк: Радуши, 2017. С. 29–35.

Корниенко Н. А. Новые исследования эмоционально-ценностной сферы личности. Кн. 5: Личность. Одаренность. Индивидуальность. Гениальность. Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2020.

Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.

Пископелъ А. А. От традиционных ценностей к уникальным смыслам // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 103–118.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

The value-semantic dimension of personality in a changing society

N. A. Kornienko

full professor, doctor of science (Psychology), professor of Department Technology of teaching psychology and pedagogy, Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia, na.kornienko2012@yandex.ru

The value-semantic dimension of the personality, its inner world, which belong to those polysemantic concepts that are common both in the field of scientific, in particular, methodological and philosophical knowledge, and in the field of everyday consciousness, are explored. Needs, the inner world of the individual depends on the external world in which the individual lives and acts. But besides this, the personality has a certain fulcrum that allows it to stand in an independent position in relation to the outside world and all its requirements. This fulcrum is formed by personal values, since they connect the inner world of the individual with the life of society and individual social groups. In acmeology, values and value orientations – especially for the younger generation – act in two modalities – real, present values that already guide the personality, and future values-ideals. The study of the value-semantic dimensions of personality was carried out by us in changing socio-economic conditions, from 1992 to the present. The dynamics of the value orientations of the individual over 30 years has shown that the value field of the individual in the Siberian region is mobile and amenable to purposeful influence.

Keywords: personality, individuality, values, meanings, logotherapy, dynamics, socialization, retrospective of rankings.

Взаимосвязь личностных особенностей работников с индивидуальными и групповыми интересами

Т. Н. Лобанова, В. О. Бедрий***

* кандидат психологических наук, доцент факультета психологии
Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Москва,
Россия, lobanova.tatiana@gmail.com

** магистрант факультета психологии Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, г. Москва, Россия

Рассматривается характер взаимосвязей личностных особенностей работников современных организаций с их индивидуальными и групповыми интересами. На основе проведенного теоретического анализа выявлены и проанализированы личностные особенности, связанные с трудовыми интересами. Подобраны стандартизированные методики диагностики для проведения эмпирического исследования взаимосвязи личностных особенностей с интересами работников. Эмпирически доказана положительная связь между индивидуальными и групповыми интересами сотрудников и любопытством, целеустремленностью, настойчивостью, увлеченностью, альтруизмом, нормальным перфекционизмом и отрицательная связь с паталогическим перфекционизмом.

Ключевые слова: личностные особенности работников, индивидуальные и групповые интересы, любопытство, увлеченность, перфекционизм, целеустремленность, настойчивость, альтруизм.

Среди публикаций организационных психологов часто можно встретить исследования о том, что личностные и ситуационные факторы детерминируют поведение человека. При этом одна часть ученых ориентируется на приоритет личностных характеристик, другая – на ситуационные факторы (Росс, Нисбетт, 1999). Вероятность того и другого влияния очевидна. Вместе с тем для большинства руководителей современных организаций, работающих примерно в одинаковых экономических условиях, становится важным подбирать высокомотивированных и проявляющих искренний интерес к работе сотрудников. То есть работодателям, предоставляющим определенные условия труда, хотелось бы понимать, какими личностными особенностями должны обладать те работники, которых может заинтересовать та или иная организационная функция.

Под интересом к работе мы понимаем эмоционально окрашенную и ценностно ориентированную позицию личности сотрудника к своей профессиональной деятельности и к себе как работнику организации (Лобанова, 2021).

Можно выделить следующие подходы к интерпретации понятия «интерес»: аксеологический, связанный с этимологией слова в значении «пользы» и «выгоды»; аттитюдный – интерес как отношение к объектам, имеющим личност-

ный смысл; векторный, определяющий интерес как направленность; потребностно-мотивационный – рассматривает интерес как побуждение к активности (Платонов, 1981; Ядов, 2013; и др.).

В нашем исследовании мы опираемся на понимание индивидуальных и групповых интересов работников организаций в рамках диспозиционного подхода, связанного с личностью субъекта труда.

Центральная идея работ, выполненных в этой области, как отмечал В. А. Ядов, – попытка объяснить и предсказать особенности поведения индивида, исходя из его предрасположенности, или диспозиции, к восприятию и оценке некоторой ситуации, готовности действовать в ней определенным образом. Речь идет о «взаимосвязи конкретных социальных условий деятельности индивида и его субъективного отношения к ним в виде состояний предрасположенностей к оценке и поведению в данных условиях с учетом структуры диспозиций, их зависимости от предшествующего опыта и обобщенных психологических особенностей субъекта» (Ядов, 2013, с. 33). Диспозиции личности представляют собой продукт столкновения потребностей и ситуаций (условий), в которых соответствующие потребности могут быть удовлетворены, и если они закрепляются в личностной структуре в результате опыта, то и диспозиции структурируются в некоторую иерархию. Первый, низший ее уровень образуют элементарные фиксированные установки. Они формируются на основе потребностей физического существования и в простейших ситуациях, чаще всего, в кратковременных бытовых. Второй уровень диспозиционной структуры – социальные фиксированные установки, или система социальных установок, содержащая эмоциональный (или оценочный), когнитивный (рассудочный) и собственно поведенческий (поведенческая готовность) аспекты. Факторы, ее формирующие, – с одной стороны, предметные потребности социального существования, связанные с включением индивида в первичные и другие контактные группы, а с другой – соответствующие социальные ситуации. Иными словами, это «аттитюд». Третий диспозиционный уровень – общая (доминирующая) направленность *интересов личности* в определенные сферы социальной активности. Она формируется на основе более высоких социальных потребностей и представляет собой предрасположенность к идентификации с той или иной областью социальной деятельности, например, с профессиональной, групповой, организационной, политической и пр. Эта направленность, как и социальные установки, обладает свойствами когнитивного, эмоционального и поведенческого характера. Притом когнитивные образования диспозиций этого уровня намного сложнее, чем когнитивные элементы низшего уровня. Одновременно и сама направленность личности более устойчива, чем социальные установки на отдельные социальные объекты или ситуации. Именно на этом уровне иерархии, в зоне направленности интересов, связанных с трудовой деятельностью, мы и проводим данное исследование. Высший диспозиционный уровень образует система ценностных ориентаций на цели деятельности и средства их достижения (там же, с. 36).

В исследовании мы опирались на практико-ориентированную классификацию трудовых интересов (Лобанова, 2021), выделив кластеры индивидуальных и групповых интересов работников организаций.

Индивидуальные интересы работников включают экономические, профессиональные и карьерно-ориентированные виды интересов. То есть направленность экономических интересов раскрывается через заработную плату, условия труда, дополнительные выплаты и т. д. Профессиональный вид интересов свидетельствует о том, что работники ориентированы на развитие своей личности как профессионала, познание нового в своей деятельности, увлеченность делом и процессом работы. Карьерные интересы свидетельствуют о стремлении и ориентации на продвижение по службе, должностном перемещении и/или росте, готовности выполнять работу не только по своим функциональным обязанностям.

Групповые интересы относятся к социальным трудовым интересам. Они детерминированы членством работников в малых («узких») и больших группах. Узкогрупповые интересы свидетельствуют о важности и приоритетности задач и целей малой группы, в которой трудится работник (проектная или управленческая команда, отдел, филиал, подразделение и т. п.). В крупных организациях общеорганизационные корпоративные интересы можно классифицировать как интересы больших групп. Для небольших организаций корпоративные интересы относятся к интересам малых групп. В любом случае корпоративные интересы свидетельствуют об ориентации на цели и задачи организации, корпорации, а также о направленности интересов работников, чаще всего топ-менеджмента, на лояльность и престиж той организации, в которой они трудятся.

Групповые интересы в рамках больших групп включают территориальную и общегражданскую направленность и являются внешними интересами по отношению к организации. Это интересы принадлежности в более широком социальном контексте.

Таким образом, выраженность тех или иных трудовых интересов сотрудников демонстрирует их отношение к профессиональной среде.

В ходе анализа личностных характеристик сотрудников, способствующих возникновению и развитию интереса к работе при проведении одного из исследований, были зафиксированы такие личностные особенности, как любопытство, увлеченность, целеустремленность и настойчивость, стремление помочь и перфекционизм (Лобанова, 2022). Метаанализ подобных исследований подтвердил возможность дальнейшего рассмотрения зафиксированных личностных черт, связанных с интересом к работе. Так, например, установлено, что, если человек подвергает сомнению существующий рабочий процесс или результат, предвкушает эмоцию открытия чего-то или переживает желаемый опыт, возникает ощущение возбуждения, очарования и удовлетворения от внутренней награды (Kashdan et al., 2013). Таким образом, можно предположить, что любопытство повышает интерес к работе. Это подтверждают результаты одного из зарубежных опросов, согласно которому от 63 до 84% работников считают, что любопытство стимулирует рождение интереса к работе (Balgiu, 2020). Увлеченные сотрудники в большей степени ощущают интерес к работе (Шауфели и др., 2015). Целеустремленность и настойчивость помогают достигать целей и результатов в работе, несмотря на возникающие трудности (Мандрикова, 2010). Альтруизм (помощь другим) выступает источником интереса к работе, ведь люди счастливы от то-

го, что их работа помогает другим быть более результативными и знающими (James, 2014).

Таким образом, цель исследования — проверить взаимосвязь личностных особенностей работников с их индивидуальными и групповыми интересами.

В этой связи была выдвинута гипотеза о существовании положительной связи между трудовыми интересами сотрудников и такими личностными особенностями, как любопытство, увлеченность, целеустремленность и настойчивость, помощь другим (альтруизм), нормальным перфекционизмом и отрицательной связи с паталогическим перфекционизмом.

Организация исследования и характеристики выборки

В исследовании приняло участие 130 чел. в возрасте от 18 до 64 лет. По результатам обработки ответов респондентов на контрольные вопросы и вопросы «шкалы лжи» в методике измерения альтруизма, данные 10 респондентов были удалены из общей выборки.

Средний возраст 120 участников составил 32 года ($SD=11,4$), распределение по полу — 50 на 50. В выборку вошли сотрудники разных уровней управления: линейные менеджеры и руководители подразделений (23%), а также специалисты (77%). Представители менеджмента работали в сфере продаж, оптово-розничной торговли, электроснабжения, IT-технологий, в HR сфере и юриспруденции. Специалисты подразделений были из таких отраслей, как образование, железнодорожный транспорт, экономика, медицина, маркетинг, психология, промышленность. Стаж работы на текущем месте работы респондентов составил: до 1 года — 33%, от 1 до 2 лет — 12%, от 2 до 10 лет — 36%, более 10 лет — 19%. Общий стаж работы большинства респондентов: более 10 лет (45%), от 2 до 4 лет (24%), от 5 до 10 лет (10%), от 1 до 3 месяцев (8%), от 3 месяцев до года (7%) и меньше всего — от 1 года до 2 лет (4%).

Методы и методики исследования

Для проведения исследования использовались следующие методики. Опросник трудовых интересов работников, измеряющий выраженность 7 видов интересов, а также общий уровень интересов работника включает 35 утверждений, оценивающих по 5-балльной шкале Лайкерта. Он позволяет увидеть выраженность индивидуальных (экономических, профессиональных, карьерных) и групповых (узкогрупповых, корпоративных, общегражданских и территориальных) видов интересов. Показатели внутренней согласованности по пунктам методики составляют 0,662, что свидетельствует о достаточном уровне надежности (Лобанова, 2021).

Любопытство рассматривалось разными исследователями как многомерный или одномерный личностный конструкт. Люди с высоким уровнем любопытства более склонны распознавать незнакомое в привычном, искать новый опыт, исследовать новые вещи, ценить новизну и вызов (Kashdan et al., 2013). Нами анализировался показатель общей выраженности любопытства с помощью адаптированного опросника «Склонность к любопытству и исследова-

нию (CEI-II)» (Елшанский и др., 2016). Опросник состоит из 10 вопросов, где каждый вопрос оценивается по 5-балльной шкале Лайкерта. Результаты опроса выявляют общий уровень склонности к любопытству. Показатели внутренней согласованности по всем пунктам шкалы составляет 0,86, что свидетельствует о высоком уровне надежности.

В психологии при рассмотрении увлеченности принято выделять два подхода: 1) как свойство личности противоположное выгоранию сотрудников на работе; 2) как состояние личности, связанное с профессиональной деятельностью, в основе которого можно выделить три компонента: проявление бодрости и энергичности в работе, погруженность и преданность работе (Schaufeli et al., 2002). Первый подход рассматривает увлеченность и выгорание в качестве дихотомической шкалы одного параметра, что, на наш взгляд, является не совсем верным, поскольку выгорать могут и увлеченные сотрудники. Поэтому для оценки увлеченности работой была взята «Утрехтская шкала увлеченности работой» У. Шауфели и А. Беккер в адаптации Д. А. Кутузовой (Кутузова, 2006). Методика состоит из 17 утверждений, где респонденту необходимо оценить по 7-балльной шкале параметры, включающие чувства энтузиазма на работе, энергичности и бодрости, погруженности в деятельность. Общий уровень увлеченности определяется на основе суммирования средних показателей по шкалам опросника. Показатели внутренней согласованности по шкалам варьируются от 0,79 до 0,88, а общий уровень увлеченность составляет 0,92, что свидетельствует о высоком уровне надежности.

Целеустремленность и настойчивость можно отнести к волевым характеристикам самоорганизованной личности. Целеустремленность человека выражается в стремлении к своим целям, их достижении, несмотря на возникающие трудности. А настойчивость характеризует организованного человека, завершающего любое начатое дело. Для оценки данных характеристик использовались шкалы опросника самоорганизации деятельности (ОСД) (Мандрикова, 2010). Опросник состоит из 25 утверждений, разделенных на 6 шкал: планомерность, самоорганизация внешними средствами, ориентация на настоящее, настойчивость, целеустремленность, фиксация. Каждое утверждение оценивалось по 7-балльной шкале. Для исследования брались шкалы «целеустремленность» и «настойчивость». Показатели внутренней согласованности по данным шкалам составляют 0,81 и 0,76, что свидетельствует о высоком уровне надежности.

Феномен альтруизма (помощь другим) чаще всего рассматривают с двух позиций: как личностный фактор или поведенческую модель, стабильную с течением времени в различных ситуациях и как динамические поведенческие реакции на конкретные ситуации (Xiong et al., 2022). Альтруизм можно рассматривать как форму безусловной доброты без ожидания отдачи, когда человек оказывает помощь и получает чувство удовлетворения от этого действия. Альтруизм как личностная особенность для сотрудника является важной и необходимой в профессиональной деятельности. В данном исследовании применялась методика измерения альтруистических установок М. И. Ясина (Ясин, 2020).

Методика состоит из 23 утверждений, которые необходимо оценить по 7-балльной шкале. Она также включает шкалу лжи, что позволяет отсеять некоторые результаты и получить более достоверные данные. Показатель вну-

тренней согласованности по всем пунктам методики составляет 0,79, что свидетельствует о высоком уровне надежности.

Зарубежными исследователями было предложено три аспекта перфекционизма (Hewitt, Flett, 1990). Это ориентированный на себя перфекционизм, который характеризует людей, создающих для себя чрезмерно высокие стандарты и занимающихся интенсивной самокритикой. Социально предписанный перфекционизм выделяет тех людей, которые понимают, что значимые другие навязывают им чрезмерно высокие стандарты, которым они должны соответствовать. Перфекционизм, ориентированный на других, характеризует тех людей, которые предъявляют чрезмерно высокие стандарты к другим людям. Безусловно, часть работников привлекает «идеально» выполненная задача или проект, что создает ощущение внутреннего удовлетворения и устойчивого интереса к работе. Но вместе с тем это может вызывать чувство беспокойства по поводу совершения ошибок, сомнения в качестве своих действий. Отсюда выделение двух видов перфекционизма: нормального и паталогического, которые проявляются в положительном и негативном стремлении к совершенству сотрудников в профессиональной деятельности (Золотарева, 2013). В этой связи для исследования был взят «Дифференциальный тест перфекционизма» А. А. Золотаревой (2013). Опросник состоит из 24 утверждений, по 12 утверждений на каждую из шкал. Респондентам необходимо было оценить утверждения по 7-балльной шкале. Показатели внутренней согласованности по шкалам нормальный и паталогический перфекционизм составляют 0,61 и 0,69, соответственно, что свидетельствует о достаточном уровне надежности.

Процедура и результаты исследования

Исследование проводилось через интернет на основе Google-опроса по выбранным методикам. Ссылка на исследование рассылалась в личные сообщения методом снежного кома, участие в опросе – добровольное и анонимное. Время для ответов было не ограничено. Каждый респондент проходил исследование индивидуально за планшетом или компьютером. Респонденты опирались на четкую и развернутую инструкцию для прохождения методик.

Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась в компьютерной программе SPSS Statistics v. 22.0 по критерию коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

В соответствии с описательной статистикой наиболее выраженными трудовыми интересами у выборки исследования оказались индивидуальные, а именно *профессиональные и карьерные интересы работников*, с небольшим отставанием идут экономические, а далее уже групповые и корпоративные интересы. Выраженность индивидуальных *профессиональных* интересов свидетельствует о том, что респонденты в своей профессиональной деятельности ориентированы на развитие личности как профессионала в работе, узнавание чего-то нового о своей деятельности, поглощенности знаниями, а также увлеченности делом и процессом работы. *Карьерные интересы* свидетельствуют о стремлении и ориентации на продвижение по службе, карьерном росте, должностном перемещении, а также готовности выполнить работу не по своей занима-

емой должности. Большинство респондентов выборки стремятся к росту себя как профессионала в работе, причем как со стороны знаний, так и занимаемой должности. Полученный результат является логичным, ведь средний возраст выборки – 32 года. *Индивидуальные экономические интересы* свидетельствуют об ориентации на заработную плату в работе, дополнительные выплаты, а также условия труда, т. е. все то, что стимулирует к работе извне. *Групповые и корпоративные интересы* относятся к социальным трудовым интересам, детерминированным членством в больших (корпоративные) и малых (групповые) группах. *Групповые или узкогрупповые интересы* свидетельствуют, что респонденты считают важными и приоритетными интересы своей ближайшей группы (команды или подразделения). А *корпоративные интересы* ориентируют на цели и задачи организации, корпорации, а также лояльность и заинтересованность в престиже того места, где работает сотрудник.

Таким образом, мы видим, что для современного работника интересным являются профессиональное и карьерное развитие (индивидуальные интересы), поведение ориентировано на интересы группы и организации (групповые интересы). Это кажется очевидным и вместе с тем подтверждает, что сотрудник работает с одной стороны ради развития своих карьерных перспектив, а с другой стороны – ради организации. Выраженность интересов больших групп, а именно территориальных и общегражданских на среднем уровне может быть связана с возрастными характеристиками выборки (средний возраст – 32 года), молодое поколение больше ориентировано на себя и свои интересы.

Личностные особенности респондентов характеризуются следующими показателями: *любопытство, нормальный и паталогический перфекционизм, увлеченность* и ее составляющие: *энергичность, погруженность в деятельность, энтузиазм*, а также *целеустремленность и настойчивость*. Это, по нашему мнению, говорит о том, что современные сотрудники организаций в зависимости от ситуации могут проявлять все эти особенности. Работники в целом увлечены своей работой, о чем свидетельствует среднее проявление энергии и бодрости, концентрации на работе и причастности к ней. *Альтруизм*, в свою очередь, находится на высоком уровне у женщин и на среднем у мужчин, что свидетельствует о большем стремлении и желании девушек помогать окружающим людям. Для проверки отсутствия достоверных различий по показателю «альтруизм» между выборкой мужского и женского пола применялся непараметрический критерий U-критерий Манна–Уитни. Этот критерий был выбран ввиду отсутствия нормального распределения по критерию Колмогорова–Смирнова ($p < 0,05$). В результате не было выявлено достоверных различий ($U_{\text{мп}} = 1670,5$, при $p > 0,05$).

Для подтверждения *гипотезы* о существовании положительной связи между трудовыми интересами сотрудников и целеустремленностью, настойчивостью, увлеченностью, помощью другим (альтруизмом), «нормальным перфекционизмом» и отрицательной связью с «паталогическим перфекционизмом» использовался непараметрический коэффициент корреляции Спирмена. Непараметрический критерий был выбран из учета того, что распределение в большинстве шкал методик не соответствует нормальному по критерию Колмогорова – Смирнова ($p < 0,05$).

По результатам корреляции между общей выраженностью трудовых интересов и личностными особенностями сотрудников выявлена положительная связь с любопытством (0,323 при $p \leq 0,01$), увлеченностью работой (0,462 при $p \leq 0,01$), целеустремленностью (0,474 при $p \leq 0,01$) и настойчивостью (0,215 при $p \leq 0,05$), альтруизмом (0,481 при $p \leq 0,01$), а также факторами увлеченности: энтузиазмом, энергичностью, поглощенностью. К тому же существует и отрицательная связь между общей выраженностью трудовых интересов и патологическим перфекционизмом ($-0,184$ при $p \leq 0,05$).

Индивидуальные экономические трудовые интересы положительно связаны с нормальным перфекционизмом, увлеченностью работой, в том числе энтузиазмом, энергичностью и поглощенностью, а также целеустремленностью и альтруизмом. Так, выделенные личностные особенности работника помогают реализовывать экономические интересы. Например, альтруизм способствует общению с окружающими людьми, в том числе с коллегами по работе, а целеустремленность и увлеченность работой усиливают имидж работника. Патологический перфекционизм, наоборот, негативно связан с экономическими интересами, так как неадекватно завышенная оценка требований работника к себе и к окружающей реальности мешает достигать результатов, а следовательно, с интересом относиться к работе.

Кластер индивидуальных деловых (профессиональных и карьерных) интересов работника тесно связан со всеми выделенными личностными свойствами, за исключением связи между альтруизмом и карьерными интересами (0,171). Возможно, изменение управленческого статуса сотрудника требует от него определенных индивидуальных усилий и поглощенности работой, что не оставляет времени на бескорыстную помощь окружающим.

Кластер групповых интересов (малых групп и корпоративных) связан с любопытством, нормальным перфекционизмом, увлеченностью работой, в том числе энтузиазмом, энергичностью и поглощенностью, а также целеустремленностью и альтруизмом. А вот с настойчивостью как личностным свойством работника связаны только корпоративные интересы. Это можно объяснить тем, что корпоративные интересы, в отличие от интересов малых групп, требуют проявления настойчивости в достижении масштабных целей и задач всей организации.

Внешние по отношению к организации территориальные интересы положительно связаны с любопытством (0,344 при $p \leq 0,01$), патологическим перфекционизмом (0,235 при $p \leq 0,01$) и отрицательно связаны с настойчивостью ($-0,194$ при $p \leq 0,05$). Данные результаты объясняются, по нашему мнению, тем, что территориальные интересы раскрываются через принадлежность к референтной группе, что не столько требует настойчивости, сколько следования за большинством, за традициями и обычаями среды, удовлетворенности от принадлежности к определенной территориальной или национальной группе.

Заключение

Таким образом, гипотеза о существовании положительной связи между трудовыми интересами сотрудников и целеустремленностью, настойчивостью, увле-

ченностью, помощью другим (альтруизмом), «нормальным перфекционизмом» и отрицательной связью с «паталогическим перфекционизмом» подтвердилась.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что чем больше человек проявляет любопытство и любознательность в жизни, целеустремлен, настойчив, помогает окружающим людям, увлечен своим делом и работой, стремится к совершенству в позитивном ключе, тем он больше будет проявлять интерес к работе.

Практическое применение полученных результатов может проявляться при найме работников с предложенным набором личностных особенностей и ПВК. При этом мы повышаем вероятность того, что работнику будет интересна его работа, он будет внутренне мотивирован и не покинет компанию вследствие временных трудностей или возникающих проблем в трудовой деятельности.

Литература

- Елшанский С. П., Ануфриев А. Ф., Камалетдинова З. Ф., Сапарин О. Е., Семенов Д. В.* Психометрические показатели русскоязычной версии теста «Склонность к любопытству и исследованию (СЕI–II)» // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювентология. Социокинетика. 2016. Т. 22. № 2. С. 113–117.
- Золотарева А. А.* Дифференциальная диагностика перфекционизма // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 117–128.
- Кутузова Д. А.* Организация деятельности и стиль саморегуляции как факторы профессионального выгорания педагога-психолога: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Лобанова Т. Н.* Анализ мотивационной структуры и трудовых интересов руководителей и сотрудников на удаленной работе // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2022. № 3. С. 200–224.
- Лобанова Т. Н.* Методика изучения трудовых интересов работников современных организаций // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2021. № 2. С. 314–340.
- Мандрикова Е. Ю.* Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 59–83.
- Платонов К. К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М.: Высшая школа, 1981.
- Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект-Пресс, 1999.
- Шауфели В., Дийкстра П., Иванова Т. И.* Увлеченность работой: Как научиться любить свою работу и получать от нее удовольствие. М.: Когито-Центр, 2015.
- Ядов В. А.* Гипотеза об иерархической структуре диспозиций личности и ее социальной обусловленности // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расш. изд. М.: ЦСПиМ, 2013. С. 33.
- Ясин М. И.* Методика измерения альтруистических установок // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 77–85.
- Balgiu V. A.* Curiosity and subjective well-being: The mediation of the big five personality traits // Global Journal of Psychology Research: New Trends and Issues. 2020. V. 10. P. 151–159.

- Hewitt P. L., Flett G. L. Perfectionism and depression: A multidimensional analysis // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1990. № 5 (5).
- Kashdan T. B., Dewall C. N., Pond R. S., Silvia P. J., Lambert N. M., Fincham F. D., Savostyanova A. A., Keller P. S. Curiosity protects against interpersonal aggression: Cross-sectional, daily process and behavioral evidence // *Journal of Personality*. 2013. № 81. P. 87–102.
- James G. *Business Without the Bullsh*t: 49 Secrets and Shortcuts You Need to Know*. N. Y.–Boston: BusinessPlus, 2014.
- Schaufeli W. B., Martinez I. M., Pinto A. M., Salanova M., Bakker A. B. Burnout and engagement in university students // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2002. V. 33. P. 464–481.
- Xiong Li., Yuan Fang, Mei Huang, LingXiang Xia. The effect of interpersonal responsibility trait on altruism: The mediating role of perspective taking // *Current Psychology*. 2022. № 42. P. 19537–19547. doi: 10.1007/s12144-022-03073-3.

The relationship of personal characteristics of employees with individual and group interests

*T. N. Lobanova**, *O. V. Bedriy***

** candidate of psychological sciences, associate professor of the Faculty of Psychology of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, lobanova.tatiana@gmail.com*

*** master student of the Faculty of Psychology of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia*

The nature of the relationship between the personal characteristics of employees of modern organizations with their individual and group interests is considered. On the basis of the theoretical analysis carried out, personal characteristics associated with labor interests were identified and analyzed. Standardized diagnostic methods have been selected to conduct an empirical study of the relationship of personal characteristics with the interests of employees. Empirically proven positive relationship between individual and group interests of employees and curiosity, purposefulness, perseverance, passion, altruism, normal perfectionism and a negative relationship with pathological perfectionism.

Keywords: personal characteristics of employees, individual and group interests, curiosity, enthusiasm, perfectionism, purposefulness and perseverance, altruism.

Экопсихологический взгляд на развитие самосознания в условиях трансформирующегося общества

*О. Г. Лопухова**, *В. И. Панов***

* кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии, Институт психологии и образования, Казанский федеральный университет, Казань, Россия, lopuhova15@gmail.com

** доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, заведующий лабораторией экопсихологии развития и психодидактики, Психологический институт Российской академии образования, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Россия, esovip@mail.ru

Представлен анализ вариантов развития самосознания с позиций экопсихологического подхода к развитию психики. В качестве теоретического конструкта используется экопсихологическая типология субъект-средовых взаимодействий. Данная типология позволяет выделить варианты «субъект-объектного», «объект-субъектного», «субъект-совместного», «субъект-обособленного» или «субъект-конфликтного», а также «субъект-порождающего» экопсихологических типов взаимодействий индивида с социокультурной средой и с самим собой. Исходя из этого, самосознание рассматривается в контексте развития семантических репрезентаций социально-ролевых моделей, трансформирующихся в процессе субъект-средовых взаимодействий «индивид—среда (внешняя/внутренняя)». Описаны варианты внутренне конфликтного и гармоничного развития самосознания в соотношении с типами субъект-средовых взаимодействий.

Ключевые слова: самосознание, развитие, экопсихологическая типология субъект-средовых взаимодействий, социально-ролевые модели, семантические репрезентации, трансформация, «индивид—среда (внешняя/внутренняя)».

Развитие самосознания человека определяется как внутренними процессами самодетерминации, так и внешними условиями социокультурной среды, имея системный взаимосвязанный характер. Диалогичность сознания и самосознания человека, принципиальную несамодостаточность «одного сознания» подчеркивал М. М. Бахтин, который указывал, что личность существует прежде всего на границе своих отношений (реальных или мыслимых) с миром (Братченко, 1991). Разворачивание такого диалога происходит, когда человек соотносит свое Я с внешне заданными образами и стереотипами поведения, которые репрезентируются в самосознании в виде семантических структур. В условиях непрерывных социальных изменений происходят трансформации социально-ролевых моделей, выступающих семантическими основаниями Я-концепции

и структурирующими самосознание при повышении их вариативности и множественности. Эти трансформационные тенденции увеличивают значимость субъектной позиции личности в индивид-средовом взаимодействии, а также позволяют рассматривать социокультурные системы в качестве субъекта (или квазисубъекта) этих отношений.

В классических теориях развития сознания и личности (в культурно-историческом, деятельностном, бытийном подходах, психологических концепциях отношений, психодинамических теориях, гештальтпсихологии, концепциях энактивизма и др.) заложены методологические основы представлений о субъект-субъектном, процессуальном, ситуативно обусловленном характере развития самосознания личности. В качестве одного из примеров здесь можно назвать концепцию «эго-идентичности» Э. Эриксона, в которой подчеркивается равнозначность и взаимосвязанность социальной и персональной идентичностей, что отражает «вечный» конфликт между личностью и обществом, разрешение которого происходит в процессе и в результате сложного и внутренне противоречивого, потенциально кризисного психосоциального развития личности (Ильин, 2021). С позиций экологической теории У. Бронфенбреннера развитие личности представляет собой двунаправленный динамический процесс, в котором влияние на личность различных элементов окружающей среды сопровождается активностью самого человека по реструктуризации многоуровневой жизненной среды: микро-, эндо-, мезо-, макро- и хроносистем. В структурно-диалектическом подходе личность понимается не как «продукт», или «результат» развития индивида в нормативной социокультурной ситуации, а как «субъект культуры» (Веракса, 2000).

В методологическом плане общим для представленных подходов выступает понимание того, что развитие самосознания личности нельзя рассматривать вне взаимодействий индивида с социокультурной средой. Это заставляет нас обратиться к экопсихологическому подходу к развитию психики, в рамках которого порождение и развитие психических феноменов и структур сознания исходно рассматривается в системе отношений «индивид—среда (внешняя/внутренняя)» (Панов, 2014, 2023). С этой точки зрения отличительной особенностью самосознания является его способность к самодетерминации и саморазвитию, обусловленная природной способностью индивида активно рефлексировать свое Я во взаимодействиях не только в «диалоге» с внешним миром, но и в «диалоге» с самим собой — с семантическими структурами, составляющими его внутреннюю среду. Еще раз подчеркнем, что речь идет о внутрилличностной форме диалога в системе отношений типа «Я—второе я» (Горбов, 2000), отношений образа Я и других образов Я-концепции («Я—другое/возможное Я») и т. п. В этих отношениях развивающееся самосознание предстает как процесс «расщепления» сознания индивида на роль «субъекта» такой рефлексивной активности и на роль «объекта», принимающего эту активность. Отметим, что с экопсихологической точки зрения внутренний диалог в подобных актах рефлексии выступает условием и механизмом трансформации семантических образований в структуре самосознания.

Внутренне субъектный, диалогичный характер присущ также социокультурной среде, в которой происходят трансформации семантических структур

общественного сознания. Согласно Ю. М. Лотману, субъектный характер культуры проявляется в ее синергетических системных качествах, поскольку культура «обнаруживает признаки самонастраивающейся системы и способна сама регулировать и усложнять собственное строение...» (Лотман, 2000, с. 424). Понимание культуры как самостоятельного смыслопорождающего субъекта («культура — как субъект и сама себе объект» в концепции семиосферы М. Ю. Лотмана) опирается на ее признаки диалектического единства противоречий и дихотомии, на внутреннюю неоднородность, вариативность и диалогичность.

Таким образом, развитие индивидуального самосознания как сложной самоорганизующейся системы семантических репрезентаций происходит во взаимодействии с динамическими трансформациями социокультурных условий. Совершенно очевидно, что такое развитие должно иметь не линейный, а, скорее, фрактальный, «внезадный», самоорганизующийся и самодетерминируемый характер. В современных исследованиях в этом контексте говорится о выходе за пределы парадигмы «соотносительности» в направлении «трансформационного образа мира», «основанного на идее симультанности и недихотомичности процесса со-реализации человека-и-мира» (Стеценко, 2023). Адекватный анализ развития личности во взаимодействии с непрерывно изменяющейся социокультурной средой требует перехода с позиций классического (линейного) детерминизма к позициям неклассического (нелинейного) и неоклассического (фрактального) детерминизма (Меньчиков, 2020), позволяющим проводить анализ субъект-субъектно взаимодействующих систем в ситуации неопределенности.

В связи с этим *целью* нашего исследования является анализ вариантов развития самосознания с позиций экопсихологической типологии субъект-средовых взаимодействий, разработанной в рамках экопсихологического подхода к развитию психики и включающей шесть базовых типов таких взаимодействий: объект-объектный, субъект-объектный, объект-субъектный, субъект-совместный, субъект-обособленный или субъект-конфликтный и субъект-порождающий (Панов, 2014). Развивающееся самосознание в этом контексте понимается как процесс и результат диалоговых (субъект-средовых) взаимодействий в системах отношений «индивид—социокультурная среда» и «индивид—внутренняя среда (психосемантических структур самосознания)». Психосемантический подход к измерению содержания сознания и самосознания (Петренко, 2013), в этом контексте наиболее адекватен, поскольку внешне заданные образы идентификации, определяющие содержание самосознания, представляют собой семантические структуры, порождаемые в субъект-средовых взаимодействиях.

Мы полагаем, что структурирование нашего понимания типов развития самосознания личности позволит нам ответить на вопрос: «Какие варианты развития самосознания в условиях постоянной трансформации, множественности и противоречивости нормативных образов (ролевых моделей и идеалов) обуславливают гармоничность и целостность личности, а какие — внутренние конфликты?».

Наиболее ярким примером для эмпирической верификации экопсихологического подхода к развитию самосознания может выступать анализ со-

ставляющих его семантических репрезентаций гендерного контекста. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, заданность мировосприятия семантикой «мужского» и «женского» представлена во всех человеческих сообществах. Отнесенность к семантическим категориям «мужского» и «женского» сопрягается с возрастным, этнокультурным, профессиональным самоопределением, задает восприятие себя и мира как системное содержание самосознания и определяет весь образ жизни человека. Во-вторых, при высокой культурной вариативности, гендерные семантические категории обнаруживают проявление глубинных культурно-универсальных составляющих. Кроме того, во временном контексте гендерная семантика социальных систем и общественного сознания демонстрирует непрерывные и ускоряющиеся процессы расширения вариативности и сложных, внутренне противоречивых трансформаций. Это позволяет рассматривать ее в качестве как субъекта (или квазисубъекта) в анализе экопсихологических типов взаимодействий «индивид—социокультурная среда». При этом в теоретических концепциях становление гендерных образований личности (самосознания, Я-образов, идентичности, смыслозначимых ориентаций) рассматривают в ракурсе либо «объект-субъектных», либо «субъект-объектных» отношений. Ракурс «объект-субъектных» отношений подразумевает, что социальная среда определяет развитие личности через научение, нормирование, трансляцию образов, ролевых моделей, ценностей. В ракурсе «субъект-объектных» отношений социокультурная среда по отношению к личности выступает как объективная заданность, и развитие личности определяется задачами и способностью ее адаптации в социальной среде через подражание, самокатегоризацию и вхождение в социальные роли. Варианты субъект-субъектного взаимодействия «индивид—социокультурная среда» и «индивид—внутренняя среда (психосемантических структур)» практически не входили в область психологического анализа при рассмотрении механизмов развития гендерного самосознания личности.

Исходя из этого представим анализ развития гендерных структур самосознания в терминах экопсихологической модели субъект-средовых взаимодействий.

С этой точки зрения субъект-субъектный и субъект-объектный типы взаимодействия «индивид—социокультурная среда» выступают условием формирования когнитивного компонента гендерных структур самосознания посредством интериоризации образов и моделей, сопряженных с семантикой мужского и женского. В данный процесс включены механизмы эмпатии и идентификации, формирующие категориальные структуры самосознания, что представляет собой субъект-объектный тип взаимодействия «индивид—социокультурная среда». Потребности самоидентификации, «ищущие» вовне объект (стереотип) поведения, задают мотивацию самоопределения в семантических пространствах «мужского» и «женского». Сформированная способность «увидеть» образ (эйдос) объекта-стереотипа определяется рефлексивностью индивида и дает возможность воспроизвести «увиденное» в подражательном акте. Объект-субъектный тип взаимодействия «индивид—социокультурная среда» представлен в ориентированном на личность воздействии многоуровневой (с позиций теории У. Бронфенбренера) социокультурной среды: нормирующих ограничений на уровне микросреды; системы стереотипных социальных ожиданий и воз-

возможностей на уровне эндосреды; стереотипных образов и идеалов на уровне мезосреды; ценностных приоритетов на уровне макросреды.

Субъект-объектный тип отношения к «другому/другим» может быть представлен не только ко внешним (ролевым, нормативным) но и ко внутренним (интроецированным) образам идентификации. Когда отношение к «другому» выступает условием переноса данного отношения на самого себя (отождествления с «образом Я»), это приводит к рефлексивному акту, что способствует превращению субъект-объектного типа отношения в субъект-субъектные типы взаимодействий.

Рефлексия и осознание межуровневых и внутриуровневых отношений различных компонентов самосознания (Образа Я и других образов Я-концепции, имплицитных гендерных моделей самореализации на поведенческом и ценностно-смысловом уровнях) выступают необходимым, но недостаточным условием развития самосознания, требуя включения в процесс регуляторного компонента. Регуляторные функции развивающегося самосознания обеспечивают взаимные переходы от одного типа субъект-субъектного взаимодействия к другому в зависимости от контекста социальных ситуаций и процессов интериоризации-экстериоризации. Значимость единства когнитивного и регуляторного компонентов определяется тем, что отношения на границе экопсихологических типов взаимодействий, в которых человек может принимать объектную или субъектную позицию во взаимодействии с социокультурной средой, выступают точкой бифуркации в системе развития самосознания. Одним вариантом в этой точке бифуркации может быть выход личности на квазисубъектную позицию по отношению к системе гендерных норм и образов, что предполагает «жесткую привязку» самосознания к заданным гендерным стереотипам («гендерную типизированность» сознания по С. Бем). В этом случае самосознание структурируется согласно воспринятым человеком гендерным моделям социокультурной среды, определяя его самооценку и картину мира. Диалоговое субъект-средовое взаимодействие не осуществляется, поскольку в самосознании образ Я «слеплен» с интериоризованной социально-ролевой моделью. В этом случае субъективное благополучие личности будет определяться соответствием образа Я, своих межличностных отношений и образа своей жизни интериоризованным стереотипам «мужского» или «женского» варианта самореализации. В том случае, когда достичь соответствия интериоризованным социальным (часто именно гендерным) идеалам нет возможности, субъективное благополучие так или иначе нарушается. Квазисубъектный характер такой позиции индивида состоит в том, что здесь формально присутствуют признаки субъекта деятельности (целенаправленность, активность, саморегуляция и другие), но внешняя детерминированность самосознания определяет его, по сути, объектную позицию во взаимодействии с социокультурной средой: самооценка и самоопределение заданы внешними нормативными моделями. Личность в квазисубъектной позиции в обоих вариантах (как при соответствии, так и при несоответствии социокультурным ролевым образам), не вырабатывает свой, трансформированный вариант индивидуальной, контекстно обусловленной модели самореализации, который она готова осознанно, как акт экстериоризации, представить в средовых от-

ношениях. Квазисубъектная позиция личности, даже в «благоприятном» случае соответствия самосознания социально-ролевым нормам, обуславливает ее неустойчивость в условиях неопределенности и изменчивости условий социокультурной среды, поскольку любое изменение контекста социальных взаимодействий будет вызовом по отношению к такой жесткой и поэтому «хрупкой», неадаптивной позиции.

Взаимодействие «индивид—социокультурная среда» субъект-обособленного (или субъект-конфликтного) типа формируются при рефлексивном отношении к ситуации трудно преодолимого расхождения образа Я с интериоризованными нормативными гендерными моделями (ролевыми стереотипами) в системе отношений «индивид—внутренняя среда (психосоматические структуры самосознания)». В случае когда индивид осознает несоответствие образа Я нормативными гендерным моделям и, сохраняя свою самость, стремится во внешних проявлениях не противоречить нормативным образцам (стратегия «внешнего конформизма»), мы можем говорить о соответствии такой позиции субъект-обособленному типу взаимодействия «индивид—социокультурная среда». Вариант субъект-конфликтного типа взаимодействия «индивид—среда (внешняя/внутренняя)» связан с недостаточной отрефлексированностью расхождений, взаимных противоречий в системе отношений «Я—другое (другие) Я»/«Я—идеальные образы» в самосознании, на денотативном и коннотативном уровнях самосознания, вызывая внутриличностные гендерные конфликты (ролевые, мотивационные, экзистенциальные).

Субъектная позиция «гендерно не-типизированной личности» (С. Бем) состоит в том, что когнитивные и регуляторные компоненты самосознания свободны от давления гендерных норм и стереотипов, что способствует реализации субъект-совместного и субъект-порождающего типов экпсихологических взаимодействий «индивид—социокультурная среда». В данном случае семантические категории «мужского» и «женского» адекватно интериоризованы в самосознании, но оно характеризуется категориальной сложностью, в связи с чем когнитивные стратегии и мотивация поведения определяются скорее логикой реальной жизненной ситуации, чем стереотипами, заданными гендерной семантикой социокультурной среды.

Единство когнитивного и регуляторного компонентов проявляется в том, что гендерная идентичность адекватно сформирована, образуя сложные взаимодействия с другими идентификационными образованиями личности. Такой вариант, когда сформированное самосознание выступает адаптивным средством реализации себя в системе общественных отношений, можно отнести к субъект-совместному типу взаимодействия «индивид—социокультурная среда». Кроме того, в этом состоянии гендерное самосознание определяет индивидуальное семантическое пространство смысложизненных ориентаций и превращается в субъективное средство внешних действий, приобретая антиципирующую функцию. Если такое состояние самосознания выражается в потребности личности передать (предложить) трансформированную модель «мужского» или «женского» типа самореализации (как результата индивидуального смыслопорождения) социокультурной среде, то мы можем определять его как проявление субъект-порождающего типа субъект-средового взаимо-

действия. В результате субъект-порождающего типа взаимодействия развитие индивидуального самосознания и трансформация общественного сознания обуславливают друг друга.

В наших эмпирических исследованиях с применением психосемантического метода множественных идентификаций В. Ф. Петренко апробированы обозначенные выше положения и показано, что трансформация гендерной семантики в современном сознании происходит в соответствии с общими принципами самоорганизующейся системы, реализуя тенденции сохранения и изменчивости. Выявленные варианты организации системы гендерных образований личности (самовосприятия, установок, смысложизненных ориентаций) часто обнаруживают внутренне противоречивые отношения между разноуровневыми составляющими самосознания. Большинство случаев можно отнести к субъект-конфликтному типу взаимодействия «индивид—внутренняя среда (психосоматические структуры самосознания)», в то время как взаимодействие «индивид—внешняя (социокультурная) среда» можно отнести к «субъект-совместному» типу (Lopukhova, 2013). В экспериментальном исследовании динамики гендерных структур самосознания при восприятии различных гендерных образов рекламы выявлены тенденции к закреплению уже сформированных гендерных категорий и самоидентификации при достаточно высокой пластичности структур самосознания и их восприимчивости к внешне обозначенным образам (Lopukhova, 2015). Показано также, что, если гендерные образы включаются в самосознание как интроекты, т. е. человек во взаимодействии с нормативной гендерной системой выступает как квазисубъект, формируются внутриличностные гендерные конфликты (Лопухова, 2010). Напротив, когда развитая субъектная позиция в отношении к гендерным моделям, их творческая переработка и наполнение индивидуальным смыслом интегрируют структуры самосознания, множественность гендерных идеалов и неопределенность гендерной семантики в современном обществе выступает условием и субъективным средством личностного развития.

Заключение

С позиций экопсихологического подхода к развитию психики самосознание рассматривается не только как внешне или внутренне обусловленная данность (заданность)-своих структурных и содержательных компонентов, но и как процесс их формирования во взаимодействии субъекта с социальной средой и с самим собой. В основе этого подхода лежат отношение «индивид—среда внешняя/внутренняя» и типы субъект-средовых взаимодействий, что позволяет произвести концептуализацию процессов взаимодействия семантических репрезентаций ролевых моделей и идеальных идентификационных образов в разных вариантах развития самосознания. Понимание развития самосознания личности во взаимодействии со сложной и динамической семантической системой социокультурной среды опирается также на принцип единства интериоризации—экстериоризации и принцип единства когнитивного и регуляторного компонентов, которые процессуально выступают условием и результатом взаимного развития в диалоге систем отношений «индивид—социокультурная среда» и «индивид—

внутренняя среда (психосоматические структуры самосознания)». Развитие самосознания понимается как процесс и результат взаимных переходов разных типов субъект-средовых взаимодействий, где субъектная и/или объектная позиции могут быть аналитически обозначены как «между», так и «внутри» взаимодействующих субъектов системы «индивид—социокультурная среда».

Литература

- Братченко С. Л.* Концепция личности: М. Бахтин и психология // М. М. Бахтин и философская культура XX века. Проблемы бахтинологии. Вып. 1. Ч. 1. СПб., 1991. С. 66–75.
- Верaksa Н. Е.* Личность и культура: структурно-диалектический подход // Перемены. 2000. № 1. С. 81–107.
- Горбов Ф. Д.* Я – второе Я / Сост. С. Ф. Горбов; предисл. Ю. Б. Гиппенрейтер; послесл. В. П. Зинченко. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 2000.
- Ильин В. А.* «Казус реципрокности» и другие «неудобства с идентичностью» // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 222–235. doi: 10.17759/sps.2021120114.
- Лопухова О. Г.* Внутриличностный гендерный ролевой конфликт: системный подход к проблеме // Russian Journal of Education and Psychology. 2010. № 4. С. 113–119.
- Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000.
- Меньчиков Г. П.* Об игнорировании принципа детерминизма и отличии категории причины от категорий среды, условий и связи состояний во фрактальном детерминизме // Евразийский союз ученых (ЕСУ) 2020. № 6 (75), С. 69–79. doi: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.7.75.883.
- Панов В. И.* Экопсихология: Парадигмальный поиск. М.—СПб.: ПИ РАО; Нестор-История, 2014.
- Панов В. И.* Экопсихологический подход к развитию психики: предпосылки, конструкты, парадигмы // Научные подходы в современной отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 409–439. doi: 10.38098/thry_23_0465.
- Петренко В. Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Эксмо, 2013.
- Стеценко А. П.* Культурно-историческая теория деятельности и ее современные смысл и значимость: Идеи, растущие в контексте и времени // Культурно-историческая психология. 2023. Т. 19. № 1. С. 20–29. doi: 10.17759/chp.2023190103.
- Лопухова О. G.* Influence of contemporary gender transformation on the personality gender system // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013. V. 86. P. 192–197. doi: 10.1016/j.sbspro.2013.08.549.
- Лопухова О. G.* The impact of gender images in commercials on the self-consciousness of adolescents // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. V. 8 (1). P. 100–111. doi: 10.11621/pir.2015.0109.

Ecopsychological view on the development of self-consciousness in a transforming society

*O. G. Lopukhova**, *V. I. Panov***

** PhD in psychology, associate professor, psychologist at Department of Educational Psychology, Institute of Psychology and Education, Kazan Federal University, Kazan, Russia, lopuhova15@gmail.com*

*** doctor of psychology, corresponding member of the Russian Academy of Education, Head of the Laboratory of Ecopsychology of Development and Psychodidactics, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russia, ecovip@mail.ru*

The article presents an analysis of options for the development of self-consciousness from the perspective of an ecopsychological approach to the development of the psyche, using the ecopsychological typology of agent-environment interactions as a theoretical construct. This typology makes it possible to distinguish the variants of “agent-object”, “agent-subject”, “agent-joint”, “agent-isolated” or “agent-conflict”, as well as “agent-generating” ecopsychological types of interactions of the individual with the sociocultural environment and with Self. Based on this, self-consciousness is considered in the context of the development of semantic representations of social role models that are transformed in the process of agent-environment interactions “individual–environment (external/internal)”. Options for internal conflict and harmonious development of self-consciousness in relation to the types of agent-environment interactions are described.

Keywords: self-consciousness, development, eco-psychological typology of agent-environment interactions, social-role models, semantic representations, transformation, “individual–environment (external/internal)”.

Влияние когнитивных возможностей на социально-психологические характеристики личности студентов

И. В. Малышев

доцент кафедры, кандидат психологических наук,
кафедра педагогической психологии и психодиагностики, факультет
психолого-педагогического и специального образования, Саратовский
национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, iv.999@list.ru

Рассматривается феномен личности и ее социально-психологических адаптивных составляющих в контексте когнитивных способностей. Обосновывается актуальность проблематики в современных условиях действительности. На эмпирическом уровне приводится сравнительный анализ социально-психологических характеристик личности, ее адаптационных возможностей в зависимости от уровня развития когнитивных способностей на примере студентов вуза. Показано влияние интеллектуальных возможностей на социально-психологические составляющие личности и в целом ее резистентности к стрессам. Так, отмечаются статистически значимые различия между испытуемыми с высоким и средним уровнем интеллектуального развития по таким параметрам личности и ее адаптационным составляющим, как эмоциональная стабильность, робость—смелость, замкнутость—общительность, пессимистичность, тревожность, адаптивность, принятие себя, эмоциональный комфорт, доминирование, эскапизм и др.

Ключевые слова: социально-психологические характеристики личности, адаптационные возможности, когнитивные способности студентов.

В современных существующих социальных и экономических условиях к человеку предъявляются все более высокие требования не только к его способностям и умениям, но и к самой личности. Проблема реализации человеческого потенциала и дальнейшего его развития становится все более актуальной, в результате возникает вопрос о создании благоприятных условий для возникновения и развития интеллектуальных возможностей, реализации личностного потенциала.

По мнению ряда психологов, студенты вузов в наибольшей мере подвержены негативному воздействию стрессов и испытывают трудности в когнитивной сфере, поэтому изучение их личностных особенностей в настоящее время не теряет своей актуальности. Помимо этого, важное значение имеет изучение различных составляющих личности в контексте развития когнитивных процессов студентов как будущих специалистов.

Изучение личности современного молодого человека, включая ее индивидуальные и социально-психологические характеристики, адаптационный потенциал, в настоящее время занимает важное место в психологических исследованиях и также не теряет своей актуальности. Согласно современным научным представлениям в социальной психологии, А.Л. Журавлев рассматривает под дефиницией «личность» индивида — члена общества и определенной социальной группы, который способен к осознанной и активной деятельности в основных сферах общественной жизни в силу своего уровня социально-психического развития. То есть личность — это индивид, проявляющий себя субъектом социальных отношений в актуальной жизненной ситуации. Как справедливо полагает ученый, социально-психологическое представление о личности более всего способствует адекватному пониманию поступков людей (индивида), позволяет успешно прогнозировать их индивидуальную или групповую деятельность в конкретных обстоятельствах, а также помогает в выборе эффективных средств воздействия на другого субъекта, определенную группу, а в ряде случаев и на самого себя (Журавлев и др., 2006). Проблематика личности в психологической науке значительно перекликается с изучением ее социально-психологических составляющих, а именно адаптационных возможностей. Так, по мнению А. Н. Сухова, процесс социально-психологической адаптации включает в себя овладение личностью определенной роли, когда происходитхождение в новую социальную ситуацию (Сухов и др., 2003).

А. А. Реан рассматривает адаптацию как социально активный процесс, который связан с изменением социальной среды и изменением самого себя (Реан и др., 2006). По мнению автора, адаптация личности включает в себя «эмансипацию» двух взаимосвязанных факторов: социального (внешнего) и эмоционально-психофизиологического (внутреннего). Рассматривая данное явление с позиции социальной психологии личности, А. А. Реан акцентирует внимание на когнитивном подходе к проблеме взаимодействия личности и среды, что особенно важно в новейших информационных условиях развития общества. Данный подход предполагает как междисциплинарные исследования, так и исследования в области социально-психологической адаптации, которые связаны с определенными концепциями «когнитивной психологии» личности. Автор отмечает, что в том случае если в процессе информационного взаимодействия со средой личность сталкивается с информацией, которая противоречит ее выработанным установкам, то возникает рассогласование между содержательным компонентом установки и образом реальной ситуации. То есть личность переживает когнитивный диссонанс и испытывает состояние внутреннего дискомфорта или угрозы. Антиподом этого состояния является адаптированная личность как пребывающая в достаточно адаптированном состоянии и обладающая высокоразвитыми способностями и умениями к выходу из дезадаптированного состояния, в целом нивелированию «дезадаптогенных» факторов.

В этой связи определенный интерес представляют работы выдающегося отечественного ученого А. М. Матюшкина, рассматривающего процесс мышления как существенный фактор разрешения личностью проблемных ситуаций (Матюшкин, 2017). Важнейшими психологическими закономерностями, которые определяют процесс обучения, являются психологические законы

мышления. В то же время процесс усвоения происходит не мышлением самостоятельно, а прежде всего осуществляется думающей личностью, которой присущи определенные свойства. Собственно, в процессе обучения, согласно концепции ученого, происходит формирование самой личности.

Можно определенно сказать, что деятельностный, когнитивный и системно-эволюционный подход способны дать новый толчок в развитии современной отечественной социальной психологии личности. Об этом свидетельствуют и большинство исследований в данных областях. Так, современные исследователи рассматривают перспективы развития когнитивной психологии на примере достижений зарубежной и отечественной психологической науки и практики (Лобанов, Радчикова, 2015). Рассмотрение социально-психологических составляющих личности и ее адаптационных возможностей в контексте когнитивного подхода особенно актуально в современных тотальных условиях цифровизации общества и проблем развития искусственного интеллекта.

На сегодняшний день перспективное значение имеют исследования социально-психологической адаптации личности в области этнопсихологии. Они представлены во многих работах В. В. Гриценко, которые отражают актуальные исследования сложного и в настоящее время наиболее востребованного научного направления социальной психологии. Так, в своей работе В. В. Гриценко, Н. В. Мурашченкова и Ю. В. Бражник на методическом уровне исследуют индивидуально-личностные и социально-психологические факторы, которые влияют на успешность адаптации мигрантов-соотечественников (Гриценко и др., 2016). В. В. Константиновым разработана системно-динамическая концепция, позволяющая комплексно подойти к исследованию социально-психологической адаптации личности мигрантов (Константинов, 2018).

В наших исследованиях обосновывается роль адаптационных составляющих личности в проявлении эмоционального выгорания и других изменений личности на примере разных специалистов, в частности учителей школ. Так, способности личности длительное время противостоять стрессам и эффективно адаптироваться в разных условиях деятельности сдерживают формирование синдрома выгорания, не позволяют личности деструктурировать (Малышев, 2020). Проблематика стрессоустойчивости личности и социально-психологической адаптации рассматривается также на примере учащихся-старшеклассников (Малышев, 2013).

Все изучаемые явления во многом актуализируют значение социально-психологических характеристик личности и ее устойчивости к негативному воздействию среды в самых различных аспектах. В частности, сюда можно отнести и когнитивные способности личности молодых людей.

В соответствии с вышеизложенным мы полагаем, что проблема изучения личности и ее адаптивности с точки зрения когнитивных возможностей представляет особую актуальность и отличается высоким уровнем востребованности в современных условиях. Целью нашего исследования является изучение зависимости социально-психологических характеристик личности студентов от уровня их когнитивной сферы.

Эмпирическое исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им.

Н. Г. Чернышевского». В пилотном эмпирическом исследовании участвовали 80 испытуемых-студентов в возрасте 19–20 лет, обучающихся на факультете психолого-педагогического и специального образования. В исследовании с целью изучения когнитивных способностей (общего интеллектуального уровня и способностей к обучению) у студентов применена методика КОТ (краткий отборочный тест), разработанная В. Н. Бузиным и являющаяся адаптированным вариантом теста Вандерлика. Для изучения социально-психологических параметров личности и ее адаптационных возможностей применены следующие методики: сокращенный многофакторный опросник для исследования личности Мини-мульти, методика многофакторного исследования личности Р. Кеттелла (16 PF) и опросник социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда.

Был проведен сравнительный анализ личностных особенностей двух групп испытуемых студентов с крайними значениями интеллектуальных возможностей, т. е. с высоким и сниженным (в данном случае средним) уровнем когнитивных способностей. Кроме количественно-качественного анализа полученных результатов был применен статистический анализ различий свойств личности в группах испытуемых студентов. Использовались параметрический метод изучения статистически значимых различий между выборками испытуемых (t -критерий Стьюдент) и непараметрический метод (U -критерий Манна–Уитни).

Исходя из полученных результатов анализа когнитивных способностей студентов следует, что у 32,5% испытуемых присутствует высокий и очень высокий уровень интеллектуального развития (среднее значение суммарного показателя – 24,3 балла), у 42,5 студентов он находится на уровне выше среднего (среднее значение суммарного показателя – 21) и у 25% испытуемых – средние нормативные показатели (среднее значение суммарного показателя – 17,8). Далее были выбраны испытуемые с крайними высокими (25–26 баллов) и относительно низкими (17–18 баллов) когнитивными показателями и определены две группы. Соответственно 1-я группа обозначена – испытуемые с высоким уровнем интеллектуальных возможностей, 2-я группа – испытуемые со сниженными интеллектуальными показателями.

На следующем этапе исследования анализировались социально-психологические характеристики личности, отражающие адаптационные возможности испытуемых-студентов с высокими и средними когнитивными способностями. Исходя из анализа полученных результатов посредством опросника Мини-мульти, обнаружены следующие статистически значимые различия испытуемых-студентов двух групп: вторая шкала – пессимистичности–депрессии ($t=-4,7$, $p<0,01$; $u=84$, $p<0,01$), третья шкала – эмоциональная лабильность–истерия ($t=-3,8$, $p<0,01$; $u=130$, $p<0,01$), четвертая шкала – импульсивность–психопатия ($t=-2,7$, $p<0,01$; $u=136$, $p<0,01$), седьмая шкала – тревожность–психастения ($t=-3,6$, $p<0,01$; $u=68$, $p<0,01$), восьмая шкала – индивидуалистичность–шизоидность ($t=-3,4$, $p<0,01$; $u=76$, $p<0,01$), девятая шкала – оптимизм и активность–гипомания ($t=4,5$, $p<0,01$; $u=48$, $p<0,01$).

Результаты сравнительного статистического анализа свидетельствуют о различии личностных особенностей адаптационного характера у студентов

двух групп. Данные результаты подтверждают проведенный качественно-количественный анализ, который показывает хороший уровень адаптационных возможностей личности у испытуемых 1 группы, т. е. у студентов с высокими когнитивными способностями. При этом отмечается недостаточный уровень адаптивности личности у студентов 2 группы со средним уровнем интеллектуального развития.

Исходя из общего анализа профиля личности студентов 1 группы, можно утверждать, что испытуемые более личностно выносливы, лучше адаптируются, стараются меньше акцентировать внимание на своем здоровье, более энергичны. Они в большей степени способны успешно решать свои проблемы, так как используют более адаптивные формы поведения, социально активны. Также студенты первой группы демонстрируют способность к вытеснению факторов, вызывающих тревогу. При этом они обладают повышенным настроением, чрезмерной активностью, большим количеством планов и идей и легкостью их возникновения.

Из анализа личностного профиля студентов 2 группы следует, что большинству испытуемых свойственна предрасположенность к возникновению тревожных реакций. Также характерна тревожная мнительность, напряженность, самокритичность, низкий порог фрустраций, застенчивость, боязливость, что создает трудности социального приспособления. Студенты данной группы демонстрируют сомнения и колебания при необходимости принять решение, тревогу и страхи по поводу возможных последствий своих действий. Можно утверждать, что испытуемые-студенты с данным личностным профилем в учебной деятельности руководствуются главным образом не потребностью достичь успеха, а стремлением избежать неудач.

В целом, исходя из анализа профиля, у большинства студентов данной группы характерно снижение адаптационных возможностей, внутренняя напряженность, эмоциональная неустойчивость, субъективизм в суждениях, уход из реальности в свой внутренний мир, что в совокупности создает предпосылки для снижения резистентности к стрессам и риски дезадаптации личности.

Далее на статистическом уровне был проведен анализ результатов изучения социально-психологических составляющих личности посредством методики Р. Кеттелла. Обнаружены статистически значимые различия по нескольким факторам личностного опросника Р. Кеттелла, а именно: фактор «А» (замкнутость—общительность) ($t=5,8$, $p<0,01$; $u=4$, $p<0,01$), фактор «В» (интеллект) ($t=7,0$, $p<0,01$; $u=3,0$, $p<0,01$), фактор «С» (эмоциональная стабильность—нестабильность) ($t=7,9$, $p<0,01$; $u=0,0$, $p<0,01$), фактор «Н» (робость—смелость) ($t=3,6$, $p<0,01$; $u=15$, $p<0,01$), фактор «М» (практичность—развитие воображение) ($t=3,8$, $p<0,01$; $u=20$, $p<0,01$), фактор «N» (прямолинейность—дипломатичность) ($t=2,4$, $p<0,05$; $u=38$, $p<0,05$), фактор «Q2» (конформизм—нонконформизм) ($t=4,5$, $p<0,01$; $u=17$, $p<0,01$), фактор «Q3» (низкий самоконтроль—высокий самоконтроль) ($t=3,8$, $p<0,01$; $u=16$, $p<0,01$), и фактор Q4 (расслабленность—напряженность) ($t=2,1$, $p<0,05$; $u=35$, $p<0,05$). Так же как и ранее, в приведенном анализе результаты свидетельствуют о различии личностных особенностей адаптационного характера студентов двух групп. Адаптационные составляющие личности испытуемых 1 группы находятся на более высоком уровне, чем адаптив-

ность личности у испытуемых 2 группы. Так, обнаружено, что большинству испытуемых 1 группы свойственны такие характеристики личности, как: общительность, открытость, добродушие, внимание к окружающим. Испытуемые данной группы активно взаимодействуют с людьми, стремятся не допустить конфликтов, не боятся справедливой критики, испытывают живые эмоции. Отмечается высокий уровень интеллектуальных возможностей. Им свойственна хорошая абстрактность мыслительных процессов, умение быстро обучаться, хороший уровень эрудиции. Анализ фактора «С» свидетельствует о высокой резистентности к стрессу, эмоциональной устойчивости, хорошей работоспособности. Анализ фактора «F» показывает некоторую энергичность личности, ее общительность и жизнерадостность, энтузиазм в групповой деятельности. Следующий фактор «Н» отражает высокую социальную смелость студентов, стремление иметь дело с разными людьми и обстоятельствами, проявлять высокую активность и рисковать. Анализ фактора «М» характеризует развитое воображение студентов данной группы, их хороший творческий потенциал и углубленность в свой внутренний мир. Также отмечается независимость в принятии решений, стремление отстаивать собственное мнение и т. д. При этом возможен хороший развитый самоконтроль над своими эмоциями и поведенческими проявлениями, стремление доводить начатое дело до конца и точно выполнять выдвигаемые социальные требования.

При изучении индивидуальных и социально-психологических особенностей личности студентов 2-й группы (средний уровень интеллектуальных возможностей), характеризующих адаптационные возможности обнаружено, что большинству испытуемых свойственны такие характеристики личности, как: избирательность в общении, некоторая безучастность, ригидность и холодность в оценке окружающих, возможны также проблемы во взаимоотношениях с другими студентами. При анализе фактора «В» отмечается некоторое снижение интеллектуальных возможностей у студентов данной группы. Им свойственна некоторая конкретность, ригидность мыслительных процессов. Анализ фактора «С» свидетельствует о возможной лабильности настроения, сниженной резистентности к стрессам, непостоянству чувств и интересов, раздражительности и быстрой утомляемости у значительной части студентов данной группы. Фактор «Н» отражает некоторое снижение нормативных значений и характеризует относительную сдержанность поведения, неуверенность в себе и своих силах. В то же время анализ фактора «N» говорит о непосредственности поведения студентов, их излишней прямолинейности. Кроме этого, низкие значения фактора «Q4» свидетельствуют о недостаточной мотивации студентов данной группы, их расслабленности и излишней удовлетворенности, самоуспокоенности.

Обнаружены статистически значимые различия по нескольким составляющим социально-психологической адаптации (Роджерс и Даймонд), а именно: «адаптивность» ($t=3,9$, $p<0,01$; $u=21$, $p<0,01$), «прятие себя» ($t=2,5$, $p<0,05$; $u=37$, $p<0,05$), «прятие других» ($t=3,3$, $p<0,01$; $u=30$, $p<0,01$), «непрятие других» ($t=-2,3$, $p<0,05$; $u=47,5$, $p<0,05$), «эмоциональный комфорт» ($t=4,0$, $p<0,01$; $u=22,5$, $p<0,01$), «доминирование» ($t=2,8$, $p<0,01$; $u=36,5$, $p<0,01$), «ведомость» ($t=-2,5$, $p<0,05$; $u=38,5$, $p<0,05$) и «эскапизм» ($t=-2,6$, $p<0,05$; $u=44$, $p<0,05$). Анализ

статистически значимых различий между группами подтверждает предыдущие результаты количественно-качественного анализа, а также показывает, что между группами студентов имеются существенные особенности по характеристикам социально-психологической адаптации. Так, видно, что существует зависимость социально-психологической адаптации личности от уровня когнитивных возможностей. Здесь также прослеживается, что адаптивные возможности студентов с высокими интеллектуальными составляющими и их устойчивость к стрессам на порядок выше, чем адаптивные возможности студентов со средним уровнем развития когнитивной сферы.

Заключение

Таким образом, полученные нами результаты исследования в целом говорят о влиянии когнитивных способностей на социально-психологические составляющие личности и в целом ее адаптационные возможности на примере студентов вуза, что позволяет сделать следующие выводы.

Эмпирические результаты качественно-количественного и статистического анализа всех показателей в двух группах студентов указывают на зависимость характеристик индивидуальной и социально-психологической адаптивности личности от уровня и отдельных показателей когнитивных способностей. Не исключено, что и собственно высокий уровень адаптационных составляющих личности, и в целом позитивные личностные качества большинства студентов оказывают позитивное влияние на развитие когнитивных возможностей. Для полного подтверждения данной гипотезы, свидетельствующей о взаимосвязи между данными явлениями, необходимы дополнительные исследования с увеличением числа выборки испытуемых, применением более широкого репертуара методических средств и проведением корреляционного анализа.

Результаты эмпирического исследования в целом говорят о необходимости выработки рекомендаций по профилактике и коррекции, направленных на улучшение адаптационных возможностей и развития когнитивных способностей студентов. Для этого необходимо применение специальных коррекционных программ, реализуемых в рамках социально-психологического тренинга.

Литература

- Гриценко В. В., Муращенкова Н. В., Бражник Ю. В.* Изучение социально-психологической адаптации соотечественников, переселяющихся из ближнего зарубежья в Россию: научно-методический аспект // Известия Саратовского университета. Новая сер. «Акмеология образования. Психология развития». 2016. Т. 5. Вып. 1 (17). С. 39–45.
- Журавлев А. Л., Соснин В. А., Красников М. О.* Социальная психология: Учеб. пособие для вузов. М.: Форум–Инфра-М, 2006.
- Константинов В. В.* Системно-динамический подход к социально-психологической адаптации мигрантов // Человеческий капитал. 2018. № 4 (112). С. 49–62.
- Лобанов А. П., Радчикова Н. П.* Когнитивная революция, или как психология стала наукой // Наука и инновации. 2015. № 12. С. 26–28.

- Малышев И. В.* Адаптационные возможности выпускников школ в условиях изменяющегося общества // Известия Саратовского университета. Новая сер. «Акмеология образования. Психология развития». 2013. Т. 2. Вып. 3 (7). С. 267–273.
- Малышев И. В.* Взаимосвязь адаптационных составляющих личности и проявлений эмоционального выгорания у учителей школ // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 5.
- Матюшкин А. М.* Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций: учеб. пособие / Под ред. А. М. Матюшкиной. М.: ИД «Международные отношения», 2017.
- Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А.* Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006.
- Сухов А. Н., Бодалев А. А., Казанцев В. Н.* и др. Социальная психология: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: ИЦ «Академия», 2003.

The influence of cognitive capabilities on the socio-psychological characteristics of students' personality

I. V. Malyshev

associated professor, candidate of psychological sciences department of pedagogical psychology and psychodiagnostics, faculty of psychological-pedagogical and special education, Saratov national research state university named after N. G. Chernyshevskiy, Saratov, Russia, iv.999@list.ru

The phenomenon of personality and its socio-psychological adaptive components is considered in the context of cognitive abilities. The actuality of the problem in modern conditions of reality is substantiated. At the empirical level, a comparative analysis of the socio-psychological characteristics of the personality, its adaptive capabilities, depending on the level of development of cognitive abilities, is given on the example of university students. The influence of intellectual capabilities on the socio-psychological components of the personality and, in general, its resistance to stress is shown. Thus, there are statistically significant differences between subjects with a high and medium level of intellectual development in such personality parameters and its adaptive components as “emotional stability”, “timidity—courage”, “isolation—sociability”, “pessimism”, “anxiety”, “adaptability”, “self-acceptance”, “emotional comfort”, “dominance”, “escapism” etc.

Keywords: socio-psychological characteristics of personality, adaptive abilities, students' cognitive abilities.

Связь нарциссизма личности и установок принадлежности к культуре студентов различных национальностей*

В. И. Пищик, М. Р. Шабукеева***

* доктор психологических наук, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, vladaph@yandex.ru

** преподаватель кафедры психологии развития и профессиональной деятельности Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия, muslimat-kerimova@mail.ru

Обобщены исследования непатологического нарциссизма, отмечается, что нарциссизм ярко проявляется у современной молодежи. Нарциссизм, как социокультурный феномен, конструируется в процессе жизнедеятельности личности. В этой связи возникает вопрос об особенностях его проявления в различных национальных группах, связях с принадлежностью к культуре на основании выявления индивидуалистических либо коллективистических установок личности. Цель исследования – определить взаимосвязь выраженности нарциссизма студентов русской, армянской и азербайджанской национальностей и их культуральных установок на индивидуализм/коллективизм. В результате выявлено, что нарциссизм преобладал у русских студентов в большей степени с выраженным индивидуализмом. У армянских и азербайджанских студентов преобладал коллективизм и более низко выражен нарциссизм. Приводятся результаты замеров нарциссизма у студентов русской, азербайджанской и армянской национальностей.

Ключевые слова: нарциссизм, грандиозный/уязвимый нарциссизм, армяне, русские, азербайджанцы, культуральные установки, индивидуализм/коллективизм, формы защиты.

Национальные исследования ценностных ориентаций показывают, что в большинстве культур преобладают ценности самовыражения. Ценности самовыражения связаны с тем, что в мире стала культивироваться идея яркой, успешной личности, ищущей личного подтверждения у публики в Интернете, и именно она отвечает характеристикам нарциссической личности (Fontana et al., 2023).

Нарциссизм характеризуется повышенным чувством собственного достоинства, чрезмерным самолюбованием, верой в свою уникальность и превосходство, сильной склонностью к привлечению внимания и стремлением

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00520 «Трансформация конспиративистской ментальности молодежи поколения Y и Z».

к восхищению, хрупкой самооценкой, последующей потребностью в ее подтверждении через связи с другими (Fontana et al., 2023).

Р. Wink выделил две различные формы непатологического и измерения нарциссизма: грандиозный и уязвимый нарциссизм (Wink, 1991). Грандиозный нарциссизм положительно ассоциируется с независимой самооценкой и самоуважением, в то время как уязвимый нарциссизм демонстрирует негативные ассоциации с самооценкой. Люди с высоким уровнем грандиозного нарциссизма часто участвуют в различных социальных взаимодействиях и получают ожидаемую положительную обратную связь от окружающих, другие — благодаря их уверенному в себе, харизматичному и экстравертному поведению. И наоборот, люди с высоким уровнем уязвимого нарциссизма проявляют незащищенность, застенчивость, неудовлетворенность, склонность защищаться и неуверенность в себе, что способствует снижению социальной компетентности (Carone et al., 2023).

Отмечается рост нарциссизма среди молодежи в современном мире. Исследователями установлено, что различные его виды — экстравертированный нарциссизм, антагонистический нарциссизм, невротический нарциссизм и коллективный нарциссизм положительно связаны с потребностью в социальном статусе, но они расходились в связи с показателем стремления к власти (Zeigler-Hill, Beigi Dehaghi, 2023).

Однако существуют и противоположные мнения. Так, психоаналитик Д. А. Ольшанский отмечает, что скоро нарциссизм искоренится, и подчеркивает, что часто, описывая нарциссическую личность, допускаются неточности. К таким неточностям он относит следующие: нарциссизм подменяют любовью к себе, однако нарцисс любит свое отражение, образ, а не себя; он делает свою идеальную картинку и влюбляется в нее, при том, что думали, что он любит только себя; предполагают, что он может заботиться только о себе, на самом деле он заботиться о себе не может; констатируют, что ему не нужно чужое подтверждение в своей самодостаточности, на самом деле он ищет подтверждения в своем существовании извне. Нарцисс не может полюбить ни себя, ни другого. Он не может прочесть чувства другого. Нарциссы занимаются усовершенствованием своего изображения в сетях, а не совершенствованием себя. Д. А. Ольшанский отмечает, что основной запрос на психотерапию и анализ сегодня — это найти себя, определить цель жизни, сделать себя идеальным (Ольшанский, 2015). Однако автор не уточняет, о каком нарциссизме идет речь, возможно об уязвимом нарциссизме.

Защитные механизмы, связанные с нарциссизмом, характеризуются неадекватными незрелыми защитными процессами (Kampe et al., 2021), которые, как предполагается, развиваются в результате раннего неприятия и обесценивания со стороны лиц, осуществляющих первичный уход. В результате грандиозный нарциссизм возникает как бессознательная компенсаторная стратегия защиты от значительных тревог, стыда и угроз самооценки. О. Кернберг ввел концепцию защиты характера, чтобы объяснить суть нарциссической патологии, которая включает в себя поддержание Эго посредством основанных на расщеплении, проективных и превосходящих реальность защитных операций, таких как грандиозные фантазии, всемогущество, обесценивание

и идеализация себя и других, отрицание и экстернализация (Кернберг, 2000). L. Kampe с соавторами выделили отличительные защитные процессы, связанные с грандиозным и уязвимым типами нарциссизма: в то время как они оба были положительно связаны со специфическими неадаптивными защитными механизмами, только грандиозный нарциссизм был положительно связан с адаптивной защитой (Kampe et al., 2021).

О. Н. Павлова, проведя серьезный экскурс понятия и феномена нарциссизма, отмечает, что концептуальное поле нарциссизма можно рассматривать с четырех смысловых позиций: 1) нарциссизм как виртуальный конструкт психической сферы, связанный с энергией либидо и объектными отношениями; 2) как стадия развития субъекта; 3) патологическое расстройство личности; 4) нормальные нарциссические качества. Автор понимает нарциссизм как цивилизационный феномен, социальное явление, при котором есть заикленность на себе и равнодушие к другим на фоне обесценивания или отвержения глубоких человеческих отношений (Павлова, 2010). Таким образом следует, что нарциссизм конструируется в культуре. Следовательно, он может иметь своеобразие в различных культурах. Сегодня выделяют и коллективный нарциссизм, связанный с индивидуальным нарциссизмом. Остается вопрос: каков этот культурный нарцисс?

Актуальность проблемы обуславливает *цель* проведенного исследования – определение связи проявления нарциссизма в национальных группах (русские, армяне, азербайджанцы) и установок личности на культуральную принадлежность. В исследовании приняли участие 340 (из них 190 девушек) представительниц русской и 234 (из них 100 девушек) – азербайджанской, 200 (из них 120 девушек) – армянской национальности, в возрасте от 19 до 25 лет ($M=21,1$, $SD=7,93$), студенты вузов г. Ростова-на-Дону.

Использованы следующие методические приемы: методика Р. Раскина, Х. Терри (NPI) нарциссический опросник личности (Ames et al., 2006); методика оценки нарциссизма, разработанная F.-W. Deneke и В. Hilgenstock (Deneke, Hilgenstock, 1988); методика «Показатели индивидуализма–коллективизма» Л. Г. Почебут (Почебут, 2005).

Согласно полученным данным, показатель коллективизма в большей степени представлен у студентов армянской и азербайджанской национальностей, а в группе русских выражен индивидуализм. По данным сравнения азербайджанцев и русских, суммарный нарциссизм преобладал у русских. Значимость различий между двумя группами обнаружена по субшкалам «Дереализация/Деперсонализация» ($U=0,096$, $p=0,005$), «Негативное телесное Self» ($U=0,174$, $p=0,005$); «Идеал ценностей» ($U=0,057$, $p=0,005$), с преобладанием у русских.

Сравнивая показатели армянских и русских студентов, была выявлена аналогичная тенденция, суммарный нарциссизм преобладал у русских. Значимость различий обнаружена по шкале самодостаточность ($U=380,0$, $p=0,103$), по шкале использования людей ($U=766,0$, $p=0,00$), по шкале тщеславие ($U=594,0$, $p=0,003$) с преобладанием у русских.

По-видимому, данные результаты обусловлены следующим. Во-первых, студенты армянской и азербайджанской национальностей характеризуются коллективизмом, и, по всей видимости, респонденты компенсируют свои нар-

циссические черты в национальной группе. Во-вторых, русские респонденты характеризуются склонностью к индивидуализму, который, на наш взгляд, подкрепляет нарциссические черты.

Мы можем предположить, что в группах азербайджанцев и армян в большей степени проявляются зрелые механизмы защит, а в группе русских респондентов в большей степени проявляются незрелые механизмы защит. Зрелые защитные механизмы помогают уменьшить негативные эмоции и повысить осведомленность о стрессовых факторах, способствуя способности размышлять о таких конфликтах и разрешать их, а также направлять людей к оптимальной адаптации и устранению внутренних и внешних стрессоров. Невротические защиты, которые относятся к категории психического торможения и избегания, защищают Я, частично или полностью устраняя внутренние конфликты или эмоциональный компонент переживаний из сознательного восприятия.

И наоборот, незрелые защитные механизмы удерживают эмоциональные и когнитивные аспекты внутренних или внешних стрессоров за пределами осознания, упрощая представление о себе или значимых других в черно-белой перспективе, чтобы оградить людей от переживания подавляющего чувства, желания и мысли. В этой связи, возможно, поэтому, среди русских студентов распространена вера в заговоры.

Заключение

Анализ различных взглядов на нарциссизм показал, что он рассматривается как стадия развития субъекта (первичный, вторичный), а также понимается как патологический и нормальный в развитии личности. Нарциссизм идентифицируется как грандиозный и уязвимый. Основной характеристикой нарциссизма является концентрация на своем образе, пренебрежение ценностями другого. Одни авторы полагают, что мы живем в эпоху тотального нарциссизма, другие утверждают, что это уходящее явление. Отмечается, что нарциссизм проявляется ярко у молодых посредством отражения в интернете своих образов. Нами поддерживается точка зрения, что нарциссизм цивилизационный, социокультурный феномен.

Проведенное исследование выявило, что нарциссизм преобладал у русских студентов в большей степени с выраженным индивидуализмом. У армянских и азербайджанских студентов преобладал коллективизм и более низко выражен нарциссизм. Предполагается, что личность с высоким нарциссизмом имеет более незрелые психологические защиты.

Литература

- Кернберг О.* Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии / Пер. с англ. М. И. Завалова. М.: Независимая фирма «Класс», 2000.
- Павлова О. Н.* Цивилизационный феномен нарциссизма: векторы объективации в парадигме психоанализа // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 20–32.
- Почебут Л. Г.* Взаимопонимание культур. Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.

- Ольшанский Д. А. О нарциссизме в современном мире // Психологическая газета. 2015. URL: <https://psy.su/feed/4991/?ysclid=1k72ag3i7n397247792> (дата обращения: 22.07.2023).
- Ames D. R., Rose P., Anderson C. P. The NPI-16 as a short measure of narcissism. *Journ. of Research in Personality*. 2006. № 40.
- Carone N., Benzi I. M. A., Parolin L. A. L., Fontana A. “I can’t miss a thing” – The contribution of defense mechanisms, grandiose narcissism, and vulnerable narcissism to fear of missing out in emerging adulthood // *Personality and Individual Differences*. 2023. № 214. doi: 10.1016/j.paid.2023.112333.
- Deneke F.-W., Hilgenstock B. Organisationsformen und Regulationsweisen des Selbstsystems // *Z. Psychosom Med Psychoanal*. 1988. № 34. P. 178–195.
- Fontana A., Benzi I. M. A., Ghezzi V., Cianfanelli B., Sideli L. Narcissistic traits and problematic internet use among youths: A latent change score model approach // *Personality and Individual Differences*. 2023. № 212. doi: 10.1016/j.paid.2023.112265.
- Kampe L., Bohn J., Remmers C., Horz-Sagstetter S. It’s not that great anymore: The central role of defense mechanisms in grandiose and vulnerable narcissism // *Frontiers in Psychiatry*. 2021. № 12. doi: 10.3389/fpsy.2021.661948.
- Zeigler-Hill V., Beigi Dehaghi A. M. Narcissism and psychological needs for social status, power and belonging // *Personality and Individual Differences*. 2023. № 210. doi: 10.1016/j.paid.2023.112231.
- Wink P. Two faces of narcissism // *Journ. of personality and social psychology*. 1991. № 61 (4). P. 590–597.

Connection of narcissism of personality and attitudes of belonging to the culture of students of different nationalities

V. I. Pishchik, M. R. Shabukaeva***

** doctor of psychological sciences, professor of the Department of General and Consultative Psychology, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, vladaph@yandex.ru*

*** lecturer of the Department of Psychology of Development and Professional Activity Dagestan State University, Makhachkala, Russia, muslimat-kerimova@mail.ru*

The research of non-pathological narcissism is summarized, it is noted that narcissism is clearly manifested in modern youth. Narcissism, as a socio-cultural phenomenon, is constructed in the process of a person’s life activity. In this connection, the question arises about the peculiarities of its manifestation in various national groups, connections with belonging to culture based on the identification of individualistic or collectivistic attitudes of the individual. The aim of the study is to determine the relationship between the severity of narcissism of students of Russian, Armenian and Azerbaijani nationalities and their cultural attitudes towards individualism/collectivism. As a result, it was revealed that narcissism prevailed among Russian students to a greater extent with pronounced individualism. Collectivism prevailed among Armenian and Azerbaijani students and narcissism was more pronounced. The results of measurements of narcissism among students of Russian, Azerbaijani and Armenian nationalities are presented.

Keywords: narcissism, grandiose/vulnerable narcissism, Armenians, Russians, Azerbaijanis, cultural attitudes, individualism/collectivism, forms of protection.

Взаимосвязь ассертивности и психологических характеристик личности студентов медицинского вуза

А. Г. Портнова, Д. А. Парфенова***

* кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психотерапии, медицинской психологии и сексологии, ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия, alla.portnova@szgmu.ru

** кандидат психологических наук, доцент кафедры психотерапии, медицинской психологии и сексологии, ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия, dina.parfenova@szgmu.ru

Рассматривается ассертивность личности как социально-психологический феномен, равноуровневое образование как навык, как качество личности. Описаны результаты эмпирического исследования взаимосвязей уровня ассертивности с индивидуально-психологическими и социально-психологическими характеристиками личности студентов медицинского вуза. Показано, что студенты-медики с высоким показателем ассертивности характеризуются активностью, спонтанностью в поведении, они открыты и раскованны в общении, обладают уверенностью и стремлением к самоутверждению, настойчивостью в достижении цели, склонны к независимости, доминантные, энергичные. Результаты подтверждают, что ассертивность может выступать потенциалом социальной и профессиональной успешности, психологической зрелости.

Ключевые слова: личность, зрелость, личность студента медика, ассертивность, качество личности, навык ассертивного поведения.

В контексте изучения проблем развития и формирования личностных качеств будущих граждан нашей страны, будущих специалистов-профессионалов, одной из перспективных, является проблема психологической зрелости (Сергиенко, 2021). Особой актуальностью характеризуются вопросы формирования параметров зрелости, таких как ассертивность, предполагающая как саморегуляцию, саморазвитие и личностный рост, так и способность к морально-нравственной регуляции социальных взаимоотношений в ценностно поляризованном обществе (Журавлев, Костригин, 2023). На острие вызовов находятся студенты медицинских вузов, будущие носители социально значимой профессии врача, которая базируется на неотъемлемых этических основаниях отношения к человеку как высшей ценности мира, при этом основополагающими принципами выступают милосердие, сочувствие, взаимопонимание,

соучастие, терпимость, противостояние насилию, подавлению, подчинению и господству.

Деятельность врача подразумевает постоянное социальное взаимодействие как с коллегами, так и с пациентами, предъявляет высокие требования к его социально-психологической зрелости, коммуникативной компетентности, саморегуляции врачей, подверженных высокому уровню стресса. Способность к сопереживанию, сочувствию, диалогу, чувствительность и альтруизм являются важнейшими качествами врача, одновременно требуется ответственность и уверенность в принятии решения, основанного на этических профессиональных нормах, способность противодействовать манипуляциям. В процессе обучения в университете студентам необходимо формировать ассертивность как качество личности и как коммуникативный навык. По нашему мнению, таким образом могут быть разрешены противоречия между желаемыми качествами личности в профессиограмме врача, профессиональными и универсальными компетенциями в государственных образовательных стандартах по врачебным специальностям и современной, как страховой, процедурно зарегулированной врачебной практикой, так и коммерческими медицинскими услугами.

Ассертивность, как навык и способность отстаивать свои права, настойчиво добиваться собственных целей, способность конструктивно взаимодействовать с другими людьми, важна в процессе общения. По данным В. П. Шейнова, ассертивность способствует устойчивости в ситуации манипулятивного воздействия. Ассертивность медицинских работников, по данным М. R. Andersen, J. Abullarade, N. Urban, улучшает результаты лечения их пациентов, применяя навыки ассертивного общения с пациентами, врачи испытывают большую удовлетворенность от работы, укрепляют свой авторитет, развивают умение справляться со стрессом. J. A. Goldman, P. V. Olczak соотносят ассертивность с признаками психического здоровья; М. Paterson, J. M. Green, С. Basson указывают, что ассертивные люди реже сталкиваются с эмоциональным выгоранием, реже испытывают тревожность (Шейнов, 2018).

Ассертивный человек, с точки зрения Т. Новака и В. Каппони, уверен в себе, предъявляет единые требования к себе и к окружающим, осознает собственную ценность и ценность окружающих, также настойчив в достижении целей. Другой человек в такой коммуникации рассматривается как партнер, а не как условный враг. Это предполагает наличие в ассертивном человеке ряда моральных принципов и прав, особой системы ценностей, таких как альтруизм, честность, справедливость, честь, уважение прав и свобод партнера (Каппони, Новак, 1995).

По данным И. В. Лебедевой, мотивационная и ценностно-смысловая сферы обуславливают, детерминируют развитие ассертивности. Определяя ассертивность как личностное качество, исследователь полагает, что ассертивность необходима для успешной деятельности человека, поскольку для достижения результата важны целеустремленность, активность, уверенность в себе, открытость, инициативность, настойчивость, энергичность человека (Лебедева, 2013).

По нашим представлениям, зрелый ассертивный человек понимает смысл собственной жизни, свое призвание и цели, которых он настойчиво добивается, и при этом ориентируется на внутреннюю систему ценностей, в которой дру-

гой человек, как и он сам, представлен высокой ценностью (Хохлов, Портнова, 2019). Последнее напрямую соотносится с этическими основаниями профессиональной деятельности врача.

Вопрос обусловленности уровня ассертивности индивидуально-психологическими и социально-психологическими особенностями личности актуален в отношении студенческого возраста как возраста обретения отдельных модулей зрелости в условиях личностно-профессионального становления (Портнова, 2009). За время студенчества активно формируется самосознание, осознаются и развиваются личностные потенциалы, формируется устойчивая система ценностей, обусловленная этическими профессиональными основами. Социальные, экономические и политические условия оцениваются с позиции потенциальных возможностей жизненного пути для развития и самореализации. При этом конструирование образа будущего выполняет идентификационные функции (Нестик, Ролдугина, 2018).

Целью данного исследования было соотнесение уровня ассертивности с индивидуально-психологическими и социально-психологическими особенностями личности студентов медицинского вуза.

В исследовании приняли участие 79 студентов медицинского вуза 3 курса медико-профилактического факультета, из них 61 женщина (77%), 18 мужчин (23%) в возрасте 20–21 год. Средний возраст участников исследования – 20 лет. Исследование проводилось в 2019–2022 г.

Для выявления индивидуально-психологических (интраперсональных) особенностей испытуемых использованы следующие психодиагностические методики и опросники:

- для оценки заострения черт характера – опросник К. Леонгарда–С. Шмишека «Акцентуации личности» (диагностируются гипертимный, застревающий, эмотивный, педантичный, тревожный, циклотимный, демонстративный, возбудимый, дистимный, экзальтированный типы акцентуаций);
- оценка индивидуально-личностных особенностей проводилась с помощью «Индивидуально-типологического опросника» Л. Н. Собчик (шкалы: экстраверсия, спонтанность, агрессивность, ригидность, интроверсия, сензитивность, тревожность, лабильность);
- для изучения уровня ассертивности личности использовался опросник ассертивности А. А. Хохлова, А. Г. Портновой (2019). В основу вопросов положены как тестовые ситуации В. Каппони и Т. Новака (Каппони, Новак, 1995), позволяющие оценить навыки ассертивного поведения, так и вопросы на ассертивные установки и ценности.

Социально-психологические (интерперсональные) характеристики исследовались посредством следующих методик:

- изучение межличностных отношений осуществлялось с помощью теста Т. Лири «Диагностика межличностных отношений» (авторитарный, эгоистичный, агрессивный, подозрительный, подчиняемый, зависимый, дружелюбный, альтруистичный типы отношений);
- для изучения особенностей поведения в ситуации конфликта использовался тест К. Томаса «Стратегии поведения в конфликтной ситуации» (стратегии

поведения в конфликте: соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание, приспособление).

В целом, выборка испытуемых характеризуется показателем ассертивности, находящимся на среднем уровне ($49 \pm 9,35$). Разброс показателей позволяет предположить возможность разделения выборки по исследуемому показателю. Диагностика интраперсональных и интерперсональных характеристик респондентов проводилась в двух группах, выделенных по уровню ассертивности. В группу испытуемых с высоким показателем ассертивности (более 60 баллов) вошли 11 студентов, вторая группа студентов представлена 57 испытуемыми, показатель ассертивности которых на среднем уровне. Для выявления статистически достоверных различий между группами использован критерий Стьюдента, поскольку по критерию Колмогорова – Смирнова нет отклонений от нормальности распределения.

Результаты исследования по опроснику К. Леонгарда свидетельствуют о том, что у студентов со средней ассертивностью выше показатели по следующим 3 акцентуациям: экзальтированная (15,5), эмотивная (14,87), циклоидная акцентуация (13,76), в то время как у студентов с высокой ассертивностью выше показатели по гипертимному (15,54), демонстративному (15,18), циклоидному (14,27) типам акцентуации характера. В группе со средней ассертивностью наименьший показатель – дистимная акцентуация, а в группе с высокой ассертивностью – возбудимая акцентуация. Таким образом, высоко ассертивные респонденты отличаются большей активностью, высоким жизненным тонусом с элементами демонстративного поведения, имеют высокие притязания, а среднеассертивные более эмоционально сензитивны, склонны к проявлению эмоций, сочувствию и сопереживанию.

Результаты Индивидуально-типологического опросника Л. Н. Собчик существенно дополняют описание. Так, у студентов со средней ассертивностью умеренно выражены (несколько выше среднего) интроверсия (5,84), сензитивность (5,23), тревожность (5,54) и лабильность (5,33). Они склонны к уединению, высоко чувствительны, рефлексивны, эмоционально восприимчивы, отличаются изменчивостью настроения. В исследуемой выборке студентов с высокой ассертивностью выражены спонтанность (7,09), экстраверсия (6,09), агрессивность (5,36) и как лабильность (5,55), так и ригидность (5,36). Они открыты и общительны, свободны и раскованны в общении, обладают выраженной уверенностью и стремлением к самоутверждению, упорны в достижении цели, иногда могут быть эмоционально неустойчивыми. Респонденты двух данных групп обладают практически полярными индивидуальными характеристиками.

На высоком уровне статистической достоверности высокоассертивные более спонтанны в поведении ($t = -3,66$, $p = 0,0004$), склонны к лидированию, свободному самоутверждению и независимости.

Обнаружено, что индивидуально-типологические особенности студентов двух групп значительно различаются: среднеассертивные студенты интровертированные, чувствительные и тревожные, а высокоассертивные – более активные, агрессивные, спонтанные в поведении.

В обеих группах показатели типов межличностных отношений по методике Т. Лири средние, за исключением показателей подчиняемого (3,8) и зависимого

типов отношений (2,8), у высокоассертивных студентов эти показатели низкие. Высокоассертивные респонденты чаще в общении проявляют авторитарный (7,18), агрессивный (5,27) и дружелюбный (5,00) типы межличностных отношений. Среди трех предпочитаемых типов межличностных отношений у среднеассертивных – дружелюбный (6,19), альтруистичный (5,73) и подчиняемый (5,69). На достоверном уровне значимости выявлены различия показателей типов межличностных отношений у двух групп испытуемых. Высокоассертивные имеют достоверно более высокие показатели по шкале авторитарный тип отношений ($t=-2,13$, $p=0,037$), более низкие показатели по шкалам подчиняемый ($t=2,07$, $p=0,04$) и зависимый тип отношений ($t=-2,54$, $p=0,014$). Они более независимые, доминантные, энергичные и уверенные, настойчивы и упорны в достижении цели, в отличие от среднеассертивных, которым достоверно больше свойственны склонность уступать другим, конформность, мягкость.

Таким образом, студенты обеих групп склонны к сотрудничеству, гибкие в конфликтных ситуациях, аффилиативные. При этом среднеассертивные чаще проявляют альтруизм и пассивность во взаимодействии с окружающими, они более деликатные, ответственные и заботливые по отношению к другим, уступчивые и подчиняющиеся, а высокоассертивные могут демонстрировать элементы доминирования и агрессивности, они уверенные, упорные, настойчивые и энергичные, что частично соответствует ранее опубликованным данным исследований И. В. Лебедевой, Е. В. Хохловой и В. П. Шейнова о доминантности, экстравертированности и активности как о характеристиках, свойственных ассертивной личности (Лебедева, 2013; Хохлова, 2008; Шейнов, 2018). Ранее, на основе анализа эмпирических данных исследования на выборке студентов медиков 1 курса, нами была обнаружена отрицательная связь между показателями ассертивности, которая оценивалась по методике С. Ратуса, и агрессивности личности. Заметим, что раздельный анализ взаимосвязей этих показателей в группах с разным уровнем ассертивности не осуществлялся. Новые данные, полученные уже на выборке студентов 3 курса, по нашему мнению, дополняют представления о связях ассертивности с агрессивностью личности.

Стратегии поведения в конфликтной ситуации по методике К. Томаса в исследуемых двух группах, на первый взгляд, отличаются несущественно. Среднеассертивные студенты чаще выбирают компромисс (8,00), сотрудничество (6,52) и избегание (6,39), студентам с высокой ассертивностью также свойственны компромисс (7,09) и избегание (7,09), а также сотрудничество (7,0). При этом высокоассертивные реже используют приспособление, а среднеассертивные – соперничество. То есть высокоассертивные менее склонны к пассивному поведению в ситуации конфликта, принесению собственных интересов в жертву ради другого.

Корреляционный анализ исследуемых показателей раздельно по группам показал, что у высокоассертивных респондентов нет корреляционных связей между показателем ассертивности и индивидуальными особенностями (акцентуации характера, индивидуально-типологические особенности и тип межличностных отношений). Таким образом, у высокоассертивных студентов данный показатель автономен от других параметров. Центрами корреляционных пле-

яд у высокоасертивных ($p < 0,05$) являются показатель экстраверсии (6 связей) и гипертимная акцентуация (6 связей).

У среднеасертивных испытуемых показатель асертивности положительно связан с гипертимностью ($r = 0,46$, $p < 0,05$) и экстраверсией ($r = 0,43$, $p < 0,05$), а подозрительный тип межличностных отношений ($r = -0,39$, $p < 0,05$) и тревожность ($r = -0,4$, $p < 0,05$) связаны со снижением асертивности. Чем выше общительность и активность, тем вероятнее повышение асертивности (от среднего уровня). Отрицательно влияют на уровень асертивности критичность и недоверчивость по отношению к окружающему миру, тревожность. Центрами корреляционных плед ($p < 0,05$) у среднеасертивных являются показатель тревожности (6 связей), застревающая (6 связей) и эмотивная акцентуация (6 связей).

Заключение

По результатам эмпирического исследования, направленного на соотнесение уровня асертивности с индивидуально-психологическими и социально-психологическими особенностями личности студентов медицинского вуза, возможно описать обобщенные психологические портреты испытуемых со средним и высоким показателем асертивности.

Среднеасертивные, в части их интраперсональных особенностей, интровертированные, чувствительные и тревожные. Они более эмоциональны, склонны к переживанию ярких эмоций, сочувствию и сопереживанию. Среднеасертивные респонденты реже используют в ситуации конфликта стратегию соперничества, чаще ориентируются на сотрудничество, поиск компромиссного решения, избегание конфликтной ситуации. Чаще проявляют альтруизм, подчинение и пассивность во взаимодействии с окружающими, они заботливы по отношению к другим.

Высокоасертивные обладают следующими интраперсональными характеристиками: гипертимностью, элементами демонстративного поведения, а также экстравертированностью и спонтанностью. В конфликтной ситуации они реже используют поведенческую стратегию приспособление, при этом, так же как и среднеасертивные, ориентированы на компромисс, избегание и сотрудничество. Они менее склонны к пассивности в ситуации возможной конфронтации, им свойственны доминирование и агрессивность, они настойчивые и энергичные.

Асертивность, таким образом, может быть обеспечена различным комплексом интра- и интерперсональных характеристик, которые, в свою очередь, могут обусловить уровень ее развития. В целом, возможно заключить, что асертивность – разноуровневый феномен, навык поведения и качество личности, способ организации личности и ее поведения в тех социальных условиях и ситуациях, которые могут и не регулироваться правилами, законами, инструкциями. Асертивность может выступить условием личных достижений, социального успеха и защитой от манипуляций и эмоционального шантажа, формируется в процессе социализации в условиях образования и воспитания.

Литература

- Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Предпосылки формирования научного направления психологии нравственности в Институте психологии РАН в советский и постсоветский периоды // Социальная и экономическая психология. 2023. Т. 8. № 1 (29). С. 6–54.
- Капони В., Новак Т.* Как делать все по-своему, или Ассертивность – в жизнь. СПб.: Питер, 1995.
- Лебедева И. В.* Мотивационные и ценностно-смысловые детерминанты ассертивности личности // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 4 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsionnye-i-tsennostno-smyslovyie-determinanty-assertivnosti-lichnosti> (дата обращения: 21.07.2023).
- Нестик Т. А., Ролдугина В. Н.* Образ будущего России у представителей поколения Z // Человек и мир. 2018. Т. 2. № 2. С. 75–87.
- Портнова А. Г.* Онтопсихология зрелости: Монография. Кемерово: Изд-во ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», 2009.
- Сергиенко Е. А.* Психологическая зрелость – интегративное понятие // Разработка понятий современной психологии. Сер. «Методология, история и теория психологии». Т. 3. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 236–272.
- Хохлов А. А., Портнова А. Г.* Ассертивный человек. Издательские решения, 2019.
- Хохлова Е. В.* Конструктивная агрессивность в формировании навыков ассертивного поведения студентов вуза: Дис. ... канд. психол. наук. Нижний Новгород, 2008.
- Шейнов В. П.* Взаимосвязи ассертивности с психологическими и социально-психологическими характеристиками личности // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». 2018. Т. 15. № 2. С. 147–161.

The relationship of assertiveness and psychological characteristics of the personality of medical university students

A. G. Portnova, D. A. Parfenova***

** PhD in Psychology, associated professor of the Department of psychotherapy, medical Psychology and sexology, North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov, Saint-Petersburg, Russia, alla.portnova@szgmu.ru*

*** PhD in Psychology, associated professor of the Department of psychotherapy, medical Psychology and sexology, North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov, 195067, Saint-Petersburg, Russia, dina.parfenova@szgmu.ru*

In the article the assertiveness of personality is considered as a socio-psychological phenomenon, a multi-level education, as a skill, as a personality quality. The results of an empirical study of the level of assertiveness and interrelations with individual psychological and socio-psychological characteristics of the personality of medical university students are described. Based on empirical research, it is shown that medical students with a high index of assertiveness are characterized by activity, spontaneity in behavior, they are open and uninhibited in communication, have confidence and a desire for self-affirmation, perseverance in achieving goals, are inclined to independence, dominant, energetic. The results confirm that assertiveness can act as a potential for social and professional success, psychological maturity.

Keywords: personality, maturity, personality of a medical student, assertiveness, personality quality, skill of assertive behavior.

Психологический барьер как фактор отношения личности к беспилотному транспорту

А. Ю. Саенко, П. А. Кисляков***

* аспирант, Российский государственный социальный университет (ФГБОУ ВО «РГСУ»), г. Москва, Россия, a.y.saenko@yandex.ru

** доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики, Российский государственный социальный университет (ФГБОУ ВО «РГСУ»), г. Москва, Россия, rack.81@mail.ru

Распространению технологии беспилотного транспорта препятствуют различные факторы, одним из которых является фактор психологического барьера. Статья посвящена теоретическому анализу отечественной и иностранной литературы, в области изучения отношения общества к инновационным технологиям, в основе которых используется искусственный интеллект (в частности, беспилотный транспорт). Гипотезой исследования послужило предположение о наличии различных психологических барьеров, возникающих у личности в процессе взаимодействия с беспилотным транспортом. Проведенное теоретическое исследование позволило заключить, что психологические барьеры, возникающие в процессе внедрения технических инноваций, представляют собой сложный и комплексный феномен, имеющий противоречивый характер. Выделены критерии, позволяющие классифицировать психологические барьеры внедрения инноваций: социальный, экономический, этический и правовой. Представляется актуальным проведение эмпирических исследований, посвященных выявлению психологических барьеров, возникающих у личности, в процессе внедрения технологии беспилотного транспорта в Российской Федерации.

Ключевые слова: беспилотный автомобиль, технология, психологический барьер, отношение личности, сопротивление инновациям.

Введение

Общество не стоит на месте, оно находится в постоянной динамике, развитии, в погоне за новыми открытиями, знаниями. В своем развитии общество все более и более насыщает себя новыми технологиями, устройствами и автоматизированными помощниками. Одной из технологий, которая активно разрабатывается, тестируется и постепенно внедряется, является технология беспилотного транспорта, которая подразумевает отсутствие в салоне легкового автомобиля, автобуса, трамвая или иного общественного транспорта водителя.

Для целей настоящего исследования под беспилотным транспортом (БА,

роботизированный автомобиль, автоматизированный автомобиль) будет пониматься легковой автомобиль, автобус, троллейбус и иное колесное транспортное средство, предназначенное для перемещения по дорогам общего пользования, обладающее 5 уровнем автоматизации, согласно Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 25.03.2020 г. № 724-р (5 уровень автоматизации – автоматизированная система вождения способна справиться с любыми ситуациями на дорогах всех категорий, во всех диапазонах скоростей и условиях окружающей среды, необходимости участия водителя в управлении транспортным средством нет).

Исследователи беспилотных технологий легкового транспорта отмечают такие преимущества, как исключение человеческого фактора, улучшение дорожной ситуации, увеличение пропускной способности дорог, экологической обстановки (Zmud et al., 2017).

Между тем в литературе также отмечается ряд опасений общества, связанных с использованием беспилотных транспортных средств таких как: потеря рабочих мест и рост безработицы, проблемы безопасности дорожного движения в ситуации использования беспилотных транспортных средств, транспортных средств, управляемых человеком и др., что препятствует принятию технологии БА (Thomopoulos, Givoni, 2015). Цель настоящей статьи – провести теоретический анализ отечественной и иностранной литературы, посвященной изучению психологических барьеров, возникающих у личности в процессе внедрения инновационных технологий и технологии роботизированного автомобиля. При написании статьи применялся теоретический анализ отечественной и иностранной литературы, обобщение и систематизация результатов отечественных и зарубежных исследований.

Психологический барьер как препятствие процессу внедрения беспилотного транспорта

Фактором, затрудняющим инновационную деятельность (иногда полностью останавливающим ее), является фактор психологического барьера, который обусловлен стереотипами, негативными установками (Сморудова, 2013).

Психологический барьер представляет собой негативную установку к инновационной деятельности, противоположностью которому является психологическая готовность, являющаяся положительной установкой к новому (Барменкова, 2010).

Психологический барьер к инновациям является одновременно свойством отдельной личности и результатом жизнедеятельности общества, в котором находится личность, поскольку личность и общество развиваются в тесном взаимодействии друг с другом, изучение психологических барьеров к инновационной деятельности должно происходить на уровне отдельно взятой личности и общества в целом (Лебедев, 2014).

Психологический барьер представляет собой отрицательную установку по отношению к созидательной деятельности либо положительную установ-

ку, ориентированную на использование привычных средств и методов, проявляющаяся в форме стереотипа, при этом сам барьер является стимулом к осуществлению деятельности (преодоление барьера), фактически направленной на дальнейшее развитие (Чернакова, 2010).

В зарубежной литературе основополагающим исследованием в области изучения процесса активного сопротивления процессу внедрения инноваций, является работа Рама и Шета, которые разделили барьеры принятия потребителем инновационных технологий на две категории: функциональные (включают степень сложности включения в привычный образ жизни, ценность (значимость) инновации, степень риска использования инновации (физического, экономического, функционального и социального)) и психологические (необходимость отойти от устоявшихся традиций (норм, обычаев), негативный имидж инновации) (Ram, Sheth, 1989).

Обобщив результаты многочисленных маркетинговых исследований, Иохим и соавторы представили типологию барьеров активного сопротивления техническим инновациям (теория активного сопротивления инновациям) (Joachim et al., 2018). К функциональным барьерам (относятся к техническим параметрам продукта) авторы отнесли такие показатели, как: степень преимущества инновации перед ее предшественником (барьеры полезности); сложность освоения (барьеры сложности); необходимость доработки (дополнения) инновации (барьеры созависимости); наличие пробного (тестового) периода (барьеры тестируемости); совместимость с существующими (предшествующими) технологиями (барьеры совместимости); возможность адаптации под нужды потребителя (барьеры гибкости); скорость извлечения выгоды (барьеры реализации); открытость процесса внедрения и использования инновации (барьеры видимости); сложность распространения информации об инновации (барьеры обмена информацией). Психологические барьеры (относятся к личности самого потребителя) включают следующие показатели: опасения (барьеры риска), что техника: выйдет из строя или не будет работать корректно (функциональный риск), причинит вред жизни или имуществу (персональный риск), будет слишком дорогостоящей и нерентабельной (экономический риск), вызовет неодобрение ближайшего окружения (социальный риск); недостаточность (противоречивость) информации (информационные барьеры); имидж (барьеры имиджа) инновации (бренд, страна происхождения); совместимость технической инновации с устоявшимися ценностями, традициями, обычаями (барьеры норм); степень необходимости нарушения устоявшихся пользовательских моделей и рабочих процессов (барьеры использования).

Между тем в литературе подчеркивается важность смещения акцента от принятия БА потребителем (в том числе потенциальным) на социальные аспекты перехода к внедрению роботизированного автомобиля, чтобы обеспечить открытый, социально-ориентированный процесс разработки и внедрения БА и необходимость учета мнения общества и отдельных групп (к примеру, пешеходы, мотоциклисты, велосипедисты, другие водители) (Milakis, Müller, 2021).

Для того чтобы изучить отношение общества к беспилотному транспорту и возникающие барьеры, Вальтерманн и Хенкелем было проведено масштабное исследование, посвященное контент-анализу постов в социальной сети Reddit,

опубликованных за период с января 2016 г. по март 2021 г., в которых пользователи высказывали свои опасения касательно технологии БА (Waltermann, Henkel, 2023). Аспекты отношения к роботизированному автомобилю были сгруппированы по 4 критериям в зависимости от характера отмечаемых барьеров:

- 1) социальный критерий (снижение доходов, потеря рабочих мест, доступность БА только людям с высоким уровнем дохода и проживающим в крупных городах, сохранность конфиденциальных данных, изменение традиционного подхода к использованию автомобиля, изменение привычного образа жизни, увеличение количества поездок, влияние на выбор места проживания);
- 2) экономический критерий (необходимость изменения дорожной инфраструктуры, увеличение налогов ввиду необходимости формирования дорожной сети, выплат пострадавшим в ДТП с участием БА и восполнения потерь в доходах города поскольку уменьшится количество нарушений ПДД, снижение спроса на общественный транспорт и авиаперевозки, технологические проблемы, перспективы для поставщиков оборудования);
- 3) этический критерий (корректность этических алгоритмов работы БА (соотношение между соблюдением ПДД и моральным выбором), распределение ответственности при эксплуатации БА, потеря доверия в связи с негативной информацией о технологии, технологическая готовность и безопасность БА);
- 4) правовой критерий (правовое обеспечение доступа к персональным данным и порядка их использования, правовое регулирование ответственности и страхования, законодательное регулирование процесса тестирования и сертификации БА).

Заключение

Проведенный нами анализ позволяет заключить, что психологические барьеры, возникающие в процессе внедрения технических инноваций, представляют собой сложный и комплексный феномен, имеющий противоречивый характер, представляющий собой отношение к новым технологиям с позиции негативной установки, но и одновременно служащий определенным индикатором для разработчиков и лиц, заинтересованных во внедрении инноваций, препятствующий необдуманному решению. В зарубежной литературе психологические барьеры (относящиеся к личности самого потребителя) рассматриваются наряду с функциональными барьерами (относятся к техническим параметрам инновации) в рамках теории активного сопротивления инновациям. При этом психологический барьер зачастую понимается как негативное отношение потребителя, которое необходимо преодолеть или устранить, без учета того, что позиция потребителя и позиция общества (включающего в себя различные социальные группы) формируются под взаимным влиянием. В ходе проведенного теоретического исследования выявлены следующие критерии психологических барьеров применительно к технологии беспилотного транспорта:

- социальный критерий, включающий в себя показатели занятости, социальной интеграции, конфиденциальности данных, последствия, ориентированные на образ жизни, в частности, предпочтения в многозадачной деятельности, будущая роль владения автомобилем, изменение количества поездок и влияния на выбор места проживания;
- экономический критерий, включающий в себя показатели дорожной инфраструктуры, налогообложения, последствия для городского развития, технологические проблемы, будущей конкурентоспособности поставщиков комплектующих для беспилотного транспорта;
- этический критерий, который включает показатели этики принятия решений в различных дорожно-транспортных ситуациях, а также различия по сравнению с водителями-людьми, вопросы ответственности стороны, причастной к авариям, оценка технологической зрелости (безопасности) БА, оценка негативной информации в СМИ;
- правовой критерий, включающий в себя показатели законодательного регулирования процесса доступа к персональным данным и их использования, правовой ответственности при эксплуатации беспилотного транспорта, а также нормативно-правового закрепления процесса тестирования и сертификации автоматизированного транспорта на дорогах общего пользования.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы для целей выявления и классификации психологических барьеров, возникающих у личности в процессе внедрения беспилотного транспорта в Российской Федерации, государственными органами и коммерческими организациями, заинтересованными в эффективности данного процесса.

Литература

- Барменкова В. В.* Формирование психологической готовности предприятия к внедрению нормирования интеллектуального труда. 2010. URL: <https://psihdocs.ru/vega-vitaleevna-barmenkova-k-ped-n-docent-kafedri-obshej-i-soc.html> (дата обращения: 28.04.2023).
- Лебедев А. Н.* Психологические барьеры модернизации российской экономики в сфере финансов. М.: Спутник+, 2014.
- Сморудова О. В.* Психологическое обеспечение внедрения инноваций в организации // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 3. С. 155–159.
- Чернакова М. С.* Психологические барьеры в творческой деятельности // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2010. № 4 (1). С. 182–186.
- Joachim V., Spieth P., Heidenreich S.* Active innovation resistance: An empirical study on functional and psychological barriers to innovation adoption in different contexts // *Industrial Marketing Management*. 2018. № 71. P. 95–107.
- Milakis D., Müller S.* The societal dimension of the automated vehicles transition: Towards a research agenda // *Cities*. 2021. № 113. P. 103–144. doi: 10.1016/j.cities.2021.103144.
- Ram S., Sheth J. N.* Consumer resistance to innovations: The marketing problem and its solutions // *Journal of Consumer Marketing*. 1989. № 6 (2). P. 5–14. doi: 10.1108/eum000000000254210.1108/eum0000000002542.

- Thomopoulos N., Givoni M.* The autonomous car – a blessing or a curse for the future of low carbon mobility? An exploration of likely vs desirable outcomes // *European Journal of Futures Research*. 2015. № 3 (1). P. 1–11. doi: 10.1007/s40309-015-0071-z.
- Waltermann J., Henkel S.* Public Discourse on Automated Vehicles in Online Discussion Forums: A Social Constructionist Perspective // *Transportation Research Interdisciplinary Perspectives*. 2023. № 17 (5). P. 100–743. doi: 10.1016/j.trip.2022.100743.
- Zmud J. P., Sener I. N., Wagner J.* Towards an understanding of the travel behavior impact of autonomous vehicles// *Transportation Research Procedia*. 2017. № 25. P. 2500–2519.

Psychological barrier as a factor in a personality's attitude to autonomous vehicle

*A. Yu. Saenko**, *P. A. Kislyakov***

** postgraduate student, Russian State Social University, Moscow, Russia, a.y.saenko@yandex.ru*

*** doctor of psychology, professor, professor of the Department of Psychology, Conflictology and Behavioristics, Russian State Social University, Moscow, Russia, pack.81@mail.ru*

The spread of autonomous vehicle technology is hindered by various factors, one of which is psychological barrier. The article is devoted to the theoretical analysis of domestic and foreign literature, in the field of studying the attitude of society to innovative technologies based on artificial intelligence (in particular, self-driving transport). The hypothesis of the study was the assumption that there are various psychological barriers that arise in a person in the process of interacting with autonomous vehicles. The conducted theoretical research allowed us to conclude that the psychological barriers that arise in the process of introducing technical innovations are complex phenomenon that has a contradictory nature. The criteria that allow classifying psychological barriers to innovation are identified: social, economic, ethical and legal. It seems relevant to conduct empirical research on the identification of psychological barriers that arise in the individual during the introduction of self-driving transport technology in the Russian Federation.

Keywords: driverless car, technology, psychological barrier, personal attitude, resistance to innovation.

Осмысленность жизни и копинг-стратегии в юношеском и зрелом возрасте

*Е. С. Синельникова**, *Е. А. Колесник***

* кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Прикладная психология» Петербургского государственного университета путей сообщения императора Александра I, г. Санкт-Петербург, Россия, elena.sinelni@yandex.ru

** выпускник бакалавриата, кафедры «Прикладная психология» Петербургского государственного университета путей сообщения императора Александра I, г. Санкт-Петербург, Россия, ecaterina.colesnic@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования смысложизненных ориентаций и копинг-стратегий в юношеском и зрелом возрасте. Цель исследования — изучение особенностей осмысленности жизни, копинг-стратегий и их взаимосвязи в юношеском и зрелом возрасте. В исследовании приняли участие 60 респондентов: 30 респондентов юношеского возраста (18–23), и 30 респондентов — зрелого возраста (30–35), 50% — мужчин, 50% — женщин. В исследовании применялись методики: Шкала экзистенции А. Лэнгле, К. Орглера (в адаптации В. Б. Шумского, Е. М. Уколовой, Е. Н. Осина, Я. Д. Лупандина), методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Н. Эндлера, Д. Паркера (в адаптации Т. А. Крюковой). У респондентов зрелого возраста были выявлены более высокие показатели осмысленности жизни и копинга, ориентированного на решение задач, у респондентов юношеского возраста — копинга, ориентированного на отвлечение. Большая ответственность и включенность в жизнь, умение принимать решения и меньшая склонность к психосоматике связаны с предпочтением копинга, ориентированного на решение задач.

Ключевые слова: осмысленность жизни, юношеский возраст, зрелый возраст, копинг-стратегии, стресс.

Введение

Осмысленность жизни — интегральная характеристика личности, которая влияет на различные аспекты ее жизни и деятельности. Личность, обладающая высокой осмысленностью жизни, способна соотносить возможности, которые дает жизнь, и требования, которые она предъявляет, со своими смысложизненными ориентациями, собственной системой ценностей и приоритетов (Лэнгле, 2021). Это дает ей возможность делать осознанный выбор, наилучшим образом использовать открывающиеся перед ней возможности и делает ее более психологически устойчивой в ситуации неудачи (там же). Как отмечает В. Франкл,

проблема недостаточной осмысленности жизни, экзистенциального вакуума остро встала перед людьми разных стран в XX в. (Франкл, 2022). Роль осмысленности жизни резко возрастает в кризисные времена (Франкл, 1990), к которым относится и современная эпоха.

Эмпирические исследования, проведенные в России, свидетельствуют о том, что осмысленность жизни связана с большим психологическим благополучием и выбором более конструктивных копинг-стратегий в ситуации стресса. В исследовании Е. М. Трещенко, И. Б. Дермановой было показано, что взрослые респонденты с более высокой осмысленностью жизни в большей степени само-реализуются, у них более высокие показатели психологического благополучия, они более целеустремленны, осознанны и ориентированы не только на настоящее, но и на будущее (Трещенко, Дерманова, 2013).

Эмпирические исследования, проведенные в России, свидетельствуют о конструктивной роли осмысленности жизни в выборе копинг-стратегий. В исследовании А. В. Олейникова было показано, что осмысленность жизни является одним из факторов повышения психологической устойчивости у студентов СПО (Олейников, 2016).

В исследовании Т. С. Пухаревой было показано, что сотрудники полиции с высоким уровнем осмысленности жизни предпочитают копинг-стратегии, ориентированные на планирование решения проблемы и принятие ответственности, а сотрудники с низким уровнем осмысленности жизни предпочитают копинг-стратегии, направленные на поиск социальной поддержки (Пухарева, 2019). Высокий уровень осмысленности жизни проявляется у сотрудников полиции в принятии ответственности на себя и активной позиции по отношению к проблеме. Сотрудники обеих групп предпочитают копинг, ориентированный на конфронтацию, что, по-видимому, связано со спецификой их профессиональной деятельности.

В исследовании А. Н. Ждановой, проведенном с участием респондентов юношеского возраста, также была выявлена взаимосвязь планирования и асертивной копинг-модели, решительности в совладании с трудными ситуациями, с осмысленностью жизни в юношеском возрасте (Жданова, 2021).

В проведенном нами эмпирическом исследовании было показано, что более высокая осмысленность жизни позитивно взаимосвязана с активным совладанием ($r=0,440$, $p<0,01$), с решением задач ($r=0,333$, $p<0,01$) и социальным отвлечением ($r=0,357$, $p<0,01$) и негативно взаимосвязана с поведенческим уходом от проблемы ($r=-0,442$, $p<0,01$) и с копингом, ориентированным на эмоции ($r=-0,500$, $p<0,01$) у респондентов юношеского возраста (Синельникова, Удовиченко, 2023). Респонденты юношеского возраста, обладающие более высокой осмысленностью жизни, сталкиваясь с трудностями, более склонны занимать активную позицию по отношению к ним: решать возникающие проблемы, восстанавливать психологические ресурсы благодаря общению с людьми. Они в меньшей степени склонны игнорировать проблему и применять деструктивные стратегии эмоциональной регуляции (там же).

Представляется важным изучить, подтверждаются ли выявленные закономерности в других возрастных группах и есть ли возрастная специфика взаимосвязи копинг-стратегий и осмысленности жизни.

Программа и методы исследования

Цель исследования — изучение особенностей осмысленности жизни, копинг-стратегий и их взаимосвязи в юношеском и зрелом возрасте. В исследовании приняли участие 60 респондентов: 30 респондентов юношеского возраста (18–23), и 30 респондентов — зрелого возраста (30–35 лет), 50% — мужчин, 50% — женщин. Гипотезы исследования: 1) существуют различия в показателях осмысленности жизни и копинг-стратегий в юношеском и зрелом возрасте; 2) осмысленность жизни связана с более выраженным копингом, ориентированным на решение проблемы. В исследовании применялись методики: Шкала экзистенции А. Лэнгле, К. Орглера (в адаптации В. Б. Шумского, Е. М. Уколовой, Е. Н. Осина, Я. Д. Лупандина), методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Н. Эндлера, Д. Паркера (в адаптации Т. А. Крюковой). Для обработки данных использовались описательные статистики и корреляционный анализ.

Результаты исследования

В общей выборке был выявлен низкий уровень осмысленности жизни (181,6), что свидетельствует о том, что респонденты обеих возрастных групп испытывают трудности с соотносением внутренних и внешних требований со своими смысложизненными ориентациями, не чувствуют себя в полной мере включенными в жизнь. Низкие показатели были выявлены также по шкалам опросника: «самодистанцирование» (24,9), «самотрансценденция» (66,1), «свобода» (42,5), «ответственность» (47,9), «персональность» (91,1) и «экзистенция» (90,5)

Респонденты испытывают трудности в децентрации, им трудно выйти за пределы своих установок, убеждений и ценностей, посмотреть на себя со стороны. Также участники исследования недостаточно эмоционально вовлечены в жизнь, их эмоциональная жизнь является достаточно бедной, они недостаточно включены в жизнь. Респонденты испытывают трудности при принятии решений, боясь совершить ошибку. Им также непросто довести принятые решения до конца. Также у опрошенных выявлена склонность к психосоматическому реагированию на проблемы.

Выявлены статистически достоверные различия между респондентами юношеского и зрелого возраста по показателям: самотрансценденции ($t < -4,5$, $p < 0,01$), свободы ($t < -3$, $p < 0,01$), ответственности ($t < -2,2$, $p < 0,05$), персональности ($t < -4$, $p < 0,01$) и экзистенциальности ($t < -2,8$, $p < 0,01$) и общему показателю ($t < -3,6$, $p < 0,01$). Все показатели выше в группе респондентов зрелого возраста.

Все показатели копинг-стратегий у респондентов находятся на среднем уровне: копинг, ориентированный на решение задач (64), эмоции (49), избегание (46), отвлечение (20), социальное отвлечение (17). Статистически достоверные различия между респондентами юношеского и зрелого возраста выявлены по показателям: отвлечение ($t < 2,7$, $p < 0,01$) и решение задач ($t < -5,1$, $p < 0,01$). В стрессовых ситуациях респонденты юношеского возраста чаще прибегают к отвлечению, стремясь уйти от проблем. Респонденты зрелого возраста в большей степени, чем респонденты юношеского возраста, склонны искать решение проблемы.

Результаты исследования показали, что предпочтение копинг-стратегии «решение задач» связано в общей выборке с показателями свободы ($r=0,49$, $p<0,05$), персональности ($r=0,52$, $p<0,05$) и общим показателем осмысленности жизни ($r=0,47$, $p<0,05$). Респонденты, которые умеют принимать решения и не боятся совершить ошибку, обладают большей осмысленностью жизни, чувствуют себя включенными в нее и принимают ответственность за свою жизнь на себя, в стрессовых ситуациях в большей степени склонны активно решать проблемы, которые стоят перед ними. Склонность к активному решению проблемы в стрессовых ситуациях связана также с меньшей склонностью к психосоматическому реагированию, которое представляет собой способ ухода от решения проблемы.

В выборках респондентов юношеского и зрелого возраста не были выявлены статистически достоверные взаимосвязи копинг-стратегий и показателей осмысленности жизни, что может быть связано с относительно небольшим объемом выборок. В дальнейшем было бы целесообразно провести дополнительные исследования, увеличив объем выборок респондентов юношеского и зрелого возраста.

Результаты исследования согласуются с данными, полученными другими исследователями, а также полученными нами в предыдущих исследованиях (Жданова, 2021; Пукарева, 2019; Синельникова, Удовиченко, 2023), и в то же время позволяют дополнить их благодаря использованию другого методического инструментария для исследования осмысленности жизни. В проведенном нами исследовании было показано, что способность к принятию решения в ситуации неопределенности и риска, принятие возможности совершения ошибки является компонентом осмысленности жизни, связанным с активным совладанием с проблемной ситуацией. Практическую значимость имеют данные о связи активного совладания, направленного на решение проблемы, с меньшей склонностью к психосоматическому реагированию.

Заключение

В исследовании был выявлен низкий уровень осмысленности жизни у респондентов обеих возрастных групп. У респондентов зрелого возраста были выявлены более высокие показатели осмысленности жизни по сравнению с респондентами юношеского возраста, как по общему показателю, так и по всем шкалам. Все копинг-стратегии выражены у респондентов на среднем уровне. Респондентам зрелого возраста были в большей степени свойственны копинг-стратегии, ориентированные на решение проблемы, а респондентам юношеского возраста – копинг стратегии, ориентированные на отвлечение, что подтверждает гипотезу исследования. Большая осмысленность жизни, принятие на себя ответственности, умение принимать решения и готовность к совершению ошибки связана у респондентов с копингом, ориентированным на решение проблемы. Копинг, ориентированный на решение проблемы, был связан у респондентов с меньшей склонностью к психосоматике.

Литература

- Жданова А. Д. Взаимосвязь осмысленности жизни и доминирующих копинг-стратегий в юношеском возрасте // Социокультурные проблемы современного человека. Материалы VII Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 2 / Отв. ред. О. А. Шамшикова, Н. Я. Большунова, Ю. М. Перевозкина. Новосибирск: Новосибирский гос. педагогический университет, 2021. С. 73–81.
- Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. Логотерапия как средство оказания помощи в жизни. М.: Генезис, 2021.
- Олейников А. В. Факторы психологической устойчивости к жизненным трудностям обучающихся среднего профессионального образования // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 45. С. 6.
- Пухарева Т. С. Копинг-поведение сотрудников полиции с разным уровнем осмысленности жизни // Прикладная юридическая психология. 2019. № 1 (46). С. 92–97.
- Синельникова Е. С., Удовиченко П. А. Смысложизненные ориентации и саморегуляция как психологические корреляты конструктивного совладания со стрессом в юношеском возрасте // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. № 1. С. 79–89.
- Трещенко Е. М., Дерманова И. Б. Самореализация и копинг-механизмы у взрослых с разной степенью осмысленности жизни // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2013. С. 238–243.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Франкл В. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия. Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2022.

Meaningfulness and coping in adolescence and adulthood

E. Sinelnikova, E. Kolesnik***

** PhD, docent, docent, department of Applied Psychology, Emperor Alexander I St Petersburg State Transport University, St Petersburg, Russia, elena.sinelnikova@yandex.ru*
*** graduate (bachelor program), department of Applied Psychology, Emperor Alexander I St Petersburg State Transport University, St Petersburg, Russia, easterina.colesnic@mail.ru*

The article presents the results of an empirical study of meaning-life orientations and coping strategies in adolescence and adulthood. The purpose of the study is to examine the features of the meaningfulness of life, coping strategies and their interrelation in adolescence and adulthood. 60 respondents participated in the study: 30 respondents of adolescent age (18–23), and 30 respondents of mature age (30–35), 50% men, 50% women. The methods used in the study were: Existence Scale A. Langle, K. Orgler (adapted by V. B. Shumsky, E. M. Ukolova, E. N. Osin, Y. D. Lupandin), the method “Coping Behavior in Stressful Situations” by N. Endler, D. Parker (adapted by T. A. Kryukova). Respondents of mature age had higher indicators of life meaningfulness and task-oriented coping, while respondents of young age had higher indicators of distraction-oriented coping. Greater responsibility and involvement in life, ability to make decisions and lower tendency to psychosomatics are associated with preference for task-oriented coping.

Keywords: meaningfulness of life, adolescence, adulthood, coping strategies, stress.

Гражданская идентичность и ментальное здоровье россиян: роль психологических стратегий совладания в условиях санкционной политики*

А. Н. Татарко

директор Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ,
Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики,
Москва, Россия, tatarko@yandex.ru

Представлены результаты эмпирического исследования роли и психологического механизма гражданской идентичности в поддержании ментального здоровья в тяжелой социально-экономической и политической ситуации, сопряженной с высоким уровнем стресса для населения. Исследование проведено на выборке россиян в августе 2022 г. после начала военного конфликта на Украине и активного санкционного давления на Россию в этой связи. Выборка включала 384 респондента от 18 до 54 лет, распределение по полу соответствовало распределению генеральной совокупности. Опросник включал методики для оценки национальной идентичности, общего психологического здоровья, депрессии, а также методику для оценки стратегий психологического копинга в кризисных ситуациях. Исследование показало, что гражданская идентичность имеет как прямой, так и непрямой позитивный эффект на общее психологическое здоровье личности. Непрямой эффект осуществляется через психологические копинговые стратегии «Переосмысление» и «Духовная поддержка». В отношении снижения депрессии роль гражданской идентичности не столь значительна, так как мы не обнаружили статистически значимого прямого или общего эффекта. Однако мы обнаружили статистически значимый непрямой отрицательный эффект, осуществляющийся также через стратегию «Переосмысление».

Ключевые слова: гражданская идентичность, общее психологическое здоровье, депрессия, психологические стратегии совладания.

Введение

Экономические санкции все чаще используются в современном мире во время конфликтов между странами. В современном мире, экономические и политические санкции, становятся неотъемлемой частью жизни. Однако психологическое состояние населения стран, находящихся под санкциями, до сих пор не стало объектом пристального внимания ученых.

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

В 2022 г. население России столкнулось с самым большим в мире количеством экономических санкций. В связи с этим важным будет найти ответ на вопрос — какие психологические ресурсы и стратегии используются обыкновенными людьми для совладания со сложившейся ситуацией?

В исследовании мы выдвигаем предположение, что одним из базовых психологических ресурсов для реализации стратегий совладания в сложившейся ситуации выступает гражданская идентичность россиян. Именно она является психологическим ресурсом совладания с жизненными трудностями и может иметь позитивный эффект на ментальное здоровье россиян через отдельные стратегии психологического копинга.

Во многих исследованиях сообщалось о положительной взаимосвязи между уровнями национальной идентификации и субъективного благополучия (Dimitrova et al., 2013). При этом если мы говорим о кризисной ситуации, в которой оказались россияне после 24 февраля 2022 г., то целесообразно задаться вопросом: если гражданская идентичность россиян сохраняет свой позитивный эффект на ментальное здоровье в кризисной ситуации, то посредством чего это происходит? Какие психологические механизмы могут лежать в основе данной связи? В нашем исследовании мы предполагаем, что гражданская идентичность сопряжена с определенными стратегиями психологического копинга, который, в свою очередь, уже может быть связан с ментальным здоровьем. Другими словами, стратегии психологического копинга играют роль медиатора связи между гражданской идентичностью и ментальным здоровьем.

Для оценки стратегий совладания с кризисом мы используем Шкалы личностной оценки, ориентированные на семейный кризис, которые были созданы для выявления стратегий решения проблем и поведения, используемых семьями в трудных или проблемных ситуациях. Эта модель включает в себя следующие копинговые стратегии.

1. Получение социальной поддержки — способность семьи активно получать поддержку от родственников, друзей, соседей и расширенной семьи.
2. Переосмысление. Этот аспект оценивает способность семьи переосмыслить и смотреть по-иному на стрессовые события, чтобы сделать их более управляемыми.
3. Поиск духовной поддержки — способность семьи обрести духовную поддержку.
4. Мобилизация семьи на получение и принятие помощи. Это способность семьи обращаться к различным общественным ресурсам и принимать помощь от других.
5. Пассивная оценка — способность семьи принимать проблемные вопросы, сводящая к минимуму реакцию на них.

Мы можем предположить, что, стратегии совладания, как более ситуативное явление, могут играть роль медиаторов данной связи. Психологический механизм здесь может заключаться в том, что выраженная гражданская идентичность может вызывать определенные копинговые стратегии, которые, в свою очередь, уже повышают общее психологическое здоровье и снижают выраженность депрессивных симптомов.

Методика

Выборка исследования. Сбор данных производился с использованием платформы Anketolog.ru. В рамках исследования было опрошено 384 респондента.

Инструментарий исследования

Гражданская идентичность. При оценке выраженности гражданской идентичности респондентов, нами использовалась методика С. Роккас, разработанная для оценки идентификации с обществом (Roccas, 1997).

Психологические стратегии совладания с трудностями. Этот опросник был разработан Маккаббином, Олсоном и Ларсеном для выявления моделей совладающего поведения семей, переживающих кризисы (McCubbin et al., 1987).

Мы измеряли общее психологическое здоровье индивида, а также уровень депрессии. При обработке данных мы использовали показатель общего психологического здоровья индивида и показатель депрессии как отдельные зависимые переменные.

Мы использовали *Опросник общего состояния здоровья (GHQ)* для оценки общего психологического здоровья. GHQ – это краткий скрининговый опросник, предназначенный для выявления нарушений психического здоровья (Goldberg, 1978).

Депрессия. Для оценки депрессии мы использовали шкалу депрессии Центра эпидемиологических исследований (CES-D) (Radloff, 1977).

Результаты

Мы проверили гипотезы нашего исследования и протестировали медиативную модель. Первоначально была протестирована медиационная модель взаимосвязи гражданской идентичности с психологическим здоровьем через психологические стратегии совладания. Результаты показали, что гражданская идентичность статистически значимо позитивно связана со стратегиями Переосмысление, Духовная поддержка и негативно связана со стратегией Пассивная оценка. Далее все эти три стратегии позитивно связаны с общим психологическим здоровьем. Также гражданская идентичность имела прямой и непрямой статистически значимый позитивный эффект на общее психологическое здоровье. Непрямой эффект осуществляется через две из трех стратегий, которые были позитивно связаны как с гражданской идентичностью, так и с общим психологическим здоровьем – это Переосмысление и Духовная поддержка. Разумеется, общий эффект (прямой и непрямой) также является статистически значимым.

Далее была протестирована медиационная модель взаимосвязи гражданской идентичности с депрессией через психологические стратегии совладания. Мы обнаружили, что такие стратегии, как Переосмысление и Пассивная оценка, статистически значимо негативно связаны с уровнем депрессии, т. е. использование этих стратегий может снизить уровень депрессии. Однако также было обнаружено, что гражданская идентичность негативно связана с Пассивной оценкой, что ограничивает возможности этой стратегии в рам-

ках нашей модели, включающей гражданскую идентичность. Соответственно, гражданская идентичность не имеет непрямого эффекта через эту стратегию на депрессию. Удивительно, но такая стратегия, как Мобилизация семьи, была позитивно связана с депрессией, т. е. способна несколько усилить ее. Также мы обнаружили, что прямой эффект и общий (через все 5 стратегий) гражданской идентичности на депрессию статистически незначим. Однако не прямой эффект гражданской идентичности через стратегию Переосмысление статистически значимый и отрицательный. То есть, действуя через Переосмысление, гражданская идентичность может способствовать снижению депрессии.

Заключение

В проведенном исследовании было показано, что гражданская идентичность имеет как прямой, так и не прямой позитивный эффект на общее психологическое здоровье личности в сложной социально-экономической и политической ситуации. Непрямой эффект осуществляется через психологические копинговые стратегии Переосмысление и Духовная поддержка. Другими словами, сильная гражданская идентичность позволяет взглянуть на ситуацию по-новому, переосмыслить ее, а также найти силы поддержки в религии и традиционных ценностях, что, в конечном счете, позволяет поддерживать общее психологическое здоровье. В отношении снижения депрессии роль гражданской идентичности не столь значительна, но все же она присутствует. Мы не обнаружили статистически значимого прямого или общего эффекта. Однако мы обнаружили статистически значимый не прямой отрицательный эффект, осуществляющийся также через стратегию Переосмысление. Другими словами, выраженная гражданская идентичность способна снижать депрессию через использование стратегии Переосмысление. В целом мы увидели, что Переосмысление оказалась самой продуктивной психологической стратегией в нашем исследовании: через эту стратегию гражданская идентичность может повышать общее психологическое здоровье и снижать депрессию.

Мы хотим отметить, что гражданская идентичность особенно важна в многонациональных государствах (Saville, 2022), таких как Россия. Россия является исторически многонациональным государством, а в последние десятилетия в Россию приезжает значительное количество инуюльтурных мигрантов. По результатам последней переписи (2020 год) на территории России проживают представители 191 этнической группы. При этом укрепление гражданской идентичности не только этнического большинства, но и меньшинств или мигрантов способствует их ментальному здоровью, на что настоятельно обращают внимание специалисты, занимающиеся психотерапией культурных меньшинств (Ayuandini, Duyvendak, 2018).

Литература

Ayuandini S., Duyvendak J. W. Becoming (more) Dutch as medical recommendations: how understandings of national identity enter the medical practice of hymenoplasty consultations *Nations and Nationalism*. 2018. V. 24. № 2. P. 390–411.

- Dimitrova R., Buzea C., Ljujic V., Jordanov V.* The influence of nationalism and national identity on well-being of Bulgarian and Romanian youth // *Studia UBB Sociologia*. 2013. V. 58. № 1. P. 69–86.
- Goldberg D.* Manual of the general health questionnaire. Windsor: NFER-Nelson Publishing, 1978.
- McCubbin H., Olson D. H., Larsen A.* F-COPES: Family Crisis Oriented Personal Evaluation Scales // Family assessment inventories for research and practice / Eds H. McCubbin, A. Thompson. Madison: University of Wisconsin-Madison, 1987. P. 195–205.
- Radloff L. S.* The CES-D scale: A self-report depression scale for research in the general population // *Applied psychological measurement*. 1977. V. 1. № 3. P. 385–401.
- Roccas S.* The effects of group and individual characteristics and their interaction on identification with groups. Unpublished doctoral dissertation. The Hebrew University of Jerusalem, 1997.
- Saville C. W. N.* Health and mental health disparities between national identity groups in Wales // *Journal of Racial and Ethnic Health Disparities*. 2022. V. 9. № 1. P. 270–287.

Civic identity and mental health in Russia: the role of psychological coping strategies during sanctions and perceived threat

A. N. Tatarko

director of the hse Center for Socio-Cultural Studies National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia, tatarko@yandex.ru

We explore the role of Russian civic identity in maintaining mental health in a difficult socio-economic and political situation associated with a high level of stress for the population. The study was conducted on a sample of Russians in August 2022 after the beginning of the military conflict in Ukraine and active sanctions pressure on Russia. The sample included 384 respondents from 18 to 54 years old, the distribution by gender corresponded to the distribution of the general population. The questionnaire included methods for assessing Russian civic identity, general psychological health, depression, and the psychological coping strategies in crisis situations. We found that Russian civic identity has direct, indirect, and total positive effects on general psychological health. The indirect effect is carried out through psychological coping strategies, such as Reframing and Spiritual support. For depression reduction, the role of Russian civic identity was not significant, because we did not find a statistically significant direct and total effect. However, we found a statistically significant indirect negative effect from civic identity to depression via Reframing strategy. In general, we can conclude that Reframing became the most beneficial psychological coping strategy in our study. Russian civic identity can increase general psychological health and reduce depression through a Reframing strategy. Although the conflict is highly controversial geopolitically, our study findings may have important implications for other settings that may be involved in conflict or be under sanctions.

Keywords: Russian civic identity, general psychological health, depression, psychological coping strategies.

Теоретическая концепция гендерного типа личности

О. И. Титова

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия; доцент кафедры психологии, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Красноярск, Россия, 944058@mail.ru

В статье представлена авторская теоретическая концепция гендерного типа личности, описаны условия и психологические механизмы его проявления, функции в социальном взаимодействии на межгрупповом, межличностном и личностном уровнях, выделены когнитивный, эмоциональный, поведенческий и ценностный компоненты, определены четыре типа, предложены возможные направления изучения на макро-, мезо- и микроуровне анализа. Гендерный тип личности выступает интегративной характеристикой социально-психологических отношений к мужчинам и женщинам и взаимодействию между ними; проявляется в оценках сходства/различий мужчин и женщин (величины воспринимаемой субъектом гендерной поляризации) и в оценках иерархичности их взаимодействия. Гендерный тип личности в межгрупповом и межличностном взаимодействии выполняет регулятивную функцию и функцию самоопределения субъекта, выражая его избирательное отношение к построению социального взаимодействия.

Ключевые слова: гендер, мужчины, женщины, гендерный тип личности, теория, концепция психологических отношений, социально-психологические отношения, социальное взаимодействие, гендерная поляризация, иерархичность.

Введение

В исследованиях гендерной проблематики вопросы типологии относятся к числу малоизученных, что создает «белые пятна» в социально-психологическом знании и затрудняет анализ тенденций жизнедеятельности мужчин и женщин в современном обществе. В большинстве эмпирических исследований используется типология С. Бем, в основе которой присущие мужчинам и женщинам качества, определенные почти полвека назад, при этом сама автор уже тогда обосновывала целесообразность отказа от такого подхода.

В статье представлены теоретические положения, раскрывающие сущность изучаемого социально-психологического явления «гендерный тип личности» (далее по тексту – ГТЛ).

Для изложения теории гендерного типа личности мы взяли за основу подходы, реализованные в исследованиях социально-психологических явлений. В качестве элементов теории необходимо рассмотреть: *условия* проявления, *психологические механизмы, функции, закономерности* и так называемые *идеальные объекты теории* (Лебедев, 2022); *компоненты, уровни проявлений* (межгрупповой, межличностный и личностный), *свойства и уровни анализа* (Ключко, 2022).

В основу изучения гендерного типа личности положена концепция психологических отношений, частным случаем которых выступают социально-психологические отношения. Опираясь на научные труды В. П. Позняка, мы понимаем социально-психологические отношения как психологические отношения личности к социальным объектам на межличностном и межгрупповом уровне взаимодействия (Позняков, 2017, 2018). В случае с ГТЛ это психологические отношения к мужчинам и женщинам на межличностном и межгрупповом уровне взаимодействия с ними. Социально-психологические отношения связаны с общественными отношениями, обусловлены объективными условиями жизни людей и одновременно имеют субъективную природу, оценочное содержание, связаны с реальным поведением и общением.

Психологические отношения – это осознаваемые психические явления, особое состояние сознания, которые предшествуют реальному поведению и выражают готовность к этому поведению (Позняков, 2017, с. 8). Психологические отношения являются результатом изменения условий жизнедеятельности субъекта, они выполняют функцию самоопределения в этих условиях, которая выражается в осознаваемой, избирательной, активной позиции субъекта. Помимо этого, психологические отношения выполняют функцию регуляции – посредством своей избирательной направленности при оценивании объектов отношений и посредством выбора субъектом того или иного поведения из имеющихся у него альтернатив, реализации им своего предпочтения или отвержения.

В силу взаимной детерминированности явлений эти же функции психологических отношений субъекта передаются его социально-психологическим отношениям, что выражается в осознаваемой, избирательной позиции к мужчинам и женщинам, с которыми он вступает или не вступает во взаимодействие, которую проявляет в своих суждениях и поступках, оценках их как социальных объектов в различных сферах своей жизнедеятельности.

Гендер является динамической характеристикой (*doing gender* – в переводе «делать гендер»), содержание которой определяется личностью в том числе по двум изучаемым нами направлениям: 1) обеспечение мужчинами и женщинами сходства/различий друг с другом в их поведении и субъективном отражении ситуаций взаимодействия, других мужчин и женщин, являющихся партнерами по взаимодействию; 2) построение иерархически организованного взаимодействия, в основе которого доминирование, подчинение или зависимость сторон, и/или партнерского (паритетного) взаимодействия с мужчинами и женщинами.

Также в концепции гендерного типа личности учтены представления С. Бем о гендерных схемах, именуемых «линзами» гендера (Бем, 2004), подход Г. Хофстеде к пониманию маскулинности и фемининности как измерений культуры

(Hofstede, 1998), представления И. С. Клециной и Е. В. Иоффе о двух векторах анализа гендерных отношений (Клецина, Иоффе, 2018) и результаты структурного моделирования гендера (Титова, 2022).

Теоретические основы изучения гендерного типа личности

Гендерный тип личности определяется нами как интегративная характеристика, обуславливающая различия между людьми на основе социально-психологических отношений к мужчинам и женщинам, проявляющаяся в субъективных оценках *сходства или различий* между мужчинами и женщинами по их психологическим характеристикам, эмоциональным состояниям и поведенческим паттернам, и в субъективных оценках *иерархичности* во взаимодействии мужчин и женщин в разных сферах жизни (политика, семья, профессиональная деятельность, интимно-личностные отношения и др.).

Условиями проявления ГТЛ выступают: а) опыт взаимодействия с мужчинами и женщинами, построения отношений с ними; б) необходимость психологической оценки ситуации с учетом индивидуальных характеристик личности (пол, возраст, достижения и т. п.); в) отношения доминирования-подчинения с участием субъектов разного пола, оказание влияния на ситуацию, управление деятельностью.

Психологическими механизмами, посредством которых проявляются особенности ГТЛ во взаимодействии и общении людей, выступают:

- социальная категоризация участников взаимодействия как мужчин и женщин, дифференциация людей в процессе общения по полу, включая себя (самокатегоризация или идентификация);
- стереотипизация – наделение участников взаимодействия качествами прототипа группы (различия между мужчинами и женщинами);
- социальное сравнение – выявляет сходство/различия между мужчинами и женщинами, оценивание их вклада в совместную деятельность.

В жизнедеятельности человека ГТЛ выполняет следующие *функции*: определяет предпочтительную для личности модель взаимодействия с мужчинами и женщинами, критерии принятия решений, касающиеся мужчин и женщин, оценку их равенства/неравенства с точки зрения возможностей и потенциала, влияния на события, нормативные представления о распределении разного рода ресурсов между мужчинами и женщинами и другое.

На *межгрупповом уровне взаимодействия* ГТЛ:

- влияет на стереотипность восприятия предназначения мужчин и женщин, их потенциала и возможностей, что может иметь ограничительный характер, но также может обуславливать ожидания насчет «имеющегося, но пока не проявленного потенциала» личности;
- определяет роль пола своего и партнера в построении взаимодействия, глубину/поверхностность социального познания мужчин и женщин в общении с ними;
- обеспечивает восприимчивость к гендерной проблематике в деятельности специалистов в профессиях типа «человек-человек», например, в психо-

логическом консультировании и психотерапии для достижения взаимопонимания с клиентом и подбора эффективных методов профессиональной психологической поддержки;

- обеспечивает минимальный уровень гендерной компетентности педагогов разных ступеней образования и руководителей коллективов в части способности распознавать сексизм и неравенство в отношении мужчин и женщин при выработке и принятии управленческих решений разного уровня (организация, регион, государство) и реализации образовательных и воспитательных функций в обществе;
- влияет на поддержку традиционных ценностей семьи в обществе, в том числе этнокультурных и религиозных традиций, или вносит вклад в их изменение;
- поддерживает сложившиеся в обществе модели и практики взаимодействия между мужчинами и женщинами или изменяет их.

Принадлежность личности к представителям того или иного гендерного типа в межгрупповом взаимодействии приобретает ценностный характер, выступая в качестве критерия формирования социальных групп на основе общих ценностных ориентаций, связанных со взаимоотношениями мужчин и женщин. Субъекты с одинаковым гендерным типом личности характеризуются схожими социально-психологическими отношениями к мужчинам и женщинам, взаимодействию между ними, что является предпосылкой объединения их в социальные группы, которые, в свою очередь, становятся субъектами общественных отношений. В качестве примера могут выступать сторонники идей феминизма, гегемонной маскулинности, члены антифеминистических сообществ, участники движения «Me Too» и других, идеология которых связана с полом человека.

На *межличностном* уровне взаимодействия ГТЛ обуславливает различия присущего субъекту восприятия психологических характеристик мужчин и женщин, иерархичности/паритетности в их взаимодействии, что определяет степень совместимости супружеской пары, разнополых трудовых коллективов и иных общностей, функционирование которых связано с распределением ролей и реализацией жизненных планов в социальном и профессиональном пространстве, основанной на разном доступе к ресурсам и власти. Влияет на понимание норм и ожидания, типичные модели поведения в отношениях субъекта с мужчинами и женщинами, определяет степень разнообразия перцептивных образов мужчин и женщин как партнеров в общении.

На *личностном* уровне взаимодействия ГТЛ характеризует субъективную картину восприятия социального функционирования мужчин и женщин, негативные эмоциональные переживания по поводу которой способствует возникновению внутриличностных конфликтов (ролевых, ценностно-мотивационных и др.). Социально-психологические отношения к мужчинам и женщинам, выступающие основаниями конкретного гендерного типа личности, определяют содержание субъективного пространства конструируемой реальности в сознании личности, выступая критериями принятия решений, выбора модели поведения и др. ГТЛ на личностном уровне взаимодействия выполняет следующие функции:

- нормативная — задает субъекту ориентиры следования социальным нормам во взаимодействии мужчин и женщин, например, относительно внешнего облика (должен ли он быть разным для мужчин и женщин или быть в стиле «унисекс»), манеры поведения, эмоциональной экспрессии, личностных качеств и вариантов самореализации в разных сферах жизни;
- коммуникативная — определяет индивидуальные предпочтения субъекта во взаимодействии с мужчинами и женщинами, выбор средств в конкретной ситуации общения, разную значимость тех или иных параметров общения и взаимодействия мужчин и женщин, в том числе социального статуса и влияния ситуации;
- прогностическая — конкретизирует ожидания субъекта во взаимоотношениях с людьми с разным ГТЛ;
- интегративная/дизинтегративная — выступает основанием для объединения людей со схожими ГТЛ, создает основу взаимопонимания между ними в общении и, наоборот, способствует конфронтации и конфликтам между людьми с разными ГТЛ.

В содержании ГТЛ можно выделить базовые психологические *компоненты*: когнитивный, эмоциональный, поведенческий и ценностный.

Когнитивный компонент включает представления личности о степени сходства/отличий между мужчинами и женщинами в разных сферах жизнедеятельности, их эмоциях и отношениях, о статусе и распределении влияния в семье и политике.

Эмоциональный компонент характеризуется: переживаниями личности ответственности/несоответствия ее ожиданий и окружающей действительности взаимодействия мужчин и женщин — в семье, в профессиональной деятельности, в рамках социальной политики относительно мужчин и женщин; мерой удовлетворенности и испытываемыми эмоциями, отражающимися в социально-психологических отношениях к мужчинам и женщинам.

Поведенческий компонент включает сложившиеся модели поведения в пространстве отношений мужчин и женщин, реализуемые в соответствии с ценностными ориентирами личности.

Ценностный компонент представлен оценками того, насколько для субъекта значимо наличие/отсутствие психологических различий между мужчинами и женщинами, его приоритеты по поводу иерархичности/паритетности во взаимодействии мужчин и женщин.

Характеризуя *свойства* гендерного типа личности, отметим его стабильность/*изменчивость*. В целом, ГТЛ является достаточно *стабильной* характеристикой, которая, тем не менее, может изменяться под *влиянием* социальных (равенство участия женщин в политической сфере), социально-психологических (распределение ролей между мужчиной и женщиной в опыте конкретного человека) и индивидуально-психологических условий (эмоциональность, ригидность и др.).

ГТЛ формируется в процессе социализации личности под влиянием воспитания в семье, обучения и просвещения, личного опыта субъекта. Влияют на него социальные представления, гендерные и этнические стереотипы конкретного общества. Может изменяться под влиянием психотравмирую-

щих обстоятельств, контрастной смены социокультурной среды, рефлексии и переоценки субъектом собственных полоролевых отношений и отношений окружающих людей.

Личностными факторами изменения ГТЛ выступают неудовлетворенность отношениями с противоположным полом, психотравмирующие события личного опыта, влияющие на гендерную идентичность, а также поиск новых впечатлений и креативность в их конструировании.

Несмотря на то, что ГТЛ является социально-психологической характеристикой, на нее оказывает влияние биологические аспекты функционирования человека. Например, изменение уровня так называемых «половых» гормонов влияет на активность личности в пространстве межполового взаимодействия, определяя общую значимость этой сферы жизни.

Сочетание социально-психологических отношений к мужчинам и женщинам и иерархичности взаимодействия между ними позволяет выделить 4 *гендерных типа личности*, верифицированных эмпирически (N=456): патриархально-маскулинный (33,6%), патриархально-эгалитарный (23,2%), матриархально-маскулинный (19,7%), матриархально-эгалитарный (23,5%) (Гитова, Позняков, 2023). На их основе автором выделены 6 вариантов гендерного типа личности: традиционно-патриархальный, андроцентричный, партнерский, эгалитарный, феминистский и феминистский.

В завершение обратимся к возможным направлениям изучения гендерного типа личности на *макро-, мезо- и микроуровнях его анализа*.

Макроуровень – анализ распределения ГТЛ с учетом культурной специфики региона, этноса. Распределение ГТЛ может иметь экономические аспекты – количество работающих в семье, уровень дохода мужчин и женщин под влиянием гендерных стереотипов о биологически обусловленных различиях социальных ролей.

Мезоуровень – характер ГТЛ может варьироваться у представителей гендерно специфичных профессий, например, стереотипно ассоциирующихся с полом («мужские» и «женские» профессии), профессиях с гендерной асимметрией по количеству мужчин и женщин (сфера образования и воспитания, правоохранительная деятельность, предпринимательская деятельность и др.). Также ГТЛ варьируется в группах людей разной степени образованности и просвещенности с точки зрения современных представлений о гендерных отношениях, гендерном неравенстве, в социальных группах, в основе которых идеология, связанная с полом (феминистские, антифеминистские, гомосексуальные, субкультуры типа «яой» и др.).

Микроуровень – изучение гендерного типа личности, в том числе в контексте формирования Я-образа и самосознания, профилактики и разрешения внутриличностных конфликтов. ГТЛ выступает одним из критериев совместимости мужчины и женщины, связанных супружескими, романтическими и иными формами брачно-семейных отношений, на разных этапах их осуществления. В жизнедеятельности молодой семьи, особенно в условиях совместного проживания представителей разных поколений и ведения общего хозяйства, ГТЛ определяет степень согласованности представлений родителей и взрослых детей о мужчинах и женщинах, взаимодействии между ними, влияя на взаимоотно-

шения зятя и невестки с тестем и тещей, свекром и свекровью. В сфере управления имеет значение ГТЛ руководителя разнополым коллективом, а также когда руководитель и коллектив разного пола (мужчина — руководитель в женском коллективе, а женщина — в мужском). Различия ГТЛ могут определять успешность реализации практик в социальной сфере, например, при устройстве старых людей в семью, когда «сталкиваются» друг с другом две разные картины гендерных представлений, которые в силу возраста воспринимаются как малозначимые, второстепенные по отношению к ситуации налаживания отношений в «объединенной» семье.

Заключение

Подведем итоги и сделаем основные выводы.

Гендерный тип личности представляет собой интегративную характеристику социально-психологических отношений к мужчинам и женщинам и взаимодействию между ними. Эмпирически он проявляется в оценках сходства/различий мужчин и женщин (величины воспринимаемой субъектом гендерной поляризации) и в оценках иерархичности их взаимодействия. Гендерный тип личности в социальном взаимодействии выполняет регулятивную функцию и функцию самоопределения субъекта, выражая его избирательное отношение к построению взаимодействия.

Изложена авторская теоретическая концепция гендерного типа личности, в которой описаны условия и психологические механизмы его проявления, функции на межгрупповом, межличностном и личностном уровнях взаимодействия, содержание когнитивного, эмоционального, поведенческого и ценностного компонентов, свойства, разновидности и возможные направления исследований на макро-, мезо- и микроуровне анализа изучаемого явления.

Литература

- Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства пола. Пер. с англ. М.: Росспэн, 2004.
- Клецина И. С., Иоффе Е. В. Психология гендерных отношений. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018.
- Ключко О. И. Концепция гендерной ментальности как методологическое основание гендерного подхода в социально-психологическом исследовании // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 4. С. 13–29.
- Лебедев А. Н. К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т. 2. № 1. С. 2–19.
- Позняков В. П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Позняков В. П. Психологические отношения человека: современное состояние исследований и перспективы развития концепции // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 2. С. 6–29.

- Тимова О. И. Четырехфакторная модель гендера: структурный анализ // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. С. 912–914.
- Тимова О. И., Позняков В. П. Эмпирическая разработка гендерного типа личности // Вопросы психологии. 2023. Т. 69. № 1. С. 64–74.
- Hofstede G. Masculinity and Femininity: The Taboo Dimension of National Cultures. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 1998.

Theoretical concept of the gender type of personality

O. I. Titova

cand. sci. (psychology), assoc. prof., Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russia; Assoc. Prof., Department of Psychology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia, 944058@mail.ru

The article presents the author's theoretical concept of the gender type of personality, describes the conditions and psychological mechanisms of its manifestation, functions in social interaction at the intergroup, interpersonal and personal levels, highlights the cognitive, emotional, behavioral and value components, identifies four types, suggests possible areas of study on the macro-, meso- and microlevel analysis. The gender type of personality is an integrative characteristic of socio-psychological relations with men and women and the interaction between them; manifests itself in assessments of the similarities/differences between men and women (the magnitude of gender polarization perceived by the subject) and in assessments of the hierarchy of their interaction. The gender type of personality in intergroup and interpersonal interaction performs a regulative function and the function of self-determination of the subject, expressing his selective attitude to the construction of social interaction.

Keywords: gender, men, women, gender personality type, theory, the concept of psychological relations, socio-psychological relations, social interaction, gender polarization, hierarchy.

Подходы к пониманию феномена объективации Другого

*Ю. С. Узянова**, *Т. А. Воронцова***

* аспирант, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
uzianova@sfedu.ru

** кандидат психологических наук, доцент, Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия, shkurko@sfedu.ru

Работа посвящена анализу феномена объективации. Рассмотрено понятие объективации, ее виды и сферы распространения. Приведены подходы к пониманию истоков объективации: объективация как следствие биологического детерминизма; культурный феномен; проявление власти; ответ на неуверенность в собственной компетентности; ответ на угрозу; проявление страха смерти; способ абстрагирования от несущественного; следствие организации трудовой деятельности; копинг-стратегия, помогающая справиться с эмпатическим дистрессом; следствие неудовлетворительного характера межличностных отношений; следствие неудовлетворенности базовых потребностей человека; следствие личностных особенностей (эгоцентризм, незрелость эго).

Ключевые слова: объективация, субъектность, самообъективация, субъект, объект, сексуальная объективация, редуктивная объективация, дегуманизация; женское тело; инструментальность.

В современных социально-экономических условиях в связи с широким распространением культуры гедонизма, индивидуализма, наблюдаются тенденции утраты морально-нравственных ориентиров, в результате чего партнер по общению воспринимается как объект, привлекательность которого зависит от его внешности, полезности и др.

Феномен отношения к другому как к объекту может быть обозначен термином объективация. В широком смысле под объективацией понимается опредмечивание, превращение в объект, т. е. обращение с человеком как с инструментом, орудием для достижения целей, основанное на подчинении или редуктивном восприятии человека на основе одного из его атрибутов, при котором его личностные особенности, субъективность, автономность не учитываются.

Американский философ М. Нуссбаум выделила следующие модели поведения, которые описывают феномен объективации: отношение к другому как к инструменту, отрицание его автономности, инициативности, субъектности; легкая взаимозаменяемость другим; отсутствие учета личных границ и чувств другого; поведение обладания человеком (как будто его можно купить или продать) (Nussbaum, 1995).

Существуют различные подходы к классификации объективации:

1. По сфере возникновения (модифицированная и дополненная авторами классификация Н. Хаслама) (Haslam, 2006):
 - в сфере отношений, связанной с иммиграцией, геноцидом по этнической и расовой принадлежности: объективируемый человек воспринимается как варвар, лишенный культуры и уподобляющийся животному, «паразиту»;
 - в сфере сексуальных отношений, порнографии: объективируемый человек воспринимается как тело; является наиболее изученным видом объективации;
 - в отношении к инвалидам (в том числе с ментальными заболеваниями): объективируемый человек воспринимается как организм, «паразит», заражающий социум;
 - в сфере медицинской помощи: пациент воспринимается обезличенно, неэмпатично как объект медицинского вмешательства; недоношенный ребенок — как плод;
 - в сфере технологий: восприятие человека как машины, эффективной, автоматичной, лишенной спонтанности;
 - в сфере образования: ученик как объект обучения в жесткой стандартизированной системе оценок;
 - в сфере рабочих отношений: отношение к сотруднику как к объекту, лишенному собственной инициативы, которого нужно контролировать для того, чтобы он работал; можно обременять дополнительной работой по собственному желанию; оценивать исключительно по внешним данным или качествам тела.
2. С точки зрения философского подхода к рассмотрению понятия объективации (Langton, 2011):
 - «кантовский»: обращение с кем-то как с объектом;
 - «юмовский»: принятие в качестве объективного чего-то, что просто проецируется нашим разумом.
3. По критерию преднамеренности (осознанности) (Papadaki, 2010):
 - преднамеренная (объективатор осознает свое объективирующее поведение);
 - непреднамеренная объективация (объективатор не осознает свое объективирующее поведение).
4. По критерию редуccionизма (Papadaki, 2010):
 - редуктивная: субъектность воспринимаемого индивида каким-либо образом преуменьшается (например, восприятие людей с ментальными болезнями как организма);
 - нередуктивная объективация: субъектность другого не страдает, но каким-либо образом игнорируется (например, игнорирование врачом личных особенностей пациента).

5. По объекту сравнения (модифицированная авторами классификация Н. Хаслама (Haslam, 2006)):

- механистическая (сравнение Другого с механизмом, вещью): механистическая объективация сопровождается безразличием, отсутствием эмпатии, абстрактным и обособленным взглядом на других, что указывает на имплицитное горизонтальное отделение от себя и склонность объяснять поведение другого как необусловленное чем-либо;
- анималистическая (сравнение Другого с животным, паразитом): отношение к Другому как к находящемуся на более низком уровне развития; анималистическая дегуманизация связана с отрицанием членами ин- групп определенных человеческих атрибутов у представителей аутгрупп, сопровождающееся эмоциями презрения, отвращения, имплицитным вертикальным сравнением (с животным миром, как правило), тенденцией объяснять их поведение скорее инстинктами нежели когнитивными состояниями.

Таким образом, анализ различных видов объективации и сфер ее возникновения, показал сложность и разносторонность данного феномена.

Проведя анализ работ отечественных и зарубежных авторов по тематике объективации, мы выделили следующие подходы к объяснению природы данного феномена.

- Объективация как следствие биологического детерминизма. Например, объективация женщин ввиду особенностей их тела, предназначенного природой для воспроизводства новой жизни.
- Объективация как культурный феномен. Общество разделяет навязанные СМИ критерии и стандарты красоты и воспринимает человека в ключе этих стандартов.
- Объективация как моделирование, абстрагирование от несущественного, например, в научных исследованиях, медицине, фармакологии, криминалистике, политике и т. д.
- Объективация как следствие организации трудовой деятельности, связанной с использованием другого как ресурса.
- Объективация как проявление власти. Обладание властью усиливает восприятие другого как объекта на пути достижения собственных целей.
- Объективация как ответ на собственную неуверенность в способности ориентироваться в субъективности другого (Landau et al., 2012).
- Объективация как ответ на угрозу. Мужчины с высоким уровнем враждебного сексизма склонны объективировать женщин (Cikara et al., 2011).
- Объективация как проявление страха смерти. Самообъективация у беременных женщин может служить защитой от экзистенциальной угрозы, исходящей от репродуктивных особенностей женского тела (беременность, менструация, кормление ребенка), напоминающих о биологической природе тела, и, следовательно, смертности (Morris et al., 2014).
- Объективации как механизм, позволяющий справиться с эмпатическим дистрессом. Д. Шульман-Грин рассматривает объективацию как копинг-

стратегию, используемую врачами, работающими с умирающими пациентами (Schulman-Green, 2003).

- Объективизация как показатель качества межличностных отношений. Неуважение со стороны коллег связано с меньшим приписыванием себе уникальных субъективных черт (самообъективацией) (Renger et al., 2016).
- Объективизация как следствие неудовлетворенности базовых потребностей личности. Доминирование прагматичного принципа взаимодействия с партнером в незарегистрированном браке связано с неудовлетворенной потребностью в безопасности (Позняков, Панфилова, 2020).
- Объективизация в общении с другими как следствие личностных особенностей: например, эгоцентризма, незрелости эго.

Таким образом, существует большое количество подходов к пониманию причин возникновения объективизации, отражающих разносторонний и комплексный характер феномена. При этом при всем большинство ученых склоняются к негативной оценке данного феномена.

Однако существует и нейтрально-позитивное восприятие объективизации: как элемента игры в сексуальных отношениях; как части диалектического процесса, посредством которого люди усваивают значения, а затем выражают их способами, доступными для других; как способа обращения к человеческим субъектам как к объектам познания различными институтами (медицинскими организациями, психиатрическими службами).

Заключение

Рассмотрев различные подходы к пониманию объективизации, можно сделать вывод о недостаточной всесторонней изученности данного феномена. Наибольшее число исследований объективизации связано с сексуальной объективацией женщин, объективацией пациентов медицинских организаций, работников в сфере трудовых отношений. Также нет единого подхода к пониманию природы данного феномена — от биологического детерминизма, культурного феномена, до защитного механизма, копинг-стратегии, возникающих в ситуациях затрудненного общения. Различна и моральная оценка данного феномена: от резко негативной до нейтральной и даже позитивной.

Литература

- Позняков В. П., Панфилова Ю. М.* Личностные факторы ориентации во взаимодействии с партнером и перспективности отношений в незарегистрированном браке // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2020. № 3. С. 73–86. doi: 10.18384/2310-7235-2020-3-73-86.
- Cikara M., Eberhardt J. L., Fiske S. T.* From agents to objects: sexist attitudes and neural responses to sexualized targets // Journal of Cognitive Neuroscience. 2010. № 23 (3). P. 540–541. doi: 10.1162/jocn.2010.21497.
- Haslam N.* Dehumanization: An Integrative Review // Personality and Social Psychology Review. 2006. № 10 (3). P. 252–264. URL: doi: 10.1207/s15327957pspr1003_4.

- Landau M. J., Sullivan D., Keefer L. A., Rothschild Z. K., Osman M. R.* Subjectivity uncertainty theory of objectification: Compensating for uncertainty about how to positively relate to others by downplaying their subjective attributes // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012. V. 48. Iss. 6. P. 1234–1246. doi: 10.1016/j.jesp.2012.05.003.
- Langton R.* Sexual solipsism: Philosophical essays on pornography and objectification // *European Journal of Philosophy*. 2011. № 19. P. 327–334. doi: 10.1111/j.1468-0378.2011.00478.x.
- Morris L. M., Goldenberg J. L., Heflick N. A.* Trio of terror (pregnancy, menstruation and breastfeeding): an existential function of literal self-objectification among women // *Journal of personality and social psychology*. 2014. № 107 (1). P. 181–98. doi: 10.1037/a0036493.
- Nussbaum M. C.* Objectification // *Philosophy and Public Affairs*. 1995. № 24. P. 249–291.
- Papadaki L.* What is Objectification? // *Journal of Moral Philosophy*. 2010. № 7 (1). P. 16–36. doi: 10.1163/174046809x12544019606067.
- Renger D., Mommert A., Renger S., Simon B.* When less equal is less human: Intragroup (dis) respect and the experience of being human // *The Journal of Social Psychology*. 2016. № 5. P. 553–563. doi: 10.1080/00224545.2015.1135865.
- Schulman-Green D.* Coping Mechanisms of Physicians Who Routinely Work with Dying Patients // *OMEGA – Journal of Death and Dying*. 2003. № 47 (3). P. 253–264. doi: 10.2190/950h-u076-t5jb-x6hn.

Approaches to understanding the phenomenon of objectification

Y. Uzyanova, T. Vorontsova***

** postgraduate student, Southern Federal University, Rostov on Don, Russia, uzianova@sfedu.ru*

*** PhD in Psychology, associate professor, Social Psychology Department, Southern Federal University, Rostov on Don, Russia, shkurko@sfedu.ru*

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of objectification. The concept of objectification, its types and spheres of distribution are considered. Approaches to understanding the origins of objectification are given: objectification as a consequence of biological determinism; cultural phenomenon; manifestations of power; response to self-doubt; response to a threat; manifestation of fear of death; a way of abstracting from the unimportant; a consequence of the organization of work; coping strategy that helps to cope with empathic distress; a consequence of the unsatisfactory nature of interpersonal relationships; a consequence of dissatisfaction with basic human needs; a consequence of personal characteristics (egocentrism, immaturity of the ego).

Keywords: objectification, subjectness, self-objectification, subject, object, sexual objectification, reductive objectification, dehumanization; female body; instrumentality.

Структурно-функциональная организация переживания субъекта в психологическом консультировании военнослужащих

Л. Р. Фахрутдинова

доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей психологии Института психологии и образования Казанского федерального университета (КФУ), Казань, Россия, liliarf@mail.ru

Работа посвящена психологическому механизму саморазвития сознания, субъективно-личностных характеристик через переживание впечатления. Исследования показали, что переживание проявляется как самобытие, существование субъекта, придает субъекту свойство субстанциональности. Субъект идентифицирует, самоощущает себя через переживание. Впечатление, которое получено военнослужащими в процессе военных действий, может иметь высокий аккомодационный потенциал, что может быть фактором затруднения в усвоении полученного опыта, встраивания переживаемого впечатления в субъектно-личностные структуры. Переживание впечатления может быть соотнесено как с индивидуальным, так и групповым субъектом (семейные системы). Психотехнологии переживания могут быть применены в практике психологического консультирования военнослужащих и их семей.

Ключевые слова: субъект, коллективный субъект, переживание, впечатление, социальное впечатление, саморазвитие сознания, психологическое консультирование.

Категория переживания в последние годы проходит этап внимания и интереса к ее развитию. И данный интерес обусловлен как фундаментальным запросом, поскольку данная категория относится к базовым категориям психологической науки (Петровский, Ярошевский, 2003), так и прикладным, практическим интересом, поскольку психотехнологии переживания являются основными в психологическом консультировании гуманистического направления. В наших исследованиях структурно-функциональной организации переживания субъекта мы опирались на идеи С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского, В. В. Знакова. Многие отечественные авторы видят близость гуманистических позиций А. В. Брушлинского, развивавшего субъектно-деятельностный подход С. Л. Рубинштейна на основе последовательного проведения идей онтологического гуманизма, с идеями гуманистического направления в западной психологии (В. В. Знаков, М. Д. Няголова и др.). По В. В. Знакову, «проблема субъекта является одной из ключевых в психологической науке, как российской, так и западной» (Знаков, 2005, с. 9). К. А. Абульханова (Абульханова, 1973) раскрывает психологическую природу субъекта через совокупность его отношений к миру. С этой позиции субъект — это специфический способ организации, качест-

венной определенности сознания современной личности. А. В. Брушлинский считал, что не психическое и не бытие сами по себе, а субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит историю (Брушлинский, 2003). В наших исследованиях (Фахрутдинова, 2015) связь между феноменами переживания и субъекта полагает отношение имманентной принадлежности переживания субъекту. Переживание является самим бытием, существованием субъекта, придает субъекту свойство «ощущаемости», «ощупываемости», осязаемости, субстанциональности. Субъект идентифицирует, самоощущает, полагает себя как себя через переживания, так же как человек переживает себя как живого человека через самоощущения жизнедеятельности тела. Переживания придают некую «телесность», субстанциональность субъекту, поскольку сам субъект существует, «бытийствует» как субъект только через переживания (Фахрутдинова, 2015).

В наших исследованиях проявлен развивающийся субъект в условиях переживания впечатлений с высоким аккомодационным потенциалом на примере переживания военных ситуаций СВО. Основной идеей наших исследований является психологический механизм саморазвития сознания через переживание впечатления, результатом которого является отрефлексированное встраивание пережитого впечатления в структуры сознания, образа мира, развитие субъектности, личности переживающего данное впечатление.

В понимании природы впечатления мы опирались на исследования категории впечатления школы Л. И. Божович, где была показана роль новых впечатлений в развитии ребенка и преобразование потребности в новых впечатлениях в качественно новый уровень: духовные потребности человека (Божович, 1995). Р. Я. Лехтман-Абрамович утверждает даже, что удовлетворение потребности во внешних впечатлениях «...так же необходимо для центральной нервной системы, для ее функционирования, как и удовлетворение потребности во сне и прочих органических потребностей ребенка» (Лехтман-Абрамович, 1949, с. 6). Таким образом, в нашей концепции структурно-функциональной организации переживания впечатление – это переживаемый когнитивный след, отпечаток, оттиск, проявляемый в виде результата воздействия сложного явления или совокупности явлений (например, вида природы, произведения искусства) через синтез когнитивно-аффективного комплекса, имеющего субъективную значимость и аккомодационный потенциал. Впечатление является имплицитным компонентом врожденной человеческой способности к саморазвитию.

В механизме саморазвития сознания впечатление представляет собой начальный феномен, активизирующий переживание субъекта, далее включенный в состав переживания как часть системы переживания человека, «следовая» характеристика переживания. Развивающийся потенциал переживания связан с аккомодационным потенциалом впечатления согласно представлениям Ж. Пиаже о процессах ассимиляции и аккомодации в процессах мышления (Пиаже, 1994).

Впечатление оставляет «след» на субстанциональности переживания, субъективности человека, глубина которого зависит от субъективной значимости данного впечатления. Далее запускается переживание данного впечатления. Поскольку феномен переживания объединен в системный комплекс, функцио-

нирующий в принципах диалектической пары с рефлексивными структурами, то согласно закономерностям подобных объединений, автоматически запускается процесс рефлексии на переживаемой впечатлении. Результатом «переработки» впечатления в системном комплексе «Переживание—Рефлексия» является то, что впечатление «усваивается» и развивает структуры субъекта, сознания, личности, возникают новые смыслы, понимание мира, развиваются ценностно-смысловая сфера, мировоззренческие структуры, социально-психологическое самочувствие, чувствование семейно-родовой укорененности. Данный механизм «усвоения» впечатления искажается, изменяется, притормаживается Эго-защитными механизмами (Фахрутдинова, 2015). Задачей психологического консультирования является преодоление защитных механизмов, препятствующих усвоению полученного опыта, «переработке» впечатления. Недостаточность переработки приводит к формированию сегментов в психическом целом, где «непереработанные», «вытесненные», «замороженные» переживаемые впечатления приводят к состояниям глухой тревоги, неясной опасности, ночным кошмарам, депрессивным состояниям и другим психическим расстройствам различного уровня тяжести.

Нами исследовались особенности структурно-функциональной организации переживания стрессовых, травматических ситуаций военнослужащими в период СВО. Переживание военных ситуаций зачастую обладает высоким аккомодационным потенциалом, для переживания впечатления подобного рода могут требоваться качественно новые умственные схемы, кардинальные изменения в структуре субъектно-личностных характеристик. Нами исследовались участники СВО и их семьи.

Программа исследования

Исследование проводилось в два этапа.

Первый этап. Исследование проводилось в условиях мобилизационного полигона, где собирались и проходили подготовку мобилизованные военнослужащие, в количестве 3500 человек. В исследовании участвовало 30 мобилизованных мужского пола в возрасте 35–55 лет, выделенных среди остальных мобилизованных как ответственных за воспитательную работу среди мобилизованных. Нами проводилось исследование мобилизованных на предмет психологического состояния, ценностей, настроений и установок. Исследование проводилось путем опроса, диалога.

Второй этап. Исследование жен мобилизованных, а также уволенных на время или на постоянной основе участников СВО. Для этой цели использовались чаты, созданные для жен военнослужащих. В исследовании участвовали 80 жен военнослужащих в возрасте 30–50 лет. Для исследования применялась авторская методика «Опросник переживания ситуации СВО», методики на исследование семейной, ситуативной, личностной тревожности, а также опросники саморегуляции и самоотношения. Опросник переживания ситуации СВО включает измерение пространственно-временных, информационно-энергетических, телесных, эмоциональных, когнитивных, субъектных характеристик переживания (Фахрутдинова, 2015).

Исследования показали, что значительная часть военнослужащих, побывавших в зоне военных действий, с точки зрения оценки жен, семей военнослужащих, вернулись «совсем другим человеком», они отмечают, что «вернулся совсем другой человек», «я его не узнаю», причем характер изменений в сторону более высокой степени зрелости. Жены таких военнослужащих отмечают положительные изменения в мировоззренческих, ценностных структурах, а также характерологических особенностях и самооценке. Отмечаются именно качественные изменения субъектно-личностной структуры военнослужащих, побывавших в военных ситуациях. Сами военнослужащие отмечают, что изменилось отношение к Родине, к важности специальной военной операции как защиты значимых для них ценностей.

В то же время выявлено некоторое количество военнослужащих, переживших, например, невыносимые для них, тяжелые, бесчеловечные обстоятельства плена с физическими истязаниями, унижением человеческого достоинства, и переживание данного впечатления для них крайне затруднено, поскольку требуют радикального изменения субъектно-личностных структур, позволяющих встраивать данный опыт в образ мира.

Исследования показали, что психотехнологии переживания впечатлений с подобным аккомодационным потенциалом должны быть направлены на помощь в переживании впечатлений, встраивания их в структуры сознания, субъектно-личностные характеристики, бережное, тактичное, постепенное преодоление защитных систем, мешающих, препятствующих «усвоению» полученного опыта, разделение с ним душевной боли, которую в одиночестве субъект данных ситуаций испытывает трудности пережить. Помочь в сотворении новой реальности, которую может осуществить субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, способной творить историю (по А. В. Брушлинскому) (Брушлинский, 2003).

Кроме того, необходимо психологическое консультирование семей и членов семей военнослужащих, находящихся на военной службе, а также по гармонизации семейных отношений военнослужащих. Наши исследования показали, что для военнослужащих очень важна поддержка со стороны членов семьи, разделяющих взгляд на положительное значение СВО для Родины, актуализация состояний веры, надежды на благополучное возвращение по окончании военных действий. Мы опирались на представления Р. Лэйнга о сопереживании, наши исследования о коллективных, групповых переживаниях и социальных впечатлениях, разделяемых группой, а также на исследования коллективного субъекта А.Л. Журавлева (Журавлев, 2009). Задача психологического консультирования семей военнослужащих состоит в переживании впечатления групповым субъектом (семейной системой) военной службы одного из членов семьи, где также идет перестройка, развитие структур семейной системы, семейной субъектности, семейной субъективности. Переживание впечатления группового субъекта имеет свои особенности, связанные с представлением семьи как об едином биопсихосоциальном организме, но в целом схема саморазвития группового сознания, группового субъекта через переживание социального впечатления имеет схожие черты. Социальное впечатление оставляет на субстанциональности коллективного переживания группового семей-

ного субъекта, результатом взаимодействия всех семейных подсистем (индивидуальных, супружеских, родительских, сиблинговых, межпоколенных и др.), являются новые смыслы, перестройка ценностно-смысловой сферы семьи, ее интегративных формально-структурных характеристик (Змановская, 2017).

Заключение

Исследования показали, что переживание проявляется как самобытие, существование субъекта, придает субъекту свойство субстанциональности. Субъект идентифицирует, самоощущает, полагает себя через переживание. Переживания придают некую «телесность», субстанциональность субъекту, поскольку сам субъект существует, «бытийствует» как субъект только через переживания. Развитие субъекта включает механизм саморазвития сознания, субъекта через переживание впечатления, который может иметь различный аккомодационный потенциал данного процесса. Впечатление, которое получено военнослужащими в процессе военных действий может иметь высокий аккомодационный потенциал, что может быть фактором затрудненного усвоения полученного опыта, встраивания переживаемого впечатления в структуры сознания, субъектно-личностные структуры. Психотехнологии переживания могут быть применены в практике психологического консультирования военнослужащих. Переживание впечатления может быть соотнесено как с индивидуальным, так и групповым субъектом (семейные системы). Психологический механизм саморазвития сознания включает в себя процесс рефлексии на процесс переживания впечатления, которое приводит к качественному изменению сознания индивидуального и группового субъекта.

Литература

- Абульханова К. А.* О субъекте психической деятельности: методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1973.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Божович Л. И.* Проблемы формирования личности: избранные психологические труды. М.; Воронеж: Институт практической психологии, 1995.
- Журавлев А. Л.* Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
- Змановская Е. В.* Психология семьи: основы супружеского консультирования и семейной психотерапии: Учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2017.
- Знаков В. В.* Психология человеческого бытия и самопонимание субъекта // Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2005. С. 22–44.
- Лехтман-Абрамович Р. Я.* Этапы развития игры и действий с предметами в раннем детстве. М.: Медгиз, 1949.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Теоретическая психология: Учеб. пособие. М.: Академия, 2003.
- Пиаже Ж.* Избранные психологические труды: Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. Пер. с англ. и фр. М.: Международная пед. академия, 1994.

Фахрутдинова Л. Р. Теория переживания субъекта. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2015.

Structural and functional organization of the subject's experience in psychological counseling of military personnel

L. R. Fahrutdinova

doctor of psychology, associate professor, professor of the Department of General Psychology, Institute of Psychology and Education of Kazan Federal University, Kazan, Russia, liliarf@mail.ru

This work is devoted to the psychological mechanism of self-development of consciousness, subjective and personal characteristics through the experience of impressions. Research has shown that experience manifests itself as being itself, the existence of the subject, and gives the subject the property of substantiality. The subject identifies and feels himself through experience. The impression that military personnel receive during military operations can have a high accommodative potential, which can be a factor in the difficulty of assimilating the experience gained and integrating the experienced impression into subjective-personal structures. The experience of an impression can be correlated with both an individual and a group subject (family systems). Psychotechnologies of experience can be used in the practice of psychological counseling of military personnel and their families.

Keywords: subject, collective subject, experience, impression, social impression, self-development of consciousness, psychological counseling.

**Базисные убеждения и психологическое здоровье
современной молодежи: медиационный анализ взаимодействий
с учетом фактора пола**

*И. А. Филенко**, *С. А. Богомаз***, *И. В. Атаманова****, *Т. Е. Левицкая*****

* кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и педагогической психологии, Томский государственный университет, Томск, Россия, filen5725@mail.ru

** доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры генетической и клинической психологии, Томский государственный университет, Томск, Россия, bogomazsa@mail.ru

*** кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии, Томский государственный университет, Томск, Россия, iatamanova@yandex.ru

**** кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой генетической и клинической психологии, Томский государственный университет, Томск, Россия, levic69@mail.ru

В исследовании проверяется гипотеза относительно специфики взаимосвязей, обусловленных полом, между психологическим здоровьем и базисными убеждениями студенческой молодежи с учетом медиационных эффектов, связанных с характеристиками оценки рисков. Использование методик WAS, МНС-SF, SRIS в группе студенческой молодежи, средний возраст – 20,7±2,07 года, численностью 340 чел. (50% юноши), позволило выявить структуру предикторов психологического здоровья для юношей и девушек, которая включала сходные компоненты для обеих групп (Ценность Я, Справедливость мира, Самоэффективность, Благожелательность мира) и различные: Эмоциональная ранимость (девушки), Контролируемость мира (юноши). Медиационный анализ выявил достоверные эффекты опосредования со стороны показателей: Самоэффективности (в обеих группах), Эмоциональной ранимости (в группе девушек), Контролируемости мира (в группе юношей) – на базисные убеждения в контекстах их связи с психологическим здоровьем молодежи. Полученные результаты могут быть использованы для реализации психологических практик, направленных на развитие ресурсов психологического здоровья молодежи и ее устойчивости к воздействию рисков.

Ключевые слова: студенческая молодежь, психологическое здоровье, базисные убеждения, оценка риска, самоэффективность, регрессионный анализ, медиационный анализ.

Введение

Текущее десятилетие привлекло внимание исследователей в области социальной психологии к изучению феномена риска, который проявляется в жизни каждого человека, но имеет различную природу, связанную с глобальными либо локальными источниками. Изучение особенностей восприятия, осмысления и переживания глобальных рисков позволило выявить новые социально-психологические феномены, приводящие к возникновению коллективных тревожных состояний, разрушительным влияниям на веру человека в свою способность строить будущее и др. (Нестик, Журавлев, 2018). Поскольку все виды рисков негативно сказываются на жизнедеятельности человека, его поведении и субъективном благополучии, психологи изучают личностные ресурсы, позволяющие адекватно оценивать риски и выбирать оптимальные стратегии их преодоления. В данном контексте описан конструкт интеллектуальной оценки риска (Stapago et al., 2018), включающий способности, связанные с эффективным управлением рисками: самоэффективность при решении проблем; способность к конструктивному воображению; способность к работе с неопределенностью; эмоциональная устойчивость. Исследования психологов в данном направлении позволили разработать тренинговые программы для учащейся молодежи и сотрудников организаций, ориентированные на преодоление ситуаций, связанных с рисками различной природы.

Одной из наиболее важных интегральных характеристик современного человека, которая чувствительна к различным рискам, является психологическое здоровье. Оно характеризуется уровнями эмоционального, социального, психологического благополучия и определяет эффективность жизненного функционирования субъекта в нашем изменчивом, порождающем ситуации неопределенности мире. Психологическое здоровье может меняться под влиянием внешних факторов или в результате внутриличностных конфликтов, эти изменения отражаются на деятельности и поведении человека. Изучаются ресурсы психологического здоровья: оптимизм, жизнестойкость, адаптивность, эмоциональная устойчивость, позитивная самооценка, критическое мышление, способность к самореализации и др. (Богомаз, 2009). В то же время современные исследователи, ориентируясь на проблематику и принципы постнеклассической парадигмы, обращаются к изучению ценностей, смыслов, убеждений, рассматривая их в качестве субъективных координат мира человека и базовых параметров, определяющих его устойчивость, резистентность к неблагоприятным факторам различной природы, способность к саморазвитию в современном мире и конструктивной активности в конкретных ситуациях жизнедеятельности (Клочко, Галажинский, 2009). В обозначенном проблемном поле выделяются работы, направленные на изучение базисных убеждений личности (Janoff-Bulman, 1989), которые в настоящее время анализируются совместно с характеристиками психологического здоровья различных социальных групп (Шамионов, 2015).

Обнаружено, что базисные убеждения не всегда позволяют четко интерпретировать феномены, связанные с изменениями физического и психологического здоровья личности. Некоторые исследователи объясняют это низкой ва-

лидностью конструкта базисных убеждений, разработанного R. Janoff-Bulman, и недостаточной надежностью соответствующих шкал. Другое объяснение феноменов, связанных с совместным изучением базисных убеждений и показателей психологического здоровья человека, заключается в том, что ситуационные факторы в условиях интенсивных рисков снижают психологическое здоровье человека, несмотря на возможное сохранение уровней базисных убеждений личности. Данные особенности отражают специфику психологических процессов, связанных с восприятием ситуации риска, ее когнитивной переработкой и выбором стратегий ее преодоления.

В связи с этим целью настоящего исследования явилось изучение связи психологического здоровья студенческой молодежи с базисными убеждениями, а также с психологическими показателями, характеризующими интеллектуальную оценку возможных рисков в жизненных ситуациях. Поскольку обнаружено, что женщины в большей степени отвергают ситуации риска (Charness et al., 2018), наше исследование направлено на выявление наблюдаемых закономерностей в связи с половыми различиями респондентов. Гипотеза исследования: существуют специфические различия у юношей и девушек в предикторах психологического здоровья, к которым относятся базисные убеждения и психологические характеристики, связанные с оценкой риска.

Методы

Методы исследования: опросник «Спектр психологического здоровья» (Mental Health Continuum Short Form, МНС-SF), разработанный С. L. M. Keyes, адаптация Е. Н. Осина (Zemojtel-Piotrowska et al., 2018), с субшкалами Эмоционального, Социального, Психологического благополучия и Общей шкалой психологического здоровья; шкала базисных убеждений личности, WAS (Janoff-Bulman, 1989), адаптация О. Кравцовой, включающая 8 субшкал: Благожелательность мира, Благожелательность людей, Справедливость мира, убеждение о Контроле мира, Закономерность, Самоконтроль, Удачливость, Ценность Я; «Шкала интеллектуальной оценки риска» (Subjective Risk Intelligence Scale, SRIS) (Starago et al., 2018), адаптация Т. В. Корниловой, Е. М. Павловой (Корнилова, Павлова, 2020), содержащая общую шкалу и субшкалы: Самоэффективность при решении проблем, Способность к воображению, Непринятие неопределенности, Эмоциональная ранимость. В исследовании применялся регрессионный и медиационный анализ, реализованный с помощью статистических пакетов Statistica v. 10.0. и jasp v. 0.16.4.

Выборка исследования, проводившегося в сентябре–октябре 2022 г., включала 340 студентов г. Томска, возраста от 17 до 26 лет ($20,7 \pm 2,07$ года), 50% юношей.

Результаты

Проверка нормальности полученных данных показала, что отношения абсолютных значений асимметрии и эксцесса для всех показателей к их ошибкам не превышало 3, в связи с этим использовались методы анализа, применяемые

для нормальных распределений. Далее был проведен регрессионный анализ методом пошаговой регрессии с исключением, отдельно для результатов, полученных в группах девушек и юношей. Зависимая переменная – Психологическое здоровье. Все остальные переменные рассматривались в качестве независимых. При проведении регрессионного анализа с помощью статистики Шапиро–Уилкса, статистики Дурбина–Ватсона, показателя VIF определена нормальность распределения остатков и отсутствие автокорреляции, мультиколлинеарности в данных.

Для группы девушек получена регрессионная модель, включающая пять независимых переменных, со следующими статистическими характеристиками: критерий Фишера для полной модели $F(5, 164) = 31,2$; $p < 0,001$; объясняет 48,7% дисперсии (скорректированный R^2). Значимые предикторы: Ценность Я ($\beta = 0,346$; $F = 29,36$; $p < 0,001$), Справедливость мира ($\beta = 0,255$; $F = 17,49$; $p < 0,001$), Самоэффективность ($\beta = 0,168$; $F = 6,34$; $p = 0,013$), Эмоциональная ранимость ($\beta = -0,149$; $F = 6,28$; $p = 0,013$), Благожелательность мира ($\beta = 0,146$; $F = 5,69$; $p = 0,018$).

Для группы юношей получена иная регрессионная модель, включающая пять независимых переменных. Статистические характеристики модели: $F(5, 164) = 27,9$; $p < 0,001$; объясняет 45,9% дисперсии (скорректированный R^2). Значимые предикторы: Ценность Я ($\beta = 0,313$; $F = 26,05$; $p < 0,001$), Самоэффективность ($\beta = 0,249$; $F = 15,55$; $p < 0,001$), Справедливость мира ($\beta = 0,247$; $F = 16,23$; $p < 0,001$), Благожелательность мира ($\beta = 0,187$; $F = 8,91$; $p = 0,003$), Контролируемость мира ($\beta = 0,155$; $F = 6,04$; $p = 0,015$).

Обнаружены сходные предикторы – Ценность Я, Справедливость мира, Самоэффективность, Благожелательность мира – психологического здоровья юношей и девушек. Различия в связи с полом проявляются в том, что у девушек существует предиктор Эмоциональная ранимость, наличие высоких значений которого связано со снижением Психологического здоровья, а у юношей в качестве предиктора присутствует убеждение о Контролируемости мира – высокие значения по данному показателю связаны с высокими уровнями Психологического здоровья. Эти результаты свидетельствуют, что Психологическое здоровье девушек, по сравнению с юношами, более уязвимо к воздействию средовых влияний различной природы в связи с тем, что у них чаще возникают неблагоприятные эмоциональные состояния, связанные с повышенными уровнями Эмоциональной ранимости.

Далее для обеих групп проводился медиационный анализ. В качестве входных показателей рассматривались базисные убеждения, а в качестве медиаторов – характеристики, определяющие интеллектуальную оценку риска. Зависимым показателем во всех моделях было Психологическое здоровье.

Данная модель медиации объясняется тем, что базисные убеждения являются когнитивными схемами (Janoff-Bulman, 1989), отражающими основные представления человека об окружающем Мире, о себе и об особенностях взаимодействия с Миром. R. Janoff-Bulman рассматривает базисные убеждения, как относительно стабильные характеристики человека, которые могут меняться при интенсивных изменениях в жизни человека, связанных с травмирующими событиями. В то же время характеристики, связанные с интеллектуальной оценкой риска, являются сензитивными не только к экстремальным

жизненным факторам, но и к обычному повседневному жизненному опыту, который достаточно изменчив, аддитивен по своей природе и постоянно пополняется. Составляющие этого опыта являются когнитивными схемами второго порядка по отношению к базисным убеждениям. Такой подход соответствует исследованиям (Park, 2020), предполагающим, что в повседневной жизни когнитивная модель создания смысла определенной ситуации представлена двумя аспектами – глобальным смыслом, определяемым базисными убеждениями, и ситуационными значениями. Ситуационные значения определяются человеком в связи с особенностями ситуации и своего жизненного опыта. Текущие жизненные ситуации, связанные с повседневными рисками, так же как и экстремальные ситуации, актуализируют работу и первичных когнитивных схем, и вторичных. Психологические процессы, которые описывают возникающие при этом феномены, в значительной степени обусловлены переменными, связанными с интеллектуальной оценкой риска. В результате между когнитивными схемами разных уровней могут происходить сложные взаимодействия, которые не описываются простыми регрессионными уравнениями, приведенными выше. То есть структурные связи между предикторами и психологическим здоровьем могут меняться за счет эффектов взаимодействия когнитивных схем 1-го и 2-го порядков. И медиаторными переменными в подобных взаимодействиях будут выступать показатели интеллектуальной оценки риска.

В процессе анализа у девушек было выявлено две медиационные структуры. Модель 1.1 включает: предиктор – базисные убеждения о Ценности Я, Самоэффективность в качестве медиатора и зависимый показатель Психологическое здоровье. Путь коэффициенты в модели положительные. Прямой эффект пути Ценность Я–Психологическое здоровье составил $c'=0,358$, $SE=0,062$, $p<0,001$; непрямой эффект пути Ценность Я–Самоэффективность–Психологическое здоровье составил $a*b=0,123$, $SE=0,034$, $p<0,001$; общий эффект пути Ценность Я–Психологическое здоровье составил $c=0,480$, $SE=0,058$, $p<0,001$. Оценка доверительных интервалов для путей показала, что они не включают нулевых значений, т. е. все пути статистически достоверны. Расчет величины эффекта опосредования проводился по Соболю: $E_s=0,341$, а также с помощью оценки отношения объясненной дисперсии косвенного эффекта к объясненной дисперсии прямого эффекта: $E_t^2=0,621$. Поскольку данные методы дают различающиеся оценки, мы можем заключить, что величина эффекта опосредования составляет от 34 до 62% величины прямого эффекта, т. е. Самоэффективность действует как значимый посредник между убеждениями девушек о Ценности Я и Психологическим здоровьем.

Модель 1.2 для девушек включает: предиктор – базисные убеждения о Ценности Я, Эмоциональную ранимость в качестве медиатора и зависимый показатель Психологическое здоровье. Прямой эффект пути Ценность Я–Психологическое здоровье составил $c'=0,432$, $SE=0,057$, $p<0,001$; непрямой эффект пути Ценность Я–Эмоциональная ранимость–Психологическое здоровье составил $a*b=0,048$, $SE=0,021$, $p=0,019$; общий эффект пути Ценность Я–Психологическое здоровье составил $c=0,480$, $SE=0,058$, $p<0,001$. Оценка доверительных интервалов для путей показала, что все пути статистически достоверны. Рас-

чет величины эффекта составил: по Собелю – $E_s=0,110$ и по оценкам отношения дисперсий – $E_r^2=0,142$. Величина эффекта опосредования составляет от 11 до 14% величины прямого эффекта. В отличии от Модели 1.1 путевые коэффициенты путей Ценность Я–Эмоциональная ранимость и Эмоциональная ранимость–Психологическое здоровье отрицательны ($-0,198$ и $-0,242$, соответственно). Поэтому возрастание Эмоциональной ранимости ведет к снижению позитивного вклада убеждений Ценности Я в возрастание Психологического здоровья, а снижение Эмоциональной ранимости повышает Психологическое здоровье девушек.

В группе юношей также обнаружены две медиационные структуры. Модель 2.1 включает: предиктор – базисные убеждения о Ценности Я, Самоэффективность в качестве медиатора и зависимый показатель Психологическое здоровье. Путевые коэффициенты в модели положительные. Прямой эффект пути Ценность Я–Психологическое здоровье составил $c'=0,322$, $SE=0,068$, $p<0,001$; непрямой эффект пути Ценность Я–Самоэффективность–Психологическое здоровье составил $a*b=0,105$, $SE=0,032$, $p=0,001$; общий эффект пути Ценность Я–Психологическое здоровье составил $c=0,427$, $SE=0,068$, $p<0,001$. Оценка доверительных интервалов для путей показала, что все пути статистически достоверны. Расчет величины эффекта опосредования по Собелю: $E_s=0,327$ и с помощью оценки отношения дисперсий: $E_r^2=0,352$. Приведенные оценки позволяют заключить, что величина эффекта опосредования составляет от 33 до 35% величины прямого эффекта.

Модель 2.2 включает: предиктор – базисные убеждения о Контролируемости мира, Самоэффективность в качестве медиатора и зависимый показатель Психологическое здоровье. Путевые коэффициенты в модели положительные. Прямой эффект пути Контролируемость мира–Психологическое здоровье составил $c'=0,321$, $SE=0,081$, $p<0,001$; непрямой эффект пути Контролируемость мира–Самоэффективность–Психологическое здоровье составил $a*b=0,123$, $SE=0,039$, $p=0,002$; общий эффект пути Контролируемость мира–Психологическое здоровье составил $c=0,444$, $SE=0,084$, $p<0,001$. Оценка доверительных интервалов для путей показала, что все пути статистически достоверны. Расчет величины эффекта опосредования по Собелю: $E_s=0,384$ и с помощью оценки отношения дисперсий: $E_r^2=0,332$. Приведенные оценки позволяют заключить, что величина эффекта опосредования составляет от 33 до 38% величины прямого эффекта.

Заключение

Полученные результаты позволяют сформулировать подходы к повышению психологического здоровья молодежи.

В контекстах позитивного жизненного становления и укрепления психологического здоровья и для девушек, и для юношей большое значение имеют психолого-педагогические практики, направленные на развитие убеждений о Ценности Я, Справедливости мира и Благожелательности мира, а также на формирование представлений о собственной самоэффективности решений в повседневной жизнедеятельности.

Для девушек в плане психологического здоровья важны характеристики эмоциональной устойчивости, которые отражены в показателе Эмоциональной ранимости. Способности к пониманию эмоциональных состояний и их управлению (конструкт эмоционального интеллекта) изучены в предыдущие 30 лет, и исследования демонстрируют позитивные результаты относительно их развития. Соответствующие практики могут быть реализованы в контексте снижения уровней Эмоциональной ранимости девушек.

Для юношей большое значение в формировании психологического здоровья имеют убеждения о Контролируемости мира. Их развитие возможно на основе конструктивных форм учебной, научной, профессиональной деятельности, совершенствующих познавательные, аналитические, символические способности.

Выявление медиационных эффектов, описывающих влияние процессов интеллектуальной оценки рисков (Самоеффективность и Эмоциональная ранимость) на базисные убеждения личности, свидетельствует о необходимости их учета при изучении психологического здоровья молодежи. Данные эффекты важны для оптимизации психологических практик, которые в своей структуре должны отражать системность взаимосвязей различных психических явлений и в связи с этим опираться не только на техники гармонизации базисных убеждений личности, но и на методы, направленные на развитие самоеффективности субъекта, а также на повышение его эмоциональной устойчивости.

Литература

- Богомаз С. А.* Жизнестойкость человека как личностный ресурс совладания со стрессами и достижения высокого уровня здоровья // Здоровье нации – основа процветания России: Материалы научно-практических мероприятий V Всероссийского форума. Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации. 2009. М., С. 18–20.
- Клочко В. Е., Галажинский Э. В.* Психология инновационного поведения. Томск: Томский гос. ун-т, 2009.
- Корнилова Т. В., Павлова Е. М.* Шкала интеллектуальной оценки риска и ее связь с готовностью к риску и эмоциональным интеллектом // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 4. С. 59–78.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 127–138.
- Шамионов Р. М.* Базовые убеждения и культурные установки как предикторы эмоционального и психологического благополучия горожан и сельчан // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 109–122.
- Charness G., Eckel C., Gneezy U., Kajackaite A.* Complexity in risk elicitation may affect the conclusions: A demonstration using gender differences // Journal of Risk and Uncertainty. 2018. № 56. № 1. P. 1–17.
- Craparo G., Magnano P., Paolillo A. et al.* The Subjective Risk Intelligence Scale. The development of a new scale to measure a new construct // Current Psychology. 2018. V. 37. № 4. P. 966–981.
- Janoff-Bulman R.* Assumptive worlds and the stress of traumatic events: applications of the schema construct // Social Cognition. 1989. V. 7. № 2. P. 113–136.

- Park C. L. Religiousness and meaning making following stressful life events // The science of religion spirituality and existentialism / K. E. Vail, C. Routledge (Eds). Cambridge: Elsevier Academic Press, 2020. P. 273–285.
- Zemojtel-Piotrowska M., Piotrowski J., Osin E. N. et al. Mental Health Continuum Short Form: The structure and application for cross-cultural studies // Journal of Clinical Psychology. 2018. V. 74. № 6. P. 1034–1052.

World assumptions and psychological health in today's youth: mediation analysis of interactions in terms of the gender factor

*I. A. Filenko**, *S. A. Bogomaz***, *I. V. Atamanova***, *T. Ye. Levitskaya*****

** cand. sc. (Psychology), associate professor, associate professor of the General and Educational Psychology Department, Tomsk State University, Tomsk, Russia, filen5725@mail.ru*

*** dr. sc. (Psychology), professor, professor of the genetic and clinical psychology, Tomsk State University, Tomsk, Russia, bogomazsa@mail.ru*

**** cand. sc. (Psychology), associate professor of the Genetic and Clinical Psychology Department, Tomsk State University, Tomsk, Russia, iatamanova@yandex.ru*

***** cand. sc. (Psychology), associate professor, head of the Genetic and Clinical Psychology Department, Tomsk State University, Tomsk, Russia, levic69@mail.ru*

The study verifies the hypothesis regarding the specifics of gender-related relationships between university students' psychological health and world assumptions, taking into account mediation effects associated with risk assessment characteristics. Applying the WAS, MHC-SF, and SRIS questionnaires in a group of university students, the mean age was $20,7 \pm 2,07$ years, the total sample involved 340 people (50% were young men), revealed a structure of psychological health predictors for young men and women. The structure included components similar for both groups (self-worth, justice, self-efficacy, benevolence of the world) and diverse ones: emotional vulnerability (for young women) and controllability (for young men). Mediation analysis showed significant mediation effects of self-efficacy (in both groups), emotional vulnerability (in the group of young women) and controllability (in the group of young men) on world assumptions in the context of their relationship with youth's psychological health. The results obtained can be used to implement psychological practices aimed at developing psychological health resources in young people and their resilience to risk impacts.

Keywords: university youth, psychological health, world assumptions, risk assessment, self-efficacy, regression analysis, mediation analysis.

Взаимосвязь когнитивного компонента Я-концепции подростков с их понятийными способностями

С. А. Хазова, А. И. Чернова***

* доктор психологических наук, доцент, Костромской государственный университет, г. Кострома, Россия, hazova_svetlana@mail.ru

** преподаватель, ГБПОУ «Московский техникум креативных индустрий им. Л. Б. Красина», г. Москва, Россия, nastasya-igorivna@rambler.ru

Исследуются взаимосвязи когнитивного компонента Я-концепции и понятийными (семантическими, категориальными, концептуальными) способностями в процессе социализации подростков, изучается личностная и социальная идентичность Я-концепции подростков в условиях конкретной социальной группы (студенты креативных специальностей техникума). Полученные результаты свидетельствуют о положительных взаимосвязях степени дифференцированности когнитивного компонента Я-концепции с категориальными способностями и степенью интегрированности когнитивного компонента Я-концепции с концептуальными способностями. Отрицательные взаимосвязи сенсорно-эмоционального компонента семантических способностей с такими показателями идентичности, как Социальное Я, Коммуникативное Я и Деятельное Я, говорят о необходимости меры и нормы сенсорно-эмоциональной составляющей для успешной социализации подростков.

Ключевые слова: Я-концепция, понятийные способности, дифференцированность, интегрированность, подростки, социализация, роль.

Я-концепция личности как когнитивная система включает в себя две большие подсистемы: личностную и социальную идентичности. В подростковом возрасте социализация и роль принимают ведущее значение вследствие увеличения диапазона ролевого выбора и расширения окружения (Бернс, 1986). Несформированность целостной картины мира, недостаточное осознание подростком своей роли в обществе в условиях большого количества противоречивой информации ослабляет критическое мышление, что может привести к искажению представлений о себе и о мире, повышению восприимчивости к негативному влиянию определенных социальных групп и общему затруднению социализации.

Когнитивный и интеллектуальный рост в подростковом возрасте ведет к усложнению и дифференциации Я-концепции. Это дает возможность различать реальные и гипотетические возможности, осознавать адекватность или противоречивость требований, исходящих от социальной среды (Бернс, 1986). Личностная и социальная идентичности обеспечивают не только про-

цессы дифференциации (определение границ целостности и независимости Я), но и интеграции Я (субъективное объединение себя с другими людьми путем оценивания других и сравнения себя с другими) (Румянцева, 2006). Подросток одновременно стремится как к индивидуальной независимости, так и к включенности в группу сверстников. Это приводит к противоречию, которое свидетельствует об уменьшении эгоцентризма в подростковом возрасте и развивающейся способности считаться с точкой зрения окружающих (Бернс, 1986).

Стремительный интеллектуальный рост, в основе которого лежит образование понятий, проявляется в децентрации. У подростков развивается способность репродуцировать объективные особенности конкретной ситуации вне зависимости от их субъективного видения этой ситуации, а также принимать различные варианты событий с учетом разных точек зрения на происходящее (Пиаже, 2004). Появление такого качества, как децентрация, связано с формированием концептуальных структур как единиц индивидуального понятийного опыта, мера дифференцированности и интегрированности которых указывает на уровень сформированности понятийных способностей подростков (Холодная, 2012; Холодная, Хазова, 2017).

Известны исследования о связи концептуальных способностей как одного из компонентов понятийных способностей с совладающим поведением, которое можно рассматривать как поведенческий компонент Я-концепции (Холодная, Хазова, 2017). При этом в научной литературе последних лет отсутствуют эмпирические исследования, выявляющие взаимосвязь когнитивного компонента Я-концепции и понятийных способностей. Это и обусловило *цель* нашего исследования: выявить взаимосвязь между когнитивным компонентом Я-концепции и понятийными (семантическими, категориальными, концептуальными) способностями подростков.

Для измерения когнитивного компонента Я-концепции использовалась методика «Кто Я?», модификация (Кун, Макпартленд, 1984; Румянцева, 2006). Показателями выступили: Общее количество ролей, приписываемых испытуемому самому себе; Количество объективных ролей (количество ролей, приписываемых испытуемому самому себе, обусловленных объективными обстоятельствами социальной действительности); Количество субъективных ролей (количество ролей, приписываемых испытуемому самому себе, обусловленных межличностной сферой); Количество групп ролей как отражение степени дифференцированности представлений о себе (Хазова, Бардашевич, 2017). Количество оценок ролей «+/-»; обобщенные показатели-компоненты идентичности: Социальное Я, Коммуникативное Я, Материальное Я, Деятельное Я.

Для измерения концептуальных способностей применялась методика «Понятийный синтез» (Холодная, 2012), показатель – сложность понятийных связей (сумма баллов).

Категориальные способности измерялись при помощи методики «Обобщение трех слов» (Холодная, 2012), показатель – продуктивность категориального обобщения (сумма баллов по 10 триадам слов).

Для измерения семантических способностей применены методики: «Визуальная семантика», модификация (Артемьева, 1999; Сиповская, 2016), показатели: общее количество семантических признаков (СП), количество СП

двигательного типа; «Семантический дифференциал», модификация (Холодная, 2012), показатели: количество выборов в одной графе «нет» (мера отсутствия сенсорно-эмоциональных впечатлений в условиях работы соответствующего концепта), количество выборов в двух графах «сильно» (мера чрезмерной включенности сенсорно-эмоциональных впечатлений в условиях работы соответствующего концепта).

В исследовании принимали участие 40 подростков 15–16 лет, из них 2 мальчика и 38 девочек. Все испытуемые – студенты учреждения среднего профессионального образования в сфере креативных индустрий. Анализ данных проводился с помощью программного пакета SPSS (корреляционный анализ Спирмена).

Проведенный корреляционный анализ позволил выявить следующие взаимосвязи.

Общее количество ролей положительно связано с общим количеством семантических признаков – показателем семантических способностей ($r=0,411$, $p=0,008$) и способностью к понятийному синтезу – показателем концептуальных способностей ($r=0,409$, $p=0,009$). Возможности подростков к децентрации возрастают, но в возрасте 15–16 лет еще в достаточной мере выражена излишняя концентрация на себе и своих чувствах, состояниях. В семантическом поле концепта преобладают семантические признаки (прилагательные), носящие преимущественно субъективный характер. Увеличение количества значений в семантическом поле подростка приводит к тому, что он видит все больше собственных ролей. В этом проявляется широта семантического поля концепта как один из признаков семантических способностей. Вследствие роста границ ментального пространства возрастают способности к концептуализации и сложность понятийных связей, проявляющихся в умении создавать концептуальные метафоры, авторские тексты разной степени сложности (Холодная, 2012). Мы будем считать сложность самоописаний, проявляющуюся в данном случае, по нашему мнению, в общем количестве ролей и сложность понятийных связей проявлением степени интегрированности Я-концепции и понятийных способностей. Действительно, одной из функций процессов интеграции считается формирование в ее составе новых, более высоких иерархических уровней (Чуприкова, 2011).

Количество субъективных ролей, так же как и общее количество ролей, положительно связано с общим количеством семантических признаков – показателем семантических способностей ($r=0,381$, $p=0,015$) и способностью к понятийному синтезу – показателем концептуальных способностей ($r=0,468$, $p=0,002$). Ранее установлено, что с увеличением степени обобщенности категориального признака наблюдается следующая тенденция: количество слов-ответов конкретного характера уменьшается (в нашем случае количество субъективных ролей), а количество слов-ответов общего характера (объективных ролей) возрастает (Холодная, 2012). В нашем исследовании данный факт не нашел подтверждения. Предположительно это связано с тем, что в данной возрастной группе конкретных респондентов достаточно выражен эгоцентризм, не позволяющий подростку осознанно включаться в социальные структуры, т. е. их социальная идентичность еще недостаточно сформирована.

Количество объективных ролей положительно связано с чрезмерным участием сенсорно-эмоциональных впечатлений в условиях работы соответствующего концепта ($r=0,364$, $p=0,021$). Данная связь кажется нам весьма логичной, поскольку легче интериоризируются эмоционально значимые социальные статусы, тогда как социальные статусы, не вызывающие достаточно сильной эмоциональной включенности, не становятся частью представлений подростка о себе, частично игнорируясь.

Количество групп ролей ($r=0,337$, $p=0,034$) и Коммуникативное Я ($r=0,318$, $p=0,045$) имеют положительную связь с продуктивностью категориального общения – показателем категориальных способностей. Некоторые исследователи считают степень дифференцированности идентичности числом, отражающее общее количество ролей, названных респондентами (Румянцева, 2006). Мы считаем степень дифференцированности когнитивного компонента Я-концепции количеством групп ролей, а именно количеством классов обобщенных показателей-компонентов идентичности, использованных респондентами (Чуприкова, 2011; Хазова, Бардашевич, 2017). Закономерно, что чем больше категорий (обобщенных показателей-компонентов идентичности) можно выделить в самоописаниях респондента, тем выше у него развита способность к категориальному обобщению. Связь продуктивности категориального общения с Коммуникативным Я можно объяснить тем, что формирование идентичности происходит в обществе и представляет собой отображение обобщенных взаимодействий в процессе личного общения с другими людьми (Румянцева, 2006).

Коммуникативное Я ($r=-0,313$, $p=0,049$) и Социальное Я ($r=-0,313$, $p=0,049$) имеют обратную взаимосвязь с недостаточным участием сенсорно-эмоциональных впечатлений в условиях работы соответствующего концепта. То, что не вызывает эмоций, не побуждает к общению. Низкий уровень общения приводит к ограничению включенности в социальную структуру, в которой подросток может получить обратную связь о своих личностных качествах и давать оценку личностным качествам других, а также сопоставлять свои представления о себе и мнения окружающих на основе сравнения.

Деятельное Я ($r=-0,333$, $p=0,036$) имеет обратную взаимосвязь с чрезмерным участием сенсорно-эмоциональных впечатлений в условиях работы соответствующего концепта. То есть чрезмерная эмоциональная включенность подростка в конкретный вид деятельности снижает возможность сосредоточения на себе и процессе деятельности, что неизбежно будет иметь негативные последствия для результата деятельности. Чрезмерная включенность эмоций связана с меньшей ориентированностью подростка на представления о себе как о субъекте деятельности: «лучше я буду эмоционировать, чем что-то делать».

Материальное Я ($r=0,339$, $p=0,032$) положительно взаимосвязано с количеством семантических признаков динамического типа. Такие аспекты материального Я, как описание своей собственности, оценка своей обеспеченности, отношение к материальным благам и отношение к внешней среде, связаны с деятельностью, которая ведется либо для повышения своего материального благосостояния, либо выстраивается из позиции материальной обеспеченности для реализации различных целей.

Количество оценок «+/-» ролей ($r=0,377$, $p=0,016$) положительно связано со способностью к понятийному синтезу (концептуальными способностями), а процентное отношение оценок ролей «+/-» к общему количеству ролей положительно связано со способностью к понятийному синтезу, характеризующей концептуальные способности ($r=0,325$, $p=0,041$) и Количеством семантических признаков эмоционально-личностного типа ($r=0,345$, $p=0,029$). Эти связи представляются нам закономерными. Действительно, возрастание способности к альтернативным и варьирующим интерпретациям (Холодная, 2012) и, как следствие, возможностям вариативности и альтернативности трактований личностных качеств связано с возрастающей способностью к продуцированию самоописаний и оценок собственных качеств с диаметрально противоположных позиций (Румянцева, 2006).

Заключение

Итак, в результате нашего исследования выявились отрицательные взаимосвязи отдельных показателей идентичности (Социальное Я, Коммуникативное Я, Деятельное Я) с показателями семантических способностей, обозначающими разные уровни включенности сенсорно-эмоциональных впечатлений в условиях работы соответствующего концепта. Такая особенность подросткового возраста, как неустойчивая эмоциональность, неизбежно проявляется в период вхождения подростка в социальную структуру и часто негативно сказывается на социализации подростка. Одним из неотъемлемых компонентов социальной идентичности является Материальное Я, обеспечивающееся активной способностью личности действовать, и положительно связанное со способностью продуцировать семантические признаки динамического типа.

Но наиболее важные результаты, соответствующие цели нашего диссертационного исследования, заключаются в следующих положительных взаимосвязях:

- 1) общего количества ролей (как степени интегрированности Я-концепции, проявляющейся в сложности самоописаний) со сложностью понятийных связей (концептуальными способностями) и общим количеством семантических признаков, проявляющимся в широте самоописаний (семантическими способностями);
- 2) количества субъективных ролей как проявления недостаточно сформированного навыка децентрации и особенностей социальной группы (студенты техникума специальностей «Графический дизайнер» и «Издательское дело», где приветствуется проявление ярко выраженной индивидуальности) и количества групп ролей как степени дифференцированности Я-концепции с продуктивностью категориального обобщения (категориальными способностями).

Полученные данные согласуются с тезисом дифференционно-интеграционной теории развития о том, что определенная степень дифференцированности в сочетании с определенной степенью интегрированности есть показатель развития (Чуприкова, 2011). Это подтверждает наше предположение о взаимосвязях когнитивного компонента Я-концепции и понятийных способностей.

Полученные результаты будут уточняться для дальнейшего применения в исследовании.

Литература

- Артемова Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И. Б. Хариной. М.: Наука—Смысл, 1999.
- Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.
- Кун М., Макпартленд Т. Эмпирические исследования установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 180—188.
- Пижае Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2004.
- Румянцева Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре: Учеб. пособие. СПб.: Речь, 2006.
- Сиповская Я. И. Понятийные, метакогнитивные и интенциональные способности в структуре интеллектуальной компетентности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2016.
- Хазова С. А., Бардашевич Е. М. Ресурсная роль Я-концепции в совладающем поведении подростков // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: Результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1064—1071.
- Холодная М. А. Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Холодная М. А., Хазова С. А. Феномен концептуализации как основа продуктивности интеллектуальной деятельности и совладающего поведения // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 5—17.
- Чуприкова Н. И. Всеобщий универсальный дифференционно-интеграционный закон развития как основа междисциплинарной парадигмальной теории // Дифференционно-интеграционная теория развития / Сост. Н. И. Чуприкова, А. Д. Кошелев. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 11—48.

Interrelationships between the cognitive component of self-concept and conceptual abilities of adolescents

*S. A. Khazova**, *A. I. Chernova***

** doctor of science (psychology), associate professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, hazova_svetlana@mail.ru*

*** teacher, The Moscow technical school of the creative industries of name L. B. Krasin, Moscow, Russia, nastasya-igorivna@rambler.ru*

Interrelationships between the cognitive component of self-concept and conceptual (semantic, categorical, conceptual) abilities of adolescents are examined in this study, focusing on the process of socialization. The personal and social identities of self-concept in a specific social group (students in creative specialties at a technical school) are also investigated. The results indicate positive correlations between the degree of differentiation of the cognitive component of self-concept and categorical abilities, as well as the degree of integration of the cognitive component of self-concept and conceptual

abilities. Negative correlations between the sensory-emotional component of semantic abilities and identity indicators such as Social Self, Communicative Self and Active Self suggest the need for regulation and normalization of the sensory-emotional aspect for successful adolescent socialization.

Keywords: self-concept, conceptual abilities, differentiation, integration, adolescents, socialization, role.

Пространство психологии конфликта в перспективе уточнения проблем и поиска решений

Ю. Э. Ширков

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, shirkov@mail.ru

В исследовании предпринята попытка форсайта области психологических услуг в урегулировании конфликтов. Ядром методологии выступил метод «Мировое кафе» в комбинации с другими качественными техниками. Пространство психологии конфликта заострено оппозицией Проблемы и Решения, отражающей Спрос и Предложение на «рынке» психологических услуг в урегулировании конфликтов. Из представлений будущих психологов сконструирована структура ожидаемого ассортимента психологических услуг в сочетании спроса на решение шести типов конфликтов и предложения шести направлений их решения.

Ключевые слова: конфликт, форсайт, «Мировое кафе», эвристические методы, стратегическая сессия.

Понятие конфликта существует в общественном сознании в широком диапазоне от внутриличностного до социального уровня (Гришина, 2016). Спрос на помощь в урегулировании разного рода противоречий задается видами конфликтов, наиболее очевидно различаемых по комбинации конфликтующих сторон. В понимании репертуара человеческих проблем присутствует общая ясность среди всех носителей здравого смысла. В решении конфликтов для здравого смысла подразумевается кажущаяся ясность: решение проблемы — в ее устранении. В профессиональной позиции такой ясности нет. Предложение психологических услуг все шире распределяется в разнообразный ассортимент. Кроме прямого вмешательства в конфликт, участие психолога проявляется в работе с порождающим противоречие контекстом, средой, в также в работе с последствиями. Разнообразны и обозначения характера внешнего вмешательства в конфликт: предупреждение, улаживание, урегулирование, разрешение, трансформация (Фишер и др., 2001). Поэтому обращение к отдельным видам конфликтов и предложение специфической помощи становится делом личного выбора.

Статус проведенного исследования — формирующий квазиэксперимент. Его участниками выступили не выборочные представители разнородного множества, а реальный состав выпускников магистратуры основного учебного центра подготовки психологов для самой населенной страны Центральной Азии. Однако объект исследования — не сложившаяся и не пассивно ожидаемая ре-

альность, а запланированные изменения, к которым участники эксперимента намечают свои индивидуальные траектории. Момент завершения обучения — кульминационная точка закрепления согласия будущих коллег по стратегическим вопросам перед расхождением путей саморазвития. Можно также сказать, что несколько дней погружения в тему психологии конфликта стали своего рода конференцией для обмена мнениями и установления договоренностей в новой генерации цехового сообщества.

Авангардной роли сегодняшних выпускников соответствует и приоритетность темы обсуждения. Конфликты — это ровно то, зачем люди будут обращаться к психологу, а студенты-психологи — это те, кто будет этими психологами. Все, что беспокоит людей, в расширенном смысле может быть названо конфликтом.

Процедура исследования

Участниками исследования были около 50 студентов трех форм обучения на факультете психологии филиала МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Ташкенте в феврале 2023 г. Студенты одновременно проходили курсы «Психология конфликта» и «Качественные методы исследования». Участие в решении научной задачи стало дополнением к подготовке студентов-психологов к будущей профессиональной деятельности по урегулированию конфликтов, а также приобретению опыта активности в ролях информанта, интервьюера, аналитика.

Подготовительная работа заключалась в первичном накоплении примеров конфликтов (по 12 от каждого участника), распределении этого множества на шесть тем (по числу возможных малых дискуссионных подгрупп), образовании для этих тем пар «проблема—решение» между типичными конфликтными ситуациями и решениями, фокусирующими задачу психологии для этого типа конфликтов.

Центральная часть работы проведена по методу World Café (Brown, Isaacs, 2005). Метод «Мирового кафе» является вариацией широкого множества качественных групповых методов, направленных в будущее (Нестик, 2018). Это относит метод к категории эвристических методов, хорошо подходящих не для реконструкции существующей реальности, а для порождения нового материала. В контексте нашего применения метод обещал преимущества не только эвристической, но и стратегической сессии, на которой участники не просто отгадывают будущее, а договариваются о том, каким ему быть и как его такого достичь, берут на себя обязательства действовать согласно предпринятому форсайту.

Заключительная часть исследования состояла из глубинных интервью и фокус-групп, проведенных студентами для расширения темы на масштаб рынка как места встречи спроса на урегулирование конфликтов и предложения со стороны психологов. Проведение бесед по единой инструкции и руководству модератора позволяет относиться к собранным результатам как к научному материалу.

Эмпирический материал для обработки составили расшифровки аудиозаписей докладов от дискуссионных групп, рукописей на «скатертях дискуссионных столов», стенограммы фокус-групп, индивидуальные отчеты по задани-

ям и интервью, результаты голосования участников по наработанным на всех этапах идеям. Здесь приводятся только обобщения наиболее далеко устремленных результатов.

Результаты исследования

Наиболее общий результат исследования – структура смыслового пространства психологии конфликта – шесть вопросов и шесть ответов в свете шести аспектов.

Размерность этой схемы была следствием упорядочивания множества примеров, и она поддержана тем, что состав участников позволил рассмотреть шесть вопросов, а также сопоставленные им шесть ответов. Они были синтезированы из накопленных заранее примеров и рассмотрены в шести аспектах на основе шести шляп мышления Э. де Боно (Боно, 2006). В последнем случае число шесть оказалось совпадением. Общий вопрос для всех типов конфликтов – «Что это за проблема и какое у психологии для нее решение?». Вопросы-стимулы для шести аспектов обсуждения выведены из концепции де Боно:

- Примеры в подробностях. Типичное и особенное.
- Запрос к психологу. Жалобы, потребности, ожидания.
- Варианты профессионального решения.
- Ресурсы для профессионального решения задачи.
- Опасности, препятствия.
- Чувства, переживания.

В решениях студенты-психологи предвосхищали и таким образом планировали для своей будущей деятельности собственные версии направления профессиональной помощи. Свободный формат дискуссии позволил включить в этот неопределенный вопрос и то, что может предлагать и что должен уметь психолог из всех мыслимых вариантов практики – обучения, коррекции, сопровождения, экспертизы. Разнородность этого множества оставляла единственную возможность краткого обобщения в выделении из комбинации инструментов основного фокуса, который и вынесен в короткую формулировку решения.

Встречаются десятки словосочетаний со словом «конфликт», задающих множество самостоятельных явлений – от военного до нравственного конфликта, часть из которых может рассматриваться как виды, но часть этому мешает (Анцупов, Шипилов, 2016). Из пространства конфликтов, попавших в обсуждение студентов, нами выделены и приведены далее шесть видов конфликтов и основ подхода, в которых будущие психологи видят смысл своего участия. В теле описания оставлены только релевантные аспекты описания пары. Порядок перечисления – по убыванию объема вызванного внимания. В роли эпиграфов использованы идеи участников, получившие наибольшую поддержку при голосовании.

1. Семейный конфликт / Программа самопомощи

«Новая диета не работает, пока она не станет образом жизни».

Семье придается большая значимость в жизни человека, личные отношения наиболее эмоционально насыщены, запрос к психологу чаще исходит со сто-

роны этой сферы. Даже в ограниченной по составу респондентов и количеству примеров выборке нашлись и супружеские, и детско-родительские, и межсиблинговые, и межпоколенческие конфликты.

Семейные конфликты, заслуживающие обращения к психологу, касаются стабильных проблем, приучивших к вторичным выгодам конфликтного поведения. Краткосрочное вмешательство, быстрые изменения маловероятны, а субъектом изменений могут быть только сами участники конфликта. «Психологическое посредничество переводит межличностный конфликт в форму коммуникативной ситуации с особыми правилами» (Гришина, 2016, с. 477). Готовящийся стать психологом современный студент должен будет внимательно разобраться в семейном конфликте и вооружить его стороны убедительным планом, который должен стать для них личной программой, а не внешней инструкцией.

2. Школьный конфликт / Обучение, тренинг

«Обучение плюс психолог равно тренинг».

В этой сфере конфликтные пары задают и ученики, и учителя, и родители, образующие пары в разных сочетаниях. Перенос школьной проблематики конфликта в студенческую среду мало что меняет. В целом множество этих разных конфликтов выглядело гомогенным, но специфика школьных конфликтов в том, что совсем без участия детей они не обходятся. В противном случае они переходят в разряд трудовых конфликтов или социальных противоречий. Дети могут выступать предметом, по которому конфликтуют взрослые, но чаще оказываются действующими лицами школьных конфликтов.

Социализирующая роль школьных конфликтов делает их неиссякаемым источником обращения к психологу и в будущем. В системе обучения и задача психолога — обучение. Дети учатся переживать взрослые проблемы, и под квалифицированным контролем получают этот опыт менее травмоопасно. Для каждого ребенка и даже родителя конкретный конфликт — неожиданная беда, требующая уникального и окончательного решения. Но взгляд на эти запросы со стороны сразу обнаруживает их типовой и неизбежный характер, как требование решения очередной задачи социализации, готовящей к встрече с этими же проблемами во взрослом возрасте. Студенты-психологи понимают, что школьные конфликты — не недостатки организации процесса, а полигон получения опыта, способный приносить пользу, если подчинить его обучению психологическим свойствам.

3. «Клиент-сервисные» отношения / Манипуляция

«Учителя поменять сложнее, чем парикмахера».

В другом контексте этот тип конфликтов заслуживал бы названия «деловые». Но во всем множестве примеров, предложенных студентами, почти не было конфликтов на почве трудовых отношений. Для студентов эта тема пока уступает ситуациям, связывающим клиента и провайдера профессиональной услуги. Чистыми примерами «клиент-сервисных» отношений являются врач—пациент, продавец—покупатель и подобные случаи личного взаимодействия клиента со специалистом. Пара начальник—подчиненный внешне похожа на эти отношения, но не возникла в обсуждении. Пара учитель—ученик тоже

соответствует метафоре «клиент—сервер» из сферы IT, противопоставляющей вертикальные отношения одноранговым. Однако провайдера и потребителя какой-либо услуги связывают не межличностные, а ролевые отношения. Учителя и ученика связывают оба эти плана, важно в каком из них сложилось конфликтное противоречие, что и относит конкретный конфликт либо к деловому, либо к межличностному.

В деловых отношениях люди друг от друга ждут выгоды. Чем более обезличено межролевое взаимодействие, тем циничнее понимание выгоды. Поэтому баланс выгоды вырастает в оправданную манипуляцию. Психология и манипуляция в общественном сознании крепко связаны. Студенты видят рыночное предложение услуг по применению манипуляции, техники эффективных продаж, тренинги легких знакомств и считают одиозным само слово, но не услугу по развитию способностей преследовать свою выгоду во взаимодействии с обезличенным партнером. В научном обиходе манипуляция этически легализована в тренинге ассертивности. Но как защитное умение оно связано со следующим описанным видом конфликта. В достижении бизнес-целей студенты ожидают спрос на искусственность в наступательной форме манипуляции.

4. Уличный инцидент / Ассертивность

«Помоги себе сам».

Примеры случайных стычек — с прохожими, водителями, охранниками и т. п. — многочисленны и всегда ярки своей свежестью. Именно потому, что вчерашние события сегодня очень волнуют, а завтра забудутся. Эти эпизоды вызывают сильные, но недолгие переживания. Ассертивность, как выученный навык противостояния враждебному, опасному воздействию, манипуляции, защиты личных границ, избегание конфликта, — всё это уже обеспечено предложением психологических услуг и для данного вида конфликта подходит хорошо.

Конкретный конфликт психологу уже не решить, но помощь в подготовленности к следующим неизбежным случаям требуется всем. Поэтому в большей степени, чем тренинги ассертивности, уже сейчас распространены популярная литература, видеокурсы, программы самопомощи массового распространения, не требующие личного участия тренера-психолога.

5. Социальный конфликт / Экспертиза

«Без опоры на плечи гигантов, экспертиза — просто частное мнение».

Конфликты между большими социальными группами касаются обезличенных и часто даже не психологических отношений. Однако иррациональность наблюдаемого межгруппового конфликтного взаимодействия подталкивает искать объяснения в психологии. Именно объяснение, а не изменение ожидается от психолога, и не с личной точки зрения, а с экспертной, от лица науки.

Опрос экспертного сообщества показывает, что экспертиза решений государственного масштаба ответственности в следующем десятилетии выйдет на второе место (Журавлев и др., 2016).

6. Внутриличностный конфликт / Коррекция, сопровождение

«Для ориентировки в психологических услугах нужны свои консалтинговые услуги».

Не все из множества противоречий, переживаемых человеком изнутри, заслуживают причисления к конфликтам как к явлениям, аналогичным межличностному конфликту. Нормально иметь рассогласование между желаемым и действительным, между разнонаправленными мотивами и многие другие сомнения. Чтобы называться конфликтом, внутреннее противоречие должно соответствовать определяющим признакам конфликта (Петровская, 2007). Должны быть стороны конфликта со своими образами ситуации, реальность взаимодействия, динамика с возможностью начала и конца. Причем заслуживают статуса конфликта такие жалобы, с которыми уже пора обращаться к психологу, но еще не к психиатру. Использованная в исследовании методология не позволяла оперативно, по строгим основаниям верифицировать как конфликты все собранные примеры внутренних противоречий. Титульным кейсом для категории послужил Герасим из рассказа «Муму» Тургенева, как пример внутриролевого конфликта между ролями слуги барыни и хозяина собаки.

Для суженного множества внутриличностных конфликтов, признаваемых широкими массами как область компетенции психологов, сложился асортимент психологических услуг на рынке, который в данном случае можно назвать без кавычек, поскольку он действительно связывает людей экономическими отношениями. Психологическая практика хорошо вооружена средствами восстановления внутренней гармонии, но студенты пока недостаточно сориентированы в их точном обозначении. Вполне достаточным является обобщающее название для области психологического решения внутриличностных конфликтов – коррекция и сопровождение.

Насколько можно доверять полученной картине как прогнозу?

Попытка связать то, что в области конфликтов нужно людям от психологов, с тем, что могут дать психологи людям, может быть проверена простым способом. Если переставить местами решения, так что они окажутся в паре с другими видами конфликтов, то стройность картины рассыпается. Для уличного инцидента запоздалым будет сопровождение, в семейном конфликте неконструктивна чистая экспертиза, социальный конфликт вообще допускает мало вмешательства. Но обсуждение лучше перестановки помогло верифицировать соответствия между проблемами и решениями.

Согласие, достигнутое в рамках дискуссионной сессии, а еще больше – сам факт соучастия, связывает участников солидарностью отношения к теме.

Согласно теории фреймов, заданная коммуникацией рамка приобретает цельность, в которой непротиворечивость имеет преимущество перед полнотой обсуждаемого образа. Если что-то в теме недосказано прямо, оно подразумевается, и пробел будет восполнен при возникновении необходимости.

Теория фреймов утверждает, что предмет обсуждения приобретает полноту, когда достигает ясности по четырем аспектам: определение проблемы, установка первопричин и факторов появления проблемы, подготовка нравственного суждения и предложение выхода из ситуации. Предмет обсуждения может обходиться частью затрагиваемых аспектов, но в результате будет имплицитно содержать полное, логически структурированное описание, для которого каждый человек сам додумает все, что не попало в рамку обсуждения. Более того, уверенность в справедливости додуманной информации будет еще крепче, по-

сколькo индивид «самостоятельно» делает необходимые нравственные оценки и приходит к нужным заключениям (Entman, 2004). Написано для фреймов в убеждающей коммуникации, но должно работать и для темы, согласуемой участниками группы.

В первичном описании примеров конфликтов студенты чаще всего обходились конструкцией «между..., из-за...», т. е. указанием на стороны и противоречие в мотивации сторон. Из ясности по этим двум вопросам логично вытекают и другие элементы структуры конфликта – образы конфликтной ситуации в сознании сторон, динамика конфликтного взаимодействия (Петровская, 2007). Совмещая понятийную схему конфликта с функциональным строением фрейма в коммуникации, можно вывести, что участники согласования своего видения ситуации, договорившись об определении проблемы, установив первопричины и факторы ее появления, имплицитно согласны в ее нравственной оценке и понимании путей выхода из ситуации.

Заключение

Исследование, проведенное в качестве формирующего квазиэксперимента, помогло сориентироваться будущим психологам в пространстве смыслов психологии конфликта, составить собственную карту проблем и решений, увидеть на ней свой маршрут. Учащиеся психологи сегодня вырабатывают личную основу для профессионального роста в области помощи людям, страдающим от конфликта. Как основа для профессиональной позиции сохраняются уточненные понимание и оценка сути конфликтов, исходящие от окружения, повседневной жизни, здравого смысла. СМИ расскажут о новых социальных конфликтах, тон отношения к ним зададут новые блоггеры. Надстройкой объемной картины станут развивающиеся теории и практические решения. Уже известный спрос продиктует еще ожидаемое предложение. Но суть этих ожиданий заложена уже сегодня.

Формированию перспективного цехового видения помогла региональная особенность группы участников. С учетом совместных образовательных программ филиала МГУ в Ташкенте, а также благодаря тесным коммуникативным связям в сообществе, в проведенной сессии, которую по праву можно назвать стратегической, участвовало практически все поколение выпускников действующих в стране отделений магистратуры по психологии.

Дискуссия, объединившая в сотрудничестве и спорах людей с разным бэкграундом, показала, что согласование видения не привело к унификации, а дало понимание палитры взглядов, возможности для гибкости в выборе позиции, которую каждый для себя продолжит формировать сам, но из образовавшейся ориентировочной основы.

Бонусным оправданием неплотной пригонки теоретической задачи и качественной методологии решения служат процедурные наблюдения, полезные для дальнейшего применения метода «Мирового кафе».

Если для участников сессии достаточно короткой инструкции, то для хозяев столов (hosts) необходим предварительный расширенный тренинг. Этот опыт синхронизирует работу, позволяет сократить время обсуждения каждо-

го вопроса с 20–30 рекомендуемых минут до 10–15, приводит результаты к общему знаменателю, позволяет оперативно обобщить результаты для финализирующего этапа. В учебном процессе такой инструктаж полезен не только для модераторов мини-групп, но и для всех участников, поскольку вооружает пониманием происходящего, взаимных ожиданий, позволяет выбрать на роль модератора человека, обладающего не универсальными свойствами лидера, а компетенциями, важными для уточненной на инструктаже задаче.

Литература

- Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. М.: Юнити, 2016.
- Боно Эдвард де. Шесть шляп мышления. М.: Попурри, 2006.
- Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2016.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В. Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 45–64.
- Нестик Т. А. Психологические аспекты корпоративного форсайта // Форсайт. 2018. Т. 12. № 2. С. 78–90.
- Петровская Л. А. Общение. Компетентность. Тренинг. М.: Смысл, 2007.
- Фишер С., Абди Д. И., Лудин Дж., Смит Р., Уиллиамс С., Уиллиамс С. Работа с конфликтом: навыки и стратегии практической работы с конфликтом. London: Zed Books Ltd, 2001.
- Brown J., Isaacs D. The World Café. Shaping our futures through conversations that matter. Oakland: Berrett-Koehler Publishers, 2005.
- Entman R. M. Projections of Power: Framing news, public opinion and US foreign policy. Chicago: University of Chicago Press, 2004.

The field of the psychology of conflict in the perspective of problems' specification and solutions search

Yu. E. Shirkov

PhD psychol. sciences, senior researcher of Department of Social Psychology, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia, shirkov@mail.ru

In a study conducted with psychology students in Tashkent, there was made an attempt to foresight the field of psychological services in conflict resolution. The core of the methodology was the World Cafe method in combination with other qualitative techniques. The field of the psychology of conflict was sharpened by the opposition of Problems and Solutions, reflecting Demand and Offer in the «market» of psychological services for conflict resolution. The structure of the expected range of psychological services is constructed in combination with the demand for solving six types of conflicts and the proposal of six directions for their solution.

Keywords: conflict, foresight, world cafe, heuristic methods, strategy session.

Концепты «друг» и «не друг» у студентов как показатели личностной социализации (на примере КНР)

Ибо Ян, О. В. Леганькова***

* стажер, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Белоруссия, faith285002@163.com

** кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей и детской психологии, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Белоруссия, leganykova@gmail.com

Представлены теоретические основы изучения группы сверстников как одного из условий социализации личности молодежи. Проанализированы результаты имеющихся исследований в данной области с точки зрения влияния сверстников на социализацию китайских студентов. Особое внимание уделено таким факторам, как постановка жизненных целей, социальная оценка (переоценка социальных ценностей), повышение адаптируемости через овладение навыками коммуникации и сотрудничества в сложных формах взаимоотношений, выбор индивидуальных социальных ролей. Рассматриваются характеристики представлений современных китайских студентов о полярных концептах «друг» и «не друг» как потенциальной основе устойчивых межличностных отношений.

Ключевые слова: социальная психология личности, социализация, студенческий возраст, ровесник, межличностные отношения, друг.

Социализация и индивидуализация студентов является заключительным этапом социализации молодежи. Специфика данного периода заключается в том, чтобы подготовить их к самостоятельной жизнедеятельности и вступлению во взрослое общество во всех аспектах взросления, основными из которых являются профессиональный и личностный. Социализация личности в период обучения в учреждении высшего образования насыщена активными процессами профессиональной и личностной идентификации, самоопределения, становлением самосознания и мировоззрения, активным выбором социального контента для обретения самоидентификации и столкновением сложившихся идеалов и стереотипов с широкой социальной реальностью. Психологические и социальные изменения индивида в этот период характеризуются существенными трансформациями и оказывают значительное влияние на характер и результативность дальнейших процессов социализации.

Группа сверстников, которая сопровождает индивида на протяжении лет обучения в университете, является лучшей эмоциональной и духовной поддержкой, обеспечивающей комфорт для индивида, а также наиболее эффективным пропагандистом и фактором влияния на мысли и действия личности. Члены студенческой группы играют незаменимую роль в социализации индивида

в университете как с точки зрения выбора социальных ценностей и будущих социальных ролей, так и с точки зрения социокультурной идентичности и накопления социального капитала. Это чрезвычайно важный фактор, влияющий наряду с выбранной сферой обучения на развитие жизни отдельного человека.

Исследования социализации китайских студентов в области социальной психологии начались в начале 1980-х годов и касались формирования правильного мировоззрения, взгляда на жизнь, изучения и усвоения моральных норм, приобретения базовых навыков в социальной жизни и самосовершенствования социальных ролей. Среди основных факторов, влияющих на психологическое здоровье в контексте социализации современных китайских студентов, выделяют пять аспектов: проблемы с учебой, проблемы в межличностных отношениях, трудоустройство, сложность адаптации к взрослой жизни, эмоциональные проблемы (Ицун и др., 2022).

Теоретической основой изучения межличностных отношений в китайской психологии, как правило, становятся зарубежные психологические теории (Ян, Леганькова, 2019). Ровесники или сверстники относятся к людям одного поколения, которые схожи по возрасту, интересам, статусу и могут выступать в качестве ресурса для взаимопомощи. В 1960-х годах в Соединенных Штатах опубликовали первые академические статьи в области психологического консультирования и поддержки сверстниками (Vriend, 1969). С тех пор концепция развития взаимопомощи и консультирования сверстниками и практики, проводимые на этой основе, постепенно получили признание.

В студенческих группах обычно учатся люди одного возраста, которые имеют одинаковые проблемы и опыт, разделяют общие ценности, ведут похожий образ жизни. Отношения со сверстниками в основном относятся к разновидности межличностных отношений, устанавливаемых и развиваемых сверстниками или индивидами с одинаковым уровнем психологического развития в процессе взаимодействия. Группы сверстников являются важным фактором социальной среды для роста и развития человека. Особенно в подростковом и юношеском возрасте влияние групп сверстников на отдельных людей становится все более важным и может даже превышать влияние родителей и педагогов. Исследования студенческих групп в Китае показывают, что, когда молодые люди сталкиваются с социальными и психологическими проблемами, 80,5% студентов предпочитают довериться друзьям, 40,8% студентов предпочитают довериться одноклассникам и 18,9% студентов предпочитают довериться родственникам того же возраста (Вэн, 2019). Таким образом, наличие в ближайшем окружении друзей выступает в качестве важного аспекта успешной социализации.

Последние десять лет ученые в Китае, особенно в сфере образования и психологии, начали уделять внимание исследованиям групп и отношений в них. Эмпирические исследования «отношений со сверстниками» были в основном сосредоточены на политическом образовании, психическом здоровье, психологическом консультировании, планировании карьеры (Student, peer, socialization, 2023).

На основании анализа имеющихся данных можно определить следующие факторы влияния сверстников на социализацию студентов.

1. Постановка жизненных целей. В течение длительного периода после рождения человека семья оказывает основное влияние на его жизненные устремления и ценностные суждения. Однако с возрастом коммуникативные аспекты личности становятся все шире и шире, социальные знания становятся богаче и насыщеннее, мышление постепенно становится независимым, а влияние семьи постепенно ослабевает, в то время как влияние других людей и общества продолжает углубляться, особенно среди сверстников. Благодаря одинаковым интересам и увлечениям эмоции и предпочтения ровесников легче поддаются познанию. Благодаря интеграции, частым обменам мнениями и увеличению времени общения сверстники оказывают очень глубокое влияние на определение жизненных целей личности, а также на стремление к будущему. Поскольку студенты одного возраста, со схожими интересами и запросами, на их жизненные цели особенное влияние оказывают взаимодействие и взаимоотношения в учебной группе (Ван, Ли, 2022).
2. Стандарты социальных ценностей. С точки зрения социальной психологии, признание ценности людьми происходит из опыта социальной оценки, а социальная оценка — это, главным образом, оценка окружающих их социальных групп, особенно влияние оценки той же возрастной группы. Что касается студентов, то они преимущественно проживают совместно в группе студентов одного возраста и очень много времени проводят вместе, и на ценности и стандарты каждого из них влияют окружающие группы сверстников. В общении с окружающими студентами на их ценностные суждения часто влияют слова, манеры и поведение других студентов. На установление ценностных стандартов часто влияет признание, самоутверждение, признательность и другие установки одноклассников. Таким образом, установление социальных ценностных стандартов для студентов часто основывается на опыте оценки межличностного общения сверстников. При этом, согласно исследованиям, даже в рамках одного университета, факультета и специальности обучения характеристики учебных групп (как групп сверстников) существенно отличаются. Возможно, с этим и связана специфика влияния групп сверстников (Лю, Цао, 2021).
3. На социальную адаптируемость влияет взаимодействие в рамках межличностного общения со сверстниками. Люди находятся в различных социальных отношениях. Что касается студентов, то, хотя они уже взрослые по возрасту, у них меньше опыта в межличностном общении со своими сверстниками и меньше опыта в решении сложных межличностных отношений. Навыков межличностного общения и межличностного сотрудничества, которыми следует обладать в будущей социальной жизни, все еще очень не хватает. Относительно свободная и толерантная среда общения и взаимодействия в студенческой жизни создает условия для частых межличностных контактов среди студентов. Благодаря межличностному общению со сверстниками студенты вуза могут легко приобрести навыки общения с другими людьми, научиться понимать сверстников, помогать другим и развить в себе такие качества, как умение прислушиваться к чужому мнению и принимать чужие рекомендации. Это очень эффективно для улучшения их социальной адаптируемости (Ли, 2021).

4. Влияние на выбор и индивидуальные характеристики реализации социальных ролей студентов. Формирование социальных ролей направлено на удовлетворение потребностей общества, и, если индивид хочет играть определенную социальную роль, его поведение также должно соответствовать потребностям общества. Изучение социальных ролевых статусов личностью начинается с роли в группе сверстников. В деятельности групп сверстников отдельные люди часто принимают роль, которую им предлагает группа или в которой группа нуждается для своего развития. Некоторые студенты в современном обществе не обладают развитыми коммуникативными навыками, испытывают трудности в позитивной реализации своих настоящих и будущих социальных ролей. Для этой части студентов, если они будут избегать группу сверстников и будут существовать в одиночестве, выбор будущих социальных ролей станет более трудным, и они, возможно, смогли бы черпать вдохновение и мотивацию социализации в участии в деятельности групп сверстников. Более активные в области межличностной коммуникации сверстники часто выбирают для общения одноклассника или одноклассницу (например, для совместного проживания в общежитии) без четких предпочтений и целей, которые могут стать удобными партнерами для взаимодействия и реализации их собственных интересов (Ли, 2022).

Согласно словарю С. И. Ожегова, дружба — это близкие межличностные отношения, основанные на общности интересов и увлечений, привязанности, взаимном доверии и уважении. Людей, связанных между собой дружбой, называют друзьями. Для дружбы важна поддержка, преданность, совместное времяпрепровождение, заинтересованность участников в жизни и благополучии друг друга. Наличие устойчивых дружеских связей в группе сверстников является необходимым условием успешной личностной социализации. Представление о друге как о носителе определенных характеристик имеет тесную связь с культурной и ценностными составляющими микросреды групп, выступающими агентами социализации. Существуют как общие принципы построения дружеских отношений, так и этноспецифические. Так, например, сравнительный анализ китайского и русского ассоциативных полей слов 朋友/«друг» показывает, что и в китайской, и в русской лингвокультурах соотносимые концепты 朋友/«друг» чрезвычайно важны, они входят в ядро языкового сознания как китайцев, так и русских (Хуан, 2018).

Проведенное *эмпирическое исследование* было нацелено на анализ содержания ассоциативных полей социальных представлений «друг» (朋友) и «не друг» (非朋友) в сознании китайских студентов как фактора реализации межличностных отношений в учебной группе и социализации в целом. Исследование было реализовано на базе учреждения образования Северо-Западный педагогический университет (г. Ланьчжоу, Китайская Народная Республика). Выборка составила одну группу студентов 1 курса (25 чел. в возрасте 17–20 лет, среди которых 22 девушки и 3 юношей). Представленность образов языкового сознания (на материале ассоциативного эксперимента) анализировалась с учетом частоты вербальных реакций испытуемых и индивидуального восприятия концеп-

тов. Согласно инструкции, испытуемым предлагалось назвать до 10 ассоциаций (слов или словосочетаний) со словами-стимулами. Всего было получено 165 реакций на слово-стимул «друг» и 120 на стимул «не друг». Максимально число полученных ассоциатов 10 (на стимул «друг») и минимальное 3 («не друг»).

Надо отметить, что слово «друг» получило исключительно положительные ассоциаты. К самым распространенным относятся: «помогать», «искренний», «связи», «верить», «важный», «теплый», «близкий», «комфортный», что соответствует имеющимся результатам других исследований и этнокультурным ценностям. В китайской культуре друг (朋友) — это человек, являющийся, кроме возлюбленных и родственников, самым близким (Хуан, 2018). Таким образом, образ друга ассоциируется, в первую очередь, с характеристиками позитивного взаимодействия и поддержки в эмоциональном плане.

Представление «не друг» обладает более разнообразными с точки зрения отношения характеристиками, что соответствует имеющейся вариативности его коннотации. Среди наиболее распространенных имеются как нейтральные — «вежливый», так и негативные — «холодный», «отвергать», «тяжесть» и даже позитивные — «заводить друзей» ассоциаты. То есть потенциально «не друг» может выступать в разных ролях, в том числе вызывает интерес для знакомства.

Полученные результаты позволяют говорить о наличии согласованности в описаниях категорий «друг» и «не друг» в рамках этнической культуры, а также соответствия ассоциатов этапу социализации личности — расширение потенциальных социальных контактов, связанных с получением высшего образования, выделение предпочитаемой группы сверстников и интерес к увеличению и разнообразию межличностных отношений.

Можно сделать *вывод* о том, что в настоящее время происходят существенные изменения в содержании образов языкового сознания опосредованные характеристиками условий социализации. Рост культурных обменов, опосредованных и прямых контактов между государствами, социальными группами и отдельными представителями различных культур предполагает необходимость изучения характеристик языкового сознания в контексте разных возрастных этапов как показателей успешности социализации личности.

Литература

- Ицун Юй, Рогалева Л. Н., Прохоров П. В. Психологическое здоровье китайских и российских студентов // Актуальные вопросы спортивной психологии и педагогики. 2022. Т. 2. № 4. С. 7–12.
- Хуан Тяньдэ. Концепты «réngyou» и «друг» в китайской и в русской лингвокультурах // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 160–165.
- Ян Ибо, Леганькова О. В. Межличностные отношения в учебных группах как условие личностной и профессиональной социализации китайских студентов // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. статей. Вып. 19. В 3 ч. Ч. 3. Минск: РИВШ, 2019. С. 423–430.
- Ван Ч., Ли Ц. О влиянии групп сверстников на индивидуальную социализацию студентов университета // Журнал Сычуаньский технологический институт (издание по общественным наукам). 2022. № 27 (06). С. 89–92. (Кит. яз.)

- Вэн С. Применение обучения со стороны сверстников при планировании карьеры студентов университета // Образование для взрослых в Китае. 2019. № 24. С. 95–96. (Кит. яз.)
- Ли С. Механизм социализации и образовательная стратегия межличностного общения со сверстниками среди студентов университета // Образование и профессия. 2021. № 21 (805). С. 65–66. (Кит. яз.)
- Ли Ч. Консультирование сверстников и пути его внедрения в планирование карьеры студентов университета // Образование и наука. 2022. № 4 (01). С. 23–25. (Кит. яз.)
- Лю Ч., Цао С. Влияние отношений со сверстниками на развитие студентов университета // Общественные науки Дацина. 2021. № 193 (06). С. 122–124. (Кит. яз.)
- Student, peer, socialization // China national knowledge infrastructure. URL: <https://kns.cnki.net/kns8/defaultresult/index> (дата обращения: 28.06.2023).
- Vriend T. J. High-performing inner-city adolescents assist low-performing peers in counseling groups // Personnel Guidance Journal. 1969. № 47 (9). P. 897–904.

Concepts of “friend” and “non-friend” in students as indicators of personal socialization (on the example of PRC)

*Yi-bo Yang**, *Volha Lehankova***

** trainee, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus, faith285002@163.com*

*** PhD, associate professor, head of the Department of General and Child Psychology, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus, leganykova@gmail.com*

The article presents the theoretical basis for the study of peer group as one of the conditions of youth personality socialization. The results of available research in this area are analyzed in terms of the influence of peers on the socialization of Chinese students. Special attention is paid to such factors as setting life goals, social evaluation (reassessment of social values), increasing adaptability through mastering the skills of communication and cooperation in complex forms of relationships, the choice of individual social roles. The characteristics of modern Chinese students' perceptions of polar concepts of «friend» and «non-friend» as a potential basis for stable interpersonal relationships are considered.

Keywords: social psychology of personality, socialization, student age, interpersonal relations, peer, friend.

Empirical indicators of loneliness experience

M. B. Yuldasheva

doctor of philosophy in psychological sciences, PhD, senior lecturer, Department of Psychology, Fergana State University, Fergana, Uzbekistan

In recent years, the phenomenon of loneliness has attracted psychological scientists as one of the pressing problems of our modern society. Lately statistics show that the tendency to loneliness increased in young people compared to older people. The problem of loneliness is widely studied in foreign psychology, where it is studied on the basis of various theories, concepts, approaches, positions, directions. This article presents the analytical results of our research on the mechanisms of perception of loneliness by the youth of Uzbekistan. The degree of statistical reliability of the results obtained was confirmed by methods of mathematical statistics.

Keywords: loneliness, depression, anxiety, suicidal predisposition, differential analysis, scale of general loneliness experience, scale of dependence on communication, scale of positive loneliness, correlation analysis.

In accordance with the Global “Program of Action for the Preservation of Mental Health”, specialists from the European Society for the Preservation of Psychological Health are carrying out systematic work to clarify the characteristics of loneliness, considered as emotional experiences. In the process of conducting the research, serious attention was paid to the scientific study of the factors that cause the feeling of loneliness as an urgent problem, and to the clarification of its socio-psychological determinants, as well as the formation of stability in relation to life situations in people prone to feelings of loneliness in society (Yuldasheva, 2022).

In the theoretical analysis, loneliness is considered as a socio-psychological problem, which is studied within the framework of such conditions as depression, anxiety and conflict in interpersonal relationships, use of psychoactive substances and alcoholism, suicidal tendencies with loneliness (Kosorotova, 2016). Therefore we tried to analyze the differences in feelings of loneliness in the student group.

A. A. Artamonova, Yu. D. Babaeva, N. A. Berdyaev, S. A. Vetrov, T. I. Golman, O. B. Dolginova, E. N. Zavorotnix, I. A. Yilin, S. V. Kurtian, D. A. Mateev, E. V. Neumoeva, A. V. Nechaev, J. V. Puzanova, L. A. Pyankova, V. A. Sakutin, S. N. Solovyov, E. N. Trubetsky, S. G. Trubnikova, E. V. Filindash, G. R. Shagivaleeva and others conducted scientific research on ontogenetic and differential psychological problems of the feeling of loneliness.

D. Bernstein, K. Bowman, W. Veys, S. Groff, E. Durkheim, G. Zilburg, A. Kamyu, E. Klyainenberg, J. Lipoveski, A. Maslow, R. Merton, C. A. Mustakas, B. Miyuskovich, L. E. Pepla, D. Russell, K. Rodgers, D. Rismen, E. Roy, G. S. Sullivan, U. Sadler, K. Solano, Z. Freud, E. Fromm, R. Friedmen, F. Fromm-Reichman, Dj. Flanders,

Dj. Yang studied the problem of loneliness in scientific research (Korchagina, 2008; Yuldasheva, Ergasheva, 2021; Yuldashev, Yuldasheva, 2021; Yuldasheva, 2022).

Although there is not much research on the issue of studying the feeling of loneliness in our republic, some attention is paid to this problem. A. Inakov, V. M. Karimova, N. Sh. Mullaboeva, N. Z. Rasulova, N. A. Soginov, T. G. Suleymanova, A. B. Sabirova, G. Q. Tulaganova, B. M. Umarov, U. D. Kadyrov, G. B. Shoumarov studied the psychological characteristics of the feeling of loneliness as a factor in suicidal behavior (Yuldasheva, 2022), however the social ideas of students about the feeling of loneliness were not studied as a special psychological problem.

An empirical study of loneliness among students was conducted using the survey “Differential Study of Feelings of Loneliness” by E. N. Osin and D. A. Leontyev. 124 students of the Faculty of Pedagogy and Psychology of Fergana State University took part in our study. To resolve the issue of what statistical criterion to analyze students’ performance, the respondents’ results were checked for compliance with their normal distribution. It was found that the results of the scales “Total loneliness” ($Z=2,783$; $p<0,001$), “Dependence on communication” ($Z=24,00$; $p<0,001$), “Positive loneliness” ($Z=2,676$; $p<0,001$) $< 0,001$) do not correspond to the law of normal distribution. It follows from this that it is advisable to analyze the scales of the questionnaire “Differential Study of Feelings of Loneliness” on the basis of nonparametric criteria. For this purpose, an analysis of average results using the Mann–Whitney test and Spearman correlation was provided.

There were no differences in students’ attitudes toward feelings of loneliness between girls and boys. High scores on the “Total Loneliness” scale correspond to the actual severity of the experience of isolation, emotional closeness or lack of contact with people, as well as the respondent’s awareness of himself as a lonely, isolated person. Low scores on the scale indicate that the respondent does not experience painful loneliness associated with intimacy or lack of communication, and does not consider himself a lonely person.

The fact that the Total Loneliness scale reflects the level of true loneliness expresses the lack of close contact with other people. In the results for general feelings of loneliness, there was no difference in confidence levels by gender (204,45 vs. 2515,16; $U=19643,5$). In accordance with this, it turns out that the attitude towards “Total loneliness” is no different between female and male students. We can say that students’ attitude towards loneliness reflects the perception of loneliness as an existential fact, a person’s ability to appreciate situations of loneliness and use them as a resource for self-regulation and personal growth. There is no doubt that students with high levels of loneliness will also be found among students. This leads to loneliness or fear of loneliness, or vice versa, to avoidance of loneliness, to a constant search for social connections. Some also face situations that interfere with personal self-regulation and personal growth. Just as for the “Total Loneliness” indicators, there were no differences by gender of students for the “Communication Dependence” scale indicators (234,64 and 209,63; $U=19462,5$). But the students’ scores reflect an aversion to loneliness in both genders. High indicators for this scale indicate that respondents have a negative attitude towards loneliness and a tendency to engage in communication at any level in order to avoid situations of loneliness associated with unpleasant or painful experiences. In turn, some categories of students have experience of loneliness, situations of loneliness and a calm, tolerant attitude towards lonely people.

A discrepancy in the average indicators by gender of students in the “Positive Loneliness” group was revealed (224,64 and 211,50; $U=17732,0$; $p<0,05$). This scale assesses a person’s ability to find a resource to cope with loneliness, to creatively use it for self-knowledge and self-development. The average difference between students on the scale can be analyzed as follows: the values of male students (224,64) indicate that the respondent experiences positive emotions in solitude situations, knows how to appreciate them and consciously strives to spend time alone with himself. in his life. Female students reflect on the fact that they cannot find new opportunities in situations of loneliness and lack of positive emotions associated with their personal lives. While they do not always find ways to positively evaluate loneliness.

During the study, students must express their social experiences of the stages of learning. At each stage of education, students will master new social relationships, interact with different categories of people, set new life goals and accumulate life experience. In this regard, it was possible to study changes in students’ attitudes towards loneliness against the background of increasing social experience. In contrast to the gender of students, differences in attitudes toward feelings of loneliness depending on social experience yield significant results. On the “Total loneliness” scales (254,19 and 177,549 $U=14461,5$; $p<0,001$); “Dependence on communication” (234,50 and 194,92; $U=18400$; $p<0,001$) and “Positive loneliness” (249,65 and 181,54; $U=15370$; $p<0,001$) revealed statistically significant differences.

Analysis of the research results leads to the following psychological conclusions: it turns out that first-level students have only a painful attitude towards the general feeling of loneliness. Their strong feeling of loneliness, caused by general secondary or secondary specialized education or communication with subjects of a new social worldview, indicates a lack of warmth in close relationships with other people, the presence of a feeling of detachment, and experiences of not achieving emotionally warm relationships with people. And older students, who over the past academic years have fully adapted to the educational environment, managed to overcome obstacles in the communication environment, do not perceive loneliness painfully and do not judge themselves as a lonely person (254,19 and 177,549, $U=14461,5$). This suggests a difference in their scores on overall feelings of loneliness.

Based on the empirical data obtained, recommendations were developed. First of all, it should be noted that students should be taught to understand the system of life values and live from the point of view of modernity. Secondly, it is necessary to instill in students an understanding of the difference between the positive and negative aspects of loneliness. Thirdly, it is necessary to clarify the students’ life purpose, as this will increase their desire to always be active and will serve to positively channel feelings of loneliness.

References

- Korchagina S. G.* Psychology of loneliness: textbook. M.: Moscow Psychological and Social Institute, 2008.
- Kosorotova Y.* A short course of loneliness. How to be happy alone with yourself. St Petersburg: Peter, 2016.
- Yuldasheva M. B., Ergasheva Z.* Experimental study of the feeling of loneliness. // *Universum: Psychology and Education.* 2021. № 5 (83). P. 31–33.
- Yuldashev F. A., Yuldasheva M. B.* Existential problems of studying loneliness // *Materials of*

the international conference “Problems of psychological well-being”. Yekaterinburg: USPU, 2021. P. 281–284.

Yuldasheva M. B. Research of personal determinants of loneliness // *Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*. 2022. V. 2. № 10 (2). P. 422–428.

Yuldasheva M. B. Socio-psychological determinants of feelings of loneliness in students: Doctor of philosophy in Psychological Sciences (PhD) thesis abstract. Tashkent, 2022.

Эмпирические показатели переживания одиночества

М. Б. Юлдашева

доктор философии по психологическим наукам PhD, старший преподаватель кафедры психологии, Ферганский государственный университет, Фергана, Узбекистан

В последние годы феномен одиночества привлекает ученых-психологов, поскольку одиночество является одной из насущных проблем нашего современного общества. Статистические данные показывают, что в последнее время склонность к одиночеству усилилась у молодых людей по сравнению с людьми старшего возраста. Проблема одиночества очень широко изучается в зарубежной психологии, где она исследуется на основе различных теорий, понятий, подходов, позиций, направлений. В данной статье излагаются аналитические результаты нашего исследования по изучению механизмов восприятия одиночества молодежью Узбекистана. Степень статистической достоверности полученных результатов подтверждалась методами математической статистики.

Ключевые слова: одиночество, депрессия, тревога, суицидальная предрасположенность, дифференциальный анализ, шкала общего переживания одиночества, шкала зависимости от общения, шкала позитивного одиночества, корреляционный анализ.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ
МАЛЫХ ГРУПП И МЕЖГРУППОВЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

О некоторых вопросах межпоколенной передачи семейного опыта на примере психологического отказа от материнства

И. С. Александрова

практикующий психолог, частная практика, Астрахань, Россия,
innasergeevna_a@mail.ru

Работа посвящена осмыслению процесса передачи семейной истории. Предлагается четырехмерная модель межпоколенной трансмиссии, каждый из элементов которой раскрывается на примере психологического отказа от материнства. Обобщены системные причины указанного социально-психологического феномена. Выявлены условия и предпосылки, при которых передается и воспроизводится семейный опыт. Сделан вывод о том, что межпоколенная трансмиссия представляет собой комплексный социально-психологический процесс, требующих дальнейших детальных исследований ввиду его социальной значимости в текущее время.

Ключевые слова: семейная система, межпоколенная трансмиссия, передача семейного опыта, семейная история, социальная память, трансгенерационная травма, психологический отказ от материнства.

Передача психологической травмы в семейной системе является многогранным социально-психологическим феноменом, к которому обращено исследовательское внимание на протяжении не одного десятилетия. К настоящему времени, благодаря многочисленным эмпирическим наблюдениям, представление о природе феномена отчасти сформировано: установлена возможность передачи семейных посланий между двумя и более поколениями, изучены как вербальные, так и невербальные формы межпоколенческой трансмиссии, само понятие детализируется, расширяется спектр исследуемых поколений и их воздействия при ответах на вызовы современности, и, как следствие, совершенствуются методы психологической помощи семьям. Вместе с тем многие вопросы о процессе передачи психологического опыта остаются по-прежнему открытыми.

В отечественной и зарубежной психологии значимыми для настоящей проблематики представляются исследования в рамках системного подхода, среди которых труды М. Боуэна, К. Витакер, В. Сатир, С. Минухина, Б. Хеллингера, А. А. Шутценбергер, Б. Ломова, Е. Шороховой, А. Варга, М. Сапорповской, К. Гайдар и др. Характерной особенностью данного подхода является рассмотрение семьи как системы, которая «первична по отношению к входящему в нее элементу» (Черников, 2001, с. 11–12). Являясь частью системы, человек обращает свойственными ей нормами и принципами. «В коллективе у индивидов возникают психологические особенности, несвойственные им вне коллекти-

ва» (Шорохова, 1974, с. 21). Семья как групповой субъект образует представления о себе в качестве субъекта действий, переживаний, отношений (образы «Мы») и складывает эмоционально-ценностное отношение к своим особенностям (чувство «Мы») (Гайдар, 2013). Психологическое единство семейной группы и наличие группового самосознания объясняют заинтересованность и активное участие каждого члена семьи в процессе передачи семейной истории и содержащихся в ней психологических посланий.

Психологическое наследство как совокупность психологических элементов (повторяющиеся и устойчивые модели поведения, перенятые чувства и сформированное отношение к явлениям и конкретным фигурантам отношений) представляет собой обобщенный опыт, протяженный во времени на несколько поколений и «закапсулированный» как показательный. Во французской психоаналитической школе вместилище опыта определяют как «природный фонд», целью которого является непрерывность природного состояния. Представляется, что наличие его предопределяет жизнеспособность системы и позволяет зафиксировать решенные членами семьи задачи и освоенный эволюционный уровень.

Вместе с тем подобное стремление к стабильности способствует фиксации семейной системы в состоянии гомеостаза. Системный банк с посланиями, включающимися в ответ на приближение к возбуждающим факторам, предопределяет отношение к различным жизненным ситуациям. Зачастую автоматический выбор какой-либо из устоявшихся в семейной системе стратегий не ведет к желаемому результату. Стоит детальнее исследовать процесс передачи посланий из семейного психологического фонда в случае длительных безуспешных попыток забеременеть при отсутствии медицинских на то объяснений.

Ранее мною предпринята попытка сформулировать понятие «фигуры тяжелого материнства» как обобщенного концентрированного опыта околоматеринских переживаний в семейной системе. При наличии системных отягощений женщина воспринимает и воспроизводит опыт прошлых поколений, ощущает фрустрирующие ее чувства (вину, тревогу, страх), не имеющие очевидных и прямо относящихся к ней объяснений. Внутреннее напряжение, возникающее при сопроковосновении с материнскими проявлениями, иллюзорно воспринимается как собственный опыт.

Стоит отметить, что подобное возникает в том случае, если какое-либо травматичное событие, связанное с материнством, психически не переработано и зафиксировано как не вошедшее в индивидуальную память. Информация о событии не становится пережитым опытом конкретного субъекта, не переходит в область прошлого, а остается в системном фонде в статусе настоящего. Жизненная задача не решена, и ее решение в лучшем случае предстоит найти следующему поколению. Существенно здесь и то, что потомкам не передаются способы переработки травматичного опыта ввиду того, что они не изобретены самим предком (Тарабрина, Майн, 2013, с. 98). Описанное создает существенную предпосылку к передаче послания.

С течением времени передаваемое послание теряет первоисточник, что представляет трудность для его вербализации и переработки в дальнейшем. Фрагменты содержимого в послании переплетаются с личным опытом и окружают

ся фантазийными доосмыслениями: семейная история дополняется деталями, не имеющими отношения к истине, в основе которых в том числе беспочвенные «намеки» (Богатырева, 2009, с. 167). При данных обстоятельствах прошлое и настоящее сплетаются воедино, что создает эффект нахождения последствий послания одновременно «в двух измерениях» (Болебер, 2010). Таким образом, послание трансформируется в новое, содержащее в себе частично то, что не принадлежит поколению-источнику. При этом с каждой трансмиссией событие «теряет свой язык» и переходит в латентное переживание.

Представляется значимым рассмотрение процесса передачи семейного психологического опыта в четырехмерной модели, структурными элементами которой являются:

- субъект-«передатчик» («Кто воздействует?» – характерные особенности предка-собственника послания);
- субъективная сторона («Как воздействует?» – описание каналов передачи информации);
- объект-«приёмник» («Кто принимает?» – существенные характеристики идентификации потомка);
- объективная сторона («Как принимает?» – условия благополучности воздействия, доведения до результата и сохранение переданного опыта).

Субъектом-«передатчиком» выступает предок, столкнувшийся в рамках личного опыта с травматичным переживанием и не переработавший его. Переживание не переходит в зону прошлого, не трансформируется в опыт и перерастает в посттравматическую симптоматику. Выводы, совершенные в результате причастности к травматичному событию, пронизывают жизненный сценарий и определяют выборы. Эмоционально и/или поведенчески они находят отражение в жизни субъекта. Стремясь освободиться от невыдерживаемых чувств, он вытесняет воспоминания. С учетом защитной функции психики мы имеем дело с расщеплением личностной структуры и вытеснением травмированных ее внутренних частей.

Применительно к ситуации психологического отказа от материнства удастся выделить следующие непереработанные травматичные факты: ранняя утрата материнской или значимой женской замещающей фигур и обременение родительским функционалом по отношению к сиблингам; смерть при родах женщины в семье; тяжелое заболевание матери сразу после рождения ребенка; невозможность обеспечить детей по экономическим соображениям и тяжелые последствия в связи с этим (смерть из-за голода, передача детей на попечение «в город» и др.); утрата ребенка на ранних сроках, намеренное прерывание беременности, неоднократные аборты и закопсулированное чувство вины по этому факту; рождение ребенка в ранний возрастной период и чувство стыда в связи с этим; смерть ребенка; тяжелое заболевание и инвалидность ребенка; тяжелые взаимоотношения с момента рождения детей внутри пары (развод сразу после рождения, измена и т. д.); замещение кого-либо из семьи (первых партнеров и др.); стремление получить внимание от эмоционально отсутствующей мамы, следствием чего является уход со своей горизонтали; выполнение ролевого функционала лиц противоположного пола (роль партнера для мамы, роль отца

кому-либо из родителей). Наиболее значимыми для рассматриваемой ситуации и часто встречающимися среди перечисленных системных причин являются факты утраты детей (аборты в личной истории или опыте значимых женских фигур, выкидыши и замершие беременности, ранняя смерть детей в семейной системе), что чаще всего утаивается. Наличие секрета усугубляет положение, что также свидетельствует о непереработке травматичного факта и стремлении скорректировать в памяти личную историю в сторону его исключения.

Исключенное стремится быть проявленным, в связи с чем возникает потребность дать выход закапсулированным чувствам и сформировать их в виде определенного послания. То, с какой мотивацией и в какой форме субъект передает послание, составляет *субъективную сторону* транзакции.

Мотивационный аспект. Субъект передает послание в целях удовлетворения собственных потребностей: облегчение, заполнение внутренней «дыры», использование «второго» шанса, поиск смысла жизни, возможность концентрации внимания и фокусирования на более значимых задачах. Применительно к ситуации невозможности забеременеть по не медицинским показателям удается выделить следующие мотивационные аспекты: желание получить от ребенка безусловную любовь, как от родителя; желание реализовать собственные амбиции и переписать личную историю не своими руками; желание избежать решения иных личных задач, не связанных с амбициозностью (стремление не нести воинскую обязанность и др.); желание скрепить брак; желание удовлетворить экономические цели (получение материнского капитала, выдача земельного участка в случае многодетности, льготная ставка семейной ипотеки); желание продемонстрировать свое превосходство над сиблингом или «догнать» его; желание иметь ребенка определенного пола; желание забеременеть, но не родить ребенка или не стать мамой. Так, при первых двух типах мотивации ребенок особенно желаем как средство нарциссического расширения родителя.

Форма послания. Если методологически заложить в основу декартовы координаты, то представляется возможным объединить виды посланий в следующие группы по форме и каналам их передачи и степени осознанности:

- вербально-сознательные;
- вербально-бессознательные;
- невербально-бессознательные;
- невербально-сознательные.

Представляются наиболее качественными, т. е. более способствующими результату, вербально-сознательные как прямые из перечисленных форм и невербально-бессознательные как самые завуалированные из них. Например, проекции следует отнести к невербально-бессознательным, а «семейное делегирование» как бессознательную ассигнацию ролей и заданий (Тарабрина, Майн, 2013, с. 97–98) следует рассматривать как бессознательный и вербальный канал. Так, необходимость «заботиться о маме» транслируется детям вербальным способом через слова и подкрепляется поощрением поведение теми матерями, которые недополучили эту заботу от своих родителей. В данном случае ребенку делегируется роль заботливого родителя в целях устранения сфор-

мированной «ошибки», которая мамой, в свою очередь, не осознается. Стоит отметить, что зачастую возлагаемые при делегировании роли и задачи оказываются не по силам функциональному месту ребенка, его возможностям и потребностям. При этом семейная система метафорически представляет собой перевернутые песочные часы, где смещены горизонталы иерархии. При этом, вырастая в таком формате семейной системы, женщина бессознательно отказывается иметь детей: место, потенциальное для прихода ребенка, фактически оказывается занятым ее матерью, а сама она чувствует пресыщение от родительского функционала.

В приведенном примере отражена существенная характеристика *объективной стороны* – условий принимающей стороны в процессе. Она представляет собой *готовность* воспринимать семейный опыт и принять послание. Необходимой предпосылкой является восприятие субъекта значимым. Используемое американским социологом Г. Салливаном понятие «значимый другой», подразумевающее в себе человека, мнение которого ценно для индивида с точки зрения влияния на поведение последнего, развитие его личности и выбор ценностных ориентаций (Салливан, 1999, с. 165), представляется уместным для исследования процесса межпоколенной передачи. Отечественный психолог А. В. Петровский детализировал критерии значимости другого и выделил среди них следующие компоненты: референтность (признание за другим индивидом права принимать значимые решения), аттракция (сильные чувства, возникающие в отношении другого человека) и власть (здесь, статус, место в иерархии) (Петровский, 1991). Применительно к процессу межпоколенной трансмиссии «значимым другим» выступают не только родители, но и иные члены семейной системы, соответствующие изложенным характеристикам. В. Слободчиков, А. Шувалов выделили две шкалы, определяющие значимость другого: кровное родство («родной—чужой») и духовная близость («близкий—чуждый») (Тарабрина, Майн, 2013). Стоит отметить, что для межпоколенной трансмиссии именно семейного опыта наличие кровного родства является предопределяющим.

Второй особенностью объективной стороны является *самоощущение* в семейной системе. В случае замещения собой кого-либо из членов семьи объект более благосклонен к восприятию системных посланий, поскольку в данном случае функциональная роль и положение предопределяются заблаговременно выданным «семейным мандатом» по С. Лебовиси (Тарабрина, Майн, 2013).

Наиболее благоприятным для принятия посланий *объектом* являются внутриутробный период и раннее детство. Между матерью и ребенком еще до его рождения формируется устойчивая связь, позволяющая иметь доступ к бессознательному системы целиком (Шутценбергер, 2005). Симбиотические отношения, характерные особенно для перечисленных периодов, способствуют взаимной идентификации: происходит обмен «внутренними мирами». Эта «отождествляющая связь „Мы“» способствует идентификации потомка со значимым предком и через включение в «новые системы» подвергается интериоризации, по Л. С. Выготскому (Выготский, 1960, с. 245). Идентифицированный потомок «присваивает» переданное послание и образует новые внутренние части. Сложившиеся эмоциональные связи в результате процессов идентификации, интроекции и интериоризации являются теми необходимыми каналами пере-

дачи травматичного опыта, помогающими ему зафиксироваться. Внутренний театр принимающей стороны пополняется вытесненными субъектом трансмиссии фигурами. Таким образом, одной из существенных характеристик объекта является его ранний возраст. Позже объект использует «аппарат» психики, благодаря которому опознает и понимает смысл церемониальных действий семьи, связанных с передачей посланий (Тарабрина, Майн, 2013, с. 97). Предполагается, что во взрослом возрасте стать объектом транзакции не удастся, а модели поведения, схожие с принятыми в семейной системе за норму, являются уже переданными ранее и пробужденными в ответ на триггеры. Имеют ли подобное значение половая принадлежность и сиблинговая позиция, предстоит выяснить в дальнейших исследованиях.

Заключение

Передача семейного опыта представляет собой не только процесс, но и результат. В связи с этим элементы транзакции подвижны: объект становится субъектом с активным началом, а процесс передачи переходит в новую стадию — опыт ассимилируется, преобразуется и, при совершенном выборе передавать его далее, воспроизводится. При этом принимающий объект на этой стадии волен переработать травматичный опыт и не нести его дальше.

Рассмотренные четыре составляющие межпоколенной трансмиссии семейной истории действуют системно и достигают своего результата при включенности в равной степени каждого из них. Для прерывания этого процесса в части травматичного опыта достаточно трансформации одной из мерностей. В качестве основных выделяются следующие: осознание случившегося, придание ему смысла, работа горя, реинтерпретация травматичного опыта, разделение индивидуального опыта и опыта предков, выделение семейных сценариев, дезидентификация с ними, интеграции травмы в субъективный мир конфликтов и фантазий с приданием этому опыту статуса прошлого (Майн, 2017, с. 10).

Таким образом, межпоколенная трансмиссия представляет собой комплексный социально-психологический процесс, требующий дальнейших детальных исследований ввиду его социальной значимости в текущее время.

Литература

- Богатырева М. Х.* Межпоколенная передача семейной истории. Дефекты передачи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 109. С. 164–170.
- Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций. Из неопубликованных трудов. М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1960.
- Гайдар К. М.* Социально-психологическая концепция группового субъекта. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013.
- Майн Н. В.* Индивидуальная и межпоколенческая травматизация кандидатов в замещающие родители: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2017.
- Петровский А. В.* Трехфакторная модель значимого другого // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 7–17.
- Салливан Г. С.* Интерперсональная теория в психиатрии. СПб.: Ювента, 1999.

- Тарабрина Н. В., Майн Н. В.* Феномен межпоколенческой передачи психической травмы // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 3. С. 96–120.
- Черников А. В.* Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.
- Шорохова Е. В.* Психологический аспект личности // Теоретические проблемы психологии личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1974. С. 3–33.
- Шутценбергер А. А.* Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование гено-социограммы. М.: Изд-во Института психотерапии, 2005.

On some questions of intergenerational transmission of family practice on the example of psychological rejection of motherhood

I. S. Aleksandrova

practicing psychologist in private practice, Astrakhan, Russia, innasergeevna_a@mail.ru

The article is devoted to understanding the process of transferring family history. A four-dimensional model of intergenerational transmission is proposed, each of the elements of which is revealed by the example of psychological rejection of motherhood. The systemic causes of this socio-psychological phenomenon are summarized. The conditions and prerequisites under which the family experience is transmitted and reproduced are revealed. It is concluded that intergenerational transmission is a complex socio-psychological process that requires further detailed research in view of its social significance at the current time.

Keywords: family system, intergenerational transmission, transmission of family experience, family history, social memory, transgenerational trauma, psychological rejection of motherhood.

Вынужденная миграция как механизм реконструирования социокультурной идентичности

Н. Н. Алигаева

преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности
в уголовно-исполнительной системе Академии ФСИН России, Рязань, Россия,
nigar-0520@mail.ru

Миграция является одним из значимых социальных процессов как на региональном, так и на международном уровнях. Приток населения из других стран может способствовать социальной напряженности в связи с конкуренцией на рынке труда, неспособностью мигрантов «влииться» в новое общество, отличное по культурным нормам и традициям, внесение собственных «правил» в жизнь коренного населения, все это ведет к усилению кризиса социокультурной идентичности мигрантов. Данный термин используют для обозначения индивидуальных представлений человека о себе как о составляющем конкретного общества, обладающей собственной культурой, нормами, традициями. Как показывают результаты современных исследователей, в связи с глобализацией (доступность перелетов, международных социальных сетей, информационного обмена, средств массовой информации и т. д.) и распространением таких негативных факторов, как нестабильная экономическая ситуация, безработица, отсутствие социальных льгот и выплат, рост цен, что приводит к усилению миграционных процессов, остро встает вопрос о развитии кризиса социокультурной идентичности и необходимости использования различных мер првенции культурного наследия конкретного общества.

Ключевые слова: миграционные процессы, мигранты, вынужденная миграция, кризис идентичности, социокультурная идентичность, транснационализм, ассимиляция, социальные процессы, социальная психология.

Согласно данным, представленным на официальном сайте российского медиахолдинга РБК со ссылкой на данные Федеральной службы государственной статистики, из России с начала 2022 г. выехали в другие страны 419 тыс. человек (за аналогичный период прошлого года – 202 тыс. человек). В основном население страны направилось в Украину (79,6 тыс.), в Таджикистан (58,4 тыс.), Армению (49 тыс.), Киргизию (43,6 тыс.), Казахстан (40,7 тыс.), Узбекистан (38,6 тыс.), Китай (6,6 тыс.), Вьетнам (5,4 тыс.), Индию (4,1 тыс.). В России временное убежище получили 64,5 тыс. человек. Основными причинами эмиграции выступают следующие факты: нестабильная экономическая ситуация из-за санкций и контрсанкций, стабильный рост цен на продукты питания и коммунальные платежи, отсутствие индексации заработной платы и пенсий, низкий уровень социальной поддержки, стихийные бедствия и т. д.

Привлекательными факторами для переезда в другую страну выступают такие, как развитая экономика, высокая заработная плата, благоприятный климат, доступность получения вида на жительство, наличие пенсионных программ и социальных льгот, невысокие цены на жилье и продукты питания. Ранее, в начале 2000-х годов, популярностью у эмигрантов из России пользовались страны Европы, США и Канада, а сейчас наблюдается тенденция к странам Азиатского региона. Однако специалисты отмечают, что из-за сложностей обустройства на новом месте и адаптации к местной культуре люди возвращаются обратно в свою страну.

Эмиграция – это сложный, долгий и трудоемкий процесс, который способен привести не только к позитивным изменениям в жизни, но и к негативным, связанным с кризисом идентичности в период адаптации к условиям проживания в новой стране. В связи с ростом количества лиц, покинувших свои страны в поисках благополучной жизни, изучение адаптационных проблем является одной из актуальных тем не только в России, но и за рубежом. Отдельные аспекты данной проблемы освещены в трудах современных исследователей: И. А. Вершинина, В. Х. Гусейнова, Э. М. Думнова, М. Ф. Ефремова, М. И. Заславской, М. А. Олимова, С. К. Олимова, Н. А. Панич, В. Н. Петрова, В. Н. Ракачева, Я. В. Ракачева, А. Ю. Толмачева и др.

Цель данного исследования – провести анализ научных источников для выявления современного взгляда на кризис личностной идентичности и кризис социокультурной идентичности в условиях развития современного общества.

Каждая цивилизация и каждое государство культивирует в своем народе определенные личностные качества. Благодаря процессу социализации дети с раннего возраста усваивают нормы и традиции своего народа.

Согласно И. А. Василенко, *социокультурная идентичность* представляет совокупность устойчивых черт, которые позволяют этнической или социальной группе отличать себя от других. Применение понятия «идентичность» указывает на наличие связей между внутрилличностной и социокультурной обусловленностью действий человека, объединяя в нем социальное и психологическое (Василенко, 2013).

Говоря о социокультурной идентичности, подразумевают индивидуальные представления человека о себе как о составляющем данного общества и участнике социального взаимодействия, реакции окружающих лиц на его социокультурное поведение. Если человек отождествляет себя с культурой своего народа, то он также отвечает за преемственность данных культурных норм и традиций, что отражается в определенных формах поведения.

Социокультурная идентичность характеризует культурные и этнические составляющие субъекта. По М. А. Арефьеву, А. В. Зыкину, С. А. Виноградовой, М. В. Федорову, идентичность и самосознание обладают схожим свойством – конструируемостью. Результат изменения массового сознания общества конкретного государства зависит от того, какие конструкты (политические, социальные, культурные) используются для формирования его идентичности. Идентичность – одна из значимых категорий, употребляемых при анализе социокультурных процессов, происходящих в условиях глобализации (Арефьев и др., 2022).

Одним из ярких примеров проявления глобализации мировой экономики выступают миграционные процессы. Миграция предполагает и адаптацию к новым условиям жизни в другой стране. Э. М. Думнова выделяет два традиционных способа приспособления мигрантов: ассимиляция и транснационализм, которые являются достаточно противоречивыми. Например, транснационализм может привести к размыванию самобытности традиционной национальной культуры, замещению социопространственной идентичности (Думнова, 2021).

Однако невозможно исключить тот факт, что мобильность стала неотъемлемой частью и нормой современной экономической и социальной жизни большинства государств. Культура конкретного общества не может рассматриваться только с позиции государственной принадлежности и обладать неотъемлемыми свойствами, так как миграционные процессы, средства массовой информации, социальные сети и т. д. вносят изменения в жизнь молодого населения государства, под влиянием которых привносятся новые течения в культурное наследие страны (Клепикова, Мурманцев, 2023). Глобализация способствовала развитию новых форм взаимодействия, при которых физическое пространство уступило место социокультурному: границы начали стираться не только между государствами и континентами, но и между культурами и поколениями (Звоновский, 2011).

В условиях вынужденной миграции человек может сталкиваться с огромным количеством неподъемных проблем: отсутствие жилища, средств к существованию, незнание местного языка, необходимых для трудоустройства документов, что может сопровождаться дезориентацией, дезадаптацией, социальной пассивностью. Данные факты могут приводить к частичной потере представлений о себе и своем будущем, что является характерным проявлением кризиса идентичности, свойственного мигрантам первого поколения.

И. А. Вершинина, Н. А. Панич указывают, что из-за определенной стратегии адаптации мигранты могут сталкиваться не только с кризисными ситуациями, но и с конфликтными со стороны местных жителей. В данных обстоятельствах у мигрантов не формируется идентификация себя с новым обществом и культурой, как следствие, появляются закрытые социальные группы, состоящие из сородичей, с абсолютной ориентацией на собственные прежние культурные нормы и традиции. Данные обстоятельства способны оказывать влияние на формирование единой социокультурной идентичности данного населенного пункта, дестабилизации различных аспектов городской жизни (Вершинина, Панич, 2015).

Г. Д. Гриценко и Т. Ф. Маслова выделяют следующие условия, препятствующие социокультурной интеграции вынужденных мигрантов: правовые (нарушение их прав на жизнь), социальные (нарушение права на социальное обеспечение), социально-экономические (материальные потери), социально-психологические (острые субъективные переживания в ситуации вынужденного перемещения), культурно-коммуникативные (лишение собственного культурного и коммуникационного пространства). Авторы отмечают, что при наличии благоприятных условий в новом сообществе мигранты способны к хорошему уровню интеграции. Однако при наличии сопротивления и препятствий в различных сферах жизнедеятельности могут возникать точки напряжения, кото-

рые могут быть либо разрешены мирным путем, либо приводить к конфликтным и кризисным состояниям (Гриценко, Маслова, 2013).

Заключение

Таким образом, проблема адаптации и интеграции вынужденных мигрантов продолжает оставаться одной из актуальных во всем мире. Необходимо отметить, что Россия долгое время оставалась и продолжает оставаться центром миграционных процессов для населения бывших республик СССР в связи с более высоким социально-экономическим развитием, возможностью трудоустройства, благоприятным географическим положением. Различия в этнической, национальной, религиозной принадлежности, сложности в интеграции к новым условиям жизни, нежелание коренного населения в принятии мигрантов приводят к конфликтным ситуациям, кризисным состояниям. В последние несколько лет в связи с нестабильной экономической ситуацией в стране из-за санкций и контрсанкций, стабильного роста цен на продукты питания и коммунальные платежи, низкого уровня социальной поддержки и т. д. местное население покинуло территорию страны в поисках более благоприятных условий жизни за ее пределами. Однако анализ научных источников и средств массовой информации показывает, что эмиграция оказалась не таким легким процессом и большинство жителей столкнулись с серьезными проблемами интеграции в общество других стран. Этнические, национальные, культурные, языковые, религиозные и иные отличия затруднили процесс адаптации мигрантов и привели к развитию кризиса идентичности – постоянной тревожности, потере представлений о себе и своем будущем, социальной пассивности. Процесс глобализации, военные и стихийные бедствия, доступность средств массовой информации и социальных сетей способны оказывать значимое влияние и на развитие кризиса социокультурной идентичности, что может приводить к потере культурных норм и традиций, представлений о своем народе и его истории. Именно поэтому так важно уделять особое внимание сохранению культурного наследия своего народа, проведению просветительских программ и реализации мер превенции развития кризиса социокультурной идентичности.

Литература

- Арефьев М. А., Зыкин А. В., Виноградова С. А., Фёдоров М. В.* Социокультурная идентичность: суждения, определения и современные проблемы // Социодинамика. 2022. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-identichnost-suzhdeniya-opredeleniya-i-sovremennye-problemy> (дата обращения: 18.07.2023).
- Василенко И. А.* Политология. М.: Юрайт, 2013.
- Вершинина И. А., Панич Н. А.* Идентичность мигрантов в условиях меняющейся социальной структуры // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 44–47.
- Гриценко Г. Д., Маслова Т. Ф.* Социокультурная интеграция вынужденных переселенцев в новое сообщество: структурный аспект // Наука. Инновации. Технологии. 2013. № 4. С. 116–128.

- Думнова Э. М.* Социокультурная адаптация мигрантов и новые виды идентичности // Гуманитарный вектор. 2021. № 2. С. 111–116.
- Звоновский В. Б.* Глобализация и кризис социокультурной идентичности // Вестник ОмГУ. 2011. № 3. С. 314–319.
- Из России с начала года выехали 419 тыс. человек // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/09/2022/631649a09a79476923ac3d6c> (дата обращения: 17.07.2023).
- Клепикова Л. В., Мурманцев В. С.* Транснационализм как новая перспектива исследования современного общества // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2023. № 1 (63). С. 46–53.

Forced Migration as a Mechanism for the Reconstruction of Sociocultural Identity

N. N. Aligaeva

lecturer of the Department of Psychology of Professional Activity in the Penitentiary System of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, nigar-0520@mail.ru

Migration is one of the significant social processes both at the regional and international levels. The influx of people from other countries can contribute to social tension due to competition in the labor market, the inability to “join” a new society that is different in cultural norms and traditions, introducing its own “rules” into the life of the indigenous population, which leads to an intensification of the crisis of socio-cultural identity. This term is used to refer to individual ideas of a person about himself as a component of a particular society, which has its own culture, norms, and traditions. As the results of modern researchers show, in connection with globalization (accessibility of flights, international social networks, information exchange, mass-media etc.) and the spread of such negative factors as an unstable economic situation, unemployment, lack of social benefits and payments, growth prices, which leads to an increase in migration processes, there is an acute question about the development of a crisis of socio-cultural identity and the need to use various measures to prevent the cultural heritage of a particular society.

Keywords: migration processes, migrants, forced migration, identity crisis, socio-cultural identity, transnationalism, assimilation, social processes, social psychology.

Буллинг по этническому признаку: универсальные и культурно-специфические причины

Е. В. Бушина, А. М. Каримова***

* кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет „Высшая школа экономики“», Москва, Россия, evbushina@hse.ru

** аспирант, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет „Высшая школа экономики“», Москва, Россия, amuminova@hse.ru

Целью настоящего исследования является определить и сравнить причины буллинга русских и таджикских сверстников русскими школьниками и студентами. В исследовании приняли участие 384 школьника и студента, обучающихся в российских школах и колледжах, со средним возрастом 16,51 года ($SD=3,52$). Каждый респондент получал случайно один вариант виньетки (всего виньеток было 4: про таджикского мальчика-жертву, про таджикскую девочку-жертву, про русского мальчика-жертву и русскую девочку-жертву). Был проведен тематический контент-анализ и выделены категории-причины травли. Было выделено 6 больших категорий факторов виктимизации российских школьников – это определенные характеристики жертвы и агрессора, которые приводят к школьному буллингу, характеристики класса, восприятие сверстников, воспринимаемые различия, а также проблемы семьи и социализации. Среди факторов виктимизации таджикских студентов было выделено семь категорий: характеристики жертвы и агрессора, проблемы, возникающие при слиянии культур, проблемы семьи и социализации, неэтнические факторы и восприятие сверстников.

Ключевые слова: школьная травля, этническая травля, этническое большинство, виньетки, факторный дизайн.

Прикладывая теорию социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1986) к ситуации школьной травли по этническому признаку, можно предполагать, что подростки одной этнической группы будут проявлять агрессию по отношению к представителям другой группы. Как правило, такая агрессия начинается не только с поведенческих показателей, но и с установок по отношению к представителям другой этнической группы (Hitti, Killen, 2015; Tajfel, Turner, 1986). Чем негативнее оценка представителей другой этнической группы, тем больше вероятность того, что они будут проявлять агрессию и участвовать в школьном буллинге (Bresnahan, Lee, 2011; Duncan, 1976; Fiske, 2018). Следовательно, предвзятость также может стать причиной того, что представители разных этнических групп будут по-разному оцениваться при участии в школьном буллинге. Например,

в ситуации буллинга они приписывают агрессивное поведение членам аут-группы (DeRosier, Mercer, 2009; Hitti, Killen, 2015; Levy, Killen, 2010; Nesdale, Flessler, 2001; Thijs, Verkuuyten, 2013). В то время как агрессия со стороны членов ингруппы часто может быть оправдана (Fousiani et al., 2018).

Исследования буллинга на основе этнических предрасположений показывают, что подростки чаще проявляют эмпатию к жертве из ингруппы, чем к жертве из аутгруппы (Fousiani et al., 2018). Более того, жертвы из аутгруппы могут восприниматься как заслуживающие плохого отношения из-за угрозы, которую они могут представлять (Stephan, 2014). Таким образом, жертвы из аутгруппы могут вообще не восприниматься как жертвы плохого отношения или школьного буллинга.

Факторы, приводящие к школьному буллингу, представляют особый интерес для исследователей. В случае этнического буллинга спектр этих факторов может быть ограничен этнической, культурной или религиозной принадлежностью, как показывают существующие исследования (Birman et al., 2002; DeRosier, Mercer, 2009; Graham, Juvonen, 2002; Hitti, Killen, 2015; Kozmus, Pšunder, 2017; Smokowski, Bacallao, 2006; Vervoort et al., 2008). Однако в случае обычного буллинга спектр этих факторов может быть обширным, начиная от физических и внешних характеристик и заканчивая отношениями со сверстниками. Поэтому целью данного исследования является выявление, классификация и сравнение факторов буллинга как у российских подростков, так и у подростков из семей иммигрантов.

Выборка

Выборка состояла из русских учащихся старших классов российских школ. Подростковая группа была выбрана на основании данных о том, что к этому возрасту окончательно формируется этническая идентичность и подростки могут высказывать суждения о своей или другой этнической группе. Анкета распространялась в школьных сообществах в социальных сетях и сообществах ВШЭ, таких как «Лицей» и «Школа молодого психолога», а также через учителей и родителей. Все испытуемые были разделены на 4 группы в соответствии с условиями представленных виньеток: таджикский мальчик-жертва, таджикская девочка-жертва, русский мальчик-жертва, таджикская девочка-жертва.

Общий объем выборки составил 384 чел. со средним возрастом 16,51 года ($SD=3,52$). Из них 28,1% (81 школьник) – мужского пола и 71,9% (207) – женского. 108 (37,5%) респондентов учились в государственной общеобразовательной школе, 46 (16%) – в гимназии, 48 (16,7%) – в лицее, 44 (15,3%) – в колледже, по 6 (2,1%) – в частной или вечерней школах, 36 (12,5%) – на первом курсе университета. Среди обучавшихся в школах 4 (1,4%) человека учились в 6-м классе, 8 (2,8%) – в 7-м, в 8-м – 17 (5,9%), в 9-м – 44 (15,3%), в 10-м – 57 (19,8%) и в 11-м классе учились 82 (28,5%) респондента.

Процедура

Комитет по этике ВШЭ рассмотрел исследование на предмет соответствия этическим нормам и дал разрешение на проведение исследования 1 ноября 2021 г.

Процедура исследования заключалась в заполнении анкеты на платформе Anketolog. Опросник был распространен среди учащихся российских школ и колледжей. На заполнение анкеты отводилось около 10 минут. Первоначально был задан фильтрующий вопрос о национальности респондентов. К анкетированию допускались только студенты русской национальности. Респонденты были случайным образом разделены на 4 группы: каждый респондент получил по 1 варианту виньеток (общее количество – 4).

Социально-психологический опросник включал виньетки, после которых следовали закрытые и открытые вопросы, касающиеся оценки ситуации. В открытом виде предлагался вопрос о причинах (факторах) виктимизации русских и таджикских студентов. Качественный анализ факторов виктимизации русских и таджикских студентов проводился в программной среде Atlas.ti. Был проведен тематический контент-анализ с кодированием ответов на категории. Было закодировано 13 категорий. После предварительной категоризации все категории были отнесены к категориям более высокого ранга, т. е. категории были объединены в группы.

Результаты

Таким образом, мы выделили 6 больших категорий факторов виктимизации российских школьников – это определенные характеристики жертвы и агрессора, которые приводят к школьному буллингу: характеристики класса, восприятие сверстников, воспринимаемые различия, а также проблемы семьи и социализации.

1. Категория «агрессор» включала такие подкатегории, как самооценка агрессора (1) и его стремление к самоутверждению (10). Многие респонденты отмечали, что жертвы школьного буллинга могли подвергаться травле из-за низкой самооценки агрессора и его желания самоутвердиться за счет жертвы. Эта категория включала 11 кодов и была небольшой.
2. Категория «жертва» была самой большой, она содержала 72 кода. Она включала такие подкатегории, как собственная агрессия жертвы (3), неадекватное поведение жертвы (14), когнитивные различия между жертвой и другими учениками (например, низкая успеваемость) (2), личные качества жертвы (9), а также низкая самооценка жертвы (4), ее слабость (8) и неспособность дать отпор (11), негативная оценка жертвы другими учениками (4), различные физические и биологические отличия жертвы от других учеников (например, масса тела и т. д. (6).
3. К категории «Класс» относились отношения жертвы с учителем (2), негативная атмосфера в классе (например, сложившаяся норма издевательств над слабыми учениками (3), отношения жертвы с классным руководителем (3), низкий социальный статус жертвы (например, он может быть новичком в классе) (2). Данная категория включала 10 кодов.
4. Категория «Проблемы семьи и социализации» касалась материального положения семьи, негативной семейной атмосферы, неправильного воспитания. Данная категория включала подкатегории «Проблемы социализации сверстников» (4), «Семья» (2), «Семейное положение» (2), «Социализация

агрессора» (3) и «Социализация сверстников» (4). Всего в этой категории было 15 кодов.

5. Одной из наиболее крупных категорий были воспринимаемые различия, которые включали в себя различные характеристики, по которым подруги могли отличить жертву от других сверстников (например, внешние различия или национальность). В эту категорию вошли различия в мировоззрении и вкусах (8), национальность или этническая принадлежность жертвы (5), простое упоминание о том, что жертва отличается от других (26), а также внешние отличия жертвы от других сверстников (7). Категория состояла из 46 кодов.
6. Категория «Восприятие сверстника» включала эмоции (5), отношение сверстников к жертве (6) и отношения (5), а также прошлый опыт общения жертвы со сверстниками (7). В данной категории было 13 кодов.

Среди факторов виктимизации таджикских студентов было выделено семь категорий: характеристики жертвы и агрессора, проблемы, возникающие при слиянии культур, проблемы семьи и социализации, неэтнические факторы и восприятие сверстников.

1. Характеристики агрессора — небольшая категория, включающая одну подкатеорию — предвзятость агрессора. Респонденты отмечают, что травля таджикских студентов часто может происходить из-за национализма, предрассудков или стереотипов агрессора.
2. Характеристики жертвы — самая большая категория, включающая 24 кода и 8 подкатегорий: физические и биологические характеристики жертвы, способности жертвы, агрессия жертвы, поведение жертвы, личные качества жертвы, статус жертвы, слабость жертвы. В основном в эту категорию попадает неадекватное поведение самой жертвы, слабость жертвы, характер жертвы, статус жертвы в классе, способности жертвы.
3. Проблемы семьи и социализации включали 3 подкатегории. Две подкатегории уже встречались в факторах виктимизации российских студентов, новой подкатегорией стали трудности, возникающие в период полового созревания.

Также были выделены категории 4 — воспринимаемые различия и 5 — восприятие сверстников, которые были аналогичны тем, что уже упоминались в факторах виктимизации российских студентов, за исключением того, что восприятие сверстников было небольшой категорией, включающей только подкатеорию агрессии сверстников.

Новыми категориями в этом смысле стали проблемы, возникающие в результате слияния культурных и, наоборот, неэтнических факторов. Вопросы культуры (6-ая категория) включали 7 кодов, среди которых были названы такие подкатегории, как вопросы владения языком, религия, вопросы адаптации жертвы, культура жертвы. Как правило, респонденты отмечали, что таджикские школьники могут отличаться от русских по своим культурным характеристикам, в том числе другой религией, другими обычаями, у них могут быть проблемы с адаптацией и, как следствие, плохое знание русского языка, из-за чего они могут подвергаться школьному буллингу.

7. К неэтническим факторам, напротив, относятся такие ответы респондентов, как «все зависит от самого человека, независимо от его национальности».

Заключение

Сравнивая категории факторов буллинга для русских и таджикских студентов, можно выделить общие факторы, играющие роль в буллинге как для русских, так и для таджикских студентов, и уникальные факторы, характерные для этих групп в отдельности. К общим факторам относятся характеристики агрессора и жертвы, проблемы семьи и социализации, воспринимаемое различие и отношения со сверстниками. Как видим, общих факторов достаточно много, но стоит отметить и некоторые особенности этих совокупностей. Например, уже ясно, что факторы, связанные с характеристикой жертвы, играют важную роль как в травле русских, так и таджиков. Однако при травле русских студентов чаще всего упоминались характеристики агрессора. К уникальным факторам издевательств над русскими студентами относится атмосфера в классе, которая не упоминалась при объяснении издевательств над таджикскими студентами. Однако, с другой стороны, культурные проблемы и внеэтнические факторы являются уникальными для таджикских студентов. При объяснении издевательств над таджикскими студентами упоминаются их культурные корни, религия, трудности и проблемы аккультурации и адаптации.

Литература

- Birman D., Trickett E. J., Vinokuro A.* Acculturation and Adaptation of Soviet Jewish Refugee Adolescents: Predictors of Adjustment Across Life Domains // *Journal of Community Psychology*. 2002. V. 30. P. 585–607.
- Bresnahan M. J. L. C.* Activating racial stereotypes on Survivor: Cook Islands // *Howard Journal of Communications*. 2011. V. 22. № 1. P. 64–82.
- DeRosier M. E., Mercer S. H.* Perceived behavioral atypicality as a predictor of social rejection and peer victimization: Implications for emotional adjustment and academic achievement // *Psychology in the Schools*. 2009. V. 4. № 46. P. 375–387.
- Duncan B. L.* Differential social perception and attribution of intergroup violence: Testing the lower limits of stereotyping of Blacks // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1976. V. 34. № 4. P. 590–598.
- Fiske S. T.* Stereotype content: Warmth and competence endure // *Current Directions in Psychological Science*. 2018. V. 27. № 2. P. 67–73.
- Fousiani K., Michaelides M., Dimitropoulou P.* The effects of ethnic group membership on bullying at school: when do observers dehumanize bullies? // *The Journal of Social Psychology*. 2018. V. 4. № 159. P. 431–442.
- Graham S., Juvonen J.* Ethnicity, peer harassment, and adjustment in middle school // *The Journal of Early Adolescence*. 2002. V. 2. № 22. P. 173–199.
- Hitti A., Killen M.* Expectations about ethnic peer group inclusivity: the role of shared interests, group norms and stereotypes // *Child Development*. 2015. V. 86. № 5. P. 1522–1537.
- Kozmus A., Pšunder M.* Bullying among pupils with and without special needs in Slovenian primary schools // *Educational Studies*. 2017. V. 4. № 44. P. 408–420.

- Nesdale D., Flessner D.* Social identity and the development of children's group attitudes // *Child Development*. 2001. V. 2. № 72. P. 506–517.
- Smokowski P. R., Rose R., Bacallao M. L.* Acculturation and Latino Family Processes: How Cultural Involvement, Biculturalism and Acculturation Gaps Influence Family Dynamics // *Family Relations*. 2008. V. 57. P. 295–308.
- Stephan W. G.* Intergroup Anxiety: Theory, Research, and Practice // *Personality and Social Psychology Review*. 2014. V. 18. № 3. P. 239–255.
- Tajfel H., Turner J. C.* The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of Intergroup Relations* / Eds S. Worchel, W. G. Austin. Chicago: Hall Publishers, 1986. P. 7–24.
- Verkuyten M., Thijs J.* Multicultural education and inter-ethnic attitudes: An intergroup perspective // *European Psychologist*. 2013. V. 18. № 3. P. 179–190.
- Vervoort M. H., Scholte R. H., Overbeek G.* Bullying and victimization among adolescents: the role of ethnicity and ethnic composition of school class // *Journal of Youth Adolesc.* 2010. № 39 (1). P. 1–11. doi: 10.1007/s10964-008-9355-y.

Ethnic bullying: universal and culturally specific factors

*E. V. Bushina**, *A. M. Karimova***

* *PhD in Psychology, senior researcher, Center for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, evbushina@hse.ru*

** *PhD student, research intern, Center for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics (National Research University Higher School of Economics), Moscow, Russia, amuminova@hse.ru*

The purpose of this study is to identify and compare the causes of bullying of Russian and Tajik peers by Russian schoolchildren and students. The study involved 384 schoolchildren and students studying in Russian schools and colleges, with an average age of 16,51 years (SD=3,52). Each respondent randomly received one version of the vignette (there were 4 vignettes in total: about a Tajik victim boy, about a Tajik victim girl, about a Russian victim boy and a Russian victim girl). A thematic content analysis was carried out and the categories-reasons of bullying were identified. 6 large categories of factors of victimization of Russian schoolchildren were identified – these are certain characteristics of the victim and the aggressor that lead to school bullying, class characteristics, peer perception, perceived differences, as well as family and socialization problems. Among the factors of victimization of Tajik students, seven categories were identified: characteristics of the victim and the aggressor, problems arising from the merger of cultures, problems of family and socialization, non-ethnic factors and peer perception.

Keywords: school bullying, ethnic bullying, ethnic majority, vignettes, factorial design.

Предвзятости по отношению к мужчинам у разных групп российских женщин*

А. Е. Воробьева, М. С. Данилина***

* кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник
лаборатории социальной и экономической психологии

Института психологии РАН, Москва, Россия, aevorobieva@yandex.ru

** выпускница бакалавриата факультета психологии ГАУГН, Москва, Россия,
masha.danilina99@yandex.ru

Представлены результаты исследования одного из видов предвзятостей (сексизма) к лицам противоположного пола на примере различных социальных групп женщин. Рассматривается разновидность сексизма – мизандрия – как предвзятое отношение к мужчинам, мужененавистничество. Высказано предположение, что у женщин с разным мировоззрением, представительниц разных поколений, жительниц разных регионов России уровень мизандрии будет различаться. Выявлено, что для феминисток (особенно из южных регионов России) характерен более высокий уровень мизандрии, чем для не феминисток.

Ключевые слова: гендерные предвзятости, мизандрия, гиноцентризм, сексизм, феминизм.

В условиях трансформации и кризиса многих социальных институтов общество сталкивается с проблемой радикализации. Поэтому одним из важных направлений исследований является изучение поляризации, дискриминации, предвзятостей в отношении разных социальных категорий и групп. Предвзятости вызывают не только искаженное восприятие социальных объектов, но и неадекватные действия по отношению к ним (Allport, 1979).

Одним из наиболее распространенных видов предвзятостей является сексизм – дискриминация человека по его половой принадлежности. Сексизм по отношению к женщинам – мизогиния – довольно давно и активно изучается, что даже привело к отождествлению этих понятий. Другой вид сексизма – мизандрия – изучен сравнительно мало.

Мизандрия понимается как ненависть к мужчинам, предвзятое отношение к ним, мужененавистничество (Чудинов, 1910). Она может рассматриваться как зеркальный ответ на длительно существующую в обществе мизогинию. С точки зрения П. Натансона и К. К. Янг, мизандрия – это мировоззрение, распространяемое в рамках некоторых направлений феминизма, а не индивидуальное эмоциональное отношение к мужчинам (Nathanson, Young, 2001, 2006,

* Работа выполнена по Госзаданию 0138-2021-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

2010). Составляющие мизандрии: 1) склонность воспринимать позиции женщин и мужчин в частной и публичной сферах только как иерархические; 2) восприятие любого мужчины как потенциального агрессора; 3) принижение мужских черт характера; 4) склонность к приоритизации женщин и их качеств (Пяткова, Савинская, 2020). Таким образом, мизандрия представляет собой смесь разочарования и презрения по отношению к мужчинам и стремления подтвердить превосходство женщин, но в то же время присутствует страх, желание защититься от мужчин, т. е. мужчина воспринимается одновременно и как слабая, и как могущественная фигура.

В российских реалиях, насколько нам известно, единственным исследованием мизандрии является работа Е. С. Пятковой и О. Б. Савинской, посвященная сравнительному анализу мизандрии у россиянок поколения X и Y, проживающих в Москве и области и не являющихся представительницами феминистских движений (Пяткова, Савинская, 2020). Авторы обнаружили, что женщинам поколения X свойственен более высокий уровень мизандрии, чем женщинам поколения Y. Также было выявлено, что среди женщин с детьми уровень мизандрии выше, чем у женщин без детей. В связи с этим интересно было бы проверить, справедлива ли такая закономерность для более младших (поколение Z) и более старших («беби-бумеры») поколений женщин, а также различаются ли феминистки разных поколений по уровню мизандрии, или же приверженность данному мировоззрению нивелирует поколенческие различия, и т. д.

Феминизм представлен различными течениями: радикальный, социалистический, либеральный, культурный, интерсекциональный. Мизандрия является характерной чертой радикального и социалистического феминизма и в гораздо меньшей мере проявляется в иных его направлениях.

Исследование феминисток в России сопряжено с определенными сложностями. Так, например, при русскоязычной адаптации методики для диагностики стадий феминистской идентичности А. Г. Чаусова и О. А. Гулевич столкнулись с тем, что в результате из текста методики пришлось удалить все утверждения, которые содержали слово «феминизм» (Чаусова, Гулевич, 2020), что означает, с точки зрения авторов, что респондентки принимают идеи феминизма, но не идентифицируют себя как феминисток. Это согласуется с данными опроса ВЦИОМ 2019 г., что 56% россиянок (при ответе на прямой вопрос) не поддерживают или скорее не поддерживают феминизм (ВЦИОМ, 2019).

Безусловно, возможны региональные различия в распространенности феминизма (и, предположительно, связанной с ним мизандрии) в России, обусловленные целым рядом факторов. В некоторых регионах России феминистское движение достаточно активно, например, в последние несколько лет (2019–2023 гг.) достаточно активна «Уральская феминистская инициатива» (Комсомольская правда, 2019; Коммерсант, 2023). Ряд крупных российских городов имеет свои центры гендерных исследований (Москва, Санкт-Петербург, Тверь, Самара). Поэтому можно предполагать, что в Центральном, Северо-Западном, Уральском, Приволжском федеральном округе может быть большая численность феминисток и более выраженная мизандрия. Если же исходить из дефицитарного принципа, мизандрия может быть выше в тех регионах, где менее выражено гендерное равенство. Анализ гендерного неравенства в России

в рамках проекта «Если быть точным» (Нужна помощь, 2021) показал, что наибольшее число проблем с гендерным равенством – в Иркутской, Магаданской области, республике Ингушетии, а высокие показатели гендерного равенства – в Москве, на Чукотке, в республиках Мордовия, Адыгея, Калмыкия и Алтай. В таком случае можно предположить большую выраженность мизандрии у жительниц Сибирского, Северо-Кавказского, Дальневосточного федеральных округов и меньшую – у жительниц Центрального, Приволжского, Сибирского, Южного федеральных округов.

Отталкиваясь от такого показателя, как гендерное равенство, можно ввести еще одну территориальную категорию, по которой могут быть различия в распространении мизандрии, – это размер поселения. Исследование изменения отцовства в России А. Липасовой показало, что в малых городах сохраняется патриархальный уклад (Lipasova, 2017), а в крупных городах распространена модель включенного отцовства, предполагающая эгалитарное распределение родительских ролей между мужем и женой (Lipasova, 2016). Учитывая, что исследование Е. С. Пятковой и О. Б. Савинской показало более высокий уровень мизандрии у женщин с детьми (Пяткова, Савинская, 2020), можно предположить, что у женщин в больших городах мизандрия должна быть ниже, а у женщин из городов меньшего масштаба мизандрия выше.

Цель исследования: сравнение уровня мизандрии у разных групп российских женщин.

Гипотезы: 1) уровень проявления мизандрии у женщин, не относящихся к группе феминисток, отличается от женщин, интересующихся феминизмом; 2) уровень проявления мизандрии у российских подписчиц феминистских пабликов поколения Z будет ниже, чем у подписчиц поколения X и Y; 3) существуют региональные различия в уровне проявления мизандрии у российских подписчиц феминистских пабликов; 4) уровень проявления мизандрии у российских подписчиц феминистских пабликов различается в зависимости от размера города проживания.

Методики исследования: «Шкала измерения мизандрии как нормативных представлений в отношении мужчин» Е. С. Пятковой и О. Б. Савинской (Пяткова, Савинская, 2020), социально-демографический блок вопросов.

Процедура. Сбор данных осуществлялся в мае – июне 2023 г. методом онлайн-опроса при помощи Google Forms: женщины, не относящиеся к группе феминисток, собирались через группы во «В контакте», специально созданные для поиска респондентов исследователями (например, «FreudZone: психологические исследования»), а женщины, интересующиеся феминизмом, собирались через группы во «В контакте», посвященные одноименной тематике (например, «Фемгруппа»). Никакое вознаграждение за прохождение опроса не предусматривалось.

Выборка исследования: 436 женщин, проживающих на территории России. Из них 63 чел. – представительницы поколения Z (2000 года рождения и младше), не относящиеся к группе феминисток, проживающие на территории Москвы и Московской области; 373 чел. – подписчицы пабликов «В контакте» с феминистской тематикой, из них 131 чел. проживают в Центральном федеральном округе, 74 чел. – в Северо-Западном федеральном округе, 58 чел. – в Приволжском

ском федеральном округе, 41 чел. — в Сибирском федеральном округе, 36 чел. — в Уральском федеральном округе, 25 чел. — в Южном федеральном округе, 8 чел. — в Дальневосточном федеральном округе, 1 чел. — в Северо-Кавказском федеральном округе. В выборке подписчиц феминистских пабликов 98 чел. — жительницы мегаполиса, 139 чел. — жительницы городов-миллионников, 122 чел. — жительницы городов с численностью населения несколько сот тысяч, 13 чел. — жительницы городов с численностью населения несколько десятков тысяч, 2 чел. — жительницы городов с численностью населения несколько тысяч. В выборке подписчиц феминистских пабликов 60 чел. — представительницы поколения X (1963–1984 г. р.), 189 чел. — поколения Y (1984–2000 г. р.), 124 чел. — поколения Z.

Обработка данных проводилась с помощью Statistica v. 10: применялись непараметрические критерии различия (Манна–Уитни, Краскела–Уоллиса), так как не все показатели имели нормальное распределение.

Результаты и их обсуждение

Было выявлено (сравнивались только подгруппы жительниц Москвы и Московской области), что в группе феминисток поколения Z уровень мизандрии выше, чем в группе женщин поколения Z, не идентифицирующих себя как феминистки, как по общему показателю ($p=0,000001$), так и по всем компонентам ($p=0,000005$). Таким образом, наши результаты подтвердили стереотип о том, что феминистки являются мужененавистницами. Однако распространять полученные данные за пределы феминисток поколения Z пока преждевременно.

Анализ различий выраженности мизандрии между российскими феминистками разных поколений показал, что представительницы поколения X отличаются от других поколений только по шкале «ролевая дифференциация» ($p=0,004$): они в большей мере склонны воспринимать позиции женщин и мужчин в частной и публичной сферах только как иерархические. Статистически значимых различий между феминистками поколения Y и Z как по общему показателю мизандрии, так и по всем компонентам не обнаружено. Таким образом, можно предположить, что принадлежность данному мировоззрению скорее нивелирует поколенческие различия в уровне мизандрии.

Из сравнения жительниц разных регионов России, подписанных на феминистские паблики, были исключены ввиду малочисленности подгруппы, представляющие Северо-Кавказский и Дальневосточный федеральный округ. Было обнаружено отличие уровня мизандрии (как по общему показателю, так и по шкалам «восприятие мужчины как агрессора», «ролевая дифференциация», «селективный цинизм») у жительниц Южного федерального округа (часть на уровне $p=0,01$, часть на уровне статистической тенденции $p<0,1$), по сравнению с жительницами Центрального, Северо-Западного, Приволжского и Уральского федерального округа: они в большей мере склонны воспринимать всех мужчин как потенциальных агрессоров, рассматривать позиции женщин и мужчин в частной и публичной сферах только как иерархические, принижать мужские черты характера и в целом проявлять мужененавистничество. При этом не обнаружено как статистически значимых различий, так

и различий на уровне тенденции между феминистками Центрального, Северо-Западного, Приволжского, Сибирского, Уральского федерального округа. Полученные данные требуют углубленного анализа, так как Южный федеральный округ – регион с более выраженной мизандрией – характеризуется средним уровнем проблем с гендерным неравенством (Нужна помощь, 2021).

Из сравнения жительниц городов разного масштаба, подписанных на феминистские паблики, были исключены ввиду малочисленности подгруппы, представляющей города с численностью населения несколько десятков тысяч и с численностью населения несколько тысяч. Были обнаружены на уровне статистической тенденции отличия уровня мизандрии (как по общему показателю, так и по шкале «ролевая дифференциация») у жительниц городов с численностью населения несколько сот тысяч ($p=0,08$), по сравнению с жительницами городов-миллионников: первые в большей мере склонны рассматривать позиции женщин и мужчин в частной и публичной сферах только как иерархические и в целом проявлять мужененавистничество. При этом не обнаружено как статистически значимых различий, так и различий на уровне тенденции между феминистками, проживающими в мегаполисе и в городе-миллионнике. Таким образом, нет оснований отклонить гипотезу о различии в уровне мизандрии в зависимости от размера города проживания. Однако для более уверенного заключения об обратной связи между масштабом поселения и выраженностью мизандрии у его жительниц необходимо проверить эту гипотезу на выборке женщин из городов разного масштаба, не интересующихся феминизмом, а также увеличить численность подписчиц феминистских пабликов из городов с численностью населения несколько десятков тысяч и менее для проведения корректного сравнительного анализа.

Заключение

Мизандрия является гендерным предрассудком, мировоззрением, распространяемым в некоторых направлениях феминизма, представляющее собой сочетание презрения и страха по отношению к мужчинам. Этот вид гендерных предрассудков сравнительно мало изучен, особенно в России, и предлагает обширное поле для исследований.

Обобщая полученные нами на российской выборке данные, можно сказать, что для феминисток (особенно из южных регионов России и городов с численностью населения в несколько сот тысяч) характерен более высокий уровень мизандрии, чем для не феминисток. Региональные и поколенческие различия требуют дальнейшего анализа.

Литература

- ВЦИОМ. Гендерное равенство в России: идеал или ложная цель? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gendernoe-ravenstvo-v-rossii-ideal-ili-lozhnaya-czel-> (дата обращения: 23.05.2023).
- Коммерсант. Жительницы Челябинска провели акцию против запрета абортов // Коммерсант. 2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6147251> (дата обращения: 23.05.2023).

- Комсомольская правда. Феминистки Челябинска выступили против спа-салонов для мужчин // Комсомольская правда. 2019. URL: <https://www.chel.kp.ru/online/news/3629950> (дата обращения: 23.05.2023).
- Нужна помощь. Гендерное неравенство в регионах России. М., 2021. URL: <https://static.tochno.st/files/analytical/2f896edb9cda888334b99408adc04ee0.pdf> (дата обращения: 23.05.2023).
- Пяткова Е. С., Савинская О. Б. Нормативные представления о мизандрии у женщин двух поколений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 252–272. doi: 10.14515/monitoring.2020.2.679.
- Чаусова А. Г., Гулевич О. А. Адаптация шкалы развития феминистской идентичности на русский язык // PSY-Вышка: Сборник материалов Международной научной конференции (Москва, 31 октября–2 ноября 2019 г.) / Отв. ред. Е. С. Горбунова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Электронные текстовые данные. М.: Редакционно-издательский дом Российского нового университета, 2020. С. 57–59.
- Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1910. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/index.htm> (дата обращения: 23.05.2023).
- Allport G. W. The nature of prejudice. Reading, Mass.: Addison Wesley, 1979.
- Lipasova A. Fatherhood in the Russian provinces: a theoretical and empirical analysis // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 4. С. 629–642. doi: 10.17323/727-0634-2017-15-4-629-642.
- Lipasova A. Fatherhood Models in the Middle Class of Contemporary Russia // Russian Sociological Review. 2016. V. 15. № 4. P. 202–214. doi: 10.17323/1728-192X-2016-4-202-214.
- Nathanson P., Young K. K. Legalizing Misandry: from Public Shame to Systemic Discrimination against Men. Montreal: Chesham by McGill-Queen's Press-MQUP, 2006. doi: 10.1111/j.1744-1617.2007.177_1.x.
- Nathanson P., Young K. K. Sanctifying Misandry: Goddess Ideology and the Fall of Man. Montreal: McGill-Queen's Press-MQUP, 2010.
- Nathanson P., Young K. K. Spreading Misandry: The Teaching of Contempt for Men in Popular Culture. Montreal: Chesham by McGill-Queen's Press – MQUP, 2001.

Prejudices towards men among different groups of Russian women

*A. E. Vorobieva**, *M. S. Danilina***

* *PhD, senior researcher of laboratory of social and economic psychology of the Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, aevorobieva@yandex.ru*

** *bachelor student of psychology department of the State Academic University of Humanities, Moscow, Russia, masha.danilina99@yandex.ru*

The results of a study of one type of prejudice (sexism) towards people of the opposite sex are presented using the example of various social groups of women. A type of sexism – misandry – is considered as a prejudiced attitude towards men, man-hatred. It

has been suggested that women with different worldviews, representatives of different generations, residents of different regions of Russia, will have different levels of misandry. It was found that feminists (especially from the southern regions of Russia) are characterized by a higher level of misandry than non-feminists.

Keywords: gender bias, misandry, gynocentrism, sexism, feminism.

Фаббинг и диадический копинг в близких партнерских отношениях

О. А. Екимчик

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии
Костромского государственного университета, Кострома, Россия,
olga-ekimchik@rambler.ru

Диада партнеров уязвима к негативному воздействию стресса, а диадический копинг способствует сохранению стабилизации и целостности отношений. Фаббинг – это относительно новый социально-психологический феномен, встречающийся в непосредственной коммуникации людей, в том числе и в близких отношениях. В статье представлены результаты эмпирического исследования фаббинга в близких партнерских отношениях и его влияния на диадический копинг. Выборку составили 40 пар, состоящих в близких партнерских отношениях, средний возраст женщин и мужчин – 25 лет. Методы: Опросник диадического копинга в адаптации Крюковой, Екимчик; Генеральная шкала фаббинга (GPS); Генеральная шкала воспринимаемого фаббинга (GSBP). Результаты показали, что партнеры в близких отношениях одинаково хорошо рефлексируют проявление фаббинга и его восприятие, половых различий не выявлено. Установлено, что проявление и восприятие фаббинга женщинами влияет не только на их собственные диадические копинг-стратегии, но и на стратегии мужчин-партнеров. Проявление и восприятие фаббинга мужчинами влияет только на их собственные диадические копинг-стратегии.

Ключевые слова: диадический копинг, диадические копинг-стратегии, фаббинг, близкие партнерские отношения, коммуникация.

Партнеры в близких отношениях подвержены диадическому стрессу, когда оба партнера испытывают напряжение или когда оно перетекает от одного партнера к другому. Стресс и факторы, его порождающие, являются дестабилизаторами близких отношений, которые в итоге могут привести к распаду диады или разрыву (Крюкова и др., 2019; Bodenmann et al., 2019). Диадический копинг партнеров является важным механизмом стабилизации и развития близких отношений. Диадический копинг относится к социально-психологическим феноменам, его можно рассматривать как внутригрупповое поведение партнеров, переживающих общий стресс, пытающихся с ним совладать и сохранить отношения. Важную роль в развитии близких отношений и в реализации диадического копинга играет коммуникация партнеров (Бычкова, 2018; Bodenmann et al., 2019).

В близких отношениях все чаще встречается такой феномен, как фаббинг, т. е. отвлечение на гаджет во время непосредственного общения одним парт-

нером, которое не ускользает от внимания другого партнера и вызывает у него эмоциональный отклик, чаще всего негативный.

Изначально фаббинг, рассматривался как следствие зависимого поведения (от Интернета, от гаджета, от социальных сетей и тому подобное) (Karadağ et al., 2015). В настоящее время в повседневности человека смартфоны и интернет-коммуникация играют большую роль и вовлеченность в интернет-пространство как мужчин, так и женщин достаточно высока. В современном мире фаббинг все чаще рассматривают как новую социокультурную норму (Екимчик, Крюкова, 2019; Chotpitayasunondh, 2018; Яковлева, 2022). Необходимо подчеркнуть, что фаббинг проявляется только в непосредственной коммуникации людей, он предполагает две комплементарные роли: «фаббер» (тот, кто отвлекается на гаджет) и «фаббируемый» (человек, которым «пренебрегают» в пользу гаджета). Отвлечение на гаджет у фаббируемого может вызывать негативные эмоции: раздражение, чувство пренебрежения, конфликт.

В ранних исследованиях фаббинга установлено, что он может выступать повседневным стрессором в близких партнерских отношениях (Крюкова, Екимчик, 2019). При этом мужчины более чувствительны к фаббингу партнера, чем женщины. Возникает вопрос: каким образом фаббинг в отношениях партнеров влияет на диадический копинг?

Нами была сформулирована *гипотеза* о том, что фаббинг (его проявление и восприятие) в близких отношениях может предсказывать диадический копинг партнеров.

Выборка составила 80 чел. (40 пар) в возрасте от 18 до 50 лет, состоящих в близких партнерских отношениях со стажем от 3 месяцев до 24 лет, из которых 13 встречаются, 10 живут совместно без заключения брака и 17 состоят в браке: 40 женщин (средний возраст – 25 лет) и 40 мужчины (средний возраст – 25 лет).

В ходе исследования использовалось несколько *методик*: Опросник диадического копинга (DCI, Dyadic Coping Inventory, Bodenmann, 2008, в адаптации Крюковой, Екимчик, 2017); Генеральная шкала фаббинга (GPS, Chotpitayasunondh, Douglas, 2018, апробирована О.А. Екимчик, Е.С. Рулевой, 2022) (Chotpitayasunondh, 2018). Методика направлена на измерение общего фаббинга субъекта по субшкалам: номофобия, самоизоляция, межличностный конфликт и осознание проблемы. Находится на стадии апробации. Генеральная шкала воспринимаемого фаббинга (GSBP, Chotpitayasunondh, Douglas, 2018, апробирована О.А. Екимчик, Е.С. Рулевой, 2022) (Chotpitayasunondh, 2018). Методика направлена на измерение восприятия фаббинга партнера по субшкалам: воспринимаемая норма, игнорирование и межличностный конфликт.

При обработке полученных данных использовались *статистические методы анализа*: дескриптивная статистика, сравнительный анализ, корреляционный анализ, множественный регрессионный анализ.

Анализ эмпирических результатов выявил, что достоверно значимых различий в проявлении и восприятии фаббинга в близких отношениях между мужчинами и женщинами не обнаружено. Это противоречит более ранним данным (Крюкова, Екимчик, 2019). В исследовании анализировалась позиция фаббера и фаббируемого в близких отношениях, причем мы исходили из того, что партнеры могут выступать в каждой из ролей попеременно. Установлено, что ситуа-

цию фаббинга оба партнера осознают и рефлексиируют в отношениях, что подтверждают положительные умеренные и сильные связи между проявлением фаббинга одним партнером и восприятием его другим ($0,35 < r < 0,80 < p < 0,03$). В данном исследовании не установлено корреляций между проявлением и восприятием фаббинга у отдельного индивида — это позволило бы рассматривать фаббинг как индивидуальную характеристику. Выявлена сопряженность проявления и восприятия фаббинга в диаде у партнеров, что еще раз указывает на то, что фаббинг — это социально-психологический феномен, а не личностная особенность. При этом как отвлечение на телефон может иметь разные причины, так и его восприятие партнером по общению может быть не только негативным, но и как новая социальная норма поведения.

Диадический копинг в выборке находится в пределах нормативных значений (Екимчик, Крюкова, 2017). Для проверки гипотезы был использован множественный регрессионный анализ. В качестве предикторов выступали проявление и восприятие фаббинга в ситуации общения партнеров в диаде. А в качестве зависимой переменной характеристики диадического копинга у каждого из партнеров. Как у женщин, так и у мужчин была выявлена предикция фаббингом диадического копинга в близких отношениях.

Проявление фаббинга в близких отношениях партнеров и его восприятие детерминирует все компоненты диадического копинга женщин, кроме общения партнера во время стресса, объясняя 12–51 % дисперсии. Восприятие фаббинга партнера женщинами как новой социальной нормы обладает прямой предсказательной силой для инициирования стрессовой коммуникации ($\beta=0,41$, $p=0,05$), поддерживающего копинга партнера ($\beta=0,39$, $p=0,05$) и обратной — для негативного диадического копинга партнера ($\beta=-0,48$, $p=0,05$). Если женщина принимает, что ее партнер отвлекается на гаджет, это для нее нормальное поведение, а не проявление пренебрежения, то она чаще выступает коммуникатором в диадическом стрессе и восприимчива к его поддержке. Если же отвлечение на гаджет мужчиной не воспринимается женщиной как социальная норма, то она чаще упоминает о нежелании партнера совладать вместе со стрессовой ситуацией, о формальности его вклада и усилий.

Обострение чувства игнорирования в восприятии фаббинга партнера у женщины выступает предиктором негативного диадического копинга партнера ($\beta=0,74$, $p=0,01$) и субъекта ($\beta=0,32$, $p=0,05$), оказывая положительное влияние; отрицательное влияние установлено в отношении информирования о стрессе ($\beta=-0,73$, $p=0,01$), общего диадического копинга ($\beta=-0,52$, $p=0,01$), его оценке ($\beta=-0,44$, $p=0,01$), а также восприятия поддержки партнера ($\beta=-0,65$, $p=0,01$) и делегирования им обязанностей ($\beta=-0,47$, $p=0,01$). Следовательно, если отвлечение мужчиной на гаджет воспринимается женщиной как пренебрежение, повышая у нее чувство игнорирования, то это блокирует ее чувствительность к усилиям партнера на совладание с диадическим стрессом. Чувство игнорирования усиливает негативный диадический копинг самой женщины и восприятие его у партнера.

Проявление фаббинга женщинами как способа самоизоляции от партнера оказывает отрицательное влияние на информирование о стрессе ($\beta=-0,33$, $p=0,05$) и делегированный диадический копинг субъекта ($\beta=-0,34$, $p=0,05$),

поддерживающий диадический копинг партнера ($\beta = -0,33$, $p = 0,05$). Общий диадический копинг ($\beta = -0,48$, $p = 0,01$) понижают оценку эффективности диадического совладания ($\beta = -0,42$, $p = 0,01$). То есть в данном случае проявление фаббинга женщиной – это способ дистанцирования в отношениях от партнера, но при этом прямого влияния на негативный копинг не выявлено. Вероятно, можно говорить об отказе от диадического копинга вообще со стороны женщины.

Номофобия женщин, как осознание ими проблем в общении при регулярном отвлечении на гаджет, снижает проявления негативного диадического копинга ($\beta = -0,34$, $p = 0,05$).

Интересно, что конфликтное поведение мужчин при восприятии ими фаббинга партнерши снижает у женщин интенсивность поддерживающего диадического копинга ($\beta = -0,58$, $p = 0,01$), усиливая негативный диадический копинг субъекта ($\beta = 0,47$, $p = 0,01$). В данном случае можно говорить о конфликте между партнерами и усилении диадического стресса, а также об отказе женщины совладать совместно с партнером.

Необходимо подчеркнуть, что у женщин в большинстве случаев предсказательной силой в отношении диадического копинга выступает именно ее проявление и восприятие фаббинга в отношениях.

Далее было проанализировано влияние фаббинга в близких отношениях на диадический копинг мужчин.

У мужчин выявлена предикция фаббингом в отношении 8 элементов диадического копинга из 10, объясняющая 13–65% дисперсии. Восприятие фаббинга как новой социальной нормы мужчиной положительно влияет общий диадический копинг ($\beta = 0,40$, $p = 0,01$) и общение партнера во время стресса ($\beta = 0,62$, $p = 0,01$). Если женщина воспринимает фаббинг мужчины как норму, то это способствует снижению негативного копинга субъекта ($\beta = -0,34$, $p = 0,05$) у него.

Проявление фаббинга мужчинами как самоизоляции с помощью гаджета усиливает у них негативный диадический копинг ($\beta = 0,52$, $p = 0,01$), при этом повышает восприимчивость к негативному копингу партнерши ($\beta = 0,34$, $p = 0,05$). Необходимо отметить, что проявление фаббинга женщиной как самоизоляции посредством гаджета также усиливает восприимчивость мужчины к негативному диадическому копингу партнерши ($\beta = 0,31$, $p = 0,05$). Самоизоляция женщины с помощью гаджета оценивается мужчиной как нарушение коммуникации с партнерами в ситуации диадического стресса ($\beta = -0,72$, $p = 0,01$). Следовательно, самоизоляция с помощью гаджета как самого мужчины, так и его партнерши усиливает негативный копинг в диаде.

Конфликтное поведение мужчины при проявлении фаббинга его партнершей также негативно влияет на диадический копинг близких отношениях мужчины. Он ниже оценивает его эффективность ($\beta = -0,72$, $p = 0,01$), меньше усилий вкладывает в совместные диадические действия ($\beta = -0,72$, $p = 0,01$), указывая на низкую поддержку со стороны партнерши ($\beta = -0,72$, $p = 0,01$).

Чувство игнорирования у женщины при восприятии отвлечения партнера на телефон снижает продуктивные диадические копинг стратегии мужчины: поддерживающий диадический копинг субъекта ($\beta = -0,46$, $p = 0,01$), делегированный копинг субъекта ($\beta = -0,41$, $p = 0,01$) и общий диадический копинг

($\beta = -0,46$, $p = 0,01$). Если женщина чувствует, что ее игнорируют путем отвлечения на гаджет, то это является маркерами невключенности мужчины в диадический копинг.

Таким образом, у мужчин, так же как и у женщин, восприятие фаббинга как новой социальной нормы способствует продуктивному диадическому копингу. А восприятие отвлечения на гаджет партнером как пренебрежения в свой адрес снижает его вклад в диадическое совладание и его оценку.

Необходимо отметить, что на диадический копинг мужчин оказывает влияние восприятие и проявление фаббинга их партнершами на шесть стратегий из восьми. Причем чаще оценки фаббинга партнерши снижают продуктивные диадические стратегии мужчин, чем повышают их.

Заключение

Диадический копинг мужчины более чувствителен к внутригрупповым процессам, чем женщины, если речь идет о проявлении и восприятии фаббинга. Диадический копинг женщины больше ориентирован на ее собственную оценку и восприятие ситуации фаббинга. Если отвлечение на гаджет партнера не вызывает у мужчины и женщины в близких отношениях чувства игнорирования и пренебрежения, то фаббинг повышает продуктивность диадического копинга. В тех случаях, когда фаббинг воспринимается негативно (вызывает чувство игнорирования, проявление конфликтного поведения) или служит способом дистанцироваться от партнера путем самоизоляции, то это снижает продуктивность диадического копинга и его оценки, а также указывает на отказ от совместного совладания.

Литература

- Бычкова О. А. Возможности диадического копинга при коммуникативных трудностях партнеров близких отношений: квалификационная работа магистранта направления «Психология». Кострома, 2018.
- Екимчик О. А., Крюкова Т. Л. Диадический копинг в российских парах: исследование психометрических качеств Опросника диадического совладания Г. Боденманна // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 55. С. 4.
- Крюкова Т. Л., Екимчик О. А. Фаббинг как угроза благополучию близких отношений // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 61–76. doi: 10.17759/cpp.2019270305.
- Крюкова Т. Л., Екимчик О. А., Опекина Т. П. Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях. М.: Минобрнауки Российской Федерации—КГУ—РФФИ; Кострома: Костромской государственный университет, 2019.
- Яковлева А. В. Фаббинг как социально-психологический феномен современного цифрового социума. Саратов: Амирит, 2022.
- Bodenmann G., Falconier M. K., Randall A. K. Dyadic Coping: A Collection of Recent Studies. Lausanne: Frontiers Media, 2019. doi: 10.3389/978-2-88963-031-8.
- Chotpitayasunondh V., Douglas K. M. How “phubbing” becomes the norm: The antecedents and consequences of snubbing via smartphone // Computers in Human Behavior. 2016. V. 63. P. 9–18. doi: 10.1016 / j.chb.2016.05.018.

Chotpitayasunondh V., Douglas K. M. Measuring Phone Snubbing Behavior: Development and Validation of the Generic Scale of Phubbing (GSP) and the Generic Scale of Being Phubbed (GSBP) // *Computers in Human Behavior*. 2018. V. 88. P. 5–17. doi: 10.1016/j.chb.2018.06.020.

Karadağ E. et al. Determinants of phubbing, which is the sum of many virtual addictions: A structural equation model // *Journal of Behavioral Addictions*. 2015. V. 4. № 2. P. 60–74. doi: 10.1556/2006.4.2015.005.

Phubbing and dyadic coping in partnership close relationships

O. A. Ekimchik

PhD in Psychology, assistant professor of the Department of General and Social Psychology, Kostroma State University, Russia, olga-ekimchik@rambler.ru

The dyad of partners is vulnerable to the negative effects of stress, and dyadic coping contributes to maintaining the stabilization and integrity of relationships. Phubbing is a relatively new socio-psychological phenomenon that occurs in direct communication of people, including in close relationships. The article presents the results of a study of phubbing in close partnerships and its impact on dyadic coping. The sample consisted of 40 couples in close partnerships, the average age of women and men is 25 years. Methods: DCI–Dyadic Coping Inventory adapted by Kryukova, Ekimchik; General Phubbing Scale (GPS); General Scale of Perceived Phubbing (GSBP). Results: partners in close relationships equally well reflect the manifestation of phubbing and its perception, no gender differences were found. It has been established that the manifestation and perception of phubbing by a woman affects not only her own dyadic coping strategies, but also the strategies of the male partner. The manifestation and perception of phubbing by a man affects only his own dyadic coping strategies.

Keywords: dyadic coping, dyadic coping strategies, phubbing, partnership close relationships, communication.

**Мотивационно-ценностная включенность
как социально-психологическая основа взаимоотношений
и взаимодействия малой учебной группы с социальными средами
образовательных организаций различных типов**

С. Г. Елизаров

доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии
ФГБОУ ВО Курского государственного университета, г. Курск, Россия,
sergei_elizarov@mail.ru

Рассмотрены социально-психологические основы мотивационно-ценностной включенности малой учебной группы в социальную среду (социальную систему) образовательной организации. Сформулировано определение понятия мотивационно-ценностной включенности малой учебной группы в социальную среду (социальную систему) как социально-психологического феномена в ряду близких данному феномену определений в современной социальной психологии. Представлены ведущие психологические механизмы формирования мотивационно-ценностной включенности учебной группы. Рассмотрена структура мотивационно-ценностной включенности учебной группы в социальную среду (социальную систему) и описаны основные ее компоненты. Представлены социально-психологические основы взаимодействия и взаимоотношений учебной группы с социальными средами образовательных организаций различных типов.

Ключевые слова: мотивационно-ценностная включенность малой учебной группы в социальную среду (социальную систему), структура и основные механизмы мотивационно-ценностной включенности, образовательная организация.

Возникшие в последние десятилетия в современной Российской Федерации новые типы образовательных и воспитательных детских, молодежных, студенческих организаций и переориентация характера деятельности в существовавших ранее сделали актуальной теоретической и практической потребностью изучение способности входящих в них малых учебных групп включаться на уровне «субъекта социальной активности» (Абульханова-Славская, 1980) в их жизнедеятельность.

Актуальность исследований такого рода опирается в первую очередь на понимание социальной среды таких организаций с одной стороны, как среды, воспитывающей и обучающей, а с другой, на понимание места субъекта (как индивидуального, так и группового) в таких средах, который, изменяя внешнюю природу, изменяется и сам (Рубинштейн, 1999, с. 157). Кроме того, говоря о групповом субъекте, еще К. К. Платонов обращал внимание на то, что вне включе-

ния группы в социальную среду она не может не только существовать, но даже мыслиться (Платонов, 1975).

В отечественных (В. М. Бехтерев, Б. Г. Ананьев, А. И. Донцов, И. В. Дубровина, А. Л. Журавлев, А. В. Петровский, С. Л. Рубинштейн, Л. И. Уманский, Д. И. Фельдштейн, А. С. Чернышев и др.) и зарубежных (А. Адлер, М. Аргайл, Э. Дюркгейм, Д. Картрайт, Л. Леви-Брюль, А. Маслоу, Т. Ньюком, Э. Фромм, С. Шехтер и др.) теоретических подходах понятия «включение», «включенность» употребляются преимущественно как конечный объяснительный принцип для определения взаимоотношений субъекта и социальной среды в анализе иных социально-психологических явлений. Кроме того, нередко данные понятия пересекаются с такими понятиями, как «принадлежность», «сопричастность», «идентификация», «вхождение», «мера участия» (Е. П. Авдеевская, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, Н. Л. Карпова, Е. Т. Соколова, Т. А. Флоренская и др.). В целом ряде случаев данные понятия выступают в качестве синонимов включенности, что свидетельствует об отсутствии в современной психологии устоявшейся точки зрения на его определение и сущность. Необходимо также отметить, что в большинстве своем эти понятия связаны с индивидуальным субъектом и значительно реже с групповым.

В нашем исследовании мы, развивая положения параметрической теории малой группы (Л. И. Уманский, А. С. Чернышев и др.) об интергрупповой активности малой группы как элемента ее «блока общих качеств» (Сарычев и др., 2021; Чернышев и др., 2005), разработали и обосновали концептуальный подход к изучению сущности мотивационно-ценностной включенности в социальную среду применительно к малой учебной группе. Причем социальная среда понимается нами в качестве «системы малых групп» или «социальной системы» (Журавлев, 2005; Сарычев и др., 2021).

Нами было установлено, что интергрупповая активность малой учебной группы распространяется не только на взаимодействие и взаимоотношения учебной группы с такими же группами, но в то же время и с самой социальной средой, элементом системы которой она является. Характер такого взаимодействия и взаимоотношений связан с установленным нами динамическим социально-психологическим феноменом – «мотивационно-ценностной включенностью малой учебной группы в социальную среду (систему)», понимаемый нами в качестве динамического социально-психологического состояния малой учебной группы, выступающего основой ее взаимоотношений и взаимодействия с социальной средой (системой), элементом которой она является и показателем «меры участия» малой учебной группы в этом процессе (Журавлев, 2005).

Как социально-психологический феномен мотивационно-ценностная включенность малой группы представляет собой структуру, состоящую из следующих компонентов: мотивационного, ценностного, установочного и интерактивного. Мотивационный, ценностный и установочный компоненты как элементы группового сознания характеризуют направленность активности группы как направленность на ее взаимодействие и взаимоотношения с социальной средой (системой). Интерактивный компонент характеризует поведение группового субъекта в процессе его взаимодействия с социальной средой, элементом системы которой он является.

Мотивационный компонент отражает характер мотивированности группы на ее взаимодействие с социальной средой; ценностный характеризует ценностно-ориентационную общность малой группы с ней; когнитивный отражает знание группой основных целей, норм и правил «своей» социальной среды; аффективный выражает эмоциональную отношение группы к взаимодействию с ней; конативный (поведенческий) отражает поведенческую готовность к такому взаимодействию; интерактивный — умение и способность учебной группы эффективно взаимодействовать с социальной средой.

Выраженность каждого из компонентов мотивационно-ценностной включенности определяют ее типологию, получившую название «формы мотивационно-ценностной включенности малой группы в социальную среду (систему)». В процессе исследования нами были выделены следующие «формы»: позитивная, позитивно-отстраненная, отстраненно-позитивная, отстраненная, отстраненно-негативная, негативно-отстраненная, негативная.

Мотивационно-ценностная включенность малой учебной группы изучалась нами в двух типах социальных сред (систем): обычных и «развивающих» (Чернышев и др., 2005). Под обычными мы понимаем социальные среды, в которых воспитательная работа осуществляется традиционно (как правило, это школа, вуз и т. п.). Современные технологии обучения и воспитания в таких средах представлены фрагментарно или же не представлены вовсе. Напротив, «развивающие социальные среды» (чаще всего это временные или постоянные образовательные организации, в которых полностью или частично реализуются принципы «развивающей социальной среды») отличаются от обычных внедрением в процесс их жизнедеятельности современных образовательных технологий, способствующих созданию особой системы отношений между всеми элементами данной социальной среды, содействующих интенсивному развитию как личностных, так и групповых социально-психологических феноменов.

В процессе исследования нами также был установлен ряд психологических механизмов формирования мотивационно-ценностной включенности малой учебной группы в социальную среду (систему).

Первый из них мы обозначили как механизм «*„авансированного доверия“ социальной среды (системы) по отношению к взаимодействующей с ней малой группе*». Название данного механизма мы посчитали возможным заимствовать у А. С. Макаренко, который, как известно, понимал под «авансированным доверием» формирование благоприятной, «поддерживающей» обстановки в коллективе. Механизм «авансированного доверия» в нашем исследовании проявляется в создании социальными средами образовательных организаций всех изученных нами типов условий, правил, норм и психологической атмосферы, регулирующих процесс взаимодействия и взаимоотношений в них как между группами — ее элементами, так и между группами и самими образовательными организациями. В процессе исследования нами была установлена различная направленность формирования мотивационно-ценностной включенности посредством данного механизма — от создания организацией атмосферы доброжелательной и взаимоподдержки учебных групп, внимательного отношения к групповым успехам и достижениям, а равно и к возможным неудачам, до отстраненности и создания обстановки жесткой конкуренции, нетерпимос-

ти и даже конфронтации, что непосредственно сказывалось на «формах» мотивационно-ценностной включенности учебных групп.

В ситуациях взаимодействия малой группы с социальной средой образовательной организации значительная роль принадлежит также механизму, который мы обозначили как механизм *«обращения группы к имеющемуся групповому опыту взаимодействия с социальной средой (системой)»*.

Проведенное исследование показало существование такого опыта у всех изученных нами учебных групп, независимо от типа среды образовательной организации, элементами которой они являлись на момент исследования. В развивающих социальных средах носителями такого опыта в учебных группах выступали, прежде всего, члены педагогического коллектива данной организации – руководители учебных групп (педагоги-воспитатели, вожатые, инструкторы и т. д.). Важное место как носители такого опыта занимали в этих группах также и их лидеры, а также члены группы, имеющие индивидуальный опыт осуществления взаимодействия с развивающими социальными средами. Во многом от них зависели принятие и реализация остальными членами группы и группой в целом системы правил и отношений, позволяющих осуществлять наиболее благоприятный вариант взаимодействия данной учебной группы с социальной средой, элементом которой она являлась.

В учебных группах – элементах обычных социальных сред действие данного механизма было связано с системой жизнедеятельности самой социальной среды, обычно базирующейся на минимальном взаимодействии групп с ней либо вообще не предполагавшей такого взаимодействия не только с ней, но и между учебными группами ее элементами. В то же время в группах, элементах таких сред, имеющих определенный опыт взаимодействия с развивающими социальными средами (школьные и студенческие группы, проходившие обучение в развивающих социальных средах), обращение к имеющемуся групповому опыту взаимодействия с социальной средой становилось катализатором обновления норм и правил взаимодействия обычной социальной среды (школы, факультета, вуза) с учебными группами – ее элементами и также способствовало изменению форм мотивационно-ценностной включенности учебных групп.

Механизм *«трансформации лидерства в малой группе в процессе взаимодействия с социальной системой, элементом которой является группа»*, был нами установлен также во всех исследованных группах независимо от типа социальных сред (систем) изученных нами образовательных организаций.

Как правило, в группах – элементах обычных социальных сред лидерство либо отсутствовало вообще и функции лидера выполнял член педагогического коллектива, работавший с данной учебной группой (педагог, куратор, вожатый и т. д.), либо являлось «абсолютным», что мы связываем с организационными особенностями таких групп и их общим уровнем развития (9). В связи с этим роль лидерства в формировании «форм» мотивационно-ценностной включенности оказалась незначительной.

В образовательных организациях, использующих принципы «развивающей социальной среды», роль лидерства в ситуациях взаимодействия группы с социальной средой образовательной организации оказалась более значительной,

поскольку часто именно лидеры учебных групп (помимо членов педагогического коллектива) нередко осуществляли связь с административными органами данной организации, выполняя тем самым функции руководителя (Уманский, 2001). Наилучшим образом данную функцию выполняли лидеры, уже имевшие опыт взаимодействия с такого типа образовательными организациями. В своей группе такие лидеры предлагали ей конкретные варианты осуществления взаимодействия с социальной средой организации, вносили, если это было необходимо, изменения в процесс выполнения действий группы, изменяли функции ее членов. Ответственность за эффективность взаимодействия группы с социальной средой также часто ложилась на них. Как было установлено, все это также отражалось на «формах» мотивационно-ценностной включенности. Кроме того, в учебных группах, сформированных вне организаций данного и помещенных туда временно (например, на время проведения летних учебных сборов), данный механизм оказался связан с позицией самой учебной группы (или ее части) по отношению к среде данной образовательной организации, которую лидеры групп, как правило, учитывали.

Говоря о выявленном нами механизме *«повышения смыслообразующей функции ценностей социальной среды (системы) образовательной организации до групповых и индивидуальных ценностных ориентаций»*, мы находим ей параллель в разработанной в педагогической психологии концепции теоретического (содержательного) обобщения, которая, на наш взгляд, вполне применима к формированию как групповых, так и индивидуальных ценностных ориентаций.

По нашему мнению, это прежде всего относится к положению о том, что частные знания могут выводиться из более общих как конкретное проявление всеобщего закона. Данное положение вполне накладывается на проблему формирования ценностного компонента мотивационно-ценностной включенности и, соответственно, выглядит как индивидуальные и групповые ценностные ориентации, выводимые из наиболее общих фундаментальных смысложизненных ценностей, носителем которых является социальная среда (система) образовательной организации.

Кроме того, сама структура ценностей той или иной образовательной организации (ее социальной среды), представляется, вполне может рассматриваться как некоторый «смысл жизни» в ней, а также как особое социально-психологическое образование – своеобразный «буфер» между обществом в целом и конкретной группой членства. Приобретая относительную устойчивость и независимость от окружающих его условий, данная структура ценностей социальной среды образовательной организации, ее индивидуальный внутренний «смысл жизни» может существенно влиять на жизнь как конкретной личности в данной организации, так и на систему ценностей группы его ближайшего окружения.

В ходе исследования мы установили, что в социальных средах обычных образовательных организаций структура ценностей таких организаций и составляющих их учебных групп носила, как правило, отстраненный характер, находясь в середине континуума «близость – отдаленность», что, прежде всего, проявлялось в преобладании отстраненных форм мотивационно-ценностной включенности.

В организациях же, чья жизнедеятельность выстроена на принципах «развивающей социальной среды», строится на социальных системах типа «развивающая социальная среда», действие данного механизма оказалось значительнее, что позволяло обогащать как содержательную, так и формальную структуры мотивационно-ценностной включенности. Кроме того, действие этого механизма мы связываем также и с особенностями самих учебных групп, выступающих опосредующими звеньями в его функционировании. Важным, по нашему мнению, является также, что в процессе формирования мотивационно-ценностной включенности в таких образовательных организациях в группах с позитивными формами мотивационно-ценностной включенности, в первую очередь, высвечиваются ценности творческого, оптимистического отношения к миру и утверждается ориентация на высшие жизненные смыслы. При этом ценности группы, выступая в качестве компонента структуры мотивационно-ценностной включенности, в процессе ее формирования все в большей мере становятся «генератором» ее активности, потенцируя, в свою очередь, те или иные формы в процессе ценностного смыслопорождения и смыслостроительства (Леонтьев, 1997) в учебной группе.

Заключение

Таким образом, малые учебные группы, рассматриваемые нами как субъекты деятельности, общения и отношений, вступая в многоуровневую и многокатегориальную систему отношений между собой и формируя тем самым новые множества – социальные среды (системы), выстраивают свои взаимоотношения и взаимодействие с ними в континууме принятия–непринятия малой группой социальной системы образовательной организации, элементом которой они являются. Основой данного процесса выступает мотивационно-ценностная включенность малой учебной группы в социальную систему образовательной организации. Выявленные в ходе исследования социально-психологические механизмы формирования мотивационно-ценностной включенности малой учебной группы в социальную систему образовательной организации связаны с типом социальной системы в такой организации и приобретают в ней характерное психологическое содержание, позволяющее достигать оптимального взаимодействия учебной группы с социальной средой (системой), элементом которой она является.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
- Елизаров С. Г.* Мотивационно-ценностная включенность малой группы в социальную систему (систему групп) различных типов (на материале исследования молодежных учебных групп): Дис. ... докт. психол. наук. Курск, 2010.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Леонтьев Д. А.* Динамика смысловых процессов // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 6. С. 13–27.

- Платонов К. К. О процессе самоукрепления коллектива // Коллектив и личность. М.: Наука, 1975. С. 87–93.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
- Сарычев С. В., Ларина Г. Н., Елизаров С. Г. Проблемы малой группы и личности в научном творчестве А. С. Чернышева (к 85-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 5. С. 109–118.
- Сушков И. Р. Психология взаимоотношений групп в социальной системе: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2002.
- Уманский Л. И. Личность. Организаторская деятельность. Коллектив. (Избранные труды). Кострома: Изд-во Костромского гос. ун-та, 2001.
- Чернышев А. С., Лунев Ю. А., Лобков Ю. Л., Сарычев С. В. Психологическая школа молодежных лидеров. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005.

Motivational and value involvement as a socio-psychological basis for the relationship and interaction of a small study group with the social environments of educational organizations of various types

S. G. Elizarov

doctor of psychological sciences, associate professor, professor of the Department of Psychology of Kursk State University, Kursk, Russia, Kursk State University, sergei_elizarov@mail ru

The article considers the socio-psychological foundations of the motivational and value involvement of a small study group in the social environment (social system) of an educational organization. The definition of the concept of motivational and value involvement of a small study group in the social environment (social system) is formulated as a socio-psychological phenomenon in a number of definitions close to this phenomenon in modern social psychology. The leading psychological mechanisms of formation of motivational and value involvement of the study group are presented. The structure of the motivational and value involvement of the study group in the social environment (social system) is considered and its main components are described. The socio-psychological foundations of the interaction and relationship of the study group with the social environments of educational organizations of various types are presented.

Keywords: motivational-value involvement of a small study group in the social environment (social system), structure and main mechanisms of motivational-value inclusion, educational organization.

Влияние совместного творчества на развитие учебной группы

Л. И. Еремина

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и социальной работы, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск, Россия, lariv73@mail.ru

Представлен анализ совместного творчества как группового феномена, раскрывается сущность понятия «групповая креативность» как способности группы к творчеству, формируемая внутригрупповым взаимодействием в совместной деятельности. Выделены признаки учебной студенческой группы как малой социальной группы. На примере специально организованной проектной деятельности в процессе обучения показано, что целенаправленное включение в педагогический процесс современных форм организации совместного творчества стимулирует развитие учебной группы. В качестве методов исследования использовались методика исследования уровня развития малой группы и методика изучения групповой креативности. В ходе исследования выявлена зависимость между уровнями групповой креативности и уровнями развития группы.

Ключевые слова: совместное творчество, групповая креативность, учебная группа, уровни развития учебной группы.

Совместное творчество рассматривается как межличностное и внутригрупповое взаимодействие, вносящее значимый вклад в работу над задачей, ведущее к продуцированию новых идей или к созданию новых продуктов, которые в соответствии со сложившейся ситуацией решают проблему или реализуют общественно значимую цель (Ушаков, 2011). В исследованиях В. Г. Грязевой-Добшинской совместное творчество раскрывается через индивидуализацию (поиск нового, усиление своеобразия, возможности для участников внести уникальный вклад в совместную деятельность) и интеграцию личности (отражение и принятие индивидуальности другими) (Грязева-Добшинская, 2010).

Совместное творчество связывают с понятием групповая креативность. Групповую креативность определяют как характеристику группы (Ушаков, 2011), ее комплексное свойство (Гаврева, 2008), способность к генерированию новых идей и их поддержке (Журавлев, Нестик, 2010); способность к творчеству, формируемая внутригрупповым взаимодействием в совместной деятельности (Еремина, 2017). Групповая креативность реализуется в определенных обстоятельствах, при определенных условиях (Ушаков, 2011).

К основным социально-психологическим факторам совместного творчества относят: состав группы и ее ролевую структуру; инновационные групповые ценности, способность группы к рефлексии, внутригрупповое доверие и психологическую безопасность, позволяющие избежать эффектов группо-

вого мышления; коммуникативную структуру группы и внешние социальные сети команды, характер лидерства (Журавлев, Нестик, 2011); разнородность интересов участников группы; мотивацию на решение коллективных сверхзадач; способность к обмену неявными знаниями; низкий уровень избегания определенности и готовности к риску; уверенность группы в своих силах (Ушаков, 2011); мотивацию группы и постановку труднодостижимых задач (Worphy, 1998); сплоченность членов группы вокруг поставленных творческих целей; наличие творческого состязательного климата; стимулирование группы к творческим решениям; создание возможностей для раскрытия творческого потенциала каждого и пр. (Гавреева, 2008).

В целом, в научной литературе исследования влияния совместного творчества на уровень развития учебной (студенческой) группы довольно немногочисленны. В диссертационной работе Г. С. Гавреевой выявлена зависимость между уровнями развития проектной группы (исследование проводилось на базе архитектурно-строительной проектной организации) и групповой креативностью ($r=0,470$; $p=0,05$). С точки зрения автора, творческий коллектив (команда) определяется как малая группа, достигшая высокого уровня групповой креативности в выполнении творческой задачи (Гавреева, 2008).

Учебная студенческая группа как малая социальная группа характеризуется следующими признаками: 1) формальная, относительно стабильная контактная группа, немногочисленная по составу, от 12 до 35 чел., объединенная учебной деятельностью, в том числе совместной деятельностью и общением; 2) социально-психологическая общность людей, поддерживающих контакт, взаимодействие и определенные психологические отношения между собой; 3) реальная группа, в которой положение и поведение членов группы строго регламентировано правилами организации (высшего учебного заведения); 4) студенты примерно одного возраста, от 17 до 22 лет; 5) чаще всего группа гетерогенная (смешанная), встречаются и гомогенные (однополые) группы в зависимости от профиля подготовки (например, дошкольное или начальное образование); 6) имеет просоциальную направленность, совпадающие интересы и цели (получение высшего образования); 7) для членов группы характерны определенные установки, позиции, роли, система ценностей и норм. Студенческая учебная группа выступает как пространство жизнедеятельности и условие развития личности.

Согласно Л. И. Уманскому, развитие группы характеризуется степенью психологической интегрированности в деловой и эмоциональной сферах и зависит от таких параметров, определяющих развитие совместной деятельности, как: ценностная направленность группы, организационное и социально-психологическое единство, влияние членов группы на достижение групповых целей. Группа в своем развитии проходит следующие стадии: номинальная группа, группа-ассоциация, группа-кооперация, группа-автономия, коллектив (группа-корпорация) (Уманский, 1980).

Процедура и методы исследования

Для проверки гипотезы о влиянии совместного творчества на уровень развития малой студенческой группы проведено обследование 84 чел. (5 студенческих

групп третьего курса; уровень образования: бакалавриат; направление подготовки: психолого-педагогическое образование, педагогическое образование, социальная работа). В качестве диагностического инструментария использовались методика исследования уровня развития малой группы (Л. И. Уманский), методика изучения групповой креативности (Еремина, 2017).

Для диагностики групповой креативности студентам предлагалась охарактеризовать совместное групповое творчество с помощью полярных показателей по 7-балльной шкале (7 баллов – показатель ярко выражен, 1 балл – показатель совсем нехарактерен): 1) скучно было решать творческие задачи / интересно было решать творческие задачи; 2) консервативный настрой (равнодушие) / творческий настрой (увлеченность); 3) предложили мало новых идей / предложили много новых идей; 4) предлагалась одна стратегия решения творческой задачи / предлагалось разнообразие стратегий решения творческой задачи; 5) высказывались стереотипные, шаблонные идеи / высказывались новые, неожиданные, оригинальные идеи; 6) не хотелось ничего усовершенствовать / постоянно хотелось усовершенствовать идеи; 7) группа работала пассивно и слабо / группа работала активно и энергично; 8) в группе чувствовалась разобщенность / в группе преобладало единомыслие, согласованность действий. На основе балльных порядковых шкал были выделены семь уровней и представлены в обобщенном виде (очень высокий, высокий, выше среднего, средний, ниже среднего, низкий, очень низкий).

Первых два показателя – интерес к решению творческих задач и общность творческого настроения учебной группы – можно отнести к характеристикам творческой направленности. Продуктивность (способность к генерированию новых идей, способов действий), гибкость (способность находить новые (альтернативные) стратегии решения творческих задач), оригинальность (способность оригинально, необычно и конструктивно решать творческие задачи) и разработанность (способность усовершенствовать объект путем добавления существенных деталей) соотносятся с показателями творческого мышления. Групповая активность (степень включенности в групповое взаимодействие) и согласованность действий, сотрудничество в решении творческой задачи определяют особенности группового творческого взаимодействия.

Совместное творчество студентов осуществлялось в следующих направлениях: осознание своих способностей к творчеству; формирование творческой направленности; развитие творческого мышления; развитие творческой активности (Еремина, 2015).

Сначала студенты осваивали учебные курсы, связанные с изучением творчества, одаренности, креативности, проектной деятельности. Затем в ходе производственной практики анализировали особенности организации (чаще всего это организации, осуществляющие образовательную деятельность, или центры по оказанию психологической, социальной помощи населению), определяли актуальные потребности, продуцировали и прорабатывали идеи для разработки и реализации проекта (виды проектов: социально-психологического, психолого-педагогического, социально-педагогического). Далее студенты по микрогруппам в количестве от 4 до 5 чел. в течение месяца разрабатывали проекты, писали текст проекта и публично проводили защиту с презентацией.

Форма совместного творчества: по содержанию совместной деятельности — образовательное, по целенаправленности — инструментальное, по степени спланированности — совместное исполнение, по способу коммуникаций — непосредственное (Ушаков, 2011).

Работа над проектом была направлена на формирование мотивации творческой деятельности малой группы, навыков мысленного моделирования объекта совместного творчества, развитие групповой креативности, групповой активности и группового творческого взаимодействия.

Организация работы микрогруппы над проектом включала в себя технологические шаги, позволяющие организовать совместное творчество студентов. На первом этапе студенты разбивались по желанию на временные творческие микрогруппы, распределяли роли (информаторы, генераторы, критики, активаторы, аналитики), выделяли актуальные проблемы, значимые вопросы для обсуждения. На втором этапе происходил обмен идеями, знаниями, информацией. Студенты создавали банк идей, выбирали оригинальные идеи, выделяли важную информацию при решении проблемы. Далее студенты анализировали полученную информацию, проводили отбор действительно продуктивной и лучшей идеи. Следующим шагом было переосмысление и совершенствование выбранной идеи, продумывание ее воплощения на практике. Далее студенты работали над текстом проекта, распределяя функционал по описанию содержательных и технологических параметров проекта. На завершающем этапе студенты готовились к защите проекта, продумывали презентацию продукта проекта с использованием таймлайна, инфографики, скайбинга и пр.

В ходе защиты присутствовал элемент творческой состязательности. Студенты, выступая в роли экспертов, оценивали проект (творческий продукт) по следующим параметрам: инновационность в проекте, оригинальная идея и ее воплощение, соответствие содержание проекта цели и идеи, творческий или банальный проект, практическая значимость проекта, защита проекта и пр.

На заключительном этапе осуществлялась рефлексивная деятельность, осмысление проделанной работы, анализировался результат совместного творчества, подводились итоги, выделялись наилучшие и значимые проекты.

Результаты исследования

В ходе исследования выявлена зависимость между уровнями групповой креативности и уровнями развития группы. Методом корреляционного анализа установлена линейная положительная зависимость в группе 1 ($r=0,720$, $p\leq 0,01$), в группе 2 ($r=0,571$, $p\leq 0,05$), в группе 3 ($r=0,742$, $p\leq 0,01$), в группе 4 ($r=0,524$, $p\leq 0,05$), в группе 5 ($r=0,558$, $p\leq 0,05$). Установлена сильная зависимость в группах 1 и 3, где преобладает высокий уровень групповой креативности и уровень развития учебной группы — группа-автономия. В группе 5 студенты соотносили уровень развития учебной группы с группой-кооперация с преобладанием уровня развития групповой креативности выше среднего. В группах 2 и 4 отмечается смешение уровней с преобладанием уровня развития группы (группа-автономия) и высоким уровнем развития групповой креативности. Полученные результаты подтверждают зависимость между уровнями групповой креативности (высоким и выше среднего) и уровнями развития группы (авто-

номия и кооперация). Чем выше уровень групповой креативности, тем выше и уровень развития учебной группы. Высокий уровень развития группы также способствует повышению уровня групповой креативности.

Из выявленных закономерностей можно предположить, что уровень развития учебной группы связан с внутригрупповыми процессами на протяжении всего обучения студентов в учебной группе, тем не менее развивающее влияние совместного творчества велико: взаимообмен информацией и знаниями, формирование деловых и эмоциональных отношений, приобретение поведенческого опыта, развитие групповой рефлексивности. Ценность содержания совместной деятельности и смыслов творчества приобретают развивающий характер не только для каждого студента, но и для группы в целом.

В процессе обучения студентов необходимо продумывать формы совместного творчества, методы стимулирования новых идей, создавать условия для формирования мотивации совместной деятельности, развития малой студенческой группы и внутригрупповых процессов. Возможность договариваться, согласованные действия, сплоченность, включенность и активность в групповом взаимодействии играют важную роль в совместном творчестве. В организационном плане использовать микрогруппы сменного состава (менять состав временной микрогруппы), пересматривать ролевые позиции участников в ней, делать акцент на лидерство и руководство микрогруппой. В содержательном плане ориентация на уровень сложности и трудности проблемных заданий творческой направленности, разнообразие и вариативность форм совместного творчества. В социально-психологическом плане установка на уровень креативности участников группы (индивидуальная креативность), уровень развития креативности малой группы (групповая креативность), уровень и динамику развития малой студенческой группы.

Заключение

Совместное творчество как групповой феномен представляет собой процесс взаимодействия. Групповая креативность рассматривается как характеристика группы, ее способность к генерированию новых идей и их поддержке.

В рамках проведенного исследования групповая креативность определяется как способность группы к творчеству, формируемая внутригрупповым взаимодействием в совместной деятельности.

Влияние совместного творчества на уровень развития учебной группы раскрывается через специально организованную проектную деятельность в процессе обучения.

Выявлена зависимость между уровнем групповой креативности и уровнем развития группы. Подтвердилось предположение, что для развития малой студенческой группы необходимо включать в педагогический процесс современные формы организации и стимулирования совместного творчества. Важна ориентация системы обучения на совместное творчество.

Литература

Гавреева Г. С. Влияние внутригрупповых процессов на развитие креативности малой группы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ГУУ, 2008.

- Грязева-Добшинская В. Г.* Синергия взаимодействия субъектов в совместной творческой деятельности как механизм творческого лидера // Психология интеллекта и творчества. Традиции и инновации. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 298–308.
- Еремина Л. И.* Исследование групповой креативности студентов // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1183–1190.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Внутригрупповые и организационные факторы совместного творчества // Вестник практической психологии образования. 2011. Т. 8. № 1 (26). С. 55–61. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2011_n1/47608 (дата обращения: 18.07.2023).
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психология управления совместной деятельностью: Новые направления исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Творчество: наука, искусство, жизнь: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Я. А. Пономарева / Отв. ред. С. С. Белова, А. А. Григорьев, А. Л. Журавлев, Е. А. Лаптева, Д. В. Ушаков, М. А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Уманский Л. И.* Психология организаторской деятельности школьников. М.: Просвещение, 1980.
- Brophy D. R.* Understanding, measuring, and enhancing collective creative problem-solving efforts // Creativity Research Journal. 1998. V. 11. P. 199–229.

The impact of collaborative creativity on the development of the study group

L. I. Eremina

*candidate of pedagogical sciences, associate professor, associate professor
of the Department of Pedagogy and Social Work, Ulyanovsk State Pedagogical University
named I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia*

The analysis of joint creativity as a group phenomenon is presented, the essence of the concept of “group creativity” as the ability of a group to create, formed by intra-group interaction in joint activities, is revealed. The signs of an academic student group as a small social group are highlighted. Using the example of specially organized project activities in the learning process, it is shown that the purposeful inclusion of modern forms of organizing joint creativity in the pedagogical process stimulates the development of the study group. The research methods used were the methodology of studying the level of development of a small group and the methodology of studying group creativity. The study revealed the relationship between the levels of group creativity and the levels of group development.

Keywords: collaborative creativity, group creativity, study group, levels of development of the study group.

Групповая идентичность беременных женщин с оптимальным и неоптимальным типом отношения к беременности

И. А. Колиниченко, С. А. Никулина***

* кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия kolinichenkoi@yandex.ru

** кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии личности и профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск, Россия sniknik1974@mail.ru

Представление о беременности, осознание своего состояния как фактического материнства и формирование собственного «Я» — образа во многом обуславливают отношение женщины к беременности и к еще не рожденному ребенку. Этот период жизни женщины способствует трансформации ее идентичности, а рождение ребенка выявляет характеристики женщины, которые до этого были неочевидны. Подтвердилось предположение о различиях в конструировании идентичности беременных женщин оптимального и неоптимального типов отношения к беременности. Респонденты оптимального типа значимо выше отличаются по принадлежности к своей группе. Выявлена большая когнитивная сложность восприятия образа «Я» у респондентов этого же типа, что может быть признаком адекватного варианта адаптации к беременности. Материнская роль включена в структуру идентичности беременных женщин обоих типов в равной степени и показывает текущий, проходящий характер идентичности беременных, в отличие от устойчивого характера идентичности мамы. У беременных женщин с неоптимальным типом отношения к беременности отмечается большая ориентация на моральные нормы прошлого и отступление от норм морали.

Ключевые слова: концепция когнитивной идентичности, категории идентичности, типы отношения к беременности, оценка отношения к морали, беременные женщины.

Современные ученые сходятся во мнении, что идентичность есть личностное, динамичное образование, благодаря которому у человека складывается представление об образе «Я», развивающееся в соответствии с его ресурсами и социальными потребностями.

Исследования идентичности беременных в психоанализе, гуманистическом, когнитивном направлении психологии немногочисленны, но они представляют интерес для решения наших исследовательских задач.

Так, З. Фрейд, А. Фрейд, Д. Пайнз рассматривают идею неотъемлемой связи развития женщины с учетом ее ранней, детской идентификации с матерью, ко-

торую женщина может перенести на своего ребенка (Винникотт, 2004). Г. Г. Филиппова также писала об идентификации женщины со своей матерью, необходимой для формирования материнской роли беременных (Филиппова, 2018).

В современном гуманистическом направлении исследований получены результаты изучения ролевой идентичности, названной материнской; сравнительный анализ исследования М. Е. Воробьевой показал особенности социальной идентичности женщин до и после рождения ребенка (Воробьева, 2015).

Временной характер образа «Я» человека позволяет выбрать важную для себя социальную роль, избегая ролевой ограниченности. В связи с этим Г. М. Андреева и другие отечественные ученые предлагают направить вектор внимания исследователей на изучение множественных «Я» личности в процессе сознательного или бессознательного конструирования варианта своей идентичности (Колиниченко и др., 2023). В этом конструировании в каждой социальной группе есть свои закономерности, а развитие свойств и качеств личности беременной женщины, адаптация к этой роли формируют представление о социально ответственном материнстве до появления ребенка на свет.

Начало исследованиям идентичности было положено в ставших классическими работах эго-психолога Э. Эриксона (Эриксон, 1996). Идентичность в конструктивистском направлении психологии анализируется под влиянием когнитивной психологии как часть социальных представлений личности. Смысл когнитивной модели анализа заключается в представлении перехода конструирования социальной реальности в единстве групповых процессов, в которых участвует человек и членом которых он себя представляет (Патырбаева, 2021).

Идентичность в когнитивном направлении психологии А. Тэшвел, Дж. Тернер понимается как когнитивная система, регулирующая поведение человека в конкретных условиях. Согласно теории социальной идентичности, этот феномен рассматривается в личностном и социальном аспекте; следствием является понимание социальной сущности личностной идентичности. Социальная идентичность формируется на основе принадлежности человека к конкретной группе – профессиональной, гендерной, статусной.

Социальная категоризация, по А. Тэдшвел, располагается в континууме от полюса, сосредоточившего поведенческие реакции человека, обусловленные его членством в группе (проявление социальной идентичности), до полюса индивидуальных особенностей личности (личностная идентичность). Феномен заключается в стремлении человека к позитивному образу «Я» и к достижению положительной социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1979).

Как отмечают многие авторы (С. Ю. Мещерякова, И. В. Добряков, Г. Г. Филиппова, Р. В. Овчарова), личностные особенности женщины, ее предшествующая жизнь, отношение к своему состоянию способны во многом повлиять на ситуативное восприятие, эмоциональный настрой во время беременности и будущий тип взаимоотношений с малышом. Особенно значимым является отношение женщины к своей беременности, которое определяет как ее субъективное благополучие во время беременности, так и имеет непосредственное отношение к реализации материнской роли. Отношение к беременности является результатом осмысления многих аспектов предыдущего опыта жен-

щины и приводит к избирательному реагированию на внутренние и внешние стимулы среды (Никулина, 2017).

Значимость формирования материнской ролевой идентичности у беременных определяется потребностью в сохранении здоровья в диаде «будущая мама—ребенок». Учитывая вклад нескольких концепций, дополняющих друг друга с медико-психологическим и социально-психологическим обоснованием, О. В. Магденко создала коррекционно-развивающую программу с целью помощи беременным женщинам. Базой методологического подхода здесь выступили концепция ригидности Г. В. Залевского и его биосоциоэтническая модель, идеи Н. П. Коваленко-Маджуг о принципах помогающей психологии, а также концепция И. В. Добрякова, научные положения которой о типах гестационной доминанты были применены в проведенном нами исследовании (Количенко и др., 2022). Согласно представлениям И. В. Добрякова, через призму типов отношений женщин к беременности происходит преломление в восприятии ими разных стимулов. Мотивы материнской любви конструктивны, влияют на отношение к беременности, определяя ее оптимальность, деструктивные же мотивы искажают ценность образа ребенка в представлениях матери в процессе его вынашивания (Добряков, 2010).

В рамках нашей работы остановимся на когнитивном аспекте исследований идентичности беременных женщин, которую можно обнаружить посредством анализа их представлений в отношении к материнству.

Процедура и методики исследования

Целью исследования явилось изучение категорий идентичности и морали беременных женщин с оптимальными и неоптимальными типами отношения к беременности с позиций теории когнитивной идентичности; предметом — общая идентичность беременных женщин. Гипотезой выступило предположение о различиях в конструировании идентичности беременных женщин оптимального и неоптимального типа отношения к беременности по критериям групповой идентичности, когнитивной сложности суждений и отношению к морали.

В исследовании приняли участие 60 беременных женщин, из них 30 респондентов, показывающих оптимальное отношение к беременности и 30 респондентов, чье отношение к беременности имело амбивалентный, неоптимальный характер. Так как все типы отношений, отличающихся от оптимального, требуют той или иной коррекционной работы, то мы объединили женщин с разным отношением к беременности в группу неоптимальных.

В ходе исследования анализировались такие показатели, как возраст, количество недель беременности, категории идентичности: общие, личностные, групповые, эти же категории идентичности по критерию изменчивости, они же отдельно по критерию желательности, 8 суждений о морали, типы отношения к беременности: оптимальный, гипогестогнозический, эйфорический, тревожный и депрессивный, а также когнитивная простота/сложность оценок образа «Я» респондентов. Результаты были подвергнуты статистической обработке.

Использованы следующие психодиагностические методики: модифицированный Е. В. Улыбиной опросник М. Куна—Т. Макпартленда «Кто Я?», опрос-

ник «Суждения о морали» и опросник «Типы отношения к беременности» И. В. Добрякова.

Опросник Куна–Макпартленда «Кто Я?», модифицированный Е. В. Улыбиной, содержит 3 столбца: испытуемому, после заполнения первого столбца (ответа на вопрос «Кто Я?») необходимо было в следующем столбце каждую характеристику оценить по возможности ее изменения от 1 до 7 баллов и аналогично в третьем столбце – по степени ее желательности от 1 до 7 баллов.

Методика предполагала изучение категорий идентичности: общих (женщина, мама, дочь, сестра, имя собственное и др.), личностных (эмоциональная, пунктуальная, не покладистая, добрая, и др.), группы членства (подруга, жена, работница, бухгалтер, педагог, путешественник и др.). Обработка ответов включала подсчет этих категорий в первом столбце. Далее производился расчет присвоенных каждой категории баллов во втором и третьем столбцах.

По результатам опроса категории идентичности испытуемых были дифференцированы на общие (биологические черты), личностные (характеристики черт личности) и групповые (принадлежность к группам).

В опроснике «Оценка моральных суждений» каждую из 8 моральных проблем, обозначенных одним суждением, испытуемый должен был оценить по баллам: от 1 – «полностью не согласен» до 7 – «полностью согласен». Содержание суждений опросника сформулировано на основании моральных дилемм Л. Колберга (Колиниченко, Никулина, Воронкина, 2022).

Методика И. В. Добрякова «Типы отношения к беременности» выявляет 5 типов отношений женщин к своей беременности, описанные нами выше. Методика включает 3 блока утверждений: отношение к себе, к системе «мать–дети», представления об отношении окружающих к беременной. В каждом из блоков предлагалось выбрать суждение, соответствующее фактическому состоянию респондентов. Если по одному из типов ПКГТ (психологический компонент гестационной доминанты) набиралось 7–9 баллов, он признавался определяющим.

Оптимальным типом Г. Г. Филиппова и И. В. Добряков рассматривают тот, в котором подавляющее большинство суждений беременных относили к оптимальному типу, а другие пять требовали корректировки сознания и поведения, тем самым они не являлись оптимальными (Добряков, 2010; Филиппова, 2018).

Мы заметили, что часто у беременных наблюдался амбивалентный тип отношений, «чистые» типы встречались реже. Ввиду этого мы дифференцировали группы беременных на оптимальные и неоптимальные типы преимущественно сделанных выборов. Текущую выборку испытуемых мы различали по признаку количества оптимальных выборов. К оптимальному типу были отнесены такие полученные результаты, при которых прослеживался преимущественно оптимальный тип отношений без тревожных и депрессивных выборов. Согласно включенному наблюдению, отношения беременных к своему текущему состоянию, наличие показателей тревожности или депрессии при выборе меньше 7 оптимальных утверждений означало, что общий (в целом) тип ПКГД не является оптимальным и требует коррекции. Под когнитивной простотой/сложностью представлений об образе «Я» мы понимали количество понятий, суждений в опроснике 1: от 1 до 9 – характеристика образа «Я» рассматривалась как относительно простая, а от 10 до 20 – более сложная.

Далее был проведен сравнительный анализ выявленных категорий между двумя группами испытуемых (оптимального и неоптимального типа).

Алгоритм исследования заключался в проведении опроса и обработки индивидуальных протоколов испытуемых, внесении данных в общую таблицу; статистическом подсчете средних значений; в исследовании это осуществлялось с помощью программ Excel v. 19 и SPSS v. 11.

Результаты

Сравнение группы беременных женщин с оптимальным отношением к беременности с группой беременных женщин с неоптимальным отношением к беременности по t-критерию Стьюдента показало следующее.

Выявлены отличающиеся аспекты идентичности беременных женщин с оптимальным и неоптимальными типами отношения к беременности.

По сравнению показателей свойств женщин с оптимальным и неоптимальным отношением к беременности было обнаружено 7 показателей из 25, что составляет почти треть изучаемых свойств (28%). Найдены различия по групповой категории идентичности ($p < 0,051$).

Конструируемая идентичность беременных своеобразна; у беременной женщины складывается представление об образе «Я», личностных ресурсах в соответствии с текущим, проходящим характером идентичности.

Установлено различие между группами респондентов по значениям показателей отношения к морали. Стремление ориентироваться, направлять свой взор на моральные нормы прошлого (дилемма 3, $p < 0,032$) значительно больше выражено у лиц неоптимального типа отношения к беременности. Предполагаем, что ориентир на прошлые, а не на настоящие социально-культурные нормы морали встроен в неоптимальное отношение к беременности и объясняет неоптимальное отношение к беременности и все, что с этим связано: отношение к себе с позиции прошлого, а не настоящего, что может свидетельствовать о сниженном уровне адаптивности. Оценка вещей, явлений, ради которых можно отступить от норм морали (дилемма 8, $p < 0,092$), также сильнее выражена у респондентов неоптимального типа и детализирует когнитивный компонент отношения к беременности у женщин с амбивалентным характером ее проживания.

Различаются также гипогестогнозическое ($p < 0,004$) и депрессивное ($p < 0,014$) отношение к беременности, они выше у респондентов неоптимального типа. Показатели по гипогестогнозическому и депрессивному отношению к беременности различаются закономерно, так как они изначально рассматриваются как те, что препятствуют оптимальной адаптации к беременности.

Включенное наблюдение выявило: если показатели тревоги и/или депрессии отсутствуют у женщины, а количество оптимальных выборов превышает остальные, в беседе с исследователем женщина подтверждает желание иметь ребенка, то адаптация к беременности проходит нормально, а самочувствие остается достаточно хорошим и нет дискомфортных телесных проявлений. В этом случае беременные собственное будущее представляли как достаточно понятное, радостное, без гипертрофированных страхов и такой тип мы относили

к оптимальному. Беременная женщина могла делать выборы, которые расценивались как гипогестозические, что может свидетельствовать о трудностях в принятии роли беременной. Такие выборы обсуждались в беседе и на основании ее результатов тип отношений определялся либо как оптимальный, либо нет. Например, если в беседе оказывалось, что супруг до беременности проявлял заботу и во время беременности продолжил это делать, то такой выбор, скорее, отражал субъективное понимание утверждения, а не игнорирование отношения отца ребенка.

Беременные по-разному идентифицируют себя с группами. Большую идентичность с группой приписывают себе беременные оптимального типа ($p \leq 0,051$).

Наиболее интересным и значимым является различие по когнитивной сложности $p \leq 0,001$. У женщин с оптимальным типом отношения к беременности среднее значение равно 9,2, а у противоположного типа отношения (неоптимальных) – 5,6.

В структуре идентичности беременных доминирует малоизменяемая категория принадлежности к будущей ролевой позиции (мам), а не к настоящей роли беременной женщины, независимо от классификации типа: у оптимальных 22 (36,7%), у неоптимальных 23 (38,3%).

Заключение

Принятие роли матери зависит от многих факторов, как от внешних социальных, так и от внутренних, личностных особенностей беременной женщины.

В когнитивной теории социальной идентичности А. Тэшвела указывается, что, исходя из сформированного Я-образа, индивид воспринимает себя как члена конкретных социальных групп. Предпочтение групповой категории идентичности может сформировать вклад в определенный набор целей и убеждений, которые задают направление идентичности в личном будущем респондентов.

Выявленная идентификация опрошенных с социальной группой беременных, а не группы мам доказывает проходящий характер идентичности беременных, временное состояние беременности, в отличие от состояния материнства, устойчивого, воспринимаемого, как постоянство, существующего вне времени и данное «навсегда».

Подтвердилось предположение о различиях в конструировании идентичности беременных женщин оптимального и неоптимального типа отношения к беременности. Установлена значительно большая когнитивная сложность восприятия образа «Я» у респондентов первого типа отношения к беременности, что может являться еще одним признаком адекватности процесса адаптации к беременности.

В структуру идентичности беременной женщины включена материнская роль. Она должна быть сформирована и принята женщиной в довольно ограниченный период жизни, задаваемый биологически, но заставляет критически пересмотреть происходящее с ней.

В период беременности идентичность женщины претерпевает изменение. Однако не у всех этот процесс происходит одинаково. При этом субъективные характеристики женщины в большей степени определяют процесс трансфор-

мации идентичности и варианты реализации материнской роли в диаде мать — дитя, например, в гипо- или гиперопеке. Выявленные различия в когнитивном наполнении формирующихся характеристик идентичности позволяют прогнозировать как особенности течения беременности, так и родительское поведение в дальнейшем. Раннее выявление характеристик идентичности будущих матерей позволит своевременно проводить профилактику деструктивных моделей родительского поведения и способствовать развитию оптимального отношения к себе и своему ребенку.

Литература

- Воробьева М. Е.* Особенности социальной идентичности женщин до и после рождения ребенка: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2015.
- Винникотт Д.* Семья и развитие личности. Мать и дитя. Екатеринбург: ЛИТУР, 2004.
- Добряков И. В.* Перинатальная психология. СПб.: Питер, 2010.
- Колениченко И. А., Никулина С. А., Воронкина Л. Б.* Представление об идентичности и типы отношения к беременности будущих матерей // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской Академии наук: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН, 16–18 ноября 2022 г., Москва / Отв. ред. Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, А. В. Махнач, Н. Е. Харламенкова, А. В. Юревич, И. И. Ветрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. С. 431–433.
- Никулина С. А.* Формирование эмоционального благополучия беременных женщин средствами психологического консультирования: Монография. Петригорск: ПГУ, 2017. URL: <http://library.pglu.ru/plugins/library/library.php?info.223> (дата обращения: 15.12.2022).
- Патырбаева К. В.* и др. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: Коллективная монография / Науч. ред. К. В. Патырбаева. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012.
- Филиппова Г. Г.* Психология материнства: Учеб. пособие для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2018. URL: <https://urait.ru/bcode/410902> (дата обращения: 03.02.2020).
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Под общ. ред. А. В. Толстых. М.: Издат. группа «Прогресс», 1996.
- Tajfel H., Turner J. C.* An integrative theory of intergroup conflict // *The Social Psychology of Intergroup Relations* / Eds W. C. Austin, S. Worchel. Montrey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33–37.

Group identity of pregnant women with optimal and suboptimal type of attitude to pregnancy

I. A. Kolinichenko, S. A. Nikulina***

** associate professor, department of social psychology and sociology of management department, PhD in psychology, Krasnodar, Russia, kolinichenkoi@yandex.ru*

*** associate professor, Department of Personality Psychology and Professional Activity, PhD in Psychology, Pyatigorsk, Russia, sniknik1974@mail.ru*

The perception of pregnancy, the realization of one's state as actual motherhood and the formation of one's own «self»-image largely determine a woman's attitude to pregnancy and to the unborn child. This period of a woman's life contributes to the transformation of her identity, and the birth of a child reveals characteristics of a woman that were not obvious before. The assumption about the differences in the construction of identity of pregnant women of optimal and suboptimal types of attitude towards pregnancy was confirmed. Respondents of the optimal type differ significantly more in their group identity. The greater cognitive complexity of the perception of the image of "Self" in respondents of the same type was revealed, which may be a sign of an adequate variant of adaptation to pregnancy. The maternal role is included in the identity structure of pregnant women of both types to an equal extent and shows the current, passing nature of the identity of pregnant women, in contrast to the stable nature of the identity of mom. Pregnant women with suboptimal type of attitude towards pregnancy show greater orientation towards past moral norms and deviation from moral norms.

Keywords: concept of cognitive identity, identity categories, types of attitudes toward pregnancy, assessment of attitudes toward morality, pregnant women.

Динамика развития потенциальных свойств группы

В. В. Комаров

кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Самарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, Самара, komarov.sn1@yandex.ru

Рассмотрены характеристики потенциала человека и общности через анализ динамики их развития. Вводится понятие потенциального свойства системы и предлагается к обсуждению схема его развития через переход от препотенциального (неосознаваемого) — к потенциальному (осознаваемому) — далее, к пропотенциальному (осмысленному) на примере групповой динамики. Кривая развития потенциального свойства включает этапы, соединенные точками, обозначающими содержательные и переходные характеристики динамической конструкции: базальная точка, точка бифуркации, точки активации и успеха. Приводятся некоторые динамические особенности развития потенциального свойства группы через анализ потенциального в структуре развития личности (Б. Г. Ананьев), основные свойства группы — коллективного субъекта (А. Л. Журавлев), стадии групповой динамики (В. Tuckman).

Ключевые слова: потенциал человека, потенциал общности, потенциальное свойство системы, препотенциал, пропотенциал, стадии групповой динамики, коллективный субъект.

Актуальность исследования связана с нарастающей напряженностью современного мира. Его основные приметы: глобалистские тенденции, разрушающие национальные особенности; развитие полярности идеологий и ментальностей общностей; все увеличивающийся информационный шум, наполненный противоречивыми данными и откровенной ложью; возрастающая роль искусственного интеллекта, бурное развитие цифровых технологий, во многом обособляющих жизнь индивидуума, позволяющих создавать виртуальные миры, границы перехода в которые практически исчезли. Указанные характеристики мира делают современного человека, по меткому выражению Т. В. Черниговской, человеком *растерянным* — «*homo confuses*». Выход из этой растерянности — в опоре на человеческие качества, отличающие нас от животных: свобода выбора и ответственность за этот выбор. Речь идет о личностной автономии индивидуума, понимаемой как *ответственность за свое поведение на основе самодетерминации*, а не подверженности влечениям и импульсам. Автономию можно определить как стержневой компонент личностного потенциала (Дергачева, Леонтьев, 2011). Таким образом, раскрытие потенциальных возможностей человека делает его более эффективным как в индивидуальном плане, так и в совместной деятельности.

Мы определяем, что *потенциал*, как категория гуманитарного научного знания, обозначает напряженность между ресурсным состоянием системы и возможностями использования этих ресурсов. Разрядка данного напряжения приводит к переходу потенциальной психической энергии в актуальную. Потенциал формируется и проявляется в целенаправленной деятельности человека или общности. Важной в понимании сущности потенциала становится категория «*границы возможного*» — эти условные границы «устанавливаются» с помощью сдерживающих или активизирующих потенциал факторов (внутренних и внешних), и могут «исчезать» в сознании индивида или в групповом сознании во время пиковой активности.

Схема развития потенциального свойства группы

Потенциал системы (человека или общности) в гуманитарном исследовании состоит из взаимосвязанных потенциальных возможностей, находящихся в многоуровневом динамическом единстве, рассмотрение отдельных элементов которого в отрыве друг от друга возможно теоретически. Такие элементы назовем *потенциальными свойствами* системы, которые определяются как гибкая динамическая структура, включающая отдельные потенциалы индивидуумов (индивидуальные свойства, способности, черты характера, мотивы, установки и цели) и их совокупность в различных группах — потенциалы общности. Потенциальным свойством можно считать, например, потенциал слаженности, сплоченности, комплементарности — в потенциале малой группы; общекультурный потенциал или потенциал здоровья нации — в потенциале большой группы.

Потенциальное свойство в своем развитии проходит три этапа: *препотенциальную, потенциальную и пропотенциальную*. Начало и окончание этапа обозначается ключевыми динамическими явлениями — «точками» на схеме развития потенциального свойства. Названные этапы и точки характеризуются следующим образом.

1. *Базальная точка* — начало развития потенциального свойства системы, обозначающая ненулевой уровень качества системы и нулевой уровень времени — возникновение системы, уже имеющей потенциал. Название точки мы заимствовали у К. Обуховского, разделяющего в схеме организации личности две достаточно автономные подсистемы: подсистему программирующих свойств личности и базальную подсистему — формальные параметры личности, ее индивидуальные свойства (Обуховский, 1981).
2. Этап *препотенциала*. Развитие потенциального свойства системы происходит не по прямой, а по экспоненте, что обусловлено синергетическим эффектом взаимовлияния базальной подсистемы и программируемой, которая включается в работу на этом этапе. Потенциальные возможности системы формируются, но пока не могут быть проявлены — это *препотенциал*, накопление ресурса, включающего разрозненные элементы, тяготеющие к объединению в целое. Например, созданная проектная группа из специалистов, ранее не работавших друг с другом, на начальной стадии своего существования представляет собой довольно аморфное объедине-

ние, которому предстоит стадия знакомства, «притирки» для понимания общих возможностей.

3. Точка *бифуркации*. Момент развития системы, когда потенциальные свойства, заложенные природой и уже дополненные в процессе социализации, или станут проявлять себя через разного рода явления (в индивидуальном и групповом поведении, мыслях и эмоциях, коллективном творчестве и т. д.), или останутся запертыми в клетке страхов, запретов, самоограничений. Например, группа или, успешно пройдя стадии «притирки» и «шторма», переходит к целенаправленной деятельности, или, терзаемая межличностными противоречиями, распадается, так и не начав полноценную совместную деятельность.
4. Этап *потенциала* (этап «проб и ошибок»). Позитивное разрешение бифуркационной коллизии переводит систему в этап, когда проявляются и нарастают потенциальные свойства уже на мотивационно-целевой основе. Запуск мотивационных механизмов происходит, когда *неосознаваемые* препотенциальные свойства стали *осознаваемыми*, а значит, перестали быть препотенциальными. Данный процесс на примере группы выглядит как экспериментирование в групповой деятельности, сопровождающееся нарастающей интериоризацией общих целей и ценностей. На этой основе формируются групповые навыки, появляются элементы слаженности в совместной работе, намечаются ролевые установки, обозначаются симпатии и антипатии, формируются микрогруппы.
5. Точка *активации* потенциала (*переход потенциального в актуальное*) – уверенное проявление потенциальных свойств в деятельности, которое ощущается, например, через чувство компетентности и профессионализма в работе. Группа в данной точке переживает свой первый командный успех, зарождается «Мы-чувство», пока как предчувствие сплоченности, мощности коллективного действия.
6. Этап *пропотенциала*. После перехода потенциального в актуальное, развитие потенциального свойства не завершается, что следовало бы ожидать, но потенциальные возможности человека безграничны, а значит, мотивационно-целевая сфера будет подвигать его на развитие собственных систем, интеграцию потенциальных свойств, стремление к самоактуализации, проявление лучшего в себе в совместной деятельности, к более активному включению в коллективные формы существования. Мы можем наблюдать примеры этого, видя непрерывный рост профессионализма увлеченного человека или новые успехи сплоченной проектной, управленческой или спортивной команды. На этапе своего актуального проявления потенциал становится *осмысленным*, встроенным в смысловую карту личности или общности.
7. Точка *успеха* – это четвертая точка схемы, после которой траектория развития потенциала мало предсказуема. Это может быть второй точкой бифуркации, потому что достигнутый успех по-разному может быть воспринят человеком или группой. Пройдя точку успеха, группы или движутся к дальнейшим победам, к росту, величию, или останавливаются на достигнутом – переходят в стадию стабильного функционирования. Осо-

бенность второго варианта — в нарастающих внутригрупповых противоречиях разного понимания дальнейшего сосуществования, что приводит к конфликтам сторонников программ развития и приверженцев стабильности на уровне уже достигнутой «нормативной» эффективности. Нарастание конфликта может привести к распаду группы.

В целом, проблематика детерминации потенциала группы и динамики его *формирования—активации—развития* требует дальнейшего детального изучения.

Динамические особенности развития потенциального свойства группы

Заложенный природой индивидуальный потенциал человека развивается в процессе становления личности: природные соматические элементы преобразуются в психофизиологические функции, а социальные элементы, познаваемые и усваиваемые человеком в процессе своего развития, превращаются в его психосоциальные образования, свойства личности. Структура личности, по Б. Г. Ананьеву, включает характер и склонности, формирующие общественное поведение и его мотивацию, с одной стороны, а с другой — общественные функции (роли), цели и ценности жизни, определяющие статус личности и жизненный путь личности. Развитие индивидуальных и личностных свойств взаимосвязано. Эта взаимосвязь проявляет себя в динамике и структуре потребностей, установок, интересов, мотивации поведения и ценностных ориентациях личности (Ананьев, 2001).

Место *потенциального* в структуре психики человека Б. Г. Ананьев видит в его субъективной сущности, выделяя *субъект* в других формах существования.носителем свойств субъекта он определяет не индивидуальную сущность, а личность. Ключевыми характеристиками субъективности человека является *сознание* (как отражение объективной деятельности) и *деятельность* (как преобразование действительности). Как субъект деятельности человек применяет знания, умения и навыки, осуществляет выбор средств труда и способен к структурированию деятельности, выражающейся в целеполагании и планировании действий и ресурсов. Если психологическое содержание личности можно свести к мотивам и направленности, то психологический смысл субъектности — в ее *потенциальной силе*, отраженной в ресурсах личности: элементарных и интегральных способностях.

Возвращаясь к схеме развития потенциального свойства, отметим, что в состоянии бифуркации личность проявляет себя как *субъект выбора*, определяющий свой жизненный путь. Человек как субъект выбора преобразует, творит действительность, в том числе и *самое себя*, вступая в активное отношение к своему опыту, к своим потенциальным мотивам, к своему характеру, способностям и продуктам деятельности (Асмолов, 2019), т. е. проявляет себя как *индивидуальность*. Из нитей хитросплетений индивидуальных свойств, потребностей, влечений, мотивов, воли, характера и способностей плетется ткань личностных смыслов, ценностей и целей, т. е. личность познает и проявляет самое себя, утверждая черты индивидуальности, действуя в многомерном пространстве онтогенеза, социогенеза и персоногенеза.

Опираясь на подход А. В. Брушлинского, утверждающего, что субъектом может быть общность любого масштаба, включая все человечество (Брушлинский, 1996), отметим среди характеристик субъекта интегративность и универсальность, которые можно применить и к понятию «*коллективный субъект*» (Журавлев, 2005). Сложность структуры коллективного субъекта обусловлена особенностями индивидуальных, социальных и психосоциальных свойств субъектов, включенных в соответствующую общность. Более того, их взаимодействие и межличностные отношения создают уникальное социальное пространство, дополненное внешними условиями, влияющими на существование общности. Мы получаем сложную динамическую систему, содержащую, помимо объективных характеристик, отражающих особенности совместной деятельности, имплицитные свойства, порожденные взаимовлиянием психических процессов и психических состояний членов общности. Упомянутые нами имплицитные свойства коллективного субъекта есть не что иное, как *потенциал общности*. Состав потенциала общности соотносится с составом личностных потенциалов, но дополненный, синтезированный и синергетически усиленный взаимовлиянием участников общности в совместной деятельности. Чем активнее коллективный субъект, чем больше его сплоченность, нацеленность на достойные цели, тем выше субъективность общности и возможность активизации ее потенциальных свойств. Таким образом, коллективный субъект – это качественная характеристика группы.

А. Л. Журавлев выделяет три основных свойства группы, которые можно считать критериями для описания коллективного субъекта (Журавлев, 2005). Первое из них – взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе, что способствует формированию группового состояния как состояния предактивности, преддеятельности. С позиции анализа группового потенциала, именно в данном свойстве мы можем увидеть отражение препотенциала общности. Взаимосвязанность и взаимозависимость преломляются в сознании индивида в приспособительные – адаптационные конструкции. В этих когнитивных конструкциях пока неявно, но уже обозначаются те элементы потенциальных свойств, которые затем соединятся в потенциальное свойство, готовое к активации. Ярким примером такого процесса является соперничество некоторых участников групп относительно их желания занять определенные групповые роли. Каждый из участников такого противостояния соизмеряет свои возможности, задатки, способности, личностные характеристики и установки с подобными качествами другого и на этой основе определяет тактику дальнейшего взаимодействия. Этот процесс может сопровождаться «новым» поведением какого-либо участника группы, порожденного *новым социальным опытом*, приведшим к деформации привычных когнитивных конструкций. Так потенциал группы усиливается – происходит переход препотенциального в потенциальное не только на индивидуальном уровне, но и на уровне общности.

Второе свойство – способность группы проявлять различные формы совместной активности, т. е. выступать единым целым по отношению к другим социальным объектам или по отношению к себе самой. В *совместной активности* сокрыты наибольшие возможности формирования и проявления потенциальных свойств личности и группы. Эта способность отражает основную динами-

ческую характеристику группы, обуславливающую ее состояние и потенциал перехода на новые уровни развития. Осознавая себя частью группы, каждый индивид сопоставляет свои возможности с возможностями других и находит свое место в структуре совместной деятельности, встраивает свои способности в общую конструкцию групповой компетентности. Именно в этом процессе через такой социально-психологический процесс может произойти осознание индивидом своих отдельных потенциальных свойств, которые без участия в совместной деятельности не были востребованы, а значит, могли быть скрыты в сознании. Активация отдельных индивидуальных потенциальных свойств оказывает влияние на общее состояние потенциала группы — можно сказать, что таким образом запускается цепная реакция пробуждения потенциальных свойств других участников общности.

Третье свойство группы — ее способность к *саморефлексии*. Примеры групповой саморефлексии мы видим в различного рода групповых тренингах, в практике проведения Т-групп, в различных формах развития команд, способах принятия коллективных решений и обсуждения хода и итогов работы, в различного рода «разборах полетов» при анализе результатов совместной деятельности. В групповой саморефлексии происходит развитие потенциала общности, т. е. формируются элементы ее пропотенциала. Анализируя историю своей группы, ее участники переосмысливают некоторые моменты, по-другому их воспринимают с учетом дополненной картины мира и измененных на этой основе когнитивных конструкций. Таким образом, история как бы «изменяется» на каждом новом витке группового развития, в ней появляются новые элементы — пропотенциальные, обеспечивающие будущую эффективность группы.

Особым значением групповой саморефлексии является осмысление целей совместной деятельности, отношение к первоначальным и открывшимся новым смыслам. Развитие саморефлексии группы в этом направлении повышает ее экзистенциальные характеристики: осмысленность деятельности на основе культуры достоинства; ответственность, как осознание собственной причинности того, что группа синтезирует в качестве продукта своей деятельности; духовность, которую в данном контексте мы рассматриваем в качестве морально-нравственной опоры сосуществования в конкретной общности и вне ее.

Основным содержанием саморефлексии группы всё же являются *реальные* формы совместной деятельности. Данный анализ может вывести группу на осмысление того, «что было бы, если...», какие возможности были упущены, какие ошибки совершены, что нужно сделать сейчас, чтобы, находясь в движении к цели, стать более эффективными, а значит, получить лучшие результаты. Таким образом, помимо реальных форм совместной деятельности, групповой саморефлексии подвергаются и ее *потенциальные* возможности, способности, ресурсы группы, в которых выражаются прежде всего групповые притязания; психологическая готовность к каким-либо видам и результатам совместной деятельности, групповым действиям, групповому поведению и т. п. (Журавлев, 2005). Пропотенциал группы, формирующийся через такого рода саморефлексию, задает направление дальнейшему развитию общности.

Мы обнаружили, что динамика развития потенциального свойства общности вписывается в некоторые актуальные периодизации развития группы.

Среди наиболее популярных идей в этом направлении стоит выделить теорию Брюса Такмена, предложившего четыре стадии развития группы (Tuckman, 1965).

Стадия проверки и зависимости, которую можно характеризовать как этап начала межличностной активности при формировании группы – ориентировка на характер действий друг друга, выбор подходящего способа взаимодействия и межличностного общения в группе. Иногда эту стадию называют «притирка».

Стадия внутригруппового конфликта характеризуется эмоциональной реакцией членов группы на требования деятельности, отсутствием единства группы и усугубляющимися противоречиями и конфликтами, в том числе на основе выбора и освоения ролей. Эту стадию еще называют – «шторм».

Стадия развития групповой сплоченности, во время которой происходит нормализация отношений, разрешение межличностных конфликтов, зародившихся на предыдущих стадиях. На этой стадии происходит активный обмен интерпретациями задач, поиск путей их решения, складываются механизмы слаженности совместных действий. Поэтому эту стадию называют еще стадией «нормализации» и/или «экспериментирования».

Стадия функционально-ролевой взаимосвязи, на которой заканчивает свое формирование ролевая структура группы, являющаяся, по мнению Такмена, резонатором, воспроизводящим групповую задачу (ibid.). На этой стадии появляются эффективные решения, действуют отлаженные ранее механизмы совместной работы, поэтому эту фазу еще называют «стадией эффективности».

Мы видим, что Такмен включает в динамику группового процесса две составляющие групповой активности – деловую и межличностную (Кричевский, Дубовская, 2001). При соотнесении со схемой развития потенциального свойства системы можно проследить, как проявляют себя обе эти составляющие в динамике формирования и развития потенциала группы. На первой фазе развития группы ее потенциальные свойства неочевидны, они только фрагментарно проявляют себя через эпизоды межличностного взаимодействия и первые деловые демонстрации членами группы своих способностей и навыков. Эта фаза и следующая за ней фаза внутригруппового конфликта соотносятся со стадией препотенциала в схеме развития потенциальных свойств группы. Переход на следующую – потенциальную стадию возможен через точку бифуркации, в которой группа или продолжит свое развитие (перейдет в фазу групповой сплоченности), или распадется, не справившись с проблемами первых двух фаз, отличающихся напряженностью межличностного и делового взаимодействия. После второй (конфликтной) фазы групповой динамики в теории Такмена также возможен распад группы, что методологически соотносится с нашей концепцией.

На стадии групповой сплоченности происходит активация потенциала группы: переход ее потенциальных свойств в фазу пропотенциального. Дальнейшее развитие потенциала группы продолжается на стадии функционально-ролевой взаимосвязи и не прекращается до самого ее распада. Стоит отметить, что стадию *ропуска группы*, прекращения ее существования Такмен обозначил в своей теории позднее, уже совместно с другим исследователем – М. Дженсен (Tuckman, Jensen, 1977).

Заключение

Общее понимание потенциала в гуманитарных исследованиях связано с его имплицитным содержанием — скрытыми возможностями, которые могут быть использованы при определенных условиях для решения практических задач и достижения целей. Более того потенциал рассматривается «как направленность, придающая человеческой жизни ценность и смысл» (Иванченко и др., 2011, с. 47). Последняя трактовка обозначает экзистенциальную значимость потенциала, подчеркивает актуальность исследований в данном направлении, усиленную стремительной динамикой во всех сферах нашей жизни. Мы видим растущий в последние годы интерес научной общественности к данной тематике. Потенциал рассматривается исследователями с разных сторон и в разных аспектах, увеличивается количество и междисциплинарных исследований, потому что проблему потенциала человека и общности по-другому рассматривать явно не продуктивно.

Выделив в качестве объекта исследования потенциальное свойство системы, мы обозначили ключевые его характеристики: динамичность, интегративность, непредсказуемость развития. При этом мы выделили основные фазы этого развития: препотенциал, потенциал и пропотенциал, показали некоторые динамические особенности этих переходов. Однако данная концепция требует дальнейшего изучения и детальной проработки. Практическая значимость исследований в этом направлении определяется необходимостью решения проблем организационного развития с опорой на потенциал систем, включенных в конкретное организационное пространство.

Литература

- Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001.
- Асмолов А. Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. 5-е изд., стер. М.: Смысл, 2019.
- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Дергачева О. Е., Леонтьев Д. А.* Личностная автономия как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал. Структура и диагностика / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 181–204.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Иванченко Г. В., Леонтьев Д. А., Плотникова А. В.* Идея потенциала в науках о человеке: от «человеческого потенциала» к личностному // Личностный потенциал. Структура и диагностика / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 43–56.
- Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М.* Социальная психология малой группы: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2001.
- Обуховский К.* Психологическая теория строения и развития личности // Психология формирования и развития личности / Ред. Л. И. Анцыферова. М.: Наука, 1981. С. 45–67.
- Tuckman B.* Developmental sequence in small group // Psychological Bulletin. 1965. № 63 (6). P. 384–399.

Tuckman B., Jensen M. Stages of small group development revisited // Group and Organization Studies. 1977. № 2 (4). P. 419–427.

Dynamics of development of potential properties of the group

V. V. Komarov

candidate of pedagogical sciences, leading researcher of the Samara Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Russia, Samara, komarov.sn1@yandex.ru

The characteristics of human potential and community are considered through the analysis of the dynamics of their development. The concept of a potential property of the system is introduced and a scheme of its development is proposed for discussion through the transition from the prepotential (unconscious) to the potential (conscious) – further, to the propotential (meaningful) on the example of group dynamics. The development curve of a potential property includes stages connected by dots denoting the meaningful and transitional characteristics of a dynamic structure: basal point, bifurcation point, activation and success points. Some dynamic features of the development of the potential property of the group through the analysis of the potential in the structure of personality development (B. G. Ananyev), the main properties of the group – a collective subject (A. L. Zhuravlev), the stages of group dynamics (B. Tuckman).

Keywords: human potential, community potential, potential property of the system, prepotential, propotential, stages of group dynamics, collective subject.

Психологическое содержание миграционных намерений молодежи (на примере Оренбургского региона)

О. В. Кузьменкова

кандидат психологических наук, доцент, руководитель Института педагогики и психологии, ФГБУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Россия, olgakuzmen@yandex.ru

Обосновывается целесообразность исследования на региональном материале миграционных оттоков молодежи. Определяется психологический контекст изучения миграционных намерений с позиций социальной психологии. Рассматривается содержание миграционных намерений как психологической системы, включающей когнитивный, аффективный, мотивационно-смысловой и поведенческий компоненты. Описаны полученные эмпирические данные о миграционных намерениях оренбургской молодежи (представления о возможной миграции, отношение к ней, побуждающие к переезду мотивы и смыслы возможной миграции, реализуемые действия для осуществления принятого решения о переезде). Проанализированы установленные корреляционные связи и сформированность миграционных намерений молодежи региона. Для группы с низкой сформированностью миграционных намерений предложены инструменты практической поддержки.

Ключевые слова: миграция, миграционные намерения, психологическое содержание, молодежь, регион.

На протяжении трех десятилетий Оренбуржье ставит рекорды по миграционной убыли населения — с 1996 г. регион имеет устойчивое сальдо миграции (Мартынов, 2018). Традиционно наибольшую миграционную подвижность региону придают молодежные категории, находящиеся в поиске, не связанные имущественными и семейными проблемами, устремленные в «большие города» или соседние города-миллионники. В связи с неблагоприятными тенденциями миграционных процессов представляется чрезвычайно важным изучать миграционную активность молодежи на региональном материале. Целью нашего исследования стало выявление психологического содержания миграционных намерений молодежи, проживающей в регионе.

Понятием «миграционное намерение», как правило, оперируют в социологических исследованиях для обозначения желания переезда. Однако само желание переехать имеет разное психологическое содержание — от необоснованных фантазий до аргументированного решения (Карачурина, Флоринская, 2019). В социальной психологии для дифференцирования психологического контекста предлагается понятие «миграционной установки» как разновидности социальной установки (Кузнецова, 2020). В социологических и социально-

психологических исследованиях миграционные намерения рассматриваются как результат территориальной идентичности (Рочева, Варшавер, 2020) или территориального самоопределения (Журавлев, Купрейченко, 2007; Кузнецов, Кузнецова, 2003).

Обращение к миграционным намерениям как к психологической системе позволяет в них выделить когнитивный, аффективный, мотивационно-смысловой и поведенческий компоненты. Когнитивный компонент отражается в представлениях молодежи о возможной миграции, аффективный – в отношении к своему намерению мигрировать, мотивационно-смысловой – в побудителях миграционных намерений, поведенческий – в действиях, реализующих миграционные намерения.

Эмпирическое исследование проводилось с целью выявления содержания когнитивного, аффективного, мотивационно-смыслового и поведенческого компонентов миграционных намерений юношей и девушек, проживающих на момент проведения исследования на территории Оренбургского региона и допускающих возможность переезда в другие регионы при определенных условиях. В исследовании принимали участие юноши и девушки, проживающие на территории Оренбургской области (n=586). В состав выборки вошли выпускники школ (28%), колледжей (34%), и вузов (38%). Возраст участников исследования – 15–25 лет. Данный возрастной интервал выбран как наиболее важный для изучения миграционных намерений, так как именно на него приходится возрастной пик миграции, не изменяющийся на протяжении последнего столетия (Карачурина, Мкратчян, 2017).

Для получения эмпирических данных применялись: 1) Шкала миграционных установок (Кузнецова и др., 2014); 2) Методика предельных смыслов (Леонтьев, 1999) и 3) анкета «Мое социальное самочувствие» (Грачев, 2008). Обработка данных осуществлялась посредством контент-анализа, корреляционного анализа (г-критерий корреляции Спирмена), а также количественной оценки совокупности показателей по компонентам.

Результаты контент-анализа эмпирических данных позволили установить, что у оренбургской молодежи *когнитивный компонент* миграционных намерений количественно выражается широким диапазоном представлений (от 12 до 42 единиц). Содержательно миграционные намерения у представителей нашей выборки отразились в высказываниях, которые были сгруппированы с учетом объекта, на который они направлены, а также с учетом субъекта, от имени которого эти высказывания транслировались. *Первую группу составили собственные представления об актуальном месте проживания*: климато-географические характеристики зафиксированы у 56,9% от всей выборки («ужасный климат», «нет больших рек» и т. п.), досуговые возможности – 54,7% («совсем некуда сходить», «мало интересных локаций» и т. п.), возможности получения образования, трудоустройства и карьерных перспектив – 50% («нет топовых вузов», «нужны личные связи» и т. п.), организационно-бытовые характеристики – 34,9% («все рядом», «здесь есть квартира» и т. п.), социально-политические характеристики – 34,9% «здесь много друзей», «у нас хорошие люди», «состою в объединении» и т. п.). *Во вторую группу вошли представления о потенциальном месте миграции* (климато-географические характеристики – 65,1% («погода не как у нас»,

«до моря быстрее добраться», «там горы» и т. п.), эстетические характеристики — 63,9% («город чистый», «там много парков» и т. п.), характеристики возможностей — 60,5% («там есть выбор», «зарплаты выше», «легче найти работу», «можно устроиться без связей» и т. п.), досуговые характеристики — 54,7% («можно попасть на концерт», «там есть куда пойти» и т. п.), организационно-бытовые характеристики — 52,3% («смогу обеспечить ипотеку», «выше качество жизни» и т. п.), социально-политические характеристики — 50% («больше молодежных организаций», «смогу быть в центре событий» и т. п.). *В третью группу были включены все представления об ожидаемых трудностях, вызванных миграцией:* переживания, связанные с финансовыми возможностями — 68,6% («вдруг себя не обеспечу», «наверное, надо много накопить», «не хотел бы напрягать семью» и т. п.), ожидаемые трудности поиска подходящей работы — 65,1% («вдруг не найду работу», «можно ведь оказаться совсем без работы» и т. п.), ожидание трудностей при поиске жилья и переживания относительно разлуки с близкими — по 60,5% («как снимать квартиру самой», «никогда от семьи не уезжал», «буду очень скучать по родителям» и т. п.), ожидание сложностей социальной адаптации — 55,8% и страх социальной изоляции на новом месте — 47,7% («один в большом городе», «даже обратиться будет не к кому» и т. п.), тревога из-за ожидаемой необходимости вернуться — 46,5% («вдруг не получится», «будет стыдно возвращаться» и т. п.), переживания, вызванные осознанием перспектив, — 43% и предвкушением нового этапа жизни — 36,1% («не представляю, как перевозить вещи», «попробовать свои силы» и т. п.). *Четвертая группа объединила отраженные в сознании молодежи представления их близких о возможной миграции:* об актуальном месте проживания характеристики возможностей карьеры, развития, роста, перспектив — 50%, климато-географические характеристики — 56,9%, культурно-развлекательные характеристики — 54,7%, организационно-бытовые характеристики — 34,9%, социально-политические характеристики — 34,9%, о потенциальном месте миграции характеристики возможностей карьеры, развития, роста, перспектив — 60,5%, климато-географические характеристики — 65,1%, культурно-развлекательные характеристики — 54,7%, организационно-бытовые характеристики — 52,3%, социально-политические характеристики — 50%, эстетические характеристики — 63,9%, переживания относительно неудачной адаптации — 55,8%, поиска жилья — 60,5%, нехватки денег — 68,6%, поиска желаемой работы — 65,1%, страх возникновения необходимости вернуться — 46,5%, боязнь социальной изоляции на новом месте — 47,7%, переживания относительно разлуки с близкими — 60,5%, позитивные переживания, связанные с предвкушением нового этапа жизни — 36,1% и с осознанием перспектив — 43%).

Аффективный компонент миграционных намерений у представителей нашей выборки чаще характеризуется позитивной оценкой потенциального места миграции (58,1%) относительно оценки актуального места проживания (46,5%). Примечательно, что отраженные оценки близких, напротив, чаще являются позитивными относительно текущего места жительства (60,5%), в сравнении с потенциальным (50%).

Анализ содержания *мотивационно-смыслового компонента* миграционных намерений позволил определить, что большинство молодых людей сво-

дят смысл миграции к работе, карьере, перспективам развития и повышения дохода на новом месте жительства (63,9%). Ответы в данной категории формулировались следующим образом: «чтобы получить лучшую работу/образование», «чтобы иметь возможность получить опыт», «чтобы жить лучше», «чтобы жизнь была более комфортной, устроенной» и т. п. Эти категории актуальных смыслов и мотивов оказались предельными в миграционных намерениях молодых оренбуржцев. В качестве вторичных смыслов миграции выступили здоровье (63,9%), перемены в жизни (20,9%), возможность начать жизнь «с чистого листа» (15,1%).

Содержание *поведенческого компонента* миграционных намерений выявлялось посредством анализа действий, направленных на реализацию миграционного намерения. Представители нашей выборки в качестве основного действия по реализации миграционного намерения, чаще прочих, отмечали повышение информированности о месте возможной миграции – 80,2%. Из выборки 54,7% мониторят подходящие вакансии и знакомятся с требуемыми компетентностями. 17,4% выборки активно ищут на новом месте жилье, при этом собственно планирование переезда отмечены только у 38,4%. Чуть более трети (34,9%) копят деньги для переезда. Причины для отказа перечисляют 48,8% от всей выборки, а 11,7% не определились с необходимостью реализовать миграционные намерения.

Проведенный *корреляционный анализ* позволил более полно раскрыть содержание миграционных намерений у молодежи через взаимосвязи компонентов между собой. Связи внутри когнитивного компонента (0,01) указывают на то, что участники исследования имеют представления о месте миграции, включающие не только собственную информированность и предполагаемые трудности, но и мнение близких на этот счет. Примечательно, что внутри других компонентов миграционных намерений не выявляется значимых взаимосвязей. К примеру, отдельные смыслы и мотивы переезда не связаны между собой. Аффективный компонент связан с когнитивным (0,01), что указывает на эмоциональную включенность оренбургской молодежи в проблему миграции. При этом аффективный компонент не связан с поведенческим, который, в свою очередь, тесно связан с когнитивным – представлениями об актуальном месте жительства и месте миграции (0,01), что характеризует действия, направленные на реализацию миграционных намерений, как рациональные и не импульсивные. Действия, направленные на реализацию миграционных намерений, у представителей выборки отрицательно коррелируют с представлениями близких о текущем месте жительства и месте миграции (0,01), что свидетельствует о несовпадении мнения молодежи с мнением близких относительно возможной миграции. Отказ от миграции связан преимущественно с представлениями о трудностях, страхах относительно миграции (0,01), а также на уровне тенденции (0,05) связан с мнением близких относительно текущего места жительства и места миграции. Мотивационно-смысловой компонент наименее связан с другими: отмечаются корреляции смыслов повышения качества жизни и возможностей в работе, карьере с представлениями о месте миграции (0,01), а также смысл улучшения здоровья с отношением к миграции.

Выведенный *показатель сформированности миграционных намерений* (на основе совокупности количественных оценок всех компонентов) позволил распределить выборку на три группы. Высокий показатель сформированности компонентов миграционных намерений обнаружился у 37,2% представителей молодежи Оренбуржья. Эту группу составили молодые люди с объемными представлениями о текущем месте жительства и месте переезда, с пониманием достоинств и недостатков принятия решения о миграции, с позитивным отношением к предстоящим изменениям в жизни, а также с представлениями о восприятии своего решения с близкими. У них мотивы и смыслы переезда лежат в плоскости повышения качества жизни в разных сферах, включая перспективы трудоустройства и карьеры. Они активно планируют переезд, продумывают финансирование намеченной цели, имеют информацию о нюансах переезда на новое место. В группу со средней сформированностью компонентов миграционных намерений вошли 43% нашей выборки. Эти юноши и девушки тоже имеют объемные представления о текущем и потенциальном местах проживания, понимают «плюсы и минусы» своего решения, позитивно к нему относятся и имеют представления о том, как его воспринимают близкое окружение. При этом их представления о месте миграции очень идеализированы и иррациональны, а мотивы и смыслы переезда у них сужены до плоскости повышения качества жизни. У таких молодых людей есть информация о новом месте, но недостаточно активных действий для реализации своих намерений. Низкая сформированность компонентов миграционных намерений выявлена у 19,8% нашей выборки. У данной группы зафиксированы минимальные представления о месте переезда, отсутствует понимание достоинств и недостатков решения о миграции. Если переезд допускается, то мотивы и смыслы у таких молодых людей ограничены только повышением качества жизни. Данная категория молодежи отслеживает подходящие для себя вакансии, но до активных действий дело не доходит.

Выявленные содержательные особенности миграционных намерений молодежи на примере Оренбургского региона легли в основу *практической работы*, которую рекомендуется проводить в разных форматах (просветительские мероприятия, тренинги, индивидуальные консультации). При установлении у молодых людей наличия миграционных намерений рекомендуется стимулировать расширение их представленности в сознании, адекватное отношение, смысловое наполнение, а также активизировать рациональные действия (например, заполнение таблицы «Все самое важное в моей текущей жизни» с последующим анализом «приобретений и потерь» при возможном переезде, составление списков причин возможного переезда/отказа от переезда, составление списка ожидаемых трудностей и ресурсов для их преодоления, разработка плана действий для осуществления переезда).

Заключение

Исследования психологического содержания миграционных намерений молодежи необходимы для оценки миграционного потенциала Оренбургского региона, для планирования региональной молодежной и миграционной политики.

Миграционные намерения (установки) молодежи в психологическом контексте представляют собой психологическую систему, состоящую из когнитивного, аффективного, мотивационно-смыслового и поведенческого компонентов.

Комплект диагностических инструментов, выбранных для исследования, является экономичным для изучения психологического содержания миграционных намерений молодежи.

Для миграционных намерений молодежи Оренбургского региона характерны объемность и направленность на разные объекты, ориентация на мнение близкого окружения (чаще это родители), идеализация потенциального места жительства по отношению к актуальному месту проживания, доминирование мотива самореализации, получения желаемой работы или качественного образования, повышения дохода и качества жизни, а также активный поиск информации о новом месте и изучение рынка труда без детального планирования своих действий.

Установленные корреляционные связи позволяют характеризовать миграционные намерения у представителей нашей выборки как целостное психологическое образование, так как все исследуемые компоненты взаимосвязаны между собой, а в когнитивном компоненте выявлены внутренние связи между представлениями. На высокую эмоциональную включенность молодежи региона в тему миграции указывают сильные связи между когнитивным и аффективным компонентами, а на рациональность миграционных действий — связь когнитивного и поведенческого компонентов. Смысловой компонент миграционных намерений у молодежи имеет слабые связи и подтверждает ограничения смыслового содержания.

По показателю сформированности миграционных намерений молодежь региона дифференцируется на три группы — с высоким, средним и низким психологическим содержанием. Молодые люди, желающие покинуть регион и не имеющие содержательной наполненности миграционных намерений, нуждаются в психологической помощи для снижения риска последующего разочарования.

Литература

- Грачев А. А.* Психологическое проектирование производственной организации: Дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2008.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Самоопределение, адаптация и социализация: соотношение и место в системе социально-психологических понятий // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 62–95.
- Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В.* Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. 2017. № 3 (4). С. 47–65.
- Карачурина Л. Б., Флоринская Ю. Ф.* Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского университета. Сер. 5. «География». 2019. № 6. С. 82–89.
- Кузнецов И. Ю., Кузнецова С. А.* Самоопределение личности на жизненном пути. Магадан: Кордис, 2003.

- Кузнецова С. А.* Территориальное самоопределение магаданских студентов на разных этапах обучения в вузе // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 182–187.
- Кузнецова С. А., Кузнецов И. Ю., Фещенко А. В.* Разработка шкалы миграционных установок личности // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». 2014. № 1. С. 83–90.
- Леонтьев Д. А.* Методика предельных смыслов (методическое руководство). М.: Смысл, 1999.
- Мартынов А. П.* Статистический анализ тенденции миграционных процессов в моногородах Оренбургской области // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 8. С. 44–50.
- Рочева А. Л., Варшавер Е. А.* Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 295–334.

The psychological content of the young people migration intentions (on the example of the Orenburg region)

O. V. Kuzmenkova

candidate of psychological sciences, associate professor, head of the Institute of Pedagogy and Psychology, Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Orenburg State Pedagogical University”, Orenburg, Russia, olgakuzmen@yandex.ru

The article substantiates the research expediency on the regional material of the young people migration outflows. The psychological context of the migration intentions study is determined from the social psychology standpoint. The migration intentions content is considered as a psychological system including cognitive, affective, motivational-semantic and behavioral components. The obtained empirical data on the migration intentions of the Orenburg region youth are described (ideas about possible migration, attitudes towards it, the motives and meanings of possible migration that encourage them to move, the actions taken to implement the decision to move). The obtained correlations and the young people migration intentions integrity of the region are analyzed. For a group with low integrity of migration intentions practical support tools are proposed.

Keywords: migration, migration intentions, psychological content, the young people, region.

Социально-психологические аспекты свободы в открытых и полужакрытых подростковых группах

Г. Н. Ларина*, С. В. Сарычев**

* кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Россия,
galka.larina@yandex.ru

** доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Россия,
kursk-psychol@yandex.ru

Представлены результаты эмпирического исследования проявления свободы групп подростков. Были изучены открытые и полужакрытые подростковые группы – из общеобразовательной школы и Центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей УМВД России по Курской области. Установлено, что свобода группы проявляется в этих группах в зависимости от особенностей включенности в социальную среду.

Ключевые слова: свобода группы, подростковая группа, несовершеннолетние правонарушители, открытая группа, полужакрытая группа.

Интерес к проблеме свободы группы в начале XXI века, как нам представляется, обусловлен вниманием исследователей к психологическим аспектам свободы в динамично развивающемся обществе. Социальных психологов интересует ответ на вопрос: возможно ли группе в современном обществе реализовать свою свободу? Результаты исследований показывают, что это возможно, если малая группа, членом которой является этот человек, обладает «свободой для...» (Ларина, 2022). Возможности малой группы чрезвычайно велики для ее членов: группа дает чувство защищенности, создает условия для реализации свободы личности в обществе. Но только в том случае, если группа является социально ориентированной по целям жизнедеятельности. А если нет? Это предположение определило *цель* исследования – изучение свободы группы несовершеннолетних правонарушителей. Для исследования использовались авторские методики: анкета «Изучение свободы группы», методика «Отношение группы к самоизоляции», «Параметрическая методика свободы группы» (Ларина, 2022). Использовались описательные методы математической статистики.

В исследовании принимали участие две группы лиц подросткового возраста. В первую группу вошли 20 правонарушителей, находящихся в «Центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей УМВД России по Курской области» (далее в тексте – ЦВСНП – «полужакрытая группа»), во вторую группу вошли 20 подростков (школьный класс) из МБОУ СОШ № 17 г. Курска (далее в тексте – школа – «открытая группа»).

Результаты эмпирического исследования

Выявлено, у испытуемых из ЦВСНП, по сравнению со школьниками, понимание свободы группы отличается более низким уровнем развития. Это проявляется в том, что респонденты из ЦВСНП не стремятся к свободе в группе, они больше предпочитают личную свободу. Они не хотят работать сплоченно в группе, их можно назвать «бунтарями», которые придерживаются только своей точки зрения на поступки и действия, в отличие от испытуемых второй группы, которые образуют более сплоченный коллектив и направлены на решение проблем свободы группы в целом, а не индивидуально, каждого из ее членов. То есть несовершеннолетние правонарушители – участники исследования не стремятся к свободе группы, противопоставляя ей личностную свободу. Респонденты-школьники, наоборот, считают, что образовательная организация способствует реализации их групповой свободы. Результаты групповой деятельности (успехи и неудачи) членами группы воспринимаются адекватно и переживаются совместно. Для них важна справедливая оценка со стороны учителей и других классов. В трудной ситуации, по оценкам школьников, их группа способна помочь другим группам.

В отличие от испытуемых из ЦВСНП, испытуемые из школы работают над своими ошибками, понимают и принимают свои недостатки и слабые стороны. Это можно объяснить доминированием у подростков из ЦВСНП личностной эгоистичной свободы – это то, что философы называют «свободой от...», отсутствием у респондентов лично значимой общественной цели. Для участников исследования из школы характерно использование в речи местоимений «мы, нас, наш».

Таким образом, открытые (школьники) и полузакрытые (правонарушители) подростковые группы проявляют различную свободу группы. Для школьников, принимавших участие в работе, характерна социально ориентированная групповая свобода, для подростков из ЦВСНП – свобода от групповой деятельности. Данные результаты являются перспективными с точки зрения дальнейшего изучения групповой свободы на разных уровнях анализа – теоретическом (например, поиск корректных обозначение данных видов свободы группы), эмпирическом (изучение социально-психологических, социальных, личностных факторов, определяющих данные различия), методическом (возможности использования аппаратных методов исследования), практическом (разработка новых психологических технологий работы с учащимися) (Ларина, Сарычев, 2009).

В рамках исследования феномена «свобода группы» интерес представляют результаты, полученные на основе ассоциативного метода. Большинство респондентов из школы и ЦВСНП ответили, что свобода группы у них ассоциируется с независимостью. Участники исследования считают важными в трактовке «свободы» независимость группы и независимые поступки. Здесь мы наблюдаем общность в понимании «свободы» в сознании респондентов из двух групп, однако содержание представления о независимости в этих группах разное. В частности, испытуемые из ЦВСНП считают независимостью отсутствие какого-либо влияния в группе, что, в свою очередь, делает их независимыми от самой группы. Испытуемые из школы придерживаются иного мнения. Не-

зависимость для них — это, преимущественно, отсутствие давления, а дружба в группе должна иметь место. Двое испытуемых из ЦВСНП ассоциируют свободу группы с волей как психологическим качеством, в противовес нахождению в тюрьме или под стражей (т. е. отсутствие физической свободы). Видимо, это связано с тем, что они состоят на учете в комиссии по делам несовершеннолетних, им часто указывают на возможность заключения. Еще трое испытуемых из ЦВСНП ответили, что свобода группы — это когда «каждый за себя». По их мнению, все участники в группе не связаны никакими обязанностями. Т. е. это «формальная» группа, в которой в действительности нет ничего общего между ее членами. Школьники, напротив, ассоциируют свободу группы с независимостью, простором, дружбой и полетом.

Результаты частотного анализа показали, что респонденты-правонарушители понимают свободу группы следующим образом: 40% из них считают, что свобода группы — это когда никто никого не трогает; 25% — когда каждый член группы делает то, что хочет, 10% — в свободной группе никто не должен командовать и указывать; 25% из них считают, что свобода группы выражается в том, что за поступки членов группы им ничего не будет, даже если эти поступки будут социально неодобряемы (например, над кем-то пошутить). Школьники, принимавшие участие в исследовании, высказывают иные суждения о свободной группе. Они считают, что в свободной группе царят дружеские отношения, когда все другу друга уважают и ко всем прислушиваются, наблюдаются доверительные отношения. Таким образом, выявленные различия в сознании респондентов из двух групп относительно содержательных характеристик свободы группы и по результатам ассоциативного текста косвенно свидетельствуют о влиянии социальной среды на понимание подростками изучаемого явления.

Результаты анализа ассоциаций к словосочетанию «*несвобода группы*» показали, что большинство респондентов как из ЦВСНП, так и из школы ответили, что несвободная группа у них ассоциируется с зависимостью. При этом понимание зависимости у них различается. Правонарушители считают зависимостью подчинение кому-либо более влиятельному, в то время как школьники считают зависимостью воздействие каких-то обстоятельств, с которыми дружный, сплоченный коллектив справляется.

Последующий анализ характеристик «*несвободы группы*» показал, что в представлениях респондентов-правонарушителей несвободна та группа, в которой существуют какие-то ограничения. Так, 30% из них охарактеризовали несвободную группу как группу, из которой сложно уйти (физическая несвобода). По их словам, в такой группе есть жесткие требования, выдвигаются условия, которые не нравятся членам группы. Чуть меньше — 10% респондентов из ЦВСНП ответили, что несвободная группа характеризуется запретами.

Школьники, принимавшие участие в исследовании, характеризовали несвободную группу иначе. Они считают, что несвободной группой является та, в которой никто друг другу не помогает (20%), наблюдается недружелюбное отношение между ее членами (15%), где можно чувствовать себя одиноким (30%) и лишним (15%). Сопоставляя представления о несвободе группы, обнаружили, что и здесь присутствуют различия в ее характеристиках.

Анализ результатов исследования *чувств и эмоциональных переживаний*, связанных с пониманием *свободы группы*, показал: 30% респондентов-правонарушителей указывают на чувство удовлетворения тем, что в такой группе они не подвержены влиянию родителей; 35% испытывают позитивные чувства и хотят быть в такой группе; 20% позитивно переживают свободу как самостоятельность, возможность делать при этом все, что им хочется. В то же время все школьники отметили, что представления о свободе группы вызывают у них позитивные чувства; их эмоциональные переживания выражаются в ощущении радости, счастья и уверенности в себе.

В дальнейшем сопоставили аналогичные *переживания и чувства* у респондентов из двух групп, но вызванных представлениями о *несвободе группы*. В данном случае результаты больше разнились, чем в случае со свободой группы. Обнаружено, что подростки из ЦВСНП переживают негативные чувства, ассоциируя несвободу с: зависимостью (35%), «домашним арестом» (25%), «заключением» (30%). Только 10% из них ответили, что не знают ответа на данный вопрос. Учащиеся школы при этом также испытывали чувства зависимости и беспокойства в связи с несвободой группы. Однако большинство респондентов из данной группы (60%) ответило, что не знает ответа на данный вопрос.

Анализ представлений о способах и целях обретения свободы группой показал, что респонденты из ЦВСНП считают, что приобрести свободу группы необходимо для того, чтобы делать все что хочешь (15%), иметь свое мнение (35%), идти к своей цели (10%) и никого не слушать (30%). Большинство из них указало, что группа будет свободной, если ни к кому не прислушиваться и делать все что хочешь. Подростки из школы считают, что свободная группа будет дружно решать задачи группы (35%), прислушиваться друг к другу (15%), давать возможность каждому быть достойным ее членом (30%). Итак, выявлены различия в представлениях о цели и способах достижения свободы группой в двух группах участников исследования: для школьного класса характерна «свобода для...», а для учеников из ЦВСНП — «свобода от...».

Оценки психологических качеств личности, необходимых для преодоления несвободы, в представлениях подростков из ЦВСНП свидетельствуют об их желании противостоять социуму, проявлять «бунтарство». Для этого, по их мнению, надо стать независимыми (35%), уверенными (10%), делать что захочется (30%), никого не слушать (15%). Иные взгляды высказывали респонденты-школьники. Они считают, что для преодоления несвободы группы необходимо: прислушиваться друг к другу (30%), идти к поставленной групповой цели (20%), правильно выбрать лидера группы и идти за ним (35%).

В завершение исследования провели анкетирование экспертов, в качестве которых выступили десять педагогов из ЦВСНП. Выявлено, что представления педагогов о свободе группы отличается от мнения их воспитанников (правонарушителей). Учителя уверены в том, что свобода группы выражается в единстве, в том, что члены группы могут выполнять совместные проекты, действовать сообща, быть дружной командой. Однако их представления не согласуются с тем, как ведет себя группа несовершеннолетних правонарушителей, которые не умеют и не хотят подчиняться, действовать сообща. По оценкам педагогов, группа несовершеннолетних правонарушителей разрозненная и несобранная.

Заключение

Проведенное в условиях объективных социальных ограничений исследование представлений и переживаний в контексте понимания свободы группы показало следующее. Данный феномен может быть рассмотрен как внутригрупповое свойство группы, в качестве его социально-психологических факторов (условий) – социально-психологическая зрелость, уровень развития организованности, психологического климата, интеллектуального единства (Чернышев и др., 2019). Влияние каждого из них в изучении свободы группы является перспективным и актуальным направлением работы. Методическая значимость и перспективность исследования определяются разработкой методики исследований групповой свободы с использованием приборов-моделей совместной деятельности (Ларина, Сарычев, 2019).

Литература

- Ларина Г. Н.* Социально-психологические аспекты свободы подростковых групп // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. № 1 (61). С. 354–358.
- Ларина Г. Н.* Социально-психологические детерминанты представлений о свободе личности и их актуализации в молодежных группах: Дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2009.
- Ларина Г. Н., Сарычев С. В.* Методические проблемы использования приборов-моделей совместной деятельности для изучения свободы группы // Социальная психология и общество: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти академика РАО А. В. Петровского. Москва, 15–16 октября 2019 г. М.: МГППУ, 2019. С. 55–57.
- Чернышев А. С., Сарычев С. В., Гребеньков Н. Н.* Параметрическая теория малых групп и коллективов. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019.

Socio-psychological aspects of freedom in open and semi-closed adolescent groups

*G. N. Larina**, *S. V. Sarhychev***

* *PhD, associate professor, psychology chair FSFEE “Kursk State University”, Kursk, Russia, galka.larina@yandex.ru*

** *ScD (psychology), professor, head of psychology chair FSFEE “Kursk State University”, Kursk, Russia, kursk-psychol@narod.ru*

The results of an empirical study of the manifestation of freedom in groups of adolescents are presented. Open and semi-closed teenage groups were studied – from the secondary school, the Center for the temporary detention of juvenile offenders of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kursk region. It has been established that the freedom of the group manifests itself in different groups depending on the inclusion in the social environment.

Keywords: freedom of the group, teenage group, juvenile delinquents, open group, semi-closed group.

Исследование диспозиционного и социального оптимизма представителей молодежных субкультур просоциальной направленности (в условиях приграничного региона)

М. И. Логвинова, С. В. Сарычев***

* ассистент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Россия, landautita@mail.ru

** доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Россия, kursk-psychol@narod.ru

Поднимается проблема психологического благополучия студенческой молодежи приграничного региона в условиях неопределенности, витальной угрозы, глобальных рисков. Особое внимание уделяется представителям молодежных субкультур просоциальной направленности, которые занимают наиболее активную позицию, включены в решение социально значимых проблем. Предполагается, что для представителей молодежных субкультур просоциальной направленности, проживающих в приграничном регионе, в большей степени характерно преобладание позитивных ожиданий относительно будущего, по сравнению с молодежью, не включенной в данные молодежные сообщества. В результате эмпирического исследования было установлено, что для членов просоциальных субкультур более характерен оптимизм как личностная черта, как обобщенная тенденция верить в хорошее в будущем несмотря на то, что различия в социальном оптимизме в выделенных группах несущественны.

Ключевые слова: молодежная субкультура, молодежная субкультура просоциальной направленности, социальный оптимизм, диспозиционный оптимизм, молодежь, студенты, образ будущего.

Современный человек живет в условиях стремительно меняющегося мира, в эпоху перемен, бурного развития технологий, нестабильности экономических и политических отношений, кризиса ряда традиционных институтов, в условиях глобальных рисков. Среди последних событий, в значительной степени оказавших влияние на психологическое благополучие населения нашей страны, можно назвать пандемию коронавируса, а также начало специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, защите ЛНР и ДНР.

В условиях пандемии в ситуации витальной угрозы существенно менялся образ жизни человека, вводились ограничения на перемещения, обязательное ношение средств индивидуальной защиты, многие столкнулись с тяжелым течением болезни или потерей близких. С началом ведения специальной военной операции возникли новые выводы: в обществе обозначилось отсутствие единения мнений относительно необходимости и хода проведения военной

операции, что особенно остро проявилось в первые месяцы и после введения частичной мобилизации.

Молодежь, как социально активная часть населения, наиболее тонко чувствует и эмоционально реагирует на происходящее. Проведенные нами исследования в период пандемии показали, что именно эмоциональное состояние молодежи претерпело существенные изменения (наблюдались страх, тревога, переживание одиночества, неуверенность в будущем и т. д.), притом что физическое благополучие, как правило, не было существенным образом нарушено (Логвинова, 2022).

В современных реалиях молодежь также подвержена воздействию различных негативных факторов (информационная война, переживание за родных и близких и т. д.), что особенно актуально, на наш взгляд, для жителей приграничных регионов. Для молодежи, не имеющей референтной группы с высокими нравственными идеалами, в настоящее время также крайне высок риск вхождения в криминальные субкультуры, террористические и экстремистские организации.

Среди молодежи особую ее часть составляют молодежные субкультуры просоциальной направленности, чьи представители непосредственно включены в решение социально значимых проблем. Принимая участие в волонтерской деятельности, иных активностях, они видят ситуацию изнутри, глубже переживают и сопереживают нуждающимся в помощи и поддержке, ищут конструктивные пути выхода из проблемных ситуаций.

Молодежная субкультура просоциальной направленности в нашем понимании – это неформальная молодежная группа, объединенная ценностями, внешними атрибутами, интересами, вкусами, жизненным стилем, проявляющимися во внеучебной (нетрудовой) сфере, не затрагивающая семейных и трудовых отношений, ориентированная на модели просоциального поведения. Сюда мы относим клубы, отряды, советы, иные просоциально ориентированные неформальные молодежные группы (Логвинова, Сарычев, 2022). По нашему мнению, это мощный ресурс развития общества, потому что именно в подобных сообществах возвращаются граждане с активной жизненной позицией, общественные лидеры, политические и культурные деятели. Как мы полагаем, от того, какой образ будущего формируется у представителей молодежных субкультур просоциальной направленности, зависит целеполагание, построение жизненной траектории социально активной молодежи, что может отразиться на будущем государства и общества в целом.

Одним из глобальных рисков для личности и общества в ближайшие 20 лет, по мнению психологов, выступает растущий пессимизм в отношении будущего (Белых и др., 2020), также отмечается разрыв между технологическим оптимизмом и социальным пессимизмом (Чернышев и др., 2020). Однако проведенные нами ранее исследования показали, что для представителей студенческих молодежных субкультур просоциальной направленности характерна мотивация достижения успеха и значимость ценности активной, деятельной жизни (Логвинова, Сарычев, 2022), что может выступать предикторами социального оптимизма и позитивно влиять на образ будущего в целом (в противовес общей тенденции).

Курская социально-психологическая школа, в лице Л. И. Уманского, А. С. Чернышева и их учеников, имеет богатый опыт взаимодействия с социально одаренной молодежью, подготовки молодежных лидеров в региональных центрах. Ее представителей всегда отличала актуальность проводимых исследований, их практическая значимость (разработка технологии социального обучения, когда стоял вопрос о развитии лидерского и организаторского потенциала молодежи (Чернышев и др., 2019); психологические исследования в регионах Чернобыльского следа; в период проведения специальной военной операции преподаватели выступают волонтерами горячей линии по оказанию психологической поддержки студенческой молодежи и т. д.).

Обобщая актуальность исследования, отметим, что исследование диспозиционного и социального оптимизма представителей молодежных субкультур просоциальной направленности, проживающих в приграничном регионе, в настоящее время имеет высокую социальную значимость и требует изучения, что определило постановку цели исследования.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что для представителей молодежных субкультур просоциальной направленности, проживающих в приграничном регионе, в большей степени характерно преобладание позитивных ожиданий относительно будущего, по сравнению с молодежью, не включенной в данные молодежные сообщества.

Методический блок исследования включил «Тест диспозиционного оптимизма» (Ч. Карвер, М. Шейер, в адаптации Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева, Е. Н. Осина), анкету «Социальный оптимизм» (составлена на основе работ Т. А. Нестика), математико-статистические методы. Исследование проводилось онлайн в мае–июне 2023 г., было добровольным и анонимным.

Раскроем содержание понятий диспозиционный и социальный оптимизм. Диспозиционный оптимизм – это личностная черта, которая представляет собой обобщенную тенденцию человека верить в преобладание в будущем хороших событий, а также когнитивная установка, включающая соответствующие ожидания (Гордеева и др., 2021). Социальный оптимизм понимается как убеждения членов группы в способности совместно организовывать и реализовывать действия, необходимые для достижения цели, а также как обобщенное ожидание успешного преодоления конкретных социальных проблем в будущем (Нестик, 2021).

Выборка исследования представлена студентами Курского государственного университета, составила 282 чел., из них 71,4% – женщины, 69% – обучающиеся 1–2 курсов, 40,4% – представители молодежных субкультур просоциальной направленности, средний возраст – 19,8 года.

Отметим, что в ходе исследования студенты указывали молодежные сообщества, к которым они принадлежат в рамках вуза, на основе накопленного опыта изучения молодежных объединений университета, результатов предыдущих исследований, нами ранее установлено, какие молодежные группы обладают признаками молодежной субкультуры просоциальной направленности, что позволило дифференцировать участников исследования. Исключив некорректно заполненные анкеты и опросные листы, мы выделили группу из 115 чел. Это значительное число от общего объема выборки исследования,

что может быть связано как с высокой вовлеченностью студенческой молодежи в просоциальные молодежные субкультуры, так и, что более вероятно, с активной социальной позицией данной части молодежи (так как исследование было добровольным и анонимным, то студенты имели возможность принять самостоятельное решение об участии).

По результатам исследования установлено, что среди представителей молодежных субкультур просоциальной направленности, проживающих в приграничном регионе, преобладает диспозиционный оптимизм (49,6%), при этом более трети исследуемых в данной группе имеют средние значения по данной шкале (38,2%), а пессимизм установлен в 12,2% случаев. Если говорить о студентах, не являющихся представителями молодежных субкультур просоциальной направленности, то высокие значения по шкале диспозиционного оптимизма выявлены в 38,9% случаев, примерно в равной степени наблюдаются средние значения (38,3%), практически у каждого четвертого выявлен пессимизм (22,8%).

В ходе математико-статистического анализа с применением U-критерия Манна–Уитни установлено, что между представителями молодежных субкультур просоциальной направленности и остальной частью студенческой молодежи существуют статистически достоверные различия как в общем показателе диспозиционного оптимизма ($U=8091$, $p<0,05$), так и по отдельным субшкалам: позитивные ожидания ($U=8124$, $p<0,05$) и негативные ожидания ($U=11295$, $p<0,05$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что для представителей молодежных субкультур просоциальной направленности, проживающих в приграничных районах, характерно преобладание позитивных генерализированных ожиданий относительно будущего. Как отмечают Т. О. Гордеева с коллегами, диспозиционный оптимизм выступает защитным барьером в трудных жизненных ситуациях, это одна из личностных переменных, описывающих позитивное мышление. Диспозиционный оптимизм связан со снижением риска смерти по целому ряду причин (онкология, сердечно-сосудистые и иммунные заболевания, суицидальные попытки), это важный ресурс не только преодоления жизненных трудностей, но и болезней, травм (Гордеева, Сычев, Осин, 2021).

Дискуссионным, на наш взгляд, видится вопрос об источнике диспозиционного оптимизма данной части студенческой молодежи, был ли он как личностная черта сформирован до вступления в просоциальные молодежные сообщества или же на его формирование существенное влияние оказал опыт социально полезной деятельности в молодежной субкультуре.

В рамках исследования социального оптимизма студентам был предложен ряд вопросов. Первый из них звучал: «Насколько вы согласны со следующим утверждением: наши дети будут жить лучше нас?» Под социальным оптимизмом мы будем понимать процент респондентов, выбравших ответ «согласен» или «скорее, согласен». Ответы среди представителей молодежных субкультур просоциальной направленности распределились следующим образом: 45,2% опрошенных проявляют социальный оптимизм в отношении будущего их детей, 43,5% студентов выразили нейтральную оценку, только 11,3% представителей просоциальных молодежных субкультур имеют негативные ожидания относительно будущего своих детей.

Для сравнения приведем результаты, полученные при исследовании студенческой молодежи, не включенной в просоциальные молодежные субкультуры. 47,9% студентов приграничного региона демонстрируют позитивные ожидания относительно будущего детей, 40,7% опрошенных выразили нейтральную оценку, пессимизм в вопросе будущего детей выявлен в 11,4% случаев.

Анализируя результаты, отметим, что различия между группами не являются существенными ($\chi^2=0,175$, $p>0,05$). Для студенческой молодежи приграничного региона в целом характерен «умеренный оптимизм» относительно будущего детей.

На вопрос «Насколько вы согласны со следующим утверждением: я уверен, что россияне смогут изменить жизнь в стране к лучшему?» – представители молодежных субкультур просоциальной направленности ответили следующим образом: практически две трети опрошенных (65,2%) позитивно настроены касательно способности россиян преодолевать трудности, 21,7% респондентов дали нейтральную оценку, лишь 13,1% студентов приграничного региона в этой группе проявляют пессимизм в вопросе изменения жизни в стране к лучшему силами россиян.

Сравним полученные результаты с ответами студенческой молодежи, не включенной в просоциальные молодежные субкультуры. В данной группе также преобладают позитивные ожидания, однако в несколько меньшей степени (59,3%), нейтральная оценка выявлена в 28,7% случаев, а негативные ожидания – в 12% случаев.

В ходе математико-статистического анализа установлено, что различия между группами не являются существенными ($\chi^2=1,3$, $p>0,05$).

В соответствии с вышесказанным, для большинства студенческой молодежи приграничного региона характерен социальный оптимизм, вера в эффективность коллективных действий по решению актуальных проблем.

Обобщая вышесказанное, сделаем следующее заключение: выдвинутая нами гипотеза в ходе исследования частично нашла свое подтверждение: студенты-представители молодежных субкультур просоциальной направленности более оптимистичны на личностном уровне, так как диспозиционный оптимизм выступает одним из предикторов социального оптимизма, то полученные результаты могут в определенной мере объяснять достаточно высокие значения социального оптимизма в этой группе. Однако относительно социального оптимизма отличия между выделенными группами не являются значительными, поэтому открытым остается вопрос, на чем базируется социальный оптимизм студентов приграничного региона, не являющихся членами просоциальных молодежных субкультур. Мы склонны разделить мнение Т. А. Нестика (Нестик, 2023) и предположить, что для них социальный оптимизм выполняет защитную функцию (позволяет сохранить психологическое благополучие), его рост в условиях переживания внешней угрозы может носить временный характер, поэтому необходимы целенаправленные усилия по его поддержанию в условиях кризиса.

Литература

Борисова Н. В., Воловикова М. И., Журавлев А. Л. Сознание человека в современном мире (вместо предисловия) // Индивидуальное, национальное и глобальное

в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления / Отв. ред. Н. В. Борисова, М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 11–31.

Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Диагностика диспозиционного оптимизма, валидность и надежность опросника ТДО-П // Психология. Журнал ВШЭ. 2021. № 1. С. 34–55.

Логвинова М. И. К вопросу о социальном самочувствии молодежи в условиях пандемии коронавируса // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. № 2 (62). С. 321–329.

Логвинова М. И., Сарычев С. В. Психологические особенности представителей студенческих молодежных субкультур просоциальной направленности // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Проблемы высшего образования». 2022. № 3. С. 70–73.

Нестик Т. А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // Социодиггер. 2021. Т. 2. № 9 (14). С. 6–48.

Нестик Т. А. Социальный оптимизм в условиях кризиса: от защитных механизмов к постановке совместных целей // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 6-й Международной конференции (2–3 февраля 2023 г., Москва). М.: ИПМ им. М. В. Келдыша, 2023. С. 140–145.

Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ / Отв. ред. Т. В. Белых, Ю. В. Быховец, И. Е. Вопилова и др.. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.

Чернышев А. С., Сарычев С. В. Социальная психология личности и группы: Учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020.

Чернышев А. С., Сарычев С. В., Гребеньков Н. Н. Вклад Курской психологической школы молодежных лидеров в молодежное движение и кадровый потенциал региона // Вестник практической психологии образования. 2019. № 2 (2). С. 15–19.

Чернышев А. С., Сарычев С. В., Елизаров С. Г. К вопросу о социально-психологических последствиях внедрения новых технологий и определении перспективных направлений исследований // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 4. С. 109–114.

The study of dispositional and social optimism of representatives of youth subcultures of a pro-social orientation (in the conditions of the border region)

*M. I. Logvinova**, *S. V. Sarychev***

** assistant of the psychology, chair FSFEE “Kursk State University”, Kursk, Russia, landautita@mail.ru*

*** ScD (Psychology), professor, head of Psychology Chair FSFEE “Kursk State University”, Kursk, Russia, kursk-psychol@narod.ru*

The article raises the problem of the psychological well-being of students in the border region in the face of uncertainty, vital threat, global risks. Particular attention is paid to representatives of youth subcultures of a pro-social orientation, who occupy the most active position, are included in the solution of socially significant problems. We put forward the assumption that the representatives of pro-social youth subcultures living in

the border region are more characterized by the predominance of positive expectations about the future compared to young people who are not included in these youth communities. It has been established that members of prosocial subcultures are more characterized by optimism as a personality trait, as a generalized tendency to believe in the good in the future, despite the fact that differences in social optimism in the selected groups are insignificant.

Keywords: youth subculture, pro-social youth subculture, social optimism, dispositional optimism, youth, students, image of the future.

Эмпирическая верификация мультигрупповой модели социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи Белоруссии, Казахстана и России*

Н. В. Муращенко

кандидат психологических наук, доцент департамента психологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, ncel@yandex.ru

Представлены результаты тестирования двух мультигрупповых моделей связи эмиграционных намерений и их психологических предикторов как элементов соответствующего социально-психологического пространства у студентов трех стран на основе данных, собранных в 2021 г., в период пандемии COVID-19. Обнаружены общекультурные и культурно-специфические связи. Универсальными предикторами эмиграционной активности у белорусов, казахстанцев и россиян являются низкая удовлетворенность жизнью и слабая эмоциональная привязанность к стране проживания. Культурно-специфическими предикторами эмиграционных намерений у российской студенческой молодежи выступают низкий уровень воспринимаемой безопасности в стране проживания и слабая эмоциональная привязанность к месту проживания. Влияние пандемии на эмиграционную активность студенческой молодежи трех стран не выявлено.

Ключевые слова: планируемое эмиграционное поведение, эмиграционное намерение, социально-психологическое пространство эмиграционного намерения, студенческая молодежь, пандемия COVID-19, мультигрупповой анализ, кросс-культурный анализ.

Эмиграция молодежи — это повсеместное явление, характерное для всех стран мира. Эмиграция определяется в науке как «выезд из одной страны в другую на постоянное (иногда на неопределенно длительное время) проживание, как правило, с изменением гражданства» (Юдина, 2007, с. 332). При этом эксперты чаще всего сходятся во мнении относительно того, что эмиграция молодежи из страны на постоянное место жительства за границу (особенно молодежи образованной) — это явление негативное, влияющее на демографическую ситуацию в стране, ее социально-экономическую безопасность, динамику развития и социальный оптимизм общества (Байков и др., 2018). Добровольный переезд за границу выбирают, как правило, те, кто не только материально, но и психологически к нему готов/предрасположен (Муращенко, 2021б).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-013-00156.

Анализ социально-психологического пространства эмиграционных намерений российской молодежи важен как для понимания психологических движущих сил/ресурсов эмиграционного поведения, так и для анализа его последствий: понимание психологических характеристик потенциальных/реальных эмигрантов дает возможность моделировать вероятные изменения в стране исхода при потере определенной категории граждан в результате их переезда. И наиболее продуктивным в данном случае является социокультурный подход, позволяющий провести сравнительный анализ изучаемых феноменов и взаимосвязей у представителей разных культурных групп.

Целью данного исследования стал кросс-культурный анализ структуры социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи. Осуществлена интеграция двух концепций: теории планируемого поведения А. Айзена (Ajzen, 1991) и концепции социально-психологического пространства А. Л. Журавлева и А. Б. Купрейченко (Журавлев, Купрейченко, 2012). Разработана авторская теоретическая модель социально-психологического пространства эмиграционных намерений современной молодежи, сформулированы гипотезы исследования (см.: Мурашенкова и др., 2021в). В данной работе представлена часть результатов эмпирической проверки модели социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи трех стран, для которых эмиграционное поведение молодежи выступает актуальной проблемой, требующей решения (см.: Мурашенкова и др., 2021в).

В исследовании приняли участие студенты вузов – граждане Белоруссии (средний возраст – 20 лет; SD=1,9; 75% женщин), Казахстана (21 год; SD=1,9; 74% женщин) и России (20 лет; SD=1,5; 75% женщин) в возрасте 18–25 лет. Сбор данных осуществлялся в ходе анонимного онлайн-опроса с января по апрель 2021 г. Анкета была размещена на платформе anketolog.ru, ссылка на нее распространялась среди студентов вузов Белоруссии, Казахстана и России с помощью преподавателей университетов трех стран. Сбор данных проходил в условиях пандемии COVID-19 на фоне роста числа зараженных и погибших от коронавируса во всех трех исследуемых странах, согласно данным еженедельных эпидемиологических сводок Всемирной организации здравоохранения.

Методический исследовательский инструментарий: авторский опросник «Планируемое эмиграционное поведение» (Мурашенкова и др., 2023), сокращенная версия «Опросника портретных ценностей» Ш. Шварца («PVQ-21 – ESS»), сокращенный вариант методики «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда (для оценки выраженности профессиональной идентичности на основе контент-анализа представленности профессиональных ролей в характеристиках настоящего «Я» респондентов), «Методика оценки позитивности и неопределенности этнической идентичности» А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой, опросник «Идентификация с человечеством» (IWAH) С. Мак-Фарленда в адаптации Т. А. Нестика (для оценки гражданской и глобальной идентичностей), Шкала Э. Динера «Удовлетворенность жизнью», валидизированная на русскоязычной выборке Д. А. Леонтьевым и Е. Н. Осиним, вопросы из Анкеты Европейского социального исследования – 2016 (для оценки воспринимаемой безопасности и воспринимаемой дискриминации в стране проживания, а также

выраженности эмоциональных привязанностей к стране, месту проживания, родителям и друзьям), Шкала страха COVID-19 (FCV-19S), апробированная на русскоязычной выборке А. Резником с коллегами, разработанные вопросы для оценки объективной дистанции с COVID-19 и воспринимаемой респондентами поддержки от значимых других за границей. Проводилось мультигрупповое моделирование структурными уравнениями (MGSEM) с использованием программы IBM SPSS Amos v. 23.

Для эмпирической проверки теоретической модели социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи трех стран, в соответствии с гипотезой исследования (см.: Муращенко и др., 2021в), была построена и протестирована общая мультигрупповая модель. Зависимой переменной в модели выступило эмиграционное намерение, а предикторами – ценности Сохранения, Самоутверждения, Самопреодоления, Открытости изменениям; выраженность профессиональной идентичности; когнитивные и эмоциональные компоненты этнической, гражданской и глобальной идентичностей; эмоциональные привязанности к своей стране, месту проживания, родителям и друзьям; удовлетворенность жизнью; воспринимаемая дискриминация; воспринимаемая безопасность; страх перед COVID-19 и объективная дистанция с заболеванием; воспринимаемая поддержка от значимых других за пределами страны проживания. Модель продемонстрировала неудовлетворительные показатели согласия: $\chi^2=2238,705$; $df=636$; $p=0,000$; CFI=0,629; RMSEA=0,062; PCLOSE=0,000. В связи с этим было принято решение анализировать систему социально-психологических предикторов эмиграционных намерений молодежи блоками, проводя проверку инвариантности отдельных мультигрупповых моделей. Это позволило избежать проблемы мультиколлениарности переменных и рассмотреть феноменологически близкие психологические конструкты-предикторы в качестве составляющих различных моделей. С результатами тестирования мультигрупповой модели связи эмиграционного намерения с когнитивными и эмоциональными компонентами этнической, гражданской и глобальной идентичностей у студентов трех стран можно ознакомиться в журнале «Культурно-историческая психология» (Муращенко и др., 2022). Мультигрупповая модель планируемого эмиграционного поведения, построенная в рамках теории А. Айзена и отражающая структуру авторского опросника «Планируемое эмиграционное поведение», представлена в Психологическом журнале (Муращенко и др., 2023). В данной работе отражены результаты тестирования двух мультигрупповых моделей, не опубликованные ранее.

Первая мультигрупповая модель включает такие элементы социально-психологического пространства эмиграционных намерений (зависимая переменная) студенческой молодежи Белоруссии, Казахстана и России, как удовлетворенность жизнью, профессиональная идентичность, ценности Сохранения, Открытости изменениям, Самоутверждения и Самопреодоления (предикторы). Удовлетворенность жизнью выступает рефлексивно-оценочным компонентом, когнитивной составляющей субъективного благополучия личности, а также субъективным индикатором качества жизни. Существует немало исследований, подтверждающих значимую связь индивидуальных ценностей

и субъективного благополучия молодежи в различных социокультурных контекстах. При этом особый вклад в субъективное благополучие вносит конгруэнтность индивидуальных ценностей ценностям референтной группы. То есть с точки зрения субъективного благополучия особенно важным является то, как индивидуальные ценности молодежи вписываются в существующий социальный контекст. Наряду с этим в отдельных исследованиях подчеркивается, что у студентов, получающих различные профессии, связи между ценностями и субъективным благополучием имеют различия, что может быть объяснено в том числе совместимостью/несовместимостью индивидуальных ценностей и ценностей, значимых с точки зрения получаемой профессии. При этом известно, что социальная идентичность, предполагающая выраженное ощущение себя частью какой-либо группы, является ключевым фактором субъективного благополучия, которое повышается в результате включенности в жизнь этой группы и качества групповой социальной поддержки. А если мы говорим о студенческой молодежи, то такой значимой группой выступает сообщество обучающихся и профессиональное сообщество, соответствующее получаемой студентами специальности. Подтверждаемая научными работами значимость взаимосвязей между индивидуальными ценностями, профессиональной идентичностью и удовлетворенностью жизнью у студенческой молодежи, в сочетании с той ролью, которую играют данные факторы в формировании эмиграционной активности (Муращенкова, 2021б), стимулировали включение этих предикторов в единую модель с целью оценки их вклада в процесс формирования эмиграционных намерений у студенческой молодежи трех стран. Мультигрупповая модель продемонстрировала приемлемые статистики согласия: $\chi^2=316,492$; $df=141$; $p=0,000$; $CFI=0,949$; $RMSEA=0,044$; $PCLOSE=0,950$ (конфигурационная модель инвариантности); $\chi^2=385,061$; $df=175$; $p=0,000$; $CFI=0,940$; $RMSEA=0,043$; $PCLOSE=0,980$ (метрическая модель инвариантности). Наличие конфигурационной и метрической инвариантности (ΔCFA не превысила 0,01) позволило провести сравнение регрессионных связей в выборках исследуемых стран. Согласно значениям коэффициентов детерминации, включенные в модель предикторы внесли наибольший вклад в формирование эмиграционного намерения у белорусских ($R^2=0,19$) и казахстанских ($R^2=0,26$) студентов, чем у студентов-россиян ($R^2=0,05$). Не было обнаружено статистически значимой связи между эмиграционным намерением и выраженностью профессиональной идентичности, но значимым предиктором эмиграционной активности у студентов Беларуси ($\beta=-0,23$, $p<0,001$), Казахстана ($\beta=-0,25$, $p<0,001$) и России ($\beta=-0,14$, $p<0,05$) выступила низкая удовлетворенность жизнью. При этом белорусские студенты с выраженными эмиграционными намерениями продемонстрировали низкий уровень удовлетворенности жизнью в сочетании с отрицанием значимости ценностей Сохранения ($\beta=-0,33$, $p<0,001$), а казахстанские – в сочетании с отрицанием значимости ценностей Сохранения ($\beta=-0,37$, $p<0,001$) и высоким приоритетом ценностей Открытости изменениям ($\beta=0,21$, $p<0,01$) и Самоутверждения ($\beta=0,16$, $p<0,05$). Можно предположить, что эти результаты являются отражением низкого уровня ценностного консенсуса (т. е. выраженного различия между индивидуальными и групповыми ценностными приоритетами) (Руднев, Магун, 2011) у студенческой молодежи Белоруссии

и Казахстана, ориентированной на переезд за рубеж. При этом у российских студентов взаимосвязей между ценностями и эмиграционными намерениями не обнаружено, что может быть объяснено особенностями российской выборки. Социологи отмечают, что Россия является страной с низким межличудивидуальным ценностным консенсусом по значительному числу базовых ценностей — особенно по оси Открытости изменениям — Сохранение (там же). Выборку россиян представили респонденты из 6 регионов страны с различными уровнями социально-экономического развития, условиями жизни и, вероятно, ценностными приоритетами. Возможно, именно в связи с этим не зафиксировано статистически значимых связей эмиграционной активности с ценностями у российской молодежи. Данную логику объяснения подтверждает тот факт, что при изучении взаимосвязи ценностей и эмиграционных намерений в условиях *одного* российского региона в 2020 г. статистически значимые связи между этими переменными были выявлены (Муращенкова, 2021а).

Вторая мультигрупповая модель, в качестве предикторов включает элементы, отражающие эмоциональный аспект социально-психологической обусловленности эмиграционного намерения молодежи (зависимая переменная) с учетом социально-исторического контекста периода сбора данных (пандемия COVID-19): эмоциональные привязанности к стране, месту жительства, родителям и друзьям, воспринимаемая поддержка значимых других за границей, воспринимаемая дискриминация, воспринимаемая безопасность, страх перед COVID-19 и дистанция с этим заболеванием. Мультигрупповая модель продемонстрировала приемлемые статистики согласия: $\chi^2=446,970$; $df=243$; $p=0,000$; CFI=0,944; RMSEA=0,036; PCLOSE=1,000 (конфигурационная модель инвариантности); $\chi^2=516,561$; $df=283$; $p=0,000$; CFI=0,936; RMSEA=0,035; PCLOSE=1,000 (метрическая модель инвариантности). Как и в случае с первой моделью, присутствие конфигурационной и метрической инвариантности (ΔCFA не превысила 0,01) позволило провести сравнение регрессионных связей в выборках трех стран. Согласно значениям коэффициентов детерминации, включенные в модель предикторы внесли наибольший вклад в формирование эмиграционного намерения у белорусских ($R^2=0,39$) и казахстанских ($R^2=0,34$) студентов, чем у студентов-россиян ($R^2=0,18$). В то же время у российской молодежи зафиксирована хоть и статистически значимая, но наиболее слабая отрицательная связь между эмоциональной привязанностью к стране и эмиграционным намерением ($\beta=-0,13$, $p<0,05$), в сравнении со студентами из Беларуси ($\beta=-0,52$, $p<0,001$) и Казахстана ($\beta=-0,48$, $p<0,001$). Наибольшую роль в формировании эмиграционной активности фактор низкой эмоциональной привязанности к стране сыграл у белорусской молодежи и был подкреплен выраженной воспринимаемой дискриминацией ($\beta=0,20$, $p<0,01$) и низкой эмоциональной привязанностью к родителям ($\beta=-0,15$, $p<0,05$). У казахстанских и российских студентов воспринимаемая дискриминация и привязанность к родителям не выступили значимыми предикторами эмиграционной активности. У казахстанской молодежи, наряду с низким уровнем эмоциональной привязанности к стране ($\beta=-0,48$, $p<0,001$), эмиграционное намерение оказалось связано с выраженной воспринимаемой поддержкой от значимых других за пределами страны проживания ($\beta=0,14$, $p<0,05$). Для российских студентов

значимыми предикторами эмиграционных намерений выступили низкий уровень воспринимаемой безопасности в стране проживания ($\beta = -0,22$, $p < 0,001$) в сочетании с выраженной воспринимаемой поддержкой от значимых других за пределами России ($\beta = 0,20$, $p < 0,01$) и низкой эмоциональной привязанностью к своей стране ($\beta = -0,13$, $p < 0,05$) и месту проживания ($\beta = -0,18$, $p < 0,05$). Как показывают результаты исследования, пандемия COVID-19 не оказала влияния на эмиграционную активность молодежи трех стран: статистически значимых связей эмиграционного намерения со страхом перед COVID-19 и дистанцией с данным заболеванием в мультигрупповой модели у студентов трех стран не обнаружено.

Заключение

Выявлены общие и культурно-специфические связи между элементами социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи трех стран. Низкая удовлетворенность жизнью и слабая привязанность к стране проживания выступают в исследовании общекультурными предикторами эмиграционной активности. Ценностной основой эмиграционной активности у казахстанской молодежи является отход от традиционности в сочетании с поиском новизны и стремлением к достижениям. У белорусских студентов эмиграционные намерения связаны с нивелированием значимости традиционности. Общих ценностных оснований эмиграционной активности у молодых россиян не выявлено. Белорусская студенческая молодежь с выраженными эмиграционными намерениями демонстрирует также высокий уровень воспринимаемой дискриминации и низкую эмоциональную привязанность к родителям. Значимым фактором эмиграционной активности у казахстанских и российских студентов выступает уверенность в поддержке со стороны близких, проживающих за границей. И только для российских студентов характерна связь эмиграционных намерений с низким уровнем воспринимаемой безопасности в стране проживания и слабой эмоциональной привязанностью к месту проживания.

Литература

- Байков А. А.* и др. Эмиграция молодежи из России: масштабы, каналы, последствия // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 75–84.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Социально-психологическое пространство личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Муращенкова Н. В.* Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // Социальная психология и общество. 2021а. Т. 12. № 1. С. 77–93.
- Муращенкова Н. В.* Психологические факторы эмиграционных намерений молодежи: обзор зарубежных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Психология и педагогика». 2021б. Т. 18. № 1. С. 25–41.
- Муращенкова Н. В., Гриценко В. В., Ефременкова М. Н.* Авторская модель социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи // Еуразиялық психологиялық ғылым және практика: пәнаралық беталыстар.

Халықаралық ғыл.-тәжір. онлайн-конф. матер. жинағ. Өскемен: С. Аманжолов атындағы ШҚУ «Берел» баспасы, 2021 в. С. 30–36.

Муращенко Н. В., Гриценко В. В., Ефременкова М. Н. Связь ценностей и планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи трех стран. Ч. 1. Введение в проблему // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 3. С. 49–60.

Муращенко Н. В. и др. Этническая, гражданская и глобальная идентичности как предикторы эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 3. С. 113–123.

Руднев М., Магун В. Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран // Вестник общественного мнения. 2011. № 4 (110). С. 81–96.

Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов. М.: Изд-во РГСУ–Академический проект, 2007.

Ajzen I. The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. V. 50. № 2. P. 179–211.

Empirical verification of multi-group model of socio-psychological space of emigration intentions among students from Belarus, Kazakhstan and Russia

N. Murashcenkova

PhD in Psychology, associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ncel@yandex.ru

We tested two multigroup models of relationship between emigration intentions and their psychological predictors as elements of the corresponding socio-psychological space. The study involved students from three countries. We collected data in 2021 during the COVID-19 pandemic. Low life satisfaction and weak emotional attachment to the country are universal predictors of emigration activity among students from Belarus, Kazakhstan and Russia. The low level of perceived security in the country of residence and weak emotional attachment to the place of residence are cultural-specific predictors of emigration intentions among Russian student youth. We have not detected the impact of the pandemic on the emigration intentions of students from the three countries.

Keywords: planned emigration behavior, emigration intention, socio-psychological space of emigration intention, student youth, COVID-19 pandemic, multigroup analysis, cross-cultural analysis.

Коммуникативное развитие старшекласников с точки зрения эконсихологической типологии субъект-средовых взаимодействий

В. И. Панов, Э. В. Лидская***

* член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, заведующий лабораторией эконсихологии развития и психодидактики Психологического института Российской академии образования, Москва, Россия, esovip@mail.ru

** младший научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, Москва, Россия, elidskaya@gmail.com

Представлен анализ коммуникативного развития старшекласников по таким показателям, как способность к самоуправлению в общении и направленность их личности в общении. Коммуникативное развитие рассматривается с точки зрения эконсихологической типологии субъект-средовых взаимодействий. На смешанной выборке старшекласников (N=145 и N=85) г. Владимир и Самара были получены данные о том, что старшекласники с низким уровнем коммуникативного развития чаще демонстрируют объектную позицию в общении. Старшекласников с высоким уровнем коммуникативного развития в большей степени характеризует субъектная позиция, необходимая для диалогического общения. Несмотря на активное пользование современными старшекласниками виртуальных форм общения, около 80% из них имеют средний уровень коммуникативного развития. При этом более всего они демонстрируют готовность к манипулятивным и конформным видам общения, в основе которых лежат субъект-объектный и объект-субъектный типы коммуникативных взаимодействий. Высокий уровень коммуникативного развития, выражающийся в способности вести конструктивный диалог, используя субъект-порождающий и субъект-совместный типы коммуникативных взаимодействий, обнаруживается примерно у десятой части старшекласников данной выборки.

Ключевые слова: коммуникативное развитие, уровень, старшекласники, способность к самоуправлению в общении, направленность личности в общении, эконсихологическая типология субъект-средовых взаимодействий.

Изучение коммуникативного развития старшекласников не теряет своей актуальности, несмотря на большое количество исследований. В социальном плане интерес к этой проблеме объясняется необходимостью развития у будущих выпускников умения вести конструктивный диалог, что выражается в способности «слушать и слышать другого» и даже изменять свою точку зрения в ходе диалога, а не только «выступать самому» (Литвинова, 2013; и др.).

В социально-психологическом плане актуальность изучения коммуникативного развития старшекласников определяется прогрессом в информационных технологиях, что сделало востребованным новые коммуникативные уме-

ния, связанные с цифровыми технологиями и удаленными формами обучения (Войскунский, 2014; Шубович, 2021; Якоба, 2011; и др.). Сегодня трудно представить современного старшеклассника, который не проводил бы несколько часов в день в виртуальном общении, вследствие чего «живое» общение современных старшеклассников с реальными людьми все более замещается общением с виртуальными собеседниками в интернете или по телефону. Появился ряд специальных терминов для обозначения такого вида общения: опосредованное общение, виртуальная коммуникация, электронное общение, виртуальное общение. При этом остается открытым вопрос о том, действительно ли такое виртуальное общение развивает у старшеклассников способность к диалогическому общению в совместной деятельности.

Как было отмечено нами ранее, актуальность и проблемность изучения коммуникативного развития вызвана тем, что при этом используются разные термины и понятия: коммуникативность, коммуникативные знания, умения и навыки, коммуникативная культура, коммуникативная компетентность, коммуникативная успешность, коммуникативные способности и т. п. Поэтому для эмпирического исследования коммуникативного развития выделяют разные качества личности (Лидская, 2019).

Так, А. В. Мудрик и другие исследователи используют термин «коммуникативные навыки», под которым понимаются потребность и желание общения с собеседником, способность слышать его и сопереживать ему, а также владение такими способами общения, которые позволяют совместно находить оптимальное решение возникающих вопросов. Из последнего следует, что высоким уровнем коммуникативного развития следует считать такое развитие, которое обеспечивает способность к совместному обсуждению возникающих вопросов, т. е. способность к конструктивному диалогу в общении или совместной деятельности. При этом обращает на себя внимание функциональная и даже прагматическая направленность представленного понимания коммуникативных навыков (Мудрик, 1984).

Такую же направленность имеет термин «коммуникативная компетентность» в определении Л. Ю. Комлик и И. Г. Колосовой: «Сущность коммуникативной компетентности можно представить как способность и готовность вступать в различного рода контакты для решения коммуникативных задач» (Комлик, Колосова, 2018, с. 45). Для оценки данного вида компетентности эти авторы выделяют такие личностные (субъектные) качества, как: самоконтроль в общении, общительность и коммуникативная толерантность.

Иначе коммуникативная компетентность описывается в исследовании А. С. Литвиновой, которая рассматривает ее формирование у старшеклассников как процесс «развития у них познавательной направленности, готовности к межличностному взаимодействию, ориентации на самореализацию и дальнейшее личностное и профессиональное становление» (Литвинова, 2013, с. 8).

На комплексный характер коммуникативного развития указывает М. М. Шубович, которая рассматривает его с точки зрения формирования у старшеклассников коммуникативных навыков средствами цифровых технологий. В качестве предмета эмпирического исследования она выделяет три аспекта коммуникативного развития:

- коммуникативные способности — как «показатель наличия навыков успешного взаимодействия, умение вести беседу и участвовать в общей деятельности» (Шубович, 2021, с. 164);
- коммуникативная компетентность — как «показатель наличия знаний, умений и навыков для свободного коммуникативного взаимодействия» (там же, с. 164);
- общительность — как «показатель способности к открытому общению, к установке контакта с окружающими» (там же, с. 165).

Конечно, перечисленные исследования далеко не исчерпывают всего разнообразия исследований по этой теме. Но даже краткий обзор позволяет выделить, как минимум, три общие их особенности:

- коммуникативное развитие старшекласников происходит в общении с другими людьми, т. е. в системе коммуникативных взаимодействий «старшекласник—субъекты социальной среды»;
- в качестве предмета исследования выступают личностные (субъектные) качества старшекласников, либо субъекты и коммуникативные условия социальной среды;
- коммуникативное развитие должно обеспечивать старшекласникам способность к диалогическому, субъект-субъектному общению в совместной деятельности.

При этом недостаточное внимание уделяется собственно коммуникативным взаимодействиям в ситуациях общения «субъект—субъект/ы».

Между тем Б. Ф. Ломов подчеркивал, что в ситуациях общения «речь идет не просто о действии, не просто о воздействии одного субъекта на другого (хотя этот момент и не исключается), а именно о взаимодействии. Для общения необходимы, по крайней мере, два человека, каждый из которых выступает именно как субъект» (Ломов, 1984, с. 249). К этому добавим, что в ситуациях авторитарного общения субъект, принимающий коммуникативное воздействие от другого субъекта и подчиняющийся ему, выступает в роли квазиобъекта (далее — объекта) (Лидская, 2019).

Поскольку речь идет о взаимодействиях старшекласников при общении с другими субъектами социальной среды, в качестве теоретического конструкта была использована экопсихологическая типология субъект-средовых взаимодействий, включающая шесть базовых типов коммуникативных взаимодействий:

- объект-объектный тип характерен для формального общения, когда каждый из собеседников не проявляет интереса к другому и желания с ним общаться и потому использует стереотипные способы общения, не обращая внимания на особенности общения собеседника;
- объект-субъектный тип коммуникативного взаимодействия имеет место, когда один из собеседников подчиняется воздействию со стороны другого, принимая в этом смысле квазиобъектную (далее — объектную) позицию в общении;

- субъект-объектный тип взаимодействия представляет обратную ситуацию — когда субъект общения активно воздействует на собеседника, вынуждая его занять объектную, подчиняющуюся позицию;
- субъект-обособленный тип взаимодействия имеет место в тех случаях, когда оба собеседника оказывают друг на друга активное коммуникативное воздействие, выражая бескомпромиссную позицию, что может принимать форму деструктивного диалога, вплоть до взаимной агрессии;
- субъект-порождающий тип коммуникативных взаимодействий возникает на этапе развития группового субъекта совместного действия, когда его участники еще только пытаются найти «общий язык» для выполнения этого действия;
- субъект-совместный тип коммуникативных взаимодействий характерен для диалогического общения, когда его участники уже образовали групповой субъект совместного действия и общения.

Нетрудно заметить, что необходимым условием для диалогического общения в данном случае будет выступать способность старшеклассников занимать такую субъектную позицию, которая обеспечивала бы субъект-порождающий и субъект-совместный типы коммуникативных взаимодействий. Поэтому данная способность рассматривается нами как показатель высокого уровня коммуникативного развития старшеклассников. В то время как низкому уровню коммуникативного развития старшеклассников будут соответствовать объект-объектный и субъект-обособленный типы взаимодействия. Наконец, объект-субъектный и субъект-объектный типы взаимодействий будут характеризовать средний уровень коммуникативного развития.

Программа и результаты исследования

Целью проведенного исследования выступил экпсихологический (субъект-средовой) анализ коммуникативного развития старшеклассников.

Общая гипотеза исследования заключалась в предположении, что старшеклассники с низким уровнем коммуникативного развития будут более склонны к объектной позиции в общении и, следовательно — к объект-объектным и субъект-объектным типам взаимодействий. Таким образом, старшеклассники с высоким уровнем коммуникативного развития будут более часто демонстрировать субъектную позицию в общении, что проявляется в субъект-порождающем и субъект-совместном типах коммуникативного взаимодействия.

В качестве эмпирических показателей коммуникативного развития старшеклассников и, соответственно, их способности занимать объектную/субъектную позиции в общении, использовались такие коммуникативные качества, как «способность к самоуправлению в общении» и «направленность личности в общении».

Выбор этих качеств объясняется тем, что эмпирические данные, полученные в результате их изучения, позволяют проводить анализ с точки зрения экпсихологической типологии субъект-средовых взаимодействий.

Эмпирическая часть исследования состояла из двух этапов.

На *первом этапе* была использована методика «Изучение способности к самоуправлению в общении» (Фетискин и др., 2002), позволяющая выявлять низкий, средний и высокий уровни коммуникативного развития старшеклассников.

Исследование проводилось оффлайн на смешанной выборке из 145 старшеклассников. Из них 70 учащихся 10-х и 11-х классов г. Владимира (23 юноши и 47 девушек) и 75 учащихся г. Самара (32 юноши и 43 девушки). Средний возраст – 16,8 года ($SD=0,62$).

Согласно результатам, полученным с помощью этой методики, различия между выборками городов Владимир и Самара оказались статистически незначимы. Также незначимыми оказались различия по половому и возрастному признакам.

Низкий уровень развития способности к самоуправлению в общении показали 10,3% старшеклассников. Как считают авторы методики (Фетискин, и др., 2002), для этого уровня коммуникативного развития характерны устойчивые способы общения, стабильность, ригидность и отсутствие гибкости в общении, что соответствуют объект-субъектному и объект-объектному типам коммуникативных взаимодействий.

78,6% старшеклассников показали средний уровень способности к самоуправлению в общении, для которого характерны как потребность быть в общении с самим собой, так и потребность к партнерскому общению с другими. В этом смысле они готовы занимать в общении как объектную, так и субъектную позиции. Поэтому в разных ситуациях общения старшеклассники с таким уровнем коммуникативного развития способны реализовывать разные типы коммуникативных взаимодействий: от объект-объектного и объект-субъектного до субъект-объектного и субъект-совместного.

Высокий уровень способности к самоуправлению в общении показали 11% старшеклассников. Для этих старшеклассников характерны готовность и способность к диалогическому общению, а также к гибким изменениям стиля общения, учитывая особенности собеседника. Это говорит о том, что старшеклассники с таким уровнем коммуникативного развития способны успешно реализовывать субъектную позицию в общении, активно используя субъектные типы взаимодействия от субъект-объектного до субъект-порождающего и субъект-совместного.

Таким образом, эмпирические данные о способности старшеклассников к самоуправлению в общении показывают, что, независимо от пола и возраста, а также от региона проживания (г. Владимир, Самара), лишь 11% современных старшеклассников демонстрируют высокий уровень коммуникативного развития. При этом средний уровень коммуникативного развития был обнаружен у большинства старшеклассников (около 80%), низкий уровень показали примерно 10% старшеклассников.

Чтобы более дифференцированно представить анализ коммуникативного развития старшеклассников с точки зрения экопсихологических субъект-средовых взаимодействий, на *втором этапе* исследования была использована методика С. Л. Братченко «Направленность личности в общении (НЛО)», состоящая из 20 вопросов по принципу «неоконченных предложений». Она поз-

воляет выявить шесть основных видов направленности личности в общении от наиболее монологизированной НЛО — ориентированной на себя, до наиболее диалогичной — ориентированной на другого: авторитарная, манипулятивная, альтероцентристская, конформная, индифферентная диалогическая (Братченко, 1997).

Исследование проводилось онлайн на выборке из 85 учащихся 10-х и 11-х классов г. Владимира (30 юношей и 55 девушек).

Как показали полученные данные, наиболее представленной по количеству ответов для данной выборки оказалась *манипулятивная НЛО* — 383 ответа (22,5%). Согласно С. Л. Братченко, этот вид направленности личности выражает отношение к собеседнику как средству и объекту манипуляций и использование его в своих целях. Следовательно, такое общение реализует *субъект-объектный тип* взаимодействия в общении с собеседником.

Второй по количеству ответов оказалась *конформная НЛО*, представленная 344 ответами (20,2%). Этот вид направленности личности характеризуется готовностью подчиниться силе или авторитету собеседника, принимать отношение к себе как объекту, отказываться от своей точки зрения, подражать другим и т. п. Понятно, что такое общение реализует *объект-субъектный тип* взаимодействия.

На третьем месте по количеству ответов оказалась *альтероцентристская направленность* личности в общении — 310 ответов (18,2%). Данный вид направленности, как полагает автор этой методики, проявляется в добровольной центрации на собеседнике, в стремлении удовлетворить его потребности, способствовать его развитию, причем независимо от того, насколько он понимает тебя. Эта направленность личности имеет двоякий характер. С одной стороны, она показывает готовность к *субъект-объектному* типу коммуникативных взаимодействий, так как выражается в активном «стремлении удовлетворить потребности собеседника, способствовать его развитию». С другой стороны, старшеклассники с такой НЛО демонстрируют готовность к *объект-субъектному* типу взаимодействий, так как речь идет о добровольном подчинении интересам другого.

Четвертое место по количеству ответов занимает *индифферентная направленность* личности в общении — 297 ответов (17,5%). Этот вид НЛО характеризуется отсутствием направленности на личностные коммуникативные установки, вследствие чего общение игнорируется, не имеет цены. В этом случае мы имеем объектную позицию субъектов общения, что соответствует *объект-объектному типу* взаимодействий.

На пятом месте по количеству ответов находится *авторитарная направленность* личности в общении — 241 ответ (14,2%). Для данного вида НЛО, с одной стороны, характерно стремление доминировать в общении и подчинять себе других, что демонстрирует явно субъектную позицию в общении. Поэтому мы здесь имеем *субъект-объектный тип* взаимодействий. В то же время, с другой стороны, для такого вида НЛО характерны ригидность и ориентация на штампы и стереотипы коммуникативного поведения. Это свидетельствует о готовности старшеклассников к объектной позиции в общении и *объект-объектному типу* взаимодействий.

На последнем, шестом месте по количеству ответов старшеклассников оказалась *диалогическая* направленность личности – 125 ответов (7,4%). Согласно методике, этот вид НЛО характеризуется уважением и доверием собеседников друг к другу, их стремлением к взаимопониманию, сотрудничеству и взаимному развитию. Понятно, что в данном случае старшеклассники демонстрируют готовность к субъектной позиции в общении, выражающейся в *субъект-порождающем* и *субъект-совместном* типах коммуникативных взаимодействий.

Анализ эмпирических данных о направленности личности старшеклассников в общении (НЛО), проведенный с точки зрения экпсихологической типологии субъект-средовых взаимодействий, позволяет сделать следующие выводы об уровне их коммуникативного развития:

- высокий уровень, соответствующий диалогическому виду НЛО и проявляющийся в готовности старшеклассников к *субъект-порождающим* и *субъект-совместным* типам коммуникативных взаимодействий, обнаруживается лишь у 7,4% старшеклассников;
- средний уровень, соответствующий *манипуляторному*, *конформному альтероцентристскому* и *авторитарному* видам НЛО и проявляющийся в готовности старшеклассников к *объект-субъектным* и *субъект-объектным* типам коммуникативных взаимодействий, характеризует 75,2% старшеклассников;
- низкий уровень, соответствующий *индифферентному* виду НЛО и проявляющийся в готовности старшеклассников к *объект-объектному* типу коммуникативных взаимодействий, обнаруживается лишь у 17% старшеклассников.

Заключение

Экпсихологический (субъект-средовой) анализ коммуникативного развития старшеклассников по таким показателям, как способность старшеклассников к самоуправлению в общении и направленность их личности в общении, позволяет сделать следующие выводы.

Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что старшеклассники с низким уровнем коммуникативного развития чаще демонстрируют объект-объектные типы взаимодействия и, соответственно, объектную позицию в общении. В то время как старшеклассники с высоким уровнем коммуникативного развития чаще демонстрируют готовность к субъект-порождающим и субъект-совместным типам коммуникативных взаимодействий, необходимых для диалогического общения и, соответственно, субъектной позиции в общении.

Несмотря на активное использование современными старшеклассниками виртуальных форм общения, около 80% из них имеют средний уровень коммуникативного развития. При этом более всего современные старшеклассники демонстрируют готовность к манипулятивным и конформным видам общения, в основе которых лежат субъект-объектный и объект-субъектный типы коммуникативных взаимодействий

Высокий уровень коммуникативного развития, выражающийся в способности вести конструктивный диалог, используя субъект-порождающий и субъект-

ект-совместный типы коммуникативных взаимодействий, обнаруживается примерно у десятой части старшеклассников данной выборки.

Таким образом, несмотря на активное использование современных технических средств (интернет, социальные сети и т. п.), способность к диалогическому общению у старшеклассников остается на низком уровне. Это означает, что требуется специальное внимание к дополнительному развитию у старшеклассников способностей к субъект-порождающим и субъект-совместным типам коммуникативных взаимодействий.

Литература

- Братченко С. Л.* Диагностика личностно-развивающегося потенциала: Метод. пособие для школьных психологов. Псков, 1997.
- Войскунский А. Е.* Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2014. № 2. С. 90–104.
- Комлик Л. Ю., Колосова И. Г.* Особенности коммуникативной компетентности старшеклассников // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 3 (192). С. 45–49. doi: 10.23951/1609-624X-2018-3-45-49
- Лидская Э. В.* Коммуникативные способности старшеклассников в контексте субъект-средовых взаимодействий // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Психология». 2019. № 1 (25). С. 82–94.
- Литвинова А. С.* Формирование основ коммуникативной компетентности старшеклассников в образовательной среде современной школы: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2013.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии М.: Наука, 1984.
- Мудрик А. В.* Общение как фактор воспитания школьников. М.: Педагогика, 1984.
- Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.* Изучение способности к самоуправлению в общении // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. С. 164–166.
- Шубович М. М.* Формирование коммуникативных навыков учащихся старшеклассников средствами цифровых технологий // Казанский педагогический журнал. 2021. № 4 (147). С. 161–167.
- Якоба И. А.* Интернет как средство социальной коммуникации: особенности виртуального общения // Вестник ИрГТУ. 2011. № 8 (55). С. 342–347.

Communicative development of high school students from the point of view of ecopsychological typology of agent-environmental interactions

V. I. Panov, E. V. Lidskaya***

** corresponding member of the Russian Academy of Education, doctor of psychology, professor, head of Laboratory of Ecopsychology of Development and Psychodidactic, Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ecovip@mail.ru*

*** junior researcher, Laboratory of Ecopsychology of Development and Psychodidactics, Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia, elidskaya@gmail.com*

The article presents an analysis of the communicative development of high school students according to such indicators as the ability to self-govern in communication and the direction of their personality in communication. Communicative development was considered from the point of view of the ecopsychological typology of agent-environment interactions. Using a mixed sample of high school students (n=145 and n=85) from the cities of Vladimir and Samara, data were obtained that high school students with a low level of communicative development more often demonstrate an object position in communication. High school students with a high level of communicative development more often demonstrate the agent position necessary for dialogic communication. Despite the active use of virtual forms of communication by modern high school students, about 80% of them have an average level of communicative development. Moreover, most of all, they demonstrate a readiness for manipulative and conformal types of communication, which are based on agent-object and object-agent types of communicative interactions. A high level of communicative development, expressed in the ability to conduct a constructive dialogue using agent-generative and agent-joint types of communicative interactions, is found in approximately a tenth of high school students in this sample.

Keywords: communicative development, level, high school students, ability for self-government in communication, personality orientation in communication, ecopsychological typology of agent-environment interactions.

Феномен групповой мотивации в социальной психологии малых групп: обзор научных исследований

З. Р. Совмиз

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, Краснодар, Россия, zarema83888@yandex.ru

Рассматривается феномен групповой мотивации, изучение которого набирает обороты во многих сферах психологии, так как является основным из критериев успешности деятельности малых групп. Представлен анализ современных научных исследований по проблеме групповой мотивации, ее ресурсах и механизмах возникновения в различных видах групп. Изучение, анализ и структуризация знаний в области групповой мотивации в различных видах групп позволит дополнить, углубить и взаимно обогатить информацию о данном феномене. Нами выявлено несколько направлений в изучении мотивации группы. Первое сконцентрировано на необходимости баланса между индивидуальными и групповыми мотивами; второе — на значимости личностных особенностей членов группы, способствующих развитию данного феномена; третье — на важности коллективных эмоций и четвертое — на роли внешних социально-психологических факторов, обеспечивающих успешный контакт между людьми.

Ключевые слова: групповая мотивация, малая группа, групповая работа, ресурсы групповой мотивации, команда, группа, коллективные эмоции.

В последние годы отмечается возвращение интереса психологов к групповой мотивации как предмету исследования. Данное направление исследований нацелено на изучение способов активизации поведения для осуществления личностью эффективной профессиональной деятельности, требующей включения в процесс достижения цели всех участников группы в рамках конкурентной среды, сжатых временных сроков и высокого уровня стресса (Бледных, 2015; Brown, 2021). Стоит отметить также, что анализ малых групп до определенного момента был преимущественно сконцентрирован на изучении межличностных отношений без учета эмоций группы, зарождающихся и протекающих внутри нее.

В большинстве теорий мотивации как зарубежных, так и отечественных авторов (Дж. Аткинсона, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, Д. МакКлелланда, Д. Мак-Грегора, А. Маслоу) преимущественно освещается проблема индивидуальной мотивации.

При этом стоит отметить, что исследование групповой мотивации находится лишь на стадии зарождения. Известно, что структура групповой мотивации более сложная в сравнении со структурой личной мотивации, в связи с чем актуальным становится обзор и анализ тех исследований и фактов в об-

ласти мотивации группы, которые дают развернутые представления о ее ресурсах, механизмах включения членов группы в групповые процессы и о смежных процессах, оказывающих влияние на успешность коллективной работы.

Целью нашего исследования стал обзор и анализ современных представлений о феномене групповой мотивации. Мы поставили задачу оценить уровень изученности данной проблематики, а также обозначить аспекты, требующие более детального рассмотрения для разработки рекомендаций по повышению эффективности групповой работы.

На наш взгляд, все исследования в данной области можно условно объединить в четыре группы.

В первую группу входят исследования, основанные на положении, согласно которому индивидуальные и групповые мотивы должны находиться в балансе, причем групповые мотивы укрепляются за счет индивидуальных.

А. Ю. Николаев и Г. Н. Гужина на примере групповой динамики и роли в ней мотивации отмечают, что важным фактором эффективности управления считается групповая динамика, базирующаяся на общем интересе и связанная с достижением общих идей, реализовать которые можно лишь используя мотивацию. Для максимального вовлечения членов группы в достижение общей цели необходимо распределять между ними задания соответственно их личной мотивации (Николаев, Гужина, 2017).

М. В. Капранова и М. В. Буцацкая отмечают, что единство в применении организационной культуры, целостность, открытость, соответствие ценностей и норм организации внутреннему миру сотрудников коллектива и групповым интересам являются необходимыми условиями в формировании эффективности групповой мотивации (Капранова, Буцацкая, 2021). С данной точки зрения, ресурсом групповой мотивации и сплоченности рассматривается организационная культура. Стоит отметить, что данный ресурс носит внешний характер, но при этом его сила проявляется лишь в случае гармонии с личностными (внутренними) характеристиками членов группы.

О. И. Бледных изучает групповую мотивацию во взаимосвязи с личной, подчеркивая значимость гармонии между данными видами мотивов. Автор отмечает, что развитие групповой мотивации возможно за счет ее слияния с индивидуальными мотивами, но никак не подавления, а также благодаря восприятию групповых проблем как личных (Бледных, 2015).

Ж. Brown, изучая роль моральной ответственности в действиях членов группы, цитирует несколько подходов в изучении групповой мотивации. В рамках одного из них включение в достижение групповой цели может носить у членов группы не только положительный характер, но и отрицательный. Так, в основе действий группы лежат действия отдельных ее членов, т. е. их индивидуальные мотивы, которые в совокупности составляют групповое действие (Brown, 2021). Данный обобщающий подход сталкивается с трудностями, когда участники имеют мошеннические мотивы по отношению к группе.

Вторая группа исследований направлена на изучение роли личностных особенностей членов группы в формировании групповой мотивации, что возможно в том случае, когда члены малой группы стремятся к взаимодействию, проявляют желание коммуницировать, конструктивно реагируют на конфликты.

М. А. Соломченко и О. А. Горбачева на примере спортивных команд упоминают тот факт, что единство личностных особенностей и качеств членов группы (общность мнений, ценностей, схожесть во взглядах) способствует росту групповой мотивации, которая детерминирует желание членов команды сохранить равноправное членство в группе (Соломченко, Горбачева, 2016).

В классических трудах отечественных исследователей (Б. Г. Ананьева, А. А. Бодалёва, А. Н. Леонтьева, Б. К. Пашнева) отражена значимость психологической зрелости членов группы, которая выражается в социальной активности, в интересе к окружающим, в стремлении быть частью общества. Данные качества приводят к успешной самоактуализации, так как у людей присутствует понимание личной значимости при достижении успехов группой.

Е. К. Лашкевич и О. В. Бубновская отмечают, что групповая мотивация и достижение общих целей зависят от множества как внешних, так и внутренних факторов. К первым относятся препятствия и проблемы, возникающие при достижении цели; ко вторым – желание преодолевать данные препятствия, стремясь улучшить результат, наличие ответственности при выполнении совместной деятельности, профессиональный рост каждого члена группы и всей группы в целом. Также авторы акцентируют внимание на значимости в повышении групповой мотивации внутриличностных компонентов, представляющих собой мотивацию к достижению и субъективные представления членов группы о своих способностях, благодаря которым возможно успешное решение поставленных задач. Так, при низкой субъективной оценке своих способностей неудачи группы переживаются более болезненно, чем при высоком уровне самооценки (Лашкевич, Бубновская, 2015).

Другие исследования, которые можно условно объединить в третью группу, концентрируются на роли коллективных эмоций в формировании групповой мотивации. Такие эмоции облегчают координацию совместных действий без предварительного согласования решаемой задачи со всеми участниками (Долгов, 2018; Bruder et al., 2014).

Взаимосвязь групповой мотивации и коллективных эмоций носит опосредованный характер, через их взаимосвязь с групповой сплоченностью. Социальные эмоции отражаются на уровне группы и выражаются в особенностях взаимодействия внутри нее, т. е. в сплоченности, критерием которой выступает высокий уровень внутрикомандного взаимодействия. Именно в рамках подобного взаимодействия зарождаются эмоции в ответ на удовлетворение аффективных социальных потребностей человека.

А. И. Чурбакова отмечает, что в сплоченной группе растет чувство безопасности и комфорта, снижаются негативные эмоции, появляется уверенность в окружающих и в себе, участники группы соотносят себя с другими, ощущая при этом поддержку группы. Успешность данного процесса и формирование теплой атмосферы зависят от социальных эмоций каждого члена коллектива (Чурбакова, 2013).

Коллективные эмоции могут иметь не только положительную модальность, но и отрицательную. Например, коллективное чувство вины, которое развивается в тех ситуациях, когда члены коллектива понимают, что несут ответственность за проступки и нарушения правил, установленных в группе. Данное

чувство детерминирует желание восстановить ущерб, т. е. срабатывает как катализатор групповой мотивации (Collins, 2014; Salmela, Nagatsu, 2016).

И наконец, авторы четвертой группы исследований обращают внимание на значимость групповой динамики в формировании групповой мотивации, так как действия в группе предполагают постоянный социальный контакт: психологический климат, внутригрупповые отношения, сплоченность, роль лидера.

О. Я. Зозуля, изучая групповую мотивацию в экстремальных видах деятельности, подчеркивает, что лидерство оказывает сильнейшее влияние на совместную деятельность и на принятие общегрупповых решений. Именно лидер способен создать положительную либо отрицательную направленность в действиях группы (Зозуля, 2018).

В исследованиях А. А. Кузубова также упоминается, что эффективная деятельность в группе возможна лишь при наличии грамотного лидера, который находится в состоянии постоянного роста, поиска информации, стремящегося убеждать других членов группы в необходимости достижений и поддержки друг друга. Данное влияние осуществляется эффективным лидером с учетом потребностей, статуса, особенностей характера, опыта, уровня образованности, мировоззрения членов группы (Кузубов, 2018).

По данным зарубежных исследований, значимую роль в повышении мотивации занимает трансформационное лидерство, которое выражается в умении лидера быть образцом для своих подопечных, умении вдохновлять, мотивировать, проявлять заботу и учитывать личные интересы членов группы.

Ряд исследователей J. Vognar, A. Szabo, G. Geczi, G. Vincze и др. отмечают, что психологический климат является индикатором качественного взаимодействия внутри группы, ее эмоционального настроения, состояния группового сознания, эмоциональной окраски взаимоотношений между членами команды и, как следствие, индикатором наличия групповой мотивации, без которой вышеупомянутые характеристики сложно реализуемы (Vognar et al., 2009).

Отметим, что в коллективах с клановым типом взаимодействия присутствует более благоприятная атмосфера, так как члены команды чувствуют мощную поддержку друг друга, ощущая взаимное равенство, а значит, осознают мотивы совместной деятельности и необходимость решения общих задач. В коллективе с четкой иерархией психологический климат хуже, так как разные социальные позиции отражаются на самооценке членов группы и их отношениях с остальными и, как следствие, на групповой мотивации в целом (Антонова, 2014).

Заключение

Подводя итог, отметим, что в современных исследованиях групповая мотивация рассматривается как многокомпонентный феномен, который зависит от включенности каждого члена команды в достижение групповой цели, от характера взаимоотношений между членами группы, психологической атмосферы в команде, от прозрачности и ясности в постановке целей, сбалансированности групповых мотивов и личных. Групповая мотивация – необходимое социально-психологическое условие эффективной деятельности в любой сфере коллективного труда.

Механизм запуска групповой мотивации состоит в том, что, по мере усиления группового единства и роста групповой мотивации, происходит замещение некоторых индивидуальных мотивов на групповые. Главным условием успешного формирования групповой мотивации является принятие каждым членом группы общих целей и задач. Их достижение должно иметь одинаковое значение для всех членов группы и быть полезным для ее жизнедеятельности, а не лишь отдельных ее участников.

Немаловажным фактором в групповой работе и формировании мотивации группы, как упоминалось ранее, являются личностно-психологические особенности членов коллектива. Взаимопонимание и слаженные действия участников коллектива определяются такими личностными качествами, как коммуникативная компетентность, психосоциальная зрелость, адаптивность, ответственность, толерантность, организаторские навыки, несущие ресурсный характер в развитии социально-психологических особенностей группы.

Проанализированные нами научные исследования феномена групповой мотивации дополняют друг друга, отражая многогранность, нестандартность самого процесса мотивации и предопределяя необходимость комплексного подхода к решению проблемы повышения эффективности деятельности групп, в особенности когда речь идет о видах деятельности, отличающихся высоким уровнем стрессогенности.

Увеличение конкурентоспособности и эффективности труда малых групп предопределяется целым рядом факторов: личностными особенностями членов группы, ролью внешних социально-психологических параметров, ролью коллективных эмоций, умением сохранять гармонию между личными и групповыми мотивами. Тем не менее, наименее изученными направлениями механизмов и природы групповой мотивации является роль личностных особенностей членов групп и коллективных эмоций. В связи с этим именно эти два направления требуют дальнейшей разработки и углубленного изучения, так как представляют более широкий арсенал ресурсов по развитию групповой мотивации.

Литература

- Антонова Н. В.* Социально-психологический климат в организациях с различным типом корпоративной культуры // *Современные технологии управления.* 2014. № 1 (37). С. 1–7.
- Бледных О. И.* Групповые мотивы, создание эффективной рабочей команды // *Проблемы современной науки и образования.* 2015. № 1 (31). С. 118–120.
- Долгов А. Ю.* Исследование коллективных эмоций в социальных науках (обзор) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература.* Сер. 11. «Социология. Реферативный журнал». 2018. № 2. С. 117–155.
- Зозуля О. Я.* Групповая мотивация как основа эффективности совместной деятельности в экстремальных условиях // *Материалы VIII Всероссийской конференции с международным участием «Психология здоровья и болезни: клинико-психологический подход».* Курск, 2018. С. 497–502.
- Капранова М. В., Бучацкая М. В.* Организационная культура как фактор групповой мотивации трудовой деятельности // *Социально-гуманитарные технологии.* 2021. № 1 (17). С. 66–73.

- Кузубов А. А. Формирование нематериальной составляющей групповой трудовой мотивации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 147–150.
- Лашкевич Е. К., Бубновская О. В. Выявление уровня групповой мотивации и ее взаимосвязь с особенностями мотивационной сферы студентов-психологов // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 5 (2). С. 225–228.
- Николаев А. Ю., Гужина Г. Н. Групповая динамика и мотивация в современных организациях // Студенческая наука Подмосквю: Материалы Международной научной конференции молодых ученых. Орехово-Зуево, 2017. С. 471–474.
- Соломченко М. А., Горбачева О. А. Исследование моделей групповой сплоченности в спортивной деятельности // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2016. № 2 (71). С. 288–292.
- Чурбакова А. И. Социальные эмоции в сплоченности малых рабочих групп // Преподаватель XXI век. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-emotsii-v-splochnosti-malyh-rabochih-grupp> (дата обращения: 13.09.2022).
- Bognar J., Geczi G., Vincze G., Szabo A. Coping skills, Motivational profiles and perceived Motivational climate in young elite Ice Hockey and Soccer Players // Int. Quart. Sports Sci. 2009. V. 1. P. 1–11.
- Brown J. Group motivation // Noûs. 2021. P. 1–17.
- Bruder M., Fischer A., Manstead A. S. R. Social appraisal as a cause of collective emotions // Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy and sociology / Ed. by Ch. von Scheve, M. Salmela. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. P. 141–155.
- Collins R. Interaction ritual chains and collective effervescence // Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy and sociology / Ed. by Ch. von Scheve, M. Salmela. Oxford: Oxford univ. press, 2014. P. 299–311.
- Salmela M. E. M., Nagatsu M. Collective emotions and joint action: beyond received and minimalist approaches // Journal of Social Ontology. 2016. V. 2 (1). P. 33–57.

The phenomenon of group motivation in small group social psychology: a review

Z. R. Sovmiz

candidate of psychological sciences, associate professor of the Department of Psychology, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism, Krasnodar, Russia, zarema83888@yandex.ru

A relatively new group psychological phenomenon, the study of which is gaining momentum in many areas of psychology, is group motivation, which is the main criterion for the success of an activity. The article provides an analysis of scientific literature on the problem of group motivation, its resources and mechanisms of occurrence in various types of groups, in particular in sports teams. The study, analysis and structuring of knowledge in the field of group motivation in various types of groups will allow supplementing, deepening and mutually enriching information about this phenomenon in relation to sports team activities and qualitatively improve the level of training of team athletes. We have identified several areas in the study of group motivation. The first focuses on the need for a balance between individual and group motives; the second – on

the significance of the personal characteristics of the group members that contribute to the development of this phenomenon; the third – on the importance of collective emotions and the fourth – on the role of external socio-psychological factors that ensure successful contact between people.

Keywords: group motivation, small group, group work, team sport, group motivation resources, team, group, collective emotions.

Латентные социальные группы: феномен и перспективы исследования*

В. А. Толочек

доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия, tolochekva@mail.ru

Проанализированы различия между так называемыми статистическими, выделенными по социально-демографическим и другим «явным» признакам группами и группами латентными, выделенными на основании социально-психологических характеристик. Показано, что в одном социальном пространстве—времени сосуществуют разные социальные объединения, структуры, с разной степенью их выраженности (проявленности, развития, активности). Предформы социальных групп с последующими разными траекториями их возможного развития названы «латентные социальные группы» (ЛСГ). Сделан вывод о том, что под латентными социальными группами следует понимать потенциальные объединения людей, сходных между собой по важным аспектам их жизнедеятельности (ценностным ориентациям, образу жизни и др.), способных к взаимодействиям, но необязательно связанных совместной деятельностью.

Ключевые слова: латентные социальные группы, декларированные социальные группы, субъекты, среда, пространство, условия, факторы.

В циклах статистических расчетов установлено, что представители разных выборок «поляризуются» по разным критериям. Так, по ряду анализируемых переменных статистически различаются группы мужчин и женщин, специалистов и руководителей, ветеранов и молодых и т. д.; при делении выборки по другим, мало выраженным критериям (относительные к возрасту продолжительность семейной жизни, опыт управленческой работы, карьеры, по субъективной значимости некоторых условий окружения) (Толочек, 2021, 2022). Можно предположить, что в этих эффектах проявляется некоторая «скрытая материя» (сокрытая, неизвестная, «темная», неоформленная, не проявленная до времени субстанция). Если первые, «общепризнанные» образования можно назвать *декларированные социальные группы* (ДСГ), то вторые, неявные — *латентные социальные групп* (ЛСГ).

Целью нашего исследования стало изучение социальной среды как условия потенциального формирования, функционирования и эволюции латентных социальных групп. Мы *предположили*, что существуют предформы социальных объединений людей (которые условно можно назвать латентными социальными

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-00250: «Профессиональная карьера: ресурсный подход».

ми группами), а основаниями появления предформ выступают как условия внешней, так и внутренней среды субъекта. Методами нашего исследования стали теоретико-категориальный анализ, изучение литературных источников, эмпирические исследования (анкетирование), многомерные методы параметрической статистики.

Социальные группы как феномен

В обзорах отечественных и зарубежных ученых состояния проблемы социальных групп выделяются характерные особенности — слабо согласованные концепции, возрастание их количества, их односторонность, чаще лабораторные исследования групп вне завершенной их эволюции (Андреева, 2005; Журавлев, 2005; Журавлев и др., 2011; Парыгин, 2003; Сидоренков, 2018; McClure, 1998; Tuckman, Jensen, 1977; и др.). Наиболее разработанной можно назвать проблематику малых социальных групп, в которой предложено и множество разных теорий и моделей. Специалисты отмечают сложность определения понятия «социальная группа» (малая, средняя, большая), верхние и нижние границы таких объединений людей. Так, ключевыми признаками *малой социальной группы* называют общую цель, регулярные контакты, осведомленность о других членах группы, восприятие последней именно как группы, взаимозависимость людей в их объединениях, формирование и поддержание групповых норм, структуры отношений, общих ценностей (Андреева, 2005; Журавлев и др., 2011; Парыгин, 2003; Сидоренков, 2018; др.).

Вместе с тем «канонизированные» параметры описания затеняют важные аспекты проблемы: у разных людей общими цели могут быть сравнительно короткое время, точнее выступают понятия «совпадающие», «сочетающиеся», «начальные цели»; совместная деятельность — многогранное явление, которое активно эволюционирует, как и ее субъекты; «единство» ценностных ориентаций людей выступает как сходство их номинальных обозначений. В качестве других открытых вопросов выделим эвристичность концепций — «многие теории не позволяют предположить существование каких-то пока неизвестных науке групповых явлений, исчерпали свои внутренние возможности и, соответственно, не получили дальнейшего развития» (Сидоренков, 2018, с. 37); измененность классификаций групп на протяжении 30–50 лет (Андреева, 2005; Парыгин, 2003; и др.). Остаются открытыми следующие вопросы: Что предопределяет объединение людей в группы (помимо чувства одиночества, осознания ограниченности индивидуальных ресурсов и пр.)? Что выступает основаниями объединения людей до того, как определилось их «общее» (цель, деятельность, нормы и пр.)?

Эмпирические группы как результаты статистических процедур

Для того чтобы соотнести явные и неявные критерии объединения людей в группы, рассмотрим результаты одного из проведенных нами эмпирических исследований. Исследование проводилось с целью изучения динамики стиля профессиональной жизни. Всего было опрошено 482 чел. в возрасте

30–50 лет (132 государственных служащих, 129 инженеров и руководителей подразделений промышленных предприятий, 221 менеджер). В качестве инструментария использовалась авторская методика (анкета «Динамика стиля профессиональной жизни» – ДСПЖ) (Толочек, 2021, 2022; Толочек и др., 2011). Респонденты оценивали в баллах (от 0 до 8) роль условий социальной среды как «факторов профессионализма», динамику своего профессионализма от 20 до 65 лет (ретроспективно до актуального возраста и проспективно – прогнозируя динамику последующей эволюции); также фиксировались их социально-демографические и служебно-должностные характеристики, часть из которых использовалась в качестве критериев деления выборки на две-три группы (Толочек, 2022). Выборку составляли мужчины (N=307, или 64%) и женщины (N=175, 36%) в возрасте от 30 до 50 лет, занимающие должностные позиции от специалиста до генерального директора компании (начальника департамента органа государственной службы). Для корректности сопоставления результатов в настоящем цикле расчетов проводилось деление на две группы: большей или меньшей субъективной значимости анализируемых условий социальной мезосреды: роли обстоятельств, науки, искусства, религии. К первой относились респонденты с оценками условий от 0 баллов до средних по выборке, ко второй – больше средних.

Представители трех профессиональных сфер были сходны по их социально-демографическим и служебно-должностным характеристикам, что позволяло проводить расчеты на выборке в целом, многократно ее разделять на разные группы по избираемым критериям (пол, возраст, занимаемая должность и пр.). В трех профессиональных группах мужчины составляли большинство (55–79%), большую часть выборки представляли специалисты, руководители низового и среднего звена; средний возраст обследуемых составлял 37,2–44,1 года; стаж работы – 16,2–23,5 года; опыт управленческой деятельности – 6,8–9,8 года; стаж семейной жизни – 10,8–18,3 года; число детей в семье – 1,1–1,5. В каждой группе имели место выраженные межиндивидуальные вариации по всем анализируемым переменным (социально-демографическим и служебно-должностным характеристикам, по оценкам условий среды как «факторов профессионализма», динамике профессионализма в продолжении трудовой жизни). Большая часть эмпирических данных характеризовалась нормальным распределением, значения асимметрии и эксцесса были в пределах $[\leq 1,000]$, что позволяет выдвигать и проверять рабочие гипотезы. В предшествующих исследованиях подтверждалась надежность и валидность методики (Толочек и др., 2011).

В циклах статистических расчетов проводились деления по явным критериям (мужчины/женщины, специалисты/руководители; состоящие в браке/не состоящие, имеющие детей/не имеющие и т. п.) и по неявным (полнота самореализации в семейной жизни, стаж семейной жизни, быстрота «вертикальной» карьеры выборки, большая/меньшая значимость родительской семьи, своей семьи, рабочих групп и пр.). Результаты циклов расчетов были сходными. Более того, при делениях по неявным критериям по большей части переменных констатировалась статическая значимость различий, а коэффициенты внутригрупповых корреляций – значимостью связей.

Латентные социальные группы: феномен, устойчивость, пути эволюции

В работах социологов нередко используется понятие «латентные группы» для обозначения групп людей, которые на предстоящих выборах могут так или иначе голосовать за того или иного кандидата; это понятие выступает синонимом понятий «политический пассив», «случайные», «ситуативные», «неопределившиеся» и т. п.; оно служит для обозначения множества отдельных людей, между собой не связанных, не взаимодействующих, ничем не объединенных, о себе решительно не заявляющих. В нами рассматриваемых контекстах имеют место не статистические эффекты, не ошибки измерения, не следствия воздействия случайных факторов, не аморфность личностной позиции, не ограничения рефлексии людей. Все представители нашей выборки — люди зрелого возраста, состоявшиеся как успешные профессионалы, имеющие многообразный жизненный опыт; ориентированные на дальнейший профессиональный рост; они социально активны, профессионально компетентны, рефлексивные, «активные субъекты своей жизнедеятельности» (по К. А. Абульхановой-Славской), формально уже объединенные в составе учебных групп, по профессии, жизненным целям и ценностям. И при этом они больше различались не по формальным критериям (мужчины/женщины, руководители/специалисты и т. п.), а по используемым нами неформальным критериям. Поэтому и причины контрастных различий между выделяемыми группами должно искать именно в субъектной пристрастности людей, в действительно признаваемой ими роли разных условий социальной среды в их жизни, как и целостных социальных пространств.

Выделим как важное: деление людей на «*декларированные*» группы стабильно поддерживается различием социального статуса, кругов общения, ритуалов поведения, групповыми нормами, корпоративной культурой организации, так или иначе регулярно поощряется или порицается. В то же время не меньшие различия имеются и в отношении «*латентных*» групп. Полнота самореализации в семье, быстрота карьеры, значимость родительской семьи, конкретно отца или матери, мужчин или женщин и т. д. едва ли систематически рефлексировается и артикулируется людьми.

В параметрических теориях малых групп процессы их становления и эволюции описываются как последовательные ряды этапов: становления и появление номинальной группы, которая далее выступает как группа-ассоциация—группа-кооперация—группа-автономия. Последующая эволюция, сопряженная с иерархическими перестроениями внутригрупповых процессов, динамикой целей и ценностей людей, определяющими уровни развития группы, возможна как группа-корпорация, группа-коллектива или асоциальная группа (McClure, 1998; и др.). В предложенных моделях малой группы допускается появление фазы неустойчивости как особенности одного из этапов ее эволюции в ряду нескольких стабильных этапов. Так, в модели Б. Такмена — М. Йенсена выделяются пять стадий: формирующая, бушующая (сопряженная с ростом напряженности в отношениях членов группы, конфликтности, снижение единства), нормирующая, исполняющая, распадающаяся (Tuckman, Jensen, 1977); в модели А. Коэна — пять стадий: членство, разделение на подгруппы, конфронтация и стадия неустойчивости, индивидуальная дифференциация, сотрудничество.

В подобных экспликациях просматривается логика классической парадигмы — есть четко фиксируемое начало появления феномена и типовые стадии его эволюции; «части» будущего «целого» первоначально нейтральны и свою качественную определенность обретают в последовательно сменяющих друг друга процессах качественного преобразования группы. Если же исходить из того, что индивиды изначально социализированы, сформированы как личности, индивидуальности и как субъекты вступают в разные социальные объединения вследствие действия ряда разных внешних и внутренних факторов, то должно признать, что все их возможные объединения в декларируемые группы есть лишь «вершина айсберга» и всегда существуют некоторые условия, предопределяющие как возможность таких объединений людей, так и их устойчивость и длительность.

Более соответствующими действительности нам представляются, однако, не научные экспликации, а изучение, описание, представления этих сложных процессов в художественной литературе, в кинематографе. Так, например, в кинофильмах Э.А. Рязанова («Ирония судьбы...»; «Служебный роман», «Вокзал для двоих»), двое («те, кому за 30», в «активе которых драмы в личной жизни») узнают друг друга и сближаются вследствие *общности ценностных ориентаций*, оказывающихся весомее доводов «здорового смысла». Примечательно, что образованию нового союза предшествует открытый конфликт между мужчиной и женщиной; позже оба оказываются перед сложным выбором (неизбежной потерей прежнего партнера, репутации, устоявшегося образа жизни и пр.); в процессе сближения оба периодически используют стереотипные действия, но в ключевые моменты выбирают искренность, открытость, сочувствие, умение чувствовать «полутона», что и выступает основаниями узнавания, сближения, объединения людей.

Обсуждая возможные перспективы траекторий эволюции разновидностей малых групп, понимаемых как относительно открытых социальных систем, сделаем допущение о многовариантности их возможных траекторий, о судьбоносной роли даже «малых сил», о периодически возникающих «флуктуациях» и, соответственно, стадий неопределенности нового состояния группы как социальной систем и, следовательно, их социального статуса («качества»). Представления о группе как относительно открытой социальной системе, конечно, не отрицает наличие типовых стадий ее эволюции. Но, признавая многостадийность эволюции, многовариантность траекторий развития группы, признаем и известную неоднозначность тех «базовых» состояний фрагментов социальной действительности, которые при взаимодействии разных выраженных и «малых сил» приводят к становлению и развитию той или иной разновидности групп. Предметом нашего исследования выступает некоторая предформа фрагментов социальной действительности как предстидия, как пред-готовность отдельных людей к активным формам их взаимодействий.

Выделяя феномен, условно названный «латентные социальные группы» (ЛСГ), его отличающий от хорошо изученных в психологии, признанных, так или иначе декларированных социальных групп (ДСГ), отметим его особенности: 1) он существует, скорее, как предформа активных, проявленных социальных групп; 2) члены таких предформ необязательно регуляр-

но взаимодействуют между собой, но, вероятно, быстро опознают «своих» и «чужих» в лично-значимых для них ситуациях; 3) необязательно членов таких предформ актуально объединяет общая деятельность, общие цели, но при определенных условиях они могут потенциально объединяться для совместной деятельности и достижения общей цели; 4) о феномене ЛСГ можно судить по мере признания людьми субъективной значимости для них отдельных условий социальной среды, но за проявленными предпочтениями стоят какие-то «глубинные факторы».

В середине XX столетия ученые – Дж. Хоманс, Р. Бейлс, А. Кэррон, Л. Брэулей – характеризовали малые социальные группы как сравнительно небольшие временные объединения лиц (не менее двух), знающих друг друга, взаимодействующих и поддерживающих связи между всеми членами группы, во многих аспектах идентичных друг другу (в отношении целей и потребностей, интеракций и способов коммуникации, взаимно привлекательных и т. п.). Завершая обсуждение темы, предложим наше рабочее определение этого феномена. *Латентные социальные группы (ЛСГ) – это возможные объединения людей, в ряде важных аспектах жизнедеятельности (ценностных ориентациях, образе жизни и др.) сходных между собой, потенциально способных к интеграции и взаимодействию (в достижении общих целей, комфортному межличностному общению, поддержанию типовых паттернов поведения и др.). ЛСГ представляют собой предстadium возможного становления и развития разных социальных структур.* В целом, результаты нового цикла статистических расчетов можно считать подтверждающими наши рабочие гипотезы.

Заключение

1. В одном социальном пространстве-времени могут сосуществовать разные социальные объединения, структуры, в большей или меньшей степени их выраженности (проявленности), развития, активного функционирования как социальных групп. Есть основания выделять феномен «латентные социальные группы» как предформы проявленных социальных групп с последующими разными траекториями их возможного развития.
2. Представители одних латентных социальных групп отличаются от других как в отношении предпочтения и признания ими роли отдельных условий среды, так и отдельных социальных пространств (родительской семьи, своей семьи, рабочих групп и пр.). За признаниями людьми субъективной значимости разных условий социальной среды могут стоять какие-то иные, «глубинные факторы».

Литература

- Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект-Пресс, 2005.
- Журавлев А. Л. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Журавлев А. Л., Соснин В. А., Красников М. А. Социальная психология. М.: Форум, 2011.
- Парыгин Б. Д. Социальная психология. СПб.: СПбГУП, 2003.
- Сидоренков А. В. Психология малой группы: методология и теория. М.: Юрайт, 2018.

- Толочек В. А., Денисова В. Г., Журавлева Н. И.* Динамика и условия становления субъекта в социономических профессиях // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 6. С. 41–48.
- Толочек В. А.* Технологии профессионального отбора. М.: Юрайт, 2021.
- Толочек В. А.* Латентные социальные группы как феномен // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 4. С. 5–19. doi: 10.24412/2073-0861-2022-4-5-19.
- McClure B. A.* Putting a new-spin on groups: The science of chaos. London: Lawrence Erlbaum, 1998.
- Tuckman B. W., Jensen M. A.* Stages of small group development revisited // Group and Organizational Studies. 1977. V. 2. P. 419–427.

Latent social groups: phenomenon and research perspectives

V. A. Tolochek

*doctor of psychology, professor, leading researcher, Institute of Psychology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, tolochekva@mail.ru*

482 people were interviewed, men and women aged 30–50 (132 civil servants, 129 engineers, 221 managers). When the sample is divided into two groups according to different criteria – obvious (men/women, specialists/leaders etc.) or conditional (features of the social environment as “professional factors”, career speed, fullness of self-realization in the family, etc.), the groups differ significantly. Consequently, in one social space-time, different social associations, structures coexist, with varying degrees of their severity (manifestation, development, activity of functioning). Preforms of social groups with subsequent different trajectories of their possible development are called “latent social groups” (LSG). The LSG phenomenon is potential associations of people similar to each other in important aspects of their life (value orientations, lifestyle etc.), capable of interaction.

Keywords: latent social groups, declared social groups, subjects, environment, space, conditions, factors.

Аффективные факторы дискриминационных установок

Р. М. Шамионов

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой Социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия, shamionov@mail.ru

Анализируются результаты эмпирического исследования аффективных факторов дискриминационных установок личности. В исследовании приняли участие 190 молодых людей в возрасте 20–40 лет. Используются опросные методы прямой и косвенной оценки дискриминационных установок, аффективных реакций в отношении представителей дискриминируемых групп, методы математической обработки данных (описательная статистика, корреляционный и регрессионный анализы). Рассмотрены аффективные предикторы общей дискриминационной направленности и предикторы дискриминационных установок в отношении представителей дискриминируемых групп. Установлена весомая роль злости, страха и раздражения в поддержке дискриминационных установок, интереса и отвращения в отказе от дискриминационных установок в отношении к представителям аутгрупп.

Ключевые слова: дискриминационная установка, аффективная реакция, мотивация дискриминационного поведения, дискриминация по внешним признакам и проявлениям.

Дискриминационные установки представляют собой предрасположенность личности к поведению, направленному на ограничение активности и лишение определенных прав других людей, основанная на предыдущем опыте социализации, регулирующая целостное отношение и поступки человека к представителям аутгрупп (Шамионов, 2018). Они обладают сложной многокомпонентной структурой, в которой аффективный компонент играет существенную роль, поскольку стереотипы, распространенные в обществе сами по себе, не могут быть источниками дискриминации, хотя и имеют большое значение для этого. Вполне очевидно, что именно аффективная реакция создает внутреннюю основу для последующего дискриминационного поведения, которое также может сдерживаться за счет волевой регуляции либо ценностной – за счет определенной комбинации ценностей. В соответствии с известной моделью содержания стереотипов (Cuddy et al., 2007), компонентам дискриминационных установок (когнитивный, аффективный и поведенческий) соответствуют стереотипы, предубеждения и, собственно, дискриминация. Иначе говоря, авторами поддерживается идея о высокой значимости аффективной составляющей в предубеждениях в отношении представителей аутгрупп. В соответствии

с исследованиями Фиске, эмоции в значительной степени предсказывают дискриминацию (активную и пассивную помощь и вред) (Fiske, 2018). Не случайно и то, что различные комбинации воспринимаемых характеристик и квалифицируемых как «свои — чужие», «близкие — далекие» и т. п. сопровождаются аффективными реакциями. Важнейшими для суждения о других выступают два базовых компонента социального восприятия — теплота и компетентность как характеристики Другого (Григорьев, 2020). Поэтому как оценки Другого по этим характеристикам и их соотношение, так (очевидно) и аффективные реакции могут в значительной степени отражать наличие и степень дискриминационной установки в отношении него.

Исследования дискриминационных установок, проведенные в последние годы, позволили выявить не только разные социально-психологические механизмы их формирования и поддержки (Лабунская, 2018; Шамионов, 2018, 2019, 2020; Бескова, 2018; Усова, 2019; и др.), но и их сочетаемость на уровне определенных групп. Так, в исследованиях Дж. Даккита и К. Сиблей (Duckitt et al., 2007), а также К. Канталь с коллегами (Cantal et al., 2014) установлены три основные дискриминируемые группы (опасные, ущемленные и диссидентские), в соответствии с нашими данными, полученными на российской выборке, эмпирически подтверждены диссидентские и ущемленные (аутсайдерские) группы и выделены две другие — социально не защищенные и социально-статусные (опасные не подтверждены) (Шамионов, 2019).

Основными механизмами формирования дискриминационных установок являются социальное сравнение и социальная синхрония. Первое связано с обнаружением в Другом характеристик, отличных от своих, которые при определенных обстоятельствах могут гиперболизироваться и атрибутироваться как угрожающие. Второе связано с фиксацией социальной конгруэнтности и склонности к однообразию как способу упорядочения своего мира (или мира вокруг себя). Очевидно, механизмы формирования дискриминационных установок глубоко укоренены в процессе социализации индивида, где происходит формирование социальной конгруэнтности по типу соответствия нормам и ценностям общества и общностей и вместе с тем социальное сравнение выступает как способ соотнесения своего поведения и поведения других людей, своих ценностей и норм и ценностей и норм, которых придерживаются другие.

Очевидно, представители объединенных дискриминируемых групп воспринимаются схожим образом, и они вызывают различные аффективные реакции на основании различных стереотипов и оценок их места в ареале бытия субъекта, в его бытийных пространствах. Поэтому цель настоящего исследования заключается в изучении аффективных факторов выраженности дискриминационной установки в отношении представителей дискриминируемых групп (выделенных по принципу совместной изменчивости в результате факторного анализа).

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 190 чел. в возрасте 20–40 лет (мужчин — 36,6%, женщин — 43,4%), средний возраст — 27,6 года, $SD=9,5$. Выборка формировалась случайным образом. Исследование проведено с использованием Google-формы.

Использованы методики прямой и косвенной оценки дискриминационной установки, аффективной реакции на восприятие представителей аутгрупп (Шамяионов и др., 2021; Шамяионов, Григорьева, 2020); анкета на оценку социально-демографических характеристик (возраст, пол, место проживания и др.). Для обработки данных использован статистический программный комплекс IBM SPSS Statistics. Вычислялись общие статистики, проведен корреляционный (по методу Пирсона) и регрессионный (пошаговый метод) анализы.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты регрессионного анализа позволили установить, что основными аффективными предикторами общей дискриминационной направленности личности являются такие проявления по отношению к другим, как злость, тревога (положительно) и интерес, отвращение (отрицательно).

Установлено, что аффективные состояния «специализируются» в отношении к определенным дискриминируемым группам. Так, дискриминационные установки в отношении представителей социально-незащищенных групп положительно связаны со страхом и отрицательно, — с интересом и жалостью. Поскольку в эту группу входят лица с физическими недостатками, пенсионеры, дети, жертвы преступлений, многодетные семьи, в основе их дискриминации находится страх, а жалость и интерес снижают ее. Можно предположить, что лица с высокой дискриминационной установкой в отношении социально-незащищенных испытывают определенные чувства, которые выступают своего рода защитными в отношении проявлений другого (дети и подростки часто воспринимаются как непредсказуемые, жертвы преступлений — как виновные в своем несчастье и т. п.).

Лишь небольшая часть дисперсии дискриминационных установок в отношении диссидентских групп объясняется переживанием злости (положительно) и страха (отрицательно). Очевидно, представители иных этнических групп, религий, мигранты и лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией вызывают, прежде всего, злость, которая и находится в основе дискриминации. В то же время страх снижает ее. Очевидно, страх в одних случаях провоцирует появление дискриминационной установки, а в других случаях — препятствует ей.

Дискриминационные установки в отношении аутсайдерских групп объясняются позитивно состоянием злости и отрицательно — с состоянием отвращения. Следовательно, лица физически непривлекательные, с низкими доходами, с психическими расстройствами, представители субкультур (панки, хиппи и др.), бездомные, вызывая злость, испытывают на себе дискриминационные установки и действия со стороны других. В то же время отвращение снижает действие дискриминации.

Можно предположить, что представителям диссидентских и аутсайдерских групп атрибутируется в значительной степени собственная вина в своих социальных статусах. Отвращение, видимо, способствует установлению дистанции с представителями аутгрупп, что становится своего рода барьером на пути формирования дискриминационной установки.

Наконец, до пятой части дисперсии дискриминационных установок в отношении представителей социальностатусных групп объясняется раздражением и агрессией (положительно) и отвращением и интересом (отрицательно). Очевидно, отвращение создает определенный барьер и за счет этого снижает установку, а интерес, напротив, усиливает аттракцию в отношении представителей этих групп, что также снижает дискриминационную установку.

Из полученных результатов следует, что значительная доля дисперсии дискриминационных установок в отношении социально не защищенных и аутсайдерских групп объясняется аффективными факторами. Эти результаты в некоторой степени согласуются с данными, полученными ранее М. В. Григорьевой (Григорьева, 2020), в соответствии с которыми весомая сила предубеждений характеризуется аффективной детерминацией для мигрантов, представителей иных этнических групп, физически непривлекательных людей, представителей другой социальной общности и молодежных субкультур, большинство которых включены в аутсайдерские группы.

Наконец, из результатов исследований следует, что дискриминационное отношение к внешним признакам и проявлениям Другого может быть связано с различными аффективными реакциями. Наиболее сильные взаимосвязи аффективных реакций выявлены с дискриминационными установками в отношении таких внешних признаков и проявлений, как физическая непривлекательность, физические недостатки и этническая принадлежность (полимодально), а цвет кожи связан в основном с отрицательными аффективными реакциями. Несколько неожиданны слабые взаимосвязи религиозной принадлежности другого и таких реакций, как страх, отвращение, злость, агрессия, брезгливость. Очевидно, одежда, язык, эмоциональные проявления не вызывают особых аффективных реакций наблюдателя. Однако из исследований, проведенных нами ранее, следует, что эти проявления достаточно сильно связаны с общей дискриминационной установкой и показателем опосредованной дискриминации (Шамянов, 2020). Эти связи вовсе не случайны, поскольку ранее В. А. Лабунская отмечала, что внешние проявления человека являются пусковым механизмом дискриминации (Лабунская, 2018). Поэтому к нашим результатам необходимо отнестись с осторожностью и требуются дополнительные исследования взаимосвязи оценок внешних признаков и проявлений Другого и аффективных реакций. Вместе с тем, по нашему предположению, дискриминационные установки и последовательное поведение могут быть связаны как с аффективной реакцией, так и с более глубинными установками, характеризующими отношение к человеку в социуме (например, социальное доминирование, социальный авторитаризм и пр.).

Заключение

Исследования дискриминационных установок личности и группы охватывают весьма различные группы-мишени и их сочетания, поскольку, как правило, они (установки) распространяются на несколько объектов одновременно. В качестве механизмов формирования дискриминационной установки выделяются известные механизмы социального сравнения и социальной атрибуции,

а основанием являются оценки теплоты и компетентности Другого, а также социальный фаворитизм и социальная синхрония.

Аффективные факторы дискриминационной установки личности регулируют ее интенсивность и «специализируются» в зависимости от вида дискриминируемой группы. Одна и та же эмоция (например, страх) может по-разному регулировать интенсивность дискриминационной установки, усиливая или снижая ее. В целом, до трети вариаций дискриминационных установок могут объясняться аффективными реакциями. Наиболее сильными предикторами дискриминационных установок являются такие состояния, как злость и раздражение, снижают их интерес и отвращение.

Аффективные реакции связаны с дискриминационными установками в отношении таких внешних признаков и проявлений, как физическая непривлекательность, физические недостатки и этническая принадлежность (поли-модально), а цвет кожи связан в основном с отрицательными аффективными реакциями.

Литература

- Бескова Т. В.* Особенности отношения к представителям сексуальных меньшинств и его мотивы // Мир науки. 2018. Т. 9. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/issue-6-2018.html> (дата обращения: 11.07.2023).
- Григорьев Д. С.* Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 23 (2). С. 215–244. doi: 10.31119/jssa.2020.23.2.9.
- Григорьева М. В.* Аффективные факторы проявления дискриминационных установок личности в поведении // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 11 (79). С. 51–56. doi: 10.24158/spp.2020.11.9.
- Шамионов Р. М.* Формирование дискриминационных установок личности в процессе ее социализации // Известия Саратовского ун-та. Новая сер. «Акмеология образования. Психология развития». 2018. Т. 7. Вып. 2 (26). С. 129–135. doi: 10.18500/2304-9790-2018-7-2-129-132.
- Шамионов Р. М.* Индивидуальные ценности и идеологические установки как предикторы предубежденности по отношению к Другим // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Психология и педагогика». 2019. Т. 16. № 3. С. 309–326. doi: 10.22363/2313-1683-2019-16-3-309-326.
- Шамионов Р. М.* Детерминанты дискриминационных установок по внешним признакам и проявлениям // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 4. С. 163–179. doi: 10.17759/exppsy.2020130412.
- Усова Н. В.* Содержательные характеристики дискриминационных установок по возрасту // Письма в Эмиссия. Оффлайн: электронный научный журнал. 2018. № 8. С. 26–43. URL: <http://emissia.org/offline/2018/2643.htm>.
- Этнолукизм: эмпирическая модель и методы исследования / Под ред. В. А. Лабунской. Ростов-н/Д.: Мини Тайп, 2018.
- Cantal C., Milfont T. L., Wilson M. S., Gouveia V. V.* Differential effects of Right-Wing Authoritarianism and Social Dominance Orientation on dimensions of generalized prejudice in Brazil // European Journal of Personality. 2014. V. 29. № 1. P. 17–27. doi: 10.1002/per.1978.

- Cuddy A. J. C., Fiske S. T., Glick P.* The BIAS map: Behaviors from intergroup affect and stereotypes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. №92. P. 631–648.
- Duckitt J., Sible C. G.* Right wing authoritarianism, social dominance orientation and the dimensions of generalized prejudice // *European Journal of Personality*. 2007. V. 21. № 2. P. 113–130. doi: 10.1002/per.614.
- Fiske S. T.* Stereotype Content: Warmth and Competence Endure // *Current directions in psychological science*. 2018. V. 27 (2). P. 67–73.

Affective factors of discriminatory attitudes

R. M. Shamionov

doctor of psychology, professor, head of Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University, Saratov, Russia, shamionov@mail.ru

The paper analyzes the results of an empirical study of the affective factors of discriminatory attitudes of the individual. The study involved 190 young people aged 20–40 years. The survey methods of direct and indirect assessment of discriminatory attitudes, affective reactions towards representatives of discriminated groups, methods of mathematical data processing (descriptive statistics, correlation and regression analyses) were used. Affective predictors of general discriminatory orientation and predictors of discriminatory attitudes towards representatives of discriminated groups are considered. The significant role of anger, fear and irritation in supporting discriminatory attitudes and interest and disgust in rejecting discriminatory attitudes towards outgroup representatives has been established.

Keywords: discriminatory attitude, affective reaction, motivation of discriminatory behavior, discrimination based on external signs and manifestations.

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ**

Социальные представления о коррупции у студентов, получающих медицинскую специальность

А. А. Гайворонская

кандидат психологических наук, доцент, инспектор ГУК НИИ (КЦ) СК РФ,
Москва, Россия, agajvoronskaya@yandex.ru

Коррупция – это проблема современного общества, имеющая разные формы выражения: взятка, подкуп, протекция и др. Понимание причин (мотивов) коррупционных преступлений связано с мерами предупреждения и противодействия. Цель исследования – это изучение социальных представлений о коррупции у студентов, получающих медицинскую специальность. Методы исследования: ассоциативный эксперимент и прототипический анализ. Зона ядра социальных представлений о коррупции образована элементами, часто упоминаемыми в первую очередь большинством респондентов, и характеризуется как явление, которое связано с обманом, махинациями, способами зарабатывания денег. Зона контрастирующих элементов отражает важные, но специфичные для этих респондентов упоминаемые понятия, а именно, коррупция – это действия несправедливого характера, которые связаны с подкупом, протекцией и выгодой.

Ключевые слова: коррупция, взятка, подкуп, протекция, обман, махинации, ассоциативный эксперимент, прототипический анализ.

Коррупция – это проблема современного общества, связанная с особенностями менталитета (установками, представлениями, моделями поведения). Есть мнение о положительном влиянии коррупции на общество, но также существует отрицательный взгляд на этот феномен. Н. Лефф считает, что взятка способствует преодолению множественных бюрократических проволочек (Leff, 1964). Другой исследователь, С. Хантингтон, отмечает, что коррупция сопровождает социальные изменения: политическая модернизация связана с ростом коррупции (Huntington, 1968). Б. Ллойд заявляет, что коррупционная деятельность ускоряет экономический рост (Lloyd, 1993). С. П. Глинкина считает, что проявления коррупционной деятельности способствуют заключению большего количества сделок, вызывая экономический рост (Глинкина, 2010). Другие точки зрения на этот феномен, например Д. Кауфманн и Шан-Цзинь Вей, доказывают, что коррупция приводит к дополнительному увеличению временных затрат и замедляет экономический рост (Kaufmann, Wei, 1999). К последствиям коррупционных преступлений относят такие, как нарушение законов, расслоение общества из-за перераспределения общественных благ в пользу других лиц, снижение доверия населения к власти, разрыв между де-

кларативными и существующими ценностями, формирование у граждан страны двойных стандартов поведения (Доклад, 2011).

В ст. 1 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» дается определение коррупции, которое понимается как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» (Федеральный закон, 2008).

В проявлениях коррупции содержится социальная дилемма, когда краткосрочные личные интересы вступают в противоречие с долгосрочными групповыми. По мнению М. М. Решетникова, коррупция – только в ее последствиях правовая и экономическая проблема, а исходно – сугубо психологическая и общечеловеческая (Решетников, 2023). Понимание причин (мотивов) связано с мерами предупреждения и противодействия коррупционных преступлений.

Цель данного исследования – изучение социальных представлений о коррупции у студентов, получающих медицинскую специальность. Система здравоохранения предназначена для сохранения и укрепления здоровья населения. Коррупционные преступления, связанные с медицинской деятельностью, воспринимаются очень болезненно, вызывая общественный резонанс. Студенты, будущие специалисты-медики, должны понимать тяжесть таких преступлений, а также свою ответственность перед обществом.

По мнению С. Московичи, ведущей характеристикой и общественного, и индивидуального сознания являются социальные представления, которые являются формой социального знания: здравый, обыденный смысл (Moscovici, 2000). Социальные представления – это образы и смыслы, идеи, ценности, установки, «наивные теории», объясняющие события окружающего мира, при конструировании которых происходит познание различных феноменов, в том числе коррупции. Социальные представления, являясь основной характеристикой общественного и индивидуального сознания, оказывают влияние на поведение личности. Для изучения социальных представлений используется разный методический инструментарий (метод неоконченных предложений, мини-сочинения на заданную тему, ассоциативный эксперимент и др.). Социальные представления формируются, а потом закрепляются в групповом сознании при помощи интерпретации, категоризации с последующей трансформацией в «репрезентативно-образные» структуры, способствуя формированию групповой идентичности.

В исследовании, проведенном на анонимных условиях, приняли участие студенты медицинских вузов Смоленска и Москвы. Всего 109 чел. Женщин и мужчин одинаковое количество. Средний возраст респондентов $M=18,5$ года, стандартное отклонение $SD=1,81$.

Обращение к данной выборке обусловлено тем, что психологические характеристики исследуемой группы – это мобильность, познавательная актив-

ность. Известно, что молодой возраст связан со становлением личности, формированием Я-концепции.

Методы исследования: ассоциативный эксперимент, прототипический анализ. Для осуществления прототипического анализа было необходимо выявить частоту употребления суждения и его ранг. Для выяснения ранга мы просили респондентов выявить ассоциации (элементы представления) проранжировать по степени их значимости. Содержание социального представления включает четыре зоны, а именно: зона ядра представления (область I), зона контрастирующих элементов (область II), первая периферическая система (область III), вторая периферическая система (область IV).

Описание и анализ результатов исследования:

- общее количество ассоциаций на понятие коррупция – 490 слов;
- среднее количество слов на одного респондента – 3–4 слова;
- максимальный ранг – 10.

Область I (высокие позиции по частоте и рангу): *обман* (23; 6), *жадность* (20; 8), *деньги* (16; 8) *взятка* (15; 6), *злоупотребление служебным положением* (8; 8).

Область II (высокие позиции по частоте и низкие по рангу): *выгода* (17; 4), *подкуп* (14; 5), *протекция* (13; 5), *несправедливость* (10; 2), *чиновники* (9; 2).

Область III (низкие позиции по частоте и высокие по рангу): *дача взятки* (7; 4); *получение взятки* (7; 4), *преступление* (7; 4), *услуги* (4; 4) и др.

Область IV (низкие значения по частоте и рангу): *махинации* (3; 2), *коммерческий подкуп* (3; 2), *паразитизм* (3; 2) и др.

При этом первое число в скобке указывает частоту употребления слова, а второе число указывает ранг.

Зона ядра образована элементами представлениями, часто упоминаемыми в первую очередь большинством респондентов. Коррупция характеризуется как явление, которое связано с обманом, махинациями, способами заработать деньги. Зона контрастирующих элементов отражает важные, но специфичные для этих респондентов упоминаемые понятия, а именно коррупция – это выгода, подкуп и протекция, а также несправедливость. Периферический строй образован, условно подразделяется на две зоны: зона потенциальных изменений (первая периферическая система) и зона, представляющая собой собственно периферическую систему (вторая периферическая система). Зона потенциальных изменений содержит такие представления, как дача, так и получение взятки, услуги связанные с совершением преступления и др. Собственно, периферическая система содержит такие элементы, как махинации, коммерческий подкуп, паразитизм и др.

Таким образом, множество форм (проявлений) коррупции начиная с получения (дачи) взятки, совершение обмана и мошеннических действий, а также и фаворитизм, протекционизм, лоббизм и др. описаны респондентами в исследовании. Социальные представления о коррупции содержат также характеристики личности, осуществляющей коррупционную деятельность, такие как нечестность, продажность, лживость и др. Основная причина, толкающая на коррупционное преступление, – это получение выгоды. Результаты исследования показали, что важно проводить антикоррупцион-

ную пропаганду и формировать систему антикоррупционного образования, воспитания.

Литература

- Глинкина С. П.* Феномен коррупции: взгляд экономиста // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 3–17.
- Доклад об эффективности проводимых в Российской Федерации антикоррупционных мероприятий и участия институтов гражданского общества в реализации антикоррупционной политики // Общественная палата РФ. 2011. С. 11.
- Решетников М. М.* Психология коррупции. Утопия и антиутопия: Монография. 2-е изд. М.: Юрайт, 2023.
- Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959 (дата обращения: 19.04.2023).
- Kaufmann D., Shang-Jin Wei.* Does “Grease Money” Speed Up the Wheels of Commerce? World Bank, Policy Research Working Paper № 2254. 1999. URL: <http://elibrary.worldbank.org/doi/pdf/10.1596/1813-9450-2254> (дата обращения: 1.12.2022).
- Leff N. H.* Economic Development Through Bureaucratic Corruption // American Behavioral Scientist. 1964. V. 8. Iss. 3. P. 8–14.
- Lloyd B.* Corruption: Where to Draw the Line? Business ethics // A European Review. 1993. № 2 (2). P. 94–96.
- Moscovici S.* The phenomenon of social representations // Social representations: Explorations in social psychology. S. Moscovici / Ed. by G. Duveen. N. Y.: New York University Press, 2000. P. 18–77.
- Huntington S. P.* Modernization and Corruption // Political Order in Changing Societies. New Haven, Conn: Yale University Press, 1968. P. 59–71.

Social perceptions of corruption among students receiving a medical specialty

A. A. Gaivoronskaya

PhD, assistant professor, inspector of Main Department of Criminalistics Research Institute (Criminalistic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, agajvoronskaya@yandex.ru

Corruption is a problem of modern society, which has different forms of expression: bribery, bribery, patronage etc. Understanding the reasons (motives) corruption crimes are related to prevention and counteraction measures. The purpose of the study is to study the social perceptions of corruption among students receiving a medical specialty. Research methods: associative experiment and prototypical analysis. The core area of perceptions of corruption is formed by social perceptions, often mentioned primarily by the majority of respondents, and is characterized as a phenomenon that is associated with deception, fraud, and ways of making money. The zone of contrasting elements reflects the important but specific concepts mentioned for these respondents, namely, corruption is an unfair action that is associated with bribery, patronage and profit.

Keywords: corruption, bribery, bribery, patronage, deception, fraud, associative experiment, prototypical analysis.

Специальная военная операция: опыт социально-психологического анализа

К. М. Гайдар

доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и социальной психологии Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия, marlen_lora@mail.ru

Предпринята попытка анализа социально-психологических явлений, проявившихся в ходе специальной военной операции (СВО). Выявлены экзистенциальные, аксиологические, информационно-коммуникационные аспекты СВО, сопровождающие ее явления массового сознания (в частности, общественные настроения). Поднимается вопрос о необходимости проведения исследований СВО с позиций социальной психологии, что будет способствовать лучшему пониманию психических состояний, которые испытывают разные группы граждан, их представлений об СВО, предпринимаемых в связи с нею действий. При этом важно изучать социально-психологические явления, связанные с СВО, как в содержательном, так и динамическом плане, используя дифференцированный подход к разным социальным группам. Результаты исследований позволят с научной точки зрения обосновать практические рекомендации психологов, включенных в решение проблем, обусловленных СВО.

Ключевые слова: специальная военная операция (СВО), экзистенциальные смыслы, аксиологические аспекты, информационно-психологическое влияние, общественные настроения, социально-психологический анализ, участники СВО, население страны.

Введение

Жизнь нашей страны в период с 1945 по 2021 гг. не была стабильной и однообразной, вместив в себя такие непохожие друг на друга события, как: послевоенное восстановление страны, развенчание культа личности И. В. Сталина, «хрущевская оттепель», «брежневская эпоха», «годы застоя», «горбачевская перестройка», распад Советского Союза, «смутные» 1990-е и 2000-е годы, наконец, возрождение российского государства в новом веке и с новым руководством.

И вот в истории России произошел очередной крутой поворот. 24 февраля 2022 г. президент В. В. Путин объявил о решении высшего политического руководства начать специальную военную операцию (СВО) по защите населения Донецкой и Луганской народных республик, демилитаризации и денацификации Украины.

В настоящее время гуманитарные науки (социология, политология, юриспруденция, экономика и др.) стремятся осмыслить феномен СВО вообще и СВО,

проводимой Российской Федерацией на Украине в частности. СВО анализируется с позиций соответствующих предметных областей, выявляются ее особенности, влияние на жизнь государства и его граждан, способы «связывания» событийного ряда СВО с экономической, политической, социокультурной, правовой действительностью.

Помимо вышеперечисленных аспектов война оказывает воздействие на психику людей – как участников боевых действий, так и гражданского населения. Следовательно, ее психологическое влияние и психологические последствия, имеющие нередко патогенный характер, должны изучаться профессиональными психологами. И не только военными, но и других специализаций – клиническими, политическими, возрастными, семейными, организационными. Свой ракурс исследований призваны определить и социальные психологи.

Социально-психологический анализ

На сегодняшний день внимание психологической науки к этой важнейшей проблеме недостаточно. Имеет место противоречие между, с одной стороны, высочайшей значимостью проблемы психологического влияния и психологических последствий СВО, с которыми нам предстоит иметь дело не только в ближайшей, но и среднесрочной перспективе и, следовательно, необходимостью ее исследования и, с другой стороны, недостаточностью концептуально-теоретических и методических средств ее психологического изучения и осмысления. В случае СВО время работает против психологической науки и практики, поскольку многие аспекты этой сложной проблемы нуждаются в изучении уже сегодня, как говорится, «по горячим следам». Пока же приходится констатировать единичность научных психологических работ, посвященных теме СВО (Гайдар, Мазкина, 2022; Дейнека, Максименко, 2023; Ендовицкий и др., 2022; Кудинов и др., 2023; Орлова, Шамардина, 2022; Шереметьева и др., 2023).

Проведем социально-психологический анализ отдельных аспектов СВО.

По своему экзистенциальному смыслу СВО – это борьба за выживание не только нашего государства, но и российского народа как такового. Это противостояние с фашистской идеологией, нацизмом, которые охватили огромную часть населения Украины – не просто соседней страны, но страны, максимально близкой по этнокультурным, ментальным, языковым характеристикам России, с которой у нее наиболее крепкие и уходящие в глубь веков исторические, социокультурные, социально-психологические, экономические и иные связи.

Наряду с применением средств вооруженной борьбы, противник активно использует военно-экономические, политико-дипломатические средства, а также средства информационного и психологического воздействия. Поэтому в условиях СВО резко возросла угроза национальной, экономической, продовольственной, информационно-психологической безопасности Российской Федерации. Угрозы, исходящие от поддерживаемой так называемым «коллективным Западом» Украины, не только вызвали перестройку международного политического ландшафта и принятие радикальных военно-политических решений, но и актуализировали социально-психологические процессы ценностно-смысловой регуляции жизнедеятельности общества, сделали востре-

бованной не только индивидуальную субъектность, но и групповую, вплоть до субъектности и суверенности государства.

Сегодня граждане России приобретают новый – экзистенциальный – опыт, а именно опыт жизни в условиях СВО, опыт преодоления в связи с нею критических ситуаций, имеющих высокую и личную, и общественную значимость. Это, в частности, опыт участия в боестолкновениях, действия в условиях санкционных ограничений, переживания расставания с родными (военнослужащими, мобилизованными гражданскими, добровольцами), потери родных и близких, разрыва связей с живущими на Украине родственниками, ценностного противостояния с соотечественниками, коллегами, друзьями, родными и отстаивания своей жизненной позиции, встраивания в бытие неожиданных событий, преодоления трудностей, конфликтов и пр. Все это в конечном счете меняет мировосприятие, повышает осмысленность жизни, позволяет провести переоценку ценностей, пересмотреть свои отношения с окружающими и укрепляет субъектность, развивает личностную зрелость, формирует жизнестойкость, помогает личностям и группам опираться на собственные экзистенциальные ресурсы (ценности, нормы, смыслы, убеждения, жизненный опыт), осуществляя самоактуализацию и достигая самоэффективности. На основе этого совершаются экзистенциальные выборы, позволяющие решать действительно серьезные и наиболее жизненно значимые проблемы. Только это может служить основой для жизни в условиях внезапных критических изменений. А именно такой характер имело начало СВО, когда отдельные люди и их объединения были вынуждены так или иначе справляться с новыми ситуациями, преодолевать конфликт с «данностями существования» (И. Ялом), находить для себя новые смыслы и психологические опоры, брать ответственность на себя, руководствуясь высшими смыслами и ценностями, не только личными, но и общественными интересами.

Поэтому беремся утверждать, что СВО имеет экзистенциальный смысл, так как напрямую связана с универсальными «сущностными вопросами человеческого существования» (Гришина, 2011, с. 11) как на уровне отдельных индивидов, так и сообществ и общества в целом. Основные из них – это жизнь и неотъемлемое право на нее любого человека, полнота бытия, свобода, ответственность, смысл существования и смысл деятельности. Все это сегодня «поставлено на карту». За это идет борьба на линии соприкосновения, в информационном пространстве, в экономико-политической сфере, в области культуры и спорта. И если люди понимают, что СВО побудила их к переосмыслению своей жизни (даже если результаты этого переосмысления не всегда внушают оптимизм), это, безусловно, гораздо продуктивнее, чем наступление «экзистенциального вакуума» (В. Франкл).

Экзистенциальный аспект СВО тесно связан с аксиологическим, поскольку идет борьба двух систем ценностей. Одной из фундаментальных задач СВО является защита, сохранение и укрепление традиционных ценностей – семейных, человеческого общежития, воспитания подрастающего поколения, исторической памяти, социальной справедливости. Именно ценности крепкой семьи, коллективизма, патриотизма, готовности защитить Родину, «не шадя живота своего», верности истории страны, гордости за ее свершения, почита-

ния прошлого и героев «былых времен», отзывчивости и братства были, есть и будут базисом российского государства, его субъектности и суверенности, что обеспечивает благополучие как отдельного человека, так и всего многонационального народа России.

Важен анализ и того психологического контекста, в частности общественных настроений, которые сопровождали начало СВО. Начнем с того, что предшествовало этому событию именно в социально-психологическом отношении. Во-первых, это существенные изменения в XXI в. человеческой повседневности, привычного образа жизни. Н. В. Гришина так описывает эту новую жизненную ситуацию: «Мир, в котором сегодня живет человек, характеризуется кардинальными социальными изменениями, усилением социальной неопределенности, связанной с трансформацией ценностей и социальных норм, ростом социальной вариативности, нарастанием скорости социальных изменений... Важнейшим следствием этих изменений становится усиление роли внутренних опор человека как реакции на рост неопределенности и уменьшение опор во внешнем мире» (Гришина, 2015). Повседневностью стала неопределенность и постоянные изменения, риски и вызовы времени, сложность и разнообразие жизни. К сожалению, многие люди оказались не готовы справиться с проблемой выбора и поиска «внутренних опор». Это лишило стабильности привычный для них образ жизни, разрушило способы мышления и поведения, которые ранее представлялись продуктивными, привело к переживанию экзистенциального кризиса, усилению тревоги, неуверенности в себе, слабоволия, апатичности, депрессивности.

Во-вторых, это период пандемии (2020–2022 гг.), которая для ныне живущего поколения явилась серьезнейшим испытанием с самыми разнообразными психологическими следствиями и стратификацией людей по их возможности преодолеть совершенно неожиданные и незнакомые до этого трудности и проблемы, — от тех, кто смог изыскать в себе психологические ресурсы и «жить вопреки», до тех, кто не сумел этого сделать, встретившись с опасной собственной болезнью и болезнью окружающих, смертью родственников, друзей, знакомых, коллег, трудностями самоизоляции и лишения широкого круга общения, необходимостью освоения непривычных средств коммуникации, кардинальным изменением режима труда и отдыха. Но даже категория людей, эффективно прошедших этот период, испытала серьезные психологические трудности, не говоря уже о тех, чье поведение приобрело черты неустойчивости, неадаптивности, непредсказуемости, непоследовательности. Всё это отрицательно сказалось на социально-психологической атмосфере общества.

И вот на таком, прямо скажем, неблагоприятном психологическом фоне началась СВО. Подчеркнем: она стала неожиданностью не только для населения, но и для целого ряда подразделений Вооруженных сил России. После стольких десятилетий мирной жизни страна была психологически не готова к подобной ситуации. Для значительного числа людей это было сродни шоку и вызвало вполне естественные защитные реакции — от неоправданного оптимизма и «шапкозакидательских» настроений (можно оправдать незнанием того факта, что украинское руководство под политико-идеологическим давлением Запада уже много лет готовило свою страну и армию к вооруженно-

му столкновению с Россией) до агрессивных высказываний и даже действий в адрес своей страны и ее Вооруженных Сил, от переживания беспомощности и ощущения вторжения в личную жизнь неконтролируемых внешних сил до отрицания, неприятия и физического дистанцирования от ситуации (отъезда из страны). Справедливости ради отметим, что большая часть россиян, несмотря ни на что, продемонстрировала адекватное восприятие СВО, поддержав решение высшего руководства страны, остро осознавая, что не будет России, не будет и ее людей, что страна нуждается в защите – впервые после окончания Великой Отечественной войны.

Одновременно Россия оказалась не готова к развязанной против нее информационно-психологической войне, к тому ее разрушительному влиянию, которое сегодня обладает огромной мощностью в связи с действием электронных СМИ, привычкой огромного числа людей черпать информацию из интернета, не подвергая ее критической переработке, преобладанием у немалой части граждан, особенно молодого возраста, так называемого клипового мышления. Ситуацию усугубляют скорость и масштабы распространения информации в интернете, сопровождение ее образным рядом, что влияет на эмоциональное состояние и блокирует критические механизмы, порождая тревожные состояния, панические настроения, «заражение» страхом за свою жизнь, неуверенностью в правильности действий властей, недоверием к российской армии.

Но у любого отрицательного явления есть положительная сторона. Довольно быстро было осознано, что Россия вынуждена воевать «на три фронта»: на фронте реальном (как принято сейчас говорить, «за ленточкой»), на фронте информационно-психологическом, отличающемся, прежде всего в интернет-пространстве, огромными масштабами, солидным количеством бойцов (украинские ЦИПСО, кибервойска ряда зарубежных стран и др.) и на «внутреннем» фронте (к чему вынуждает наличие внутренней оппозиции, которая способна и стремится внести разлад в умы и души людей, деморализовать и расколоть общество). Это способствовало оперативной перестройке в работе российских печатных и электронных СМИ, телевидения, интернет-ресурсов. Благодаря этому и как прямое следствие героизма военных корреспондентов сегодня население оперативно получает правдивую информацию о ходе СВО, причем не только в виде устных и печатных сообщений, но и посредством видеоряда, что усиливает психологическое воздействие на общественные и персональные умонастроения людей. Помогает этому не только фиксация и констатация происходящих событий, но и ежедневные подробные комментарии и разъяснения как армейского руководства вплоть до министра обороны, так и сотрудников телевидения и других СМИ, раскрывающих истинную картину событий и противодействующих нескончаемому потоку недостоверной, лживой информации, преследующей цель посеять в сознании россиян сомнения, недовольство, неверие в успех СВО и достижение ее целей.

Положительной тенденцией наших дней является возрождение и укрепление исторической памяти посредством обращения к героическим событиям и личностям российской истории как периода Великой Отечественной войны, так и предшествующих ей столетий. «Важной составляющей формирования стойкости... к негативному информационно-психологическому воздействию

противника является формирование исторического самосознания, в основе которого лежат идеи патриотизма, любви к Родине, верности... трудовым и боевым традициям Российского государства, его Вооруженных сил» (Клевцевич, Дудулин, Калачева, 2023). Использование коллективной исторической памяти, опыта прежних поколений нужно для того, чтобы люди чувствовали себя причастными к делу борьбы с нацизмом, продолжателями славных традиций, заложенных предшественниками. Это позволяет ощущать единение всей страны и быть уверенными в правильности усилий, предпринимаемых во имя будущего. Большое внимание противодействию негативному информационно-психологическому влиянию уделяется непосредственно в армейских подразделениях – и действующих в зоне СВО, и находящихся в местах постоянной дислокации. Все эти меры дают положительные результаты, и можно говорить о том, что второй этап СВО протекает на более благоприятном психологическом фоне, нежели первый. Появившаяся у многих устойчивость к недостоверной информации сегодня значительно затрудняет распространение среди населения слухов, панических настроений, необоснованных страхов.

Но для убедительной победы на информационно-психологическом фронте нужны следующие шаги. С российской стороны требуются меры не только «ответного» характера (развенчание фейков и мифов, приходящих из зарубежных информационных источников), но и опережающего контрпропагандистского. При этом востребованы как меры, которые бы активно влияли на противную сторону (известно, что при всех препонах украинское население, не говоря уж о военно-политическом руководстве, имеет доступ к нашим информационным каналам), так и адресованные российской аудитории. В последнем случае особенно важно уделять внимание двум темам: последующие действия армии на территории Украины (насколько, конечно, возможно информировать об этом наше население) и как будет жить Россия после окончания СВО в связи с выполнением всех ее задач. Такая содержательная направленность будет выполнять критически важную социально-психологическую функцию – способствовать созданию у людей четких представлений и ясных образов не только о текущем моменте, но и о грядущих событиях. А это, как известно, ведущие детерминанты человеческого поведения и существенный ресурс для положительного социально-психологического самочувствия граждан.

Как можно охарактеризовать в социально-психологическом плане СВО на нынешнем ее этапе? С одной стороны, достигнуто сплочение значительной части населения, более ясное, чем прежде, понимание целей и задач не только СВО, но и вообще решений и действий политического руководства, их одобрение и поддержка. С другой стороны, по истечении полутора лет проведения СВО все еще остается – пусть и небольшая – часть людей, которая под влиянием негативного информационного потока привержена иной позиции: открыто или молчаливо не принимает происходящего, считает инициативу России о начале СВО незаконной или живет по принципу «моя хата с краю».

Конечно, все не могут думать одинаково. Это недостижимо и не нужно. Дело в другом: сохраняя персональную точку зрения, можно оставаться психологически единым со страной, а можно дистанцироваться от нее, начать очернять свою Родину, транслировать откровенную ложь. Среди этой категории

соотечественников особо выделяются лица публичные, медийные, призванные быть нравственными примерами для людей, но перешедшие грань дозволенного, забыв, что не вопреки, а благодаря своей Отчизне они стали теми, кем она их знала и уважала. Обратим внимание на то, что для некоторой части населения такое поведение «знаменитостей» явилось стрессогенным фактором, так как лишило их определенного ориентира, опоры на позицию тех, кого воспринимали как «экспертов». Кроме того, хотя внутренняя оппозиция составляет меньшинство, не стоит пренебрегать предупреждением социальных психологов о том, что в определенных условиях меньшинство может влиять на сознание и позицию большинства (Токарева, Донцов, 1996).

Добавим, что в связи с проявившимся в обществе «расслоением мнений» (А. С. Чернышев) перед социальной психологией встает новая задача – изучить его корни. Это необходимо сделать, поскольку за «расслоением мнений» могут последовать определенные деструктивные эффекты. На настоящий момент ограничимся лишь некоторыми предположениями, так как данная тема может составить цель отдельного исследования.

Относительно неприятия СВО теми, кто принадлежит преимущественно к категории деятелей культуры, можно предположить, что главной мотивацией в этом случае послужила приверженность индивидуалистическим материальным ценностям, которые в условиях рыночной экономики возобладали у части российского населения. Констатируем, что роль в «ценностном повороте», который произошел на рубеже двух столетий, сыграли следующие факторы: отказ от прежней идеологии и воспитательных задач ряда социальных институтов (образования в первую очередь); засилье иностранных кинолент, внушающих приоритет материального благополучия, интересов и ценностей отдельного индивида; множество прорех в законодательстве, позволивших какой-то части населения быстро и легко обогатиться; возможности свободного выезда граждан за границу, когда в относительно короткий период пребывания там они не могли рассмотреть за картиной благосостояния некоторых социальных групп западных стран многочисленные проблемы, с которыми сталкивались другие слои их населения, но «завозили» из-за рубежа так называемые западные ценности, убеждая соотечественников в их полезности. В итоге эти ценности у представителей определенных слоев населения заслонили ценности духовно-нравственные, неразрывно связанные с патриотической направленностью и вниманием к интересам страны. Страх потерять свои солидные материальные ресурсы, видимо, оказался настолько сильным, что не сработали даже действовавшие в течение многих лет «защитные механизмы» и маски были сброшены.

Причиной неприятия СВО отдельными группами из так называемой «интеллектуальной элиты» (ученые, преподаватели) могли явиться традиционные черты российской ментальности, которые у этих групп проявляются наиболее ярко. Возможно, истоки кроются еще в петровских временах, когда впервые наиболее отчетливо проявилась ориентация на западную науку и культуру, что само по себе сыграло положительную роль в прогрессивном развитии Российской империи, но приобрело в последующем чрезмерную выраженность. Появилась привычка принижать достижения России и превозносить успехи Запада, счи-

тая их неким эталоном. Прежде всего это проявлялось у «верхушки» российского общества. Достаточно вспомнить, что даже после победоносного окончания Отечественной войны 1812 года, когда российская армия взяла Париж, знать продолжала и предпочитала говорить по-французски, т.е. на языке поверженного агрессора. Трудно привести аналогичный пример с какой-то другой страной. Наиболее патриотично настроенные граждане, конечно, не принимали такой позиции (А. С. Грибоедов метко отразил это в монологе Чацкого), но не они были тогда образцами для подражания. До сих пор можно встретить нигилистические установки, что наши научные успехи невелики и мы проигрываем в соревновании технологий, поэтому наша экономика все еще относится к разряду развивающихся, но не развитых, а значит, западные санкции грозят нам экономическим и финансовым крахом. Вина при этом возлагается на решение о начале СВО, а не на экономическую политику так называемых «нулевых», которая во многом была ошибочной. Эти противники СВО не учитывают, что Россия и до этого жила под санкциями. Начало им дал вовсе не 2014 год. Стремление вести самостоятельную политику всегда было присуще нашей стране, поэтому те или иные санкции в ее отношении применялись западноевропейскими странами веками.

Критическое отношение к СВО наблюдается и у части молодого поколения. Но психологическая основа здесь может быть иная. Это следствие социальной незрелости, инфантильности, что, с одной стороны, обусловлено «информационной всеядностью» в сочетании с некритичностью мышления (о влиянии интернет-технологий на умонастроения населения уже говорилось выше), а с другой, следствие того, что до недавнего времени наша образовательная система стремилась подражать западным образцам и подходам и в рамках этих ориентаций было допущено, по крайней мере, две ошибки, имеющие далеко идущие социально-психологические последствия: во-первых, деградация исторического образования и воспитания и, во-вторых, вообще отказ от воспитания в образовательных учреждениях (школах, техникумах, вузах). Да, сейчас ситуация меняется к лучшему. Но ее эффекты можно будет увидеть гораздо позже. А пока мы сталкиваемся с апатриотичностью ряда молодых людей вследствие незнания ими отечественной истории, поверхностных и искаженных знаний о причинах и итогах Великой Отечественной войны, равнодушия к судьбам страны при сосредоточенности исключительно на удовлетворении своих потребностей, доминировании потребительских установок.

К счастью тех, кто поддерживает СВО, неисчислимо больше. Одним из доказательств служит широко развернувшееся волонтерское движение, добровольная помощь бойцам. Фактов тому множество – от плетения маскировочных сетей женами и детьми участников СВО или неравнодушными пенсионерками до покупки отдельными лицами или группами единомышленников и отправки на фронт военной техники, боевого снаряжения и амуниции.

Иногда можно слышать сетования на то, что, раз граждане занимаются обеспечением боевых подразделений, значит, не все в порядке в армии, ее снабженческих структурах. Сетующим полезно помнить историю: и в годы Великой Отечественной войны были неоднократные случаи, когда на пожертвования отдельных граждан и целых трудовых коллективов закупались и передавались

в войска даже тяжелая военная техника, неговоря уже о более легком вооружении, теплых вещах, кисетах с табаком и детских письмах фронтовикам. И когда сегодня в зону СВО поступает военное снаряжение, закупленное волонтерами, это не просто материально-техническая помощь, но действия, имеющие глубокий психологический смысл. Отдельно следует назвать письма и рисунки школьников, нехитрые их посылки. Как признаются сами бойцы, послания детей, как ничто другое, согревают душу, дают понимание важности их «работы» на линии боевого соприкосновения, что именно они – защитники Отечества и его подрастающего поколения, что их ждут с победой не только родные и близкие, но вся страна. Как не вспомнить великое симоновское «Жди меня». И это имеет двойное психологическое значение. С одной стороны, придает силы участникам СВО, что в определенных обстоятельствах может сыграть решающую роль в сохранении жизни своей и собратьев по оружию. С другой, выполняет важнейшую воспитательную функцию для детей и не только их, поддерживает чувства патриотизма, верности идеалам прошлого и настоящего, народного единства, рождает ощущение соучастия в священной борьбе за свою страну против чуждой фашисткой и неонацистской идеологии, за универсальный смысл человеческого существования – свободного и самостоятельного.

Заключение

Актуальная ситуация порождает множество психологических проблем: у участников СВО и у гражданского населения, у жителей новых российских территорий и других регионов страны, проблем, связанных с сегодняшними событиями, а также проблем грядущих, что будут возникать после окончания СВО. И это требует от психологов самого активного участия. В последнее время начали подниматься вопросы оказания психологической помощи разным группам населения, так или иначе вовлеченных в ситуацию СВО, определенным образом на нее реагирующих. Стал появляться и первый опыт работы практических психологов – в основном с участниками СВО и их семьями. Хотя в перспективе спектр психологической помощи, конечно, станет более широким, поскольку в ней нуждаются не только комбатанты и их близкие, но и другие группы населения. Для ее эффективности, безусловно, важно умело владеть соответствующими психологическими технологиями и приемами. Но не менее важным является оперативное исследование тех социально-психологических явлений, которые породила СВО. Полученные результаты позволят практикующим психологам более ясно понимать не только текущее состояние своих клиентов, но и те причины, которые к нему привели. Именно в этом и кроется залог успешной психологической помощи. Анализ психологических аспектов СВО может составить новую предметную область российской социальной психологии.

Литература

Гайдар К. М., Мазкина О. Б. Эмоциональные особенности студентов с разными представлениями о России в условиях неопределенности // Организационная психология: люди и риски: Сборник материалов XIII Всероссийской на-

учно-практической конференции (24–25 апреля 2022 г.) / Под ред. Л. Н. Аксеновской. Саратов: ИЦ «Наука», 2022. С. 47–51.

- Гришина Н. В.* Экзистенциальная психология в поисках своего вектора развития // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1167-grishina42.html> (дата обращения: 10.05.2023).
- Гришина Н. В.* Экзистенциальные проблемы человека как жизненный вызов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2011. Вып. 4. С. 109–116.
- Дейнека О. С., Максименко А. А.* Отражение решения о специальной военной операции в массовом сознании // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2023. Т. 8. № 1. С. 89–112.
- Ендовицкий Д. А., Гайдар К. М., Мазкина О. Б.* Социальные представления о России и эмоциональные особенности студентов в условиях неопределенности // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Проблемы высшего образования». 2022. № 4. С. 37–44.
- Клевцевич В., Дудулин В., Калачева Н.* Противодействие негативному информационно-психологическому воздействию на военнослужащих в условиях проведения специальной военной операции на Украине // Армейский сборник. 2023. № 7. URL: <https://limited-army.ric.mil.ru/> (дата обращения: 14.04.2023).
- Кудинов С. И., Кудинов С. С., Кудинова С. С.* Особенности проявления патриотичности у студентов с разным отношением к специальной военной операции // Психолог. 2023. № 2. С. 1–13.
- Орлова О. А., Шамардина М. В.* Система жизненных ценностей участников боевых действий // Актуальные проблемы психологической практики в силовых структурах: ментальное здоровье и условия его сохранения: Сборник докладов по материалам VI Международной межведомственной научно-практической конференции. Нижний Новгород: Национальный исследовательский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2022. С. 174–178.
- Токарева М. Ю., Донцов А. И.* Меньшинство как фактор социального влияния // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 50–62.
- Шереметьева И. И., Строганов А. Е., Кандрина Н. В.* и др. Социально-психологические и клинические особенности течения невротических расстройств у лиц в ситуации специальной военной операции // Бюллетень медицинской науки. 2023. № 1 (29). С. 37–42.

Special military operation: experience in socio-psychological analysis

К. М. Gaidar

doctor of psychology, associate professor, head of General and Social Psychology Department of Voronezh State University, Voronezh, Russia, marlen_lora@mail.ru

An attempt was made to analyze the socio-psychological phenomena that manifested themselves in the course of a special military operation (SVO). The existential, axiological, information and communication aspects of the SVO, the phenomena of mass consciousness accompanying it (in particular, public sentiments) are revealed. The question is raised about the need to conduct research on the SIW from the standpoint of social psychology, which will contribute to a better understanding of the mental states expe-

rienced by different groups of citizens, their ideas about the SVO, and the actions taken in connection with it. At the same time, it is important to study the socio-psychological phenomena associated with SVO, both in terms of content and dynamics, using a differentiated approach to different social groups. The results of the research will make it possible to substantiate from a scientific point of view the practical recommendations of psychologists involved in solving problems caused by SVO.

Keywords: special military operation (SVO), existential meanings, axiological aspects, information and psychological influence, public sentiment, socio-psychological analysis, participants in the SVO, population of the country.

Образ армии у представителей разных поколений россиян*

О. С. Дейнека, М. Е. Аскарова**, А. А. Максименко****

* доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры политической психологии, факультета психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, Россия, osdeyneka@yandex.ru

** магистр психологии, фрилансер, г. Санкт-Петербург, Россия, mariam44444@mail.ru

*** доктор социологических наук, кандидат психологических наук, главный научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, Россия, maximenko.al@gmail.com

В условиях дестабилизации внешней обстановки, снижения доверия между государствами и угроз национальной безопасности Россия вынуждена укреплять и наращивать свою армию. Цель исследования состояла в изучение образа современной российской армии у молодежи и старшего поколения. Дизайн исследования включал два этапа: на первом (подготовительном) этапе испытуемым было предложено завершить три незаконченных предложения об армии, на втором (основном) этапе измерялись рейтинг армии среди других политических институтов, аттитюды к армии, психосемантический образ армии и оценка последствий СВО. В исследовании приняли участие 188 чел. их двух возрастных групп. Был выполнен сравнительный анализ данных у представителей двух поколений с учетом личностного профиля (по тесту «Большая пятерка»), степени зависимости от социальных сетей (BSMAS) и демографических параметров. Результаты исследования показали, что образ армии у представителей старшего поколения более позитивный, представление о ней более патристичное и ответственное, чем у молодежи. Выявлены высоко достоверные связи между отношением к армии, оценкой последствий СВО и личностными качествами, а также зависимостью от социальных сетей.

Ключевые слова: российская армия, поколения, образ армии, отношение к армии, последствия СВО, семантический дифференциал, шкальные опросники.

На фоне формирующегося многополярного мирового порядка, усиления конкуренции между государствами в экономической, политической и военной сферах, информационно-технологического прогресса и других геополитических вызовов потребность общества и государства в сильной армии растет. Помимо военно-технического укрепления армии важна забота об ее имидже и авторитете в обществе, позитивном отношении и доверии к ней граждан. Согласно эмпирическим исследованиям, престиж военной службы напрямую связан

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-28-01935.

с доверием населения вооруженным силам (Максименко, 2018), которое является частью политического доверия (Попова, Гришин, 2022).

Влияние на формирование представления и образа армии государства активно используется как попытка борьбы за сознание и лояльность граждан. Представители разных поколений в той или иной мере подвержены этому влиянию. Ссылаясь на работы зарубежных авторов, политологи О. В. Попова и Н. В. Гришин объясняют политическую уязвимость и наблюдаемое снижение политического доверия молодежи «эффектом когорты», состоящим в том, что переход к взрослой жизни занимает больше времени, чем раньше, и является более сложным (Albacete, 2014), а также периодом «политического моратория», когда отношение к политике еще не установилось и подвергается частым изменениям (Попова, Гришин, 2022). Кроме того, особенно с учетом современных информационных технологий, новые поколения в современном мире отличаются более слабыми связями с национальными структурами и большей открытостью к глобальным процессам (Norris, 2011).

Цель данного исследования состояла в изучение образа и представлений о современной российской армии у молодежи и старшего поколения.

Дизайн исследования включал два этапа. На первом этапе респондентам предлагалось завершить три незаконченных предложения: «Армия для России – это...», «Боевая способность современной российской армии...», «Если бы у меня была возможность что-то изменить в вооруженных структурах, я бы...». Сбор материала осуществлялся с помощью Google формы, ответы респондентов подвергались семантическому анализу (Istio.com). Результаты проективной методики дали вспомогательные основы для формулировки утверждений базового опросника.

На втором этапе респондентам была предложена анкета, которая включала в себя демографическую справку и шесть методик, представленных двумя блоками. В *первый* блок входили 4 методики: 1) для измерения уровня доверия респондентов к социальным институтам использовалась методика ранжирования политических институтов; 2) базовый 22-пунктный опросник «Отношение к армии» (с 7-балльной шкалой ответов Лайкерта) позволял получить оценку авторитета и состояния армии, выявить отношение к функциям российской армии в нынешней политической ситуации в мире и установки респондентов по поводу службы в армии; 3) Модифицированный семантический дифференциал (МСД) был использован для выявления характеристик, приписываемых армии представителями разных поколений; 4) Опросник «Последствия СВО для российской армии» применялся для оценки респондентами представлений о возможных политических и структурных изменениях, связанных с армией на фоне специальной военной операции (СВО).

Все методики первого блока прошли проверку на надежность по гомогенности и конструктивную (факторную) валидность. *Второй* блок методик был направлен на изучение личностных особенностей испытуемых и включал 2 методики, а именно: 5) Методику «Big Five» (в адаптации Г. Л. Исуриной), которая использовалась для поиска взаимосвязи между личностными особенностями респондентов и их возможным влиянием на формирование образа армии и 6) Бергенскую шкалу зависимости от социальных сетей (BSMAS), приме-

ненную для поиска взаимосвязи погруженности в социальные сети и восприятия армии.

Всего в исследовании приняли участие 188 чел. Выборка была разделена на представителей молодежи (18–36 лет) и старшего поколения (37–59 лет). На первом этапе исследования сравниваемые подвыборки были по количеству одинаковыми, по 30 чел. (всего 60 чел.). На втором этапе было опрошено 128 чел., из которых молодых респондентов было 61 чел. (32 мужчины и 29 женщин), а старшего возраста 67 чел. (22 мужчины и 45 женщин). Ответы респондентов были собраны в период с 20 марта по 21 апреля 2023 г. путем прямой ссылки на анкету, которая конструировалась с помощью сервиса «Анкетолог», а затем была размещена на платформе Яндекс. толока. В связи со спецификой выбранной темы сбор ответов был сопряжен с рядом препятствий (отказ веб-сервисов в проведении опросной кампании, отказ некоторых респондентов отвечать на вопросы анкеты в связи с личными опасениями или убеждениями).

Результаты первого этапа исследования показали, что, в отличие от ответов на незаконченные предложения, полученных от испытуемых среднего возраста, у которых образ армии в целом положительный, в ответах представителей молодежи было больше негативных характеристик армии и мало проявлений надежды на ее улучшение. Характеризуя роль армии для страны (завершая первое предложение), представители обоих поколений отразили ее как защиту. В продолжении третьего предложения испытуемые указали важность изменений в снабжении, логистике и организации военной службы, а также заострили внимание на целесообразности службы по контракту. Что касается оценки боевой способности современной российской армии (второе предложение), то у представителей молодежи присутствовало значительно больше негативных оценок армии, в этой группе было обработано 925 символов и часто употребляемыми единицами были: ноль, вопрос, низкий (2,1% в тексте).

Результаты второго, основного этапа исследования показали, что по уровню доверия в обеих выборках армия занимает первое место среди политических институтов. Полученные с помощью Опросника отношения к армии результаты представлены факторной матрицей (n=128) из 4 хорошо интерпретируемых в сочетании с описательными статистиками факторов. Первый наиболее весомый фактор был назван «*Фактор оценки потенциала армии РФ*». Переменные фактора связаны с оценкой боевого и технического потенциала армии. В фактор вошла вера в силу армии РФ и ее боевой дух, в ее технологический потенциал; доверие информации об армии из СМИ; уверенность, что служба в армии – это долг гражданина перед Отечеством; убеждение, что армия в России играет важную государствообразующую роль; что российская армия в настоящее время принадлежит к элитарным структурам; позитивная оценка боевого духа в российской армии; уверенность, что русские следуют традиции воевать «не числом, а умением»; согласие с тем, что российская армия не нуждается в реформах; гордость за армию. С противоположным знаком в фактор вошли сомнения о продуманности стратегии российской армии и подозрения в недостатке в ней профессионалов. Описательные статистики признаков первого фактора были выше середины шкалы, что позволило подтвердить, что в це-

лом респонденты высоко оценили потенциал армии РФ. Наименьшее согласие было выражено с тем, что российская армия не нуждается в реформах, а также с доверием информации о российской армии из СМИ.

Во второй по весу фактор под названием *«Фактор оправдания действий и финансовой поддержки армии»* вошло несогласие с мнением о том, что российская армия преследует захватнические цели; согласие с продолжением военных действий до победы и с тем, что военные угрозы вынуждают Россию вкладывать деньги в оборону; страх от мысли, что армия может потерпеть поражение; вера в силу армии и ее важную государственно-образующую роль; гордость за армию. С противоположным знаком вошли такие признаки, как убежденность в необходимости сокращения финансирования армии и неверие, что состояние армии позволит победить в войне. Средние значения согласия с утверждениями (признаками фактора) показали, что большинство респондентов разделяют мнение о том, что военные угрозы вынуждают Россию вкладывать деньги в оборону, не согласны с сокращением финансирования армии, верят в то, что состояние армии позволит победить в войне.

Третий фактор был назван *«Фактор отношения к долгу служения в армии»*. Его сформировали дисперсия уверенности в том, что служба в армии — это долг гражданина и возраст респондентов. С противоположным знаком вошли оправдание тех, кто уклоняется от службы в армии, и убеждение в необходимости сократить финансирование российской армии. Чем старше были респонденты, тем больше проявлялась уверенность в том, что служба в армии — это долг гражданина. Согласно средним значениям, респонденты в основном не согласны с необходимостью сокращения финансирования армии.

Четвертый фактор назван *«Фактор критического отношения к армии»*. В него вошли дисперсии ощущения тревоги во время чтения новостной ленты о военных действиях на фронтах СВО; согласие с тем, что в командовании российской армией переоценивают ее возможности; мнение о том, что военная стратегия российской армии недостаточно продумана; неверие в то, что состояние российской армии позволит победить в текущей войне; согласие с тем, что в российской армии недостаточно профессионалов. Средние значения согласия с утверждениями фактора выше середины шкалы, это указывает на то, что несмотря на наличие в целом позитивных характеристик армии, среди респондентов присутствует и критическое отношение к некоторым аспектам армии.

Результаты оценки характеристик армии с помощью модифицированного семантического дифференциала (МСД) показали в целом ее положительный образ среди испытуемых обоих поколений. Армия отражается в обыденном сознании как родная, моральная, настоящая, решительная, дружественная, полезная. В то же время выделен ряд отрицательных характеристик, хотя и с малыми значениями и больше у молодых: внеправовая, разрушительная, отсталая, безответственная.

Сравнительный анализ описательных статистик данных Опросника отношения к армии у представителей разных поколений россиян показал достоверные различия по ряду параметров. Респонденты старшего возраста в большей степени, чем молодые, уверены, что служба в армии является долгом гражда-

нина перед Отечеством ($M=5,31$, $SD=1,62$, по сравнению с $M=4,39$, $SD=1,91$) и более склонны к осуждению тех, кто уклоняется от службы в армии, реже демонстрируя лояльность к ним ($M=3,46$, $SD=1,78$, в отличие от $M=4,37$; $SD=1,90$). Представители старшего поколения чаще убеждены, что военные угрозы нуждаются России увеличить бюджет на оборону ($M=5,28$, $SD=1,52$) и выражают высокую степень несогласия с сокращением финансирования российской армии ($M=2,34$, $SD=1,42$, в отличие от $M=3,31$, $SD=1,88$), а также чаще испытывают тревогу, когда читают новостную ленту с фронта СВО.

Согласно результатам Опросника «Последствия СВО для российской армии», представители старшего поколения больше верят в усиление связи армии с народом ($M=3,74$, $SD=0,91$, по сравнению с $M=3,16$, $SD=1,18$), улучшение технического оснащения армии ($M=4,01$, $SD=0,90$ и $M=3,44$, $SD=1,17$) и снижение коррупции ($M=3,34$, $SD=1,25$ и $M=2,68$, $SD=1,26$), вследствие СВО надеются на повышение престижа армии ($M=3,79$, $SD=1,09$ и $M=3,04$; $SD=1,16$) и укрепление ее солидарности ($M=3,77$, $SD=0,95$ и $M=3,24$, $SD=1,07$).

Результаты корреляционного анализа на высоком уровне достоверности показали наличие связей между личностными и поведенческими характеристиками респондентов и их отношением к армии. Эмоционально устойчивые респонденты не считали, что руководство российской армии переоценивает свои возможности, и в меньшей степени, чем эмоционально нестабильные, опасались истощения военных сил в период СВО. Также они были не склонны обращаться к соцсетям как к способу избавления от личных проблем. Среди испытуемых, у которых был выше показатель «сознательность», было больше тех, кто испытывал гордость за российскую армию, считал ее важным государственно образующим органом, поддерживал важность и необходимость службы в армии, высоко оценивал элитарность армии и ее боевой дух. Также среди них было больше тех, кто не испытывал беспокойства при запрете или ограничении использования соцсетей, а также способных ограничивать время пребывания в них. Оказалось, что те, кому свойственна доброжелательность, охотнее ищут и учитывают мнения экспертов о ходе военных действий.

У зависимых от социальных сетей проявилась склонность к негативному восприятию армии, больше страхов по поводу переоценки ее возможностей, поддержка сокращения финансирования вооруженных сил, лояльность к тем, кто уклоняется от службы.

Результаты позволяют отметить роль военно-политического оптимизма. Так, среди тех респондентов, которые ожидают роста патриотических настроений на фоне СВО, оказалось больше тех, кто верит в высокий боевой дух армии, отрицают истощение ее сил, считают службу долгом гражданина перед Родиной и согласны с продолжением боевых действий до победы. Респонденты, прогнозирующие истощение сил армии в ближайшем будущем, напротив, показывают положительные корреляции с негативными аспектами ее образа, не верят информации о российской армии из СМИ, считают, что в ней недостаточно профессионалов, что ее возможности переоцениваются, не согласны с тем, что российская армия высокотехнологична, и не поддерживают мнение о том, что служба в армии обязательна.

Заключение

Проведенное исследование определило различия в образах и отношении к российской армии у представителей разных поколений россиян. Опираясь на полученные с помощью проективных и опросных методик данные, можно заключить, что старшее поколение имеет более положительный образ армии, нежели представители молодежи, больше доверяет армии и считает, что воинская служба – это долг граждан перед Отечеством. Среди представителей старшего поколения больше тех, кто согласен с важностью государственно-образующей роли армии в стране и прогнозирует позитивные для армии последствия СВО.

Люди старшего поколения осознают, что военные угрозы вынуждают Россию вкладывать деньги в вооруженные силы, и поэтому не согласны с сокращением финансирования армии. У них больше опыта и знаний, чтобы осознать ту истину, которая зафиксирована в приписываемом Наполеону Бонапарту высказывании: «Народ, не желающий кормить свою армию, вскоре будет вынужден кормить чужую». Повышению престижа армии и формированию ее положительного образа, наряду с запросом на победу, способствовал рост финансирования вооруженных сил, поступление новой техники, повышение денежного довольствия офицеров и рост числа контрактников в армии в рамках эффективной военной реформы (Эксперт..., 2021). На фоне общего вектора повышения престижа армии в России (Образ..., 2017; Почти 90%..., 2022), риски мобилизации и контркультурная пропаганда из социальных сетей делают образ армии у молодежи неустойчивым. Нельзя не согласиться, что построение образа армии как части общей картины мира возможно лишь при условии передачи опыта от поколения к поколению (Бушков, 2011), а также при грамотной политической коммуникации.

Литература

- Бушков А. В. Образ вооруженных сил России как объект психологического исследования // Вестник Военного университета. 2011. № 1 (25). С. 21–26.
- Максименко А. А., Шаповалова И. С. Молодежь и российская армия: будет ли положительный вектор во взаимодействии? // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 2. С. 70–87.
- Попова О. В., Гришин Н. В. Политическое доверие российской молодежи // Вестник Пермского университета. Сер. «Политология». 2023. Т. 17. № 1. С. 88–100. doi: 10.17072/2218-1067-2023-1-88-100.
- Почти 90% россиян доверяют армии, показал опрос // РИА новости. 08.04.2022. URL: <https://ria.ru/amp/20220408/armiya-1782567829.html> (дата обращения: 31.03.2023).
- Образ российской армии // ВЦИОМ новости. 1 февраля 2017 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossijskoj-armii-> (дата обращения: 01.08.2023).
- Эксперт: положительный образ российской армии начал формироваться после 2014 года // ТАСС. 26 февраля 2021 г. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/10791009> (дата обращения: 05.05.2023).
- Albacete G. G. Young people's political participation in Western Europe: Continuity or generational change? N. Y.: Palgrave Macmillan, 2014.

Norris P. Democratic deficit: Critical citizens revisited. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

The image of the army among representatives of different generations of Russians

*O. S. Deyneka**, *M. E. Askarova***, *A. A. Maksimenko****

** doctor of psychology, professor, professor of the Department of Political Psychology, Faculty of Psychology, St Petersburg State University, St Petersburg, Russia, osdeynea@yandex.ru*

*** master of psychology, freelancer, St Petersburg, Russia, mariam44444@mail.ru*

**** doctor of sociological sciences, candidate of psychological sciences, chief Researcher, St Petersburg State University, St Petersburg, Russia, maximenko.al@gmail.com*

In the context of destabilizing the external situation, declining trust between states and threats to national security, Russia is forced to strengthen and build up its army. The purpose of the study was to study the image of the modern Russian army among young people and the older generation. The design of the study included two stages: in the first (preparatory) stage, the subjects were asked to complete three unfinished sentences about the army; at the second (main) stage, the rating of the army among other political institutions, attitudes towards the army, the psychosemantic image of the army, and an assessment of the consequences of the SVO were measured. The study involved 188 people. their two age groups. A comparative analysis of data was performed among representatives of two generations, taking into account the personality profile (according to the Big Five test), the degree of dependence on social networks (BSMAS) and demographic parameters. The results of the study showed that the image of the army among the older generation is more positive, the idea of it is more patriotic and responsible than among the youth. Highly reliable relationships were found between attitudes towards the army, assessment of the consequences of a special military operation (SMO) and personal qualities, as well as dependence on social networks.

Keywords: Russian army, generations, image of the army, attitude towards the army, consequences of the SMO, semantic differential, scale questionnaires.

Экономическая этнопсихология о проблемах и перспективах индигенизации и многополярного мира в азиатском регионе

А. Д. Карнышев, Е. А. Иванова***

* доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной работы, заведующий междисциплинарной лабораторией психолого-экономических и кросс-культурных исследований, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск, Россия, ale3441@yandex.ru

** кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии образования и развития личности, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск, Россия, ea444@yandex.ru

Многополярный мир — это полноценное сотрудничество народов без претензий хотя бы одного из них и/или союза нескольких из них на главенство в политическом и/или идеологическом плане. Господство чего-то одного — страны, блока, идеологии — в таком мире будет считаться атавизмом. В статье показано, что тенденция индигенизации азиатов по отношению к западным традициям и ценностям побудила некоторых зарубежных ученых и политиков повернуть их (эти тенденции) в сторону переоценки азиатскими жителями России процессов колонизации и хозяйственного освоения русскими Сибири. Нельзя в полной мере отрицать, что существуют определенные условия в лице прозападных установок не только аборигенных, но и русского народа: так называемое «русское западничество», которое порой перерастает в «экономический антипатриотизм». Экономическая этнопсихология может в перспективе способствовать решению проблем многополярного мира, среди которых респонденты назвали 3 главных: «установление равноправия в межгосударственных и межнациональных отношениях» — 33,4%, «тенденции к современному разделению мира без претензий кого-то на лидерство» — 32,2%; «необходимость укреплять доверие в межэтническом взаимодействии» — 29,2%.

Ключевые слова: индигенные психологии, индигенизация, универсальные ценности, «русское западничество», многополярный мир, этническое и конфессиональное взаимодействие.

Развитие экономической психологии в России обусловило появление экономической этнопсихологии, ставшей одной из ее отраслей, возникшей на основе работ ряда известных ученых, в том числе сотрудников Института психологии РАН и университетов Иркутска (Проблемы..., 2004). Первые исследования экономической психологии национальных этнических процессов были связаны не только с российской тематикой, но и с азиатской. Отечественные психологи в то время вместе с зарубежными коллегами анализировали, в частности, проб-

лемы Вьетнама: А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова, Е. Н. Резников, В. П. Левкович и др. (см.: Социальная..., 1999). Для иркутян интерес вызывали, прежде всего, психолого-экономические связи с народами-соседями Иркутской области — жителями Китая и Монголии.

Индигенезация в азиатском контексте

Экономическая этнопсихология, особенно если она была ориентирована на азиатский мир, в конце XX в. не могла не обратить внимания на дискриминацию многих азиатов со стороны европейцев. Данную реалию хорошо иллюстрируют наблюдения Д. Неру. В своей книге «Открытие Индии» он рассказывает о том, как было установлено британское владычество в Индии, о героической борьбе индийского народа за свое освобождение. В одном из разделов книги он пишет: «Расизм в Индии означает не столько противопоставление англичан индийцам, сколько противопоставление всего европейского всему азиатскому. В Индии каждый европеец, будь он немец, или поляк, или румын, автоматически причисляется к правящей расе. В железнодорожных вагонах, в залах ожидания на вокзалах, над скамьями в парках и т. п. имеются надписи: „Только для европейцев“» (Неру, 1976, с. 16). В свою очередь, американский психолог Р. Нейсбит утверждает, что многие жители восточноазиатских стран не без основания считают, что минувшие 500 лет политического, военного и экономического доминирования Запада сделали его интеллектуально и этически высокомерным (Нейсбит, 2012). В дальневосточных странах при признании древних традиций некоторых народов вопросы идеологической этноцентрированности не стояли так остро, поэтому экономическая этнопсихология, ориентированная на азиатские приоритеты, никак не может согласиться с любой категоричной односторонностью. Тем более, что в азиатских государствах мыслители и политики были против идей стандартизации мировоззренческих позиций. Например, американский политический деятель Г. Киссинджер писал: «Тот факт, что китайская империя возвышалась над всеми в своем географическом районе, принимался, по сути, как закон природы, своего рода мандат Неба... Как и Соединенные Штаты, Китай верил в свою особую миссию. Но Китай никогда не поддерживал американскую идею универсализма для распространения своих ценностей по всему миру» (Киссинджер, 2019, с. 32).

Тенденции, которые проявлялись в отношении азиатских стран, не могли не привести к противоречиям. Целесообразно рассмотреть данные факты в связи с понятием *индигенность* и его вариантами. Смысл этого понятия целесообразно соотнести с терминами *индивидуум*, *индивидуальность* — *нечто отдельное, неповторимое, отличающееся от других*, но уже не в масштабах личности и малой группы, а в масштабах этнокультурного сообщества или еще шире. В конце XX в. использование термина *индигенность* утвердилось в политологии, культурологии, а затем и в психологии. Этому способствовала и рефлексия психологами ориентаций своих знаний. В частности, американские авторы книги «Кросс-культурная психология. Исследования и применение» утверждают: «Психологические знания на Западе (иногда называемые WASP от англоязычного *Western academic scientific psychology* — Западная академическая науч-

ная психология — ЗАНП) зачастую не очень соответствует *миру большинства*. Одновременно они признают, что термин индигенная обычно относится к той психологии, которая отражает традиции, убеждения и идеологии незападного общества. До некоторой степени «индигенные психологии возникли как реакция на западную психологию или непринятие ее доминирования в культуре» (Берри, 2007, с. 490). Такие тенденции, по-видимому, имеют фундаментальные основания. Э. Морен — французский философ и социолог — в работе «Образование в будущем: семь неотложных задач» утверждает: «Культуры должны учиться друг у друга, и высокомерная западная культура, которая выступает в качестве поучающей культуры, должна стать культурой, обучающей-ся чему-то у других» (Морен, 2013, с. 312).

Важным для экономической этнопсихологии можно назвать подчеркивание в американской политической литературе экономического аспекта индигенности на примере азиатских стран. С. Хантингтон написал в своей книге главу «Упадок Запада: могущество, культура и индигенизация», а в ней раздел «Индигенизация: возрождение незападных культур», в которых констатировал: «Жители Восточной Азии приписывают свое стремительное экономическое развитие не импорту западной культуры, а, скорее, приверженности своей традиционной культуре. Они добиваются успехов, по их утверждению, потому что они отличаются от Запада» (Хантингтон, 2022, с. 141, 144).

Противоречия индигенизации в азиатской России

Осознав тенденции индигенизации азиатов по отношению к западным традициям и ценностям, некоторые зарубежные ученые и политики задались целью повернуть эти тенденции в сторону переоценки азиатскими жителями России процессов колонизации русскими Сибири. Летом 2022 г. бывший президент Польши Л. Валенса в интервью французской газете «Le Figaro» сказал, что население России надо сократить до 50 млн. человек, а для этого стоит организовать восстания 60 в прошлом колонизированных народов РФ и добиться раздробления российских земель. По сути, Валенса не сказал ничего нового, поскольку уже во времена Гитлера в Германии были идеи разделить народы России и привить им русофобию. Служивший заведующим расово-политического отдела Министерства оккупированных восточных территорий юрист Э. Ветцель подготовил для руководителей своего ведомства доклад «Замечания и предложения по Генплану Ост». Главной политикой в отношении русских было — не допустить наращивание мощи народа с помощью сибирских богатств. Решить «русский вопрос» юрист предлагал с помощью мер, среди которых назывались следующие:

- разделить территории Сибири, населенные русскими, на отдельные маленькие государства, чтобы каждое из них развивалось своим путем; для разобщения развивать языки местных народов;
- новым народам внушить отвращение к Москве и чувство собственной исключительности;
- остальные народы собирались стерилизовать или ограничить рождаемость контрацепцией и абортами, оставив без медицинской помощи и образова-

ния. Коренные народы должны были стать жестокими надсмотрщиками над русским населением. Но, что интересно, основными надзирателями должны были стать завезенные в Сибирь венгры, бельгийцы, чехи — «просвещенные европейцы».

Рассматривая приведенные негативные тенденции, можно утверждать, что для перспектив их реализации существуют определенные условия в лице прозападных установок не только аборигенных, но и русского народа. Н. Алексеев в первой половине XX в. написал статью «Русское западничество», трактуя последнее не столько как «попытки использования западной культуры в чужих культурных целях, но и как стремление к теоретическому и практическому отрицанию особого мира собственной культуры во имя культуры западной» (Алексеев, 1998). Стоит вспомнить, что особый мир собственной культуры существует лишь в этнопсихологическом оформлении.

Западные ориентации в отечественной практике, как отмечала О. С. Дейнека, в начале третьего тысячелетия создали ориентированную на Запад экономическую политику с проявлениями «экономического антипатриотизма» (уверенностью, что русские никогда не научатся производить товары лучше, чем на Западе; предпочтением организовывать свой быт по западным образцам, а также с утверждением о том, что стране не обойтись без кредитов МВФ)» (Россия..., 2002, с. 283).

Одним из проблемных и перспективных для изучения вопросов является психологическая оценка места и роли России в многополярном мире (см., например: Малышева, Стефаненко, 2012). Разворот РФ на Восток требует учета не только сложившихся традиций взаимодействия и возникающих инноваций, но и мнений аборигенных народов Сибири о многополярном мире и перспективах своего развития, тем более что западные политики говорят о необходимости особого для них пути вне связи с Россией. Исследования, проведенные в Восточной Сибири в 2022–2023 гг., показывают, что в российском национальном самосознании реально наблюдаются две позитивные тенденции. Во-первых, почти две трети респондентов разных национальностей воспринимают, например, русофобию как уничтожение не только русского, но и других народов страны. Во-вторых, в оценке положения РФ в многополярном мире лишь 5–7% опрошенных признают возможность вассальной зависимости своей страны. Именно в таком ракурсе экономической этнопсихологии важно взглянуть на судьбу этносов Восточной Сибири. Байкальский регион — хорошая база для исследования, модель для изучения возможных векторов становления многополярного мира, один из значимых «мостов» России в страны Восточной Азии. Это определяется рядом этнопсихологических и кросс-культурных достоинств данного края:

- не только наличие разных этносов внутри азиатской России, но и территориальное соседство с рядом зарубежных стран (Монголия, Китай), близость к Корее и Японии;
- традиционные хозяйственные связи между этническими группами (включая группы бурят из Внутренней Монголии) и роль эколого-экономических факторов в современном взаимодействии;

- наличие родственных связей между народами: буряты – монголы, тунгусо-маньчжурские народы, сойоты и тофалары;
- разнообразие взаимодействующих друг с другом конфессий: у бурят – буддизм, шаманизм, православие; у русских – обновленное в XVII в. православие и старообрядчество; у эвенков и тунгусо-маньчжурских народностей – шаманизм;
- наличие «международных» феноменов, стимулирующих взаимодействие народов: положения индийской «Аюрведы», тибетская медицина и т. п.

Можно уверенно говорить, что Байкальский регион является одним из важных примеров для аргументации выводов Санкт-Петербургских психологов: «В настоящее время только Российская Федерация обладает достаточным историческим опытом и авторитетом, чтобы определить движение человечества к многополярному миру, построенному не на политическом насилии, а на приоритете культурного наследия, в том числе этнических традиций» (Россия..., 2002, с. 570).

Психолого-экономические аспекты многополярного мира

Многополярный мир – это полноценное сотрудничество народов без претензий хотя бы одного из них и/или союза нескольких из них на главенство в политическом и/или идеологическом плане. Суть такого мира в равноправных отношениях стран и их представителей без желания первенствовать, доминировать, превалировать, что сегодня, к сожалению, проявляется в поведении некоторых стран и их коллективных образованиях. Господство чего-то одного – страны, блока, идеологии – в таком мире будет считаться атавизмом. С этнопсихологической точки зрения *многополярный мир можно характеризовать как расширение, усложнение международных и этнокультурных контактов индивидов и организаций в мировом пространстве*. Еще до появления работы философа А. Дугина о многополярном мире социальные психологи МГУ и СПбГУ делали попытки проанализировать определенные атрибуты данного феномена (Бовина..., 2012; Малышева..., 2012; Россия..., 2002), но они, скорее, были лишь постановкой проблемы.

Некоторые аспекты становления многополярного мира можно показать на материалах прошедшей в Иркутской государственном университете летом 2023 г. Международной конференции «Этнопсихологические и кросс-культурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточный и западный подходы)», на результатах опросов Междисциплинарной лаборатории психолого-экономических и кросс-культурных исследований Иркутского госуниверситета (исследование марта 2023 г., количество респондентов – 422 чел.) а также на опубликованной работе (см.: Ксенофобия..., 2023). В частности, в оценке иерархии причин перехода стран и народов к многополярному миру респонденты из Байкальского региона назвали 3 главные причины: «Установление равноправия в межгосударственных и межнациональных отношениях» – 33,4%; «Тенденции к современному разделению мира без претензий кого-то на лидерство» – 32,2%; «Необходимо укреплять доверие в меж-

дународном взаимодействии» — 29,2%. В ответах на вопрос, что, прежде всего, в многополярном мире объединит народы, свыше половины опрошенных указало на заметный приоритет общечеловеческих нравственных ценностей. В числе других приоритетов объединения — «Военно-политические союзы стран» — 24,6%; «Национальные интересы крупных и могущественных государств» — 22,5%; «Идеология ведущих стран в своих регионах» — 19,4%. Критерии «Религиозные учения», «Западные ценности», «Восточные ценности» были указаны как определяющие только у 7–10% респондентов.

Конечно, в конкретных центрах и объединениях многополярного мира будет проявляться национальная специфика традиций и ценностей, и в их уточнении без психолого-экономических и кросс-культурных исследований не обойтись. Но в любом случае нельзя никуда уйти от житейской идеологии, от стремления людей ценить и любить в многополярном мире простые атрибуты повседневного бытия. С. Хантингтон вынужден признать, что в нормальном мире приоритетными выступают не политические интересы, а факторы, способствующие благополучию жизни человека: «Но что же делает культуру и идеологию привлекательными? Они становятся привлекательными, когда в них видят корень материального успеха и влияния» (Хантингтон, 2022, с. 142). Нельзя не констатировать, что многополярный мир — это субъект «макросоциального поля», совокупность сообществ глобального уровня, но, когда такие образования остаются вне психологического анализа, неизбежно возникает «стандартный результат, выражаемый формулой „опять забыли про человека“» (Макропсихология..., 2009, с. 6–7).

Между тем никак нельзя преувеличивать место индигенных интересов в российских этносах. Важно учитывать, что переход к многополярному миру будет периодом определенной нестабильности, поскольку немало людей в России и вне ее не согласятся с полным отторжением долго преваляровавших ценностей Запада.

Заключение

Материалы, рассмотренные в данной статье, показывают, что атрибуты индигенности трудно оторвать от стремления народов к самостоятельности в экономическом развитии, конечно, развитии, сочетающемся с элементами международного разделения труда и общими нормами межэтнического сотрудничества. Переход к многополярному миру вне учета данных факторов невозможен. Конкретно это может быть:

- не отказ от западных критериев эффективности социально-экономического и политического развития, а их этнопсихологическая коррекция;
- увеличение использования «полузабытых» этнических норм, обычаев и институтов, в том числе хозяйствования и природопользования;
- расширение этнорегионального сотрудничества между субъектами РФ и родственными этническими образованиями из соседних стран;
- возвращение религиозных и социально-бытовых основ межкультурной компетентности;

- пояснение собственных успехов и продвижений конкретными действиями по приверженности древним традициям;
- идентификация с давно ушедшими группами предков, у которых были наследственные связи с представителями других народов и т. п.

Литература

- Алексеев Н.* Русский народ и государство. М.: АГРАФ, 1998.
- Берри Дж.* и др. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
- Бовина И. Б., Голыничик Е. О.* Многополярный мир: от политологии к социальной психологии // Вестник МГУ. Сер. «Психология». 2012. № 1. С. 49–59.
- Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А.* Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Киссинджер Г.* Мировой порядок. М.: АСТ, 2019.
- Ксенофобия: этнопсихологические истоки и ресурсы преодоления в многополярном мире: учебное пособие / Под ред. А. Д. Карнышева. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022.
- Макропсихология современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Мальшева Н. Г., Стефаненко Т. Г., Тихомандрицкая О. А.* Образ России в многополярном мире: кросс-культурный анализ // Вестник МГУ. Сер. «Психология». 2012. № 1. С. 61–69.
- Морен Э.* Образование в будущем: семь неотложных задач // Синергетика. Антология. М.—СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 247–322.
- Нейсбит Р.* География мысли. М.: Астрель, 2012.
- Неру Д.* Открытие Индии. Т. 2. М.: Политиздат, 1976.
- Проблемы экономической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. Б. Купрейченко. Т. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Россия. Планетарные процессы / Под ред. В. Ю. Большакова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.
- Социальная психология экономического поведения / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1999.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2022.
- Этнопсихологические и кросс-культурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточный и западный подходы): Материалы Международной научно-практической конференции, 29 июня–1 июля 2023 г. (г. Иркутск) / Под общ. ред. А. Д. Карнышева, И. А. Журавлевой, Е. А. Ивановой. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2023.

Economic Ethnopsychology on the problems and prospects of indigenization and a multipolar world in the Asian region

A. D. Karnyshev, E. A. Ivanova***

** doctor of psychology, professor, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, ale3441@yandex.ru*

*** candidate of sciences (psychology), associate professor, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, ea444@yandex.ru*

A multipolar world is a full – fledged cooperation of peoples without claims of at least one of them and/or the union of several of them to primacy in political and/or ideological terms. The domination of one thing – a country, a bloc, an ideology – in such a world will be considered atavism. The article shows that the tendency of indigenization of Asians in relation to Western traditions and values has prompted some foreign scientists and politicians to turn them (these tendency) towards the reassessment by Asian residents of Russia of the processes of colonization and economic development of Siberia by Russians. It cannot be fully denied that there are certain conditions in the “face” of pro-Western attitudes not only of the aborigines, but also of the Russian people: the so-called “Russian Westernism”, which sometimes develops into “economic anti-patriotism”. Economic ethnopsychology can contribute in the future to solving the problems of a multipolar world, among which respondents named 3 main ones: “the establishment of equality in interstate and interethnic relations” – 33,4%; “trends towards the modern division of the world without claims of someone for leadership” – 32,2%; “the need to strengthen trust in interethnic interaction” – 29,2%.

Keywords: indigenous psychology, indigenization, universal values, “Russian Westernism”, multipolar world, ethnic and confessional interaction.

Психология формирования предпринимательских компетенций студентов в образовательной среде университета

Е. Н. Махмутова, Р. Н. Воронина***

** кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Педагогика и психология», ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Россия, e.makhtutova@inno.mgimo.ru*

*** кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Менеджмент и бизнес-аналитика», ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь, Россия, raisaliv@mail.ru*

Работа посвящена одному из аспектов психологии предпринимательства — исследованию предпринимательских компетенций студентов в образовательной среде университета — и состоит из трех частей. В первой части раскрыт реципрокный характер межпредметных отношений экономической и социальной психологии с акцентом на актуальность психологических исследований предпринимательства. Вторая часть связана с анализом предпринимательского образования в университетах и подтверждает необходимость совершенствования образовательной среды для развития личностных качеств студентов, свойственных предпринимательской модели поведения. В третьей части изложены результаты психологического исследования студентов Севастопольского ГУ и МГИМО МИД России по методике Дж. Роттера диагностики уровня субъективного контроля, состоящего в более высоком развитии интернальности в достижениях, в межличностных отношениях студентов СевГУ и более высоких показателях по общей интернальности, интернальности в области неудач, в отношении здоровья и болезни студентов экономического профиля подготовки МГИМО МИД России. Различия объясняются индивидуально-психологическими и некоторыми базовыми характеристиками студентов.

Ключевые слова: экономическая психология, психология предпринимательства, предпринимательское образование, предпринимательские компетенции, образовательная среда университета, личностно-профессиональное развитие, уровень субъективного контроля, интернальность, ответственность.

Предпринимательство как предмет научно-практических исследований в экономической и социальной психологии

Экономическая психология, изучающая психологические основы экономического поведения и деятельности людей, постоянно расширяет свое исследовательское поле в связи с возникновением новых форм экономической реальности

ти и по мере совершенствования собственного методического инструментария. Актуальной сферой экономико-психологических и социально-психологических исследований стало предпринимательство, основанное на принципах самостоятельности и независимости хозяйствующих субъектов, их экономической заинтересованности, творческом поиске нестандартных эффективных способов осуществления деятельности в условиях ограниченности ресурсов, способности к риску при принятии ответственных решений и др. «В экспертном сообществе сложилось устойчивое представление о том, что именно предпринимательство является непосредственным проявлением инициативной активности человека, его индивидуальной агентности. По мере того как растет осознание ключевой значимости последней в социально-экономической жизни общества, в отечественной и международной литературе отмечается бум предпринимательского образования в университетах и широкое обсуждение проблем обучения предпринимательству в системе образования в целом» (Мироненко, Сорокин, 2021, с. 120).

В теоретико-методологическом плане психология предпринимательской деятельности вносит свой вклад в исследовательский вектор реципрокных отношений с проблемами экономического сознания, экономического самоопределения, экономической социализации. Понимая реципрокные отношения, прежде всего, как взаимовлияющие и способные производить взаимные изменения в предметах исследования, отметим, что подобные идеи встречаются в ряде отечественных публикаций. Так, например, одна из проблем исследования вторичной экономической социализации связана с «размытостью границ данной области исследований. Из-за этого результаты изучения экономического сознания и поведения взрослых людей как зарубежные, так и отечественные исследователи часто относят к другим разделам экономической психологии или поведенческой экономики. Например, таким, как психология денег, предпринимательской деятельности...» (Дробышева, Журавлев, 2018, с. 64). С позиции концепции психологических отношений субъектов экономической деятельности, В. П. Позняков считает, что «выбор предпринимательской деятельности, создание своего собственного дела уже есть процесс и результат экономического самоопределения» (Позняков, 2023, с. 9). Таким образом, психологические исследования предпринимательства имеют инновационные теоретико-методологические и внедренческо-прикладные перспективы.

Предпринимательское образование в университетах

Формирование образовательной среды, направленной на развитие предпринимательских компетенций, становится актуальной задачей для многих университетов России, внедряющих в программы подготовки студентов предпринимательский трек и превращающихся из традиционных в предпринимательские университеты (Юревич, 2021). Поддержку в реализации этой задачи оказывает как правительство страны, формируя соответствующие благоприятные инфраструктурные условия, так и представители региональных бизнес-сообществ, активно включаясь в образовательный процесс и предоставляя возможность повысить уровень практической значимости предпринимательских компетенций.

Понимая предпринимательство как особый вид профессиональной деятельности, некоторые авторы приводят «аргументы в пользу вычленения предпринимательского образования как самостоятельного направления высшего образования в России» (Рубин, Можжухин, 2022, с. 107). Интегрируя опыт решения университетами задачи организации предпринимательского образования, можно выделить ряд элементов, позволяющих успешно ее реализовать: специализированные учебные курсы/дисциплины о предпринимательстве; внеаудиторные мероприятия, позволяющие сформировать предпринимательское мышление; привлечение действующих предпринимателей в качестве преподавателей, наставников, консультантов; создание (или внешнее обеспечение) подразделений, осуществляющих поддержку молодежного предпринимательства. Кроме того, предложенная инфраструктура обязательно должна быть дополнена специальными организационно-педагогическими средствами, которые позволяют поддерживать высокий уровень мотивации студентов на протяжении всего периода формирования предпринимательских компетенций. Первостепенным для развития предпринимательских компетенций студентов вне зависимости от их профессиональной специализации остается обогащение образовательной среды путем создания атмосферы творческого поиска и нахождения инновационных способов решения поставленных учебных задач. В отсутствие такого вектора университетской подготовки «в ряде вузов университетская среда на всем протяжении образовательного процесса оценивается студентами как догматическая, характеризующаяся формированием социально пассивного и зависимого типов личности выпускников. В других вузах отмечается смещение оценки студентами университетской среды с догматической на I–II курсах к карьерному типу, который по-прежнему характеризуется высокой зависимостью обучающихся от преподавателей, но в то же время стимулирует активность студентов на IV–V курсах. Такая организация образовательной среды на старших курсах способствует развитию субъектной активности студентов, т. е. более адекватна задачам их личностно-профессионального развития. Одновременно актуальная задача организации образовательного процесса старшекурсников в условиях творческой среды (активность и свобода) остается нерешенной – в лучшем случае лишь 10–15% студентов оценивают университетскую среду как творческую» (Ясвин, 2012, с. 37).

Таким образом, создание условий для развития личностных качеств, свойственных предпринимательской модели поведения, получения индивидуального и коллективного опыта решения предпринимательских задач способствует улучшению качественных характеристик студентов и повышению вероятности реализации успешной карьерной траектории на рынке труда (Махмутова, Воронина, 2022).

Психологическое исследование формирования предпринимательских компетенций студентов университета

Для подтверждения результативности организации предпринимательского образования проведена оценка качественных и количественных характеристик студентов трех выборок. Одна выборка – 67 респондентов – представлена сту-

дентами первого и второго курса уровня бакалавриата направления «Менеджмент» Севастопольского государственного университета (СевГУ). Вторая выборка — 38 респондентов — также студенты младших курсов СевГУ, обучающиеся по направлению «Экономика». Третья выборка — 30 респондентов — представлена студентами младших курсов бакалавриата, получающими экономическое образование в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО МИД России). Общее количество респондентов — 135.

Студенты каждой из выборок имеют возможность сформировать и развить предпринимательские компетенции в образовательной среде вуза, благодаря освоению специальных дисциплин по предпринимательству, внедренной в образовательный процесс проектной деятельности, наличию поддерживающей инфраструктуры для инициирования, создания и продвижения коммерческих и социальных студенческих проектов (взаимодействие с бизнес-практиками, акселераторы, инкубаторы, стартап-студии и т. п.). Однако особенностью первой выборки является то, что для студентов образовательный процесс был перепроектирован путем создания специальных организационно-педагогических условий, способствующих целенаправленному формированию у них предпринимательского мышления и становлению будущих управленцев предпринимательского типа.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе была установлена гипотеза H_1 , что усиление акцента на развитии предпринимательских компетенций у студентов, может положительно отразиться на уровне их ответственности, а именно степени готовности человека брать на себя ответственность за то, что происходит с ним и вокруг него. Для этого сравнивались ответы респондентов первой и второй выборок (студенты СевГУ). На втором этапе рабочей гипотезой H_2 установлено предположение, что студенты экономического профиля, обучающиеся по схожей программе, имеющие схожие условия предпринимательской среды вуза могут демонстрировать схожие характеристики уровня ответственности. Проверка такой гипотезы осуществлялась по данным, полученным по итогам опроса второй и третьей выборок, т. е. ответы студентов-экономистов СевГУ и студентов-экономистов МГИМО МИД России.

Оценка уровня ответственности обучающихся осуществлялась с использованием методики диагностики уровня субъективного контроля на основании концепции локуса контроля, предложенной Дж. Роттером и предполагающей выделение интерналов и экстерналов в зависимости от типа приписывания причин и ответственности различных событий в жизни: либо в зоне собственно-го влияния и контроля (интерналы), либо во внешних факторах (экстерналы).

Согласно данной методике, на основании сведений, полученных в результате ответов на предложенный перечень утверждений, итоговые результаты оценены по соответствующим шкалам: общей интернальности, интернальности в области достижений, интернальности в области неудач, интернальности в семейных отношениях, интернальности в области производственных отношениях, интернальности в области межличностных отношений, интернальности в отношении здоровья и болезни.

На первом этапе были рассмотрены ответы студентов двух выборок СевГУ. Полученные данные обработаны согласно методике и размещены по соответст-

вующим уровням (стенам). Выраженные в стенах результаты можно сопоставить с нормой, которая составляет 5,5. Если полученное значение превышает этот уровень, то можно говорить о высоком уровне ответственности, когда респондент считает, что в большей степени самостоятельно влияет на обстоятельства, и обратное.

Результаты показали, что большая часть студентов имеет уровень ответственности по каждому из предложенных критериев ниже среднего. Однако, оценивая долю случаев, когда значение шкал превышает средний уровень (принято значение стен 6 и более), выявлено, что в выборке студентов-менеджеров значение этого показателя (12,6%) более чем в 2 раза превышает значение показателя по студентам-экономистам СевГУ (5,3%). Такая разница может быть связана с различными организационно-педагогическими условиями обучения. Наибольшее количество респондентов с уровнем «средний» и «выше среднего значения» наблюдается по шкалам: интернальность в семейных отношениях; интернальность в достижениях; интернальность в межличностных отношениях.

Полученные сведения подтверждают установленную гипотезу H1 и демонстрируют явные отличия по большинству из представленных шкал в стороны большего уровня ответственности у студентов-менеджеров СевГУ, обучение которых предполагает дополнительные организационно-педагогические средства, способствующие развитию предпринимательских компетенций. Почти идентичные уровни контроля выявлены у студентов-менеджеров и студентов-экономистов по шкале интернальности в области производственных отношений.

Обработка результатов опроса респондентов из выборок студентов СевГУ и МГИМО МИД России не позволила однозначно принять гипотезу H₂. Выявлены значительные отличия как в большую, так и в меньшую сторону по исследуемым шкалам. Студенты экономического профиля подготовки в МГИМО МИД России продемонстрировали более высокие показатели уровня ответственности по следующим шкалам: общей интернальности, интернальности в области неудач, интернальности в семейных отношениях, интернальности в отношении здоровья и болезни. В то же время значения по шкалам студентов-экономистов СевГУ выше по интернальности в области достижений и в области межличностных отношений. Выявленные различия могут быть связаны с индивидуально-психологическими и некоторыми базовыми характеристиками студентов, такими как средний балл ЕГЭ поступивших на обучение за счет бюджетных ассигнований или по условиям частных коммерческих договоров по рассматриваемым направлениям подготовки/специальностям, численность победителей и призеров олимпиад школьников, принятых без вступительных испытаний на первый курс программ бакалавриата/специалитета рассматриваемых направлений (очная форма обучения) и др. (Ходырев, Кабалинский, 2023). Портреты типовых абитуриентов, а далее студентов столичного высокорейтингового вуза (МГИМО МИД России) и регионального вуза (СевГУ) обычно имеют соответствующие различия социального, экономического, академического характера. Сходная логика полученных результатов прослеживается, например, в исследовании экономического сознания студенческой молодежи России и Японии в условиях глобализации в виде «зависимости экономичес-

кого сознания от объективных экономических условий и культуры... значимых различий в выраженности аттитюдов к предпринимательской деятельности, экономической активности...» (Дейнека и др., 2019, с. 53). Выявленные в проведенном нами исследовании различия в интернальности студентов указанных университетов могут рассматриваться в качестве предпосылок перехода предпринимательских компетенций в предпринимательские намерения, которые «широко рассматриваются как надежный предиктор будущей предпринимательской деятельности и широко используются различными заинтересованными сторонами по всему миру для прогнозирования склонности к предпринимательству среди молодежи» (Ndofirepi, 2022).

Заключение

Междисциплинарный характер психологии предпринимательства позволяет использовать теоретико-методологические и инструментальные ресурсы экономической и социальной психологии для совершенствования межпредметных связей на основе реципрокных отношений. Конкретные психологические исследования предпринимательских компетенций студентов актуализировали проблему предпринимательского образования в университете как с точки зрения получения соответствующей профессиональной подготовки, так и в аспекте развития личностно-профессиональных качеств будущих специалистов. Психологическая диагностика по методике Дж. Роттера уровня субъективного контроля у студентов СевГУ и МГИМО МИД России показала более высокое развитие интернальности в достижениях, в межличностных отношениях у студентов СевГУ и более высокие показатели по общей интернальности, интернальности в области неудач, в отношении здоровья и болезни у студентов экономического профиля подготовки МГИМО МИД России. Выраженная интернальность свидетельствует о наличии ответственности личности в той или иной сфере. При формировании предпринимательских компетенций интернальность и ответственность становятся профессионально значимыми качествами, которые оказываются связанными с другими индивидуально-психологическими свойствами, а также социально-экономическими условиями и культурой. Перспективным направлением исследований и практических разработок психологии предпринимательских компетенций можно считать создание дополнительных организационно-педагогических средств развития образовательной среды университета для возможностей перехода предпринимательских компетенций студентов в предпринимательские намерения и реализации их в конкретных видах профессиональной деятельности.

Литература

- Дейнека О. С., Забелина Е. В., Честюнина Ю. В.* Экономическое сознание студенческой молодежи в условиях глобализации (на материале исследования России и Японии) // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 4. С. 53–62.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л.* Вторичная экономическая социализация: постановка проблемы и перспективы исследования // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 61–71.

- Махмутова Е. Н., Воронина Р. Н.* Проектирование образовательной среды вуза для развития предпринимательских компетенций студентов // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 3. С. 123–134. doi: 10.21702/rpj.2022.3.8.
- Мироненко И. А., Сорокин П. С.* К вопросу о волевых свойствах личности в контексте проблемы развития предпринимательского элемента человеческого потенциала в системе высшего образования // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2021. № 4. С. 117–136. doi: 10.35231/18186653_2021_4_117.
- Позняков В. П.* Самоопределение российских предпринимателей: ценностные и смыслоложившие ориентации. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. doi: 10.38098/mng_22_0456.
- Рубин Ю. Б., Можжухин Д. П.* Высшее предпринимательское образование: ориентиры становления и смягчения ограничений // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 11. С. 106–121. doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-11-106-121.
- Ходырев А., Кабалинский Д.* Рейтинги университетов 2023 год. Аналитические материалы. М.: РАЕХ Аналитика, 2023.
- Юревич М. А.* Глобальная трансформация высшего образования: от традиционного к предпринимательскому университету // Journal of Applied Economic Research. 2021. Т. 20. № 3. С. 560–581. doi: 10.15826/vestnik.2021.20.3.022.
- Ясвин В. А.* Оценка студентами университетской среды на основе метода векторного моделирования // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. «Акмеология образования. Психология развития». Вып. 2. С. 33–37.
- Ndofirepi T.* Measurement invariance of entrepreneurship intentions scales // Mendeley Data. 2022. V. 1. doi: 10.17632/74nhxtmrzx.1 (дата обращения: 31.07.2023).

Psychology of development of the student entrepreneurial competencies in the University educational environment

E. N. Makhmutova, R. N. Voronina***

** candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, e.makhmutova@inno.mgimo.ru*

*** candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Department of Management and Business Analytics, Sevastopol State University», Sevastopol, Russia, raisaliv@mail.ru*

The article is devoted to one of the aspects of the psychology of entrepreneurship – the study of entrepreneurial competencies of students in the educational environment of the university – and consists of three parts. The first part reveals the reciprocal nature of interdisciplinary relations of economic and social psychology with an emphasis on the relevance of psychological studies of entrepreneurship. The second part is related to the analysis of entrepreneurial education at universities and confirms the need to improve the educational environment for the development of personal qualities of students inherent in the entrepreneurial model of behavior. The third part presents the results of a psychological study of students of Sevastopol State University and MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia using the method of J. Rotter diagnostics

of the level of subjective control, consisting in a higher development of internality in achievements, in interpersonal relationships among students of SevSU and higher indicators of general internality, internality in the field of failures, in relation to health and illness among students of the economic profile of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. The differences are explained by individual psychological and some basic characteristics of students.

Keywords: economic psychology, psychology of entrepreneurship, entrepreneurial education, entrepreneurial competencies, university educational environment, personal and professional development, level of subjective control, internality, responsibility.

Ценностные ориентации и отношение к деньгам у российских и китайских студентов: кросс-культурное сравнение*

О. Б. Михайлова, Е. С. Фаренникова***

* кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики
Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва,
Россия, olga00241@yandex.ru

** студент магистратуры по направлению «Психология» Российского университета
дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия, 21elfa@mail.ru

Представлен теоретический и эмпирический анализ ценностных ориентаций и отношения к деньгам у студенческой молодежи как кросс-культурных показателей экономического поведения. Рассмотрены основные подходы в изучении экономического поведения с позиции московской и Санкт-Петербургской психологических школ экономической психологии. Представлена структурная паттерн-модель взаимодействия человека и общества, на основании которой была сформулирована цель эмпирического исследования. В работе приняли участие 88 российских и китайских студентов, обучающихся в России. Были использованы следующие методики: опросник Б. Клонц и Т. Клонц «Монетарные аттитюды» в адаптации Баязитовой, Т. А. Лапшовой; «Портретный ценностный опросник» Ш. Шварца (PVQ-RR) в адаптации Т. П. Бутенко, Д. С. Седовой, А. С. Липатовой; опросник «Нравственная оценка денег» Е. И. Горбачевой и А. Б. Купрейченко. В результате проведенного качественного и количественного анализа были выявлены значимые связи и различия в проявлениях экономического поведения российских и китайских студентов и сформулированы практические рекомендации по формированию и коррекции значимых показателей экономического поведения у современной молодежи.

Ключевые слова: экономическое поведение, отношение к деньгам, ценностные ориентации, гражданская идентичность, российские и китайские студенты.

Проблема экономического поведения приобретает все большую актуальность для различных областей современной науки, в особенности для психологии, социологии и экономики. Это обусловлено тем, что поведение личности не только влияет на все сферы жизни общества, но и определяет развитие экономики страны в целом. Особую значимость исследования экономического поведения приобретают для такой отрасли психологической науки, как экономическая психология, которая фокусируется на изучении психических феноменов как результатов отражения экономической реальности (Поздняков, Журавлев, 2017).

* Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания ФССП-2023-0029.

Зарубежные исследователи рассматривают экономическое поведение в формате психологии заемного и долгового поведения (S. E. Lea, P. Webley, C. M. Walker и др.), сберегательного (B. W. Roberts, J. B. Hirsh), потребительского поведения (Дж. Акерлоф и Р. Шиллер, Дж. Кейнс) и т. д. (по: Горчакова, 2021).

Анализируя ведущие исследования в области экономической психологии, можно отметить, что российские ученые московской научной школы (Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев, Н. А. Журавлева, А. Б. Купрейченко, В. П. Позняков, В. А. Хащенко, Е. В. Шорохова и др.) уделяли внимание преимущественно изучению экономического сознания. В результате последних исследований Н. А. Журавлевой было выявлено, что система ценностей личности во многом определяет ее отношение к деньгам. Как отмечает автор, для людей, склонных к накопительству и увеличению собственности, деньги представляют высокую значимость. Низкая же значимость денег характерна для людей, ориентированных на познание, творчество и общение (Журавлева, 2023).

Представители Санкт-Петербургской научной школы (Д. А. Баязитова, О. С. Дейнека, Е. В. Забелина, Т. А. Лапшова, и др.) занимаются изучением отношения к деньгам и особенностями проявлений ценностных установок в разных социальных группах. О. С. Дейнека и ее коллеги в своих многочисленных исследованиях раскрывали сущность и значение психологии денег в современной зарубежной и российской экономической психологии (Дейнека, 2004; Салтыкова, Дейнека, 2022).

Анализируя основные направления исследований в рамках научной школы экономической психологии А. Л. Журавлева, можно сделать вывод, что значимые результаты были достигнуты в исследованиях особенностей экономического сознания, экономических ценностей, экономической идентичности, экономической социализации, а также предпринимательской деятельности. Тем не менее, отмечая многообразие направлений исследований российских ученых, А. Л. Журавлев и А. Б. Купрейченко указывали на тесную взаимосвязь экономического сознания и экономического поведения (Журавлев, Купрейченко, 2003).

Современные российские экономисты и психологи предложили структурную паттерн-модель взаимодействия человека и общества, в рамках которой были выделены следующие сферы: ментальная; культурная; институциональная; когнитивная; организационно-технологическая; имитационная; поведенческая (Клейнер и др., 2018). По нашему мнению, обращаясь к данной модели, изучение экономического поведения во всех выделенных сферах, особенно в ментальной, когнитивной и поведенческой, воспринимается перспективным в контексте кросс-культурной психологии. Речь идет об изучении связи таких личностных феноменов, как гражданская идентичность, нравственное самосознание, ценностно-целевые приоритеты, восприятие денег и отношение к ним.

Актуальность исследования особенностей экономического поведения у молодежи обосновывается тем, что подрастающее поколение потенциально — это социальный капитал и экономически активное население государства.

Целью данного исследования является рассмотрение кросс-культурных характеристик ценностных ориентаций и отношения к деньгам у российских и китайских студентов. В данном исследовании отношение к деньгам и цен-

ностные ориентации рассматриваются как показатели экономического поведения. *Гипотезой* исследования выступило следующее предположение: существуют значимые различия и связи в проявлениях ценностных ориентаций и отношения к деньгам у российских и китайских студентов.

Описание выборки и методики исследования. В работе приняли участие студенты 3–4 курсов бакалавриата и 1–2 курсов магистратуры филологического факультета Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (всего 88 чел.) в возрасте от 20 до 26 лет. Выборка включала российских и китайских студентов, по 44 чел. каждой группе, количество девушек в каждой группе (по 25 чел.) немного превышало количество юношей (по 19 чел. в каждой группе).

Эмпирические данные были получены при помощи следующих методик: опросник Б. Клонц и Т. Клонц «Монетарные аттитюды» в адаптации Баязитовой, Т. А. Лапшовой (Баязитова, Лапшова, 2017); «Портретный ценностный опросник» Ш. Шварца (PVQ-RR) в адаптации Т. П. Бутенко, Д. С. Седовой, А. С. Липатовой (Шварц и др., 2012); опросник «Нравственная оценка денег» Е. И. Горбачевой и А. Б. Купрейченко (Горбачева, Купрейченко, 2006). Все методики, представленные китайским респондентам, были переведены при помощи метода двойного слепого перевода на китайский язык. Методы статистического анализа: U-критерий Манна–Уитни и коэффициент ранговой корреляции Спирмена (при $p < 0,05$). С целью выявления типов нравственно-ценностного отношения к деньгам применяли кластерный анализ с использованием метода Варда (при $p < 0,05$, $p < 0,01$).

Результаты и их обсуждение

На основании анализа данных портретного ценностного опросника Ш. Шварца (PVQ-RR) у российских и китайских студентов были выявлены значимые различия в уровне проявления таких ценностных ориентаций, как: 1) *репутация* ($p=0,036$); 2) *безопасность личная* ($p=0,048$); 3) *конформность – правила* ($p=0,026$); 4) *скромность* ($p=0,004$).

Выявлено, что показатели по шкалам *репутация* и *личная безопасность* у российских студентов значимо выше ($p \leq 0,05$), чем у китайских студентов. Так, для российских респондентов, в отличие от китайских, в большей степени важно личное и профессиональное позиционирование и продвижение, тогда как для обучающихся в России китайских студентов ценность репутации была менее значимой, так как, по нашему мнению, не влияют на их взаимоотношения со значимыми Другими (семья, друзья, знакомые и т. д.). Показатель по шкале *личная безопасность* у российских студентов также был более высоко выражен, в то время как китайские респонденты продемонстрировали средний уровень выраженности значений по данной шкале. Исследование показало, что для российских студентов в большей степени, чем для китайских, важно бережное отношение к собственному здоровью, снижение риска заболеваний, а также личная безопасность и безопасность района, в котором они проживают.

В исследовании ценностных ориентаций показатели по шкале *конформность–правила* у китайских студентов значимо выше ($p=0,026$), чем у российских. Это может объясняться как внутренней политикой Китая, так и особен-

ностями китайской культуры. Также было выявлено, что показатель по шкале *скромность* значимо выше ($p=0,004$) у китайских студентов. Вероятно, для китайских студентов в большей степени, чем для российских, важно избегать публичного внимания и не демонстрировать публично свои достижения. Это может быть связано с ментальными особенностями китайской национальной культуры.

Таким образом, по результатам портретного ценностного опросника Ш. Шварца (PVQ-RR) российские студенты, по сравнению с китайскими, больше ценят свою репутацию, личную безопасность, они менее конформны и более активны в продвижении себя. Для китайских студентов наименее важно стремление к переменам, внедрению в жизненный уклад чего-то нового. Это может быть обусловлено традиционным характером китайской культуры, ее консерватизмом, который проявляется в быте китайских студентов на уровне следования правилам, привычки действовать старыми и уже проверенными способами. В то же время для китайских студентов наиболее важна свобода при осуществлении какого-либо выбора или принятия решения и независимость в собственных действиях.

Анализируя результаты, полученные в ходе анализа различий по шкалам опросника Б. Клонц и Т. Клонц «Монетарные аттитюды», было выявлено, что по шкале *избегание денег* у китайских студентов показатель значимо выше ($p=0,008$), по сравнению с российскими студентами. Это может быть связано с тем, что в китайской культуре не принято обсуждать финансовые вопросы. К тому же характер финансовых сделок в России отличен от таковых в КНР, что может влиять на избегание китайскими студентами вопросов, связанных с финансами, в силу их неосведомленности. Результаты различий по шкалам *деньги как статус*, *поклонение деньгам* и *бдительность относительно денег* не были значимыми в обеих группах респондентов.

Результаты корреляционного анализа связи (по Спирмену) в группе российских студентов выявили связи по шкалам ($p \leq 0,05$): *избегание денег*—*гедонизм* ($r=-0,300$), *скромность* ($r=0,298$), *благожелательность* ($r=-0,353$); *деньги как статус*—*скромность* ($r=-0,333$); *поклонение деньгам*—*самостоятельность мысли* ($r=0,375$), *самостоятельность действия* ($r=0,331$), *гедонизм* ($r=0,341$), *власть*—*доминирование* ($r=0,351$), *безопасность личная* ($r=0,336$), *благожелательность*—*долг* ($r=0,330$). Также были выявлены корреляции: ($r=0,01$): *избегание денег*—*безопасность*—*личная* ($r=-0,419$), *деньги как статус*—*власть*—*ресурсы* ($r=0,502$); *поклонение деньгам*—*стимуляция* ($r=0,394$), *достижение* ($r=0,387$), *власть*—*ресурсы* ($r=0,506$); 7) *бдительность относительно денег*—*самостоятельность мысли* ($r=0,389$).

В группе китайских студентов были выявлены следующие взаимосвязи ($p \leq 0,05$): *деньги как статус*—*власть*—*ресурсы* ($r=0,312$), *традиционализм* ($r=0,302$); *поклонение деньгам*—*самостоятельность мысли* ($r=0,310$), *конформность*—*правила* ($r=0,320$), *конформность*—*межличностная* ($r=0,372$), *скромность* ($r=0,318$); *бдительность относительно денег*—*достижение* ($r=0,315$), *власть*—*ресурсы* ($r=0,309$), *конформность*—*правила* ($r=0,304$), *конформность*—*межличностная* ($r=0,318$), а также были выявлены корреляции ($p \leq 0,01$): *деньги как статус*—*достижение* ($r=0,395$); *поклонение деньгам*—*самостоятельность действия* ($r=0,487$), *стимуляция* ($r=0,392$), *гедонизм* ($r=0,387$), *достижение* ($r=0,470$), *власть*—*ресурсы* ($r=0,431$),

власть—доминирование ($r=0,401$), *репутация* ($r=0,488$), *безопасность общественная* ($r=0,399$), *безопасность личная* ($r=0,419$), *благожелательность—долг* ($r=0,391$), *благожелательность—забота* ($r=0,496$); 6) *бдительность относительно денег—репутация* ($r=0,466$), *скромность* ($r=0,431$).

Мы выявили значимые обратные связи между стремлением к избеганию денег и ценностными ориентациями по шкалам *гедонизм*, *личная безопасность* и *благожелательность* у российских студентов. В основу данных взаимосвязей могло лечь убеждение российских студентов в том, что поддержание здоровья, личной безопасности, а также удовлетворенность в сфере развлечений и уверенность при функционировании в какой-либо группе связано с финансовыми вложениями и значимостью денег в жизни человека.

Как у российских, так и у китайских студентов существует значимая связь отношения к деньгам как к статусу с ценностной ориентацией на власть как ресурсы. Чем в большей степени для обеих групп респондентов выражен контроль над ресурсами (материальными и социальными), тем больше они склонны считать, что деньги являются показателем их репутации, общественной безопасности, а также возможностью и результатами достижений.

Чем более важно для китайских студентов соблюдать традиции и предписания своей культуры, а также достигать успеха в соответствии с нормами китайского общества, тем в большей степени они убеждены в том, что деньги являются показателем их успеха.

У китайских студентов существуют значимые связи установки на поклонение деньгам с такими ценностными ориентациями, как *репутация*, *общественная безопасность*, *конформность в отношении правил* и *межличностная конформность*, *скромность*, *благожелательность как забота*. Данные связи могут быть обусловлены спецификой китайской культуры. Так, в ориентации на накопительство китайские студенты могут видеть реализацию ценностей, характерных для их культуры.

В результате применения опросника «Нравственная оценка денег» Е. И. Горбачевой и А. Б. Купрейченко мы провели кластерный анализ с целью выявления кластеров — типов нравственно-ценностного отношения к деньгам. Так, были выявлены два типа оценки денег среди российских студентов: *положительный* и *нравственно-конфликтный*. Согласно положительному типу деньги для студентов представляют собой способ качественного улучшения собственной жизни и источник власти и ответственности. Второй тип отношения к деньгам у российских студентов (нравственно-конфликтный) можно охарактеризовать как состояние финансовой зависимости, порождающее внутриличностные конфликтные отношения к деньгам.

Аналогично, при помощи кластерного анализа были выделены два типа оценки денег среди китайских студентов: *нравственно-неопределенной* и *компромиссно-положительный*. Нравственно-неопределенный тип оценки денег китайскими студентами включает в себя восприятие денег как источника конфликта, связанного с несправедливостью, лживостью, нетерпимостью, но в то же время рассматривается как средство, обеспечивающее достижение жизненного благополучия. Характеризуя *компромиссно-положительный тип* оценки денег китайскими студентами, мы можем сделать вывод о том, что он включает

в себя восприятие денег как средства комфортного существования и источника власти, с которыми неизбежно связана зависимость.

Выводы

Опираясь на результаты проведенного нами эмпирического исследования, мы можем выделить следующие особенности отношения к деньгам у российских и китайских студентов, которые, возможно, нуждаются в коррекции.

1. Нравственно-конфликтный тип отношения к деньгам у российских студентов предполагает оценку денег как зависимости. Данная установка может быть сформирована в результате финансовой зависимости российских студентов, их недостаточной самостоятельности и неосведомленности в сфере управления финансами.
2. В восприятии некоторых китайских студентов деньги также представляют собой источник конфликта.
3. Выраженное стремление китайских студентов к накоплениям, предположительно, мотивируется страхом потери финансов и, в силу связи данной установки практически со всеми ценностными ориентациями респондентов, мотивируется страхом неудачи в реализации важнейших жизненных ценностей.
4. Стремление к избеганию денег у китайских студентов, обучающихся в России, может быть обусловлено их недостаточной финансовой грамотностью в контексте российской экономики и языкового барьера.

Заключение

Таким образом, учитывая специфику связи ценностных ориентаций и отношения к деньгам у российских и китайских студентов, мы можем предложить следующие рекомендации по развитию и коррекции экономического поведения у молодежи.

Во-первых, необходимо внедрение в практику обучения в высшей школе методов формирования у студентов знания в области финансовой грамотности, которые могут реализовываться как в групповом (открытые лекции, семинары, круглые столы), так и в индивидуальном формате (рекомендации для самостоятельного изучения специальной литературы, онлайн-курсов и т.д.). Это позволит молодым людям научиться планировать свой бюджет, осознавать свои финансовые возможности и, соответственно, понизить уровень страха потери финансов.

Во-вторых, развитие гражданской идентичности и патриотических чувств, которые выступают психологической поддержкой студентов на пути к профессиональному становлению и финансовой успешности в своем государстве. Молодые люди должны видеть перспективы и результаты самореализации, профессиональной и экономической активности в своей стране. Поэтому очень важно формировать и развивать ментальные и когнитивные аспекты осознания среди молодежи идентичности со своей страной и воспитывать новое по-

коление на историях успеха героев нашего времени, самореализующихся в профессиональном творчестве в своем Отечестве.

В-третьих, формирование позитивного отношения студентов к деньгам как к результату личностной и профессиональной самореализации, которое может быть реализовано в формате групповых тренингов, деловых игр и любых интерактивных формах обучения, где студенты смогут освоить навыки конструктивного межличностного общения в вопросах, связанных с пониманием значимости денег.

В-четвертых, обеспечение информирования и просвещения иностранных студентов в области экономического поведения в России в целях успешной адаптации к инокультурной среде. Иностранцы должны быть проинформированы по вопросам открытия банковских карт, возможностей онлайн-кошельков, совершения онлайн-покупок на территории России. Данное направление может быть реализовано в форме лекционных и семинарских занятий, а также при непосредственной работе с иностранными студентами в формате наставничества.

Литература

- Баязитова Д. А., Лапшова Т. А.* Адаптация опросника монетарных аттитюдов Б. и Т. Клонц на русскоязычной выборке // Петербургский психологический журнал. 2017. № 19. С. 112–132.
- Горбачева Е. И., Купрейченко А. Б.* Отношение личности к деньгам: нравственные противоречия в оценках и ассоциациях // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 4. С. 26–37.
- Дейнека О. С.* Символизация денег: опыт эмпирического исследования // Проблемы экономической психологии. В 2 т. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. Т. 1. С. 207–241.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Журавлева Н. А.* Динамика жизненных ценностей личности в условиях макроэкономических изменений // Гуманитарный научный журнал. 2023. № 1 (1). С. 15–20.
- Горчакова О. Ю., Ларионова А. В., Обуховская В. Б., Козлова Н. В.* Исследование экономического поведения личности: связь психологических особенностей и монетарных установок // Психолог. 2021. № 5. С. 18–35.
- Клейнер Г. Б., Рыбачук М. А., Ушаков Д. В.* Психологические факторы экономического поведения: системный взгляд // Terra Economicus. 2018. № 1. С. 20–36.
- Позняков В. П., Журавлев А. Л.* Социально-психологическая динамика личности и группы в условиях экономических реформ в России // Наука. Культура. Общество. 2017. № 2. С. 5–17.
- Салтыкова В. С., Дейнека О. С.* Современное состояние денег в отечественной литературе // Мир педагогики и психологии. 2022. № 1 (66). С. 6–22.
- Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.

Value orientations and attitudes towards money among Russian and Chinese students as characteristics of the economic behavior of young people

O. B. Mikhailova, E. S. Farennikova***

** candidate of pedagogical sciences, associate professor, associate professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia, olga00241@yandex.ru*

*** master's student in the field of psychology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia, 21elfa@mail.ru*

The article presents a theoretical and empirical analysis of the characteristics of economic behavior. The directions of research into the indicators of this phenomenon are analyzed from the perspective of foreign and domestic research. The main approaches to the study of economic behavior from the position of the Moscow and St Petersburg psychological schools of economic psychology are considered. A structural pattern model of interaction between man and society is presented, on the basis of which the target direction of empirical research was justified. The study involved 88 Russian and Chinese students studying in Russia. The following methods were used: 1) Questionnaire by B. Klontz and T. Klontz "Monetary Attitudes" adapted by Bayazitova, T. A. Lapshova; 2) Portrait Value Questionnaire by S. Schwartz (PVQ-RR) adapted by T. P. Butenko, D. S. Sedova, A. S. Lipatova); 3) Questionnaire "Moral assessment of money" E. I. Gorbacheva and A. B. Kupreichenko. As a result of the qualitative and quantitative analysis, significant connections and differences in the manifestations of economic behavior of Russian and Chinese students were identified and practical recommendations were formulated for the formation and correction of significant indicators of economic behavior among modern youth.

Keywords: economic behavior, attitude to money, value orientations, civic identity, Russian and Chinese students.

Будет ли доверие в семейном бизнесе способствовать устойчивости предприятия?

Ю. С. Мурзина, С. А. Захватова***

* кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Институт психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», Тюмень, Россия, u.s.murzina@utmn.ru

** магистр психологии Института психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», Тюмень, Россия, mir007na@mail.ru

Развитие и укрепление малого бизнеса является одним из приоритетных направлений развития экономики в России. Мировой опыт показывает, что экономический рост во многих странах был возможен только после того, как общество накапливало внутренний ресурс социального доверия. Следовательно, для ускорения роста субъектов малого бизнеса необходимо развивать высокий уровень доверия среди его участников. Цель работы: выявление взаимосвязи между доверием членов семейного бизнеса и устойчивости компании. Гипотеза: чем выше уровень доверия между родственниками, тем выше устойчивость предприятия. Методы: авторская анкета «Оценка устойчивости бизнеса», Методика оценки доверия/недоверия личности другим людям А. Б. Купрейченко, Методика оценки уровня доверия в организации Р. Б. Шо. Результатами стало выделение предприятий с высоким (47,5%) и средним уровнем (52,5%) стабильности. С устойчивостью бизнеса значимо взаимосвязано организационное доверие (Последовательность, Результативность, Забота, Доверие) и в меньшей степени – личностное доверие (Единство, Надежность). Выводы: повышение организационного доверия будет способствовать формированию устойчивости предприятий семейного бизнеса.

Ключевые слова: малый семейный бизнес, личностное доверие, организационное доверие, устойчивость бизнеса, экономический рост, деловые отношения, семейные отношения, развитие семейного предпринимательства.

Введение

Развитие и укрепление малого бизнеса является одним из приоритетных направлений развития экономики в России. Значительную долю в малом бизнесе занимают семейные предприятия. Сегодня развитием и поддержкой семейного бизнеса в нашей стране занимается Торгово-промышленная палата РФ, эксперты которой отмечают, что около 74% малых и средних предпри-

ятий являются семейными компаниями (Торгово-промышленная палата, 2023).

Семейное предпринимательство — это бизнес, основанный, прежде всего, на доверии к бизнес-партнерам как членам своей семьи. Такая форма предпринимательства включает в себя уникальное сочетание семейной собственности, особой корпоративной культуры, базирующейся на традиционных семейных ценностях. Как пишет А. А. Аузан, ускоренный экономический рост во многих странах был возможен только после того, как общество накапливало внутренний ресурс социального доверия (Аузан, 2015). Значит, чтобы увеличить экономический рост в стране необходимо накапливать уровень доверия среди населения в целом, в том числе и в бизнесе.

Особенности семейного бизнеса, как часть социального капитала, создают конкурентное преимущество на рынке, но и предполагают потенциальные риски — партнерам в семейном бизнесе нужно балансировать между решением вопросов, касающихся семейных проблем, и деловыми отношениями. Русская поговорка гласит: «Доверяй, но проверяй!» Эффективность управленческой деятельности, обеспечивающая устойчивость предприятия, недостижима без функций контроля и оценки. А это, в свою очередь, в отношении членов бизнес-семьи становится поводом для частых конфликтов. В связи с этим **целью** нашей работы является выявление взаимосвязи между доверием членов семейного бизнеса и устойчивостью компании.

Теоретический анализ

В середине XX в. сторонники рационального направления в социологии Н. Луман, П. Штомпка считали, что в основе доверия лежит рациональный расчет, позволяющий снизить уровень неопределенности и рисков, существующих в обществе. Для того чтобы создать доверительные отношения, участники должны выработать общие нормы, культуру, ценности, взаимно адаптировать области своей компетенций, а также поддерживать баланс интересов. Авторы утверждали, что доверие понижает уровень неопределенности. Так, Н. Луман писал: «существование доверия продиктовано тем, что оно снижает уровень неопределенности во взаимодействии индивидов и упрощает этот процесс за счет того, что создает у обладателя доверия определенные ожидания по отношению к чему или кому-либо: другим людям, организациям, социальным институтам» (Луман, 2007, с. 16). По мнению П. Штомпки, доверие — необходимое условие общественного развития в силу нарастания неуверенности людей в будущем. Неуверенность связывается с непрозрачностью современных обществ и возрастанием сложности взаимодействия в них (Штомпка, 2006).

В начале XXI в. А. Селигмен рассматривал доверие как ключевой фактор снижения неопределенности в условиях постоянно продолжающейся сегментации и усложнения современного общества, обеспечивающим самосохранение социума и государства. Он пишет, что «доверие как социальный капитал означает наличие между людьми тесных ассоциативных связей» (Селигмен, 2002, с. 28). Эти связи, проявляющиеся в виде уверенности в том, что другой будет придерживаться «правил игры», являются комбинацией, с одной сторо-

ны, доверия к системе, а с другой, способности приписывать намерениям другого собственные оценки. А. Селигмен выделял два типа в социальном капитале доверия:

- 1 тип – нормы, правила поведения, общие для всех хозяйствующих субъектов, позволяющих индивиду принимать рациональные экономические решения, снижающие риски недобросовестной конкуренции;
- 2 тип – проявляется в форме локальных групповых норм и правил; представляет собой запас контактов, позволяющих повышать конкурентоспособность за счет доступа к определенным видам экономических ресурсов (Селигмен, 2002).

В этот же период Ф. Фукуяма в своей концепции «радиус доверия», показал, что эффективность экономики страны зависит от доверия, присущего тому или иному обществу: если радиус небольшой (ограничен родственными и дружескими связями), то экономические отношения не столь эффективны, как могли бы быть в принципе (Фукуяма, 2004).

Подтверждают эти выводы исследования В. А. Штроо, который пишет: «...более опытные и ответственные за крупные сделки респонденты при оценке успешности деловых партнерских отношений опираются в первую очередь на критерий „доверие“ и лишь затем – на „получаемую взаимную выгоду (промежуточный результат)“» (Штроо, Балакшин, 2015, с. 90). Следовательно, социально-психологический феномен доверия является ключевым как в развитии социальных институтов, так и в оценке успешности экономических отношений.

Фундаментальной психологической работой в исследовании доверия является монография А. Б. Купрейченко «Психология доверия и недоверия». Концептуально автор выделяет 5 основных компонентов доверия.

1. Предсказуемость, или Знание, – представление субъекта о том, насколько хорошо он знает человека и способен предсказывать его поведение в ситуации неопределенности;
2. Надежность – представление субъекта о том, способен или нет другой человек оказать помощь, поддержать в трудной ситуации.
3. Единство (тождественность) – представление субъекта о наличии у него с другим человеком общих целей, принципов или мировоззрения.
4. Приязнь и Расчет позволяют определить склонность личности заменять подлинное доверие в своих отношениях с другими людьми верой или расчетом.
5. Недостатки – возможность амбивалентного отношения личности к другим людям: сохранение способности реалистично оценивать слабые стороны партнера и настороженно относиться к их возможным проявлениям (Купрейченко, 2008).

А. Б. Купрейченко большое внимание уделила взаимосвязи доверия и недоверия. Автор пишет, что основная функция доверия – это развитие субъекта и обеспечение взаимодействия его с миром; основная функция недоверия – это самосохранение. Следовательно, доверие и недоверие выполняют широкий спектр значимых позитивных и негативных функций в регуляции жизнедеятельности.

тельности общества, социальных групп и отдельных людей. Их позитивная роль в наиболее общем виде состоит в том, что доверие и недоверие способствуют интеграции и гармонизации отношений человека с самим собой, окружающими людьми и миром в целом, обеспечивают сосуществование и взаимодействие с ними, регулируют межличностные, внутригрупповые и межгрупповые отношения (там же).

В связи с этим появляется проблема – противоречие в понимании роли доверия в семейном бизнесе. Если недоверие является механизмом самосохранения, то будет ли оно способствовать лучшей выживаемости предприятия на рынке и повышению стабильности (например, благодаря мероприятиям контроля и проверки)? С другой стороны, доверие как механизм снижения сложности и развития, облегчающий коммуникацию. В нашем предыдущем исследовании было показано, что для сохранения и выживания малого бизнеса принципиально важными являются бизнес-стратегии роста и масштабирования, нежели стратегии сокращения затрат и рисков (Мурзина и др., 2021).

Подводя итог теоретическому изучению, сформулируем **гипотезу** исследования: чем выше уровень доверия между родственниками (партнерами в семейном бизнесе), тем выше устойчивость предприятия.

Методика

Исследование проводилось в период с ноября 2022 по апрель 2023 г. Сбор данных проходил методом онлайн-опроса через мессенджеры «В контакте», «Viber», «WhatsApp». В исследовании приняли участие 40 чел. (15 мужчин, 25 женщин) – владельцев малого семейного бизнеса г. Тюмени и Тюменской области, осуществляющих свою деятельность в направлениях: рантие – 20%, строительный бизнес – 20%, юридические услуги – 15%, розничная торговля – 10%, остальные виды (бухгалтерские услуги, деятельность салонов красоты, туризм, медицинские услуги, посредническая деятельность, фармацевтическая деятельность, фотовидеоуслуги) – по 5%. Возраст предпринимателей: 37,5% испытуемых в возрасте 31–40 лет, 45% – 41–50 лет. Высшее образование имеют 85% предпринимателей; 80% состоят в браке и 72,5% имеют 2 и более детей.

Были использованы следующие инструменты исследования.

1. Авторская анкета «Оценка устойчивости бизнеса». Для разработки анкеты были проанализированы анкеты для оценки финансовой устойчивости 5 коммерческих банков («Сбербанк», «Открытие», «ВТБ», «Абсолют банк», «Металлинвестбанк»), которые предлагается заполнить Заемщику для получения кредита на развитие бизнеса. Таким образом, мы выделили семь критериев: 1) Время: продолжительность существования бизнеса на рынке. 2) Доходность: вариативность поступления денежных средств. 3) Источник привлечения инвестиций для развития: кредиты и займы или собственные средства. 4) Качество работы компании: отсутствие судебных процессов. 5) Кадровый состав организации: постоянный или изменяющийся. 6) Гибкость компании: возможность использовать новые направления

деятельности. 7) Материально-техническая база: наличие в собственности необходимого имущества для выполнения работ. Авторская анкета состояла из 10 закрытых вопросов с пятью вариантами в каждом вопросе, за выбор которых начислялись баллы (от 1 до 5). Таким образом, по сумме баллов мы определяли уровень устойчивости бизнеса: низкий уровень – от 0 до 16 баллов, средний – 17–34 балла, высокий – 35–50 баллов.

2. Методика оценки доверия/недоверия личности другим людям А. Б. Купрейченко направлена на определение структуры межличностного доверия. Респонденты оценивали степень своего согласия с каждым из 20 утверждений по 5-балльной шкале. В оригинальной версии автора методика имеет два объекта оценивания: 1) человек, которому вы доверяете больше всего; 2) человек, который утратил ваше доверие. Для целей нашей работы был включен третий объект: 3) родственник-партнер по бизнесу.
3. Методика оценки уровня доверия в организации Р. Б. Шо. Данная методика направлена на измерение субъективной оценки общего уровня организационного доверия. Методика включает в себя 4 шкалы (Доверие, Последовательность, Результативность, Забота), в каждой из которых находится 8 противоположных утверждений, и респонденту предлагается провести субъективное шкалирование близости к тому или иному утверждению в соответствии с оценкой своей организации.

Обработка данных проводилась в программе MS Excel, статистический анализ в программе Statistica v. 8.0; использовался критерий оценки нормальности распределения Шапиро–Уилка и метод ранговой корреляции Спирмена.

Результаты

Авторская анкета «Оценка устойчивости бизнеса» позволила описать основные характеристики экономической устойчивости компаний семейного бизнеса. Основная часть предпринимателей имеет в штате до 5 чел., время существования бизнеса: 42% компаний от 1 до 5 лет, 27,5% – от 11–15 лет. Чистая прибыль большинства предприятий составляет 1–2 млн руб. в год. Компании не участвуют в судебных процессах, не берут кредиты и займы, а также могут прогнозировать поступление денежных средств в следующем месяце, а значит, имеют постоянных клиентов. 67,5% предпринимателей считают, что их бизнес находится в равновесии и способен конкурировать на рынке. Вместе с тем новые стратегии деятельности использует 1/3 часть от общей выборки испытуемых. Это говорит о том, что организации не спешат предлагать новые услуги/виды работ и довольствуются хорошо отработанными и востребованными предложениями на рынке. Итоговым результатом стало деление предприятия по группам устойчивости: 47,5% предприятий имеют высокую (среднее значение – 38,6, станд. отклонение – 2,5), 52,5% – среднюю (среднее значение – 30,9, станд. отклонение – 3,2), 0% – низкую.

Для проверки гипотезы о взаимосвязи доверия и устойчивости бизнеса мы провели корреляционное исследование между шкалами по методикам А. Б. Купрейченко, Р. Б. Шо и итоговым баллам по авторской анкете. Для анализа был

выбран метод Спирмена, так как он является непараметрическим, что делает его устойчивым к выбросам и не требует соблюдения условия распределения данных (полученные данные не прошли проверку на нормальность распределения, оценка производилась методом Шапиро–Уилка).

Результаты корреляционного анализа показывают, что по шкалам Методики оценки доверия/недоверия личности другим людям обнаружено только две значимые связи:

- 1 – для объекта «Человек, которому я доверяю больше всего» шкала Единство значимо связана с Устойчивостью бизнеса ($r_s=0,37$ при $p=0,02$).
- 2 – для объекта «Родственник-партнер по бизнесу» шкала Надежность значимо связана с Устойчивостью бизнеса ($r_s=0,36$ при $p=0,02$).

Прежде всего отметим, что личностное доверие/недоверие и устойчивость бизнеса слабо взаимосвязаны – числовое значение коэффициентов корреляции (0,36–0,37) позволят нам говорить лишь о нижнем пороге умеренной связи. Однако содержательный анализ позволяет обнаружить интересную тенденцию: устойчивость бизнеса для внешних партнеров взаимосвязана с идеологическим согласием (общими целями, принципами и мировоззрением), а для участников бизнеса – с деятельностной поддержкой (готовностью оказать помощь и поддержать в трудной ситуации). Таким образом, для устойчивости малого бизнеса, с одной стороны, схожесть во взглядах с клиентами, поставщиками будет способствовать повышению стабильности предприятия. С другой стороны, члены семьи – партнеры по бизнесу для устойчивости предприятия должны помогать и поддерживать друг друга делами, невзирая даже на возможное расхождение во взглядах.

Для объекта «Человек, который утратил доверие» не оказалась значимых взаимосвязей. Скорее всего, это говорит о том, что собственники бизнеса не воспринимают недоверие как ресурс развития бизнеса и видят лишь одну диалектическую сторону в этом феномене – положительную сторону доверия.

При корреляции оценок устойчивости бизнеса и шкал Методики организационного доверия Р. Б. Шо были выявлены более значимые взаимосвязи: Последовательность ($r_s=0,46$, $p=0,003$), Результативность ($r_s=0,44$, $p=0,005$), Забота ($r_s=0,42$, $p=0,007$) и Доверие ($r_s=0,40$, $p=0,011$). Таким образом, мы можем зафиксировать большую взаимосвязь устойчивости бизнеса и организационного доверия.

Содержательное толкование выявленных взаимосвязей позволяет нам прогнозировать, что стабильность семейного бизнеса будет увеличиваться вместе с:

- 1) выстроенной системой менеджмента, когда бизнес-стратегии последовательно реализуются и сотрудники выполняют свои обязательства, обещания (шкала Последовательность);
- 2) постоянной работой руководства по повышению конкурентоспособности предприятия, притом что сотрудники принимают и исполняют свои КРП (шкала Результативность);
- 3) корпоративной культурой, которая дает сотрудникам чувство единения и признание за личный вклад в дело организации (шкала Забота);

- 4) свободой действий сотрудников, необходимой для выполнения работы, а также отсутствием страхов у сотрудников за возможность совершения ошибки (шкала Доверие).

Количественное и числовое преобладание коэффициентов корреляции по организационному доверию говорит о его первостепенности в сравнении с личным. Таким образом, для стабильности в бизнесе необходимо формировать именно организационное доверие. Проведенное эмпирическое исследование позволяет подтвердить выдвинутую гипотезу: чем выше уровень доверия между родственниками (партнерами в семейном бизнесе), тем выше устойчивость предприятия.

Итак, доверие и недоверие в семейном бизнесе могут быть диалектически взаимосвязаны. Однако именно доверие как механизм роста и развития позволяет формировать стабильность компании. Наиболее значимым для стабильности является организационное доверие — оно должно превалировать в компании над личным. Основой организационного доверия могут стать четкие, однозначные организационные регламенты и конструктивная коммуникация, основанная на принципах открытости, честности и включенности — вовлечения всех членов семьи.

Заключение

Теоретический анализ позволил установить, что доверие позволяет снизить уровень неопределенности и рисков, существующих в обществе. Опорой в создании доверительных отношений становится выработка общих норм, культуры, системы ценностей всеми участниками организаций. Кроме того, доверие является необходимым условием общественного и экономического развития. Поскольку в будущем прогнозируется возрастание неопределенности, сложности и ускорение изменений, тема доверия приобретает важное значение как в индивидуальном-личностном аспекте изучения, так и в межгрупповом (организации, социальные институты, общественные объединения, государства).

Целью данной работы выступило изучение взаимосвязи доверия и устойчивости в семейном бизнесе. Основной гипотезой стало предположение: чем выше уровень доверия между родственниками (партнерами в семейном бизнесе), тем выше устойчивость предприятия. Для проверки гипотезы была разработана авторская анкета «Оценка устойчивости бизнеса», а также использованы Методика оценки доверия/недоверия личности другим людям А. Б. Купрейченко и Методика оценки уровня доверия в организации Р. Б. Шо.

Авторская анкета «Оценка устойчивости бизнеса» была создана на основе анализа анкет по оценке финансовой устойчивости заемщиков в 5 крупных коммерческих банках РФ. В итоге нами были выделены 7 критериев оценки устойчивости: Время работы на рынке, Доходность, Источник привлечения инвестиций для развития, Качество работы компании, Кадровый состав организации, Гибкость компании, Материально-техническая база. Использование анкеты позволило поделить предприятия на группы устойчивости: 47,5% — высокий уровень и 52,5% — средний уровень.

Корреляционный анализ позволил обнаружить бóльшую взаимосвязь устойчивости бизнеса и организационного доверия, по сравнению с личностным. Тем не менее, для последнего были выявлены две значимые взаимосвязи с устойчивостью: для внешних партнеров — это доверие на основе идеологического согласия, а для родственников — участников бизнеса — это доверие на основе деятельностной поддержки. Данный результат показывает, что именно помощь и поддержка членов семьи будет способствовать стабильности бизнеса.

В организационном доверии были выделены главные компоненты, взаимосвязанные со стабильностью бизнеса, — это последовательность и результативность менеджмента, то, что первостепенно для роста и процветания организации. Третьим императивом доверия является проявление заботы о других людях и группах. Как пишет Р. Шо, мы склонны больше доверять тем людям, кто заботится о нас. И четвертым компонентом является непосредственное доверие к персоналу, выраженное в возможности ошибаться, использовать новые методы в работе и принимать самостоятельные решения.

Таким образом, нам удалось подтвердить гипотезу исследования: чем выше уровень доверия между родственниками (партнерами в семейном бизнесе), тем выше устойчивость предприятия. Доверительные отношения между партнерами в семейном бизнесе создают определенную безопасность и защищенность от внешних (политических, финансовых, экономических) и внутренних угроз (ссор, конфликтов и пр.), с которыми сталкиваются предприниматели. Высокий уровень организационного доверия помогает облегчить сложные коммуникации, сделать менеджмент более продуктивным, а сотрудников более вовлеченными. Полученные результаты будут полезны как действующим, так и начинающим предпринимателям, планирующим включить в свой бизнес родственников, а также консультантами-психологам, работающим по выстраиванию коммуникации и доверия в семейном бизнесе.

Литература

- Аузан А. А. Стратегия долгосрочного развития России: новизна подхода // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. № 7. С. 229–241.
- Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Под ред. Н. А. Головина. СПб.: Наука, 2007.
- Мурзина Ю. С. Позняков В. П., Дьячков С. М., Язовских А. В. Сравнительный анализ ценностных ориентаций владельцев малого бизнеса с разной продолжительностью работы компаний на рынке // Организационная психология. 2021. Т. 11. № 4. С. 9–35.
- Селигмен А. Проблема доверия / Пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004.
- Шо Р. Б. Ключи к доверию в организации: Результативность, порядочность, проявление заботы. М.: Дело, 2000.
- Штомпка П. Доверие в эпоху глобализации // Социальная политика и социология. 2006. № 4. С. 8–15.

Штроо В. А., Балакишин М. Е. Роль доверия в становлении и развитии успешных деловых партнерских отношений // Известия Иркутского государственного университета. 2015. № 12. С. 70–93.

Торгово-промышленная палата. URL: <https://family.tpprf.ru/about> (дата обращения 24.07.23).

Will trust in a family business contribute to the sustainability of the enterprise?

*J. S. Murzina**, *S. A. Zakhvatova***

** candidate of psychological sciences, associate professor of the Department of General and Social Psychology, Institute of Psychology and Pedagogy, Tyumen State University, Tyumen, Russia, y.s.murzina@utmn.ru*

*** master in psychology, Institute of Psychology and Pedagogics, Tyumen State University, Tyumen, Russia, mir007na@mail.ru*

The development and strengthening of small business are the priority areas for the development of the economy in Russia. World experience shows that economic growth in many countries was possible only after society accumulated an internal resource of social trust. Therefore, to accelerate the growth of small businesses, it is necessary to develop a high level of trust among its participants. The purpose of the work: to identify the relationship between the trust of family business members and the stability of the company. Hypothesis: the higher the level of trust between relatives, the higher the stability of the enterprise. Methods: the author's questionnaire "Assessment of business sustainability", Methodology for assessing trust/distrust of a person in other people A. B. Kupreichenko, Methodology for assessing the level of trust in an organization R. B. Sho. The results were the selection of enterprises with a high (47,5%) and medium level (52,5%) of stability. Organizational trust (Consistency, Efficiency, Caring, Trust) is significantly interconnected with business sustainability and, to a lesser extent, personal trust (Unity, Reliability). Conclusions: Increasing organizational trust will contribute to the formation of the sustainability of family businesses.

Keywords: small family business, personal trust, organizational trust, business sustainability, economic growth, business relationships, family relationships, family business development.

Экономическая психология на пути к единой теории экономического поведения: задачи, вызовы, контекст

*А. Н. Неверов**, *А. В. Неверова***

* доктор экономических наук, доцент, директор АННИО

«Институт психолого-экономических исследований», г. Саратов, Россия

** кандидат психологических наук, доцент, зам. директора АННИО

«Институт психолого-экономических исследований», г. Саратов, Россия

На основе анализа истории развития экономико-психологического знания и текущих вызовов социально-экономического развития мира анализируются задачи, стоящие перед экономической психологией. Авторы аргументируют, что в качестве наиболее важной задачи выступает разработка единой теории экономической активности/поведения. По мнению авторов, критически важными при ее построении выступают три момента: 1) учет информационной избыточности как условий реализации экономической активности; 2) междисциплинарный подход; 3) преодоление дихотомии экономистов «рациональное-иррациональное» в анализе экономической активности человека.

Ключевые слова: экономическая психология, экономическая активность, информационная избыточность, междисциплинарность, теория экономического поведения.

Экономическая психология в нашей стране активно развивается, начиная с фундаментальных работ А. И. Китова, уже более четырех десятилетий. Изначально сама постановка вопроса о необходимости изучения психологических основ экономической и хозяйственной деятельности в нашей стране в большей степени была детерминирована запросом отечественной политэкономии, задачами социально-экономического развития нашей страны и бурным развитием экономической психологии в Западной Европе (Неверов, 2010). С абсолютной уверенностью можно утверждать, что влияние данных факторов не только не ослабло за период масштабных трансформаций в нашей стране (Социально-психологическая динамика..., 1998), но, наоборот, во много раз возросло. Так, все более очевидным для научной общественности становится факт того, что текущий мировой экономический кризис (Неверов, 2022), второй за последние 15 лет, как и недавно завершившаяся пандемия COVID-19 (Влияние пандемии..., 2021), во многом не были предсказаны по причине крайне слабого учета в экономических моделях психологических компонентов экономического поведения и хозяйственной деятельности.

Данная ситуация имеет достаточно длительную историю, восходя к работам первых представителей неоклассического направления (Ф. Эджуорт, А. Мар-

шалл, А. Пигу, В. Парето и др.). Она связана исключительно с аналитической целью описания и формализации экономической активности и ее носителей (экономических агентов). С первых шагов подобный путь подвергался критике и в экономической теории, и в современной для того времени психологии, он выступал основой для целого ряда внепарадигмальных исследований.

Не в последнюю очередь это связано с неоправданным упрощением конструктора реального экономического поведения в существующих экономико-математических моделях. Так, подавляющее большинство моделей исходит из допущения об однородности экономической активности агентов и дуалистической схемы ее детерминации, *т. е. данные модели не только принимают во внимание исключительно целевую функцию экономической активности, но и ограничивают сами цели двумя крайними вариантами (максимизация полезности, минимизация потерь). При этом из анализа исключаются другие психологические переменные, часть из которых принимается за постоянные (например, предпочтения, способности и т. д.), а другие — за несущественные для анализа параметры.*

Простота подобных моделей до сегодняшнего дня зачастую перевешивает критику и факты ее расхождения с реальностью. Для преодоления сложившейся кризисной ситуации необходимо выдвижение принципиально новой, эмпирически релевантной, но в то же время относительно простой модели экономической активности. Эта задача, стоящая перед экономической психологией, может быть сформулирована несколькими способами: а) как задача построения унифицированной модели экономического поведения; б) как выход на единую комплексную теорию экономической психологии; в) как преодоление ложной дихотомии «рациональное—иррациональное». В зависимости от формулировок и пути решения проблемы способы решения задачи становятся несколько отличающимися друг от друга. При этом перспективы развития экономической психологии всеми исследователями однозначно осознаются как выход на эмпирически обоснованную, комплексную и релевантную для экономистов, как ее потребителей, единую психологическую теорию (модель) экономической активности личности, группы, государства.

Вызовы и контекст на пути построения единой теории экономической активности

Особое значение приобретает анализ психологических основ длительных и устойчивых форм экономической активности человека — стратегий и стилей экономического поведения. *В этих условиях еще больше, чем в момент их произведения, актуальны слова патриарха российской экономической психологии А. И. Китова: «Своеобразие пограничных для психологии и экономики проблем, их неизученность, их актуальность не оставляет сомнений в том, что создание новой отрасли знаний — экономической психологии действительно необходимо»* (Китов, 1982). Сегодня можно добавить, что созданная отрасль знания, по которой теперь возможно и присуждение профильных научных степеней, сейчас стоит перед задачей выработки общей теории.

Институционализация экономической психологии как подлинно самостоятельной отрасли современного научного знания, по нашему глубокому

убеждению, не может быть завершена в условиях отсутствия подлинной теории экономической психологии — системы принципов, законов, закономерностей, объединенных едиными предметом, методом и категориальным аппаратом. Как уже неоднократно отмечалось в различных выступлениях, статьях и монографиях, достижение этого состояния исходит из трех базовых моментов.

Во-первых, существует объективная ситуация, связанная с кризисом экономической теории как основного потребителя экономико-психологического знания и кризисом мировой психологической науки как основного производителя этого знания, требующая построения экономической психологии (поведенческой экономической теории) как синтетической научной дисциплины, т. е. движения не по пути специализации, а по пути интеграции.

Во-вторых, практика хозяйственной жизни и эволюции мировой социально-экономической системы становится все больше пронизанной психологией, обуславливая психологический поворот в экономической науке и одновременно экономический поворот в гуманитарном знании вообще. Нельзя забывать и о том, что «социально-психологические факторы (феномены) не только выступают следствием экономических изменений в обществе, но и сами оказывают воздействие на состояние и динамику социально-экономических условий» (Журавлев, Позняков, 2004). В итоге, в условиях становления ноосферной экономики уже нельзя строить обоснованные и релевантные прогнозы, разрабатывать государственную политику в области экономики, образования и науки без учета экономико-психологического знания (Неверов, 2009).

В-третьих, общий поворот науки от стадии специализации к стадии интеграции вынуждает формировать стыковые отрасли знания, которые могли бы на подлинно междисциплинарной основе обеспечивать системное познание реального мира. Исходя из этого, основные задачи, стоящие на пути развития экономической психологии, в самом общем виде можно объединить в проблему разработки «общей экономической психологии», включающую в себя проблему предмета, проблему метода, проблему функций экономической психологии в системе научного знания, проблему категориального аппарата экономической психологии (выступающей следствием разрыва дисциплинарных онтологий экономической теории и психологии и использованием в них одних и тех же терминов для обозначения различных понятий, а также обратное — использование различных терминов для обозначения одного понятия).

Одним из шагов на данном пути, по нашему глубокому убеждению, выступает эмпирическое и междисциплинарно релевантное изучение стратегического экономического поведения. Надо сказать, что экономическое поведение индивида и различных групп индивидов имеет достаточно долгую историю изучения, восходя к первым работам классиков на стыке этики и философии, сформировавшим научно-исследовательскую программу классической школы политэкономии. Фактически именно обоснованию новой модели экономического поведения посвящена знаковая работа англосаксонской мысли — «Басня о пчелах» Бернарда де Мандевилля (1705, 1714) (Мандевиль, 1974), ознаменовавшая постановку проблемы выделения особого вида активности человека, позже названной экономической активностью. В ставших классическими для экономической теории, социологии и этики работах «Теория нравственных чувств»

и «Исследование о причинах богатства народов» А. Смит описал две модели поведения: экономическую и альтруистическую, тем самым выделив индивидуалистическое поведение, ориентированное на достижение узко утилитарных мотивов, как основу экономики. И сегодня, в рамках научных мероприятий, на которых встречаются психологи, педагоги и экономисты именно по данному критерию отделяют экономическое (эгоистическое, по принципу «бизнес есть бизнес», «цель оправдывает средства» и т. п.) поведение от культурного и духовно-нравственного поведения.

Объяснению единой основы экономического поведения в той или иной степени посвящены работы таких философов, как Д. Юм, И. Бентам, Ж.-Ж. Руссо, Вольтер и др. С возникновением научной психологии и развитием экономической теории в XIX в. проблема построения теории экономического поведения стала рассматриваться как общая задача для экономистов и психологов (Г. Госсен, Ф. Бастиа, Ф. Эджуорт, В. Вундт, Г. Тард, Г. Спенсер, Т. Веблен и др.).

В итоге, в конце XIX в. в работах Г. Тарда было предложено ввести специальный раздел гуманитарного знания — экономическую психологию, задачей которой было заявлено выявление психологических основ экономического поведения. Борьба идеалистико-философской психологии с экспериментальной психологией в конце XIX—начале XX в., как известно, привела к доминированию бихевиористической (поведенческой) научно-исследовательской программы (И. М. Сеченов, В. М. Бехтерев, И. П. Павлов, Дж. Уотсон, Э. Торндайк и др.), выдвигавшей в качестве предмета психологии именно поведение как объективно наблюдаемую систему реакций организма на внешние и внутренние раздражители (стимулы). В таком понимании экономическая наука могла самостоятельно изучать особый вид реакций организма без обращения к психологии. Для этого достаточно было максимально схематизировать и формализовать данные реакции, что и было сделано в работах Е. Е. Слуцкого, В. Парето и ряда других экономистов-математиков. Они убедительно доказали, что для изучения экономического поведения достаточно только нескольких базовых предпосылок: а) иерархичной организации полезности; б) методологического индивидуализма; в) знания закона предельной полезности (восходящего к основному психофизическому закону Вебера-Фехнера) и тезиса о максимизации полезности в условиях ограниченности ресурсов как наиболее общей целевой функции экономического поведения. В итоге изучение дополнительных психологических переменных (таких как сознание, мышление и т. д.) становилось избыточным, поскольку в них практически ничего не было, что было бы способно существенно изменить в моделях рыночного равновесия.

В итоге усилиями экономико-математического, маржиналистского направлений и особенно Австрийской школы экономической теории (Е. Е. Слуцкий, В. Парето, Ф. Найт, К. Менгер, Л. Мизес, М. Фридмен и др.) была сформирована аналитическая модель Homo Economicus, выводимая из гедонистической философии и основанная на методах формальной и математической логики и данных самонаблюдения.

В работах Й. Шумпетера, Н. Д. Кондратьева, Т. Веблена, Дж. М. Кейнса и целого ряда других авторов сформулирован ряд гипотез и допущений о психологической природе экономического поведения, решение которых предъявлено

в качестве запроса к психологической науке. Попытки эмпирической верификации модели Homo Economicus, наиболее масштабными из которых выступают работы Г. Саймона, Дж. Катоны, Д. Канемана, А. Тверски, М. Алле и В. Смита, привели к возникновению принципиально нового направления — поведенческой экономической теории, стремящейся найти выход из возникшего разрыва между допущениями о психологической природе экономического поведения, заложенными в неоклассическом направлении экономической теории, и данными современной психологии. Развитие методов и инструментария познания психофизиологических и нейрофизиологических основ поведения человека в последние десятилетия XX в. привело к возникновению еще одного направления, задачей которого выступает построение нейрофизиологических основ экономической активности индивидов — нейроэкономики.

Определенный вклад в корректировку модели экономического поведения вносит современная экономическая психология и поведенческая экономическая теория. Однако в подавляющем большинстве работ предметом изучения выступают отдельные поведенческие акты и паттерны.

Переход в развитии науки от специализации к ее интеграции осознавался учеными еще в середине XX в., в настоящее время он уже не потенция, а необходимость, активно переходящая в эмпирический факт. Сейчас уже не остается сомнений в истинности утверждения выдающегося отечественного ученого Ю. Н. Давыдова, высказанного им в период зарождения кибернетики (1962 г.): «...наука за долгие столетия своего развития накопила... такой огромный запас знаний, открытий, концепций, что ученые — при наличном количестве — оказываются просто не в состоянии справиться с ним, „переварить“, „освоить“ его... и хотя ученые тоскуют от того, что... нет „сумасшедшей идеи“, объективное положение дел состоит как раз в обратном» (Давыдов, 2008). По его мнению, практически ни один ученый начала XXI в. не способен охватить весь объем информации, опубликованной по интересующей его проблематике, опираясь на первоисточники.

Феномен, отчетливо зафиксированный в период 1950–1960-х годов, когда вызванное войной «нарушение сложившейся системы разделения труда в науке привело к грандиозным открытиям» (Давыдов, 2008), совершившим переворот в техническом базисе современного производства и общества (научно-техническая революция), способствующим резкому всплеску информационного массива и превращению знаний в лимитирующий фактор, является одним из определяющих моментов при построении искомой теории.

Информационная избыточность — это контекст современного экономического поведения, который, по-видимому, должен оказывать существенное воздействие на весь психологический механизм его реализации и детерминации. Тем самым информационная избыточность, проявляющаяся в превышении объемов информации когнитивным возможностям человека и группы, а также в сокращении времени на принятие решений, выступает существенным фактором, учет и непосредственное изучение которого в работах экономических психологов пока делает только первые шаги.

Современная агрессивная информационная среда на уровне как внутренней экономической политики, так и международной геополитики и экономики

активно использует когнитивные и психологические технологии с целью обеспечения конкурентных преимуществ в борьбе на всех уровнях социально-экономической системы. Экзогенные запросы на развитие экономико-психологического знания становятся все более выраженными и глобальными.

Заключение

Можно считать установленным фактом, что возрождение экономической психологии в качестве актуальной области научного поиска во всемирном масштабе приходится как раз на период информационной избыточности и этап перехода науки от стадии специализации к стадии интеграции. Одно это указывает на то, что современная экономическая психология — это не специализация в рамках психологии или экономической теории, это интеграция данных наук, надстройка над ними, позволяющая преодолеть современный методологический кризис обеих материнских наук за счет пересмотра их аксиоматических положений (становящегося возможным за счет их экспериментальной проверки).

Сегодня для целого пласта научных дисциплин, таких как философия и методология экономики и хозяйства, экономическая теория, поведенческая экономическая теория, экономическая социология, экономическая психология, нейроэкономика и др., принципиально значимым выступает построение эмпирически и экспериментально верифицированной теории экономического поведения.

Построение подобной теории должно преодолеть дихотомию «рациональное — иррациональное» в современных моделях за счет выделения реально наблюдаемых и экспериментально зафиксированных типов и видов экономической активности. Позитивное решение данной проблемы ведет к уточнению и пересмотру целого ряда допущений и моделей современной науки в части объяснения и прогнозирования социально-экономических и политико-экономических процессов и сегодня находится на переднем плане научного поиска в мировой науке.

Литература

- Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / Отв. ред. Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев, А. Е. Воробьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Давыдов Ю. Н.* Труд и свобода // Ю. Н. Давыдов. Труд и искусство. Избр. соч. М., 2008.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал ВШЭ. 2004. № 3. С. 58.
- Китов А. И.* Психология и экономика: междисциплинарные проблемы в свете решений XXVI съезда КПСС // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 3. С. 26.
- Мандевиль Б.* Басня о пчелах. М.: Мысль, 1974.
- Неверов А. Н.* Вклад Н. И. Гвоздевой в развитие отечественной экономико-психологической мысли // Психология и экономика. 2010. Т. 3. № 2. С. 19–26.
- Неверов А. Н.* Поведенческая геоэкономика. Саратов: АННИО ИПЭИ, 2022.
- Неверов А. Н.* Концепция ноосферной экономики. Саратов, 2009.

Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений /
Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии
РАН», 1998.

**Economic psychology on the way to a unified theory of economic behavior:
tasks, challenges, context**

*A. N. Neverov**, *A. A. Neverova***

** ScD (economics), director of ANSRO “Institute of Psycho-Economic Researches”, Saratov, Russia*

*** PhD (psychology), vice-director of ANSRO “Institute of Psycho-Economic Researches”, Saratov, Russia*

Based on the analysis of the history of the development of economic and psychological knowledge and the current challenges of the socio-economic development of the world, the article analyzes the tasks facing economic psychology. The authors argue that the most important task is to reach a unified theory of economic activity/behavior. According to the authors, three points are critical in its construction: 1) taking into account information redundancy as a condition for the implementation of economic activity; 2) interdisciplinary approach; 3) overcoming the dichotomy of economists “rational–irrational” in the analysis of human economic activity.

Keywords: economic psychology, economic activity, information redundancy, interdisciplinarity, theory of economic behavior.

От экономического посредничества к новой профессии: есть ли институт медиации в России?

Г. У. Солдатова, М. В. Ветлинская***

* доктор психологических наук, академик РАО, профессор факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заведующая кафедрой социальной психологии Московского института психоанализа, Москва, Россия, soldatova.galina@gmail.com

** инженер кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, marya.zapevalova@yandex.ru

В настоящее время в рамках психологической науки активно развивается направление, связанное со сферой посредничества. Развитие новой, значимой для общества, гуманитарной профессии — медиации, определяет усиление практического интереса к феномену посредничества, а также рост связанных с ним научных исследований. В данной работе посредничество (медиация) определяется как процесс совместной коммуникативной деятельности конфликтующих сторон с участием третьей стороны — медиатора (посредника) с целью поиска взаимоприемлемых решений и соглашений, позволяющих преодолеть действительную или кажущуюся несовместимость интересов и прийти к взаимовыгодным результатам, позволяющим противостоящим сторонам продолжить свое дальнейшее развитие за пределами конфликтной ситуации. В свою очередь, посредник — это специалист, владеющий соответствующими компетенциями по построению эффективной системы социокультурных действий «по наведению мостов» между враждующими сторонами. Обсуждаются вопросы становления и развития института медиации в России, уделяется внимание актуальным задачам, связанным с подготовкой специалистов в области переговорной деятельности.

Ключевые слова: конфликт, переговоры, медиация, посредничество, социальное действие, экономические отношения, профессия, институт.

На протяжении своей истории человечество продемонстрировало огромный диапазон и разнообразие конфликтов, споров, разногласий и столкновений. По мере развития человеческой цивилизации ее выдающиеся представители пытались их решать, отработывая различные способы и практики не только силового или военного, но в первую очередь мирного решения возникающих проблем. Сегодня палитра подходов, технологий и способов разрешения конфликтов достаточно разнообразна. Центральное место среди способов разрешения конфликтов занимают переговоры как процесс поиска соглашений, достижения целей и принятия решений несиловыми методами.

Одной из особенностей современной картины при разработке подходов к поиску психологических стратегий разрешения проблемных, конфликтных или кризисных ситуаций как в России, так и за рубежом являются попытки перехода от парадигмы конфликта к парадигме согласия, сотрудничества, взаимопомощи и кооперации в гуманитарных, социальных и естественных науках. Данный переход опосредован глобальными событиями XX века: опытом тоталитарных режимов, ядерной гонкой вооружений, процессами глобализации и деглобализации, связанными с социальными, экономическими и экологическими рисками. Новая парадигма согласия и солидарности получила свое распространение не только в научных работах, но и в первую очередь в развитии переговорной практики (Солдатова, Нестик, 2004).

Посредничество или медиация – особый и наиболее древний вид переговорного процесса, предполагающий взаимоприемлемое решение при участии третьей стороны и предполагающий добровольное исполнение достигнутого соглашения (Аллахвердова, 2007). Как показал, мировой опыт, практика использования переговоров «лицом к лицу» в сложных конфликтах не всегда является подходящим способом его урегулирования. Вероятность успеха зачастую повышается как раз благодаря присутствию третьей нейтральной стороны – посредников, которые в первую очередь берут на себя функцию организации и управления самим процессом переговоров (Журавлев и др., 2018). Именно благодаря активному использованию стратегий посредничества возникла новая профессия – медиатора как специалиста, владеющего альтернативными способами разрешения конфликтов – медиацией, дополняющей судебные способы урегулирования гражданско-правовых споров.

На сегодняшний день в литературе встречается множество подходов к определению данного понятия. Наиболее широкое понимание медиации определяет ее как особый вид посредничества, представляющий собой деятельность специалиста по урегулированию споров, которая осуществляется в рамках переговоров между спорящими сторонами в целях заключения мирового соглашения между ними (Шамликашвили, 2006). В рамках психологической науки чаще всего встречается достаточно общее определение посредничества как вмешательства в переговорный процесс третьей нейтральной стороны, которая помогает конфликтующим сторонам прийти к взаимоприемлемому способу решения проблемы, при этом не обладая полномочиями принимать решения (Кеннеди, 2022; Спэнг, Айзенхарт, 2009). Примерно такой же позиции придерживается О. В. Аллахвердова, внесшая значительный вклад в развитие психологии медиации в российской психологической науке и рассматривающая медиацию как особый социально-психологический процесс, ведущую роль в котором играет посредник-медиатор (Аллахвердова, 2007).

Таким образом, медиация в рамках современной действительности может рассматриваться как принципиально новый вид профессионального посредничества, как особая форма взаимодействия нескольких сторон со своими правилами и требованиями, которые зафиксированы на законодательном уровне. При этом медиацию не стоит сводить к некоторой шаблонности, напротив, это весьма ситуативная, творческая и индивидуальная работа посред-

ника-медиатора, которая заслуживает довольно тщательного и пристального анализа (Здрок, 2018).

В связи с тем фактом, что конфликт является универсальным социальным явлением, неудивительно, что посредничество нередко можно обнаружить на всех уровнях социального взаимодействия как в настоящем, так и в событиях прошлых эпох (Журавлев и др., 2018). Считается, что принятые ранее модели разрешения конфликтов заложили основу для изучения феномена посредничества. Но в то же время они подвергаются частым правкам и дополнениям со стороны исследователей и практиков, что, безусловно, положительно отражается на формировании более четкого понимания данной профессиональной сферы и нахождении новых алгоритмов в разрешении споров (Андреев, 1999). Но в то же время анализ литературы показывает, что на сегодняшний день отсутствует общепринятая дефиниция самого феномена посредничества, что свидетельствует о сложном и многогранном характере рассматриваемой тематики.

Обращаясь к исторической стороне вопроса, отметим, что появление посредничества как метода урегулирования конфликтов уходит в глубь веков, однако изначальная форма посредничества как одного из наиболее ранних видов переговоров, была представлена в контексте социально-экономических отношений. На глиняных табличках, оставленных шумерской цивилизацией 5–6 тысяч лет назад, исследователи находят описания случаев, когда правитель предотвращал войну через заключение договоренностей в земельном конфликте (Kramer, 1963). Известно, что уже в первобытнообщинном строе, вход в который рассматривается как начальная точка антропогенеза, появляется необходимость устанавливать экономические отношения через других лиц. Считается, что торговое посредничество относится к древнейшей форме экономической деятельности, связывающей потребителя благ с их производителем (Фастова, 2014). Пример посреднической деятельности встречается при описании жизни Древнего Египта, когда активизировался обмен изделиями труда между мастерами и земледельцами. Посредничество существовало и активно развивалось в тех местах, где преобладали именно торговые отношения, например, его корни можно найти у Финикийской цивилизации, а также в Древнем Вавилоне (Кожевников, 2012).

В Древней Греции активно развивалась морская торговля, благодаря которой посреднические отношения приносили значительные доходы Афинскому государству, взимавшему пошлину с полученных или отправленных товаров – так называемые «рыночные сборы». Вследствие данной деятельности возник рост денежного обращения, валютных и кредитных операций, которые привели к созданию института «менял» (Фастова, 2014). Кроме того, история Древней Греции уникальна как раз с той стороны, что несмотря на военные столкновения, проходившие в ее период, в античности поддерживалось стремление к мирным отношениям и солидарности. Некоторые древнегреческие философы пытались осмыслить возможности формирования культуры переговоров и в целом позитивной коммуникации между людьми. Считается, что именно в Древней Греции сложилась особая практика разрешения споров с помощью посредников. Использовался отдельный термин для обозначения людей, которые по своей специальности должны были уметь регулировать конфликты –

«устроители, примирители». На страницах истории существует множество синонимов посредников: «проксен», «вестники», «пресбейс», «эсимнеты», «послы» и др. В качестве примера проявления данного вида деятельности можно вспомнить приглашение знатных граждан Пароса в город Милет для урегулирования обстановки в милетской общине после волнений, которые были вызваны смутой (Соломатина, 2013). Таким образом, можно полагать, что институт посредничества начал активно формироваться еще до нашей эры в Древней Греции, где особую роль занимали различного рода «примирители» как особая группа людей. Несмотря на тот факт, что международное договорное право и союзные договоры уже были в Древней Греции, по мнению специалистов в области истории и юриспруденции, законодательное оформление и закрепление института посредничества возникло в эпоху Древнего Рима (Давыденко, 2004).

В рамках исторического контекста также важен период средневековой Франции, когда примирительная процедура стала главным способом разрешения конфликтов. В роли посредников часто выступали представители церкви и духовенства. Считается, что французский опыт внес огромный вклад в развитие примирительного института: именно в средневековой Франции посредничество уже выступало примирительной процедурой, которая предшествовала судебным разбирательствам (Royer, 1996).

Говоря об экономическом посредничестве, нельзя не вспомнить институт «маклеров» (Гусаков, 1912), которые осуществляли посредническую деятельность при заключении торговых сделок. Считается, что институт маклеров стал активно развиваться в Средневековье, именно в этот период они официально назначались купеческой гильдией того или иного региона или направления торговли. Маклеры давали официальную присягу и получали исключительное право при заключении всех видов сделок в формате торговых отношений (Фастова, 2014). Можно полагать, что в современности данный институт не утратил своей силы, напротив, активно развивается в контексте экономических отношений. Сейчас маклеры выступают как профессиональные посредники между продавцом и покупателем при совершении торговых сделок, например, на бирже, сегодня их называют «брокерами».

Также нельзя недооценивать и европейский опыт в целом, особенно начиная с XVII в., когда термин «дипломатия» впервые использовал математик и философ Гортфрид Лейбниц и разного рода переговорщики и посредники в международном контексте стали называться дипломатами. В настоящее время складывающиеся веками названия исторических ролей посредников – правителей, купцов, толмачей, посланников, мудрецов, отработывающих свои стратегии и тактики и опирающихся на опыт предшественников, – в современном мире трансформировались. В качестве экономических посредников сегодня выступают: президенты, дипломаты, агенты, дилеры, поставщики, дистрибьюторы, коммерсанты, эксперты, консультанты и многие другие участники экономических отношений.

Таким образом, рассматривая посредничество при решении, в первую очередь, экономических конфликтов, можно с точностью полагать, что оно является древнейшей формой торговых взаимоотношений, дошедших до наших дней, которые повлияли на становление посреднической деятельности в це-

лом. Иными словами, институт посредничества имеет глубокие культурные корни и возник он одновременно с появлением экономического обмена, а также в ситуациях первых социальных конфликтов, поэтому его онтологической основой можно считать теоретические положения о государстве и праве (Юнгус, 2018). Именно в контексте международных правовых отношений посредничество стало рассматриваться как направление деятельности, связанное, в первую очередь, с урегулированием конфликтов с целью налаживания связей и коммуникации.

Говоря о примирительных процедурах, необходимо обратить внимание на американский правовой опыт в контексте посреднической деятельности, на его базе были заложены основы современной медиации. Так, в истории США в определенный период времени возникла серьезная перегрузка судов, поэтому государство предприняло меры для развития концепции альтернативных способов разрешения конфликтов (АРС). Точкой отчета выступило научное событие, а именно конференция, проведенная Американской ассоциацией юристов в 1906 г. Было акцентировано внимание на серьезной неудовлетворенности общества судебной системой, что также отражалось на снижении уважительного отношения к законам в целом. Можно полагать, что с этого момента началась реформация американской судебной системы. В настоящее время практически все федеральные суды в США используют альтернативные методы разрешения споров, к которым относится процедура медиации. Таким образом, как самостоятельная процедура медиация выделилась в западных странах во второй половине XX века. Считается, что ее родоначальниками выступали страны англо-саксонского права (США, Великобритания, Австралия и др.), позже она распространилась на другие европейские страны (Алешина, Косовская, 2012). По факту медиация стала активно развиваться в послевоенные годы и являлась ответом на вызовы общественно-экономического развития, однако пути ее развития в каждой стране имеют свои особенности.

Обращаясь к российской практике, следует отметить, что еще в 1864 г. в «Уставе гражданского судопроизводства» существовала отдельная глава, посвященная теме примирительных разбирательств, согласно которой посредники должны были примирить стороны или вынести решение, если не было достигнуто общих договоренностей. Важный этап в процессе урегулирования споров был связан с просветительской функцией посредника, а именно он должен был подробно изложить законы, на основании которых может быть разрешен конфликт, а только потом предложить возможные варианты мирного урегулирования. В истории можно найти еще немало примеров, доказывающих, что в период дореволюционной Руси посредническая деятельность, связанная с урегулированием споров, активно развивалась и была востребована в обществе, а также считалась благородной и почитаемой (Давыденко, 2004).

В современной России медиация как профессиональная деятельность начала распространяться только в XXI веке. Предпосылки ее появления связаны с развитием в России системы альтернативного разрешения споров и судебной реформы. Результатом активизации этого направления стало принятие в 2010 г. федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров

с участием посредника (процедуре медиации)». С одной стороны, данный закон являлся необходимостью и опорой развития медиации в нашей стране, но с другой стороны, его несовершенство негативно влияет на развитие процедуры.

Наблюдая за становлением института медиации в России, можно встретить различные точки зрения относительно данного вопроса. Часть специалистов придерживаются мнения, согласно которому медиация пока не получила широкого распространения и признания. Согласно их мнению, выбранный государством путь развития института медиации ставит его в условия саморазвития, которое проходит на фоне различного рода сложностей. Другое мнение формулируется практиками, которые пытаются развивать данную процедуру и наблюдают за процессом изнутри, согласно их позиции, область применения медиации разнообразна, что позволяет ей активно совершенствоваться внутри разных сфер деятельности (Карпенко, Осинковский, 2016). Данное положение находит свое подтверждение в увеличении количества образовательных программ, которые являются востребованными как среди молодых людей, так и со стороны профессионалов, желающих повысить свою квалификацию.

Большое значение в развитии этого процесса имел не только опыт успешного применения процедуры во многих странах мира, но и инициатива ряда российских университетов, коммерческих и общественных организаций, в первую очередь, активная роль НП «Лиги медиаторов», ФГБУ «Федерального института медиации», Торгово-промышленной палаты РФ и Российского союза промышленников и предпринимателей. Инициатива была поддержана федеральной властью, законодательно оформившей ее в виде комплекса необходимых законов и подзаконных актов. Однако на фоне высокой потребности в развитии института медиации в нашей стране это всего лишь начало пути.

Российские психологи вносят свой вклад в повышение востребованности профессии «медиатор» и способствуют формированию подготовленного корпуса специалистов, имеющих соответствующую базовую психологическую подготовку для прохождения специальных программ по медиации. На факультете психологии МГУ им. М. В. Ломоносова с 2009 г. ведется подготовка специалистов по программе «Психология переговоров и разрешения конфликтов», а с 2015 г. открыта магистратура «Психология переговоров». При подготовке специалистов-переговорщиков основной упор делается на изучение особенностей переговорного процесса, психологических характеристик участников переговорного процесса, эффективных стратегиях и тактиках, способах диагностики и управления переговорным процессом. За время существования программы было подготовлено более 100 специалистов-переговорщиков, многие из которых стали профессиональными посредниками, обладающими экспертными знаниями в области разрешения конфликтных ситуаций и управления ими.

Взгляд на феномен посредничества в историческом контексте отчетливо показывает, с одной стороны, разнообразие посреднической деятельности в разных культурах. С другой – становится очевидной единая суть такой деятельности и ее направленность на оптимизацию баланса противоборствующих сторон в обществе несиловыми методами. В таком контексте мы рассматриваем посредничество как культурно-историческую школу позитивных социокуль-

турных действий третьей нейтральной стороны по эффективному разрешению конфликтов, споров, разногласий и столкновений и соответственно удовлетворения потребностей и интересов сторон. И несмотря на то, что посредничество — сложный социальный феномен, который может быть подвергнут множественным интерпретациям с позиций разных наук, миссия поиска и овладения посредником такой системой позитивных социокультурных действий негласно присутствует во многих интерпретациях данного феномена.

Исходя из понимания переговорного процесса как проектирования позитивных социальных действий в условиях неопределенности, мы рассматриваем посредничество как креативный процесс поиска позитивных социальных изменений. В связи с этим методологической основой такого понимания для нас выступают классические теории социальных действий М. Вебера, Т. Парсонса, К. Левина, Ю. Хабермаса, а также культурно-историческая теория деятельности Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева. Такой подход позволяет рассматривать посредника как активного деятеля, субъекта осмысленных социокультурных действий в различных сложных системах и неопределенных ситуациях при прогнозировании рисков, принятии решений в ситуациях социального, политического, экономического и личного выбора (Асмолов и др., 2007).

Опираясь на теории социальных действий и отечественный культурно-деятельностный подход, мы определяем посредничество (медиацию) как процесс совместной коммуникативной деятельности конфликтующих сторон с участием третьей стороны — медиатора (посредника) с целью преодоления действительной или кажущейся несовместимости целей и интересов и поиска взаимоприемлемых решений и соглашений, позволяющих противостоящим сторонам продолжить свое дальнейшее развитие за пределами конфликтной ситуации. В свою очередь, посредник — это специалист, владеющий соответствующими компетенциями по построению эффективной системы социокультурных действий «по наведению мостов» между враждующими сторонами, по налаживанию эффективного диалога в широком диапазоне: от межличностных конфликтов до социальных макроконфликтов. Его миссия — поиск в истории культуры социокультурных действий, обеспечивающих согласие в обществе, и реализация их в форме эффективных стратегий не только для решения межличностных конфликтов, но и для поддержки процессов групповой сплоченности и социальной консолидации общества.

В *заключение*, отвечая на вопрос «Есть ли институт медиации в России?», можно констатировать, что это активно формирующийся, с одной стороны, правовой институт, в рамках которого развиваются новые методы альтернативного разрешения споров, закрепленные на законодательном уровне, а с другой — социальный, направленный на накопление в обществе потенциала согласия, солидарности, взаимопомощи и доверия. Развитие медиации в нашей стране носит весьма сложный «волнообразный» характер. Однако, несмотря на ряд трудностей, с которыми этот процесс сталкивается, можно отметить, что интерес к медиации растет с каждым годом и, в первую очередь, среди практиков. Это подтверждается данными аналитического доклада «Мониторинг деятельности служб медиации» в субъектах РФ в период с 2016 по 2021 г., который проводился с целью анализа и обобщения практического опыта медиации

и технологий восстановительного правосудия в образовательных учреждениях. Согласно его результатам, общее количество служб медиации и примирения в РФ выросло, в частности, с 25802 в 2019/2020 гг. до 30514 в 2020/2021 гг. Также наблюдался рост и среди специалистов в области посредничества, а именно их количество в отчетный период увеличилось в полтора раза. Можно также констатировать рост количества программ дополнительного образования в области медиации и посредничества как на базе ведущих вузов страны, так и силами коммерческих и некоммерческих организаций.

Таким образом, сегодня мы становимся свидетелями того, как становление института медиации рождает в России новую профессию. Эта развивающаяся профессия требует для дальнейшего обучения привлечение молодых кадров. Поэтому вопросы подготовки специалистов в области переговоров и разрешения конфликтных ситуаций остаются остроактуальными, так же как и вопросы, связанные с созданием новых рабочих мест в силу развития этой значимой для нашего времени гуманитарной профессии.

Литература

- Алешина А. В., Косовская В. А.* Медиация как результат взаимодействия конфликтологии и юриспруденции // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 2. С. 112–114.
- Аллахвердова О. В.* Медиация как социально-психологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. № 6. С. 151–159.
- Андреев В. В.* Процесс посредничества в решении социального конфликта: Дис. ... канд. соц. наук. М., 1999.
- Асмолов А. Г., Солдатова Г. В., Нестик Т. А., Терехова Е. С., Евдокименко А. С.* Психология переговоров. Программа и учебно-методический комплекс // Инновационные образовательные программы по психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
- Гусаков А. Г.* Конспект лекций по торговому праву. СПб., 1912.
- Давыденко Д. Л.* Мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования частноправовых споров: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
- Здрок О. Н.* Медиация: Пособие. Минск: Четыре четверти, 2018.
- Карпенко А. Д., Осинковский А. Д.* Медиация: Учебник. М.: Статус, 2016.
- Кожевников Е. А.* Краткий экскурс в историю возникновения института медиации в гражданском праве // Право и политика. 2012. № 12 (156). С. 2054–2056.
- Проблема социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Соснин, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А.* Историко-эволюционная перспектива человечества в мире разнообразия: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2. С. 15–25.
- Соломатина Е. И.* Античная традиция о посредниках и посредничестве в Древней Греции // Античный мир и археология. 2013. № 16. С. 11–23.
- Фастова М. А.* Историко-теоретические основы посредничества как общеправового института // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (41). С. 165–170.

Шамликашвили Ц. А. Медиация как метод внесудебного разрешения конфликтов. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2006.

Юнгус Г. А. Гносеологические и онтологические аспекты посредничества (медиации) в их социально-философской интерпретации // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2018. № 28 (3). С. 292–296.

Kramer S. N. The Sumerians: Their history, culture and character. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1963.

Royer J. P. Histoire de la justice en France. Paris: Presses Universitaires de France, 1996.

From economic mediation to a new profession: is there a mediation institution in Russia?

*G. U. Soldatova**, *M. V. Vetlinskaya***

** doctor of psychology, academician of the Russian Academy of Education, professor of the Faculty of Psychology at Moscow State University named after M. V. Lomonosov, head of the Department of Social Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, soldatova.galina@gmail.com*

*** engineer at the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia, marya.zapevalova@yandex.ru*

Currently, within the framework of psychological science, the direction related to the sphere of mediation is actively developing. The development of a new, significant for society, humanitarian profession – mediation, determines the strengthening of practical interest in the phenomenon of mediation, as well as the growth of scientific research related to it. In this paper, mediation is defined as a process of joint communicative activity of conflicting parties with the participation of a third party – a mediator in order to find mutually acceptable solutions and agreements to overcome the actual or perceived incompatibility of interests and come to mutually beneficial results that allow the opposing parties to continue their further development beyond the conflict situation. In turn, a mediator is a specialist who possesses the relevant competencies to build an effective system of sociocultural actions «to build bridges» between the warring parties. The questions of formation and development of the institute of mediation in Russia are discussed, attention is paid to the actual tasks related to the training of specialists in the field of negotiation activity.

Keywords: conflict, negotiation, mediation, mediation, social action, economic relations, profession, institute.

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ
И ПСИХОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ**

Функции ценностно-смысловых регуляторов в профессиональном взаимодействии*

*А. А. Алдашева**, *О. А. Первачева***, *О. В. Рунец****

* доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия, aldashevaaa@ipran.ru

** аспирант, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия, opevacheva@gmail.com

*** кандидат психологических наук, научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия, runecov@ipran.ru

Рассматриваются функции ценностно-смысловых регуляторов профессионального взаимодействия операторов «Системы-112» с разной степенью выраженности профессиональных стратегий: «на себя», «на дело», «на другого». Впервые представлены фрагменты профессиографического описания деятельности, предложено включение социограммы. Были выделены 2 группы: «мотивированные» и «низко мотивированные». Результаты, полученные в процессе исследования на базе ГБУ «Система-112», позволили сделать выводы о том, что для первой группы (мотивированные) характерны такие ценностно-смысловые регуляторы, как ответственность, профессионализм, помощь, доброжелательность, отражающие цель деятельности – организация оказания помощи. Для второй группы (низкомотивированных) характерны: профессионализм, трудолюбие, взаимовыручка, спокойствие и доверие, что свидетельствует о направленности специалистов на отношения внутри профессиональной группы. Делается вывод о том, что отсутствие направленности на ответственность и помощь в группе «низкомотивированных» свидетельствуют о фрагментарности образа-цели профессиональной деятельности, что может снижать ее эффективность.

Ключевые слова: ценностно-смысловые регуляторы, профессиональное взаимодействие, организация оказания помощи, операторская деятельность, функции.

Описание специфики деятельности оператора «Системы-112» показало наличие двух основных типов профессионального взаимодействия: субъект-субъектного с заявителем, другими операторами и «диалога» с автоматизированным рабочим местом (АРМ). Данный факт свидетельствует о возможности объединения двух типов профессий (по Е. А. Климову – «человек–человек» и «человек–знак»), их отнесения к смешанному виду труда, целью которого является организация оказания помощи. Выявленная особенность деятель-

* Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием № 0138-2023-0010.

ности операторов системы 112 указывает на необходимость введения дополнительного компонента — «социограммы» в структуру профессиографического описания (Иванова, 2005). Согласно Ю. К. Черновой и В. В. Щипанову, она раскрывает социально значимые качества личности, социальные нормы поведения в профессии, особенности взаимодействия (Чернова, Щипанов, 2002). Включение социограммы позволяет увидеть направленность субъекта труда, мотивы, взгляды, убеждения, ценности, помогающее поведение профессионала. Организация оказания помощи основывается на помогающем поведении специалистов, основными регуляторами которого выступают ценностные ориентации.

Помогающее поведение проявляется: в действиях, направленных в пользу другого (П. Я. Аронсон, Е. П. Ильин и др.), добровольном намерении оказать помощь (С. D. Batson, W. L. Ventis), содействии в развитии другого человека (Я. Рейковский), умении оценивать и соблюдать нормы морали (Ш. Шварц, Л. Колберг), заботе о другом (К. Гиллиган). Поскольку смыслообразующим компонентом деятельности выступает организация оказания помощи обратившемуся человеку, то одной из ведущих стратегий профессионального поведения является ориентация на значимость ценности человеческой жизни и следование нравственным идеалам (Алдашева, Первачева, 2023).

Эффективность деятельности в помогающих профессиях социономического типа, как было показано ранее (А. А. Алдашева, О. В. Рунец), определяется полнотой выбора специалистом стратегий поведения, выраженных в направленности: на себя, на другого и на дело. *Направленность на другого* рассматривается как гуманное, безоценочное отношение к другому. Это зависит от знания другого и себя, умения управлять своим поведением в различных ситуациях общения (Бодалев, 1996). *Направленность на себя* раскрывается через феномен самоотношения (С. Р. Пантелеев), он включает самооценку как инструмент оценки своих возможностей. В процессе самооценивания происходит оценивание, предвидение и планирование своей стратегии поведения (Моросанова, 2012). С. Л. Рубинштейн под феноменом самоотношения понимал «стержневое образование личности, проявляющееся в оценках себя и оценивании себя другими, что на внутриличностном уровне складывается в систему ценностей и определяет механизм саморегуляции поведения...» (Рубинштейн, 1978, с. 56). *Направленность личности на дело.* В основе концепции В. А. Ядова такие феномены, как отношение к труду и ценностные ориентации личности рассматриваются через объективные и субъективные показатели. К объективным он относит степень ответственности и добросовестности в работе; степень трудовой инициативы работника; уровень дисциплинированности и т. п.; субъективные, по его мнению, проявляются в понимании общественной значимости труда, степени общей удовлетворенности работой, структуре мотивов трудовой деятельности (Ядов, 2013).

Направленность личности, как система потребностей, интересов и идеалов, представляет собой «высший уровень регуляции поведения и деятельности в соответствии с требованиями ситуации и предмета труда...» (Журавлева, 2006, с. 20). С точки зрения Д. А. Китовой и А. Л. Журавлева, анализ особенностей социального поведения личности может стать методом прогнозирова-

ния мотивационно-ценностных установок и изучения смысловой направленности личности (Китова, Журавлев, 2021).

Говоря о проблеме обеспечения эффективности и надежности деятельности человека-оператора, отечественные психологи выделяют такие психологические факторы, как: устойчивость к стрессу (В. А. Бодров), особенности функциональных состояний (В. И. Медведев, А. Б. Леонова, Ю. К. Стрелков и др.), «вовлеченность» в избранный вид профессионального труда (Д. Н. Завалишина), образ, как регулятор сознательной целенаправленной деятельности (Н. Д. Завалова, Б. Ф. Ломов, В. А. Пономаренко), нравственная сфера профессионала (Е. О. Лазебная, В. А. Пономаренко).

Целью настоящего исследования стало изучение функций ценностно-смысловых регуляторов профессионального взаимодействия.

В современных философско-психологических исследованиях остается дискуссионным вопрос о функциях ценностных ориентаций в жизнедеятельности человека. С одной стороны, в литературе функциональные роли ценностей показаны путем объединения ценностных ориентаций и морали через: оценку (плохо/хорошо), регуляцию (правила и нормы), воспитание (формирование системы моральных ценностей), контроль (оценка соблюдения), интеграцию (внутренний ориентир, направляющий поведение) (А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян и др.). С другой – работы, рассматривающие ценностно-смысловые регуляторы как самостоятельные феномены и их функции (М. И. Бобнева, Р. В. Голубничий, Н. А. Журавлева, А. Г. Здравомыслов, Р. А. Муртазин, Э. В. Соколов, Е. В. Шорохова и др.).

Описывая социальное поведение, Р. А. Муртазин выделяет пять функций ценностных ориентаций: целеполагания, оценки, мотивации, саморегуляции и контроля, Н. А. Журавлева – семь: социокультурная; интеграционная; ориентационная; нормативная; оценочная; мотивационная и функция целеполагания (Журавлева, 2006; Муртазин, 2011). Наиболее полный обзор функций ценностно-смысловых регуляторов в профессиональной деятельности представлен в работе Р. В. Голубничего (Голубничий, 2020). Автором выделяются: ценностно-ориентирующая функция как основа для выработки индивидом предпочтений одних профессиональных ценностей и идеалов другим; оценочная – как отношение личности к нормативным требованиям (объективному (позитивному) праву), собственному профессиональному поведению и профессиональной деятельности в целом. Функция саморегуляции проявляется посредством свободного выбора нравственных ценностей профессионального поведения; мотивационная – определяет выбор мотива профессионального поведения; нормативная регулирует поведение субъекта в профессиональной сфере. Функция целеполагания моделирует ожидаемый результат деятельности; контролирующая отслеживает уровень сформированности ценности в конкретных условиях профессиональной деятельности; интегрирующая консолидирует доминирующие ценности в социально-неоднородном обществе (там же). Теоретический анализ работ, направленных на изучение функций ценностно-смысловых регуляторов, позволил обосновать ценностно-смысловые регуляторы профессионального взаимодействия и раскрыть их через следующие функции: функция целепола-

гания, оценочная, нормативная, интегрирующая и функция саморегуляции и контроля.

С точки зрения ряда авторов (В. А. Ядов, Т. Б. Любимов, О. М. Вовченко), ценности обладают иерархичностью структуры, более значимые являются целями, вокруг которых строятся остальные уровни. Опираясь на предложенную авторами структуру, полученные в работе функции ценностно-смысловых регуляторов профессионального взаимодействия, входящие в ядерную зону, по П. Вержесу (Verges, 1992), мы рассматриваем как моделирующие ожидаемый результат. Ценности, которые совпадают с нормативно-правовыми документами и этическим кодексом организации, будут трактоваться как нормативные, осуществляющие функцию контроля. Ценности, позволяющие оценить соответствие нормативным требованиям, стандартам профессионального поведения и деятельности в целом, выполняют оценочную функцию. Ценности, характеризующие направленность на взаимодействие, раскрывают интеграционную функцию. Самоотношение, саморуководство, оценка состояния будут рассматриваться как инструментальные ценности, несущие функцию саморегуляции.

Гипотеза исследования: ценностно-смысловые регуляторы групп с разной выраженностью стратегий профессионального взаимодействия будут иметь различные функции.

Описание выборки: исследование проводилось на базе ГБУ «Система-112», в нем приняло участие 168 чел. По результатам экспертной оценки респонденты были разделены на две группы в соответствии с выраженностью трех стратегий профессионального поведения. В первую группу (62 чел.) вошли операторы, характеризующиеся тремя стратегиями: на другого, на себя, на дело — группа «мотивированные» (средний возраст — $33,7 \pm 11,2$ года; средний стаж — $2,7 \pm 2,7$ года); вторую группу (106 чел.) составили участники с тремя невыраженными стратегиями профессионального поведения — «низкомотивированные» (средний возраст — $29,5 \pm 11,6$ года; средний стаж — $2,6 \pm 3,4$ года).

В работе использовались следующие *методы*: ассоциативный метод: респондентам было необходимо дописать предложение «Какими ценностями Вы руководствуетесь в профессиональном взаимодействии?». Полученные понятия подверглись прототипическому анализу П. Вержеса, в результате которого была получена трехкомпонентная структура представлений ценностей профессионального взаимодействия (ЦПВ) в группах специалистов «мотивированные» и «низкомотивированные» с возможностью прогнозирования ее динамики. Выделенная структура ЦПВ включает три зоны: ядерная зона (высокочастотные и высокочастотные понятия), зона периферии (высокочастотные, менее значимые и менее частотные и высокочастотные) и зона дальней периферии (низкочастотные и менее значимые понятия).

Также применялся метод экспертной оценки стратегий профессионального поведения в моделируемой деятельности с применением аппаратно-методического комплекса «Арка»: на другого, на себя, на дело. Оценка осуществлялась тремя экспертами-психологами по 4-балльной шкале.

При обработке данных использовался метод описательной статистики с применением статистического пакета SPSS v. 23.0.

Результаты исследования

В результате анализа были получены трехкомпонентные структуры представлений ценностей и их функциональная роль в профессиональном взаимодействии в выделенных группах.

Так, в группе «мотивированные» ядерная зона включает следующие ценности: «ответственность», «профессионализм», «взаимовыручка», «доброжелательность». В группе «низкомотивированные» — «взаимовыручка», «профессионализм», «спокойствие», «доверие» и «трудолюбие». В зону периферии первой группы вошли ценности: «пунктуальность» и «честность», в то время как во второй группе: «ответственность», «знания», «опыт», «отзывчивость», «открытость», «помощь», «целеустремленность». Зону дальней периферии в группе «мотивированные» составили ценности: «компетентность», «взаимопонимание» и «стрессоустойчивость»; у «низкомотивированных» — «аккуратность», «уважение», «уверенность».

Ядерные представления первой группы выполняют функцию целеполагания и моделируют ожидаемый результат профессионального взаимодействия. Ценность ядерной зоны «ответственность» совпадает с нормативно-правовыми документами и этическим кодексом организации и выполняет нормативную и функцию контроля. Ценность «профессионализм» выполняет оценочную функцию о взаимосоответствии сложившегося у специалиста конструкта профессионального поведения и требований деятельности. Ценности «взаимовыручка» и «доброжелательность», характеризующие направленность на взаимодействие, способствующие сплоченности, несут интеграционную функцию. Таким образом, ценности в зоне ядра у «мотивированных» отражают представление специалистов о результате профессионального взаимодействия, о характере совместно-индивидуальной деятельности оператора и совпадают с целью работы — организация оказания многопрофильной помощи.

Представления периферийной зоны наполнены двумя ценностями «пунктуальность» и «честность». «Пунктуальность», как систематическое следование правилам, отражает необходимость соответствовать нормативным требованиям (время) и выполняет оценочную функцию. «Честность» несет интеграционную функцию. Представления дальней периферии выражают следующие функции: «компетентность» — оценочная, «взаимопонимание» — интеграционная, «стрессоустойчивость» как инструментальная ценность оценки состояния, выполняет функцию саморегуляции. Ценности периферии и дальней периферии содержат профессионально важные качества, ранее полученные нами в результате профессиографического анализа деятельности оператора «Системы-112».

Ценности ядерной зоны группы «низкомотивированные» содержат понятия «взаимовыручка», «профессионализм», «спокойствие», «доверие» и «трудолюбие». Следует отметить, что «спокойствие», «доверие» и «трудолюбие» являются специфическими для данной группы. Согласно выделенным функциям, «спокойствие» выполняет функцию саморегуляции; «доверие» как интеграционная и «трудолюбие» — оценочная функции. Зона периферии включает следующие ценности, характерные для данной группы: «знания» и «опыт» выполняющие оценочную функцию; «отзывчивость» и «открытость» — интеграционную.

Ценность «помощь», представленная в нормативно-правовых документах организации как цель деятельности, у «низкомотивированных» находится в зоне периферии. Дальняя периферия наполнена ценностями: «аккуратность», выполняющую оценочную функцию, «уважение» как интеграционная и «уверенность», проявляющаяся в функции саморегуляции.

В целом структура ценностно-смысловых регуляторов специалистов, отнесенных к группе «низкомотивированные» показывает смещение нормативной и контролирующей функций, организующих достижение целей профессионального взаимодействия в зону периферии. Согласно работам В. А. Ядова, ведущие ценности (ядро) «могут восприниматься как цель сама по себе и общность социальных условий и особенностей социально-профессиональной группы» (Ядов, 2013, с. 71). Так, в ядерной зоне группы специалистов «низкомотивированные» представлены ценности оценки состояния, выполняющие функцию саморегуляции, что можно интерпретировать как важность для специалиста в профессиональном взаимодействии отслеживать индикаторы, характеризующие функциональное состояние.

Заключение

Ценности профессионального взаимодействия способствуют пониманию цели деятельности и выбору профессиональных стратегий поведения. Они проявляются в рамках социальной активности (поведения или деятельности) человека и детерминируют стремление к благополучию других людей, социальной значимости принимаемых решений и ожидаемых результатов деятельности (Китова, Журавлев, 2021).

Сравнение функций ценностно-смысловых регуляторов профессионального взаимодействия в деятельности операторов «Системы-112» показывают различия структуры представлений о цели деятельности и ожидаемом результате. Так, операторы, обладающие выраженностью трех профессиональных стратегий – «на себя», «на дело» и «на другого» – характеризуются сформированностью конструкта профессионального взаимодействия, соответствующего требованиям деятельности. Данный конструкт выражен следующими ценностно-смысловыми регуляторами, представленными в ядерной зоне: ответственность, профессионализм, взаимовыручка и доброжелательность, которые обеспечивают нормативную, интеграционную и функцию контроля. Ценности, находящиеся в периферии, отражают индивидуально-совместный характер деятельности, способствуют реализации субъект-субъектного взаимодействия. Дальняя периферия представлена ценностными профессионально важными качествами, обеспечивающими саморегуляцию, интеграцию и соответствие требованиям деятельности. Ценности, содержащиеся в дальней периферии, выступают как инструментальные, способствующие успешной реализации задач профессиональной деятельности.

Операторы с невыраженными профессиональными стратегиями характеризуются направленностью на поддержание функционального состояния, обеспечивающего результат профессионального взаимодействия. Обращает на себя внимание, что основные ценности, характеризующие цель и результат

деятельности, выполняющие нормативную и функцию контроля, находятся в периферии. Смещение основных регулирующих функций свидетельствует о низкой мотивационной направленности на профессиональное взаимодействие и ориентации операторов на стабилизацию функционального состояния.

Литература

- Алдашева А. А., Первачева О. А.* Ценностно-смысловая сфера в представлениях специалистов-операторов «Системы-112» // *Методология современной психологии*. 2023. № 18. С. 15–28.
- Голубничий Р. В.* Структура и функции ценностно-правовых ориентаций личности: социально-философское измерение в контексте культурных практик современности // *Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Философия. Политология. Культурология»*. 2020. № 4. С. 53–62.
- Журавлева Н. А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Китова Д. А., Журавлев А. Л.* Мировоззрение как психологический феномен в обыденном представлении россиян // *Психологический журнал*. 2021. Т. 42. № 4. С. 106–117. doi: 10.31857/S020595920016045-5.
- Морсанова В. И.* Психология саморегуляции: Учеб. пособие. М.: МГППУ; СПб: Нестор-История, 2012.
- Муртазин Р. А.* Ценностные ориентации личности как функции регуляторов социального поведения индивидов // *Проблемы и перспективы развития образования: Материалы I Международной научной конференции*. Т. 1. Пермь: Меркурий, 2011. С. 34–36.
- Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Академия наук СССР, 1978.
- Чернова Ю. К., Щипанов В. В.* Квалиметрическое проектирование образовательного процесса: методология и практика. М.: ИЦ проблем качества подготовки специалистов, 2002.
- Ядов В. А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расш. изд. М.: ЦСПиМ, 2013. С. 71.
- Vergès P.* L'évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // *Bulletin de Psychologie (Bulletin of Psychology)*. 1992. V. 45. P. 203–209.

Functions of value-semantic regulators in professional interaction

*A. A. Aldasheva**, *O. A. Pervacheva***, *O. V. Runets****

** doctor of science (psychology), leading researcher of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia, aldashevaaa@ipran.ru*

*** postgraduate, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia, opervacheva@gmail.com*

**** candidate of science (psychology), researcher of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia, runecov@ipran.ru*

The article considers the functions of value-semantic regulators of professional interaction of “System-112” operators with different degree of expression of professional

strategies: “on yourself”, “on work”, “on another”. The study identified teams of specialists as “motivated” and “not motivated”. In the course of the study, the values-semantic representations about professional interaction were subjected to a prototypical analysis by P. Verjes, which resulted in a three-component structure of representations of values of professional interaction. The obtained results allowed to draw a conclusion that the group of “motivated” specialists is characterized by the formation of a design of professional interaction that meets the requirements of the activity. The group of specialists “not motivated” is directed at maintaining a functional state that provides the result of professional interaction, but values that characterize the purpose and result of the activity, fulfilling the normative and control function, are in the peripheral area of the representation structure of this group.

Keywords: value-semantic regulators, professional interaction, organization of assistance, operator’s activity, functions.

Разработка программы психологического сопровождения цифровой трансформации организации*

Н. В. Антонова

кандидат психологических наук, доцент департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, nvantonova@hse.ru

Приводятся результаты исследования факторов готовности сотрудников к организационным изменениям, связанным с цифровой трансформацией организации (ГОИ-ЦТ) и разработки программы психологического сопровождения внедрения цифровой трансформации в организации. Выборка составила 250 сотрудников организации. Методы исследования: методика оценки готовности к организационным изменениям Д. Холта в переводе и адаптации Е. Наумцевой; методика оценки удовлетворенности работой по Л. А. Верещагиной; шкала субъективного благополучия (ШСБ) А. Перуэ-Баду и др. в адаптации М. В. Соколовой; шкала организационного стресса (ШОС) А. Маклина в адаптации Н. Е. Водопьяновой; Утрехтская шкала вовлеченности В. Шауфели и А. Бэккера. В результате проведенного исследования были выявлены проблемные области формирования готовности к организационным изменениям, а также значимые корреляции ГОИ-ЦТ с такими переменными, как вовлеченность сотрудников, психологическое благополучие, а также позиция сотрудника в организации. Наиболее значимыми предикторами ГОИ-ЦТ оказались энергичность, общая вовлеченность и позиция в организации. С помощью кластерного анализа были выделены группы сотрудников, имеющих специфические проблемы в отношении принятия изменений. На основе проведенного исследования разработана программа психологического сопровождения изменений, связанных с цифровой трансформацией. Программа может быть использована как модельная для разработки аналогичных программ сопровождения для других организаций.

Ключевые слова: цифровая трансформация организации (ЦТО), готовность к организационным изменениям, связанным с цифровой трансформацией (ГОИ-ЦТ), удовлетворенность работой, субъективное благополучие, организационный стресс, вовлеченность, психологическое сопровождение цифровой трансформации организации.

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)», проект № 22-00-014 «Психологические факторы адаптации сотрудников к цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации».

Цифровая трансформация экономики становится лейтмотивом практически всех экономических форумов. Так, на ПМЭФ-2024 уже запланированы сразу три сессии, посвященные цифровой трансформации различных отраслей экономики в рамках трека «Технологии, приближающие будущее». Через процесс цифровой трансформации проходят многие организации соответствующих отраслей. Этот процесс сопряжен с определенными трудностями, среди которых психологические трудности, связанные с проявлениями «человеческого фактора» в виде сопротивления сотрудников внедрению новых сервисов и технологий, занимают немалое место. Однако большинство исследований этой области посвящаются в основном экономическим или социологическим аспектам внедрения цифровой трансформации, психологические аспекты изучены пока недостаточно. Целью нашего исследования было проанализировать индивидуально-психологические факторы принятия сотрудниками цифровой трансформации в организации и разработать программу психологического сопровождения цифровой трансформации в организации с целью повышения ее эффективности.

Цифровая трансформация организации и факторы ее успешности

Под цифровой трансформацией часто понимают внедрение информационных технологий и автоматизацию рутинного труда. Однако цифровая трансформация организации на ограничивается внедрением технологий.

Трансформация (*transformatio* – преобразование) – это модификация структуры или формы объекта. Если изменения могут охватывать лишь отдельные элементы, трансформация приводит к качественному изменению всей системы. Если говорить об организации, цифровая трансформация – это разновидность организационных изменений, при которых в результате внедрения цифровых сервисов и автоматизации процессов происходит переход организации на иной уровень функционирования. При этом изменения происходят на всех уровнях: организационном (меняется культура организации), групповом (изменяются взаимоотношения в коллективе), индивидуальном (меняется сам человек, его ценности и отношение к работе). Такие глобальные изменения неизбежно вызывают сопротивление сотрудников, что может приводить к сложностям внедрения технологий в организации.

Выделяются следующие этапы внедрения цифровых технологий в организации (Антонова, 2022; Verhoef et al., 2021).

1. Оцифровка (*Digitization*). На этом этапе происходит перевод аналоговой информации в цифровую, сами процессы существенно не изменяются.
2. Цифровизация (*Digitalization*). На этом этапе происходят изменения бизнес-процессов за счет использования ИТ-технологий.
3. Цифровая трансформация (*Digital Transformation*) наступает тогда, когда изменения бизнес-процессов приводят к необходимости реорганизации структуры организации. Возникают фактически новые бизнес-модели и новый тип организации.

В настоящее время многие организации уже прошли этапы оцифровки и цифровизации и теперь переживают цифровую трансформацию.

С другой стороны, можно выделить следующие фазы цифровой трансформации:

- 1) подготовка к цифровой трансформации: на этой фазе необходимо сформировать готовность сотрудников к принятию цифровой трансформации. В случае низкой готовности сотрудников цифровая трансформацию с большой вероятностью будет неуспешна;
- 2) фаза внедрения цифровой трансформации: когда уже изменения происходят полным ходом, велика вероятность возникновения сопротивления. В это время необходимо работать на формирование принятия сотрудниками изменений и преодоление их сопротивления;
- 3) фаза завершения цифровой трансформации: в это время можно говорить об адаптации сотрудников к произошедшим изменениям, которая может длиться еще долгое время после завершения изменений.

Для анализа принятия сотрудниками цифровой трансформации используется ставшая уже классической теория диффузии инновации Эверетта Роджерса, в которой выделяются следующие типы людей:

- 1) новаторы (2,5%) – люди, идущие впереди времени, принимающие и использующие все новинки; они могут стать опорой при внедрении цифровой трансформации и ее проводниками в коллективе;
- 2) ранние последователи (13,5%) – те, кто также быстро принимают изменения и следуют за новаторами, обычно не оказывают значительного сопротивления внедрению изменений;
- 3) раннее большинство (34%) – основная масса сотрудников, которые могут испытывать сложности при освоении новых технологий, но все же достаточно быстро адаптируются к ним;
- 4) позднее большинство (34%) – эти сотрудники привержены традициям и привычным способам выполнения работы, и с ними уже могут возникать сложности, они часто сопротивляются внедрению изменений;
- 5) отстающие (16%) – не желают принимать изменения, активно им сопротивляются вплоть до саботажа (Rogers, 1995).

Очевидно, при проведении цифровой трансформации необходимо опираться на новаторов и ранних последователей и тщательно работать с сопротивлением со стороны позднего большинства и отстающих. В исследованиях также было показано, что сотрудники с более высокой должностью имеют более высокий уровень индивидуальной готовности к изменениям по сравнению с работниками на более низкой должности (Bouckenooghe et al., 2008), поэтому менеджеры являются опорой для внедрения изменений.

Выделяются три группы факторов успешности цифровой трансформации организации (Trenerry et al., 2021):

- 1) организационные факторы: стиль лидерства и управления организацией, организационная культура и психологический климат в организации;
- 2) групповые факторы: коммуникация и сотрудничество в команде; идентификация с командой; жизнестойкость и адаптивность команды;

- 3) индивидуальные факторы: принятие технологий, аттитюды по отношению к изменениям, умения и навыки сотрудников; жизнестойкость и психологической благополучие.

Исследование психологических факторов готовности сотрудников к организационным изменениям, связанным с цифровой трансформацией

Исследование проводилось в компании X финансового профиля в 2022 г. Компания столкнулась с рядом вызовов, что привело к необходимости трансформации бизнес-процессов за счет автоматизации и внедрения цифровых сервисов и роботов. В момент проведения исследования компания находилась на этапе подготовки к внедрению цифровой трансформации: менеджмент уже понимал необходимость изменений и разрабатывал стратегию внедрения, тогда как основная масса сотрудников не знала о том, что их ждет.

Выборка. В исследовании приняли участие 250 сотрудников организации из разных филиалов, участие было добровольным.

Исследование исходного состояния готовности сотрудников к цифровой трансформации проводилось с помощью следующих методик:

- 1) методика оценки готовности к организационным изменениям Д. Холта в переводе и адаптации Е. Наумцевой (Наумцева, 2016);
- 2) методика оценки удовлетворенности работой Л. А. Верещагиной (Верещагина, 2013);
- 3) шкала субъективного благополучия (ШСБ) А. Перуэ-Баду и др. в адаптации М. В. Соколовой (Соколова, 1996);
- 4) шкала организационного стресса (ШОС) А. Маклина в адаптации Н. Е. Водопьяновой (Водопьянова, 2009);
- 5) Утрехтская шкала вовлеченности В. Шауфели и А. Бэккера (Шауфели и др., 2015).

Полученные данные были обработаны с использованием корреляционного анализа, кластерного анализа, регрессионного анализа и метода структурного моделирования. Результаты обрабатывались с использованием SPSS Statistics v. 27.0.1 и IBM SPSS AMOS.

Результаты

Результаты исследования показали, что в целом готовность к организационным изменениям в организации достаточно высокая, но есть сотрудники, которые проявляют низкую готовность. При этом сравнительный анализ готовности по шкалам показывает, что есть и проблемные области: 41 % опрошенных полагают, что высшие руководители компании привержены изменениям лишь в средней степени (шкала «Поддержка менеджмента»). Более трети сотрудников компании видят в предстоящих изменениях риски и угрозы для себя лично или не видят преимуществ, формируя таким образом группу риска для компании при внедрении перемен.

Корреляционный анализ переменных показал, что ГОИ-ЦТ коррелирует с показателями общей вовлеченности, а также с ее шкалами: энергичность,

энтузиазм, поглощенность деятельностью. Была также выявлена прямая корреляция ГОИ-ЦТ и субъективного благополучия сотрудников.

Это означает, что чем более активным стилем и концентрацией на деятельности обладают сотрудники, чем больше они устойчивы, чем большей субъективной значимостью обладает их деятельность, тем больше преимуществ, целесообразности в предстоящих переменах они отмечают, видят больше элементов поддержки со стороны руководства. Чем благополучнее ощущает себя сотрудник на рабочем месте, тем выше их готовность к изменениям, связанным с цифровой трансформацией. Однако связь ГОИ-ЦТ с удовлетворенностью трудом и организационным стрессом не была выявлена.

Обнаружилась также прямая статистически значимая взаимосвязь между ГОИ-ЦТ и позицией в организации, т. е. чем выше ранг сотрудника, тем выше его показатели готовности к организационным изменениям, связанным с цифровой трансформацией, что может объясняться как большей информированностью, так и более высоким уровнем субъективного контроля у руководителей по сравнению с рядовыми сотрудниками.

Применение регрессионного анализа и метода структурного моделирования позволило оценить предиктивный потенциал изучаемых переменных в отношении ГОИ-ЦТ. Наиболее значимым предиктором ГОИ является энергичность (параметр вовлеченности). То есть чем более высоким уровнем энергии и психологической устойчивости, упорством в преодолении трудностей обладает работник, тем более высокий уровень ГОИ-ЦТ он демонстрирует. Вторым по значимости предиктором является энтузиазм (также параметр вовлеченности). То есть чем больше уровень энтузиазма, рассматриваемого как сильная причастность к работе, осмысленность и вдохновение работника, тем больше уровень готовности к организационным изменениям демонстрируется. Третьим по значимости предиктором ГОИ является позиция в организации.

Кластерный анализ позволил выделить три группы сотрудников с разными индивидуально-психологическими характеристиками и ГОИ:

- 1) первую группу мы назвали «Руководители», так как в нее вошло наибольшее число руководителей; они имеют высокие значения готовности к организационным изменениям, вовлеченности, а также субъективного благополучия, при этом подвержены организационному стрессу;
- 2) вторая группа – «Молодые сотрудники», они имеют самый большой разброс как по уровню ГОИ, так и по индивидуально-психологическим особенностям; в этой группе есть сотрудники, находящиеся в кризисной ситуации;
- 3) третья группа – «Старшие женщины»: они имеют высокую вовлеченность, но сниженные уровни субъективного благополучия и толерантности к организационному стрессу.

Программа психологического сопровождения цифровой трансформации в организации

По результатам проведенного исследования мы разработали программу психологического сопровождения организации в условиях цифровой трансфор-

мации. Так как трансформация будет проходить в течение следующих 4–5 лет, в настоящее время нет возможности оценить ее эффективность. Программа основана на когнитивно-поведенческом подходе и включает работу как на когнитивном, так и на эмоциональном уровне.

Программа включает в себя следующие этапы.

1. Проведение стратегических сессий с руководством организации, в ходе которых будет сформирована стратегия внедрения изменений. Составлена дорожная карта внедрения изменений до 2026 г. Так как топ-менеджеры являются агентом изменений, важно, чтобы они имели четкое видение процессов и изменений.
2. Формирование более высокого уровня воспринимаемой поддержки руководством предстоящих перемен среди сотрудников (работа на когнитивном уровне) в следующих формах: выступления топ-менеджеров перед сотрудниками, разработка информационных материалов – роликов, статей на внутреннем портале, освещающих детали внедрения изменений; демонстрация приверженности внедряемым изменениям со стороны топ-менеджмента компании (например, использование цифровых инструментов, платформ в своей работе, в организации собраний с командами и т. д.). Ряд из этих мероприятий уже начали претворяться в жизнь, и получили позитивные отзывы сотрудников.
3. Формирование восприятия личных преимуществ от внедрения изменений для сотрудников (когнитивный компонент). С этой целью разработана программа, включающая: 1) общую встречу сотрудников и менеджмента для обсуждения предполагаемых изменений; 2) индивидуальный коучинг для сотрудников с целью построения индивидуальной траектории освоения и применения внедряемых изменений.
4. Программа для сотрудников по повышению субъективного благополучия и совладанию со стрессом, а также повышения вовлеченности на основе когнитивно-поведенческого подхода (эмоциональный компонент). Программа включает в себя: а) тренинговую часть, в которой сотрудники обучаются когнитивной модели совладания со сложными ситуациями в работе; 2) индивидуальный коучинг, в ходе которого сотрудники прорабатывают индивидуальные стратегии совладания и преодоления сопротивления изменениям, прорабатываются страхи относительно изменений; 3) общую групповую сессию, на которой обсуждаются результаты программы.

Особое внимание в работе уделяется молодым сотрудникам, так как у них были выявлены наибольшие сложности как в ГОИ-ЦТ, так и в уровне субъективного благополучия.

Программа частично запущена в организации и уже получила положительные отзывы, промежуточный срез показал повышение вовлеченности, психологического благополучия и общей готовности к организационным изменениям, связанным с цифровой трансформацией.

По результатам кластерного анализа были также сформулированы рекомендации по работе с разными группами сотрудников.

При подготовке персонала к внедрению изменений (к цифровизации компании как частному случаю перемен) целесообразно выделять три группы («Ру-

ководители», «Молодые сотрудники» и «Старшие женщины») и формировать специальные тактики работы с ними.

В частности, для группы «Руководители» в ситуации внедрения изменений целесообразно организовать программы по преодолению организационного стресса, развитию навыков коммуникации для преодоления стрессовых ситуаций и навыков построения work-life balance.

Для группы «Молодые сотрудники» целесообразно организовывать установочные встречи с руководством для формирования конструктивной установки к предстоящим переменам, тренинговые программы по формированию эффективного поведения в ситуации перемен, обучать эффективным копинг-стратегиям для применения в кризисных ситуациях. Для этой группы актуальным представляется организация групп поддержки и адаптации на время внедрения изменений в компании.

Для группы «Старшие женщины» целесообразно обучение навыкам саморегуляции, коммуникации для снижения уровня стресса и навыкам построения work-life balance. Также для этой группы целесообразно проанализировать и устранить факторы неблагополучия на рабочем месте для предотвращения снижения готовности к предстоящим изменениям.

Заключение

Описаны результаты диагностики организации, готовящейся к внедрению изменений, связанных с цифровой трансформацией. В результате проведенного исследования были выявлены сложности и факторы, обуславливающие готовность сотрудников к изменениям, связанным с цифровой трансформацией. По результатам проведенного исследования разработана программа психологического сопровождения организации, находящейся на стадии подготовке и внедрения изменений, связанных с цифровой трансформацией.

Программа может применяться в организациях с учетом ограничений данного исследования: исследование выполнено на одной конкретной организации финансового профиля, поэтому в других организациях необходимо также проводить диагностику и на основе нее корректировать программу психологического сопровождения изменений.

В дальнейшем авторы планируют апробировать программу на организациях различного профиля деятельности.

Литература

- Антонова Н. В.* Цифровая трансформация организации и психологическое благополучие сотрудников // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 3 (27). С. 201–233.
- Верещагина Л. А.* Оценка удовлетворенности работой // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / Под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова. СПб.: Речь, 2013. С. 181–183.
- Водопьянова Н. Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009.
- Наумцева Е. А.* Анализ психометрических свойств русскоязычной версии опросника Д. Холта «Готовность к организационным изменениям» // Организацион-

ная психология. 2016. Т. 6. № 4. С. 104–117. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 04.10.2022).

Соколова М. В. Шкала субъективного благополучия. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1996.

Шауфели В., Дийкстра П., Иванова Т. Увлеченность работой: Как научиться любить свою работу и получать от нее удовольствие. М.: Когито-Центр, 2015.

Bouckenooghe D., Devos G. Ready or Not...? What's the Relevance of a Meso Level Approach to the Study of Readiness for Change. Ghent University, Faculty of Economics and Business Administration, Working Papers of Faculty of Economics and Business Administration, Ghent University, Belgium, 2008.

Rogers E. M. Diffusion of Innovations. 4th ed. N. Y., 1995.

Trenerry B., Chng S., Wang Y., Suhaila Z. S., Lim S. S., Lu H. Y., Oh P. H. Preparing workplaces for digital transformation: an integrative review and framework of multi-level factors // *Frontiers in Psychology*. 2021. V. 12. P. 1–24. doi: 10.3389/fpsyg.2021.620766.

Verhoef P. C., Broekhuizen T., Bart Y., Bhattacharya A., Dong J. Q., Fabian N., Haenlein M. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda // *Journal of Business Research*. 2021. V. 122. P. 889–901. doi: 10.1016/j.jbusres.2019.09.022.

Development of the program for psychological support of the organization's digital transformation

N. V. Antonova

PhD in psychology, associate professor, associate professor at the Department of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, nvantonova@hse.ru

The article presents the results of a study of the factors of employee readiness for organizational changes related to the digital transformation of the organization (ROC–DT), and the development of a program for psychological support of the implementation of digital transformation in the organization. The sample was 250 employees of the organization. Research methods: methodology for assessing readiness for organizational changes by D. Holt in translation and adaptation by E. Naumtseva (Naumtseva, 2016); methodology for assessing job satisfaction according to L. A. Vereshchagina (Vereshchagina, 2013); subjective well-being scale (SSS) by A. Perue-Badu et al., adapted by M. V. Sokolova (Sokolova, 1996); organizational stress scale (SCO) by A. Maklin in the adaptation of N. E. Vodopyanova (Vodopyanova, 2009); Utrecht Engagement Scale by V. Schaufeli and A. Backker (Schaufeli et al., 2015). As a result of the study, problematic areas of preparedness for organizational changes were identified, as well as significant correlations of ROC–DT with such variables as employee involvement, psychological well-being, as well as the employee's position in the organization. The most significant predictors of ROC–DT were energy, general involvement, and position in the organization. Using cluster analysis, groups of employees with specific problems regarding the adoption of changes were identified. Based on the study, a program of psychological support for changes related to digital transformation was developed. The program can be used as a model program to develop similar support programs for other organizations.

Keywords: digital transformation of the organization (DTO), readiness for organizational changes related to digital transformation (ROC–DT), job satisfaction, subjective well-being, organizational stress, engagement, psychological support for digital transformation in organization.

Субъективное благополучие молодых сотрудников организации

Е. Е. Блинова

доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой прикладной психологии и развития личности ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», профессор кафедры общей и педагогической психологии ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых», Владимир, Россия, elena.blynova@gmail.com

Рассматривается проблема адаптации молодых сотрудников в организации. Субъективное социальное благополучие выступает критерием успешности и эффективности адаптации молодого специалиста. Представлены результаты сравнительного анализа двух групп сотрудников, отличающихся по стажу работы. Использован «Опросник параметров субъективного социального благополучия» (Т. В. Данильченко). Показано, что молодые сотрудники невысоко оценивают свою социальную значимость, социальный престиж и авторитетность в оценках других людей; иногда они чувствуют недостаточную включенность в социум, в рабочие процессы организации, изолированность, неудовлетворенность социальными отношениями; молодежь в оценке своих профессиональных и личных качеств ориентируется на мнение коллег, руководства.

Ключевые слова: психологическое благополучие, субъективное благополучие, организация, молодые сотрудники, социально-психологическая адаптация.

Успешность и эффективность работы организации во многом определяется продуманной кадровой политикой, дифференцированным отношением к каждому сотруднику, что в конечном итоге повышает уровень его психологической комфортности в организации и непосредственно влияет на продуктивность деятельности. Особого внимания требуют молодые сотрудники в период их адаптации на производстве. Субъективное благополучие молодых специалистов в новых для них производственных условиях является условием, фактором и в то же время критерием успешной адаптации сотрудника в организации. Благополучие обусловлено позитивными межличностными отношениями, возможностью общаться, взаимодействовать, уважением и принятием со стороны значимых окружающих людей, удовлетворенностью личностных потребностей, поэтому считаем, что преимущественно речь идет о субъективном социальном благополучии.

Теоретическое обоснование проблемы

Психология управления, изучая ценностно-мотивационную сферу сотрудников, формирование умений, знаний, трудовых навыков, особое внимание уде-

ляет благополучию как особому ресурсу (Журавлев, 2004; Vlynova et al., 2018). Под благополучием понимают, с одной стороны, степень близости психологических механизмов функционирования субъекта к оптимальному уровню (психологическое благополучие), с другой стороны, субъективную оценку степени близости актуального состояния к желаемому (субъективное благополучие), в которой объединяются эмоциональные и рациональные компоненты (Зотова, 2017). В изучении субъективного благополучия опираемся на работы Е. Динера, а также на исследования Р. М. Шамионова, который непосредственно указывал на социально-психологическую природу этого конструкта, отмечая в его структуре субъективное эмоционально-оценочное отношение (к себе, к жизни, к окружению, к труду) (Шамионов, 2004; Diener et al., 2015).

И. А. Петрова, О. Н. Демин изучали влияние организационных изменений на психологическое благополучие и поведение личности, направленное на преодоление трудностей (копинг-поведение), и показали в своем эмпирическом исследовании, что психологическое благополучие сотрудника смягчает негативные эффекты от пребывания в неопределенной жизненной ситуации, связанной с работой в организации, и активизирует конструктивные формы копинг-поведения (Петрова, Демин, 2009).

Когда речь идет о сотрудниках организации, представляют интерес исследования, касающиеся взаимосвязи субъективного благополучия и дохода. Как правило, в эмпирических данных зафиксирована умеренная взаимосвязь между этими показателями, при этом констатируется, что, во-первых, связь линейная, т. е. более материально обеспеченные люди являются более благополучными, а во-вторых, существует значительный разброс индивидуальных отличий, как в показателях благополучия, так и в уровне дохода (Luhmann et al., 2012). Возможные объяснения такой взаимосвязи: высокий уровень дохода является показателем достижения целей, удовлетворенности базовых потребностей, потребностей в уважении и принятии.

В основу нашего эмпирического исследования положена социально-психологическая концепция субъективного социального благополучия Т. В. Данильченко, которая отражает субъективную оценку (позитивное переживание) успешности функционирования личности в социуме (Данильченко, 2016). Субъективное социальное благополучие зависит от удовлетворенности социальных потребностей: потребности в социальной включенности (или вовлеченности) (привязанность, принятие, принадлежность, интеграция); потребности в социальном одобрении (компетентность, ценность, доверие, уважение, признание, солидарность); потребность в социальной поддержке (понимание, сопереживание, забота, помощь) (там же).

Также следует выделить два условных измерения субъективного социального благополучия: 1) удовлетворенность социальных потребностей, от чего, по мнению Т. В. Данильченко, зависит и оценка социальных отношений разного уровня; 2) социальная связанность (степень «погруженности» в социальное функционирование).

Методы и организация исследования

В эмпирическом исследовании использована методика «Опросник параметров субъективного социального благополучия» Т. В. Данильченко, позволяющая

проанализировать ведущие социальные потребности: социальное принятие, социальное одобрение, социальную видимость. По инструкции испытуемым предложено оценить свою социальную жизнь за последние три месяца.

Исследование проведено на базе организации, которая занимается разработкой, продажей и обслуживанием информационных технологий; приняли участие две группы сотрудников: группа 1 (молодые специалисты) – стаж работы от 1 до 5 лет (29 испытуемых); группа 2 – стаж работы от 6 до 10 лет (34 испытуемых), соотношение мужчин и женщин в обеих группах приблизительно равно.

Результаты

Результаты сравнения двух групп по среднеарифметическим значениям шкал «Опросника субъективного социального благополучия» показали, что «Социальная видимость» выше в группе более опытных сотрудников ($M_1=41,76$; $M_2=38,84$); средние значения по шкале «Социальная дистантность» практически не отличаются в двух группах ($M_1=22,87$; $M_2=23,16$), при этом можем предположить, что если у группы 2 это проявление зрелой профессиональной автономии, то у группы 1 социальная отчужденность, скорее, проявление продолжающегося процесса адаптации. С целью получения более дифференцированной информации использован критерий углового преобразования Фишера. Для сравнения взят процент лиц с высоким уровнем соответствующего показателя. Установлены статистически подтвержденные различия между группами по шкале субъективного социального благополучия «Социальная видимость» ($\varphi_{\text{эмп.}}=1,68$; $p<0,05$), этот показатель выше в группе сотрудников с большим стажем работы в организации и отражает оценку социальной значимости личности, связан с социальным статусом человека, его социальной успешностью.

Получены различия между группой 1 и группой 2 по параметру «Социальной одобрение» ($\varphi_{\text{эмп.}}=1,73$; $p<0,05$), причем процент сотрудников с высоким уровнем по этой шкале выше у молодых сотрудников, т.е. их продуктивность и эффективность функционирования в социуме оценивается преимущественно с ориентацией на мнение значимых лиц – руководства, коллег по работе.

Различия по шкале «Социальные убеждения» ($\varphi_{\text{эмп.}}=1,81$; $p<0,05$) показывают, что молодые сотрудники в большей мере имеют позитивные социальные суждения о других людях, их доверии, доброте и честности.

Заключение

Субъективное социальное благополучие молодых сотрудников в организации является детерминантой, обуславливающей успешность и эффективность их деятельности в организации. Благополучие взаимосвязано с позитивными межличностными отношениями как с руководством, так и коллегами, возможностью взаимодействовать, получая удовлетворенность потребности в общении.

Установлены различия между группами молодых сотрудников в организации и теми, кто имеет больший стаж работы, по таким параметрам субъективного социального благополучия: социальная видимость, социальное одобрение, социальные убеждения.

Литература

- Данильченко Т. В.* Суб'єктивне соціальне благополуччя: психологічний вимір: Монографія. Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. Чернігів: Десна Поліграф, 2016.
- Журавлев А. Л.* Психология управленческого взаимодействия: Теоретические и прикладные проблемы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Зотова О. Ю.* Психологическое благополучие личности: Монография. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017.
- Петрова И. А., Демин А. Н.* Влияние организационных изменений на психологическое благополучие и совладающее поведение личности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3. «Педагогика и психология». 2009. № 2. С. 215–219.
- Шамионов Р. М.* Психология субъективного благополучия личности. Саратов, 2004.
- Блынова О. У., Holovkova L. S., Sheviakov O. V.* Philosophical and sociocultural dimensions of personality psychological security // Anthropological Measurements of Philosophical Research. 2018. № 14. P. 73–83.
- Diener E., Oishi S., Lucas R. E.* National accounts of subjective well-being // American Psychologist. 2015. V. 70. P. 234–242.
- Luhmann M., Hofman W., Eid M., Lucas R. E.* Subjective well-being and adaptation to life events: a meta-analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. V. 102 (3). P. 592–615.

Subjective well-being of young employees of the organization

О. У. Блынова

doctor of psychological sciences, professor; head of the Department of Applied Psychology and Personality Development, Kherson State Pedagogical University; professor of the Department of General and Pedagogical Psychology, Vladimir State University named after Stoletovs, Russia, elena.blynova@gmail.com

The article deals with the problem of adaptation of young employees in the organization. Subjective social well-being is a criterion for the success and effectiveness of a young employee. The results of a comparative analysis of two groups of employees differing in work experience are presented. The «Questionnaire of the parameters of subjective social well-being» (Т. В. Danilchenko) was used. It is shown that young employees rate their social significance, social prestige and authority low; feel insufficient involvement in society, in the working processes of the organization, isolation, dissatisfaction with social relations. Young employees, in assessing their professional and personal qualities, are guided by the opinions of colleagues and management.

Keywords: psychological well-being, subjective well-being, organization, young employees, social and psychological adaptation.

Временная перспектива и прокрастинация как социально-психологический индикатор лидерской компетентности менеджеров

*А. К. Болотова**, *А. А. Чеврениди***, *А. К. Захарова****

* доктор психологических наук, профессор, ординарный профессор
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия, bolotova@hse.ru

** кандидат психологических наук, преподаватель, Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия,
chewrenidi2011@yandex.ru

*** кандидат психологических наук, старший преподаватель Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия,
akzakharova@mail.ru

Освещается современное состояние проблемы временной перспективы и феноменологии прокрастинации в профессиональной деятельности руководителей. Основной задачей нашего исследования выступает выявление взаимосвязи совокупностей личностных качеств и временных стратегий деятельности топ- и мидл-менеджеров как индикаторов особой лидерской компетентности. Проведенное исследование показало, что направленность временной перспективы и прокрастинации взаимосвязаны. От конструктивной прокрастинации, «смысложизненных ориентаций», рациональной рефлексии и временных отношений личности зависит успешность профессиональной деятельности, что было обнаружено нами при сравнении показателей в группах мидл- и топ-менеджеров. Успешность управленческой деятельности в группах топ-менеджеров была обусловлена направленностью временной перспективы на будущее, высоким уровнем рефлексии и низким уровнем прокрастинации. В группе мидл-менеджеров выявлен высокий уровень прокрастинации, ориентация на гедонистическое настоящее и негативное прошлое.

Ключевые слова: временная перспектива, прокрастинация, профессиональная деятельность, тайм-менеджмент, топ-менеджеры, мидл-менеджеры, рациональная рефлексия, смысложизненные ориентации.

Профессиональная деятельность является процессом, протяженным во времени, где время имеет ценностное значение как важнейший невозполнимый экономический ресурс оптимизации деятельности человека. Умение рационального распределения времени обеспечивает стратегии жизни в ситуациях неопределенности и детерминирует расстановку временных приоритетов в профессиональной самореализации (Абульханова-Славская, Березина, 2001;

Болотова, Захарова, 2022). Время остается одним из важных, но крайне малоиспользуемых резервов психической организации личности. В условиях интенсификации и цифровизации развития общества, ускорения темпов и лимитов деятельности проблема прокрастинации приобретает прикладное значение. Возникает необходимость работать в условиях дефицита времени, намеренно откладывать выполнение задач, принятие сложных решений и делегировать выполнение менее важных дел, перераспределять временные приоритеты и временные лимиты в ситуациях межличностной и профессиональной коммуникации (Болотова, Чеврениди, 2017; Варваричева, 2010). Рациональное использование времени жизни, ориентации на временные перспективы будущего, расширение горизонтов профессионального и личностного роста способствуют высоким карьерным достижениям. Сегодня изучение личностного потенциала, смысложизненных ориентаций и возможностей профессиональной самореализации предполагает исследование временных перспектив и стратегий деятельности, которые зачастую взаимосвязаны с явлениями рациональной рефлексии и конструктивной прокрастинации. Однако таких исследований все еще недостаточно в современной психологической науке.

Особый интерес эта проблема вызывает в управленческой деятельности. Сотрудники организаций разного должностного статуса все чаще сталкиваются с явлением прокрастинации в профессиональной деятельности. Прокрастинация оказывает влияние на специфику и способы организации управленческой деятельности как топ-менеджеров, так и управленцев среднего звена — мидл-менеджеров в их стремлении более целенаправленного использования времени (Болотова, Захарова, 2022). В исследованиях Т. А. Нестика показано, что руководители высокого ранга, топ-менеджеры ориентированы на долгосрочные перспективы и глобальные достижения в будущем, а служащие среднего звена, мидл-менеджеры в целом хорошо ориентируются в актуальных временных перспективах и планируют свою деятельность в краткосрочных перспективах настоящего. Компания, которая успевает на рынке сегодня, быстрее продвигает свой продукт и удовлетворяет актуальные запросы, становится более рентабельной, а значит развивается эффективнее (Нестик, 2014).

В нашем исследовании мы декларируем, что конструктивная прокрастинация и предопределяющая ее рациональная рефлексия может стать эффективным способом организации деятельности руководителя. При этом субъективная ценность времени как личностного ресурса направленность временной перспективы выступают регуляторами профессиональной деятельности и самореализации личности.

По отношению ко времени Д. А. Леонтьевым предложена классификация типов личностного отношения ко времени, где были представлены группы людей, живущих «во времени» и живущих «вне времени». В свою очередь, как отмечает Е. П. Ильин, люди живущие «вне времени» склонны к постоянному откладыванию и промедлению дел и деятельности, иными словами, к прокрастинации (Ильин, 2011).

Дж. Р. Феррари была предложена типология проявления феномена прокрастинации в зависимости от личностных особенностей индивида и его стратегий поведения (Ferrari, 1990). Согласно его классификации, существуют «не-

решительные», «избегающие» люди и «искатели острых ощущений», которые соответствуют типу «активных прокрастинаторов», которым свойственно целенаправленное откладывание принятия важных решений, так как им нравятся ощущение того эмоционального подъема, который возникает при выполнении дел в последний момент.

Несмотря на актуальность проблемы прокрастинации в профессиональной деятельности, до сих пор нет единого представления о содержании производственной прокрастинации и четкого терминологического понимания данного феномена. Наряду с тем что большинство существующих исследований явления прокрастинации реализованы на базе академической сферы (Барabanщикова, Марусанова, 2015), изучение феномена прокрастинации в профессиональной деятельности представлено на примере узких специальностей, что делает актуальным изучение специфики дифференцированного функционирования феномена на материале широкого круга профессий. Это предопределило *актуальность проблематики нашего исследования*: изучение взаимосвязи временной перспективы, рациональной рефлексии и прокрастинации в профессиональной деятельности руководителей должностного статуса.

Впервые термин прокрастинации был введен П. Рингенбахом в 1977 г., который трактовался им как откладывание дел на потом. В данном контексте прокрастинацию также изучали А. Эллис и В. Кнаус (Ellis, Knaus, 1977). П. Стилом был проведен метаанализ всех исследований по данной проблеме и выделено единое определение: факт прокрастинации представляет собой не просто откладывание, а также промедление и невыполнение (Steel, 2007, 2010). В качестве отличительных особенностей прокрастинации П. Стил выделил привязку к временному аспекту, указывая на то, что откладываются дела, привязанные к какому-либо сроку (Steel, 2010). Дж. Чой отмечает, что в психологии профессиональной деятельности отсутствуют данные об активной прокрастинации, т. е. сознательном откладывании дел на потом (Chu, Choi, 2005).

Я. И. Варваричевой выделяется отдельный вид прокрастинации – осознанная прокрастинация (Варваричева, 2010). Многие авторы трактуют прокрастинацию с психологической точки зрения, как одну из дезадаптивных стратегий совладания со стрессом, слабость волевой сферы личности (Ильин, 2011; Чернышова, 2016). В работе Н. А. Чернышовой произведен интегративный анализ особенностей прокрастинации и выделены следующие ее характеристики: осознанность, иррациональность, ощущение внутреннего дискомфорта и негативных эмоциональных переживаний (тревоги, вины) в связи с откладыванием дел (Чернышова, 2016).

В. В. Барabanщикова показала, что прокрастинация может иметь как негативные, так и позитивные последствия для деятельности человека. При этом зачастую люди откладывают не только личные задачи, но и профессиональные (Барabanщикова, Иванова, 2016).

Согласно ряду исследований, содержание прокрастинации включает откладывание дел на потом, причинами которой являются: выбор поведенческих стратегий (избегание), низкий уровень мотивационно-волевой сферы, а также эмоциональные компоненты (страх, тревога). Объяснение причин прокрастинации мы находим и в работах Дж. Р. Ферррари, который выделял следующие

причины откладывания: поиск острых ощущений, нерешительность, избегание неудач, перфекционизм, неготовность к рискам (Ferrari, 1990). Негативные последствия прокрастинации проявляются в большей степени в профессиональной и академической деятельности, обесценивая личностные успехи и достижения.

В основном прокрастинаторами откладываются дела, которые связаны с временными сроками их выполнения. Исходя из этого, *мы полагаем, что проявления прокрастинации могут быть связаны с особенностями формирования временной перспективы.*

Понятие временной перспективы, тождественное с понятием временной направленности, впервые было предложено К. Левиным, который понимал его как видение своего будущего или прошлого в настоящем (Левин, 2001). Введение этой категории дополняло понятие «жизненного пространства» и «психологического поля», определяя изучение представлений о настоящем, будущем и прошлом. Л. Франк, вводя термин «временная перспектива» в 1939 г. в научный оборот, охарактеризовал временную направленность как взаимосвязь и взаимообусловленность прошлого, настоящего и будущего, что было представлено в пространственно-временной модели поведения человека.

Б. В. Зейгарник отмечает, что прошлый опыт личности играет существенную роль в поисках жизненных перспектив, в определении временных вех в формировании умения объективно оценивать возникшую ситуацию, умения увидеть ее в актуальной сиюминутности и в развернутой временной перспективе, что является важным и крайне необходимым условием развития личности (Зейгарник, 1982).

В психологической науке на протяжении нескольких десятилетий появляется все больше работ по изучению временной перспективы личности. Среди них прежде всего работы Ф. Зимбардо и Д. Бойда, К. Левина, Ж. Ньюттена и Л. Франка. Временная перспектива может рассматриваться и как устойчивая черта личности, которая может меняться под влиянием складывающейся карьеры, социально-экономической обстановки или личностно значимых событий, успехов или неудач. В отечественной психологии проблемы временной перспективы личности отражены в работах К. А. Абульхановой, Т. Н. Березиной, А. К. Болотовой, Е. Н. Головахи, А. К. Кроника, И. С. Кона, Т. А. Нестика, Е. Н. Осина, Н. Н. Толстых, А. Сырцовой и О. Митиной и др.

В нашем исследовании мы опираемся преимущественно на определение временной перспективы, разработанное Ф. Зимбардо. По его определению, временная перспектива — «это зачастую неосознанное отношение личности ко времени и это длительный процесс существования, который объединяется во временные категории, что помогает упорядочить нашу жизнь, структурировать ее и придать ей смысл» (Зимбардо, Бойд, 2010, с. 58). Временная перспектива отражает установки, убеждения и ценности, связанные со временем. Временная перспектива по Ф. Зимбардо включает несколько временных изменений и ориентаций: будущее, позитивное и негативное прошлое, гедонистическое и фаталистическое настоящее.

Временная перспектива как интегральный конструкт, связанный с множеством личностных особенностей, способна оказать влияние на различные

аспекты поведения человека, в том числе и на его поведение в трудных жизненных ситуациях. В них часто наблюдается установка на возникновение в ближайшем будущем только негативных событий. Это можно расценивать как один из стрессогенных факторов. По данным А. К. Болотовой, ситуация ожидания неприятного события для человека переживается тяжелее, чем само уже свершившееся событие (Болотова, Чеврениди, 2017).

В нашем исследовании мы располагаем данными, что существует взаимосвязь предопределяющей рациональной рефлексии и прокрастинации как особого способа организации деятельности, как деструктивного и конструктивного компонента.

Психологическое определение рефлексии было сформулировано в 1930-х годах А. Бузманом. Он понимал рефлексию как перенос переживаний с внешнего мира на себя. Кроме того, только А. Бузманом было предложено выделить психологию рефлексии в отдельную область исследований, изучающую сознание и рефлексивные процессы.

В отечественной психологии понятие «рефлексия» используется в качестве объяснительного принципа развития самосознания личности и ее психики в целом (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, Б. В. Зейгарник и др.). Рефлексивные свойства характера «наиболее интимно связаны с целями жизни и деятельности», как считает Б. Г. Ананьев, ценностными ориентациями, установками, выполняющая функцию саморегулирования и контроля развития.

А. В. Карпов в своей работе выделяет разные модусы рефлексии: «...рефлексия является такой синтетической психической реальностью, которая может выступать (и реально выступает) и как психический процесс, и как психическое свойство, и как психическое состояние одновременно, не сводится ни к одному из них» (Карпов, 2003, с. 48). Совокупность выделенных автором модусов обуславливает качественную определенность рефлексии. По мнению ученого, «рефлексия – это одновременно и уникальное свойство, присущее лишь человеку, и состояние осознания чего-либо, и процесс репрезентации психике своего собственного содержания» (Карпов, 2003, с. 48). В научном подходе А. В. Карпова приводится теоретическое обоснование взгляда на рефлекссию как особого процесса, играющего значительную роль в процессах саморегуляции, и обосновывает его эмпирическое и прикладное значение. Здесь рефлексия выступает «как важнейшая регулятивная составляющая личности, позволяющая ей сознательно выстраивать свою жизнедеятельность» (Карпов, 2004, с. 77).

Установлено, что высокий уровень рефлексии у руководителей организации позволяет спрогнозировать значения других переменных, в том числе их вариативность и дисперсию, выступая причиной диверсификации (там же). Также рефлексия может оказать регулирующее воздействие на другие переменные, выступая в качестве медиатора, обуславливающего ингибицию или фасилитацию, а также может создать условия, обеспечивающие качественное расслоение выборки (там же). Эти эмпирические данные, полученные А. В. Карповым, доказывают, что рефлексия в действительности является особой переменной, отличной от других (Карпов, 2003, 2004). Именно благодаря опережающей рефлексивности субъект становится способным частично управлять закономерностями своего функционирования и влиять на них.

Программа исследования

Выборка: респонденты разного должностного статуса (120 чел., из них 58 топ-менеджеров и 62 мидл-менеджера), представители различных организаций г. Москвы. Методики: «Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо» в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной, шкалы общей прокрастинации С. Лэй (С. Н. Lay) в адаптации Т. Ю. Юдеевой, Н. Г. Гаранян, Д. Н. Жуковой, опросника «Смысложизненные ориентации» в адаптации Д. А. Леонтьева, методика диагностики уровня рефлексивности А. В. Карпова.

Основные результаты

Обнаружены статистически значимые различия уровня прокрастинации у топ-менеджеров и менеджеров среднего звена (мидл-менеджеров). Было выявлено, что прокрастинация в меньшей мере свойственна топ-менеджерам, что может быть связано с их высокой степенью ответственности и направленностью на карьерные достижения. Эти результаты позволяют утверждать, что временные перспективы у топ-менеджеров и мидл-менеджеров действительно имеют свои отличительные особенности (статистически значимый уровень различий для $p \leq 0,01$). Сравнительный анализ временных ориентаций двух групп респондентов выявил высокие показатели и преобладание временной перспективы Будущего только в группе топ-менеджеров (59,03 против 22). Топ-менеджерам свойственен низкий уровень гедонистического настоящего, что может свидетельствовать о значимости целеполагания и ориентации на будущее с целью построения долгосрочных стратегий деятельности и направленности на достижения. Низкая ориентация на гедонистическое настоящее демонстрирует неготовность совмещать активную профессиональную деятельность с получением удовольствий от настоящего «здесь-и-сейчас». Такие люди готовы жертвовать «настоящим», ради успеха и достижений в будущем, постоянно намечая новые цели, стремясь к наивысшим достижениям в карьере.

Согласно точке зрения Д. А. Леонтьева, временные перспективы связаны со смысложизненными ориентациями личности, оказывая влияние на успех в профессиональной деятельности. Результаты нашего исследования позволяют нам раскрыть смысложизненные ориентации сотрудников разного должностного статуса, которые могут определять временные перспективы либо будущего (целеполагание), либо настоящего (процесс), или прошлого (цели, результат), или же всех трех временных измерений.

Наиболее результативно полученные данные проявились в таких показателях топ- и мидл-менеджеров, как цели в жизни (35,28 против 29,9), locus контроля (32,7 против 29,26) и осмысленность жизни (155,25 против 131,85). В группе мидл-менеджеров эти показатели выражены значительно слабее. Полученные данные иллюстрируют наиболее значимые различия ведущих составляющих личностного потенциала в планировании и построении карьеры, выступая основой карьерных достижений.

Далее представлены результаты корреляционного анализа (коэффициент Спирмена) взаимосвязей количественных показателей с показателем «Уровень прокрастинации» отдельно внутри каждой выборки. Результаты мидл-мене-

джеров отражают статистически значимые положительные взаимосвязи показателя «Уровень прокрастинации» с показателями «Негативное прошлое» (0,78), «Фаталистическое настоящее» (0,76). Статистически значимые отрицательные взаимосвязи с показателем «Уровень прокрастинации» наблюдаются у показателей «Будущее» (-0,46), «Цели в жизни» (-0,26), «Локус контроля – Я» (-0,28), «Локус контроля – жизнь» (-0,43). Аналогичные результаты были показаны в исследованиях С. Н. Lay (Lay, 1986), которые базировались на предположении о предпочтении сиюминутного удовольствия наградам в отдаленном будущем. Исследования Дж. Феррари и М. Спектр также показали высокую отрицательную корреляцию прокрастинации с ориентацией на будущее и положительную корреляцию с ориентацией на негативное прошлое (Specter, Ferrari, 2000).

Результаты топ-менеджеров: статистически значимых положительных взаимосвязей с показателем «Уровень прокрастинации» выявлено не было. Статистически значимые отрицательные взаимосвязи с показателем «Уровень прокрастинации» наблюдаются у показателей «Позитивное прошлое», «Будущее», «Цели в жизни», «Процесс жизни», «Результативность жизни», «Локус контроля – Я», «Локус контроля – жизнь», «Осмысленность жизни», что означает снижение уровня прокрастинации.

Полученные данные могут свидетельствовать о том, что высокий уровень прокрастинации у мидл-менеджеров обусловлен влиянием отношения к прошлому (31,26): они погружены в воспоминания о прошлом и уделяют недостаточно внимания ориентации на будущее. Высокий уровень прокрастинации также связан с фаталистическим восприятием настоящего (45,7) и низкой ориентацией на будущие достижения (22).

Как мы полагаем, низкий уровень прокрастинации у топ-менеджеров обусловлен ориентацией на позитивное прошлое, что свидетельствует о том, что полученные знания и опыт прошлого реализуются в практической деятельности. Также наблюдается высокая ориентация на будущее, что отражает способность топ-менеджеров к саморегуляции и целеполаганию в построении карьеры. С этими эмпирическими данными согласуется понятие «личностного смысла», что зачастую можно расценивать как влияние результата на карьерные достижения.

В нашем исследовании мы полагаем, что существует взаимосвязь рефлексии и прокрастинации как особого способа организации деятельности, как ее конструктивного компонента. Поэтому мы решили выявить уровень рефлексии у сотрудников разного должностного статуса. Результаты статистического анализа позволяют сделать вывод о том, что статистически значимые ($p < 0,0001$) различия между респондентами из групп с разным должностным статусом наблюдаются по всем показателям опросника рефлексивности А. В. Карпова. Уровень рефлексивности возрастает при переходе от группы мидл- (123,9) к топ-менеджерам (161,5). Эти результаты свидетельствуют о том, что мидл- и топ-менеджеры статистически значимо отличаются по уровню выраженности рефлексии и ее влияния на способ организации деятельности и ее результативность в карьерных достижениях.

Завершающий этап исследования позволяет сопоставить совокупность таких факторов как временная перспектива, прокрастинация, рефлексия и СЖО в деятельности менеджеров среднего звена и топ-менеджеров.

Статистика эмпирических данных временной перспективы, прокрастинации, СЖО и рефлексии, а также плотность их распределения у сотрудников разного должностного статуса показывает, что «Будущее» в среднем повышается при переходе мидл-менеджеров в статус топ-менеджера. В группе мидл-менеджеров наблюдается низкая ориентация на временную перспективу будущего, что может быть связано с их ориентацией на временные перспективы негативного прошлого, что, несомненно, может затруднять процесс целеполагания и самореализации в карьере. В группе топ-менеджеров наблюдается высокая ориентация на временную перспективу будущего, что отражает, амбициозность и нацеленность на карьерные достижения. Эти показатели могут стать индикатором особой лидерской компетентности руководителя.

Заключение

В исследовании показано, что прокрастинация, направленность временной перспективы и рациональная рефлексия взаимосвязаны. От уровня прокрастинации, смысложизненных ориентаций, рациональной рефлексии и направленности временной перспективы личности зависит успешность в профессиональной деятельности. Эти результаты согласуются с результатами исследований В. В. Барабаншиковой и С. А. Ивановой, которые отражают тот факт, что испытуемые склонные к прокрастинации, в меньшей степени способны контролировать ситуацию вокруг себя, чаще затягивают время принятия решений (Барабаншикова, Иванова, 2016). Имеющиеся исследовательские данные подтверждают результаты нашего исследования. Они показывают, что прокрастинация взаимосвязана с временной перспективой личности и может выступать способом организации времени с положительными эффектами. Способность к организации времени определяет успешность в профессиональной деятельности, что было обнаружено нами при сравнении показателей временной перспективы и прокрастинации в группах топ-менеджеров и мидл-менеджеров, чей успех обусловлен направленностью в будущее и низким уровнем прокрастинации.

Важно отметить тот факт, что в исследовании среди топ-м с высоким профессиональным статусом и стажем работы, наблюдалось значительное увеличение случаев прокрастинации по сравнению с мидл-м. Мы полагаем, что это может быть связано с опытом организационного руководства, когда наиболее значимые производственные задачи требовали рациональной опережающей рефлексии и незамедлительного принятия решения, а все другие делегировались и уходили в сферу прокрастинации. Такой тип руководства соответствует рациональному тайм-менеджменту и принципу Паретто 20/80. Наши работы (Болотова, Захарова, 2022) также подтверждают исследования А. Н. С. Chu, J. N. Choi (Chu, Choi, 2005) и Е. П. Ильина (Ильин, 2011). Авторы рассматривают конструктивную прокрастинацию как своеобразную копинг-стратегию на основе рациональной рефлексии и предиктор успешной деятельности. С их точки зрения, прокрастинация выступает как осознанно выбранная рациональная стратегия, которая приводит не к негативным, а, наоборот, к позитивным результатам деятельности, позволяет сконцентрироваться, отложить либо делегировать менее важные дела взамен более значимых.

Результаты исследования позволяют предположить, что временная перспектива личности, временные ориентации и рефлексия взаимосвязаны с процессами прокрастинации и могут рассматриваться не только как негативные, но и как позитивные последствия, что позволяет наметить некоторые перспективы дальнейших исследований содержания и последствий прокрастинации в ее широкой представленности с профессиональными достижениями представителей различных видов деятельности.

Установлено, что представители разного должностного статуса различаются по сложности восприятия и содержания временной перспективы. Так, в группе топ-менеджеров структура восприятия временной перспективы самая простая и интегральная. В группе мидл-менеджеров восприятие временной перспективы отличается низкой осмысленностью жизни, отсутствием целеполагания и отрицанием прошлого опыта. В группе топ-менеджеров наблюдается высокая направленность на будущее и высокие достижения в организации будущей деятельности. Среди успешных топ-менеджеров наблюдалось значительное увеличение случаев конструктивной прокрастинации и рациональной рефлексии по сравнению с мидл-менеджерами. Мы полагаем, что это связано с опытом организационного руководства, когда значимые производственные задачи требовали незамедлительного решения, а все другие делегировались и уходили в сферу прокрастинации.

Литература

- Абульханова-Славская К. А., Березина Т. Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетея, 2001.
- Барабанщикова В. В., Иванова С. А.* Влияние организационно-личностных факторов на уровень выраженности прокрастинации у сотрудников современной организации // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 1. С. 95–111.
- Барабанщикова В. В., Марусанова Г. И.* Перспективы исследования феномена прокрастинации в профессиональной деятельности // Национальный психологический журнал. 2015. № 4 (20). С. 130–140
- Болотова А. К., Чевренди А. А.* Временной модус прокрастинации в ретроспективе: виды, предикторы и последствия // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 4. С. 101–108.
- Болотова А. К., Захарова А. К.* Временные перспективы и феномен прокрастинации в профессиональной деятельности // Cross Cultural Studies: Education and Science. 2022. Т. 7. № 3. С. 90–97.
- Варваричева Я. И.* Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 121–131.
- Зейгарник Б. В.* Теории личности в зарубежной психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. М.: Речь, 2010.
- Ильин Е. П.* Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб.: Питер, 2011.
- Карпов А. В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.

- Карпов А. В.* Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 45–57.
- Левин К.* Динамическая психология. Избранные труды. М.: Смысл, 2001.
- Нестик Т. А.* Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Chu A. H. C., Choi J. N.* Rethinking procrastination: Positive effects of “active” procrastination behavior on attitudes and performance // Journal of Social Psychology. 2005. № 14. P. 245–264.
- Ellis A., Knaus W. J.* Overcoming procrastination. N.Y.: Signet Books, 1977.
- Ferrari J. R.* Self-handicapping by procrastinators: Effects of task importance and performance privacy: Doctoral dissertation. Adelphi University, Garden City. N.Y., 1990.
- Steel P.* Arousal, avoidant and decisional procrastinators: Do they exist? // Personality and Individual Differences. 2010. № 48. P. 926–934.
- Steel P.* The Nature of Procrastination: A Meta-Analytic and Theoretical Review of Quintessential Self-Regulatory Failure // Psychological Bulletin. 2007. № 133 (1). P. 65–94.
- Specter M. H., Ferrari J. R.* Time orientations of procrastination: Focusing on the past, present or future? // Journal of Social Behavior and Personality. 2000. V. 15. № 5. P. 197–202.
- Lay C. H.* At last, my research article on procrastination // Journal of Research on Personality. 1986. V. 20. № 4. P. 474–495.

Time perspective and procrastination as a socio-psychological indicator of leadership competence of managers

*A. K. Bolotova**, *A. A. Chewrenidi***, *A. K. Zakharova****

** doctor of science (psychology), professor, ordinary professor, National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia, bolotova@hse.ru*

*** PhD, National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia, chewrenidi2011@yandex.ru*

**** PhD, senior lecturer, National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia, akzakharova@mail.ru*

The article highlights the current state of the problem of time perspective and the phenomenology of procrastination in the professional activities of managers. The main objective of our research is to identify the relationship between sets of personal qualities and temporary strategies for the activities of Top and Middle managers, as indicators of special leadership competence. The study showed that the orientation of time perspective and procrastination are interrelated. The success of professional activity depends on constructive procrastination, “meaningful life orientations” rational reflection and temporary relationships of the individual, which we discovered when comparing indicators in groups of Middle and Top managers. The success of management activities in groups of Top managers was determined by the focus of the time perspective on the future, a high level of reflection and a low level of procrastination. The group of Middle Managers revealed a high level of procrastination, orientation towards the hedonistic present and negative past. A statistically significant level of differences in the severity of procrastination across the entire sample was proven.

Keywords: time perspective, procrastination, professional activity, time management, Top managers, Middle managers, rational reflection, meaning and life orientations.

Представления о профессиональном общении сотрудников полиции на начальном этапе профессионализации

И. В. Васильева

доктор психологических наук, доцент; заведующий кафедрой общей и социальной психологии Тюменского государственного университета, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия, i.v.vasileva@utmn.ru

Описано содержание представлений о профессиональном общении у сотрудников полиции. В исследовании участвовало 205 чел. – представители разных подразделений органов внутренних дел, со стажем работы до 3 лет. В качестве метода сбора данных использовался метод свободных ассоциаций, модифицированный под задачи исследования. Для обработки данных использовался частотный анализ и сравнение пропорций с использованием z-теста. Представления сотрудников полиции о профессиональном общении на начальном этапе профессионализации релевантны содержанию деятельности. Наиболее значимыми компонентами представлений сотрудников полиции на начальном этапе профессионализации являются качества коммуникаторов, сами коммуникаторы и их роли, процесс коммуникации и уровень его активности, а также содержание профессиональной деятельности.

Ключевые слова: сотрудники полиции, представления, начало профессионализации, профессиональная деятельность, субъект, субъектность профессиональное общение, коммуникаторы, качества коммуникаторов.

Введение

Социально-психологические проблемы общества и отдельных групп отражаются в содержании и структуре представлений (Журавлев, 2016). Человек становится субъектом в процессе своей жизни, деятельности, общения (Брушлинский, 2002). Субъектность, в свою очередь, находит отражение в представлениях.

Начало профессионализации сотрудника – важный период для социума и сложный для самого сотрудника. Начальный период профессионализации сопровождается для субъекта деятельности кризисами, трудностями с формированием ресурсов восстановления, неопределенностью формулировки собственной траектории профессионального развития (Головей, 2016). В. П. Серкин указывает на специфичность профессионального образа мира, отражающегося в том числе в профессиональном общении (Серкин, 2012).

В представлениях содержатся с трудом рефлекслируемые впечатления, отношения субъекта деятельности как к профессии, к деятельности в ней, так и к обыденным ситуациям. С одной стороны, это не позволяет получить точный прогноз в отношении поведения в той или иной ситуации, а с другой – позволяет получить информацию об отношении человека к ситуации с минимумом искажений. Этот факт приобретает особую значимость при исследовании групп людей, для которых характерна осторожность, закрытость, сдержанность, формализованность при внешних контактах. Деятельность сотрудников органов внутренних дел специфична по совокупности признаков: 1) высокий уровень ответственность за жизнь, здоровье, безопасность в целом граждан и материально-технических ресурсов; 2) риски гибели или сильной травматизации; 3) возможность и необходимость применения оружия для защиты граждан и материально-технических ресурсов; 4) необходимость жестко соблюдать служебную иерархию при принятии решений; 5) преимущественное взаимодействие в ходе профессиональной деятельности с людьми, совершающими правонарушения и преступления. Эти особенности деятельности не могут не накладывать отпечаток на представления сотрудников. Период профессионализации, потенциальные риски приобретения профессиональной деформации также отражаются в содержании представлений сотрудников органов внутренних дел. Исследование представлений о профессиональном общении необходимо для успешной организации обучения сотрудников (Приходько, 2023).

Организация исследования

В исследовании приняли участие 205 сотрудников органов внутренних дел различных подразделений. Преимущественно это были: представители патрульно-постовой службы (85 чел.), охранно-конвойной службы (30 чел.), дорожно-патрульной службы ГИБДД (42 чел.), дежурной части (28 чел.), инспекции по делам несовершеннолетних (7 чел.), уполномоченные участковые (12 чел.). По половому составу участники разделились следующим образом: 30 женщин и 175 мужчин. Возраст – от 20 до 45 лет ($M=24,55$). Все участники исследования находились на начальном этапе профессионализации. Стаж в профессиональной деятельности сотрудника полиции находился в диапазоне от 6,5 месяцев до 3 лет.

Метод сбора данных: метод свободных ассоциаций, модифицированный под задачи исследования. Участникам предлагалось три ситуации общения в заданной последовательности: «общаться с гражданами», «общаться с коллегами», «общаться с начальством». На каждую из ситуаций было предложено дать ассоциации в виде глаголов, существительных и прилагательных, по три ассоциации на каждую часть речи. Таким образом, каждый участник на каждую из трех коммуникативных ситуаций давал по девять слов. В целом на все ситуации от каждого участника было получено 27 ассоциаций. Всего от участников исследования было получено 5535 слов-ассоциаций. Сбор данных проводился без указания фамилии, имени, отчества, должности и специального звания, что, по нашему мнению, позволило преодолеть социальную желательность участников.

Методы обработки данных. Все слова-ассоциации на все коммуникативные ситуации были объединены в едином списке и отсортированы по алфавиту. После чего была подсчитана частота употребления каждого слова. Слова, относящиеся к разным частям речи, но имеющие идентичную семантику, объединялись в одну группу. Например: уважать, уважаемый, уважение. В обсуждение результатов включались только те слова или семантические группы, чья частота встречаемости была не менее 10, это составляет 5% от всех участников. На втором этапе обработки отдельные слова и семантические группы были объединены в укрупненные семантические группы по общим признакам, в случае необходимости проводился второй этап смыслового объединения групп. Таким образом, категоризовано по смысловым группам оказалось 915 слов-ассоциаций (16,5% от всех ответов участников). Доля анализируемого контента слов-ассоциаций могла бы быть увеличена за счет смыслового объединения с теми группами, частота которых не достигла 10 единиц. Однако на этом этапе исследования было принято решение анализировать только наиболее частотные. Статистическое сравнение укрупненных семантических групп между собой проводилось z-критерием (сравнение доли выборок).

Результаты и обсуждение

Из наиболее частотных слов-ассоциаций было сформировано шесть укрупненных семантических групп.

1. Качества коммуникаторов: позитивные (254), негативные (33).
2. Виды и предмет профессиональной деятельности (191): общенаправленная (152), взаимодействие с нарушителями (39).
3. Субъекты общения (185).
4. Процесс коммуникации (174).
5. Помощь (61).
6. Дружба (26).

Укрупненная семантическая группа № 1 «Качества коммуникаторов» состоит из групп слов-ассоциаций, связанных с позитивными качествами и с негативными качествами. Позитивные качества: уважаемый (23), уважать (7), уважающий (2), уважение (5), уважительный (7) – 44; умный (20), строгий (11), серьезный (12), спокойный (14); вежливость (5), вежливый (27) – 32; внимание (2), внимательность (12) – 14; грамотность (3), грамотный (16) – 19; добрый (10); понимание (2), понимать (11), понимающий (16), понятливый (3) – 32; ответственный (21), ответственность (2) – 23; уверенность (1), уверенный (13) – 14. Негативные качества: неадекватный (10), неопрятный (23).

Укрупненная семантическая группа № 2 «Виды и предмет профессиональной деятельности» состоит из групп ассоциаций, связанных с общенаправленной деятельностью сотрудника полиции (152), и деятельностью, связанной непосредственно с правонарушениями и правонарушителями (39). Общенаправленная деятельность сотрудника полиции: выполнять (12); действие (1), действовать (3), делать (6) – 10; работа (8), работать (12), рабочий (1) – 21; исполнительность (1), исполнительный (4), исполнять (9) – 14; доклад (7), докла-

дывать (10), доложить (6) – 23; разрешать (8), разрешить (10) – 18; составить (3), составлять (8) – 11; документ (21); протокол (21), протокольный (1) – 22. Деятельности сотрудника полиции, связанная непосредственно с правонарушением и правонарушителями: задержанный (7), задержать (4), задерживать (4) – 15; нарушать (14), нарушающий (4), нарушение (1), нарушивший (1), нарушитель (4) – 24.

Укрупненная семантическая группа № 3 «Субъекты общения» состоит из следующих групп ассоциаций: гражданин (43), мужчина (13), товарищ (43), сотрудник (11), человек (17); начальник (27), начальство (1), начальствующий (1), командир (29).

Укрупненная семантическая группа № 4 «Процесс коммуникации» состоит из групп ассоциаций: виды общения (104), слушание (36) и приветствие (34). Виды общения: беседовать (11); разговаривать (20), разговорчивый (3); общаться (14), общение (4), общительный (13) – 31; объяснение (6), объяснять (19) – 25; обратиться (9), обращаться (4), обращение (1) – 14. Слушание: выслушать (13), слушать (23) – 36. Приветствие: поприветствовать (2), приветствие (2), приветствовать (7) – 11; представиться (13), представляться (1) – 14.

Укрупненная семантическая группа № 5 «Помощь» состоит из следующих групп ассоциаций: помогать (40), помогающий (2), помощник (2), помощь (7) – 51; поддерживать (8), поддержка (2) – 10.

Укрупненная семантическая группа № 6 «Дружба» состоит из следующих групп ассоциаций: друг (15), дружба (1), дружеский (2), дружественный (1), дружить (3), друзья (1) – 23; дружелюбие (1), дружелюбный (2) – 3.

Заключение

Представления сотрудников полиции о профессиональном общении на начальном этапе профессионализации релевантны содержанию деятельности.

Наиболее значимыми компонентами представлений сотрудников полиции на начальном этапе профессионализации являются качества коммуникаторов, сами коммуникаторы и их роли, процесс коммуникации и уровень его активности, а также содержание профессиональной деятельности. Можно говорить о том, что между этими компонентами представлений не наблюдается значимых различий.

Кроме того, часто упоминаемыми компонентами представлений о профессиональном общении у сотрудников на начальном этапе профессионализации выступают эмоционально позитивно окрашенные категории «помощь» и «дружба». Также в категории «качества коммуникаторов» значимо преобладают позитивные. Можно предположить, что эти семантические маркеры указывают на положительное отношение сотрудников не только к общению в рамках профессиональной деятельности, но и к самой профессиональной деятельности в целом.

Литература

Брушлинский А. В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Пер Сэ, 2002. С. 9–33.

- Головей Л. А. Кризисы развития субъекта деятельности на начальных этапах профессионализации // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2016. № 4. С. 47–54.
- Журавлев А. Л. Социальные представления // Т. П. Емельянова. Социальные представления. История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 5–10.
- Приходько О. В. Формирование готовности будущих сотрудников органов внутренних дел к профессионально-деловому общению // Современное педагогическое образование. 2023. № 2. С. 160–163. doi: 10.24412/2587-8328-2023-2-160-163.
- Серкин В. П. Профессиональная специфика образа мира и образа жизни // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 78–90.

Representations about professional communication of police officers at the initial stage of professionalization

I. V. Vasileva

doctor of psychology, associate professor, head of the Department of General and Social Psychology, Tyumen State University, professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training for Employees of Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russia, i.v.vasileva@utmn.ru

The article describes the content of representations about professional communication among police officers. The study involved 205 people, representatives of various departments of the internal affairs bodies, with work experience up to 3 years. As a data collection method, the free association method was used, modified for the research objectives. For data processing, frequency analysis and comparison of proportions using a z-test were used. Representations of police officers about professional communication at the initial stage of professionalization are relevant to the content of the activity. The most significant components of the representations of police officers at the initial stage of professionalization are the qualities of communicators, the communicators themselves and their roles, the process of communication and the level of its activity, as well as the content of professional activity.

Keywords: police officers, representations, the beginning of professionalization, professional activity, subject, subjectivity professional communication, communicators, qualities of communicators.

Роловой конфликт личности в организационном контексте: обзор метааналитических исследований

О. И. Деревянко, Л. В. Финькевич***

* магистр психологии, исследователь, старший преподаватель кафедры общей и организационной психологии Института психологии БГПУ, г. Минск, Белоруссия, ip_od@mail.ru

** кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и детской психологии БГПУ, г. Минск, Белоруссия, ludfink@yandex.ru

Представлен аналитический обзор зарубежных исследований по проблеме ролевого конфликта личности в организационном контексте, проведенных с помощью метаанализа. Установлены модерирующие переменные, которые существенно влияют на выраженность ролевого конфликта личности. Авторами обоснованы преимущества использования мета-анализа в психологических исследованиях. Представленный аналитический обзор позволил определить критерии для повышения качества публикуемых исследовательских работ.

Ключевые слова: ролевой конфликт, ролевая неопределенность, метаанализ.

В общем представлении под ролевым конфликтом (РК) понимают состояние психологического конфликта, которое возникает в результате противоречивых и/или частично несовместимых ролевых требований и ожиданий к ролевому исполнителю (Ерина, 2000). Высокая степень выраженности РК значительно снижает эффективность организации в целом и негативным образом влияет на фокальную персону. Личность, которая находится в состоянии РК, испытывает нервно-психическое истощение. В результате чего личность нередко прибегает к моделям неадекватного общения, что является наиболее частой причиной дисгармоний межличностных отношений (Деревянко, 2013; Ерина, 2000).

Зарубежные современные исследования РК в управленческой деятельности (Деревянко, 2013; Ерина, 2000; Fisher, Gitelson, 1983; Jackson, Schuler, 1985; Schmidt et al., 2012; Shen, 2005; Tubre, Collins, 2000) свидетельствуют о том, что наблюдается интенсификация РК, в силу сложности содержания и характера управленческой деятельности на нынешнем этапе развития общества. Следовательно, в условиях глобализации социально-экономических процессов становится особенно актуальной проблема обобщения имеющихся данных о РК руководителя, так как эффективность организации в целом определяется эффективностью ее руководства. Данное заключение требует от исследователей адекватных методов консолидации имеющихся знаний. С нашей точки зрения, таким методом является метаанализ.

Метаанализ является методом статистического обобщения результатов ряда исследований. К несомненным преимуществам мета-анализа относится

возможность увеличения статистической мощности исследования. Также метаанализ позволяет включать в собственное исследование выявленные модулирующие переменные (Корнилов, Корнилова, 2010).

Систематический обзор научных баз данных (Science Direct издательства Elsevier (Netherlands); Scopus издательства Elsevier (Netherlands); Springer Nature; EBSCO Discovery Service (USA); Ulrich's Periodicals Directory (USA); PubMed; Google Scholar) позволил нам обнаружить ряд зарубежных исследований, посвященных мета-анализу РК.

Первое мета-аналитическое исследование «A Meta-Analysis of the Correlates of Role Conflict and Ambiguity» провели С. D. Fisher и R. Gitelson в США (1983), его основной целью являлось выявление и описание характера связи РК и ролевой неопределенности (РН) (Fisher, Gitelson, 1983). Преимущественно в метаанализ были включены исследования, в которых психодиагностика РК проводилась с помощью Шкалы Ролевого Конфликта («Role Conflict Scale», Rizzo, House, Lirtzman). Результаты свидетельствуют о следующем. РН положительно коррелирует с уровнем образования и отрицательно связана с вовлеченностью, удовлетворенностью трудом и возрастом сотрудников. РК имеет положительную связь с позицией сотрудника в организации (чем выше должностная позиция, тем выше уровень РК) и отрицательную связь с приверженностью, удовлетворенностью оплатой труда и взаимодействием с коллегами, а также участием в процессе принятия решений. Исследователи выделили три группы: рабочие, специалисты и управленцы. Оказалось, что у специалистов более выражена склонность к увольнению под воздействием РК, чем у рабочих. В то же время в управленческой среде такого явления не выявлено. В группе «управленцы» установлены сильные отрицательные связи РК с РН и удовлетворенностью руководством. Также был установлен тот факт, что производительность труда сильнее коррелирует (отрицательная связь) с РК у специалистов, чем в управленческой среде.

Основные выводы, которые сделали авторы, свидетельствуют о том, что результаты многих корреляций остались неясными. Даже при контроле изменений размера выборки и профессионального уровня сила и направленность связи между РК и РН с общей удовлетворенностью работой сильно варьируется в разных выборках. Это позволяет говорить о необходимости дальнейшего поиска модулирующих переменных, которые различались бы в разных выборках, с учетом возраста, пола, уровня власти, потребности в ясности роли, и так далее.

И еще один значимый вывод сделали авторы. При публикации эмпирических данных необходимо помнить о том, что для полноты и достоверности метаанализа необходимо включать данные с незначимыми результатами, которые крайне редко представляются в публикациях (Fisher, Gitelson, 1983).

В 1985 г. в США S. E. Jackson и R. S. Schuler провели исследование «A Meta-analysis and Conceptual Critique of Research on Role Ambiguity and Role Conflict in Work Settings» (Jackson, Schuler, 1985). В основу исследования легли идеи о том, что предыдущий метаанализ является недостаточным и не отражает всех сторон заявленной проблемы. Целью работы стало: провести всеобъемлющий обзор научной литературы по проблеме взаимосвязи РН и РК; сделать выводы о значимости РН и РК в объяснении организационного поведения; предложить новые направления для будущих исследований.

S. E. Jackson и R. S. Schuler включили в мета-анализ 58 исследований за период 1970–1983 гг. Основным критерием была взаимосвязь РК с РН. Каждая из этих переменных имела связи с различными организационными, а также личностными характеристиками. Помимо этого, в качестве переменных в исследовании были включены некоторые аффективные и поведенческие реакции личности (Jackson, Schuler, 1985).

По итогам проведенного мета-анализа S. E. Jackson и R. S. Schuler сделали несколько выводов. Во-первых, ряд исследований, в которых существует значимые различия в результатах исследований и существенное отличие дисперсии в исследованиях РК и РН должны быть заменены исследованиями с хорошо теоретически обоснованным модератором. Во-вторых, необходимо изучить предпосылки и последствия РК и РН в организации с использованием причинно-следственной конструкции. В-третьих, необходимо изучить взаимосвязь между объективными и субъективными критериями РК и РН. В-четвертых, на основе проведенного исследования авторы считают, что РК и РН следует рассматривать как отдельные конструкты. Кроме того, что касается именно РК, то недостаточно уделяется внимания различным типам РК. В-пятых, необходим более строгий теоретический подход к причинно-следственной конструкции РК и РН. С практической точки зрения, для дальнейших исследований необходимо создание адекватного диагностического инструментария конкретных аспектов роли, которые являются неоднозначными или противоречащими друг другу (Jackson, Schuler, 1985).

В 2000 г. в «Journal of Management» опубликована статья T. C. Tubre и J. M. Collins «Jackson and Schuler (1985) Revisited: A Meta-Analysis of the Relationships Between Role Ambiguity, Role Conflict and Job Performance» (Tubre, Collins, 2000). Исследователи продолжили работу по проблеме взаимосвязи РК и РН и их взаимосвязи с производительностью, удовлетворенностью трудом и организационной приверженностью. По мнению авторов, предыдущие мета-анализы были ограничены небольшим размером выборки и недостоверной информацией о надежности критерия.

При изучении взаимосвязи между РК и производительностью труда на основании объясненной дисперсии было выдвинуто предположение о наличии скрытого модератора. В качестве модераторов исследователи рассматривали тип задания и должностную позицию. Результаты свидетельствуют о том, что РК и производительность труда являются наиболее значимыми для профессиональных, технических и управленческих заданий. Однако различия в корреляции между подгруппами имеют весьма малую величину, и все корреляции указывают на слабую связь между РК и производительностью труда. Включение такого модератора, как должностная позиция, позволила получить результаты, которые в полной мере согласуются с ранее полученными данными в работе S. E. Jackson и R. S. Schuler (Tubre, Collins, 2000).

В результате авторы сделали вывод, что исследование имеет ряд ограничений, которые должны были быть решены в исходных работах. Во-первых, существует трудность в интерпретации наблюдаемых связей между восприятием роли и производительностью. Поскольку РН и РК являются самооценочными, то эти показатели могут находиться под влиянием предварительных субъек-

тивных знаний об уровне производительности. Во-вторых, при рассмотрении вопроса о взаимосвязи должностной позиции и РК, неправомерно рассматривать должностную позицию без учета сложности выполняемого задания в рамках этой позиции. Основные выводы: неясность и неоднозначность типа задания может объяснять ролевую неопределенность. Следовательно, РН не должна быть исключена из дальнейших исследований как несущественная (ibid.).

Дальнейшие мета-аналитические исследования сместили предмет изучения с характера связи между РК и ролевой неопределенностью на выявление организационных и личностных факторов, обуславливающих силу выраженности РК и ролевой неопределенности.

Так, в 2005 г. была опубликована статья «A Meta-Analysis of Role Ambiguity and Role Conflict on IS Professional Job Satisfaction» в сборнике «Proceedings of the 38th Hawaii International Conference on System Sciences – 2005», автор – Yide Shen (Shen, 2005). РН и РК в организационном контексте в условиях интенсивного информационного потока, являются стрессогенными факторами, которые оказывают непосредственное влияние на удовлетворенность трудом. Снижение удовлетворенности работой приводит к увеличению невыходов на работу, к ухудшению физического здоровья, к стрессу, что, в свою очередь, ухудшает качество трудовой жизни профессионалов.

Несмотря на очень ограниченный перечень включенных в метаанализ публикаций, Yide Shen удалось обнаружить, что обе переменные (РК и РН) отрицательно коррелирует с удовлетворенностью работой. Автор считает, что в дальнейших исследованиях РК в организационном контексте основной упор должен быть сделан на поиске и описании модулирующих факторов, таких, например, как пол, личные качества, должностные обязанности, самоэффективность, толерантность к неопределенности, организационная структура и др. Одним из наиболее перспективных направлений в исследовании взаимосвязи указанных переменных автор видит в изучении корреляции между стрессогенными факторами и конкретными аспектами удовлетворенности работой (например: удовлетворенность оплатой, удовлетворенность сотрудничеством, значимостью заданий и т. д.) (Shen, 2005).

Современные исследования РК в организационном контексте обусловлены множеством преобразований в организациях, таких как реструктуризация, сокращение штата и аутсорсинг. Следовательно, сотрудникам организаций приходится выполнять множество задач, связанных с новыми или расширенными функциями. В обозначенных условиях нередко возникает РК, который становится источником депрессивных состояний, развивающихся у сотрудников организаций.

В 2012 г. появляется публикация в *European Journal of Work and Organizational Psychology* «Uncertainty in the workplace: Examining role ambiguity and role conflict, and their link to depression – a meta-analysis», авторами которой являются – S. Schmidt, U. Roesler, T. Kusserow, R. Rau. Преимущественно выборка была представлена медицинскими работниками, управленческим персоналом и в меньшей степени представителями рабочих специальностей. В качестве модулирующих критериев в исследовании рассматривались – профессиональная направленность, страна проведения исследования и год публикации. Це-

лью исследования являлась интеграция выводов относительно взаимосвязей ролевой неопределенности, РК и депрессии.

При обсуждении полученных результатов авторы отметили, что РН и РК значимо связаны с депрессией. Чем ярче выражены РН и РК, тем ярче выражены симптомы депрессии. В то же время было установлено, что некоторые исходные исследования оказывают значительное влияние на выраженность этой связи, в сторону ее ослабления. Например, было выдвинуто предположение о том, что в некоторых профессиональных средах РН и РК менее значимо связаны с депрессией, за счет отдаленных результатов работы. При этом отмечалось, что постановка четких оперативных задач для достижения поставленной цели значительно ослабевают связь между РН, РК и депрессией.

S. Schmidt, U. Roesler, T. Kusserow и R. Rau обсуждали вопрос о правомерности рассмотрения феноменов «ролевая неопределенность» и «ролевой конфликт» как отдельных переменных для мета-анализа (Schmidt et al., 2012). В предыдущих исследованиях достаточно часто эти феномены рассматривались как общий компонент одной схемы. Опираясь на теоретическую модель R. Kahna, авторы пришли к единому мнению, что данные феномены должны изучаться в рамках мета-анализа как самостоятельные.

Примечательно, что авторы указывают на возможную методологическую ошибку при сборе данных. РН и РК могут подавлять друг друга в ситуациях, когда опрос респондентов на выявление признаков депрессии производился в разных условиях. В одном случае на рабочем месте, в другом случае удаленно от рабочего места.

Анализ модерирующих переменных (профессиональная направленность, страна, год публикации) позволил сделать следующие выводы. Наиболее значимые результаты были получены при исследовании взаимосвязи ролевой неопределенности, РК, депрессии и модерирующей переменной – страны. Опираясь на теоретические работы Г. Хофштеда и представления о странах с более строгими традициями, установлена значимая связь между страной и уровнем депрессии. Чем более строгие традиции, тем ярче выражены проявления депрессии. Однако взаимосвязи с ролевой неопределенностью, РК и страной обнаружены не были.

В заключение авторы указывают на ряд ограничений в их работе. Вследствие этого авторы формулируют необходимые критерии для описания профессиональной среды. Это форма собственности, организационная структура, стаж работы для каждой подгруппы. Так же как и предыдущие авторы, они отмечают низкий уровень предоставляемой информации, как значимых, так и незначимых результатов. Незначимые результаты могут быть низкими или незначимыми на статистическом уровне, но они все еще могут быть существенным для практических целей. В целом, эти ограничения значительно снижают качество метааналитических исследований (Schmidt et al., 2012).

Заключение

Таким образом, в результате обобщения данных метааналитических исследований РК можно сделать следующие выводы.

Роловой конфликт — это самостоятельный психологический феномен, который имеет содержательные особенности проявления в организационном контексте.

Роловой конфликт тесно взаимосвязан с роловой неопределенностью. Эта связь может вариативно проявляться в организационном контексте, в зависимости от спецификации личностных и организационных факторов в определенной профессиональной среде.

При выявлении характера связи между РК, роловой неопределенностью, личностными и организационными факторами первые не могут рассматриваться как единый конструкт. Необходимо устанавливать и описывать связи с РК и роловой неопределенностью, отдельно.

Используемый психодиагностический инструментарий для изучения ролового конфликта (Шкала ролового конфликта — The Role Conflict Scale) (Rizzo et al., 1970) обладает достаточной универсальностью при работе с разными категориями сотрудников. При этом следует отметить, что данный инструментарий имеет и ограничения — не предоставляет возможности определить тип РК.

Роловой конфликт является стрессогенным фактором, который оказывает негативное воздействие на физическое и психологическое состояние фокальной персоны, что, в свою очередь, сказывается на эффективности производственного процесса в целом.

Роловой конфликт является одним из источников депрессивных состояний, с вариативными особенностями в зависимости от условий профессиональной среды.

В ходе проведенных мета-аналитических исследований было сделано достаточное количество критических замечаний к исходным публикациям, включенных в метаанализ. Основная причина — это влияние исходных данных на качество метаанализа.

Исследователями отмечено, что для качественного мета-анализа необходимо включение в анализ не только значимых результатов, но и незначимых. Научным сообществом не принято публиковать отрицательный результат, полученный в ходе эмпирического исследования, особенно в индексируемых изданиях. Дополнительный поиск исходных публикаций становится затратным и малоэффективным.

Второй момент. В отдельных исходных работах имеются ограничения в представлении статистических данных. В частности, не указывается описательная статистика, не указывается коэффициент надежности (Cronbach's α). Достаточно часто размещаются статистические данные факторного, регрессионного анализа, при этом полностью отсутствует информация по корреляционному анализу. Также достаточно часто нет информации по используемой методологии и психодиагностическому инструментарию. В этом случае приходится опираться на числовые значения и на основании этого делать выводы об используемом инструментарии.

Третий момент. В большинстве публикаций скудно представлены описательные характеристики исследуемой выборки. По мнению исследователей, в публикации необходимо включать не только полное описание социально-демографических характеристик, но и полное описание содержания и характера условий реализации профессиональной деятельности респондентов.

В заключение хочется отметить, что данный метод статистической обработки данных имеет преимущественное значение для психологической науки не только потому, что позволяет консолидировать и интегрировать имеющиеся данные по изучаемому феномену. Метаанализ позволяет существенно оптимизировать временные и финансовые затраты. Метаанализ способен стимулировать научное сообщество к выработке единых стандартов к публикациям. Метаанализ, на наш взгляд — один из методов, который позволяет устанавливать эффективные международные связи между исследователями.

Литература

- Деревянко О. И.* Ролевой конфликт в управленческой деятельности: теоретические подходы, психодиагностические методы измерения, современное состояние // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: Сборник научных статей. В 2 ч. Минск: Республиканский институт высшей школы, 2013. Вып. 13. Ч. 2. С. 102–110.
- Ерина С. И.* Ролевой конфликт и его диагностика в деятельности руководителя: Учеб. пособие. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 2000.
- Корнилов С. А., Корнилова Т. В.* Мета-аналитические исследования в психологии // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 6. С. 5–17.
- Фейгин В. Л.* Основы мета-анализа: теория и практика. URL: <https://www.mediasphera.ru/journals/mj/99/7/7-99-1.htm> (дата обращения: 26.11.2017).
- Fisher C. D., Gitelson R.* A Meta-analysis of the correlates of role conflict and ambiguity // Journal of Applied Psychology. 1983. V. 68. № 2. P. 320–333.
- Jackson S. E., Schuler R. S.* A Meta-analysis and Conceptual Critique of Research on Role Ambiguity and Role Conflict in Work Settings // Organizational behavior and human decision processes. 1985. V. 6. № 1. P. 16–78.
- Shen Y.* A Meta-analysis of role ambiguity and role conflict on IS professional job satisfaction // Proceedings of the 38th Annual Hawaii International Conference on System Sciences. Big Island, HI, USA. 2005. P. 1–11.
- Schmidt S., Roesler U., Kusserow T., Rau R.* Uncertainty in the workplace: Examining role ambiguity and role conflict, and their link to depression — a meta-analysis // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2012. V. 23. № 1. P. 91–106.
- Tubre T. C., Collins J. M.* Jackson and Schuler (1985) Revisited: A meta-analysis of the relationships between role ambiguity, role conflict and job performance // Journal of Management. 2000. V. 26. № 1. P. 155–169.

Personal role conflict in an organizational context: a review of meta-analytic studies

*O. I. Derevianko**, *L. V. Finkevich***

** master of psychology, researcher, senior lecturer, department of general and organizational psychology, Institute of Psychology, Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Republic of Belarus, ip_od@mail.ru*

*** candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor of the department of general and child psychology, Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Republic of Belarus, ludfink@yandex.ru*

An analytical review of foreign studies on the problem of personality role conflict in an organizational context, conducted with the help of Meta-analysis, is presented. Moderating variables have been established that significantly affect the severity of the role conflict of the individual. The authors substantiate the advantages of using Meta-analysis in psychological research. The presented analytical review made it possible to determine the criteria for improving the quality of published research papers.

Keywords: role conflict, role uncertainty, Meta-analysis.

Факторы психологической готовности персонала к цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации*

П. С. Курьез, В. А. Штроо***

* студентка образовательной программы «Психология» факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия, pskurez@edu.hse.ru

** кандидат психологических наук, доцент, профессор департамента психологии факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия, vstroh@hse.ru

Цифровая трансформация требует коренных организационных изменений прежде всего в сфере внутренней и внешней коммуникации. Исследование было направлено на выявление факторов психологической готовности персонала к цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации. Эмпирические данные были собраны в российской компании – лидере в производстве средств индивидуальной защиты при работе на высоте, в которой в данный период происходит переход на новую цифровую коммуникационную платформу. В выборку вошли 52 сотрудника компании, включая руководителей среднего и высшего звена, а также специалистов различных структурных подразделений. Методы: русскоязычная версия опросника Д. Холта «Готовность к организационным изменениям»; «Шкала удовлетворенности базовых психологических потребностей на работе»; адаптация краткого пятифакторного опросника личности (TIPI-RU). Был установлен совместный значимый вклад в психологическую готовность персонала к цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации таких факторов, как «открытость опыту» и «удовлетворенность базовых психологических потребностей». Обнаружено отсутствие значимой связи психологической готовности к изменениям с возрастом сотрудников и их стажем работы в организации.

Ключевые слова: цифровая трансформация, внутриорганизационная коммуникация, психологическая готовность к организационным изменениям.

Введение

Ускоренное развитие информационно-коммуникативных технологий, широкое использование искусственного интеллекта, включая новые средства поиска и обработки «больших данных» на основе компьютерных нейросетей, приводят

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)», проект № 22-00-014 «Психологические факторы адаптации сотрудников к цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации».

к «цифровизации» фактически всех сфер современного общества, в том числе организаций. Цифровая трансформация требует коренных организационных изменений прежде всего в сфере внутренней и внешней коммуникации. На сегодня не существует универсального плана реализации цифровой трансформации в организации. Каждая организация разрабатывает индивидуальный комплекс изменений, учитывая специфику отрасли и состояние рынка, размер, организационную структуру, корпоративные ценности и общую бизнес-стратегию. Очевидно, что реорганизация организационной структуры в результате цифровой трансформации приведет к значительным изменениям во всех сферах управления и вызовет возможное сопротивление со стороны персонала.

Таким образом, психологическая готовность персонала к организационным изменениям — это один из ключевых факторов, который необходимо учитывать при любых изменениях в организации. Если сотрудники не готовы к изменениям, это может привести к снижению производительности и качества работы, а также к возникновению конфликтов в организации. Понимание природы и структуры психологической готовности персонала к организационным изменениям помогает узнать, какие изменения будут приняты сотрудниками, как эти изменения будут влиять на их работу. Это позволяет организации более эффективно планировать изменения и снижать возможные риски. Все больше организаций сталкиваются с необходимостью перехода на новые формы внутриорганизационной коммуникации, однако при внедрении данных изменений, включающих в себя новые технологии, существует угроза возникновения проблем, связанных с неспособностью персонала адаптироваться и осваивать новые информационно-коммуникативные технологии. В разных исследованиях выделяются различные факторы, влияющие на готовность сотрудников к организационным изменениям, результаты некоторых исследований противоречат друг другу. Данное исследование может помочь выявить факторы, влияющие на психологическую готовность персонала к такому изменению, как цифровая трансформация внутриорганизационной коммуникации.

Теоретическое обоснование

В качестве организационного изменения можно выделить цифровую трансформацию внутриорганизационной коммуникации. Цифровая трансформация связана с острой необходимостью организационного согласования и потребностью в изменении бизнес-стратегий, чтобы иметь возможность бороться с конкурентами и выполнять требования клиентов. Она может рассматриваться как процесс, направленный на улучшение работы путем инициирования значительных изменений ее свойств за счет сочетания информационных, вычислительных, коммуникационных и сетевых технологий (Vial, 2019). Цифровая трансформация вызывает коренное изменение внутренней коммуникации в организации, так как современные технологии позволяют сотрудникам обмениваться информацией намного быстрее и эффективнее, чем раньше. Кроме того, цифровые технологии предоставляют возможность удаленной работы и дистанционного обучения, что особенно актуально в свете современных изменений на рынке труда.

Таким образом, цифровая трансформация касается изменений, связанных с привлечением и интеграцией новых информационных технологий в существующие организационные структуры (Hess et al., 2016; Verhoef et al., 2019). Однако в процессе цифровой трансформации необходимо помнить о необходимости баланса между технологиями и человеческим фактором. Успешная цифровая трансформация включает в себя не только внедрение новых технологий, но и культурные изменения в организации, которые поддерживают ценность человеческого общения и сотрудничества.

Для того чтобы цифровая трансформация в организации прошла успешно, необходима диагностика готовности компании еще на начальной стадии цифровых преобразований или вовсе до них (Долганова, Деева, 2019). Диагностика готовности к трансформации в организации позволяет выявить существующие ограничения, которые могут выступать в качестве препятствий к изменениям. Для оценки готовности организации к трансформации необходимо учитывать различные факторы, такие как наличие у сотрудников навыков и мотивации к принятию новых технологий, вовлеченность персонала в процесс цифровизации организации, организационный климат, устойчивость команды и способность к адаптации, а также отношения между сотрудниками. Комплексная оценка этих факторов позволяет понять, насколько организация готова к цифровой трансформации. Эти факторы могут влиять на формирование психологической готовности сотрудников к цифровой трансформации. Исследования показывают, что готовность к организационным изменениям имеет значимую связь с параметрами общего психологического благополучия, а также с открытостью новому опыту (Исаева и др., 2021; Фёдорова, 2020).

Существует два основных направления в рассмотрении принятия цифровых технологий. В рамках первого направления устанавливается связь между внешними и внутренними условиями существования организации и ее восприимчивостью к нововведениям. Второе направление сосредотачивается на принятии или отвержении технологий отдельными исполнителями, т. е. изучаются индивидуальные проявления сотрудников, поведенческие особенности и эмоциональные реакции на инновации (Калиниченко, Величковский, 2022). Частыми реакциями сотрудников на организационные изменения любого характера являются возникновение тревоги, снижение эффективности работы, в целом негативное отношение к нововведениям. Психологическая готовность персонала к цифровой трансформации начинается с осознания необходимости этого процесса. Важно объяснить сотрудникам, что цифровая трансформация необходима для более эффективной работы организации и улучшения ее конкурентоспособности на рынке. Важными критическими компонентами для успешной трансформации организации являются обучение и вовлечение сотрудников, полноценное управление организационными изменениями и мотивация персонала.

В обыденном понимании психологическую готовность к изменениям рассматривают как состояние, которое либо возникает, либо не возникает у сотрудника, оказавшегося в ситуации организационных изменений. В более строгих научных рамках психологическая готовность к организационным изменениям соответствует намерению совершить определенные действия в поддержку

этих изменений (Наумцева, 2016а). Однако многочисленные исследования показывают, что на готовность влияют многие факторы. В частности, выявлены взаимосвязи психологической готовности с уровнем организационной идентификации, локусом контроля, степенью удовлетворенности трудом, когнитивным стилем и характером рабочей мотивации.

Говоря о психологической готовности персонала к специфическому типу изменений – цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации, стоит отметить, что в настоящее время еще нет соответствующих разработанных методик для измерения данного конструкта. Немногочисленные попытки изучения психологической готовности сотрудников к цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации носят преимущественно теоретический характер. В данной статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление факторов психологической готовности к цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации (ЦТВК). На основе проведенного теоретического анализа были сформулированы следующие гипотезы: 1) удовлетворенность базовых психологических потребностей на работе положительно связана с психологической готовностью к ЦТВК; 2) открытость опыту положительно связана с психологической готовностью к ЦТВК; 3) существует отрицательная связь между уровнем психологической готовности к ЦТВК и возрастом сотрудников; 4) существует отрицательная связь между уровнем психологической готовности к ЦТВК и стажем работы сотрудников в организации.

Процедура и методы исследования

Исследование проводилось в российской компании – лидере в производстве средств индивидуальной защиты при работе на высоте. Для сбора данных использовался метод анкетного опроса, участники приглашались для прохождения анонимного онлайн-опроса посредством рассылки приглашения по корпоративной почте. На период исследования компания находилась на начальном этапе перехода на новый корпоративный портал, в качестве нового портала планируется использование цифровой платформы Bitrix24. Цифровая платформа – интегрированная информационная система, обеспечивающая цифровизацию взаимоотношений всех ее участников, направленная на снижение транзакционных издержек и модернизацию бизнес-моделей (Масленников и др., 2019). В настоящее время сотрудники работают на нескольких платформах, через которые происходит внутриорганизационная коммуникация, многие этапы коммуникации предполагают межличностный контакт. Использование Bitrix24 позволяет легко реализовать цифровую организационную структуру управления, онлайн-платформа обладает функционалом, который значительно упрощает распределение задач и управление ими. С ее помощью пользователи могут легко назначать задачи своим подчиненным, устанавливать отведенные сроки ответственным исполнителям. Единый корпоративный портал представляет собой единую платформу, которая объединяет все виды коммуникации, такие как электронная почта, быстрые сообщения, видеоконференции, парное и групповое общение, обмен файлами в одном месте. Она также включает

возможности для управления проектами, задачами, документами, аналитикой, доступом к управлению записями звонков и другими бизнес-процессами.

Изучалась готовность сотрудников данной организации к цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации и ее возможные факторы. В исследовании приняли участие 52 сотрудника компании (руководители среднего и высшего звена, специалисты различных подразделений), среди которых 27 женщин, 25 мужчин, средний возраст по выборке – 37 лет, средний стаж в данной организации – 6,3 года.

Для измерения психологической готовности персонала к цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации использовалась русскоязычная версия опросника Д. Холта «Готовность к организационным изменениям» (Наумцева, 2016б). Утверждения опросника образуют четыре шкалы: «Уместность изменений», «Поддержка руководства», «Реализуемость изменений», «Личное отношение». Для измерения базовых психологических потребностей была использована методика «Шкала удовлетворенности базовых психологических потребностей на работе» (Осин и др., 2015). Утверждения опросника делятся на три шкалы: «потребность в автономии», «потребность в компетентности», «потребность в связанности». Для оценки открытости опыту в исследовании была использована адаптированная версия краткого 5-факторного опросника личности (TIPI-RU) (Сергеева и др., 2016).

Таким образом, респондентам предлагалось пройти опрос, содержащий общие вопросы (возраст, стаж работы в компании), а также включающий в себя три описанные выше методики. Для количественного анализа (корреляционного и регрессионного) данных использовалась статистическая программа R Studio (версия 4.2.2).

Описание и обсуждение результатов

В данной организации наблюдается высокий общий показатель готовности персонала к организационным изменениям ($M=135,21$; $\delta=24,97$). При этом можно отметить, что показатели удовлетворенности базовых психологических потребностей выше среднего («Потребность в автономии» – $M=35,55$, $\delta=7,88$; «Потребность в компетенции» – $M=33,32$, $\delta=5,76$; «Потребность в связанности» – $M=45,44$, $\delta=7,62$) и шкала «Открытость опыту» также показала результаты выше среднего ($M=10,65$, $\delta=2,22$).

Поскольку распределение значений переменной «Готовность к организационным изменениям» отличается от нормального, далее были использованы непараметрические критерии. В частности, для корреляционного анализа был применен коэффициент Спирмена. Обнаружилось, что «Готовность к организационным изменениям» не имеет значимой корреляции с возрастом и стажем работы в данной организации, однако значимо коррелирует с «Потребностью в автономии» ($\rho=0,705$, $p<0,001$), «Потребностью в компетенции» ($\rho=0,766$, $p<0,001$) и «Потребностью в связанности» ($\rho=0,742$, $p<0,001$), а также с «Открытостью опыту» ($\rho=0,383$, $p<0,005$).

Поскольку базовые потребности, с одной стороны, и открытость опыту, с другой стороны, значимо коррелируют между собой, то в используемой да-

лее регрессионной модели учитывались взаимодействия между потребностями, а переменная «Открытости опыту» была исправлена так, чтобы она не имела связи с потребностями, но все еще несла в себе ценную информацию. Таким образом, далее была построена регрессионная модель, где зависимой переменной выступала «Готовность к организационным изменениям», а независимыми переменными – базовые психологические потребности («Потребность в автономии», «Потребность в компетенции» и «Потребность в связанности» были объединены в одну переменную «Потребности» с целью ограничить влияние мультиколлинеарности на конечный результат) и «Открытость опыту».

Регрессионный анализ показал, что существует линейная зависимость между предикторами «Потребности» и «Открытость опыту» ($R=0,5926$, при этом $R^2=0,576$), что указывает на то, что 57,6% дисперсии переменной «Готовность к организационным изменениям ЦТВК можно объяснить уровнем удовлетворения базовых психологических потребностей на работе и выраженностью личностной черты «Открытость опыту» ($p<0,05$). Следовательно, чем более выражена у сотрудника «Открытость опыту» и в большей степени удовлетворены на работе его базовые психологические потребности (в автономии, компетенции и связанности), тем выше уровень его готовности к организационным изменениям (в данном случае – к цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации).

Вместе с тем стоит отметить, что между открытостью опыту и удовлетворением базовых психологических потребностей существует сильная значимая связь, т. е. в данном исследовании обнаружено совместное влияние этих факторов на готовность к цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации. Если корреляция между предикторами была бы невелика, то каждый предиктор по отдельности потерял бы и связь с готовностью к цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации. Другими словами, «Открытость опыту» и «Базовые потребности» лишь совместно вносят вклад в «Готовность к ЦТВК, что позволяет предположить, что существуют и другие факторы, обуславливающие подобные результаты, т. е. играющие роль медиатора.

Заключение

В настоящее время цифровизация становится обязательным этапом развития любой организации. Эта тенденция дает возможность компаниям совершенствоваться и оставаться конкурентоспособными на внешнем рынке благодаря оптимизации различных бизнес-процессов. Однако внедрение новых информационно-коммуникативных технологий и инструментов во внутриорганизационную коммуникацию требует не только соответствующих знаний и навыков, но и обеспечения психологической готовности персонала. Эта готовность может включать такие факторы, как уверенность в своих способностях, степень открытости к изменениям, готовность к обучению и совершенствованию своих знаний и навыков. Цифровизация влияет не только на процессы производства, но и на внутренние организационные процессы, в том числе и на внутриорга-

низационную коммуникацию между сотрудниками. Стоит отметить, что цифровая трансформация внутриорганизационной коммуникации становится все более актуальной и необходимой для успешного функционирования любой организации. Однако не менее важна психологическая готовность персонала к этим изменениям.

Таким образом, в работе был проанализирован процесс организационных изменений, в частности цифровой трансформации. В настоящем исследовании было выявлено, что в повышение уровня психологической готовности персонала к цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации вносят существенный вклад такая личностная диспозиция, как открытость опыту, а также степень удовлетворения базовых психологических потребностей на работе. Однако данные предикторы имеют сильную связь между собой, из-за чего нельзя делать однозначный вывод о роли этих предикторов по отдельности, возможно, существуют другие факторы, обуславливающие эту взаимосвязь. В настоящее время процесс цифровизации все еще продолжается, организации продолжают непрерывно внедрять новые информационные технологии во внешние и внутренние процессы. Это делает актуальным продолжение исследования готовности персонала к цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации, так как этот предмет остается недостаточно изученным и имеет большое влияние на коммуникационный процесс внутри организации и на его эффективность.

Литература

- Исаева О. М., Савинова С. Ю., Волков И. В.* Психологическое благополучие как условие готовности преподавателей университетов к организационным изменениям // Педагогика и психология образования. 2021. № 2. С. 150–168.
- Калиниченко Н. С., Величковский Б. Б.* Феномен принятия информационных технологий: современное состояние и направления дальнейших исследований // Организационная психология. 2022. Т. 1. № 12. С. 128–152.
- Масленников В. В., Ляндау Ю. В., Калинина И. А.* Формирование системы цифрового управления организацией // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2019. Т. 6. № 108. С. 116–123.
- Наумцева Е. А.* Психологическая готовность к организационным изменениям: подходы, понятия, методики // Организационная психология. 2016а. Т. 6. № 2. С. 55–74.
- Наумцева Е. А.* Анализ психометрических свойств русскоязычной версии опросника Д. Холта «Готовность к организационным изменениям» // Организационная психология. 2016б. Т. 6. № 4. С. 104–117.
- Осин Е. Н., Сучков Д. Д., Гордеева Т. О., Иванова Т. Ю.* Удовлетворение базовых психологических потребностей как источник трудовой мотивации и субъективного благополучия у российских сотрудников // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 4. С. 103–121.
- Сергеева А. С., Кириллов Б. А., Джумагулов А. Ф.* Перевод и адаптация краткого пятифакторного опросника личности (TIPI-RU): оценка конвергентной валидности, внутренней согласованности и тест-ретестовой надежности // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 3. С. 138–154.

Фёдорова Е. П. Образ жизни и проблема готовности к его изменению: взгляд с позиции системной антропологической психологии // Исследователь/Researcher. 2020. Т. 4. № 32. С. 122–134.

Hess T., Benlian A., Matt C., Wiesböck F. How german media companies defined their digital transformation strategies // MIS Quarterly Executive. 2016. V. 15. № 2. P. 103–119.

Verhoef P. C., Broekhuizen T., Bart Y., Bhattacharya A., Dong J. Q., Fabian N., Haenlein M. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda // Journal of Business Research. 2021. № 122. P. 889–901.

Vial G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda // The Journal of Strategic Information Systems. 2019. V. 28. № 2. P. 118–144.

Factors of psychological readiness of personnel for the digital transformation of intraorganizational communication

P. S. Kuryoz, W. A. Stroh***

** student of the educational program «Psychology» of the Faculty of Social Sciences of the HSE University, Moscow, Russia, pskurez@edu.hse.ru*

*** PhD psychol. Sci., associate professor, professor of the Psychology Department, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia, vstroh@hse.ru*

Digital transformation requires fundamental organizational changes, primarily in the field of internal and external communication. The study was aimed at identifying the factors of personnel psychological readiness for the digital transformation of intra-organizational communication. Empirical data was collected from a Russian company, a leader in personal protective equipment for working at heights, which is currently transitioning to a new digital communications platform. The sample included 52 employees of the company, including middle and senior managers, as well as specialists from various structural divisions. Methods: Russian-language version of the D. Holt questionnaire “Readiness for organizational change”; “Scale of satisfaction of basic psychological needs at work”; adaptation of the Short Five-Factor Personality Inventory (TIPI-RU). A joint significant contribution to the psychological readiness of personnel for the digital transformation of intra-organizational communication of such factors as “openness to experience” and “satisfaction with basic psychological needs” was established. The absence of a significant relationship between psychological readiness for changes and the age of employees and their length of service in the organization was found.

Keywords: digital transformation, intra-organizational communication, psychological readiness for organizational changes.

Мировоззренческий компонент в структуре жизнеспособности специалистов помогающих профессий

А. В. Махнач

доктор психологических наук, заместитель директора по научной работе,
Институт психологии РАН, Москва, Россия, makhnach@ipran.ru

Проанализированы основные характеристики мировоззренческого компонента в структуре жизнеспособности специалистов помогающих профессий (СПП). Этот компонент определен как наиболее важный в 6-компонентной авторской модели жизнеспособности человека. В связи с социальной востребованностью СПП в статье обращено внимание на необходимость формирования и укрепления этого компонента. На примере нескольких профессий (психолог, психотерапевт, социальный работник) показано место мировоззренческого компонента в конструктивном профессиональном развитии их личности. В эмпирических исследованиях выявлена значимость осуществляемого СПП профессионального вклада в развитие социальных институтов: семьи, школы, трудовых коллективов. Показано, что теория жизнеспособности, применяемая СПП в практике, способствует их умению выявлять ресурсы и формировать у своих подопечных качества и навыки, развивающие их жизнеспособность.

Ключевые слова: жизнеспособность человека, профессиональная жизнеспособность, специалисты помогающих профессий, мировоззренческий компонент жизнеспособности.

Успешная профессиональная и социальная реализация возможна только в том случае, если она обеспечена определенными ресурсами человека и такой его интегративной характеристикой, как жизнеспособность. Подход с позиции жизнеспособности человека сегодня является актуальным во многих отраслях психологии: в психологии личности, труда, организационной и экономической психологии. В рамках этого подхода, исследования ценностно-смысловой и духовно-нравственной сфер личности могут рассматриваться как важнейшие ресурсы профессиональной реализации (Дикая и др., 2016). Жизнеспособность представляет собой одну из базовых характеристик проявления субъектности, поскольку она предполагает высокую социальную активность личности, направленную на преобразование внешней природной и социальной среды и на формирование самого себя в соответствии с заданными целями (Лактионова, 2017; Махнач, 2016).

В настоящее время изучение мировоззренческой направленности человека, которая выражается в устремленности человека к духовному развитию, нравственному поведению; способности к выстраиванию социальных взаимосвязей,

вызывает большой исследовательский интерес. Существует интерес в исследовании связи между философским, духовным мировоззрением и профессиональной жизнеспособностью специалистов помогающих профессий (СПП), оказывающих помощь людям в сфере социальной работы и социальных услуг. Жизнеспособность важна для этих профессионалов, работающих в трудных условиях, в связи с чем их философское отношение к своему труду и духовное мировоззрение признаны как-то обеспечивать душевный комфорт и помогать им нормально функционировать. Показано, что по-прежнему мало что известно о роли философского и духовного мировоззрения в жизнеспособности этих специалистов (Rush et al., 2023).

Прежде всего, определимся с понятием профессиональная жизнеспособность. Э. Хелмерс и соавторы предполагают, что «способность человека разрабатывать эффективные стратегии преодоления трудностей, создавать смысл жизни и минимизировать моральные страдания в ходе сложной клинической или социальной работы называется моральным компонентом жизнеспособности (Helmerts et al., 2020). Это контрастирует с мнением Дж. Хорнер, которая рассматривает профессиональную жизнеспособность как совокупность навыков, отношений и ресурсов: «...способность противостоять, усваивать, выстоять, приспосабливаться к неблагоприятным условиям, неудачам и вызовам в стремлении к желаемым целям или состояниям» (Horner, 2020, p. 217).

Мировоззренческую направленность как компонент жизнеспособности человека связывают с конструктивным профессиональным развитием личности (Махнач, 2013; Махнач, Дикая, 2018; Моздокова, 2017; Рыльская, 2013; Ященко и др., 2019; Klusmann et al., 2008), что, в частности, определяет его профессиональные ценности и профессиональный рост (Дикая, 2018; Jackson, Bergeman, 2011; Pargament, Sweeney, 2011). В этих исследованиях наблюдается общее для большинства работ выделение роли активного субъекта, формирующего себя как специалиста, в деятельности которого нравственность, духовность, и в целом гуманистичность являются основой его профессиональной успешности, базой его жизнеспособности. Гуманистичность как основа мировоззренческой направленности человека является главным системообразующим началом в философии субъекта С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинского и, несомненно, выступает важным компонентом жизнеспособности профессионала.

В исследованиях мировоззренческой направленности как компонента жизнеспособности специалиста обращается внимание на то, что в современных условиях в российском обществе искажены нравственные приоритеты (Воловикова, 2012). По мнению Д.С. Лихачева, «нравственная основа — это главное, что определяет жизнеспособность общества: экономическую, государственную, творческую. Без нравственной основы не действуют законы экономики и государства, не выполняются указы, невозможно прекратить коррупцию, взяточничество, любое жульничество» (Лихачев, 2000, с. 155). В связи с этим особую ценность приобретают высокая степень устойчивости, сохранение духовно-нравственных ориентиров самого профессионала, позволяющих ему реализовать свою жизнеспособность присущим человеку способом (Рыльская, 2013).

Важное направление в работах современных отечественных ученых — исследование жизнеспособности специалистов-представителей помогающих (со-

ционических) профессий. Социальная и личностная значимость деятельности специалистов помогающих профессий, выражающаяся в самореализации и регулируемая морально-этическими нормами общества, направлена на осуществление высоких принципов социального равенства, взаимопомощи, служения, повышения качества жизни и других социально значимых ориентиров профессионального развития специалиста (Дикая, 2014; Махнач, 2013). В последнее время все чаще стали звучать высказывания экспертов в СМИ о значимости осуществляемого этими специалистами профессионального вклада в развитие социальных институтов: семьи, школы, трудовых коллективов. Для представителей соционических профессий передача профессиональных знаний и секретов от опытных коллег молодым и, прежде всего, обучение старшими нормам поведения в различных ситуациях с морально-этическим контекстом становится важным компонентом их профессиональной жизнеспособности (Шевелева, 2017). Это в результате способствует успешной адаптации и росту в профессии. Ранее мы обращали внимание на тот факт, что существует очевидная актуальность «изучения факторов и компонентов жизнеспособности специалистов помогающих профессий, связанных с высоким профессиональным риском: сотрудников силовых структур, МЧС, медицины катастроф, психологов, работающих в составе служб экстренного реагирования, профессиональных волонтеров. Мы считаем, что комплексное изучение структуры их профессиональной жизнеспособности может определить направление поддержки и развития профессиональной жизнеспособности, особенно значимой для СПП, в которых наиболее велика доля профдеформаций, профвыгорания и ухода из профессии» (Махнач, Плюшева, 2023, с. 15).

В исследованиях подчеркивается ценность бесед в малых группах СПП о роли философских и духовных мировоззренческих установок в принятии этически верных, нравственных решений во времена испытаний в адрес получателей помощи и содействия их посттравматическому росту (Rush et al., 2023). Закономерно исследователи жизнеспособности человека всегда опираются на связанность понятий: «выстоять» (идея совладания) и «измениться» (идея развития), которые коррелируют с духовностью человека (Røen et al., 2019). Управление последствиями глубокого экзистенциального стресса, с которыми сталкиваются некоторые СПП, может потребовать изучения того, как мировоззрение личности соотносится с организационным контекстом и окружающей средой, в которой они работают. Авторы подчеркивают необходимость разработки учебных программ, подходов к обучению, планов профессионального развития, которые стимулируют внутренние ресурсы СПП и жизнеспособность в той профессии, которой они обучались, а не смены ее на другую профессию. Понимание моральных аспектов труда СПП и контекста их практики, особенно с учетом источников и последствий нарушений морали, имеет решающее значение для понимания мотивов оказания ими помощи и нацеленность на положительный результат. Зарубежная литература о моральных аспектах и этических дилеммах помогающих профессий обширна (см.: Heitz, Leach, 2022; Sugrue, 2019). Одна из тем в современной литературе о морали в помогающих профессиях, которая привлекает все большее внимание в XXI веке, касается моральных нарушений, совершаемых СПП, свидетелями которых они стано-

ваться или с которыми они сталкиваются. Исследователи, стремящиеся понять моральные прегрешения и их последствия, предложили и изучили различные понятия, включая моральный ущерб (Braxton et al., 2021), моральный дистресс (Roy et al., 2022) и деморализацию (Johnson et al., 2018).

Исследуя зависимость психологических ресурсов жизнеспособности от биопсихологического возраста у сотрудников силовых структур, также являющихся СПП, А. В. Котенёва отмечает, что такой компонент жизнеспособности специалиста как «духовность и темпы биологического старения тесно связаны между собой ($r=-0,153$; $p<0,05$). Обретение экзистенциального смысла жизни и религиозной веры, следование духовно-нравственным ценностям в своем поведении замедляет темпы старения человека» (Котенева, 2020, с. 340). В исследованиях поведения специалиста в профессиональной деятельности показано, что наиболее адаптивный паттерн отношения к выполняемой деятельности характеризуется высоким уровнем жизнеспособности и вовлеченности в профессиональную деятельность. В своей теории сбалансированной профессиональной вовлеченности Л. Халлстен описал людей, которые демонстрируют низкую уязвимость к стрессу, посредством выработки достаточной дистанции от своей работы и при этом достаточно вовлеченные (Hallsten, 1993). Также в русле теории сохранения ресурсов С. Хобфолла показано, что хорошее профессиональное самочувствие является результатом баланса между процессами вклада (инвестирования) ресурсов (вовлеченность) и восстановлением ресурсов (жизнеспособность) (Hobfoll, 1998).

Несмотря на высокий уровень неопределенности во многих современных социономических профессиях значительно возрастает роль *личности специалиста* в обеспечении эффективности профессиональной деятельности. Психологами труда неоднократно показано, что эффективность профессиональной деятельности зависит не только от собственно профессиональных знаний, умений, навыков работника, но и от тех личностных качеств, которые сформировались у него до начала профессиональной карьеры и продолжают формироваться в трудовой деятельности. Происходит постепенное смещение исследований проблемы профессиональной пригодности в сферу психологии личности и социальной психологии труда, что особенно важно для социономических профессий. Так, в ряде работ, посвященных изучению профессиональной деятельности СПП, ученые обращают внимание на качества личности профессионала, способствующие его эффективности. К ним относят: реалистичность, ориентацию на жизненный опыт; альтруизм, способность открыто выражать свои эмоции, умение слушать и слышать, убеждать другого, чувственность и переживания; общительность, широту взглядов и интересов, позитивное восприятие мира; желание работать с людьми и для людей; желание и умение общаться с новыми людьми, высокую нравственность и духовность, мировоззренческую направленность (ориентацию) и этические установки, моральную, нравственную, личностную надежность (Августова, Березовская, 2016; Дикая, Кутлубаева, 2017; Котовская, 2017; Махнач, Горобец, 2010; и др.). В исследовании Е. А. Рыльской с соавт. было показано, что «педагоги, считающие инклюзивное образование необходимым, имеют более высокие показатели духовности и душевности. В этой профессиональной группе наиболее тесными

являются взаимосвязи духовности со всеми другими переменными, что позволяет рассматривать духовность как системообразующее свойство в исследуемой структуре» (Рыльская и др., 2019, с. 85). У будущих профессионалов — студентов отмечается среди основных критериев жизнеспособности личности — духовное развитие и развитие нравственных качеств (Молодцова, 2021).

Рассуждая о роли духовности в профессиональной жизни, обратимся к словам А. Л. Журавлева: «Духовность и нравственность в труде специалиста — это не просто какое-то желательное дополнение к другим важнейшим его компонентам, а само содержание профессионального труда, особенно в экстремальных условиях, условиях риска для здоровья и жизни специалиста» (Журавлев, 2012, с. 6). К изучению морально-этической направленности личности специалиста в еще одной социономической профессии мы обратились при анализе профессии «психотерапевт». Подробным описанием этой профессии, в котором представлены все традиционные этапы изучения, является диссертационное исследование Н. Л. Горобец, выполненное под нашим руководством. В профессиографическом исследовании представителей этой профессии были сделаны выводы о том, что в морально-этической сфере специалисту необходимы такие качества, как уважение человека как личности, гармоничность личности, оптимистичность (Горобец, 2010; Горобец, Махнач, 2010).

Полученные на группе психотерапевтов данные о духовно-нравственной сфере замещающих родителей в полной мере могут быть отнесены к профессиональным замещающим родителям, что показано в ряде исследований (Коржова и др., 2020; Лаврентьева, 2017; Махнач, 2019; Махнач и др., 2014, 2015; Постылякова, 2015; Makhnach, 2017). Такие черты, как позитивность и открытость, эмпатия, жизнестойкость, а также способность к психологической и социальной адаптации также были выявлены нами в группе кандидатов в замещающие родители, которые были названы как желательные для этих профессионалов ПВК. В исследовании замещающих родителей нами было показано, что увлеченность делом воспитания детей, наличие продуктивных копинговых стратегий (обращение за помощью к другим, социальная активность и др.), умение извлекать знания из опыта напрямую связаны с их направленностью на взаимодействие и общение со специалистами, другими замещающими родителями (Махнач и др., 2014). Также были выделены нежелательные качества (агрессивность, безразличие, замкнутость и бесцеремонность), которые могут служить основанием отказа при отборе кандидатов в замещающие родители. Анализ данных о ПВК и нежелательных качествах позволяет определить круг основных проблем развития социальной, эмоциональной и коммуникативной компетентности замещающих родителей, направленной на формирование позитивной и открытой коммуникации, неманипулятивного стиля взаимодействия, эмпатии как основы доверительных отношений с детьми (Махнач, Алдашева, 2012). Профессиональный замещающий родитель, являясь субъектом профессиональной деятельности, также формирует субъект-субъектные отношения со всеми участниками процесса, включенными в воспитание членами семьи, приемным ребенком, сотрудниками органов опеки и попечительства, специалистами службы сопровождения. Таким образом, в деятельности замещающего родителя социальное взаимодействие и соответствующие этому личност-

ные характеристики играют главную роль в его эффективности. Было доказано, что социальная поддержка и семейные ресурсы являются основными компонентами жизнеспособности этой группы (Махнач, 2015, 2016; Махнач и др., 2014).

В нашем исследовании было также показано, что функциональная замещающая семья с высокой жизнеспособностью характеризуется следующими закономерностями, свойственными ей как системе:

- общими ценностями как системообразующего основания семьи, что обусловлено мировоззренческой направленностью;
- целостностью семьи как системы, гибкостью различных связей в ней, что детерминируется способностью к выстраиванию взаимосвязей;
- целесообразным характером поведения всех членов семьи; гибкой структурой и организацией процессов внутри семьи и это связано со способностью к управлению потребностями в неблагоприятных условиях и приспособлению к ним;
- многоуровневостью отношений и наличием иерархии в них, что определяется способностью влиять на окружение и ход жизни в будущем;
- рациональным управлением жизнедеятельностью и семейными ресурсами, что выражается в способности к проявлению упорства, живучести, самодисциплины;
- целенаправленным функционированием и развитием всей семейной системы, и это связано со способностью к контролю над собственным функционированием (Махнач, 2019).

На основе проведенного анализа собственных исследований, немногочисленных работ российских авторов, аспирантов мы пришли к выводу, что мировоззренческая направленность личности, духовность формирует жизнеспособность замещающих родителей и обуславливает систему ценностей замещающей семьи.

Следует отметить, что профессиональное родительство является одной из наиболее современных и мало изученных профессией в психологии труда. Исходя из этого, изучение особенностей деятельности в тесной связи с особенностями личности профессионального родителя, его морально-нравственными качествами в настоящее время является весьма актуальным и требует особого внимания исследователей. Эта актуальность продиктована запросами как психологии труда (изучение зависимости результатов труда от особенностей личности работника), так и психологии личности (изучение влияния профессиональной деятельности на формирование личности профессионала).

Наше представления о 6-компонентной структуре жизнеспособности человека (Махнач, 2018) послужили теоретическим основанием исследования, в котором приняли участие специалисты, работающие в социальной сфере (психологи, социальные педагоги, социальные работники, воспитатели), воспитывающие сирот в интернатном учреждении. В исследовании Т. Ю. Лотаревой, проведенном под нашим руководством, мы также исходили из предположения, что духовно-нравственный компонент личности имеет особое место в структуре жизнеспособности профессионалов социальной сферы. Изучение компонента жизнеспособности «мировоззренческая направленность» позволи-

ло выявить следующее: он связан с устремлением человека к духовному развитию и формированию своего духовно-творческого потенциала (Лотарева, 2017).

В диссертационном исследовании О. А. Плющевой, выполненном под нашим руководством, приняли участие психологи-консультанты, работающие в качестве волонтеров на горячей линии по вопросам оказания информационно-психологической помощи онкобольным и их близким. Были выделены и изучены категории понятий, субъективно оцениваемые специалистами как способствующие сохранению ресурсов, поддерживающие защитные функции, и противостоящие профессиональному выгоранию. Проведенное исследование подтвердило гипотезу о продуктивности рассмотрения факторов риска и защиты на трех уровнях жизнеспособности субъекта труда (Плющева, 2017). О роли духовности по данным общей группы респондентов свидетельствуют корреляции между показателем «Общей жизнеспособности» человека и всеми ее компонентами («Самоэффективность» ($r=0,810$; $p<0,01$), «Настойчивость» ($r=0,763$; $p<0,01$), «Внутренний локус контроля» ($r=0,723$; $p<0,01$), «Совладание и адаптация» ($r=0,784$; $p<0,01$), «Духовность» ($r=0,486$; $p<0,01$), «Семейная поддержка» ($r=0,485$; $p<0,01$)) (Плющева, Махнач, 2021). Длительность работы в организации положительно коррелирует с показателем компонента жизнеспособности «Духовность» у всех специалистов ($r=0,224$; $p<0,05$) и субъективной оценкой уровня жизнеспособности своих подразделений у административного состава ($r=0,839$; $p<0,01$) и оценкой своей собственной жизнеспособности как специалиста в этой организации у штатных сотрудников в целом ($r=0,457$; $p<0,01$) (Махнач, Плющева, 2020). Вместе с тем у руководителей организации такой показатель жизнеспособности человека, как «Духовность», коррелирует с показателем «Совладание и адаптация» ($r=0,475$; $p<0,05$) и показателем «Эмоциональный компонент» социально-психологического климата в коллективе ($r=0,555$; $p<0,05$). По-видимому, выявленные корреляции свидетельствуют об особой роли механизмов совладания и способности к адаптации в облегчении проживания тех или иных сложностей и организационных стрессов при участии ценностных категорий, духовности. Наши исследования жизнеспособности человека подтвердили связанность понятий «выстоять» и «измениться» с его духовностью.

Заключение

Таким образом, исследования роли духовно-нравственного компонента жизнеспособности СПП показывают, что в их деятельности предполагается обращение сотрудника к его ценностным установкам, духовному опыту. Выраженные факторы риска в деятельности СПП, обуславливающие значительные эмоциональные нагрузки и дефицит поддерживающих ресурсов, призывают исследователей обращаться к поиску его характеристик, обеспечивающих противостояние стрессам и личностный рост в заданных условиях. Такой интегративной характеристикой является жизнеспособность (Махнач, Лотарева, 2017). Наши исследования показали, что в дискурсе профессионального развития СПП теория жизнеспособности, применяемая в его практике, способствует умению выявлять ресурсы и формировать у своих подопечных качества и навыки, раз-

вивающие их жизнеспособность. Фокус на развитии жизнеспособности СПП позволяет достигать поставленных перед собой целей и формировать свою выносливость для выполнения сложных социальных задач. Жизнеспособность и связанные с ней качества должны формироваться как на курсах обучения и переподготовки, так и в ходе стажировок на рабочем месте. Обучение является для профессиональной группы СПП элементом социальной поддержки, так как связывается в их представлении со значимостью выполняемого ими труда.

Литература

- Буторина О. С., Рыльская Е. А.* Жизнеспособность в структуре личностно-профессионального потенциала руководителя // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. №4. С. 134–151.
- Дикая Л. Г.* Экологический подход к анализу жизнеспособности профессионала в посттравматический период // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 623–638.
- Журавлев А. Л.* Предисловие / Пономаренко В. А. На чьих плечах стоим? М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–7.
- Котенева А. В.* Психологические ресурсы и биопсихологический возраст сотрудников силовых структур // Человек в современном мире: кризис и глобализация. Международная междисциплинарная коллективная монография / Сост., ред. М. В. Бахтин, И. Э. Соколовская. М.: Энциклопедист-Максимум, 2020. С. 335–342.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность замещающей семьи как малой социальной группы: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2019.
- Махнач А. В., Дикая Л. Г.* Мировоззренческая направленность как компонент жизнеспособности человека в социоэкономических профессиях // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. №1. С. 62–91.
- Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В.* Программа психологической диагностики личностных и семейных ресурсов в практике отбора, обучения и сопровождения замещающих родителей // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, М. А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 166–193.
- Махнач А. В., Плющева О. А.* Жизнеспособность специалистов помогающих профессий // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. 17. №4. С. 68–78. doi: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-68-78.
- Плющева О. А.* Профессиональная жизнеспособность на организационном, групповом и индивидуальном уровнях // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 685–695.
- Плющева О. А., Махнач А. В.* Жизнеспособность специалиста помогающей профессии в организационной среде // Организационная психология. 2021. Т. 11. №2. С. 124–153.

The worldview component in resilience structure of specialists in helping professions

A. V. Makhnach

doctor of psychological sciences, deputy director for science, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, makhnach@ipran.ru

The article analyzes the main characteristics of the worldview component in the resilience structure of specialists in helping professions (SHP). This component is defined as the most important in the six-component author's model of human resilience. In relation to the social relevance of the SHP, the article draws attention to the need to form and strengthen this component. Using the example of several helping professions (psychologist, psychotherapist, social worker), the place of the ideological component in their constructive professional development of personality is shown. Empirical studies have revealed the importance of the professional contribution made by the SHP to the development of social institutions: families, schools, professional groups. It is shown that the resilience theory applied by SHP in their practice contributes to their ability to identify resources and form their clients' qualities and skills that develop their resilience.

Keywords: human resilience, professional resilience, specialists of helping professions, worldview component of resilience.

Мотивация трудовой деятельности на этапе спада бизнеса: возрастные аспекты

М. В. Прохорова

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, personalgerente@mail.ru

Исследование посвящено выявлению структур положительной и отрицательной мотивации труда респондентов четырех возрастных эпох (юности, молодости, зрелости и среднего возраста) на этапе спада бизнеса. В исследовании, которое проводилось с помощью ситуационного интервью (СИМ), приняли участие 640 респондентов, образующих четыре равночисленные выборки. Компонентный состав и иерархическое строение положительной мотивации с возрастом постепенно усложняется. В структуры положительной мотивации труда на этапе спада бизнеса входят 14–17 мотивов, составляющих 2–3 уровня. Ключевым положительным мотивом во все возрастные эпохи выступает помощь организации. В эпохи юности и молодости важная роль принадлежит также мотиву самореализации. В структуры отрицательной мотивации на этапе спада бизнеса входят 8–10 мотивов, составляющих 3–4 уровня. Ключевыми отрицательными мотивами в четыре возрастные эпохи выступают: нестабильная и ненадежная работа, боязнь увольнения, низкая заработная плата. Руководителям организаций, переживающих этап спада, следует формировать рабочие команды как из числа зрелых, так и молодых сотрудников, обеспечивая последним возможности для самореализации.

Ключевые слова: мотивация труда, положительная мотивация труда, отрицательная мотивация труда, организационное развитие, этап спада бизнеса, эпоха юности, эпоха молодости, эпоха зрелости, эпоха среднего возраста.

Этап спада представляет весьма сложное в жизни любой организации время, которое отличается резким снижением эффективности ее деятельности по большинству ключевых показателей, утратой своей ниши на рынке, уменьшением ресурсов, что, в свою очередь, часто приводит к сокращению штата и текучести персонала, негативным явлениям в социально-психологическом климате (Прохорова, 2022; Широкова, Козырева, 2006). В поиске путей выхода из сложившегося кризиса, в создании конкурентоспособных продуктов, в выходе на новые рынки, во внедрении обновленных стандартов качества работы и продукции руководителю компании необходимо опираться на персонал, который по-разному может вести себя в условиях дефицита ресурсов и угрозы

ликвидации организации. Перед менеджментом организации неизбежно возникают вопросы, на которые надо найти ответы: каких сотрудников необходимо удержать; какой персонал предстоит найти и привлечь, чтобы обеспечить прорыв; каковы мотивы, которые обуславливают готовность работать на этапе спада организационного развития или препятствуют ей.

Более точные ответы на поставленные выше вопросы можно дать с учетом возрастных особенностей персонала, которые влияют как на длинные циклы профессиональной карьеры, так и на организационную культуру (Толочек, 2016). Показатели внутренней и внешней трудовой мобильности с возрастом снижаются, в то время как эмоциональная приверженность и удовлетворенность работой в конкретной организации возрастают (Kooij et al., 2010). Возрастные особенности воздействуют на интегральные структуры положительной и отрицательной мотивации труда (Прохорова, 2016). Следовательно, готовность работать на этапе спада бизнеса и специальные структуры мотивации труда на этом этапе целесообразно анализировать с учетом возрастных особенностей персонала, что нашло отражение в постановке основных исследовательских задач. Во-первых, определить готовность сотрудников разных возрастных эпох работать на этапе спада. Во-вторых, выявить иерархические структуры положительных и отрицательных мотивов труда в четыре возрастные эпохи.

Методологией исследования послужили: четырехэтапная концепция организационного развития (Мурзина, Позняков, 2023; Прохорова, 2022; и др.); системная периодизация развития, разделяющая жизненный путь человека на двенадцатилетние эпохи (Рыжов, 2012); классификация мотивов трудовой деятельности на положительные и отрицательные (Прохорова, 2022; Херцберг и др., 2007).

Дизайн исследования

Участниками исследования стали 640 респондентов, которые образовали четыре равные по численности разновозрастные выборки. Все респонденты были трудоустроенными на дату проведения опроса. Количество женщин и мужчин в каждой выборке совпадали. Формирование выборок производилось на основе системной периодизации Б. Н. Рыжова (Рыжов, 2012). Нижняя граница первой выборки определена возрастом начала трудовой деятельности большинства россиян. В первую выборку n_1 вошли представители эпохи юности в возрасте 18–24 лет, во вторую выборку n_2 включены 160 респондентов эпохи молодости в возрасте от 25 до 36 лет, в третью выборку n_3 – 160 чел. эпохи взрослости старше 37 и моложе 48 лет, четвертая выборка n_4 образована 160 респондентами 49–60 лет.

Для сбора данных применялся опрос, который проводился с помощью ситуационного интервью «Мотивация трудовой деятельности на разных этапах организационного развития» (СИМ) (Прохорова, 2016), позволяющего диагностировать готовность работать на конкретном этапе развития организации, а также выявлять положительные и негативные мотивы труда и их иерархию с помощью описательной статистики и критерия χ^2 Пирсона.

Результаты исследования и их обсуждение

Около половины респондентов выражают готовность работать на этом сложном этапе развития, когда судьба организации не определена. Наибольшую готовность среди представителей возрастных эпох проявляют респонденты эпохи взрослости (51,25%), далее следуют представители эпохи среднего возраста (49,28%), на третьем месте идут респонденты эпохи юности (48,13%). Менее других готовность работать в регрессирующих организациях продемонстрировали респонденты эпохи молодости (44,38%). Большая готовность респондентов двух старших возрастных групп работать на этапе спада бизнеса согласуется с отмеченным В. А. Толочком феноменом ориентации зрелых работников на продолжительную работу в организации (Толочек, 2016). Достоверно значимых различий по готовности работать на этапе спада организации выявить с помощью применения критерия χ^2 Пирсона не удалось. Следовательно, готовность респондентов работать на этапе спада бизнеса не обладает возрастной чувствительностью, и указанный выше феномен не играет ключевой роли в принятии карьерных решений.

Иерархия положительных мотивов труда в разные эпохи жизни. В иерархических структурах мотивации труда представителей разных эпох выявлено 14 (эпоха юности), 16 (эпохи молодости и взрослости) и 17 (эпоха среднего возраста) положительных мотивов труда. С помощью критерия χ^2 Пирсона установлено, что положительная мотивация на этапе спада бизнеса имеет более простую структуру в эпоху юности (включает всего два уровня), чем у более зрелых респондентов (включает три уровня).

Ключевым положительным мотивом труда во все возрастные эпохи выступает *помощь организации*. Смысл этого мотива отражается в созвучных высказываниях респондентов: «Нужно помочь организации», «Могу пожертвовать своими интересами, чтобы помочь своей компании». Количество мотивов первого уровня различается у представителей разных эпох. В эпоху юности на самом важном уровне представлены четыре мотива. Наряду с мотивом помощи организации выявлены внутренние мотивы самореализации, новизны и интересной работы, отражающие потребности роста самых юных работников. Мотив самореализации дополняет готовность помочь организации и у респондентов эпохи молодости. Респонденты обеих возрастных эпох стремятся проверить свои идеи, замыслы, апробировать полученные в ходе обучения в образовательных учреждениях навыки, что уже не свойственно более зрелым участникам исследования.

Важным аспектом, на который следует обратить внимание, являются отклонения средних значений (коридоры колебаний) мотивов помощи организации и новизны между респондентами эпох юности и среднего возраста. Так, в эпоху среднего возраста доля социального мотива составляет одну треть в структуре положительной мотивации, в то время как в эпоху юности равняется пятой части. В свою очередь, доли мотивов новизны и самореализации, детерминруемых потребностями роста, в эпоху юности на одиннадцать процентов выше, чем в эпоху среднего возраста.

Иерархия отрицательных мотивов труда в разные эпохи жизни. Структуры отрицательных мотивов на этапе спада бизнеса имеют относительно сложное

строение. В компонентный состав отрицательной мотивации в эпоху юности входят 9 мотивов, в эпоху молодости — 10, в эпоху взрослости — 8, в эпоху среднего возраста — 10. В эпоху юности отрицательные мотивы образуют всего три уровня, а в три последующие эпохи — четыре. В структурах отрицательных мотивов уверенно преобладает мотив нестабильной и ненадежной работы. В лидирующую тройку также входят отрицательные мотивы боязни увольнения и низкой заработной платы, порядок следования которых во все возрастные эпохи совпадает. Наиболее часто свой отказ от работы на этом этапе бизнеса респонденты поясняют следующим образом: «*Слишком нестабильная ситуация*», «*Грозит увольнение*», «*Снизят заработную плату*».

Возрастные различия респондентов находят отражение в коридорах колебаний трех ключевых отрицательных мотивов, а также в силе выраженности отрицательных мотивов, образующих третий и четвертый уровни иерархии.

Заключение

Готовность респондентов работать на этапе спада организационного развития в четыре возрастные эпохи находится в диапазоне от 44,38–51,25%. Несмотря на то, что представители эпох взрослости и среднего возраста демонстрируют более высокую готовность работать на этом этапе, чем респонденты эпох юности и молодости, достоверно значимых различий, обусловленных возрастом, не выявлено. Если экстраполировать полученные результаты на рынок труда, то только каждый второй соискатель готов рассмотреть вакансии в регрессирующей организации, что затруднит поиск персонала и увеличит сроки найма новых сотрудников, если возникнет такая необходимость. Следовательно, руководителю организации необходимо выделить и сохранить ядро персонала, чтобы поддерживать организацию и решать текущие, рутинные задачи, осуществляя поиск и привлечение новых сотрудников только для инновационных направлений.

Иерархические структуры положительной мотивации на этапе спада организационного развития, постепенно усложняясь с возрастом, включают 14–17 мотивов, которые распределяются на два-три уровня. В эпоху юности респонденты обладают самой простой структурой положительной мотивации, а в эпоху среднего возраста имеют самую сложную иерархическую структуру. Ключевым мотивом во все возрастные эпохи выступает детерминируемая социальными потребностями помощь организации. У респондентов эпох юности и молодости этот мотив тесно связан с мотивом самореализации, обусловленным потребностями роста. Средние значения мотивов самореализации и новизны имеют большие коридоры колебаний между эпохами юности и среднего возраста. Таким образом, положительная мотивация на этапе спада организационного развития во все возрастные эпохи имеет сложные иерархические структуры, ключевое место в которых отводится социальному мотиву помощи организации. Умеренная возрастная сензитивность положительной мотивации проявляется через усложнение ее иерархических структур по мере взросления работников, через разделение в эпохи юности и молодости доминирующего влияния социального мотива помощи организации с детерминируемым

потребностями роста мотивом самореализации, а также находит отражение в коридорах колебаний ключевых мотивов.

Иерархические структуры отрицательной мотивации на этапе спада бизнеса имеют многокомпонентный состав, представленный на трех и четырех уровнях. Во все возрастные эпохи лидирующее положение занимают три отрицательных мотива, детерминированных потребностями безопасности и гигиены: нестабильная и ненадежная работа, боязнь увольнения, низкая заработная плата. Слабая возрастная сензитивность отрицательной мотивации труда находит отражение в коридорах колебаний ключевых мотивов.

Руководителям организаций, находящихся на этапе спада, следует учитывать многокомпонентный состав положительной и отрицательной мотивации и формировать рабочие команды по принципу комплементарности из числа как зрелых, так и молодых сотрудников, обеспечивая последним возможности для их самореализации. Такой подход позволит не только сохранить организацию, но и найти ей новые ниши на рынке.

Литература

- Мурзина Ю. С., Позняков В. П.* Психология предпринимательства: исследование ценностных ориентаций владельцев малого семейного бизнеса. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023.
- Прохорова М. В.* Возрастные особенности мотивации трудовой деятельности работников коммерческих организаций // Акмеология. № 1. Т. 57. 2016. С. 119–124.
- Прохорова М. В.* Динамика мотивации и удовлетворенности трудом на разных этапах развития организации. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2022.
- Прохорова М. В.* Ситуационное интервью «Мотивации трудовой деятельности работника на разных этапах организационного развития» (СИМ) // Экономика и предпринимательство. 2016. Т. 3. № 11 (76). С. 715–722.
- Рыжов Б. Н.* Системная периодизация развития // Системная психология и социология. 2012. № 5 (1). С. 5–25.
- Толочек В. А.* Социально-демографические детерминанты темпоральных характеристик карьеры // Известия Саратовского университета. Новая сер. «Акмеология образования. Психология развития». 2016. Т. 5. № 3. С. 219–227.
- Херцберг Ф., Моснер Б., Блох Синдерман Б.* Мотивация к работе. М.: Вершина, 2007.
- Широкова Г. В.* Жизненный цикл организации: эмпирические исследования и теоретические подходы // Российский журнал менеджмента. 2007. Т. 5. С. 85–90.
- Широкова Г. В., Козырева Т. П.* Сравнительный анализ проблем на разных стадиях жизненного цикла организации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2006. № 4. С. 54–82.
- Kooij D. T. A. M., Jansen P. G. W., Dijkers J. S. E., De Lange A. H.* The influence of age on the associations between HR practices and both affective commitment and job satisfaction: a meta-analysis // Journal of Organizational Behavior. 2010. V. 31. Iss. 8. P. 1111–1136. doi: 10.1002/job. 666.

Work motivation at the business decline stage: age aspects

M. V. Prokhorova

candidate of psychological sciences, associate professor, Department of Managerial Psychology, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia, personalgerente@mail.ru

The investigation is devoted to revealing the structures of positive and negative motivation of respondents of four age epochs (youth, juvenility, adulthood, maturity) at the stage of business decline. The study, which was conducted with the help of a situational interview (SIM), involved 640 respondents, who formed four equally numbered samples. The component composition and hierarchical structure of positive motivation becomes gradually more complicated with age. The structures of positive work motivation at the business decline stage include 14–17 motives, which make up two or three levels. The key positive motive in all age epochs is the help to the organization. In the epochs of youth and juvenility, the motive of self-realization also plays an important role. The structures of negative motivation at the business decline stage include 8–10 motives that make up three or four levels. The key negative motives in the four age epochs are: unstable and unreliable work, fear of dismissal, low financial rewards. Managers of organizations, experiencing a decline, should build teams from both mature and young employees, providing the latter with opportunities for self-realization.

Keywords: work motivation, positive work motivation, negative work motivation, organizational development, business decline stage, the epoch of youth, the epoch of juvenility, the epoch of adulthood, the epoch of maturity.

**СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ГОРОДА
КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ**

Возможности применения метода «Коллаж» для анализа городского пространства

В. А. Баранова

кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии
факультета психологии Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, bva06@mail.ru

Представлен опыт изучения городского пространства посредством проективной методики «Коллаж». Выявляли возможности использования методики с целью расширения исследовательской практики в процессе создания образа города, для уточнения мультисенсорного переживания респондентами окружающего пространства. Результаты показали, что методика «Коллаж» позволяет выявить содержательные и функциональные характеристики образа идеального города, а также чувства и переживания горожан, связанные с ним. Показано, образ города не является когнитивной картой города, а отражает определенные значимые области, среди которых доминирующими являются темы природы, досуга, еды. Он представляет собой результат конструирования в сознании респондентов значимых явлений городской природы, досуга, развлечений, спорта, путешествий, еды. Менее выраженными в группе молодежи явились темы работы и карьеры, дома, семьи, межличностных отношений. Образ города включает и переживания, чувства человека, его самоощущение в данном пространстве. Исследовательский вопрос о возможности выявления системы чувственного восприятия при изучении городского пространства с помощью методики «Коллаж» показал, что в характеристике репрезентации городской среды, кроме визуального, присутствуют различные мультисенсорные каналы.

Ключевые слова: жизненная среда, пространство, образ среды, образ идеального города, методика «Коллаж», городское пространство, мультисенсорные переживания, социальное познание.

Обращаясь к исследованию города как части окружающей среды, отметим, что его пространство является одним из наиболее разработанных и востребованных для изучения объектом. В частности, предмет изучения в психологии восприятия локализован в исследованиях формы, восприятия величины, константности, целостности, местонахождения элементов среды (Барабанщиков, 2002). Описание структуры и свойств чувственного образа как предмета психологии восприятия определяет то, как превращается форма свойств окружающей среды во внутреннее состояние субъекта. Именно вопросы этого перехода, превращения в ткань сознания являются главными вопросами психологии восприятия (Панюкова, 2004).

Образ окружающей среды, пространства является центральным понятием и для исследования процесса социального познания, который рассматривает «жизненную среду („непосредственную жизненную среду“) как всю совокупность природных и социальных факторов» (Андреева, 2005. с. 207). Э. Дюркгейм отмечал, что территория является субстратом социальной жизни (Дюркгейм, 1995), а социальное пространство, по мнению П. Бурдьё, предстает как общественное социальное пространство, так как определяется и объективными пространственными структурами (Бурдьё, 2007).

В качестве характеристик жизненной среды выделяют *образ среды* (конструирование сознанием представление о среде), первичную экоструктуру, определяемую как «моя среда обитания» (дом, квартира, вещи и т. д.) и среду сообщества – групповую экоструктуру). Формирование образа окружающей среды определяется ее значениями для конкретного человека (Андреева, 2005; Черноушек, 1989). Образ, в частности, образ окружающей среды и города как ее элемента, соответственно, представляет собой результат конструирования (понимания, осмысления, отношения и т. д.), опосредованное значениями, стереотипами и предпочтениями, культурными нормами и символами.

Многозначность предмета определяет важность вопросов методологии его исследования, поэтому методы исследования окружающей среды представлены обширным арсеналом: наблюдение, когнитивные карты (Линч, 1982), исследования с предъявлением фотографий различных городских пространств (Милгрэм, 2000), подбор фотографических образов (Штомпка, 2017), эксперимент (Милгрэм, 2000; и др.), тесты, выявляющие знание природной среды и отношение к ней (Дерябо, Ясвин, 1995), особенности восприятия городской среды (Габидуллина, 2012, Радина, 2012; и др.), специфику домашней среды (Нартова-Бочавер и др., 2017), семантический дифференциал (Панюкова, 2006), картография поведения, моделирование, социально-психологические игровые методы.

Вопрос расширения методов изучения окружающей среды, пространства города решался в данном исследовании через *предположение* о том, что одним из наиболее конгруэнтных методов является проективная методика «Коллаж». Это методика, по нашему мнению, позволяет через визуальные ассоциации сконструировать образ по предложенной теме, определить отношение личности к городу как месту жизни, уточнить специфические характеристики этого образа, а также ответить на другие исследовательские вопросы (в нашем случае, например, о мультисенсорном наполнении окружающего пространства). При изучении городского пространства методика «Коллаж» может быть самостоятельным инструментом либо дополнять опросы, тестовые и другие методы. Функциональные возможности методики позволяют проводить исследования таких объектов, где необходимо выявление бессознательных образов, отношений, мотивов, которые затруднительно рационализировать, а ответы на прямые вопросы могут быть значительно деформированы социальной желательностью или неосведомленностью.

Основу исследовательской процедуры «Коллаж» составляет выбор иллюстраций, картинок из журналов, газет, брошюр, рекламных проспектов в соответствии с задачей раскрыть заявленную тему. Выбранные картинки, заголовки из газет и журналов, размещаются на ватмане с помощью клея. Если речь идет

не об индивидуальном коллаже, то группа согласованно осуществляет выбор тех изображений, которые следует наклеить на ватман.

Итогом первого этапа работы является оформленная композиция из вырезанных изображений и ее представление аудитории (другим участникам). В процессе представления происходит объяснение концепции, смысла изображений, комментирование важных или нечетких моментов, ответы на возможные вопросы от аудитории. Так как данная методика – проективная и является трудной для интерпретации, то особое внимание отводится вербальной составляющей методики: комментариям респондентов, ответам на вопросы аудитории. Авторы коллажа объясняют основной замысел, выделяют центральную и сопутствующие идеи, комментируют, каких образов не хватило для раскрытия идей, поясняют возможные источники возникновения использованных образов (личный опыт, опыт друзей, кинофильм, литературное произведение, СМИ, реклама и т. п.).

На втором этапе проводится анализ коллажей, смыслов, значений, символов того, что сделано респондентами. Анализ может быть развернут по разным траекториям. В классическом варианте предполагается анализ концепции и структуры коллажа, основной идеи, тематических блоков, центральных и периферических образов, преобладающей проблематики, повторяющихся социальных фактов, центральной идеи, типичности персонажей и их чувств, ситуаций, а также композиции, цветовой гаммы, пространства, надписей, общей завершенности работы (Зубова, 2023; Ильин, 2006). Важно обращать внимание на название коллажа и соответствие визуальной представленности и вербального обоснования концепции коллажа. Анализ коллажа позволяет определить стереотипные и личные переживания, чувства, образы, области желаемого, динамику развертывания построения завершенной концепции.

В нашем исследовании было проанализировано 6 коллажей, тема коллажа формулировалась как «Мой идеальный город». Респондентами являлись студенты 5-х курсов факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, которые работали в группах по 4–6 чел., всего – 35 чел. (M=22,1). Группы имели смешанный состав, анализ по полу не предполагался. Сформулировали две исследовательские задачи: 1) выявить содержательный образ идеального города как жизненной среды; 2) проверить, является ли возможным выявление различных мультисенсорных каналов в конструировании образа идеального города – мультисенсорное «наполнение» образа городской среды. Однако вопрос о возможности посредством этой методики изучать образ города не только визуально, но и с включением других каналов восприятия информации является в значительной степени поисковым.

Результаты исследования

Анализ содержательного образа среды, проводившийся по классической схеме, позволил выявить содержательные и функциональные характеристики идеального города, а также отношения, чувства, переживания респондентов, связанные с ним. Коллажи не представляли собой карту города, а отражали определенные значимые области, среди которых доминировали темы: 1) при-

роды; 2) досуга, развлечения, спорта, путешествия, шоппинга, праздников; 3) еды. Менее выражены были такие тема, как работа (карьера), дом и семья, межличностные отношения.

На всех коллажах присутствовала *природная среда*, она занимает важное место в образе города. Здесь есть картинки гор, водопадов, много растительности, морских пейзажей, парков, зеленых зон, природных массивов, воды, отсутствуют предприятия, загрязняющие окружающую среду – это экологичный город и рекреационная среда для человека. В четырех коллажах отсутствовали (в двух – представлены минимально) здания, небоскребы, заводы, автомобили как объекты городской жизни. В большинстве работ город только подразумевался, он являлся «фоном» для развертывания благополучной жизнедеятельности горожан.

В коллажах студентов не очень выражены, но присутствуют *межличностные отношения* – в виде изображений социальных взаимодействий в группах, деловых и романтических отношений. Тема *дома* в работах была представлена избирательно, она ассоциировалась с пространством, где уютно, тепло, безопасно – «спокойная домашняя обстановка, в которой хочется находиться». Тема *карьеры, работы, денег* присутствовала в коллажах, поскольку ассоциировалась респондентами только с большими городами и атрибутами благополучной, успешной жизни, со свободой. Однако и здесь работа была изображена не через содержание деятельности, а через пространство, в котором может находиться человек, менять окружающую среду, через среду – деятельность.

В коллажах респонденты акцентировали внимание на атмосфере отдыха и расслабленности. Цвета всех коллажей были активные, не было серости, пасмурности, однотипности. Наполнение образов города яркими, легкими цветами, создавало впечатление свободы и комфорта, ощущения беззаботности и единения с окружающим пространством. Идеальный город – это город-курорт, город, который не хочется покидать, город, где царит благополучие, достаток – это дружелюбный, гармоничный город, где есть ресурсы для учебы, работы, развлечения, свободы в физическом и финансовом планах, место отдыха и тепла (море, солнце). Идеальное городское пространство – то, в котором горожанам можно оставаться здоровыми и полными сил.

В целом, можно сделать вывод, что идеальный город в коллажах студентов, принимавших участие в исследовании, представлен визуальными образами, отражающими их переживания, чувства. В работах нет самого города, но есть пространство, которое предоставляет ресурсы, в котором человек ощущает себя счастливым.

Решение второй поставленной в работе задачи – выявления различных аспектов мультисенсорного восприятия окружающей среды и пространства, является сложной. Прежде всего в силу того, что во многих случаях только превышение порогов чувствительности (громкий звук, интенсивный запах) либо смещение воздействующих факторов в негативный спектр (раздражающий звук, отвратительный запах) делает их достоянием сознания, чувствования, переживания. Тем не менее, этот вопрос важен не только в связи с «сенсорным

поворотом» в глобальной науке, но и с точки зрения возможности проанализировать то, как «работает» система чувственного восприятия при создании образа идеального города.

Для ответа на этот исследовательский вопрос – выявление в характеристике репрезентации городской среды, кроме визуального других мультисенсорных каналов (осязательного, аудиального, ольфакторного), были сформулированы категории визуальных образов. Методом тематического (Riessman, 2001) и контент-анализа проанализировали вербальную часть результатов, названия коллажей, в отдельных случаях было проведено дополнительное исследование изображений с опорой на ассоциативный метод.

Несмотря на «искусственный» характер разделения восприятия пространства на различные модальности, очевидно, что взаимодействие с окружающей средой происходит через мультисенсорные системы, что обусловлено полифонией окружающей среды. По нашему мнению, актуализация человеком собственных проприоцептивных возможностей связана с развитием чувственного восприятия, с эмоциями, эмпатией, расширением образного ряда и появлением новых социальных практик.

Для анализа были выделены следующие категории визуальных образов: категория «Городская инфраструктура» (*городские объекты и транспорт*) включала как обобщенные, так и реально существующие здания, высотные дома, мосты, памятники, проспекты, скверы, площади, архитектурные сооружения, музеи, концертные залы, старые районы, новые районы, машины и т. д.; категория «Дом» – домашние интерьеры, кухня, спальня, ванная, цветы в горшках, предметы; категория «Общение и взаимодействие» – людей, семью, группы; категория «Природа» – деревья, цветы, поля, горы, пейзажи, водопады, реки, морское побережье, пляж; категория «Животные» – кошек, собак, бабочек; категория «Еда» – еду, бокалы с напитками, чашки, бумажные стаканы, фрукты, ягоды; категория «Развлечения, досуг, спорт» – велосипеды, яхты, человека на лошади, людей, занимающиеся спортом и т. д.

Безусловно, все объекты, изображенные на коллажах, прежде всего представляли визуальный канал восприятия. Осязательный, ольфакторный и вкусовой каналы восприятия латентно присутствовали в изображениях: мягкого пледа, утреннего кофе, блинчиков, еды (категория «Дом»); осязательный, звуковой, ольфакторный – свежего воздуха, песка на коже, брызг волн и водопада, камешков в ладонях, шума моря (категория «Природа»). Осязательный и звуковой каналы проявились в изображениях, отнесенных к категории «Животные». Обнаружено, что изображения объектов, отнесенные к категории «Еда», познаются посредством вкусового, ольфакторного и осязательного каналов восприятия, а в восприятии явлений окружающей среды из категории «Развлечения, досуг, спорт» участвуют звуковые, осязательные, ольфакторные каналы («На пробежке мое тело разрезает воздух», «Конный спорт – мы одно целое», «Летом в парке поют птицы»).

Таким образом, репрезентация индивидом пространства не связана только с визуальным каналом восприятия, окружающее пространство воспринимается им мультисенсорно.

Заключение

Исследование городского пространства с помощью проективной методики «Коллаж» показало, что она позволяет изучать содержательные и функциональные характеристики образа города, а также чувства и переживания респондентов, связанные с объектом среды. В восприятии участников исследования образ идеального города не является «когнитивной картой» города, он отражает значимые темы природы, досуга, развлечений, спорта, путешествий, еды. Темы работы и карьеры, дома, семьи, межличностных отношений были в меньшей степени представлены в коллажах студентов. Даже в тех из них, в которых центральной темой явилась работа и карьера, они рассматривались только как необходимые ресурсы физического и психологического благополучия горожан.

В ходе исследования обнаружено, что образ города представляет собой переживания, чувства человека, его самоощущение в данном пространстве. В восприятии респондентов отсутствует инфраструктура идеального города, но есть пространство, в котором человек ощущает себя счастливым.

С помощью методики «Коллаж» обнаружено, что в процессе репрезентации городской среды участвует не только визуальный, но и другие каналы восприятия (осязательного, аудиального, ольфакторного). Однако для этого необходимо задействовать широкий спектр дополнительных методов, которые позволяют детально анализировать вербальную часть методики (текст названия коллажа, тексты его первичной презентации, текст основного анализа коллажа).

Литература

- Андреева Г. М.* Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2005.
- Барабанчиков В. А.* Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.
- Бурдые П.* Социология социального пространства. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии—Алетейя, 2005.
- Габидуллина С.* Психология городской среды М.: Смысл, 2012.
- Зубова О. Г.* Проективные методики в социологических исследованиях: теория и практика // Вестник Московского университета. Сер. 18. «Социология и политология». 2023. Т. 29. № 1 С. 194–218. doi: 10.24290/1029-3736-2023-29-1-194-218.
- Дюркгейм Э.* Социология. М.: Канон, 1995.
- Ильин В. А.* Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006.
- Линч К.* Образ города. М.: Стройиздат, 1982.
- Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000.
- Нартова-Бочавер С. К., Бочавер А. А., Дмитриева Н. С., Резниченко С. И.* Дом как жизненная среда человека. М.: ИД ВШЭ, 2017.
- Панюкова Ю. Г.* Психологическая репрезентация пространственно-предметной среды (системно-структурная организация, возрастные и индивидуальные особенности): Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2004.
- Радина Н. К.* Социальная психология городского образа жизни: город страха // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 126–141.
- Черноушек М.* Психология жизненной среды. М.: Мысль, 1989.
- Штомпка П.* Визуальная социология. Фотография как метод исследования. М.: Логос, 2017.

Riessman C. K. Analysis of personal narratives // Handbook of Interviewing / Eds J. F. Gubrium, J. A. Holstein. Sage Publications, 2001. URL: <http://alumni.media.mit.edu/~brooks/storybiz/riessman.pdf> (дата обращения: 21.06.2023).

Possibilities of the “Collage” method for the analysis of urban space

V. A. Baranova

candidate of psychological sciences, associate professor of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, bva06@mail.ru

The experience of studying urban space with the projective technique “Collage” is presented. The possibilities of the technique were revealed for expanding research practice in creating the image of the city, for clarifying the multisensory experience of the surrounding space. The results showed that the “Collage” technique makes it possible to identify content and functional characteristics, as well as feelings and experiences associated with an object. The image of the city is not a cognitive map of the city, but reflects significant areas represented by the themes of nature, leisure, entertainment, sports, travel, food. Less pronounced are the themes of work and career, home, family, interpersonal relationships. The image of the city represents the experiences, feelings of a person, his sense of self in this space. The research question on the possibility of identifying a system of sensory perception when studying urban space using the “Collage” technique showed that in the characterization of the representation of the urban environment, in addition to the visual, there are various multi-sensory channels.

Keywords: living environment, space, image of the environment, image of an ideal city, “Collage” technique, urban space, multisensory experiences, social cognition.

Восприятие и запоминание вандално нанесенных текстов в условиях лабораторного эксперимента: половозрастные особенности*

*О. В. Кружкова**, *С. Д. Робин***, *А. А. Ауэр****

* кандидат психологических наук, доцент, заведующий лабораторией перспективных социосредовых исследований ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», Екатеринбург, Россия, galiat1@yandex.ru

** лаборант лаборатории перспективных социосредовых исследований ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», Екатеринбург, Россия, robinseryi@gmail.com

*** студент института психологии ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», Екатеринбург, Россия, kadaverinaklementina@gmail.com

Вандално нанесенные тексты повсеместно встречаются в городском пространстве современного российского мегаполиса. Большинство людей, находящихся в поврежденных локациях, произвольно или непроизвольно читают такие тексты. Однако остается открытым вопрос – как именно воспринимаются вандално нанесенные тексты и насколько хорошо они запоминаются жителями города? Цель исследования – изучение особенностей восприятия и запоминания вандално нанесенных текстов горожанами в зависимости от пола и возраста испытуемых. Исследование было проведено в форме лабораторного эксперимента с использованием стационарного айтрекера. Выборка включала четыре контрастные группы: юноши (N=10), девушки (N=10), мужчины (N=5), женщины (N=5). В ходе исследования были обнаружены отличия у испытуемых разного пола и возраста как на уровне запоминания содержания вандално нанесенных текстов, так и в характере визуального поведения и зон внимания при восприятии изображений этих текстов.

Ключевые слова: вандализм, городская среда, восприятие, запоминание, вандалное поведение, креализованный текст, вандално нанесенные тексты, айтрекинг.

Вандализм – распространенный социокультурный феномен, но недостаточно изученный с точки зрения восприятия индивидом его проявлений в городской среде. По мнению авторов, вандализм является социально значимым явлением, поскольку влияет на отношение человека к окружающему пространству, к себе, к другим людям, на его психическое здоровье и реализуемое поведение (Злоказов и др., 2021). Вандалные тексты, как наиболее распространенное проявление

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01487.

ние вандализма в городской среде, встречаются повсеместно и часто вызывают эмоциональных отклик в разных группах жителей. Содержание, внешний вид и расположение вандальных текстов в предметной среде города разнообразны. В связи с этим достаточно сложно изучать, как воспринимаются данные тексты жителями города, так как нормы, определяющие допустимость представления этих текстов в общественном пространстве, в группах разного возраста и пола различаются.

Цель данного исследования – изучение особенностей восприятия и запоминания вандально нанесенных текстов горожанами, с учетом их пола и возраста. Исследование проводилось в форме лабораторного эксперимента, с применением айтрекинга. В ходе работы респондентам предъявляли большой спектр вандально нанесенных текстов. Сбор изображений производился в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и других российских мегаполисах. Всего было собрано свыше 50 фотографий, из которых отобрали для эксперимента 21 снимок. Изображения выбирали по нескольким критериям: яркость; техника привлечения внимания (протест, философская направленность, романтизация вандализма); тематика текста (политическая, религиозная, социальная ответственность, философско-направленные тексты).

Процедура исследования

Для измерения показателей восприятия изображений использовалось оборудование – айтрекер Tobii Pro Spectrum (150 Hz). Участникам демонстрировалось 21 изображение с вандально нанесенными текстами. С целью нивелирования «краевого эффекта» в начале и конце демонстрации было добавлено по два изображения с вандально нанесенными рисунками, не содержащими текстовой информации. Стимульный материал демонстрировался на экране ЖК монитора Eizo FlexScan EV245, разрешение экрана – 1920×1080. Расстояние от глаз испытуемых до поверхности экрана 53 см. Каждое стимульное изображение демонстрировалось 20 с, позиция взгляда при начале демонстрации изображения определялась принудительно. На основе полученных результатов были составлены тепловые карты изображений по группам. Для выявления уровня запоминаемости представленных на айтрекере изображений применялся письменный опрос.

Описание выборки. Исследование проводилось среди жителей города Екатеринбурга в двух контрастных возрастных группах: от 18 до 30 лет и от 40 лет и старше. Выборка составила 30 испытуемых, из них 20 в возрастной группе от 18 до 30, среди которых 10 юношей и 10 девушек; 10 в возрастной группе от 40 и более лет, среди которых 5 мужчин и 5 женщин.

Результаты исследования

На первом этапе работы анализ частоты запоминания вандальных текстов позволил выделить изображения наиболее часто воспроизводимых испытуемыми. Для дальнейшего анализа восприятия вандально нанесенных текстов необходимо было узнать, какие изображения лучше всего запомнились в разных

подгруппах. В итоге, были выделены 6 изображений, имеющих наибольший процент запоминания (от 33 до 57% по выборке в целом). При этом наибольший процент запоминания был характерен для текстов политической направленности содержания (57% по выборке в целом, 60% юноши, 80% девушки, 0% мужчины, 60% женщины). Тексты религиозной тематики (2 изображения, 43% всех испытуемых) запоминались и воспроизводились в подгруппах следующим образом: 45% – юноши, 65% – девушки, 10% – мужчины, 30% – женщины. Тексты философского характера (2 изображения, 33 и 40% выборки), так же как и религиозные, в большинстве случаев лучше воспринимались и запоминались женщинами, чем мужчинами и молодыми испытуемыми, чем более старшими участниками исследования (в среднем 45% юноши, 55% девушки, 10% мужчины, 30% женщины). Текст по тематике социальной ответственности в 36% случаев по всей выборке более всего заинтересовал молодежь и женщин старшего возраста (50% юноши, 50% девушки, 0% мужчины, 20% женщины). При анализе общего числа запоминаний вандално нанесенных текстов испытуемыми обнаружили статистически значимые различия по полу ($U=42,5$ при $p=0,003$). Показано, представители женского пола запоминают больше вандално нанесенных текстов. По возрасту различий обнаружено не было ($U=98,5$ при $p=0,948$). Дополнительно проверяли совместное влияние факторов пола и возраста на запоминание вандално нанесенных текстов методом многофакторного дисперсионного анализа (Критерий Ливиня равен 1,899 при $p=0,155$). Результаты показали, что совместное влияние факторов статистически значимо ($F=6,465$ при $p=0,017$) и объясняет 43,9% общей дисперсии по показателю «число воспроизведенных вандално нанесенных текстов». При этом среднее число текстов, которые запомнили юноши, равно 6,3, девушки – 8,3, мужчины – 3,6, женщины – 11,2. То есть самую высокую степень запоминания вандално нанесенных текстов обнаружили в группе женщин от 40 лет и старше. Девушки от 18 до 30 лет заняли второе место по уровню запоминания. При этом стоит отметить, что мужчины из старшей подгруппы (от 40 и более лет), принимавшие участие в работе, в меньшей степени, чем другие испытуемые, запоминали увиденные ими вандалные тексты и, соответственно, мало придавали им значение. Особый интерес вызвал результат, указывающий на постепенное изменение восприятия вандално нанесенных текстов в разных возрастных группах. Так, различия в показателях восприятия текстов между юношами и девушками (от 18 до 30 лет) были не столь выражены, как в другой возрастной группе: там наметился существенный разрыв по признаку уровень запоминания вандално нанесенных текстов.

На следующем этапе исследования по отобранным, наиболее запоминаемым изображениям, был проведен анализ тепловых карт. Испытуемым предъявляли изображение на тему социально ответственного поведения (силуэтное изображение взрослого и ребенка с бутылками в руках и надписью «дети – отражение родителей»). Результаты выявили специфику восприятия данного изображения в разных группах испытуемых.

- *Юноши*. Концентрация взгляда на надписи, горлышке бутылки в одной руке мужчины, на руке мужчины, которой он держит ребенка и на лице ребенка.

В этих зонах на тепловых картах присутствует красный цвет, что говорит о максимальной фиксации взгляда на этих фрагментах изображения. Также незначительная фиксация взгляда молодых людей, о чем свидетельствует желтый цвет, обнаружили на лице мужчины, обращенном к ребенку. Данный факт свидетельствует о сопоставлении смысла надписи «дети — отражение родителей» с наличием бутылки у взрослого мужчины и ребенка, которого он держит за руку. Следовательно, можно утверждать, что взгляд юношей фокусировался на основных моментах, которые передают главный смысл, заложенный в изображении.

- *Девушки.* Они пристально смотрели на надпись и на лицо ребенка, при этом наблюдалась фиксация взгляда на лице мужчине, обращенном к ребенку, но в значительно меньшей степени ими рассматривалась фигура мужчины. Незначительная фиксация взгляда девушек отмечалась на всем изображении ребенка. В целом это может свидетельствовать о большей значимости для девушек вопроса детско-родительских отношений. Наличие бутылки в руке мужчины не привлекло их внимание. Можно предположить, что надпись «дети — отражение родителей» в данной подгруппе ассоциируется только с фактом наличия на рисунке ребенка и родителя; внимание девушек не было заострено на негативном смысле, который заложен в изображении.
- *Мужчины.* Тепловые карты также продемонстрировали выраженную фиксацию взгляда испытуемых на надписи и лице ребенка, при этом их взгляд фиксировался на нижней части головы мужчины, направленной к ребенку. На горлышке бутылки фиксация взгляда была незначительная, о чем свидетельствует желтый и зеленый цвет тепловых карт. Также можно отметить, что остальное изображение ребенка и мужчины, кроме перечисленных точек, не рассматривалось мужчинами совсем. Из вышесказанного можно сделать вывод, что мужчины выделяя ребенка и взрослого, обращенного к нему, в большей степени акцентируют внимание на важности процесса общения с детьми, нежели на сам пример асоциального поведения мужчины на фото;
- *Женщины.* Их взгляд был максимально фиксирован на надписи, о чем свидетельствует красный цвет на тепловых картах. Менее значительная фиксация отмечена на лице ребенка (оранжевый цвет на тепловых картах). Особенность восприятия данного изображения женщинами заключается в том, что они рассматривали фигуру мужчины и ребенка полностью, особо не концентрируясь на каких-то деталях, но и не пропуская практически ни одной части изображения. При этом можно было увидеть, что фигура и лицо ребенка для женщины имеет большее значение, нежели фигура и лицо мужчины. Интерпретируя результат, можно сказать, что социальная проблема, отображенная на рисунке, воспринимается женщинами — участниками исследования поверхностно; они не вникают в ее детали, тем самым отрицая негативный смысл, заложенный в изображении.

В дальнейшем испытуемым предъявляли изображения на религиозную тему (надпись «Кто „сын“ еретика, тот не друг Христу» с изображением креста, а так-

же аналогичная надпись с изображением бурлаков, тянущих часы со стрелками-крестом, перекрытая второй надписью «баптист»). Результаты показали следующее.

- *Юноши*. При анализе тепловых карт первого из двух изображений (крест и надпись «Кто „сын“ еретику...») было видно, что взгляд юношей сфокусирован практически на всей надписи целиком, при этом ширина фокусировки отмечалась на слове «сын». Из чего можно сделать вывод, что надпись привлекла внимание юношей, а слово «сын», как выражение их актуальной социальной роли, в большей степени, чем другие слова. На тепловых картах второго изображения фиксация взгляда была максимально выражена в трех точках: неразборчивой надписи, слове «друг» и «сын», а также на кресте в часах. То есть юноши акцентировали внимание на непонятных для них словах и изображениях, а также на словах, отражающих их социальную роль. Движение глаз и фокусировка взгляда отмечалась только в верхней трети изображения. Фигуры людей не рассматривались совсем.
- *Девушки*. Фокусировка их взгляда на тепловых картах первого изображения свидетельствует о том, что, помимо надписи, они внимательно рассматривали крест как религиозный символ, связанный с надписью. Красный цвет, свидетельствующий о наибольшей фиксации взгляда, присутствовал не на всей надписи, а лишь на ее верхней трети; особенно он проявился на словах «сын», «еретику». Обнаруженное свидетельствует о беглом прочтении надписи и более пристальном рассматривании менее ярких слов. Можно предположить, что девушек больше интересует вид надписи, нежели ее содержание. На тепловых картах второго изображения было заметно, что взгляд испытуемых преимущественно фиксировался на неразборчивой части надписи, на слове «друг» и на кресте в часах. Незначительная фиксация взгляда отмечалась на лицах людей. Для девушек в данном изображении интерес представлял его внешний вид, центральные слова в фразе, необычное использование религиозной символики.
- *Мужчины*. Тепловые карты первого изображения свидетельствовали о том, что мужчины в большей степени фокусировали взгляд на слове «еретику» и чуть меньше — на слове «сын». При этом стоит отметить, что именно эти два слова в надписи были менее яркими, чем другие. Данные, полученные с помощью тепловых карт второго изображения, показали, что в основном мужчины фиксировали взгляд на неразборчиво написанном слове, о чем свидетельствовал красный цвет карты. На всей остальной надписи взгляд был в меньшей степени сфокусирован (оранжевый цвет). Остальное изображение ими практически не рассматривалось. Незначительная фиксация взгляда присутствовала на символе креста в часах, что указывает на важность понимания для них в первую очередь надписи, остальное изображение значения не имело. Таким образом, можно заметить, что мужчин интересуют прежде всего надписи и их смысл, поэтому наибольшая фиксация взгляда более заметна на тех моментах, которые в надписях на изображении менее разборчивы или более тусклые.
- *Женщины*. В группе испытуемых наблюдалась наибольшая фиксация взгляда на тепловых картах первого изображения, причем на тех словах, которые

написаны менее ярко («сын» и «еретику»). Ими был прочитан весь текст, однако его религиозной окраске значение не придавалось, так как взгляд практически не фиксировался на религиозном символе (кресте) и слове «Христу». Тепловые карты второго изображения показали, что взгляд женщин — испытуемых фокусировался, в первую очередь, на неразборчивой части надписи, написанной иным шрифтом и другим цветом (красный цвет на карте). Оранжевым цветом, показывающим чуть меньшую фиксацию взгляда, были выделены первая часть надписи и центральная часть часов. В данном случае также наблюдалось отсутствие значимости религиозного контекста изображения, так как внимание испытуемых не привлекли изображение креста и слово «Христу». При этом женщины частично рассматривали фигуры людей — их головы и ноги. То есть для них был интересен не только религиозный, но и социальный контекст в изображении.

Следующим изображением стали надписи политического характера (множественные, не связанные друг с другом надписи патриотического характера, в том числе с указанием ФИО президента РФ, а также надписи негативного характера по отношению к лидерам иных стран или иных людей). Они также последовательно предъявлялись испытуемым. Обнаружили следующие особенности восприятия изображений.

- *Юноши*. Их интерес привлекли фразы, имевшие патриотическое содержание, а также фразы, имеющие в своем составе слова-оскорбления. Юноши прочитали все фразы, расположенные на изображении.
- *Девушки*. Внимание девушек, так же как и юношей, привлекли надписи патриотического характера и фразы, включающие оскорбления. Не менее внимательно они рассматривали неразборчивые надписи и символы (например, сердечки и др.). Особое внимание было направлено на имена людей.
- *Мужчины*. Взгляд мужчин был сфокусирован на надписях, содержащих оскорбления. Фразы, носящие патриотический характер, были замечены, но не вызвали особого интереса в этой группе испытуемых.
- *Женщины*. Особое внимание было сфокусировано на фразе-оскорблении с плохо различимым именем, далее они обратили взгляд на фразы патриотического характера. Меньше всего их внимание привлекла надпись с оскорблением иностранного политического деятеля.

Результаты анализа тепловых карт изображений с текстами философской направленности («Друг, извини у меня никаких новостей. Мне, увы, больше нечем делиться. Я погас» и «Жизнь — это шутка, и я смеюсь, хотя на самом деле юмора не понял ☹») продемонстрировали следующее.

- *Юноши*. Тепловая карта первого изображения имела красный цвет только в самом начале текста. Возможно, это связано с тем, что в тексте присутствует обращение непосредственно к читающему, из-за чего и возникал интерес к фразе. Однако после слов «никаких новостей» интерес пропал. Второе изображение на своей тепловой карте имело красные участки, расположенные по всему тексту. По всей видимости юмористическая окраска фразы и вызвала интерес к ней у юношей.

- *Девушки*. Первое изображение привлекло внимание девушек фразой «друг, извини». Дальнейшая надпись имела следы сфокусированности взгляда на словах «новостей», «мне, увы, больше», «погас», но они были менее выражены. Можно предположить, что девушки при чтении данного текста романтизировали его и придавали ему лирическую окраску, которая и заключалась в этих словах. Тепловая карта второго изображения имела красные и оранжевые участки по всему тексту. Особо ярко выделялись слова «деле» и «не понял». Возможно, это было связано с резким переходом от позитивного текста к более нейтральному, что могло вызывать непонимание.
- *Мужчины*. Тепловая карта первого изображения была идентична карте в группе юношей. Тепловая карта второго изображения имела акцент на слове «смеюсь», подчеркивая внимание к юмористическому восприятию смысла текста.
- *Женщины*. Восприятие женщинами первого изображения очень похоже на тепловую карту девушек. По всей видимости, женщины также придают этому тексту смысловую лирическую окраску. Тепловая карта второго изображения была полностью красного цвета.

Заключение

По результатам проведенного исследования обнаружено, что испытуемые контрастных половозрастных групп воспринимают и запоминают вандально нанесенные тексты по-разному. При этом наиболее уязвимой для воздействия вандальных надписей являются испытуемые женщины в возрасте от 40 лет и старше, которые продемонстрировали наиболее высокий процент запоминания продемонстрированных им изображений. При анализе данных тепловых карт становится очевидным, что взгляд женщин охватывает изображения полностью. Они качественнее и более полно воспринимают информацию, заключенную в изображениях. У мужчин при восприятии вандально нанесенных текстов взгляд фокусируется на определенных словах либо на заинтересовавших их объектах. Смысл, значение самих текстов не играет для них существенной роли, а вандальные надписи практически не запоминаются. В другой возрастной группе, от 18 до 30 лет, не выявлено статистически значимого различия по запоминанию вандально нанесенных текстов. Однако обнаружены различия между юношами и девушками по фиксации внимания на тепловых картах.

Литература

Злоказов К. В., Караяни Ю. М., Караяни А. Г., Шахматов А. В. Городской вандализм в восприятии молодежи: эмпирическое исследование атрибуции его причин // Психология и право. 2021. Т. 11 № 3. С. 77–93.

Perception and memorization of vandalized texts: sex and age specificity

*O. V. Kruzhkova**, *S. D. Robin***, *A. A. Auer****

** PhD (psychology), docent, head of the Laboratory for Advanced Socio-Environmental Research, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, galiat1@yandex.ru*

*** laboratory assistant, Laboratory of Advanced Socio-Environmental Research, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, robinseryi@gmail.com*

**** student of the Institute of Psychology, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, kadaverinaklementina@gmail.com*

Vandalized texts are ubiquitous in the urban space of modern Russian metropolis. The majority of people read such texts randomly or not in vandalized locations of city. However, the question remains open – how exactly vandalized texts are perceived and how well they are remembered. The purpose of this study is to investigate the peculiarities of perception and memorization of vandalized texts by city dwellers taking into account their sex and age. The study was conducted in the form of a laboratory experiment using a stationary eye-tracker. The sample is four contrasting groups: boys (N=10), girls (N=10), men (N=5), women (N=5). As a result, the contrasting groups were found to differ both at the level of remembering the content of vandalized texts and in the character of visual behavior and attention zones when perceiving images with vandalized texts.

Keywords: vandalism, urban environment, perception, memorization, vandal behavior, crealized text, vandalized texts, eye tracking.

Социально-пространственная изоляция неяпонцев (гайдзинов) в Токийском мегаполисе

А. Ю. Нагорнова*, С. Ю. Нагорнова**

* кандидат педагогических наук, доцент, педагог-психолог, Токийский русский образовательный центр «Глобус», г. Токио, Япония, nagornova.ay@mail.ru

** студент Школы социальных и международных исследований, Университет Цукубы (筑波大学), г. Цукуба, Япония, s2218002@s.tsukuba.ac.jp

На примере проживающих в Токийском мегаполисе иностранцев раскрывается феномен их социально-пространственной изоляции. Данный феномен является отражением культурно-исторического развития Японии и субъективного самоощущения японцев как уникальной мононации, которая идет по своему историческому пути. Социально-пространственная изоляция является прямым следствием многочисленных форм дискриминации иностранцев в Японии и открытой демонстрации японцами этнического национализма. При этом Япония является одной из немногих развитых стран, в которых отсутствует национальное законодательство, запрещающее расовую дискриминацию.

Ключевые слова: социально-пространственная изоляция, расовая дискриминация, этнический национализм, политика самоизоляции, неяпонцы (гайдзины).

По состоянию на 2020 г. примерно 2,3% населения Токио составляли иностранцы, что превышало средний показатель по стране на 1,7%. Токио имеет районы с относительно высоким процентом иностранцев, такие как Азабу и Роппонги (15%), Синдзюку (более 10%) или Минато (7%). Эти районы можно охарактеризовать как «гетто гайдзинов» (неяпонцев), где иностранец может получить двуязычные (на английском и японском языках) услуги, а также может купить западные товары. Магазины и рестораны здесь ориентированы на иностранных жителей, как и жилье, оборудованное удобствами, адаптированными к западному образу жизни. Эти привилегированные районы очень ограничены по географическому охвату, занимают всего 4 км². Однако большинство высокооплачиваемых иностранцев предпочитают селиться именно в этих районах, что объясняется не только доступностью услуг и продуктов, но и образом жизни, связанным с доступностью ресурсов. Только в этих районах можно найти большое и удобное жилье с несколькими спальнями, английские школы, больницы с англоязычной поддержкой, клубы по интересам (например, американский клуб в районе Азабу). S. Yamatiga отмечает, что в центральном районе Яманотэ сконцентрировано такое количество иностранцев, что это место принято называть «пузырем экспатов», здесь практически все деловые

контакты осуществляются только на английском языке (Yamatuna, 2022). Владение японским языком в данной ситуации не является необходимым умением для комфортной жизни. Мигранты из данного района, зная несколько фраз на ломаном японском, успешно посещают японские кафе и рестораны без английского меню и официантов.

Таким образом, иностранцы из привилегированных районов находятся в социальной и пространственной изоляции от аборигенного населения Токио, поскольку именно языковые навыки имеют решающее значение для включения в местную социальную среду.

Согласно проведенным исследованиям, 85% иностранцев не стремятся покинуть районы, обладающие для них повышенной языковой комфортностью, и переселиться в другие (зачастую более дешевые по услугам и съему жилья) районы токийского мегаполиса. Основными причинами такого решения экспаты называют: отсутствие привычного чувства безопасности; незнакомые продукты и еду; сохранение привычного ритма и уклада жизни. Действительно, проживание иностранцев в непривилегированных токийских районах часто сопровождается различными формами их дискриминации со стороны коренного населения. Япония является одной из немногих развитых стран, в которых отсутствует национальное законодательство, запрещающее расовую дискриминацию. Значительная часть японского населения придерживается этнического национализма (Morita, 2015), который представляет собой идеологию, направленную на развитие этнически исключительной и однородной нации. С этим связано большое количество случаев дискриминации иностранцев и разнообразные формы ее проявления.

Повсеместными формами дискриминации иностранцев являются жилищная дискриминация и дискриминация при найме жилья (Нагорнова, Нагорнова, 2023). С иностранцев требуют более высокую плату за жилье и предоставляют им старые (холодные, аварийные) дома и квартиры, дома и комнаты, имеющие неудобное расположение (например, рядом с линией метро; комнаты, не имеющие окон или имеющие окно, выходящее на очень близко расположенную стену другого дома). При сдаче жилья с приехавших в страну иностранцев требуют «местного» гаранта, который бы покрыл все расходы съемщика в случае неуплаты. Часто агенты по найму жилья напрямую заявляют иностранцам, что понравившееся им жилье не может быть сдано им внаем, так как они не японцы, или непосредственно при клиенте звонят владельцу жилья и озвучивают нежелание японца пускать в квартиру или дом иностранца. При этом в Японии произвол агентств по найму жилья никак не ограничивается на законодательном уровне, а иностранцы постоянно испытывают унижения и неудобства по этому поводу.

Р. Miyazaki подчеркивает, что само понятие трудовой миграции вошло в обиход коренного японского населения только в начале XX в., что обуславливает косность в решении проблем иностранного населения Японии (Miyazaki, 2019). Для сравнения, в Западной Европе иностранные работники в семьях горожан среднего класса были широко распространены еще со времен Средневековья. S. Nagy считает, что проблема расовой дискриминации имеет особую остроту в столице Японии — Токио (Nagy, 2012). Автор делает вывод, что ино-

странцы остаются и будут дальше оставаться на периферии общественной жизни в Японии, поскольку существующая политика не создает моста, позволяющего мигрантам совершить переход от временных мигрантов к признанному, интегрированному меньшинству (там же).

Активисты, политики и ученые, обеспокоенные растущим расизмом, периодически организуют протестные движения и требуют принятия нового законодательства в отношении разжигания ненависти. Однако из-за того, что проблема в целом формулируется в отношении прав и статуса иностранцев в Японии, власти недооценивают серьезность ситуации и ее исторический генезис. S. Park отмечает, что, продолжая использовать термин «ксенофобия», мы упрощаем проблему, предполагая, что она касается только групп меньшинств, временно проживающих в Японии (Park, 2017). Согласно исследованию T. Zhang (Zhang, 2022), противодействие дискриминации иностранцев в Японии сродни явлению обученной беспомощности. Другими словами, иностранцы очень редко идут на конфликты в японском обществе, понимая бесполезность своих действий. Изолированное, часто ограниченное лишь местом работы и семьей пребывание иностранца в Токио отвечает по сути историческому феномену изоляции всех гайдзинов в определенных, отведенных им для этого местах, что является прямым следствием политики исключения иностранцев из социальной и культурной жизни Японии.

Политика самоизоляции в Японии проводилась в разное время на определенных этапах становления государства, его социальной структуры и культурно-этических ценностей. Главной целью такой политики было сохранение уже существующего порядка, ограничение вмешательства других государств во внутреннюю и внешнюю политику. Самым верным способом защитить страну от влияния в большей степени европейских держав являлся запрет на морскую торговлю. Еще в 1624 г. был запрещен въезд и проживание в Японии испанцев, а в 1638 г. были изгнаны и португальцы. В 1633–1636 гг. были изданы указы, запрещающие японцам покидать страну, а японцам, проживающим за ее пределами, запрещалось возвращаться в Японию под страхом смерти. Эта политика продолжалась около 250 лет, до 1854 г., когда был заключен японо-американский договор о дружбе и торговле, открывший Японию для внешнего мира. В результате открытия Японии произошли значительные изменения в ее социально-экономической сфере, а также в сфере политики и культуры. Однако данные изменения, даже после капитуляции Японии во Второй мировой войне, не смогли разрушить устойчивое представление японцев о своем народе как уникальной мононации, которая идет по своему историческому пути. Иностранное влияние по сей день воспринимается как нечто вынужденное и чуждое, то, что когда-либо обязательно закончится, и страна сможет вновь стать свободной.

Большинство японских политиков никогда не согласится с этим выводом, приводя в пример многочисленные успешные опыты взаимодействия с иностранным капиталом, образовательными организациями, спортивные и культурные обмены. Однако проведенным Университетом Цукубы в 2022 г. исследованием среди японских домохозяйек старшего возраста (от 50 до 65 лет) было установлено, что ни одна из опрошенных женщин-японок не хотела бы видеть

невестой или женой своего сына иностранку. Только 5% опрошенных подтвердили, что смогли бы вести совместный бизнес с иностранцем; 56% респондентов заявили, что не считают истинными японцами детей-половинок (хафов), родившихся в совместных с иностранцами браках.

Заключение

Таким образом, проблема социально-пространственной изоляции иностранцев в Токио (не говоря уже о других городах Японии) является важной проблемой эффективной межнациональной коммуникации между японцами и экспатами других национальностей. Сохраняющаяся в достаточной мере закрытость японского общества, боязнь всего иностранного, недоверие к «неяпонцам» ослабляют механизмы культурного обмена между Японией и другими странами, что, безусловно, требует особого внимания японской общественности и проведения более грамотной международной политики на высшем уровне.

Литература

- Нагорнова А. Ю., Нагорнова С. Ю.* Проблема дискриминации иностранцев в Японии // Социальные проблемы современного общества и пути их решения: Коллективная монография / Отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск: Зебра, 2023. С. 81–89.
- Miyazaki R.* Migrant care workers and care-migration policies: a comparison between Italy and Japan // *Asia Europe Journal*. 2019. V. 17. P. 161–177. doi: 10.1007/s10308-018-0528-3.
- Morita L.* Some Manifestations of Japanese Exclusionism // *Sage Open*. 2015. V. 5 (3). P. 1–6. doi: 10.1177/2158244015600036.
- Nagy S.* From temporary migrant to integrated resident: Local government approaches to migrant integration in the Tokyo metropolis // *The German Journal on Contemporary Asia*. 2012. P. 115–136. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2126898.
- Park S.* Inventing aliens: immigration control, ‘xenophobia’ and racism in Japan // *Race & Class*. 2017. V. 58 (3). P. 64–80. doi: 10.1177/0306396816657719.
- Yamamura S.* Transnational migrants and the socio-spatial superdiversification of the global city Tokyo // *Urban Studies Journal Limited*. 2022. P. 1–22. URL: <https://www.researchgate.net/publication/363777272>.
- Zhang T.* Accounting for discrimination through categorization work: An examination of the target-of-discrimination group members’ practices // *Discourse & Society*. 2022. V. 33 (2). P. 264–286. doi: 10.1177/09579265221088161.

Socio-spatial isolation of non-Japanese (gaijins) in the Tokyo metropolitan area

*A. Yu. Nagornova**, *S. Yu. Nagornova***

** candidate of pedagogical sciences, associate professor, educational psychologist,
Tokyo Russian Educational Center "Globe", Tokyo, Japan, nagornova.ay@mail.ru*

*** student School of Social and International Studies, University of Tsukuba (筑波大学),
Tsukuba, Japan, s2218002@s.tsukuba.ac.jp*

Their existence in the Tokyo metropolis of foreigners reveals the phenomenon of their socio-spatial international trade. This phenomenon is a reflection of the cultural and historical development of Japan and the perceived self-awareness of the Japanese as a unique mononation that follows the awareness of the path. Socio-spatial isolation is the closest gathering of mass forums of foreigners in Japan and the open gathering of Japanese ethnic nationalism. Japan is one of the disease-stricken countries that does not have national legislation prohibiting racial discrimination.

Keywords: socio-spatial isolation, racial discrimination, national nationalism, self-isolation policy, non-Japanese (gaijins).

Теоретико-эмпирическая модель городской идентичности*

А. А. Озерина

кандидат психологических наук, ведущий эксперт Российской академии образования, доцент Волгоградского государственного медицинского университета, доцент Московского института психоанализа, Москва, Россия, ozerinskaya@andex.ru

Представлены обобщенные результаты теоретико-эмпирического исследования, направленного на разработку социально-психологической модели городской идентичности, включающей: структурные компоненты, модальность, статусы и факторы ее формирования. В публикации изложены представления автора о структуре городской идентичности, включающей когнитивный, эмоциональный, поведенческий и мотивационный компоненты. Определено содержание городской идентичности разной модальности (положительной, отрицательной, амбивалентной и нейтральной). Описаны предложенные Дж. Марсия ее статусы: мораторий, диффузная, псевдоидентичность и сформированная. Выделены социальные, визуально-пространственные, коммуникативно-пространственные, историко-культурные, психологические группы факторов.

Ключевые слова: городская идентичность, город, идентичность, компоненты городской идентичности, структура городской идентичности, статус идентичности, модальность идентичности.

Проблема городской идентичности приобретает актуальность в результате нарастания процессов урбанизации, необходимости маркетингового продвижения города, повышенного интереса к вопросу бренда и имиджа городов. При этом наблюдается недостаточная разработанность данного феномена с социально-психологической точки зрения. По мнению автора, необходим комплексный подход с учетом психологических, социальных, социологических и экономических составляющих, который позволит построить интегративную модель городской идентичности, прояснить содержание ее структурных компонентов и факторов, их обуславливающих.

Проведенное теоретико-эмпирическое исследование позволило построить модель городской идентичности, которая включает: статусы, модальность, компоненты и факторы. Посредством данной модели возможно изучение специфики городской идентичности жителей любого города, а главное — оказывать влияние на формирование ее позитивной направленности.

В данной работе городская идентичность понимается как внутриличностный конструкт, когда осмысление городской идентичности происходит через

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-413-340012.

переживание принадлежности личности определенному сообществу, привязанности к городу (Hocking et al., 2019).

Исследование проводилось в рамках интеграции междисциплинарного научного знания, прежде всего, социологического и психологического подходов к проблеме, что позволило выявить новые возможности методологического обоснования изучаемого феномена. В процессе сбора эмпирических данных использовали количественные и качественные методы, способы обработки полученных данных соответствовали выбранным методам. Выборку составили жители города Волгограда. Дополнительно, с целью сопоставления полученных данных, в исследование включили выборки респондентов, проживающих в городах Москва и Уфа (всего в исследовании приняло участие 450 чел.).

В нашей работе были использованы следующие качественные методы сбора эмпирических данных: метод свободных ассоциаций с использованием фотографий города Волгограда, метод сочинений по теме «Мой город», проективная рисуночная методика «Мой город Волгоград», «Незаконченные предложения» (авторская модификация), анализ медиаконтента социальных сетей по городской тематике. Количественные методы исследования подбирались с опорой на результаты, полученные с помощью качественного инструментария: методика М. Куна, Т. Макпартленда «Кто Я», архитектурный семантический дифференциал «Город» (Шемелина, Ванина, 2009), «Опросник идентичности с городом» в ее адаптированном варианте «Томский опросник идентичности с городом» (Литвина, Муравьева, 2018), а также авторский опросник городской идентичности, прошедший психометрическую проверку (Озерина, 2021). Для обработки эмпирических данных использовали методы математической статистики с применением программы SPSS: Т-критерий Стьюдента, однофакторный дисперсионный анализ, непараметрический критерий Манна–Уитни, корреляционный анализ, а также сетевой тематический анализ и контент-анализ.

Результаты исследования

Основные эмпирические результаты представлены в монографии автора «Городская идентичность: социально-психологический аспект исследования» (Озерина, 2021). Поскольку исследование проведено на выборке волгоградских жителей, то проиллюстрируем некоторые блоки предлагаемой нами модели городской идентичности с учетом особенностей того, как они раскрываются в условиях конкретного города. В частности, рассмотрим последовательно каждый из блоков предложенной нами модели.

Первый блок модели составили компоненты городской идентичности. В ходе эмпирического исследования было подтверждено, что городская идентичность включает четыре основных компонента: когнитивный, эмоциональный, мотивационный и поведенческий. Исследование показало, что все они связаны между собой, но какой-то из них может доминировать по выраженности показателей городской идентичности. Например, когнитивный и эмоциональный компоненты городской идентичности волгоградцев содержательно отличаются от аналогичных компонентов городской идентичности жителей Москвы и Уфы. Особенностью городской идентичности жителей Волгогра-

да является то, что наибольший вес в структуре имеют когнитивный и эмоциональный компоненты. Мотивационный и поведенческий являются менее сформированными, что отражается на низком уровне городской активности местного населения и желании сменить место жительства. Выявили, что когнитивный компонент городской идентичности волгоградцев строится в основном на образе «города-героя», признании уникальности города за счет его исторического военного прошлого, при этом значимым является потеря ими ориентира для формирования современного образа города. Эмоциональный компонент городской идентичности жителей представлен чувством гордости, проявлением патриотизма и родства, привязанности к городу, а также гнева и обиды, вызванных современным состоянием города и низкой оценкой возможностей самореализации в городе.

Второй блок разработанной модели городской идентичности – ее статусы. В результате исследования описано четыре статуса городской идентичности: мораторий, диффузная, псевдоидентичность и сформированная. Традиционно статусы идентичности отражают уровни ее сформированности. Они формируются по мере развития личности, включения ее в разные социальные группы и общности, но могут определяться процессами трансформации личности или условий жизни человека. Наше эмпирическое исследование показало, что статус сформированной городской идентичности более выражен в группе работающих респондентов (чем учащихся), имеющих недвижимость в пределах города, посещавших школу в Волгограде, имеющих семью и насыщенную событиями жизнь в рамках городского пространства.

Третий блок модели городской идентичности – модальность – отражает качество отношения человека к себе как к горожанину, к землякам и к городу. В работе было выделено четыре основных типа модальности городской идентичности: положительная, отрицательная, амбивалентная и нейтральная. Амбивалентная модальность проявилась в противоречивости, неустойчивости отношения респондентов к городу проживания. Нейтральная городская идентичность – в отсутствии какие-либо эмоциональных связей с городом с момента знакомства с ним, в том числе в связи с переездом, когда еще не сформированы представления, мотивы, отсутствуют какие-либо эмоциональные переживания. Положительная городская идентичность свидетельствовала о принятии личностью себя как жителя города, когда большинство компонентов идентичности сформированы и респонденту нравится быть жителем этого города, он доброжелательно относится к городскому сообществу, эмоционально привязан к нему. Отрицательная (негативная) идентичность свидетельствует о том, что она сформирована, но в большей степени имеет негативное содержание ее компонентов. В данном случае возможно активное проявление маргинализма (маргинальной идентичности), асоциального поведения. Важным дополнением является тот факт, что модальность может быть пересмотрена в определенные моменты жизни, в том числе под влиянием не только внутренних факторов, но и заданных внешних условий.

Четвертый блок авторской модели городской идентичности объединил факторы городской идентичности, которые опосредуют ее содержание. В частности, были выделены шесть групп факторов, определяющих формирование городской

идентичности: социальные, пространственные (территориально-пространственные, визуально-пространственные, коммуникативно-пространственные), психологические, историко-культурные. Все они были разделены на 3 уровня с точки зрения управляемости, т. е. потенциальной возможности воздействия на процесс формирования городской идентичности, а именно: мало управляемые, неуправляемые, не требующие управления (социальные и территориально-пространственные), потенциально управляемые (коммуникативно-пространственные и психологические) и управляемые (историко-культурные и визуально-пространственные). Данные факторы были эмпирически проверены, описаны, классифицированы по нескольким основаниям, а также определена их роль в формировании городской идентичности и содержательного наполнения ее компонентов на примере волгоградской выборки. В частности, показано, что доминирующими факторами, определяющими содержание городской идентичности волгоградцев, являются историко-культурные и коммуникативно-пространственные факторы. То есть образ города и отношение к нему волгоградцев, принимавших участие в исследовании, в большей степени обусловлены памятью горожан об историческом прошлом города, пониманием его уникальности, а также спецификой построения коммуникативных связей в городе (налаженные межличностные связи, наполненная семейная жизнь, наличие опыта воспитания и образования в городских учреждениях, благоприятный опыт взаимодействия с местными жителями, свершение значимых жизненных событий).

Заключение

Приведенные результаты эмпирического исследования позволили содержательно раскрыть социально-психологическую модель городской идентичности, интегрирующую: компоненты, статусы, модальности и факторы городской идентичности. Данная модель была разработана в ходе теоретического исследования и эмпирически апробирована. В процессе работы было расширено социально-психологическое знание о факторах формирования городской идентичности, что принципиально важно для понимания основных механизмов, детерминант и условий, в которых происходит становление изучаемого феномена. С точки зрения практического применения разработанной модели, следует указать на ее возможности в направлении организации условий для формирования положительной городской идентичности, активизации просоциального поведения горожан, обеспечения положительной миграции населения, благоприятного имиджа города.

Дальнейшие перспективы исследования заключаются в возможностях уточнения особенностей данной модели на примере городов с разной плотностью проживания населения — от мегаполисов до малочисленных населенных пунктов.

Литература

Литвина С. А., Муравьева О. И. Опросник идентичности с городом: разработка, валидизация, проверка надежности // *Science for Education Today*. 2018. Т. 8. № 1. С. 73–91.

Озерина А. А. Городская идентичность: социально-психологический аспект исследования: Монография. Волгоград: Сфера, 2021.

Шемелина О. С., Ванина О. Е. Аспекты психологического восприятия современной городской среды // Ценности и смыслы. 2009. № 1. С. 72–89.

Hocking B., Sturgeon B., Dixon J., Jarman, N., Bryan D., Huck J., Whyatt D., Davies G. Place-identity and urban policy: Sharing leisure spaces in the “post-conflict” city // Discourses of Identity in Liminal Places and Spaces. 2019. P. 166.

Theoretical and empirical model of urban identity

A. A. Ozerina

candidate of psychological sciences, leading expert of the Russian Academy of Education, associate professor of the Volgograd State Medical University, associate professor of the Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, ozerinskaya@andex.ru

The article contains generalized results of theoretical and empirical research. It was held for three years. The main result is the creation of a socio-psychological model of urban identity. It includes the following blocks: structural components, modality, statuses and factors of its formation. The authors characterized the structural model of urban identity, which consists of cognitive, emotional, behavioral and motivational components. They determined the content of the modalities of urban identity (positive, negative, ambivalent and neutral). They described the proposed J. Marcia, statuses: moratorium, diffuse, pseudo-identity and formed. The authors identified social, visual-spatial, communicative-spatial, historical-cultural, psychological groups of factors.

Keywords: urban identity, city, identity, components of urban identity, urban identity structure, identity status, identity modality.

Установки о городе омских студентов: приверженность, привязанность, миграция*

*Ю. В. Потапова**, *А. Ю. Маленова***, *А. А. Маленов****, *А. К. Потапов*****

* кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», г. Омск, Россия, kardova.jv@gmail.com

** кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», г. Омск, Россия, malyonova@mail.ru

*** кандидат психологических наук, заведующий учебно-научной лабораторией, ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», г. Омск, Россия, malyonov@mail.ru

**** кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии, ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», г. Омск, Россия, poalexk2187@yandex.ru

Исследуется связь приверженности городу и привязанности к нему с миграционными установками омичей студенческого возраста, а также сравнение уровня приверженности городу омичей с разными миграционными намерениями. В исследовании применяются методы тестирования и анкетирования, методики: «Шкала миграционных установок личности» С. А. Кузнецовой, И. Ю. Кузнецова, А. В. Фещенко; «Опросник привязанности к дому» С. И. Резниченко, С. К. Нартовой-Бочавер, В. Б. Кузнецовой в адаптации А. Ю. Маленовой, Ю. В. Потаповой («Опросник привязанности к городу»); «Опросник приверженности городу» Ю. В. Потаповой, А. Ю. Маленовой, А. А. Маленова. Полученные результаты свидетельствуют о прямой связи между привязанностью городу и приверженностью ему, об обратной корреляции между вышеозначенными конструктами и миграционными установками молодежи. Также выявлен значимо более низкий уровень приверженности городу у молодежи с выраженными миграционными намерениями.

Ключевые слова: социальные установки, приверженность городу, привязанность к городу, установки о городе, миграционные установки, миграционные намерения, студенты, Омский регион.

В последнее время вопрос межрегиональной миграции встает все чаще, привлекая внимание специалистов разного профиля. Особую остроту он принимает

* Исследование выполнено за счет гранта № 22-28-20375 Российского научного фонда, гранта в форме субсидии, предоставленного из бюджета Омской области, Соглашение № 23-с.

для регионов, ежегодно теряющих свой демографический потенциал — экономический, интеллектуальный, репродуктивный, образовательный. В связи с этим возрастает настоятельная потребность в поиске факторов, оказывающих непосредственное и опосредованное влияние на миграционные риски.

К числу объективных причин миграции можно отнести конкретные признаки региона, привлекательные для проживания в нем: более развитая экономическая структура, значительные показатели валового регионального продукта, высокая заработная плата, улучшенные условия жизни, более мягкий климат, подходящие территориальные и природные условия, поддерживаемый индивидом характер общественных отношений в конкретном населенном пункте (Будилов, 2020; Калижников и др., 2021). Дополнительным фактором для молодежи выступает возможность удовлетворения потребностей в качественном образовании и трудоустройстве. В связи с чем пики региональной миграции приходится на конкретные возрастные периоды: ранняя юность (переезд для поступления в вуз) и ранняя зрелость (поиск подходящей работы) (Габдрахманов и др., 2019).

Несмотря на то, что субъективные факторы миграционной активности молодежи весьма разнообразны и, возможно, менее конкурентоспособны по отношению к объективным, прежде всего экономическим, их недооценка мешает обнаружению дополнительных механизмов управления миграционными процессами на фоне того, что экономическая составляющая менее подвижна, чем, например, психологическая. Также в исследованиях можно обнаружить идею о том, что экономический фактор чаще выступает «выталкивающим», тогда как «неэкономический» — сдерживающим миграцию (Скрипник, 2010).

Поскольку «город — это не только географическое, экономическое или социально-демографическое явление... но и важнейший объект психологических исследований, прежде всего, как фактор личностного развития и психологического благополучия конкретного человека» (Микляева, Румянцева, 2011, с. 15), мы полагаем, что отношение к нему выступает одним из возможных предикторов миграционных намерений и установок молодежи.

Осознавая, что отношение человека к месту проживания может выступать предпосылкой как усиления, так и ослабления миграционной мобильности, наша задача — обнаружить сдерживающие факторы, потенциально выступающие основанием для дальнейшей социально-психологической работы с молодежью. В рамках данной работы мы остановимся на анализе привязанности к городу, приверженности, миграционных установках и намерениях молодежи.

В общем смысле, привязанность к месту (страна, город, район, дом) — это положительная эмоциональная связь, установившаяся между человеком и его средой обитания. Данный феномен может быть проанализирован на нескольких уровнях через отношение с сообществом и природой, систему личностных смыслов, значимость конкретной территории, культуру и систему ценностей, связь с принятием места (Резниченко, 2014). В определенной степени привязанность к городу может выступать эмоциональным основанием приверженности ему, понимаемой нами как особая форма ценностного отношения личности к своему месту проживания, другим жителям, характеризующейся принятием, желанием оставаться в городе, эмоциональным расположением и иденти-

фикацией с ним, вовлеченностью в жизнь города и стремлением реализовать в нем свой потенциал.

В свою очередь, привязанность и приверженность городу могут отражаться в миграционных установках и намерениях субъекта. Миграционные установки как разновидность социальных заключают в себе «психологическое переживание индивидом ценности, значения, смысла социального объекта» (Андреева, 2006, с. 282), в качестве которого в данном случае может выступать как текущее, так и потенциальное место проживания из-за полиобъектного характера феномена (Кузнецова и др., 2014). При этом миграционные установки имеют и признак полисубъектности — зависимость от мнения ближайшего социального окружения, их установок и намерений (там же), что особенно проявляется в юношеском возрасте, когда собственное мировоззрение активно формируется. Миграционные установки вполне могут перейти в статус намерений, более вероятно предсказывающих «потенциал миграционного оттока посредством не только индивидуальных миграционных планов, но и склонности выбирать миграционную стратегию» (Рочева, Варшава, 2020, с. 324), опосредуя связь между потенциальным и реальным миграционным поведением.

Организация и методы исследования

Задачи исследования

- Оценить уровень привязанности и приверженности городу, определить взаимосвязь между ними у омской молодежи.
- Изучить выраженность миграционных установок и намерений студентов, а также их связь с привязанностью к городу и приверженности ему.
- Сравнить уровень привязанности и приверженности городу у студентов с разными миграционными намерениями.

В исследовании приняли участие студенты омских вузов, N=133 (средний возраст — 20,67±2,91 года).

Методами выступили анкетирование (для оценки миграционных намерений) и тестирование. Методический комплекс составили:

- «Шкала миграционных установок личности» С. А. Кузнецовой, И. Ю. Кузнецова, А. В. Фещенко (Кузнецова и др., 2014).
- «Опросник привязанности к дому» С. И. Резниченко, С. К. Нартовой-Бочавер, В. Б. Кузнецовой (Резниченко и др., 2016) в адаптации А. Ю. Маленовой, Ю. В. Потаповой («Опросник привязанности к городу»).
- «Опросник приверженности городу» Ю. В. Потаповой, А. Ю. Маленовой, А. А. Маленова. Инструмент прошел процедуру проверки надежности и валидности в 2023 г. и направлен на измерение следующих конструктов: аффективная приверженность — эмоциональная оценка города, любовь к нему; инерционная приверженность — когнитивная оценка бенефитов, которые город предоставляет своим жителям, условий для самореализации в нем; идентификация с городом — степень принятия города как родины, психологические комфорт и безопасность территории. В опроснике исполь-

зуется шкала Ликерта, состоящая из 5 градаций: 1 – совершенно не согласен, 2 – скорее не согласен, 3 – нечто среднее, 4 – скорее согласен, 5 – полностью согласен (в случае с обратными вопросами шкала инвертируется).

Методы математической статистики: первичные описательные статистики (среднее арифметическое, стандартное отклонение, асимметрия и эксцесс), критерий корреляции Пирсона, однофакторный дисперсионный анализ.

Представление и обсуждение результатов исследования

При оценке привязанности к городу и приверженности ему (диапазон значений – от 1 до 5 баллов) выявлен средний уровень привязанности ($M=2,79\pm 0,88$), наиболее выраженной шкалой приверженности (при отрицательной асимметрии во всех шкалах) оказалась идентификация с городом ($M=3,59\pm 0,88$; $A_s=-0,5$), чуть менее выраженной – аффективная приверженность ($M=3,51\pm 0,81$; $A_s=-0,36$) и слабее прочих студентами оценена инерционная приверженность ($M=2,97\pm 0,85$; $A_s=-0,14$). То есть по всем шкалам значения, скорее, приближались к положительному полюсу, особенно ярко это выражено в случае аффективной приверженности. Оценка эксцесса была положительной в случае с аффективной приверженностью ($E=0,063$), что отражает большую согласованность в оценках этого параметра в выборке, и отрицательной в случае с инерционной приверженности ($E=-0,34$) и идентификации с городом ($E=-0,28$). Это свидетельствует о большем (хотя и незначительно) «разбросе» данных, менее согласованной оценке данных критериев опрошенными студентами. Обобщая, можно резюмировать, что в большинстве случаев студенты любят свой город, но при этом по-разному оценивают идентификацию с Омском и его возможности для своей самореализации.

Были найдены положительные корреляции привязанности к городу с аффективной ($r=0,69$, $p<0,001$) и инерционной приверженностью ($r=0,65$, $p<0,001$), а также идентификацией с городом ($r=0,56$, $p<0,001$). Вероятно, привязанность к городу связана, скорее, с его эмоциональной и когнитивной оценкой и в меньшей степени коррелирует с идентификацией. Последняя, возможно, подразумевает не только оценку города как внешнего для человека явления, но и соотнесение его с собственной личностью, формированием глубоких связей с ним, тогда как опросник привязанности городу в полной мере не затрагивает эти параметры, концентрируясь на изучении привлекательных сторон места жительства.

Среди миграционных установок студентов самым высоким было значение установок близких о миграции респондента ($M=4,1\pm 1,1$ при возможном диапазоне значений от 1 до 7 баллов), затем – собственных миграционных установок ($M=3,99\pm 0,85$) и миграционных установок близких ($M=3,92\pm 0,73$). Принимая во внимание, что установки близких изучены не непосредственно, а через оценку респондентами, можно предположить следующее: студенты считают, что их близкие (полагаем, что это семья, старшие родственники) хотят, чтобы сами молодые люди мигрировали (порой даже сильнее, чем этого хочет сама молодежь), но сами не стремятся уезжать из города. Таким образом, важным

«выталкивающим» фактором для юношей и девушек являются представления родных о миграции как практически необходимом жизненном этапе.

Миграционные намерения как уровень сформированности миграционной установки оценивались у студентов по шкале ответов на вопрос о возможной миграции. Распределение ответов получилось следующим: «Никогда (или крайне редко) задумываюсь о миграции из города» – 21 респондент (15,8%), «Иногда думаю о переезде, но не предпринимаю пока активных действий» – 71 (53,4%), «Активно готовлюсь к переезду (ищу информацию, работу/жилье в другом городе)» – 34 (25,6%), «Готов к переезду, знаю точные его сроки» – 7 (5,3%). Таким образом, больше половины опрошенных пока не совершают активных действий, направленных на миграцию, четверть настроилась уезжать и, скорее всего, сделает это, и лишь совсем небольшой процент точно уедет, поскольку они знают конкретные сроки воплощения этих планов. Следует отметить, что среди ответивших таким образом было трое учащихся 4 курса (выпускников), поэтому в тенденции молодые люди, имеющие менее категоричные миграционные намерения, с ходом взросления они могут их поменять, точнее определившись с направлением своей карьеры ближе к окончанию вуза.

С миграционными установками студентов приверженность городу оказалась связана отрицательно. Все корреляции имели высокий уровень значимости, но наиболее сильные наблюдались у собственных миграционных установок с инерционной приверженностью ($r=-0,76$, $p\leq 0,001$) и идентификацией с городом ($r=-0,69$, $p\leq 0,001$), аффективной приверженностью ($r=-0,58$, $p\leq 0,001$), для миграционных установок близких с инерционной приверженностью ($r=-0,60$, $p\leq 0,001$) и идентификацией с городом ($r=-0,61$, $p\leq 0,001$). Это значит, что как собственное стремление переехать из города, так и оценка этого желания студентами у близких связаны с параметрами приверженности городу. В первую очередь, это справедливо для инерционной приверженности, которая показывает, какие именно возможности для самореализации присутствуют в том или ином населенном пункте. То есть молодые люди, думая о миграции, прежде всего делают выбор «головой, а не сердцем» – оценивают объективные характеристики, оставляя за скобками свою любовь к городу, его жителям, локальный патриотизм.

Привязанность к городу также отрицательно связана с собственными миграционными установками ($r=-0,63$, $p\leq 0,001$), миграционными установками близких ($r=-0,49$, $p\leq 0,001$) и установками близких о миграции респондентов ($r=-0,42$, $p\leq 0,001$). Полученные результаты позволяют предположить, что привязанность к городу особенно важна для предпосылок, которые формируются у самих респондентов, а остальные шкалы, поскольку они имеют опосредованный характер, демонстрируют менее выраженные корреляции.

Сравнивая отношение к городу у студентов с разными миграционными намерениями, мы получили вполне предсказуемые результаты: у респондентов, имеющих более определенные и выраженные намерения переехать из города, значимо слабее выражена инерционная приверженность ($F=10,55$, $p\leq 0,001$) и идентификация с городом ($F=5,8$, $p\leq 0,001$). Не было обнаружено значимых различий по шкале аффективной приверженности городу, что соответствует ситуации, когда человек любит определенный город, но покидает его, потому

что он не дает в полной мере реализовать свой творческий и карьерный потенциал. Следует отметить, что на ранних этапах нашего исследования, проводя интервью с молодыми людьми, покинувшими Омск, мы наблюдали у большинства из них ностальгические настроения и позитивное отношение к городу как месту, где прошли их детство и юность, но при этом однозначную уверенность в том, что реализоваться в профессиональном плане они смогли бы только в других регионах.

Заключение

Полученные результаты позволяют сформулировать ряд выводов и сделать некоторые прогнозы.

1. Оценка Омска студентами, скорее, позитивная, больше согласованности присутствует в аффективном ее блоке, чем в когнитивном. Приверженность городу у учащейся молодежи выражена также выше среднего. Вместе с тем средний уровень и у миграционных установок (хотя он ниже уровня сформированности миграционных намерений), причем установки самих студентов уступают представлениям их близких о необходимости миграции молодых людей.
2. Существуют значимые положительные корреляции между шкалами приверженности городу и привязанностью к нему. При этом оба конструкта значимо отрицательно связаны с миграционными установками студенческой молодежи.
3. Инерционная приверженность и идентификация с городом значимо отличаются у омских студентов с разной выраженностью миграционных намерений: чем более определенным является желание переехать, тем слабее эти параметры.
4. Аффективную приверженность нельзя считать достаточным основанием для удержания молодого человека от миграции из конкретного региона. Следовательно, мероприятия, направленные на поддержание имиджа города, в данном случае Омска, должны опираться в основном на рациональные способы воздействия на молодежь и лишь дополняться обращением к эмоциональной сфере личности.

Литература

- Андреева Г. М.* Социальная психология: Учебник. М.: Аспект-Пресс, 2006.
- Будилов А. П.* Факторы внутренней миграции в России // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Экономика и менеджмент». 2020. Т. 14. № 2. С. 187–190.
- Габдрахманов Н. К., Никифорова Н. Ю., Лешуков О. В.* «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России. М.: НИУ ВШЭ, 2019.
- Калижников Ю. А., Примаков Е. В., Рязанцев А. А.* Факторы и масштабы внутренней миграции в РФ // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 12 (64). С. 359–372.
- Кузнецова С. А., Кузнецов И. Ю., Фещенко А. В.* Разработка шкалы миграционных установок личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Психология и педагогика». 2014. № 1. С. 83–90.

- Микляева А. В., Румянцева П. В.* Городская идентичность жителя современного мегаполиса. Ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? М.: Речь, 2011.
- Резниченко С. И., Нартова-Бочавер С. К., Кузнецова В. Б.* Метод оценки привязанности к дому // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 3. С. 498–518.
- Резниченко С. И.* Привязанность к месту и чувство места: модели и феномены // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 3. С. 15–27.
- Рочева А. Л., Варшавер Е. А.* Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 295–334.
- Скрипник Е. О.* Миграционные намерения городского населения Хабаровского края // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 42–57.

Attitudes about the city of Omsk students: commitment, attachment, migration

*Yu. V. Potapova**, *A. Yu. Malenova***, *A. A. Malenov****, *A. K. Potapov*****

* *PhD in psychology, associate professor, Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, kardova.jv@gmail.com*

***PhD in psychology, associate professor, Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, malyonova@mail.ru*

*** *PhD in psychology, head of the educational and scientific laboratory, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, malyonov@mail.ru*

**** *PhD in history, associate professor, Department of Russian History, Sociology and Political Science, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, poalexk2187@yandex.ru*

The relationship between commitment to the city and attachment to it with the migration attitudes of Omsk students of student age is investigated, and a comparison is made of the level of commitment to the city of Omsk with different migration intentions. The study uses the following methods of testing and questioning: “Scale of migratory attitudes of personality” by S. A. Kuznetsova, I. Yu. Kuznetsova, A. V. Feshchenko; “Home Attachment Questionnaire” by S. I. Reznichenko, S. K. Nartova-Bochaver, V. B. Kuznetsova, adapted by A. Yu. Malenova, Yu. V. Potapova (“Questionnaire attachment to the city”); “City Commitment Questionnaire” by Yu. V. Potapova, A. Yu. Malenova, A. A. Malenova. The results obtained indicate a direct relationship between attachment to the city and commitment to it, an inverse correlation between the above constructs and the migration attitudes of young people. A significantly lower level of commitment to the city was also revealed among young people with pronounced migration intentions.

Keywords: social attitudes, commitment to the city, attachment to the city, attitudes about the city, migration attitudes, migration intentions, students, Omsk region.

**ПСИХОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ**

Аксиологические аспекты в системном изучении информационно-психологических войн*

А. А. Гостев

доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник,
ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия, aagos06@rambler.ru

В рамках глобальной историко-политической психологии рассматривается проблема системного изучения современных информационно-психологических войн. Данное понятие рассматривается как общее по отношению к другим понятиям (например, «ментальные войны», «когнитивные войны», «психоисторические войны»), содержащим общую идею деструкции человека, социальной группы, общества, страны организованными информационными воздействиями. Представлены фрагменты теоретической модели исследования. Задаются, в частности, контуры многоуровневости структуры и функционирования субъект-объектных взаимоотношений противоборствующих сторон с конкретизацией их ролей (например, «жертва», «агрессор»), оценкой статуса, эффективности. Подчеркивается задача обобщения феноменологии, выявления закономерностей. Многоуровневость информационно-психологических войн на основе субъект-объектных взаимоотношений детализируется аксиологическими уровнями: концептуальным, идеолого-мировоззренческим, духовно-нравственно-религиозным, метаисторическим. Их изучение рассматривается как главное в понимании информационно-психологических войн. Формулируются другие задачи системного изучения проблемы.

Ключевые слова: глобальная историко-политическая психология, информационно-психологические войны, аксиология, духовность, нравственность, идеология.

Введение

Кардинальные изменения человечества резко повысили актуальность осмысления закономерностей и механизмов информационно-психологических (ИП) отношений субъектов глобальной трансформации. Можно с полным основанием говорить об «*информационно-психологических войнах*» (ИПВ), считая этот термин более общим относительно других («информационные войны», «психовойны», «ментальные войны», «когнитивные войны», «организационные войны», «психоисторические и цивилизационные войны» (Аверьянов, 2020; Гостев, 2020; Кефели, 2020; Панарин, 2006).

* Работа выполнена по Госзаданию № 0138-2022-000.

Проблематика статьи продолжает реализацию научных интересов автора данной статьи (Гостев, 2017, 2020). Формируется (в развитии общего научного направления в Институте психологии РАН; см., например: Журавлев и др., 2017; Ковалева, Журавлев, 2018; Соснин, Китова и др., 2020) *глобальная историко-политическая психология*. Она строится на основе объединения исторической, политической, социальной психологии, психологии личности, психологии духовно-нравственной сферы, психологии религии в их осмыслении психологической составляющей процессов глобальной трансформации. Подобный интегративный подход предполагает свое максимально тесное соотношение с изучением глобальной трансформации в рамках политологии, социологии, культурологии, философии, других гуманитарных наук.

Высокая разноплановая междисциплинарность глобальной историко-политической психологии помогает изучать ИПВ как *систему* (СИПВ) – многомерную и многоуровневую структуру из конфликтующих, нейтральных или поддерживающих друг друга элементов относительно определенных идей/проектов в ходе трансформации человечества. СИПВ рассматривается как: а) система, имеющая свою феноменологию и закономерности на различных уровнях и относительно элементов; б) часть глобального информационного поля в его психоманипулятивном потенциале; в) взаимодействующую с процессами глобальной трансформации. Глобальная историко-политическая психология призвана отразить многогранность СИПВ, рассматривая ее содержание в разных системах измерений не только с позиции внутри психологической междисциплинарности, но и через осмысление ИПВ гуманитарным знанием, включая вненаучные его формы. СИПВ обладает поливариантным функционированием глобального характера с его проекциями на страны, макрорегионы, национально-культурные миры.

Изучение СИПВ предполагает построение теоретической модели на основе осмысления феноменологии, закономерностей ИП-процессов по всем уровням ее организации в соответствие с социо-политико-экономической детерминацией. В статье представлены некоторые фрагменты СИПВ-описания.

Некоторые контуры СИПВ-модели

Основа изучения содержания СИПВ закладывается выделением *многообразия ИП-взаимоотношений* участвующих в ИПВ акторов, с анализом-синтезом феноменологии и закономерностей ИП-функционирования. Во взаимодействии субъектов и объектов в ИПВ необходимо, например, учитывать интенсивность и равноценность борьбы, занимаемой ими роли (относительно доминирования, статуса, успешности в противостоянии, т. е. позиции обороняющегося или атакующего). До февраля 2022 г. не приходится говорить о российском ИП-противодействии в ответ на успешное влияние либерального ультраглобализма на постсоветского человека (с началом перестройки всё «западное» и антисоветское принималось в стране «на ура» – не только на уровне официальной политики, но и значительной частью общества). Оставляет желать лучшего противостояние западным ИП-атакам и после февраля 2022 г. Поэтому

СИПВ призвана объяснять многообразие отношений участников борьбы в связи, в частности, с: а) ролями «агрессора», «жертвы», «посредника-миротворца» и др.; б) действиями, вытекающими из этих ролей; в) геополитическими целями и соответствующими им финансово-экономическими интересами.

Конкретизируем субъект-объектные отношения в СИПВ. Они могут быть следующими:

- а) взаимодействия противников – паритетные или ассиметричные по активности, эффективности, особенностям ИП-борьбы (объект атаки, например, может по-разному защищаться);
- б) пассивное противостояние различных видов;
- в) варианты взаимоподдержки ИП-союзников;
- г) нейтральная позиция (псевдонейтральная с непубличной поддержкой сторон; выжидательный нейтралитет и пр.);
- д) роль посредника-миротворца – реального или играющего данную роль.

СИПВ предполагает осмысление ИП-средств в реализации указанных позиций.

К базовым элементам содержания СИПВ относится *многоуровневость* ИП-взаимоотношений. Выделим их основных субъектов-акторов.

- Конкретные люди, имеющие различное по масштабу влияние на социально-политическую жизнь общества, на науку и искусство. В принципе любой человек оказывает влияние на мироздание (на ноосферу). Об этом обобщенно говорит философский и религиозный опыт человечества. Но большее влияние имеют представители элиты на национально-государственном, макрорегиональном и общемировом уровнях. Большое влияние имеют национальные лидеры во властных структурах или авторитеты в различных сферах социальной жизни. Особый вес имеют любые лидеры общемирового уровня.
- Социальные группы и политические структуры конкретного общества/страны.
- Государства в плане своей геополитико-экономической субъектности.
- Международные организации, Фонды, другие структуры со своими представительствами и влиянием в различных странах.
- Транснациональные корпорации.
- Публичные и непубличные многоуровневые транс/наднациональные структуры – по различным основаниям и содержанию с разным влиянием на процессы глобальной трансформации. Изучение СИПВ невозможно без учета многоплановой борьбы наднациональных структур глобального контроля/управления с *реальным* и *мнимым* (компрадорским по содержанию) суверенитетом государств, а также с сопротивлением возникающего многополярного мира. Важно учитывать противоречия интересов элит: а) неоднородных и соперничающих наднациональных; б) национально-компрадорских; в) национально-антиглобалистских.
- Формирующаяся интегративная структура глобального контроля/влияния/управления (часто называемая и на экспертном уровне, и обыденным сознанием «мировым правительством»).

Отметим, что непубличные структуры глобальной власти, хорошо описываемые известным историком и политологом А. И. Фурсовым, могут быть отнесены к ценному материалу для глобальной историко-политической психологии.

Рассмотрение СИПВ предполагает раскрытие деятельности ИПВ-субъектов относительно специфики «боевых действий», отражаемой определенной терминологией, например, в связи с отличием войн «когнитивных» и «ментальных» (Ильницкий, 2015).

В связи с осмыслением многоуровневости СИПВ укажем также на то, что возрастание масштаба влияния субъектов глобальной трансформации на происходящее в мире, в частности, их ИП-возможностей по продвижению и защите своих проектов/целей ставит задачу раскрытия особенностей взаимодействия и автономии элементов СИПВ. В этой связи интерес представляет изучение соотношения конкретных тактических ИП-операций и стратегических планов ИПВ-акторов.

Аксиология СИПВ

Рассмотрение многоуровневости СИПВ невозможно вне изучения богатства ее аксиологических оснований. Достаточно отметить, что взаимоотношения ИПВ-акторов происходят именно с учетом *аксиологических уровней*.

Роль ценностных ориентаций и духовно-нравственных представлений участников ИПВ проглядывается уже на исходном феноменологическом уровне атак различного рода дезинформацией и защитой от них (в связи с состоянием духовно-нравственной сферы, помогающей отличать ложь). Эта роль становится очевидной на *концептуальном уровне «битвы взаимных интерпретаций»* событий прошлого, настоящего и будущего в определенных контекстах, с опорой на политические, экономические, философские понятия, на различные концепции человекознания и психологические теории.

Особым объектом атак-интерпретаций выступает *историческая коллективная культура-генетическая память* (Гостев, 2017), включающая глубинные социокультурные матрицы/коды — ключи к пониманию уникальных культурных особенностей исторического субъекта, передающихся сквозь поколения. Отметим, что историческое сознание в целом формируется интерпретациями прошлого с позиции образов настоящего и прогнозов будущего. И эти «сквозьвременные» представления становятся участниками ИПВ. Поэтому при осмыслении их роли в СИПВ важно рассмотрение взаимодействия представлений акторов об историческом опыте каждого, особенно о духовно-нравственных и религиозных традициях — о локальных национально-культурных архетипах с их трансформациями. Такие образы на основе исторической памяти могут напоминать, например, о слабостях противников в виде «национальных комплексов», исторических обид, геополитических фантазий и т. п.

Идеолого-мировоззренческий СИПВ-уровень более предметно фокусируется на высших смыслах/ценностях человеческого бытия. Их учет помогает противникам получать ориентиры в борьбе.

Поскольку в сознании людей присутствует «экзотичное» сочетание элементов идеологий, мировоззрений, «туманного мироощущения», абстракт-

ных представлений о «духовном», «этическом», будем говорить о *псевдоедином субъективном идеолого-мировоззренческом содержании* в картине мира у человека. Идеолого-мировоззренческая эклектика существует и на уровне группового сознания.

Идеолого-мировоззренческие представления имеют свою многоуровневую архитектуру, расширяя многоуровневое рассмотрение СИПВ.

Существуют *базовые идеологии*, задающие главные особенности отношения между людьми, между человеком и обществом, отношения людей к человечеству, к мирозданию, высшей реальности и т.д. Иллюстрациями выступают, например, мировые религии, «марксизм», «либерализм»; сегодня на базовую идеологию претендует «трансгуманизм».

Отражение базовых идеолого-мировоззренческих систем историческими субъектами имеют свою специфику, которая детерминирована их национально-культурными особенностями.

На этом уровне имеется свой подуровень/«призма» — аксиология *традициональности, модернизма, постмодернизма, метамодернизма* (при доминировании одной из них или в определенном сочетании друг с другом).

В качестве подуровня, выделяемого уже в этих аксиологических подсистемах, предложим оценку особенностей *образа будущего человечества* с соответствующими представлениями о борьбе за него.

Четырехуровневый аксиологический СИПВ-компонент раскрывается проблематикой *«цивилизационных войн»*, в которых осмысливается взаимодействие и столкновение глубинных аксиологических систем, детерминированных национально-культурными особенностями субъектов истории. В цивилизационных войнах используется знание о *функционировании базовых идеолого-мировоззренческих систем в жизни государств/социумов/макрорегионов/этнокультурных структур*. Иллюстративно, например, «воплощение марксизма на местах», искажения классического либерализма. В связи с кризисом классической демократии отметим продвижение в общественное сознание ценностей социальной иерархии. Так, жанр «фэнтези» в литературе, кино-видео-продукции и компьютерных играх рисует сказочно-магический мир иерархии власти, стратифицированного социума.

Огромным ресурсом понимания проблемы обладает *метаисторический СИПВ-фактор* (Гостев, Кольцова, 2017), ориентирующий исследователя на учет *вселенского уровня детерминации исторического процесса*, на осмысление того, что философия, богословие говорят о судьбах и предназначении «исторического субъекта».

Заключение: перспективы построения теоретической модели исследований

Сделаем ряд обобщений и дополнений, а также наметим перспективные задачи исследования.

1. Аксиологические аспекты в изучении СИПВ являются актуальной теоретической и практической проблемой глобальной историко-политической психологии. В частности, поскольку деятельность ИПВ-акторов необходимо рассматривать в зависимости от национально-культурного, идеолого-

мировозренческого контекста, от статуса и масштаба субъектов влияния на процессы глобальной трансформации, необходимо привлечение данных истории психологии и исторической психологии. Эти знания позволяют понимать, как изменялись представления об ИПВ. Отметим актуальный вопрос о влиянии на современную геополитику исторического опыта цивилизационного противостояния или, наоборот, взаимоподдержки субъектов истории.

2. Изучение аксиологии СИПВ является необходимым в осмыслении психологических аспектов глобальной трансформации. Значение аксиологии в СИПВ возрастает по мере увеличения потенциала ее конфликтности, в частности, относительно гибридных войн, прокси-войн, «горячих боевых противостояний».
3. СИПВ-аксиология помогает понимать механизмы использования частных формы ИП-взаимодействия на уровне массовидных явлений, например: слухов, «информационных уток», инсайдерской информации (сконструированной или являющейся «утечками» истинной информации) и пр.
4. Более глубокое осмысление СИПВ-аксиологии необходимо для понимания борьбы за: а) доминирование в философско-мировозренческом противостоянии акторов глобальной трансформации; б) стратегическую инициативу и эффективность в разрушении общественных и государственных структур противника; в) уничтожение его морали, национальной культуры, исторических традиций.
5. СИПВ предполагают понимание зависимости своих элементов от своей целостности и рассмотрение их во множестве внешних и внутренних отношений (особенно социально-политического и экономического характера). СИПВ-акторы, например, различаясь по содержанию, функционированию, по масштабу и силе ИП-влияния, остаются в своей специфике и относительной автономности СИПВ-элементами с собственными причинно-следственными связями и детерминацией. Зависимость ИП-действий от СИПВ должна учитываться и в том, что любые из них, например, исследование создания и функционирования деер-фэйков, интерпретации информационных сообщений, учет степени адекватности содержания пропаганды и т. д., дают лишь «срезы» понимания ИПВ, и эти элементы предполагают свое осмысление в рамках СИПВ как целого.
6. Аспектом многоплановости в осмыслении СИПВ является множественность контекстов ее существования, что предполагает изучение роли информационно-психологического фона, через который преломляются ИП-воздействия. Например, это возросшая сложность глобальных противоречий, усиление пессимизма относительно будущего, страх обвинений в конспирологичности «картины мира», тенденции к унификации и дебилизации человека и пр.
7. Укажем на задачу раскрытия взаимоотношений СИПВ с «невоенными» видами ИП-противостояния.
8. Особое значение приобретает рассмотрение СИПВ относительно жизнедеятельности человечества и проявления в нем вселенских процессов. Это положение можно понимать как более общий принцип относительно реа-

лизации полисистемности человеческого бытия, по Б. Ф. Ломову. Поэтому главное в построении СИПВ-модели — нахождение основного «поля сражений». А таковым является борьба «землян» мирными средствами за свое единое совместное светлое будущее.

Литература

- Аверьянов В. В.* Цивилизация Потопа и мировая гибридная война. М.: Алгоритм, 2020.
- Гостев А. А.* Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Гостев А. А.* Психологические и духовно-нравственные проблемы современного человека: риски-угрозы-вызовы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т. 5. № 4 (20). 2020. С. 35–66. URL: <http://soc-econompsychology.ru/engine/documents/document862.pdf> (дата обращения: 04.02.2023).
- Гостев А. А., Кольцова В. А.* Метаисторические аспекты исторической психологии: новые грани в изучении менталитета // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 194–204.
- Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Ковалева Ю. В., Смирнов А. А.* Психологические факторы развития геополитических отношений: субъекты, механизмы, тенденции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Ильницкий А. М.* Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 3. С. 19–33.
- Кефели И. Ф.* Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020.
- Ковалева Ю. В., Журавлев А. Л.* Глобальная психология в условиях современных глобальных вызовов // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 1830–1838.
- Ковалева Ю. В., Соснин В. А.* Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 1. № 3. С. 83–110. URL: <http://soc-econompsychology.ru/engine/documents/document317> (дата обращения: 04.02.2023).
- Панарин И. Н.* Информационная война и геополитика. М.: ИД «Поколение», 2006.

Axiological aspects in information and psychological wars systematic study

A. A. Gostev

ScD (Psychology), leading research officer, Federal State Financed Establishment of Science Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, aagos06@rambler.ru

Within the framework of global historical and political psychology, the problem of systematic study of modern information and psychological wars is considered. This concept is considered as general in relation to other concepts (for example, “mental wars”, “cognitive wars”, “psychohistorical wars”) containing general idea of destruction of a human being, social group, society, country by organized informational influences. Some

fragments of the theoretical model of the study are presented. In particular, contours of multilevel structure and functioning of the subject-object relationship of warring parties are defined with the specification of their roles (for example, “victim”, “aggressor”), assessment of status, effectiveness. The task of generalizing phenomenology and identifying patterns is emphasized. The multilevel nature of information and psychological wars based on subject-object relationships is detailed by axiological levels: conceptual, ideological, spiritual-moral-religious, metahistorical. Study of the axiological levels is considered as the main thing in understanding information and psychological warfare. Other tasks of its systematic study of the problem are formulated.

Keywords: historical and political psychology, information-psychological wars, axiology, spirituality, morality, ideology.

Цифровизация как детерминанта социализации личности в изменяющемся обществе*

А. В. Карпов

доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, декан факультета психологии, зав. кафедрой психологии труда и организационной психологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия, anvikar56@yandex.ru

Рассматривается проблема влияния цифровизации на социализацию личности в изменяющемся обществе в целом, а также на ее когнитивное и метакогнитивное развитие. Охарактеризованы некоторые основные направления этого влияния на базовые подсистемы психики – когнитивную, регулятивную и коммуникативную. Выявлен и описан новый феномен – снижение метакогнитивности, выступающий существенным фактором негативного плана, оказывающим отрицательное влияние на социально-психологическую и профессиональную адаптацию. Проанализированы особенности детерминационного влияния цифровизации на развитие базовых подсистем психики – когнитивной, регулятивной и коммуникативной. Выявлены конкретные освоенности трансформации ведущих когнитивных процессов – памяти и мышления под влиянием компьютерных технологий. Эксплицированы основные детерминанты развития синдрома снижения метакогнитивности и его влияния на социализацию личности.

Ключевые слова: цифровизация, социализация личности, снижение когнитивности, метакогнитивная ингибция, развитие личности, социально-психологическая адаптация, компьютерные технологии, профессиональная адаптация, цифровое мышление.

Развитие цифровых технологий ставит перед психологией новые задачи, требующие не только осмысления, но и поиска путей реагирования на эти вызовы. Внедрение цифровизации во все сферы социума, существование дистанции информационного потребления между представителями разных поколений требуют систематизации взглядов и углубленного изучения влияния информационных технологий на развитие личности. Кроме того, особое значение в этой связи приобретают вопросы трансформации личности и становления личности человека в цифровом взаимодействии (Бевз, Горягин 2019; Газзали, Розен, 2019; Журавлев и др., 2016), влияния нового информационного пространства на показатели психического здоровья детей, уровня их социально-психологической адаптации (Голубинская, 2016; Colombo et al., 2010).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00039. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00039>.

Действительно, динамика цифровых технологий приводит к постановке таких принципиально новых задач, которые связаны с исследованием их влияния на основные когнитивные процессы. Они, требуя, с одной стороны, их осмысления, с другой — предполагают и поиск путей реагирования на них. По данным, приведенным в прогнозе развития психологической науки к 2030 г., принципиально новыми направлениями исследований большинство экспертов признают проблемы, связанные с развитием IT-технологий: психологию социальных сетей, психологию виртуальной реальности, психологию представителей поколения Z — «цифровых детей» (Гаврилова, 2016; Голубинская, 2016). Психологические последствия цифровизации и компьютеризации чрезвычайно широки, в силу чего отметим лишь наиболее репрезентативные из них. Как известно, в настоящее время для обозначения всего их множества используется термин «*снижение когнитивности*». Он объединяет в себе все эффекты негативного плана, имеющие место по отношению к совокупности основных когнитивных процессов.

Так, в частности, исследования влияния цифровизации на такой базовый когнитивный процесс, как *память*, позволили зафиксировать следующие основные положения. Современные компьютерные технологии предоставляют такое качество информации, которое отнюдь не способствует развитию высших видов памяти. Цифровая информация носит, как правило, достаточно поверхностный характер и не нуждается в семантической обработке. Кроме того, информация извлекается по запросу, и у субъекта нет необходимости в ее долгосрочном сохранении и целевой установке на длительное запоминание, так как по запросу ее всегда можно актуализировать. В результате из всех видов памяти наиболее активно формируются в основном эпизодическая, фрагментарная, кратковременная, механическая и произвольная память (Гаврилова, 2016; Карпов, 2021; Скиннер, 2019). Однако более сложные — высшие формы и уровни памяти — семантическая, произвольная, долговременная и др. зачастую складываются в относительно более дефицитарном виде. В итоге наиболее развитой у молодых людей оказывается кратковременная память, что закономерно, учитывая клиповость мышления (см. далее). В кратковременной памяти информация хранится как раз небольшими «порциями». Загрузка информации в кратковременную память не вызывает у зумеров никаких сложностей. Но дальше, в долговременную память, информация не передается, поскольку вместо долговременной памяти есть компьютер или телефон. В результате даже употребляется такой термин, как «синдром амнезии», отражающий негативное развитие памяти как таковой, а эксперты ВОЗ отмечают, что человечеству угрожает «цифровой Альцгеймер». В России психиатры обозначают этот термин «информационная псевдодебилность». Она не связана с патологиями головного мозга. Заболевшие проявляют признаки слабоумия из-за чрезмерного потребления информации. Любовь к гаджетам угнетает высшие психические функции и когнитивные способности (Rum, Ismail, 2016). Среди симптомов — расстройство внимания (рассеянность), ухудшение памяти, низкий уровень самоконтроля, подавленность, депрессия, возможная агрессия. Болезнь проявляется в трудности анализировать сложные интеллектуальные объекты. В связи с этим крайне важно то, чтобы формирующаяся личность воспринимала реальность физически, а не виртуально.

Вместе с тем по вполне естественным причинам наиболее существенные и многочисленные трансформации когнитивного плана, провоцируемые компьютерными технологиями, имеют место по отношению к наиболее сложному когнитивному процессу — *мышлению*. В этом плане также сложился ряд понятий, в которых зафиксированы основные из этих трансформаций. Это — клиповое мышление, цифровое мышление, 5-g мышление и др. (Brunell, Fortin, 2021). Все они, в свою очередь, обусловлены базовыми характеристиками самой цифровой информации — многозадачностью, гиперконтекстностью, распределенностью и др. Цифровое мышление (Digital mindset) — это совокупность hard skills и soft skills, значительно упрощающих жизнь в современном технологичном мире. Основными чертам цифрового мышления являются проактивная позиция; готовность меняться вместе с меняющимся миром; установка на использование цифровых технологий при создании продуктов, услуг, процессов; мышление от задачи пользователя, клиента; следование этическим стандартам цифровой эпохи.

Клиповое мышление порождено цифровизацией всех сфер социума; в особенности оно характерно для представителей поколения Z. Так, автор этого термина — Э. Тоффлер указывал: «временное медиапространство представляет собой мозаику нарезанных на фрагменты и лишенных всякой причинно-следственной связи аудиовизуальных образов. Вместо получения пространных, соотносящихся друг с другом «полос» идей, собранных и систематизированных, нас все больше пичкают короткими модульными вспышками информации — рекламой, командами, теориями, обрывками новостей, какими-то обрезанными, усеченными кусочками, не укладывающимися в наши прежние ментальные ячейки» (Тоффлер, 1999, с. 287). Далее, указывается, что «клиповая культура порождает клиповое мышление. Действительно, мессенджеры заставляют нас жертвовать деталями и точностью, а push-уведомления — мгновенно реагировать. Все это приводит к тому, что глубине и точности своего мышления люди начинают предпочитать оперирование поверхностными фактами, которые долго не задерживаются в сознании, поскольку любая информация в ситуации клиповой культуры практически мгновенно сменяется новой. Человек перестает воспринимать мир целостно, вместо этого — последовательность слабо связанных друг с другом событий» (там же, с. 296).

Итак, по отношению к мышлению обнаруживается существенное, в том числе и негативное, влияние цифровизации. Данный факт связан с кардинальной сменой материала мышления. Несколько упрощая ситуацию, можно заключить, что знания уступают место информации, содержание уступает место контенту. Переработка информации подменяется ее поиском, фильтрацией и использованием, следствием чего является резкое снижение интеллектуальной активности, связанной с переработкой сложной и объемной информации, с восприятием семантически наполненных текстов. В результате, доступность больших массивов информации оборачивается несформированностью механизмов, на основе которых происходит переработка и усвоение информации. Наблюдается диссонанс между расширением информационной емкости среды и несформированностью механизмов для ее качественной обработки. Представляется, что это наиболее фундаментальный вызов, с кото-

рым сталкивается и психология, и психика формирующейся личности. Обилие информации не только не является непосредственным стимулом этого формирования, но в какой-то степени ингибирует его, а также находящийся в его основании механизм. Таким образом, можно говорить о том, что объем информации растет экспоненциально, а затраты на ее получение падают, снижаются требования к активности психики в процессе познавательной деятельности, вызывая синдром снижения когнитивности.

Существуют и эмпирически зафиксированные факты в отношении последствий этого. В частности, это данные относительно динамики индекса Флинна. И хотя они не являются вполне однозначными, все же основная тенденция выявляется достаточно четко. Так, согласно одной группе данных, отмечается, что до 2000 г. IQ у представителей развитых стран возрастал в среднем на 1,5 балла каждые 10 лет. После 2000 г. динамика инвертировалась и каждые 10 лет в развитых странах IQ на столько же снижается. Иными словами, за 20 лет он снизился примерно на 3 балла. Согласно другой группе данных, этот индекс все же продолжает возрастать, но темпы его возрастания существенно замедлились (по: Карпов, Карпов, 2022). Приводятся также данные, которые показывают, что современные школьники средних классов обладают примерно в два раза меньшим активным словарным запасом, чем школьники двадцатилетней давности. Многие учителя отмечают, что у детей есть трудности с формулировками высказываний и мыслей в девятом классе общеобразовательной школы. Дети испытывают трудности и дискомфорт при чтении длинных текстов и книг. Клиповое мышление детей – это реальность сегодняшнего дня. Снижение когнитивности представляет собой оборотную сторону преимуществ и возможностей, которую содержит в себе интернет и цифровые технологии.

Цифровизация воздействует и на другую подсистему психики – регулятивную. Для становления регуляторных механизмов психики важна культура как верховный интегральный регулятор общения и деятельности. Культура онтологически представляет собой систему ограничений: без табуирования определенных действий в поведении и взаимодействии культуру сформировать невозможно. Цифровизация и интернетизация в этом отношении снимают культурные ограничения. Иллюстрацией являются слова Ф. М. Достоевского из романа «Братья Карамазовы»: «Если Бога нет, то всё дозволено». Продолжая мысль, можно перефразировать: если все и разрешено, зачем нужны мораль и моральный закон? Как предотвратить негативное влияние интернета на развитие психики ребенка, если он является агентом среды и выступает подчас ведущим фактором развития, причем на самых ранних этапах формирования психики? Психика детей в настоящее время формируется в особых условиях, субъектами образовательного процесса сегодня являются представители поколения Z – «цифровые дети». Слабая озадаченность психологов и педагогов данной проблемой на современном этапе удивляет. Очевидно, что невозможно запретить взаимодействие с цифровыми агентами, это вызовет лишь реакцию сопротивления. Объективные данные свидетельствуют, что рассматривать Интернет как основное средство саморазвития не представляется возможным.

Наконец, можно констатировать негативное влияние цифровизации еще на одну подсистему – коммуникативную. Процесс общения перешел в Интер-

нет, социальные сети. Человек полностью перестал жить в естественном мире, а ребенок поколения Z перестал нуждаться в другом человеке как носителе информации. Не только объекты, которые нас окружают, являются искусственными, но и общение с субъектами, с другими людьми, тоже приобретает искусственный характер. То есть сегодня ребенок живет в дважды искусственном мире. Как следствие — снижение социальной ответственности, неумение управлять конфликтами, несформированность навыков построения межличностных отношений, легкость принятия необдуманных решений. В основе такого поведения детей лежит иллюзия неединичности жизни. Опосредованный характер общения, отсутствие прямого контакта, который имеет место в социальных сетях, приводит к социальной «слепоте», невозможности в полной мере репрезентировать в своем сознании социальный характер отношений с другими людьми, критическое снижение рефлексии.

Итак, можно видеть, что цифровизация оказывает негативное влияние на все три подсистемы психики: когнитивную, регуляторную и коммуникативную. Данный факт означает, что процессы компенсации в психике затруднены в силу «пораженности» всех подсистем. Более того, подсистемы психики вступают в отношения синергии, усиливая отрицательное влияние одной на другую. Три важнейшие составляющие психики — знания, ценности и нормы, а также и личностные качества становятся главными мишенями, на которые воздействует цифровизация. В то же время эти мишени соотносятся с основными разделами педагогики — с обучением, воспитанием и социализацией личности. Цифровизация бросает вызов как основным подсистемам психики, так и основным разделам педагогики — обучению, воспитанию, социализации.

«Пораженность» всех трех подсистем психики, а также ценностных оснований развития личности неизбежно скажется на процессах социализации, профессионального, ценностного, смыслового и морального становления современного человека. В широком смысле это снижение уровня психического здоровья, склонность к формированию зависимых форм поведения, снижение устойчивости к вредоносным агентам среды, социальным эпидемиям. Во временной перспективе такие изменения могут привести к снижению психологического, экономического, культурного статуса населения страны.

Вместе с тем только теми последствиями, которые рассмотрены выше, негативное влияние цифровизации не исчерпывается, поскольку существует дополнительное и очень значимое ее следствие. Оно пока исследовано явно недостаточно, хотя его значимость отнюдь не меньшая, нежели тех, которые уже зафиксированы. Наряду с синдромом снижения когнитивности, имеет место и связанный с ним, но достаточно специфический синдром *снижения метакогнитивности*. Его сущность заключается в том, что под влиянием цифровизации в целом и очень широким распространением средств компьютерной техники наблюдается дефицитное развитие базовых метакогнитивных процессов и качеств личности. Конкретные факторы такого снижения многообразны и в принципе известны: они вытекают из самой сути этой техники и специфики ее использования как в профессиональной, так и в бытовой сфере.

В выполненных нами исследованиях показано, что в настоящее время происходит значимое снижение уровня представленности базовых метакогнитивных процессов, приводящее в результате и к снижению уровня рефлексивности

(Карпов, Карпов, 2022). На выборах студентов нескольких специальностей были уставлены следующие основные факты. Прежде всего, по отношению к базовым метакогнитивным процессам — метамышлению, метапамяти, а также к их результативным эффектам — метакогнитивным качествам (метакогнитивной включенности в деятельность, уровню «агепсу», метакогнитивному мониторингу) было выявлено их снижение у нынешних студентов-первокурсников, по сравнению со студентами 2007 г., в среднем на 30–35%. Далее, аналогичная редукция выявлена и по отношению к общему уровню рефлексивности, хотя здесь степень снижения меньше — в пределах 20–25%. Наконец, показательно и то, что количественные значения практически не зависят от профиля подготовки и даже его направленности (либо гуманитарной, либо естественной), что свидетельствует об обусловленности этого снижения внеучебными и внепрофессиональными факторами, т. е. причинами общего плана, связанными с цифровизацией в целом и гаджетоманией, в частности.

В основе данного феномена лежит целый ряд факторов достаточно общего плана. Во-первых, следует учитывать тесную связь и, фактически, объективную взаимообусловленность двух синдромов — снижения когнитивности и метакогнитивности, поскольку второй имеет не только самостоятельные причины, но и во многом произведен от первого. Их совместное, синергетическое влияние приводит к усилению того и другого; тем самым их негативное влияние становится еще более зримым.

Во-вторых, информационная деятельность на базе компьютерных технологий разворачивается по типу «игры с природой», а вовсе не по типу «рефлексивных игр». Субъект такого поведения по определению не ставит перед собой задачу выявить и учесть субъектность кого-то другого (как в случае субъект-субъектных деятельностей) — его планы и намерения, цели и задачи и пр. Естественно, что такая ситуация не только не требует подключения рефлексивных, а значит, и метакогнитивных средств, но, напротив, такое подключение выступает как контрпродуктивное — излишне загружающее и усложняющее.

В-третьих, специфической особенностью информационного поведения является не только большой объем информации, но и ее высокие динамические характеристики, что требует высокой скорости ее переработки, интенсивной смены ее содержания, а в целом — быстрого темпа реализации. В свою очередь, он приводит к тому, что объективно устраняется возможность для рефлексивных пауз, для сукцессированного метакогнитивного мониторинга. Причем он начинает выступать здесь даже в негативном плане, поскольку ингибирует реализацию основных поведенческих функций. Необходимость быстро принимать решение значимо снижает рефлексивность на происходящее — будь то эмоциональные факторы или необходимость принять решение. В связи с этим необходимо отметить и одно из важных средств его организации, установленных и проинтерпретированных в современной когнитивной психологии; им является так называемая «эвристика блокады когнитивного контроля». Однако такого рода «блокада» может реализовываться не только в отношении первичных когнитивных процессов, но в еще более выраженном и субъективно отчетливом виде также и по отношению к вторичным когнитивным процессам — к метакогнитивным процессам. Суть такой вторичной, т. е. именно метакогнитивной «блокады» состоит в том, что сами же метакогнитивные процессы выступают

как средства ингибиции — торможения или даже отключения собственно рефлексивных средств.

В-четвертых, имеет место и обстоятельство предельно общего, даже своего рода философского плана; оно состоит в том традиционном положении, что нигде так явно не выражено противопоставление «человеческого и машинного», как в демаркации процессов и любых иных сущностей, «окрашенных сознанием» и не сопровождающихся им. Именно его наличие и ведущая роль в тех или иных процессах, а следовательно, и включенность в них рефлексивных механизмов и средств, наличие рефлексивной позиции как таковой как раз и выступает решающим признаком такой демаркации. Следовательно, чем более в поведении доминирует само «машинное» начало, т. е. чем более совокупность основных поведенческих функций транспонируется от субъекта к объекту, тем меньше места в ней объективно остается для рефлексивных средств.

Все отмеченные выше последствия приводят к целому комплексу достаточно негативных эффектов — в том числе и социально-психологического плана. Так, в выполненных нами исследованиях показано, что они, являясь результатами детерминационного влияния тотальной цифровизации процессов социализации, приводят к снижению уровня социально-психологической адаптации (Карпов, 2023). В нем было показано, что студенты-первокурсники 2022 г. характеризуются показателями адаптированности в среднем на 20–22% более низкими, нежели первокурсники десятилетней давности (2012 г.). Сходные данные были получены и по отношению к профессиональной адаптации начинающих программистов (там же).

Заключение

Таким образом, в заключение следует подчеркнуть, что оба констатированных выше синдрома — снижения когнитивности, а также сопряженный с ним синдром снижения метакогнитивности — обуславливают достаточно существенные трансформации процессов социализации личности, а также ее результативных эффектов — в частности, эффективности социально-психологической и профессиональной адаптации. Первый из этих синдромов затрагивает практически все основные когнитивные процессы, обуславливая их негативные трансформации. Второй приводит к редукции уровня рефлексивности и произвольной регуляции деятельности и поведения.

Литература

- Бевз С. О., Горягин Р. А.* О влиянии гаджетов на когнитивное развитие личности: генезис, история и последствия проблемы // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63 (1). С. 439–441.
- Гаврилова А. В.* Социально-психологические особенности ментальности нового поколения // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Философия, психология, педагогика». 2016. Т. 26. Вып. 2. С. 58–63.
- Газзали А., Розен Л. Д.* Рассеянный ум. Как нашему древнему мозгу выжить в мире новейших цифровых технологий. М.: Эксмо, 2019.
- Голубинская А. В.* Нейрокогнитивный подход к исследованию поколения Z // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1. С. 161–167.

- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Ярославский педагогический вестник. 2016. Т. 37. № 5. С. 177–192.
- Карпов А. В.* Методологические основы психологии информационной деятельности. М.: РАО, 2021.
- Карпов А. В., Карпов А. А.* Структура метакогнитивной регуляции информационной деятельности. М.: РАО, 2022.
- Карпов А. В.* Метакогнитивная регуляция информационной деятельности. М.: РАО, 2023.
- Скиннер К.* Цифровой человек: четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
- Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 1999.
- Brunelle E., Forin J.-A.* Distance makes the heart grow fonder: An examination of teleworkers and office workers' job satisfaction through the lens of self-determination theory // Sage Open. V. 11 (1). 2021. doi: 10.1177/2158244020985516.
- Colombo B., Iannello P., Antonietti A.* Metacognitive knowledge of decision-making: An explorative study // Trends and prospects in metacognition research / Eds A. Efklides, P. Misailidi. Springer Science+Business Media, 2010. P. 445–472. doi: 10.1007/978-1-4419-6546-2_20.
- Rum S., Ismail M. A.* Metacognitive awareness assessment and introductory computer programming course achievement at university // The International Arab Journal of Information Technology. № 13 (6). P. 667–676.

Digitalization as a determinant of personality socialization in a changing society

A. V. Karpov

doctor of psychological sciences, professor, corresponding member of the RAO, dean of the Faculty of Psychology, head of the Department of Labor Psychology and Organizational Psychology of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, anvikar56@yandex.ru

The article presents materials that reveal and explain the determinative influence of digitalization on the socialization of personality in a changing society as a whole, as well as on its cognitive and metacognitive development, in particular. Some of the main directions of this influence on the basic subsystems of the psyche (cognitive, regulatory and communicative) are characterized. A new phenomenon has been identified and described. This is a decrease in metacognitiveness, which is a significant negative factor that has a negative impact on socio-psychological and professional adaptation. The features of the determinative influence of digitalization on the development of the basic subsystems of the psyche (cognitive, regulatory and communicative) are analyzed. The specific development of the transformation of the leading cognitive processes – memory and thinking – under the influence of computer technology is revealed. The main determinants of the development of the metacognitive decline syndrome and its impact on the socialization of personality are explicated.

Keywords: digitalization, socialization, personality, cognitive decline, metacognitive inhibition, personality development, socio-psychological adaptation, computer technology, professional adaptation, digital thinking.

Баланс сил Эроса и Танатоса в контексте современной тенденции нарастания угрозы ядерной войны

*А. Ю. Колхонен**, *И. А. Мироненко***

* аспирант, преподаватель, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, kolhonena@gmail.com

** доктор психологических наук, профессор, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, mironenko.irinal@gmail.com

В контексте психологических аспектов нарастания ядерной угрозы выделены и проанализированы в статье изменения в сфере нравственной регуляции поведения, которые мы рассматриваем в оптике представлений З. Фрейда об Эросе и Танатосе, а также синдромов развития и распада, описанных Э. Фроммом. Делается вывод о повышении актуальности проблемы нравственной элиты общества в ситуации нарастания ядерной угрозы, а также высказано мнение, что влияние нарастания ядерной угрозы может проявляться на уровне динамики «нравственных координат» человека и общества. В нравственном противопоставлении добра и зла в общественном и индивидуальном сознании в ситуации нарастания ядерной угрозы на первый план выходит не воздержание от зла, но готовность злу активно противостоять. Таким образом, исследования динамики представлений о добре и зле являются перспективной областью исследований состояний личности и общества в контексте психологии глобальных рисков.

Ключевые слова: нарастание ядерной угрозы, нравственная регуляция поведения, Эрос и Танатос, синдромы роста и распада по Э. Фромму, добро и зло.

В актуальной ситуации нарастания глобальных рисков выделяется комплекс психологических проблем и аспектов, связанных с нарастанием угрозы ядерной войны (Нестик, Журавлев, 2018). Если полагать, что период пандемии COVID-19 стал своего рода рубежом, радикально изменившим мир, то уже в отношении предшествующего периода имеется доказательный массив данных психологических исследований, проведенных в России и в других странах, показавших значимость угрозы ядерной войны в общественном сознании (Нестик, 2020). Причем именно эта угроза демонстрировала рост среди россиян на фоне других глобальных рисков. Так, масштабные исследования, проведенные в России, показали, что за предшествующие 2019-му годы, на фоне уменьшения уровня страха химического и радиационного заражения в результате крупных техногенных катастроф и резкого сокращения страха терроризма, «беспокойство по поводу ядерной войны становится более распространенным, что хорошо

корреспондирует с ростом уровня беспокойства относительно угрозы возможной войны России с другими государствами» (Нестик, 2020, с. 64). Нет оснований сомневаться, что в условиях сбывшихся в последующие годы опасений, к настоящему времени тревога по поводу угрозы ядерной войны не снизилась, а, напротив, можно предполагать, что она нарастает.

Проблема нарастания ядерной угрозы требует рассмотрения вопроса не только с политической, стратегической и геополитической стороны, но и с психологической стороны. В исследованиях российских психологов выделены и подробно проанализированы ведущие психологические факторы на внутриличностном уровне, на уровне межличностных отношений, на уровне группы, на уровне межгрупповых отношений и на уровне общества в целом (подробно об этом см.: Нестик, 2020). Мы хотим отметить наряду с другими психологическими аспектами нарастания ядерной угрозы и изменения в сфере нравственной регуляции поведения, которые мы рассматриваем в оптике представлений З. Фрейда об Эросе и Танатосе, а также синдромов развития и распада, описанных Э. Фроммом.

Мы предлагаем рассмотреть угрозу нарастания ядерной войны как проблему дисбаланса сил Эроса и Танатоса в человеке и обществе. Само ядерное оружие в этой связи можно рассмотреть как аналогию двойственности человека, оно сочетает Эрос и Танатос, оно может уничтожить, но при этом служит и сохранению жизни. Идею Эроса и Танатоса — как двух фундаментальных сил в человеке — предложил З. Фрейд в своей поздней концепции (Фрейд, 1992). Эрос — энергия жизни, влечение к жизни, Танатос — влечение к смерти, разрушающая энергия в человеке. Эрос и Танатос как две фундаментальные энергии в человеке, одна направлена к жизни, другая к смерти — их баланс создает восходящую спираль развития человека. Ядерное оружие являет собой аналогию двойственности человека, оно сочетает Эрос и Танатос, оно может уничтожить, но служит сохранению жизни: «Наличие у государства ядерного оружия является главным фактором, удерживающим потенциальных противников (агрессора) от развязывания против такого государства войны» (Журавлев и др., 2012, с. 117). Ядерное оружие потенциально несет в себе смерть и разрушение, но пока оно остается потенциальным, оно (как это ни парадоксально) обеспечивает сохранение жизни. Ровно так же как наличие потенциальной смерти, естественной смерти делает жизнь осмысленной и ценной.

Ядерное оружие может либо сохранять жизни, либо разрушать. Но само по себе оружие не имеет «воли к действию». Несомненно, что «решение о нанесении ядерного удара в кризисной ситуации является прерогативой крайне ограниченной группы людей» (там же). А значит, будет ли оружие служить жизни, или разрушать жизни, зависит от преобладания Эроса или Танатоса в тех людях, которые обладают правом распоряжаться этим оружием. Это обостряет в ситуации нарастания ядерной угрозы значимость проблемы нравственности элиты общества (Журавлев, Купрейченко, 2010), ее характеристик и путей и способов оказания влияния на психологическое состояние общества.

О преобладании Эроса или Танатоса можно судить по проявлениям синдромов, описанных Э. Фроммом в книге «Душа человека». Мы предлагаем ис-

пользовать их как метод определения преобладание Эроса — любви, развития жизни (синдром роста) или Танатоса — разрушения жизни, влечения к смерти (синдром распада). Вот как Э. Фромм определяет их: «Я хотел бы остановиться на трех феноменах, которые лежат, по моему мнению, в основе наиболее вредной и опасной формы человеческого ориентирования: на любви к мертвому, закоренелом нарциссизме и симбиозно-инцестуальном влечении. Взятые вместе, они образуют „синдром распада“, который побуждает человека разрушать ради разрушения и ненавидеть ради ненависти. Я хотел бы также обсудить „синдром роста“, который состоит из любви к живому, любви к человеку и к независимости. Лишь у немногих людей один из этих двух синдромов получил полное развитие. Нет сомнений в том, что каждый человек движется в определенном, избранном им направлении: к живому или мертвому, к добру или злу» (Фромм, 2016, с. 18).

Если преобладает синдром роста, то ядерное оружие у таких людей будет служить сохранению жизни, поскольку энергия Эроса превалирует в них. Если преобладает синдром распада, то ядерное оружие будет служить разрушению жизни, поскольку преобладает Танатос. Одним из показателей усиления Танатоса Фромм называет тенденцию к некрофилии (стремление к разрушению жизни, зло) и связывает индивидуальные проявления некрофилии с духом современного индустриального общества. «Равнодушие к жизни в индустриальном обществе, в свою очередь, играет ключевую роль в качестве мотивации возможности атомной войны» (Фромм, 2016, с. 54). О том, что равнодушие к жизни играет ключевую роль в возможности атомной/ядерной войны, было написано Эрихом Фроммом в 1964 г. Примечательно, что К. Ефремов писал: «В 60-х годах произошли, по меньшей мере, три ключевых эпизода (Берлинский, Карибский и Ближневосточный кризисы), которые, повернись они иначе, могли обернуться всемирной ядерной катастрофой. Если бы в том же десятилетии не удалось договориться о запрещении атомных испытаний в трех средах (на земле, в атмосфере и в океане) и принять ряд других экологических соглашений, то к 1990-м годам жизнь на нашей планете сделалась бы невыносимой» (Ефремов, 2004, с. 69). Так, по закону техно-гуманитарного баланса (Назаретян, 1996), гуманитарные регуляторы, исходящие из любви к жизни, остановили катастрофу.

В конце 2022 г. Россия вышла из Договора РСМД (Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности — договор между СССР и США, подписанный Михаилом Горбачевым и Рональдом Рейганом 8 декабря 1987 г.) с возможностью возобновления натуральных испытаний ядерного оружия на Новой Земле, что может повлечь за собой новый всплеск кризисов. А. П. Назаретян отмечал, что, если инструментальные возможности превосходят качество гуманитарных регуляторов, это влечет за собой всплеск экологической и/или геополитической агрессии, сопровождаемый соответствующим состоянием общественного сознания (Назаретян, 1996). Нынешнее качество гуманитарных регуляторов требует усиления, и по аналогии с 60-ми годами оно уже в этом десятилетии должно войти в баланс с инструментальными возможностями. Усиление гуманитарных регуляторов может происходить и за счет усиления ориентации на жизнь, на усиление Эроса, на синдром роста, который по своей сути про-

тивнопоставляется синдрому распада. Как ранее мы описали, предтечей синдрому распада служит стремление к разрушению, отрицание самой жизни. Самый яркий способ достижения этого стремления может быть выражен ядерной войной, уничтожением половины населения Земли в считанные минуты, а потому тенденции нарастания угрозы ядерной войны — это своего рода маркер, свидетельствующий о преобладании Танатоса, и в то же время свидетельство упадка гуманитарного мышления необходимого для сохранения закона техно-гуманитарного баланса.

Проблема нарастания ядерной угрозы, рассматриваемая нами как проблема современного дисбаланса сил Эроса и Танатоса в человеке и обществе, может решаться с помощью усиления Эроса и любви к жизни. Конечно, определенная доля Танатоса необходима для жизни, и ядерное оружие в наше время необходимо для мирной жизни суверенного государства, но вот чрезмерное усиление Танатоса ведет к разрушению жизни. А значит, важно усиливать любовь к жизни, гуманистические институты, если мы выбираем для себя жизнь, а не смерть.

Заключение

Спектр психологических аспектов нарастания ядерной угрозы охватывает как сферу индивидуально-личностных проявлений, так и социально-психологическую сферу, общественное сознание и в целом психологическое состояние общества, макропсихологический уровень (Макропсихология..., 2009). Сфера нравственной регуляции поведения не может не быть затронутой, в том числе, на наш взгляд, влияние нарастания ядерной угрозы может проявляться на уровне «нравственных координат» человека и общества. В нравственном противопоставлении добра и зла в общественном и индивидуальном сознании в ситуации нарастания ядерной угрозы на первый план выходит не воздержание от зла, но готовность злу активно противостоять. Это позволяет предположить, что представления о добре и зле не только различаются в разных обществах и у разных индивидов (Попов и др., 2008), что может быть причиной конфликтов, в том числе и масштабных социальных конфликтов, сопряженных с угрозой применения ядерного оружия, но и достаточно подвижны в потоке изменения психологических состояний как человека, так и общественных. Исследования динамики представлений о добре и зле кажутся нам перспективной областью исследований состояний личности и общества.

Литература

- Ефремов К.* Путешествие по кризисам // Лицейское и гимназическое образование. 2004. № 3. С. 68–70.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Социально-психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания в современном мире: постановка проблемы и практика исследований // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 116–123.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 5–19.

Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Назаретян А. П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического прогресса). 2-е изд. М., 1996.

Нестик Т. А. Отношение россиян к глобальным рискам: результаты популяционно-го исследования // Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ / Под ред. Т. А. Нестика, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 47–81.

Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Попов Л. М., Голубева О. Ю., Устин П. Н. Добро и зло в этической психологии личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Издат. группа «Прогресс», 1992.

Фромм Э. Душа человека. Революция надежды / Пер. с англ. В. А. Закса, Т. В. Панфиловой. М.: АСТ, 2016.

The balance of forces of Eros and Thanatos in the context of the current trend of growing threat of nuclear war

A. Yu. Kolhonen, I. A. Mironenko***

** PhD student, lecturer, psychology department, St Petersburg State University (SPbGU), St Petersburg, Russia, kolhonen@gmail.com*

*** doctor of psychology, professor, St Petersburg State University (SPbGU), St Petersburg, Russia, mironenko. irina1@gmail.com*

In the context of the psychological aspects of the growing nuclear threat, the paper focuses on changes in the sphere of moral regulation of behavior. We view and analyze those in the optics of Z. Freud's ideas about Eros and Thanatos, as well as from the state point of the growth and destruction syndromes described by E. Fromm. We assume that the problem of the moral elite of society is becoming topical in a situation of increasing nuclear threat, and conclude that the influence of the growing nuclear threat can manifest itself at the level of dynamics of the “moral coordinates” of personality and society. In a situation of increasing nuclear threat, the moral opposition of good and evil in the public and individual consciousness not the abstention from evil comes to the fore, but the readiness to actively resist evil. Thus, studies of the dynamics of ideas about good and evil are a promising area of research into the psychic states of the individual and society in the context of the psychology of global risks.

Keywords: growing nuclear threat, moral regulation of behavior, Eros and Thanatos, syndromes of growth and destruction according to E. Fromm, good and evil.

Некоторые социально-психологические особенности феномена «виртуальное государство»

Д. П. Лямин

исследователь в области социальной психологии, доцент кафедры учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь», г. Минск, Белоруссия, d.turizm@yandex.ru

Рассматриваются социально-психологические аспекты формирования и функционирования виртуальных государств и возможностей использования таких интернет-платформ в интересах страны-прообраза. Отдельно выделяются направления, связанные с повышением чувства национальной самоидентификации как граждан страны, так и представителей этнических общин, проживающих за рубежом. Опираясь на результаты анализа доступных литературных источников, посвященных данной проблеме, автор указывает на связь виртуального государства с процессом формирования социальных установок пользователей подобных сетевых ресурсов.

Ключевые слова: социальная установка, виртуальное государство, информационный лидер, национальная самоидентификация, виртуальная реальность; ценности.

В современном мире информационные технологии играют важную роль практически в любой сфере жизни и деятельности общества. Особое значение приобретает работа с ресурсами сети интернет в области формирования общественного мнения, отношений населения к различным социальным объектам, процессам и явлениям. А в период региональных кризисов сеть выступает в том числе в качестве инструмента психологического воздействия, способного охватить большое количество пользователей как одного государства, так и нескольких стран в регионе. Целью информационных атак может являться изменение системы ценностей малых социальных групп, формирование норм и правил, чуждых мировоззренческой системе общества. В то же время четкое понимание процесса изменения социальных установок, являющихся основой отношений (Мясищев, 2011), позволит не только активно противодействовать деструктивному влиянию на население, но и использовать возможности сетевых ресурсов в интересах государства. Социальная установка в данном случае формируется в результате суммирования в сознании отдельной личности, принадлежащей к определенной социальной группе, позитивных и негативных оценочных реакций на объект, независимо от того, в какой форме они выражены (в форме убеждений, чувств или готовности к действиям), и представляет собой обобщенный способ оценки окружающей действительности (Андреева, 1997). Тема

изменения социальных установок с использованием возможностей сети интернет активно изучается и представляет интерес с практической точки зрения.

Можно отметить тенденцию сближения виртуальной и объективной реальности по степени воздействия на сознание индивида. По своим характеристикам (с точки зрения психологии) виртуальная среда уже практически не отличается от объективного мира, следовательно, можно говорить о переносе некоторых норм и правил поведения в сети в повседневную действительность. Это в конечном итоге может привести к изменению мировоззренческих ценностей общества, особенно если владелец ресурса обладает безусловным кредитом доверия со стороны членов интернет-группы, так называемый феномен идиосинкразического доверия (Кричевский, 2011). В данном аспекте представляет интерес изучение возможностей использования так называемых «виртуальных государств» во взаимосвязи с групповыми социальными установками участников подобных киберсоциумов. Кроме того, актуальность изучения данной тематики обусловлена возможностью применения данного феномена для повышения уровня национальной самоидентификации представителей определенной нации, проживающих за рубежом.

В настоящее время проводится исследование возможностей влияния виртуального гражданства как на сознание индивида, так и на групповые установки малых социальных групп. Методы исследования: изучение имеющихся литературных источников, проведение опроса с использованием возможностей сети интернет (социологический опрос, ассоциативные методики).

Виртуальное гражданство — это новая концепция, которая возникла благодаря развитию информационных технологий, и она предполагает, что люди могут иметь гражданство не только в стране проживания, но и в виртуальном мире на различных онлайн платформах. Виртуальное гражданство может предоставлять определенное набор преимуществ, недоступных человеку в реальном мире. К наиболее привлекательным можно отнести следующие.

1. *Ощущение личной свободы, не ограниченной рамками физических границ между государствами, расстоянием и временем.* Это особенно важно для представителей молодого поколения (так называемого «поколения Z»), ценностями которого является индивидуализм, личностный рост, творчество и креативность, саморазвитие и возможность выбора.
2. *Возможность для пользователя изменить свой виртуальный «социальный статус» в соответствии с личными амбициями.* Некоторые виртуальные государства предоставляют возможность приобретения за небольшую плату различных титулов и должностей, имитируя социальный лифт. Получение привилегий на сайте, на форумах, при решении «государственных» вопросов создает иллюзию занятости и авторитета, компенсируя недостаток участия в общественной жизни в реальном мире.
3. *Продвижение различных идей и мнений в информационном пространстве.* Некоторые виртуальные государства созданы по принципу преследования единых целей в политической, экономической, культурной, социальной сферах и претендуют (пока не слишком активно) на роль актора в мировой политике.

4. *Возможность самореализации в профессиональной сфере.*
5. *Общение с единомышленниками, поддерживающими определенные (в некоторых случаях деструктивные, нетрадиционные) взгляды в какой-либо области общественной жизни.*
6. *Ощущение принадлежности к этнической (национальной) группе.* Особенно актуально это для мигрантов в первом поколении, не утративших еще ментальной связи с исторической родиной.

В настоящее время виртуальные государства условно подразделяют на два основных типа: во-первых, микронации – псевдогосударственные образования, претендующие на суверенитет над какой-то определенной территорией; и, во-вторых, полноценные виртуальные государства – псевдогосударственные образования, которые не претендуют на суверенитет над какой-либо территорией, а существуют лишь в виде виртуального проекта, как, например, кибергосударство Либерленд (Хусяинов, 2019).

В процессе изучения роли такого рода интернет-ресурсов в формировании аттитюдов представителей малых социальных групп следует учитывать, что психологические характеристики виртуальных миров уже практически идентичны характеристикам объективной реальности (Войскунский, 2011). Таким образом, опыт группового и межличностного взаимодействия в Интернете будет схож с социальным опытом, приобретаемым человеком в процессе коммуникаций в реальном мире. Следовательно, по силе воздействия на социальные установки пользователей («виртуальных граждан») виртуальный социальный опыт будет уже сравним с реальным и будет частично переноситься человеком в объективную реальность. Необходимо понимать, что, получив «гражданство» кибергосударства, пользователь в основной части принимает систему норм и правил существования данного сообщества. Сюда входят морально-нравственные нормы, некоторые правовые аспекты, система групповых ценностей и т. д. И со временем человек начинает переносить некоторые эти нормы в объективный мир, меняя свой образ жизни, поведение и мировоззрение в соответствии с правилами интернет-сообщества (Аблам, 2016). Любое интернет-государство имеет четкую организационную структуру, свою иерархию, лидирующее место в которой занимает администратор (создатель) этого сообщества, который обладает правами и возможностями информационного лидера.

Некоторые страны (Канада, США) уже активно используют возможности виртуальных государств в своих интересах. Следует отметить, что данные онлайн-платформы максимально приближены по своим признакам и функциям к реалиям, за исключением территорий. На основе существующей законодательной системы страны-прототипа разработана правовая база, функционирует электронное правительство, создана финансовая система, связанная с реальными финансовыми организациями. Кроме того, общественно-информационная деятельность цифрового государства формируется и проводится в едином ключе с политикой страны. Использование виртуальных платформ такого типа позволит: увеличить скорость проведения административных процедур в различных сферах жизнедеятельности в реальном государстве; повысить правовую, финансовую грамотность населения путем проведения интернет-

консультаций; снизить риски широкомасштабных общественных протестов, предоставляя возможность высказывания мнений, проведения опросов в виртуальной среде; формировать общественное мнение в отношении различных социальных объектов, процессов и явлений; уменьшить нагрузку на органы административного управления; а также изучать мнение населения страны на различные реформы путем проведения их на базе виртуального государства.

Таким образом, одним из направлений практической составляющей функционирования подобных цифровых ресурсов будет формирование смешанных государственных и правовых институтов в условиях цифровизации общества в гражданской, социальной, демократической и правовой сферах. В дальнейшем это поможет сформировать механизмы управления и законодательного регулирования на базе современных информационных технологий.

Еще одним важным направлением работы интернет-государства видится поддержание более тесных связей с этническими общинами за рубежом. С этой точки зрения можно предложить ряд рекомендаций, которые могут быть учтены при подготовке проекта виртуального государства (образа реально существующего), используемого в целях повышения уровня национального самосознания представителей одной нации, в том числе проживающих за рубежом.

Необходимо формировать историческую память (в том числе с элементами «живой истории»), показывая и разъясняя исторические события в мировой и национальной истории с позиции официальной науки. Для работы в этом направлении можно задействовать клубы и секции исторического моделирования, использовать постановочные фото- и видеоматериалы. В этом случае можно применить прием общения с «историческими персонажами», в том числе в видеочатах. Это будет способствовать более качественному усвоению предлагаемого материала, повысит интерес к изучению роли известных личностей в истории своей страны.

Мероприятия культурной направленности на интернет-платформе должны проводиться в рамках сформированного виртуального государства, но при этом должны оставаться в тесной взаимосвязи с реальными событиями культурной жизни страны. Особое внимание рекомендуется уделять традициям и обычаям различных слоев общества, национальным и народным праздникам, имеющим глубокие исторические корни.

Основные (в том числе и «виртуальные») направления внешней и внутренней политики данного интернет-сообщества должны быть соотнесены с политикой реального государства (если привязывать платформу к действительной территории государства) либо схожи в основных положениях. При этом наиболее целесообразным видится четкое и подробное разъяснение тех или иных действий, происходящих как в объективном мире, так и в киберпространстве.

Процедура получения виртуального «гражданства» должна быть максимально упрощена, при этом приоритет следует отдавать людям, причисляющим себя к титульным национальностям, преобладающим в «кибергосударстве» (либо в государстве, являющемся его реальным прообразом). Важно также предусмотреть предоставление возможности для функционирования различных организаций, как реально существующих, так и виртуальных на платформе формируемого государства.

Заключение

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что феномен виртуального государства может быть использован для формирования устойчивых установок у пользователей сети, вовлеченных в проект, в соответствии с направленностью сайта, в том числе (даже в игровой форме) для повышения уровня национальной самоидентификации и чувства национальной принадлежности. В то же время подобного рода проекты должны быть под контролем государства, чтобы не допустить деструктивной или дискредитирующей информации, способной нанести вред имиджу страны или отдельным государственным институтам.

Литература

- Аблам О. Э.* Киберпространство: побег от свободы и ответственности в «зону отчуждения» виртуальных личностей // Новые компетенции для исследований и инноваций: сборник научных трудов / Ред. И. И. Ганчеренок и др. Минск: ИВЦ Минфина, 2016.
- Андреева Г. М.* Психология социального познания: Учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс, 1997.
- Войскунский А. Е.* Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2014. № 2. С. 90–104.
- Кричевский Р. Л.* Психология лидерства: Учеб. пособие. М.: Статут, 2007.
- Мясищев В. Н.* Психология отношений: Избранные психологические труды Московского психолого-социального института / Под ред. А. А. Бодалева. 4-е изд. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 2011.
- Хусяинов Т. М.* Микронационализм и виртуальные государства: между протестом и социализацией // Современная социальная реальность: вызовы, риски, перспективы / Под науч. ред. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Новосибирский педагогический университет, 2019.

Some socio-psychological features of the “virtual state” phenomenon

D. Liamin

researcher in the field of social psychology, associate professor of the chair of Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

In the article, the author examines some socio-psychological aspects of the formation and functioning of virtual states and the possibilities of using such Internet platforms in the interests of the prototype country. The directions associated with increasing the sense of national identity, both citizens of the country and representatives of ethnic communities living abroad, are singled out separately. The author points out the connection of the virtual state with the process of forming social attitudes of users of such network resources.

Keywords: social attitude, virtual state, information leader, national identity, virtual reality, values.

Полиментальность и многообразие идеологий в аспекте российской идентичности

В. Е. Семёнов

доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, научный руководитель НП «Центр политических и психологических исследований», Санкт-Петербург, Россия, vsms88@yandex.ru

Рассматриваются проблемы многообразия идеологий в современной России, их связи с российской историей и полиментальностью. Анализируются источники имплицитно сформировавшейся в стране, по сути, государственной идеологии, в основе которой присутствуют прежде всего идеологические положения и символы дореволюционного российского государства. На базе «концепции российской полиментальности», разработанной автором, рассматриваются идеологоментальные социальные группы в современной России (православные верующие, коллективистско-просоциальные, индивидуалистско-либеральные и др.). Отмечается происходящий поворот от имплицитной прозападного-либеральной идеологии в российской культуре (искусство, образование, СМИ, Интернет) к идентичной российской духовно-нравственной идеологии. Поставлен вопрос о том, какие идеологии предпочитают российскими психологами.

Ключевые слова: идеология, имплицитная идеология, полиментальность, российские менталитеты, идеологический плюрализм, психологический поворот к идентичной российской духовно-нравственной идеологии.

В Конституции РФ записано: «Статья 13.1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (Конституция РФ, 2023, с. 8). Многие наши граждане считают, что это очень «странная» статья, навязана нам американскими советниками после нашего проигрыша в холодной войне. Однако вспомним, что в царской России была устоявшаяся государственная идеология («православие, самодержавие, народность»), при этом 70,8% населения Российской империи (83,4% в Европейской части страны) были православными (1870 г.) (Россия, 1989, с. 86). Тем не менее, в феврале 1917 г., по словам философа В. В. Розанова: «Русь слиняла в два дня. Самое большое – в три» (Розанов, 2021, с. 23). Даже иные видные представители царского двора и церкви вдруг надели красные банты. В СССР была мощная и всеобъемлющая марксистско-ленинская социалистическая идеология, миллионы членов КПСС и ВЛКСМ, однако Советский Союз исчез не так скоропалительно, как царская Россия, но тоже быстро. А мы вот уже более 30 лет живем без государственной идеологии.

Имплицитная идеология

В преамбуле Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г. (Конституция, 2023, с. 3), обозначено отношение российских граждан к прошлому, настоящему и будущему страны, понимание общей судьбы и государственного единства многонационального российского народа, любовь и уважение к Отечеству, названы такие наши ценности-цели, как добро и справедливость, права и свободы, благополучие и процветание России, наконец, отмечены ответственность за нее перед нынешним и будущими поколениями... Этот текст похож на эскиз некоей идеологии. Идеологию современной России закономерно выражают и такие ее государственные атрибуты-символы, как *герб, флаг и гимн*. Гербом снова, как и до 1917 г., стал двуглавый орел с коронами, скипетром и державой и Георгием Победоносцем, который попирает копьём змия. Этот герб генетически происходит из Древнего Рима и Византии. Государственным флагом стал красно-сине-белый триколор, опять же вернувшийся из царской России. Данные европейские цвета в виде трех горизонтальных прямоугольных полос друг над другом позаимствованы Петром I с флага Голландии. Только порядок расположения цветовых полос иной. Музыка и слова гимна принадлежат советским авторам: композитору и дирижеру А. В. Александрову и поэту С. В. Михалкову. Причем Александров до революции 1917 г. был регентом церковных хоров, в том числе в храме Христа Спасителя в Москве, а в советское время стал художественным руководителем Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной армии, народным артистом СССР, лауреатом Сталинской премии и генерал-майором. Михалков первый вариант текста гимна, победивший на конкурсе в 1943 г., написал вместе с поэтом Г. А. Эль-Регистаном. Однако затем ему уже одному дважды пришлось править текст гимна в связи с Конституцией 1978 г. и Конституцией 1993 г. (Символы и святыни, 2007). По этим правкам гимна можно заметить, как менялась государственная идеология в нашей стране на протяжении второй половины XX в. Из варианта 1970-х исчезли «великая Русь» и «Сталин», зато возникли слова «партия», «коммунизм» (дважды) и удвоился «Ленин». В варианте 1990-х годов дважды звучит «Россия», появились понятия «священная наша держава» и «хранимая Богом родная земля», но не встречаются «партия», «коммунизм» и «Ленин».

Таким образом, идейно-символически и психологически Российская Федерация вернулась во многом к временам Российской империи с ее традициями православия и державности. Даже музыку гимна, оставленного в современной России, в советское время написал человек, происходящий из церковного сословия (Александров), а слова гимна — человек с дворянскими корнями (Михалков). Вместе с тем знамя вооруженных сил РФ остается красным, как в СССР, однако с гербом в виде двуглавого орла. Пожалуй, самым наглядным проявлением возвращения к досоветским дореволюционным традициям стало восстановление, реставрация и строительство православных (и не только) храмов. Вспомним хотя бы воссоздание грандиозного Храма Христа Спасителя в центре Москвы, кошунственно, по-язычески, превращенного в советское время в бассейн. Происходит возвращение к *прежней лексике* и деятельности (*Государственная дума, губернатор, пристав, гимназия, благотворительность, паломничество*

во, официальный праздник Рождества Христова, повсеместные обряды крещения, венчания, отпевания, особое меню для постящихся и т.д.). К этой же тенденции относится и возвращение дореволюционных названий многим переименованным в советское время городам: снова Санкт-Петербург, а не Ленинград, Самара, а не Куйбышев, Екатеринбург, а не Свердловск и т.д., и улицам (например, Тверская, а не Горького в Москве, Офицерская, а не Декабристов в Петербурге).

Формирование современной российской идеологии

Традиционная государственно-патриотическая идеология России в последние годы явственно проявляется в ряде официальных документов. Наиболее четко это продемонстрировал *Указ Президента № 683 от 31 декабря 2015 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»*. В этом документе однозначно говорится о том, что к стратегическим целям обеспечения национальной безопасности относятся: «сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности; сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны» (Указ Президента РФ, 2015). При этом «к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность нашей Родины» (там же). Как видим, *власть обозначила приоритет традиционных духовно-нравственных ценностей и единство всей отечественной истории*.

Однако на практике постулированным государством традиционным российским ценностям часто противостоит духовно-нравственное и финансово-имущественное расслоение нашего общества и пассивность соответствующих чиновников. При этом в любом большом социуме, ранее – скорее имплицитно, а ныне – все более эксплицитно, в связи с процессами глобализации и всеобщей информатизации, выражает себя явление *полиментальности* – одновременного наличия и функционирования в обществе (социуме) разных исторически сложившихся типов менталитетов. Напомню, что типология менталитетов в моей концепции российской полиментальности (Семенов, 2000, 2015) основывается на базовых философских концептах-ценностях, образующих логический крест: *Бог* – *идол* по вертикальной координате, и *индивид* – *коллектив* по горизонтальной. Поэтому «Бог» выступает как ключевой ценностный концепт, вокруг которого образуются религиозные менталитеты. В России это, прежде всего, *православно-российский менталитет*, которому уже более тысячи лет, а также динамично развивающийся исламский и другие традиционные и нетрадиционные конфессиональные менталитеты. Вокруг ценностного понятия «индивид» («я») складывается прозападный *либерально-капиталистический* менталитет и его варианты, а вокруг понятия «коллектив» («мы») – *коллективистско-социалистический* и другие просоциальные умонастроения. Наконец, понятие «идол» (мамона, инстинкты) выражает древнейшую криминально-

клановую ментальность. Каждому менталитету соответствует определенный *ценностно-ментальный тип личности* (художественную, метафорическую модель российских базовых менталитетов я нашел в образах «*братьев Карамзовых*» из одноименного романа Ф. М. Достоевского) (там же). Эмпирические исследования, проведенные мной и моими коллегами, подтвердили одновременное существование этих менталитетов в российском обществе. Более того, данная типология коррелирует с идеологическими, партийными предпочтениями людей (консервативными, социалистическими, либеральными и др.), которые вырастают из исторических менталитетов.

В современной идеологически плюралистичной России наблюдается *явная и неявная борьба идеологий*. Причем идеология приоритета традиционных российских духовно-нравственных ценностей и патриотической российской идентичности, развиваемая в государственных доктринах национальной безопасности, образования, культуры, увы, *очень слабо проявляется в повседневной деятельности большинства СМИ, учреждений культуры и искусства, в образовательной практике всех уровней, тем более в деятельности Интернета и рекламы* (Российское общество..., 2014; Семенов, 2015). Однако проблемы разделенного русского мира, угнетения (дошедшего до крайних форм военного насилия на Украине) русских, российских, русскоязычных людей, оказавшихся после распада Советского Союза вне Российской Федерации в других государствах, вызвали на государственном уровне самое серьезное внимание к национальной, российской, русской идеологии, идентичности и безопасности. В связи с началом освободительной Специальной военной операции (СВО) начали проявляться позитивные сдвиги в деятельности СМИ, художественной культуре, системе образования и воспитания, развитии патриотических организаций. *Наши исследования показали, что представители коллективистско-просоциального и православного менталитетов составляют большинство наших граждан*. Членов этих групп объединяют ценности справедливости, правды, веры, патриотизма, коллективизма, традиционной и классической русской культуры и языка. Самое большое несогласие и противостояние наблюдается между представителями каждой из названных групп и носителями либерально-индивидуалистического менталитета, для которых характерна выраженная фетишизация денег и глобалистско-прозападные потребительские ценности, *ведущие к утрате гражданско-национальной российской идентичности*. Противоречия между представителями этих менталитетов проявляются на всех «этажах» российского общества (Семенов, 2008, 2015).

Одним из основных препятствий для духовно-нравственного общества социальной справедливости выступает *значительное влияние либералов-западников, в том числе в сфере культуры и искусства, СМИ и рекламы*. Отсюда преобладание американских и отечественных криминальных фильмов и сериалов, изобилующих сценами насилия и жестокости и даже садизма, «героями» которых выступают киллеры, бандиты и маньяки, а также вулгарных примитивных, эксплуатирующих «основной инстинкт», сделанных по образцам все тех же американских кукловодов юмористических и музыкальных шоу. Подобная продукция, по сути, работает на перекодирование индивидуального и общественного сознания, традиционных российских ценностей и норм, в первую

очередь, у молодежи (там же). Российские «школьные стрелки» уже неоднократно по законам подражания и внушения воспроизвели в реальности американский фильм «Колумбайн» и клип рэпера «Оксимирона» о массовом расстреле школьниками своих соучеников... Поэтому неслучайно 02.07.2021 г. вышел Указ Президента № 400 «О стратегии национальной безопасности РФ» (Указ Президента, 2001), в котором повторяются и развиваются положения Указа о стратегии национальной безопасности 2015 г. (Указ Президента РФ, 2015), а 09.11.2022 г., уже в ходе СВО, опубликован *Указ Президента № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»* (Указ Президента, 2022).

Заключение

Анализ показал, что, несмотря на положение Конституции РФ о запрете единой государственной идеологии, навязанном стране в экстремальных условиях начала 1990-х годов, имплицитно подобие такой идеологии существует, что выражается в преамбуле Конституции РФ, в гербе, флаге и гимне России, в Указах Президента о стратегии национальной безопасности РФ и государственной политике по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей и др. СВО и события, связанные с освободительной войной нового типа, коварство и интриги западных правительств и наших бывших славянских «братушек», которые всем скопом устроили нам своеобразную блокаду, обострили *потребность в новой единой патриотической идеологии России*. Тем более после предательского поведения «наших» олигархов и шоу-бизнесменов, так называемых «звезд» и «светских львиц», которые устремились из России на Запад, а также небедных молодых людей, уехавших в Казахстан и Монголию от мобилизации в действующую армию. И всё это в то время, когда простые мужественные молодые и немолодые российские граждане добровольцами пошли сражаться за свободу своих соотечественников с нацистами и иностранными наемниками на Украине. Россия наконец начала освобождаться от более чем 30-летнего западного идеологического либерально-содомического ига и психологического зомбирования нашего сознания при поддержке доморощенных западников-русофобов и пятой колонны. Об этом, в частности, свидетельствует все чаще появляющееся в СМИ слово «русский», чему способствовал и молодой талантливый певец Ярослав Дронов («Шаман»), сочиняющий слова и музыку своих патриотических песен: «Я – русский!», «Моя Россия», «Встанем» и др. Теперь воюющих и погибших героев России мы видим каждый день на телевизионных экранах. Там же начали звучать и русские народные песни...

А что же наши, претендующие на лидерство психологи? Каковы их реакции на происходящее? Кто-то сразу отправил западным коллегам объяснительные и повинные послания о своей непричастности к этой русско-украинской войне, а кто-то в мундире при всех наградах отправился к коллегам на свою родину, в Донбасс. В общем, российские психологи также полиментальны и полиидеологичны, как и наше население, однако разные типы менталитетов и идеологий представлены среди них в других соотношениях. Причем среди универси-

тетских психологов, особенно в больших городах, явно и неявно преобладают представители либерально-прозападного менталитета, что не лучшим образом сказывается на характере обучения и воспитания наших студентов, на их российской духовно-нравственной идентичности. Вместе с тем в последние годы в отечественной психологии все чаще можно встретить и поборников православно-православной психологии, которые сотрудничают с Русской православной церковью. Фактически эти две ментальные группы, как во времена Ф. М. Достоевского, продолжают в наши дни *противостояние «почвенников» и «западников», уже и в психологии*. Все реже обнаруживают себя психологи коллективистско-социалистического менталитета, которые уходят по возрасту. Зато телевидение и другие СМИ пиарят неких «психологов-астрологов» и экстрасенсов, представителей языческо-шарлатанского менталитета. Однако в российском обществе все более заметен отклик на призывы лидеров, выражающих патриотические русские духовно-нравственные ценности, происходит постепенный поворот к своей русской российской культуре и идентичности. А с кем вы, российские психологи?

Литература

- Конституция Российской Федерации. М.: АСТ, 2023.
- Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. СПб.: Азбука, 2001.
- Россия. Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. Петербург, 1898; Л.: Лениздат, 1991 (репринт).
- Российское общество: проблемы социального согласия и развития / Под ред. В. Е. Семенова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2014.
- Семёнов В. Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Социальная психология в трудах отечественных психологов: Хрестоматия / Сост. А. Л. Свенцицкий. СПб.: Питер, 2000. С. 485–492.
- Семёнов В. Е. Российская полиментальность и духовно-политическая ситуация в современной России // Вестник политической психологии. 2008. № 1. С. 24–26
- Семёнов В. Е. Современная Россия в контексте концепции российской полиментальности // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 403–429.
- Символы и святыни Российской державы / Н. А. Соболева, А. Н. Казакевич. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.
- Указ Президента № 683 от 31 декабря 2015 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391/page/4> (дата обращения: 25.10.2023).
- Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности РФ». URL: <https://economy.bashkortostan.ru/documents/active/398153/> (дата обращения: 25.10.2023).
- Указ Президента № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 25.10.2023).

Polymentality and diversity of ideologies in the aspect of Russian identity

V. E. Semyonov

*doctor of psychological sciences, professor, honored scientist of Russia, scientific supervisor,
Center for Political and psychological research, St Petersburg, Russia, vsms88@yandex.ru*

The article deals with the problems of the diversity of ideologies in modern Russia, their connection with Russian history and polymentality. The sources of the state ideology implicitly formed in the country in essence, which is based primarily on the ideological positions and symbols of the pre-revolutionary Russian state, are analyzed. On the basis of the Concept of Russian polymentality developed by the author, the ideological and mental social groups in modern Russia (Orthodox believers, collectivist-prosocial, individualist-liberal, etc.) are considered, the current turn is noted from an implicit pro-Western-liberal ideology in Russian culture (art, education, media, Internet) to an identical Russian spiritual and moral ideology. The question arises: what ideologies are Russian psychologists prefer?

Keywords: ideology, implicit ideology, polymentality, Russian mentalities, ideological pluralism, struggle of ideologies, psychological turn to an identical Russian spiritual and moral ideology.

Мотивация пользования сервисами онлайн-знакомств

Д. А. Шмидт

выпускница аспирантуры Московского гуманитарного университета,
индивидуальный предприниматель, психолог-исследователь, Москва, Россия,
dariashmidt@mail.ru

В статье по результатам 10 глубинных интервью с пользователями сервисов онлайн-знакомств уточняется содержание основных типов мотивации, выявленных в ходе предыдущего этапа исследования – опроса 6747 пользователей. Показано, что структура мотивации является сложным, многослойным феноменом, уникальным для каждого респондента, в ней выделяются основные и второстепенные мотивы, общие и частные, осознаваемые и неосознанные. В процессе поиска партнера отдельные мотивы могут усиливаться и ослабевать. Пользование сервисами онлайн-знакомств способствует формированию потребительского отношения к потенциальному партнеру с акцентом на привлекательной внешности и материальном положении. Гипотеза о наличии «парадокса выбора» подтвердилась частично: обилие потенциальных партнеров действительно может приводить к откладыванию реальных свиданий, однако субъективное восприятие ограниченности временного ресурса, а также некоторые настройки приложений для знакомств, напротив, ускоряют выбор.

Ключевые слова: мотивация онлайн-знакомств, онлайн-знакомства, приложения для знакомств, брачный партнер, сексуальный партнер, цифровая революция, виртуальная реальность, цифровое поведение, психологические аспекты цифровизации, парадокс выбора.

Технологии интернет-знакомств как неотъемлемая часть романтического и добрачного поведения давно стали объектом изучения в рамках социальной психологии и социологии. В отечественных и зарубежных работах рассматривается специфика виртуальных знакомств и отношений на расстоянии (Деменчук, 2019; Koike, Loughnan, 2021), а также психологические особенности безопасного поведения при виртуальном общении (Шершнева, 2019). Множество работ посвящено мотивам и процессу выбору партнера в сервисах знакомств (Мельников, Косарева, 2017), в частности, изучаются гендерные различия (Schmitt et al., 2021).

Показано, что активное использование технологий онлайн-знакомств обезличивает пользователей, формирует потребительское отношение к потенциальному партнеру, сдвигая выбор в сторону его визуальных характеристик, что не способствует созданию по-настоящему близких отношений в па-

ре (Vleeyer, 2014). Кроме того, обилие пользователей создает «парадокс выбора» (Шварц, 2005), и реальные свидания откладываются на неопределенный срок из убеждения, что всегда найдется более подходящий вариант.

Наши предыдущие исследования пользователей сервиса онлайн-знакомств показали, что мотивация регистрации на подобных сервисах является не слишком стабильным конструктом, так как предпочтения респондентов, во-первых, динамичны, а во-вторых, зачастую не слишком четко осознаваемы. Для разных типов пользователей отдельно на мужской и женской подвыборках было выделено от одного до четырех ведущих мотивов регистрации в сервисах знакомств (Воробьева и др., 2022), однако осталось неясным, каким образом могут сочетаться разные типы мотивации.

Цель исследования заключалась в уточнении содержания основных типов мотивации пользования сервисами онлайн-знакомств.

Задачи исследования:

1. Получить интерпретацию респондентами разных типов мотивации пользования сервисами онлайн-знакомств и выявить возможные сочетания этих типов.
2. Определить, имеет ли место потребительское отношение к потенциальному партнеру с акцентом на его внешних характеристиках.
3. Определить, имеет ли место при использовании сервисов интернет-знакомств «парадокс выбора».

Гипотезы исследования:

1. Один пользователь одновременно может иметь несколько типов мотивации, каждый из которых может усиливаться или ослабляться в процессе поиска партнера.
2. Активное использование сервисов интернет-знакомств формирует потребительское отношение к потенциальному партнеру с акцентом на внешних характеристиках.
3. Обилие выбора потенциальных партнеров в сервисах интернет-знакомств приводит к откладыванию реальных свиданий.

Методика

На предыдущем этапе исследования был проведен онлайн-опрос на платформе SurveyMonkey. Выборка: 6747 респондентов в возрасте 18–59 лет, из них — 3480 мужчин и 3267 женщин. Респондентами выступили вновь зарегистрированные пользователи одного из российских сервисов онлайн-знакомств, которые за участие в опросе получали вознаграждение в баллах данного сервиса. Анкета опроса включала в себя опросник мотивации использования сервиса знакомств (Tinder Motives Scale) в адаптации А. Е. Воробьевой, Д. А. Шмидт, Т. А. Нестика (Воробьева и др., 2022), опросник личностных черт (Краткий опросник Большой пятерки (Р. Маккрэ, П. Коста) в адаптации Т. В. Корниловой, М. А. Чумаковой) (Корнилова, Чумакова, 2016), а также социально-демографический блок вопросов (пол, возраст, брачно-романтический статус, материальное по-

ложение, размер населенного пункта). Статистическая обработка данных проводилась с использованием IBM SPSS Statistics v. 23.

В ходе текущего этапа исследования были проведены глубинные интервью с пользователями сервисов онлайн-знакомств. Выборка составила 10 чел. в возрасте от 23 до 48 лет, из них 3 мужчины и 7 женщин. Все респонденты за последние два года пользовались несколькими сервисами онлайн-знакомств, а также оффлайн-методами знакомства.

Результаты

Мотивация *поиска серьезных отношений* является наиболее выраженной у респондентов количественного опроса, ее среднее значение по всей выборке составляет 5,00 баллов по 7-балльной шкале (5,19 балла в женской подвыборке и 4,82 балла в мужской). У шести из восьми мужских типов пользователей и у шести из девяти женских типов мотивация поиска серьезных отношений набирает более 5 баллов (Шмидт, Воробьева, 2022).

В ходе глубинных интервью обнаружилось, что респонденты, для которых ключевая цель пользования сервисами онлайн-знакомств — создание семьи, параллельно используют несколько источников поиска партнера в том числе оффлайн (speed-dating, содружества по интересам, массовые мероприятия, знакомства через родственников и друзей).

Для пользователей с выраженной мотивацией поиска серьезных отношений сервисы онлайн-знакомств воспринимаются как не слишком приятный, но неизбежный инструмент достижения цели, к нему обращаются далеко не в первую очередь, когда остальные источники уже испробованы. Драйверами использования сервисов онлайн-знакомств являются:

- а) отсутствие подходящих партнеров или малое число людей противоположного пола в круге общения:
«В реальной жизни из-за работы я мало общаюсь в обществе, поэтому сайты знакомств полезны» (мужчина, 48 лет);
- б) отсутствие информации о мотивации визави в повседневной жизни, понимание, кто из потенциальных партнеров является свободным и кто также нацелен на серьезные отношения:
«Сервисы интернет-знакомств — место, в котором ты сразу можешь увидеть, что человеку это тоже надо, а в обычной жизни ты этого не увидишь... Этой зимой на катке ВДНХ всем желающим выдавали значки, сердечки „Я в активном поиске“. По сути сервисы — такое же место с метками» (женщина, 36 лет);
- в) нежелание нарушать комфорт социального взаимодействия в сложившихся коллективах:
«У меня достаточно много разных тусовок, но везде „френдзона“. Приятное общение не нужно опоясывать сексом. Но всё равно мне проще просто знакомиться вживую, потому что сразу видишь человека» (женщина, 45 лет).

Барьерами использования сервисов онлайн-знакомств являются:

- а) убеждение, что этот способ поиска партнера неестественен и в какой-то мере постыден; что, регистрируясь на сервисах знакомств, человек признает себя не в состоянии найти партнера «нормальным» способом:
«У меня отторжение онлайн-знакомств было долго — что это натягивать сову на глобус, все должно быть натурально, люди должны познакомиться на улице, руками соприкоснуться, романтика в голове была» (женщина, 32 года);
- б) необходимость перебирать множество вариантов в поисках подходящего;
- в) несоответствие заявленных характеристик пользователей реальным (чаще всего в начале переписки потенциальный партнер декларирует поиск серьезных отношений, а при встрече демонстрирует исключительно сексуальные намерения);
- г) опасение за собственную безопасность, конфиденциальность данных.

Мотивация *«Расширение круга знакомств»* по результатам количественного опроса оказалась на втором месте по степени выраженности — в среднем на 4,43 балла (4,47 в мужской подвыборке и 4,40 — в женской). Однако для респондентов глубинных интервью данная мотивация является второстепенной, только один из них указал, что целенаправленно ищет девушек для совместных занятий спортом, так как в его спортивном сообществе преобладают мужчины.

Расширение круга знакомств для многих пользователей становится побочным эффектом поиска серьезных отношений. Несколько участников глубинных интервью на протяжении многих лет продолжают дружеское общение с пользователями сервисов знакомств, что оценивается положительно, но воспринимается как далеко не самый важный результат.

«В Tinder можно написать, что ищешь собутельника. Ко мне приходили с корзинами, цветами, вином, это была бомба. А мне просто поговорить нужно было» (женщина, 43 года).

На третьем месте по степени выраженности находится мотивация *«Поиска сексуальных отношений»*, в среднем по выборке она набирает 3,26 балла (4,08 у мужчин и 2,39 у женщин). Более высокая выраженность мотива у мужчин подтверждается тем, что из 3 мужчин, принявших участие в глубинных интервью, двое ориентированы на поиск не брачного партнера, а именно продолжительных сексуальных отношений.

По оценкам участников глубинных интервью, современные сервисы онлайн-знакомств в большей степени нацелены именно на поиск сексуальных партнеров, более того, некоторые сервисы изначально были ориентированы исключительно на сексуальные отношения, и лишь потом в них появилась возможность поиска брачного партнера или компании для хобби. Расширение функционала еще раз подтверждает сложность и многоплановость феномена мотивации пользования сервисами знакомств.

Респонденты, нацеленные на удовлетворение сексуальных потребностей, чаще всего не прибегали к дополнительным источникам поиска, так как в больших городах выбор потенциальных партнеров достаточен. В небольших населенных пунктах возможности существенно снижаются, особенно это касается менее распространенных сервисов онлайн-знакомств (например, Pure).

«В Москве у меня бац — 500 лайков. Я думаю: как же в вас всех разобраться? А на выходных была в одном областном центре, зашла в Pure — два человека, два лайка» (женщина, 45 лет).

Выраженность мотивации «Социальное признание» в целом по выборке составляет 3,15 балла (3,28 у женщин и 3,02 у мужчин). По оценкам участников глубинных интервью, данная мотивация часто является неосознанной и является только в ситуации подробного обсуждения (которым и является интервью). Потребность в социальном признании может быть вызвана давлением родственников и друзей, реже — внутренним убеждением, что без брачного партнера человек является неполноценным членом общества (которое, в свою очередь, формируется под влиянием значимых других и произведений массовой культуры). Респонденты замечают, что со временем интенсивность этого убеждения меняется, оно может ослабевать и снова усиливаться в зависимости от успехов не только в романтических отношениях, но и в профессиональной сфере.

«Двоюродные сестры заиклены на отношениях, постоянно говорят, что я ни с кем не познакомлюсь, если буду всех отвергать» (женщина, 23 года).

«В сериале „Гордость и предубеждение“ младшая сестра быстрее выскочила замуж, они входят в дом, и младшая говорит: „А куда вы пошли? Я первая теперь вхожу“, — потому что у нее другой статус. И я это тоже чувствую; я сама себе это придумала» (женщина, 36 лет).

«Когда меняла работу, получала образование, было много переживаний. Тогда я отношений не искала. Сейчас, когда всё устаканилось, появляется мысль, что, если сидеть дома, очень мала вероятность кого-то встретить» (женщина, 31 год).

Мотивация «Развлечение» в целом по выборке набирает 2,81 балла (2,87 в мужской подвыборке и 2,76 — в женской). В адаптированном русскоязычном опроснике эта шкала представлена пунктами «от нечего делать», «ради развлечения» и «чтобы отвлечься на учебе/работе», однако ни у одного из участников глубинных интервью данный мотив не присутствовал. Напротив, выбор партнера представляется сложной, ресурсоемкой задачей, приравнивается к работе. Возникает потребность в сокращении времени и усилий на поиск, в автоматизации процесса.

«Коллега вышла замуж за парня с сайта знакомств. Она сидела там почти 4 года без перерыва. Много общалась, ходила на свидания, и так 4 года, для меня это что-то невообразимое!» (женщина, 31 год).

«Покупается безлимитка в Tinder, ставишь автокликер и просто всех кликаешь [как понравившихся]. Если тебе написали первому, просто космос, ты уже выбираешь, с кем совпало: эту в блок, а этой напишу» (мужчина, 32 года).

Можно предположить, что небольшое количество глубинных интервью не позволяет выявить весь спектр мотивации пользования сервисами онлайн-знакомств. По-видимому, мотивация развлечения более распространена в курортных регионах, о чем сообщила одна из участниц исследования:

«В Сочи кому-то нужно найти компанию для отпуска. Место проживания не всегда в Tinder корректно отображалось, или не все обновляют его, но у кого-то написано „живет в городе Москва“. Может, человек уже переехал, но целесообразно уточнить» (женщина, 36 лет).

Мотивация «*Расставание с бывшим*» в целом по выборке набирает 2,59 балла (2,61 в женской подвыборке и 2,56 – в мужской). Несколько участников глубинных интервью отметили, что в разные периоды времени данная мотивация у них присутствовала, однако точные формулировки несколько отличались от формулировок шкалы опросника («чтобы забыть своего бывшего/свою бывшую» и «чтобы отвлечься от мыслей о бывшем/бывшей»). Респонденты указывали, что стремились поскорее найти другого человека, чтобы заполнить образовавшуюся пустоту и удовлетворить потребность в близких отношениях:

«Если меня кто-то кидает, или что-то не получилось с партнершей, я выхожу на сайты знакомств не для того, чтобы забыть, а для того, чтобы другого человека найти» (мужчина, 48 лет).

«*Материальная мотивация*» набирает в целом по выборке 1,86 балла (1,93 в женской подвыборке и 1,78 – в мужской), что обусловлено формулировками опросника («чтобы улучшить свое материальное положение» и «чтобы получить выгоду»), нацеленными на выявление специфической группы пользователей, для которых сексуальные и романтические отношения являются способом заработка. При этом респонденты, нацеленные на серьезные отношения, также фильтруют кандидатов по финансовому признаку, отдавая предпочтение успешным людям с крепким материальным положением. Таким образом, материальная мотивация для них носит частный характер, являясь составляющей частью более общей мотивации поиска брачного партнера, но, заполняя опросник, эти респонденты не стали бы отмечать целью получение выгоды, так как это не является социально желательным ответом.

«Мужчина должен чуть больше зарабатывать, чтобы чувствовать себя главой семьи, но, если одинаковый доход, тоже нормально. Безработных я сразу отметал. Богатых и избалованных тоже» (мужчина, 38 лет).

«Каждой девушке хочется парня более обеспеченного. Что в этом плохого? Но я никогда не начинала знакомство с того, что мне нужны деньги и помощь» (женщина, 29 лет).

«Я себя чувствую недостаточно устроенной в жизни, мне во всем нужен помощник» (женщина, 36 лет).

«Нормально отношусь к тому, что девушка более обеспеченная, у меня было так, что девушка оплачивала совместный отдых... Да, я хотел бы жить с богатой» (мужчина, 32 года).

Результаты исследования показали, что имеет место потребительское отношение к потенциальному партнеру: часть респондентов это осознает и проговаривает, другая часть неосознанно транслирует такое отношение, описывая подходящего партнера через набор четко заданных параметров, среди которых ключевым, помимо материального положения, является внешняя привлекательность. Акцент на внешность во многом обусловлен несоответствием между характеристиками пользователей в анкетах и реальными.

«В онлайн люди как в магазине: идешь направо и налево, подходит, не подходит, люди как товар» (женщина, 36 лет).

«Конечно, только по фотографии и выбираешь, потому что в анкетах люди про себя пишут неправду» (мужчина, 38 лет).

«Девушки сначала смотрят на лицо, потом на одежду, выбирают глазами» (женщина, 29 лет).

«Девушка должна быть стройной, полную рассматривать не буду» (мужчина, 32 года).

Некоторые респонденты действительно наблюдают «парадокс выбора» на своем примере или примере знакомых. Другие, напротив, считают, что для откладывания реальных свиданий нет предпосылок. Второго мнения придерживаются респонденты старше 30 лет, ориентированные на поиск брачного партнера и планирующие в ближайшие несколько лет заводить детей.

«У меня много знакомых, которым 40, они кинулись создавать семью, а нет никого» (женщина, 45 лет).

«Чем старше становишься, тем выбор меньше, и нужно шевелиться, а не ждать, что кто-то идеальный, для тебя созревший, тебя найдет» (женщина, 32 года).

Респонденты назвали еще два фактора, противодействующих «парадоксу выбора»: ограниченное число лайков для одного пользователя в день (в бесплатных версиях приложений) и ограничение времени реакции на лайк противоположного пола (например, в приложении Pige мужчина может ставить лайки, но начать переписку может только женщина и только в течение 24 часов с момента получения лайка).

Заключение

Исследование показало, что структура мотивации пользования сервисами онлайн-знакомств является сложным, многослойным феноменом, уникальным для каждого респондента. В целом в структуре мотивации выделяются основные мотивы (например, поиск супруга или партнера для сексуальных отношений) и второстепенные (например, расширение круга знакомств или социальное признание); общие (поиск супруга) и частные (материальная мотивация); рациональные, осознаваемые (удовлетворение сексуальных потребностей) и неосознанные, порой навязанные окружением (например, социальное признание). В процессе поиска партнера значимость отдельных типов мотивации может усиливаться или ослабевать в зависимости от множества факторов: успешности взаимодействия с другими пользователями сервисов, реакций близкого окружения, событий в профессиональной и других сферах жизни.

Гипотеза о том, что активное использование сервисов онлайн-знакомств формирует потребительское отношение к потенциальному партнеру, подтвердилась данными глубинных интервью: метафорой процесса поиска становится супермаркет, где потенциальный партнер конкурирует с множеством других по перечню характеристик, среди которых на первое место выходят привлекательная внешность и материальная обеспеченность.

Гипотеза о наличии «парадокса выбора» подтвердилась частично, по-видимому, на скорость перехода от виртуального взаимодействия к реальному, помимо некоторых функциональных ограничений сервисов для знакомств, влияет горизонт планирования пользователей и их субъективное восприятие ограниченности временного ресурса.

В качестве перспектив развития данного исследования можно отметить изучение структуры мотивации пользования сервисами онлайн-знакомств и проверку гипотезы о наличии «парадокса выбора» на количественных данных.

Литература

- Воробьева А. Е., Несстик Т. А., Шмидт Д. А.* Русскоязычная адаптация методики диагностики мотивов пользования сервисами онлайн-знакомств // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 2 С. 75–88. doi: 10.31857/S020595920024909-5.
- Деменчук А. В.* Мобильные приложения для знакомств: трансформация интимности // Социальная реальность виртуального пространства: Материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет / Под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. 2019. С. 157–160.
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А.* Апробация краткого опросника Большой пятёрки (ТРИ, КОБТ) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. С. 5. doi: 10.54359/ps.v9i46.480.
- Мельников Е. Г., Косарева Е. П.* Гендерные различия в выборе партнера в рамках мероприятия формата «speed-dating»: опыт эмпирического исследования // Управление социально-экономическими системами: теория, методология, практика: Сборник статей II Международной научно-практической конференции. 2017. С. 207–210.
- Шершнева Т. В.* Психологические особенности безопасного поведения при виртуальном общении // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 2 (83). С. 80–85.
- Шварц Б.* Парадокс выбора. Почему «больше» значит «меньше». Пер. с англ. М.: Добрая книга, 2005.
- Шмидт Д. А., Воробьева А. Е.* Типы российских пользователей сервисов интернет-знакомств: мотивация и личностные черты // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022. Т. 7. № 2. С. 119–139. doi: 10.38098/ipran.opwp_2022_23_2_005.
- Bleyer J.* Love the one you're near // Psychology Today. 2014. № 47 (4). P. 36.
- Koike M., Loughnan S.* Virtual relationships: Anthropomorphism in the digital age // Soc. Personal Psychol Compass. 2021. V. 15. P. 126–203. doi: 10.1111/spc3.12603.
- Schmitt D., Shackelford T., Buss D.* Are men really more “oriented” toward short-term mating than women? // Psychology, Evolution and Gender. 2021. № 3 (3). P. 211–239. doi: 10.1080/14616660110119331.

Motivation for online dating services usage

D. A. Schmidt

postgraduate of Moscow University for the Humanities, a self-employed entrepreneur, research psychologist, Moscow, Russia, dariashmidt@mail.ru

Based on the results of 10 in-depth interviews with users of Internet dating services, the article clarifies the content of the main types of motivation identified at the previous stage of the study (a survey of 6747 users). It is shown that the structure of motivation is a complex, multi-layered phenomenon, unique for each respondent, consisting of principal and secondary motives, general and particular, conscious and unconscious. Some motives can increase and decrease during the process of a partner search. Internet dating services usage forms a consumer attitude towards a potential partner with an em-

phasis on attractive appearance and financial state. The hypothesis about the “paradox of choice” was partially confirmed: the abundance of potential partners can postpone real dates, but the conviction that the resource of time is limited, as well as some dating apps settings, on the contrary, accelerate the choice.

Keywords: online dating motivation, online dating, dating apps, marriage partner, sexual partner, digital revolution, virtual reality, digital behavior, psychological aspects of digitalization, the paradox of choice.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ЕЕ ОТРАСЛЕЙ

Сборник научных трудов

doi: 10.38098/conf_23_0468

Редактор – *О. В. Шапошникова*

Оригинал-макет, обложка и верстка – *В. П. Ересько*

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1

Тел.: +7 (495) 540-57-27

www.ipran.ru

E-mail: vbelop@mail.ru

Сдано в набор 10.11.23. Подписано в печать 07.12.23. Формат 70×100/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура NewtonС

Уч.-изд. л. 55,75. Усл.-печ. л. 60,85. Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6

